СОЧИНЕНІЯ Г. З. ЕЛИСЕЕВА.

по об. не выдается

СОЧИНЕНІЯ

Г. З. ЕЛИСЕЕВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

и

ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

Н. МИХАЙЛОВСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская улица, Мамоновскій переулокъ, свой домъ.

1894.

2 шк

БИБЛИОТЕКА
КОМИС[illegible] СТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

3360
25

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Григорій Захаровичъ Елисеевъ. Вступительная статья Н. Михайловскаго. . . . . .
Наказъ императрицы Екатерины о сочиненіи проекта новаго уложенія. 1
Крестьянскій вопросъ 51
Когда благоденствовалъ русскій мужикъ и когда начались его бѣдствія? 85
Теорія соціальнаго вопроса. 127
Плутократія и ея основы. 153
Храмъ современнаго счастія или проектъ положенія объ акціонерныхъ обществахъ . . . 189
Крестьянская реформа. 223
Внутреннее обозрѣніе . . . . . .

МАРТЪ 1875.—Консервативныя начала.—Различные типы охранителей.—Некрологъ М. Н. Лонгинова.—Рѣчи на обѣдахъ въ честь предводителей дворянства въ Москвѣ.—Настроеніе общества при началѣ крестьянской реформы, и теперь.—Предположенныя перемѣны относительно съѣздовъ сельскихъ учителей.—Отношеніе полиціи къ раскольникамъ.—Судебные процессы въ Калугѣ и Москвѣ.—Предположенія о расширеніи свободы вѣроисповѣданія для раскольниковъ 303

АПРѢЛЬ 1875.—Дѣло Овсянникова.—Облизывающіеся по поводу его адвокатуры.—Мой разговоръ съ адвокатомъ-племянникомъ.—Плутократическія стремленія въ современной молодежи.—Реклама „Московскихъ Вѣдомостей“ о П. Г. фонъ-Дервизѣ.—Мартовская революція въ обществѣ взаимнаго кредита 335

МАЙ 1875.—Указаніе причинъ, въ силу которыхъ плоды народнаго труда пропадаютъ напрасно, составленное на основаніи извѣстій газетныхъ корреспондентовъ за первую треть нынѣшняго года: климатъ,—чума,—дикіе звѣри,—эксплуатація чиновниковъ,—эксплуатація посредствомъ обмана,—эксплуатація посредствомъ кредита.—Неустройство въ земскомъ хозяйствѣ:—отсутствіе правильной оцѣнки имуществъ,—неправомѣрное распредѣленіе земскихъ сборовъ,—вольности и прихоти земства.—Отвѣтъ г. Полетикѣ относительно выборовъ 17-го марта въ обществѣ взаимнаго кредита 381

ІЮНЬ 1875.—Характеристическія черты русскаго прогресса: *обложенія и ломка.*—Мелкія обложенія, проектируемыя въ силу философіи о ничтожности копейки, разными патріотизмами, какъ-то: земскимъ, промышленно-горнозаводскимъ, путейскимъ и т. п.—Грандіозные проекты: сѣть шоссейныхъ дорогъ въ 17,000 верстъ, сибирскій университетъ и другіе.—Обложенія въ городѣ Петербургѣ.—Положеніе петербургскаго жильца.—Нынѣшнее городское представительство.—Его некомпетентность; промахи и злоупотребленія.—Возможность коррупціи.—Одесское городское управленіе.—Необходимость привлечь жильца къ участію въ городскомъ управленіи.—Предполагаемыя улучшенія въ хозяйственной общинѣ и въ устройствѣ волостнаго управленія.—Дѣйствительно ли можно признать ихъ улучшеніями и настоитъ ли вообще въ настоящее время нужда касаться общиннаго и волостнаго устройства?—Взглядъ современной Европы на хозяйственную общину. 425

ІЮЛЬ 1875.—Быстрые скачки нашей журналистики.—Новое время журналистики: periodus Baïtacoviana.—Интимная бесѣда одного издателя съ г. Коршемъ.—Журнальная лавочка съ выкрикиваніемъ „пятакъ за строчку“.—Внезапное вышвыриваніе сотрудниковъ на улицу.—Самовластіе издателей и ничтожество журналистовъ.—Необходимость журнальной артели и въ чемъ она можетъ быть полезна 474

СЕНТЯБРЬ 1875.—Эмсъ и россіяне.—Разговоръ о дѣлѣ Овсянникова.—Вопросъ о производительности для Россіи тратъ, которыя дѣлаются русскими за границей.—Сравненіе германскихъ нравовъ съ нашими.—Наши безобразники не чиновные и чиновные.—*Темныя* при петербургскихъ полицейскихъ частяхъ.—*Дикія* дани, собираемыя управленіями желѣзныхъ дорогъ—*главнаго общества* съ пассажировъ, отправляющихся за границу, *сестрорѣцкой*—съ товароотправителей.—Происшествіе на оренбургской желѣзной дорогѣ. 491

ОКТЯБРЬ 1875.—Мнѣніе одного отставнаго чиновника о современномъ прогрессѣ и о томъ, какъ этотъ прогрессъ проявляется въ жизни,—въ земствѣ,—въ судебныхъ и другихъ учрежденіяхъ,—въ адвокатурѣ, въ отношеніи современнаго общества къ дѣлу,—въ крестьянскомъ вопросѣ,—въ литературѣ.—Творящій хаосъ и сила вещей.—Учрежденіе коммиссіи по вопросу о переселеніи крестьянъ.—Статья „Московскихъ Вѣдомостей“ по поводу этого извѣстія.—Еще нѣсколько словъ о сибирскомъ университетѣ 515

НОЯБРЬ 1875.—„Русскія Вѣдомости“ и вопросъ о переселеніи крестьянъ.—Шаткость нашихъ финансовъ отъ аграрнаго неустройства.—Крушеніе ссуднаго коммерческаго банка въ

Стр.

Москвѣ; поведеніе бывшихъ заправителей этого банка по отношенію къ публикѣ во время катастрофы. - Можно ли считать болѣе благонадежными наши поземельные банки?—Отказъ Н. Н. Пантелѣевымъ 900,000 р. на выкупъ крестьянъ Порховскаго уѣзда.—Передѣлы крестьянскихъ общинныхъ земель; газета „Еженедѣльникъ"; мнѣніе съѣзда харьковскихъ землевладѣльцевъ о преобразованіи крестьянской общины въ земледѣльческую артель и проектъ организаціи такой артели.—Выгоды для земледѣлія отъ такого преобразованія 553

ДЕКАБРЬ 1875.—Бѣгство семинаристовъ изъ семинарій въ университеты и лицеи.—Причины этого бѣгства.—Какъ можно устранить ихъ, и чѣмъ вообще можно поднять наше духовенство.—Овсянниковскій процессъ.—Сравненіе суда, основывающагося на формальныхъ доказательствахъ, съ судомъ присяжныхъ.—Превосходство послѣдняго.—Роль обвиненія и защиты при судѣ присяжныхъ.—Защита въ Овсянниковскомъ процессѣ 585

ЯНВАРЬ 1876.—Успѣхи спиритизма въ Петербургѣ.—Составившееся противъ него ополченіе.—Сравненіе нынѣшняго состоянія Тверской губерніи съ бывшимъ назадъ тому сто лѣтъ.—Кабаки.—Взглядъ на нихъ министра финансовъ и городскихъ и земскихъ самоуправленій.—Недоразумѣнія и волненія по поводу министерскихъ циркуляровъ.—Рутина министерскихъ канцелярій.—Пожертвованіе г. Боровиковскаго 615

ФЕВРАЛЬ 1876.—Дѣло Кронеберга.—Желѣзныя дороги.—Оскорбленіе личности.—Воровство.—Хаосъ и безпорядокъ въ товароотправленіи.—Кочеванья въ степи.—Крушеніе поѣздовъ. Тилигульская катастрофа.—Смыслъ ея для Россіи. 637

МАРТЪ 1876.—Либеральные книжные магазины въ Петербургѣ.—Ихъ неустойчивость.—Отбытіе А. Ѳ. Базунова въ чужіе края.—Магазины на солнечной сторонѣ Невскаго Проспекта: Тиблена, Кожанчикова. Матвѣй Яковлевичъ Свириденко.—Магазины; Звонарева, Черкесова.—Авторы-издатели книгъ и иногородные подписчики.—Какъ гарантировать иногородныхъ подписчиковъ отъ хищничества книгопродавцевъ 661

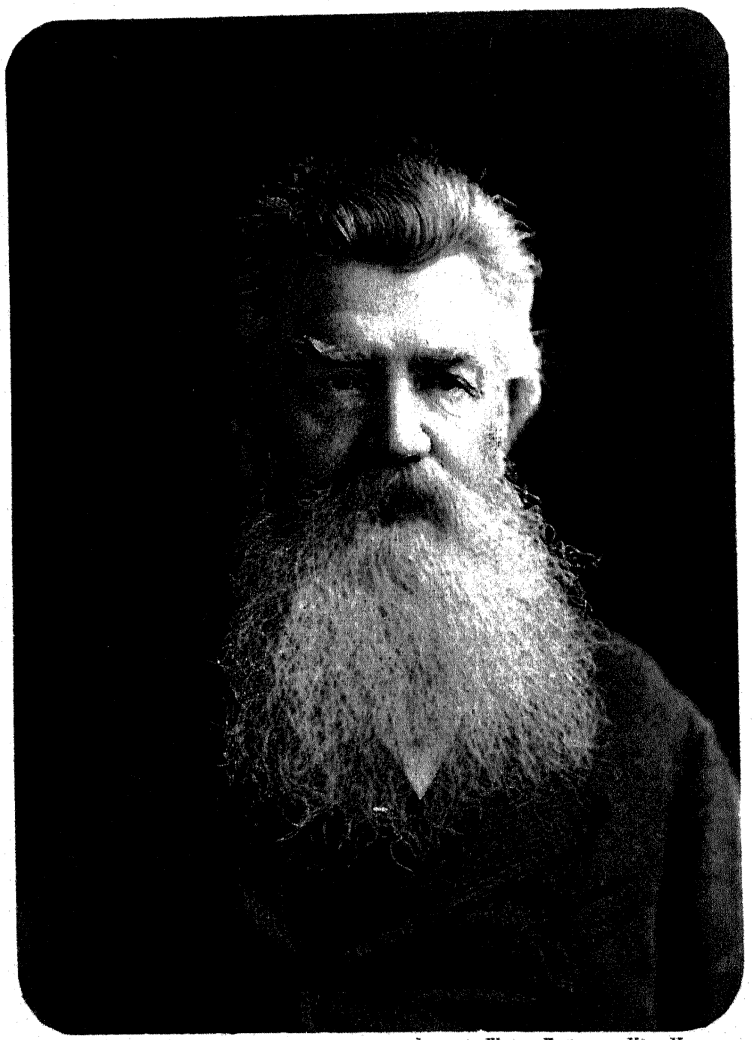
АПРѢЛЬ 1876.—Прокламація, обнародованная коммиссіей для изслѣдованія медіумическихъ явленій. Характеръ изслѣдованій коммиссіи и результаты, ею добытые.—Коммиссія, занимающаяся разработкой вопроса о высшемъ женскомъ образованіи.—Вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи вообще.—Результаты, къ которымъ пришла коммиссія.—Женщины, получившія дипломы докторовъ медицины въ иностранныхъ университетахъ и болѣе трехъ лѣтъ экзаменуемыя въ Россіи на степень ученыхъ акушерокъ.—Недопущеніе г-жи Кашеваровой-Рудневой къ защитѣ докторской диссертаціи.—Сочувствіе г. министра народнаго просвѣщенія высшему женскому образованію.—Необходимость введенія въ женскія гимназіи полной программы мужскихъ гимназій. — Необходимость обязательнаго народнаго образованія. — Дѣло г. Крестовскаго 683

МАЙ 1876.—Возможна ли популярность въ Россіи.—Ю. Ѳ. Самаринъ; его характеристика, отношеніе къ нему русскаго общества; рѣчи гг. Кояловича и Аксакова.—М. П. Погодинъ; его характеристика; рѣчь гг. Кошелева.—Графъ А. П. Шуваловъ; представители извознаго промысла при его погребеніи.—Рѣчи на могилѣ П. М. Леонтьева.—А. П. Щаповъ.—Дѣятельность его въ Казани, въ Петербургѣ, отправленіе въ Иркутскъ.—Ольга Иванова Щапова; ея характеристика и вліяніе на Щапова. — Крайняя бѣдность Щаповыхъ въ Иркутскѣ, смерть жены и мужа 709

ІЮЛЬ 1876.—Походъ „Судебнаго Вѣстника" на защиту адвокатовъ.—г. Утинъ—новый типъ въ нашей адвокатурѣ.—Рѣчь его за Каирову.—Предвосхищенный мною образчикъ будущей его рѣчи по дѣлу московскаго ссуднаго коммерческаго банка.—Кто были члены совѣта и правленія этого банка и какъ выбирались?—Необходимость возможно лучшаго разчлененія дѣла проваливщагося московскаго банка, въ виду плохого состоянія вообще нашего банковаго дѣла.—Г. Спасовичъ—историческій человѣкъ; необходимость дословнаго стенографированія его рѣчей.—Кой-что о нашемъ обществѣ и литературѣ 747

ОКТЯБРЬ 1876.—Расхищеніе земскихъ сундуковъ въ пользу славянъ.—Усердіе исправниковъ и становыхъ въ собираніи пожертвованій для славянъ.—Банкрострво хвалынскаго земства и его жертва въ пользу славянъ.—Отношеніе славянскаго комитета къ земскимъ сундукамъ.—Позволительно ли и даже нужно ли раздавать земскія деньги славянамъ?—Отсутствіе всякаго порядка и мотовство въ употребленіи собираемыхъ на славянъ пожертвованій какъ въ Сербіи, такъ и у насъ въ Россіи.—Книга Скэйлера о Туркестанѣ.—Брошюра Лазаревскаго о волкѣ.—Содѣйствіе нашихъ земствъ къ распространенію у насъ волковъ. 771

ДЕКАБРЬ 1876.—Появленіе софтъ въ Россіи.—Софта въ образѣ жителя-корреспондента изъ Уразовой слободы.—Софта въ московскомъ артистическомъ клубѣ въ образѣ Давыдова.—Участіе софтъ въ банкротствѣ Ѳ. П. Байкова.—Смуты, производимыя софтами въ русскомъ обществѣ относительно славянскаго вопроса: вопросъ о присоединеніяхъ, черняевскій вопросъ. 795



Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К^о въ Москвѣ.

Григорій Алексѣевъ.

Григорій Захаровичъ Елисеевъ *).

I.

Въ своемъ завѣщаніи покойный Григорій Захаровичъ Елисеевъ предоставилъ мнѣ выборъ его сочиненій, печатныхъ и рукописныхъ, для изданія, если бы таковое состоялось. Въ силу этого посмертнаго распоряженія, ко мнѣ поступили и всѣ его бумаги. Я былъ глубоко тронутъ тѣмъ пунктомъ завѣщанія, которымъ покойный вручалъ мнѣ судьбу своего литературнаго багажа. Былъ я, кромѣ того, чрезвычайно заинтересованъ и самымъ этимъ багажомъ, поскольку онъ мнѣ былъ неизвѣстенъ, то-есть оставшимися послѣ покойнаго рукописями и перепиской. И для этого интереса, и для растроганности моей были особые резоны.

Несмотря на большую разницу лѣтъ, мы были когда-то близкими пріятелями съ Елисеевымъ. Но, съ 1873 или 1874 года мы стали встрѣчаться, благодаря одному совершенно постороннему обстоятельству, только въ редакціи *Отечественныхъ Записокъ*. Въ 1881 г. Елисеевъ долженъ былъ, по болѣзни, уѣхать за границу, откуда вернулся въ Россію уже послѣ закрытія *Отечественныхъ Записокъ*. Нѣкоторое время онъ жилъ въ Твери, въ Крыму, нѣкоторое время и я жилъ внѣ Петербурга, а когда мы оба очутились опять въ сѣверной столицѣ, то, за отсутствіемъ такого обязательнаго сборнаго пункта, какъ редакція журнала, встрѣчались только у Салтыкова. Со смертію Салтыкова прекратились и эти рѣдкія и случайныя свиданія. Однако, два раза за это время я былъ, по его приглашенію, у Елисеева на квартирѣ, оба раза по чисто-литературнымъ дѣламъ. Въ личномъ смыслѣ мы были совсѣмъ чужіе другъ другу люди. Я никогда не переставалъ глубоко уважать и любить Григорія Захаровича и имѣлъ всѣ основанія думать, что, несмотря на пробѣжавшую между нами черную кошку, и его добрыя отношенія ко мнѣ никогда въ существѣ не измѣнялись. Но взаимно-добрымъ чувствамъ нечѣмъ было питаться: я, можно сказать, ровно ничего не зналъ о немъ, онъ очень мало зналъ обо мнѣ. Это не мѣшало, однако, каждому изъ насъ оставаться тѣмъ, чѣмъ мы были во времена нашей дружбы и общей работы въ *Отечественныхъ Запискахъ*. А отсюда происходили любопытныя совпаденія мыслей, подтверждающія поговорку: сердце сердцу вѣсть даетъ.

Въ концѣ 1885 г. я, утомленный невольною праздностью послѣ закрытія *Отечественныхъ Записокъ*, сдѣлалъ большую ошибку: сталъ работать въ незадолго передъ тѣмъ основанномъ г-жею Евреиновою *Сѣверномъ Вѣстникѣ*. Работа въ этомъ истинно несчастномъ журналѣ была для меня обильнымъ источникомъ и смѣха, и горя. Я не разъ колебался между надеждою упорядочить журналъ и желаніемъ бѣжать изъ него безъ оглядки. Въ одинъ изъ моментовъ такихъ очень тягостныхъ колебаній, я получилъ отъ Елисеева, помнится, только что пріѣхавшаго изъ Твери, приглашеніе зайти къ нему. Онъ точно читалъ изъ своего далека мои мысли. Да и дѣйствительно читалъ. Опытный журналистъ, притомъ, хорошо знавшій меня, онъ, по составу книжекъ *Сѣвернаго Вѣстника*, не могъ не видѣть, что мои усилія придать журналу извѣстный опредѣленный характеръ разбиваются объ какія-то препятствія. А можетъ быть и

*) Начало этой статьи было уже напечатано въ „Русской Мысли“.

слыхалъ кое-что. Во всякомъ случаѣ, онъ повелъ рѣчь именно о томъ, что составляло мое больное мѣсто. Съ особенною, свойственною ему добродушною насмѣшливостью онъ оцѣнялъ трудность моего положенія въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, распрашивалъ обо всѣхъ подробностяхъ дѣла и, наконецъ, выразилъ мысль, что нельзя ли, дескать, основать свой собственный журналъ. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ выяснилась неудобоисполнимость этой мысли при наличныхъ условіяхъ, и мы опять на нѣсколько лѣтъ разстались съ Григоріемъ Захаровичемъ. Но я убѣдился, что онъ попрежнему интересуется литературой и даже, какъ можно было заключить изъ нѣкоторыхъ его словъ, несмотря на свое болѣзненное состояніе, надъ чѣмъ-то работаетъ.

Въ 1890 г. нѣсколькимъ петербургскимъ литераторамъ пришла въ голову странная мысль отпраздновать двадцати-пятилѣтній юбилей закона о печати 1865 г. Я называю эту мысль странною потому, что законъ о печати 1865 г. въ теченіе двадцати пяти лѣтъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ, такъ что трудно даже понять, что̀ именно предполагалось праздновать. Я держался совершенно въ сторонѣ отъ этой затѣи и съ удивленіемъ узналъ изъ *Новостей* о своемъ заочномъ избраніи въ члены коммиссіи по устройству юбилейнаго торжества. Я рѣшилъ напечатать въ *Новостяхъ* отказъ отъ сдѣланной мнѣ товарищами по профессіи, но не по настроенію, чести, но не успѣлъ еще и за перо взяться, какъ получилъ слѣдующую записку отъ Елисеева: „Предположенное празднованіе юбилея прессы я нахожу совсѣмъ обиднымъ для всѣхъ, кто участвовалъ въ прессѣ въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ. Я было обрадовался тому, что вчера Суворинъ напечаталъ протестъ противъ празднованія, и настрочилъ въ pendant къ нему также статейку для *Новаго Времени*. Но Суворинъ сегодня повернулъ совсѣмъ въ другую сторону. И слухъ идетъ, что за юбилей стоитъ уже много народу. Какъ вы смотрите на это празднованіе? Если отрицательно, какъ и я, то соберемъ и другихъ таковыхъ, которые, вѣроятно, найдутся, и напишемъ общій протестъ. Такой гуртовой протестъ, я полагаю, былъ бы резоненъ и не безполезенъ для судьбы (? слово написано неразборчиво) прессы“. Читателю, который замѣтилъ бы, что эта записка слишкомъ незначительна для того, чтобы ее стоило воспроизводить въ печати, я отвѣчу, что считаю ее, напротивъ, для характеристики Елисеева очень значительной. Я бы съ удовольствіемъ воспроизвелъ ее даже fac simile, чтобы показать старческій почеркъ, которымъ она написана. Семидесятилѣтній больной старикъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, съ такою юношескою горячностью относится къ интересамъ и достоинству литературы,—это характерно. Правъ ли былъ въ данномъ случаѣ Елисеевъ, возставая противъ юбилея, или нѣтъ, это другой вопросъ. Но уже одна эта записка свидѣтельствуетъ, до какой степени „кровнымъ“, какъ говорилъ Салтыковъ, литераторомъ былъ Елисеевъ. Статейку, которую онъ „настрочилъ“ было для *Новаго Времени*, мы, обсудивъ дѣло сообща, забраковали,—не по существу, а потому, что ни г. Суворинъ, ни какая другая редакція не согласилась бы ее напечатать. Мысль о „гуртовомъ“ протестѣ тоже была брошена, и только я напечаталъ свой отказъ отъ участія въ юбилейной коммиссіи. Юбилей, впрочемъ, не состоялся по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ ни отъ иниціаторовъ, ни отъ насъ, несогласныхъ.

Это было мое послѣднее свиданіе съ Елисеевымъ: 18 января 1891 г. онъ былъ уже мертвъ.

Я съ величайшимъ интересомъ принялся разбирать довольно-таки значительную кипу бумагъ, оставшихся послѣ Елисеева. Я полагалъ, что у писателя, много лѣтъ стоявшаго въ центрѣ такихъ изданій, какъ *Современникъ* и *Отечественныя Записки*, должно оказаться много писемъ и другихъ документовъ по исторіи новѣйшей русской литературы. А то отношеніе Елисеева къ литературѣ, которое выразилось въ вышеприведенномъ эпизодѣ съ юбилеемъ, и кое-какіе намеки, которые я уловилъ въ разговорѣ съ нимъ послѣ его пріѣзда изъ Твери, позволяли думать, что онъ и со времени своей болѣзни не сложа руки сидѣлъ. Я былъ, однако, очень разочарованъ. Огромное большинство писемъ, найденныхъ мною въ портфелѣ Елисеева, не имѣли никакого общественнаго значенія. Исключеніе составляетъ только пачка писемъ Салтыкова. Мнѣ разсказывали, что, уѣзжая за границу, Елисеевъ имѣлъ неосторожность дать много бумагъ и писемъ, относящихся ко временамъ *Современника*, на сохраненіе одной дамѣ. Дама же эта, по прошествіи нѣкотораго времени, сочла почему-то для себя опаснымъ хранить всю эту письменность и безъ всякой церемоніи сожгла ее. Елисеевъ, говорятъ, очень сердился... Я думаю! Можно и вчужѣ сердиться... Что касается собственныхъ рукописей Елисеева, то ихъ оказалось довольно много, но лишь очень немногое можетъ быть утилизировано, по крайней мѣрѣ, теперь. За са-

мыми ничтожными исключеніями, рукописи представляютъ собою отрывки, иногда очень большіе, и начала безъ концовъ. Изъ такихъ неоконченныхъ статей были бы, вѣроятно, особенно интересны страницы безъ начала и конца, посвященныя Каткову. Я на нихъ немножко остановлюсь, собственно для характеристики оставшихся послѣ Елисеева рукописей.

Въ другой рукописи, имѣющей характеръ частію воспоминаній о Салтыковѣ, частію вообще ретроспективнаго взгляда на недавнія наши событія, мимоходомъ говорится: „Катковъ съ самаго начала эмансипаціи, угрожавшей поглотить всѣ права дворянства и поставить во главу русской цивилизаціи, вмѣсто дворянства рода, дворянство образованія, сталъ заботиться о поддержаніи дворянства и о сохраненіи его историческихъ правъ. Это была его прямая тенденція еще въ 1861 году, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ тогда объ этомъ, присовокупляя, что ему соглашался помогать въ этомъ и Кавелинъ. Вѣроятно, были и другіе, но другихъ онъ мнѣ не назвалъ, а самъ я не поинтересовался спросить его объ ихъ именахъ. Мнѣ была противна эта тенденція, и именно потому только, что Катковъ ставилъ ее на первомъ планѣ, я отказался участвовать въ его журналѣ и въ его *Современной Лѣтописи*, издававшейся при журналѣ".

Я, къ сожалѣнію, очень смутно помню устный разсказъ Елисеева о какомъ-то его свиданіи съ Катковымъ въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Если не ошибаюсь, рѣчь шла о соглашеніи между *Современникомъ* и *Русскимъ Вѣстникомъ* о выработкѣ общаго плана дѣйствія этихъ двухъ тогда вліятельнѣйшихъ литературныхъ органовъ, въ скоромъ времени такъ рѣзко разошедшихся въ своихъ взглядахъ и программахъ. Естественно было искать разъясненія этого эпизода, равно какъ и многосторонней и оригинальной характеристики Каткова, въ статьѣ, спеціально трактующей о московскомъ публицистѣ. Но ничего подобнаго въ статьѣ нѣтъ. Она осталась неконченною и содержитъ въ себѣ, главнымъ образомъ, выписки фактически-біографическаго характера изъ книги г. Невѣденскаго: *Катковъ и его время*, Любимова: *М. Н. Катковъ и его историческая заслуга*, переписки Бѣлинскаго, изданной г. Пыпинымъ, и воспоминаній Панаева. Выписки эти связаны между собою нѣкоторыми общими разсужденіями, которымъ, по всѣмъ видимостямъ, предстояло закончиться общимъ заключеніемъ, но его нѣтъ. Что касается любопытнаго эпизода переговоровъ съ Катковымъ, то о немъ не упоминается нигдѣ, кромѣ приведеннаго мѣста, хотя въ числѣ рукописей есть не мало набросковъ, имѣющихъ характеръ воспоминаній. Быть можетъ, ключа къ этой загадкѣ слѣдовало бы искать въ тѣхъ бумагахъ, которыя Елисеевъ имѣлъ неосторожность отдать на храненіе слишкомъ осторожной дамѣ.

Большинство рукописей Елисеева не только не кончены, но, кромѣ того, еще и очень спутаны. Неоконченностью статей онъ грѣшилъ и прежде, во время своей печатной литературной дѣятельности. Но въ посмертныхъ рукописяхъ эта дурная, хотя и вполнѣ объяснимая условіями журнальной работы и многимъ журналистамъ свойственная привычка не доводить до конца задуманную статью, осложняется еще результатами болѣзненнаго состоянія Елисеева. Онъ, очевидно, писалъ съ трудомъ и съ большими перерывами. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ встрѣчаются не только повторенія и отдѣльные клочки, выхваченные изъ другихъ рукописей, но и совершенно разные пріемы изложенія, свидѣтельствующіе о совершенно разныхъ планахъ автора. То онъ пишетъ въ такомъ даже утрированно-осторожномъ тонѣ, который явно показываетъ намѣреніе приладиться къ даннымъ условіямъ времени и, слѣдовательно, печатать статью теперь же; то, говоря о болѣе или менѣе щекотливыхъ вещахъ, ни мало не стѣснятся въ выраженіяхъ. И это въ одной и той же рукописи.

Самымъ цѣннымъ элементомъ рукописнаго наслѣдства Елисеева надо признать воспоминанія. Но и они, во-первыхъ, чрезвычайно разбросаны и запутаны, а, во-вторыхъ, въ виду близости событій, о которыхъ въ нихъ рѣчь идетъ, отнюдь не цѣликомъ подлежатъ опубликованію. Да и „цѣлика", впрочемъ, нѣтъ, и факты приходится вылавливать отдѣльными клочками изъ разныхъ рукописей. Елисеевъ не разъ принимался не только за воспоминанія, а и прямо за автобіографію. Тяжелый грузъ воспоминаній давилъ его и чувствовалась настоятельная потребность сложить его на бумагу. Но онъ не только ни разу не довелъ дѣла до конца, а не держался никакой системы, оставляя огромные пробѣлы и постоянно уклоняясь въ сторону общихъ разсужденій. Есть рукопись безъ заглавія, начинающаяся такъ: „По окончаніи курса наукъ въ московской духовной академіи въ 1844 г. я былъ назначенъ баккалавромъ въ казанскую духовную академію". Это обѣщаетъ автобіографію, по крайней мѣрѣ,

съ 1844 г., со времени вступленія на профессорское поприще. И дѣйствительно, нѣкоторыя интересныя автобіографическія показанія въ рукописи есть, но они внезапно обрываются или, точнѣе, расплываются въ разсужденіяхъ объ исторической роли русскаго монашества, о положеніи нашего бѣлаго духовенства. Тутъ же имѣются разсужденія о порядкахъ въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, частію вошедшія въ составъ статьи *Изъ далекаго прошлаго двухъ академій*, напечатаной не задолго до смерти Елисеева въ *Вѣстникѣ Европы*. Есть другая рукопись, начинающаяся словами: „Въ маѣ нынѣшняго 1888 г. исполнилось ровно тридцать лѣтъ, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ„ Въ декабрѣ 1855 г.,—годъ моего пріѣзда,—напечатана была въ *Современникѣ* первая моя статья". Но затѣмъ имѣется всего полторы страницы весьма скуднаго фактическаго содержанія. Есть, наконецъ, рукопись, прямо озаглавленная *Автобіографія*. Начало ея я считаю нужнымъ привести, такъ какъ имъ хорошо характеризуется отношеніе Елисеева къ своей собственной личности:

„Можетъ быть. Сентъ-Бёвъ и правъ, когда говоритъ, что всякая автобіографія въ большей или меньшей мѣрѣ есть вранье, потому что невозможно представить себѣ такого человѣка, который, описывая свою жизнь, не заглядывалъ бы однимъ глазкомъ за свою могилу и не охорашивалъ себя въ виду этого. А, все-таки, мнѣ жаль, что, доживъ почти до 70 лѣтъ (вчера, 25 января 1889 года, мнѣ стукнуло 68 лѣтъ), я не позаботился запастись такимъ враньемъ относительно своей особы. Вранье это помогло бы мнѣ, во-первыхъ, освѣтить самого себя — вообще въ прошедшемъ увидѣть разницу моихъ воззрѣній, моего міросозерцанія, моего направленія и стремленій въ разныя эпохи моего возраста и положенія; во-вторыхъ, мнѣ пріятно было бы возобновить въ моей памяти во всей подробности нѣкоторые моменты моей жизни и дѣятельности; въ-третьихъ, я думаю, что мысль Сентъ-Бёва объ автобіографіяхъ, какъ враньѣ, неприложима къ автобіографіямъ, которыя ведутся въ теченіе многихъ лѣтъ въ видѣ дневниковъ, съ точнымъ обозначеніемъ всѣхъ обстоятельствъ и данныхъ, потому что трудно и даже невозможно, описывая свою ежедневную жизнь, постоянно носить мысль о своемъ безсмертіи и прилаживать къ ней ежедневныя событія и обстоятельства жизни. Другое дѣло—біографіи, которыя пишутся въ зрѣлыхъ или преклонныхъ лѣтахъ, когда человѣкъ достигъ степеней (?) извѣстныхъ, когда біографіи не поденно, а гуртомъ, по воспоминаніямъ, является какъ связное цѣлое; тогда человѣку трудно не заглядывать однимъ глазкомъ за могилу и не охорашивать себя въ виду ея, и всѣ такія автобіографіи зачастую являются болѣе или менѣе прикровенными апологіями собственной дѣятельности пишущихъ.

Казалось бы, что автобіографіи послѣдняго рода должны писать только лица болѣе или менѣе знаменитыя, убѣжденныя въ безсмертіи ихъ имени. Оказывается—напротивъ. Въ послѣднее время автобіографіи мелкихъ, незначительныхъ людей до того размножились, что *Русская Мысль*, помнится, въ послѣднемъ или предпослѣднемъ нумерѣ прошлаго года сдѣлала замѣчаніе о странной охотѣ этихъ людей, жизнь которыхъ мало для кого можетъ быть интересна, убиваться надъ изображеніемъ подробностей своей жизни. Для кого и для чего пишутъ эти ничтожества?

Этотъ вопросъ прежде часто останавливалъ и меня, когда, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, мнѣ приходила мысль начать писать свою автобіографію. Вопросъ до того смущалъ меня, что я до сихъ поръ не давалъ самыхъ краткихъ свѣдѣній о себѣ, которыхъ у меня нѣсколько разъ просили для справочныхъ словарей. Теперь, доживъ почти до 70 лѣтъ моей жизни, я понялъ, что маленькіе люди имѣютъ еще болѣе нужду писать свои автобіографіи, чѣмъ большіе. У всякаго человѣка, какъ бы онъ ни былъ малъ и незначителенъ, есть также самолюбіе, какъ и у большихъ, и есть также болѣе или менѣе свѣтлыхъ, выдающихся моментовъ въ жизни, которыми онъ считаетъ себя вправѣ гордиться; онъ не знаетъ, будетъ ли обращено вниманіе потомства не только на эти свѣтлые, выдающіеся моменты его жизни, но даже вообще на его личность; съ этимъ полнымъ забвеніемъ его потомствомъ онъ готовъ совершенно примириться. Но самолюбіе его не можетъ помириться съ тѣмъ, чтобы потомство, если придется ему случайно вспомнить его, не поняло и не оцѣнило надлежащимъ образомъ этихъ моментовъ, чтобы оно дало имъ даже неправильное, совершенно ложное освѣщеніе. Для личности крупнаго размѣра дѣло неважное, если какой-нибудь свѣтлый моментъ его жизни будетъ не оцѣненъ должнымъ образомъ и даже превратно истолкованъ. Для него остается твердою защитой ансамбль всей его дѣятельности или его капитальныя сочиненія, если онъ писатель. Если у него по смерти много окажется враговъ, то еще болѣе будетъ друзей, которые будутъ побѣдоносно разбивать всякое злословіе, опираясь на извѣстныя всѣмъ его великія дѣла или его сочиненія. Совсѣмъ другое—человѣкъ маленькій. По смерти онъ остается совершенно беззащитенъ. Между тѣмъ, почти въ тотъ самый моментъ, когда тѣло человѣка опускаютъ въ могилу, люди начинаютъ рыться въ душѣ умершаго, перетряхиваютъ на всѣ стороны его дѣятельность, побужденія, цѣль. И такъ какъ homo homini lupus est, то покойному трудно разсчитывать на справедливую и безпристрастную оцѣнку его дѣятельности, тѣмъ болѣе на снисхожденіе, если онъ не провелъ жизнь совершенно блаженно, т.-е. не стоялъ въ сторонѣ отъ всякой общественной дѣятельности и внѣ всякихъ партій. Часто довольно бываетъ одной, ни въ чемъ неповинной, впрочемъ, но не улегающейся въ обычныя представленія о человѣкѣ, видимости, одного необъясненнаго факта въ его дѣятельности, чтобы злословіе въ этой непонятной для него видимости, въ этомъ необъясненномъ для него фактѣ усмотрѣло ключъ къ уразумѣнію всей дѣятельности человѣка, истолковало по-своему всѣ побужденія его дѣятельности и создало о немъ цѣлую гнусную эпопею.

Но какъ ни оскорбительна бываетъ для человѣческаго самолюбія та несправедливая оцѣнка, которую производятъ надъ личностью покойнаго остающіеся въ живыхъ, несправедливость эта, разсматриваемая въ отвлеченіи и, притомъ, не надъ нашею, а надъ чуждою намъ личностью, вовсе не такъ ощутительна и сильна, чтобы заставить маленькую личность немедленно взяться за перо и въ ограждение своего замогильнаго реноме писать исповѣдь своей жизни. Разъ маленькая личность не разсчитываетъ на безсмертіе, не все ли ей равно—худо или хорошо будутъ говорить о ней, если бы случайно и зашла о ней рѣчь! Вѣдь она не будетъ ни знать, ни чувствовать въ могилѣ, что о ней говорятъ. Поло-

жимъ, для самолюбія человѣка, пока онъ живетъ, пріятнѣе думать, чтобы не были забыты или превратно истолкованы тѣ свѣтлые, выдающіеся моменты его жизни, которыми онъ гордится. Но, съ другой стороны, что-жъ за важность, если бы и это случилось. Вѣдь, ни хорошаго, ни дурного, что̀ будутъ говорить о немъ, онъ ни сознавать, ни чувствовать не будетъ. При этомъ самолюбіе тайно подсказываетъ ему, что тѣ свѣтлые, выдающіеся моменты, которыми онъ гордится, такъ очевидны для всякаго, такъ чисты, что никакое злословіе не можетъ ихъ до того извратить, чтобы они сдѣлались совершенно черными. Въ отвлеченномъ представленіи такое чудовищное превращеніе хорошаго въ дурное, чистаго въ нечистое, свѣтлаго въ пошлое и мерзостное для человѣческаго самолюбія, проникнутаго насквозь пичтожнѣйшими мыслями pro doma sua, оказывается положительно немыслимымъ, невозможнымъ,—и маленькая личность успокоивается.

Къ несчастію, маленькіе люди умираютъ очень быстро. Есть много насѣкомыхъ, цѣль жизни которыхъ состоитъ единственно въ распространеніи рода. Разъ оплодотвореніе совершено, они тотчасъ умираютъ. Точно то же происходитъ съ маленькими людьми въ нравственномъ мірѣ. Дается имъ отъ природы одна, двѣ свѣтлыя мысли. Едва успѣютъ они тѣмъ или другимъ способомъ заявить и воплотить эти мысли въ жизни, какъ они немедленно умираютъ нравственно, какъ люди ненужные. Потомъ они продолжаютъ и ходить, и говорить, и продолжаютъ то же дѣло, которое начали, но это дѣло несутъ дальше ужъ другіе, лучшіе ихъ, а они продолжаютъ оставаться хотя и около него, хотя по внѣшнему положенію и выше этихъ новыхъ, но внутренно, по отношенію къ дальнѣйшему движенію и ходу дѣла, остаются ниже ихъ. Въ этомъ смыслѣ они уже ненужные для дѣла люди, они могутъ считаться умершими для него. Но они могутъ считаться умершими для дѣла въ смыслѣ первостепенныхъ, передовыхъ его дѣятелей, но они остаются при немъ въ качествѣ рядовыхъ, притомъ, иногда лучшихъ рядовыхъ, какъ болѣе опытные. Между тѣмъ, волны времени быстро слѣдуютъ одна за другою, каждая приноситъ съ собою новый рядъ дѣлъ и вопросовъ; для каждаго вновь вступающаго на арену жизни поколѣнія является своя насущная злоба дня, обусловливаемая новымъ положеніемъ вещей, создаваемая ходомъ времени. Смѣнится три, четыре поколѣнія, тѣсная связь съ недавнимъ прошедшимъ хотя и чувствуется, но только въ общемъ и главномъ, въ деталяхъ же сильно затемняется и даже совсѣмъ теряется изъ памяти. Даже изученіе этого недавняго прошлаго дѣлается труднѣе и недоступнѣе, чѣмъ изученіе давно прошедшихъ временъ, потому что послѣднее можно изучать по совокупности всѣхъ оставшихся памятниковъ, для перваго остаются почти единственно устные разсказы немногихъ, оставшихся отъ даннаго времени лицъ, которыя сохранили болѣе или менѣе отрывочныя воспоминанія о существовавшемъ тогда положеніи, на сколько оно было понятно и доступно ихъ личному впечатлѣнію и наблюденію. По этимъ воспоминаніямъ трудно и совершенно невозможно живьемъ воплотить картину прошлаго во всей его цѣлости и полнотѣ и уловить тѣ моменты времени, которые выдвинули ту или другую личность на первый планъ и дали ей премирующее положеніе передъ другими. Между тѣмъ, личность занимаетъ это положеніе. Новымъ поколѣніямъ остаются совершенно неизвѣстными тѣ моменты въ прошедшемъ, которые выдвинули эту личность на первый планъ; имъ остается только видно то выдающееся положеніе, которое она занимаетъ. Имъ не приходитъ въ голову заняться изслѣдованіемъ: какую внутреннюю связь съ дѣломъ эта личность имѣла прежде и какую имѣетъ въ настоящее время? Они по видимости рѣшаютъ, что въ настоящемъ дѣло можетъ идти безъ нея, что впередъ несетъ его не она, что она тутъ личность ни къ чему не нужная, умершая. Отсюда дѣлаютъ заключеніе, что такъ было и прежде и что личность заняла выдающееся положеніе при дѣлѣ и остается при немъ посредствомъ неблаговидныхъ происковъ. Это не говорится прямо въ глаза личности, но по временамъ высказывается иногда въ разныхъ косвенныхъ намекахъ общаго свойства, которые можно принимать и не принимать на свой счетъ, но которые даютъ человѣку чувствовать, что злословіе способно заговорить о немъ послѣ его смерти. Затѣмъ болѣе опредѣленное предвкушеніе тѣхъ инкриминацій, которыя ожидаютъ его по смерти, даетъ откровенная диффамація, во-первыхъ, поголовно того періода времени, въ которомъ онъ дѣйствовалъ, а затѣмъ поименно лицъ, ему хорошо извѣстныхъ,—диффамація, дѣлаемая яко бы на основаніи серьезнаго изслѣдованія и неопровержимыхъ фактовъ. Въ довершеніе всего этого являются *достоѣрные* свидѣтели съ бухгалтерскими книгами, которые, на основаніи цифровыхъ записей, утверждаютъ завѣдомую и безсовѣстную ложь. Это уже не отвлеченное представленіе воображаемыхъ несправедливостей за гробомъ, а непосредственное заушеніе живого еще лица, какъ мертваго: оно даетъ ему не отвлеченно представлять, а очень реально чувствовать всю жестокость и злостность заушеній, ожидающихъ его по смерти. Что тутъ дѣлать маленькой личности для собственной самозащиты и для защиты самаго дѣла и лицъ, которыя съ нимъ стояли около него? Какъ, если не предупредить совершенно, то, по крайней мѣрѣ, ограничить до извѣстнаго минимума какъ тѣ легковѣсные приговоры объ извѣстной эпохѣ и дѣйствовавшихъ въ ней лицахъ, такъ и тотъ безчестный лай, который поднимаютъ на нихъ достовѣрные свидѣтели съ бухгалтерскими книгами въ рукахъ?

Мнѣ кажется, самое лучшее, что̀ она можетъ сдѣлать, это взяться за перо и, насколько помнитъ, правдиво изобразить свою жизнь, по крайней мѣрѣ, въ выдающихся ея моментахъ въ связи съ тѣми событіями и лицами, съ которыми она соприкасалась“.

Изъ этого вступленія видно, что автобіографію свою Елисеевъ задумывалъ по очень широкому плану, до такой степени широкому, что едва ли даже приличествуетъ предположенной работѣ названіе автобіографіи. Этимъ планомъ устраняются обычныя въ автобіографіяхъ свѣдѣнія о дѣтствѣ и юности и вообще все, такъ сказать, приватное, чисто-личное. Достойными записи для потомства признаются лишь такія черты жизни, которыя находятся въ связи съ болѣе или менѣе значительными теченіями и событіями общественнаго характера. Признавая себя „маленькою личностью“, Елисеевъ готовился раствориться въ общемъ дѣлѣ, которому, по его предположенію, грозятъ въ будущемъ лжетолкованія невѣдѣнія и лжетолкованія злостныя. Понятенъ высокій интересъ, который могла бы представить подобная автобіографія человѣка, сознательно пережившаго и эпоху нашего возрожденія, и эпоху оскудѣнія, и, притомъ,

человѣка такого рѣдко проницательнаго ума, какъ Елисеевъ. Но, не говоря уже о томъ, что рукопись осталась неоконченною и начинается только пріѣздомъ въ Петербургъ, бѣгло разсказавъ о своемъ участіи въ *Современникѣ*, *Искрѣ*, *Вѣкѣ* и *Очеркахъ*, авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе исключительно на періодѣ 1863—1868 годовъ. Онъ подробно характеризуетъ послѣдніе годы существованія *Современника*, разсказываетъ исторію своего ареста въ 1866 г. (арестъ этотъ, какъ увидимъ, былъ результатомъ недоразумѣнія, сравнительно скоро выяснившагося) и возникновенія въ 1868 году новыхъ *Отечественныхъ Записокъ* подъ редакціей Некрасова. Мы увидимъ далѣе, что были особенныя обстоятельства, побудившія Елисеева съ такою внимательностью относиться къ этой небольшой полосѣ своей жизни. Мы поймемъ тогда и нѣкоторыя загадочныя на первый взглядъ соображенія о „заушеніяхъ“ и „безчестномъ лаѣ“, изложенныя въ приведенномъ вступленіи къ автобіографіи. Какъ бы ни были, однако, уважительны причины такой исключительности, нельзя не пожалѣть о ней.

Къ тому же, такъ занимавшему Елисеева, періоду относится безхитростный и во многихъ отношеніяхъ не выдерживающій критики, но превосходный въ своей непосредственности рукописный разсказъ жены Елисеева объ его арестѣ и событіяхъ, съ нимъ связанныхъ. Къ сожалѣнію, имъ можно будетъ воспользоваться лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Матеріалами для изображенія остальной жизни Елисеева намъ послужатъ частью разбросанныя по разнымъ рукописямъ отрывочныя воспоминанія самого Григорія Захаровича, частью личныя воспоминанія и воспоминанія другихъ близкихъ покойному публицисту лицъ, частью, наконецъ, печатные источники.

II.

Григорій Захаровичъ Елисеевъ родился, по его собственному показанію, 25 января 1821 года, по словамъ историка Казанской духовной академіи, г. Знаменскаго, въ 1819 г., а по формулярному о службѣ его списку — въ 1820 г. Отецъ его былъ сельскій священникъ Томской губерніи, дѣдъ—дьячокъ или пономарь. Отца Григорій Захаровичъ лишился очень рано и жилъ, вмѣстѣ съ матерью, у дѣда, который былъ и первымъ его учителемъ. Умеръ скоро и дѣдъ. Мать переѣхала съ нимъ изъ деревни въ городъ Тару, Тобольской губерніи, къ своей замужней сестрѣ. Бѣдно жилось въ деревнѣ, а въ городѣ, кажется, еще бѣднѣе: маленькій Елисеевъ помѣщался одно время съ матерью въ банѣ. Умерла и мать, когда мальчику минуло девять лѣтъ. Сироту взяло на свое попеченіе духовное начальство и опредѣлило въ духовное училище при Тобольской семинаріи. И въ духовномъ училищѣ, и потомъ въ семинаріи Елисеевъ испыталъ много горькой нужды, но учился всегда отлично. По окончаніи семинарскаго курса онъ предполагалъ поступить въ медико-хирургическую академію, но начальство располагало иначе. Онъ попалъ въ Московскую духовную академію, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1844 г. по первому разряду. Въ январѣ 1845 г. началась его профессорская дѣятельность въ Казанской духовной академіи.

Съ этихъ же поръ начинаются болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о его жизни.

Повидимому, Елисеевъ сразу занялъ выдающееся положеніе въ академіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и не весьма благосклонный къ покойному публицисту г. Знаменскій, авторъ *Исторіи Казанской духовной академіи* (Казань, 1892 г.). Почтенный исторіографъ говоритъ объ уваженіи, которымъ пользовался Елисеевъ, и приводитъ соотвѣтственные факты. Но, воздавая, повидимому, должное высокимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ покойнаго, онъ не упускаетъ случая по поводу, напримѣръ, воспоминаній Шелгунова и Шашкова объ Елисеевѣ и т. п. умалить приписываемое ему значеніе. Общая же характеристика покойнаго, сдѣланная историкомъ Казанской академіи, страдаетъ нѣкоторою двусмысленностью и несоотвѣтствіемъ, какъ съ фактами, сообщаемыми самимъ г. Знаменскимъ, такъ и съ тѣми, которые намъ извѣстны изъ другихъ источниковъ. Г. Знаменскій пишетъ: „Высокая репутація Григорія Захаровича между студентами была какая-то, можно сказать, предвзятая, основанная

больше на нѣкоторыхъ свойствахъ его личности, чѣмъ на достоинствахъ его преподаванія. Какъ только онъ явился въ академію, такъ его кругомъ окружила репутація чрезвычайно умнаго человѣка и человѣка, притомъ, либеральнаго направленія. Умнымъ человѣкомъ онъ былъ безспорно, но вовсе не въ томъ родѣ, чтобы носиться съ какимъ-нибудь либерализмомъ и всѣмъ его показывать. Эта послѣдняя черта его репутаціи могла основываться развѣ только на его пренебрежительной манерѣ держаться, на разныхъ сатирическихъ и часто жолчныхъ выходкахъ, въ сужденіяхъ о разныхъ предметахъ, въ колкостяхъ по адресу того или другаго студента, въ письменныхъ отзывахъ о студенческихъ сочиненіяхъ, вродѣ, наприм., „пирогъ безъ начинки“ и т. п. Это былъ скорѣе язвительный скептикъ, чѣмъ либералъ, стоявшій за какую-нибудь положительную либеральную идею... и, вмѣстѣ съ тѣмъ, или, пожалуй, по этому самому, человѣкъ практическій, сдержанный при всей своей жолчности, способный хорошо примѣняться къ требованіямъ среды“. Затѣмъ г. Знаменскій разсказываетъ, что „на первыхъ порахъ службы, вѣроятно, подъ недавнимъ впечатлѣніемъ цензурныхъ и другихъ московскихъ страховъ, Елисеевъ былъ даже трусливъ и держался въ своей аудиторіи крайне оффиціально, подозрительно и скучно. Но и потомъ онъ никогда не дозволялъ себѣ высказываться съ какой-нибудь противоцензурной стороны откровенно и прямо, обнаруживая свой скептицизмъ лишь урывками и прикровенно... Откровеннѣе былъ онъ среди идеалистическаго кружка своихъ сослуживцевъ—молодыхъ баккалавровъ, въ которомъ любилъ пускаться въ горячія обличительныя рѣчи противъ разныхъ возмутительныхъ и вопіющихъ золъ современной гражданской, общественной и академической жизни“.

Въ этомъ искусно написанномъ портретѣ есть черты, несомнѣнно подлинныя, которыя я узнаю на разстояніи десятковъ лѣтъ, отдѣляющихъ Елисеева—профессора духовной академіи отъ Елисеева, какимъ я его зналъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть въ работѣ г. Знаменскаго и нѣкоторый „прикровенный“ тонъ, значительно портящій музыку. Выходитъ какъ будто похвально, а какъ будто и не похвально. Безъ всякаго сомнѣнія, похвальныя и непохвальныя черты очень часто соединяются въ одномъ и томъ же человѣкѣ въ разныхъ пропорціяхъ. Но въ біографіи или литературномъ портретѣ онѣ должны являться соединенными и опредѣляться физіономіей оригинала, а не тономъ, которымъ говоритъ біографъ. Ниже, въ главѣ о „матеріальныхъ средствахъ и бытѣ наставниковъ академіи“, г. Знаменскій, говоря объ упомянутомъ уже „идеалистическомъ“ кружкѣ молодыхъ баккалавровъ, называетъ членовъ этого кружка „людьми на подборъ талантливыми, отличавшимися безпредѣльною любовью къ наукѣ, рѣдкимъ благородствомъ характеровъ и тѣми высокими идеальными стремленіями, которыя придавали такую обаятельную духовную красоту лучшимъ людямъ 1840 годовъ“. Маленькій списокъ членовъ кружка, людей дѣйствительно въ высшей степени почтенныхъ, г. Знаменскій открываетъ именемъ Елисеева. Здѣсь онъ первымъ ставитъ его въ числѣ людей рѣдкаго благородства характера и обаятельной духовной красоты. Съ этимъ какъ-то мудрено связать эпитеты: „трусливый“, „прикровенный“, „способный хорошо примѣняться къ требованіямъ среды“. Конечно, все это еще не признаки какой-нибудь непроглядно черной души, но настолько, однако, непріятно плоскія нравственныя черты, что, очевидно, надо въ нихъ многое сбавить и многое къ нимъ прибавить, чтобы привести въ связь съ представленіемъ о рѣдкомъ благородствѣ характера и обаятельной духовной красотѣ. Характеристика не соотвѣтствуетъ и фактамъ, которые сообщаетъ самъ г. Знаменскій. Объ этомъ свидѣтельствуютъ уже нѣкоторые недочеты самой характеристики. Елисеевъ пользовался уваженіемъ не только студентовъ, а и товарищей, и начальства; вся его профессорская и вообще академическая жизнь была рядомъ успѣховъ. Да и студентамъ мудрено было внушить уваженіе „пирогами безъ начинки“ и т. п. Очевидно, что-то въ Елисеевѣ внушало уваженіе, *несмотря* на эти „пироги“.

Но, кромѣ противорѣчивости или несогласованности частей, портретъ Елисеева, нарисованный г. Знаменскимъ, страдаетъ еще однимъ недостаткомъ: отсутствіемъ движенія, историческаго элемента. Елисеевъ, можно сказать, съ самаго рожденія попалъ въ очень суровую школу жизни. Такіе люди обыкновенно рано отливаются, какъ характеры, въ ту или другую опредѣленную форму, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми своими чертами, которыя и доносятъ до могилы. Таковъ былъ и Елисеевъ. Повторяю, даже въ противорѣчивомъ и искаженномъ портретѣ работы г. Знаменскаго я узнаю нѣкоторыя подлинныя черты Елисеева, какимъ я зналъ его много лѣтъ спустя. Впечатлѣніе какой-то особенно давней прочности производилъ онъ на всѣхъ и всегда. Именно — прочности, и, страннымъ образомъ, для меня, по крайней мѣрѣ, это впе-

чатлѣніе прочности какъ-то отражалось и на физикѣ Елисеева, несмотря на очевидно издавна сѣдые волосы и бороду, старческія морщины лица, хилое сложеніе. Я думаю что именно этой рано сложившейся опредѣленности физіономіи надо приписать и ту „предвзятую“ высокую репутацію, которою, по словамъ г. Знаменскаго, Елисеевъ былъ окруженъ, какъ только двадцатитрехлѣтнимъ юношей явился въ качествѣ профессора въ Казанскую духовную академію: таинственная опредѣленность его характера импонировала. Я говорю „таинственная“ не въ какомъ-нибудь мистическомъ смыслѣ. Сразу чувствовалась недюжинная сила въ этомъ чужомъ, никому неизвѣстномъ юномъ пришельцѣ изъ Москвы. Она пробивалась въ мимоходомъ брошенномъ замѣчаніи, въ манерѣ говорить и держать себя, во множествѣ отдѣльныхъ мелочей, но разгадать ее было трудно, трудно было даже близко подойти къ ней. Кромѣ неизвѣстнаго намъ вклада наслѣдственности, далекая сибирская родина—деревня, раннее сиротство, нищета, суровая жизнь и нравственная безпріютность въ духовномъ училищѣ и семинаріи,—все это закалило человѣка замкнутаго, сосредоточеннаго, упорнаго, рѣдко раскрывающаго передъ другими душу. Для этого или онъ самъ долженъ придти въ особенное настроеніе преходящей экспансивности, или быть въ средѣ людей очень близкихъ по духу. Внѣ этихъ двухъ условій онъ сухъ, молчаливъ, подозрителенъ вслѣдствіе привычной озабоченности, какъ бы кто посторонній не заглянулъ въ происходящую въ немъ внутреннюю работу. Открытому выраженію своихъ чувствъ и мыслей онъ часто предпочитаетъ намекъ или ироническую улыбку, какъ бы пріотворяя дверь внутрь себя и тотчасъ же захлопывая ее. Любовь онъ внушаетъ лишь немногимъ, кого близко подпускаетъ къ себѣ, уваженіе—всѣмъ, даже не знающимъ его, но чувствующимъ присутствіе сдержанной силы. Елисеевъ былъ такимъ въ академіи, по свидѣтельству г. Знаменскаго, и такимъ же во времена моего съ нимъ знакомства.

Но ранняя прочность и опредѣленность характера не есть еще неподвижность духовная вообще. Житейскій опытъ, новыя встрѣчи и знакомства, новыя сферы дѣятельности, углубленіе мысли и расширеніе умственнаго горизонта, оставляя неприкосновенными основныя черты характера, не могутъ, однако, проходить безслѣдно. И годы пребыванія въ Казанской духовной академіи должны были быть особенно вліятельны. Какъ ни кратковременно было это пребываніе,—а оно даже и не очень кратковременно было: около десяти лѣтъ,—Елисеевъ не могъ за это время не вырости; и нельзя себѣ представить, чтобы, вступая въ академію въ качествѣ юнаго профессора и выходя изъ нея, онъ былъ вполнѣ себѣ равенъ. Г. Знаменскій самъ говоритъ, что было бы интересно знать, какое вліяніе имѣлъ на Елисеева упомянутый уже „идеалистическій“ кружокъ молодыхъ бакалавровъ. Конечно, это было бы очень интересно, но г. Знаменскій ведетъ свой разсказъ такъ, какъ будто ни непосредственный переходъ со школьной скамьи на профессорскую каѳедру, ни этотъ самый идеалистическій кружокъ и ничто другое не оказало никакого вліянія на Елисеева. Основныя черты характера Елисеева сложились такъ рано и прочно, что къ нему, больше чѣмъ къ кому-нибудь, можно примѣнить пословицу: „каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку“. Но едва ли резонно размышлять о томъ, былъ ли Елисеевъ „либераломъ“ или „скептикомъ“ на всемъ протяженіи десяти лѣтъ своего пребыванія въ Казанской академіи. Разное тутъ, надо думать, было.

И такъ; явился Елисеевъ въ академію человѣкомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вполнѣ готовымъ, на всю жизнь запечатлѣннымъ. Въ двадцать три года онъ уже импонировалъ окружающимъ своею серьезностью, замкнутостью, изъ-подъ которой выбивалась иногда холодная иронія, дававшая знать о значительности и сложности внутренней работы, происходившей въ этомъ человѣкѣ. Работа, дѣйствительно, происходила значительная и сложная. Какъ ни какъ, а этому сдержанному, замкнутому человѣку, все-таки, было только двадцать три года. Основныя черты его характера уже сложились,—сложились, по всей вѣроятности, въ общихъ чертахъ и его общественныя симпатіи и антипатіи. Но и его міросозерцанію, и его житейскимъ планамъ приходилось еще вырабатываться. Ему приходилось еще даже набираться знаній, и не про запасъ будущаго, и не для вольнаго ихъ употребленія по своему личному усмотрѣнію, а для немедленнаго утилизированія въ формѣ обязательныхъ лекцій студентамъ.

Въ упомянутой уже предсмертной статьѣ, напечатанной въ *Вѣстникѣ Европы*, Елисеевъ вспоминаетъ о господствовавшемъ въ его время въ духовныхъ академіяхъ странномъ обычаѣ назначать молодыхъ профессоровъ на каѳедру и потомъ перемѣ-

щать ихъ съ одной каѳедры на другую безъ всякаго вниманія къ степени ихъ подготовленности и къ ихъ склонностямъ. Большое обиліе примѣровъ этого рода читатель можетъ найти въ трудѣ г. Знаменскаго. Съ насъ достаточно примѣра самого Елисеева. Первоначально онъ былъ назначенъ баккалавромъ по церковной русской исторіи и еврейскому языку. Отъ преподаванія послѣдняго онъ былъ черезъ годъ освобожденъ, но за то въ разное время читалъ, сверхъ церковной русской исторіи, гражданскую русскую исторію, нѣмецкій языкъ и каноническое право. Церковною русскою исторіей Елисеевъ, будучи студентомъ, занимался, по его словамъ, „довольно усердно“; кромѣ того, писалъ по этому предмету курсовую диссертацію. Еврейскимъ языкомъ онъ мало занимался въ Московской академіи, но, по крайней мѣрѣ, интересовался имъ. Но каноническое право въ его время совсѣмъ не читалось въ Московской академіи и потому, попавъ волею судьбы или ректора на эту каѳедру, онъ очутился въ большомъ затрудненіи. Къ счастью, каноническое право было скоро передано другому профессору, такъ что онъ успѣлъ прочитать всего шесть лекцій. Замѣна еврейскаго языка нѣмецкимъ его не затруднила, такъ какъ онъ, повидимому, всегда любилъ этотъ языкъ. Но уже настоящая тяжесть обрушилась на него, когда къ церковной русской исторіи присоединена была гражданская. Странность едва вѣроятная, но она значится въ одной изъ автобіографическихъ записокъ Елисеева: въ Московской духовной академіи онъ ни русской гражданской, ни всеобщей исторіи не слушалъ, такъ какъ предметы эти не были обязательны и желающіе могли слушать, вмѣсто нихъ, математику. Елисеевъ выбралъ математику, и по части исторіи имѣлъ лишь семинарскія и затѣмъ, такъ сказать, приватныя познанія, пріобрѣтенныя въ часы досуга и по прикосновенности къ церковной исторіи. Но и помимо этого, имѣя вначалѣ лишь каѳедру церковной исторіи и еврейскаго языка, молодой баккалавръ отлично понималъ, что, призванный учить, онъ самъ долженъ еще много учиться. Готовности было много, но не мало было и препятствій, прежде всего, въ недостаткѣ научныхъ пособій. Жалованья баккалавръ получалъ 29 р. 83 коп. въ мѣсяцъ. Изъ этой суммы мудрено было удѣлять много на книги. А академическая библіотека была очень скудна, такъ какъ академія была открыта всего за два года передъ тѣмъ и, въ качествѣ учрежденія новаго, не успѣла еще разбогатѣть книгами. Притомъ же, ректоръ академіи, архимандритъ Григорій, человѣкъ добрый и не глупый, но недостаточно для своего поста образованный, слишкомъ ужъ берегъ казенную копѣйку и скупился на выписку книгъ. Елисеевъ приставалъ, добивался выписки книгъ при помощи разныхъ хитростей, обращался въ университетскую библіотеку, выписывалъ черезъ академическое начальство книги и рукописи, для временнаго пользованія, изъ семинарскихъ библіотекъ. „Призадуматься было надъ чѣмъ,—пишетъ Елисеевъ.—Надобно было болѣе или менѣе основательно познакомиться со всею всеобщею исторіей, по крайней мѣрѣ, послѣднаго тысячелѣтія, чтобы затѣмъ или, по крайней мѣрѣ, одновременно изучать русскую гражданскую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, готовить лекціи студентамъ, каждую недѣлю по двѣ—по русской гражданской исторіи и двѣ—по русской церковной. Для меня это былъ трудъ поистинѣ колоссальный. Я просиживалъ дни и ночи, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ студентами, которые большею частью были люди даровитые, способные оцѣнить всякую лекцію, насколько она содержательна, основательна и стоитъ вниманія“.

Но это только одна сторона дѣла. Назвавшись груздемъ, молодой бакклавръ добросовѣстно полѣзъ въ кузовъ. Хотя, собственно говоря, онъ даже не самъ груздемъ назвался, а его, помимо его воли, назвали, но онъ работалъ изъ всѣхъ силъ, по природной или рано воспитанной замкнутости и вида не показывая, чего ему это стоитъ. Имъ не разъ овладѣвало отчаяніе, „хотя,—вспоминаетъ онъ,—по наружности это никому не было видно. По наружности все обстояло благополучно. Лекціи мои, конечно, не были самостоятельны, какъ оно и естественно въ началѣ, но онѣ были дѣльны и въ общемъ настолько приличны, что ихъ можно было слушать не безъ пользы. А когда рѣчь заходила о такомъ предметѣ, который давалъ широкій просторъ вносить въ нихъ элементъ моральный или публицистическій, то лекціи выходили не только крайне интересныя, но и блестящія. Такихъ предметовъ въ русской исторіи очень много“.

Елисеевъ нисколько не преувеличиваетъ, говоря, что его лекціи бывали крайне интересны и даже блестящи. Мы имѣемъ на этотъ счетъ свидѣтельства его слушателей. Приведенныя воспоминанія Елисеева могутъ дать читателямъ, напротивъ, преуменьшенное понятіе о значеніи его лекцій. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ не проло-

жилъ новаго пути наукѣ. Но, при его выдающихся способностяхъ, тотъ упорный трудъ, о которомъ онъ самъ разсказываетъ, конечно, долженъ былъ принести соотвѣтственные плоды. Даже заурядный умъ, при такой упорной работѣ, долженъ былъ въ достаточной степени овладѣть предметомъ, а умственныя способности Елисеева были далеко выше среднихъ. Этотъ большой, оригинальный и проницательный умъ не былъ умомъ человѣка чистой науки или отвлеченной теоріи, но за то превосходно оріентировался въ вопросахъ практической жизни и отличался необыкновенною чуткостью въ этой области. Таковъ онъ былъ и въ послѣдствіи, въ качествѣ журналиста, таковъ же онъ былъ и въ академіи. Въ атмосферѣ религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ, въ которой онъ жилъ съ самаго дѣтства, его, повидимому, никогда особенно не интересовали теоретическія исходныя точки,—онъ былъ къ нимъ равнодушенъ. Но тѣмъ большее значеніе получалъ для него нравственный, практическій элементъ религіи. Таковъ, повторяю, былъ складъ его ума вообще. И впослѣдствіи онъ сравнительно мало интересовался теоретическими исходными точками и готовъ былъ снисходительно отнестись ко всякой, если оказывалось возможнымъ привести ее въ связь съ извѣстными дорогими ему практическими выводами. Тонкій наблюдательный умъ помогъ ему быстро оріентироваться въ академической средѣ и оцѣнить разныя ея слабости и несоотвѣтствія съ оффиціально поставленными задачами. Уже одни произвольные переводы профессоровъ съ одной каѳедры на другую, эти внезапныя превращенія математиковъ въ гебраистовъ, богослововъ въ математиковъ и т. п.—давали не блестящее понятіе о постановкѣ дѣла просвѣщенія вообще, религіознаго въ особенности. И все было подъ стать этому странному распорядку, какъ можно судить по слѣдующему эпизоду, разсказанному въ обширномъ некрологѣ Порфирьева, напечатанномъ въ *Православномъ Собесѣдникѣ* за 1890 годъ. Эпизодъ хорошо рисуетъ и нѣкоторыя стороны академической жизни, и нѣкоторыя черты Елисеева.

Порфирьевъ, авторъ извѣстной *Исторіи русской словесности*, а тогда молодой баккалавръ, былъ близкимъ другомъ Елисеева (его памяти посвящена послѣдняя, предсмертная статья Елисеева въ *Вѣстникѣ Европы*). Онъ составилъ записки по теоріи словесности, отличавшіяся по тогдашнему времени нѣкоторыми новшествами. Ректору, человѣку мало свѣдущему и взбалмошному, записки не понравились. Онъ потребовалъ передѣлки записокъ, уклонившись, однако, отъ объясненія, что именно и въ какомъ именно направленіи должно быть передѣлано. Порфирьевъ горевалъ и недоумѣвалъ. Горевалъ потому, что положилъ въ свой курсъ много труда и послѣдовательной мысли, недоумѣвалъ потому, что не получилъ отъ ректора никакихъ указаній. Его выручилъ Елисеевъ. Хорошо зная ректора, онъ ручался Порфирьеву за успѣхъ, если тотъ просто перепишетъ нѣсколько листковъ заново и опять представитъ записки ректору, ничего въ нихъ не измѣняя. Вышло какъ по писаному: „Ну, вотъ, теперь другое дѣло“,—сказалъ ректоръ, и записки были спасены.

Все это было мало отрадно, мало привлекательно, но для человѣка наблюдательнаго представляло своего рода богатую школу практической психологіи. Почему знающій и любящій свое дѣло профессоръ противумусульманскаго отдѣленія, одинъ изъ немногихъ знатоковъ исторіи, языковъ и религіи Востока, окажется вдругъ математикомъ? Почему забракованный сегодня курсъ теоріи словесности окажется вдругъ черезъ недѣлю пригоднымъ? Эти „вдругъ“ представляли собою психологическія загадки, для рѣшенія которыхъ требовалось пристальное наблюденіе надъ людскими faits et gestes.. Не выходя изъ стѣнъ академіи, Елисеевъ могъ наблюдать не только вспышки ничѣмъ не стѣсняющагося произвола, но и естественныхъ спутниковъ такого порядка вещей—разнообразныя его отраженія въ видѣ негодованія, озлобленія, лицемѣрія, умѣнья и неумѣнья приспособиться. Представьте только себѣ человѣка, назначаемаго, противъ его воли и склонностей и не взирая даже на его незнакомство съ предметомъ, профессоромъ, напримѣръ, богословія. Елисеевъ отчасти на себѣ испыталъ это положеніе, въ особенности, когда къ его предметамъ было внезапно прибавлено каноническое право, котораго онъ не зналъ и къ которому не чувствовалъ никакого влеченія. Но онъ былъ такъ счастливъ или такъ ловокъ, что могъ ограничиться всего шестью лекціями по этой каѳедрѣ. Ему не пришлось, значитъ, à la longue насиловать себя, лицемѣрить, излагая неизвѣстное ему самому, и возбуждать въ слушателяхъ интересъ къ тому, что для него самого нисколько не интересно. Но видалъ въ этомъ родѣ онъ много и, конечно, многое извлекъ изъ этого житейскаго опыта. Я потому останавливаюсь на этой сторонѣ академической жизни Елисеева, что она его самаго очень занимала, но были, разумѣется, и другіе поводы для подобныхъ же на-

блюденій, поучительныхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, огорчительныхъ, съ точки зрѣнія практическаго, нравственнаго элемента религіи, который былъ для него всегда дорогъ, независимо отъ теоретической основы...

Остановимся еще на минуту на эпизодѣ съ записками Порфирьева. Безъ сомнѣнія, нужно было очень тонко знать ректора и быть твердо увѣреннымъ въ этомъ знаніи, чтобы присовѣтывать такой рискованный шагъ и не ошибиться въ разсчетѣ. Фактъ этотъ можетъ служить выразительною иллюстраціей къ утвержденію г. Знаменскаго, что Елисеевъ былъ „человѣкъ практическій, способный хорошо примѣняться къ требованіямъ среды". На основаніи близкаго своего знакомства съ Елисеевымъ въ позднѣйшее время, я готовъ это самое слово, да не совсѣмъ такъ молвить. Съ приведенными словами у васъ невольно ассоціируется представленіе о человѣкѣ, низкомъ-ползкомъ пробирающемся къ спокойному житію, выгодному положенію, жирному куску, почестямъ. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе относительно Елисеева. Способность приспособляться къ требованіямъ среды въ немъ несомнѣнно была, и въ очень сильной степени, но надо знать, какое употребленіе онъ дѣлалъ изъ этой способности. Объ этомъ можно судить по эпизоду съ записками Порфирьева: онъ приспособлялся, чтобы приспособлять. Онъ воспользовался своимъ знаніемъ взбалмошной натуры ректора и его невѣжества для того, чтобы благополучно провести курсъ теоріи словесности, въ который Порфирьевъ вложилъ много добросовѣстнаго труда. Такая способность приспособленія могла быть до извѣстной степени природнымъ даромъ; но такъ какъ она опирается на знаніе людей, то должна быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, результатомъ житейскаго опыта, очевидно, пріобрѣтеннаго уже въ стѣнахъ Казанской академіи.

Такимъ образомъ, академія многому научила Елисеева. Въ ея стѣнахъ онъ пріобрѣлъ серьезныя научныя знанія и прошелъ своеобразную житейскую школу. И въ той, и въ другой области онъ дѣлалъ большіе успѣхи, но этотъ выигрышъ покупался слишкомъ дорогою цѣной. Внѣшнимъ образомъ все шло болѣе, чѣмъ хорошо. Среда, въ которой довелось жить и дѣйствовать Елисееву, относилась къ нему съ уваженіемъ, но бѣда была въ томъ, что онъ-то не могъ отплачивать ей тою же монетой. Тонкое знаніе людей и умѣнье ладить съ ними обезпечивали ему выдающееся положеніе въ академіи, но вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ этого знанія и умѣнья вливалась горечь въ нравственное сознаніе. Если бы онъ былъ изъ такихъ людей, которые умѣютъ приспособляться для того, чтобы вылѣзть куда-нибудь наверхъ на чужихъ спинахъ и тамъ, на этой высотѣ, успокоиться,—онъ легко могъ бы этого достигнуть. Но чѣмъ больше онъ узнавалъ людей своей среды и чѣмъ больше убѣждался въ возможности управлять ими при помощи этого знанія, тѣмъ сильнѣе точилъ его червь недовольства. Все было не по немъ—не только его личное положеніе, но и всѣ академическіе порядки, вся атмосфера заведенія. Усиленная работа отвлекла его на нѣкоторое время отъ сознанія несоотвѣтствія того пути, на который его толкнула судьба, съ его вкусами, наклонностями и смутными, только еще слагавшимися идеалами. Работа эта, въ сущности сводившаяся на приготовленіе къ лекціямъ, уже потому не давала удовлетворенія, что была тою именно цѣпью, которая связывала его съ академіей. Оригинальный и серьезный умъ Елисеева требовалъ себѣ соотвѣтственной пищи, чего-нибудь, находящагося въ связи съ его спеціальными занятіями по исторической каѳедрѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, новаго, не разработаннаго и собственно отъ академіи независимаго. А тѣсныя условія, въ которыхъ ему приходилось жить, указали на задачи по мѣстной исторіи и археологіи.

Елисеевъ принялся за работу съ большимъ рвеніемъ. Онъ обратился къ Казанскому архіерею Владиміру съ просьбой о предписаніи выслать ему, Елисееву, для временнаго пользованія, изъ разныхъ церквей и монастырей описанія мѣстныхъ древностей, лѣтописи, синодики, описи церковнаго имущества. Онъ уже настолько ознакомился съ дѣломъ, что могъ, въ своемъ прошеніи къ архіерею, съ точностью указать тѣ мѣста, куда слѣдуетъ обратиться за нужными ему матеріалами. Архіерей отнесся къ прошенію благосклонно, но замѣтилъ въ своей резолюціи, что отъ монастырей и причтовъ „нельзя, кажется, будетъ дождаться и въ нѣсколько лѣтъ нужныхъ свѣдѣній", и рекомендовалъ Елисееву обратиться за этими свѣдѣніями въ каждое мѣсто самому лично. Но это оказалось совершенно неудобоисполнимымъ, и если бы сношенія съ разными церквами и монастырями не взяло на себя академическое правленіе, то Елисеевъ, вѣроятно, ничего не добился бы. Впрочемъ, ему лично приходилось вести по этому поводу довольно дѣятельную переписку. Плодомъ этихъ занятій были два первыя сочиненія Елисеева: *Исторія жизни первыхъ насадителей и рас-*

пространителей Казанской церкви, святителей Гурія, Варсонофія и Германа (Казань, 1847 г.) и *Краткое сказаніе о чудотворныхъ иконáхъ Казанской, Седміозерской, Раиѳской и Мироносицкой пустыни* (М., 1849 г.). Авторъ *Исторіи Казанской духовной академіи* сообщаетъ, что „новый казанскій архіепископъ Григорій остался не совсѣмъ доволенъ этими произведеніями. Первое казалось ему холодно и мало назидательно, что̀ и заставило его въ 1853 г. издать свое собственное *Житіе святителей и чудотворцевъ Гурія и Варсонофія* съ разными нравоучительными замѣтками и съ приложеніемъ чудесъ святыхъ". Что касается второй работы, то она вызвала полемическую переписку между Елисеевымъ и московскимъ ученымъ Невоструевымъ. Споръ шелъ о сравнительной древности иконъ Казанской Божіей Матери, находящихся въ Москвѣ и въ Казани. Елисеевъ оказался побѣдителемъ. Для печати перепиской этой, хранившейся въ библіотекѣ Казанской академіи, воспользовалось впослѣдствіи другое лицо. Немудрено, что когда въ 1850 г., по распоряженію синода, было предпринято историко-статистическое описаніе казанской епархіи, трудъ этотъ былъ порученъ Елисееву. На этотъ разъ ему были предоставлены и нѣкоторыя денежныя средства, и возможность работы въ архивахъ, не только казанскихъ, но и петербургскихъ и московскихъ. Въ февралѣ 1853 года онъ представилъ первую, вполнѣ законченную часть труда, подъ заглавіемъ: *Исторія распространенія христіанства въ краѣ Казанскомъ*. „Но,—замѣчаетъ г. Знаменскій,—по обстоятельствамъ, она не была напечатана и осталась въ рукописи въ библіотекѣ академіи". Какія именно обстоятельства помѣшали появленію этого труда въ печати, историкъ Казанской духовной академіи не сообщаетъ. Онъ прибавляетъ, однако, что и въ своемъ незаконченномъ видѣ трудъ Елисеева не остался безплоднымъ: надъ матеріалами, имъ собранными, работали потомъ другіе, и „нельзя сказать, чтобы содержаніе этихъ матеріаловъ было вполнѣ исчерпано даже доселѣ" (въ 1892 г.).

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Къ этому времени Елисеевъ былъ уже секретаремъ академіи и экстраординарнымъ профессоромъ. Положеніе его все упрочивалось, репутація возвышалась, онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ профессоровъ академіи. Но недовольство атмосферой продолжало обостряться и получило даже, вѣроятно, новые толчки отъ сношеній съ церковными причтами и монастырями, къ которымъ нужно было обращаться за матеріалами и отъ которыхъ, какъ и архіерей предупреждалъ, „нельзя, кажется, будетъ дождаться и въ нѣсколько лѣтъ нужныхъ свѣдѣній". Острѣе становился и вопросъ о будущемъ: что же дальше? все то же? и такъ всю жизнь?

Вотъ какъ описываетъ самъ Елисеевъ свое тогдашнее состояніе: „Мнѣ часто стало приходить на мысль немедленно бѣжать изъ академіи. Но куда бѣжать? Самымъ прямымъ и законнымъ выходомъ былъ бы выходъ въ духовное званіе. Выходъ этотъ представлялъ для меня много выгодъ. Благоволившій ко мнѣ за мои работы по составленію историческаго описанія казанской епархіи преосвященный далъ бы мнѣ лучшее мѣсто въ Казани, предоставилъ бы вскорѣ открывшуюся каѳедру профессора богословія въ университетѣ и т. п. Но мои идеалы были совсѣмъ другіе и никакъ не совпадали съ жирнымъ и лѣнивымъ существованіемъ нашего бѣлаго духовенства. А кромѣ того, во мнѣ не было ни твердыхъ религіозныхъ убѣжденій, ни горячаго религіознаго чувства... Другія, болѣе соблазнительныя мысли мелькали у меня въ головѣ. Я былъ молодъ, по крайней мѣрѣ, настолько молодъ, что чувствовалъ себя способнымъ еще выдержать полный курсъ ученія; во мнѣ кипѣла жажда знанія и участія въ той интеллигентной жизни, которая, по моему мнѣнію, сосредоточивалась тогда въ Москвѣ, и меня тянуло бросить свое профессорство въ академіи, поступить студентомъ въ Московскій университетъ. Имѣй я возможность обезпечить себя на четыре года университетскаго курса, я бы непремѣнно привелъ эту свою мысль въ исполненіе. Но я не имѣлъ возможности и подумать объ этомъ серьезно. Кромѣ тѣхъ 29 р. 83 к. ежемѣсячнаго жалованья, которые я получалъ по должности наставника академіи и которыхъ едва хватало мнѣ на самое скудное содержаніе, у меня не было никакихъ другихъ источниковъ доходовъ. Ни о какомъ кредитѣ въ будущемъ, даже на самое короткое время и самой ничтожной суммы, мнѣ нельзя было думать. И мнѣ надо было оставаться на мѣстѣ, лаская себя мечтательною надеждой, что, дескать, время еще не ушло, черезъ два-три года я успѣю достигнуть желаемаго. На самомъ же дѣлѣ, каждый новый годъ моей службы скорѣе увеличивалъ, чѣмъ уменьшалъ несоотвѣтствіе моихъ средствъ съ возроставшими потребностями и меня самого дѣлалъ менѣе годнымъ для превращенія снова въ школьника".

Такое тягостное настроеніе не могло не отражаться и на отношеніяхъ Елисеева къ окружающимъ, и на самыхъ его лекціяхъ. Скверно было на душѣ, поднималась жолчь,—поднималась и выливалась въ резолюціяхъ вродѣ „пирогъ безъ начинки“ или въ саркастическаго характера лекціяхъ. Г. Знаменскій утверждаетъ, что лекціи Елисеева „прошли въ исторіи академіи какъ-то мало замѣтно, вслѣдствіе, можетъ быть, своего сухого историко-археологическаго характера“. Въ общемъ это, можетъ быть, и вѣрно. Но вѣрно также и то, что лекціи Елисеева не всегда были сухимъ изложеніемъ историко-археологической матеріи, а нѣкоторыя изъ нихъ были даже очень и очень замѣтны. И г. Знаменскій это знаетъ. По словамъ г. Виноградова въ *Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* 1890 г., въ аудиторіи Елисеева часто раздавался „гомерическій смѣхъ“. „Впечатлѣніе отъ его лекцій,—вспоминаетъ г. Виноградовъ,—мало подходившихъ къ духовному строю академіи, еще усиливалось отъ манеры его чтенія. Самыя пикантныя фразы онъ произносилъ невозмутимо, съ самымъ строгимъ выраженіемъ лица и голоса, ни разу не улыбнувшись; напротивъ, чѣмъ пикантнѣе была его лекція, тѣмъ лицо его становилось серьезнѣе, голосъ строже. Въ то время, когда студентами овладѣвалъ неудержимый смѣхъ, онъ спокойно останавливался, пока не пройдетъ смѣхъ студентовъ, или спрашивалъ словами Гоголя: надъ чѣмъ смѣетесь?—надъ собой смѣетесь“.

Я ни мало не сомнѣваюсь, что въ этихъ лекціяхъ не было ничего кощунственнаго, никакой насмѣшки собственно надъ религіей: жолчною ироніей обдавались лишь среда, представители которой поэтому, дѣйствительно, „надъ собой смѣялись“. Но и вызывалъ этотъ смѣхъ Елисеевъ, конечно, не съ легкимъ сердцемъ, потому что, вѣдь, онъ былъ самъ плоть отъ плоти и кровь отъ крови этой среды. Впослѣдствіи, въ своихъ „внутреннихъ обозрѣніяхъ“, онъ не разъ съ большимъ участіемъ трактовалъ о судьбѣ семинаристовъ и духовенства (только о монашествѣ онъ молчалъ упорно) и по свойственному ему практическому складу ума предлагалъ разные проэкты улучшенія ихъ быта. Упомянутыя же саркастическія лекціи были плодомъ глубокой тоски и стремленія къ иному положенію...

Въ памяти слушателей Елисеева сохранились его лекціи и другого характера. И г. Знаменскій опять-таки это знаетъ и самъ разсказываетъ. Такъ, въ 1850 году Елисеевъ прочиталъ нѣсколько лекцій о Протасовской реформѣ учебныхъ заведеній и о почти современномъ тогда дѣлѣ переводчика Библіи протоіерея Павскаго. „Студенты такъ были наэлектризованы этими лекціями, что въ первый разъ отъ основанія академіи въ аудиторіи профессора раздались аплодисменты“. Такой же, повидимому, эффектъ произвела въ 1852 г. его вступительная лекція въ курсъ церковной исторіи. Лекція трактовала „о жизни привилегированныхъ классовъ въ Россіи, о горемычномъ житьѣ народа и о крѣпостномъ правѣ,—предметѣ тогда еще положительно запрещенномъ“. Подобныя лекціи естественно должны были вызывать энтузіазмъ въ слушателяхъ.

Я сказалъ, что въ общемъ замѣчаніе г. Знаменскаго относительно характера лекцій Елисеева и ихъ значенія въ академіи можетъ быть и вѣрно. Но едва ли правъ г. Знаменскій, когда выражаетъ эту мысль слѣдующими рѣзкими словами: „Замѣчательно, что во все время академической службы Елисеева студенты вовсе не занимались русской исторіей, и даже самый лучшій его слушатель и преемникъ, А. П. Щаповъ, оказался ничѣмъ ему не обязаннымъ въ своемъ историческомъ направленіи и пошелъ по своему собственному пути“.

Одинъ изъ слушателей Елисеева, нынѣ Ирбитскій мировой судья, А. И. Иконниковъ, сообщилъ мнѣ слѣдующій любопытный эпизодъ, съ разныхъ сторонъ рисующій Елисеева, какъ профессора.

Однажды Елисеевъ задалъ всѣмъ своимъ слушателямъ обычное мѣсячное сочиненіе не на обычную въ академіи тему: о святочныхъ переряживаніяхъ. Онъ указалъ при этомъ и источники: книгу Терещенка, статью Кавелина и т. д. Это было совсѣмъ неожиданно для студентовъ, привыкшихъ ломать головы надъ темами въ родѣ „какое различіе между мышленіемъ и бытіемъ?“ и т. п. Принялись за дѣло, кто какъ умѣлъ. Выдѣлились два студента: одинъ старшаго курса — Стекловъ, впослѣдствіи ректоръ Нижегородской семинаріи, другой младшаго курса — Щаповъ. Стекловъ отнесся къ заданной темѣ высокомѣрно, высказавшись въ своемъ сочиненіи въ томъ смыслѣ, что святочныя переряживанія — просто „крестьянское баловство“, не стоющее вниманія людей науки. Разбору этого мнѣнія Елисеевъ посвятилъ цѣлую лекцію, причемъ, не называя имени автора, обдалъ его тою ядовитою ироніей, которой такъ боялись

студенты. Что же касается Щапова, то онъ сильно увлекся заданной темой, и вмѣсто обычныхъ 3—5 листовъ, написалъ листовъ 20... Быть можетъ, это былъ первый толчокъ, опредѣлившій характеръ занятій Щапова.

Здѣсь кстати припомнимъ одинъ позднѣйшій литературный эпизодъ изъ жизни Елисеева.

Въ 1878 г. одинъ писатель, въ жару полемики, попрекнулъ Елисеева его первымъ спеціальнымъ литературнымъ трудомъ—*Житіемъ Гурія, Варсонофія и Германа*. Въ особенности подчеркивалось посвященіе книжки казанскому архіерею, въ которомъ авторъ называлъ свой трудъ „малою лептой моего дѣланія“ и просилъ принять его „съ нисхожденіемъ, да ободрится къ бо̀льшимъ трудамъ недостоинство трудящагося“. Попрекъ не имѣлъ никакого отношенія къ предмету полемики и былъ выдвинутъ, какъ у насъ это часто бываетъ, съ единственною цѣлью уколоть противника, причинить ему непріятность. Но попрекавшій, какъ это тоже часто бываетъ, ошибся въ разсчетѣ. Елисеевъ ни мало не сконфузился и съ достоинствомъ поднялъ брошенную ему перчатку, не пытаясь ни замолчать выкопанный изъ его далекаго прошлаго фактъ, ни отрицать его, ни какъ-нибудь криво истолковать. Ни въ чемъ подобномъ и надобности не было. Задавался вопросъ: „когда г. Елисеевъ былъ искреннимъ человѣкомъ, тогда ли, когда въ немъ кипѣла юношеская кровь и онъ писалъ „малыя лепты“, или теперь, когда опытъ жизни умудрилъ его и онъ пишетъ „внутреннее обозрѣніе“? Вопрошавшій не могъ не понимать, что въ теченіи тридцати лѣтъ человѣкъ можетъ рѣзко измѣнить свое міросозерцаніе, оставаясь вполнѣ искреннимъ. Не могъ онъ также не понимать, что въ духовномъ сословіи существуютъ, можетъ быть, и теперь, а тѣмъ паче существовали тридцать лѣтъ тому назадъ, свои особыя формы эпистолярнаго слога, столь же условныя, какъ наши теперешнія „милостивый государь“ и „съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугой“. Но Елисеевъ не ограничился этими слишкомъ уже элементарными возраженіями. Онъ указалъ на черты единства всей своей дѣятельности. Онъ заявилъ, что ни мало не стыдится „за тридцать слишкомъ лѣтъ составленнаго имъ жизнеописанія первыхъ казанскихъ архіереевъ, людей даже и съ гражданской точки зрѣнія достойныхъ всякаго уваженія, потому что они для культуры и развитія края сдѣлали болѣе, чѣмъ сколько дѣлали не только тогдашніе воеводы, но чѣмъ сколько дѣлаютъ и нынѣшніе генералы“. „Сфера моей прежней спеціальной литературной дѣятельности, — писалъ Елисеевъ, — въ существѣ своемъ вовсе не находится въ такомъ противорѣчіи съ моею нынѣшнею литературною дѣятельностью, чтобы нужно было радикальное нравственное измѣненіе для перехода изъ первой въ послѣднюю... Съ лѣтами должно было болѣе или менѣе видоизмѣниться мое теоретическое религіозное міросозерцаніе, но нравственное міросозерцаніе осталось то же самое: тѣ моральныя истины, которымъ я училъ въ проповѣдяхъ, которыя имѣлъ въ виду или излагалъ въ своихъ лекціяхъ студентамъ, которыя проводилъ въ историческихъ трудахъ, тѣ же самыя истины я излагаю или имѣю въ виду и въ моихъ „внутреннихъ обозрѣніяхъ“. Мы знаемъ теперь, что Елисеевъ могъ бы сказать на эту тему гораздо больше.

Собирая матеріалы для историко-статистическаго описанія казанской епархіи, Елисеевъ побывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ и, значитъ, подышалъ новымъ воздухомъ. Не Богъ знаетъ какимъ цѣлительнымъ воздухомъ дышала тогда вся Россія (то былъ канунъ крымской войны), но были, однако, уголки, гдѣ еще съ сороковыхъ годовъ свято хранился Прометеевъ огонь. Случилось ли гдѣ-нибудь Елисееву столкнуться съ однимъ изъ такихъ хранилищъ, мы не знаемъ. Но, во всякомъ случаѣ, одно изъ такихъ хранилищъ само собою устроилось въ стѣнахъ Казанской академіи. То былъ „идеалистическій“ кружокъ молодыхъ профессоровъ, о которомъ выше было уже вскользь упомянуто. Кружокъ этотъ представлялъ собою нѣчто очень любопытное. Въ бумагахъ Елисеева я нашелъ нѣсколько писемъ покойнаго Порфирьева. Есть письма еще какого-то товарища по службѣ въ академіи, съ неразборчивою подписью. Переписка была начата или послѣ долгаго перерыва возобновлена самимъ Елисеевымъ и мотивируется, между прочимъ, воспоминаніями о „зеленомъ“, по его выраженію, времени академическаго кружка. Такіе моменты жизни не забываются и даже издалека свѣтятъ и грѣютъ. Повидимому, для всѣхъ членовъ кружка навсегда остались свѣтлыми воспоминанія о тѣсной дружбѣ и истинно братскихъ отношеніяхъ, связавшихъ эту горсть молодыхъ людей, о совмѣстныхъ чтеніяхъ разныхъ литературныхъ новинокъ и рѣдкостей, и горячихъ бесѣдахъ на острыя темы. Одинъ изъ членовъ кружка, Н. И. Ильминскій, еще въ 1865 г. разсказалъ кое-что въ *Ученыхъ Запискахъ Казанскаго*

Университета. Образчикомъ времяпровожденія кружка можетъ служить вечеръ, или, можетъ быть, вѣрнѣе, ночь, посвященная чтенію рукописнаго списка второй части *Мертвыхъ душъ*. На столѣ стоялъ портретъ Гоголя, бутылка хереса и сальная свѣчка... Но въ этой убогой комнатѣ ключомъ била жизнь. Волна общихъ литературныхъ интересовъ захватила эту группу молодыхъ талантливыхъ людей разныхъ спеціальностей. Здѣсь, судя по нѣкоторымъ даннымъ, читались и дебатировались не только Гоголь, а и Бѣлинскій, Искандеръ и многое другое, расширявшее горизонты. Здѣсь слагался, вѣроятно, хотя частію, тотъ курсъ исторіи словесности Порфирьева, который Елисеевъ спасъ своимъ мудрымъ совѣтомъ. Здѣсь и Елисеевъ отдыхалъ душой, сбрасывалъ всю свою содержанность и холодную иронію и горячо говорилъ обо всемъ, что въ немъ накипѣло. Здѣсь же слагались и его лекціи о крѣпостномъ правѣ и другихъ щекотливыхъ по тогдашнему времени предметахъ, вызывавшія бурные аплодисменты аудиторіи,— явленіе, дотолѣ небывалое въ Казанской академіи и повторявшееся впослѣдствіи, кажется, только на лекціяхъ Щапова. „Въ первый разъ мы узнали тутъ, что̀ такое Елисеевъ“,—вспоминалъ одинъ изъ слушателей.

Къ этому можно прибавить, что въ извѣстномъ смыслѣ Елисеевъ и самъ незадолго передъ тѣмъ узналъ, что̀ онъ такое, по крайней мѣрѣ, отрицательно. Онъ убѣдился именно, что не его дѣло чистая наука, научное изслѣдованіе фактовъ и объективная ихъ систематизація. Къ тому времени, когда онъ, послѣ усиленнаго труда, овладѣлъ своимъ предметомъ и могъ являться на каѳедру, уже не смущаясь своею неподготовленностью, предметъ этотъ получилъ для него новое освѣщеніе: русская исторія, церковная и гражданская, неразрывно связалась съ текущею жизнью и открылась со стороны своего „моральнаго или публицистическаго элемента“, какъ онъ самъ выражается въ автобіографической запискѣ. Для другого человѣка, а, можетъ быть, и для Елисеева при другихъ условіяхъ, въ другой обстановкѣ, это не только не было бы препятствіемъ къ дальнѣйшему воздѣлыванію науки, но могло бы даже быть новымъ толчкомъ въ этомъ направленіи. Въ самомъ дѣлѣ, научное изслѣдованіе нашего историческаго прошлаго можетъ, повидимому, только оживиться, получить новую привлекательность отъ дуновенія скорбей и радостей, надеждъ и разочарованій, сейчасъ нами переживаемыхъ. Монастырская лѣтопись, синодикъ, какой-нибудь архивный документъ, способный обрадовать сердце историка, какъ новый матеріалъ для теоретическаго построенія, получаетъ еще при этомъ практически-жизненный характеръ, въ особенности для человѣка, умѣющаго утилизировать его въ видѣ урока внимательной и сочувственной аудиторіи. Но „моральный или публицистическій элементъ“ уже слишкомъ перевѣсилъ въ Елисеевѣ всѣ остальные. Лѣтописи и синодики, архивные и археологическіе матеріалы, къ которымъ онъ было прилѣпился, утратили для него всякій интересъ, потому что вѣдь моральный или публицистическій элементъ можно найти гораздо ближе, вокругъ насъ сейчасъ. Такому повороту способствовалъ отчасти чисто практическій складъ ума Елисеева, а отчасти характеръ того оффиціально-научнаго поприща, на которое онъ былъ поставленъ обстоятельствами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ казанскій архіерей, отъ котораго зависѣла судьба его литературно-научной дѣятельности, нашелъ его первую работу „холодною и мало назидательною“. Если бы онъ взялся за ту же тему въ концѣ своего пребыванія въ академіи, работа вышла бы, вѣроятно, и горячею, и очень назидательною (иначе онъ въ тогдашнемъ своемъ настроеніи и не взялся бы за нее), но ни эта горячность, ни эта назидательность, навѣрное, не заслужили бы одобренія: они были бы не въ надлежащемъ тонѣ. Чистая наука оказалась для него дѣломъ неподходящимъ, но и наука-ancilla тоже. Упоминаніе въ автобіографической запискѣ о „моральномъ и публицистическомъ элементѣ“ чрезвычайно характерно. При томъ настроеніи, въ которомъ былъ тогда Елисеевъ, онъ могъ бы найти удовлетвореніе только въ двухъ положеніяхъ: проповѣдника и публициста. Для роли проповѣдника у него, по его собственному сознанію, не хватало горячаго религіознаго чувства. Онъ никогда не былъ противъ религіознаго источника проповѣди и всегда высоко цѣнилъ людей, искренно отдающихся этому дѣлу, если практическая сторона ихъ проповѣди совпадала съ дѣломъ правды. Но самъ онъ по совѣсти не могъ утвердиться на этой точкѣ, а лгать не хотѣлъ. Что же касается роли публициста, литературнаго истолкователя текущей жизни и оцѣнщика ея съ извѣстной общественной точки зрѣнія, то онъ и впослѣдствіи долго еще не сознавалъ въ себѣ присутствія нужнаго для этой роли таланта. Да и какая же тогда была публицистика? Въ симпатичномъ для Елисеева направленіи тогда еще кое-какъ могли справляться съ этимъ дѣломъ люди исключительнаго таланта, витая въ сферахъ выс-

шихъ теоретическихъ обобщеній, отвлеченій и иносказаній. Текущая жизнь въ ея непосредственной фактической злобѣ дня была безусловно запретнымъ плодомъ. Изъ этихъ отрицательныхъ слагаемыхъ получился и итогъ отрицательный, — мучительная безвыходность, мрачное стремленіе махнуть на все рукой: идти не куда, на мѣстѣ оставаться нельзя. Навѣрное, много тяжелыхъ дней и бессонныхъ ночей провелъ въ это время Елисеевъ. И другой на его мѣстѣ кончилъ бы дурно. Это одно изъ тѣхъ именно положеній, въ которыхъ люди спиваются, въ разумѣ повреждаются, пулю себѣ въ лобъ пускаютъ. Бѣда была близка отъ Елисеева и до извѣстной степени настигла его. Въ послѣдніе годы своей казанской жизни онъ былъ не чуждъ слабости, сгубившей много талантливыхъ русскихъ людей. Глубочайше мое уваженіе къ памяти Елисеева и искреннѣйшая любовь къ нему не мѣшаютъ мнѣ помянуть эту черту его жизни, мало кому извѣстную и которую поэтому легко было бы скрыть. Повидимому, это несчастіе висѣло надъ нимъ лишь очень короткое время; онъ былъ слишкомъ уравновѣшенная натура, чтобы надолго поддаться этой слабости. Впослѣдствіи онъ былъ до такой степени далекъ отъ нея, что если бы я не зналъ отъ него самого, то никогда не догадался бы и не повѣрилъ бы. Не въ судъ или осужденіе записываю я эту подробность,—пусть этимъ другіе, кто хочетъ, занимаются,—а для иллюстраціи того душевнаго состоянія, которое переживалъ Елисеевъ. По натурѣ спокойный, сдержанный, онъ искалъ забвенія. Не поздравляю съ проницательностью и даже съ добродѣтелью того, кто сдѣлаетъ изъ этого обстоятельства упрекъ его памяти. Пьянство есть слабость или порокъ. Справедливо сказано: „не упивайтеся виномъ“. И благо тому, кому не знакомъ смыслъ пѣсни, которую любилъ пѣть даровитый пьяница, тоже бывшій профессоромъ Казанской академіи, Щаповъ:

„Ахъ, спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ, злу тоску-кручину!“

И не только благо, а честь ему и слава, если онъ не искалъ забвенія въ винѣ, хотя къ тому были поводы и искушенія. Но бываетъ, что и ничего не бываетъ, какъ говорилъ одинъ нѣмецъ. Бываетъ, что добродѣтель охраняется стражемъ, весьма не дорого стоющимъ: недостаткомъ воспріимчивости, нравственною толстокожестью. Во всякомъ случаѣ, и среди пьющихъ, и среди не пьющихъ звѣзда отъ звѣзды разнствуютъ во славѣ, а иному и за добродѣтель никакой славы не полагается...

Поколебавшись нѣкоторое время, помучившись въ колебаніяхъ между мечтою и дѣйствительностью, Елисеевъ вышелъ въ 1850 г. изъ духовнаго званія, а въ 1854 г. отказался и отъ профессорства и поступилъ на государственную службу. Нужно было много скромнаго мужества, искренности и самообладанія для такого рѣшенія. Съ внѣшней стороны положеніе его въ Казанской духовной академіи было прекрасное. Онъ былъ на хорошемъ счету въ качествѣ способнаго и знающаго профессора; онъ пользовался популярностью среди студентовъ, которые. наконецъ, „узнали, что такое Елисеевъ“; онъ былъ занятъ обширнымъ историческимъ трудомъ, который уже значительно подвинулся впередъ и для окончанія котораго онъ собралъ много матеріаловъ, *до сихъ поръ* (черезъ сорокъ лѣтъ!) не вполнѣ исчерпанныхъ, хотя надъ ними работали и другіе; онъ могъ, какъ мы видѣли, разсчитывать и на спокойное, обезпеченное положеніе священника въ хорошемъ, что называется, приходѣ, и на каѳедру богословія въ университетѣ. Отъ всѣхъ этихъ перспективъ онъ отказался и вступилъ на обычный тогда житейскій путь всякаго средняго русскаго образованнаго бѣдняка, не пригрѣтаго какимъ-нибудь спеціальнымъ солнцемъ. Онъ затерывался здѣсь въ безличной массѣ чиновничества, но за то избавлялся отъ раздиравшихъ его внутреннихъ противорѣчій.

Онъ поступилъ на службу въ Сибирь,—потому ли, что для этого имѣлись у него подходящія знакомства, или потому, что его влекло на родину, или, наконецъ, потому, что какія-нибудь особенности сибирскаго быта привлекали его возможностью приложить свои силы къ практикѣ съ наибольшею пользой и въ соотвѣтствіи съ его идеалами. О службѣ его въ Сибири мнѣ ничего неизвѣстно, кромѣ свѣдѣній, имѣющихся въ его формулярномъ спискѣ. Онъ былъ сперва омскимъ, потомъ тарскимъ окружнымъ начальникомъ, потомъ совѣтникомъ тобольскаго губернскаго правленія и исполнялъ множество разнообразнѣйшихъ порученій по службѣ, главнымъ образомъ, въ средѣ крестьянства; они-то и доставили ему то знакомство съ практическою жизнью, которое впослѣдствіи такъ пригодились ему въ его „внутреннихъ обозрѣніяхъ“ въ *Совре-*

менникъ и *Отечественныхъ Запискахъ*. Нѣкоторое указаніе на характеръ его служебной дѣятельности можетъ дать слѣдующее замѣчаніе въ первой его статьѣ, напечатанной въ *Современникѣ* въ 1858 г. *(О Сибири)*: „Кто поставленъ въ начальническія отношенія къ крестьянамъ по своей должности, тотъ долженъ вооружиться всевозможнымъ терпѣніемъ для бесѣды съ крестьянами. Никогда крестьянина, пришедшаго къ нему съ просьбой, не долженъ онъ отпускать со словами: „этого сдѣлать нельзя". Нѣтъ, всегда онъ долженъ растолковать и растолковать, отчего нельзя. Только такимъ образомъ можетъ онъ пріобрѣсти отъ крестьянъ довѣріе и прекратить безчисленное множество просьбъ, поступающихъ въ высшія инстанціи оттого только, что крестьянину было растолковано не въ *долбежъ*, о чемъ просилъ онъ на инстанціи низшей".

Служилъ, впрочемъ, Елисеевъ не долго: съ апрѣля 1854 г. по декабрь 1857 г., когда по болѣзни вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ 1858 году въ Петербургъ. Пріѣхалъ, по видимому, безъ опредѣленныхъ плановъ, просто привлекаемый свѣтомъ зари, которая поднималась тогда надъ всею Россіей, но яснѣе всего чувствовалась въ Петербургѣ или, по крайней мѣрѣ, такъ казалось всякому провинціалу. О литературѣ, какъ профессіи, онъ, во всякомъ случаѣ, не думалъ.

III.

Въ числѣ недоконченныхъ рукописныхъ статей Елисеева есть одна, которая съ перваго взгляда навѣрное очень удивила бы читателя.

Статья, неизвѣстно къ какому времени относящаяся, имѣетъ видъ отвѣтнаго письма кому-то, обратившемуся къ автору съ такими, между прочимъ, словами: „Намъ ничего не осталось въ наслѣдство отъ прошлаго; у насъ нѣтъ никакого великаго общественнаго дѣла, надъ которымъ мы могли бы работать въ настоящемъ; у насъ нѣтъ никакихъ надеждъ и идеаловъ въ будущемъ. Мы имѣемъ въ своемъ обладаніи одно Волково кладбище, однѣ только могилы нашихъ великихъ покойниковъ. Съ ними, съ этими великими покойниками, должна жить наша мысль въ постоянномъ единеніи, на ихъ могилы должны мы ходить освѣжать свою душу, страдающую и томящуюся въ безпросвѣтной мглѣ настоящаго, воспоминаніями объ исчезнувшихъ идеалахъ и надеждахъ, и тамъ искать разрѣшенія и уясненія нашихъ будущихъ судебъ". Елисеевъ горячо возстаетъ противъ мрачно-пессимистическаго тона этой тирады, но, къ сожалѣнію, эта часть статьи осталась совсѣмъ неразработанною. Что же касается обитателей Волкова кладбища, то, вполнѣ присоединяясь къ хвалѣ имъ и съ особенно глубокимъ почтеніемъ останавливаясь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, — на Бѣлинскомъ и Добролюбовѣ,—Елисеевъ прибавляетъ, что о заслугахъ другихъ онъ не будетъ распространяться, потому что это заняло бы слишкомъ много мѣста. „А я никакъ не могу,—пишетъ онъ,—пройти молчаніемъ особую серію великихъ покойниковъ, до сихъ поръ никѣмъ еще не отмѣченныхъ, но которые, на мой взглядъ, по нравственной красотѣ не менѣе, если не болѣе велики, чѣмъ вышеупомянутые. Кто они—я не знаю, имя ихъ легіонъ и имена ихъ ты, Господи, вѣси. Ихъ тѣлами обильно упитано Волково кладбище, но безчисленное множество ихъ разсѣяно по безчисленному множеству кладбищъ русской земли не только большихъ городовъ, но и малыхъ и даже, вѣроятно, селъ, и почиваютъ они тамъ такъ же безвѣстно, какъ и здѣсь".

Кто же это такое? Читатель, конечно, удивится, когда узнаетъ, что это, какъ выражается Елисеевъ,—„литературная богема" конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, тогдашніе безчисленные „обличители", „литераторы-обыватели", которыхъ Салтыковъ окрестилъ нарицательно-собственнымъ именемъ „Корытниковыхъ". Эти-то маленькіе, незамѣтные, а подчасъ просто смѣшные люди оказываются „по нравственной красотѣ не менѣе, если не болѣе великими", чѣмъ Бѣлинскій, Добролюбовъ и другіе обитатели завѣтныхъ могилъ на Волковомъ кладбищѣ. Какъ ни страннымъ можетъ показаться такой взглядъ, но уже самая его оригинальность заставляетъ отнестись къ нему со вниманіемъ, тѣмъ болѣе въ виду репутаціи Елисеева: его мало знали и кое-кто былъ очень нерасположенъ къ нему, но въ его умѣ, знаніи жизни и

серьезности никто никогда не сомнѣвался. Поневолѣ думается, что у высказаннаго имъ страннаго взгляда должны быть извѣстныя солидныя основанія, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторой особенной точки зрѣнія.

Чтобы усвоить себѣ эту особенную точку зрѣнія, надо, прежде всего, отрѣшиться отъ представленія о нынѣшнихъ „обличителяхъ“ и вояжирующихъ корреспондентахъ газетъ. А затѣмъ надлежитъ правильно понять щедринскій очеркъ *Литераторы-обыватели*, о которомъ Елисеевъ не безъ основанія говоритъ, что онъ остался въ литературѣ единственнымъ памятникомъ дѣятельности „богемы“. Памятникъ на первый взглядъ не особенно лестный и, во всякомъ случаѣ, довольно двусмысленный. Въ свое время очеркъ Салтыкова вызвалъ толкованія, неблагопріятныя частью для самого автора. Одни усматривали въ очеркѣ незаконное, презрительно-аристократическое отношеніе генерала отъ литературы къ литературной мелкой сошкѣ, которая, однако, дѣлаетъ въ концѣ-концовъ то же самое дѣло, что и онъ. Другіе выражали удовольствіе, что Щедринъ, патріархъ и заводчикъ обличительной литературы, рѣшилъ, наконецъ, своею насмѣшкой положить предѣлъ потоку назойливыхъ обличеній. Елисеевъ совсѣмъ иначе и, конечно, гораздо правильнѣе толкуетъ очеркъ Щедрина. Онъ разсуждаетъ приблизительно такъ. Писатели, начавшіе, какъ Щедринъ, работать въ сороковыхъ годахъ, были люди, въ большинствѣ случаевъ, дворянскаго происхожденія, хорошо, на готовыхъ хлѣбахъ, воспитанные и иногда блестяще образованные, а это блестящее образованіе давало широкіе горизонты и соотвѣтственныя требованія отъ жизни. Эти люди тяготились мракомъ до-реформеннаго режима и страстно жаждали обновленія родины, которое представлялось имъ въ не совсѣмъ, можетъ быть, опредѣленныхъ, но прекрасныхъ и величавыхъ формахъ. Но когда, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, обновленіе наступило, нѣкоторые изъ нихъ даже не узнали его, потому что оно подняло съ нисшихъ слоевъ русскаго житейскаго моря элементы, оскорблявшіе ихъ тонко развитый вкусъ. Они вполнѣ раздѣляли лучшія упованія новаго времени, но съ брезгливымъ изумленіемъ смотрѣли на нахлынувшихъ разночинныхъ носителей этихъ упованій и подчасъ заходили очень далеко въ этомъ отношеніи. Брезгливость доходила до такой степени, что неприглядная форма заслоняла для нихъ самую сущность дѣла. Салтыковъ не повиненъ въ этомъ грѣхѣ, но и онъ былъ не чуждъ брезгливости. Она-то и сказалась въ очеркѣ *Литераторы обыватели*. Корытниковы непріятно дѣйствовали на него мелочностью своихъ обличеній, своею неумѣлостью, смѣшною напыщенностью рѣчи, изъ которой „выходитъ нѣчто нелѣпое: Глуповъ и—человѣчество, судья Лапушниковъ — и вѣчные законы правды“; своею, наконецъ, ультра наивною вѣрой въ „настоящее время, когда“. Смущаясь и возмущаясь всею этою неотесанностью и налагая соотвѣтственныя, слишкомъ даже густыя тѣни на фигуру Корытникова, Салтыковъ, однако, вполнѣ признаетъ не только искренность Корытникова и его готовность претерпѣть за правду, а и извѣстное значеніе его дѣятельности. Говоря подлинными словами Елисеева, Щедринъ, несмотря на свои насмѣшки, обнаруживаетъ „глубокую и горячую симпатію къ явившейся повсюду русской богемѣ и, главное, онъ убѣжденъ, что она явленіе не случайное, не дѣло каприза или бездѣлья тѣхъ или другихъ лицъ, а явленіе необходимое, неизбѣжное, потому что времена созрѣли; что представители богемы дѣйствуютъ не по посторонникъ побужденіямъ, корыстнымъ разсчетамъ и т. п., а по чувству долга, въ твердой увѣренности, что это ихъ нравственная обязанность, ихъ призваніе, за которое они готовы подвергнуться какимъ угодно непріятностямъ, страданіямъ. Характеристика глубоко вѣрная! (Продолжаю выписывать подлинныя слова Елисеева). Эта черта рѣзко отдѣляетъ богему начала шестидесятыхъ годовъ отъ длиннаго ряда обличителей послѣдующаго времени. Богема по своимъ талантамъ и свѣдѣніямъ была разнообразна до безконечности. Большая часть ея, вѣроятно, не знала ничего или, можетъ быть, развѣ немного болѣе десяти заповедей. Но этого было совершенно достаточно для ея дѣйствій. Не убій, не укради, не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна и т. д.,— вотъ весь тотъ кодексъ нравственности, за исполненіемъ котораго въ общественной жизни она слѣдила, въ тѣхъ, впрочемъ, только явленіяхъ, которыя окружены были тайною для закона, суда и полиціи или истинная духовная сущность и смыслъ которыхъ были не уловимы для нихъ, какъ преслѣдующихъ неисполненіе только буквы закона, или которыя происходили публично, въ наглой расправѣ надъ лицами беззащитными. Ложь, лицемѣріе, своекорыстіе, самоуправство, наглость, эксплуатація, нахальство—вотъ тѣ общественные пороки, которые преимущественно преслѣдовала богема со всею неутомимостью, имѣя при этомъ всегда въ виду защиту эксплуати-

руемыхъ, притѣсняемыхъ, обижаемыхъ, въ особенности, если они беззащитны по возрасту, полу, своему общественному положенію и т. п.“

Если читатель потрудится припомнить картину тревогъ, торжествъ и злоключеній Корытникова, независимо отъ сатирическаго освѣщенія, то увидитъ, что дѣятельность этого человѣка несомнѣнно производила значительный эффектъ въ окружающей средѣ. Зависѣло это отчасти отъ свойствъ этой среды, отчасти отъ личныхъ свойствъ самого Корытникова. Тотчасъ послѣ окончанія крымской войны, даже немножко раньше, по всему русскому житейскому морю пошла рябь и зыбь, и даже самые близорукіе, если не понимали, то чувствовали, что это лишь начало болѣе глубокаго волненія. Все насторожилось тревожно или радостно. Ясно было, что исторія подводитъ свои итоги, что чему-то надлежитъ погибнуть, чему-то вырости. Старое общество, изъѣденное крѣпостнымъ произволомъ, взяточничествомъ, невѣжествомъ, смѣсью лицемѣрія и наглости подъ покровомъ формализма, отсутствіемъ всякаго общественнаго интереса, готовилось уступить мѣсто иному строю жизни. Сразу свыкнуться съ этою мыслью оно, разумѣется, не могло. Оно то отступало передъ очевидною неизбѣжностью, то пробовало отстоять себя своими обычными средствами. Объявились Корытниковы или „литературная богема“, какъ не совсѣмъ удачно называетъ ихъ Елисеевъ. Наивные, подчасъ невѣжественные и смѣшные, они, однако, искренно вѣрили въ торжество грядущей правды и готовы были претерпѣть ради нея всевозможныя лишенія, оскорбленія, непріятности совершенно безкорыстно. О корыстолюбіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова нечего и говорить, — „обличители“ никакого вознагражденія не получали. Приманки славы для нихъ тоже не существовали, потому что писанія ихъ были анонимны или, самое большое, псевдонимны. Они удовлетворялись исключительно своимъ положеніемъ добровольныхъ стражей правды. Ихъ писанія производили переполохъ въ разныхъ Краснорѣцкахъ, Кутерьмахъ, Златогорскахъ, Бѣлокаменскахъ и т. д. Ихъ боялись, потому что, въ виду общественнаго настроенія, „попасть въ газеты“ и особенно „попасть въ *Искру*“ было тогда поистинѣ страшно. Человѣкъ, „попавшій въ *Искру*“, старался, конечно, не узнавать себя; но если это оказывалось невозможнымъ, онъ долженъ былъ, хотя бы и скрежеща зубами, оправдываться или заглаживать какой-нибудь самоуправный поступокъ, дикую расправу съ подчиненнымъ, съ ребенкомъ, женщиной, мужикомъ, или взяточничество, нерадѣніе и проч., ибо не только общественное мнѣніе, а и оффиціальная Россія явно поворачивала на какой-то новый путь. Но онъ злобствовалъ и не упускалъ случая учинить какую-нибудь пакость незванному, непрошенному „обличителю“. И всѣ эти пакости Корытниковъ самоотверженно принималъ, не имѣя въ воздаяніе за такіе минусы ни единаго плюса, кромѣ сознанія правоты и цѣлесообразности своей дѣятельности. За эту-то черту Елисеевъ и признаетъ Корытниковыхъ „по нравственной красотѣ не менѣе, если не болѣе великими“, чѣмъ тѣ борцы русскаго слова, которые покоятся на Волковомъ кладбищѣ.

Это мнѣніе не такъ уже преувеличено, какъ можетъ показаться. Когда мы думаемъ о какомъ-нибудь признанномъ великомъ человѣкѣ,—ну, хоть о Бѣлинскомъ или Салтыковѣ,—мы, въ придачу къ ихъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, ихъ горячей преданности одушевлявшей ихъ идеѣ, имѣемъ еще наглядные результаты ихъ дѣятельности: ихъ сочиненія, которымъ предстоятъ еще многая лѣта, общее благоговѣніе къ ихъ памяти, отражающееся и въ литературѣ, и въ жизни. Въ нихъ концентрируется и даже какъ бы ипостазируется цѣлый рядъ преданій, цѣлый строй мыслей и чувствъ. Но если у насъ не было критика, равнаго Бѣлинскому, то, при всей необыкновенной нравственной чистотѣ „неистоваго Виссаріона“, возможно, что въ числѣ его современниковъ были люди неизмѣтные, не оставившіе по себѣ никакого слѣда, но не уступавшіе ему или даже превосходившіе его по нравственной красотѣ. Приложимо ли это разсужденіе къ „обличителямъ“ пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ, я судить не берусь, но несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что ими обнаружено было много самоотверженія, безкорыстія и настоящаго гражданскаго мужества. Они забыты, они и въ свое время были лично неизвѣстны, а въ массѣ не блистали ни дарованіями, ни образованностью, ни шириною взгляда; но эта скудность и сѣрость не должны заслонять отъ насъ ихъ дѣйствительно незаурядныя нравственныя достоинства и значительность роли, которую они въ свое время сыграли. Велики заслуги именитыхъ людей, вѣчнымъ сномъ почивающихъ на Волковомъ кладбищѣ, но для той среды, въ которой и на которую дѣйствовали „обличители“, нужны были гораздо болѣе грубыя и прямыя средства, чѣмъ тонкая разработка движеній человѣче-

ской души, горячая проповѣдь знанія и нравственныхъ истинъ, изображеніе общественныхъ идеаловъ, казнь подлости въ ея отвлеченныхъ вершинахъ или обобщенныхъ типахъ. Все это, какъ отъ стѣны горохъ, отскакивало отъ заскорузлыхъ обитателей Краснорѣцка, Кутерьмы, Бѣлокаменска и проч. и не могло воздержать ихъ отъ привычныхъ дѣйствій и пріемовъ. Слишкомъ все это для нихъ было отвлеченно и высоко. Прямая угроза личнаго срама и отвѣтственности была для нихъ единственнымъ путемъ, къ уразумѣнію азбуки добра и зла. Это грубое, но необходимое дѣло и дѣлали добровольцы-обличители. Понятно, что они могли имѣть значеніе и даже просто существовать только пока существовали новыя вѣянія, съ прекращеніемъ которыхъ исчезли и они. Они уступили свое мѣсто уже иного характера обличителямъ и корреспондентамъ, иногда, конечно, очень почтеннымъ, а иногда совсѣмъ не почтеннымъ и даже клеветникамъ и шантажистамъ, но, во всякомъ случаѣ, лишеннымъ своеобразной наивной вѣры своихъ предшественниковъ.

Если такимъ образомъ взглядъ Елисеева на Корытниковыхъ имѣетъ за себя извѣстныя очень вѣскія оправданія, то данное имъ щедринскому очерку объясненіе представляетъ собою особенную цѣнность. Та смѣсь брезгливости съ уваженіемъ, которую характеризуетъ этотъ очеркъ, есть, по совершенно вѣрной мысли Елисеева, лишь частный случай. Собственно въ дѣятельности Салтыкова это случай единственный. Сверстники его, изъ тѣхъ, которые искренно привѣтствовали зарю новой жизни (другіе для насъ не интересны), гораздо чаще и гораздо рѣзче выражали свое брезгливое отношеніе къ неожиданнымъ для нихъ порожденіямъ новой жизни. На этомъ въ значительной степени основывался разладъ „отцовъ и дѣтей“, формулированный Тургеневымъ. Разладъ вышелъ бы еще гораздо рѣшительнѣе, если бы жизнь не подготовила посредствующихъ звеньевъ въ лицѣ нѣсколькихъ писателей, одними своими сторонами близкихъ къ изящнымъ, съ нѣсколько туманными, но широкими горизонтами „отцамъ“, а съ другой—къ угловатымъ, рѣзкимъ, подчасъ узкимъ, но искреннимъ и послѣдовательнымъ „дѣтямъ“. Писатели эти группировались, главнымъ образомъ, въ *Современникѣ*. Достаточно прочитать имѣющіеся нынѣ въ отдѣльномъ изданіи *Очерки гоголевскаго періода*, чтобы видѣть, какъ чтили эти люди лучшія преданія сороковыхъ годовъ, а, съ другой стороны, они, сами вызванные на арену общественной дѣятельности новою жизнью, не могли, конечно, относиться къ нѣкоторымъ ея угловатостямъ съ чрезмѣрною строгостью. Одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между этими людьми, непосредственно рядомъ съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, очень скоро занялъ Елисеевъ.

Какъ я уже говорилъ выше, Елисеевъ пріѣхалъ въ 1858 году въ Петербургъ, повидимому, съ весьма неопредѣленными планами и, во всякомъ случаѣ, не имѣлъ намѣренія заняться литературой, какъ профессіей: онъ не сознавалъ въ себѣ литературнаго таланта. Но желаніе писать, послужить печатнымъ словомъ дѣлу правды, было. Въ первой его статьѣ, напечатанной въ *Современникѣ*, встрѣчаются характерныя для того историческаго момента слова о „великомъ времени, когда въ Россіи снимаются оковы съ мысли и слова, когда лучшіе люди, благословляя новый благотворный свѣтъ, восходящій надъ народомъ русскимъ, посвящаютъ съ любовью на служеніе своему отечеству свое слово и мысль“. Тамъ же читаемъ о Сибири, откуда только что пріѣхалъ авторъ: „Сторона дальняя, глухая, можно сказать, нетронутая еще. На что ни взгляни, все остается, какъ было назадъ тому десятки лѣтъ. Къ одному вовсе еще не касалась рука человѣка, другое подверглось разработкѣ, но разработкѣ неправильной, или ничтожной, третье идетъ себѣ по старой колеѣ, для настоящаго времени вовсе непригодной. Все здѣсь невольно вызываетъ мысль у человѣка мыслящаго, все заставляетъ взяться за перо“. Эти цитаты указываютъ на наличность элементовъ, изъ которыхъ въ то время слагались „литераторы-обыватели“, такъ высоко впослѣдствіи Елисеевымъ оцѣненные. Весьма вѣроятно, что именно на такую незамѣтную роль въ литературѣ разсчитывалъ Григорій Захаровичъ, полагая добывать себѣ средства къ жизни службой, государственной или частной. Но онъ былъ слишкомъ большой корабль для такого мелкаго плаванія, что и обнаружилось очень скоро, хотя „обывательская“ привычка къ анонимности осталась у него до конца дней.

Я не знаю, гдѣ собственно началъ писать Елисеевъ,—въ *Искрѣ* или *Современникѣ*, но, во всякомъ случаѣ, своимъ, близкимъ человѣкомъ онъ раньше сталъ въ *Искрѣ*. Уже съ начала 1859 г. тамъ постоянно печаталась его „Хроника прогресса“,—нѣчто среднее между передовыми статьями и внутренними обозрѣніями, тогда какъ

постояннымъ, ближайшимъ сотрудникомъ *Современника*, завѣдующимъ однимъ изъ отдѣловъ, а именно отдѣломъ „внутренняго обозрѣнія“, онъ сталъ лишь въ февралѣ 1861 г. До тѣхъ поръ его участіе въ *Современникѣ* было довольно случайно. Первая статья *О Сибири*, напечатанная въ декабрѣ 1858 г., подписана псевдонимомъ „Грыцько“, къ которому Елисеевъ и впослѣдствіи изрѣдка прибѣгалъ; большинство же его произведеній совсѣмъ не подписаны. Статья *О Сибири* написана такъ, что никто не назвалъ бы автора новичкомъ въ литературѣ: пріемы письма свободные, спокойно-увѣренные, даже мастерскіе. Что же касается содержанія, то солидность его гарантировалась уже фактомъ недавняго пріѣзда изъ Сибири, гдѣ онъ не мало поработалъ на практической почвѣ. Относительно теоретическихъ взглядовъ любопытно отмѣтить въ этой первой статьѣ мимоходомъ брошенную мысль, которая впослѣдствіи, въ значительно, разумѣется, болѣе развитой формѣ, стала одною изъ излюбленныхъ руководящихъ мыслей Елисеева. Онъ говоритъ: „Недавно въ нашей литературѣ завязался споръ о личномъ и общинномъ поземельномъ владѣніи... Поспорить было о чемъ. За одинъ бытъ стоитъ строгая наука, за другой — вѣковой опытъ нашъ собственный, привычка и, наконецъ, опасеніе тѣхъ послѣдствій, которыя испытала на себѣ Западная Европа въ пролетаріатѣ“. Въ статьѣ не указывается выходъ изъ этого затрудненія, да это и не требовалось задачей статьи, но авторъ полемизируетъ съ нѣкіимъ Холмогоровымъ, который, въ связи съ нѣкоторыми спеціально сибирскими дѣлами, возставалъ противъ общиннаго владѣнія землей. *Современникъ*, какъ извѣстно, стоялъ за общину. Такимъ образомъ, Елисееву во всѣхъ отношеніяхъ нечего было безпокоиться объ участи своей статьи. Но, сомнѣваясь въ своемъ литературномъ талантѣ и все еще не думая записываться въ литературный цехъ, онъ безпокоился, конфузился, не являлся въ редакцію даже послѣ напечатанія статьи. Его разыскалъ уже кто-то изъ членовъ редакціи *Современника*, заинтересовавшейся новымъ писателемъ. Около этого же времени Елисеевъ сильно захворалъ. Онъ любилъ потомъ разсказывать о томъ необыкновенно сердечномъ участіи, которое принималъ въ немъ, во время его болѣзни, Чернышевскій: ходилъ за нимъ, какъ сидѣлка или сестра милосердія.

Помимо этихъ личныхъ житейскихъ отношеній редакція *Современника* сразу оцѣнила Елисеева, какъ писателя, и всячески старалась вплотную усадить его въ литературу. Но его первые шаги на этомъ поприщѣ были довольно неопредѣленны. Въ маѣ 1859 г была напечатана его статья *О календаряхъ*, въ декабрѣ—разборъ книги Костомарова о Богданѣ Хмельницкомъ, въ январѣ 1860 г. статья *Уголовные преступники*, гдѣ опять пригодилась его спеціальная сибирская практика, въ ноябрѣ—разборъ VII и VIII томовъ *Исторіи Россіи* Соловьева, въ январѣ 1861 г.—*О движеніи народонаселенія въ Россіи*, въ мартѣ—*О препровожденіи ссыльныхъ по Сибири на конныхъ подводахъ*. Всѣ эти статьи очень интересны, проникнуты характернымъ гуманнымъ и демократическимъ духомъ. Но это еще не тотъ Елисеевъ, какимъ онъ, какъ вліятельный публицистъ и журналистъ, останется въ исторіи русской литературы. Эта роль его началась съ февраля 1861 г, когда онъ сталъ писать „внутреннее обозрѣніе“. Отдѣлъ этотъ былъ заведенъ въ *Современникѣ* за годъ передъ тѣмъ, въ мартѣ 1860 г., но я не знаю, кѣмъ онъ велся до Елисеева. Елисеевъ же велъ его до начала 1866 г., когда сталъ писать ежемѣсячный обзоръ русской журналистики, а „внутреннее обозрѣніе“, подъ заглавіемъ „Дѣйствительность“, перешло къ кому-то другому. Такимъ образомъ, всѣ „внутреннія обозрѣнія“ съ 1861 по 1866 г. принадлежатъ Елисееву, за исключеніемъ августовскаго за 1861 г., которое, за отсутствіемъ Елисеева, написано Добролюбовымъ. Вскорѣ послѣ того и Елисееву пришлось отчасти замѣнить Добролюбова въ январскомъ *Свисткѣ* за 1862 г. Послѣ смерти Добролюбова осталось вступленіе къ этому нумеру *Свистка*. Продолженіе къ нему придѣлано, главнымъ образомъ, Елисеевымъ и отчасти Чернышевскимъ.

Остановимся на минуту на Добролюбовскомъ „внутреннемъ обозрѣніи“, которое въ сочиненіяхъ Добролюбова не перепечатывается, и, можетъ быть, даже самые записные наши библіографы не знаютъ, что оно написано имъ. Оно очень любопытно и само по себѣ, и по отношенію къ Елисееву. Начинается оно такъ: „Читатели *Современника* плачутъ, не нашедши въ іюльской книжкѣ „внутренняго обозрѣнія“. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ его составитель, котораго я, впрочемъ, не одобряю—сколько по зависти къ его таланту, столько же за его весеннія мечты и стремленія... Составитель прежнихъ обозрѣній разнѣжилъ публику своей весеннею теплотой... Ужъ вы не сердитесь, господа, у меня теплоты особенной не найдете, да и время теперь не такое подходитъ .. Говорятъ, весеннія мечты моего предшественника

нравились; слѣдовательно, мои *осеннія* не понравятся? Но я хочу, чтобы онѣ понравились; слѣдовательно, долженъ, прежде всего, добиться, чтобы *весеннія* перестали нравиться. Съ этого и начну". Далѣе идутъ обычныя въ то время, шутливыя по формѣ, но горькія по существу, иносказанія. Авторъ самъ любитъ весну. „Знаю я,—говоритъ онъ,—какая бываетъ хорошая-то весна... Отъ такой весны и я не прочь: знаю, что за ней будетъ горячее, долгое-предолгое лѣто, потомъ осень, чрезвычайно похожая на весну, только съ плодами,—та же красавица, только вполнѣ созрѣвшая, а тамъ по календарю и будетъ зима, а я ее не увижу... И это такъ изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Такую весну я люблю, обожаю, „стремлюсь" къ ней, хоть бы она была также бурна и сурова, какъ прошлогодняя, хоть бы она дѣйствовала вовсе неблагодѣтельно на нервы и здоровье отживающихъ дряхлыхъ стариковъ. Что-жъ, пусть ихъ отживаютъ и не смущаютъ намъ нашей весны, не заслоняютъ намъ нашего солнца... Какъ видите, я въ принципѣ согласенъ съ моимъ товарищемъ по „обозрѣнію"; но въ примѣненіяхъ мы расходимся. Онъ выдумалъ какую-то возможность наслаждаться весною у насъ, даже въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. А я беру смѣлость утверждать, что это положительно невозможно. Во-первыхъ возьмите краткость, мимолетность, такъ сказать, нашей весны, доходящую поистинѣ до неуловимости:

За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ,—
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ.
Людямъ тяжко, людямъ горе,—

да на этомъ и остановится. Что-жъ, вы поймали весну-то вашу? Вѣдь, духъ перевести не успѣли, а она уже и прошла, да еще и вмѣстѣ съ лѣтомъ!.. „Все-таки, говорятъ, природа во время весны оживляется". Велика важность,—вѣдь, и чахоточный оживляется передъ смертью, обыкновенно такой становится бодрый, да здоровый, да веселый, а посмотришь, на другой день и умретъ. Такъ и весна наша".

Затѣмъ слѣдуетъ шутливо-грустное поэтическое сравненіе петербургской погоды съ чахоточною больной, которая было повѣрила въ свое выздоровленіе. Эти строки получаютъ особенно трогательное значеніе, если вспомнить, что въ это время злая чахотка уже поканчивала самого Добролюбова. Онъ какъ бы обобщалъ, раздвигалъ свою личную печальную судьбу въ иносказательномъ смыслѣ. „Нѣтъ,—продолжаетъ онъ,—этимъ чахоточнымъ проявленіемъ жизни вы меня не заставите восхищаться: я знаю, что́ за нимъ слѣдуетъ обыкновенно. Я знаю, что нашъ климатъ не таковъ, чтобы помочь чахоточному выздоровѣть; я знаю, что чернобогъ славянской зимы сильнѣе всѣхъ вашихъ добрыхъ домовыхъ, русалокъ и другихъ духовъ, вызванныхъ на смотръ безъименнымъ, хотя и даровитымъ моимъ товарищемъ". И далѣе: „Мы всѣ, какъ извѣстно, лѣтъ пять тому назадъ воспрянули отъ сна; и я тогда воспрянулъ. Ну, знаете, какъ человѣкъ послѣ хорошаго сна чувствуетъ себя бодрымъ и здоровымъ. Мы всѣ тогда думали, что города можемъ брать, людей и самый климатъ передѣлывать. А уже объ говореньи нечего и говорить: я воображалъ, что, не заикнувшись, могу порицать не только весну петербургскую, но даже мостовые сѣверной столицы, даже обитателей ея... То была весна, моя собственная весна, она тоже умерла въ своемъ разцвѣтѣ, и вотъ почему я теперь такъ грустно смотрю и на весну вообще, т.-е. на петербургскую весну".

Кромѣ обычной по тогдашнему времени манеры аллегорическаго писанія, предоставлявшей читателю искать настоящія намѣренія автора между строкъ, здѣсь есть еще одинъ намекъ, нуждающійся въ объясненіи. Что это за весеннія мечты и домовые, русалки и другіе духи, „вызванные на смотръ безъименнымъ, хотя и даровитымъ моимъ таварищемъ", то-есть Елисеевымъ?

Отвѣта на этотъ вопросъ надо искать въ апрѣльскомъ „внутреннемъ обозрѣніи", содержаніе котораго изложено въ подзаглавіи такъ: „Мои весеннія воззрѣнія и стремленія.—Какъ наслаждается природой и господствуетъ надъ ней современный человѣкъ?—Весна въ мірѣ языческомъ. — Вѣрованіе язычниковъ въ цѣлебную силу, приносимую весной.—Водяной.—Русалки" и т. д. Это чуть ли не единственное Елисеевское „внутреннее обозрѣніе", въ значительной своей части посвященное отвлеченно-теоретическому вопросу объ отношеніи человѣка къ природѣ, и потому имѣетъ для насъ особенную цѣну. Послѣ короткаго вступленія о пріятностяхъ весны, настоящей, а не иносказательной весны, Елисеевъ замѣчаетъ, что пріятности эти почти совсѣмъ

недоступны цивилизованному человѣку вообще, петербургскому дачнику въ особенности. То ли дѣло,—говоритъ онъ,—„времена нашего грубаго и бѣднаго язычества, когда земля населена была лѣшими, русалками, вѣдьмами (NB *и теперь есть*), домовыми, водяными, когда человѣкъ въ каждомъ кустикѣ, въ каждомъ ручейкѣ видѣлъ божество“. Постановленное здѣсь въ скобкахъ NB характерно, какъ образчикъ той шутливой фамильярности съ читателемъ, которую себѣ разрѣшали почти всѣ сотрудники *Современника* среди самаго серьезнаго разговора о самыхъ серьезныхъ вещахъ. Я сейчасъ къ этому вернусь. Мысль Елисеева, во всякомъ случаѣ, вполнѣ серьезна. Онъ говоритъ, что въ языческую старину люди, одушевляя всю природу, въ свою очередь сами извлекали изъ нея обильные источники духовной жизни, что̀ и подтверждается примѣрами повѣрій, суевѣрныхъ обрядовъ при встрѣчѣ весны, народнаго поэтическаго творчества. Отношеніе цивилизованнаго человѣка къ природѣ совсѣмъ иное. Онъ заслонилъ себя отъ нея культурою, и его непосредственное отношеніе къ ней ограничивается лишь изученіемъ ея и примѣненіемъ ея силъ къ практическимъ цѣлямъ. Религіозная связь исчезла совсѣмъ, поэтическая—ослабѣла и поблѣднѣла, такъ какъ даже въ лучшихъ поэтическихъ нашихъ произведеніяхъ нѣтъ той „дружественности“ съ природою, которою проникнута старая народная поэзія. Это отражается и на всемъ строѣ жизни. Язычникъ „не зналъ различія между духомъ и матеріей, нравственнымъ и безнравственнымъ; съ точки зрѣнія натуральной, все, что̀ натурально, могло быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прекрасно, и было законно“. Это наивное, непосредственное міросозерцаніе исчезло. Жалѣть объ этомъ нечего. „Новая точка зрѣнія безконечно выше природной, непосредственной. При помощи ея человѣчество стало на такую высоту, о которой не могло мечтать язычество... Но самая высота взгляда, которой совершенно не соотвѣтствуетъ современное положеніе общества, не только препятствуетъ примѣненію его въ жизни во всей его широтѣ, но и производитъ многія неудобства: порождаетъ въ жизни разладицу между требованіями слишкомъ идеальными и дѣйствительною жизнью, въ законодательствѣ — необходимость улаживать возвышенныя начала въ приложеніи къ жизни полицейскими мѣрами... Въ язычествѣ не было такого раздвоенія, такой разладицы между мыслью и дѣломъ, между теоріей и жизнью; точка зрѣнія была низка, но поэтому удобоприложима въ жизни и оставалась вѣрна себѣ; идеалы были грязны, но ни для кого не были недостижимы“. Измѣнятся, однако, когда-нибудь и наши нынѣшнія дѣла. Уравняются идеалы и дѣйствительность, и тогда природа опять станетъ не только предметомъ спеціальнаго изученія и технической эксплуатаціи, а и непосредственнымъ источникомъ высшаго духовнаго наслажденія; его, впрочемъ, „не только опредѣлить сколько-нибудь, но и дать о немъ какое-нибудь понятіе въ настоящее время, за неимѣніемъ ничего подобнаго, внѣ нашихъ средствъ“.

Къ этимъ общимъ разсужденіямъ, которыя я, разумѣется, до послѣдней возможности сократилъ, прибавлены во „внутреннемъ обозрѣніи“ замѣтки и о текущихъ дѣлахъ, а именно о праздновавшемся тогда пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ литературной дѣятельности кн. Вяземскаго. Переходъ къ этому маленькому событію былъ очень естественный. Провидя въ будущемъ уравненіе дѣйствительности и идеаловъ, объединеніе жизни, науки и искусства, Елисеевъ пользуется случаемъ сказать нѣсколько словъ о современной поэзіи.

Что же именно не понравилось Добролюбову въ этомъ внутреннемъ обозрѣніи, и не понравилось настолько, что онъ даже рѣшился протестовать печатно противъ своего „безъименнаго, хотя и даровитаго товарища“? Или это, можетъ быть, только особенная manière de parler? Я думаю, что тутъ было и то, и другое. Но такъ какъ этотъ эпизодъ очень характеренъ для нѣкоторыхъ сторонъ тогдашней журналистики, то, въ объясненіе его, мы сдѣлаемъ довольно большое отступленіе.

IV.

Перечитывая *Современникъ* конца пятидесятыхъ и самаго начала шестидесятыхъ годовъ, нынѣшній читатель, если онъ не вдумывался въ особенныя условія тогдашняго времени, встрѣтитъ много непонятнаго, страннаго. Я уже не говорю объ „езо-

повскомъ языкѣ", въ употребленіи котораго тогдашніе писатели достигали настоящей виртуозности, и о разныхъ намекахъ на текущія дѣла, которые въ свое время на лету ловились, а теперь дешифрируются лишь съ большимъ трудомъ. Это само собой. Но, кромѣ того, нынѣшняго читателя, привыкшаго къ нѣкоторой сѣренькой равноцѣнности талантовъ съ рѣдкими искрами чего-нибудь поярче, покрупнѣе, можетъ поразить слѣдующее обстоятельство. Въ старомъ *Современникѣ*, рядомъ съ произведеніями такихъ мастеровъ, какъ Тургеневъ, Островскій, Гончаровъ, Салтыковъ, и такихъ талантливыхъ новичковъ, какъ, напримѣръ, Николай Успенскій, встрѣчаются беллетристическія произведенія совершенно топорной работы: письмо грубое, краски аляповатыя, художественнаго такта—никакого, объ „искусствѣ" и помину нѣтъ. Теперь ни одна маломальски умѣлая редакція не рѣшится напечатать у себя что-нибудь подобное, а, между тѣмъ, редакцію стараго *Современника* ужъ никакъ нельзя назвать неумѣлою. Недоумѣніе, возникающее отсюда для всякаго внимательнаго читателя, вполнѣ разъясняется вышеприведенными соображеніями Елисеева о значеніи обличительной литературы. Авторы этихъ топорныхъ произведеній, всѣ эти гг. Елагины, Селивановы, Макашины и проч.,- „обличители". Быть можетъ, эти писатели и посейчасъ здравствуютъ, но въ литературномъ смыслѣ они — эфемериды, давно и безслѣдно сошедшіе со сцены. Достойно вниманія, что многіе изъ нихъ прибѣгали къ драматической формѣ. Драма, настоящая драма, есть, можетъ быть, самая трудная изъ формъ поэзіи, потому что драматургъ лишенъ вспомогательныхъ средствъ описанія и характеристики дѣйствующихъ лицъ отъ себя: онъ можетъ изображать ихъ только собственными ихъ словами и дѣлами. Съ другой стороны, однако, если отбросить всякія художественныя требованія, то драматическая форма окажется наиболѣе легкою, потому что тутъ у автора вполнѣ своя рука владыка. Самый плохой романистъ долженъ хоть своими словами мотивировать поступки своихъ дѣйствующихъ лицъ и, слѣдовательно, давать отчетъ читателю. Въ чрезмѣрномъ обиліи такой отчетности обыкновенно даже состоитъ главная бѣда авторовъ плохихъ повѣстей, романовъ и разсказовъ. Плохой драматургъ поступаетъ проще, онъ пишетъ въ скобкахъ свою ремарку („уходитъ"), („плачетъ"), („хватается за стулъ")—и дѣло съ концомъ. Та самая обнаженность драматической формы отъ описательной одежды, которая затрудняетъ крупнаго драматурга, облегчаетъ дѣло драматургу бездарному. Надо, однако, сказать, что обличители, прибѣгавшіе къ драматической формѣ, отнюдь не мнили себя драматургами; для нихъ вообще художественная форма стояла на отдаленнѣйшемъ планѣ, важна была только голая фабула, и этою голою фабулой очень часто была сама голая дѣйствительность, не украшенная ни единымъ цвѣткомъ творчества. Это, впрочемъ, мимоходомъ. Обличители-драматурги были по таланту не ниже и не выше обличителей въ другихъ беллетристическихъ формахъ. Всѣ они были болѣе или менѣе бездарны и всѣ мало заботились о формѣ, да и самое содержаніе ихъ писаній не отличалось какою-нибудь глубиной. Всѣ они поэтому по справедливости должны были утонуть въ рѣкѣ забвенія, но въ свое время они играли значительную роль. Достаточно вспомнить, что одного изъ нихъ, Селиванова, Хомяковъ, въ качествѣ предсѣдателя общества любителей россійской словесности, привѣтствовалъ хвалебною рѣчью, именно, какъ представителя обличительной литературы. А кто теперь знаетъ этого почтеннаго писателя? Обличители, по чрезвычайно вѣрному объясненію Елисеева, были цѣнны именно своею грубостью, какъ тараны, спеціально приноровленные къ пробиванію толстыхъ стѣнъ, которыми отдѣлила себя старая Россія отъ новой жизни. И редакція *Современника* это понимала. Тургеневы, Островскіе, Салтыковы нужны, но нужны, необходимо нужны и Селивановы, Елагины, Макашины...

Этимъ же пониманіемъ особенныхъ условій своего времени объясняется и та фамильярная развязность по отношенію къ читателю, которая на нынѣшняго читателя можетъ произвести подчасъ очень непріятное впечатлѣніе. Впослѣдствіи, послѣ 1863 г., она достигла въ *Современникѣ* рѣшительно непозволительныхъ размѣровъ, но въ концѣ пятидесятыхъ и въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ она имѣла свои серьезныя основанія. До крымской войны литература наша, по остроумному сравненію Щедрина, была сказочною царевной, заключенною въ волшебные чертоги: чистая, возвышенная, оторванная отъ жизни, не многимъ доступная. Измѣнившіяся обстоятельства потребовали, чтобы литература сблизилась съ жизнью и предстала читателю не въ такомъ отвлеченно-возвышенномъ видѣ, а въ видѣ добраго, простого, ласковаго друга-учителя, который и о пустякахъ поболтать согласенъ, и побалагурить можетъ, и про себя кое-что поразсказать. Отсюда и та кажущаяся разноголосица,

образчикомъ которой могутъ служить вышеприведенныя прекеканія Добролюбова съ Елисеевымъ. Подобныя прекеканія были не рѣдкость въ *Современникѣ*, но очень ошибется тотъ, кто приметъ ихъ à la lettre. А, между тѣмъ, такія ошибки случались. Ограничусь однимъ примѣромъ. Послѣ смерти Елисеева въ одномъ періодическомъ изданіи была напечатана некрологическая замѣтка, въ которой говорилось, между прочимъ, что покойникъ имѣлъ мало общаго съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ и самъ заявилъ это въ одномъ изъ своихъ „внутреннихъ обозрѣній" *Современника*. Если бы покойники могли слышать, чувствовать и говорить, Елисеевъ нехорошимъ словомъ обозвалъ бы автора замѣтки. Заявленіе, о которомъ говоритъ авторъ, дѣйствительно существуетъ, но оно сдѣлано въ такой же шуточной формѣ, какъ, напримѣръ, и приведенныя слова Добролюбова, что онъ снѣдаемъ завистью къ таланту Елисеева.

Пользуясь каждымъ случаемъ извлечь изъ посмертныхъ набросковъ Елисеева, что̀ оказывается возможнымъ, я и здѣсь приведу его меткую характеристику веденія дѣла въ *Современникѣ* по сравненію съ тѣмъ, какъ оно велось въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

„Большая часть нашихъ редакторовъ,—говоритъ Елисеевъ,—набирая сотрудниковъ, что называется, съ бору и сосенки, похожи на дурныхъ кучеровъ, которые не даютъ лошадямъ бѣжать спокойно и ровно, дергаютъ ихъ безъ всякой нужды изъ стороны въ сторону. Извѣстно, что нѣтъ ничего хуже такихъ кучеровъ; нѣтъ ничего хуже и такихъ редакторовъ. Напрасно они держатъ то и дѣло совѣщанія съ своими сотрудниками, о чемъ писать въ тотъ или другой моментъ; напрасно потѣютъ, сидя съ утра до вечера надъ корректурами, стараясь смягчить или ослабить ту или другую рѣзкую фразу въ виду тѣхъ или другихъ соображеній о возможныхъ читателяхъ и т. п. Все это ни къ чему не приводитъ, кромѣ возбужденія нервной боязни въ сотрудникѣ за свою натурально являющуюся мысль, за свою фразу, — боязни, кончающейся совершеннымъ его обезличеніемъ. Въ *Современникѣ* съ того времени, какъ я его знаю, дѣло это повелось другимъ образомъ. Тамъ набирались подходящіе къ направленію журнала сотрудники и имъ предоставлялось въ каждый моментъ писать, что имъ Богъ на душу положитъ. Никто не слѣдилъ ни за мыслями, ни за фразами. Иногда казалось, что точно редакторы не читаютъ никакихъ статей въ своемъ журналѣ, а, между тѣмъ, само собою выходило все ладно. Почему?—да потому, что въ журналѣ, главнымъ образомъ, нужно, чтобы всѣ говорили въ одно. Не только неудачныя фразы, но и неудачныя, т.-е. слабыя цѣлыя статьи, если только онѣ бьютъ въ одну цѣль въ общемъ, нисколько не вредятъ дѣлу. Оттого *Современникъ* торжествовалъ надъ всѣми журналами не только въ первый періодъ своей обновленной дѣятельности, съ 1857 по 1862 г., когда имъ руководилъ блестящій штабъ съ Чернышевскимъ во главѣ, но и впослѣдствіи, когда въ немъ сильно чувствовалось отсутствіе этого штаба, особенно въ критическомъ отдѣлѣ, сильно обѣднѣвшемъ и измѣнившемся. Сдѣлавшись редакторомъ *Отечественныхъ Записокъ*, Некрасовъ остался къ нимъ въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ былъ и къ *Современнику*. Человѣкъ отъ природы несомнѣнно умный, съ сильно развитымъ эстетическимъ и критическимъ чутьемъ, онъ ограничивался выборомъ подходящихъ сотрудниковъ и предоставлялъ дѣлу идти, какъ оно могло идти, не подражая тѣмъ мало опытнымъ и неискуснымъ кучерамъ, которые безъ толку дергаютъ лошадей и мѣшаютъ имъ бѣжать спокойно и ровно. Самъ Некрасовъ, непрестанно работавшій въ теченіе 30 лѣтъ, если не болѣе, въ разныхъ журналахъ или изданіяхъ, былъ болѣе или менѣе утомленъ этою работой и занимался ею, такъ сказать, наскокомъ и порывомъ. Иногда онъ все читалъ, что печаталось въ журналѣ, отъ начала до конца, иногда оставлялъ журналъ на цѣлые мѣсяцы, въ надеждѣ, что и безъ него, съ одними сотрудниками, дѣло пойдетъ такъ же хорошо, какъ оно шло, не смущаясь тѣмъ, что явятся статьи неудачныя или что допущены будутъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ разныя неровности, излишества и т. п. И дѣло дѣйствительно шло хорошо, какъ только могло идти при данныхъ наличныхъ силахъ. Салтыковъ въ общемъ держался въ веденіи журнала той же системы, что и Некрасовъ, т.-е., употребляя прежнее сравненіе, онъ также не принадлежалъ къ числу тѣхъ плохихъ кучеровъ, которые безтолковымъ дерганіемъ лошадей мѣшаютъ только свободной, спокойной и ровной ѣздѣ. Но Михаилъ Евграфовичъ былъ кучеръ не только умѣлый и ловкій, но и кучеръ-щеголь, который заботился не только о томъ, чтобы ѣзда была хороша и спокойна, но чтобы при выѣздѣ

не было никакой неряшливости ни въ сбруѣ, ни въ экипажѣ, чтобы все въ выѣздномъ ансамблѣ, если не блистало, то было въ порядкѣ и чисто".

Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о томъ постоянномъ нервномъ, лихорадочномъ безпокойствѣ, съ которымъ Салтыковъ относился ко всякой мелочи въ *Отечественныхъ Запискахъ*, хотя въ его непосредственномъ завѣдываніи находился лишь беллетристическій отдѣлъ. Это извѣстно изъ другихъ воспоминаній о Салтыковѣ, да здѣсь и къ дѣлу не идетъ. Во всякомъ случаѣ, если въ *Отечественныхъ Запискахъ* вередко печатались вещи очень слабыя (какой журналъ можетъ безъ нихъ обойтись?), то ни такихъ грубыхъ обличительныхъ повѣстей и „сценъ", какія попадались въ *Современникѣ*, ни такихъ шутливыхъ публичныхъ пререканій между сотрудниками и взаимныхъ репримандовъ тамъ не было и быть не могло. Однако, не потому только, что Салтыковъ былъ кучеръ-щеголь. Это очень вѣрно и наглядно: онъ дѣйствительно былъ щеголь. Но, продолжая все то же сравненіе, можно прибавить, что на экипажи, сбрую и т. д. бываетъ мода, измѣняющаяся, какъ и всякая другая мода, а, кромѣ моды, еще есть требованія климатическихъ и другихъ условій, тоже измѣняющихся. Отъ пятидесятыхъ до семидесятыхъ годовъ совершилось много хорошаго и много дурного. Съ одной стороны, въ грубыхъ таранахъ обличенія не было уже такой надобности, потому что нѣкоторое смягченіе нравовъ было, все-таки, достигнуто (а теперь, можетъ быть, опять утрачено); съ другой стороны, за отсутствіемъ того свѣжаго вѣтерка, который дулъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, беллетристическое обличеніе стало дѣломъ во всѣхъ смыслахъ рискованнымъ: и „богемы" не было, и эффекты обличенія могли оказаться совсѣмъ неожиданные. То же самое относится и къ фамильярно-шутливымъ взаимнымъ репримандамъ сотрудниковъ. Въ качествѣ „кучера-щеголя", Салтыковъ не допустилъ бы ихъ, но въ нихъ и надобности не было. Литература давно уже вышла изъ положенія сказочной царевны въ очарованныхъ чертогахъ, ее не зачѣмъ было вводить въ жизнь пріемами утрированной простоты обращенія съ читателемъ и балагурствомъ. Поэтому, когда намъ, сотрудникамъ *Отечественныхъ Записокъ*, случалось упоминать другъ о другѣ, мы говорили совершенно серьезно. Исключенія бывали очень рѣдки, по старой привычкѣ. Я помню, какъ я былъ не то что пораженъ,—это слишкомъ громкое слово,—а не совсѣмъ пріятно тронутъ началомъ одной статьи Елисеева (*Храмъ современнаго счастія или проектъ положенія объ акціонерныхъ обществахъ*, *Отеч. Зап.* 1872 г.): „Я не знаю г. Михайловскаго, но полагаю, что онъ долженъ быть еще очень молодой человѣкъ. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, въ наше время можетъ такъ солидно, какъ онъ, усѣсться за Спенсера и, нисколько не улыбаясь, съ самымъ серьезнымъ видомъ начать разъяснять публикѣ, что такое счастіе?" Тогда какъ, дескать, всякій знаетъ, что счастье въ деньгахъ. Это былъ юмористическій приступъ къ статьѣ вполнѣ серьезной. Я поинтересовался узнать, зачѣмъ онъ Елисееву понадобился. Онъ отвѣтилъ, что ему показалось занимательнѣе для читателя такъ начать статью.

Въ *Современникѣ* подобные пріемы были очень обыкновенны: такъ было занимательнѣе для читателя. Но кто пойметъ эти пріемы въ буквальномъ смыслѣ, будетъ столь же далекъ отъ истины, какъ еслибъ онъ, со ссылкой на статью самого Елисеева, утверждалъ, что Елисеевъ меня въ 1872 году не зналъ, тогда какъ это было время самыхъ дружескихъ и близкихъ нашихъ отношеній. Не все, однако, было, можетъ быть, шуткой въ юмористическомъ вступленіи Елисеева, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Точно также не все, можетъ быть, было шуткой и въ репримандахъ Добролюбова Елисееву по поводу весеннихъ мечтаній и лѣшихъ съ русалками. Никакой розни во взглядахъ этотъ репримандъ не знаменовалъ собою; напротивъ, подъ всѣмъ этимъ „внутреннимъ обозрѣніемъ" Добролюбовъ смѣло могъ бы подписаться. И, наоборотъ, Елисеевъ не отказался бы подписаться подъ тѣмъ „обозрѣніемъ", которое вмѣсто него и какъ бы въ пику ему писалъ Добролюбовъ. Но, можетъ быть, Добролюбовъ дѣйствительно находилъ несвоевременнымъ въ апрѣлѣ 1861 г. „разнѣживать" читателей весенними мечтаніями, поэтическими картинами изъ далекаго языческаго прошлаго и розовыми перспективами въ далекое будущее; не имѣя ничего возразить по существу, находилъ несвоевременнымъ и не постѣснился сказать это въ печати съ такою же простотой, съ какою сказалъ бы глазъ на глазъ самому Елисееву въ пріятельской бесѣдѣ за стаканомъ чаю. Таковы были литературные нравы.

Во всякомъ случаѣ, эта фамильярно-публичная полемика свидѣтельствуетъ не объ отчужденности Елисеева въ составѣ редакціи *Современника*, а, напротивъ, о большой близости и о значительности его тогдашней роли въ журналистикѣ. Но игралъ

онъ эту роль отнюдь не въ качествѣ теоретическаго мыслителя: упомянутое обозрѣніе, занятое общественными вопросами въ ихъ отвлеченной, чисто-теоретической формѣ, составляетъ, какъ уже сказано, рѣдкое исключеніе. Елисеевъ былъ, напротивъ, силенъ знаніемъ практической жизни и умѣньемъ разбираться въ текущихъ житейскихъ явленіяхъ, освѣщая ихъ съ точки зрѣнія требованій новой, проснувшейся на Руси жизни. Эта именно черта привлекла къ его „внутреннимъ обозрѣніямъ“ общее вниманіе и сдѣлала ихъ однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ *Современника*. Онъ былъ, можно сказать, создателемъ этого отдѣла не только въ своемъ журналѣ, а и вообще въ журналистикѣ. Но этого ему было мало. Толстый ежемѣсячный журналъ былъ для него слишкомъ громоздкою и слишкомъ медленно движущеюся машиной. Ею могли удовлетворяться другіе видные сотрудники *Современника*, озабоченные, главнымъ образомъ, проведеніемъ въ массу извѣстныхъ теоретическихъ взглядовъ и воздѣйствіемъ на жизнь обобщенными итогами. Елисеева же тянуло въ самый водоворотъ практической жизни, съ ея злобой *дня* въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Поэтому, не покидая журнала, онъ всегда мечталъ и о газетѣ.

Къ его услугамъ была *Искра*, но ея спеціальная программа не давала ему надлежащаго простора, да онъ былъ и немножко тяжеловѣсенъ для юмористическаго листка. Для образчика, кромѣ болѣе или менѣе постоянной *Хроники прогресса*, укажу интересующимся въ №№ 48 и 49 *Искры* за 1860 г. замѣтку *Дай на луну*, въ № 1 за 1861 г. *Vivant aut pereant Поморные?* въ № 1 за 1862 г. *Пробная лекція, читанная pro gradu doctoris по наукамъ историческимъ*. Во всѣхъ этихъ, конечно, не подписанныхъ замѣткахъ и статейкахъ много остроумія, и очень язвительнаго, но въ цѣломъ онѣ, все-таки, тяжеловѣсны и не выдерживаютъ своего юмористическаго тона. Пробовалъ, кажется, Елисеевъ работать и въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, но я въ этомъ не увѣренъ, и, во всякомъ случаѣ, сотрудничество его въ этой газетѣ, если оно было, было очень кратковременно и случайно. Когда въ 1861 г. *Русскій Вѣстникъ* выдѣлилъ изъ себя *Современную Лѣтопись* въ видѣ отдѣльной еженедѣльной газеты, куда отошелъ и отдѣлъ „внутренняго обозрѣнія“, Елисеевъ, какъ мы уже видѣли, предполагалъ тамъ работать. Но съ Катковымъ они не сошлись. Въ концѣ того же 1861 г. въ Петербургѣ составилась артель литераторовъ, предполагавшая издавать на паяхъ еженедѣльную газету *Мірской Толкъ*. Редакторомъ былъ выбранъ Елисеевъ. Были сдѣланы всѣ приготовленія къ газетѣ: составлена программа, приглашены сотрудники, провинціальные корреспонденты. Но *Мірской Толкъ* не былъ разрѣшенъ. Въ 1862 г. компанія человѣкъ въ тридцать литераторовъ пріобрѣла у П. И. Вейнберга погибавшую еженедѣльную газету *Вѣкъ*. Въ числѣ новыхъ издателей-сотрудниковъ были: К. К. Арсеньевъ, два брата Курочкины, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, Помяловскій, два брата Потѣхины, Серно-Соловьевичъ, Николай Успенскій, Шелгуновъ, Щаповъ, А. Н. Энгельгардъ и другъ. Редакторомъ опять-таки былъ выбранъ единогласно Елисеевъ, и любопытно, что выборъ этотъ заслужилъ одобреніе Каткова въ *Современной Лѣтописи*. Это показываетъ, какимъ всеобщимъ уваженіемъ пользовался Елисеевъ, не смотря на его неизвѣстность въ публикѣ и сравнительно недавнее его вступленіе на литературное поприще. Такъ какъ дѣла *Вѣка* были очень запущены, то новой редакціи пришлось выпускать по нѣскольку нумеровъ заразъ, чтобы войти въ сроки. Вотъ содержаніе перваго выпуска: передовая статья самого Елисеева о нѣкоторыхъ дворянскихъ притязаніяхъ, выраженныхъ въ ту пору гг. Безобразовыми (московскимъ и петербургскимъ), Орловымъ-Давыдовымъ и Чичеринымъ; стихотвореніе Василія Курочкина *Безумцы*; *Сельская община* Щапова; разсказъ Стопановскаго *Наши вечера; Амурскій вопросъ* Шашкова; иностранная политика; корреспонденціи изъ Новгородской губерніи и изъ Перми; анонимныя статьи: *Крестьянскіе юридическіе обычаи* и *Дѣйствительно ли пьянство между крестьянами служитъ причиной недоимокъ*. Такимъ образомъ, выпускъ былъ посвященъ почти исключительно нашимъ внутреннимъ дѣламъ и въ частности крестьянскимъ интересамъ. Такой составъ носилъ на себѣ отпечатокъ руки редактора. И дѣйствительно, Елисеевъ былъ редакторомъ не по имени только. Въ скоромъ времени онъ, по какимъ-то соображеніямъ, отказался напечатать какую-то статью А. Н. Энгельгардта, одного изъ хозяевъ-сотрудниковъ. Нѣкоторые изъ сотрудниковъ обидѣлись такимъ властнымъ отношеніемъ редактора къ дѣлу и внесли свой протестъ въ общее собраніе пайщиковъ. Произошло бурное объясненіе, причемъ голоса раздѣлились. Большинство стояло за Елисеева, какъ человѣка, которому вся артель предоставила извѣстныя полномочія, меньшинство—человѣкъ шесть—вышло изъ состава сотрудниковъ *Вѣка*. Вскорѣ послѣ

того *Вѣка*, однако, и совсѣмъ прекратился, благодаря неисправности пайщиковъ и не взносу ими денегъ. У меня есть письмо Елисеева къ покойному А. М. Унковскому, изъ котораго видно, что Григорій Захаровичъ думалъ о возобновленіи „Вѣка“ при иныхъ условіяхъ, но это не выгорѣло.

Въ 1863 г. Елисеевъ опять попытался пристроиться къ газетному дѣлу. Арендовавшій *С.-Петербургскія Вѣдомости* Амплій Очкинъ передалъ ихъ въ 1862 г. Коршу, а затѣмъ затѣялъ новую ежедневную газету *Очерки*, редакторомъ которой предложилъ быть Елисееву. Въ контрактѣ, заключенномъ между Елисеевымъ и Очкинымъ, есть одна интересная особенность. А именно пунктъ 6-й контракта гласитъ: „Въ случаѣ смерти Очкина, газета *Очерки* переходитъ въ полное завѣдываніе Елисеева, но онъ обязанъ уплачивать наслѣдникамъ Очкина въ теченіе двѣнадцати лѣтъ половину чистой прибыли, для опредѣленія которой они могутъ назначить отъ себя довѣренное лицо, но никакія взысканія по газетѣ *Очерки* за долги, сдѣланные по смерти Очкина, на нихъ падать не могутъ. Въ случаѣ смерти Елисеева, въ товарищество съ Очкинымъ по изданію и пользованію прибылью отъ газеты на одинаковыхъ съ Елисеевымъ правахъ вступаетъ то лицо, которое будетъ главнымъ помощникомъ ихъ, Очкина и Елисеева, по газетѣ, съ обязательствомъ платить наслѣдникамъ сего послѣдняго изъ своей половины чистой прибыли одну треть каждогодно, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. О лицѣ, избранномъ въ помощники, Елисеевъ обязывается сдѣлать заявленіе Очкину черезъ четыре мѣсяца послѣ начала изданія газеты“.

Здѣсь любопытна заботливость о дальнѣйшемъ направленіи газеты, которое Елисеевъ хотѣлъ обезпечить своимъ посмертнымъ распоряженіемъ о помощникѣ, а потомъ и самостоятельномъ руководителѣ *Очерковъ*. Такъ какъ выборъ этого лица откладывался на четыре мѣсяца, то Елисеевъ, очевидно, хотѣлъ предварительно на дѣлѣ испытать своихъ сотрудниковъ и уже затѣмъ намѣтить себѣ помощника въ настоящемъ и преемника въ будущемъ. *Очерки* не просуществовали и четырехъ мѣсяцевъ, а потому помощникъ-преемникъ не выяснился. Для завѣдыванія отдѣломъ иностранной политики Елисеевъ пригласилъ своего сотрудника по *Современнику* М. А. Антоновича, а затѣмъ больше другихъ работалъ въ *Очеркахъ*, кажется, Щаповъ, для распорядительства газетой, однако, совершенно неудобный по свой безалаберности.

Очерки были совсѣмъ не похожи на обыкновенныя ежедневныя газеты. О томъ разнообразіи отдѣловъ и рубрикъ, какимъ щеголяютъ нынѣшнія газеты, нечего и говорить. Но и просто порядка мало было. Мѣсто передовой статьи занимала въ нихъ иногда какая-нибудь корреспонденція изъ провинціи, а иногда цѣлое историческое изслѣдованіе, растягивавшееся на нѣсколько нумеровъ; вообще никакой системы въ отношеніи расположенія матеріала. Не то относительно содержанія и порядка внутренняго. Вести тогда газетное дѣло было несравненно труднѣе, чѣмъ теперь. Нѣкоторое понятіе о тогдашнихъ трудностяхъ могутъ имѣть редакторы теперешнихъ провинціальныхъ газетъ, доселѣ издающихся подъ предварительною цензурой, что для ежедневнаго изданія представляетъ, конечно, особенныя затрудненія. Но къ услугамъ теперешнихъ газетчиковъ есть множество формъ и пріемовъ, которые тогда или не были въ обычаѣ, или не могли практиковаться за отсутствіемъ соотвѣтственнаго литературнаго персонала: разные фельетоны, большіе и „маленькіе“, могущіе заинтересовать читателя какою-нибудь житейскою мелочью или остроуміемъ. Грузнѣе тогда все это было, а, между тѣмъ, годъ былъ нарочито трудный: 1863. Тѣмъ не менѣе, направленіе *Очерковъ* было строго выдержанное и, несмотря на ихъ умѣренность, знаменитый тогдашній доброволецъ сыска въ литературѣ, редакторъ *Домашней Бесѣды* Аскоченскій, называлъ руководителей *Очерковъ* „робеспьериками, дантончиками и прудончиками“. Для оправданія этихъ прозвищъ пускались въ ходъ обычныя средства: выуживаніе отдѣльныхъ словъ и фразъ и извращеніе ихъ смысла.

Въ написанной Елисеевымъ передовой статьѣ перваго нумера *Очерковъ* читаемъ:

„Еще канулъ въ вѣчность одинъ годъ, годъ для насъ знаменательнѣйшій, какъ стоящій на рубежѣ двухъ тысячелѣтій нашей государственной жизни,—годъ, ознаменовавшійся постановленіями и событіями, еще болѣе усиливающими тотъ разрывъ съ нашимъ прошедшимъ, который произведенъ положеніемъ 19 февраля. Старыя формы будутъ еще держаться среди насъ, доживая свой вѣкъ; но ихъ недолговѣчность очевидна. Весенній ледъ не можетъ долго держаться подъ теплыми лучами согрѣвающаго солнца. Напряженіе общества слишкомъ велико, напоръ идей очень силенъ, чтобы можно было полагаться на ихъ (т.-е. старыхъ формъ) прочность. Мы всѣ, переживающіе переходную эпоху нашего времени, поставлены въ странное положеніе. Мы открываемъ собою новую эру; положеніе вещей таково, что если бы мы и хотѣли, не можемъ остаться statu quo, мы должны даже противъ нашей воли, противъ нашего выбора идти впередъ. Но какъ идти? Осматриваясь кругомъ, мы не видимъ многаго, вполнѣ готоваго для

нашихъ поступательныхъ шаговъ. Носятся, правда, среди насъ разные разрозненные элементы новой жизни, но не видно силы, которая бы способна была стянуть эти элементы и соединить ихъ въ одно цѣлое; раздается множество голосовъ, желающихъ новаго порядка жизни, но въ ихъ разнородныхъ стремленіяхъ нѣтъ общей, соединяющей все идеи,—однимъ словомъ, видна хаотическая матерія для жизни, но нѣтъ силы организующей. Но это лучшее изъ того, что мы видимъ. Все это приложимо только къ тому обществу, которое называется мыслящимъ, передовымъ, которое составляетъ сотую долю цѣлаго. Подъ нимъ лежатъ милліоны массъ, еще не тронутыхъ почти, чувствующихъ трудность своего положенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, свыкшихся вполнѣ съ извѣстными формами жизни и началами, желающихъ лучшаго, но чтобы оно не нарушало прадѣдовскаго уклада жизни,—однимъ словомъ, ищущихъ исхода, но безъ малѣйшаго представленія о существѣ его и съ очевидною привязанностью къ вѣковой рутинѣ".

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ, обращаясь, для объясненія настоящаго, къ тяготѣющему надъ нами прошлому и именно въ XVI и XVII столѣтіямъ, замѣчаетъ, что „начала древней русской (или собственно московской) цивилизаціи дѣйствовали вообще на общество злокачественно. Гдѣ глубже они входили въ жизнь общества, гдѣ получали возможность дѣйствовать съ сильнѣйшимъ напоромъ, тамъ жизнь становилась испорченнѣе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ дѣлался бѣднѣе, грубѣе, апатичнѣе. По этому самому, самыя худшія общества въ Россіи XVI и XVII в. были передовыя, и самое худшее изъ всѣхъ было, разумѣется, самое первое—московское". Низшихъ слоевъ населенія цивилизація эта коснулась лишь поверхностно и поэтому они, несмотря на свою отсталость, а частью даже именно благодаря этой отсталости, сохранили въ себѣ задатки лучшаго будущаго развитія. „Ближайшее къ намъ прошедшее XVI и XVII вѣковъ представляетъ собой торжество вторгнувшихся въ жизнь народа чуждыхъ ему началъ, подавленіе и растлѣніе этими началами его природнаго смысла; наше время, какъ оно ни представляется испорченнымъ, стоитъ неизмѣримо выше того времени и есть, во всякомъ случаѣ, время возрожденія. Простота и чистота нравовъ, семейныя добродѣтели, благочестіе и тому подобныя качества, приписываемыя нами нашимъ предкамъ XVI и XVII ст.,—призраки, созданные нашимъ собственнымъ воображеніемъ. Чтобы разрушить эти иллюзіи, почувствовать ту гниль и духоту, которыхъ полна была эта жизнь, намъ стоитъ только погрузиться на нѣсколько мгновеній въ ея мутныя струи".

„Погруженія" эти и совершаются въ нѣсколькихъ передовыхъ статьяхъ. Историко-публицистическія статьи Щапова занимали также видное мѣсто въ *Очеркахъ*. Подъ стать къ этому историческому тону была задумана и политическая хроника. Авторъ въ первой же хроникѣ заявляетъ, что „намѣренъ, при разсказахъ о текущихъ событіяхъ, обращаться къ исторіи, къ прошедшимъ и давно прошедшимъ событіямъ, чтобы показывать ихъ связь съ настоящимъ; потому что только при такой связи можно будетъ видѣть все значеніе послѣднихъ и понять ихъ ясно, даже просто съ фактической стороны".

Чтобы окончательно дорисовать физіономію *Очерковъ*, я приведу нѣсколько параграфовъ изъ напечатаннаго въ первомъ нумерѣ *Перечня нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ открытій, сдѣланныхъ русскою литературой въ 1862 году:* 2) „Найдено вѣрное средство ослабить, а современемъ и совсѣмъ уничтожить русскую народную общину введеніемъ англійскаго ценза (см. *Русскій Вѣстникъ* съ братіей); 3) открыта возможность *закрѣпостить* народъ, и не прибѣгая вновь къ крѣпостному праву, именно посредствомъ замѣны выработаннаго народомъ самоуправленія англійскимъ Selfgovernement'омъ (см. *Русскій Вѣстникъ*); 7) признана польза размноженія въ Россіи батраковъ, т.-е. людей, не имѣющихъ ни земли, ни кола, ни двора, въ видахъ преуспѣянія отечественнаго земледѣлія; 8) усмотрѣнъ государственный вредъ въ сообщеніи высшаго образованія людямъ недостаточнымъ, равно какъ и въ предоставленіи имъ общественныхъ должностей (см. *Русскій Вѣстникъ*, статья г. Скуратова); 9) усмотрѣна нравственная польза въ размноженіи таскающихся по улицѣ нищихъ, какъ субъектовъ, порождающихъ въ народѣ *процессъ нравственныхъ ощущеній, благотворительныхъ для души, очищающихъ ее и вводящихъ въ общеніе съ вѣчною благостью, зиждущею міръ* (см. *День*); 10)открыто, что наука въ сильныхъ своихъ пріемахъ, въ какихъ дается въ россійскихъ университетахъ, есть несомнѣнный ядъ, который мужчины еще могутъ кое-какъ выносить, но который положительно разъѣдаетъ и сокрушаетъ женщину", и т. д.

Очерки несомнѣнно заинтересовали читающую публику, но имѣли ли они матеріальный успѣхъ—сказать нельзя уже потому, что, начавшись 1 января 2863 г., они выпустили свой послѣдній нумеръ 8 апрѣля того же года. Прекратились они по об-

стоятельствамъ, отъ Елисеева совершенно не зависѣвшимъ. Онъ, кажется, и самъ узналъ это post factum: Очкинъ безъ его вѣдома вступилъ въ соглашеніе съ издателемъ газеты *Современное слово* Писаревскимъ, которому и передалъ своихъ подписчиковъ, а *Очерки* прекратилъ. Эпизодъ этотъ Некрасовъ воспѣлъ въ *Свисткѣ* (*Современникъ* 1863 г., № 4), гдѣ между прочимъ, читаемъ:

Видѣлъ во снѣ Елисеева:
Вотъ онъ вошелъ въ магазинъ,
И извѣстилъ о бѣдѣ его
Тотчасъ прикащикъ одинъ.
Съ миной тупой, нерѣшительной,
Долго стоялъ онъ суровъ,—
Этотъ пассажъ удивительный
Былъ ему, кажется, новъ.
Молча пошелъ онъ вдоль Невскаго,
Пикнуть не могъ ничего,
Словно карнизомъ отъ дома Краевскаго
Этимъ пришибло его.

Работа Елисеева въ *Современникѣ* шла сама собой. Кромѣ внутреннихъ обозрѣній и обзоровъ журналистики, онъ, послѣ перечисленныхъ уже выше отдѣльныхъ статей, напечаталъ еще: въ маѣ 1865 г.—*Представительство крупной собственности въ земскихъ учрежденіяхъ*, въ іюнѣ и іюлѣ того же года — *Городское хозяйство Петербурга*, въ сентябрѣ — *Екатерининскій дворянинъ и современная газета „Вѣсть“*, въ сентябрѣ же, ноябрѣ и декабрѣ 1865 г. и въ январѣ 1866 г.— *Очеркъ исторіи русской литературы по современнымъ изслѣдованіямъ*.

V.

4 апрѣля 1866 г. вся Россія была потрясена Каракозовскимъ покушеніемъ на жизнь императора Александра II. Въ наступившіе вслѣдъ затѣмъ тяжелые дни произошли, между прочимъ, два событія особенной для Елисеева важности: закрытіе „Современника“ и арестъ самого Елисеева. О послѣднемъ онъ разсказываетъ въ одной изъ оставшихся послѣ него рукописей и мнѣ кажется, что объ этихъ дѣлахъ давно минувшихъ дней надо разсказывать его собственными словами, его спокойнымъ, эпическимъ тономъ:

„Къ существу Каракозовскаго процесса я не имѣлъ никакого прикосновенія. Но главный слѣдователь и руководитель этого процесса, графъ Муравьевъ, хотѣлъ очистить Россію отъ всѣхъ элементовъ, которые казались ему вредными, и потому присоединилъ къ нему дѣла, не имѣвшія къ нему никакого отношенія. Я былъ привлеченъ по обвиненію въ содѣйствіи соціалистическому предпріятію, хотя ничего соціалистическаго въ этомъ предпріятіи не было, да и самаго предпріятія не было, и самое содѣйствіе не могло быть ему оказываемо. Однимъ словомъ, все было въ мечтѣ. Рабочіе Мальцевскаго завода въ Калужской губерніи, оставшіеся послѣ эмансипаціи безъ дѣла, захотѣли устроить свой заводъ, но ни земли, ни денегъ на постройку завода у нихъ не имѣлось. Въ нихъ приняли горячее участіе мѣстные судебный слѣдователь и мировой посредникъ. По ихъ просьбѣ одинъ сосѣдній помѣщикъ далъ имъ землю для постройки завода, деньги же на постройку завода хотѣли просить у правительства, въ количествѣ 15.000 рублей. Означенный судебный слѣдователь и мировой посредникъ обратились ко мнѣ съ просьбой указать—черезъ кого бы они могли обратиться къ правительству. Я имъ указалъ такое лицо, съ которымъ былъ знакомъ только шапочно и о которомъ зналъ только, что онъ имѣетъ знакомство въ оффиціальныхъ кругахъ. Теперь всѣ мы, т.-е. и судебный слѣдователь, и мировой посредникъ, и лицо, на которое я указалъ, хотя еще мое указаніе не дошло до него,—всѣ мы были посажены въ крѣпость.

„Въ Мальцевское дѣло попалъ я совершенно случайно. Въ Петербургѣ до Каракозовской исторіи оно почти вовсе не было извѣстно, по крайней мѣрѣ я объ немъ

вовсе не слыхалъ. Но московскую молодежь еще за годъ до этой исторіи начало занимать устройство рабочихъ Мальцевскаго завода въ Калужской губерніи. Какъ разъ именно въ это время я пріѣхалъ въ Москву лечиться въ водолечебномъ заведеніи д-ра Крейзера, гдѣ поселился на житье и пробылъ въ Москвѣ около двухъ мѣсяцевъ. Въ Москвѣ я никого не зналъ, но такъ какъ въ литературныхъ кругахъ имя мое было нѣсколько извѣстно по участію въ „Современникѣ“, то ко мнѣ пришелъ познакомиться В. И. П., бывшій тамъ учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ и гимназіи. Онъ мнѣ очень понравился и сдѣлался потомъ близкимъ моимъ пріятелемъ. Онъ привелъ ко мнѣ и еще двухъ или трехъ молодыхъ людей изъ московской интеллигенціи, которые впослѣдствіи оказались членами или московской Каракозовской „организаціи“, или Каракозовскаго „ада“. Извѣстно, что Каракозовское общество раздѣлялось на двѣ части: одна заключала главныхъ руководителей всего дѣла, знавшихъ всѣ его тайны, всѣмъ распоряжавшихся, которыхъ было всего 9 человѣкъ; они носили названіе „ада“; къ другой части, называвшейся „организаціей“, принадлежали всѣ другіе члены, число которыхъ не было ограничено. Существовало ли въ то время, когда я былъ въ Москвѣ, Каракозовское общество, или нѣтъ, я не знаю. Но полагаю, что его не было даже въ зачаткѣ, потому что при той болтовнѣ, которою они отличались, они не могли просуществовать такъ долго—около года. По крайней мѣрѣ я объ немъ ничего не зналъ, да не зналъ ничего, конечно, и мой новый пріятель В. И. П., попавшій потомъ въ Каракозовскій процессъ также совершенно случайно, какъ и я... Какъ бы то ни было, но когда я возвратился въ Петербургъ, ко мнѣ начали являться нѣкоторыя новыя лица изъ московской молодежи съ рекомендательными письмами отъ тѣхъ молодыхъ людей, съ которыми я познакомился въ Москвѣ. Письма эти были только предлогомъ увидать меня и потомъ разсказать о добытыхъ свѣдѣніяхъ якобы при разговорѣ со мною всѣмъ пріятелямъ. Ибо по тогдашнему значенію „Современника“ въ общественномъ мнѣніи и по своему положенію въ этомъ журналѣ въ качествѣ внутренняго обозрѣвателя, я былъ сюжетомъ небезъинтереснымъ для обыденной болтовни въ праздныхъ кружкахъ. Большею частью всѣ разговоры съ такими приходившими съ рекомендательными письмами ограничивались указаніемъ адресовъ тѣхъ или другихъ книжныхъ магазиновъ или редакцій, а также и моимъ личнымъ мнѣніемъ о нихъ. Потомъ я совершенно забывалъ фамиліи приходившихъ ко мнѣ лицъ. Между тѣмъ приходившіе ко мнѣ, возвращаясь въ Москву, подробно разсказывали въ своихъ кружкахъ обо всемъ, что говорили и видѣли въ Петербургѣ. Черезъ это имя мое въ кружкахъ московской молодежи, превратившихся потомъ въ „организацію“ и „адъ“, сдѣлалось, къ несчастію моему, чрезвычайно популярнымъ... Надобно сказать, что многіе изъ членовъ „организаціи“ были чистыя дѣти, не по возрасту только, но и по разумѣнію. Давая свои показанія, они заботились не о томъ, чтобы скрыть свои наипрерадикальнѣйшіе помыслы, а старались напротивъ блеснуть ими, выставить ихъ какъ можно выпуклѣе, чтобы не сочли ихъ менѣе прогрессивными, чѣмъ ихъ товарищи. На вопросъ слѣдователя: гдѣ они почерпнули такія перверсивныя идеи? кто то отвѣтилъ, что въ моемъ сочиненіи о соціализмѣ. Слѣдователи были настолько однако осторожны, что сочли нужнымъ справиться въ библіографическихъ указателяхъ, есть ли такое сочиненіе подъ моимъ именемъ или псевдонимомъ, потомъ спросили у сидѣвшихъ въ крѣпости литераторовъ, не писалъ ли я какихъ нибудь статей о соціализмѣ; и такъ какъ сдѣланное показаніе оказалось чистымъ враньемъ, то мнѣ никакого вопроса по этому показанію не предложили, и я узналъ о немъ только уже по выходѣ изъ крѣпости. Но не всѣ показанія были такъ нелѣпы, что опровергались сами собой, какъ очевидное вранье. Другія были напротивъ очень пикантны и, повидимому, вполнѣ соотвѣтствовали положенію дѣла, изъ нихъ не легко было выпутаться...

„Одинъ членъ „ада“ сдѣлалъ показаніе, что я имѣлъ съ нимъ экстренное свиданіе для совѣщанія о похищеніи одного важнаго политическаго преступника, находящагося въ каторгѣ. Хотя я этого члена „ада“ видѣлъ не болѣе двухъ разъ въ жизни, такъ какъ онъ жилъ постоянно въ Москвѣ, а я въ Петербургѣ, хотя я по своему положенію и профессіи не могъ быть близокъ къ нему, такъ какъ онъ не принадлежалъ даже вовсе къ литературному цеху, тѣмъ не менѣе показаніе его имѣло видъ вѣроятія: я былъ одной профессіи съ пострадавшимъ, стоялъ при одномъ съ нимъ дѣлѣ, былъ болѣе или менѣе близокъ къ нему и слѣдственно могъ искренно желать его освобожденія.

„Другой изъ членовъ „ада“, но уже не изъ московскихъ, а изъ петербургскихъ

жителей (кажется, это былъ единственный человѣкъ изъ Петербурга, состоявшій членомъ Каракозовскаго общества, остальные были всѣ москвичи) сдѣлалъ показаніе еще болѣе пикантное. Именно, показалъ, что у меня нерѣдко были собранія, на которыхъ присутствовалъ онъ самъ и другіе члены „ада“ и на которыхъ происходили преступныя совѣщанія. Это показаніе крайне изумило меня. Ибо сдѣлавшій это показаніе былъ извѣстный И. А. Худяковъ, очень ко мнѣ близкій молодой человѣкъ, хорошо меня знавшій, къ которому я былъ очень привязанъ, равно какъ и онъ ко мнѣ. По нравственному своему характеру это былъ человѣкъ не только вполнѣ безупречный, но нѣкоторымъ образомъ подвижникъ. Онъ посвятилъ себя всецѣло дѣлу просвѣщенія народа; въ періодической литературѣ онъ не участвовалъ, а занимался изданіемъ русскихъ народныхъ сказокъ, разныхъ просвѣтительныхъ брошюръ, учебниковъ, христоматій, получалъ за эти изданія порядочныя деньги, но самъ лично на себя расходовалъ не болѣе 25 руб. въ мѣсяцъ, остальныя же употреблялъ всѣ на помощь бѣдствующимъ молодымъ людямъ изъ учащихся, на свой счетъ содержалъ и воспитывалъ одного крестьянскаго мальчика. Въ высшей степени нервный отъ природы, крайне подвижной, всегда озабоченный и занятый дѣломъ, постоянно спѣшащій, онъ забѣгалъ ко мнѣ раза два три въ мѣсяцъ, сидѣлъ часъ или два не болѣе и, переговоривъ о чемъ нужно по своимъ литературнымъ занятіямъ, убѣгалъ... Никогда не думалъ я, чтобы этотъ человѣкъ могъ сдѣлаться членомъ тайнаго общества, никогда ни одного намека не обронилъ онъ мнѣ о существованіи общества въ Москвѣ и своей принадлежности къ нему... Я уже сказалъ, что показаніе, сдѣланное Худяковымъ относительно меня, очень меня изумило. Онъ зналъ очень хорошо, какую я веду жизнь, зналъ всѣ мои знакомства и поэтому не могъ показать, что у меня бывали какія нибудь собранія, тѣмъ болѣе съ членами Каракозовскаго общества, знакомство мое съ которыми было совсѣмъ случайное. Сверхъ того, Худяковъ былъ такъ ко мнѣ привязанъ, что еслибы такое собраніе и было у меня, онъ никогда бы этого не показалъ, чтобы не повредить мнѣ. Я былъ въ этомъ убѣжденъ. И потому показаніе объяснилъ себѣ такъ, что онъ впалъ во время слѣдствія въ нервное разстройство, былъ въ ненормальномъ состояніи и, вмѣсто того, что было, писалъ въ своихъ показаніяхъ то, что ему мерещилось въ его разстроенномъ мозгу,—свои собственныя галлюцинаціи. Приходило мнѣ на мысль впрочемъ и другое объясненіе. Воротилой всего слѣдственнаго процесса и довѣреннымъ лицомъ по слѣдствію у графа Муравьева былъ аудиторъ, человѣкъ очень хорошій и добросовѣстный, но стараго юридическаго воспитанія и старыхъ порядковъ и пріемовъ при слѣдствіи. А при этихъ порядкахъ и пріемахъ считалось вполнѣ законнымъ, для запугиванія и уловленія обвиняемаго, писать показанія отъ лица товарища его по обвиненію или вообще близкаго къ нему лица...

„Само собою разумѣется, что я рѣшительно и безусловно отвергъ истинность обоихъ показаній, сдѣланныхъ относительно меня помянутыми членами „ада“ и мнѣ предъявленныхъ. Но это мое отрицаніе, конечно, не могло уничтожить въ слѣдователяхъ подозрѣніе въ моей бо̀льшей прикосновенности къ дѣлу, чѣмъ это обнаруживалось изъ доселѣ добытыхъ фактовъ. Видимость была никакъ не въ мою пользу. Я не могъ отрицать знакомство съ нѣсколькими членами организаціи и даже ада. Положимъ, что знакомство это было случайное, но кто могъ удостовѣрить, что тутъ не было и другой подкладки. Притомъ близость моя къ Худякову была удостовѣрена. Вообще я никакъ не надѣялся освободиться изъ крѣпости ранѣе верховнаго суда.

„Какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день меня совершенно неожиданно приглашаютъ къ коменданту, который самъ выходитъ ко мнѣ и поздравляетъ меня съ освобожденіемъ изъ его вѣдѣнія. Моя радость при этомъ извѣстіи отлично понятна будетъ всѣмъ, кто переживалъ Каракозовское время и страшную панику, охватившую тогда все общество, но вполнѣ поймутъ ее только тѣ, которые привлечены были къ слѣдствію по этому дѣлу“.

Елисеевъ считалъ еще себя счастливымъ сравнительно съ нѣкоторыми своими товарищами по литературѣ, и именно потому, что онъ подвергся, а они не подверглись заключенію,—крѣпость по крайней мѣрѣ отлучила его отъ непосредственнаго общенія съ той паникой, которая распространилась въ обществѣ. Взволнованность общества была вполнѣ естественна, какъ въ виду того, что Каракозовскій выстрѣлъ представлялъ собою небывалое дотолѣ явленіе, такъ и въ виду назначенія руководителемъ слѣдствія гр. М. Н. Муравьева. Но взволнованность эта принимала размѣры и формы чрезвычайные. Вотъ что, напримѣръ, разсказываетъ Елисеевъ: „По выходѣ изъ крѣпости, иду я разъ, направляясь къ Васильевскому, гдѣ жилъ въ то время,

по Конногвардейскому бульвару и вижу, что въ проходящую по тому же направленію конку вскочилъ профессоръ университета N, участвовавшій въ литературѣ, человѣкъ хорошій, близкій мой знакомый, бывавшій у меня довольно часто, котораго я не видалъ впродолженіи всего времени, что сидѣлъ въ крѣпости, и котораго хотѣлъ распросить о многомъ. Не долго думая, я вскочилъ на подножку конки; но такъ какъ мѣста внутри конки не было, то я взобрался наверхъ. Увидавъ меня, профессоръ, едва только мы стали выѣзжать съ конца Николаевской линіи, выскочилъ и побѣжалъ прочь отъ конки. Я сталъ окликать его, но профессоръ мчался впередъ. Предполагая все таки, что онъ не слышитъ, я соскочилъ съ конки и побѣжалъ также за нимъ, все продолжая кричать. Разстояніе между нами было такъ не велико, что невозможно было не слышать моего крика. Но профессоръ продолжалъ бѣжать, не оглядываясь, и едва только добѣжалъ до перваго извощика, шмыгнулъ на него, и былъ таковъ. Тутъ только я понялъ, что профессора гналъ отъ меня шкурный вопросъ. Пришедши домой, я много смѣялся. Мнѣ показалось очень забавною его трусость, на мой вглядъ совершенно безпричинная. Ибо чего же ему было бояться меня, когда самъ гр. М. Н. Муравьевъ, по тщательномъ изслѣдованіи моихъ поступковъ и мыслей, не нашелъ возможнымъ ни предать меня суду, ни продолжать дальнѣйшее надо мной слѣдствіе, а выпустилъ на волю? Однако скоро мнѣ пришлось убѣдиться, что я ошибался. Несмотря на мое освобожденіе, одно сидѣніе въ крѣпости приводило людей мнительныхъ и трусливыхъ въ смущеніе относительно меня и заставляло ихъ сторониться".

Обстоятельство это, разумѣется, не украшало положенія Елисеева, а оно и безъ того было трудно. По выходѣ изъ крѣпости, средствъ у него не было никакихъ, работы—тоже: „Современникъ" былъ тѣмъ временемъ закрытъ. Помощь со стороны ограничивалась 300 руб., присланными Некрасовымъ женѣ Елисеева тотчасъ послѣ его ареста, да добрымъ участіемъ домовладѣлицъ, у которыхъ они жили, какихъ то двухъ старыхъ нѣмокъ, рѣшительно отказавшихся получать квартирную плату за время ареста. Скоро однако, послѣ перваго переполоха, въ Некрасовѣ забилась старая жилка журналиста, и онъ задумалъ сборникъ, къ участію въ которомъ пригласилъ Елисеева. Потомъ мысль о сборникѣ смѣнилась мыслью о журналѣ, и явилась извѣстная комбинація съ арендой „Отечественныхъ Записокъ" у Краевскаго...

Въ „Отечественныхъ Запискахъ" предполагалось участіе не только Некрасова, Салтыкова и Елисеева, какъ вышло само собой потомъ, а и другихъ главныхъ сотрудниковъ „Современника"—гг. Пымина, Жуковскаго, Антоновича. Это не устроилось. Дѣло въ томъ, что еще гораздо раньше, вмѣстѣ съ выбытіемъ изъ строя Добролюбова и Чернышевскаго, отлетѣла изъ редакціи „Современника" ея душа, ея непререкаемо организующее начало, и поднялись внутреннія неурядицы, разсказъ о которыхъ имѣется въ бумагахъ Елисеева, равно какъ и печальная повѣсть о дрязгахъ при возникновеніи обновленныхъ „Отечественныхъ Записокъ". Я долго колебался — передавать ли здѣсь эту истинно печальную повѣсть, или не передавать, и пришелъ къ отрицательному рѣшенію, хотя для передачи были очень вѣскіе мотивы. Въ литературѣ существуетъ во всякомъ случаѣ печатный документъ, относящійся сюда. Это именно „Матеріалы для характеристики современной литературы" (Спб. 1869), состоящіе изъ двухъ частей: 1) „Литературное объясненіе съ Н. А. Некрасовымъ" г. Антоновича и 2) статья г. Жуковскаго—„Содержаніе и программа „Отечественныхъ записокъ" за прошлый годъ". Правда, этотъ памфлетъ, направленный главнымъ образомъ противъ Некрасова и Елисеева, не повредилъ въ свое время ни тому, ни другому, ни „Отечественнымъ Запискамъ». Да и впослѣдствіи, даже злѣйшіе враги, какъ этого журнала, такъ и этихъ двухъ первыхъ его руководителей, сколько я знаю, не утилизировали коллективнаго труда гг. Антоновича и Жуковскаго. Памфлетъ доставилъ много непріятныхъ минутъ, въ особенности Некрасову, да и Елисееву, какъ сейчасъ увидимъ, но собственно въ публикѣ прошелъ безслѣдно. Тѣмъ не менѣе будущій историкъ литературы можетъ остановиться на этомъ документѣ. Елисеева очевидно заботило это обстоятельство, потому что въ его бумагахъ сохранилось нѣсколько набросковъ, касающихся личныхъ отношеній между бывшими сотрудниками „Современника" при возникновеніи „Отечественныхъ Записокъ". Въ одной изъ своихъ печатныхъ статей („Отвѣтъ на критику", О. З. 1869, № 4) онъ даже пообѣщалъ „въ особой брошюрѣ возстановить разсказъ о началѣ „Отечественныхъ Записокъ" и „Современнаго Обозрѣнія" и послѣдующихъ сношеніяхъ г. Некрасова съ г. Жуковскимъ во всей полнотѣ и цѣлостности, съ поименованіемъ всѣхъ событій и лицъ, въ

нихъ участвовавшихъ или соприкасавшихся съ ними, со всѣми рѣчами послѣднихъ и т. д.". Онъ не исполнилъ своего обѣщанія, вѣроятно именно потому, что убѣдился, что брошюра гг. Антоновича и Жуковскаго не производитъ большого впечатлѣнія и слѣдовательно не нуждается въ немедленномъ детальномъ опроверженіи. Притомъ же, въ такомъ опроверженіи ему пришлось бы высказать свой особый взглядъ на Некрасова, неудобный для опубликованія при жизни послѣдняго. Тѣмъ не менѣе впослѣдствіи онъ, повторяю, не разъ возвращался къ этому эпизоду въ своихъ отрывочныхъ автобіографическихъ запискахъ, желая, повидимому, обѣлить свое имя въ случаѣ надобности.

Есть ли такая надобность теперь? Не думаю. Имя Елисеева, какъ было, такъ и останется незапятнаннымъ, а направленный противъ него и Некрасова памфлетъ, какъ былъ, такъ и останется на днѣ рѣки забвенія. Извлекать его оттуда значило бы можетъ быть дать совсѣмъ нежелательную пищу кое кому изъ нынѣшнихъ борзописцевъ. Достаточно пока указать на вышеупомянутую статью Елисеева „Отвѣтъ на критику" и на напечетанный въ томъ же № въ отдѣлѣ „новыхъ книгъ" разборъ „Матеріаловъ" гг. Антоновича и Жуковскаго. Разборъ этотъ, анонимный, какъ и весь отдѣлъ „новыхъ книгъ", написанъ Салтыковымъ, что впрочемъ не трудно узнать по язвительному остроумію рецензіи. Я долженъ разсказать однако по крайней мѣрѣ нѣкоторые голые факты, безъ всякихъ коментаріевъ, дабы читатель зналъ, какъ это вышло, что изъ всѣхъ сотрудниковъ „Современника" одинъ Елисеевъ остался при Некрасовѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ" (Салтыковъ началъ въ нихъ писать съ перваго же номера, но собственно въ составъ редакціи вошелъ нѣсколько позже, когда вышелъ въ отставку).

Елисеевъ былъ увѣренъ, что въ обновленныя „Отечественныя Записки" войдутъ всѣ сотрудники „Современника". И дѣйствительно, въ переговорахъ съ Некрасовымъ участвовали и г. Пыпинъ, и г. Жуковскій (г. Антоновичъ не участвовалъ, такъ какъ былъ въ это время за границей). Но они не сошлись съ Некрасовымъ въ условіяхъ и устроились было въ журналѣ Тиблена „Современное Обозрѣніе", гдѣ однако роль ихъ ограничилась, кажется, только участіемъ въ редактированіи опубликованной программы журнала, да и самый журналъ скоро прекратился. Елисеевъ никакихъ условій Некрасову не ставилъ и потому первое, самое трудное для журнала время выносилъ на своихъ плечахъ почти одинъ. А обстоятельства были очень трудныя, и Елисеевъ это очень хорошо понималъ. Репутація „Отечественныхъ Записокъ", издававшихся Краевскимъ, была очень плохая: у нихъ было около 2000 подписчиковъ. Репутація Некрасова сильно пострадала въ 1866 г., и можно было опасаться очень холоднаго отношенія къ его новому предпріятію, какъ со стороны публики, такъ и со стороны пишущей братіи. Отсутствіе именъ гг. Пыпина, Жуковскаго и Антоновича для публики, не знавшей мотивовъ этого отсутствія, могло показаться очень выразительнымъ,—дѣло имѣло такой видъ, какъ будто нѣкоторые бывшіе сотрудники Некрасова гнушались новымъ журналомъ. Да и сами по себѣ эти сотрудники представляли извѣстную силу, въ замѣнъ которой нужно было подъискивать что нибудь новое. А это дѣло не легкое. Брошюра гг. Антоновича и Жуковскаго подбавляла масла въ огонь, и Елисеева на первыхъ порахъ не разъ настигали сомнѣнія въ успѣхѣ „Отечественныхъ Записокъ". Но мало по малу, и даже очень быстро, дѣло наладилось, и въ сердцѣ Елисеева осталась только заноза, внесенная туда поведеніемъ его бывшихъ товарищей. Но за то она давала себя знать до конца дней его, какъ видно изъ оставшихся послѣ него бумагъ. Ее именно разумѣетъ онъ, говоря о „заушеніяхъ" и „безчестномъ лаѣ" въ вышеприведенномъ вступленіи къ автобіографіи.

Разочаровываться въ людяхъ и получать обиды съ такой стороны, откуда ихъ никакъ не ожидалъ,—дѣло, конечно, тяжелое, но, къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно обыкновенное. Притомъ же всякія, самыя страшныя раны съ теченіемъ времени затягиваются, а въ данномъ случаѣ были, повидимому, всѣ условія для того, чтобы рана затянулась даже очень скоро. Дрязги, сопровождавшія основаніе Некрасовымъ „Отечественныхъ Записокъ", были, разумѣется, непріятны, обидны, возмутительны, но въ концѣ концовъ онѣ сыграли роль хлопушки, брошенной шаловливой дѣтской рукой подъ поѣздъ: хлопушка разорвалась съ извѣстнымъ трескомъ, но поѣзда не остановила и ничему не помѣшала. Не сойдись Елисеевъ съ Некрасовымъ, не рѣшись онъ на этотъ, по совокупности тогдашнихъ условій, большой рискъ, „Отечественныя Записки" не существовали бы, и сознаніе этой заслуги могло бы быть достаточно цѣлебнымъ средствомъ. Почему же рана въ его сердцѣ не закрывалась

такъ долго, — въ теченіи двухъ десятковъ лѣтъ? Очевидно, были обстоятельства, постоянно поддерживавшія или даже растравлявшія ее.

Соображая всю совокупность относящихся сюда мѣстъ въ посмертныхъ бумагахъ и письмахъ Елисеева, я думаю, что такія обстоятельства дѣйствительно были и что ихъ было два.

Во-первыхъ, личность Некрасова.

Разбирая бумаги Елисеева и видя лишь начала безъ концовъ и концы безъ началъ, я былъ наконецъ очень обрадованъ, найдя двѣ законченныя и въ разномъ родѣ, но въ высокой степени замѣчательныя рукописи. Это вышеупомянутая записка жены Елисеева и небольшая статья безъ заглавія самого Елисеева, посвященная характеристикѣ Некрасова. Отрывокъ изъ этой характеристики я уже приводилъ въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ о Некрасовѣ (см. книжку „Литература и жизнь“), но приведу его и здѣсь:

„Некрасовъ не пошелъ-бы ни на смерть, ни на страданія за дѣло новой идеи, которое онъ несъ на себѣ... Это былъ, если угодно, герой, но герой-рабъ, который поставилъ себѣ цѣлью добиться во что-бы то ни стало свободы, упорно преслѣдуетъ эту цѣль, по временамъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ, дѣлаетъ уступки, но на своемъ главномъ пути постоянно держитъ ее въ умѣ; онъ понимаетъ, что такимъ только образомъ можетъ ея добиться, а кромѣ того, понимаетъ, что въ той средѣ, которая его окружаетъ, не найдется такихъ людей, какъ онъ; хотя, быть можетъ, есть не мало лицъ изъ тронутыхъ новою идеей, которыя гораздо выше, то-есть самоотверженнѣе и чище, лицъ, которыя готовы пожертвовать за нее жизнью, но не найдется такихъ героевъ-рабовъ, которые-бы такъ упорно шли въ теченіе десятковъ лѣтъ шагъ за шагомъ по тому тернистому пути, по которому идетъ онъ, подвергаясь изо дня въ день разнымъ мелкимъ мученіямъ и перенося сдѣлки со своею совѣстью. Герой рабъ могъ писать, что его рука иногда „у лиры звукъ невѣрный исторгала“, что, „жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ прикованъ онъ привычкой и средой“, что онъ „къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ и для нея не жертвовалъ собой“. Но дѣйствительный герой, герой въ современномъ значеніи этого слова, не могъ ни дѣйствовать, ни писать. Мы, однако, не должны забывать, что каждый герой долженъ оцѣниваться по условіямъ времени и цѣлямъ. Для каждаго времени является свой „мужъ потребенъ“. Герой тотъ, кто понялъ условія битвы и выигралъ побѣду. Хорошъ и тотъ герой, который умираетъ за свое дѣло, такъ сказать, мгновенно, всецѣло, публично запечатлѣвая передъ всѣми своею смертью свои убѣжденія. Хорошъ и другого рода герой, герой-рабъ, который умираетъ за свое дѣло втеченіе десятковъ лѣтъ, умираетъ, такъ сказать, по частямъ, медленною смертью, въ ежедневныхъ мелкихъ пыткахъ отъ мелкихъ гоненій и стѣсненій, отъ сдѣлокъ съ своею совѣстью, умираетъ никѣмъ не признанный въ своемъ геройствѣ и даже подъ общимъ тяжелымъ обвиненіемъ или подозрѣніемъ отъ толпы въ измѣнѣ дѣлу“.

Тотъ же взглядъ выражается въ отрывкахъ изъ посмертныхъ бумагъ Елисеева, недавно напечатанныхъ, подъ заглавіемъ „Некрасовъ и Салтыковъ“, въ журналѣ „Русское Богатство“ (1893, № 9). Здѣсь не мѣсто говорить объ томъ, въ какой мѣрѣ этотъ портретъ Некрасова идеализированъ и въ какой мѣрѣ вѣрно изображаетъ онъ одну изъ сторонъ сложной натуры этого замѣчательнаго человѣка. Я это сдѣлалъ въ упомянутой книжкѣ. Здѣсь для насъ важно только то, что таковъ былъ взглядъ Елисеева. Онъ однако пришелъ къ этому взгляду далеко не съ разу. Онъ, конечно, всегда признавалъ умъ и талантъ Некрасова и огромность его заслуги въ литературѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ случалось слышать отъ него очень рѣзкіе отзывы о нравственной личности поэта. (Не мнѣ одному, конечно; на это имѣются ядовитые намеки, между прочимъ, и въ брошюрѣ гг. Антоновича и Жуковскаго). И того, почти художественнаго объединенія свѣта и тѣни, какое имѣется въ приведенномъ портретѣ „героя—раба“, въ этихъ отзывахъ отнюдь не было. Для меня же это объединеніе (въ иныхъ пропорціяхъ, конечно) установилось довольно скоро послѣ знакомства и совмѣстной работы съ Некрасовымъ. Не потому, чтобы я былъ проницательнѣе Елисеева, а, какъ это ни странно на первый взглядъ, потому что я меньше зналъ Некрасова. Заслуги Некрасова въ литературѣ мнѣ были такъ же хорошо извѣстны, какъ и Елисееву, какъ и всякому, интересующемуся судьбами русской литературы, а тѣневыя стороны его нравственной личности я зналъ только по наслышкѣ. Я былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ только *слабостей* Некрасова, тогда какъ Елисеевъ близко зналъ его *грѣхи*, и понятно, что ему труднѣе было свести концы съ концами

въ этой сложной натурѣ. Его долго мучили это непримиренное противорѣчіе и мысль, что онъ, Елисеевъ, стоитъ рядомъ съ загадочнымъ человѣкомъ, на которомъ лежатъ столь тяжкія и до извѣстной степени фактически во всякомъ случаѣ справедливыя обвиненія...

А къ этой мысли присоединилось и второе тягостное обстоятельство.

Послѣ Елисеева осталось состояніе въ пятьдесятъ слишкомъ тысячъ рублей,— случай крайне рѣдкій въ средѣ русскихъ литературныхъ тружениковъ, послѣ которыхъ, даже при большомъ успѣхѣ при жизни, и на похороны не всегда что нибудь остается. Зависитъ это отъ условій литературнаго труда, а частью, нечего грѣхъ таить, и отъ собственной безпорядочности русскихъ писателей. Безпорядочность эта до извѣстной степени, впрочемъ, тоже сводится къ условіямъ литературной работы у насъ, вызывающимъ особую и, если можно такъ выразиться, безрезультатную нервность: русскій писатель рѣдко видитъ практическое осуществленіе результатовъ напряженія его мысли и чувства, и оттого его нервность разрѣшается, такъ сказать, внутри его личности, производя въ ней прискорбное нарушеніе равновѣсія. Во всякомъ случаѣ, Елисеевъ составляетъ одно изъ немногихъ исключеній. Правда, съ тѣхъ поръ, какъ Некрасовъ взялъ въ свои руки „Отечественныя Записки", Елисеевъ получилъ прочное матеріальное положеніе, постепенно улучшавшееся до предѣловъ, исключительныхъ въ нашемъ литературномъ быту. Но все таки—русскій литераторъ, не получившій никакого наслѣдственнаго имущества, и пятьдесятъ тысячъ,—это такая необычная комбинація, передъ которой можно остановиться съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. И самъ Елисеевъ это сознавалъ.

Еще при жизни Елисеева до меня доходили слухи (самъ я, какъ уже сказано, въ послѣдніе годы его жизни почти не видалъ его), что на принадлежавшій ему билетъ одного изъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ выпалъ крупный выигрышъ,— 40000. Въ своихъ воспоминаніяхъ я даже упомянулъ объ этомъ вскользь, говоря о трудностяхъ положенія русскаго писателя. Но теперь, послѣ разбора бумагъ Елисеева, я долженъ признать это свѣдѣніе невѣрнымъ. Нѣтъ дыма безъ огня, и можетъ быть Елисееву дѣйствительно посчастливилось что нибудь выиграть, но эта была сумма, навѣрное несравненно меньшая, чѣмъ та, объ которой говорила молва. Въ моихъ рукахъ находится переписка Елисеева съ Салтыковымъ, который, во время пребыванія Григорія Захаровича, по болѣзни, заграницей, завѣдывалъ почти всѣми его денежными дѣлами. Въ перепискѣ этой нигдѣ не упоминается ни о какомъ выигрышѣ. Напротивъ, не разъ говорится объ томъ, что состояніе пріобрѣтено исключительно литературнымъ трудомъ. Тоже повторяется и въ автобіографическихъ отрывкахъ.

Я не знаю, на какихъ условіяхъ Елисеевъ началъ работать въ „Отечественныхъ Запискахъ", но это были во всякомъ случаѣ обыкновенныя условія редакторскаго жалованья и полистнаго гонорара. Въ 1874 г. произошла въ этомъ отношеніи перемѣна. Вотъ найденное мною въ бумагахъ Елисеева домашнее условіе, подписанное имъ, Некрасовымъ и Салтыковымъ:

„1) Съ 1-го января настоящаго 1874 г. и впредь до истеченія срока контракту, заключенному Н. А. Некрасовымъ съ г. Краевскимъ на арендованіе журнала „Отечественныя Записки", мы, Елисеевъ и Салтыковъ, получаемъ ежемѣсячно по 250 р. с. за труды по редактированію журнала, независимо отъ полистной платы (по особому условію) за наши произведенія, и сверхъ того, буде „Отечественныя Записки" будутъ имѣть болѣе 5500 подписчиковъ, то получаемъ мы по 600 р. единовременно въ концѣ каждаго года. 2) Изъ чистаго дохода, который имѣетъ получаться отъ „Отечественныхъ Записокъ" на основаніи упомянутаго контракта, прежде всего отчисляется шесть тысячъ рублей на долю Н. А. Некрасова; затѣмъ остальной чистый доходъ, за вычетомъ дѣлаемыхъ съ общаго нашего согласія расходовъ, дѣлится между нами тремя по равной части. Расчетъ этотъ дѣлается въ январѣ каждаго года за прошедшій годъ. 3) Условія выхода каждаго изъ насъ изъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ", а равно и послѣдствія этого выхода опредѣляются особымъ формальнымъ договоромъ, заключеннымъ между нами нотаріальнымъ порядкомъ. Если Некрасовъ признаетъ нужнымъ нарушить контрактъ свой съ г. Краевскимъ ранѣе срока, то и настоящее условіе прекращается".

Если не ошибаюсь, условія эти подвергнулись нѣсколько позже новому измѣненію и во всякомъ случаѣ еще разъ измѣнились послѣ смерти Некрасова, когда контрактъ съ Краевскимъ былъ заключенъ Салтыковымъ. Хотя при этомъ въ соредак-

торы, на мѣсто Некрасова, Салтыковъ и Елисеевъ пригласили меня, но, къ стыду моему, я долженъ признаться, что рѣшительно не помню условія, которое подписывалъ и я. Елисеевскіе отрывки напомнили мнѣ только два пункта. Во-первыхъ, Салтыковъ настоялъ на сбавкѣ (сравнительно съ Некрасовымъ) той цифры, которая приходилась ему, какъ главному редактору; во-вторыхъ, существовалъ параграфъ, по которому въ случаѣ болѣзни одного изъ соредакторовъ, не позволяющей ему работать, онъ получаетъ пенсію въ 2000 р. въ годъ. Въ 1881 г. Елисеевъ серьезно заболѣлъ и долженъ былъ уѣхать за границу; о литературной работѣ для него не могло быть и рѣчи, а потому къ нему слѣдовало примѣнить параграфъ о пенсіи, что значительно сбавляло его доходы. Рѣшено было однако не держаться буквы нашего соглашенія, и Елисеевъ до конца существованія „Отечественныхъ Записокъ“ получалъ вознагражденіе, какъ дѣйствующій редакторъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Салтыкову онъ, справившись съ своей записной книжкой, сообщаетъ сколько онъ получалъ съ 1879 по 1883 годъ включительно: отъ 5 до 9 тысячъ въ годъ. Такая большая разница зависѣла частію отъ количества подписчиковъ, постоянно возраставшаго, частію отъ количества собственно писательской работы, которая съ 1881 г. совсѣмъ прекратилась (только въ апрѣлѣ 1884 г. была напечатана одна его статья). Но съ того же 1881 г. прекратилась и его редакторская дѣятельность, за которую онъ однако продолжалъ получать вознагражденіе, и это очень его тяготило; въ особенности, когда въ концѣ 1882 г. я долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга. Вотъ его письмо къ Салтыкову отъ 15 янв. 1883 г. Выразивъ мысль, что онъ тотчасъ же послѣ моего отъѣзда долженъ бы былъ „прибыть на свой постъ въ Петербургъ“, онъ продолжаетъ:

„Я этого не сдѣлалъ. Никто не будетъ допскиваться, почему я этого не сдѣлалъ,—потому ли, что не могъ, или потому, что не хотѣлъ, хотя въ сущности и разницы тутъ нѣтъ, разъ я постъ за собою удерживаю и привилегіями его пользуюсь. Заключеніе и въ томъ, и въ другомъ случаѣ одно: не пріѣхалъ, потому что прохвостъ. Такъ будутъ говорить обо мнѣ и товарищи въ редакціи, и вообще всѣ, до кого будетъ доходить слухъ о моемъ поступкѣ. И всѣ будутъ вправѣ такъ говорить. Въ прошедшемъ году я могъ, если не по праву, то безъ стыда принять привилегированное положеніе, предложенное мнѣ товарищами по редакціи: наличныя силы редакціи, кромѣ меня, были на мѣстѣ, при этомъ у меня была надежда скоро поправиться и принять участіе въ работѣ. Теперь въ редакціи остались вы одинъ; у меня исчезла всякая надежда на поправленіе моего здоровья въ такой степени, чтобы я могъ быть годенъ снова въ прежней работѣ. Согласитесь, что надо быть не только не честнымъ человѣкомъ, а совсѣмъ прохвостомъ, чтобы въ такихъ обстоятельствахъ удерживать за собой привилегированное положеніе. Если бы я былъ человѣкъ неимущій, то я имѣлъ бы еще право сохранить себѣ пенсію. Но я не могу считать себя и неимущимъ человѣкомъ. Того гонорара, который я получилъ за прошедшій годъ, мнѣ хватитъ съ женою на два года. Присоедините къ этому сбереженія отъ прошлыхъ лѣтъ, которыя помѣщены въ разныхъ русскихъ бумагахъ. Хотя я никогда не касался этихъ сбереженій, считая ихъ, какъ пріобрѣтенныя исключительно литературнымъ трудомъ, принадлежащими не мнѣ, а всей литературной братіи, которая мозгомъ своимъ разрабатываетъ русскую землю, которыя и должны поэтому послѣ моей смерти поступить въ собственность литературнаго фонда; но однихъ процентовъ съ этихъ денегъ наберется тысячи двѣ рублей. Слѣдовательно, если я буду живъ и послѣ того, какъ будетъ истраченъ прошлогодній гонораръ О. З., жить все-таки съ женой вдвоемъ на эти проценты будетъ можно. А если я умру, что всего вѣрнѣе, то ей на двѣ тысячи жить и подавно будетъ можно. Больше ей проживать я не считалъ бы даже правильнымъ и приличнымъ. Изъ всего этого вы видите, что я нисколько не нуждаюсь въ деньгахъ. Поэтому въ текущемъ 1883 году я отказываюсь не только отъ гонорара, который будетъ полученъ Отеч. Записками за этотъ годъ, но и отъ жалованья, и отъ пенсіи“.

Салтыковъ ворчливо-убѣдительно, какъ онъ умѣлъ это дѣлать, просилъ Елисеева оставить эти мысли, тѣмъ болѣе, что до конца контракта съ Краевскимъ оставался всего годъ, и не стоитъ, дескать, ломать на такое короткое время установившійся порядокъ. Въ запискахъ Елисеева, относящихся къ этому времени, между прочимъ, говорится: „Въ головѣ моей постоянно гвоздемъ сидѣла и не давала мнѣ покою мысль, что въ то время, какъ я тутъ праздно провожу время безъ всякаго дѣла, другіе въ Россіи за меня и нѣкоторымъ образомъ для меня работаютъ. Мнѣ казалось даже, что если мнѣ уже суждено высшими судьбами сидѣть праздно, то и праздно

слѣдовало сидѣть не здѣсь, а въ Россіи, что тамъ, и праздно сидя, я могъ все таки приносить нѣкоторую долю пользы. Эту мысль навѣвали нѣкоторыя письма М. Е. (Салтыкова), въ которыхъ онъ иногда высказывалъ сожалѣніе о моемъ отсутствіи, что было бы все таки лучше, еслибы и больной, и совсѣмъ неспособный къ работѣ, я былъ все таки со всѣми. И это сожалѣніе, я увѣренъ, онъ высказывалъ совершенно искренно. Я заболѣлъ и уѣхалъ изъ Россіи какъ разъ въ тотъ моментъ, когда наступило самое трудное для журналистики время, когда она очутилась въ неустойчивомъ, колеблющемся положеніи, когда каждый почти день приносилъ такое явленіе или извѣстіе, о которыхъ надо было подумать, какъ къ нимъ отнестись, и которыя кромѣ того иногда производили во всѣхъ, а въ немъ въ особенности, какъ въ лицѣ, стоявшемъ во главѣ дѣла, настроеніе духа оченъ непріятное. Въ подобныхъ случаяхъ мысль, совѣтъ, успокоеніе, высказываемое даже сторонними людьми, тѣмъ болѣе людьми близкими, къ которымъ привыкъ, которымъ довѣряешь, съ которыми стоишь у одного дѣла, имѣетъ важное значеніе".

Но болѣзненное состояніе помѣшало Елисееву пріѣхать тогда въ Петербургъ...

Найдутся, можетъ быть, скептики, которые иронически отнесутся ко всѣмъ этимъ душевнымъ движеніямъ Елисеева,—они, эти душевныя движенія, ничѣмъ вѣдь не выразились въ дѣйствіи, и покойный писатель оставилъ таки послѣ себя капиталецъ! Я не берусь разгонять эти ироническія мысли, но думаю, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ скептикахъ онѣ сами собой разгонятся по прочтеніи нижеслѣдующаго.

Дѣло въ томъ, что Елисеевъ зналъ нужду и бѣдность не только въ дѣтствѣ и юности, впечатлѣнія которыхъ легко растворяются въ общемъ чувствѣ жизни и быстро забываются. Онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ нуждой еще разъ, когда ему было уже около сорока пяти лѣтъ, когда онъ, по выходѣ изъ крѣпости, очутился безъ средствъ, безъ работы, безъ надеждъ, съ разстроеннымъ здоровьемъ. По прошествіи нѣкотораго времени онъ, благодаря практической ловкости Некрасова, оказался опять при дѣлѣ, но дѣло это отнюдь не представлялось ему прочнымъ. Не говоря уже о возможности всякаго рода неожиданностей, цѣну которыхъ Елисеевъ только что узналъ на себѣ,—совершенно неизвѣстно было, какъ пойдутъ „Отечественныя Записки". Да и самый контрактъ Некрасова съ Краевскимъ былъ заключенъ первоначально на незначительный срокъ (на шесть лѣтъ), по истеченіи котораго Елисеевъ могъ опять очутиться безъ работы и надеждъ. А тамъ вѣдь недалеко ужъ и старость, безпомощная, хилая, да еще при слабомъ вообще здоровьи. Поэтому вѣроятно съ самаго начала работы въ „Отечественныхъ Запискахъ" Елисеевъ, наученный недавнимъ горькимъ опытомъ, подумывалъ объ томъ, чтобы отложить копѣйку на черный день. Но едва ли онъ могъ къ этому приступить до 1874 г., когда сталъ, вмѣстѣ съ Салтыковымъ, получать, сверхъ редакторскаго жалованья и полистной платы, еще долю дохода съ журнала. Потомъ дѣла пошли еще и еще лучше, и, при необыкновенно скромныхъ потребностяхъ Елисеева, при отсутствіи семьи (у него было только жена, преданнѣйшая изъ женъ, умершая черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти), ему не трудно было кое что откладывать на черный день. Онъ никакъ не ожидалъ сначала, что эти сбереженія достигнуть такой сравнительно крупной цифры, и по мѣрѣ того, какъ она росла, онъ все больше задумывался о своихъ правахъ на эти деньги и—конфузился. Именно конфузился, это настоящее слово. Ради этой то оригинальной психологической черты я и веду весь разсказъ объ его денежныхъ дѣлахъ, и думаю, что этимъ исполняю невыраженное жаланіе самого покойника. Обстановка и образъ жизни Елисеева были всегда, что называется, приличные, то есть ничѣмъ рѣзко не выдѣлялись въ кругѣ его знакомства, но онъ не позволялъ себѣ никакой роскоши сверхъ этого уровня, памятуя съ одной стороны возможность чернаго дня, а съ другой—придя къ заключенію, что только въ случаѣ чернаго дня онъ и можетъ коснуться этихъ сбереженій, что онъ есть лишь временный ихъ владѣлецъ и какъ бы хранитель, а принадлежатъ они не ему. Но кому же?

Вотъ отрывокъ изъ письма Елисеева Салтыкову изъ за-границы отъ 4/16 августа 1882 г.

„Назадъ тому почти 25 лѣтъ, вскорѣ послѣ того, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, тутъ былъ человѣкъ, который оказалъ мнѣ большую услугу. Я былъ въ то время бѣденъ, какъ церковная мышь, боленъ и не имѣлъ въ Петербургѣ ни одного человѣка знакомаго, занимая комнату у одной изъ петербургскихъ квартирныхъ хозяекъ. Онъ разыскалъ меня, когда я лежалъ больной, почти безъ всякой помощи и призора, привелъ мнѣ доктора и нѣкоторое время отправлялъ даже должность сидѣлки. Только

благодаря его помощи и старанію, я сталъ тогда на ноги. Потомъ видаясь время отъ времени со мной, онъ, будучи любителемъ литературы и зная, что я могу писать (тогда была уже напечатана одна моя статья въ „Современникѣ"), онъ уговаривалъ меня не искать службы, которой я искалъ въ министерствѣ, а заняться литературой. Потомъ этотъ человѣкъ исчезъ изъ Петербурга, и я не имѣлъ объ немъ никакихъ свѣдѣній, хотя и оставался должнымъ ему значительную сумму денегъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ мнѣ напомнилъ о немъ во время разговора случайно NN, который, оказывается, тоже зналъ его. Онъ сообщилъ мнѣ, что человѣкъ этотъ бѣдствуетъ, а когда я сказалъ ему, что я остаюсь ему долженъ значительную сумму денегъ, то онъ отвѣтилъ, что было бы хорошо, еслибы я уплачивалъ ее хоть по частямъ. Это замѣчаніе кольнуло меня, и я въ умѣ своемъ тогда же порѣшилъ откладывать въ уплату долга по 300 р. въ годъ. Но при тогдашнемъ моемъ положеніи легко было это порѣшить въ умѣ, а сдѣлать это положительно было невозможно. Послѣ закрытія „Современника" два года почти я былъ вовсе безъ работы, потомъ имѣлъ работу, но съ болѣзнію, тянувшеюся почти семь лѣтъ, и ежегодными поѣздками для этого по заграничнымъ докторамъ и водамъ, издерживалъ почти все, что получалъ. А затѣмъ я сталъ уже быстро поправляться и могъ бы легко удѣлять по 300 р. въ годъ,—но люди въ денежныхъ дѣлахъ большею частію свиньи, каковою оказался и я. Смягчающимъ обстоятельствомъ для меня можетъ служить развѣ только то, что журналъ нашъ за все это время висѣлъ постоянно на волоскѣ, и по закрытіи его я могъ бы очутиться въ положеніи вовсе незавидномъ при моихъ лѣтахъ. Но это только развѣ смягчающее обстоятельство, а въ сущности это все таки гнусный эгоизмъ. Какъ бы то ни было, но теперь, благодаря щедрости „Отеч. Записокъ", я имѣю полную возможность расплатиться съ моимъ старымъ долгомъ. Вы пишете, что взяли для меня въ счетъ дивиденда 3 тысячи руб. и купили на нихъ облигацій петербургскаго кредитнаго общества. Такъ какъ при этомъ вы говорите, что теперь имѣете сверхъ того 2.000 руб. денегъ, которые можете прислать мнѣ, то прошу васъ будьте такъ добры, передайте всѣ купленныя вами облигаціи NN; если только кредиторъ мой находится въ живыхъ, онъ вѣроятно знаетъ, гдѣ онъ, и отошлетъ ему ихъ. Кромѣ того, скажите ему, что я вѣроятно найду возможность и въ будущемъ году дать нѣкоторую сумму въ уплату моего долга. Если же онъ умеръ, то облигаціи оставьте у себя, я имъ дамъ другое назначеніе черезъ литературный фондъ".

Таинственный „кредиторъ", о которомъ идетъ рѣчь въ этимъ письмѣ, есть никто иной, какъ Н. Г. Чернышевскій. И понятное дѣло, что вся исторія о долгѣ, въ уплату только части котораго Елисеевъ ассигновалъ 3.000 руб., сочинена. Не сочинено здѣсь только участіе, принятое Чернышевскимъ въ судьбѣ Елисеева, когда онъ былъ въ безпомощномъ состояніи, объ чемъ Елисеевъ часто съ живѣйшею благодарностью вспоминалъ. Остальное все плодъ осторожности въ виду тогдашняго исключительнаго положенія Чернышевскаго. Я не знаю ни непосредственныхъ результатовъ приведеннаго письма, ни дальнѣйшей исторіи „долга" (въ перепискѣ онъ больше не упоминается). Я привелъ письмо только какъ образчикъ того, какъ распоряжался или хотѣлъ распоряжаться Елисеевъ своими сбереженіями при жизни. Но главныя его заботы въ этомъ отношеніи были устремлены на будущее, когда его не станетъ, вслѣдствіе чего онъ не разъ писалъ и передѣлывалъ завѣщаніе. Въ окончательной формѣ выраженіе его посмертной воли отличается чрезвычайною дробностью распоряженій. Видно, что онъ много думалъ надъ завѣщаніемъ и старался не обойти никого изъ тѣхъ, кто такъ или иначе имѣетъ, по его мнѣнію, право на его посмертное вниманіе. Онъ не могъ, конечно, знать, что жена переживетъ его всего нѣсколькими днями, и потому долженъ былъ позаботиться объ ней. Заботу эту онъ возложилъ на литературный фондъ, который долженъ былъ выплачивать женѣ пожизненно извѣстную пенсію, изъ процентовъ на капиталъ, завѣщанный фонду. На литературный же фондъ возложены ежегодныя уплаты небольшихъ суммъ прислугѣ, жившей у Елисеева, и разнымъ образовательнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ, причемъ не забыта и касса взаимопомощи петербургскихъ наборщиковъ. Такъ какъ въ числѣ завѣщанныхъ литературному фонду процентныхъ бумагъ есть билеты внутреннихъ съ выигрышами займовъ, то Елисеевъ сдѣлалъ распоряженія и на случай выигрыша: онъ распредѣляется между нѣкоторыми близкими къ покойному людьми.

Одна характерная подробность посмертной воли Елисеева получила большую огласку, и намъ надо остановиться на ней.

Въ 1881 г., уѣзжая больной за границу, Елисеевъ пожертвовалъ 20000 твер-

скому земству на ссуды крестьянамъ на покупку земель, съ тѣмъ, чтобы земство платило пожизненно ему, а потомъ его женѣ, извѣстные проценты, а послѣ ихъ смерти половина процентовъ должна была идти въ пользу литературнаго фонда, а другая половина въ пользу земскихъ школъ. Такимъ образомъ онъ обезпечивалъ себѣ извѣстный пожизненный доходъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ доброе дѣло совершенно въ духѣ его литературной дѣятельности. На тверскомъ именно земствѣ онъ остановился частію потому, что у него были тамъ хорошіе, пользовавшіеся его довѣріетъ знакомые, а частію потому, что въ тверскомъ земствѣ уже существовала особая касса для раздачи крестьянамъ ссудъ на покупку земель. Но затѣмъ его стали одолѣвать разныя сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что сбереженія его значительно увеличились, а, значитъ, усилилась, съ его точки зрѣнія, и его отвѣтственность за правильное употребленіе этихъ денегъ. Въ 1884 г., очевидно подъ вліяніемъ постигшей „Отечественныя Записки“ бѣды, отъ которой плохо пришлось многимъ сотрудникамъ закрывшагося журнала, онъ писалъ Салтыкову: „Всѣ деньги, которыя я имѣлъ и имѣю, пріобрѣтены исключительно литературнымъ трудомъ, а изъ тѣхъ, которыя поименованы здѣсь (передъ тѣмъ Елисеевъ дѣлалъ расчетъ сколько у него скопилось денегъ за время фиктивнаго редакторства)— большая часть пріобрѣтена отъ литературы даже безъ всякаго труда. Поэтому я считаю себя обязаннымъ всѣ эти деньги отдать непремѣнно въ литературный фондъ полностью“. Въ 1889 г., въ виду слуховъ о предстоящей реформѣ земскихъ учрежденій, сомнѣнія и колебанія Елисеева получили новый толчокъ еще и съ другой стороны. Онъ обратился въ тверскую губернскую управу съ просьбой возвратить ему пожертвованный капиталъ, если земскія учрежденія подвергнутся существеннымъ измѣненіямъ. Очередное земское собраніе рѣшило уважить эту просьбу. А въ 1893 г. капиталъ Елисеева, согласно его духовному завѣщанію, переданъ тверскимъ земствомъ литературному фонду, его единственному наслѣднику.

Нравственный образъ покойнаго Григорія Захаровича достаточно рисуется всѣмъ этимъ. Онъ говоритъ самъ за себя, и я не считаю нужнымъ прибавлять что нибудь отъ себя для господъ скептиковъ, если бы таковые нашлись.

VI.

Настоящее изданіе далеко не вмѣщаетъ въ себѣ всего, что написано Елисеевымъ: для полнаго собранія его сочиненій потребовалось бы не менѣе, какъ еще два такихъ же компактныхъ тома. Въ виду малой извѣстности имени Елисеева, изданіе его сочиненій и въ такомъ размѣрѣ, какъ предлагаемые два тома, представляетъ значительный рискъ; и можно ли думать о продолженіи изданія,—покажетъ этотъ опытъ. Во всякомъ случаѣ теперь приходилось выбирать. Это было не легкое дѣло, по крайней мѣрѣ для меня, глубоко чтущаго память покойнаго писателя. О газетныхъ статьяхъ—въ „Искрѣ“, „Вѣкѣ“, „Очеркахъ“—нечего было и думать. Но и изъ журнальныхъ статей надо было, въ виду размѣровъ изданія, выбирать. Можно было, строго держась хронологическаго порядка, составить два тома изъ статей, напечатанныхъ въ „Современникѣ“, отложивъ на неопредѣленное время, и можетъ быть навсегда, перепечатку статей изъ „Отечественныхъ Записокъ“. Можно было собрать отдѣльныя статьи, болѣе или менѣе цѣльныя и законченныя, и отбросить „внутреннія обозрѣнія“, представляющія собою бѣглые, отрывочные отклики на явленія текущей, а теперь уже давно протекшей жизни. Можно было напротивъ остановиться именно на однихъ „внутреннихъ обозрѣніяхъ“, которыя не только особенно характерны для Елисеева, но и даютъ, хотя и не полную, бѣглую и отрывочную, картину нашей общественной жизни за два любопытные періода (съ 1861 г. по 1866 въ „Современникѣ“ и съ 1875 по 1881 въ „Отечественныхъ Запискахъ“). По разнымъ соображеніямъ однако, я отвергъ эти три плана. Въ настоящемъ изданіи читатель найдетъ всѣ „внутреннія обозрѣнія“ Елисеева въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и семь отдѣльныхъ статей изъ того же журнала. И это не все, что написано Елисеевымъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Изъ статей, подписанныхъ его именемъ, не перепечатываются „Производительныя силы Россіи“ (1868 г.) и „Отвѣтъ на критику“. Первая

изъ этихъ статей переполнена слишкомъ уже устарѣвшимъ статистическимъ матеріаломъ, а вторая, объ которой было упомянуто выше, относится къ тому непріятному полемическому эпизоду, который мы рѣшили вообще по возможности обойти. Что же касается анонимныхъ статей, то наиболѣе характерныя изъ нихъ вошли въ настоящее изданіе, но затѣмъ осталось еще нѣсколько не перепечатанныхъ по разнымъ причинамъ, и между прочимъ потому, что, за давностью времени, я не увѣренъ въ принадлежности ихъ Елисееву.

Упорство, съ которымъ Елисеевъ держался анонимности, достойно вниманія. Не удивительно, что его первыя статьи въ „Современникѣ“ являлись безъ подписи: робость и скромность начинающихъ писателей—дѣло столь же обыкновенное, какъ и естественное. Затѣмъ всякому руководящему журналисту приходится иногда писать анонимныя статьи, разъ онѣ имѣютъ общередакціонный характеръ. Анонимныя „внутреннія обозрѣнія“ у насъ были тоже общеприняты, хотя надо замѣтить, что можетъ быть примѣръ именно Елисеева до извѣстной степени повліялъ на установленіе этого обычая. Но во всякомъ случаѣ у писателя, работающаго десятки лѣтъ въ журналистикѣ, притомъ въ наиболѣе распространенныхъ журналахъ, все таки въ концѣ концовъ оказывается хорошо знакомое публикѣ имя, и статьи анонимныя составляютъ въ его литературномъ наслѣдіи лишь болѣе или менѣе значительное исключеніе. У Елисеева напротивъ исключеніемъ являются статьи подписанныя—собственнымъ именемъ или псевдонимомъ „Грицко“. Да и то въ силу требованій, такъ сказать, журнальной политики. Такъ, первыя его статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ были подписаны, и это было нужно, чтобы показать читателямъ, что Некрасовъ не осиротѣлъ, что не всѣ сотрудники „Современника“ отъ него отвернулись. „Искра“ въ 1863 г. издавалась съ виньеткой, на которой каждую изъ пяти буквъ, составляющихъ названіе газеты, несутъ главные сотрудники. Букву „И“, первую, несетъ Елисеевъ. Въ „Современникѣ“ и тѣмъ болѣе въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Григорій Захаровичъ игралъ одну изъ самыхъ выдающихся ролей. Мы видѣли, что когда группа петербургскихъ литераторовъ затѣяла „Вѣкъ“, то редакторомъ былъ избранъ Елисеевъ, и этотъ выборъ заслужилъ одобреніе и въ московскихъ вліятельныхъ литературныхъ сферахъ. Вообще въ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ кругахъ Елисеевъ являлся, по выраженію Шелгунова, „мужемъ совѣта“, всѣмъ хорошо извѣстнымъ, всѣми уважаемымъ. Но огромному большинству читателей имя Елисеева ничего или почти ничего не говорило, благодаря упорству, съ которымъ онъ держался анонима. Это не была просто скромность. Елисеевъ былъ очень скроменъ, но цѣну себѣ зналъ. Объясненія надо, кажется, искать въ его взглядахъ на популярность въ Россіи вообще, на популярность русскаго писателя въ особенности.

Взгляды эти изложены въ одномъ изъ внутреннихъ обозрѣній (1876 г., май). Онъ говоритъ тамъ, что настоящая популярность состоитъ въ томъ, чтобы „стать во главѣ болѣе или менѣе значительной части общества, дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ для извѣстной цѣли, сообща устраняя препятствія, лежащія на пути къ ней, и сообща изобрѣтая и употребляя тѣ или другія средства для достиженія ея“. Но, продолжаетъ Елисеевъ, „у насъ всякая иниціатива и дѣятельность, предпринятая въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ для общества, возможна только подъ формою оффиціальною, а потому и популярность у насъ возможна только оффиціальная“. А затѣмъ у насъ возможна лишь популярность „мѣстная, сословная и кружковая“,—узкая, хрупкая, не дающая удовлетворенія потребности участвовать въ общей жизни. Что касается характера и значенія литературной дѣятельности, то, по мнѣнію Елисеева, къ ней и теперь можетъ быть приложено то, что говорилъ кн. Вяземскій въ книгѣ о Фонъ Визинѣ: „Посреди безмолвія, оцѣпенѣнія, царствующаго въ обществѣ, можетъ возвыситься иногда голосъ автора, который сильно подѣйствуетъ на вниманіе общества его окружающаго: общество отвѣчаетъ ему съ силою и быстротою потрясеннаго сочувствія, но сіе дѣйствіе случайно, скоропостижно и недолговременно. По своей мимолетности, оно ничѣмъ не отличается отъ того восторга и сочувствія, которыя зажигаютъ въ своихъ слушателяхъ сладкозвучный Ромбергъ или молніеносный смычокъ Паганини... Концертъ отслушанъ, книга прочитана, и тотъ и другой возбудили нѣсколько изящныхъ ощущеній, можетъ быть нѣсколько благородныхъ соревнованій, но тѣмъ все и кончилось“. Отъ себя Елисеевъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Тамъ, гдѣ литература, какъ у насъ, не есть *выраженіе общежитія*, литераторъ не знаетъ, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ, не знаетъ даже есть ли у него собесѣдники, не говоритъ ли онъ даже просто въ пустое пространство. По крайней мѣрѣ, еслибы

онъ сталъ судить о плодахъ своей дѣятельности по проходящимъ передъ нимъ явленіямъ, то онъ долженъ бы былъ убѣдиться въ полной своей безполезности и съ отчаеніемъ бросить перо навсегда. Потому что въ дѣйствительности большею частью дѣлается какъ разъ совершенно противное тому, чему онъ учитъ, за что ратуетъ, на чемъ настаиваетъ. Конечно, литераторъ имѣетъ право предполагать, что помимо этой рутинной, парадной дѣйствительности, проходящей передъ его глазами въ видѣ тѣней волшебнаго фонаря, также призрачной, ничтожной и скоро преходящей, какъ эти тѣни, есть другая дѣйствительность, болѣе прочная и дѣйствительная, за которою будущность: это—молодые умы и сердца, разсѣянные по всему лицу огромной русской земли, которые страстно ловятъ каждое его слово, всасываютъ въ себя его идеи, вводятъ въ свою жизнь и дѣятельность проповѣдуемые имъ принципы, приготовляясь быть дѣятелями въ будущемъ... Но вѣдь это предположеніе можетъ быть и пустой мечтой. Однимъ словомъ, для литератора тѣхъ обществъ, гдѣ XVIII еще не кончился, гдѣ онъ не поставленъ въ непосредственной связи съ своей партіей и не несетъ открыто ея знамени, остаются скрытыми существенные результаты его дѣятельности. Онъ можетъ болѣе или менѣе знать только дѣйствіе своего литературнаго пера на мозги культурныхъ людей ближайшихъ къ нему круговъ и кружковъ. Онъ можетъ читать похвалы своимъ сочиненіямъ въ печати, можетъ слышать лестные отзывы о нихъ въ публикѣ. Но для того, чтобы довольствоваться этимъ дешевымъ фиміамомъ, исходящимъ или отъ записныхъ литературныхъ строчилъ ex officio, или отъ людей, которые читаютъ сочиненія отъ скуки, ради препровожденія времени, для пищеваренія и т. п., и видѣть въ этомъ вѣнецъ и цѣль своей дѣятельности, надобно плавать уже слишкомъ мелко".

Все это Елисеевъ говоритъ въ примѣненіи къ Щапову, который не нашелъ удовлетворенія въ литературной дѣятельности. Но все это относится и къ другимъ русскимъ писателямъ, въ томъ числѣ и къ самому Елисееву. Какъ видитъ читатель, онъ не строилъ себѣ никакихъ иллюзій на счетъ своей литературной дѣятельности. Онъ, занятый преимущественно дѣлами текущей жизни, вопросами дня, долженъ былъ въ особенности ясно чувствовать практическое безсиліе литературы и слѣдовательно ничтожество популярности. Популярностью кружковою, собственно въ литературныхъ сферахъ, онъ пользовался въ достаточной степени, чтобы имѣть здѣсь практическое вліяніе, и анонимность этому не мѣшала, а за этими предѣлами не объ чемъ и хлопотать: знаютъ ли тебя тамъ, не знаютъ ли—все равно ты практически равенъ нулю или почти нулю, а нулю и не подобаетъ носить собственное имя...

Я думаю, что Елисеевъ, если таковъ дѣйствительно былъ ходъ его мысли, очень ошибался, и что мы присутствуемъ при печальныхъ результатахъ этой ошибки, отчасти исправляемой настоящимъ изданіемъ его сочиненій. Онъ не ошибался, къ сожалѣнію, относительно общаго значенія русской литературы, это—та же горькая для насъ, писателей, правда, которую Салтыковъ выразилъ знаменитою фразой: „писатель пописываетъ, читатель почитываетъ". Эта правда можетъ быть даже горше, чѣмъ казалось Елисееву. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда „молодые умы и сердца, страстно ловящіе каждое слово писателя"—не „пустая мечта", онъ, писатель, по бывшимъ примѣрамъ, не можетъ поручиться, что завтра же какая нибудь случайная волна не смоетъ всего этого увлеченія, такъ что отъ него и на сѣмена ничего не останется. И за это нельзя даже особенно винить русскаго читателя, потому что его въ этомъ смыслѣ воспитываетъ общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ. Но анонимность можетъ только содѣйствовать этому положенію, только усугубить ту шаткость преемственности, которая составляетъ болѣзнь нашего общества и естественный привѣсокъ къ практическому безсилію нашей литературы. Сочиненія Елисеева, хотя и писанныя почти исключительно на темы злобы дней, давно минувшихъ, въ высокой степени поучительны и теперь; и не только, какъ хроника прошлаго, съ чисто фактической стороны, а и по той точкѣ зрѣнія, на которой стоитъ Елисеевъ и которая сохраняетъ все свое значеніе до сего дня. Тѣмъ не менѣе, настоящее изданіе его сочиненій представляетъ собою рискъ, какого не могло бы быть, еслибы онъ не былъ анонимнымъ писателемъ, еслибы его имя было распространено соотвѣтственно его заслугамъ, еслибы нынѣшніе читатели хоть отъ своихъ отцовъ слыхали это имя, поминаемое съ благодарностью. Все изнащивается съ теченіемъ времени, безсмертіе, даже въ самомъ условномъ смыслѣ этого слова, есть достояніе очень и очень немногихъ, къ числу которыхъ Елисеевъ, конечно, не принадлежалъ. Но анонимность искуственно сокращаетъ жизнь писателя въ потомствѣ, въ особен-

ности у насъ, и лишаетъ идеи, которымъ служилъ писатель при жизни, той поддержки, какую онѣ могли бы имѣть въ его лицѣ и послѣ его смерти. Точка зрѣнія Елисеева на наши внутреннія дѣла далеко не износилась. Напротивъ, теперь, можетъ быть больше, чѣмъ при его жизни, получаетъ она важное значеніе. Нельзя поэтому не пожалѣть объ томъ, что онъ слишкомъ ужъ презиралъ ту степень популярности, какая возможна для русскаго писателя, помимо непосредственныхъ практическихъ результатовъ его дѣятельности, а въ связи съ этимъ находятся и нѣкоторыя другія черты писательской физіономіи Елисеева.

Довольствоваться похвалами своимъ сочиненіямъ въ печати и лестными отзывами о нихъ въ публикѣ, видѣть въ этомъ вѣнецъ и цѣль своей дѣятельности, это, разумѣется, значитъ очень мелко плавать. Настоящій „кровный“ писатель, даже въ томъ случаѣ, если онъ страдаетъ излишкомъ чувствительности къ похваламъ,—а вѣдь похвалы съ одной стороны рѣдко обходятся безъ порицаній съ другой,— имѣетъ въ виду и нѣчто иное. Онъ хочетъ возбудить въ читателяхъ извѣстныя мысли и чувства по отношенію къ обсуждаемому предмету и вызвать соотвѣтственныя дѣйствія, не сегодня, такъ завтра, хотя это „завтра“ можетъ растянуться на многіе и многіе годы. Но тотъ же настоящій, кровный писатель не можетъ, какъ предположилъ Елисеевъ, „съ отчаянія бросить перо на всегда“, даже „убѣдившись въ полной своей безполезности“ въ смыслѣ непосредственныхъ практическихъ результатовъ. Отчаяніе, конечно, возможно, но думать объ томъ, что васъ занимаетъ, отказаться нельзя, а думать и писать, для такого писателя, почти синонимы. И если онъ не можетъ писать о большомъ, онъ будетъ писать о маломъ, съ тѣми самыми пріемами мысли, какіе примѣнилъ бы, при иныхъ обстоятельствахъ времени, мѣста и образа дѣйствія, къ большому. Елисеевъ былъ, по самому складу своего ума, практикъ, „мужъ совѣта“, практическаго, удобоисполнимаго совѣта. И я не сомнѣваюсь, что еслибы онъ былъ „поставленъ въ непосредственной связи съ своей партіей и несъ открыто ея знамя“, еслибы это было возможно по условіямъ русской жизни, то онъ былъ бы крупнымъ общественнымъ,—скажу больше,—историческимъ дѣятелемъ. Въ немъ всегда билась жилка практическаго реформатора, не придающаго особенно большого значенія отдаленнымъ теоретическимъ основамъ обсуждаемаго вопроса, но не довольствующагося и простымъ констатированіемъ факта, вызывающаго съ его стороны рѣзкую критику, а всегда готоваго представить положительный проэктъ реформы. Заглянувъ, напримѣръ, въ апрѣльское внутреннее обозрѣніе 1875 г., мы найдемъ тамъ исторію, „мартовской революціи въ обществѣ взаимнаго кредита“. Но это не простая запись хроникера, отмѣчающаго фактъ и его дурныя или хорошія, невыгодныя или выгодныя стороны: Елисеевъ тутъ же излагаетъ проэктъ новой „конституціи“ общества взаимнаго кредита, который предлагаетъ обсудить въ немедленно нарочито созванномъ чрезвычайномъ собраніи членовъ общества. Въ іюньскомъ обозрѣніи того же года, говоря о проэктѣ сибирскаго университета, Елисеевъ, отрицая пользу таковаго, предлагаетъ свой проэктъ и прибавляетъ, что пишетъ лично для вновь назначеннаго генералъ-губернатора Западной Сибири, генералъ-адъютанта Казнакова. Я могъ бы привести много подобныхъ примѣровъ, но и этихъ достаточно, чтобы видѣть, до какой степени важны были для Елисеева непосредственные практическіе результаты литературной дѣятельности. Такой *дѣловой* характеръ дѣятельности, обусловливаемый самымъ складомъ ума Елисеева, обязывалъ его крѣпко держаться дѣйствительности и искать въ ней точекъ опоры, какъ бы это ни было трудно при данныхъ обстоятельствахъ, какъ бы ни была она далека отъ идеала, который жилъ въ его душѣ. Въ этомъ заключалась и его сила, и его слабость.

Въ 1880 г., только что назначенный передъ тѣмъ министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Лорисъ-Меликовъ пригласилъ къ себѣ редакторовъ журналовъ и газетъ и изложилъ имъ свои взгляды на тогдашнее многотрудное положеніе нашихъ дѣлъ, поскольку это нужно было, по его мнѣнію, знать представителямъ печати. Отъ „Отечественныхъ Записокъ“ къ министру отправился Елесеевъ, такъ какъ отвѣтственный редакторъ, Салтыковъ, былъ въ это время за границей. Въ ближайшемъ, сентябрскомъ номерѣ „Отечественныхъ Записокъ“, вмѣсто обычнаго внутренняго обозрѣнія, появилось „Нѣсколько словъ по поводу вопросовъ злобы дня“. Здѣсь Елисеевъ ясно и сжато воспроизвелъ, снабдивъ ее нѣкоторыми своими комментаріями, обращенную къ редакторамъ рѣчь министра. Изо всѣхъ приглашенныхъ редакторовъ только онъ одинъ сдѣлалъ это, а нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на собраніи даже отрицали потомъ печатно точность его передачи словъ министра. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что прежде,

чѣмъ печатать свое сообщеніе, Елисеевъ принялъ надлежащія мѣры, чтобы убѣдиться, что рѣчь министра передана имъ по существу точно, хотя и своими словами. Для него это былъ важный фактъ дѣйствительности, съ которымъ, по его мнѣнію, нельзя было не считаться и который, своею сравнительною опредѣленностью, давалъ печати не широкую, но по крайней мѣрѣ для данной минуты прочную точку опоры. Иначе посмотрѣлъ на дѣло Салтыковъ. Получивъ отъ Елисеева за границей извѣщеніе обо всемъ происшествіи, онъ писалъ ему: „Письмо ваше я получилъ и начертанную въ немъ программу, хотя съ трудомъ, но прочиталъ (почеркъ у Елисеева былъ очень неразборчивый). Программа нѣсколько загадочная, но „мальчикъ безъ штановъ“ правильно говоритъ, что тѣмъ то и занятно жить у насъ, что ничего въ волнахъ не видно. Поживемъ, увидимъ“. Къ самому факту появленія „программы“ на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ Салтыковъ отнесся очень неблагопріятно. Я помню, какъ сердито говорилъ онъ мнѣ, что это какъ бы превращаетъ насъ въ оффиціальный органъ. Въ этомъ хорошо сказалась разница, между Салтыковымъ и Елисеевымъ. Ихъ требованія отъ жизни въ принципіальномъ и идеальномъ смыслѣ не весьма, я думаю, различались, но относительно фактовъ текущей жизни Елисеевъ былъ гораздо практичнѣе, положительнѣе и—уже.

Въ одномъ изъ писемъ къ Салтыкову (1875 г.), сообщая ему о впечатлѣніи, которое произвелъ его разсказъ „Семейный судъ“ на Некрасова и другихъ членовъ редакціи, Елисеевъ прибавляетъ: „мнѣ онъ тоже очень нравится, но болѣе нравятся тѣ статьи, которыя соприкасаются съ вопросами и явленіями текущаго времени“.

Въ одномъ изъ внутреннихъ обозрѣній „Современника“ (мартъ 1861 г.) Елисеевъ писалъ: „Мы цѣнимъ ученость и глубоко уважаемъ людей, посвятившихъ себя наукѣ, но думаемъ, что истинная ученость, самая глубокая, можетъ привести человѣка только къ тому убѣжденію, что единственное прочное благо на землѣ—тѣмъ или другимъ образомъ служить человѣчеству, своимъ меньшимъ братіямъ; что, говоря словами Гейне, zu fragmentarisch ist Welt und Leben, чтобы мы могли постигнуть глубину ихъ и отдаться, забывая все, только исключительному созерцанію красоты своихъ теорій или обилія своихъ знаній; что ученые, написавшіе нѣсколько сочиненій о „собачьихъ кличкахъ“ и на основаніи этого думающіе, что они постигли удивительныя штуки, которыя даютъ имъ право свысока смотрѣть на толпу, просто глупы; а ученые, занимающіеся постройкой великолѣпныхъ системъ и забывающіе при этомъ о дѣятельности на пользу своихъ меньшихъ братій, представляютъ собою безжизненныхъ Вагнеровъ, безплодно тратящихъ время на *штопаніе дырокъ мірозданія*.

Ужъ слишкомъ отрывочна жизнь и вселенная,—
Къ профессору нѣмцу пойду непремѣнно я.
Вѣрно ее не оставитъ онъ такъ,
Системы придумаетъ, дастъ имъ названія...
Шлафрокъ надѣвши и старый колпакъ,
Онъ штопаетъ дырки всего мірозданія.

Итакъ, читатель, побольше и побольше любви къ человѣчеству, особенно къ тому, которое мы привыкли считать за двуногихъ, не имѣющихъ съ нами ничего общаго. Въ этомъ состоитъ вѣнецъ истиннаго знанія и истинной мудрости“.

Таково было всегдашнее отношеніе Елисеева къ публицистикѣ, искусству и наукѣ. Это не было просто отрицательное отношеніе къ такъ называемому „искусству для искусства“ и „наукѣ для науки“. Въ этомъ общемъ смыслѣ между нами, сотрудниками „Отечественныхъ Записокъ“, не было никакого разногласія. Но Елисееву и „Семейный судъ“ Салтыкова казался слишкомъ удаленнымъ отъ „вопросовъ и явленій текущаго времени“. И моя статья о счастіи, какъ мы видѣли, вызвала не совсѣмъ шуточное его замѣчаніе: „Я не знаю г. Михайловскаго, но полагаю, что онъ долженъ быть еще очень молодой человѣкъ; кто же въ самомъ дѣлѣ въ наше время можетъ такъ солидно, какъ онъ, усѣсться за Спенсера и, нисколько не улыбаясь, съ самымъ серьезнымъ видомъ начать разъяснять публикѣ, что такое счастіе?“ Елисеевъ былъ, если можно такъ выразиться, аскетъ текущей жизни и непосредственныхъ практическихъ результатовъ, хотя въ то же время онъ очень хорошо зналъ, что именно въ этомъ отношеніи положеніе нашей печати особенно трудно. Отсюда его преувеличенное презрѣніе къ популярности и анонимность. Отсюда же его можетъ быть тоже иногда преувеличенное стремленіе найти въ данной дѣйствительности хоть какую нибудь точку опоры для практическаго воздѣйствія на жизнь.

Становясь даже на исключительно аскитическую, Елисеевскую точку зрѣнія, трудно опредѣлить разъ на всегда ту грань, за которою кончается необходимо нужное и начинается роскошь. Можетъ, напримѣръ, показаться роскошью сочиненіе конституціи для общества взаимнаго кредита, до котораго Елисееву въ сущности никакого дѣла не было; и можетъ оказаться необходимо нужнымъ выясненіе нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ злобы дня теоретическихъ исходныхъ точекъ, чѣмъ и Елисееву приходилось по временамъ заниматься. Но ни то, ни другое не характерно однако для его дѣятельности въ цѣломъ. Проэктъ конституціи общества взаимнаго кредита и т. п.—это только удовлетвореніе потребности практическаго, реформаторскаго и организаторскаго ума, не имѣющаго достаточной точки приложенія. Въ теоретическія же сферы Елисеевъ пускался крайне рѣдко. Но онъ не мѣшалъ это дѣлать другимъ, хотя можетъ быть и скептически относясь къ подобной работѣ и лишь убѣдившись, что эта работа можетъ быть приведена въ связь, хотя бы отдаленную, съ тѣмъ, что онъ считалъ обязательнымъ центромъ не только литературной дѣятельности, но и всей общественной и государственной жизни. Такимъ центромъ былъ для него народъ, мужикъ. Въ его обозрѣніяхъ читатель найдетъ не всегда оправданныя дальнѣйшимъ ходомъ вещей, но всегда поучительныя разсужденія о разныхъ разностяхъ, о которыхъ всякій обозрѣватель долженъ говорить—о надѣлавшемъ шуму судебномъ процессѣ, о земскихъ дѣлахъ, объ адвакатурѣ, объ умершемъ общественномъ дѣятелѣ, о высшемъ и среднемъ образованіи, и проч., и проч. Въ подробностяхъ здѣсь можно встрѣтить оригинальныя постановки того или другаго вопроса, но въ общемъ Елисеевъ руководится тѣми принципами, которые у насъ принято называть „либеральными“ и которыми руководились и руководятся многіе другіе хроникеры: онъ цѣнитъ просвѣщеніе и свободу, требуетъ честности и добросовѣстности въ дѣлахъ, клеймитъ самоуправство и произволъ и т. п. Но характерны для него не эти, за малыми и тѣмъ болѣе рѣзкими исключеніями, господствующіе въ нашей журналистикѣ общіе принципы. Отличіе обозрѣній Елисеева составляютъ въ этомъ отношеніи только степень талантливости изложенія, оригинальность кое какихъ подробностей и та реформаторская складка, которая не позволяетъ остановиться на констатированіи факта и на простомъ его осужденіи, а подсказываетъ положительное рѣшеніе въ видѣ какого нибудь проэкта. Но настоящимъ, вполнѣ Елисеевымъ онъ становится тогда, когда задаетъ себѣ вопросъ: какъ отзывается или отзовется такое то явленіе нашей жизни на мужикѣ? Этимъ вопросомъ измѣрялось для него значеніе всякой доктрины, либеральной или не либеральной, всякаго мѣропріятія и предпріятія. Я не знаю писателя, который имѣлъ бы большее право на титулъ настоящаго, кровнаго демократа, чѣмъ Елисеевъ. Онъ отнюдь не былъ народникомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ у насъ потомъ утвердилось это слово, хотя народники и многому у него научились. Онъ не питалъ народническихъ иллюзій и демократизмъ былъ въ немъ не дѣломъ только принциповъ и убѣжденій, а самыхъ инстинктовъ. Онъ былъ, какъ я выразился въ некрологической замѣткѣ, напечатанной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, „какъ бы самъ народъ, собственными усиліями пробившійся къ свѣту и достигшій верховъ самосознанія“. Это непосредственно демократическое чувство, въ соединеніи съ рѣдкимъ практическимъ здравымъ смысломъ, обширнымъ знаніемъ жизни и тонкимъ проницательнымъ умомъ, ставитъ его сочиненія, такъ сказать, внѣ конкурса въ нашей литературѣ. Кое что здѣсь устарѣло, кое гдѣ Елисеевъ и самъ употребилъ бы теперь иную аргументацію, но едва ли въ нашей литературѣ есть и едва ли скоро объявится писатель, который самой натурой своей былъ бы до такой степени призванъ къ положенію стража народныхъ интересовъ.

Я не хочу дѣлать обидныя для кого бы то ни было сравненія и потому умолчу о лукаво мудрствующихъ. Возьму писателей, мною глубоко уважаемыхъ, къ которымъ и Елисеевъ относился съ такимъ же глубокимъ почтеніемъ.

Въ одной изъ записныхъ книжекъ Елисеева я нашелъ слѣдующую замѣтку: „Моя надпись на книгѣ т. VIII сочиненій Успенскаго, подаренной такой-то (названо женское имя): Не падай духомъ въ постигшемъ тебя несчастіи, будь покойна и не переставай трудиться надъ своимъ самообразованіемъ для будущей дѣятельности, но такой дѣятельности, которая бы основывалась не на мечтахъ и иллюзіяхъ, а которая была бы приспособлена и пригодна для русской дѣйствительности. Для этого совѣтую тебѣ какъ можно чаще читать и даже изучать сочиненія Г. И. Успенскаго, единственнаго у насъ писателя, мысль котораго въ отношеніи Россіи отличается всегда искренностью, свѣжестью, правдивостью, богатствомъ содержанія и глубиною. Да, даже и

глубиною, при всей видимой легкости его писаній. Но глубина можетъ даваться только тому, кто будетъ читать его не бѣгло, а пристально вдумываться въ читаемое, усердно ворочая при этомъ своими собственными мозгами. Прощай... будь здорова и счастлива. Я старъ и боленъ и можетъ быть мнѣ не придется уже съ тобой увидѣться".

Такъ высоко цѣнилъ Елисеевъ Успенскаго и такъ понималъ искренность его нервнаго, изъ „болѣзни сердца" или „болѣзни совѣсти" истекающаго отношенія къ народу. Но самъ онъ былъ чуждъ этой „болѣзни". Онъ проще и непосредственнѣе относился къ народу.

Салтыкова, какъ знаетъ читататель, Елисеевъ тоже необыкновенно высоко ставилъ, не только за его талантъ, но и за отношеніе къ русской дѣйствительности. Салтыковъ же, между прочимъ, писалъ: „Исторія показываетъ, что тѣ люди, которыхъ мы не безъ основанія называемъ лучшими, всегда съ особенною любовью обращались къ толпѣ и что только тѣ политическіе и общественные акты получали дѣйствительное значеніе, которые имѣли въ виду толпу. Тутъ, въ этомъ служеніи толпѣ, имѣется даже очень ясный эгоистическій расчетъ, ибо, какъ бы мы ни были развиты и обезпечены, мы все таки до тѣхъ поръ не получимъ возможности быть нравственно покойными и мирно наслаждаться нашимъ развитіемъ, покуда все, что насъ окружаетъ, не придетъ хотя въ нѣкоторое равновѣсіе съ нами относительно матеріальнаго и духовнаго благосостоянія".

Елисеевъ все это зналъ и понималъ, но ему не было надобности такъ или иначе опредѣлять свои отношенія къ толпѣ, къ народу,— онъ былъ самъ народъ...

Я старался характеризовать Елисеева sine ira estudio, со всѣми его сильными и слабыми сторонами. Не знаю, удалось ли мнѣ это сдѣлать, но расчитываю, что остальное доскажутъ читателю сами сочиненія Елисеева.

Еще два слова: Статья „Крестьянскій вопросъ" имѣетъ въ подзаглавіи слова: „статья первая", но продолженія ея нѣтъ. Статья „Когда благоденствовалъ русскій мужикъ" оканчивается словами: „мы поговоримъ объ этомъ въ слѣдующій разъ", но продолженія нѣтъ. Статья „Плутократія и ея основы" тоже оканчивается обѣщаніемъ продолженія или окончанія, котораго тоже нѣтъ. Было бы не трудно вычеркнуть эти неисполненныя авторомъ обѣщанія, и читатель можетъ быть даже не замѣтилъ бы этого. Но я счелъ нужнымъ сохранить эти обѣщанія, дабы читатель видѣлъ, что въ означенныхъ статьяхъ содержится не все, что Елисеевъ по предмету ихъ хотѣлъ сказать.

Ник. Михайловскій.

НАКАЗЪ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ

о сочиненіи проекта новаго уложенія *).

Въ прошедшемъ 1867 году исполнилась столѣтняя годовщина со времени изданія императрицею Екатериною «Наказа о сочиненіи проекта новаго уложенія». День этотъ не былъ замѣченъ нашимъ обществомъ и не былъ отиченъ никакимъ особеннымъ торжествомъ, а онъ стоилъ бы нашего національнаго торжества во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ, напримѣръ, юбилей Шекспира, имѣвшаго самое ничтожное значеніе въ исторіи нашего развитія. Ибо день изданія «Наказа» былъ днемъ нашего дѣйствительнаго вступленія въ европейскую жизнь, нашего внутренняго пріобщенія къ европейской цивилизаціи, днемъ, въ которой русскіе въ первый разъ получили право именоваться не *сиротами*, какъ они называли себя прежде въ офиціальныхъ актахъ, а гражданами. Петръ только вырвалъ азіатскій идеалъ, насильственно вдавленный въ христіанское государство окровавленными руками Ивана IV-го. Разрушая дѣло насилія, онъ былъ поставленъ въ необходимость дѣйствовать почти такими же сильными средствами, какими дѣйствовалъ и Иванъ IV. И первый русскій царь и первый русскій императоръ—оба принесли въ жертву по сыну въ основу двухъ разныхъ своихъ завѣтовъ. И хотя эти одинаковыя, повидимому, жертвы были безконечно различны по своимъ цѣлямъ, ибо одинъ дѣйствовалъ во имя произвола и насилія, другой во имя закона и правды, тѣмъ не менѣе европейская цивилизація въ рукахъ Петра выглядывала какимъ-то страшилищемъ среди его азіатскихъ пріемовъ и орудій. Екатерина въ своемъ «Наказѣ» въ первый разъ совлекла съ нея этотъ страшный образъ и представила ее въ привлекательномъ для всѣхъ видѣ, начертавъ вполнѣ планъ того величественнаго зданія, которое должно было воздвигаться на мѣстѣ, расчищенномъ Петромъ. Выполненіе этого плана, приложеніе идей, изображенныхъ въ «Наказѣ», къ нашему законодательству и усвоеніе ихъ общественною мыслію и дѣятельностью — вотъ что составляетъ съ того времени лучшую сторону нашей государственной и общественной дѣятельности. Если-бы назадъ тому сто лѣтъ великая жена не издала своего безсмертнаго «Наказа», то нѣтъ никакого сомнѣнія, что не только мы, но и наши дѣти, быть можетъ, не увидѣли бы еще тѣхъ великихъ преобразованій, какія совершились въ наши дни. Но и теперь, когда совершились эти преобразованія, мы прошли только значительную часть екатерининской программы, но далеко еще не исчерпали ея содержанія, въ особенности если будемъ разсматривать ее не въ ея внѣшнемъ только объемѣ, но въ ея духѣ и направленіи.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, что мы даемъ такое великое значеніе нѣсколькимъ лоскуткамъ бумаги, на которыхъ набросаны были безсвязно, на скорую руку, разныя *мечтательныя* идеи, то-есть именно то, что мы называемъ «Наказомъ»; идеи, которыя въ свое время не нашли, повидимому, никакого примѣненія ни въ законодательствѣ, ни въ учрежденіяхъ, ни въ жизни, и которыя стоятъ въ большемъ или меньшемъ несоотвѣтствіи съ послѣдующими воззрѣніями и дѣятельностію самой императрицы.

Но тѣ, которые думаютъ подобнымъ образомъ, забываютъ, что болѣе или менѣе такова бываетъ участь всякой идеи, являющейся въ первый разъ въ обществахъ. Ею обыкновенно пренебрегаетъ, осмѣиваетъ, преслѣдуетъ большинство и знамя ея несутъ только немногіе избранники. Такъ часто смѣняется много поколѣній до того времени, пока новоявившаяся идея успѣваетъ достигнуть общаго признанія и торжества. Но время

*) Январь 1868 г.

непризнанія и преслѣдованія идеи не есть погибшее для нея время, напротивъ, это есть время ея роста и распространенія. Пока зерно лежитъ въ землѣ, до того времени никто не видитъ его роста и развитія. Однакожъ, еслибъ зерно не было брошено въ землю и не развивалось въ ней невидимо ни для кого, то не было бы никакого всхода на нивѣ и не было бы жатвы. Такъ точно всякую великую идею общество первоначально должно долго вынашивать въ своихъ нѣдрахъ незримо для дѣтей суеты и пошлости, пока она созрѣетъ и дастъ замѣтный для всѣхъ уже всходъ и плодъ. Еслибы «Наказъ», назадъ тому сто лѣтъ, не бросилъ новаго европейскаго идеала въ нашу жизнь, къ достиженію котораго направились съ того времени всѣ усилія нашихъ лучшихъ людей и въ правительствѣ и въ обществѣ, то движеніе современной европейской цивилизаціи нашло бы еще менѣе сочувствія въ нашемъ обществѣ, чѣмъ оно находитъ теперь, и либеральныя учрежденія царствованія императора Александра II остались бы также непонятыми нами или бездѣйственными въ своемъ примѣненіи къ жизни, какъ они остались бы бездѣйственными и непонятыми у бухарцевъ или коканцевъ.

Идеалъ, начертанный въ «Наказѣ», данномъ императрицею, былъ очень высокъ. Императрица хотѣла новыми законами, составленными подъ вліяніемъ этого идеала, дать такую полноту счастія своему народу, какою не пользуется ни одинъ народъ въ мірѣ. «Все сіе — писала она, между прочимъ, въ заключеніе своего «Наказа» — не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ, мы думаемъ, и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобъ послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы неисполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!» (ст. 520). И въ самомъ дѣлѣ, въ «Наказъ» вошло все, что было тогда придумано лучшаго избраннѣйшими умами для государственнаго и общественнаго благоустройства; въ основу его легли новыя человѣчныя начала, выработанныя философіею XVIII столѣтія. Въ свое время «Наказъ» гуманностію и либеральностію своихъ воззрѣній привелъ въ изумленіе всю Европу, а во Франціи, при первомъ появленіи своемъ, былъ даже запрещенъ, какъ книга опасная для тогдашней французской политики. Но уже по одному этому можно судить, какъ начертанный въ «Наказѣ» идеалъ былъ мало понятенъ для современнаго ему русскаго общества, которое хотя и было одѣто въ европейскіе кафтаны, но въ образѣ мыслей даже во многихъ изъ лучшихъ своихъ представителей, друзей петровской реформы, ушло еще слишкомъ недалеко отъ котошихинскихъ воззрѣній. Естественно, что вскорѣ по обнародованіи «Наказа» должна была обнаружиться вся неудобоисполнимость и даже совершенная невозможность практическаго приложенія его началъ. Сама императрица, по мѣрѣ ближайшаго своего знакомства съ дѣлами управленія, съ людьми, ее окружавшими, съ состояніемъ русскаго общества вообще, должна была встрѣчать все болѣе и болѣе затрудненій въ осуществленіи своихъ первоначальныхъ идеаловъ, и постоянно уступая дѣйствительности, стать, наконецъ, въ своей дѣятельности въ извѣстное съ ними несогласіе.

Многіе, основываясь на томъ, что царствованіе Екатерины представляетъ мало похожаго на то, что она обѣщала въ своихъ первыхъ манифестахъ и въ особенности своемъ «Наказѣ», думаютъ, что императрица Екатерина дѣлала все это не искренно, для одного тщеславія, что она давала свои обѣщанія съ тѣмъ, чтобъ никогда ихъ не исполнять.

Мы никакъ не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Мы вѣримъ, какъ вѣрили и всѣ современники, что императрица Екатерина давала свои обѣщанія вполнѣ искренно, что первоначально она была совершенно убѣждена въ осуществимости тѣхъ идеаловъ, которые впослѣдствіи признала неосуществимою мечтою. Мысль, что учрежденія и законы, основанные на философскихъ идеяхъ, могутъ сдѣлать народъ счастливымъ, была тогда болѣе или менѣе общею всюду въ Европѣ и существовала при многихъ дворахъ. «Философъ на тронѣ» былъ идеаломъ того времени. Фридрихъ II, современникъ императрицы, гордился именемъ вѣнчаннаго философа. Императрица можетъ быть болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ современныхъ ей монарховъ, имѣла право смотрѣть на себя, какъ на воспитанницу философіи. Мать ея была ревностная почитательница Вольтера. Сама она съ 17-ти лѣтъ начала читать Вольтера и воспиталась на философскихъ твореніяхъ. Творенія эти составляли вообще и впослѣдствіи любимое ея чтеніе. Могла ли натура такая пылкая, воспріимчивая, одаренная самою пламенною фантазіею, какова была натура императрицы Екатерины, не увлечься грандіозною мыслію доставить счастіе своему народу — мыслію, осуществленіе которой философія признавала вполнѣ возможнымъ? Юной принцессѣ ангальтъ-цербтской, едва вступившей на престолъ, полной силы, вѣры въ себя, чувствовавшей свое нравственное превосходство надъ всѣмъ ее окружающимъ, недопускавшей и тѣни возможности своей внутренней зависимости когда бы то ни было отъ чьей бы то ни было воли, могло казаться не только вполнѣ возможнымъ, но и очень легкимъ то, что впослѣдствіи, по разнымъ обстоятельствамъ, показалось не только очень труднымъ, но и вполнѣ невозможнымъ императрицѣ.

И дѣйствительно, пересматривая замѣтки, писанныя Екатериною въ то время, когда она была

еще великою княгинею и не могла думать о самостоятельномъ царствованіи, замѣтки, которыя она набрасывала между дѣломъ, для себя собственно, ибо между разными замѣтками серьёзнаго содержанія, здѣсь встрѣчаются и замѣтки мелочныя, интересовавшія лично Екатерину, напримѣръ, о садкахъ и средствахъ для сбереженія устрицъ—мы видимъ, что уже въ это время идеалъ монарха предносился ей въ тѣхъ же самыхъ чертахъ и съ тѣми же самыми стремленіями и идеями, которыя потомъ мы находимъ развитыми въ «Наказѣ» въ полномъ ихъ очертаніи и ясности.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ.

«Общественное уваженіе пріобрѣтается не саномъ или не должностью; ничтожество лица, облеченнаго извѣстнымъ саномъ или должностью, унижаетъ самое мѣсто, такъ точно, какъ достоинство другого возвышаетъ мѣсто, имъ занимаемое, и никто безъ исключенія не въ состояніи избавиться отъ общественнаго суда, выражающаго или презрѣніе или уваженіе. Если вы хотите этого уваженія, пріобрѣтите себѣ довѣріе, основывая все ваше управленіе на истинѣ и благѣ общества. Если при этомъ природа одарила васъ полезными талантами, вы сдѣлаете блистательную карьеру и избѣгнете того смѣшного положенія, въ которое ставитъ великій постъ людей безъ всякихъ достоинствъ, обнаруживая ихъ ничтожество».

«Власть безъ довѣрія націи ничто для того, кто желаетъ быть любимымъ и хочетъ славы. Онъ всячески постарается пріобрѣсти себѣ это довѣріе: для этого поставьте правиломъ всѣхъ вашихъ дѣйствій, всѣхъ вашихъ постановленій благо націи и справедливость, которыя всегда неразрывны между собою. Вы не будете имѣть и не должны имѣть никакого другого интереса. Если ваша душа благородна, вотъ ея цѣль».

«Тотъ, кто не уважаетъ достоинствъ, самъ не имѣетъ ихъ; тотъ, кто не ищетъ достоинствъ и не умѣетъ находить ихъ, не достоинъ и не способенъ царствовать».

«Я не желаю, я не хочу ничего, кромѣ блага страны, въ которой меня поставилъ Богъ; онъ мнѣ въ томъ свидѣтель. Слава страны есть моя слава, вотъ мой принципъ; и я была бы слишкомъ счастлива, еслибы мои идеи могли тому содѣйствовать».

«Рабство есть гражданская язва, убивающая соревнованіе, индустрію, искусства, науки, честь и счастіе».

«Противно христіанской религіи и справедливости дѣлать рабами людей (которые рождаются всѣ свободными). Соборъ даетъ свободу всѣмъ крестьянамъ (бывшимъ прежде рабами въ Германіи, Франціи, Испаніи и проч.); обнародовать вдругъ свободу всѣмъ, значило бы вооружить противъ себя всѣхъ поземельныхъ собственниковъ, полныхъ упорства и предразсудковъ. Но вотъ средство легкое. Постановить, что на будущее время всякій можетъ пріобрѣтать землю подъ тѣмъ лишь условіемъ, что со времени пріобрѣтенія земли новымъ владѣльцемъ, всѣ рабы должны дѣлаться свободными, и такъ-какъ въ теченіе сотни лѣтъ перемѣнятся всѣ, или по крайней мѣрѣ большая часть землевладѣльцевъ, то вотъ и свободный народъ».

Къ подробному развитію и изъясненію этихъ своихъ мыслей въ «Наказѣ» императрица была вызвана необходимостію. Вотъ какъ императрица въ своемъ разсказѣ о первыхъ пяти годахъ своего царствованія разъясняетъ причины, заставившія ее, предварительно изданія законовъ, приняться за изложеніе общихъ началъ и идей законодательства и своихъ воззрѣній на этотъ предметъ. «Въ первые три года царствованія моего — пишетъ она — усмотрѣвъ изъ прошеній мнѣ подаваемыхъ, изъ сенатскихъ и разныхъ коллегій дѣлъ, изъ сенаторскихъ разсужденій и прочихъ многихъ людей разговоровъ не единообразныя объ единой вещи (въ соотвѣтствіе тогдашнихъ умовъ расположенія), многимъ казались законами противорѣчащими, и что всѣ требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ —изъ сего вывела я у себя въ умѣ заключеніе, что образъ мыслей вообще, да и самый гражданскій законъ не можетъ получить поправленія инако, какъ установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ имперіи живущихъ и для всѣхъ вообще вещей правилъ, мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того я начала читать, потомъ писать Наказъ коммиссіи уложенія. Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, послѣдуя единственно уму и сердцу своему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи и чтобы довести до высшей степени благополучія всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно. Предуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способности» и проч. Далѣе императрица разсказываетъ объ отзывахъ, какіе дѣлали о ея «Наказѣ» разныя лица, и о томъ, какъ предварительная коммиссія, назначенная по ея выбору, изъ собравшихся депутатовъ для разсмотрѣнія «Наказа», вымарала его на половину. Наконецъ, сказавъ о пользѣ, какую доставила ей собранная изъ депутатовъ коммиссія для составленія уложенія, императрица заключаетъ свой разсказъ краткимъ указаніемъ на ту пользу, которую принесъ составленный ею «Наказъ» въ этой коммиссіи и вообще для общества: «Наказъ коммиссіи уложенія — говоритъ она — ввелъ единство въ правила и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго: стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣ-

тахъ. По крайней-мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать»*).

Потребность новаго законодательства стала чувствоваться со времени Петра Великаго, и чѣмъ далѣе, тѣмъ съ каждымъ днемъ дѣлалась все болѣе и болѣе настоятельною. Вникнувъ въ это дѣло сама, императрица увидала, что изъ разнородной массы указовъ и постановленій, данныхъ въ разное время и имѣвшихъ характеръ чисто казуистическій, создать никакого стройнаго законодательства было невозможно. Главное, чего недоставало для новаго законодательства—это единства началъ, единства воззрѣній: каждый старый законъ и постановленіе носили на себѣ печать *умовъ расположенія*, какъ выражается императрица, своего времени. Но императрица видѣла, что этого единства началъ и воззрѣній не существуетъ и въ живомъ, современномъ ей обществѣ, по отсутствію всякаго болѣе или менѣе объединяющаго умы образованія. Различныя фракціи, на которыя русское общество распалось со времени Петра, были такъ противоположны другъ другу по образу своихъ мыслей, что отъ нихъ было невозможно ожидать какого бы ни было соглашенія по разнымъ предметамъ законодательства. Раскольникъ во многомъ также бы рѣзко сталъ противорѣчить истинно православному, придерживающемуся старинки, какъ послѣдній сталъ бы противорѣчить поклоннику петровской реформы, а всѣ они, хотя и не въ одинаковой степени, отнеслись бы неблагопріятно къ идеямъ, принесеннымъ новымъ царствованіемъ. Необходимо было указать общія начала законодательства, которыя бы, сдерживая въ предѣлахъ партикуляризмъ фракцій, развивали и объединяли умы и служили имъ руководствующею нитью при разработкѣ разныхъ законодательныхъ вопросовъ. Проницательный умъ императрицы весьма справедливо рѣшилъ, что не только гражданскій законъ, но и *самый образъ мыслей* ея подданныхъ *не можетъ инако получить поправленіе, какъ установленіемъ общихъ* для всѣхъ и относительно всѣхъ вещей *правилъ, ею самою изданныхъ и утвержденныхъ*. По различнымъ причинамъ собраніе депутатовъ не выполнило законодательной задачи, для которой оно было созвано. Но уже при его первоначальныхъ работахъ императрица имѣла удовольствіе видѣть, что наказъ былъ годенъ для той цѣли, для которой былъ написанъ: *ввелось единство въ правила и въ разсужденія*, говоритъ она, *не вприміръ болѣе прежняго, стали многіе с цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ...* Но это было только началомъ того развивающаго и объединяющаго дѣйствія на умы, какое суждено было имѣть наказу въ нашемъ законодательствѣ и обществѣ.

Что императрица сначала имѣла полную вѣру въ свои идеалы, что она была убѣждена въ возможности ихъ осуществленія, это доказывается многими первоначальными дѣйствіями ея царствованія, отъ начинанія которыхъ, если не предположить въ ней полной искренности, она не могла ожидать для себя ничего, кромѣ вреда въ будущемъ, и отъ начинанія которыхъ должно было бы удержать ее простое благоразуміе.

Немедленно по восшествіи на престолъ императрица издаетъ манифестъ, въ которомъ не только не скрываетъ произведеннаго ею печальнаго переворота, напротивъ разсказываетъ полную его исторію—и затѣмъ прямо говоритъ, что она самымъ дѣломъ докажетъ, что она достойна любви того народа, для котораго почитаетъ себя возведенною на престолъ и потому *наиторжественнѣйше объявляетъ своимъ императорскимъ словомъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобы и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка и тѣмъ уповаетъ предохранить цѣлость имперіи и самодержавной власти, бывшимъ несчастіемъ нѣсколько испроверженную, а прямыхъ вѣрноусердствующихъ своему отечеству сыновъ вывести изъ унынія и оскорбленія.*

Черезъ 12 дней послѣ этого манифеста, именно 18-го іюля 1762 года послѣдовалъ второй манифестъ о лихоимствѣ, въ которомъ, изображая самыми яркими красками жалкое состояніе правосудія въ имперіи отъ низшихъ до самыхъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ, императрица снова упоминаетъ о томъ переворотѣ, посредствомъ котораго она взошла на престолъ, и говоритъ, что этотъ самый переворотъ долженъ служить залогомъ, что она не потерпитъ ни въ комъ лихоимства, что для совершоннаго ею переворота не было бы никакого оправданія, если и въ ея царствованіе не будетъ правды въ судахъ.

19-го октября того же года послѣдовалъ указъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи. Объяснивъ въ началѣ указа, что къ основанію этого учрежденія побудили Петра Великаго только особенныя, случайныя обстоятельства и грубые еще нравы того времени, императрица говоритъ, что послѣ него существованіемъ этой канцеляріи *только подавался способъ злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостными клеветами обносить своихъ начальниковъ и непріятелей. Мы*—продолжаетъ императрица—*поелѣдуя нашему человѣколюбію и милосердію и прилагая крайнее стараніе, не только неповинныхъ людей отъ напрасныхъ арестовъ, а иногда и самыхъ истязаній защитить, но паче и самымъ злонравнымъ пресѣчь пути къ приве-*

*) «Библ. Записки». 1861, т. III, стр. 510. «Русск. Арх.» 1865 № 4.

денію въ дѣйство ихъ ненависти, мщенія и клеветы, а подавать способы къ ихъ исправленію — повельваемъ: тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріи не быть и оную совсѣмъ уничтожить, а дѣла, буде иногда такія случатся, кои до сей канцеляріи принадлежали бы, смотря по важности, разсматриваны и рѣшены будутъ въ сенатѣ.

11-го февраля 1763 года императрица остановила манифестъ Петра III о вольности дворянъ и назначила особенную коммиссію для разсмотрѣнія крестьянскаго дѣла, и только слишкомъ черезъ двадцать лѣтъ, то-есть въ 1785 году, послѣдовало изданіе дворянской грамоты.

14-го декабря 1766 года изданъ былъ манифестъ о созваніи депутатовъ со всего государства для составленія новаго уложенія. Какъ коммиссія для составленія уложенія, такъ и депутаты, въ нее созванные, имѣли совершенно другое значеніе, чѣмъ прежде бывшіе земскіе соборы и депутаты на нихъ собиравшіеся. Земскіе соборы созывались для выслушанія нуждъ разныхъ мѣстностей, и депутаты присутствовали на нихъ въ качествѣ государевыхъ сиротъ, какъ они обыкновенно называли себя, призванныхъ разсказать о своемъ горѣ. Коммиссія для составленія уложенія облекалась законодательнымъ правомъ и каждый депутатъ уполномочивался въ этомъ правѣ. «Сихъ депутатовъ — пишетъ императрица въ своемъ манифестѣ — мы созываемъ не только для того, чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но и допущены они имѣютъ быть въ коммиссію, которой дадимъ наказъ и образъ управленія для заготовленія проекта новаго уложенія, къ поднесенію намъ на конфирмацію». Всѣмъ депутатамъ были дарованы особенныя преимущества. «Во всю жизнь свою — такъ опредѣлила императрица — всякой депутатъ свободенъ, въ какое бы ни впалъ прегрѣшеніе: 1) отъ смертныя казни, 2) отъ пытокъ, 3) отъ тѣлеснаго наказанія. Какъ всѣ депутаты — продолжаетъ императрица — суть подъ собственнымъ нашимъ охраненіемъ, то безъ нашея конфирмаціи никакой судъ въ замѣнѣ вышеупомянутыхъ трехъ статей, до ихъ особы касающейся, не долженъ исполнить безъ доклада намъ, а дожидаться на то нашего приказанія. Имѣнія ихъ отъ дня выбора всякаго депутата освобождаются отъ конфискаціи во всѣхъ случаяхъ, кромѣ за долги. Кто же на депутата, пока уложеніе сочиняется, нападетъ, прибьетъ его или убьетъ, тому учинить вдвое противъ того, что въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно». Какъ всѣ помянутые нами выше указы и манифестъ ничѣмъ рѣшительно не вынуждались, такъ точно ничѣмъ не вынуждались ни собраніе депутатовъ, ни изданіе наказа. Напротивъ, относительно собранія депутатовъ императрица встрѣтила сильное возраженіе даже въ образованнѣйшихъ людяхъ того времени. Однакоже она настояла на своемъ.

Предположить, что императрица, давая помянутые нами манифесты и свой наказъ, не думала объ исполненіи ничего этого, значило бы предположить, что императрица намѣренно приготовляла себѣ нареканія, неудовольствія и пожалуй волненія для послѣдующихъ лѣтъ своего царствованія. Вѣроятно ли это? Замѣтимъ при этомъ, что наказъ, немедленно по изданіи, получилъ, по волѣ императрицы, если не силу закона, то силу руководства для присутственныхъ мѣстъ при рѣшеніи дѣлъ.

Наконецъ мы должны сказать нѣсколько словъ о литературѣ. Литература, какъ общественная сила, въ своихъ начаткахъ является у насъ только при Екатеринѣ. Екатерина вызвала, ободрила ее, не только своимъ наказомъ, но и своимъ личнымъ участіемъ и примѣромъ. Вызывать литературу, какъ общественную силу, императрица также ничѣмъ не вынуждалась. Но что она имѣла дѣйствительно это намѣреніе, что она первоначально желала привлечь литературу именно къ обсужденію серьёзныхъ общественныхъ вопросовъ, это всего лучше доказывается тѣмъ сатирически-обличительнымъ направленіемъ, которое она дала литературѣ. Не ея вина, если литература по крайней своей молодости не поняла широты своей задачи или не въ состояніи была выполнить ее, и сосредоточившись на исключительно подручной ей обличительной формѣ жестокимъ прикосновеніемъ къ болѣзненнымъ ранамъ своего времени — раздражила умы и задушила себя. Мы говоримъ: *задушила себя*, ибо по собственному ли личному желанію императрица остановила въ началѣ семидесятыхъ годовъ свободное развитіе нашей сатиры, или вслѣдствіе сторонніхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ, какъ увидимъ ниже, значительное вліяніе на ея дѣятельность, рѣшить въ настоящее время трудно.

Вообще, разсматривая направленіе всей первоначальной дѣятельности императрицы Екатерины, едва ли можно сомнѣваться, что она долго сильно ошибалась относительно истиннаго положенія вещей въ Россіи и степени общественнаго развитія, и находясь подъ сильнымъ вліяніемъ современной ей философіи, искренно вѣрила въ возможность дать Россіи то, чего послѣдняя принять была рѣшительно неспособна. Возьмемъ, напримѣръ, хоть отношенія императрицы къ современнымъ ей знаменитостямъ изъ философовъ и писателей. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, императрица предлагаетъ знаменитому Даламберу быть воспитателемъ наслѣдника престола, и когда Даламберъ отказывается отъ этой чести, ссылаясь на слабость своего здоровья, императрица собственноручнымъ письмомъ (отъ 17-го ноября 1762 года) снова проситъ его принять на себя эту обязанность, присовокупляя къ этому, что онъ можетъ прибыть въ Россію со всѣми своими друзьями и что она обѣщаетъ «всѣмъ имъ всѣ удовольствія и удобства, отъ нея зависящія, и что, можетъ

быть, они найдутъ у нея болѣе свободы и спокойствія, нежели въ своемъ отечествѣ». Но Даламберъ былъ не единственная знаменитость, которую императрица хотѣла пріобрѣсть для Россіи. Тогда же былъ взысканъ ея милостями Дидро, у котораго она купила библіотеку за 50,000 франковъ, оставивъ ее во владѣніи Дидро до смерти его и положивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ему ежегодное жалованье, какъ своему библіотекарю. Около того же времени она предлагала переселиться въ Россію извѣстному Беккарія, когда онъ подвергся преслѣдованіямъ за свое сочиненіе «О преступленіяхъ и наказаніяхъ». Тогда же, по рекомендаціи Дидро, она пригласила въ Россію Мерсье де-ла-Ривьера, сдѣлавшагося извѣстнымъ своимъ сочиненіемъ въ Парижѣ «О естественномъ и существенномъ порядкѣ политическихъ обществъ». Правда, императрица и впослѣдствіи смотрѣла на Россію, какъ на лучшій, подъ ея покровительствомъ, asylum для всѣхъ друзей истины и свободы, гонимыхъ въ другихъ странахъ. Такъ она приглашала Бомарше издавать сочиненія Вольтера въ Петербургѣ и поставить здѣсь на сценѣ его комедію «Свадьбу Фигаро», которую долго запрещало французское правительство; такъ она не выдала швейцарскому правительству осужденнаго на казнь бывшаго воспитателя императора Александра, впослѣдствіи директора Цизальпинской Республики, женевца Лагарпа. Но первоначальное отношеніе ея къ философскимъ и другимъ знаменитостямъ было совсѣмъ другого рода. Она хотѣла имѣть и видѣть ихъ у себя, какъ людей нужныхъ ей при задуманномъ ею преобразованіи имперіи. Въ этомъ признавалась сама императрица въ своихъ разговорахъ съ графомъ Сегюромъ въ 1787 году, когда она давно уже разочаровалась въ золотыхъ снахъ своей юности и въ своемъ увлеченіи разными философскими знаменитостями, и стала думать, что «гораздо болѣе можно узнать, бесѣдуя съ простыми людьми о дѣлахъ ихъ, чѣмъ разсуждая съ учеными, зараженными теоріями» и проч. *). И какъ кажется, въ приглашеніяхъ знаменитостямъ очень опредѣлительно выяснялось, что они призываются къ участію въ дѣлахъ управленія имперіею. Такъ по крайней-мѣрѣ можно думать по образу дѣйствій Мерсье де-ла-Ривьера, который, пріѣхавъ въ Москву, гдѣ императрица просила его ожидать себя, немедленно по пріѣздѣ своемъ нанялъ три смежныхъ дома, тотчасъ же передѣлалъ ихъ совершенно, устроивъ изъ переднихъ покоевъ пріемныя залы, а изъ прочихъ комнаты для присутствія, надъ всѣми этими комнатами прибилъ надписи большими буквами: *департаментъ внутреннихъ дѣлъ*, *департаментъ торговли*, *департаментъ юстиціи*, *департаментъ финансовъ*, *отдѣленіе для сбора податей* и проч., и затѣмъ пригласилъ многихъ жителей столицы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, которыхъ представили ему, какъ людей свѣдущихъ, явиться къ нему для занятія различныхъ должностей соотвѣтственно ихъ способностямъ. Все это надѣлало шуму въ Москвѣ; императрица, пріѣхавъ въ Москву, тотчасъ поняла выписаннаго ею ученаго глупца и конечно разочаровала его. Но тѣмъ не менѣе трудно предположить, чтобы Мерсье де-ла-Ривьеръ, какъ бы онъ ни былъ простъ, могъ рѣшиться на подобныя дѣйствія, не имѣя въ рукахъ болѣе или менѣе опредѣленнаго приглашенія отъ императрицы для дѣлъ управленія.

Но если дѣятельность императрицы въ одномъ направленіи представляется очень прогрессивною, стремящеюся провести въ жизнь самыя свѣтлыя воззрѣнія, то рядомъ съ нею, въ одно и то же время, идетъ другая дѣятельность, нисколько непохожая на нее, стоящая даже въ прямомъ съ нею противорѣчіи. Въ этомъ отношеніи въ особенности выдается дѣятельность императрицы по самому горячему вопросу XVIII столѣтія—о закрѣпленіи крестьянъ въ Россіи за помѣщиками. Потому мы войдемъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности по этому дѣлу.

Петръ I, не разрушивъ ненавистнаго народу прикрѣпленія къ землѣ, введеннаго Годуновымъ, и неизбѣжно соединеннаго съ этимъ прикрѣпленіемъ несвободнаго отношенія къ владѣльцамъ, помирилъ народъ съ этимъ положеніемъ тѣмъ, что поставилъ прикрѣпленіе крестьянъ въ тѣсную зависимость отъ службы ихъ владѣльцевъ государству. Только тотъ помѣщикъ могъ владѣть населенною землею, который служилъ государству; кто не хотѣлъ служить государству, тотъ по этому самому лишался права владѣть помѣстьями, хотя бы они были и родовыя или пріобрѣтены имъ покупкою. Вслѣдствіе такого строгаго обусловленія владѣльческаго права служебными отношеніями владѣльцевъ къ государству, у крестьянъ образовалось убѣжденіе, что они прикрѣплены къ помѣщикамъ только временно, по нуждамъ государства, съ прекращеніемъ которыхъ они получатъ свободу. Уже современникъ Петра, Посошковъ, говорилъ: «крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради они не весьма ихъ берегутъ; а прямой ихъ владѣтель россійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно». Съ этого времени начинаютъ ходить и разсѣеваться въ народѣ то и дѣло ложные слухи объ имѣющемъ вскорѣ послѣдовать освобожденіи крестьянъ отъ помѣщиковъ. Когда Петръ III 18-го февраля 1762 года издалъ манифестъ или дворянскую грамоту, освобождающую дворянъ отъ всякой обязательной службы государству, то народъ взглянулъ на этотъ манифестъ, какъ на начало и крестьянскаго освобожденія. Думали, что вскорѣ за этимъ манифестомъ послѣдуетъ другой, освобождающій крестьянъ отъ прикрѣпленія помѣщикамъ. Распространились слухи, что такой манифестъ о свободѣ

*) Зап. граф. Сегюра. Спб. 1865, стр. 147.

крестьянъ уже изданъ, но его скрываютъ отъ народа. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне явно стали отказываться отъ повиновенія помѣщикамъ, ссылаясь на слухи о своемъ освобожденіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начались возстанія крестьянъ. Для прекращенія ихъ императрица Екатерина, вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, именно 11-го февраля 1763 года пріостановила, какъ мы видѣли уже, дѣйствіе манифеста о вольности дворянства, назначивъ для разсмотрѣнія этого вопроса особую коммиссію, и вопросъ о томъ, быть или не быть крѣпостному праву въ Россіи, оставался въ колебательномъ положеніи въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ.

Сама императрица находилась по отношенію къ крестьянскому вопросу подъ двойственнымъ вліяніемъ. Противъ крѣпостного права говорили ей ея внутреннее убѣжденіе, ея воспитаніе, современная наука, друзья-философы, наконецъ слава законодательницы. За крѣпостныя права стояли страшное status quo и интересы всѣхъ окружающихъ ее вельможъ, всего дворянства, съ которыми бороться было не легко. Нѣтъ сомнѣнія, что императрица въ принципѣ совершенно отвергала крѣпостное право. Но этотъ принципъ въ чистомъ его видѣ она не рѣшается высказать даже на бумагѣ. Она могла заявлять его только косвенно. Такъ въ 1766 году, то-есть въ годъ перваго манифеста о созваніи коммиссіи для составленія новаго уложенія, она предложила въ вольно-экономическомъ обществѣ конкурсъ съ назначеніемъ преміи за лучшее сочиненіе по вопросу: «что полезнѣе для общества: чтобы крестьянинъ имѣлъ собственную землю, или только движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе продолжаться должны?» Въ Наказѣ также самыми яркими красками изображается жалкое положеніе крестьянъ, происходящее отъ безчеловѣчія и небреженія помѣщиковъ, и настаивается на необходимости улучшенія ихъ быта. Но въ дѣйствительныхъ узаконеніяхъ и распоряженіяхъ, которыя начали приводиться въ исполненіе почти съ самаго начала ея царствованія, не видно даже и такой легкой уступки въ пользу принципа. Напротивъ, крестьяне съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе лишались своихъ гражданскихъ правъ и отдавались въ полную волю помѣщиковъ. Такъ указомъ 1765 года отъ 17-го января помѣщикамъ дано было право ссылать своихъ крѣпостныхъ людей въ каторжную работу на столько лѣтъ, на сколько пожелаютъ помѣщики; указомъ отъ 28-го января слѣдующаго года помѣщикамъ подтверждено право ссылать крестьянъ и дворовыхъ людей въ Сибирь на поселеніе за продерзости. Отъ 30-го января того же года подтверждено помѣщикамъ право отдавать крестьянъ и дворовыхъ людей въ рекруты въ зачетъ, въ какое угодно время. Указомъ 22-го августа 1767 года у помѣщичьихъ крестьянъ отнято право приносить жалобы на своихъ владѣльцевъ.

Такимъ образомъ, въ то самое время, когда императрица возбуждала въ вольно-экономическомъ обществѣ вопросъ о свободѣ и собственности крестьянъ, въ то самое время, когда въ «Наказѣ» она настаивала на улучшеніи ихъ жалкаго состоянія, въ дѣйствительности она лишала ихъ и тѣхъ скудныхъ остатковъ собственности, свободы и благосостоянія, какіе они имѣли доселѣ, и передавала въ качествѣ вещей въ полную власть помѣщиковъ. Противорѣчіе ужасное, возмущающее! Для насъ, находящихся совершенно въ другихъ общественныхъ условіяхъ, это противорѣчіе представляется неразрѣшимымъ. Намъ совершенно непонятно: чѣмъ могла вызываться такая странная двойственность въ дѣятельности самодержавной императрицы? Но выслушаемъ, что говоритъ сама императрица о той обстановкѣ, въ которой она находилась.

Никто не будетъ спорить, что нигдѣ императрица не имѣла столько правъ слѣдовать своему собственному, независимому образу мыслей, какъ въ воспитаніи своего сына. Она имѣла на это право какъ мать, какъ императрица, наконецъ, какъ женщина отлично образованная, по своему развитію и знаніямъ стоявшая выше всѣхъ ее окружавшихъ. Мы уже видѣли, что императрица желала сдѣлать воспитателемъ своего сына Даламбера. Но когда онъ отказался, воспитаніе наслѣдника престола было поручено графу Н. И. Панину. Повидимому, выборъ палъ на человѣка, вполнѣ способнаго и достойнаго. Графъ Н. И. Панинъ принадлежалъ къ просвѣщеннѣйшимъ людямъ прошедшаго столѣтія, пользовался репутаціею серьёзнаго, честнаго и образованнѣйшаго человѣка между современниками. Когда кончено было воспитаніе, императрица наградила Панина такъ, какъ едва-ли когда былъ награждаемъ какой нибудь воспитатель наслѣдника престола. Повидимому, императрица была вполнѣ довольна воспитаніемъ сына. Однакожъ, когда пришло время воспитывать внука, императрица снова обратилась къ иностранцамъ, и выборъ палъ на извѣстнаго женевца Лагарпа, одного изъ честнѣйшихъ, благороднѣйшихъ и образованнѣйшихъ республиканцевъ прошедшаго столѣтія. Впослѣдствіи, когда подъ руководствомъ этого достойнаго человѣка оканчивалось воспитаніе старшаго внука императрицы, то-есть императора Александра Павловича, императрица, разъ любуясь его моральнымъ и физическимъ развитіемъ, сказала Храповицкому: «Какая разница между воспитателемъ его и отца. Тамъ не было мнѣ воли сначала, а послѣ, по политическимъ причинамъ, не брали отъ Панина. Всѣ думали, что если не у Панина, такъ онъ пропалъ» *).

*) Записки Храповицкаго, стр. 291.

Изъ этого ясно видно, что была сила, отъ которой императрица себя чувствовала зависимою, которая препятствовала ей въ исполненіи ея лучшихъ намѣреній.

Какая же была эта сила?

Эта сила была то страшное status quo, въ борьбѣ съ которымъ Петръ I принесъ столько кровавыхъ и жестокихъ жертвъ. Конечно, status quo екатерининскаго времени было совсѣмъ не то, что status quo петровскаго времени. Предъ Екатериною стояли уже люди въ европейскихъ мундирахъ, петровскіе птенцы, которые не только не шли противъ европейской цивилизаціи, а напротивъ гордились тѣмъ, что они стоятъ въ ряду ея защитниковъ и охранителей. Къ сожалѣнію, ихъ пониманіе европейской цивилизаціи было узкое и мелкое, въ бо́льшей части случаевъ не простиралось далѣе знанія пунктовъ военнаго артикула, вообще же ограничивалось одною ея внѣшнею, матеріальною стороною. На цивилизацію смотрѣли только какъ на средство усвоить нужныя въ государственномъ обиходѣ мастерства и ремесла. И такъ-какъ путь для такихъ пріобрѣтеній былъ расчищенъ, средства обезпечены, то имъ казалось, что у иностранцевъ болѣе заимствовать нечего. Петровскіе птенцы оказались такими же ретроградами, какими были люди допетровской старины, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдніе не понимали нужды какой бы то ни было реформы, а первые не понимали тѣхъ идей современной науки, тѣхъ гуманныхъ началъ, которыя хотѣла насадить Екатерина въ обществѣ. Началась опять борьба противъ иностраннаго вліянія, которая усиливалась наступившею послѣ Петра III реакціею противъ иностранцевъ вообще, успѣвшихъ во время Бирона и Петра III возбудить къ себѣ ненависть во всемъ русскомъ образованномъ обществѣ и народѣ своею жестокостію, пренебреженіемъ къ русскимъ нравамъ и обычаямъ, посягательствомъ на самую вѣру. Упорство этой борьбы по отношенію къ крестьянскому вопросу увеличивалъ личный интересъ помѣщиковъ. До насъ дошло замѣчательное сочиненіе по крестьянскому вопросу, писанное, повидимому, передъ самымъ изданіемъ Екатериною грамоты дворянству, то-есть въ концѣ 1784 или началѣ 1785 года, подъ названіемъ: «*Размышленіе о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ и служителямъ или сдѣлать собственность имѣній*»*).

Надъ сочиненіемъ трудился человѣкъ образованный и свѣдущій, но до мозга костей проникнутый интересами сословія и потому глубоко негодующій на всѣ либеральныя и гуманныя начинанія императрицы.

Мы уже сказали выше, что вслѣдствіе манифеста, изданнаго Петромъ III о вольности дворянства, начались крестьянскія возстанія въ разныхъ мѣстностяхъ. Когда императрица пріостановила дѣйствіе этого манифеста, возстанія утихли, но потомъ, когда императрица стала издавать вышеисчисленные нами указы, лишавшіе крестьянъ всякихъ правъ, даже права приносить справедливыя жалобы на помѣщиковъ—эти возстанія снова начались и, наконецъ, помогли пугачевскому бунту развиться до громадныхъ размѣровъ. Авторъ сочиненія, напротивъ, причину всѣхъ крестьянскихъ возстаній и даже пугачевскаго бунта видитъ въ либеральныхъ стремленіяхъ императрицы, въ данной ею на конкурсъ задачѣ о собственности крестьянъ, въ созваніи коммиссіи для составленія Уложенія, а крестьянскія возстанія послѣ пугачевскаго бунта приписываетъ тому, что участвовавшіе въ этомъ бунтѣ были не довольно строго наказаны.

«Съ 1766 года—такъ начинаетъ авторъ свое размышленіе — то-есть съ того времени, какъ прислана была задача въ вольное экономическое общество, состоящая: «что́ полезнѣе для общества—чтобы крестьянинъ имѣлъ собственностію землю или токмо движимое имѣніе, и сколько далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны», мы можемъ положить эпоху разторженія связи, многіе вѣка пребывающей между крестьянъ и ихъ владѣтелей. Колико въ умѣренныхъ словахъ сія задача ни была изъяснена, и единственно яко вопросъ предложена, но подала случай къ разглагольствію, ко вмѣшанію мыслей мятежныхъ и неподвластію. Въ бывшей 1767, 1768 и 1769 году коммиссіи о сочиненіи Уложенія неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ господъ депутатовъ, а паче отъ Коробьина, всѣяли паче сію заразу въ сердца низкихъ людей, тутъ находящихся депутатами, и тщетно весьма разумное на задачу учинилъ рѣшеніе *Беарде де-ла-Бей*; тщетно многими лучшими сынами отечества совсѣмъ испровержено было мнѣніе г. Коробьина; упившіеся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить представляемаго имъ лекарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ службъ и другихъ низкихъ чиновъ депутатовъ, которые, по разъѣздѣ своемъ, сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли. Еще прежде роспуску сей коммиссіи, а только по нѣсколькихъ мѣсяцахъ послѣ означенной задачи, 1767 годъ учинился примѣчателенъ въ Россіи убіеніемъ многаго числа господъ отъ ихъ подданныхъ, а по роспускѣ депутатовъ и вящшее зло произошло присоединеніемъ почти всѣхъ крестьянъ, которымъ только малѣйшій случай былъ, ко врагу отечества и государя, къ самозванцу Емелькѣ Пугачеву, не токмо въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, но въ немалой части нашего пространнаго отечества: разрушилася вѣрность къ государю, полилась кровь гражданская, опустошилися грады

*) Чт. Общ. Истор. Древн. 1861. Книжка III.

и селенія и тысячи семей дворянскихъ, вѣрныхъ сыновъ отечества, коихъ предковъ кровь текла для распространенія и успокоенія онаго въ тѣхъ самыхъ странахъ, кои они скиптру россійскому покорили, мучительною и позорною смертью истреблены стали. Невинная ихъ кровь, отъ руки злодѣевъ, прежде облагодѣтельствованныхъ ими, проліенная, текла ручьями; трупы ихъ растерзанные, непогребенные предались въ снѣдь дикимъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ: жоны и дщери ихъ впали въ поруганіе злодѣевъ. Се зрѣли мы, се зрѣли мы побѣдоносное россійское оружіе, упоенное кровію враговъ Россіи и христіанскихъ, противъ единоплеменныхъ своихъ обращенное, точащее, можно сказать, собственную свою кровь. Недавно прошедшее время послѣ сего зла у насъ еще въ свѣжей памяти находится, и, можетъ быть, поздніе историки не будутъ и вѣдать того, что зараза сія, духъ бунту, тщетной надежды и неподданства не токмо былъ въ тѣхъ, которые явными злодѣйствами развратность свою оказали, но и почти во всѣхъ другихъ крестьянахъ, которые только ожидали случая подобныя жъ преступленія чинить. Таковое, можно сказать, почти всеобщее преступленіе, кажется, долженствовало бы, еслибы они и право имѣли къ вольности и собственности, на немалое время ихъ онаго лишить, и еслибы не были рабами, предать ихъ въ рабство, дондеже искоренятся злыя сѣмена изъ сердца ихъ. Но не входя въ мысли правительства, *ни въ упущенное имъ наказаніе*, потщуся я — такъ заключаетъ авторъ вступленіе въ свое «размышленіе» — о вольности и собственности крестьянъ и дворовыхъ разсмотрѣть» и проч.

Возставая далѣе противъ тѣхъ гуманныхъ воззрѣній, въ силу которыхъ еще со времени императрицы Елисаветы уничтожена смертная казнь и стали смягчаться вообще наказанія, а вслѣдствіе того, по замѣчанію многихъ, стали уменьшаться повсюду разбои, авторъ сочиненія говоритъ, что «не отъ того разбои уменьшились, что уменьшились наказанія—чудное предположеніе, яко бы можно пожаръ тѣмъ унять, что огонь не заливать; но уменьшились они отъ того, что учинилась слабѣе отставка», то-есть, что легче стало дворянамъ получать отставку отъ службы, и что, поселясь въ своихъ помѣстяхъ, они озаботились истребленіемъ разбоевъ.

Не отрицая въ заключеніе своего «размышленія» того, что между помѣщиками есть люди безумные и сами себѣ злодѣи, которыхъ надобно обуздывать, авторъ говоритъ, что «лучшимъ средствомъ для укрощенія нравовъ и смягченія сердецъ помѣщиковъ пусть послужитъ распространившееся просвѣщеніе разумовъ и чистое нравоученіе. Ибо, если — продолжаетъ авторъ — по разлитіи просвѣщенія и нравоученія въ Европѣ, не видимъ мы уже ни Христерновъ, ни таковыхъ государей, каковъ былъ Людвигъ Первойнадесять, когда Азія и Африка позорище безчеловѣчія представляютъ, а Европа среди благоустройства и милосердія покоится, когда просвѣщеніе проникло въ самую сераль турецкаго императора, а Порта Оттоманская не столь щедра стала въ разсыланіи удавковъ своимъ визирямъ, то если, говорю я, просвѣщеніе и нравоученіе воздѣйствовали надъ такими лицами, которыя, къ несчастію нашему, не подвластны ничему себя почитаютъ, если во врата, хранимыя самовластіемъ, распутствомъ, гордостію, лестнымъ честолюбіемъ и местію они проникли и сердца сихъ властителей свѣта могли умягчить, то какъ не умягчатъ они сердца подданныхъ, претерпѣвающихъ всѣ нужды званія своего и по собственнымъ своимъ чувствіямъ ощущающихъ чувствія и нужды нисшихъ себя?»

Читатель видитъ, какое сильное раздраженіе и озлобленіе водитъ перомъ автора. Но мы замѣтили выше, что авторъ писалъ наканунѣ окончательнаго закрѣпленія крестьянъ дворянскою грамотою. Слѣдовательно, ни раздача Екатериною крестьянъ во владѣніе разнымъ частнымъ лицамъ, ни различные упомянутые нами указы ея, которыми крестьяне передавались въ полную волю помѣщиковъ, ничто не удовлетворяло послѣднихъ до изданія дворянской грамоты. Каково же было, спрашивается, раздраженіе и озлобленіе между помѣщиками въ то время, когда императрица, остановивъ манифестъ Петра III о вольности дворянства, предложила на конкурсъ вопросъ: «о свободѣ и собственности крестьянъ», издала свой «Наказъ», созвала коммиссію для составленія уложенія!

Императрицѣ трудно было вести борьбу съ противодѣйствующею ей силою. Самый переворотъ, посредствомъ котораго она взошла на престолъ, долженъ былъ удерживать ее отъ всякихъ радикальныхъ реформъ, касавшихся существенныхъ интересовъ сильной партіи; онъ же заставлялъ ее быть крайне осторожною и крайне уступчивою и въ другихъ своихъ либеральныхъ начинаніяхъ. Императрица со своими высокими стремленіями и идеями стояла слишкомъ одинокою, въ особенности въ началѣ своего царствованія, въ томъ обществѣ, среди котораго и при помощи котораго и могла только дѣйствовать, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ.

Противъ нея было большинство такъ-называемаго образованнаго общества: одни потому, какъ мы сказали уже, что не видѣли потребности въ идеяхъ и началахъ, провозглашаемыхъ императрицею, не понимали ихъ; другіе потому, что находили эти начала и идеи опасными и гибельными для своего личнаго интереса. Но не за нее, не за императрицу было и лучшее меньшинство образованнаго общества, то меньшинство, которое и понимало, по крайней-мѣрѣ отчасти, новыя идеи и начала, понимало ихъ потребность для общества, и можетъ быть было не прочь принести въ жертву свой личный интересъ для общаго благосостоянія, но которое страшилось выступить на опасный и скользкій путь, неувѣ-

ренное въ успѣхѣ дѣла. Оно не стало бы противодѣйствовать начинаніямъ императрицы, но оно и не готово было стать за нихъ грудью, со всѣмъ пыломъ внутренняго убѣжденія и одушевленія. Оно находилось по отношенію къ нимъ въ колебательномъ состояніи.

Почва для дѣйствія была очень шаткая, непрочная. Ибо политическое развитіе даже въ лучшихъ людяхъ было очень слабое, ничтожное.

Наше общество въ политическомъ отношеніи и въ настоящее время развито не очень значительно. Однакожъ, что это развитіе есть и что оно болѣе или менѣе проникаетъ не одно только сословіе, а всѣ слои такъ-называемаго образованнаго общества, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Всѣ реформы, которыя совершились въ царствованіе Александра II, не только были встрѣчаемы съ восторгомъ, но и предварялись горячимъ желаніемъ общества и литературы. И не было ни одной изъ нихъ, въ обсужденіи которой литература, на сколько ей было то дозволено, не приняла бы самаго дѣятельнаго участія.

Именно такого общественнаго участія и сочувствія къ своимъ начинаніямъ искала императрица въ современномъ ей обществѣ и литературѣ, и не нашла ни въ томъ, ни въ другой.

Будемъ разсказывать факты.

Вольно-экономическое общество, основанное вѣроятно по иниціативѣ императрицы за годъ до собранія депутатовъ, находилось подъ особеннымъ ея покровительствомъ. Въ числѣ членовъ его были очень близкія къ императрицѣ лица. Въ это именно общество императрица прислала, какъ мы сказали уже, задачу на конкурсъ о поземельной собственности крестьянъ. Но чтобы члены общества не стѣснялись въ своихъ постановленіяхъ, а участвующіе въ конкурсѣ—въ рѣшеніи задачи, дѣло было облечено въ такую форму. 1766 года ноября 1-го дня, въ вольно-экономическое общество прислана была отъ *неизвѣстной особы* тысяча червонцевъ «на такое употребленіе, какое оно заблагоразсудитъ», при письмѣ, въ которомъ предлагался на обсужденіе сказанный вопросъ. Вольно-экономическое общество положило для рѣшенія вопроса учредить конкурсъ, назначивъ за лучшее сочиненіе, которое будетъ представлено по этому вопросу къ 1-му ноября слѣдующаго года, премію въ сто червонцевъ и золотую медаль. Чтобы дать какъ можно болѣе огласки дѣлу, произвести о немъ какъ можно болѣе разговоровъ и толковъ, къ публикаціи вольно-экономическаго общества о конкурсѣ была прибавлена еще слѣдующая публикація: «ея императорское величество всемилостивѣйшая наша государыня о патріотическомъ усердіи неизвѣстнаго предложителя изображеннаго выше сего вопроса толикое изволила оказать благоволеніе, что высочайше повелѣла тому, кто объявитъ о себѣ и докажетъ, что при предложеніи онаго вопроса прислалъ 1,000 червонныхъ въ экономическое общество, дать 2,000 червонныхъ».

Изъ 164 сочиненій, поступившихъ на соисканіе, лучшими признаны были два: сочиненіе *Беарде Делабея* (Beardé de l'Abbaye), доктора церковныхъ и гражданскихъ правъ изъ Ахена, съ девизомъ: «in favorem libertatis omnia jura clamant, mais est modus in rebus», т.-е. въ пользу свободы говорятъ всѣ права, но всему есть мѣра; другое—русскаго юриста, костромскаго дворянина А. Я. Полѣнова съ девизомъ: «plus boni mores valent, quam bonae leges», т.-е. хорошіе обычаи имѣютъ болѣе силы, чѣмъ хорошіе законы.

Оба писателя въ общемъ, окончательномъ выводѣ сходятся между собою, именно тотъ и другой говорятъ, что крестьянамъ слѣдуетъ дать собственность, но не прежде, какъ предварительно воспитавъ ихъ для этого владѣнія собственностію. Но въ частностяхъ есть большое различіе. Беарде Делабей незнакомъ съ русскими отношеніями. Онъ пишетъ по чистому увлеченію идеею. Ему, какъ доктору правъ и при этомъ еще и сельскому хозяину или, по крайней мѣрѣ, какъ человѣку, интересовавшемуся устройствомъ сельскаго хозяйства, какъ видно это изъ его сочиненій, пріятно было думать, что въ такомъ огромномъ государствѣ, какъ Россія, можетъ современемъ образоваться, по его плану, сплошная масса свободныхъ крестьянъ-собственниковъ, предварительно тщательно приготовленная и испытанная въ умѣньи вести сельско-хозяйственное дѣло. Поэтому онъ предлагаетъ каждаго крестьянина, какъ скоро онъ прошелъ предписанный имъ искусъ, дѣлать немедленно свободнымъ и надѣлять его поземельною собственностью безъ всякихъ условій.—Русскій юристъ оказывается въ этомъ отношеніи потуже. Онъ тоже предоставляетъ землю въ распоряженіе крестьянъ не иначе, какъ послѣ приготовленія ихъ къ тому посредствомъ предписаннаго имъ искуса, но не безусловно, а 1) за опредѣленную повинность въ пользу помѣщика; 2) на правѣ наслѣдственнаго только пользованія землею, а не владѣнія ею, т.-е. безъ права отчуждать ее какимъ бы то ни было образомъ, и 3) съ предоставленіемъ помѣщику права отнимать у крестьянина данную ему землю, еслибы крестьянинъ, сверхъ всякаго чаянія, и по искусѣ оказался неисправнымъ. «Каждый крестьянинъ—говоритъ Полѣновъ—долженъ имѣть довольно земли для сѣянія хлѣба и пастьбы скота и владѣть оною наслѣдственнымъ образомъ такъ, чтобы помѣщикъ ни мало не имѣлъ власти угнетать какимъ нибудь образомъ или совсѣмъ оную отнимать, т.-е. пока крестьянинъ исправно будетъ наблюдать всѣ свои должности; ибо иначе можно его въ наказаніе лишить сихъ выгодъ, какъ недостойнаго и снабдить оными другого. Однако, прежде нежели помѣщикъ можетъ сіе сдѣлать, то дѣло должно быть разсмотрѣно въ приличномъ судѣ.—Наслѣдственное сіе въ земляхъ право не должно, къ невозвратному владѣльцевъ вреду и великому ихъ разоренію, такъ далеко простираться, чтобы крестьянинъ былъ въ

состоянiи данною отъ другого землею располагать по произволенiю; довольно, ежели онъ ею можетъ невозбранно и безпрепятственно пользоваться и отъ того себѣ получить пропитаніе. Для сей причины не дозволяется ему, подъ какимъ бы видомъ онъ ни хотѣлъ сіе сдѣлать, продавать свою землю или дарить, или закладывать, или раздѣлять между многими дѣтьми, но по смерти одинъ изъ сыновъ будетъ оною владѣть; такимъ образомъ, помѣщикъ всегда удержитъ свое право, а крестьянинъ свободно будетъ пользоваться дозволенными ему выгодами». Говоря проще, русскій юристъ хотѣлъ только улучшить крѣпостное состояніе крестьянъ, устранивъ изъ него по возможности всѣ существовавшія злоупотребленія.

Но это улучшеніе крѣпостного состоянія или, что то же, устраненіе изъ него злоупотребленій, могло произойти, по предположенію Полѣнова, не иначе, какъ по доброй волѣ помѣщиковъ. Полѣновъ предлагаетъ испытывать свой проектъ исключительно на дворцовыхъ и государственныхъ крестьянахъ, не касаясь крестьянъ помѣщичьихъ. Онъ находится въ томъ убѣжденіи, что когда помѣщики увидятъ добрые плоды новыхъ порядковъ, то не преминутъ и своихъ крестьянъ повесть по тому же пути. «Извѣстно—говоритъ Полѣновъ, изложивъ весь свой проектъ—что сего вдругъ безъ великой опасности произвести въ дѣйство не можно, и многими примѣрами уже подтверждено, сколь далеко въ подобныхъ случаяхъ простирается неистовство подлаго (т.-е. простого по старинному словоупотребленію) народа; и такъ, небезполезно принять такія мѣры, которыя, не нарушая общаго покоя, могли бы всѣмъ ясно показать, что сіи намѣренія клонятся къ собственному ихъ благополучію.—Прежде, нежели можно что начать въ разсужденіи этой перемѣны, то я за полезное признаю приготовить напередъ крестьянъ чрезъ воспитаніе, подъ предводительствомъ благонравныхъ церковниковъ производиться имѣющее; по учиненіи чего съ надлежащею точностью во 1-хъ должно, зачавъ, для показанія примѣра дворянству, съ дворцовыхъ и государственныхъ крестьянъ, изъ которыхъ вознаграждать сими выгодами только рачительныхъ и добрыхъ крестьянъ, а лѣнивыхъ и злонравныхъ до сихъ преимуществъ не допускать; но давъ время къ исправленію, увѣщевать возможнымъ образомъ, дабы отвратить отъ худой жизни и для бо́льшаго поощренія предлагать имъ тѣ же выгоды, ежели только исправятся. Дворянство, до котораго особливо касается сіе дѣло, нимало къ сему не принуждать, ибо каждый изъ нихъ, будучи убѣжденъ собственною пользою, съ доброй воли согласится ввести у себя такія учрежденія, которыя, не причиняя ему ни малѣйшаго вреда, служатъ къ благополучію такихъ людей, о сохраненіи которыхъ человѣколюбіе и собственная его польза повелѣваютъ ему прилагать всевозможное попеченіе» *).

*) Всѣ эти, равно какъ и послѣдующія свѣдѣнія о Полѣновѣ читатель найдетъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1865 г. № 2, 4, 5 и 6. Намъ странно, что редакція «Русскаго Архива» въ примѣчаніи къ сочиненію Полѣнова находитъ какое-то сходство между проектомъ Полѣнова и Положеніемъ 19 февраля. Скорѣе тутъ можно говорить о безконечной разницѣ воззрѣній, лежащихъ въ основаніи того и другого памятника.

Читатель видитъ, что проектъ Полѣнова въ сущности не вводилъ никакихъ перемѣнъ въ существованіи крѣпостного положенія. Онъ никого и ни къ чему не принуждалъ, никого ни къ чему не обязывалъ, всѣ улучшенія крестьянскаго быта предоставлялъ доброй волѣ и усмотрѣнію помѣщиковъ. Еслибы проектъ Полѣнова былъ принятъ и введенъ въ дѣло, то крѣпостное право могло бы преспокойно себѣ существовать безконечныя лѣта въ тѣхъ же самыхъ формахъ и проявленіяхъ, въ какихъ оно существовало до нашего времени. Ибо отъ воли каждаго помѣщика зависѣло принять и ввести тѣ улучшенія, какія усмотрѣлъ бы онъ въ бытѣ государственныхъ и дворцовыхъ крестьянъ, или не обращать на нихъ вовсе никакого вниманія и продолжать жить на прежнемъ основаніи.

Кажется, проектъ былъ для всѣхъ безобидный и не угрожалъ ничьимъ интересамъ. Этимъ онъ очень долженъ былъ нравиться большинству; по этой же, мы думаемъ, причинѣ онъ понравился и членамъ вольно-экономическаго общества, опасавшимся всякихъ крутыхъ нововведеній, и они одобрили его наравнѣ съ проектомъ Беарде Делабея. Однакожъ, предпочтеніе оказали послѣднему. Почему?

Особый комитетъ, составленный при вольно-экономическомъ обществѣ для разсмотрѣнія 164-хъ сочиненій, поступившихъ на соисканіе преміи, представилъ обществу о сочиненіи Полѣнова такой отзывъ: «Россійская піеса, подъ № 148, съ девизомъ: «plus boni mores valent, quam bonae leges», хотя изъ нѣкоторыхъ членовъ нашего комитета и признана за лучшую и основательнѣйшую послѣ № 154 (т.-е. сочиненія Беарде Делабея), почему слѣдовало бы ей дать «accessit», но другіе, разсмотря сверхъ матеріи и самый слогъ, находятъ въ ономъ многія подъ мѣру сильныя и, по здѣшнему состоянію, неприличныя выраженія и потому за нужное признаютъ, что если кому въ собраніи знакомъ авторъ, то чрезъ него велѣть ему немедленно оное исправить и тогда его піесу также включить во второй классъ и удостоить опредѣленныхъ тому классу преимуществъ, кромѣ печатанія».

Въ засѣданіи 23 апрѣля 1768 года общество положило: означенное сочиненіе признать удовлетворительнымъ, однако онаго не печатать. Когда затѣмъ Полѣновъ письмомъ увѣдомилъ общество, что сочиненіе съ девизомъ: plus boni mores и проч. принадлежитъ ему, тогда было положено: наградить его золотою медалью въ 12 червонныхъ, съ прописаніемъ на оной имени автора.

Итакъ, сочиненіе Полѣнова удостоено меньшей преміи за рѣзкость и неприличіе выраженій! Чи-

татель напрасно бы, однакожъ, сталъ искать чего-нибудь подобнаго въ сочиненіи Полѣнова. Оно написано самымъ умѣреннымъ и спокойнымъ тономъ. Ужъ если кого можно было обвинить въ рѣзкости и неприличіи выраженій, то скорѣе всего Беарде Делабея, у котораго дѣйствительно можно находить мѣстами нѣкоторую рѣзкость. Такъ, напримѣръ, доказавъ, что только свободный трудъ доставляетъ дѣйствительный прибытокъ и совершается съ удовольствіемъ, а трудъ несвободный, доставляя пользу сомнительную, притомъ безъ палки и немыслимъ, Беарде Делабей продолжаетъ: «наказаніе столь же тягостно тому, отъ кого происходитъ, когда онъ имѣетъ душу чувствительную, сколько болѣзненно для того, кто наказывается. Знаю, что есть люди жестокосердаго, лютаго, свирѣпаго, варварскаго и кровожаждущаго нрава; знаю, что есть столь злые, что, муча другихъ людей, чувствуютъ изъ того нѣкое себѣ удовольствіе. Не намѣренъ я простирать рѣчь свою къ симъ чудовищамъ, безбожіемъ своимъ человѣчество посрамляющимъ. Пусть сіи тигры грызутъ, терзаютъ несчастливыя жертвы ихъ неистовства, доколѣ Богъ мститель не поразитъ ихъ самихъ» *). и проч. Никакихъ подобныхъ взрывовъ бурнаго краснорѣчія нѣтъ въ сочиненіи Полѣнова. Онъ, какъ мы уже замѣтили, говоритъ умѣренно и спокойно.

Однакожъ взрывы бурнаго краснорѣчія Беарде-Делабея не тронули комитета, а простая рѣчь Полѣнова произвела на него непріятное впечатлѣніе. Это потому, что Беарде Делабей былъ, какъ мы замѣтили выше, незнакомъ съ нашими отношеніями; его краснорѣчіе было для нашего общества слишкомъ отвлеченное, простая же рѣчь Полѣнова слишкомъ вѣрно изображала существующія отношенія и слишкомъ жестко прикасалась къ нѣкоторымъ очень больнымъ мѣстамъ. Такъ, предоставляя своимъ мирнымъ проектомъ процвѣтать крѣпостному праву на безконечныя лѣта, Полѣновъ требуетъ отъ него однакожъ и кой-какихъ жертвъ немедленно, напримѣръ, лишенія права продавать семьи въ раздробь. «Прежде всего должно помышлять—говоритъ онъ—чтобъ для славы народа и пользы общества вывесть производимый человѣческою кровію безчестный торгъ. Мы въ семъ случаѣ, не дѣлая ни малой разницы между неодушевленными вещами и человѣкомъ, продаемъ нашихъ ближнихъ, какъ кусокъ дерева, и больше жалѣемъ нашъ скотъ, нежели людей. Сіе должно неотмѣнно уничтожить и ни мало не смотрѣть, какія бы кто ни представлялъ причины. Довольно, что благосостояніе общества того требуетъ, и особенно малаго числа людей польза, ежели можно то назвать пользою, что къ собственному ихъ вреду клонится, не должно быть принимаемо въ разсужденіе. Я не разумѣю здѣсь конечное запрещеніе: но кто намѣренъ продавать, то долженъ продавать все вмѣстѣ и землю, и людей, а не разлучать родителей съ дѣтьми, братьевъ — съ сестрами, пріятелей — съ пріятелями: ибо не упоминая о прочихъ несходствахъ, отъ сей продажи порознь переводится народъ, и земледѣліе въ ужасный приходитъ упадокъ».

Безчеловѣчіе и варварство такой продажи, какъ продажа семей въ раздробь, для насъ очевидны, но это совсѣмъ не такъ было очевидно для нашихъ соотечественниковъ XVIII столѣтія. Мы увидимъ ниже, что даже образованнѣйшіе изъ нихъ не только не стыдились вести подобнаго торга, но и отстаивали его, какъ законный источникъ своихъ доходовъ. Понятно, что при такомъ воззрѣніи, требованіе, заявленное Полѣновымъ о немедленномъ запрещеніи продажи людей безъ земли, не могло нравиться не только большинству, но даже и всему меньшинству образованнаго общества.

Не могли также нравиться ни тому, ни другому встрѣчающіяся въ сочиненіи Полѣнова изображенія крестьянскаго быта въ родѣ слѣдующаго:

«Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства; отчего неотмѣнно должны они опуститься и придти въ сіе преисполненное бѣдствій какъ для нихъ самихъ, такъ и для всего общества состояніе, въ которомъ мы ихъ теперь, дѣйствительно, видимъ».

Вотъ тѣ истинныя причины, по которымъ, какъ комитетъ вольно-экономическаго общества, такъ и само общество нашли сочиненіе Полѣнова рѣзкимъ и неприличнымъ, и не позволили его напечатать.

Изъ всего сказаннаго нами, читатель можетъ видѣть, каково было то лучшее меньшинство нашего образованнаго общества, на поддержку котораго должна была разсчитывать императрица. А. Я. Полѣновъ былъ одинъ изъ нашихъ образованнѣйшихъ людей прошлаго столѣтія. Поступивъ 11 лѣтъ въ бывшую при академіи наукъ гимназію и кончивъ въ ней первоначальное ученіе, онъ перешелъ въ 1754 году въ учрежденный при академіи же университетъ и былъ здѣсь въ числѣ лучшихъ студентовъ по части юриспруденціи. Послѣ этого, впродолженіе пяти лѣтъ, онъ выслушалъ полный курсъ юридическихъ наукъ въ страсбургскомъ и гётингенскомъ университетахъ, и дѣйствительно, основательно изучилъ свою спеціальность. Но спеціальность не превратила его въ ходячую ученую мумію, безчувственную и одеревенѣлую для всѣхъ живыхъ человѣческихъ впечатлѣній, какъ это бываетъ со многими спеціалистами. Изъ сочиненія его мы видимъ, что онъ понималъ бѣдственное состояніе народа и глубоко сочувствовалъ ему.

*) Чт. Общ. Истор. и Древн. 1862. Кн. 11.

Тѣмъ болѣе, поэтому, удивительно то благодушіе, съ которымъ онъ относится въ своемъ проектѣ къ крѣпостному праву. Отчего бы ни происходило это благодушіе—отъ мягкости ли и слабости его природнаго характера, отъ моральнаго ли тяготѣнія мысли большинства надъ его собственною личною мыслію, отъ другихъ ли менѣе извинительныхъ причинъ, во всякомъ случаѣ, этотъ человѣкъ, при всемъ своемъ образованіи, для плановъ Екатерины съ ея новыми идеями и стремленіями былъ вовсе не находка.

То же самое мы должны сказать и о вольно-экономическомъ обществѣ. Его дѣйствія выражали не стремленіе содѣйствовать новымъ идеямъ и началамъ, провозглашаемымъ императрицею, а скорѣе желаніе уклониться отъ нихъ, удержать statu quo. Какъ! неужели изъ 164 сочиненій, присланныхъ для соисканія на предложенную императрицею задачу, оно не могло найдти ничего лучше сочиненій Беарде-Делабея и Полѣнова, санкціонировавшихъ наше крѣпостное право и отлагавшихъ разрѣшеніе его на безконечное время? Еслибы въ грудѣ сочиненій, поступившихъ на разсмотрѣніе общества, и дѣйствительно не нашлось ничего лучше этого, то оно должно было признать конкурсъ неудавшимся и назначить новый, а никакъ не присуждать премій сочиненіямъ Беарде-Делабея и Полѣнова, утверждавшимъ ложную точку зрѣнія на наше крѣпостное право. Крѣпостное право у насъ не имѣло законной санкціи, оно было только обычаемъ, который, впрочемъ, не отрицалъ у крестьянъ права ни пользованія землею, подъ тѣми условіями, которыя выставлялъ Полѣновъ въ своемъ проектѣ, ни гражданскаго полноправія крѣпостныхъ. Что касается до того, что и за крестьянами государственными и дворцовыми Полѣновъ признаетъ только право пользованія землею, а не право собственнаго владѣнія, то такая дистинкція крестьянской поземельной собственности для нашего обычая XVIII столѣтія была вещію вовсе неслыханною. И Полѣновъ былъ едва-ли не первый русскій человѣкъ, который въ XVIII столѣтіи хотѣлъ ввести въ дѣло эту дистинкцію, прилагая почерпнутыя имъ изъ римскаго и германскаго права юридическія тонкости къ такому государству, которое не знало ничего подобнаго въ своей исторіи и до послѣдняго времени владѣло поземельною собственностію на патріархальномъ правѣ кочевыхъ народовъ. Вообще, стоя совершенно на невѣрной точкѣ зрѣнія относительно русскаго поземельнаго владѣнія, и Беарде-Делабей и Полѣновъ въ своихъ сочиненіяхъ, въ качествѣ чего-то идеальнаго, требовали для русскаго крестьянина отъ закона того, чего послѣдній никогда и не думалъ у него отнимать, и на что крестьянинъ имѣлъ исконное право, и что не отрицалось отъ него даже и обычаемъ, а отнято было только злоупотребленіемъ.

Но еще замѣчательнѣе та опасливость, или та рабская робость передъ мнѣніемъ большинства, которую выказало вольно-экономическое общество, запретивъ печатать сочиненіе Полѣнова. Собственно что особеннаго заключалось въ этомъ сочиненіи, въ основѣ своей вполнѣ совпадавшемъ съ желаніемъ большинства? Нѣсколько правдивыхъ строкъ относительно безнравственной и безчеловѣчной продажи крѣпостныхъ людей и нѣсколько такихъ же строкъ о бѣдственномъ положеніи простого народа! И только! Но вольно-экономическое общество даже *такую непріятность* не рѣшилось высказать большинству!

Могла ли императрица много разсчитывать въ своихъ великихъ начинаніяхъ на лучшее меньшинство, подобнымъ образомъ настроенное?

Но будемъ продолжать.

Мы уже видѣли выше изъ разсказа самой императрицы, что какъ во время составленія Наказа, такъ и по его составленіи, еще до офиціальной передачи собравшейся коммиссіи для составленія уложенія, она показывала его разнымъ образованнѣйшимъ лицамъ по ея выбору. Но «Наказомъ» никто изъ нихъ не увлекся, кромѣ князя Орлова, который, по словамъ императрицы, не зналъ цѣны ея работѣ и требовалъ часто, чтобы она показывала ее тому или другому. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ отозвался о Наказѣ такимъ образомъ, что подобными правилами можно разрушить зданіе. Тѣхъ же мыслей держалась, повидимому, и предварительная коммиссія, составленная изъ съѣхавшихся въ Москву депутатовъ по выбору императрицы, для выслушанія приготовленнаго «Наказа». Для засѣданія въ этой коммиссіи нарочно были назначены, по выраженію императрицы, лица весьма разномыслящія. «Тутъ — говоритъ императрица — при каждой статьѣ родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что написано было мною, помарали, и остался наказъ уложенія, яко оный напечатанъ». Весьма сомнительно, чтобы всѣ персоны, засѣдавшія въ этой предварительной коммиссіи, были вполнѣ согласны и со всѣмъ тѣмъ, что осталось въ «Наказѣ» еще невымараннымъ. Но нельзя же было вымарать весь «Наказъ», составленный самою императрицею!

Въ числѣ другихъ «Наказъ» предварительно былъ показываемъ и нашему знаменитому поэту прошедшаго столѣтія Сумарокову, который сдѣлалъ на него свои замѣчанія, а на этихъ замѣчаніяхъ сдѣлала свои отмѣтки императрица. Все это въ высшей степени любопытно и служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ наглядымъ доказательствомъ, какія дѣти въ сравненіи съ императрицею были наши образованнѣйшіе люди XVIII столѣтія. Сумароковъ, самый ярый преслѣдователь тирановъ и самый пламенный пѣвецъ свободы и утонченнѣйшаго гуманизма въ своихъ трагедіяхъ, является защитникомъ и печальникомъ самаго грубаго тиранства, варварства и рабства, когда дѣло доходитъ до существующихъ, дѣйствительныхъ отношеній. Онъ противъ всего возражаетъ, и

прежде всего противъ учрежденія самой коммиссіи, противъ составленія законовъ черезъ выбранныхъ депутатовъ. «Большинство голосовъ — пишетъ онъ — истины не утверждаетъ; утверждаетъ мнѣніе великій разумъ и безпристрастіе». «Большинство истины не утверждаетъ — замѣчаетъ императрица — а только показываетъ желаніе большинства». «Ежели кто за недозволеннымъ отсутствіемъ — продолжаетъ Сумароковъ — голоса своего лишится, такъ не онъ, но общество пострадаетъ, ежели полезное его мнѣніе не примется послѣ». «И всякій, слѣдовательно, всякое дѣло остановитъ, и выйдетъ хаосъ», замѣчаетъ императрица. «Законовъ — пишетъ Сумароковъ — съ умствованіемъ народа соглашать не надобно, ибо у честныхъ людей все умствованіе нагая истина, а законы предписываются борющимъ истину». «Есть законы, ведущіе къ добру, есть наказывающіе преступленія», отвѣчаетъ императрица. «Умѣренности правосудіе не терпитъ, а требуетъ надлежащей мѣры, а не строгости и не кротости». «Воображеніе въ поэтѣ работаетъ — отмѣчаетъ императрица — а связи въ мысляхъ имѣть ему тяжело».

Относительно *училищъ* Сумароковъ замѣчаетъ, что «вмѣсто нашихъ училищъ и особливо вмѣсто кадетскаго корпуса потребны великіе и всею Европою почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескье, но и въ немъ многое критикѣ подлежитъ». Императрица дѣлаетъ отмѣтку: «многіе критиковали Монтескье, не разумѣя его; я вижу, что я сей жребій съ нимъ раздѣлю».

Но всего интереснѣе замѣчанія Сумарокова, относящіяся къ крѣпостному праву. Здѣсь поэтъ сходитъ съ пьедестала своихъ возвышенныхъ воззрѣній. Въ немъ начинаетъ говорить прямо, безъ экивоковъ, русскій баринъ, который въ защиту крѣпостного права представляетъ просто-на-просто житейскую потребу и доморощенную крѣпостную философію. «Вольность — говоритъ Сумароковъ — и коронѣ и народу больше приноситъ пользы, чѣмъ неволя, но своевольство еще и неволи вреднѣе». Императрица отвѣчаетъ, что о пользѣ вольности у ней много говорится въ Наказѣ, но нигдѣ нѣтъ похвалы своеволію. «Между крѣпостного и невольника, пишетъ Сумароковъ, разность: одинъ привязанъ къ землѣ, а другой къ помѣщику». Императрица замѣчаетъ: «какъ это сказать можно! Отверзите очи!» — «Господинъ долженъ быть судья — говоритъ Сумароковъ — это правда, но иное быть господиномъ, иное тиранномъ, а добрые господа всѣ судьи слугамъ своимъ, и отдать это лучше на совѣсть господамъ, нежели на совѣсть слугамъ». «Богъ знаетъ — замѣчаетъ на это императрица — развѣ по чинамъ качествы считать!» — «Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя — пишетъ Сумароковъ; скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинувшихся имъ крестьянъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиковъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки: непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ («и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ», прим. Екатерины), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Примѣчено, что помѣщики крестьянъ и крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ». Императрица замѣчаетъ на это: «и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ своемъ состояніи». — «Продавать людей, какъ скотину — пишетъ далѣе Сумароковъ — не должно, но гдѣ же брать, когда крестьяне будутъ вольны? И только будутъ къ опустошенію деревень. Холопей набери, а какъ скоро чему нибудь его выучишь, такъ онъ и отойдетъ къ знатному господину, ибо тамъ ему больше жалованья, а дворяне учатъ людей своихъ брить, волосы убирать, кушанье варить и проч. И такъ всякъ будетъ тратить деньги на другихъ, выучивая. Малороссійскій подлый народъ отъ сей воли почти несносенъ». Императрица замѣчаетъ: «господинъ Сумароковъ хорошій поэтъ; но слишкомъ скоро думаетъ, чтобы быть хорошимъ законодавцемъ: онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ, чтобы критиковать цѣпь, и для того привязывается къ наружности кольцевъ, составляющихъ цѣпь, и находитъ, что здѣсь или тамъ ошибки есть, которыхъ пороковъ онъ бы оставилъ, если бы понялъ связь. Двѣ возможности въ семъ дѣлѣ суть: возможность въ разсужденіи законодавца и возможность въ разсужденіи подданныхъ или, лучше сказать, тѣхъ, для которыхъ законы дѣлаются; часто прямая истина въ разсужденіи сихъ возможности должна быть употребляема такъ, чтобъ она сама себѣ вреда не нанесла и болѣе отъ добра отвращеніе нежели привлеченіе не сдѣлала» *).

Замѣчательно, что для большинства именно образованнаго класса общества, мысль объ уничтоженіи пытки была ненавистна едва-ли не въ той же мѣрѣ, какъ и мысль объ уничтоженіи крѣпостного права. Мы уже видѣли выше, какъ авторъ *Размышленія о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ* и проч. причину крестьянскихъ возстаній послѣ пугачевскаго бунта приписывалъ тому, что участвовавшіе въ этомъ бунтѣ были не довольно строго наказаны. Эта мысль автора. Размышленіе имѣетъ очевидную связь съ распоряженіемъ, которое императрица въ 1774 году дала Бибикову относительно дѣйствій секретной коммиссіи по пугачевскому бунту. «Пожалуй прикажите — писала она Бибикову — секретной коммиссіи осторожно быть въ разборѣ

*) «Рус. Вѣстн.» 1861 г. Октябрь. «Разсказы изъ русской исторіи XVIII в.» Соловьева.

о наказаніи людей: при распросахъ какая нужда сѣчь? Двѣнадцать лѣтъ тайная экспедиція ни одного человѣка при допросахъ не сѣкла ничѣмъ, а всякое дѣло на чисто разобрано было и всегда болѣе выходило, нежели мы желали знать». Въ коммиссіи для составленія уложенія, именно въ однихъ только наказахъ, представленныхъ депутатами отъ дворянства, выставлено было требованіе «о произведеніи по прежнему въ городахъ ворамъ и разбойникамъ, и смертоубійцамъ указныхъ пытокъ». Вліяніе большинства отразилось въ этомъ случаѣ и на лучшемъ меньшинствѣ. Нѣкто Василій Баскаковъ, принадлежавшій къ числу тѣхъ лицъ, которымъ императрица считала нужнымъ давать свой Наказъ на предварительное разсмотрѣніе, написалъ относительно совершеннаго уничтоженія пытки слѣдующее: «Не благоволено ли будетъ прибавить: *кромѣ необходимыхъ случаевъ*, которые надобно означить именно». Баскаковъ представлялъ въ примѣръ слѣдующій случай: разбойникъ, убивъ хозяевъ дома, вынесъ такую вещь, которую ему одному вынесть было никакъ нельзя, между тѣмъ говоритъ, что товарищей у него не было. Императрица замѣтила на это: «О семъ слышать не можно; и казусъ не казусъ, гдѣ человѣчество страждетъ» *).

Итакъ, вотъ каково было то лучшее меньшинство образованнаго общества, на которое должна была опираться императрица.

Обратимся теперь къ литературѣ.

Мы уже сказали выше, что императрица создала у насъ литературу, какъ общественную силу, всячески поддерживала ее, чтобы дать обществу средство говорить, сама учила его, какъ говорить. Самый способъ реформъ приняла такой, чтобы общество могло выразиться въ нихъ на сколько можетъ и хочетъ. Современныя намъ реформы были дѣломъ правительства. За исключеніемъ реформы крестьянской, онѣ приготовлялись органами правительства и общество не привлекалось къ ихъ обсужденію, хотя ему и не запрещалось высказывать въ извѣстныхъ границахъ свое мнѣніе о нѣкоторыхъ проектахъ реформъ. Наказъ Екатерины былъ только программою, разработка и выполненіе которой вполнѣ предоставлялось обществу, избраннымъ имъ депутатамъ со всей Россіи. Обществу указаны были только начала, на основаніи которыхъ долженствовало быть разработано новое законодательство.

Какой богатый и почтенный трудъ представлялся литературѣ XVIII столѣтія въ разработкѣ этого Наказа, если бы въ обществѣ было какое нибудь политическое развитіе. Здѣсь литература не нашла бы никакихъ изъ тѣхъ препятствій и неудобствъ, которыя она встрѣтила въ направленіи обличительно-сатирическомъ. Наказъ, конечно, не былъ закономъ, но основныя его начала не подлежали измѣненію. «Я запретила—говоритъ императрица—на оный инако взирать, какъ единственно онъ есть, то-есть правила, на которыхъ можно основать мнѣніе, но не яко законъ и для того по дѣламъ не выписывать яко законъ, но мнѣніе основать на немъ дозволено» *). Какія же это были начала, которыя императрица дозволила даже къ практическому руководству, при рѣшеніи дѣлъ? Это были начала тогдашней современной науки, это были начала почти тѣ же самыя, которыя проповѣдуетъ и за которыя борется современная наука. Такимъ образомъ въ Наказѣ литература имѣла прочный и широкій фундаментъ для своихъ работъ. Къ этому мы должны присовокупить, что Наказъ не представлялъ собою maximum'а тогдашняго свободомыслія императрицы. Ибо мы уже видѣли, что Наказъ въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, то-есть печатный Наказъ, не содержалъ и половины того, что было въ подлинникѣ, такъ-какъ тѣ просвѣщенные депутаты, которымъ императрица нашла нужнымъ дать Наказъ на предварительное разсмотрѣніе, ужаснулись его вольномыслія и вымарали изъ него болѣе половины **).

Что же? Какъ отнеслась литература къ «Наказу»? Поняла ли она, что разработка вопросовъ, данныхъ «Наказомъ», и есть ея настоящее дѣло, какъ истинно полезное для общественнаго развитія, а не плетеніе виршей? Ничего подобнаго, никакого слѣда подобной попытки мы не встрѣчаемъ въ нашей литературѣ XVIII столѣтія. Напротивъ, литература отнеслась къ «Наказу» такъ, какъ только и могла отнестись, по своему младенческому состоянію, чисто поребячески. Прославленіе милосердія, правосудія, мудрости монархини, громкія фразы о тиранахъ и т. п., вотъ чѣмъ обозначился «Наказъ» въ литературѣ XVIII столѣтія.

Болѣе серьёзное употребленіе изъ «Наказа» сдѣлала литература сатирическая или обличительная. Ставъ на точку зрѣнія «Наказа» и руководствуясь его началами, она стала предавать осмѣянію разные современные ей пороки и злоупотребленія. Но дѣйствіе сатиры въ обществѣ неразвитомъ, крайне самолюбивомъ и щекотливомъ, какъ бываетъ со всякимъ обществомъ, пребывающимъ въ самодовольномъ невѣжествѣ, не могло быть ни особенно плодотворно, ни особенно обширно, въ концѣ же концовъ могло окончиться ничѣмъ другимъ, какъ преслѣдованіемъ и уничтоженіемъ самыхъ сатириковъ, какъ оно дѣйствительно и случилось. Къ этому мы должны присовокупить, что русская сатира временъ Екатерины даже и въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, въ которыхъ она могла дѣйствовать, дѣйствовала очень нерѣдко съ примѣчательною безтактностію, такъ что еслибы не допустить въ

*) Ibid.

*) «Рус. Арх.» 1865 № 4, стр. 480.
**) Тамъ-же.

ней политической незрѣлости, то ее надобно бы было заподозрить прямо въ неблагонамѣренности.

Возьмемъ, напримѣръ, самаго лучшаго изъ нашихъ сатирическихъ писателей, нашу звѣзду первой величины, блескомъ которой наслаждались не только современники Екатерины, но наслаждаются многіе и досель — мы разумѣемъ Фонвизина, и посмотримъ, въ какомъ онъ отношеніи стоялъ къ великимъ идеямъ императрицы.

Лучшіе тогда люди въ Европѣ, Вольтеръ, Д'Аламберъ, Дидро, передъ геніемъ которыхъ преклонялась вся Европа, были единственными истинными друзьями Екатерины на тронѣ. Они поддерживали императрицу въ тѣхъ идеяхъ и стремленіяхъ ея молодости, для которыхъ она не находила привѣта въ Россіи. Дидро напримѣръ, видѣвшій княгиню Дашкову всего нѣсколько разъ, почелъ долгомъ поговорить съ княгинею неоднократно о необходимости освободить крестьянъ въ Россіи изъ крѣпостного состоянія. Странное дѣло! Въ то время, когда въ Россіи всѣ хлопотали объ утвержденіи крѣпостного права, французъ, которому, повидимому, не было никакого дѣла до Россіи, хлопочетъ о свободѣ русскихъ мужиковъ! Изъ какихъ видовъ? Для чего? Вотъ какими чертами описываетъ княгиня Дашкова Дидро: «Искренность и теплота его сердца, блескъ генія, вмѣстѣ съ его вниманіемъ и уваженіемъ ко мнѣ, привязали меня къ этому человѣку на всю его жизнь, и даже въ настоящую минуту я свято чту его память. Міръ не съумѣлъ достойно оцѣнить этого великаго человѣка. Простота и правда проникали каждое его дѣйствіе, и главная задача всей его жизни состояла въ томъ, чтобы содѣйствовать благу его ближнихъ. Если онъ иногда увлекался заблужденіями, то никогда не шелъ противъ своихъ убѣжденій». Таковъ былъ Дидро. На его путешествіе въ 1773 году въ Петербургъ, предпринятое имъ уже въ преклонные годы, на его пребываніе при русскомъ дворѣ въ теченіи пяти мѣсяцевъ и каждодневную въ это время бесѣду съ императрицею мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на служеніе дѣлу идеи. «Еслибы я пожелалъ—говоритъ онъ—черпать полными пригоршнями въ царской шкатулкѣ, то, вѣроятно, дѣло отъ меня зависѣло; но я предпочелъ заставить молчать петербургскихъ злоязычниковъ и дать вѣру въ меня парижскимъ невѣрующимъ». «Я обвелъ щедрость императрицы самыми тѣсными границами». «Ничего не надѣясь и не опасаясь, я могъ говорить, какъ мнѣ было угодно» *) Д'Аламберъ своимъ безкорыстіемъ былъ извѣстенъ всей Европѣ. Онъ отказался отъ чести быть воспитателемъ наслѣдника русскаго престола, несмотря на настойчивыя предложенія императрицы Екатерины и громадныя выгоды; точно также отказался отъ предложенія прусскаго короля занять мѣсто въ берлинской академіи. Изъ благодарности къ своей кормилицѣ, призрѣвшей его въ дѣтствѣ, Д'Аламберъ прожилъ съ нею около тридцати лѣтъ, называя ее гласно своею матерью и довольствуясь скромнымъ ея жилищемъ въ то время, когда, по своей извѣстности и связямъ, онъ могъ бы имѣть самую блестящую обстановку. Таковы были люди, вниманіемъ, совѣтомъ и дружбою которыхъ дорожила императрица. Фонвизинъ, рѣдкостнѣйшій изъ русскихъ либераловъ екатерининскаго времени, познакомившись съ этими людьми во время путешествія своего за границу, нашелъ въ нихъ не болѣе, какъ площадныхъ шарлатановъ. «Корыстолюбіе — пишетъ онъ въ письмѣ своемъ изъ Ахена Панину отъ 18-го (29-го) сентября 1778 года — заразило всѣ состоянія, не исключая самыхъ философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіе денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостію. *Даламберты*, *Дидероты* въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги, а разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе». Въ частности о Д'Аламберѣ Фонвизинъ говоритъ: «Изъ всѣхъ ученыхъ болѣе всѣхъ удивилъ меня Даламберъ; я воображалъ лицо важное, почтенное, а нашелъ премерзкую фигуру и преподленькую физіономію». О тщеславіи, какъ французскихъ философовъ, такъ вообще и ученыхъ, Фонвизинъ заключаетъ изъ ихъ ожесточенной борьбы за различныя мнѣнія. Видя, что русскіе писатели его времени жили между собою мирно и любовно и умѣли уважать и даже похваливать другъ друга, несмотря на то, что одинъ писалъ похвальныя оды, другой комедіи, третій драмы и т. п., Фонвизинъ не понималъ, за что могли бы ссориться и французскіе писатели, еслибы они были такіе же хорошіе люди, какъ и русскіе писатели. А такъ-какъ они ссорились за такіе пустяки, какъ *мнѣнія*, за что русскіе писатели считали тогда стыдомъ ссориться, то Фонвизинъ отсюда и заключилъ, что они люди очень дурные, тщеславные и, въ добавокъ къ тому, незнающіе никакихъ приличій. «Тщеславіе ихъ—говоритъ Фонвизинъ—простирается до того, что сама наука сдѣлалась источникомъ непримиримой вражды между семьями. Братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ Расина, а другой Корнеля, ибо острота французскаго разума велитъ одному брату, любя Расина, ругать язвительно Корнеля, и клясться передъ свѣтомъ, что Расинъ передъ Корнелемъ и братъ его передъ нимъ гроша не стоятъ. Вообще ни одинъ писатель не можетъ терпѣть другого и почитаетъ праздникомъ всякой случай уязвить своего совмѣстника. При всей ихъ премудрости нѣтъ въ нихъ и столько разсудка, чтобы осмотрѣться, какъ безчестятъ себя сами, ругая другъ друга, и въ какое посмѣяніе приводятъ себя у

*) Фонвизинъ, соч. кн. Вяземскаго. 1848, стр. 313—316.

тѣхъ, въ коихъ хотятъ вселить къ себѣ почтеніе» *).

Подобные взгляды такъ дики для нашего времени, что князь Вяземскій, несмотря на свое сильное расположеніе къ Фонвизину, нашелъ нужнымъ безпристрастно показать всю нелѣпость подобнаго отношенія Фонвизина къ французскимъ философамъ XVIII вѣка. Разсужденіе объ этомъ предметѣ составляетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ въ сочиненіи князя Вяземскаго о Фонвизинѣ, и мы можемъ пожалѣть только, что князь Вяземскій оставилъ при этомъ безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ: въ какой мѣрѣ солидарны были эти взгляды Фонвизина на французскихъ философовъ и писателей съ воззрѣніями вообще тогдашняго русскаго общества. Фонвизинъ былъ заграницею въ 1777 году, то-есть спустя три года послѣ пребыванія при нашемъ дворѣ Дидро. Ему, конечно, было хорошо извѣстно то вниманіе, которымъ пользовался Дидро у императрицы, а равно и вообще ея уваженіе къ французскимъ философамъ. Очевидно, что Фонвизинъ не рѣшился бы высказать свой рѣзко противорѣчащій воззрѣніямъ императрицы взглядъ въ письмахъ къ Панину, еслибы самъ Панинъ болѣе или менѣе не раздѣлялъ этого взгляда. Въ отзывахъ Фонвизина мы можемъ видѣть взглядъ Панинныхъ и вообще старорусской партіи, косо взиравшей на новыя идеи, проводимыя императрицей. Императрица въ помянутомъ нами выше «своемъ разсказѣ о первыхъ пяти годахъ своего царствованія» пишетъ, что когда она показала нѣкоторыя части своего «Наказа» Никитѣ Ивановичу Панину, то онъ замѣтилъ: «ce sont des axiomes à renverser des murailles» (такими правилами разрушаютъ зданія **).

Мы сочли нужнымъ прежде всего выяснить взглядъ Фонвизина на французскихъ философовъ, потому что взглядъ этотъ лучше всего характеризуетъ мѣру умственнаго уровня Фонвизина и показываетъ ясно его отношеніе къ идеямъ современной ему науки, а слѣдовательно къ идеямъ «Наказа».

Дѣйствительно, изъ сочиненій Фонвизина, тщательно напрысканныхъ благовоніями либеральнаго естрословія, всюду отдаетъ тѣмъ гнилымъ и удушливымъ запахомъ ретроградной русской партіи, противъ котораго именно былъ направленъ «Наказъ».

Императрица, напримѣръ, говоритъ въ своемъ «Наказѣ», что дворянство не есть какое-нибудь замкнутое сословіе, что оно пріобрѣтается добродѣтелью, соединенной съ заслугами, слѣдовательно можетъ быть достигнуто каждымъ.

Фонвизинъ относительно дворянства стоитъ на точкѣ зрѣнія исключительныхъ родовыхъ привилегій. Онъ не хочетъ, чтобы званія дворянина были удостоиваемы люди, которыхъ отцы не были дворянами, даже думаетъ, что по самой природѣ своей они неспособны носить такое званіе. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ отзывается о товарищѣ своемъ по службѣ (у кабинет-министра Елагина) Лукинѣ, такомъ же чиновникѣ, какъ и онъ, и писателѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо замѣчательнѣйшемъ Фонвизина, но который имѣлъ несчастіе быть не дворянскаго происхожденія и не долюбливалъ Фонвизина. «Иванъ Перфильевичъ (Елагинъ)—такъ пишетъ Фонвизинъ въ одномъ письмѣ своимъ родителямъ (отъ 26 іюня 1766 года)—ежедневно показываетъ мнѣ знаки своей милости; по крайней-мѣрѣ нынѣ не имѣю я того смертельнаго огорченія, которое прежде чувствовалъ отъ человѣка, коего *и самая природа и всѣ на свѣтѣ законы* сдѣлали ниже меня, и который, несмотря на то, хотѣлъ не только имѣть надо мною преимущество, но еще и править мною такъ, какъ обыкновенно правятъ *честными* людьми (то-есть дворянами, см. ниже) *многія твари одинакой съ нимъ природы*. Иванъ Перфильевичъ, будучи самъ благородный и *честный* человѣкъ, раскаявается въ прежнемъ своемъ поступкѣ съ Лукинымъ и поклялся впредь не производить въ чины никого изъ тѣхъ, *которыхъ отцы и предки въ свой вѣкъ чиновъ не имѣли и родились служить, а не господствовать*» *).

Исходя изъ той мысли, что одни самою природою предназначаются къ господству, а другіе самою природою же обрекаются на рабство, Фонвизинъ самымъ правильнымъ политическимъ устройствомъ государства почитаетъ то, гдѣ одни пристроены для вѣчнаго господства, другіе для вѣчнаго рабства; дѣло мудрой политики должно состоять только въ томъ, чтобы соразмѣрить число господствующихъ съ числомъ рабствующихъ. Изъ разрушенія такихъ соціальныхъ отношеній Фонвизинъ объясняетъ бѣдствія Франціи. Въ пьесѣ «Выборъ гувернера» *Сеумъ*, предводитель дворянства, ведетъ между прочимъ слѣдующій разговоръ съ офицеромъ *Нельстецовымъ*, который, какъ показываетъ уже самая фамилія, играетъ въ пьесѣ роль *Стародума* или человѣка, высказывающаго мысли и воззрѣнія Фонвизина:

Сеумъ. Читая въ газетахъ описаніе гибельнаго состоянія Франціи, желалъ бы я знать, противъ какого политическаго правила грѣшатъ французы, заводя равенство состояній *(къ Нельстецову)*. Мнѣ не случалось съ вами объ этомъ говорить, а право, желалъ бы знать ваше о томъ мнѣніе.

Нельстецовъ. Я никакъ не беру на себя рѣшить вашъ вопросъ; однако готовъ отдать на судъ вамъ мое о томъ мнѣніе; вотъ оно: нигдѣ и никогда не бывали и быть не могутъ такіе законы, кои бы каждаго частнаго человѣка дѣлали счастливымъ. Необходимо надобно, чтобы одна часть подданныхъ для блага государства

*) «Рус. Арх.» 1865 № 4, стр. 480.
**) Тамъ-же.

*) Соч. Фонвизина, изд. Смирд., стр. 623.

чѣмъ нибудь жертвовала, слѣдственно, равенство состояній и быть не можетъ и проч.

Скумъ. Но когда не могутъ быть законы, кои бы всякаго частнаго человѣка дѣлали благополучнымъ, то что же остается дѣлать законодателю?

Нельстецовъ. Остается расчислить такъ, чтобы число жертвуемыхъ соразмѣрно было числу тѣхъ, для благополучія коихъ жертвуется *).

«Выборъ гувернера» написанъ Фонвизиномъ уже послѣ изданія императрицею дворянской грамоты. И приведенное нами мѣсто заключается похвалою законодательному уму Екатерины, умѣвшей соразмѣрить число господствующихъ съ числомъ рабствующихъ. До изданія дворянской грамоты, Фонвизинъ является въ своихъ сочиненіяхъ печальникомъ за права дворянства. Мысль о преимуществахъ дворянской природы сквозитъ сквозь всѣ сочиненія Фонвизина,—и *возвышеніе* (т. е. ободреніе) дворянскихъ душъ было постоянною его заботою. «Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ; я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ, и вотъ что растерзало мое сердце». Такъ писалъ Фонвизинъ въ свое оправданіе императрицѣ, когда та, принявъ смѣлый вопросъ его о возвышеніи дворянскихъ душъ за упрекъ себѣ, отвѣчала съ неудовольствіемъ, что «кажется ею сравнительно съ прежнимъ временемъ дворянскія души значительно ободрены» **). Вопросы были писаны Фонвизинымъ въ 1782 году, т.-е. до изданія дворянской грамоты, и императрица очевидно поняла вопросъ Фонвизина болѣе существенно, чѣмъ онъ предполагалъ (если, впрочемъ, только будемъ вѣрить его объясненію).

Типъ того идеальнаго дворянина, о которомъ хлопочетъ Фонвизинъ въ своихъ комедіяхъ, представляетъ Стародумъ. Портретъ этого Стародума снятъ, вѣроятно, съ Н. И. Панина, которому, по выраженію Фонвизина, «титло *честнаго* человѣка дано было гласомъ цѣлой націи» и котораго самъ Фонвизинъ называетъ «мужемъ истиннаго разума и честности, превыше нравовъ сего вѣка». Въ жизнеописаніи графа Панина Фонвизинъ говоритъ о себѣ, что «онъ былъ неотлучно при своемъ благодѣтелѣ до послѣдней минуты его жизни, сохраняя къ нему непоколебимую преданность и вѣрность». Въ свою очередь графъ Панинъ, по словамъ Фонвизина, «удостоивалъ его полной во всемъ довѣренности» и почиталъ его не только человѣкомъ умнымъ, но и, какъ кажется, человѣкомъ ума государственнаго, ибо поручилъ ему написать какое-то политическое сочиненіе для наслѣдника престола.

Стародумъ разсказываетъ о себѣ, что онъ родился при Петрѣ-Великомъ. Отецъ его служилъ при дворѣ Петра-Великаго, но «въ тогдашній вѣкъ, придворные были воины, да воины не были придворными». Воспитаніе дано ему было по тогдашнимъ способамъ хотя и наилучшее, но въ то время мало было способовъ къ ученію, «да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову». За то оно дало ему *душу*, безъ которой «просвѣщеннѣйшая умница—жалкая тварь». Ибо «на все прочее мода: на умъ—мода, на знанія—мода, какъ на пряжки, на пуговицы, а на *душу* нѣтъ моды». Имѣть душу значитъ, по терминологіи Фонвизина, имѣть *честь*, *честность*. Фонвизинъ разграничиваетъ рѣзко три разряда добродѣтели: *безпорочность*, *добродѣтель*, *честь*. Безпорочность поставляетъ себѣ правиломъ не дѣлать того другому, чего себѣ не пожелаешь; *добродѣтель* велитъ дѣлать другимъ то, чего бы пожелалъ себѣ. Все это дѣлаетъ и честность, но разность та, что *безпорочный* бываетъ таковымъ по воспитанію и повинуясь законамъ; *добродѣтельный* слѣдуетъ часто въ дѣлахъ своихъ разсужденію; *честный* же человѣкъ не закону повинуется, не разсужденію слѣдуетъ, не примѣрамъ подражаетъ: въ душѣ его есть нѣчто величавое, влекущее его мыслить и дѣйствовать благородно. Онъ кажется самъ себѣ законодателемъ: въ немъ нѣтъ робости, подавляющей въ слабыхъ душахъ самую добродѣтель. Онъ никогда не бываетъ орудіемъ порока; онъ въ своей добродѣтели самъ на себя твердо полагается *). Честность, по воззрѣнію Фонвизина, есть прирожденное и какъ-бы привилегированное свойство дворянства. И вооруженный имъ Стародумъ презрительно относится ко всему прочему, въ особенности къ знанію. Сначала, когда Стародумъ поступилъ въ военную службу, прелесть знанія увлекла было его въ лицѣ одного его товарища, молодого графа, сына случайнаго отца, воспитаннаго въ большомъ свѣтѣ и имѣвшаго особливый случай научиться тому, что въ воспитаніе Стародума еще не входило. Стародумъ употребилъ всѣ силы снискать его дружбу, чтобы всегдашнимъ обращеніемъ съ нимъ наградить недостатки собственнаго. Дѣло было пошло на ладъ. Но въ это время случилась война. Стародумъ при извѣстіи о войнѣ съ радостію бросился въ объятія графа. «Пойдемъ тотчасъ въ армію—сказалъ онъ ему—и сдѣлаемся достойными званія дворянина, которое дала намъ природа». Но графъ пожелалъ Стародуму счастливаго пути, а самъ остался дома. «Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія—говоритъ Стародумъ—которое я ощутилъ къ нему въ ту же минуту. Тутъ я увидѣлъ, что и съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду». Съ этого времени утвердилась въ

*) Соч. Фонвизина, стр. 208.

**) Вопросы Фонвизина и отвѣты императрицы см. Соч. Фонвизина, стр. 659. *Вопросъ 18.* Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства? Какимъ образомъ изгнать изъ сердецъ нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ сдѣлать, чтобы почтенное титло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства? *Отвѣтъ на 13.* Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшнимъ покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены либо упали; самая наружность, походка и проч. то уже оказываютъ.

*) Соч. Фонвизина, стр. 599, 606, 601.

Стародумѣ навсегда, если не вражда, то недовѣріе къ современному знанію. Увидавъ, что племянница его читаетъ книгу, Стародумъ спрашиваетъ ее: «Какую она читаетъ книгу?» «Французскую—отвѣчаетъ ему племянница—Фенелона о воспитаніи дѣвицъ». «Фенелона? автора Телемака?—вопрошаетъ ее Стародумъ.—Хорошо, я не знаю твоей книжки, но читай ее, читай. Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ. Я боюсь за васъ, нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случалось читать изъ нихъ все то, что переведено по-русски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, но воротятъ съ корня добродѣтель» *).

Но будемъ продолжать исторію Стародума. На войнѣ Стародумъ отличился, получилъ множество ранъ; но въ то время, когда онъ лежалъ больной отъ ранъ, вдругъ онъ получаетъ извѣстіе, что графъ, который не пошелъ на войну, получилъ чинъ, а онъ обойденъ—онъ, лежавшій на одрѣ отъ ранъ, въ тяжкой болѣзни. Это растерзало его сердце, онъ сгоряча взялъ отставку, пріѣхалъ въ Петербургъ и тутъ, по слѣпому случаю, попалъ на службу ко двору. Въ службѣ при дворѣ Стародумъ нашелъ одни огорченія и бѣжалъ изъ нея, «не принесши домой—по его словамъ—ничего, кромѣ души, честности и правилъ»! Это, разумѣется, заставляетъ его говорить о придворной службѣ самымъ озлобленнымъ языкомъ. Но, спрашивается, кто жъ его тащилъ въ придворную службу? Зачѣмъ онъ лѣзъ туда? На это Стародумъ отвѣчаетъ, что дворянинъ не можетъ не служить своему отечеству; взять отставку позволительно ему только «въ одномъ случаѣ: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его прямой пользы отечеству не приноситъ». Стародумъ признается, что онъ погорячился, вышедши въ отставку изъ военной службы, гдѣ онъ былъ полезенъ; но отъ двора, говоритъ Стародумъ, онъ обязанъ былъ бѣжать, чтобъ не заразиться самому. Однакожъ, если всѣ честные люди будутъ поставлены въ необходимость бѣжать изъ службы, то въ службѣ не останется ни одного честнаго человѣка. Потому Стародумъ и находитъ съ одной стороны необходимымъ воспитаніе, которое бы приготовляло для службы все Стародумовъ, а съ другой, чтобы достойный престола государь стремился возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это и видимъ, говоритъ онъ, своими глазами. «Способы сдѣлать людей добрыми—говоритъ Стародумъ—всѣ въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди, что ни подлою заслугою и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга, что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми, тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ, и всякій хорошъ будетъ». *Правдинъ*, съ которымъ ведетъ свой разговоръ Стародумъ, замѣчаетъ на это: «справедливо, великій государь даетъ»... Стародумъ перебиваетъ его: «милость и дружбу тѣмъ, кому изволитъ; мѣста и чины тѣмъ, кто достоинъ».

Разбирая комедію Фонвизина, наша критика обыкновенно говоритъ, что въ «Недорослѣ» Стародумъ лицо вовсе ненужное, резонерствующее вовсе не кстати и пустяки—и говоритъ совершенную правду. Но такъ это съ точки зрѣнія критики. Съ точки зрѣнія Фонвизина, напротивъ, Стародумъ самое существенное лицо въ комедіи. Въ уста Стародума онъ влагаетъ всѣ свои задушевныя убѣжденія, всѣ затаенныя жалобы, всѣ тщательно, впрочемъ, прикрываемыя нотаціи разнымъ нелюбимымъ личностямъ. По мнѣнію Фонвизина, Стародумъ и есть именно настоящій герой, и онъ гордился созданіемъ этого типа. Въ одной небольшой статейкѣ, заготовленной Фонвизиномъ для сатирическаго журнала, который онъ хотѣлъ издавать въ 1788 году, вновь выведенный въ качествѣ будто бы сотрудника журнала Стародумъ говоритъ между прочимъ о себѣ: «Я самъ жилъ большею частію тогда, когда каждый, слушая двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ (въ «Недорослѣ»), бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобы не сдѣлали его свидѣтелемъ вольныхъ разсужденій о дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобъ сей мой разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно; ибо погибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгла узы» *) и проч. Далѣе слѣдуютъ похвалы императрицѣ за дарованную ею свободу слова. Фонвизинъ и не подозрѣвалъ, что его Стародумъ имѣетъ видъ вовсе не смѣлаго протестанта, гордо во имя принципа бросающаго перчатку обществу, а видъ обойденнаго чиновника, который высказываетъ свои претензіи передъ начальствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ льститъ ему самымъ грубымъ образомъ и плачется, чтобы оно не оставило его своими милостями на будущее время. Фонвизинъ, конечно, удивился бы, еслибы ему сказали, что самое безчестное лицо въ его комедіи есть именно его идеальный дворянинъ, изображенный въ образѣ Стародума. А между тѣмъ оно дѣйствительно такъ, потому что никто такъ пошло не канючитъ, какъ онъ.

Вообще Фонвизинъ былъ очень недурной карикатуристъ, ловкій острословъ, но плохой мыслитель и всего менѣе политикъ. Кругозоръ его мысли былъ крайне ограниченный и узкій. И потому нѣтъ ничего забавнѣе, когда Фонвизинъ воображаетъ себя великимъ политическимъ писателемъ, который «можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества». Императрица очень хорошо понимала смѣшныя въ этомъ от-

*) Соч. Фонвизина, 639.

*) Соч. Фонвизина, стр. 533.

ношеніи претензіи Фонвизина, и потому, когда услыхала, что Панинъ поручилъ написать Фонвизину какое-то политическое сочиненіе для наслѣдника престола, замѣтила въ кругу своихъ приближенныхъ со свойственною ей находчивостію: «худо мнѣ жить приходитъ, ужъ и г. Фонвизинъ хочетъ учить меня царствовать» *).

Все это мы говоримъ не для того, конечно, чтобы унижать талантъ Фонвизина—подобная задача не стоила бы ни времени, ни труда, а для того, чтобы показать, какъ мало великія идеи Екатерины могли находить себѣ поддержки и сочувствія, даже въ лучшихъ представителяхъ тогдашней литературы. О Фонвизинѣ мы распространились потому, что многіе доселѣ почитаютъ его великимъ политикомъ, принимая его мелкія чиновничьи огорченія, проглядывающія на каждомъ шагу въ его сочиненіяхъ, за великія гражданскія скорби. Но то, что̀ мы сказали о Фонвизинѣ, какъ политикѣ, можетъ быть почти вполнѣ приложено ко всѣмъ литераторамъ тогдашняго времени. Даже княгиня Дашкова, женщина замѣчательно образованная и знакомая съ современною тогдашнею философіею, доказывала Дидро пользу и необходимость крѣпостного права въ Россіи. Что касается до друга Фонвизина, Державина, то послѣдній былъ вполнѣ согласенъ съ Фонвизиномъ, какъ относительно того, что дворянинъ долженъ заботиться не столько о пріобрѣтеніи знаній, сколько о пріобрѣтеніи души, и что послѣднюю всего легче пріобрѣсть и сохранить въ полкахъ и канцеляріяхъ, чѣмъ гдѣ-нибудь, такъ и относительно того, что рабы необходимы для благосостоянія всякаго общества и что вся мудрость управленія должна состоять только въ томъ, чтобы соразмѣрить число рабствующихъ съ числомъ господствующихъ. Извѣстны двѣ его знаменитыя борьбы, которыя, въ званіи министра юстиціи и генералъ-прокурора при императорѣ Александрѣ, велъ онъ не только съ сенатомъ, но даже съ самимъ государемъ: одну изъ-за указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ, другую—за принятое сенатомъ мнѣніе графа Потоцкаго объ освобожденіи молодыхъ дворянъ отъ обязательной двѣнадцатилѣтней службы въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ. Защищая свои отсталыя воззрѣнія, Державинъ, относительно своихъ противниковъ, прибѣгалъ къ тому же недостойному пріему, къ какому у насъ и доселѣ не стыдятся прибѣгать люди ему подобные, то-есть взводилъ на нихъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ, называлъ врагами отечества, самодержавія, революціонерами, готовящими гибель государству и т. п.

По доселѣ сказанному нами читатель можетъ судить, какъ одиноко стояла императрица въ современномъ ей обществѣ съ своими либеральными начинаніями. Она лично также не нашла поддержки своимъ идеямъ и стремленіямъ, какъ и Петръ Великій; но ея борьба была гораздо труднѣе. Ея личное положеніе было совсѣмъ другое, чѣмъ Петра Великаго, и при томъ борьба, которую она должна была вести, была гораздо внутреннѣе, духовнѣе, чѣмъ борьба послѣдняго. Ей надобно было имѣть дѣло исключительно съ общественною мыслію, на которую можно было дѣйствовать только мыслію же и которую нельзя было измѣнить ни регламентами, ни указами. Вотъ почему Петръ до конца остался вѣренъ своимъ первоначальнымъ идеямъ и начинаніямъ и съ распростертыми объятіями принималъ новыхъ людей, имъ самимъ приготовленныхъ; Екатерина, уступая мало-по-малу напору общественной мысли, съ которой не имѣла средствъ бороться, вышла, наконецъ, на путь, мало соотвѣтствовавшій первоначальной программѣ ея царствованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилась въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, воспитаннымъ въ ея собственныхъ идеяхъ.

Все это, конечно, очень грустно, тѣмъ не менѣе, за императрицею Екатериною навсегда и безспорно останется имя великой, какъ первой насадительницы у насъ идей истинно европейской цивилизаціи и культуры. Сѣмена, брошенныя ею въ первые годы ея царствованія, не исчезли безслѣдно. Они дали всходъ и плодъ. Сама императрица, даже въ то время, когда отказалась въ своей собственно законодательной дѣятельности отъ идеаловъ своей молодости, какъ совершенно неисполнимыхъ для ея времени, твердо вѣрила однакожъ, что когда-нибудь придетъ время ихъ исполненія, и только тогда Россія будетъ счастлива. Въ такихъ именно надеждахъ и вѣрованіяхъ былъ воспитанъ ею внукъ ея Александръ. Питомцы Екатерины же были и тѣ люди, которые окружали его престолъ и были дѣятельнѣйшими его помощниками при началѣ его царствованія. Сама императрица въ своей личной дѣятельности, несмотря на постепенно все болѣе и болѣе возраставшую въ ней перемѣну къ первоначальнымъ идеямъ ея молодости, старалась, на сколько то казалось ей возможнымъ, не отступать отъ нихъ. Такъ, графъ Сегюръ разсказываетъ, что императрицу только съ трудомъ уговорили подписать приговоръ о смертной казни Пугачеву *) (Пугачевъ казненъ 10-го января 1775 года). Такъ, въ 1788 году, когда императрица стала недовѣрять распространявшемуся просвѣщенію, и въ особенности просвѣтительной дѣятельности Новикова, о которомъ она прямо сказала Храповицкому: «c'est un fanatique», она ограничилась только тѣмъ, что не велѣла отдавать ему въ аренду московскую университетскую типографію, но не касалась лично ни его самого, ни его дѣятельности, тѣмъ болѣе, дозволенной свободы печати вообще и учрежденія вольныхъ типографій. И хотя въ это время существовалъ уже страшный Шешковскій, и императрица имѣла полное понятіе о его талантахъ, но она не давала еще полнаго ходу его ревности. Такъ, отдавая ему

*) Фонвизинъ, соч. Вяземскаго, стр. 285.

*) Записки графа Сегюра, стр. 19.

для разбора письма Пашковой (1788), она нѣкоторыя изъ нихъ сожгла собственноручно, боясь излишняго усердія Шешковскаго *). Только съ 1789 года, то-есть со времени революціи, и въ особенности со времени казни Лудовика XVI, императрица принимаетъ открыто и прямо образъ дѣйствій, совершенно противоположный идеаламъ ея молодости. Но и то впрочемъ не вдругъ. Закрытіе вольныхъ типографій, установленіе цензуры, было уже однимъ изъ послѣднихъ распоряженій императрицы Екатерины. Замѣтимъ при этомъ, что даже Радищевъ, издавшій въ это тревожное время книгу, которою была глубоко оскорблена императрица, и котораго она называла передъ Храповицкимъ бунтовщикомъ хуже Пугачева, былъ, вмѣсто смертной казни, къ которой приговорилъ его судъ, сосланъ на 10 лѣтъ на житье въ илимскій острогъ.

Вотъ почему самое царствованіе императрицы, при всемъ несоотвѣтствіи его съ первоначальною программою, провозглашенною императрицею въ «Наказѣ», не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ предшествовавшими царствованіями по той безопасности, спокойствію, увѣренности въ своей цѣлости на завтрашній день, которыми пользовался всякій. Это, повидимому, было немного, но на самомъ дѣлѣ было очень много, если вспомнимъ, что въ предшествовавшія царствованія наше общество не всегда пользовалось этими благами. Императрица не перемѣняла законовъ до нея царствовавшихъ, но ея личныя гуманныя воззрѣнія, въ связи съ сохранявшимся въ ней нѣкоторымъ уваженіемъ къ провозглашеннымъ ею самою началамъ, давали другой видъ всему. Всякій знаетъ, какъ во всякомъ монархическомъ правленіи быстро смягчается острота самыхъ строгихъ законовъ и суровость ихъ исполнителей отъ личныхъ воззрѣній и отношеній монарха. Въ царствованіе Екатерины въ первый разъ русское общество стало чувствовать себя легко и свободно. Вотъ почему ни объ одномъ царствованіи современники не отзывались съ такимъ восторгомъ, какъ о царствованіи Екатерины. Императоръ Александръ 1-й дѣйствительно обрадовалъ всѣхъ, когда въ манифестѣ своемъ о восшествіи на престолъ объявилъ, что онъ будетъ править Богомъ врученнымъ ему народомъ по законамъ и сердцу премудрой бабки своей Екатерины Великой, и вслѣдъ за тѣмъ, какъ-бы разъясняя истинныя желанія своей бабки, освободилъ всѣхъ содержавшихся по дѣламъ тайной экспедиціи въ крѣпостяхъ и сосланныхъ въ Сибирь или отдаленные города и деревни подъ надзоръ мѣстныхъ властей и уничтожилъ самую тайную экспедицію.

Такимъ образомъ «Наказъ» императрицы не остался ничего незначущимъ лоскутомъ бумаги, какъ думаютъ нѣкоторые. Онъ бросилъ массу новыхъ идей въ общество, въ которыхъ воспиталась новая порода людей, дѣйствовавшихъ при императорѣ Александрѣ. Въ началахъ его былъ воспитанъ императоръ Александръ, давшій новое направленіе нашему законодательству. Во время самой императрицы «Наказъ» былъ нѣкоторымъ оплотомъ той дозы свободы, которою пользовались общество и литература почти во все ея царствованіе.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію самаго «Наказа».

«Наказъ» не есть какой нибудь связный законодательный кодексъ. Онъ, какъ показываетъ и самое названіе его, есть не болѣе, какъ инструкція, данная Екатериной въ руководство при составленіи законовъ — инструкція, выясняющая взглядъ императрицы на разныя начала и предметы права государственнаго, уголовнаго, гражданскаго и т. п. Естественно, что въ своемъ «Наказѣ» императрица должна была говорить или о тѣхъ предметахъ, на которые она имѣла взглядъ новый отъ общепринятаго, или объ тѣхъ, которые по обстоятельствамъ времени казались ей требовавшими особеннаго вниманія и разъясненія. Поэтому хотя «Наказъ» заимствованъ и изъ иностранныхъ источниковъ, въ особенности изъ Монтескьё и Беккаріа, но этими заимствованіями руководили насущныя потребности русскаго общества.

Самое значительное мѣсто дано въ «Наказѣ» разъясненію понятій о предметахъ уголовнаго законодательства, ибо «вольность гражданина — по словамъ «Наказа» — ни отъ чего не претерпѣваетъ бо́льшаго нападенія, какъ отъ обвиненій судебныхъ или сторонніхъ (частныхъ) вообще» (ст. 466). Потому на этой части «Наказа» остановимся и мы, чтобъ познакомиться съ его духомъ и направленіемъ.

«Гораздо лучше — говоритъ «Наказъ» — предупреждать преступленія, нежели наказывать» (ст. 240).

«Предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законодательства, которое есть не что иное, какъ искусство приводить людей къ самому совершенному благу или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло» (ст. 241).

«Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ законы меньше благоденствовали разнымъ, между гражданами, чинамъ, нежели всякому гражданину особо. Сдѣлайте, чтобъ люди боялись законовъ и никого, кромѣ ихъ, не боялись» (243, 244).

«Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми» (245).

«Еще можно предупредить преступленія награжденіемъ добродѣтели» (247).

«Наконецъ, самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими, есть приведеніе въ совершенство воспитанія» (248).

Итакъ, по взгляду «Наказа», преступленіе въ обществѣ есть нѣчто случайное, нѣчто такое, что̀ самимъ же обществомъ можетъ быть уничто-

*) Записки Храповицкаго, стр. 121—43.

жено или, по крайней мѣрѣ, доведено до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. И если этого не сдѣлано въ какомъ-нибудь обществѣ доселѣ то, очевидно, что въ этомъ виновна не частная воля, совершающая преступленіе, а само общество, не устранившее условій, порождающихъ и питающихъ преступленіе. Спрашивается: какое же право имѣетъ общество наказывать преступленія? Къ этому вопросу приходитъ и «Наказъ».

«Откуда—говоритъ онъ—имѣютъ начало свое наказанія и на какомъ основаніи утверждается право наказывать людей?» (144).

«Законы—отвѣчаетъ онъ—можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ и безъ которыхъ бы общество разрушилось. Но недовольно было уставить сіи способы, кои сдѣлались залогомъ (общества), надлежало и предохранить оный: наказанія установлены на нарушителей» (145, 146).

«Всякое наказаніе несправедливо, какъ скоро оно не надобное для сохраненія въ цѣлости сего залога» (147).

«Когда бы жестокость наказанія не была уже опровергнута добродѣтелями, человѣчество милующими (т.-е. еслибъ жестокость наказаній не была противна человѣколюбію), то къ отриновенію оныя довольно было бы и сего, что она безполезна; и сіе служитъ къ показанію, что она несправедлива» (150).

«Намѣреніе установленныхъ наказаній не то, чтобы мучить тварь, чувствами одаренную; они на тотъ конецъ предписаны, чтобъ воспрепятствовать виноватому, дабы онъ впредь не могъ вредить обществу, и чтобъ отвратить согражданъ отъ содѣланія подобныхъ преступленій. Для сего между наказаніями надлежитъ употреблять такія, которыя, будучи уравнены съ преступленіями, впечатлѣли бы въ сердцахъ людскихъ начертаніе самое живое и долго пребывающее, и въ то же время были бы меньше люты надъ преступниковымъ тѣломъ» (205).

«Гражданская вольность тогда торжествуетъ, когда законы на преступниковъ всякое наказаніе выводятъ изъ особливаго каждому преступленію свойства. Все произвольное въ наложеніи наказанія исчезаетъ. Наказаніе не должно происходить отъ прихоти законоположника, но отъ самой вещи, и не человѣкъ здѣсь долженъ дѣлать насиліе человѣку, но собственное дѣйствіе человѣка» (67).

Раздѣливъ затѣмъ всѣ преступленія на четыре разряда: 1) на преступленія противъ закона или вѣры; 2) противъ нравовъ; 3) противъ тишины и спокойствія, и 4) противъ безопасности общественной — «Наказъ» для первыхъ трехъ родовъ преступленій считаетъ достаточными наказанія исключительно *исправительныя*, и только для послѣдняго рода наказанія *уголовныя*.

Преступленія противъ *вѣры* или *закона*, называемыя въ «Наказѣ» святотатствомъ, должны быть по «Наказу» наказываемы лишеніемъ тѣхъ выгодъ, которыя намъ даруетъ вѣра, то-есть изгнаніемъ изъ храмовъ, исключеніемъ изъ собранія вѣрущихъ на время или навсегда, удаленіемъ отъ ихъ присутствія (74).

Преступленія противъ нравовъ должны наказываться «*лишеніемъ* выгодъ отъ всего общества присоединенныхъ къ чистотѣ нравовъ, денежнымъ наказаніемъ; стыдомъ или безславіемъ, принужденіемъ скрываться отъ людей, безчестіемъ всенароднымъ, изгнаніемъ изъ города или общества» (77).

Преступленія противъ спокойствія и тишины гражданъ должны наказываться лишеніемъ сего спокойства, ссылкою, исправленіями и другими наказаніями, которыя безпокойныхъ людей возвращаютъ на путь правый и приводятъ ихъ опять въ порядокъ установленный (78).

Только преступленія послѣдняго рода, то-есть противу безопасности общественной, подлежатъ, по «Наказу», наказаніямъ уголовнымъ. Какъ высшее въ числѣ этихъ наказаній, «Наказъ» допускаетъ наказаніе тѣлесное, но при этомъ отвергаетъ, какъ всѣ тѣ наказанія, «которыми можно изуродовать человѣческое тѣло», такъ съ особенною силою и краснорѣчіемъ вооружается противъ смертной казни (96, 211).

Высшее изъ преступленій противъ безопасности общественной, по «Наказу», есть оскорбленіе величества. Не выдѣляя наказаній за это преступленіе изъ ряда другихъ того же рода, «Наказъ» посвящаетъ особую главу разъясненію этого преступленія, и дѣлаетъ это на томъ основаніи, что свободѣ «гражданъ угрожала бы великая опасность, еслибы столь важный пунктъ не былъ точно разъясненъ въ законѣ».

Точное разъясненіе этого пункта было въ то время, какъ мы знаемъ, необходимо по тогдашнему азіатскому взгляду общества на оскорбленіе величества.

Извѣстно, сколько слезъ, бѣдствій и всякаго зла причинило Россіи ужасное: *слово и дѣло*, тяготѣвшее надъ нею впродолженіе полувѣка. Петръ III указомъ отъ 21-го февраля 1762 года уничтожилъ тайную канцелярію съ наводившимъ трепетъ на всѣхъ словомъ и дѣломъ; императрица черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ этого (19-го октября) нашла нужнымъ снова повторить указъ Петра III. Но этого было недовольно, чтобы уничтожить зло. Общество, воспитанное въ своихъ понятіяхъ объ оскорбленіи величества, подъ ферулой страшнаго слова и дѣла, имѣло самое темное представленіе о существѣ этого преступленія и находилось въ запуганномъ состояніи. А между тѣмъ корыстолюбіе, месть, лакейство распложали въ обществѣ охотниковъ отыскивать это преступленіе во всемъ. «Наказъ» справедливо говоритъ, что «если преступленіе въ оскорбленіи величества даже и описано въ законахъ, но словами неопредѣленными, то уже довольно изъ

сего можетъ произойти различныхъ злоупотребленій».

Съ исчисленія этихъ злоупотребленій «Наказъ» и начинаетъ слово о преступленіи противъ оскорбленія величества.

«Китайскіе законы, напримѣръ, говоритъ онъ, присуждаютъ, что если кто почтенія государю не окажетъ, долженъ казненъ быть смертію. Но какъ они не опредѣляютъ, что̀ есть неоказаніе почтенія, то все можетъ тамъ дать поводъ къ отнятію жизни, у кого захотятъ, и къ истребленію поколѣнія, чье погубить пожелаютъ. Два человѣка, опредѣленные сочинять придворныя вѣдомости при описаніи нѣкотораго совсѣмъ неважнаго случая, поставили обстоятельства съ истиною несходственныя; сказано на нихъ, что лгать въ придворныхъ вѣдомостяхъ не что иное есть, какъ должнаго почтенія двору не оказывать, и казнены они оба смертію».

«Нѣкто изъ князей на представленіи, подписанномъ императоромъ, изъ неосторожности поставилъ какой-то знакъ: *заключили изъ сего*, что онъ должнаго почтенія не оказалъ богдыхану. *И сіе причинило* всему сего князя *поколѣнію* ужасное гоненіе» (470).

«Законъ римскихъ кесарей какъ съ святотатцами (богохульниками) поступалъ съ тѣми, кои сомнѣвались о достоинствахъ и заслугахъ *людей*, избранныхъ ими къ какому ни есть званію, слѣдовательно и осуждалъ ихъ на смерть» (471).

«Другой законъ тѣхъ, которые дѣлаютъ воровскія (фальшивыя) деньги, объявлялъ виновными въ преступленіи оскорбленія величества. Но они не что иное суть, какъ воры государственные» (472).

«Еще между римскими законами находился такой, который повелѣвалъ наказывать, какъ преступниковъ въ оскорбленіи величества, тѣхъ, кои хоть изъ неосторожности бросили что-нибудь предъ изображеніями императоровъ» (475).

«Въ Англіи законъ одинъ почиталъ виновными въ самой высочайшей измѣнѣ всѣхъ тѣхъ, которые предвѣщаютъ королевскую смерть. Въ болѣзни королей врачи не смѣли сказать, что есть опасность; можно думать, что они поступали посему и въ леченіи (476).

«Человѣку снилося, что онъ умертвилъ царя; сей царь приказалъ казнить его смертію, говоря, что не приснилось бы ему сіе ночью, еслибы онъ о томъ днемъ наяву не подумалъ. Сей поступокъ былъ великое тиранство, ибо еслибы онъ то и думалъ, однакожъ на исполненіе мысли своей еще не поступилъ; законы не обязаны наказывать никакихъ другихъ, кромѣ внѣшнихъ или наружныхъ дѣйствій» (477).

Перечисливъ эти примѣры, «Наказъ» говоритъ:

«Когда введено было много преступленій въ оскорбленія величества, то и надлежало непремѣнно различить и умѣрить (опредѣлить) сіи преступленія. Такъ наконецъ дошли до того, чтобы не почитать за такія преступленія кромѣ тѣхъ только, кои заключаютъ въ себѣ умыселъ противу жизни и безопасности государя и измѣну противъ государства и тому подобныя» (478).

Такъ какъ по опредѣленію «Наказа» оскорбленіемъ противу величества можетъ почитаться только дѣйствіе, то «слова не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ они пріуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному». «Такимъ образомъ человѣкъ, пришедшій, напримѣръ, на мѣсто народнаго собранія увѣщевать подданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорбленіи величества, потому что слова совокуплены съ дѣйствіемъ и заимствуютъ нѣчто отъ онаго. Въ семъ случаѣ не за слово наказуютъ, но за произведенное дѣйствіе, при которомъ слова были употреблены» (480).

«Письма (то-есть сочиненія, Schriften, les écrits) суть вещь не такъ скоро преходящая, какъ слова; но когда они не пріуготовляютъ къ преступленію оскорбленія величества, то и они не могутъ быть вещію, содержащею въ себѣ преступленіе въ оскорбленіи величества» (483).

«Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя; но оныя дѣлаются предлогомъ, подлежащимъ градскому чиноправленію, а не преступленіемъ, и весьма беречься надобно изыскнія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе, а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество, отвергнетъ дарованія разума человѣческаго, и охоту писать отниметъ» (484).

Неменьшее вниманіе «Наказъ» обращаетъ и на формальную сторону уголовнаго законодательства, и старается утвердить и здѣсь гуманныя и твердыя начала. Онъ требуетъ, чтобы законъ точно и подробно опредѣлилъ случаи, когда могутъ быть производимы аресты при слѣдствіи, чтобы ни одинъ арестъ не могъ производиться произвольно, чтобы каждое подобное арестованіе, сдѣланное и въ согласность закону, «длилось сколь возможно меньше и было столь снисходительно, какъ можно»; онъ возстаетъ противъ всякихъ пристрастныхъ допросовъ при слѣдствіи и съ особенною силою вооружается противъ пытки, находя ее дѣломъ безсмысленнымъ, вреднымъ и жестокимъ; онъ возстаетъ наконецъ противъ наряда всякихъ чрезвычайныхъ, особыхъ, внѣ обыкновеннаго порядка судопроизводства, судовъ, признавая ихъ дѣломъ совершенно безполезнымъ и даже вреднымъ. «Самая *безполезная* вещь государямъ въ самодержавныхъ правленіяхъ есть наряжать иногда особливыхъ судей, судить кого-нибудь изъ *подданныхъ* своихъ. Надлежитъ быть весьма добродѣтельнымъ и справедливымъ таковымъ судьямъ, чтобы они не думали, что они всегда оправдаться могутъ ихъ (государей) повелѣніями,

скрытною какою-то государственною пользою, выборомъ въ ихъ особѣ учиненнымъ, и собственнымъ ихъ страхомъ. Столь мало отъ таковыхъ судовъ происходитъ пользы, что не стоитъ сіе того труда, чтобы для того превращать порядокъ суда обыкновенный» (489). «Еще же можетъ сіе произвесть злоупотребленія, весьма вредныя для спокойства гражданъ. Примѣръ сему здѣсь предлагается. Въ Англіи при многихъ корольхъ судили членовъ верхней камеры, чрезъ наряженныхъ изъ той же камеры судей; симъ способомъ предавали смерти всѣхъ, кого хотѣли, изъ того вельможъ собранія» (490).

Для судебныхъ приговоровъ, равно какъ вообще для судебнаго процесса, «Наказъ» требуетъ полной гласности. «Приговоры судей — говоритъ онъ — должны быть народу видимы, такъ-какъ и доказательства преступленій, чтобы всякъ изъ гражданъ могъ сказати, что онъ живетъ подъ защитою законовъ: мысль, которая подаетъ гражданамъ ободреніе, и которая больше всѣхъ угодна и выгодна самодержавному правителю, на истинную свою пользу прямо взирающему» (183).

Еще бо̀льшимъ зломъ, чѣмъ жалкое состояніе правосудія, было во время императрицы крѣпостное право. Мы уже видѣли, что императрица не имѣла возможности возставать противъ этого зла съ тою прямотою и силою, какъ бы она хотѣла. Тѣмъ не менѣе косвенно всюду, гдѣ только представляется возможность, «Наказъ» касается этого предмета и даетъ понять истинное желаніе императрицы. Въ главѣ XI, трактующей о «порядкѣ въ гражданскомъ обществѣ», императрица говоритъ: «мы должны избѣгать случаевъ, чтобы не приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной; однако и та едва-ли не весьма рѣдко бываетъ» (253). Въ главѣ XIII о рукодѣліи и торговлѣ императрица говоритъ: «не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто (вмѣсто этого въ нѣмецкомъ: der Ackersmann, во французскомъ: le cultivateur ou laboureur) не имѣетъ ничего собственнаго. Сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что̀ другому принадлежитъ; и никакого не прилагаетъ старанія о томъ, въ чемъ опасаться можетъ, что другой отъ него отыметъ» (295, 296).

На этомъ основаніи въ особомъ наставленіи, данномъ коммиссіи въ 1768 году, императрица, предоставляя разсмотрѣнію самой коммиссіи: дать свободу крестьянамъ или нѣтъ, требуетъ однакожъ во всякомъ случаѣ настоятельно, чтобы она обратила вниманіе на ст. 261 «Наказа», въ которой говорится: «законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества». (Die Gesetze können dadurch etwas Gutes stiften, wenn sie den Leibeigenen ein Eigenthum bestimmen), то-есть императрица хотѣла, чтобы въ случаѣ оставленія крестьянъ въ прежнемъ крѣпостномъ состояніи, за ними утверждено было право имѣть свою собственность.

Разсматривая крѣпостное состояніе, какъ фактъ существующій, «Наказъ» находитъ нужнымъ принять самыя строгія мѣры противъ господъ, жестоко обращающихся съ своими крѣпостными. «Петръ I-й, говоритъ онъ, узаконилъ въ 1722 году, чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталась—неизвѣстно» (256). Вмѣстѣ съ этимъ «Наказъ» требуетъ, чтобы коммиссія сдѣлала такіе законы, «которые отнимали бы всѣ способы пропитанія у тѣхъ, кои не будутъ трудиться. Всякій народъ лѣнивый, говоритъ онъ, надмѣнъ въ своемъ поведеніи; ибо нетрудящіеся почитаютъ себя нѣкоторымъ образомъ властелинами трудящихся» (303, 304).

Далѣе «Наказъ» входитъ въ ближайшія отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ и требуетъ опредѣлить эти отношенія такъ, чтобы они не разстроивали государственнаго благосостоянія.

«Кажется еще, говоритъ онъ, что новозаведенный способъ отъ дворянъ сбирати свои доходы уменьшаетъ народъ и *земледѣліе*; всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева, не бывъ вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два и даже до пяти рублей, несмотря на то, какимъ образомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги» (269).

«Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось большее земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось» (270).

«Страна, которая податями столь много отягчена, что раченіемъ и трудолюбіемъ своимъ люди съ великою нуждою могутъ найдти себѣ пропитаніе, черезъ долгое время должна быть обнажена жителей» (275).

«Гдѣ люди не для чего инаго убоги, какъ только что живутъ подъ тяжкими законами и земли свои почитаютъ не столько за основаніе къ содержанію своему, какъ за подлогъ къ удрученію, въ такихъ мѣстахъ народъ не размножается. Они сами для себя не имѣютъ пропитанія; такъ какъ имъ можно думать удѣлить отъ онаго еще своему потомству? Они не могутъ сами въ своихъ болѣзняхъ надлежащимъ пользоваться присмотромъ; такъ какъ же можно имъ воспитывати твари, находящіяся въ безпрерывной болѣзни, то-есть во младенчествѣ? Они закапываютъ въ земли деньги свои, боясь пустить оныя въ обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся чтобы богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненій» (276).

«Многіе, пользуясь удобностію говорить, но не

будучи въ силахъ испытать въ тонкость о томъ, о чемъ говорятъ, сказываютъ: *чѣмъ въ большемъ подданные живутъ убожествѣ, тѣмъ многочисленные ихъ семьи.* Также и то: *чѣмъ большія на нихъ положены дани, тѣмъ больше они приходятъ въ состояніе платить оныя.* Сіи суть два мудрованія, которыя всегда пагубу наносили и всегда будутъ причинять погибель самодержавнымъ государямъ» (277).

Наконецъ, какъ относительно народа «Наказъ» требуетъ, чтобы не было ни одной семьи, неимѣющей опредѣленнаго принадлежащаго ей участка земли, рекомендуя въ этомъ случаѣ, по примѣру римлянъ, «раздѣлити земли всѣмъ семьямъ, которыя никакихъ не имѣютъ, подать имъ способы вспахать оныя и обработать» (280), такъ относительно дворянскихъ имѣній требуетъ, чтобы они не сосредоточивались въ немногихъ рукахъ. «Мое намѣреніе въ семъ дѣлѣ — говоритъ императрица въ XVIII главѣ «Наказа» о наслѣдствахъ — склоняется больше къ раздѣленію имѣнія, понеже я почитаю себѣ за долгъ желать, чтобы каждый довольную часть на свое пропитаніе имѣлъ. Сверхъ сего земледѣліе такимъ образомъ можетъ прійти въ лучшее состояніе, и государство чрезъ то большую получитъ пользу, имѣя нѣсколько тысячей подданныхъ, наслаждающихся умѣреннымъ достаткомъ, нежели имѣя нѣсколько сотъ великихъ богачей» (425).

Читатель видитъ, какимъ богатствомъ идей, самыхъ свѣтлыхъ и самыхъ плодотворныхъ для общественнаго развитія, блистаетъ «Наказъ» Екатерины, и, конечно, пожалѣетъ вмѣстѣ съ нами, что этотъ памятникъ находится у насъ въ крайнемъ небреженіи и безвѣстности. Императрица писала «Наказъ» бо́льшею частію на французскомъ языкѣ — съ этого языка сдѣланъ переводъ его на языки: латинскій, нѣмецкій и русскій. Русскому переводу, хотя онъ и составляетъ основной текстъ, или точнѣе сказать, отчасти именно потому, что онъ составляетъ основной текстъ «Наказа» — особенно не посчастливилось. Въ нѣкоторыя статьи русскаго «Наказа» внесена намѣренно извѣстная доза неясности противу подлинника, чтобы рѣзкимъ слишкомъ свѣтомъ не повредить дѣлу *(см. выше)*. Въ другихъ статьяхъ неясность происходитъ отъ дурного перевода, который, вѣроятно, тяжеловатъ былъ для чтенія и въ екатерининское время, въ настоящее же время сдѣлался совершенно невыносимымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ помощи французскаго и нѣмецкаго текстовъ его вовсе невозможно и понять. Было бы желательно, чтобы кто-нибудь занялся изданіемъ «Наказа», сдѣлавъ новый переводъ его съ французскаго подлинника.

Подлинникъ «Наказа» состоитъ изъ 123 съ половиною листовъ, которые всѣ, исключая двѣнадцати, писаны собственною рукою императрицы, по бо́льшей части на французскомъ, а отчасти на русскомъ языкѣ, и называется: Materiaux dont les traductions sont dans le Senat et qui ont servi pour composer l'instruction de la commission établie pour faire le projet des loix, то-есть: Матеріалы, переводъ съ которыхъ хранится въ сенатѣ и изъ которыхъ составленъ «Наказъ» для сочиненія проекта новаго Уложенія.

Думаемъ, что названіе *матеріаловъ* дано здѣсь «Наказу» потому, что въ немъ содержится и та часть «Наказа», которая была вымарана его предварительными разсматривателями *(см. выше)* и не вошла въ печатный «Наказъ». Этотъ подлинникъ «Наказа» хранится въ императорской академіи наукъ *).

*) Библіогр. Зап. 1859 г. Т. II., стр. 114.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ *).

Статья первая.

Назадъ тому годъ въ Лейпцигѣ явилась книга, подъ названіемъ: Die ländliche Verfassung Russlands. Книга эта написана знатокомъ дѣла, извѣстнымъ барономъ Гакстгаузеномъ**), который всю жизнь свою посвятилъ на изученіе крестьянскаго устройства въ разныхъ странахъ Европы, въ томъ числѣ и Россіи. Съ этою цѣлію онъ объѣхалъ Россію въ 1843—1844 годахъ и кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ брошюръ написалъ о ней два большихъ сочиненія: «Studien über Russland» и «Transkaukasia», которыя не только за границей, но и у насъ долго служили лучшими пособіями для основательнаго знакомства съ Россіей. Новое сочиненіе барона Гакстгаузена имѣетъ цѣлію познакомить европейскую республику съ тѣми перемѣнами, которыя произведены въ нашемъ сельскомъ устройствѣ недавней крестьянской реформой.

Фактически новаго въ этой книгѣ для насъ русскихъ почти ничего нѣтъ. Тѣмъ не менѣе книга въ высшей степени интересна для насъ, какъ взглядъ иностранца на наше дѣло. Намъ не придетъ въ голову разсматривать тѣ стороны дѣла, которыя главнымъ образомъ интересуютъ барона Гакстгаузена, и притомъ разсматривать тѣмъ пріемомъ, который употребляетъ онъ. Для насъ крестьянскій вопросъ дѣло еще слишкомъ живое, волнующее. Крѣпостное право лежало поперегъ всего нашего развитія. Оно не давало намъ впередъ ступить шагу. Оно одинаково портило и нашихъ лучшихъ людей, и наши лучшія учрежденія. Оно давило или извращало и парализировало всякое нормальное проявленіе общественной жизни. Оно гнало всякую честную, патріотическую мысль, рѣшавшуюся откровенно, безъ холопскихъ пріемовъ и холопскаго подобострастія, говорить за дѣло общественнаго блага. Однимъ словомъ, съ крѣпостнымъ правомъ никакое движеніе впередъ было немыслимо для насъ. Естественно, что, едва успѣвъ только недавно свалить съ себя этотъ гнетъ, мы еще такъ полны пріятнымъ чувствомъ избавленія отъ миновавшей насъ опасности, что намъ некогда входить въ разсмотрѣніе принциповъ, въ силу которыхъ совершилось великое дѣло. Тѣмъ менѣе можетъ являться въ насъ даже тѣнь сомнѣнія относительно прочности его въ будущемъ. Съ крестьянскою реформою неразрывно связаны всѣ лучшія начинанія настоящаго—городское и земское самоуправленіе, гласные суды, свобода прессы и т. п. Съ нею связаны и всѣ наши лучшія надежды въ будущемъ. Усомниться относительно прочности нашей крестьянской реформы въ будущемъ или даже только въ возможности измѣненія ея настоящаго характера въ будущемъ—для насъ значило бы признать свое полное умственное и экономическое банкротство.

Баронъ Гакстгаузенъ стоитъ по отношенію къ нашему крестьянскому дѣлу совершенно иначе. Для него это дѣло чуждое, стороннее, не кровное. Оно не волнуетъ, не горячитъ его, какъ насъ; онъ можетъ стоять передъ нимъ въ качествѣ спокойнаго и холоднаго наблюдателя. Правда, къ нашей крестьянской реформѣ онъ относится такъ же сочувственно, какъ и ко всѣмъ подобнымъ реформамъ, бывшимъ въ Европѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ признаетъ даже ея несомнѣнное превосходство передъ всѣми подобными реформами, какія были въ Европѣ. Такъ онъ не находитъ ничего ей подобнаго въ другихъ государствахъ ни по размѣрамъ ея, ни по началамъ крестьянскаго устройства, положеннымъ въ ея основаніе, ни наконецъ по тому спокойному, величественному ходу ея развитія и примѣненія къ жизни, которымъ она идетъ. Но онъ не ослѣпляется этими блестящими ея достоинствами. Тамъ, гдѣ мы видимъ или хотимъ видѣть одну только лицевую сторону дѣла, одинъ

*) Мартъ 1868 г.

**) Баронъ Гакстгаузенъ родился въ 1792 г., скончался въ Ганноверѣ 1-го января 1867 года.

только блестящій казовый конецъ его, онъ хочетъ осмотрѣть и его изнанку, ощупать его доброту и прочность. Онь хочетъ знать жизненное значеніе нашей крестьянской реформы, понять тѣ условія и отношенія, изъ которыхъ и среди которыхъ она возникла. Потому онъ задаетъ себѣ слѣдующіе вопросы: 1) Справедливо ли совершена реформа? Не нарушены ли ею чьи либо права? 2) Вызывалась ли она условіями времени и даннымъ развитіемъ общества и въ тѣхъ ли размѣрахъ вызывалась, въ какихъ она совершена? 3) Обезпечено ли вполнѣ въ будущемъ ея развитіе и исполненіе въ ея дальнѣйшихъ результатахъ?

Вопросы, какъ видитъ читатель, очень интересные. Но интересъ ихъ увеличивается еще тѣмъ, что книга Гакстгаузена до появленія своего въ свѣтъ была въ Петербургѣ на разсмотрѣніи лицъ, повидимому, очень близко знакомыхъ съ ходомъ крестьянскаго дѣла, которыя во многихъ мѣстахъ исправили ложныя воззрѣнія и выводы барона Гакстгаузена, почерпнутые изъ иностранныхъ источниковъ о Россіи сомнительнаго достоинства, и обогатили книгу его многими любопытными примѣчаніями.

Въ настоящей статьѣ мы передадимъ кратко то, что представляется интереснаго въ книгѣ барона Гакстгаузена по означеннымъ нами выше вопросамъ, присовокупляя при этомъ тамъ, гдѣ потребуется, и петербургскія примѣчанія.

I.

Выяснивъ достоинства русской крестьянской реформы въ сравненіи съ подобными реформами въ другихъ государствахъ, баронъ Гакстгаузенъ говоритъ: «Здѣсь мѣсто кстати коснуться великаго вопроса о правѣ. Принадлежитъ ли поземельный участокъ, который доселѣ обработывали и которымъ пользовались крѣпостные, въ исключительную собственность русскому дворянству? Имѣло ли правительство власть, по принципамъ всѣми признаннаго права, взять у дворянства его собственность и передать ее крестьянамъ, хотя бы то и за денежное вознагражденіе? Могутъ ли здѣсь принципы экспропріаціоннаго права имѣть свое примѣненіе въ видахъ государственной необходимости?»

Собственно для насъ русскихъ не могутъ вовсе и существовать предлагаемые здѣсь барономъ Гакстгаузеномъ вопросы. Всѣ мы знаемъ, что дѣло освобожденія крестьянъ было у насъ дѣломъ не правительства только, но вмѣстѣ и русскаго дворянства. По приглашенію правительства, дворянство единодушно и со всею готовностію согласилось предоставить крестьянамъ за извѣстный выкупъ поземельные надѣлы въ ихъ собственность. Слѣдовательно, тутъ не можетъ быть и мѣста никакимъ разсужденіямъ о принципахъ права.

Но баронъ Гакстгаузенъ хочетъ доказать, что даже не принимая въ разсчетъ этого факта, русское правительство дѣйствовало въ предѣлахъ всѣми признаваемаго права, когда предоставило крестьянамъ въ полную собственность находившіеся въ ихъ пользованіи поземельные участки. Для этого онъ приступаетъ къ сравнительному разсмотрѣнію тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ основаніи поземельнаго владѣнія въ западно-европейскихъ государствахъ и у насъ.

Во Франціи въ большей части мѣстъ смотрѣли на поземельные участки, обработываемые крестьянами, какъ на ихъ собственность, которая находилась, однакожъ, въ извѣстной зависимости отъ владѣльца и была обременена различными послугами и оброками въ его пользу. Революція предоставила безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій эти участки въ неограниченное и безплатное пользованіе крестьянъ, уничтоживъ безъ всякаго вознагражденія всѣ прежніе послуги и оброки; въ довершеніе къ этому, дворянство было выгнано изъ страны, и вся его недвижимая собственность конфискована въ пользу государства. Но послѣ реставраціи началось вознагражденіе эмигрантовъ, которое увеличило государственный долгъ на цѣлый милліардъ.

Въ бо́льшей части Италіи въ прежнее время существовали свободные крестьяне, которые съ владѣемаго ими поземельнаго участка платили различные налоги и оброки; но само дворянство не жило въ деревняхъ, потому здѣсь не было большихъ помѣщичьихъ хозяйствъ, а слѣдовательно не было и барщины. Крестьянское состояніе не было въ качествѣ особеннаго сословія обезпечено ни законами, ни обычаемъ въ отношеніи къ наслѣдственности, нераздѣльности имѣній и т. д. Дворянство жило въ городахъ; это обстоятельство и преобладаніе римскаго права ввели и основали настоящее состояніе. Свободное крестьянское состояніе исчезло; оно отпущено на всѣ четыре стороны, по древнему изреченію Виргилія: «veteres migrate coloni», вся поземельная собственность составляетъ неоспоримую собственность городовъ и ихъ жителей, земля раздѣлена на маленькія хозяйства (Gehöfte), которыя отдаются въ аренду: крестьянское населеніе, сохранившее большею частію доселѣ еще средневѣковые обычаи и платье, лично свободно, но обработываетъ и имѣетъ усадьбы, только на правѣ временнаго найма. Сельское соціальное состояніе Италіи очень неблестяще, и при нынѣшнихъ революціонныхъ движеніяхъ страны легко могло бы повести къ великому соціальному перевороту всѣхъ отношеній поземельной собственности.

Въ Англіи прежде было довольно многочисленное крестьянское сословіе (fryholders), но оно постепенно почти совершенно исчезло, большею частію отъ продажи земель. Англійская аристократія владѣетъ теперь самою большею частію поземельной собственности, которая раздѣлена на

маленькія хозяйства, по своей величинѣ большею частію равняющіяся большимъ нѣмецкимъ крестьянскимъ имѣніямъ (отъ 2—300 моргеновъ). Сельское хозяйство стоитъ въ Англіи на высокой степени развитія.

Въ Германіи, въ особенности въ Пруссіи, сельское устройство со времени среднихъ вѣковъ постепенно вырабатывалось такимъ образомъ, что изъ большей части поземельной собственности образовались большія помѣщичьи хозяйства (экономіи и лѣсоводства), которыя находились въ рукахъ владѣтелей, духовныхъ корпорацій, преимущественно же дворянства. Съ этими помѣстьями въ тѣсной связи находились деревни съ ихъ крестьянами. Крѣпостное состояніе, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, мало по малу исчезло; принадлежность къ имѣніямъ и наслѣдственное подданство были только слабыми остатками его. Вообще крестьяне имѣли въ своемъ пользованіи поземельную собственность, но должны были отправлять издѣльную повинность на помѣстья и платить помѣщику разные оброки; ему же принадлежало такъ-называемое высшее право на эту собственность (Obereigenthum), и поэтому, когда крестьянское семейство вымирало или выбывало, она переходила къ нему, какъ безусловная его собственность. Помѣщикамъ также принадлежала большею частію и патримоніальная власть, судъ и полиція надъ крестьянами и деревнями. За то повсюду почти деревни и крестьяне пользовались большими правами на дровяной лѣсъ и пастбище въ лѣсахъ помѣщика.

Правительства, и шире всѣхъ и рѣшительнѣе Пруссія, съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, въ особенности послѣ мира 1815 года, мало по малу, уничтожили все это устройство и преобразовали. Мотивы, руководившіе законодательствомъ, были тѣ, что эти отношенія дѣлались все болѣе и болѣе тягостными для всѣхъ въ нихъ участвовавшихъ, что они не соотвѣтствовали болѣе личнымъ и матеріальнымъ интересамъ, что они являлись очевидно вредными для общаго государственнаго блага, въ особенности для началъ государственной экономіи. Такимъ образомъ, начали постепенно, огромнымъ числомъ законовъ уничтожать существовавшія доселѣ сельскія институціи. Постояннымъ руководящимъ принципомъ при этомъ было то, что крестьянинъ долженъ сдѣлаться неограниченнымъ собственникомъ того поземельнаго участка, которымъ онъ владѣетъ, но что онъ долженъ вполнѣ вознаградить помѣщика за его доселѣ бывшія права, за его верховное право собственности, за издѣльную повинность и оброки, получавшіеся натурой,—полевою ли работою или денежнымъ капиталомъ, уплачивая вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтствующій процентъ на послѣдній, пока онъ не будетъ внесенъ сполна. Въ замѣнъ этого за свои привиллегіи, которыми пользовался въ имѣніи, въ особенности въ лѣсахъ помѣщика, онъ получалъ соотвѣтствующее вознагражденіе также въ надѣлѣ землею или деньгами,—что дѣлалось большею частію по взаимному соглашенію. Патримоніальная власть, судъ и полиція, оставались въ деревняхъ прежнія, исключая тѣхъ мѣстностей, гдѣ былъ введенъ кодексъ Наполеона и французское судебное устройство, но съ того времени, какъ патримоніальныя права послѣ 1848 года были окончательно уничтожены въ Пруссіи, они постепенно исчезаютъ и повсюду. Вообще мы должны сказать, что при разрѣшеніи этихъ отношеній, хотя и былъ выше всего поставленъ всеобщій мотивъ государственнаго благосостоянія, но при самомъ исполненіи постоянно имѣлись въ виду и признавались существовавшія положительныя основы права.

Мы здѣсь приведемъ въ особенности одинъ примѣръ, который можетъ служить нѣкоторымъ образомъ руководствомъ при обсужденіи русскихъ отношеній.

Герцогство Померанское было, какъ извѣстно, раздѣлено между короною шведскою и короною прусскою. Страна эта во время тридцатилѣтней войны была чрезвычайно опустошена. Бо́льшая часть мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ деревняхъ оставались необработанными, дворянству было трудно находить людей, которые бы селились въ деревняхъ и обработывали прилежавшія къ нимъ поля. Однакожъ, мало по малу страна опять заселилась; въ шведской Помераніи, подъ преобладающимъ вліяніемъ юристовъ римскаго права университета грейфсвальдскаго, утвердился тотъ юридическій принципъ, что всякая поземельная собственность есть безусловная собственность владѣльца, что крестьяне не имѣютъ ни малѣйшаго права собственности или пользованія на землю, но что они крѣпостные владѣльца, а потому владѣлецъ обязанъ питать ихъ и вообще заботиться о нихъ. На дѣлѣ это было не такъ худо: крестьяне жили въ деревняхъ на старыхъ, однажды на всегда выдѣленныхъ крестьянскихъ земляхъ, и отправляли барщину на помѣщичьихъ имѣніяхъ по извѣстнымъ обычнымъ, хотя и не предписаннымъ закономъ правиламъ. Въ 1808 году король шведскій вдругъ неожиданно уничтожилъ крѣпостное право de but en blanc, не сдѣлавъ никакихъ приготовленій къ этому и нисколько не позаботившись объ участи бывшихъ крѣпостныхъ. Послѣдствіемъ этого было то, что принадлежавшія дворянамъ крестьянскія деревни, за исключеніемъ деревень князя Путбуса, совершенно исчезли. Владѣльцы образовали изъ принадлежавшихъ крестьянамъ земель новыя большія экономіи, такъ называемые форверки; бывшіе крѣпостные частію обратились къ промысламъ и ушли въ города, или въ качествѣ батраковъ остались при владѣльческихъ имѣніяхъ, живутъ или въ своихъ старыхъ домахъ или вновь выстроенныхъ для нихъ владѣльцами общихъ помѣщеніяхъ для батраковъ. Большею частію заключены контракты, на основаніи которыхъ эти батраки должны постоянно работать у владѣльца;

въ уплату за это они получаютъ помѣщеніе, огородъ, всѣ жизненные припасы и небольшую сумму денегъ. Въ сосѣднемъ Мекленбургѣ состояніе почти точно такое же. Обыкновенно въ отношеніи къ пищѣ эти батраки довольствуются гораздо лучше не только вольныхъ поденщиковъ, но даже большей части крестьянъ въ Германіи; заботъ у нихъ нѣтъ, такъ-какъ владѣлецъ, понуждаемый полицейскими законами, обязанъ заботиться объ нихъ въ старости, въ болѣзни и разныхъ случайностяхъ, но они рѣшительно нисколько не развиты и апатичны ко всему. Земледѣліе и сельское хозяйство находятся въ этихъ мѣстностяхъ въ цвѣтущемъ состояніи; послѣднее всегда можетъ лучше и легче подняться въ большихъ имѣніяхъ, нежели въ крестьянскихъ — но мы твердо стоимъ на томъ, что никакая страна безъ свободнаго крестьянскаго сословія не можетъ имѣть никакой значительной будущности въ политическомъ и соціальномъ отношеніи. Совершенно иначе сельское устройство образовалось въ прусской Помераніи. Здѣсь римскіе грейфсвальдскіе юристы не имѣли никакого вліянія. Прусскіе юристы и законодатели въ Берлинѣ не признавали законности крѣпостного состоянія. Наслѣдственное подданство, которое существовало въ *Маркахъ*, было только слабою тѣнью его. Король Вильгельмъ I-й, вслѣдствіе своего воинственнаго настроенія желавшій, чтобы дворянство давало ему офицеровъ, а крестьяне поставляли годный матеріалъ для простыхъ солдатъ, издалъ законъ, что крестьянское сословіе должно быть сохраняемо въ полномъ своемъ составѣ, что владѣльцы не имѣютъ права уменьшать крестьянскіе поземельные участки и соединять ихъ съ своими имѣніями, что поэтому каждый крестьянскій участокъ, большой ли онъ или малый, они должны всегда сохранять во владѣніи крестьянина, что затѣмъ и узаконенные издѣльную повинность и оброки они могутъ налагать на крестьянъ только въ такомъ размѣрѣ, чтобы крестьянинъ былъ всегда въ состояніи, годномъ для государственныхъ требованій.

Такимъ образомъ помѣщики здѣсь не были дѣйствительными собственниками того поземельнаго участка, который обработывалъ крестьянинъ. Крестьянское сословіе въ качествѣ особеннаго сословія имѣло, напротивъ, право на пользованіе крестьянскими участками. Когда поэтому послѣ войнъ освобожденія наслѣдственное подданство было уничтожено, крестьяне въ прусской Помераніи остались владѣтелями своихъ участковъ, выплативъ свои барщины и оброки издѣльнымъ трудомъ или денежнымъ капиталомъ. Патримоніальная власть, судъ и полиція остались тогда еще за помѣщиками и были отняты у нихъ лишь вслѣдствіе движенія 1848 года.

Сообщимъ здѣсь еще замѣтку о сельскомъ устройствѣ въ Ирландіи, которое также не худо имѣть въ виду при обсужденіи устройства русскихъ сельскихъ отношеній. Въ XVI столѣтіи мы видимъ Ирландію раздѣленною между семейными отраслями или родами. кланами (Klanschaften). Кланъ былъ связанъ крѣпкими узами общей крови, онъ образовалъ единство, и всѣ члены клана имѣли одно общее названіе; во главѣ стоялъ лердъ (Laird), старшій сынъ и потомокъ старѣйшаго родоначальника. Къ нему всѣ члены клана находились въ извѣстномъ, тщательно опредѣленномъ и твердо установленномъ семейномъ отношеніи, смотря по степени своего родства. Эти степени были распредѣлены въ числахъ; малѣйшій и бѣднѣйшій членъ, приходившійся, можетъ быть, въ двѣсти-тридцатой степени родства съ лердомъ, имѣлъ, однакожъ, чувство и гордость, что въ немъ течетъ та же самая кровь, и что онъ также представитель славы и чести клана, какъ и всякой другой членъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ питалъ едва-ли когда нибудь исполнимую надежду, что если 229 членовъ, находящихся между нимъ и лердомъ, по волѣ Божіей выбудутъ отъ войны или язвы, то лердство перейдетъ къ нему. Поземельная собственность принадлежала клану, но лердъ былъ единственный представитель ея, онъ одинъ дѣлилъ участки для пользованія по своему произволу между всѣми членами клана и налагалъ на нихъ по своему усмотрѣнію оброкъ, которымъ жилъ онъ съ своимъ семействомъ. Когда послѣ кровопролитной войны, имѣвшей болѣе или менѣе религіозный характеръ, Ирландія была порабощена Англіею, главы народа, лерды, были или уничтожены, или изгнаны. Поземельные участки, на которые смотрѣли какъ на собственность лердовъ, были конфискованы правительствомъ и розданы большею частію англійскому дворянству. Съ того времени они стали считаться безусловною собственностію новыхъ владѣльцевъ, которая въ такомъ именно смыслѣ была охраняема и закономъ. Новый владѣлецъ не былъ болѣе семейнымъ главою клана, онъ не имѣлъ никакой связи съ прежними членами клана, они принадлежали другой націи, они имѣли другую религію, другіе нравы, одежду и образъ жизни; но они не были и его крѣпостными или рабами, онъ не имѣлъ ни малѣйшей обязанности пропитывать ихъ и сохранять, они были свободны, какъ птицы и могли идти куда имъ было угодно, или даже могли быть выгнаны совершенно чуждымъ имъ владѣльцемъ, еслибы ему представилось полезнѣе изъ бывшей доселѣ пашни образовать въ своемъ имѣніи большое пастбище. Бѣдствіе ирландскаго сельскаго народонаселенія, продолжающееся уже очень давно, выселеніе отсюда двухъ милліоновъ народу въ теченіе очень немногихъ лѣтъ—вотъ послѣдствія такого вполнѣ печальнаго состоянія, устроеннаго и охраняемаго закономъ. Чтобы положить конецъ подобному злу, нѣмецкій ученый, конечно, посовѣтывалъ бы англійскому правительству принять прусскіе законы, которые уничтожили бы сказанное устройство; но англичанинъ при своемъ строгомъ сознаніи неприкосновенности права, отвѣтитъ на

это, что подобная конфискація неоспоримой собственности была бы паденіемъ Англіи.

При разсмотрѣніи и сравненіи сельскаго устройства въ Россіи ближе всего представляется образованіе этого устройства въ остзейскихъ губерніяхъ—Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Здѣсь издревле жили финскія и латышскія племена. Страны эти были завоеваны рыцарями меча и нѣмецкаго ордена. Послѣдніе основали здѣсь города и населили ихъ нѣмецкими бюргерами, давъ имъ нѣмецкое городовое устройство (любекское право). Земля, за исключеніемъ того, что было удержано орденомъ для своихъ собственныхъ нуждъ и что имъ было дано для вновь построенныхъ городовъ, была раздѣлена между призванными нѣмецкими дворянами; послѣдніе образовали помѣстья, экономіи; порабощенные народы сдѣлались крѣпостными, на томъ же точно основаніи и съ тѣми же правами, какъ были крѣпостные въ Германіи. Собственно рабство было запрещено каноническимъ правомъ; есть еще и теперь буллы тогдашнихъ папъ, которыя запрещали признавать и трактовать какъ рабовъ всѣхъ тѣхъ изъ этихъ языческихъ народовъ, которые сдѣлались христіанами. Позднѣе Эстляндія и Лифляндія подпали подъ власть шведовъ, а при Петрѣ I подъ власть Россіи. Курляндія удержала своихъ собственныхъ герцоговъ, но наконецъ и она въ концѣ прошлаго столѣтія также подпала подъ власть Россіи. Подъ властію всѣхъ этихъ правительствъ и ихъ законодательствъ оставалось твердымъ то начало права, что поземельные участки безусловно принадлежатъ владѣльцамъ, какъ собственность, и что крестьяне не имѣютъ никакого вида права пользованія на обработываемые ими участки.

Такимъ образомъ, здѣсь дѣйствовали тѣ же начала права, какія и въ Шведской Помераніи. Когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія крѣпостное состояніе было здѣсь уничтожено, то явились тѣ же и послѣдствія: крѣпостные сдѣлались лично свободными, но поземельные участки остались собственностью владѣльцевъ. Но дѣло сдѣлалось иначе, нежели въ Шведской Помераніи. Крестьяне остались въ своихъ старыхъ деревняхъ и хозяйствахъ, и постепенно образовалась система арендаторства, что въ Курляндіи, которая въ цѣломъ обработывалась отдѣльно лежавшими хозяйствами (подворное устройство), для крестьянъ выходило довольно выгодно. Въ Лифляндіи это было не такъ выгодно, но въ недавнее время и тамъ сдѣланы значительныя улучшенія. Намъ сообщали, что со стороны дворянства въ этихъ провинціяхъ дѣлаются усилія, чтобы консолидировать крестьянъ пріобрѣтеніемъ поземельной собственности. Лифляндское дворянство при своихъ кредитныхъ учрежденіяхъ открыло кассы, изъ которыхъ крестьяне, нашедшіе случай пріобрѣсть поземельный участокъ, могутъ всегда получить себѣ деньги за умѣренный процентъ. Эстляндское дворянство въ послѣдніе годы ассигновало для такихъ пособій 1 мил. рублей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ принесены имъ даже существенныя жертвы, чтобы надѣлить крестьянъ поземельною собственностію. Господинъ Ф. назначилъ для этого значительное имѣнье. Онъ могъ бы продать его дорого, но онъ уступилъ это имѣнье своимъ крестьянамъ 50,000 рублей дешевле, нежели предлагали ему за него другіе.

Обратимся теперь снова къ русскому сельскому устройству и посмотримъ: 1) принадлежитъ ли здѣсь поземельный участокъ, который доселѣ обработывали крестьяне, въ качествѣ безусловной собственности, владѣльцу? 2) съ юридической точки зрѣнія дѣлается ли несправедливость владѣльцамъ, когда они понуждаются законодательствомъ передать эти поземельные участки крестьянамъ сначала за умѣренную наемную плату, а потомъ за опредѣленный выкупъ?

Изъ представленныхъ выше соображеній читатель, конечно, убѣдился уже, что западноевропейскія начала права въ Россіи не могутъ имѣть никакого примѣненія. Все ея соціальное состояніе, ея происхожденіе и ея исторія показываютъ намъ, что собственно въ Россіи (исключая западныхъ губерній) начала права поземельной собственности не могутъ имѣть никакого примѣненія. Права дѣйствительной личной поземельной собственности никогда не существовало въ Россіи; вся земля, во всемъ своемъ составѣ, принадлежала поселившемуся на ней русскому народу; пользованіе поземельными участками было патріархальными властями раздѣляемо между племенами, общинами, семьями, но при этомъ они не получали права собственности на участокъ, находившійся въ ихъ пользованіи. Впослѣдствіи цари раздавали также своимъ служилымъ людямъ (дворянству) поземельные участки въ пользованіе на извѣстное время; такимъ образомъ, послѣдніе также не получали права собственности. Крестьяне, обыкновенно жившіе по русскому обычаю въ общинахъ, принимали на себя обработку полей съ обязательствомъ уплачивать натурою извѣстною частью жатвы (половинки). Но когда Борисъ Годуновъ объявилъ крестьянъ прикрѣпленными къ мѣсту, гдѣ они жили gleбae adscripti, то поземельные участки хотя и не сдѣлались ихъ собственностію, но они сами сдѣлались нераздѣльною (integrirender) отъ нихъ частію. Съ этого времени земля могла отдаваться служебному дворянству въ пользованіе, только подъ тѣмъ подразумѣвавшимся между собою условіемъ, чтобы жившіе на ней прикрѣпленные gleбae adscripti, т.-е. крестьяне, отъ нея получали свое пропитаніе. Когда впослѣдствіи имѣнія, находившіяся во владѣніи дворянъ, отданы были Петромъ I-мъ имъ въ собственность, то это опять, по принятому принципу, совершилось только подъ тѣмъ условіемъ, что за крестьянами осталось ихъ право на пропитаніе отъ этихъ имѣній, они были нѣкоторымъ образомъ сервитутомъ поземельной собственности. Это воззрѣніе русскаго народа

вполнѣ вѣрно было выражено бывшими крѣпостными крестьянами, которые говорили: «мы принадлежимъ господину, но земля принадлежитъ намъ, мы съ нею нераздѣльны». Этотъ же принципъ выразило и русское законодательство, запрещавшее продавать крѣпостного крестьянина безъ земли.

Изъ сказаннаго нами ясно, что законодательство не нарушило принципа собственности тѣмъ, что оно сохранило крестьянамъ осѣдлость въ ихъ деревняхъ, удержало за ними ихъ усадьбы и дало имъ для пропитанія поземельные участки за извѣстный выкупъ».

Такъ авторъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, что русская крестьянская реформа совершена вполнѣ легально.

Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что авторъ говоритъ относительно характера поземельной собственности въ Россіи. Но намъ кажется, что онъ слишкомъ рѣзко выдѣляетъ изъ этого общаго характера поземельную собственность остзейскихъ губерній. Когда Россія, покоривъ своей власти эти губерніи, признала въ нихъ существующее крестьянское устройство, то признала на общемъ основаніи съ остальною Россіею, т.-е. подъ тѣмъ же подразумѣваемымъ условіемъ, что крестьяне составляютъ необходимый сервитутъ поземельной собственности. Что въ началѣ нынѣшняго столѣтія имъ даровано, вслѣдствіе существовавшихъ тогда односторонніхъ воззрѣній на общественное благосостояніе, только личная свобода, безъ всякихъ опредѣленныхъ правъ на какое бы то ни было пользованіе землею, то этимъ нисколько не исключалось подразумѣваемое имъ право питаться отъ той земли, которой они были коренные насельники. Еслибы правительство хоть одну минуту думало такъ, то ему стоило только дозволить имъ выбирать мѣста для поселенія въ Россіи. Но это право, какъ извѣстно, всегда было стѣсняемо въ пользу землевладѣльцевъ остзейскихъ въ томъ несомнѣнномъ предположеніи, что свободные крестьяне, необходимые для земледѣлія остзейскаго края, чрезъ полюбовныя сдѣлки съ землевладѣльцами, мало по малу достанутъ себѣ землю въ собственность или, по крайней мѣрѣ, будутъ имѣть отъ земли лучшее пропитаніе, чѣмъ какое имѣли они, будучи крѣпостными. Отсюда ясно уже, что шведская Померанія не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ остзейскими губерніями. Тамъ крестьяне живутъ по необходимости батраками, потому что нѣтъ свободныхъ земель для ихъ поселенія. У насъ этой необходимости не существуетъ. Тамъ они, кромѣ того, самими владѣльцами выискапы и привлечены въ ихъ помѣстья. У насъ остзейскіе крестьяне коренные жители страны. Наконецъ, если Пруссія не сочла нужнымъ сообразоваться относительно своей Померанія со взглядомъ грейфсвальдскихъ юристовъ и предпочла имъ своихъ берлинскихъ, то почему бы Россія должна была преклоняться передъ воззрѣніями грейфсвальдскихъ и даже берлинскихъ юристовъ, а не своихъ русскихъ?

Пріятно видѣть, что сами остзейскіе владѣльцы, въ виду русской крестьянской реформы, стали смотрѣть на свои владѣльческія права нѣсколько иначе, нежели понимаетъ ихъ баронъ Гакстгаузенъ. Ихъ патріотическія попытки, конечно, пока незначительныя, помочь своимъ крестьянамъ въ пріобрѣтеніи въ собственность поземельныхъ участковъ, показываютъ, что лучшіе люди сознали между ними, что рано или поздно ихъ батраки-крестьяне должны сдѣлаться собственниками. И въ самомъ дѣлѣ, было бы странно и даже немножко дико видѣть, чтобы на всемъ пространствѣ русскаго царства одна только передовая нѣмецкая интеллигенція, въ которой императоръ Александръ I хотѣлъ видѣть предтечу и образецъ для русской интеллигенціи въ поступленіи на пути прогресса, осталась отставшею отъ всей Россіи!

II.

Доказавъ легальность русской крестьянской реформы, баронъ Гакстгаузенъ переходитъ къ вопросу о томъ, благовременно ли она была совершена и въ тѣхъ ли размѣрахъ, въ какихъ это требовалось? Онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ съ двухъ сторонъ: вопервыхъ, дѣйствительно ли положеніе крѣпостныхъ крестьянъ было такъ тяжело, что требовалось немедленно полное разрѣшеніе всякой зависимости ихъ отъ помѣщиковъ, а вовторыхъ, способенъ ли русскій крестьянинъ къ тому, чтобы безъ всякой опеки добропорядочно вести себя и быть хорошимъ хозяиномъ и земледѣльцемъ?

Авторъ добросовѣстно разсматриваетъ всѣ имѣющіеся у него подъ руками источники по этому предмету и pro и contra, и защитниковъ, и противниковъ крѣпостного права. Къ сожалѣнію, эти источники очень скудны не только заграницей, но и у насъ въ Россіи. Исторія крѣпостного права и его ужасовъ еще впереди. Настоящее еще слишкомъ близко къ нему и слишкомъ заинтересовано въ дѣлѣ, чтобы могли быть обнародованы къ общему свѣдѣнію всѣ бывшія безобразія. Вотъ почему баронъ Гакстгаузенъ, убаюкиваемый сладкими пѣснями защитниковъ крѣпостного права, находится въ колебательномъ состояніи при разсмотрѣніи означенныхъ вопросовъ. Но въ концѣ концовъ и онъ, по разнымъ соображеніямъ, признаетъ необходимость полнаго уничтоженія всякой крѣпостной зависимости. Но по второму вопросу, то есть по вопросу о способности русскаго крестьянина быть хорошимъ крестьяниномъ безъ всякой опеки, онъ остается въ сомнѣніи. Петербургскія замѣчанія особенно въ этой части разсужденія основательно и мѣтко вразумляютъ автора относительно тѣхъ заблужденій, въ которыя онъ вводится защитниками крѣпостного права.

«Крѣпостное право въ его вліяніи на крестьянъ—говоритъ баронъ Гакстгаузенъ—разсматривается и изображается весьма различно. Писатели-противники крѣпостного права рисуютъ его самыми черными красками, о хорошихъ же сторонахъ его и полезныхъ или вовсе не говорятъ, или рѣшительно отвергаютъ ихъ, тогда какъ, напротивъ, защитники именно эти стороны его только и выставляютъ. Если разсмотримъ длинный рядъ обвиненій, который выставляетъ противъ крѣпостного права и рабства Тургеневъ въ своемъ сочиненіи: «Russland und die Russen» 1847 г., то, признавая даже совершенную истину приводимыхъ имъ фактовъ и того бѣдственнаго состоянія, причину котораго онъ *несправедливо* видитъ въ крѣпостномъ состояніи, мы найдемъ, что факты эти говорятъ не противъ существа дѣла, не противъ glebae adscriptio, то-есть прикрѣпленія крестьянъ, но частію противъ неправильнаго пользованія этимъ правомъ, противъ растяженія его далѣе должныхъ границъ—фактъ, конечно, весьма прискорбный, частію противъ нарушеній и злоупотребленій закона, къ сожалѣнію, весьма нерѣдкихъ. Конечно, уже по одному тому, что крѣпостное право подавало поводъ къ злоупотребленіямъ, оно должно было подвергаться справедливымъ порицаніямъ. То же самое должно сказать и о другихъ писателяхъ, писавшихъ противъ крѣпостного права, напримѣръ, о князѣ Долгоруковѣ. Но чтобы достаточно былъ изслѣдованъ и разсмотрѣнъ вопросъ о томъ: не лучше ли бы было, устранивъ злоупотребленія и дурныя стороны крѣпостного права, сохранить прикрѣпленіе (adscriptio glebae), котораго, можетъ бы, можно бы было желать по весьма уважительнымъ причинамъ — въ этомъ иной изслѣдователь можетъ, пожалуй, и усомниться. Тѣмъ болѣе покажется ему сомнительнымъ, чтобы совершенное уничтоженіе крѣпостного права дѣйствительно положило конецъ бѣдственному положенію крестьянъ, если только жалобы государственныхъ крестьянъ основательны. Еслибы вздумали утверждать, что бывшіе крѣпостные, сдѣлавшись свободными, избѣгнуть участи государственныхъ крестьянъ, потому что они будутъ полными собственниками владѣемаго ими поземельнаго участка, то съ этимъ едва-ли согласится человѣкъ, хорошо знакомый съ характеромъ крестьянскаго быта. Бытъ этотъ можетъ улучшиться только тогда, когда улучшится составъ чиновничества».

Но авторъ самаго неблагопріятнаго мнѣнія о русскихъ чиновникахъ. Онъ говоритъ, что надобно еще долго ждать, пока при помощи воспитанія и образованія эта среда измѣнится къ лучшему въ Россіи. Единственный, по мнѣнію автора, разсадникъ хорошихъ чиновниковъ въ Россіи—это «училище правовѣдѣнія», а чиновниковъ изъ этого заведенія пока очень мало.

Какъ здѣсь, такъ во всей книгѣ барона Гакстгаузена проводится та мысль, что русскій крестьянинъ пока не можетъ быть добропорядочнымъ, если не безъ опеки, то безъ нѣкотораго призора или руководства. Но какъ русское чиновничество очень деморализировано и руководителемъ его быть не можетъ, то, по воззрѣнію барона Гакстгаузена, и было бы полезно оставить его въ извѣстной зависимости отъ дворянства. Что русскій крестьянинъ надѣленъ землею и сдѣлался полнымъ собственникомъ своего участка, — это, по воззрѣнію барона Гакстгаузена, дѣло очень хорошее. Но лучше бы было еще, еслибы при этомъ оставить его въ извѣстной зависимости отъ землевладѣльцевъ, отъ дворянства. Барону Гакстгаузену предносился при этомъ случаѣ, какъ мы еще будемъ имѣть случай увидѣть ниже, образъ англійскихъ джентри. Но это, очевидно, идеализація. При крѣпостномъ правѣ отъ помѣщиковъ очень немногое требовалось, чтобы пріобрѣсть нравственный авторитетъ и уваженіе въ глазахъ подвластныхъ имъ крестьянъ; однакожъ, этого не случилось. Примѣчаніе изъ Петербурга говоритъ въ защиту чиновничества барону Гакстгаузену, что русскіе чиновники падали не съ неба; они брались изъ того же дворянства, но дворяне на службѣ и государственной, и выборной, были ничѣмъ не лучше другихъ; что если была деморализація между чиновничествомъ, то деморализація была общая, и что если есть возможность уничтожить эту деморализацію и создать то идеальное дворянство, о которомъ мечтаетъ авторъ, то это возможно именно только тѣмъ путемъ, которымъ пошло правительство, то-есть полнымъ освобожденіемъ крестьянъ отъ власти помѣщиковъ и надѣленіемъ ихъ землею съ правами полныхъ собственниковъ. Въ доказательство этого *примѣчаніе* указываетъ на мировой институтъ.

«Эта новая институція—говоритъ примѣчаніе изъ Петербурга—очень удалась, хотя должность мировыхъ посредниковъ иногда занимаютъ личности очень посредственныя. Мировые посредники всѣ брались изъ дворянства, даже большею частію (на первое время) выбирались исключительно одними дворянами. Лица, занимавшія должности мировыхъ посредниковъ, прежде были или чиновниками или просто помѣщиками. Большею частію это были личности лучшія въ дворянствѣ, но нѣкоторые изъ нихъ на прежнихъ своихъ постахъ были далеко небезупречны. Знаютъ нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ, которые прежде, будучи чиновниками, брали взятки, другіе, какъ помѣщики, отличались своею жестокостію. И однакожъ эти же самыя личности отправляютъ честно и безупречно обязанность мировыхъ посредниковъ! Это служитъ доказательствомъ, что отношенія, въ которыхъ дѣйствуетъ человѣкъ, имѣютъ огромное вліяніе на его дѣятельность и даже нравственныя свойства. Герои добродѣтели, которые остаются добродѣтельными среди всѣхъ условій, почти также рѣдки, какъ и злодѣи, которые дѣйствуютъ злобно при всякой обстановкѣ.

«Масса людей дѣйствуетъ *хорошо*, когда ей приходится дѣйствовать среди хорошей, здоровой среды, когда добрые поступки выгоднѣе, нежели дурные, и законъ бодрствуетъ, чтобы преслѣдовать злое, и напротивъ *дурно*, въ той средѣ, гдѣ самое положеніе вещей даетъ ей поводъ къ соблазну. Какъ часто намъ случалось видѣть, что нѣмцы изъ образованнаго средняго сословія, переселившись въ Россію и вступивъ здѣсь въ государственную службу или въ управляющіе имѣніями, далеко превосходили русскихъ чиновниковъ своею продажностію, а русскихъ помѣщиковъ своею жестокостію.

«Институція мировыхъ посредниковъ именно такъ обставлена, что въ этой должности трудно дѣйствовать дурно. Во-первыхъ, въ общественномъ мнѣніи эта должность стоитъ высоко, потому что только отъ мирового посредника можно надѣяться мирнаго разрѣшенія вопросовъ безъ опасныхъ столкновеній. Далѣе мировые посредники получаютъ довольно хорошее содержаніе, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ, при ихъ недостаточныхъ средствахъ, очень важно, и наконецъ (что особенно важно) посредникъ поставленъ подъ непосредственный контроль общественнаго мнѣнія. Онъ рѣшаетъ дѣла между двумя сторонами (помѣщиками и крестьянами), поставленными закономъ въ такое равновѣсіе, что каждая изъ нихъ является къ посреднику съ одинаковою жалобою на нарушеніе закона въ пользу противной стороны. Еслибы такое нарушеніе закона было дѣлаемо посредникомъ за взятки, то его положеніе было бы весьма неловко: его обвинило бы не только начальство, но и общественное мнѣніе. Кромѣ того и вообще чиновничество въ Россіи сильно улучшилось; взяточничество, бывшее прежде въ обычаѣ, сдѣлалось теперь исключеніемъ, и это произошло не отъ основанія и дѣятельности училища правовѣдѣнія (которое имѣетъ скорѣе энциклопедическій, нежели спеціальный и ученый характеръ, страдаетъ всѣми недостатками закрытыхъ учебныхъ заведеній, и только въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ можетъ имѣть вліяніе на оставляющихъ его стѣны), но отъ дѣйствія болѣе свободной прессы, отъ развитія болѣе здороваго общественнаго мнѣнія, отъ коренныхъ преобразованій нѣкоторыхъ отжившихъ институцій. Уничтоженіе крѣпостного права также сильно содѣйствовало къ истребленію прежнихъ злоупотребленій, такъ какъ черезъ это съ одной стороны навсегда исчезла одна изъ гибельнѣйшихъ школъ произвола и насилія, съ другой положеніе чиновника передъ лицомъ свободнаго народа, начинающаго уже чувствовать свои права, стало совершенно другое, нежели положеніе прежнихъ чиновниковъ, стоявшихъ передъ глубоко погрязшимъ въ рабствѣ народомъ, который при своихъ сношеніяхъ съ чиновничьимъ міромъ имѣлъ въ виду, какъ образецъ, свои отношенія къ помѣщику и никогда не имѣлъ смѣлости пожаловаться на чиновника, позволявшаго себѣ дѣлать самыя постыдныя вымогательства и злоупотребленія».

Здѣсь оканчивается *петербургское примѣчаніе*, и мы снова обратимся къ разсужденію барона Гакстгаузена.

Въ подтвержденіе того, что положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи было ничѣмъ не хуже положенія крестьянъ государственныхъ или, по крайней-мѣрѣ, не такъ безотрадно дурно, какъ о немъ думаютъ, авторъ приводитъ отзывы защитниковъ крѣпостного права въ Россіи. Самымъ ярымъ изъ этихъ защитниковъ является нѣкто Цандо (Zando), издавшій въ 1855 году книгу подъ названіемъ: «Russische Zustände im Jahre 1855». Цандо говоритъ, что большая часть русскаго дворянства обращается съ своими крѣпостными справедливо и снисходительно, и что противное этому встрѣчается какъ рѣдкость. Гакстгаузенъ не вѣритъ самъ этимъ увѣреніямъ Цандо. «Такія мягкія, отрадныя, розовыя воззрѣнія на крѣпостное право—говоритъ онъ—нашли бы себѣ весьма мало сочувствія въ Россіи». Но, продолжаетъ онъ, audiatur et altera pars. Цандо говоритъ далѣе, что правительство самымъ строгимъ образомъ блюдетъ за отношеніемъ помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ и строго наказываетъ виновныхъ въ противозаконномъ обращеніи съ ними. Цандо хвалится, что онъ изъ четырнадцатилѣтняго опыта знаетъ управленіе, народный характеръ, языкъ и нравы Россіи, что онъ объѣздилъ болѣе 25 губерній во всѣхъ направленіяхъ и имѣлъ случай самымъ точнымъ образомъ изучить отношенія крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ. Съ небольшими исключеніями—говоритъ онъ—отзывы первыхъ о помѣщикахъ, вопреки его ожиданію, были благопріятны и удовлетворительны, хотя нѣкоторые и горько жаловались на управляющихъ, небоявшихся злоупотреблять своею властію безъ вѣдома и противъ воли благомыслящихъ собственниковъ. По заявленію Цандо, были очень часто случаи, что крѣпостные крестьяне и дворовые отказывались отъ доставшейся или даруемой имъ свободы или принимали ее неохотно. Объ улучшеніяхъ, которыя были сдѣланы императоромъ Николаемъ въ управленіи, въ особенности въ организаціи чиновничества, Цандо отзывается съ величайшею похвалою и говоритъ, что ими было произведено радикальное преобразованіе. Онъ утверждаетъ даже, что не было ни одного примѣра законопреступнаго дѣйствія русскихъ чиновниковъ, которое не было бы строго наказано (что, конечно, замѣчаетъ Гакстгаузенъ, надобно разумѣть о тѣхъ только дѣйствіяхъ, которыя дошли до свѣдѣнія императора).

Кромѣ Цандо Гакстгаузенъ указываетъ на недавно изданную на англійскомъ языкѣ книгу Зутерланда Эдварда, подъ названіемъ: «The Russians at home», въ которой также самымъ благопріятнымъ образомъ изображаются отношенія помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ.

«Вмѣсто несчастнаго крѣпостного — говоритъ эта книга—который стонетъ подъ плетью фохта, иностранцы находятъ здѣсь селянина, у котораго есть свой домъ и свой кусокъ земли, на который онъ смотритъ какъ на свою собственность, есть лошадь и корова, составляющія также его собственность, которыхъ притомъ владѣлецъ деревни долженъ завести ему вновь, если онѣ падутъ,—селянина, который за всѣ эти выгоды работаетъ три дня въ недѣлю на своего владѣльца, а остальные четыре дня имѣетъ въ своемъ распоряженіи, и притомъ отъ всякаго обязательства даже къ такой барщинѣ онъ можетъ освободиться ежегодною платою оброка, который рѣдко превышаетъ 11 талеровъ».

Всѣ эти отзывы защитниковъ крѣпостничества баронъ Гакстгаузенъ повторяетъ не въ качествѣ только добросовѣстнаго изслѣдователя, обязаннаго выслушать и противную сторону—audiatur et altera pars; нѣтъ, во многомъ онъ самъ раздѣляетъ ихъ розовыя воззрѣнія и повторяетъ тѣ же басни, которыя разсказываютъ и они. Такъ, разсказывая исторію поземельныхъ отношеній въ Россіи, баронъ Гакстгаузенъ говоритъ между прочимъ: «Прикрѣпленіе—glebae adscriptio и крѣпостное состояніе собственно крестьянъ-землевладѣльцевъ въ матеріальномъ отношеніи не было нисколько тягостнымъ. Оно представляло чисто патріархальное, благодѣтельное отношеніе между крѣпостными и ихъ владѣльцами. Крѣпостной въ своемъ деревенскомъ общинномъ устройствѣ имѣлъ достаточный просторъ для личной свободы. Съ паспортомъ своего господина онъ могъ ходить по всему русскому царству и заниматься какимъ угодно промысломъ; надобно отдать при этомъ честь зажиточной части русскаго дворянства, что они не отягощали своихъ крестьянъ оброками. Крестьяне одного богача N и другихъ значительныхъ владѣльцевъ платили гораздо меньше государственныхъ крестьянъ, имѣя при этомъ весьма сильную защиту въ своихъ господахъ противъ разныхъ крючкодѣйствъ чиновниковъ. Мы также не встрѣчали, чтобы помѣщичьи крестьяне желали перемѣнить свое крѣпостное состояніе на положеніе государственныхъ крестьянъ; намъ разсказывали, что у покойнаго богача N считалось величайшею немилостью, наказаніемъ, когда онъ говорилъ какому нибудь негодному парню: «я отпущу тебя на волю»; виноватый бросался тогда на колѣни и умолялъ барина оставить его крѣпостнымъ».

Вѣдь могъ же такой серьёзный изслѣдователь, какъ баронъ Гакстгаузенъ, вѣрить не только въ существованіе, но въ искренность подобныхъ идиллій, еслибы онѣ и дѣйствительно когда нибудь случались!!!

Обратимся теперь снова къ отрезвляющимъ петербургскимъ замѣчаніямъ, которыя разбиваютъ въ пухъ и прахъ эти розовыя вѣрованія барона Гакстгаузена.

Относительно того, что крѣпостные часто не хотѣли брать даваемой имъ свободы, петербургское примѣчаніе говоритъ: «зажиточные крѣпостные, пріобрѣтавшіе капиталъ, что бывало часто въ промышленныхъ губерніяхъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣнія были болѣе на денежномъ оброкѣ, и даже тѣ, у которыхъ было мало денегъ, но много силы къ работѣ, употребляли обыкновенно всѣ усилія, чтобы откупиться отъ крѣпостного состоянія; они платили за это часто сотни и даже тысячи рублей. На этомъ общемъ желаніи крѣпостныхъ получить свободу основана была даже извѣстная спекуляція, состоявшая въ томъ, чтобы, купивъ за дешевую цѣну имѣніе, выжать какъ можно бо́льшій выкупъ съ ищущихъ свободы крестьянъ, и быстро возвративъ такимъ образомъ капиталъ, употребить его на новыя подобныя покупки».

Далѣе, другое петербургское примѣчаніе выясняетъ, что прикрѣпленіе и для крестьянъ-земледѣльцевъ было вовсе не такъ легко и патріархально пріятно, какъ думаетъ баронъ Гакстгаузенъ.

«Glebae adscriptio иногда и въ матеріальномъ отношеніи дѣлалось невыносимо-тяжелымъ состояніемъ. Иначе, впрочемъ, это не могло и быть при увеличивающемся хозяйствѣ и при совершенной невозможности твердо регулировать издѣльную повинность. Въ интересѣ помѣщика было обработывать поле, еслибы жатва давала только два или три зерна, потому, что даровой трудъ крестьянъ въ его глазахъ вовсе не имѣлъ такой цѣны, которую надобно бы было принимать въ разсчетъ. Къ этому присоединялись неблагопріятныя климатическія условія континентальнаго климата, въ которомъ время произрастанія такъ коротко, а жатва почти всѣхъ хлѣбовъ поспѣваетъ одновременно, что́ въ данномъ случаѣ имѣетъ великую важность. Существовалъ, правда, законъ еще изъ временъ Павла I-го, что крѣпостные должны быть употребляемы на барщину не болѣе трехъ дней въ недѣлю, но этотъ законъ оставался только на бумагѣ. И исполнять его было совершенно невозможно, съ одной стороны по невозможности контроля, такъ-такъ крестьянинъ не имѣлъ права жаловаться на своего помѣщика, съ другой потому, что помѣщикъ всегда имѣлъ возможность отнять у общины часть поземельнаго участка и потомъ взамѣнъ отнятой части потребовать другихъ работъ. Обыкновенно впродолженіе короткаго періода полевыхъ работъ помѣщики урѣзывали у крестьянина до самой послѣдней крайности время для обработки его собственнаго поля; самую же большую часть времени, безъ отдыха и покоя, крестьяне должны были работать на помѣщика. Особенно тяжелы были тѣ дни, когда всѣ способные къ работѣ крѣпостные въ общинѣ, большой и малый, молодой и старый, должны были работать вдругъ. Такія работы и вообще краткій періодъ жатвы, такъ характеристично названный отъ народа *страдною порою*, дѣйствовалъ весьма сильно

на увеличеніе смертности народонаселенія, въ особенности же женщинъ (которыя въ качествѣ жницъ должны были проводить цѣлый день въ согнутомъ положеніи подъ палящимъ солнцемъ континентальнаго климата) и дѣтей, которыя оставались дома впродолженіе цѣлаго дня безъ всякаго надзора, иногда больные. Гораздо легче былъ длинный зимній періодъ, когда болѣе, чѣмъ на три дня въ недѣлю, работы дѣйствительно не набиралось. Но и въ это время бывало тяжело по причинѣ отдаленности рынковъ, на которыхъ продавалось зерно. Два раза ежегодно долженъ былъ, напримѣръ, каждый крестьянинъ большей части имѣній въ губерніяхъ Тульской, Рязанской, Тамбовской свезти въ Москву хлѣбъ своего господина — и это на разстояніи отъ 200 — 400 верстъ».

Къ двумъ предъидущимъ примѣчаніямъ мы считаемъ не лишнимъ присовокупить здѣсь третье, характеризующее положеніе крѣпостныхъ при императорѣ Александрѣ I. Оно сдѣлано какимъ-то знатокомъ-очевидцемъ по тому поводу, что Гакстгаузенъ въ своемъ историческомъ очеркѣ поземельныхъ отношеній въ Россіи высказалъ, между прочимъ, что хотя еще въ царствованіе императора Александра I возникла мысль объ освобожденіи крестьянъ, но тогда оно не представлялось еще вполнѣ необходимымъ, потому что крѣпостное состояніе собственно крестьянъ вообще не было тяжело; только во время Николая развились внутри Россіи тѣ великія политическія отношенія, которыя потребовали настоятельно взяться за этотъ безконечно важный вопросъ.

«Сильно желали—говоритъ противъ этого помянутый знатокъ-очевидецъ—и сильно хлопотали объ уничтоженіи крѣпостного права, но не достигли почти никакихъ результатовъ. Какъ можно себѣ представить, чтобы положеніе крѣпостныхъ было не тяжко, когда они не имѣли даже права жаловаться на своихъ господъ! Въ лучшемъ еще положеніи находились крѣпостные въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне были болѣе на оброкѣ, какъ-то въ губерніяхъ Ярославской, Владимірской, Нижегородской и т. д. Тамъ крестьянинъ, уплативъ господамъ умѣренный оброкъ, de facto былъ свободенъ въ своемъ образѣ жизни, но и здѣсь онъ не былъ обезпеченъ навсегда противъ ужаснѣйшихъ грабительствъ. Когда, напримѣръ, умиралъ его помѣщикъ или продавалъ свое имѣніе, то крестьянинъ могъ бояться всего. По мѣрѣ развитія роскоши между помѣщиками образовались спекулянты, которые скалачивали себѣ огромныя имѣнія слѣдующимъ образомъ. Покупались на аукціонахъ преимущественно въ оброчныхъ мѣстностяхъ имѣнія. Выплаченную сумму покупщикъ имѣнія старался какъ можно скорѣе выжать изъ богатѣйшихъ крестьянъ. Такимъ образомъ купленное имѣніе, хотя, можетъ быть нѣсколько и неоплаченное, оставалось въ рукахъ новаго помѣщика. Оброкъ на всѣхъ крестьянъ увеличивался и награбленныя деньги поступали на покупку новаго имѣнія и т. д. Мы видали, что первоначальные капиталы въ 20—30.000 руб. превращались такимъ образомъ въ теченіе 15 лѣтъ въ колоссальныя богатства. Еще тяжелѣе было состояніе крестьянъ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣнія были большею частью на барщинѣ, какъ-то въ губерніяхъ Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской и т. д. Можетъ быть, что половина крестьянъ, находясь во владѣніи помѣщиковъ кроткихъ, образованныхъ, гуманныхъ, и не испытывала тяжелаго положенія; за то другая половина состояла или во власти самой грубой и невѣжественной части мелкаго дворянства, которое ничего не знало, кромѣ своихъ матеріальныхъ интересовъ, и необузданно предавалось самымъ грубымъ чувственнымъ страстямъ на счетъ своихъ крѣпостныхъ, или подъ властію еще болѣе грубыхъ управителей, которые замѣняли собою отсутствующихъ помѣщиковъ. Всякій изъ помѣщиковъ, когда только у него была охота распоряжаться своими крѣпостными самымъ грубѣйшимъ и постыднѣйшимъ образомъ, могъ дѣлать что хотѣлъ, совершенно неограниченно и безнаказанно, и нѣкоторые изъ нашихъ нынѣшнихъ дворянъ, родившихся и воспитывавшихся въ своихъ помѣстьяхъ, припоминаютъ изъ своихъ дѣтскихъ лѣтъ (идущихъ, впрочемъ, не далѣе царствованія императора Николая) о разныхъ ужасныхъ дѣлахъ, которыя происходили почти передъ ихъ глазами и которыя вовсе не были въ то время какимъ нибудь рѣдкимъ исключеніемъ. Противъ этихъ ужасовъ возвышался только безсильно голосъ тѣхъ, которые сами не имѣли ничего подобнаго на своей совѣсти и къ своимъ крѣпостнымъ относились съ патріархальною заботливостію и гуманностію. Но чѣмъ можно было ограничить злодѣянія, когда помѣщики были совершенно грубы и невѣжественны, когда крестьянинъ по *закону* не имѣлъ права приносить на нихъ жалобы и когда общественное мнѣніе не осуждало такихъ дѣлъ?»

Не смотря на свои розовыя воззрѣнія относительно крѣпостного права въ Россіи, баронъ Гакстгаузенъ въ концѣ концовъ, какъ мы уже замѣтили выше, приходитъ все-таки къ тому убѣжденію, что въ царствованіе императора Николая патріархальный характеръ его сильно испортился разными случайностями, и что случайности эти были однакожъ такого рода, что ихъ нельзя было уничтожить, не уничтоживъ самаго крѣпостного права, съ которымъ онѣ срослись нерзрывно.

Эти случайности баронъ Гакстгаузенъ видитъ, вопервыхъ, въ умноженіи фабрикъ, и вовторыхъ, въ сильномъ размноженіи мелкопомѣстныхъ имѣній.

«Уже Петръ—говоритъ онъ — признавалъ необходимымъ развить въ Россіи фабричное производство въ значительныхъ размѣрахъ по образцамъ европейскимъ, и дѣлалъ для этого много опытовъ,

но онъ умеръ слишкимъ рано, и планы его остались неисполненными. Въ слѣдующія царствованія дѣло это было оставлено безъ вниманія. Екатерина II-я предпринимала, правда, кой-что, но не съ тою обычною ей энергіею, которую она показывала въ другихъ дѣлахъ. Лишь въ царствованіе императора Николая развились въ этомъ отношеніи величественные планы. Стали говорить, что Россія находится въ постоянномъ убыткѣ отъ несоразмѣрности ввоза съ вывозомъ. Свѣдущій и энергическій министръ графъ Канкринъ начерталъ широкій, стройный планъ и возбудилъ неутомимую дѣятельность. Такъ какъ образованное среднее сословіе въ Россіи едва только начиналось, то онъ долженъ былъ единственное образованное сословіе въ Россіи—дворянство, привлечь къ тому, чтобы оно всюду—въ Москвѣ и другихъ городахъ, а еще лучше, въ своихъ имѣніяхъ, заводило всякаго рода фабрики. Богатые русскіе купцы—люди, хотя и необразованные, но отлично разумные и надѣленные свойственною русскому человѣку переимчивостью, послѣдовали ихъ примѣру; умный и широкій тарифъ оказывалъ всевозможную поддержку процвѣтанію фабричнаго производства. Спустя 20 лѣтъ, страна приняла совершенно другой видъ. Въ разныхъ мѣстахъ были заведены тысячи разнообразныхъ фабрикъ. Большіе города, въ особенности Москва, приняли совершенно другой видъ, другой характеръ. Москва, прежде городъ гордыхъ бояръ, окруженныхъ сотнями тысячъ своихъ холоповъ, производившихъ въ своихъ избахъ невѣроятныя вещи отъ безпутства и лѣни, уже въ 1843 году, когда мы были въ немъ, былъ населенъ сотнями тысячъ трудолюбивыхъ рабочихъ.

«Понятно само собою, что при этомъ новомъ положеніи дѣлъ и соціальныя отношенія русскихъ крестьянъ должны были существенно измѣниться.

«Земледѣліе поднималось очень плохо, несмотря на всѣ поощренія со стороны правительства; народонаселеніе деревень огромными массами устремилось на фабрики—государственные крестьяне по собственной волѣ, помѣщичьи частью по принужденію помѣщиковъ. Для земледѣлія остались только совершенно неспособныя руки и рабочія силы. Въ Московской губерніи, фабричные рабочіе приходили домой въ деревню только недѣли на четыре въ теченіе года, во время обработки полей и во время жатвы, и потомъ снова возвращались къ своему фабричному дѣлу.

«Сотни тысячъ народа, отправлявшіяся на фабрики, портились и нравственно и физически; при этомъ, помѣщики, обыкновенно, употребляли своихъ крѣпостныхъ для работъ не на собственныхъ фабрикахъ — это казалось совершенно непрактично и малоприбыльно — а отдавали ихъ другимъ помѣщикамъ на ихъ фабрики. Естественно, что послѣдніе всего менѣе были расположены имѣть къ нимъ патріархальныя отношенія. Такимъ образомъ, въ крѣпостномъ состояніи развилась во всѣхъ отношеніяхъ такая масса бѣдствій, что правительство все болѣе и болѣе чувствовало необходимость обратить свое вниманіе на это дѣло во всемъ его объемѣ. Уже императоръ Николай имѣлъ твердое намѣреніе уничтожить крѣпостное состояніе; это доказываетъ знаменитый указъ его отъ 2-го апрѣля 1842 года, дозволявшій помѣщикамъ заключать обязательные контракты съ своими крѣпостными. Не есть ли это уже уничтоженіе крѣпостного права въ принципѣ? Рабъ есть вещь, а не правный субъектъ; но въ качествѣ контрагента онъ является по этому указу уже правнымъ субъектомъ. Императоръ Николай не могъ исполнить своей воли; открылись великія затрудненія».

Другая случайность, настоятельно требовавшая уничтоженія крѣпостного права, состояла, по мнѣнію Гакстгаузена, въ огромномъ числѣ мелкопомѣстнаго дворянства. «Что благопріятные отзывы относительно положенія крестьянъ, принадлежавшихъ мелкимъ помѣщикамъ—говоритъ онъ, надобно принимать съ большою осторожностію—это ясно изъ свойства самаго дѣла, и единогласно подтверждается многими писателями, жалующимися въ особенности на дурное состояніе крѣпостныхъ у мелкопомѣстныхъ. Къ сожалѣнію, наибольшее число было именно такихъ. По исчисленію Кеппена, число всѣхъ помѣщиковъ въ Европейской Россіи, за исключеніемъ Земли Войска Донского, простиралось въ 1834 году до 127,103, и изъ нихъ 58,457 владѣли среднимъ числомъ каждый $7,_{70}$ крѣпостныхъ мужскаго пола. Изъ всѣхъ землевладѣльцевъ 46 процентовъ имѣли менѣе, чѣмъ по 21 душѣ мужскаго пола, а 14 процентовъ имѣли только людей и никакой земли».

Но соглашаясь съ тѣмъ, что образовалось такое положеніе вещей, которое требовало немедленнаго уничтоженія крѣпостного права, баронъ Гакстгаузенъ не находитъ, однакожъ, чтобы русскій крестьянинъ былъ приготовленъ къ этому перевороту.

«Всѣмъ извѣстно—говоритъ онъ—что русскій крестьянинъ отличается отъ крестьянъ всѣхъ другихъ народовъ, и даже единоплеменныхъ ему славянскихъ (можетъ быть, это слѣдствіе долговременнаго татарскаго ига), *недостаткомъ крѣпкой привязанности къ родному участку земли* или, можетъ быть, точнѣе сказать, къ своему крестьянскому званію, и потому рождается вопросъ: можно ли, и если можно, то какъ именно можно помочь этому злу законными институціями, которыя безъ извѣстнаго стѣсненія вовсе немыслимы, иначе сказать: при такомъ свойствѣ русскихъ крестьянъ возможна ли полная независимость русскаго крестьянскаго сословія? Въ нѣкоторой связи съ этимъ свойствомъ стоитъ другое, также рѣзко выдающееся въ русскомъ крестьянинѣ свойство—это страсть его къ торгу и кулачничеству, которое въ высшей степени вредно для характера истиннаго крестьянина. Торгующій и барышничающій крестьянинъ, избаловавшись деньгами, дѣлается самолюбивъ, свое-

корыстенъ, падокъ на удовольствія; вмѣстѣ съ этимъ исчезаютъ въ немъ свойства всякаго неиспорченнаго крестьянина, какъ-то: истинная кротость, бережливость и вообще консервативныя наклонности. Отличный знатокъ сельскаго быта въ черноземной полосѣ Россіи. (Beiträge zur Kentniss des Innern von Russland zunächst in landwirtschaftlicher Hinsicht. Leipzig. 1851) Петцольдъ такъ превосходно говоритъ о стремленіи русскаго крестьянина имѣть промыселъ внѣ мѣста родины, что мы считаемъ здѣсь нужнымъ повторить нѣсколько изъ его словъ:

«Этой чужедомной (ausserheimisch) промышленности, которая, какъ по своему объему, такъ и по предметамъ, бываетъ весьма различна, предается крестьянинъ съ большою охотою, по мѣрѣ своего знакомства съ ней, и я ни на одну минуту не усомнюсь сказать, *что для русскаго сельскаго хозяйства надобно почитать счастіемъ*, что вслѣдствіе законно установленныхъ отношеній крестьянина къ господину, въ силу которыхъ крестьянинъ долженъ испросить позволеніе у своего барина, прежде нежели повернется спиною къ плугу, *эта склонность простого человѣка насильственно можетъ быть сдерживаема внутри извѣстныхъ границъ*. Еслибы крестьянину было предоставлено на волю заниматься земледѣліемъ или другими промыслами, а еще лучше торговлею, то легко могло бы случиться, что при земледѣліи не осталось бы нужныхъ силъ».

«Петцольдъ приводитъ таблицу о числѣ государственныхъ крестьянъ, которые въ 1845 году въ 14-ти губерніяхъ брали паспорты и оставляли земледѣліе. Это чйсло простиралось въ губерніи Тверской до 84,931 челов., при народонаселеніи всей губерніи въ 1.320,700 ч.; въ губерніи Полтавской до 76,224 ч., при народонаселеніи въ 1.783,809 ч.; въ губерніяхъ Воронежской, Курской, Харьковской, Пермской, Вятской это число меньше, но, однакожъ, и въ нихъ было не менѣе 52,985 чел.; затѣмъ слѣдуютъ губерніи Эстляндская, Лифляндская, Волынская, Могилевская, Минская, Херсонская, Подольская, въ которыхъ самое большое число было 990, а самое меньшее 311. Онъ показываетъ далѣе, какъ русское правительство еще особеннымъ образомъ поддерживаетъ эту наклонность крестьянъ къ промышленнымъ предпріятіямъ всякаго рода, именно дозволеніемъ производить промыслы всякаго рода во всѣхъ мѣстностяхъ обширнаго царства; преимущественно же тѣмъ, что крестьяне могутъ вступать въ цехи, не перемѣняя своего званія, такъ что этимъ совершенно устраняется необходимость изучать промыселъ сообразно съ цеховымъ уставомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устраняются всякія затрудненія на полученіе права промысла и на открытіе мастерской. Въ Тамбовской губерніи, которую Петцольдъ описываетъ съ особенною подробностью, крестьяне производятъ торговлю многими продуктами, главная же ихъ торговля хлѣбомъ (торговля въ собственномъ смыслѣ этого слова, т.-е. продажа продуктовъ не собственнаго только производства, но продуктовъ, купленныхъ именно для продажи съ цѣлью барыша). Мы думаемъ, что не ошибемся, если этому торгово-барышническому духу припишемъ причину того, что въ русскихъ крестьянахъ недостаетъ нѣкоторыхъ свойствъ, характеризующихъ здоровое крестьянское сословіе. Русскому крестьянину, безъ сомнѣнія, справедливо приписывали высокую степень вѣрности и привязанности къ начальству, сильное семейное чувство, привязанность къ религіи и т. п., но своекорыстіе, которое приноситъ съ собою духъ барышничества, съ теченіемъ времени будетъ несомнѣнно все болѣе и болѣе производить свое вредное вліяніе. Консервативныя наклонности, которымъ и прежде было очень трудно уживаться съ страстью къ бродяжничеству, въ будущемъ, при полной собственности поземельнаго участка съ правомъ отчуждать его, окажутся не довольно сильны для того, чтобы удержать крестьянскіе участки отъ превращенія въ подвижной товаръ. Чтобы въ крестьянинѣ эти консервативныя наклонности утвердились отъ пріобрѣтенія собственности, этого ожидать весьма трудно, тѣмъ болѣе, что будучи еще крѣпостнымъ, онъ смотрѣлъ на обрабатываемую имъ и его предками, со времени Годунова, землю, какъ на свою собственность. Крестьянское самоуправленіе (selfgovernement) доселѣ, кажется, еще не такъ благонадежно, чтобы оно могло обойтись безъ высшаго строгаго присмотра. Какъ крестьянинъ способенъ дѣйствовать противъ собственныхъ своихъ однообщественниковъ, когда онъ въ силѣ, примѣръ тому приводитъ Тургеневъ («Russland und die Russen». Grimma 1847). Онъ говоритъ, что иногда болѣе зажиточные крестьяне покупали у какого нибудь мелкаго помѣщика, цѣлымъ обществомъ, имѣніе съ принадлежащими къ нему крѣпостными (на имя своего помѣщика), и съ этого имѣнія брали всѣхъ рекрутъ, которыхъ они должны бы были поставить сами. Припомнимъ здѣсь и о такъ-называемыхъ міроѣдахъ. Ѳедоръ Вернировъ въ своемъ сочиненіи «Russland im Lichte und Russland in Schatten. Hamburg, 1852» говоритъ: «въ основѣ своей природное настроеніе русскаго человѣка доброе и кроткое, и многіе говорятъ, что по сердцу онъ лучше, чѣмъ всѣ другія націи,— но это только до тѣхъ поръ, пока онъ занимается земледѣліемъ и не бываетъ далѣе окрестностей своей деревни. Какъ скоро онъ дѣлается мелочнымъ торговцемъ въ городахъ, или начинаетъ кулачить по деревнямъ, то развращается и дѣлается самымъ продувнымъ обманщикомъ. Чѣмъ болѣе проходитъ денегъ чрезъ его руки, и чѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ онъ вліянія на торговлю и тому подобныя занятія, тѣмъ онъ гнуснѣйшимъ дѣлается мошенникомъ. Склонность къ воровству онъ, кажется, впрочемъ, всасываетъ съ молокомъ матернимъ». Тотъ же писатель находитъ, что виною плачевнаго положенія русскаго крестьянина

еще болѣе, чѣмъ рабство, служитъ легкомысліе, безпечность, лѣность, апатія—качества, приставшія къ нему отъ самого рожденія; онъ есть и останется самымъ плохимъ земледѣльцемъ и можетъ быть побуждаемъ къ труду только значительными оброками своего барина или начальства, или плетью. Въ доказательство этого, Вернировъ указываетъ на свободныхъ русскихъ крестьянъ, которые по своему особенному положенію платятъ только самые незначительные оброки и почти также независимы, какъ нѣмецкіе крестьяне, и которыхъ хозяйство однакоже въ высшей степени плохо. Изъ этого же національнаго характера русскихъ онъ объясняетъ тотъ извѣстный фактъ, что въ прежнее время, до указа Бориса Годунова 1593 года, многія тысячи вольныхъ людей отказывались, чрезъ полюбовную сдѣлку съ помѣщиками, на извѣстное время отъ своей свободы и дѣлались крѣпостными».

«Почти точно такимъ же образомъ изображаетъ русскій національный характеръ Головинъ («Russland unter Nicolaus I». Leipzig, 1845). Онъ отличается отъ Вернирота только тѣмъ, что вину дурныхъ сторонъ русскаго крестьянина онъ слагаетъ на правительства. Но не справедливѣе ли, говоритъ баронъ Гакстгаузенъ, думать, что характеръ правительства опредѣляется характеромъ народа».

Изъ такихъ нелестныхъ отзывовъ о русскомъ національномъ характерѣ, можетъ слѣдовать одно заключеніе, что русскому народу для его счастія рѣшено судьбами вѣчное, неисходное рабство.

Такъ дѣйствительно, нисколько не стѣсняясь, и выражаются нѣкоторые изъ писателей крѣпостного устоя. «Несмотря на свой практическій умъ — говоритъ Ѳедоръ Вернировъ — русскій крестьянинъ съ давнихъ временъ находился всегда въ самомъ жалкомъ положеніи, если не имѣлъ господина; онъ, повидимому, *назначенъ для рабства*». Шедоферотти въ своемъ сочиненіи «Etudes sur l'avenir de la Russie» (Berlin. 1857) говоритъ: «il est certain, que la majorité des serfs en Russie est très contente de son sort». Даже Петцольдъ, изслѣдователь весьма серьёзный и основательный, выражается такимъ образомъ по поводу русской крестьянской реформы: «я думаю, что уничтоженіе крѣпостного права въ концѣ концовъ послужитъ, вѣроятно, въ пользу помѣщиковъ, но во всякомъ случаѣ оно разоритъ огромное число крестьянъ». Въ объясненіе этого мы должны сказать, что Петцольдъ на крѣпостное право въ Россіи смотритъ едва-ли не розовѣе всѣхъ другихъ писателей. Онъ говоритъ, что «слово *крѣпостной* въ Россіи значило только: *прикрѣпленный къ землѣ* и что въ понятіи его не было ничего похожаго на нѣмецкое leibeigen, что смѣшеніе этихъ разнозначущихъ словъ только подавало поводъ къ злоупотребленіямъ, которыя были тѣмъ легче, что многіе помѣщики, живя вдали отъ своихъ имѣній, предоставляли управленіе своимъ довѣреннымъ, что гдѣ наблюдалъ собственный глазъ помѣщика, тамъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ были примѣры жалобъ». На это баронъ Гакстгаузенъ весьма справедливо замѣчаетъ, что жалобы были бы напрасны, когда законъ не принималъ жалобъ, а кромѣ того, къ самой горькой судьбѣ можно притерпѣться. Вообще баронъ Гакстгаузенъ рѣшительно отрицается отъ крайнихъ выводовъ, которыми русскій народъ приговаривается къ вѣчному рабству, хотя и принимаетъ, какъ мы видѣли, тѣ огульныя обвиненія русскаго народа въ лѣности, безпутствѣ, воровствѣ, нерадѣніи о земледѣліи и т. п., на которыхъ основываются подобные выводы.

Посмотримъ теперь, что по поводу этихъ обвиненій говорятъ *петербургскія примѣчанія*.

Не опровергая того вышеприведеннаго нами заявленія Петцольда, что изъ многихъ губерній крестьяне въ значительномъ количествѣ отправляются на заработки въ другія губерніи, одно изъ примѣчаній говоритъ, что «числа, приведенныя Петцольдомъ, нетолько вполнѣ вѣрны, но и вполнѣ резонны. Почему бы, напримѣръ, 76,224 рабочимъ изъ Полтавской губерніи не отправляться на работу въ смежныя губерніи: Екатеринославскую, Херсонскую, когда здѣсь, при совершенномъ недостаткѣ рабочихъ рукъ, поденная цѣна работы доходила до 1 рубля, между тѣмъ какъ въ Полтавской губерніи, при существующей тамъ системѣ хозяйствъ, земли было очень мало и нельзя было найти никакой работы, такъ-какъ помѣщики имѣли вдоволь своей крѣпостной рабочей силы и могли пользоваться ею? Впрочемъ, теперь крестьяне уже свободны, однакожъ въ земледѣльческихъ губерніяхъ мы не видимъ мѣстностей, покинутыхъ безъ обработки. Напротивъ, крестьяне обрабатываютъ свои поля теперь гораздо прилежнѣе и тщательнѣе, нежели прежде, и уходятъ изъ мѣстъ своего жительства ни чуть не въ большемъ противу прежняго числѣ».

Обвиненіе Вернировомъ русскаго крестьянина въ склонности къ воровству, другое петербургское примѣчаніе называетъ ложнымъ и легкомысленнымъ. «Какъ можно—говоритъ оно—толковать объ общей склонности русскаго народа къ воровству, когда наши помѣщичьи дома въ деревняхъ, въ которыхъ хранятся всѣ наши вещи и деньги, изстари и до настоящаго времени стоятъ съ открытыми дверями и окнами и почти не запираются? То, что на взглядъ Вернирота кажется воровствомъ, есть явленіе совершенно другого рода. Крестьяне дѣйствительно нерѣдко крадутъ по нѣскольку штукъ молодыхъ деревьевъ изъ лѣсу помѣщика или плоды изъ его сада, то-есть *исключительно* такіе естественные продукты, которые Богъ даетъ человѣку безъ его труда. Изъ такого совершенно спеціальнаго воровства ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ современнымъ цивилизованнымъ народомъ, а съ народомъ натуральнымъ, которому еще довольно чужда идея дѣленія собственности въ продуктахъ,

доставляемыхъ природою, и который воспитался, имѣя передъ своими глазами съ одной стороны общинное пользованіе землею и ея произведеніями, а съ другой образъ дѣйствій самого помѣщика, который слишкомъ часто переступалъ границы между своею собственностію и собственностію своихъ крѣпостныхъ. Правда, законъ и не признавалъ никакой разграничительной черты между собственностію крѣпостныхъ и помѣщиковъ, имѣвшихъ на собственность крестьянина полныя права; но за то и крестьянинъ думалъ, что онъ можетъ пользоваться всѣмъ, что производила природа на почвѣ помѣщика, и бралъ или кралъ то, что необходимо было ему для собственнаго его *употребленія*, а не для *продажи*».

«Что касается до лѣности и безпечности крестьянъ—говоритъ третье петербургское примѣчаніе, опровергая выводы Вернирота — то онѣ никакъ не природныя свойства ихъ, а только строго логическія послѣдствія ихъ положенія. Если плоды моего тяжкаго труда будутъ доставаться не мнѣ, а другому, то я естественно сдѣлаюсь лѣнивъ и апатиченъ, и буду работать только изъ страха и изъ-подъ палки. А если этотъ другой можетъ притомъ и отнимать у меня все, что я самъ пріобрѣту, такъ что я не имѣю права даже и жаловаться на это, но за то обязанъ, хотя бы то самымъ скуднымъ образомъ пропитывать меня и мое семейство, то я не могу не сдѣлаться и *безпечнымъ*, ибо къ чему мнѣ заботиться, когда я съ одной стороны знаю, что я никогда не буду голоденъ, а съ другой никогда не могу пріобрѣсть ничего, что бы признали моею собственностію?»

III.

Утвердившись на той мысли, что русскій крестьянинъ безъ опеки или по крайней-мѣрѣ безъ извѣстнаго руководства, однимъ словомъ вполнѣ на своихъ ногахъ долго еще существовать не можетъ, баронъ Гакстгаузенъ хлопочетъ о томъ, какъ бы устроить въ этомъ отношеніи его счастіе.

Прежде всего мысль его останавливается на дворянствѣ. Онъ хвалитъ русское правительство за то, что, освободивъ крестьянъ, оно рѣшилось и дальнѣйшее ихъ управленіе ввѣрить, съ различными видоизмѣненіями, ихъ прежнимъ помѣщикамъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ образомъ принципамъ Пруссіи, удерживавшимся отъ 1816—1848 года. «Но въ Пруссіи, говоритъ онъ, это было легче исполнить, патримоніальную расправу тамъ производили не лично помѣщики, а избранный ими одинъ изъ коронныхъ чиновниковъ, испытанный и имѣвшій хорошую репутацію и т. д. Онъ исполнялъ полицейскія обязанности лично по существующимъ полицейскимъ законамъ и обычаямъ, причемъ помогалъ ему назначаемый имъ мѣстный надзиратель. Ландратъ округа (выбранный изъ дворянъ исправникъ) контролировалъ ихъ и имѣлъ надъ ними надзоръ. Въ Россіи дѣло находится въ другомъ положеніи. Здѣсь дворянство большею частію не живетъ въ деревняхъ; доселѣ оно не имѣло никакихъ тутъ экономическихъ заведеній, кромѣ сада и дома, не занималось сельскимъ хозяйствомъ; обработывало только по мѣстамъ часть земли для собственныхъ потребъ, но не имѣло для этого ни земледѣльческихъ орудій, ни скота; крестьяне должны были обработывать ему поле своимъ скотомъ и доставлять жатву. Самое большее число дворянъ находилось въ военной и гражданской службѣ, жило въ городахъ и пріѣзжало въ помѣстья только на короткое время. Однимъ словомъ, Россія, по крайней мѣрѣ, Великороссія, не имѣетъ такого количества сельскихъ дворянъ, какъ Германія, ни поземельной аристократіи, какъ Англія. Это, по нашему мнѣнію, большое зло, въ особенности при послѣдней великой реформѣ, когда въ жизни должно быть насаждено и проведено новое законодательство. Въ Россіи нѣтъ доселѣ средняго сословія, по крайней мѣрѣ, нѣтъ такого, которое бы новѣйшею цивилизаціею и культурою достаточно было подготовлено къ тому, чтобъ правильно понять виды новаго законодательства и содѣйствовать ихъ проведенію. Русское дворянство представляетъ вмѣстѣ и среднее сословіе въ его главныхъ направленіяхъ; оно одно, по своему образованію, способно занимать государственныя должности, начиная отъ высшихъ до самыхъ нисшихъ; оно вмѣстѣ и фабрикантъ—самое большее число фабрикъ частью въ большихъ городахъ, въ особенности въ деревняхъ, основано имъ въ его помѣстьяхъ».

Баронъ Гакстгаузенъ рекомендуетъ русскому дворянству благородно и самоотверженно вступить на тотъ новый путь, который указало ему правительство, отчасти въ предоставленіи помѣщикамъ на нѣкоторое время верховнаго надзора надъ бывшими ихъ крѣпостными, главнымъ образомъ въ предоставленіи исключительно дворянству должностей мировой институціи.

«Вся эта институція—говоритъ онъ—ввѣрена и передана въ губерніяхъ и округахъ живущему въ своихъ помѣстьяхъ дворянству; если русское дворянство вѣрно и энергически пойдетъ по этому пути, то оно можетъ достигнуть того же положенія, какое имѣютъ англійскіе джентри: noblesse oblige! Положеніе и сила англійской аристократіи состоитъ въ томъ, что она выполняетъ столь высокія обязанности, но не пользуется за это никакими матеріальными выгодами».

Но чтобы достигнуть положенія англійскихъ джентри, русскому дворянству необходимы, по проэкту барона Гакстгаузена, двѣ вещи: вопервыхъ, переселиться изъ городовъ въ деревни; вовторыхъ, сдѣлаться на столько значительнымъ въ своемъ благосостояніи, чтобы не нуждаться въ матеріальномъ вознагражденіи за исправленіе тѣхъ должностей, которыя оно будетъ нести на пользу общую.

Но само дворянство, говоритъ баронъ Гакстгаузенъ, одно, безъ пособія правительства, не можетъ достигнуть этихъ цѣлей.

Доселѣ дворянство привлекалось нарочно въ службу военную или гражданскую, сельское дворянство не имѣло никакого значенія и не получало никакихъ поощреній отъ правительства. Теперь это должно измѣниться. Баронъ Гакстгаузенъ подробно доказываетъ, что настоящая миссія сельскаго дворянства не только не ниже, но и выше обязанностей военной и гражданской службы, что поэтому дворянство, проживающее въ помѣстьяхъ, должно считаться если не выше, то по крайней мѣрѣ нисколько не ниже проживающаго въ городахъ и несущаго военную или гражданскую службу. Баронъ Гакстгаузенъ рекомендуетъ выдвинуть на первое мѣсто въ каждой губерніи должность предводителя губернскаго дворянства, сдѣлать ее центральнымъ органомъ всего государственнаго управленія губерніи, и затѣмъ при этой высшей дворянской власти организовать твердую дворянскую корпорацію изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, земскихъ выборныхъ исправниковъ, мировыхъ посредниковъ, мировыхъ судей, и т. д., такъ чтобы эта корпорація держала въ своихъ рукахъ все земское дѣло и служила противовѣсомъ чиновничеству. Озабоченный исполненіемъ этого грандіознаго плана, баронъ Гакстгаузенъ доходитъ въ свихъ хлопотахъ до смѣшного. Онъ думаетъ, что русскіе помѣшаны на чинопочитаніи, и что для нихъ титулъ князя или графа ничто, если съ этимъ титуломъ не соединяется крупный чинъ. Потому рекомендуетъ правительству губернскому предводителю дворянства давать непремѣнно чинъ превосходительства, для прочихъ же не жалѣть чиновъ статскаго, коллежскаго и прочихъ совѣтниковъ, весьма искренно и подробно выясняя, что помѣщикъ, имѣющій и ведущій хорошо сельское хозяйство, приноситъ государству пользы ничѣмъ не менѣе какого нибудь статскаго или коллежскаго совѣтниковъ.

Чтобы дворянство могло имѣть независимое матеріальное положеніе, баронъ Гакстгаузенъ рекомендуетъ правительству, кромѣ помощи ему особыми кредитными установленіями, принять мѣры въ такомъ направленіи, чтобы мелкія помѣстья мало-по-малу исчезали, крупныя же если не увеличивались, то не уменьшались. Онъ склоненъ бы былъ утвердить въ Россіи майоратъ, но такъ-какъ это противно русскимъ обычаямъ, то онъ, по крайней-мѣрѣ, желаетъ установить законъ, чтобы при дѣлежѣ имѣнія, оно доставалось всегда одному, а остальные, имѣющіе право на имѣніе, получали бы за свои части денежную плату.

При этомъ и такое сомнѣніе тревожитъ барона Гакстгаузена: если будетъ поддерживаться одно крупное дворянство, мелкопомѣстное же исчезнетъ, то можетъ остаться недостаточное число дворянъ для занятія всѣхъ судебныхъ и административныхъ постовъ надъ 20 милліонами освобожденныхъ крестьянъ. Въ виду такой опасности баронъ Гакстгаузенъ пускается въ исчисленія и самымъ точнымъ счетомъ успокоиваетъ читателя, что и за уничтоженіемъ мелкаго дворянства дворянъ все еще останется достаточно... По исчисленію Кеппена—говоритъ онъ (Ueber Vertheilung der Bewohner Russlands nach Ständen)—въ 1846 г. землевладѣльцевъ изъ дворянъ считалось 108,000, изъ нихъ 58,000 имѣло менѣе, чѣмъ по 20 крѣпостныхъ, всѣ вмѣстѣ имѣли только 451,000. Затѣмъ 20,800 дворянъ имѣли болѣе, чѣмъ по 100 крѣпостныхъ (всѣ вмѣстѣ они владѣли почти 9 мил. душъ, то-есть почти девятью десятыхъ крѣпостного населенія). Среднимъ числомъ 100 душъ представляютъ имущественную цѣнность отъ 25—30,000 руб. Наконецъ 9,000 дворянъ имѣли болѣе, чѣмъ по 500 душъ, или имущественную цѣнность отъ 120—150,000 руб. Изъ этихъ 25,000 дворянъ легко найдется достаточное число лицъ, способныхъ по губерніямъ завѣдывать разными институціями для крестьянъ.

Читатель видитъ, что баронъ Гакстгаузенъ относительно дворянства стоитъ на средневѣковой кастической точкѣ зрѣнія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, въ своемъ увлеченіи дворянствомъ, онъ забываетъ, что положеніе дворянства въ каждой странѣ создается многовѣковою исторіею страны, что нельзя вдругъ по требованію обстоятелствъ, не только въ Россіи, но и въ какой угодно странѣ, народить англійскихъ джентри и создать имъ въ народѣ то именно положеніе, какимъ они пользуются въ Англіи. Но замѣчательнѣе въ этомъ случаѣ та непослѣдовательность, съ которою баронъ Гакстгаузенъ проводитъ свои дворянскія воззрѣнія. Обезземеленіе крестьянъ баронъ Гакстгаузенъ считаетъ величайшимъ зломъ въ Италіи и угрожаетъ ей даже за это революціей. Но то же самое обезземеленіе крестьянъ въ пользу англійской аристократіи ему не кажется зломъ, мало того, представляется такимъ отраднымъ состояніемъ, которое онъ, со стороны положенія джентри, рекомендуетъ и Россіи. Однакожъ, если обезземеленіе крестьянъ въ Италіи можетъ, по его мнѣнію, повести къ революціи, то почему та же самая причина не можетъ повести къ тому же и въ Англіи? Далѣе, если англійскіе джентри, люди, по мнѣнію Гакстгаузена, такъ глубоко преданные интересамъ государства, не нашли ничего противнаго пользамъ государства скупить всѣ земли крестьянскія въ свои руки, то почему же знать, что того же не сдѣлали бы и русскіе джентри, еслибы они могли когда-нибудь стать въ положеніе англійскихъ джентри по своему нравственному развитію и матеріальному обезпеченію?

Петербургскія примѣчанія держатся въ этомъ случаѣ совершенно противоположныхъ воззрѣній. На ту мысль барона Гакстгаузена, что временнымъ предоставленіемъ власти помѣщику надъ бывшими его крѣпостными и мировой институціи дворянству указывается послѣднему путь, которымъ хочетъ идти правительство въ развитіи новаго законодательства, одно примѣчаніе говоритъ:

«Уже половина крестьянскихъ общинъ въ настоящую минуту свободна отъ высшаго надзора помѣщиковъ (потому что крестьяне вступили уже въ разрядъ собственниковъ). Впрочемъ, и въ другой половинѣ помѣщикъ въ настоящее время почти совершенно не вмѣшивается въ дѣла крестьянскихъ общинъ, потому что онъ очень хорошо понялъ, что онъ можетъ быть или помѣщикомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, или только богатымъ добрымъ сосѣдомъ крестьянской общины. Средняго положенія между этими двумя отношеніями невозможно установить, оно непремѣнно повело бы къ непрестаннымъ столкновеніямъ и было бы вредно для обѣихъ сторонъ. Что касается до мировыхъ посредниковъ, то они теперь уже имѣютъ огромное вліяніе на крестьянскія общины и дѣлаютъ весьма добросовѣстно свое дѣло; но при этомъ не должно забывать, что въ каждомъ уѣздѣ находится не болѣе трехъ или четырехъ мировыхъ посредниковъ (можетъ быть, на сотню помѣщиковъ) и что каждый изъ нихъ имѣетъ власть только въ своемъ мировомъ участкѣ, гдѣ по нѣскольку дюжинъ крестьянскихъ общинъ подчинены его разбирательству и отчасти управленію».

На ту мысль барона Гакстгаузена, что русское дворянство, преобразовавшись въ англійскихъ джентри, могло бы составить противовѣсъ всемогущему доселѣ чиновничеству, другое петербургское примѣчаніе говоритъ: «Это справедливо, но для этого нужны не монопольныя привилегіи, не узкая замкнутость касты, но пребываніе дворянства въ своихъ имѣніяхъ, занятіе собственнымъ сельскимъ хозяйствомъ въ большемъ размѣрѣ, образованіе и ревностное исполненіе довольно многочисленныхъ обязанностей, которыя будутъ поручены на будущее время не одной какой-нибудь замкнутой самой въ себѣ кастѣ, но всѣмъ сословіямъ, то-есть представителямъ большой и средней поземельной собственности и крестьянскихъ общинъ. Начало этому дѣйствительно уже и положено новыми земскими учрежденіями, которымъ ввѣрено мѣстное самоуправленіе».

Относительно возвышенія и почета должности губернскаго предводителя дворянства, третье петербургское примѣчаніе говоритъ: «Губернскій предводитель дворянства и безъ того имѣетъ титулъ превосходительства и всѣ привилегіи, присвоенныя чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Постъ губернскаго предводителя дворянства — постъ въ высшей степени почетный, но его функціи въ государственномъ организмѣ не особенно важны».

Кромѣ дворянства, баронъ Гакстгаузенъ большой поклонникъ крестьянской общины. Въ ней онъ видитъ залогъ не только крестьянскаго, но и всего общественнаго и государственнаго благосостоянія. Когда при началѣ крестьянскаго вопроса въ Петербургѣ появилось мнѣніе о необходимости уничтоженія крестьянской общины, баронъ Гакст. аузенъ написалъ въ защиту ея отдѣльную брошюру; эта брошюра, нѣсколько исправленная, приложена имъ и къ разсматриваемому нами сочиненію.

Новое законодательство не тронуло крестьянской общины; но оно не приняло и никакихъ мѣръ къ ея сохраненію. Напротивъ, строго проведенное въ немъ начало собственности мало-помалу должно вести общину къ разложенію. Нѣтъ сомнѣнія, что съ полнымъ разрѣшеніемъ вопроса, по окончательномъ выкупѣ всѣхъ надѣловъ, если не всѣ, то многія крестьянскія общины захотятъ раздѣлить землю на посемейные участки съ предоставленіемъ владѣнія каждому семейству своимъ участкомъ на правѣ собственности. Тогда участки могутъ свободно переходить изъ рукъ въ руки, даже отчуждаться совершенно изъ крестьянскаго владѣнія. Вотъ этого-то именно и боится Гакстгаузенъ и придумываетъ мѣры, какъ бы предупредить такое дѣйствительно страшное для крестьянства бѣдствіе. Великій вопросъ будущаго, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, не должно ли правительство принять мѣры, чтобы поземельные крестьянскіе участки, которые уже выкуплены крестьянами, или которые будутъ выкуплены, были навсегда утверждены за крестьянскимъ сословіемъ и были гарантированы отъ продажи. Доколѣ русская община остается съ своимъ древнимъ характеромъ, то есть съ правомъ поземельной собственности, и только раздѣльнаго пользованія, дотолѣ въ этомъ, конечно, нѣтъ никакой нужды. Можно бы было даже дозволить цѣлой общинѣ отчуждать весь поземельный участокъ или часть его въ случаѣ, напримѣръ, предпринятаго ею переселенія въ отдаленныя мѣста. Но когда съ теченіемъ времени, какъ это предвидѣло и «Положеніе», община захочетъ раздѣлить свою землю навсегда между своими членами, тогда образуются частныя усадьбы, вполнѣ самостоятельныя, крестьянскія помѣстья. Не должно ли тогда будетъ правительство принять надъ ними родъ патроната изъ государственныхъ экономическихъ видовъ, чтобы предохранить ихъ отъ раздробленія, могущаго произойти вслѣдствіе продажи и дѣлежа при наслѣдованіи? Мы не считаемъ этого нужнымъ; при наслѣдствахъ это противорѣчило бы русскимъ національнымъ обычаямъ, и если раздробленіе остается въ предѣлахъ самой общины, то все равно, въ чьихъ бы рукахъ ни находилась поземельная собственность (безъ сомнѣнія, впослѣдствіи богатство и бѣдность въ общинѣ еще чаще будутъ встрѣчаться рядомъ другъ подлѣ друга, чѣмъ доселѣ). Но другое дѣло, когда поземельные участки будутъ отчуждаться внѣ общины, и слѣдовательно выходить изъ нея, тогда они легко присоединятся къ сосѣднимъ большимъ экономіямъ или продадутся городскимъ жителямъ, которые захотятъ обратить свой капиталъ въ поземельную ренту, однимъ словомъ, тогда они отойдутъ отъ крестьянскаго сословія и перейдутъ въ руки другихъ сословій. Въ настоящее время подобной опасности, конечно, не существуетъ, но для будущаго времени законодательство должно

имѣть въ виду этотъ вопросъ. Въ Германіи, а именно въ Пруссіи, въ теченіе 40 лѣтъ болѣе четверти поземельной собственности, принадлежавшей прежде крестьянамъ-собственникамъ, перешло большею частью къ сосѣднимъ большимъ экономіямъ, отчасти къ бывшимъ поденщикамъ. Такъ будетъ, по мнѣнію Гакстгаузена, и съ Россіей, въ случаѣ, если крестьяне получатъ право отчуждать свои участки внѣ общины. «Пройдетъ только два поколѣнія, и крестьянинъ останется безъ земли. Поземельная собственность опять скупится изъ его рукъ, и соціальное состояніе Россіи будетъ тогда гораздо хуже, опаснѣе, безотраднѣе, чѣмъ во время существованія крѣпостного права».

Мы вполнѣ раздѣляемъ опасеніе барона Гакстгаузена и совершенно согласны съ нимъ, что законодательство должно принять мѣры, чтобы подобная бѣда не посѣтила русскаго крестьянства. Но мы идемъ дальше и думаемъ, что право отчуждать крестьянскіе участки даже внутри крестьянскихъ только общинъ, будетъ великимъ зломъ. Совсѣмъ не все равно, кто бы ни владѣлъ участкомъ внутри общины, какъ выражается баронъ Гакстгаузенъ, только бы земля не выходила изъ владѣнія общины. Если будетъ дозволено продавать поземельные участки внутри общины, то мало-по малу вся общинная земля перейдетъ въ руки нѣсколькихъ кулаковъ въ общинѣ и все остальное населеніе общины поступитъ къ нимъ въ вѣчное рабство. Это рабство во многихъ отношеніяхъ будетъ тяжелѣе бывшаго рабства крѣпостного. Противъ бывшаго барина, большею частью мало понимавшаго крестьянскій бытъ, а еще менѣе того сельское хозяйство, крестьянинъ могъ защищаться иногда обманомъ, хитростію, плутнею, подкупомъ окружавшихъ его. Противъ кулака изъ крестьянъ, подобная защита немыслима. Онъ знаетъ все, весь крестьянскій бытъ, всѣ отношенія, все хозяйство до послѣднихъ подробностей, и никто не въ состояніи до такихъ подробностей обобрать своего собрата, какъ крестьянинъ изъ кулаковъ.

Защищая общину, баронъ Гакстгаузенъ разрушаетъ иллюзіи тѣхъ, которые думаютъ безхитростно въ простотѣ своего сердца, что съ разрушеніемъ общинъ, переходомъ большей части мелкихъ крестьянскихъ участковъ къ большимъ помѣстьямъ, крестьяне не только ничего не проиграютъ, но и выиграютъ. Ибо земледѣліе будетъ производиться въ этихъ помѣстьяхъ въ обширныхъ размѣрахъ усовершенствованными способами, давать большія прибыли, изъ которыхъ будетъ доставаться не только владѣльцамъ, арендаторамъ земли у нихъ, но даже простымъ работникамъ больше, чѣмъ въ настоящее время получаетъ крестьянинъ въ качествѣ хозяина-собственника съ своего маленькаго поземельнаго участка, обработываемаго на ничтожныя средства, кой-какъ, по допотопному способу. Баронъ Гакстгаузенъ указываетъ, какъ на поучительный примѣръ, на Ирландію, доказывающій весьма ясно, что «въ тѣхъ странахъ, гдѣ земледѣльческая культура сдѣлала быстрые успѣхи, вслѣдствіе новѣйшаго усовершествованія земледѣлія, бѣдственное положеніе крестьянъ нисколько не улучшилось, и что ихъ состояніе въ тѣхъ странахъ, куда культура и капиталы проникли всего меньше, оказывается сравнительно гораздо лучшимъ. (Sismondi: «Etudes sur l'économie politique» I, 275). Возвышеніе дохода отъ земледѣлія имѣло своимъ послѣдствіемъ только возвышеніе арендной платы».

Съ тою же основательностію баронъ Гакстгаузенъ разбиваетъ иллюзіи тѣхъ, которые думаютъ, что если рушится русская община, крестьяне сдѣлаются собственниками, то они будутъ старательнѣе обработывать свои поземельные участки и земледѣліе въ Россіи быстро подвинется и процвѣтетъ. Онъ не оспариваетъ того, что крестьянинъ, земля котораго въ общинѣ подвергается передѣламъ, — при сближеніи срока каждаго новаго передѣла, будетъ скупиться на ея удобреніе; но это же самое опасеніе—говоритъ онъ—замѣчается и въ Европѣ, въ системѣ арендаторства. И какъ здѣсь есть мѣры, которыми предупреждается подобное зло, такъ точно извѣстными мѣрами можно предупредить и нерадивую обработку земли, начинающуюся въ виду общинныхъ передѣловъ. Вообще же Гакстгаузенъ держится того мнѣнія, что въ настоящее время застой русскаго земледѣлія зависитъ не отъ такихъ ничтожныхъ явленій, а отъ причинъ совершенно другого рода.

КОГДА БЛАГОДЕНСТВОВАЛЪ РУССКІЙ МУЖИКЪ

И КОГДА НАЧАЛИСЬ ЕГО БѢДСТВІЯ? *)

Промышленность древней Руси. Соч. Н. Аристова. Спб. 1866.

Вѣче и князь. Соч. В. И. Сергѣевича. Москва 1867.

Если вамъ случалось, читатель, проѣзжать нынѣшнюю Новгородскую губернію, и проѣзжать не по желѣзной дорогѣ, гдѣ есть извѣстная степень достатка въ населеніи, проживающемъ промыслами отъ дороги, и не по шоссе, гдѣ остаются все еще кой-какіе слѣды недавняго благосостоянія, а сворачивать въ сторону, не болѣе впрочемъ какъ верстъ на 20, на 30 отъ желѣзной дороги и шоссе, то вамъ не разъ, вѣроятно, случалось задумываться надъ судьбою бѣднаго ея крестьянства. Жалкіе и полураззоренные современные новгородскіе крестьяне — вѣдь это все прямые потомки великаго новгородскаго племени, тѣхъ славныхъ исторіографовъ, которые дѣлали нашу исторію! Новгородцы заложили первый камень нашей исторіи; они были развитѣйшимъ и сильнѣйшимъ племенемъ изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, населявшихъ Россію, и оставались весьма важными историческими дѣятелями почти вплоть до окончательнаго уничтоженія новгородской республики. Мы уже не говоримъ о значеніи ихъ въ нашей первоначальной исторіи, до монгольскаго нашествія, когда Новгородъ рѣшалъ судьбу русскихъ князей и княжествъ, стягивалъ въ себѣ всѣ богатства тогдашней Россіи, и не хотѣлъ знать надъ собою ни чьей воли, кромѣ воли своей собственной — воли великаго господина Новгорода. Кудажъ дѣвались эти величіе, сила, богатство великаго Новгорода? Никакого слѣда отъ нихъ, никакого даже слабаго намека на что нибудь подобное, вы не находите ни въ личностяхъ, ни во всемъ бытѣ и жизни современныхъ представителей новгородскаго крестьянства. Передъ вами стоитъ обнищавшій, полуголодный, отупѣвшій мужикъ, въ обстановкѣ котораго, образѣ жизни, привычкахъ, понятіяхъ, даже преданіяхъ, невозможно отыскать никакого напоминанія о его славномъ прошломъ. Тысячелѣтняя исторія обобрала его кругомъ, не пощадивъ даже его смысла.

Но Новгородъ не составляетъ въ этомъ случаѣ единственнаго исключенія. Если мы заговорили о Новгородѣ, то это только потому, что его древняя слава, древняя сила и богатство несомнѣнно всѣмъ извѣстны, и слѣдовательно потери, которыя онъ понесъ въ теченіе своего тысячелѣтняго существованія, для всѣхъ очевидны. Но то же самое, что совершилось съ новгородскимъ крестьянствомъ, совершилось въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ съ крестьянствомъ всѣхъ нашихъ губерній и областей. Куда бы вы ни обратились въ глушь нашего сельскаго народонаселенія, вы вездѣ найдете ту же бѣдность, то же полуголодное существованіе, то же отупѣніе. Если здѣсь исторія не скажетъ вамъ такъ ясно и несомнѣнно, какъ относительно Новгорода, что въ прошедшемъ всѣ эти люди жили гораздо лучше и счастливѣе, чѣмъ теперь, то тоже самое скажетъ вамъ народное преданіе; наконецъ, вамъ самимъ не трудно будетъ это понять, сообразивъ тѣ причины, которыя впродолженіе извѣстнаго вамъ историческаго времени дѣйствовали и дѣйствуютъ къ разрушенію ихъ благосостоянія.

Все это приводитъ къ вопросу объ отношеніи современной цивилизаціи къ крестьянству. Трудно убѣдиться въ томъ, чтобы она принесла ему какую-нибудь пользу въ прошедшемъ, и можно

*) Январь 1869 г.

сильно сомнѣваться, чтобы она и напредки могла быть ему полезною, если только будетъ продолжаться все въ томъ же направленіи.

Вопросъ этотъ возбуждается въ настоящее время не у насъ только, но и въ стоящей наверху современной цивилизаціи Англіи. Сельское населеніе въ особенности глухихъ мѣстъ осталось тамъ нетронутымъ или, точнѣе сказать, обобраннымъ цивилизаціей, точно также какъ и у насъ. Современная цивилизація обобрала и мануфактурнаго или вообще городского рабочаго, и обобрала его можетъ еще болѣе, чѣмъ крестьянина, но она не убила въ немъ смысла, напротивъ, развила въ немъ широкое пониманіе ненормальнаго современнаго общественнаго порядка, вызвала его на борьбу съ нимъ, изощряетъ его способности для этой борьбы, даетъ средства продолжать ее и, наконецъ, подкрѣпляетъ надеждою ранѣе или позже одержать побѣду. Сельскій рабочій остается въ томъ же тупомъ пониманіи къ окружающему, въ какомъ онъ находился назадъ тому нѣсколько вѣковъ. Нельзя сказать, чтобы результаты громадныхъ перемѣнъ, совершающихся въ обществѣ, совершенно не проникали въ глубь и глушь его изолированной жизни, но они доходятъ до него процессомъ слишкомъ медленнымъ и постепеннымъ и слишкомъ мало видоизмѣняютъ обыкновенную обстановку его жизни. Среди всеобщаго непрестаннаго движенія онъ одинъ остается какимъ-то несокрушимымъ обломкомъ прошедшаго, ходячей исторіей давно вымершихъ поколѣній. Въ его жизни какъ будто окаменѣли нравы и обычаи древняго времени; въ своей морали онъ точно механически воспроизводитъ всѣ тѣ же стадныя добродѣтели и пороки своихъ предковъ; наконецъ, онъ также смиренно, какъ и они, покоренъ своему жребію и съ тѣмъ же воловьимъ терпѣніемъ несетъ наложенное на него ярмо. При этомъ нельзя опустить изъ виду, что и въ будущемъ для сельскихъ работниковъ не представляется ничего лучшаго. Ихъ умственное образованіе и ихъ знаніе всего, что выходитъ изъ узкой колеи ихъ обыденныхъ нуждъ и жизни, крайне ограниченно. Не говоря уже объ отсутствіи средствъ для воспитанія, нужда и голодъ замораживаютъ геніальные порывы души въ самыхъ избраннѣйшихъ натурахъ среди нихъ, а жизнь непрестаннаго, безконечнаго труда пришибаетъ вмѣстѣ и возможность, и жажду знанія. Вопросъ о пропитаніи своей семьи на какихъ-нибудь 12 или 10 шиллинговъ въ недѣлю составляетъ главную, поглощающую все, науку ихъ жизни. Наконецъ, самый родъ сельскихъ занятій, изолирующій людей въ особыя, отдѣльныя отъ остальнаго движущагося міра, замкнутыя сами въ себѣ общества, отнимаетъ у нихъ и послѣднія средства обыкновеннаго саморазвитія. Здѣсь нѣтъ того столкновенія мысли съ мыслію и того обмѣна идей, которые такъ сильно возбуждаютъ способности людей, проживающихъ въ многолюдныхъ городахъ и находящихся въ постоянномъ обращеніи съ массами своихъ товарищей-работниковъ.

Замѣчательно, что въ Англіи сельское народонаселеніе съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уменьшается. Это въ особенности стало замѣтно съ начала нынѣшняго столѣтія. Каждая новая десятигодичная перепись народа приноситъ новыя свѣдѣнія о сильной убыли сельскихъ рабочихъ и о соразмѣрномъ съ тѣмъ увеличеніи числа мануфактурныхъ рабочихъ. Это подаетъ нѣкоторымъ поводъ надѣяться на скорое улучшеніе участи сельскихъ работниковъ. Время покажетъ, въ какой мѣрѣ основательна эта надежда.

Вопросъ о значеніи современной цивилизаціи для массъ—вопросъ давній и онъ всегда имѣлъ и имѣетъ много и защитниковъ, и противниковъ. Что современная цивилизація есть цивилизація избранныхъ людей и классовъ общества, что она, собирая послѣдніе достатки съ насыпковъ, распредѣляетъ ихъ своимъ любимымъ сыновьямъ—въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. Но защитники ея говорятъ, что другого пути для прогресса человѣческаго рода невозможно и придумать, и что въ дѣлежѣ благъ, доставляемыхъ цивилизаціею, все-таки болѣе или менѣе участвуютъ и массы.

«Если мы сравнимъ, говорятъ защитники, житье англійскаго сельскаго работника нашихъ дней,—его мебель и разную утварь для домашняго употребленія, одежду, которую онъ носитъ, разнообразіе продуктовъ, иностранныхъ и колоніальныхъ, которые онъ употребляетъ въ пищу, какъ бы все это скудно ни было,—съ условіями жизни его предшественниковъ изъ того же самаго класса подъ управленіемъ графовъ Эдуардовъ или Генриховъ, то мы несомнѣнно будемъ поражены великимъ превосходствомъ того комфорта и тѣхъ удобствъ жизни, какими наслаждаются подданные королевы Викторіи. Адамъ Смитъ, въ одномъ замѣчательномъ мѣстѣ своего великаго творенія (о Богатствѣ народовъ), перечисляетъ, какіе разнообразные ингредіенты и какія различныя искусства и изобрѣтенія употребляются для того, чтобы доставить удобства нынѣшнему работнику,—хотя удобства эти на нашъ взглядъ все мелкія и простыя. Таковы, напримѣръ, кожаная обувь работника, его льняная рубашка, постель, на которой онъ спитъ со всѣми ея принадлежностями, его стеклянныя окна, его ножи и вилки, его посуда оловянная или глиняная, его кухонная плита, каменноугольное топливо, его часы на стѣнѣ, двѣ или три книги на полкѣ и другія подобныя мелочи его скромнаго жилища. Перечисливъ все это, онъ выводитъ поразительное, но нисколько не парадоксальное заключеніе, что удобства, которыми пользуется какой-нибудь европейскій монархъ, не на столько превосходятъ удобства трудолюбиваго и бережливаго крестьянина, на сколько удобства послѣдняго превосходятъ удобства какого-нибудь африканскаго князька,

неограниченнаго властителя жизни и свободы 10,000 голыхъ дикарей». Профессоръ Роджерсъ (Rogers), безъ всякаго нерасположенія къ тому времени, о которомъ онъ пишетъ, слѣдующими красками описываетъ жилище и образъ жизни крестьянства въ четырнадцатомъ столѣтіи:

«Крестьянскіе дома были строимы изъ самаго плохого матеріала, большею частью изъ прутьевъ, которые обмазывались глиною или землею. Кирпичъ, какъ кажется, не употреблялся. Помѣщичьи дома строились вообще изъ камня, но жилища для работниковъ, окружавшія ихъ, были ниже всякаго описанія. Мы, которыхъ прогрессъ механическихъ искусствъ и агрономіи пріучилъ къ безчисленному множеству удобствъ, находящихся теперь въ общемъ употребленіи, но совершенно неизвѣстныхъ нашимъ предкамъ, не можемъ представить себѣ ни тѣхъ лишеній, которыя переносилъ средневѣковой человѣкъ зимою, ни того наслажденія, съ которымъ онъ встрѣчалъ весну, ни той радости, которую доставляла ему обильная жатва. Знакомые съ дешевымъ искусственнымъ свѣтомъ, мы съ трудомъ можемъ понимать то положеніе вещей, когда покупка фунта свѣчъ поглощала весь дневной заработокъ работника. Принесеніе свѣчей на алтарь святого было весьма естественнымъ долгомъ, ибо лучшаго ничего человѣкъ не могъ себѣ представить. Немногіе имѣли возможность пользоваться освѣщеніемъ. Свѣтъ средневѣковыхъ церквей, ихъ тепло, куреніе ладаномъ представляли особенно пріятный контрастъ для тѣхъ, которые жили въ холодныхъ темныхъ хижинахъ, ибо употребленіе стекла было неизвѣстно, топливо сравнительно дорого, а опрятность вовсе невозможна. Скорбутъ въ его самыхъ злокачественныхъ формахъ и проказа, видоизмѣнявшаяся по климату, были обыкновенными болѣзнями, потому что народъ жилъ полгода однимъ соленымъ мясомъ; не только картофель былъ ему неизвѣстенъ, но онъ не имѣлъ и другихъ овощей, находящихся теперь въ общемъ употребленіи, какъ-то: пастернака и моркови. Пряности, изъ которыхъ самою дешевою былъ перецъ, были совершенно для него недоступны. Сахаръ былъ самою дорогою роскошью, и предки наши, какъ можно судить по рѣдкости свѣдѣній, были не очень искусны въ уходѣ за пчелами.

«Платье было очень дорого. Было уже замѣчено, что оно дѣлалось изъ очень грубой матеріи, но его цѣна была очень высока. То же должно сказать и о полотнѣ, которое повидимому было очень рѣдко. Рубашки составляли такую цѣнную статью, что онѣ были предметомъ щедрой или хвастливой милостыни, и мы нерѣдко находимъ, какъ въ то время, такъ и спустя столѣтія послѣ, что онѣ отказывались по духовному завѣщанію» (History of Prices).

«Все это такъ, отвѣчаютъ люди, сомнѣвающіеся въ достоинствѣ современной цивилизаціи,— современная наука и промышленныя искусства дѣйствительно доставили человѣку много комфорта и удобствъ, въ прежнее время совершенно неизвѣстныхъ. Но не говоря уже о томъ, что на долю бѣднаго человѣка изъ всего этого комфорта и удобствъ достается очень немного, лучше ли нынѣ рабочій человѣкъ обезпеченъ въ своемъ пропитаніи, чѣмъ былъ обезпеченъ прежде? А пропитаніе для него важнѣе всего. Полотняная рубашка, которую носитъ современный рабочій, и стеклянныя окна въ его жилищѣ не замѣнятъ для него того хлѣба, который необходимъ ему, чтобы накормить плачущихъ своихъ дѣтей; да и самъ онъ скорѣе согласился бы работать лучше въ лаптяхъ и даже босикомъ, но только бы не съ голоднымъ желудкомъ. Именно оттого и скрываются отъ насъ существенные недостатки современной цивилизаціи, что, говоря о ней, мы не беремъ во вниманіе жизненнаго вопроса массъ... насущнаго хлѣба, для обезпеченія въ которомъ массы въ теченіе тысячелѣтій несли терпѣливо свой кровавый трудъ, свое здоровье, жизнь на пользу цивилизаціи. Что жъ получили они отъ нея въ вознагражденіе за все это? Профессоръ Fowcett, издавшій недавно (1868) книгу: «The Economic Position of the British Labourer», справедливо смѣется надъ тѣмъ глупымъ самодовольствомъ современныхъ поколѣній, которое не можетъ довольно налюбоваться своимъ статистическимъ благополучіемъ. «Наши первостепенные политики — говоритъ онъ — слишкомъ склонны измѣрять благоденствіе страны обманчивою статистическою мѣркою. Кругомъ насъ, въ какую бы сторону мы ни обратились, вездѣ бьютъ въ глаза богатства, которыя накопляются съ безпримѣрною быстротою. Въ небольшое число лѣтъ нашъ ввозъ и вывозъ утроился. Почва воздѣлана наилучшимъ образомъ, всѣ матеріальные источники страны разработаны съ величайшимъ искусствомъ и предпріимчивостью,— однимъ словомъ, всѣ внѣшніе признаки огромныхъ богатствъ на лицо. И когда мы разсматриваемъ подобныя вещи, мы всегда готовы воскликнуть: вижду несомнѣнныя свидѣтельства національнаго благоденствія! Но позвольте напомнить, что эти же самые факты видятъ и рабочіе, и позвольте спросить: не имѣется ли въ ихъ мысляхъ кой-какихъ совершенно различныхъ мнѣній относительно этого предмета?» Вотъ если стать на точку зрѣнія рабочаго и съ нея разсматривать современную цивилизацію, то окажется, что подданный королевы Викторіи изъ сельскаго рабочаго класса далеко не можетъ имѣть не только такого обильнаго, но даже въ качественномъ отношеніи такого хорошаго пропитанія, какимъ пользовался послѣдній пахарь и свинопасъ во время Эдуарда III или Ричарда II. Галламъ (Hallam) въ своей «History of the Middle Ages» вычислилъ цѣну обыкновенной наемной платы работнику въ четырнадцатомъ столѣтіи и, сравнивъ ее съ существовавшими тогда цѣнами на хлѣбъ и мясо и сдѣлавъ то же самое сравненіе между нынѣшними цѣнами того и другого, думаетъ, что нынѣшній работникъ сравнительно

съ его собратомъ XIV столѣтія можетъ имѣть только половинное противъ послѣдняго количество хлѣба и мяса. Вообще же Галламъ, отличающійся спокойствіемъ и умѣренностію въ своихъ сужденіяхъ, говоритъ, что хотя «онъ очень желалъ бы убѣдиться, что съ того времени не произошло никакого ухудшенія въ состояніи рабочихъ классовъ», но что «послѣ всѣхъ возможныхъ уступокъ онъ находитъ труднымъ противостоять тому заключенію, что какъ бы много современный работникъ ни получалъ выгодъ отъ дешевизны мануфактурныхъ издѣлій и отъ многихъ общеполезныхъ изобрѣтеній, но онъ все-таки имѣетъ гораздо меньше возможности содержать свое семейство, чѣмъ собратъ его три или четыре вѣка назадъ тому». Къ такому же заключенію приходятъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи, даже изъ безусловныхъ поклонниковъ современной цивилизаціи. Есть свидѣтельства, что англичане въ то время имѣли гораздо въ большемъ обиліи мясную пищу, нежели ихъ сосѣди французы; отъ этого были сильнѣе и бодрѣе послѣднихъ. То же самое подтверждается и офиціальными актами того времени. Такъ въ одномъ актѣ читаемъ: «До настоящаго времени всѣ роды жизненныхъ припасовъ продавались по цѣнамъ умѣреннымъ, такъ что всѣ наши подданные, въ особенности бѣдные люди, могли своимъ искусствомъ или тѣлеснымъ трудомъ покупать сколько имъ нужно для своихъ потребностей и для содержанія себя, своихъ женъ и дѣтей; но теперь всѣ жизненныя потребности, въ особенности *говядина, баранина, свинина и телятина, которыя составляютъ обыкновенную пищу малодостаточныхъ и бѣдныхъ людей,* продаются по такимъ чрезмѣрнымъ цѣнамъ» и проч. Въ болѣе позднее время объ этомъ обиліи пищи сельскаго рабочаго люда въ Англіи и вмѣстѣ съ тѣмъ о грязной обстановкѣ ихъ ежедневной жизни испанскіе послы Филиппа II говорили, что «мужики эти живутъ, какъ свиньи, но ѣдятъ такъ же хорошо, какъ и король».

Этотъ споръ *за* и *противъ* цивилизаціи имѣетъ свою полезную сторону въ исторической наукѣ. Онъ даетъ жизненное направленіе историческимъ изслѣдованіямъ. Отправляясь искать въ прошедшемъ *золотого* вѣка народныхъ массъ, историкъ-оптимистъ, въ концѣ концовъ, конечно, болѣе или менѣе разочаровывается въ своей мечтѣ. Но за это разочарованіе онъ вполнѣ вознаграждается тѣмъ, что подъ огражденіемъ дорогой, всегда присущей ему мечты, онъ не ослѣпляется ни мишурнымъ блескомъ мнимовеликихъ событій, ни сіяніемъ эфемерныхъ и пустыхъ величій, фигурирующихъ на исторической сценѣ, ни даже сомнительнымъ свѣтомъ поддѣльной цивилизаціи, освѣщающей верхи общества на счетъ тѣмъ большей темноты народныхъ массъ; онъ видитъ во всей наготѣ истинныя причины народныхъ бѣдствій и причины накопленія вѣкового зла въ общественномъ организмѣ; измѣряетъ до дна всю глубину разныхъ безсмысленныхъ мѣропріятій правительствъ, развращавшихъ, разорявшихъ и губившихъ народъ, и тѣмъ предупреждаетъ повтореніе подобныхъ золъ и бѣдствій въ будущемъ.

Подобныя историческія изслѣдованія для нашего отечества были бы болѣе интересны и поучительны, чѣмъ для какой-нибудь другой страны въ Европѣ. Если Англія пожертвовала извѣстною и даже очень значительною долею благоденствія народныхъ массъ въ пользу успѣховъ цивилизаціи, то нельзя сказать, чтобы она ничего не пріобрѣла въ замѣнъ этого тяжелаго пожертвованія. Уже одни свободныя учрежденія Англіи, поставленныя незыблемо и прочно, одинаково твердо ограждающія личность и права массъ, какъ и привиллегированныхъ классовъ общества, служатъ значительнымъ вознагражденіемъ за жертвы и лишенія.

Какъ бы ни велика была тяжесть, наложенная на народъ прошедшими вѣками, нести эту тяжесть все-таки легче, когда есть твердое убѣжденіе, что эта тяжесть не можетъ увеличиться ни на волосъ болѣе, что, напротивъ, она будетъ убывать съ каждымъ днемъ, нежели нести эту тяжесть безъ всякаго просвѣту въ будущемъ, подъ страхомъ постояннаго опасенія, что каждый новый день можетъ увеличивать ея бремя и довести его наконецъ до полнаго изнеможенія идти далѣе. Такой именно оплотъ въ настоящемъ и надежду въ будущемъ представляютъ собой для англійскаго народа выработанныя имъ свободныя учрежденія. Мы находимся въ другомъ положеніи. Наша цивилизація доселѣ остается какимъ-то случайнымъ, блудящимъ огонькомъ, который освѣщаетъ очень незначительное число людей, стоящихъ на верху семидесятимилліонной массы народа, грѣетъ еще меньшее число. Оттого самые элементарные вопросы общественные: бить или не бить, учить или не учить, брать или не брать платки изъ чужого кармана, остаются доселѣ открытыми, и «Петербургскія Вѣдомости», конечно, не напрасно находятъ нужнымъ хронически каждый мѣсяцъ разъ или два успокоивать волнуемую разными опасеніями россійскую публику, что мировые судьи не могутъ быть замѣнены полицейскими, и что подобные нелѣпые слухи не имѣютъ никакого основанія. Вообще безчисленное множество явленій, совершающихся предъ нашими глазами ежедневно и ускользающихъ отъ нашего вниманія только потому, что мы не выучились разбирать ихъ внутренняго смысла, показываютъ намъ, что мы каждый день находимся въ опасности впасть въ то натуральное состояніе, изъ котораго выскребались цѣлыя сотни лѣтъ. Такъ на дняхъ въ вѣдомостяхъ писали, что въ нашей первопрестольной столицѣ у одной изъ заставъ ея волки въ числѣ восьми напали на будочника и провели съ нимъ въ сообществѣ цѣлую ночь;— происшествіе это смѣло могло бы быть отнесено ко времени Мономаха, еслибы только оказанная

волками скромность и сдержанность не доказывали ясно, что многовѣковая русская культура имѣла вліяніе и на смягченіе нхъ нравовъ. Недавно также писали въ газетахъ, что гласный петербургскаго земскаго собранія кн. Н. Трубецкой энергически доказывалъ, что грамотность для народа вещь вредная, ибо она даетъ ему возможность читать дурныя книги и поддѣлывать фальшивые векселя. Нервъ доказательствъ въ этомъ заявленіи остается тотъ же самый, который повторялся чуть ли не съ самаго появленія московскаго княжества. Тогда говорили, что народъ не нужно учить грамотѣ, потому что отъ грамотности можетъ *разномысліе* въ вѣрѣ произойти вслѣдствіе, само собою разумѣется, вредныхъ книгъ. О поддѣлкѣ векселей не говорилось ничего только потому, что тогда ихъ не было. Наконецъ, не можемъ умолчать и еще объ одномъ фактѣ, обнародованномъ также на дняхъ, именно, что нижегородскіе купцы, привлеченные къ дѣлу Вердеревскаго, принесли въ министерство юстиціи всеподданнѣйшее прошеніе объ освобожденіи какъ ихъ, такъ и всѣхъ лицъ торговаго званія отъ слѣдствія и суда по дѣлу о растратѣ въ Нижнемъ Новгородѣ казенной соли, обязываясь въ возмѣщеніе происшедшихъ въ казенныхъ магазинахъ вслѣдствіе растраты соли убытковъ, уплатить казнѣ въ теченіе трехъ лѣтъ 380,000 р. Этотъ взглядъ нижегородскаго купечества на преступленія переноситъ насъ прямо въ тѣ вѣка нашей древней исторіи, когда преступленія разсматривались какъ источникъ дохода князей, и преслѣдовались ихъ фискомъ. Мы могли бы привести безчисленное множество подобныхъ примѣровъ изъ явленій нашей ежедневной жизни, но надѣемся и приведенныхъ нами достаточно для утвержденія той мысли, что было бы еще очень поспѣшно въ наше время дѣлать заключеніе о дѣйствительномъ, прочномъ существованіи у насъ цивилизаціи даже въ нашемъ такъ называемомъ образованномъ классѣ. Что касается до нашихъ народныхъ массъ, то онѣ чувствуютъ тѣ быстрыя перемѣны новаго времени, которыя принято называть прогрессомъ цивилизаціи, только по быстро увеличивающимся денежнымъ сборамъ, требуемымъ въ пользу разныхъ выборныхъ и невыборныхъ учрежденій, и по ежедневно увеличивающемуся вслѣдствіе этого обѣдненію и разоренію.

Хотя у насъ до настоящаго времени и не имѣется еще историковъ, которые бы приняли на себя трудъ выяснить намъ бѣдственное положеніе современныхъ намъ народныхъ массъ въ сравненіи съ положеніемъ тѣхъ, которыя жили назадъ тому пять, шесть и болѣе вѣковъ, тѣмъ не менѣе мы, подобно многимъ добродушнымъ англійскимъ историкамъ, твердо убѣждены, что и для нашего народа былъ когда-нибудь свой *золотой вѣкъ*, когда у него всего было вволю, когда онъ жилъ здорово и весело, не пропивался ни въ откупныхъ, ни въ акцизныхъ кабакахъ, легко платилъ свои небольшія подати и былъ честенъ болѣе всякаго нѣмца.

Въ этой вѣрѣ значительно укрѣпляетъ насъ молодой магистръ г. Н. Аристовъ, который въ своей магистерской диссертаціи: *Промышленность древней Руси* (1866 г.) храбро выставилъ между прочими слѣдующіе тезисы:

«Такъ-какъ природа, служа естественнымъ источникомъ довольства народнаго, была богаче въ древнее время, то и общее благосостояніе народа было болѣе удовлетворительно до XV в., чѣмъ, напримѣръ, въ XVI и XVII в., когда природа сдѣлалась скуднѣе, лѣсовъ, звѣрей и другихъ источниковъ богатства меньше, и большая часть земель и угодій находилась въ распоряженіи духовенства и бояръ» (стр. 260). А потому

1) «Пища русскаго народа въ древнюю пору была болѣе разнообразна, чѣмъ въ послѣдующее время, и предки наши въ этомъ отношеніи были разборчивѣе большинства своихъ потомковъ» (стр. 82).

2) «Въ раннее время народъ питался преимущественно мясною пищей, чувствовалъ себя обезпеченнѣе и довольнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ въ послѣдующее время, когда исключительно почти употреблялъ пищу растительную». (Ibid).

По долгу безпристрастныхъ историковъ, мы не можемъ здѣсь не присовокупить, что на диспутѣ, бывшемъ по поводу названной диссертаціи, г. Аристовъ впалъ въ такое малодушіе, что чуть не отказался отъ приведенныхъ нами тезисовъ. По крайней мѣрѣ, онъ замялся, сконфузился и видимо сталъ путаться, когда кто-то изъ профессоровъ или посѣтителей предложилъ ему слѣдующій вопросъ: «такъ вы не допускаете постепеннаго историческаго движенія впередъ? Отвергаете непрерывное прогрессивное развитіе народа? Думаете, что народъ, пройдя нѣсколько столѣтій своей исторической жизни, можетъ очутиться въ какомъ-нибудь отношеніи въ худшемъ положеніи, чѣмъ былъ въ началѣ или въ срединѣ своего историческаго поприща?»

Еслибы подобный вопросъ былъ предложенъ намъ, мы никакъ не впали бы ни въ какое малодушіе и замѣшательство.

«О, да, г. профессоръ, отвѣтили бы мы отъ всего сердца, мы думаемъ такъ; мы думаемъ даже болѣе, что народъ можетъ очутиться въ худшемъ положеніи не въ одномъ какомъ нибудь отношеніи, а въ очень многихъ, и притомъ наисущественнѣйшихъ въ дѣлѣ его истиннаго развитія. Наконецъ мы думаемъ, что онъ можетъ прогрессивно дѣлаться худшимъ даже во всѣхъ отношеніяхъ, и наконецъ, совсѣмъ сойдти съ исторической сцены, какъ это и случилось со многими народами древности».

Съ этою твердою вѣрою мы раскрываемъ страницы нашей исторіи, чтобы представить читателю нѣкоторыя соображенія, въ силу которыхъ можетъ рождаться иногда невольно недовѣріе къ тому распространяемому разными историками ро-

зовому воззрѣнію, что мы постоянно идемъ впередъ въ нашемъ историческомъ движеніи.

До-монгольскій, или такъ-называемый удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи такъ рѣзко выдѣляется изъ всей послѣдующей нашей исторіи, что онъ представляется въ ней скорѣе какою-то совершенно отдѣльною главою, эпизодическимъ приложеніемъ къ ней, чѣмъ существенною, органически, неразрывно связанною съ нею частію. Съ перваго взгляда вся жизнь этого періода носитъ на себѣ характеръ какого-то безобразнаго, неопредѣленнаго броженія, или точнѣе, безцѣльной сумятицы, которая, повидимому, неспособна дать изъ себя ничего зиждительнаго, неспособна основать ничего прочнаго. Посмотрите на эти безцѣльныя рысканія нашихъ первыхъ норманскихъ князей по свѣту, единственно ради исканія приключеній; посмотрите, далѣе, на эти постоянныя отыскиванія князьями стола кіевскаго, на непрестанныя вообще ихъ передвижки изъ княжества въ княжество, на безконечныя и безсмысленныя, какъ выражались прежде, дракн князей, на народъ, который, повидимому, въ томъ только и проводилъ время, что стоялъ у воротъ, выпускалъ или выгонялъ одного князя, да впускалъ другого, оплачивая нерѣдко и впускъ и выпускъ своею кровію; который кромѣ того долженъ былъ отстаивать себя отъ печенѣговъ или половцевъ; посмотрите, наконецъ, на эти поголовныя вѣча, неимѣвшія никакихъ формъ и юридическихъ опредѣленій, по произвольному зову какой нибудь ничтожной горсти людей, иногда нѣсколькихъ человѣкъ, переворачивавшія мгновенно порядокъ цѣлыхъ городовъ и княжествъ. На первый взглядъ все это представляется безъисходнымъ хаосомъ, хронической неурядицей и анархіей, общей деморализаціей.

Но вотъ вы начинаете ближе и пристальнѣе всматриваться въ этотъ хаосъ,—и передъ вами начинаютъ выдѣляться такія чистыя, симпатичныя личности, какихъ напрасно вы бы стали искать въ послѣдующей нашей исторіи. Вы чувствуете, что эти личности не могли быть порожденіемъ хаотическаго, деморализированнаго состоянія общества, что въ томъ обществѣ, гдѣ онѣ родились и воспитались, при всей его наружной мутности и неприглядности, внутри были свѣжіе, чистые родники, не дававшіе ему гнить, постоянно его обновлявшіе. Какое можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, сравненіе чистыхъ, свѣтлыхъ образовъ Владиміровъ, Ярославовъ, Мономаховъ, Мстиславовъ, Изяславовъ и т. д. съ послѣдующими почтенными собирателями московскаго княжества, руки которыхъ были всегда по локоть обагряны кровію и которые не знали другой политики, кромѣ политики коварства и кровожадности? Мы, конечно, нисколько не думаемъ выставить удѣльно-вѣчевое общество идеаломъ нравственной чистоты. Но посмотрите, какъ въ самыхъ междоусобіяхъ удѣльнаго періода отражается человѣчный и нравственный характеръ общества. Насильственныя дѣйствія князей, каковы были, напримѣръ, убіеніе Святополкомъ своихъ братьевъ, ослѣпленіе Василька и т. п., производятъ потрясающее дѣйствіе на народъ и самихъ князей и признаются всѣми за ужасныя злодѣйства. Имя окаяннаго Святополка сдѣлалось для всѣхъ символомъ проклятія. Между тѣмъ, въ Московскомъ государствѣ подобныя злодѣйства сдѣлались нормальными явленіями дня, не обращавшими на себя почти ничьего вниманія. Владиміръ Мономахъ, въ поученіи къ своимъ дѣтямъ, увѣщевая ихъ быть всегда вѣрными данному слову, говоритъ о себѣ, что разъ его встрѣтили послы братьевъ на Волгѣ и, отъ имени послѣднихъ, сказали ему: «присоединись къ намъ, выгонимъ Ростиславичей (Владиміра и Василька) и займемъ ихъ волость; если не пойдешь съ нами, то и мы не будемъ помогать тебѣ». «Гнѣвайтесь, пожалуй, отвѣчалъ я, не могу идти съ вами, я цѣловалъ крестъ, давая клятву жить въ мирѣ». Мономахъ разъ только позволилъ уговорить себя нарушить клятву въ отношеніи къ ханамъ половецкимъ, по тому уваженію, что поганые сами безпрестанно нарушаютъ клятвы. Сынъ его, Мстиславъ, несмотря на разрѣшеніе духовенства, всю жизнь каялся въ томъ, что нарушилъ клятву, данную Ярославу Черниговскому. Какими невинными голубями представятся намъ и Владиміръ Мономахъ, толкующій о святости крестнаго цѣлованія, и сынъ его Мстиславъ, сокрушающійся, несмотря на разрѣшеніе духовенства, за нарушенную клятву, если вспомнимъ, что въ московскомъ государствѣ крестное цѣлованіе сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ политической игрушки и ловушки для простаковъ.

Тою же честностію и прямотою, которою отличаются князья въ нашей древней Руси, отличается и народъ. Мы имѣемъ примѣры, что народъ цѣлыхъ княженій прямо отказывался служить тому дѣлу, которое онъ считалъ противнымъ своей совѣсти и убѣжденію, или по крайней мѣрѣ открыто высказывалъ ему свое порицаніе. Такъ, кіевляне одинъ разъ рѣшительно отказали любимому своему князю Изяславу, когда онъ приглашалъ ихъ идти на войну противъ дяди его Георгія, потому что, по понятіямъ того времени, вооружаться племяннику противъ дяди было дѣломъ преступнымъ. Въ другой разъ, хотя и не отказались вполнѣ, но высказали князю свое неодобреніе. Не только подобныхъ примѣровъ общенародной или обще-общественной правды мы напрасно бы стали искать въ народѣ московскаго государства, но даже въ частной жизни онъ здѣсь такъ изолгался, что сталъ притчею для иностранцевъ, въ глазахъ которыхъ московитъ и обманщикъ сдѣлались почти синонимами. Не приводя безчисленнаго множества свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ, имѣющихся въ сочиненіяхъ почти всѣхъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи, мы упомянемъ только объ одномъ, ясно говорящемъ за себя фактѣ, что въ XVI столѣтіи въ Крыму,

на аукціонахъ при продажѣ въ рабство плѣнныхъ русскихъ, которыхъ татары безъ числа добывали и изъ восточной и изъ западной Руси, аукціонистъ обыкновенно кричалъ громко: «а вотъ рабы самые новые, простые, нехитрые, только-что привезенные изъ народа королевскаго, а не московскаго». Очевидецъ, сообщающій это извѣстіе, прибавляетъ, что «московское племя почиталось самымъ дешевымъ, какъ коварное и обманчивое». Что такое мнѣніе о лживости и безчестности московскаго народа было нисколько не преувеличенное, это доказывается безчисленнымъ множествомъ нашихъ домашнихъ источниковъ, и въ томъ числѣ даже оффиціальныхъ. Возьмемъ, напримѣръ, хоть узаконенія Судебника Ивана IV о повальныхъ обыскахъ. Судебникъ говоритъ: «шлются съ суда на обыскъ, и посылаютъ въ обыскъ, и въ обыскахъ многіе люди лжутъ семьями и заговоры великими, иные говорятъ по ищеѣ, а иные по отвѣтчикѣ, и по тѣмъ по лживымъ обыскамъ посылаютъ въ другіе обыскивати, и на тѣжъ люди говорятъ иные рѣчи». При подобномъ всеобщемъ лганьѣ отправленіе правосудія дѣлалось очень затруднительнымъ и, пожалуй, иногда вовсе невозможнымъ. Чтобы поощрить московскихъ людей къ правдѣ, Судебникъ прибѣгаетъ къ кнуту. Но бить кнутомъ при каждомъ слѣдствіи по нѣскольку сотенъ обыскныхъ людей было бы для правосудія очень хлопотливо и утомительно. Поэтому Судебникъ узаконяетъ: въ случаѣ очевидно лживаго обыска, когда, напримѣръ, показанія обыскныхъ людей раздѣлятся поровну— одна половина будетъ за истца, другая за отвѣтчика, назначать новый обыскъ изъ другихъ людей, чтобы узнать, которая половина солгала, и затѣмъ брать по пяти и шести человѣкъ лучшихъ крестьянъ и прикащиковъ изъ каждой солгавшей сотни и бить кнутомъ, а солгавшихъ игуменовъ, поповъ и діаконовъ отсылать для наказанія къ архіерею; такому же наказанію подвергать и людей, которые «въ обыскахъ въ одномъ дѣлѣ двои рѣчи говорятъ».

Мы сочли нужнымъ сказать нѣсколько словъ о моральномъ состояніи общества, потому что какъ общественная честность можетъ быть только продуктомъ совокупнаго дѣйствія извѣстнаго матеріальнаго довольства народа и болѣе или менѣе свободныхъ политическихъ учрежденій, въ немъ дѣйствующихъ, такъ точно нищета и рабство ведутъ народъ неизбѣжно къ всеобщей лживости и безчестности.

Исторія застаетъ нашихъ славянъ въ переходномъ состояніи отъ быта кочевого къ земледѣльческому. Несторъ прямо противополагаетъ полянамъ—племени земледѣльческому—древлянъ, радимичей, вятичей, сѣверянъ, которые жили въ лѣсахъ, питались охотою на дикихъ звѣрей и птицъ и ѣли все, что̀ ни попадалось имъ подъ руку. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы у древлянъ, радимичей, вятичей, сѣверянъ не было вовсе земледѣлія, но оно не было такъ распространено, какъ у полянъ, было только въ начаткахъ, и главное пропитаніе народа состояло въ звѣроловномъ промыслѣ.

Распространеніе земледѣлія сильно затруднялось сравнительною недостаточностію земледѣльческихъ орудій и, вѣроятно, ихъ дороговизною и недостаточностію скота. Даже въ Кіевѣ, тогдашнемъ центрѣ русской жизни, преподобный Несторъ самъ долженъ былъ пристроивать свой заступъ, чтобы копать могилу Ѳеодосія. Ясно, что и такое орудіе, какъ заступъ, было цѣнно. Относительно скота, у Константина Багрянороднаго есть такое извѣстіе, что въ Россіи не водилось коровъ, лошадей, овецъ, и что русскіе доставали скотъ отъ печенѣговъ. Это извѣстіе, конечно, преувеличено, но что у русскихъ скотъ былъ рѣдокъ, это подтверждается нѣкоторыми соображеніями изъ нашихъ собственныхъ памятниковъ. Въ ополченіяхъ древнихъ князей конницу всегда почти составляли степные народы. По Русской Правдѣ, конокрадъ отдавался на потокъ князя — наказаніе самое тяжкое, назначавшееся за немногія тяжкія преступленія. Ясно, что кони цѣнились очень дорого. Въ Псковской Судной Граматѣ за кражу лошадей опредѣлялась смертная казнь. Князья старались собирать стада разнаго скота, въ особенности лошадей, и какъ самую цѣнную вещь, передавали ихъ по письменнымъ завѣщаніямъ своимъ дѣтямъ.

Но весьма сомнительно, чтобы даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земледѣліе было распространено и было въ обычаѣ, было всюду извѣстно приготовленіе печенаго хлѣба. Хлѣбныя зерна варили и такимъ образомъ въ видѣ каши или кутьи употребляли въ пищу. Приготовлять хлѣбъ печеный было довольно затруднительно. Упоминаній о мельницахъ мы не встрѣчаемъ до самаго XIII столѣтія. Тамъ, гдѣ употреблялся печеный хлѣбъ, зерно мололось ручными жерновами. Это была работа весьма трудная и требовавшая много времени. Кіево-печерскіе иноки исполняли ее въ видѣ монашескаго послушанія. Для потребы братій «жито купяху и се раздѣляхуть (между монахами), да къждо въ нощи свою часть измеляшетъ на строеніе хлѣбомъ». Ѳеодосій, по своему трудолюбію, мололъ за всѣхъ во время ночи. Количество хлѣба, которое смалывалось на ручныхъ жерновахъ, доходило иногда до значительной степени: инокъ Ѳедоръ былъ очень трудолюбивъ, разсказываетъ Патерикъ печерскій, «постави же въ пещерѣ жерновы и отъ сусѣка пшеницу взимая и своими руками измеляще; по вся нощи безъ сна пребывая, тружаяся въ дѣлѣ и молитвѣ, заутра же въ сусѣки муку даяше... Нѣкогда привезену бывшу житу отъ селъ; инокъ Ѳеодоръ 5 возовъ ссыпа жита въ сосуды, нача молоти въ жерновы... Бѣсъ за него все смололъ» (63). Само собою разумѣется, что при такомъ способѣ приготовленія муки молоть зерно могли только люди богатые, у которыхъ было много рабовъ или прислуги и которые

могли имѣть свои жернова. До какой степени приготовленіе муки и искусство печенія хлѣба было мало распространено, можно видѣть изъ того факта, что во время молодости преподобнаго Ѳеодосія въ Курскѣ часто не бывало богослуженія по недостатку просфоръ.

Изъ овощей были извѣстны: капуста, чеснокъ, лукъ, бобы, тыква, горохъ.

Растительная пища употреблялась немногими: 1) въ видѣ печенаго хлѣба, вообще же 2) въ видѣ кутьи, варенаго пшена, или каши, которая была праздничнымъ кушаньемъ; лѣтописецъ говоритъ подъ 1224 г.: «оженися князь Олександръ, сынъ Ярослава, въ Новгородѣ, поя въ Полотскѣ у Брячеслава дчерь и вѣнчася въ Торопчи, ту кашу чини, а въ Новгородѣ другую»; 3) въ видѣ гороху варенаго, 4) зелья варенаго; о монахахъ кіевопечерскаго монастыря XI ст. говорится: «ови ядуще хлѣбъ съ водою, ови зелье варено, другіе сыро». О монахахъ того же монастыря въ Патерикѣ подъ 1462 г. замѣчено, что «они не обрѣтоша сочива, зелье сварившe и то ядяху». Можно думать, что подъ зельемъ (растеніемъ) здѣсь разумѣются огородныя овощи; въ XV столѣтіи русскія щи, вѣроятно, были уже въ употребленіи.

Но общею пищею всѣхъ, при неудовлетворительномъ состояніи земледѣлія, была мясная. Эта пища преобладала и на столѣ богатыхъ и на столѣ бѣдныхъ людей, потому что она легко, безъ особаго труда, доставлялась тѣмъ и другимъ богатою въ то время всякимъ звѣремъ и птицей природою. О пирахъ Владиміра лѣтописецъ говоритъ, что на нихъ «бываше множество отъ мясъ и отъ скота, и отъ звѣрины, бяше бо по изобилью отъ всего». Одно слово о богатомъ и убогомъ, писанное до 1200 г.. такъ описываетъ обѣдъ богача: «тъ богато на земли живяше... на обѣдѣ же служба бѣ многа, сосуди златомъ скована и сребромъ, брашно много и различно: тетеря, гуси, жеровіе, ряби, голуби, кури, зайца, елене, вепреве, дичина, чамъ ри» (?) и проч. Само собою разумѣется, что питаясь столомъ, притовленнымъ природою, предки наши, въ особенности бѣдные изъ нихъ, не могли быть разборчивы въ употребленіи пищи; они ѣли всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыя водились и которыхъ можно было наловить въ извѣстной мѣстности. Несторъ говоритъ о радимичахъ, вятичахъ, сѣверянахъ, что они «живяху въ лѣсу, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто». Изъ чего состояла эта нечистая пища, видно изъ подобной замѣтки его о половцахъ: «ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сосулы». Г. Аристовъ не безъ основанія догадывается, что подъ мертвечиною здѣсь надобно разумѣть удавленныхъ животныхъ, употребленіе которыхъ преслѣдовалось церковью. Изъ оставшихся церковныхъ памятниковъ видно также, что употреблялись въ пищу медвѣди, бѣлки, зайцы. Духовенство сильно вооружалось противъ употребленія въ пищу всѣхъ вообще животныхъ, употребленіе которыхъ было запрещено въ ветхомъ завѣтѣ; оно сильно вооружалось также противъ употребленія вообще мяса въ постные дни. И это, конечно, имѣло свою дозу вліянія на распространеніе и усиленіе земледѣлія.

Что мясной пищи могло ставать на все тогдашнее народонаселеніе, это мы можемъ видѣть изъ историческихъ свидѣтельствъ о чрезвычайномъ обиліи звѣря и птицы въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ нѣтъ и слѣда ничего подобнаго. Такъ, въ путевыхъ запискахъ Михалона Литвина о югозападной Руси уже въ XIV вѣкѣ говорится въ этомъ отношеніи слѣдующее: «звѣрей такое множество въ лѣсахъ и степяхъ, что дикіе волы (bisontes), дикіе ослы (anagri) и олени убиваются только для кожи, а мясо бросается, кромѣ филейныхъ частей; козъ и кабановъ оставляютъ безъ вниманія. Газелей такое множество перебѣгаетъ изъ степей въ лѣса, а лѣтомъ въ степи, что каждый крестьянинъ убиваетъ тысячи. На берегахъ живетъ множество бобровъ. Птицъ удивительно много, такъ что мальчики весною наполняютъ лодки яицами утокъ, дикихъ гусей, журавлей и лебедей, и потомъ ихъ выводками наполняются и птичьи дворы». Изъ поученія Мономаха видно, что въ лѣсахъ Черниговской области водились въ XII вѣкѣ дикіе быки, олени, лоси, кабаны, медвѣди, волки и дикіе кони. Мономахъ говоритъ о себѣ, что онъ «конь дикихъ своима рукама связалъ въ пуштахъ 10 или 20 живыхъ конь, а кромѣ того иже по Роси ѣздя ималъ своима рукама тѣ же конѣ дикіе». Даже на югѣ Россіи, гдѣ начинается степная полоса и гдѣ въ настоящее время никакихъ звѣрей не имѣется, кромѣ овражковъ, обиліе дичи было удивительное еще въ XIV столѣтіи. Митрополитъ Пименъ въ своемъ хожденіи въ Царьградъ въ 1392 году, о плаваніи своемъ по Дону пишетъ слѣдующее: «бысть же сіе путное шествіе печально и уныньливо: бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видно тамъ ничтоже, ни града, ни села; пусто все и не населенно; нигдѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая». Объ обиліи звѣрей и птицъ въ областяхъ сѣверныхъ, сѣверовосточныхъ и нынѣшнихъ внутреннихъ губерній нечего и говорить.

Итакъ, хотя русскіе и не обладали въ древнее время искусствомъ приготовлять пищу (искусство это было въ зачаткѣ только въ монастыряхъ, гдѣ были хлѣбники и повара) и *разносоловъ*, какъ выражается г. Аристовъ, не любили, но поѣсть было что вдоволь.

Точно также было что и выпить. Хотя въ то время въ общемъ употребленіи не было ни водки, которая изобрѣтена, какъ извѣстно, въ XIII столѣтіи, ни виноградныхъ винъ, которыя привозились въ незначительномъ количествѣ изъ Греціи и были доступны, можетъ быть, только

князьямъ и немногимъ богатымъ людямъ, за то были въ обиліи *меды сладкіе, пѣнные, чистые, пѣпряные и пиво.*

Бортничество или пчельный промыселъ былъ извѣстенъ нашимъ предкамъ съ доисторическихъ временъ. Это не былъ промыселъ искусственный, какъ нынѣшнее пчеловодство, которое явилось не ранѣе XIV вѣка, это былъ промыселъ вольный надъ дикими пчелами. *Бортью* называлась выдолбленная пустота въ деревѣ для помѣщенія пчелъ. Такими бортями служили старыя деревья съ дуплами, или искусственно приготовленныя пустоты въ новыхъ деревьяхъ. Бортные лѣса, гдѣ водились дикія пчелы, отличались въ древнее время отъ простыхъ, или такъ называемыхъ черныхъ лѣсовъ и представляли собою родъ нынѣшнихъ пчельниковъ и пасекъ. Бортничество было издавна промысломъ очень распространеннымъ по Руси. Еще въ 946 году древляне говорили Ольгѣ о своей дани: «ряди даемъ медомъ и скорою». Въ «Русской Правдѣ» встрѣчаемъ уже полное законодательство относительно *раззнаменающихъ* борти, то-есть перемѣняющихъ на бортныхъ деревьяхъ бывшіе знаки для присвоенія ихъ себѣ, относительно срубающихъ эти деревья, съ пчелами или безъ пчелъ, относительно княжихъ и крестьянскихъ бортей и судныхъ пошлинъ по бортнымъ дѣламъ. Бортный промыселъ, какъ доказываютъ историческія извѣстія, былъ сильно распространенъ во всей древней Руси, которая изобиловала всюду лѣсами. Поддерживался онъ, конечно, очень много тѣмъ, что медъ былъ единственнымъ хмѣльнымъ напиткомъ въ то время, который можно было приготовлять безъ хлѣба. Пиво должно было войти въ общее употребленіе уже позднѣе. У князей были особые медовые погреба, называвшіеся *медушами*, въ которыхъ хранилось огромное количество варенаго хмѣльного меду, полученнаго въ дань и собственнаго. Такъ 1146 года, въ погребахъ кіевскаго князя Святослава нашли 500 берковецъ меду, то-есть 5,000 пудовъ. Медъ былъ въ такомъ же общемъ употребленіи въ древней Руси, какъ нынѣ водка, или даже хлѣбъ. Неимѣніе его считалось уже признакомъ великой бѣдности и великимъ лишеніемъ, и христіанская благотворительность старалась облегчить это лишеніе. О Владимірѣ Великомъ лѣтописецъ говоритъ, что вмѣстѣ съ хлѣбомъ, мясомъ и другими съѣстными припасами, онъ велѣлъ возить по городу и медъ, для дряхлыхъ и больныхъ нищихъ. Иноки кіевопечерскаго монастыря употребляли также иногда медъ на подаяніе нищимъ, вмѣстѣ съ другими припасами. Церковь непитіе меда признавала однимъ изъ дѣйствительныхъ наказаній для всѣхъ грѣшниковъ на Руси. У Кирика читаемъ, между прочимъ, такое замѣчаніе: «мужу грѣшну связану эпитиміей, отнюдь ему не ясти мясъ, ни меду пити и на великъ день».

Современному читателю, который не видитъ ничего кругомъ себя, кромѣ бѣдности и голодованія въ народѣ, можетъ показаться весьма сомнительнымъ то обиліе, въ какомъ мы изображаемъ жизнь народа въ древней Руси. Но чтобы имѣть вѣру этому, онъ долженъ помнить, что на томъ самомъ пространствѣ земли, на которомъ живутъ теперь десятки милліоновъ народа, жило въ древнее время, даже передъ самымъ нашествіемъ монголовъ, вѣроятно, не болѣе, или немного болѣе одного милліона народа. Ибо, если взять цифру нынѣшняго народонаселенія Россіи (70 мил.) и предположить, что въ древнее время народонаселеніе удвоивалось не въ 25 или въ 30 лѣтъ, какъ нынѣ, а только одинъ разъ въ столѣтіе, то и въ такомъ случаѣ болѣе милліона народонаселенія, даже для XII вѣка, принять нельзя. При такой рѣдкости народонаселенія, человѣкъ могъ выбирать себѣ для поселенія такія мѣста, гдѣ природа всего доставляла ему въ волю, что было нужно для жизни. Не забудемъ при этомъ, что древняя Русь, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ благодатной природѣ нынѣшняго южнаго края, тогда еще нетронутой и богатой лѣсомъ, и звѣремъ, и птицей.

Вслѣдствіе этого, т.-е. вслѣдствіе рѣдкости населенія и сравнительнаго довольства каждаго члена его, каждый трудъ человѣка для другихъ,— трудъ наемный,— былъ поставленъ въ особенно благопріятныя условія. Основаніе государствъ положило вмѣстѣ первый камень и культурѣ страны. Для князя и дружины его, для войска потребовались разныя мастерства и ремесла, въ которыхъ дотолѣ не чувствовалось нужды. Въ особенности кругъ этихъ ремеслъ и разныхъ городскихъ промысловъ долженъ былъ сильно разшириться, когда съ принятіемъ христіанства нашла широкій входъ въ Россію греческая цивилизація и когда одновременно съ этимъ во всѣхъ главныхъ городахъ тогдашней Россіи явились княжескіе дворы съ дружиною, епископскія каѳедры, монастыри, церкви. Повсюду потребовалось огромное количество рукъ для производства промышленности собственно городской, которая должна была удовлетворить неизвѣстнымъ прежде потребностямъ новаго строя жизни. Такъ потребовались въ *плотничномъ* дѣлѣ *древодѣлы* для церквей, *городники*, т.-е. мастера укрѣпляющіе города, мастера *жорочные*, т.-е. приготовлявшіе стѣнобитныя орудія, мостники, и т. д., въ *каменномъ* дѣлѣ,— искусники въ обдѣлываніи камня, такъ-какъ нѣкоторыя церкви и принадлежности въ нихъ дѣлались изъ камня, искусные въ приготовленіи кирпича, въ кладкѣ кирпичныхъ зданій, печные зиждители, т.-е. печники и т. д. (доселѣ печи дѣлались изъ глины), гончары и т. д., въ *металлическомъ* дѣлѣ — плавильщики желѣза, ковачи, кузнецы, литейщики мѣди для колоколовъ и разныхъ церковныхъ вещей, литейщики свинца и олова и т. д. Но тотъ же самый новый строй жизни, увеличивъ расходы каждаго княженія, потребовалъ усиленія и развитія сельскихъ промысловъ, составлявшихъ глав-

ныя статьи дохода, каковы были скотоводство, бортный промыселъ, звѣриный промыселъ, рыболовство и т. д. Вотъ почему каждый человѣкъ, знавшій какое-нибудь ремесло, былъ дорогъ въ древней Руси. По Русской Правдѣ, за убійство раба или рабы, знавшихъ ремесло, взыскивалось 12 гривенъ — двойная цѣна противъ простого раба — смерда. Тѣмъ болѣе дорожили вольными мастеровыми всякаго рода. Достать ихъ было не легко. Князья отказывали ихъ по духовнымъ завѣщаніямъ, само собою разумѣется, въ томъ случаѣ, если сами отказываемые соглашались жить на прежнемъ мѣстѣ, — а также въ договорныхъ грамотахъ даже послѣдующаго времени (XIV) оговаривали между собою, кому по скольку брать мастеровъ, если такіе будутъ добыты. Въ договорной грамотѣ Василья Дмитріевича съ дядей 1389 г. читаемъ: «а кого собѣ вымемъ огородниковъ и мастеровъ, — и мнѣ князю великому зъ братьею два жеребья, — а тобе брате треть». Рѣдкость населенія и свобода, которою пользовались всѣ, кромѣ рабовъ, число которыхъ было очень незначительно, сильно возвышали цѣну всѣхъ вообще работъ. Князья и вообще богатые люди старались привлечъ на свои земли рабочихъ людей, давая разныя льготы переселявшимся, снабжая скотомъ, орудіями, вообще хозяйствомъ переселявшихся бѣдняковъ и т. п. Какъ быстро дѣйствовали эти средства на привлеченіе народонаселенія, можемъ судить по слѣдующему примѣру. Въ 1289 году одинъ татарскій баскакъ основалъ въ курскомъ княженіи двѣ слободы и сталъ звать туда народъ, и «бысть отъ него вся еже, что хотяще, и заборонь отвсюду велика. И такъ умножишася людіе въ слободахъ тѣхъ, и быша тамъ торги, и мастера всякіе, и быша тѣ двѣ слободы, яко грады великіе».

Думаютъ, что эти средства привлеченія народа могли служить и ловушкою для бѣдняковъ. Именно сѣвшій на чужую землю для обработки ея на готовыхъ орудіяхъ и готовомъ скотѣ, дѣлался такъ-называемымъ *закупомъ* — человѣкомъ полусвободнымъ, который не могъ оставить хозяина, не выплативши ему ссуды. Отсюда, какъ и отъ кабалы, былъ только одинъ шагъ до полнаго холопства. Но мы думаемъ, что обратить закупа въ холопа въ древней Руси, гдѣ было столько отдѣльныхъ другъ отъ друга княженій и гдѣ въ каждомъ княженіи рабочаго человѣка принимали съ распростертыми объятіями и со всякими льготами, было не такъ-то легко и, вѣроятно, на практикѣ законъ объ обращеніи въ извѣстныхъ случаяхъ закуповъ въ холоповъ, до самаго начала московскаго княженія, оставался большею частью мертвой буквой.

Вообще положеніе дѣлъ было такое, что собственныя выгоды каждаго князя или богатаго землевладѣльца заставляли его заботиться о благосостояніи своихъ рабочихъ. Нужда народа и его матеріальное благосостояніе не выпускались изъ виду даже при самыхъ трудныхъ политическихъ обстоятельствахъ. Для характеристики тогдашняго времени въ этомъ отношеніи у Нестора есть превосходный разсказъ о совѣтѣ, который держали въ 1111 году Владиміръ Мономахъ и кіевскій князь Святополкъ: начинать войну съ половцами или нѣтъ? — Въ 1111 году Владиміръ Мономахъ сталъ уговаривать кіевскаго князя Святополка идти на половцевъ. Святополкъ передалъ рѣчь Владиміра дружинѣ, которая сказала: «теперь весною не время отнимать работника отъ поля». Князья положили сойтись и посовѣтоваться объ этомъ. Сошлись и сѣли въ одномъ шатрѣ: князь Святополкъ съ своею дружиною, Владиміръ — съ своею. Оба молчали. «Братъ, началъ наконецъ Владиміръ, — ты старшій; скажи первый, какъ ты промыслишь о землѣ русской?» Братъ, начни ты, — отвѣчалъ Святополкъ. «Какъ же мнѣ говорить, началъ Владиміръ, — а противъ меня и твоя и моя дружина, будто я хочу погубить работниковъ и ихъ пашню. Дивно мнѣ, дружина, что жалѣете лошадей, а того не подумаете, что по веснѣ начнетъ поселянинъ тою лошадью орать, и пріѣдетъ половчинъ, ударитъ его стрѣлою и отниметъ лошадь, а потомъ разграбитъ село, захватитъ жену и дѣтей и сожжетъ гумно... Такъ вамъ жаль лошади, а самого его не жалко?» «Правда, правда», сказала дружина, и такимъ образомъ съ Владиміромъ согласились всѣ.

Мы показали общія условія экономическаго благосостоянія народа въ древней Руси; теперь мы должны выяснить, на сколько это благосостояніе было обезпечено политическимъ устройствомъ страны, ибо одно безъ другого немыслимо. И для этого мы должны войти въ нѣкоторыя подробности относительно первоначальнаго быта нашихъ славянъ.

Мы уже замѣтили, что исторія застаетъ нашихъ славянъ въ переходномъ состояніи отъ кочевого быта къ земледѣльческому. Характеристическое отличіе кочевого быта отъ земледѣльческаго, какъ показываетъ и самое названіе, состоитъ въ томъ, что племена не имѣютъ въ немъ осѣдлаго мѣстопребыванія, переходятъ съ одного мѣста на другое; дѣлаютъ же это потому, что, не научившись добывать сами себѣ пропитаніе отъ земли, они могутъ питаться только готовыми произведеніями природы. Коль скоро на мѣстѣ, гдѣ они живутъ, истощается звѣрь, птица, рыба, которыми они питаются, или истощается трава для пастбищъ, самая необходимость заставляетъ ихъ искать другого мѣста для поселенія, которое давало бы имъ готовое пропитаніе. Поселяясь на извѣстномъ мѣстѣ, кочевое племя сообща владѣетъ всѣмъ, что даетъ природа — и рыбой, и птицей, и звѣремъ, а если есть стада, то и пастбищемъ. Если роды племени многочисленны, то общія угодья разбиваются на большіе или меньшіе участки — каждый для нѣсколькихъ родовъ; внутри большихъ участковъ малые участки распредѣляются родоначаль-

никами родовъ; по мѣрѣ размноженія родовъ участки, естественно, мельчаютъ и передѣляются.

Но все это владѣніе временное, въ которомъ не можетъ родиться и воспитаться никакого понятія о частной недвижимой собственности. Всякій изъ членовъ племени знаетъ, что когда истощатся произведенія природы, которыми племя пропитывается, то оно уйдетъ въ другое мѣсто, гдѣ есть пропитаніе, и ему одному оставаться тутъ будетъ и незачѣмъ, и невозможно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ знаетъ, что гдѣ бы ни сѣло племя, и онъ и потомки его будутъ пользоваться одинаковыми со всѣми другими членами племени правами на общее пропитаніе.

Отсюда происходятъ слѣдующія особенности, которыми кочевой бытъ рѣзко отличается отъ земледѣльческаго.

Въ земледѣльческомъ быту человѣкъ всѣми силами своей души привязывается къ землѣ, которая его кормитъ; ради ея онъ разрываетъ, если нужно, всякія связи съ родными, съ друзьями, и поселяется нерѣдко совершенно одинокo на своемъ участкѣ. Въ кочевомъ быту, напротивъ, воспитывается въ человѣкѣ любовь къ своему племени, къ своему роду, которые его кормятъ и охраняютъ и безъ которыхъ онъ ничто. Отъ племени и роду онъ ни на шагъ; гдѣ онъ нащелъ ихъ, тамъ его отечество; земля для него ничего. Отсюда если происходитъ колонизація, кочевое племя колонизируется или во всемъ своемъ составѣ, или извѣстными серіями родовъ, напротивъ земледѣлецъ идетъ искать новой земли или одинъ или съ нѣсколькими ради разныхъ непредвидѣнныхъ случаевъ товарищами, съ которыми предварительно условливается насчетъ всѣхъ подробностей владѣнія, еслибы имъ привелось сѣсть вмѣстѣ или, точнѣе сказать, сидѣть другъ подлѣ друга. Кочевой человѣкъ немыслимъ безъ союза родового, невольнаго, въ который онъ вступаетъ при самомъ своемъ рожденіи; земледѣлецъ вступаетъ въ союзъ только самъ, по собственной волѣ, ради извѣстныхъ цѣлей или выгодъ, ограждая и опредѣляя ихъ твердыми договорами. Первый по рожденію невольный членъ общины, которая сложилась безъ его вѣдома и воли и отъ которой онъ зависитъ вполнѣ; второй есть членъ свободной ассоціаціи, которую онъ самъ добровольно составилъ или избралъ и въ которой онъ есть лицо, само себя опредѣляющее.

Изъ сказаннаго нами видно, что какъ въ земледѣльческомъ быту личность выдѣляется изъ ряда другихъ личностей, обособляется, дѣлается самостоятельною, сама себя опредѣляющею, такъ, напротивъ, въ кочевомъ быту она поглощается родомъ. Въ случаѣ столкновеній и сношеній съ другими личностями, личность въ земледѣльческомъ быту охраняетъ и защищаетъ самое себя извѣстными опредѣленіями и договорами, которые вызваны условіями ея жизни; въ кочевомъ быту личность состоитъ подъ волею и охраненіемъ своего родоначальника, какъ внутри рода, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ послѣдняго съ другими. Внутри рода онъ неограниченный властелинъ надъ имуществомъ, трудомъ, даже жизнію всѣхъ родичей; при сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ другими родами, онъ также единственный представитель и охранитель его интересовъ. Если нѣсколько родовъ сидятъ вмѣстѣ и самыми условіями своего мѣстожительства становятся въ общее пользованіе его угодьями, то начальники всѣхъ родовъ, сидящихъ вмѣстѣ, естественно, должны рѣшать всѣ междуродовыя дѣла не иначе, какъ съобща по взаимному соглашенію. Здѣсь первое начало общиннаго управленія, мірской сходки.

Порядки и обычаи своего кочевого быта славяне перенесли съ собою и въ бытъ земледѣльческій, какъ переносятъ ихъ и всѣ кочевыя племена при первоначальномъ своемъ вступленіи въ этотъ бытъ. Но у другихъ племенъ прежній бытъ ихъ быстро разлагается отъ сосѣдства съ другими народами, изстари земледѣльческими, отъ тѣсноты занимаемой ими территоріи, которая быстро вырабатываетъ начало поземельной собственности, и отъ другихъ причинъ. У славянъ ничего подобнаго не было. Сосѣдями ихъ были племена, невышедшія изъ кочевого быта; территорія ихъ была безконечная. Каждое племя, когда оно переполнялось людьми и начинало чувствовать затруднительность въ пропитаніи отъ многолюдства, могло выдѣлять изъ себя какія угодно колоніи и выселять ихъ на сосѣдственныя, — или совершенно пустопорожнія, никѣмъ незанятыя земли, или на земли, занятыя слабымъ финскимъ племенемъ, которое не оказывало никакого отпора славянской колонизаціи. Такимъ образомъ, тѣхъ важныхъ причинъ, которыя могли бы способствовать быстрому разложенію обычаевъ и порядковъ кочевого быта, у славянъ не было. Оттого у славянъ многіе изъ этихъ обычаевъ и порядковъ остаются нетронутыми черезъ всю ихъ исторію. Мы видимъ, что русскій народъ до послѣдняго времени показываетъ бо́льшую любовь къ племени, чѣмъ къ землѣ, что земледѣльческія колоніи черезъ всю исторію идутъ также цѣлыми родами и общинами, какъ кочевыя; видимъ также, что при началѣ государства частная поземельная собственность существуетъ только въ слабыхъ начаткахъ, что до послѣдняго времени во всѣхъ областяхъ Россіи, гдѣ не было долговременнаго чуждаго владычества, поземельная собственность остается на прежнемъ общинномъ началѣ; видимъ, что даже въ настоящее время, когда родовой бытъ давно уже исчезъ въ дѣйствительности, онъ сохраняется однакожъ живымъ въ родственныхъ счетахъ простого народа между собою и въ извѣстныхъ обязательныхъ по обычаямъ народнымъ отношеніяхъ къ дядямъ, теткамъ, тестямъ, тещамъ, свекрамъ и т. д.

Все это доказываетъ, что родовая форма быта

передъ началомъ русскаго государства была у нашихъ славянъ, если не преобладающею, то на столько сильною, что лѣтописецъ имѣлъ возможность сказать, что «каждый жилъ съ родомъ своимъ отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ». Это можетъ значить какъ то, что были еще роды, жившіе отдѣльно отъ всѣхъ другихъ родовъ, такъ и то, что были родовыя общины, составленныя изъ многихъ родовъ, управлявшихся совѣтомъ родоначальниковъ всѣхъ сидѣвшихъ вмѣстѣ родовъ, во всѣхъ междуродовыхъ интересахъ и дѣлахъ, въ дѣлахъ же и интересахъ внутреннихъ каждаго рода своими родоначальниками. Этотъ совѣтъ родоначальниковъ и составлялъ то, что называлось первоначально славянскимъ вѣчемъ. Понятно, что условія гарантіи безопасности для каждой отдѣльной личности въ подобныхъ чисто-родовыхъ общинахъ могли оставаться и оставались тѣ же самыя, какія были и въ родахъ, жившихъ совершенно отдѣльно другъ отъ друга.

Но рядомъ съ этою первоначальною формою быта, вѣроятно, передъ началомъ еще русскаго государства было довольно сильно развито и начало общинно-семейное. Въ мѣстахъ торговыхъ, промышленныхъ, вообще многолюдныхъ, гдѣ тѣ или другіе интересы скопляли и удерживали значительное множество людей, роды естественно должны были быстро разлагаться на семьи. Здѣсь личныя достоинства, нужныя для дѣла, брали верхъ надъ старѣйшинствомъ физическимъ, и разрушая родовую іерархію, необходимо производили внутреннюю борьбу и распаденіе родовъ. Кромѣ того, чужеродные элементы, входившіе въ составъ населенія, не могли подчиняться родовой юрисдикціи совершенно чуждыхъ имъ родоначальниковъ. Оттого здѣсь должно было образоваться начало старѣйшинства не родового, а выборнаго. Избранные старѣйшины естественно не могли имѣть такой власти, которую имѣли родоначальники. Послѣдніе были неограничены никѣмъ и ничѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ. Рядомъ съ первыми стояла власть общины, ихъ избиравшая, которая не только контролировала ихъ дѣйствія, но могла свергнуть ихъ во всякое время и избрать новыхъ. Мало-по малу власть избиравшая и контролировавшая, то-есть власть общины, присвоила себѣ право лично и непосредственно рѣшать всѣ дѣла общаго интереса и особенной важности. Отсюда образовались тѣ многолюдныя, почти поголовныя собранія для рѣшенія дѣлъ, которыя подъ именемъ вѣча играли такую важную роль въ удѣльномъ періодѣ нашей исторіи.

Повидимому, при такомъ общественномъ устройствѣ личность должна бы была вполнѣ освобождаться отъ опеки рода и являться подъ прикрытіемъ собственнаго личнаго достоинства. На самомъ же дѣлѣ было не такъ. Ибо въ отношеніяхъ новой семейно-общинной формы продолжали жить прежнія родовыя воззрѣнія. Даже въ дѣлахъ общественныхъ родовая союзность, если и потеряла свое прежнее исключительное значеніе, то удержала многія изъ основныхъ и существенныхъ правъ, напримѣръ, право кровной мести. А уже одно это право, оставленное за родомъ, дѣлало невозможными какія бы то ни было существенныя перемѣны въ прежнемъ строѣ жизни.

При низкой степени развитія, при сильномъ господствѣ родового партикуляризма, дѣлавшаго невозможнымъ прочный порядокъ и согласіе въ обществѣ, не было и другихъ нравственныхъ силъ, которыя были бы способны объединить умы и положить крѣпкую общественную завязь. Религія славянъ была непосредственно натуральная, состоявшая въ поклоненіи явленіямъ и силамъ природы и фактамъ быта. Каждый начальникъ рода, семьи, былъ вмѣстѣ и жрецомъ, и каждый родъ и семья могли имѣть свое религіозное міросозерцаніе. Если въ основѣ этого міросозерцанія и лежала общая религіозная традиція, то въ подробностяхъ она варьировалась до безконечности по племенамъ, родамъ и семьямъ, и не условливая собою внутренняго единства религіозной мысли, она не давала и единства внѣшняго, ибо была чужда всякаго единообразнаго общественнаго обряда.

То самое, что дѣлало невозможнымъ внутренній порядокъ и единеніе въ семьяхъ, родахъ, общинахъ, заставляло жить въ отчужденіи и отдаленіи другъ отъ друга и цѣлыя славянскія племена. Племенная замкнутость была еще сильнѣе, чѣмъ родовая. Къ тому же, по огромности территоріи нынѣшней Россіи, на которой славянскія племена населены были весьма слабо и рѣдко, они не имѣли частыхъ поводовъ ни къ сношеніямъ, ни къ столкновеніямъ, а слѣдовательно, и вообще къ сближенію. Все это дѣлало ихъ безсильными не только въ настоящемъ передъ всякимъ самымъ незначительнымъ внѣшнимъ врагомъ, но и не обѣщало ничего лучшаго въ будущемъ. Ибо чрезъ подобную разъединенность усиливался и абсолютизмъ родовой власти, изъ-подъ гнета которой не предвидѣлось никакой возможности выбиться личности и образовать то крѣпкое дружинное начало, которымъ такъ сильны были германскія племена во время переселенія народовъ, хотя они по своему развитію стояли ни чуть не выше нашихъ славянъ VIII и IX столѣтія. Вотъ почему славяне, если не съ охотою, то, повидимому, безъ всякаго противодѣйствія отдавались всякому побѣдителю, который свои отношенія къ нимъ ограничивалъ одною данью, не мѣшаясь въ ихъ внутреннее управленіе, вообще во внутреннія дѣла. Такъ въ VII вѣкѣ славянами дулебами, жившими на Бугѣ, владѣли авары и обращались съ ними варварски. Лѣтописецъ говоритъ, что «авары (обры) дѣлали насилія дулебскимъ женамъ; когда случалось ѣхать куда-нибудь обрину, то онъ не давалъ впрягать ни коня, ни вола, а приказывалъ впрягать трехъ или четырехъ, или пять сла-

вянскихъ женщинъ въ телѣгу и ѣхалъ на нихъ». Несмотря на такое варварство, дулебы терпѣливо сносили владычество обровъ и спаслись только тѣмъ, что сами обры исчезли. Козары издавна владѣли полянами, сѣверянами, вятичами; эти племена находились во власти козаръ и по основаніи русскаго государства; сѣверные славяне, новгородцы, кривичи съ нѣкоторыми финскими племенами подпали предъ началомъ государства власти варяговъ. Во власти варяговъ были, кажется, и нѣкоторыя другія славянскія племена. Такъ Полоцкомъ владѣлъ Рогволодъ, Туровомъ—Туръ: объ обоихъ ихъ лѣтописецъ говоритъ, повидимому, какъ о самостоятельныхъ владѣтеляхъ до самаго похода Владиміра на Ярополка. Не видно, чтобы гдѣ-нибудь славяне, за исключеніемъ сѣверныхъ племенъ новгородцевъ и кривичей съ весью, старались отбиться отъ власти иноплеменниковъ и сдѣлаться самостоятельными. Напротивъ того, они легко, повидимому, какъ бы съ охотою переходили изъ-подъ одной власти къ другой. Такъ Аскольдъ и Диръ, два мужа Рюрика, выпросившись у него идти въ Царьградъ, конечно, съ небольшою дружиною, заходятъ по спопутности къ Кіеву и спрашиваютъ кіевлянъ: «Чей этотъ городокъ?» Кіевляне отвѣчаютъ: «Этотъ городокъ построили три брата Кій, Щекъ и Хоривъ, теперь они умерли, а мы сидимъ въ немъ и платимъ дань козарамъ». Аскольдъ и Диръ садятся въ городѣ и поляне начинаютъ преспокойно платить имъ дань. Черезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ послѣ этого приходитъ въ Кіевъ Олегъ, убиваетъ коварнымъ образомъ Аскольда и Дира, садится въ Кіевѣ, и поляне также безъ всякаго противодѣйствія начинаютъ платить дань ему.

При родовой и племенной замкнутости, при абсолютизмѣ родовой власти, полагавшихъ преграду всякому развитію, первые начатки развитія естественно должны появиться у тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ иностранцами и подчинены были самому сильному постороннему вліянію. Въ такихъ именно благопріятныхъ отношеніяхъ по своему географическому положенію находились славяне новгородскіе. Область Новгородская, находясь при началѣ великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Грецію, была наводнена варягами, находилась даже подъ властію ихъ. Естественно, что здѣсь, при сильно разлагающемъ иностранномъ вліяніи, ранѣе почувствовалось неудобство порядковъ родового быта, ранѣе сложился семейно-общинный бытъ и болѣе правильная форма общиннаго управленія, а затѣмъ возникла мысль объ организованіи особой судебной власти въ лицѣ князя.

Мы привыкли верховенство нашихъ первоначальныхъ князей представлять себѣ въ томъ же видѣ, въ какомъ оно является только въ нашей послѣдующей исторіи. Власть какого-нибудь Рюрика или Игоря многими нисколько не отличается отъ власти, напримѣръ, Ивана III или Ивана IV. На дѣлѣ это было однакожъ не такъ. Первоначальные русскіе князья были не болѣе какъ чиновники, приглашонные племенами для отправленія военнаго и суднаго дѣла въ видахъ внѣшней безопасности и внутренняго спокойствія страны. Для этого они первоначально поселялись въ пограничныхъ пунктахъ земель, принадлежавшихъ призвавшимъ ихъ племенамъ. Такъ Рюрикъ сѣлъ не въ Новгородѣ, а въ Ладогѣ, Синеусъ—на Бѣлѣ озерѣ, Труворъ — въ Изборскѣ. За отправленіе своихъ должностей, князья получали извѣстную подать съ племенъ, военную добычу и, вѣроятно, судебныя пошлины. Но славяне вовсе не думали уступать имъ ни верховныхъ правъ на землю, ни верховныхъ правъ управленія. Земля находилась попрежнему въ полномъ распоряженіи занимавшихъ ее родовъ, общинъ, племенъ, и на нее кромѣ этихъ послѣднихъ никто не имѣлъ права. Другое дѣло земли пустопорожнія, которыхъ было мало, и которыя могъ всякій своимъ трудомъ обращать въ свою собственность. Точно также въ полномъ вѣдѣніи и распоряженіи самихъ славянъ находилось и ихъ внутреннее управленіе. Древляне, сватающіе по смерти Игоря Ольгу за своего князя Мала, говорятъ ей въ похвалу своихъ князей, что они «распасли» Древлянскую землю. Первое начало верховенству княжеской власти положено было христіанствомъ, и съ того времени началось развитіе ея на основаніи христіанскихъ началъ, въ соотвѣтствіи, впрочемъ, съ началами народными. Только уже съ развитіемъ московскаго княжества, подъ вліяніемъ византійскихъ воззрѣній и гнетомъ татарскаго ига, создался другой идеалъ ея, равно несовмѣстимый какъ съ началами христіанскими, такъ и съ началами народными.

Ничтожествомъ власти, предоставленной князьямъ, объясняется то непонятное для насъ явленіе, что славяне, безъ всякаго опасенія за свою самостоятельность, приглашаютъ на княженіе къ себѣ людей чужеродныхъ изъ другой страны, конечно, или вовсе имъ неизвѣстныхъ, или извѣстныхъ очень мало. Масса населенія, имѣвшая въ рукахъ своихъ управленіе и всю силу, была убѣждена, что она всегда будетъ въ состояніи выгнать отъ себя горсть пришельцевъ, въ случаѣ злоупотребленія ими предоставленной имъ властью. Но это заставляло и призванныхъ князей быть осторожнѣе и принимать свои мѣры для упроченія своей власти и огражденія своей безопасности. Есть извѣстіе, что, спустя два года послѣ призванія князей, Рюрикъ, сдѣлавшись, по смерти своихъ братьевъ, единовластителемъ государства, велѣлъ разосланнымъ имъ по разнымъ мѣстамъ мужамъ своимъ строить крѣпости, и построилъ имъ крѣпость въ Новѣгородѣ на противоположномъ берегу Волхова. Это не понравилось новгородцамъ. Недовольные, подъ предводительствомъ своего выборнаго воеводы Вадима Храбраго, вступили въ 864 году въ бой

съ Рюрикомъ, но были разбиты. Вадимъ съ нѣкоторыми своими единомышленниками палъ на мѣстѣ битвы, остальные были или казнены Рюрикомъ, или бѣжали. Черезъ три года подобное возстаніе опять повторилось въ Новгородѣ, но было тоже неудачно. Нѣкоторые предполагаютъ, что оба эти возстанія не удались потому, что въ нихъ участвовало самое незначительное меньшинство; что большинство было довольно Рюрикомъ и не имѣло никакихъ опасеній относительно предпринятой имъ постройки крѣпостей, дозволивъ даже ему самому вмѣсто Ладоги утвердиться въ Новгородѣ; что вообще Рюрикъ честно и справедливо выполнялъ принятыя имъ на себя обязанности согласно договору.

Но если такое предположеніе справедливо относительно Рюрика, то должно сказать, что преемники его нисколько не походили на него въ этомъ отношеніи. Воины по рожденію, для которыхъ война была самымъ пріятнымъ занятіемъ и прибыльнымъ ремесломъ, они скучали мирными земскими дѣлами, которыя къ тому же могли давать очень скудный доходъ. Со смертію Рюрика прекращается мирная дѣятельность князей, и все ихъ вниманіе сосредоточивается на дѣлѣ военномъ. Прежде всего обращается вниманіе на покореніе племенъ, населявшихъ нынѣшнюю Россію. Но покореніе мирныхъ славянскихъ племенъ мало давало поживы варягамъ, тѣмъ менѣе могло оно удовлетворить ихъ воинственной отвагѣ, привыкшей къ приключеніямъ смѣлымъ и опаснымъ. Варяговъ манила отдаленная и богатая Византія. Удачный походъ противъ Константинополя, совершенный въ 906 году Олегомъ, направилъ окончательно сюда силы и вниманіе варяговъ вплоть до самаго Владиміра.

Вслѣдствіе этого, хотя князья надъ остальными славянскими племенами уже господствовали не по договору, какъ въ Новгородѣ, а съ оружіемъ въ рукахъ къ качествѣ побѣдителей, тѣмъ не менѣе, они остались и къ нимъ въ тѣхъ же внѣшнихъ отношеніяхъ, какъ къ Новгороду. Они ходили въ свободное отъ войны время или сами, или посылали своихъ воеводъ собирать съ славянъ дань, иногда при этомъ немножко грабили ихъ, и затѣмъ, оставляли ихъ въ покоѣ. Славяне, которые издавна, какъ мы уже видѣли, привыкли платить кому-нибудь дань, если и не были довольны, то и не возмущались такимъ положеніемъ, и только въ случаѣ особенно сильныхъ грабежей брались за оружіе, какъ это было съ Игоремъ.

Такой образъ дѣйствій со стороны славянъ имѣлъ свою выгоду. Онъ спасалъ ихъ самихъ и ихъ внутреннюю жизнь, ихъ обычаи, ихъ нравы, управленіе, вообще ихъ внутреннюю самостоятельность и *національность*, отъ чужеземнаго насилія. Упорное сопротивленіе съ ихъ стороны, при ихъ крайнемъ безсиліи, могло бы вызвать со стороны побѣдителей крутыя мѣры и средства для ихъ усмиренія. Такъ извѣстно, что сопротивленіе бриттовъ англо-саксамъ привлекло огромную колонизацію послѣднихъ въ Великобританію и кончилось совершеннымъ порабощеніемъ или истребленіемъ бриттовъ и основаніемъ на ихъ земляхъ новыхъ англо-саксонскихъ государствъ. При пассивномъ же отношеніи славянъ къ своимъ побѣдителямъ, послѣдніе не имѣли ни нужды, ни разсчета дѣйствовать подобнымъ образомъ. Въ своихъ личныхъ интересахъ они должны были съ одной стороны останавливать напливъ своихъ единоплеменниковъ, чтобъ не дѣлиться ни съ кѣмъ выгодами владѣнія, а съ другой—относительно самихъ славянъ, чтобы не доводить ихъ до крайняго возбужденія, должны были довольствоваться властію болѣе или менѣе внѣшнею, ограничиваться взиманіемъ дани, не мѣшаясь въ ихъ внутреннюю жизнь и управленіе. Это не мѣшало князьямъ повременамъ немножко пограбить своихъ подданныхъ, ибо въ то время за данью ходили съ войскомъ и взиманіе дани походило нѣкоторымъ образомъ на вторженіе непріятеля; къ такому порядку собиранія дани народъ былъ пріученъ, вѣроятно, еще съ давнихъ временъ чужеземнымъ владычествомъ—и онъ нисколько не нарушалъ обыкновенныхъ милыхъ отношеній между князьями и народомъ.

Дѣйствительно, разсматривая внимательно нашу первоначальную исторію, нельзя не сознаться, что едва ли гдѣ-нибудь отношенія между побѣдителями и побѣжденными были болѣе благопріятны для самостоятельнаго и вполнѣ національнаго развитія послѣднихъ, чѣмъ у насъ.

1) Покоренныя призванными князьями славянскія и другія племена остаются такими же вольными, какъ и племена, добровольно призвавшія князей. Они имѣютъ свое внутреннее управленіе, сохраняютъ свои прежнія вѣча и даже своихъ природныхъ князей, какъ послѣднее видно изъ исторіи древлянъ. Нигдѣ не встрѣчаемъ мы ни слѣдовъ порабощенія, ни слѣдовъ истребленія туземныхъ племенъ. Исключеніе составляютъ только жители Искоростена, которыхъ Ольга, мстя за смерть своего мужа, усмирила военною силою и большею частію истребила, а остальныхъ отдала въ рабство.

2) Мы нигдѣ не видимъ у насъ варяжскихъ колонизацій. Варяги приходили къ намъ въ качествѣ наемниковъ для военныхъ походовъ, когда оказывалась въ этомъ нужда, и по окончаніи ихъ удалялись. Само владѣвшее племя пришло къ намъ, какъ надобно полагать, въ числѣ очень незначительномъ; ибо уже по смерти Святослава, между приближеннѣйшими лицами князей мы встрѣчаемъ не варяговъ, а чистыхъ славянъ, напримѣръ: Блуда, Добрыню. Вообще, варяги на Руси быстро ославяниваются и, какъ ничтожная капля, исчезаютъ въ славянскомъ морѣ совершенно безслѣдно, не оставляя по себѣ никакихъ признаковъ существованія ни въ языкѣ, ни въ религіи, ни въ обычаяхъ.

3) Въ учрежденіяхъ также трудно отыскать какіе-нибудь несомнѣнные слѣды непосредственно варяжскаго вліянія. Правда Ярослава явилась слишкомъ поздно для того, чтобы можно отыскивать въ ней безопасно слѣды варяжскаго вліянія; то, что̀ приписывается здѣсь этому вліянію, было, по всей вѣроятности, заимствовано и внесено въ законодательство тогдашними новаторами и передовыми изъ самыхъ русскихъ людей.

Одно, что̀ мы можемъ съ несомнѣнностью приписать собственно варягамъ — это введеніе новаго элемента въ составъ русскаго общества, *чиновно-военнаго* или такъ-называемой княжеской дружины. Мы называемъ эту дружину чиновно-военнымъ учрежденіемъ въ отличіе отъ древней дружины германской, которая по своему происхожденію и составу была чисто народная и сражалась только по волѣ народной и исключительно за дѣло народа. Наша дружина не имѣла ни основы народной, ибо она находилась въ чисто личныхъ отношеніяхъ къ князю, воевала по его волѣ иногда противъ народа и съ самаго ранняго времени сдѣлалась ненавистною народу; ни основы нравственной, ибо отношенія ея къ князю основывались не на личной къ нему довѣренности и уваженіи, а на выгодахъ; ни того наконецъ самостоятельнаго положенія по отношенію къ князю, котораго добились сеньоры изъ вассаловъ на Западѣ, имѣя огромныя владѣнія, своихъ мелкихъ вассаловъ, и составляя необходимую силу для своего короля.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ все вѣроятіе думать, что порядокъ внутренняго управленія у нашихъ славянъ вплоть до Владиміра оставался тотъ же самый, какой былъ до призванія князей.

Со времени Владиміра, отношенія между князьями и народомъ наступаютъ другія. Владиміръ дѣлается княземъ вполнѣ народнымъ. Онъ самъ возвышаетъ и ставитъ подлѣ себя ту народную силу, которую прежніе князья игнорировали или насиловали. Въ важныхъ случаяхъ онъ вступаетъ въ совѣтъ съ боярами и старцами, какъ представителями народа. Этимъ въ первый разъ съ призванія князей дается законная санкція народной власти, съ которой только рядомъ стоитъ власть княжеская, и притомъ въ зависимости отъ верховенства первой.

Напрасно бы мы, однакожъ, стали искать въ нашей исторіи какого-нибудь строго-опредѣленнаго порядка или принципа, на основаніи котораго верховенство власти народной отправляло бы свою функцію точно, послѣдовательно, неопустительно. Напротивъ, оно дѣйствовало большею частью случайно, въ силу особыхъ обстоятельствъ, безъ всякихъ опредѣленій мѣста, времени и какихъ бы то ни было формальностей. Это зависѣло оттого, что власть народная и княжеская не были другъ отъ друга юридически разграничены и отдѣлены. Власть княжеская, при добрыхъ отношеніяхъ князя къ народу, облекалась почти тою же самою полнотою правъ, какую имѣла и власть народная. Такъ напримѣръ, мы знаемъ, что право давать новые законы, право объявленія войны или мира принадлежали, если не исключительно власти народной, то согласному рѣшенію народа и князя, ибо и князь могъ участвовать въ народныхъ собраніяхъ или вѣчахъ. Но иногда князь давалъ законъ, объявлялъ войну и самолично, своею волею, безъ народнаго рѣшенія, и народъ безпрекословно выполнялъ рѣшенія князя.

Все зависѣло отъ того, находился ли князь въ *одиначествѣ* съ народомъ или нѣтъ? Быть въ *одиначествѣ* съ народомъ значило вообще дѣйствовать въ согласіи съ нимъ, согласно съ его желаніями, зависѣло ли такое *одиначество* отъ постояннаго формальнаго соглашенія князя съ народомъ посредствомъ вѣчей, или отъ личнаго умѣнья князя, и безъ такихъ формальностей, угождать своими дѣйствіями желаніямъ народнымъ; говоря проще, быть въ *одиначествѣ* съ народомъ значило пользоваться довѣріемъ и расположеніемъ народа за добросовѣстное и честное исполненіе своихъ обязанностей. Князь, бывшій въ такомъ одиначествѣ съ народомъ, могъ позволять себѣ многое и быть вполнѣ увѣреннымъ въ неизмѣнномъ содѣйствіи себѣ народа. Даже случайные его промахи, и не только промахи, но и крупныя его вины народъ отпускалъ такому князю снисходительно. Извѣстенъ, напримѣръ, возмутительный поступокъ Ярослава I съ новгородцами. За убійство въ дракѣ призванныхъ Ярославомъ наемныхъ варяговъ, позволившихъ себѣ обижать новгородцевъ и ихъ женъ, Ярославъ заманилъ къ себѣ хитростію лучшихъ новгородцевъ и избилъ ихъ до 1000 человѣкъ, остальные спаслись только бѣгствомъ. Но въ эту самую ночь Ярославъ получилъ вѣсть о смерти своего отца, о захватѣ престола Святополкомъ, о совершонныхъ уже и предпринятыхъ послѣднимъ убійствахъ. Война была неизбѣжна, помощь новгородцевъ необходима. Ярославъ не задумался на другой же день обратиться за нею къ новгородскому вѣчу, и оно отвѣчало Ярославу: «аще, княже, братья наша изсѣчена суть, можемъ по тебѣ бороти», и тотчасъ же рѣшено было выставить 40 тысячъ войска для войны съ Святополкомъ. Такъ поступалъ народъ съ своими любимыми князьями, въ *одиначествѣ* которыхъ съ собою онъ былъ увѣренъ.

За то, если такого одиначества у князя съ народомъ не имѣлось и народъ убѣждался, что князь неспособенъ по своимъ свойствамъ быть и напредки съ нимъ въ одиначествѣ, то князь привлекался къ суду и подвергался изгнанію за проступки далеко не такого важнаго свойства, какъ приведенный нами проступокъ Ярослава. Такъ, въ 1270 году новгородцы *созвонили вѣче* на Ярославлѣ дворѣ, и на этомъ вѣчѣ выставили слѣдующія обвиненія противъ великаго князя Ярослава Ярославича, послав ему обвинительную

грамоту: «Зачѣмъ ты занялъ Волховъ гоголиными (гагачьими) ловцами, а поле заячьими ловцами? Зачѣмъ ты завладѣлъ дворомъ Александра Мартхинича, зачѣмъ взялъ деньги у Никифора Монускинича, у Романа Болдыжевича и у Вореоломея? Зачѣмъ выводишь иноземцевъ, которые живутъ у насъ?—А много такихъ винъ; а нынѣ, княже, не можемъ терпѣть твоего насилья; уѣзжай отъ насъ, а мы себѣ князя промыслимъ». Ярославъ послалъ-было на вѣче сына своего Святослава съ *поклономъ*, обѣщаясь «отступиться отъ всего того, въ чемъ его обвиняютъ, и цаловать крестъ, что впредь будетъ управлять на всей волѣ новгородской». Но новгородцы отвѣчали: «княже, изыди прочь; не хотимъ тебе, или идемъ весь Новгородъ прогонять тебе».

Увѣренность народа въ *одиначествѣ* съ собою тѣхъ, или другихъ князей была причиною того, что нѣкоторые князья могли княжить цѣлую жизнь свою въ качествѣ единовластныхъ и самодержавныхъ, не справляясь формально съ волею народною, не собирая вѣчей, исключая развѣ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ случаевъ. Въ такомъ положеніи въ глазахъ народа стояли Владиміръ Великій и сынъ его Ярославъ. Но по смерти Ярослава, съ раздѣленіемъ Россіи на многія княжества, эта увѣренность народа въ одиначествѣ князей съ нимъ стала подвергаться частымъ и сильнымъ испытаніямъ. Послѣдствіемъ этого было то, что народная власть чаще стала заявлять свои верховныя права, какъ въ управленіи вообще, такъ и въ контролированіи власти княжеской. Отсюда частыя вѣча, дающія особый характеръ такъ-называемому удѣльному періоду. Другимъ послѣдствіемъ было то, что народъ и вообще сталъ сознавать, что одна надежда на *одиначество* князей для прочнаго порядка въ управленіи дѣло непрочное, что тутъ необходимы другія гарантіи. Отсюда начало рядовъ или договоровъ народа съ князьями, устныхъ или письменныхъ, при самомъ вступленіи ихъ въ управленіе.

Начало родового старшинства, служившее главною основою права для занятія столовъ въ разныхъ княжествахъ, не могло дать уже и само по себѣ прочной осѣдлости князьямъ. Когда умиралъ кіевскій князь, старшій по немъ занималъ престолъ кіевскій, слѣдующій за нимъ перемѣщался въ Туровъ или Переяславль, которые были чѣмъ-то въ родѣ кандидатуръ на занятіе кіевскаго стола; точно такая же передвижка происходила и въ остальныхъ княжествахъ. Но, кромѣ того, неопредѣленность и запутанность родовыхъ счетовъ подавали поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ и злоупотребленіямъ. Многіе искали кіевскаго и другихъ лучшихъ столовъ безъ всякаго права и, благодаря силѣ, удачѣ и разнымъ случайностямъ, доставали ихъ.

Это частое передвиженіе князей неизбѣжно влекло за собою уменьшеніе ихъ значенія и власти во всѣхъ вообще княжествахъ. Временные гости въ каждомъ княжествѣ, они нигдѣ не могли хорошо знать существующихъ здѣсь мѣстныхъ отношеній. Вслѣдствіе чего ихъ распоряженія нерѣдко могли сталкиваться съ интересами земства, вообще никогда не могли имѣть прочности. То, что постановлено было однимъ княземъ, въ очень скоромъ времени могло быть уничтожено другимъ, потомъ постановлено вновь третьимъ и т. д. Все это, конечно, должно было очень неблагопріятно отзываться на благосостояніи туземнаго населенія и потому послужило поводомъ къ устраненію вліянія князя отъ всякаго распоряженія землями княжествъ. Вообще принято было за правило, что поземельною собственностію въ каждомъ княжествѣ могутъ владѣть только туземные его жители, они же только и распоряжаются землями своего княжества. Въ Новгородѣ князю и его мужамъ отводилось опредѣленное пространство пахатной и сѣнокосной земли на правѣ государственномъ, и болѣе этой отведенной земли князь не имѣлъ права занимать въ свою пользу или въ пользу своихъ мужей. Затѣмъ князь обязывался договоромъ, что ни онъ, ни княгиня его, ни бояре, ни слуги не будутъ покупать селъ въ новгородскихъ владѣніяхъ, ни ставить слободъ и мытовъ на свое имя; мѣста для охоты князя и для рыбной ловли были точно такъ же строго опредѣлены. По всей вѣроятности, эти же самыя ограниченія или подобныя имъ существовали и въ другихъ княжествахъ. Съ того времени, какъ дѣлаются намъ извѣстными договорныя грамоты князей между собою, мы видимъ, что князья взаимно обязывались въ договорахъ за себя и вообще за жителей своего княжества не пріобрѣтать земель во владѣніяхъ другъ друга, развѣ это будетъ сдѣлано съ согласія того князя, во владѣніяхъ котораго земля пріобрѣтается.

Но если князья были отстранены отъ распоряженія землями, то и въ другихъ отрасляхъ управленія власть ихъ требовала, если не ограниченій, то постояннаго наблюденія со стороны туземнаго населенія, на которомъ должны были отзываться всѣ промахи и злоупотребленія князей. Князья назначали чиновниковъ для судебныхъ дѣлъ, для сбора дани и доходовъ и проч. И это назначеніе получали преимущественно лица приближеннѣйшія къ нимъ изъ ихъ дружины. Но послѣдняя, какъ не имѣвшая осѣдлости въ княжествѣ, слѣдовательно не имѣвшая здѣсь никакихъ прочныхъ интересовъ и связей, и притомъ подверженная всѣмъ невзгодамъ перемѣнчивой судьбы самихъ князей, иногда угнетала и грабила народъ. Въ Новгородѣ князья обязывались договоромъ не дѣлать назначеній ни въ какія должности безъ согласія посадника: «и безъ посадника, княже, тебѣ суда ни судити, ни волостей раздавати, ни граматъ не даяти»; точно также обязывались не лишать должностей лицъ уже служившихъ, въ случаѣ ихъ злоупотребленій, иначе, какъ по суду и «безъ вины мужа волости не лишати». Въ другихъ княжествахъ не было, повидимому, заключаемо такихъ опредѣленныхъ до-

говоровъ съ князьями относительно назначенія и увольненія чиновниковъ. Но мы знаемъ, что и въ другихъ княжествахъ народъ не безмолвствовалъ въ случаѣ злоупотребленій князей и ихъ чиновниковъ. Когда умеръ Всеволодъ Ольговичъ, то кіевляне согласились не иначе принять брата его Игоря, какъ съ условіемъ, чтобы онъ и братъ его Святославъ дали имъ присягу, что они будутъ смотрѣть за своими чиновниками и не будутъ давать народъ въ обиду, и когда Игорь и Святославъ дали присягу, то народъ бросился на домъ одного изъ ненавистныхъ тіуновъ Ратши и разграбилъ его. Въ 1175 г. народъ выгналъ Ростиславичей изъ Владиміра за то, что посадники ихъ «многу тяготу людямъ створиша продажами и вирами, а сама князя, млада суща, слушаста бояръ, а бояре учахутъ на многое иманіе».

Наконецъ, частая перемѣна князей, происходившая отъ всевозможныхъ случайностей, и сама по себѣ не могла не быть тягостною для народа. Не говоря уже о томъ, что не всѣ искатели княжескихъ столовъ были люди способные къ управленію, народъ отъ одной непрестанной погони князей за лучшими столами дѣлался игрушкою честолюбія, тщеславія, прихоти князей. Естественно, что онъ долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы оградить себя отъ случайностей самыхъ худшихъ, которыя могли выпасть на его долю. Новгородъ сталъ принимать князей не иначе, какъ по предварительному избранію, съ 1126 года. Избранный князь обязывался соблюдать извѣстный предъявляемый рядъ, то-есть договоръ, и не покидать Новгорода до смерти. Въ случаѣ неисполненія договора, принятаго имъ при вступленіи на новгородское княженіе, вѣче предавало его суду или изгоняло, приглашая вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣсто его другого. Точно также и въ другихъ княженіяхъ съ вступавшими на престолъ князьями заключались ряды или договоры, въ которыхъ излагались обязанности князей, и эти ряды князья должны были скрѣплять крестнымъ цѣлованіемъ. Изъ многихъ извѣстій лѣтописей, доказывающихъ это, особенно любопытно одно, которое показываетъ, какъ важно было значеніе подобныхъ рядовъ для силы князя. По смерти Изяслава Мстиславича, занимавшаго кіевскій престолъ вмѣстѣ съ дядею своимъ Вячеславомъ, кіевляне призвали Ростислава съ тѣмъ, чтобы онъ княжилъ вмѣстѣ съ дядею и честилъ его такъ же, какъ и его братъ. Но вотъ Вячеславъ умеръ; Ростиславъ, бывшій тогда въ походѣ противъ князя Глѣба Юрьевича, пріѣхалъ похоронить дядю и снова отправился къ своему войску. «Но его мужи — говоритъ лѣтописецъ — бороняхутъ ему поити Чернигову, рекучи ему: се Богъ поялъ стрыя твоего Вячеслава, а ты еще съ людьми въ Кіевѣ не утвердилъ; а поѣди лѣпле въ Кіевъ, таже съ людьми утвердися; да аче стрый придетъ на тя Дюрги (Юрій), по не ты ся съ людьми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити, умиришися,—паки ли—а рать зачнеши съ нимъ». Но, чтобы во всѣхъ княженіяхъ точно также, какъ въ Новгородѣ, народъ самъ искалъ себѣ и призывалъ князей, этого не видно. Народъ относился довольно пассивно къ способу занятія престоловъ и къ личностямъ, ихъ занимавшимъ, если только окончательно не былъ убѣжденъ въ совершенной неблагонадежности послѣднихъ къ одиначеству съ нимъ. Онъ принималъ князей, искавшихъ престолъ и по праву родового старшинства, и по назначенію отъ великаго князя, и по праву личныхъ талантовъ, и по праву наслѣдственному, семейному. Не отказывался часто и отъ тѣхъ, которые завоевали его силою. Но только считалъ необходимымъ со всѣми дѣлать рядъ. Съ нашей современной точки зрѣнія можетъ показаться страннымъ, что побѣжденный народъ могъ предлагать князю побѣдителю рядъ управлять княженіемъ на волѣ народной, а не на его, побѣдителя, волѣ. Но это станетъ для насъ понятно, если вспомнимъ, «что при отсутствіи постояннаго войска большія войны могли быть ведены только съ помощію народа, который расходился по домамъ, какъ скоро непосредственная цѣль войны была достигнута. Если бы князю, съ помощью населенія своей волости или чужеземной, и удалось изгнать своего противника и занять его столъ, этотъ успѣхъ еще нисколько не ручался за прочность пріобрѣтенія. Въ завоеванной волости могла остаться и обыкновенно оставалась только незначительная часть побѣдителей, ближайшая дружина князя. Эта небольшая горсть людей легко могла быть изгнана, если князь не успѣвалъ достигнуть единенія съ побѣжденными, или, по крайней-мѣрѣ, составить себѣ среди нихъ сколько нибудь значительную партію. Въ этомъ отношеніи, въ высшей степени поучителенъ примѣръ Юрія Долгорукова: онъ не умѣлъ ладить съ кіевлянами, и потому, несмотря даже на нерѣдкое уклоненіе ихъ отъ открытой борьбы съ нимъ, не успѣлъ прочно утвердиться на кіевскомъ столѣ. Подобно этому и его внуки Ростиславичи, хотя и вошли побѣдителями во Владиміро-Переяславль, но были изгнаны, какъ скоро оказалось, что между ними и завоеванной областью не можетъ быть «единенія» (см. «Князь и Вѣче» стр. 120). Но случалось, что народъ иногда и выходилъ изъ обычнаго своего пассивнаго положенія по отношенію къ кандидату, искавшему княженія. Это бывало тогда, когда кромѣ родового кандидата на престолъ, по родовому старшинству ли, по другимъ ли правамъ, въ виду народа имѣлся какой нибудь князь, котораго народъ любилъ за его личныя достоинства, или за происхожденіе изъ любимаго княжескаго племени, каковымъ было въ его глазахъ, напримѣръ, племя Мономаха. Такъ, въ 1119 году, по смерти Святополка Изяславича, кіевляне послали звать на княженіе Владиміра Мономаха, помимо трехъ старшихъ его двоюродныхъ братьевъ, Давида, Олега и Ярослава Святославичей. Когда Мономахъ отказался, то кіевляне разграбили дворъ тысяц-

каго Путяты, дворы сотскихъ и жидовъ, и послали сказать Мономаху: «приходи князь въ Кіевъ; ели не придешь, то знай, что много зла сдѣлается: ограбятъ уже не одинъ Путятинъ дворъ, или сотскихъ и жидовъ, но пойдутъ на княгиню Святополкову, на бояръ, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу отвѣтъ, если монастыри разграбятъ». И Мономахъ долженъ былъ согласиться, и ни одинъ изъ старшихъ претендентовъ на престолъ не осмѣлился идти противъ воли народной. Другой примѣръ: Всеволодъ Ольговичъ, назначивъ своимъ преемникомъ брата своего, Игоря, счелъ нужнымъ взять съ кіевлянъ присягу въ вѣрности его брату. Кіевляне хотя и дали присягу, но у нихъ имѣлся къ виду для кіевскаго престола свой достойнѣйшій Игоря князь, Изяславъ Мстиславовичъ, внукъ Мономаха. Въ виду такого преемника, кіевляне были недовольны на себя за то, что Всеволоду удалось выманить у нихъ преждевременное согласіе и крестное цалованіе въ пользу своего брата. Въ раздраженіи имъ представлялось, что Всеволодъ передалъ ихъ своему брату въ качествѣ какихъ-то вещей, хотя подобнаго ничего не было, ибо Всеволодъ назначилъ имъ преемника по ихъ же согласію, и подобный переходъ княженія отъ брата къ брату вовсе не былъ необычайнымъ явленіемъ въ то время. Но раздраженію трудно было успокоиться, когда внукъ Мономаха былъ на лицо и когда въ пользу его была, вѣроятно, въ Кіевѣ самая сильная партія. Поэтому, когда умеръ Всеволодъ и Игорь вступилъ на престолъ, народъ, чтобы сорвать свой гнѣвъ, потребовалъ, какъ мы уже видѣли, отъ Игоря и его брата Святослава присяги въ соблюденіи правосудія; но и присяга его не успокоила. Тотчасъ послѣ присяги онъ разграбилъ домъ ненавистнаго ему тіуна. Но и этимъ не удовлетворился и кончилъ тѣмъ, что послалъ звать на княженіе своего любимаго князя Изяслава Мстиславича, которому велѣлъ сказать: «ты нашъ князь; Ольговичъ не хочемъ быть аки въ задничи» (то-есть мы не хотимъ быть у Ольговичей чѣмъ-то въ родѣ ихъ наслѣдственной собственности). Кромѣ указанныхъ нами случаевъ иногда самыя обстоятельства слагались такимъ образомъ, что заставляли народъ энергически дѣйствовать въ призваніи князя и, нѣкоторымъ образомъ, предрѣшали выборъ самого князя. Такъ, въ 1067 году, кіевляне выгнали Изяслава Ярославича за то, что онъ не хотѣлъ имъ дать оружія и коней, для борьбы съ половцами, которые передъ тѣмъ разбили русскихъ — и провозгласили своимъ княземъ Всеслава Полоцкаго, освободивъ его, при этомъ, изъ тюрьмы, куда онъ былъ заточенъ Изяславомъ.

Изъ сказаннаго нами видно, какъ широка и сильна была народная власть въ древней Руси и какимъ она была твердымъ оплотомъ общественнаго благосостоянія, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ въ себѣ защиту для личности, имущества и чести каждаго лица въ случаяхъ важныхъ. При несложности и простотѣ отношеній, она была несложна и проста и въ своихъ формахъ и доступна каждому во всякое время. Все и предлагалось, и рѣшалось, и исполнялось въ тотъ самый моментъ, когда являлась нужда.

Это дѣлалось вѣчами, которыя служили выраженіемъ воли народной. Вѣчами назывались поголовныя (по принципу) собранія народа изъ всѣхъ слоевъ свободнаго населенія, который въ случаѣ какихъ-нибудь важныхъ происшествій, вопросовъ, дѣлъ общихъ или частныхъ, собирался въ извѣстномъ городѣ въ одно мѣсто, чтобы потолковать по данному казусу, порѣшить его, а если дѣло удобно для немедленнаго исполненія, немедленно привести и въ исполненіе. Вѣча созывались или княземъ, или народомъ, и притомъ и значительною, и самою незначительною частію послѣдняго, такъ что есть примѣры собранія вѣча двумя человѣками, а вѣроятно, имѣлъ право собрать вѣче и одинъ. На вѣчѣ не было ни предсѣдателя собранія, ни опредѣленнаго порядка для разсужденій; говорилъ тотъ, кто хотѣлъ. Рѣшеніе постановлялось обыкновенно единогласно, или самымъ большимъ большинствомъ, такъ что меньшинство, по своей незначительности не могло отстаивать свои мнѣнія силою. Въ противномъ случаѣ послѣднее начинало борьбу противъ большинства, и дѣло оканчивалось дракой. Какъ скоро рѣшеніе на вѣчѣ состоялось, оно дѣлалось для всѣхъ обязательнымъ. Такъ въ 1151 году кіевляне, рѣшившись преслѣдовать Юрія, говорятъ князьямъ Вячеславу, Изяславу и Ростиславу: «всѣ пойдутъ на войну, кто только можетъ взять въ руки хлудъ, а если кто не пойдетъ, дайте его намъ, мы сами его побьемъ». Новгородцы въ 1148 году, призвавъ къ себѣ князя Изяслава для защиты противъ Юрія и порѣшивъ начать съ послѣднимъ войну, передаютъ свое рѣшеніе князю слѣдующими словами: «княже! всяка душа пойдетъ, еслибы и дьякъ былъ гуменце постриженo, да не поставленъ, — и тотъ пойдетъ» (т.-е. пойдетъ и дьячекъ, который черезъ обрядъ постриженія части волосъ на темени сопричисленъ уже къ духовному званію, и слѣдовательно долженъ быть освобожденъ отъ похода, — но пойдетъ и онъ, если не получилъ еще мѣста). Въ такъ называемый удѣльно-вѣчевой періодъ вѣча происходили по всѣмъ городамъ русскимъ. Суздальскій лѣтописецъ подъ 1176 г. говоритъ: «новгородцы бо изначала, и смолняне, и кіяне, и полочане, и вся власти (т.-е. волости) яко же на думу на вѣча сходятся — и на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды станутъ». Новгородская лѣтопись говоритъ, что въ 1261 году происходили вѣча на бесарменъ по всѣмъ городамъ русскимъ. То же самое доказываетъ совокупность лѣтописныхъ извѣстій объ отдѣльныхъ вѣчахъ, бывшихъ въ томъ или другомъ городѣ въ указанное нами время.

При той безграничности правъ, которою облечена была воля народная въ древней Руси, при отсутствіи юридической опредѣленности и явной разграниченности правъ между властію народной и княжеской, при случайности и, такъ-сказать, капризности народнаго контроля надъ послѣднею, то долго бездѣйствовавшаго, то принимавшагося за все круто и жестоко, князьямъ не легко было сохранять свое одиначество съ народомъ. Только умныя и безукоризненно честныя натуры, какъ Мономахъ, какъ сынъ его Мстиславъ и другія подобныя имъ умѣютъ, при такомъ порядкѣ дѣлъ, не нарушая свободы народа и не дѣлая насилій другимъ князьямъ, создавать себѣ такую нравственную силу, которой все подчиняется, и владѣя ею, способствовать развитію страны внутри и внушать внѣшнимъ врагамъ почтеніе или страхъ къ себѣ. Но Мономаховъ, Мстиславовъ и т. д. никогда не бываетъ много. Другіе любятъ болѣе легкій способъ управленія посредствомъ «цыцъ» и затѣмъ палки. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что многіе князья очень неблагопріятно смотрѣли на вѣча, которыя сдерживали въ предѣлахъ власть княжескую, не допуская ее до безконечныхъ злоупотребленій. Лѣтописцы позднѣйшей Руси, Руси монгольскаго наслоенія, съ своей новой точки зрѣнія на общественное устройство, называли вѣчниковъ крамольниками. Замѣчательно, что почти такой же взглядъ на вѣча сохраняютъ и нѣкоторые современные историки.

Но кто внимательно вникнетъ въ дѣло, тотъ увидитъ, что въ свое время вѣча оказали громадную услугу юной, только что нарождавшейся Россіи.

Предоставляя каждому члену общества принимать дѣятельное участіе въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ и вопросовъ, они пробуждали и воспитывали во всѣхъ общественный и политическій смыслъ и дѣлали каждаго болѣе или менѣе способнымъ къ общественнымъ дѣламъ. Связывая главные города съ пригородами, послѣдніе съ остальнымъ народонаселеніемъ единствомъ общественныхъ интересовъ, вѣча проносили и созидали всюду живую свободную связь населеній, давая каждому сознаніе и чувство общей гражданственности и принадлежности къ одному великому цѣлому. Какъ важно было въ то время это дѣло созиданія вольнонародной и единогражданственной связи, мы поймемъ, когда вспомнимъ, что еще при вступленіи на престолъ Владиміра, государства русскаго въ собственномъ смыслѣ этого слова не существовало, а существовалъ подъ именемъ государства только механическій составъ разнообразныхъ племенъ, не связанныхъ между собою никакою внутреннею связью и удерживаемыхъ отъ распаденія единственно военною силою. Владиміръ и Ярославъ первые положили начало государству введеніемъ и прочнымъ утвержденіемъ христіанской цивилизаціи и единствомъ законодательства. Послѣдующіе князья, конечно, продолжали ихъ дѣло въ этомъ направленіи, но съ другой стороны своими которами, междоусобіями, мелкимъ эгоизмомъ и тщеславіемъ старались и разнести русскую землю. Между тѣмъ вѣча, подъ вліяніемъ началъ, изложенныхъ Владиміромъ и Ярославомъ, дѣйствовали неуклонно въ одномъ направленіи — сплачивая разъединенныя племена въ одинъ живой организмъ, объединяя ихъ однимъ и тѣмъ же народнымъ духомъ, одними и тѣми же политическими интересами, и такимъ образомъ полагая прочную основу политическому единству, потребность въ которомъ народомъ созналась гораздо ранѣе, чѣмъ въ князьяхъ возникла мысль о соединеніи Руси. Въ то время, когда явились прославленные историками собиратели русской земли, передъ ними стоялъ уже единый русскій народъ, крѣпко внутренно сплоченный въ одно неразрывное цѣлое единствомъ христіанской цивилизаціи, единствомъ національности и единствомъ политической организаціи, и жаждавшій завершенія своего внутренняго единства соотвѣтствующею своему развитію единою государственною формою. Это была *первая*, важнѣйшая работа удѣльно-вѣчевого періода нашей исторіи.

Но была и *вторая*, немногимъ, можетъ быть, только уступающая этой первой. Наши историки, измѣряющіе благосостояніе народа прогрессомъ государства, опускаютъ изъ виду то обстоятельство, что прогрессъ государства вообще невозможенъ безъ богатства и содѣйствія народныхъ силъ и что тѣмъ болѣе неумѣренный, ненормальный ростъ государства, совершающійся всегда на счетъ истощенія народныхъ силъ, предполагаетъ всегда данныя изъ прошедшаго, болѣе или менѣе значительныя, силы, которыя онъ можетъ истощать до поры до времени. Вотъ еслибы съ этой задней стороны московскаго государственнаго прогресса историки взглянули на древнюю Русь, то имъ не разъ пришлось бы поклониться древнимъ вѣчамъ не только за приготовленіе и развитіе силъ для московскаго прогресса, но еслибъ этого не было, даже за одно сбереженіе ихъ хотя бы то и въ дикомъ видѣ, но безъ истощенія. Мы говоримъ нисколько не шутя. Историки Англіи самымъ очевиднымъ образомъ доказали, что никакія бѣдствія физическія, ни голодъ, ни болѣзни, ни даже, наконецъ, опустошительныя эпидеміи не причиняли столько бѣдствій народу и не уничтожали народонаселенія страны въ такихъ страшныхъ размѣрахъ, въ какихъ это производилось различными правительственными мѣропріятіями. Хотя правительства издавали эти мѣропріятія вовсе не съ тою цѣлью, чтобы угнетать и разорять народъ; они дѣйствовали, напротивъ, въ видахъ общаго благосостоянія, но они показывали всегда такое глубокое и поразительное невѣжество относительно общественныхъ интересовъ, которые они, между тѣмъ, всегда стремились регулировать своею властію, что производили ужасающее зло.

Законы о рабочихъ, изданные въ Англіи въ царствованіе Эдуарда III, имѣвшіе цѣлію регулировать трудъ рабочихъ и, несмотря на всю свою нелѣпость, упорно поддерживавшіеся правительствомъ впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій подъ страхомъ самыхъ жестокихъ наказаній и казней, почитаются главнымъ источникомъ бѣдствій Англіи, причиною того страшнаго пауперизма и пролетаріата, который существуетъ въ ея массахъ. Представимъ же себѣ, что у насъ въ то дикое время, о которомъ мы говоримъ, земля народа и трудъ его, его имущество и личность были отданы въ полную волю его безчисленныхъ князьковъ, часто столько же глубоко невѣжественныхъ, сколько хищныхъ и развратныхъ? Чего можно было бы ожидать отъ этого, кромѣ двойного разграбленія народа, съ одной стороны прямого—въ непосредственныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ нему князей и ихъ чиновниковъ, съ другой—косвеннаго, въ различныхъ мѣропріятіяхъ, даже и тѣхъ, которыя предпринимались бы въ видахъ благоденствія народа? Мы еще будемъ имѣть случай видѣть, какъ такія мѣропріятія въ позднѣйшее время, въ эпоху московскаго государства, опустошили матеріальное и моральное достояніе народа. Вѣча служили твердымъ оплотомъ противъ эксплуатаціи. При существованіи вѣчей не могъ пройдти никакой законъ, никакая мѣра, если они противорѣчили интересамъ народа. Съ другой стороны, мы видѣли уже выше и имѣемъ кромѣ того другія лѣтописныя свидѣтельства, что вѣча принимали жалобы на притѣсненія чиновныхъ лицъ и немедленно расправлялись съ послѣдними. Въ числѣ первыхъ обвиненій, за которыя въ 1137 году былъ изгнанъ изъ Новгорода князь Всеволодъ, было поставлено то, что «не блюдетъ смердъ», то-есть не бережетъ крестьянъ и вообще простой народъ. Но эта, повидимому, отрицательная только заслуга вѣчей, то-есть охраненіе ими народа отъ княжескихъ и чиновничьихъ притѣсненій, разграбленій, равно какъ и отъ благодѣтельныхъ измышленій ихъ мудрости, составляла по самому свойству своему и положительную силу для народнаго благосостоянія и процвѣтанія. Народъ могъ свободно распоряжаться своими землями, могъ свободно прилагать свой трудъ гдѣ хотѣлъ и гдѣ находилъ это для себя выгоднымъ, не могъ быть обремененъ несоразмѣрнымъ налогомъ или незаконнымъ побором, слѣдовательно, при обиліи богатствъ натуральныхъ, которыми онъ владѣлъ, были всѣ необходимыя условія для быстраго развитія его матеріальнаго благосостоянія. И въ самомъ дѣлѣ, если мы внимательно всмотримся въ жизнь древней Руси, то найдемъ, что едва-ли когда-нибудь въ послѣдующей исторіи такъ быстро развивалось матеріальное благосостояніе народа, какъ оно развивалось тогда. Мы находимъ въ началѣ нашей исторіи нашъ народъ въ полудикомъ состояніи, такъ что нѣкоторыя племена въ немъ едва только начинаютъ земледѣльческую культуру, малознакомымъ съ скотоводствомъ, питавшимся, подобно народамъ звѣроловамъ, главнымъ образомъ отъ звѣринаго промысла, неимѣвшимъ въ большей части своей понятія объ удобствахъ осѣдлой жизни и самыхъ обиходныхъ ея ремеслахъ. Черезъ какихъ-нибудь 200 лѣтъ послѣ этого мы не находимъ и слѣдовъ прежней дикости. Земледѣльческая культура привилась и распространялась всюду и сильно размножившимся населеніемъ пронесена далеко на сѣверъ; знаніе различнаго рода ремеслъ и промысловъ, необходимыхъ въ осѣдлой жизни, сдѣлалось обычнымъ повсюду, такъ что монголы, какъ видно изъ ханскихъ ярлыковъ, пользовались различнаго рода мастерами и дѣлюями изъ русскихъ. Наконецъ, какъ вообще высоко поднялся уровень моральнаго развитія народа, можемъ судить по тому, что народъ гордо сознавалъ свое превосходство надъ окружавшими его племенами и самими монголами, противополагая себя имъ, какъ народъ христіанскій *погань*. Сколько нужно было ему пройдти ступеней въ своемъ развитіи, чтобы достигнуть до такого сознанія, пусть читатель припомнитъ описаніе быта нашихъ славянъ при началѣ государства у Нестора, когда у нихъ не было даже понятія о бракѣ, а было общеніе женъ—connubia communia—и когда кругомъ ихъ не было племени, которое бы не стояло выше ихъ по развитію. Не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ о письменной литературѣ древней. Это была литература не народная, а церковная и проникнутая религіозными воззрѣніями даже въ своихъ свѣтскихъ по предметамъ памятникахъ, напримѣръ, лѣтописяхъ, исключая Слова о Полку Игоревѣ. Но замѣчательно, какъ свободная жизнь, и при незначительномъ уровнѣ образованія, быстро развиваетъ интересы общественной жизни и заставляетъ биться за эти интересы сердца даже тѣхъ людей, которые были, повидимому, чужды ихъ, каковы были писатели лѣтописей, люди духовные. Мы видимъ, что въ молодой Россіи, едва только она начинаетъ знакомиться съ грамотою, являются вдругъ нѣсколько лѣтописцевъ въ различныхъ областяхъ ея. И у каждаго лѣтописца лежатъ ближе всего къ сердцу мѣстные интересы его собственной области. Иначе смотрятъ на событія лѣтописецъ кіевскій, лѣтописецъ волынскій, суздальскій, новгородскій. Несмотря на сухость лѣтописей, сейчасъ видно, что ихъ пишутъ люди не мертвые, а живые, живо заинтересованные въ судьбахъ своего отечества и въ движеніи своего ближайшаго общества. Нѣтъ въ лѣтописяхъ характера того казеннаго однообразія и прислужничества, который лежитъ на лѣтописяхъ московской эпохи.

Смыслъ всего доселѣ нами сказаннаго можно резюмировать въ слѣдующихъ краткихъ словахъ:

Отъ Владиміра Великаго до нашествія татаръ прошло всего 250 лѣтъ. Эти 250 лѣтъ были, повидимому, временемъ самыхъ тяжкихъ бѣдствій

для Руси. Она находилась въ разъединеніи, съ каждымъ днемъ раздробляемая все болѣе и болѣе на мелкія княжества, и страдала отъ вражды князей между собою, отъ вражды князей съ народомъ, отъ нападеній сосѣдственныхъ хищническихъ народовъ. Кому, казалось, было тогда думать о великомъ будущемъ Россіи?—Но народъ былъ матеріально доволенъ, былъ политически свободенъ, морально честенъ, — и великое дѣло творилось само собою, ни для кого незримо. Прошло 250 лѣтъ,—и древняя Русь блистательно рѣшила свою задачу: она слила враждебныя, разъединенныя, разнородныя племена, входившія въ механическій составъ варяжскаго государства, въ одинъ цѣльный, проникнутый одною національностію народъ; она утвердила въ немъ одинаковую христіанскую цивилизацію, которая быстро стала развиваться на началахъ народной жизни и дала уже значительные плоды, даже въ письменныхъ памятникахъ; она положила въ немъ начатки политическаго и общественнаго устройства, знаменовавъ ихъ печатію свободы. Идея политическаго единства, съ твердо-опредѣленными началами единенія, была присуща сознанію всего народа и искала только соотвѣтствующей формы для своего воплощенія.

Но вотъ, вопреки всему предшествовавшему развитію древней Руси, вопреки изстари-народнымъ русскимъ началамъ, политика первыхъ московскихъ князей начертала для Россіи новый идеалъ государства,—и къ этому идеалу повела народъ своею твердою рукою, лишивъ его свободы, матеріальнаго довольства, сознанія своего гражданскаго достоинства. Черезъ 300 лѣтъ, въ царствованіе Ивана IV, униженный, разоренный народъ русскій уже представилъ собою зрѣлище оборвышей, служившихъ посмѣшищемъ и предметомъ отвращенія не только для иностранцевъ, но и собственнаго царя, который, нисколько не конфузясь, называлъ всѣхъ своихъ подданныхъ ворами. Иванъ IV былъ не только самымъ зрѣлымъ продуктомъ предшествовавшей политики московскихъ князей, но нѣкоторымъ образомъ и вѣнцомъ ея. Онъ воплотилъ въ себѣ всѣ принципы своихъ предшественниковъ и провелъ ихъ въ своей дѣятельности съ ничѣмъ невозмущающеюся послѣдовательностью до самыхъ невозможныхъ предѣловъ. Русскіе историки не могутъ довольно надивиться государственному уму Ивана IV. Онъ, говорятъ, завоевалъ царство Казанское, хотя самъ Иванъ IV всячески, и весьма справедливо, старается смыть съ своей памяти это пятно. Онъ—говорятъ они далѣе,—хотѣлъ завоевать Ливонію, но не только не завоевалъ, а на нѣсколько столѣтій отдалилъ самую возможность ея завоеванія, хотя въ то время, при другой политикѣ, можно было дѣйствительно завоевать не только Ливонію, но и весь западный край нынѣшней Россіи, не вынимая, можетъ быть, меча изъ ноженъ. Наконецъ, онъ, говорятъ, истребилъ бояръ — и дѣйствительно, истребилъ; но и этотъ подвигъ, нетребовавшій отъ него ни особеннаго ума, ни особенной храбрости, онъ совершилъ съ такою неумѣренною ревностію, въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, что подобное злодѣйство ничѣмъ не вызывалось не только при немъ, но даже при отцѣ его и дѣдѣ. Притомъ, онъ совершилъ это злодѣйство такъ безсмысленно, такъ вѣроломно и несправедливо, такъ звѣрски жестоко, что разогналъ отъ себя всѣхъ умныхъ и честнѣйшихъ людей и окружилъ свой тронъ рабами, палачами и шпіонами. Вообще съ ограниченною и звѣрскою политикою своихъ предшественниковъ, Иванъ IV наслѣдовалъ и ихъ ограниченный умъ. Для него, какъ и для нихъ, не существовало ничего выше азіатскаго идеала государства. Въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными европейскими дворами, Иванъ IV съ гордостію говорилъ, что на свѣтѣ только и есть два истинныхъ государя: онъ, да султанъ турецкій. Для Ивана IV государство было немыслимо, какъ союзъ живыхъ свободныхъ силъ, свободно себя самоопредѣляющихъ и въ кругу своей дѣятельности, подъ охраною права и закона, неприкосновенныхъ ни для кого, ни даже для самой верховной власти. Всякая живая сила была для него ненавистна; ибо даже въ тѣни всякой самоопредѣляемости и свободы, онъ видѣлъ посягательство на свои державныя права, поводъ и даже наклонность къ измѣнѣ и бунту. Онъ представлялъ себѣ государство въ формѣ огромнаго казеннаго двора или крѣпостного завода, гдѣ жители государства, раздѣленные по разрядамъ, по роду занятій, подъ крѣпкимъ карауломъ занимаются предписаннымъ имъ дѣломъ, на сколько это нужно государству для его фанансовыхъ отправленій. Только такимъ образомъ поставленное и устроенное государство могло успокоить подозрительное воображеніе Ивана IV и удовлетворить его азіатскому идеалу верховной власти. Въ осуществленіи этой цѣли, которая была поставлена еще первыми основателями московскаго государства, сосредоточивалась и вся дѣятельность Ивана IV. «Тщуся— пишетъ онъ въ письмѣ къ Курбскому, — съ усердіемъ людей на истину и свѣтъ поставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя».

Какимъ образомъ русскій народъ приводимъ былъ къ такому познанію, и какіе изъ того произошли результаты, — мы поговоримъ объ этомъ въ слѣдующій разъ.

ТЕОРІЯ СОЦІАЛЬНАГО ВОПРОСА *).

(Die Theorie der Socialen Frage, von Dr. Scheel. Jena 1871).

Авторъ сочиненія, заглавіе котораго мы выписали, — профессоръ бернскаго университета, — принадлежитъ къ числу безусловныхъ противниковъ теоріи laissez faire, laissez passer въ экономическомъ мірѣ, признавая за государствомъ полное право устраивать порядокъ экономическій точно такъ же, какъ и политическій. Эта мысль составляетъ основу и настоящаго сочиненія. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ назвалъ свое сочиненіе теоріей соціальнаго вопроса потому, вопервыхъ, что оно представляетъ собой попытку систематически изслѣдовать соціальный вопросъ и указать его составныя части; вовторыхъ, потому, что точка зрѣнія сочиненія чисто-научная, совершенно чуждая воззрѣній партій, и втретьихъ потому, что сочиненіе не имѣетъ въ виду заниматься непосредственно практическою стороною вопроса.

Признавая реформу экономическихъ отношеній настоятельною, неотложною задачею нашего времени, авторъ думаетъ, что ея не можетъ выполнить ни одна изъ современныхъ культурныхъ силъ, что ее можетъ совершить только государство. Государство не только можетъ, но и нравственно обязано принять на себя это дѣло, потому что на немъ лежитъ отвѣтственность за нынѣшнія экономическія неустройства. Оно, распустивъ средневѣковыя общественныя связи и выстроивъ вновь начиная съ фундамента политическое зданіе общества, оставило экономическое на его старыхъ историческихъ основахъ, и тѣмъ дало послѣднему возможность развиться въ совершенномъ противорѣчіи съ новыми принципами политическаго устройства общества. Желая доказать право и полную компетентность государства на проведеніе экономической реформы общества, авторъ слишкомъ преувеличиваетъ значеніе государства и сводитъ почти къ нулю дѣйствіе всѣхъ другихъ общественныхъ силъ; это составляетъ слабую сторону сочиненія. Точно также авторъ оказывается слабымъ въ своихъ практическихъ совѣтахъ относительно частныхъ мѣръ, рекомендуемыхъ имъ государству. Эту слабость сознаетъ и самъ авторъ; въ предисловіи своемъ онъ говоритъ, что частныя мѣры не были его цѣлью, что онъ имѣлъ въ виду обозначить только общее направленіе реформы.

Существенную часть сочиненія составляютъ собственно изслѣдованіе и постановка соціальнаго вопроса. Потому мы и передадимъ ее здѣсь во всей подробности, ограничившись относительно остального бѣглыми замѣтками.

«Соціальный вопросъ» въ настоящее время, какъ извѣстно, вопросъ модный. Объ немъ то и дѣло толкуютъ въ литературѣ, объ немъ говорятъ въ обществѣ, въ важности и необходимости его рѣшенія убѣждены всѣ. Въ чемъ состоитъ однакожъ этотъ соціальный вопросъ?—Когда заходитъ рѣчь о соціальномъ вопросѣ, то въ общихъ чертахъ, конечно, всѣ болѣе или менѣе себѣ представляютъ, какіе предметы тутъ могутъ входить въ разсмотрѣніе. Но если мы захотимъ попросить точнаго формулированія этого вопроса, то яснаго и отчетливаго отвѣта мы не получимъ отъ людей даже солидно образованныхъ, и не найдемъ въ литературѣ. Одни скажутъ, что соціальный вопросъ порождается крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ благъ, происходящимъ отъ неправильнаго развитія народнаго хозяйства; что хотя богатство народовъ возростаетъ необыкновенно быстро, но по мѣрѣ того, какъ богатые въ самое короткое время наживаютъ громадныя богатства, въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ увеличивается пролетаріатъ. Въ этомъ неравенствѣ положенія и состоитъ существо соціальнаго вопроса.—Другіе будутъ говорить, что соціальный вопросъ составляетъ борьба капитала съ трудомъ. Нынѣшній способъ вознагражденія труда ставитъ

*) Январь 1872 г.

рабочихъ и нанимателей во враждебное другъ къ другу отношеніе: одни желаютъ какъ можно дешевле купить рабочую силу, другіе—какъ можно дороже продать ее. Но силы тѣхъ и другихъ далеко неодинаковы: предприниматели, владѣя капиталомъ и натуральными фондами богатствъ, могутъ предлагать ничего неимѣющимъ рабочимъ, при сильной притомъ конкуренціи между ними, какія угодно условія; рабочіе чувствуютъ тяжесть своего положенія въ низкой заработной платѣ, въ чрезмѣрности труда, въ необезпеченности пріобрѣтенія. Это ведетъ ихъ къ борьбѣ съ капиталистами; прекращеніе этой борьбы съ удовлетвореніемъ той и другой стороны, — вотъ что будетъ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса. — Третьи отвѣтятъ, что соціальный вопросъ не одинъ, что есть цѣлый рядъ соціальныхъ вопросовъ, а именно: рабочій вопросъ, женскій вопросъ, вопросъ о жилищахъ для рабочихъ, вопросъ объ устраненіи чрезмѣрнаго населенія, ростовщичества, постоянныхъ войскъ, вопросъ о народномъ пропитаніи и вообще всѣ другіе всевозможные вопросы, которые возникаютъ въ настоящее время въ народной жизни и требуютъ разрѣшенія.—Наконецъ найдутся и такіе, которые скажутъ, что соціальный вопросъ — не больше какъ кошмаръ соціалистовъ и коммунистовъ, что они распространяютъ въ публикѣ ложныя воззрѣнія на экономическую жизнь, не понимая того, что она управляется неизмѣнными законами природы, что если и есть въ ней какіе недостатки, то происходятъ они единственно оттого, что въ экономическую дѣятельность безъ нужды вмѣшивается государство и тѣмъ препятствуетъ полному осуществленію великихъ экономическихъ законовъ. Изъ всѣхъ этихъ и подобныхъ отвѣтовъ едва-ли можно что нибудь позаимствовать, кромѣ того, что соціальный вопросъ остается пока проблемой, которая требуетъ глубокаго и безпристрастнаго изученія.

Если мы строго будемъ держаться выраженія: *соціальный вопросъ*, то, очевидно, мы не можемъ, при разсмотрѣніи его, ограничиться ни однимъ экономическимъ, ни однимъ политическимъ состояніемъ нашей народной жизни; напротивъ, все современное общество должно представлять для насъ проблему или рядъ проблемъ, возникающихъ изъ сомнѣнія относительно его совершенства. Общество же есть организація народа вмѣстѣ и политическая и экономическая, и потому намъ кажется, что для уразумѣнія, опредѣленія и разрѣшенія соціальнаго вопроса необходимо изслѣдовать эту организацію.

Характеристическія особенности современнаго устройства общества мы уяснимъ для себя всего лучше, если прослѣдимъ развитіе общества въ его важнѣйшихъ культурныхъ формахъ.

Въ культурно историческомъ развитіи общества выдаются три главныя его формы съ рѣзко отмѣченными характерными чертами—это формы: *античная*, *средневѣковая и форма современнаго общества*. Попытаемся здѣсь возможно кратко, но ясно обозначить каждую изъ нихъ.

Представителями древности или, что то же, античнаго міра, служатъ два древніе культурные народа: римляне и греки. Античное общество состояло изъ двухъ частей: изъ относительно небольшой политической общины и огромной массы рабовъ, которые употреблялись только въ качествѣ орудій хозяйства и въ политическихъ дѣлахъ не имѣли никакого участія. Политическая или государственная община свободныхъ гражданъ была проникнута идеей, что человѣкъ получаетъ цѣну только чрезъ государство, что человѣкъ можетъ имѣть права не потому, что онъ человѣкъ, но только какъ гражданинъ государства. Такимъ образомъ, жизнь въ государствѣ, заботы о государствѣ, объ его развитіи и увеличеніи, политическое и военное участіе въ государственныхъ дѣлахъ почитались естественнымъ призваніемъ и единственно достойнымъ занятіемъ свободнаго гражданина. Государство имѣло безграничныя права надъ своими членами. Экономическій трудъ хотя и составляетъ необходимое условіе для умственной культуры, но такъ какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и препятствіемъ свободнаго развитія для самихъ трудящихся, находился въ презрѣніи и былъ только въ немногихъ отрасляхъ производимъ самими свободными гражданами. Обыкновенно его отправляли рабы, и притомъ совершенно по патріархальному способу. Большое хозяйство, соединявшееся обыкновенно съ поземельнымъ владѣніемъ, содержало такъ много различнаго рода рабовъ, что не имѣло нужды въ сторонніхъ силахъ и удовлетворяло всѣ свои потребности своими собственными рабами. Рабы производили не только сырье и фабрикаты, но и торговлю. Этою, такъ сказать, изолированностью частныхъ хозяйствъ, древнее народное хозяйство рѣзко отличалось отъ нынѣшней хозяйственной жизни. Тамъ не было, какъ у насъ, организаціи частныхъ хозяйствъ по занятіямъ, которою условливается ихъ взаимная связь и нужда другъ въ другѣ,—однимъ словомъ, не было экономическаго раздѣленія труда и сочетанія труда. Къ этому должно присовокупить слѣдующія обстоятельства, характеризующія тогдашнее хозяйство: вопервыхъ, государственное хозяйство и въ особенности древне-римское, основывалось бо́льшею частью на обложеніи налогами во всевозможныхъ видахъ покоренныхъ иностранныхъ земель, подвластныхъ провинцій; вовторыхъ, бо́льшая, если не самая большая часть частныхъ богатствъ происходила не отъ хозяйственныхъ занятій, по отъ завоеванія, грабежа, отъ взяточничества на многочисленныхъ должностяхъ въ государственной службѣ, которыя хотя и давались по выборамъ и на короткое время, но на которыя получившія ихъ отправлялись именно съ тѣмъ, чтобы какъ можно скорѣе нажиться на счетъ провинцій; втретьихъ, бѣднѣйшіе граждане военною и гражданскою службою, равно какъ и

великою щедростію государства и богатыхъ людей были большею частію отвлекаемы отъ производительнаго хозяйственнаго труда; наконецъ, вчетвертыхъ, мы не должны забывать и того, что южныя страны даютъ бѣднѣйшимъ людямъ возможность ограничивать свои потребности очень немногимъ. Все это вмѣстѣ взятое было причиною, вопервыхъ, самаго ничтожнаго развитія народнаго хозяйства, и вовторыхъ, полнаго подавленія экономической жизни политическою. Это можно весьма ясно прослѣдить въ римской исторіи и въ развитіи римскаго права.

Вторая эпоха, такъ-называемые средніе вѣка, представляетъ намъ совершенно иной видъ общественнаго устройства. Выдающеюся характеристическою чертою его служитъ организація народонаселенія по сословіямъ, которыя имѣютъ самостоятельную политическую ихозяйственную жизнь. Военное сословіе и духовное, сельское, промышленное, торговое имѣютъ свои собственныя сферы права, совершенно независимо отъ государства. Такою самостоятельною организаціею сословій народная жизнь могла отражать отъ себя то вредное вліяніе, которое, въ противномъ случаѣ, могли бы на нее имѣть постоянное разрушеніе и возникновеніе новыхъ государствъ, чѣмъ такъ богаты средніе вѣка. Опираясь на экономическую основу, образовывались внутри сословій свои права и своя іерархія, которыя регулировали политическую и хозяйственную жизнь членовъ и ограждали ее какъ отъ другихъ сословій, такъ и отъ государства. На всю средневѣковую жизнь положило свою печать ленное устройство, образовавшееся изъ военныхъ и сельскохозяйственныхъ элементовъ. Въ этомъ устройствѣ все было сковано безчисленными взаимными правами и обязанностями, владѣльческими и служебными отношеніями, подъ гнетомъ которыхъ народная жизнь едва могла двигаться. Такимъ образомъ, средніе вѣка представляютъ намъ политическое и экономическое общество въ очень тѣсной, хотя и своеобразной связи между собою: они другъ друга условливаютъ и вмѣстѣ ограничиваютъ, другъ друга охраняютъ и вмѣстѣ задерживаютъ въ развитіи; между тѣмъ древность, какъ мы видѣли, экономическую жизнь вполнѣ подчиняла политической.

Посмотримъ теперь въ сравненіи съ ними на устройство современнаго общества. Мы видимъ, что политическое полноправіе принадлежитъ здѣсь не малой только общинѣ гражданъ, какъ въ первомъ періодѣ, нѣтъ здѣсь также и союзовъ, управляемыхъ сословными правами, какъ во второмъ; націи централизировались въ сильныя государства, которыя поставили себѣ задачею дать гражданское полноправіе всѣмъ своимъ членамъ. Нынѣшнее культурное государство равенство всѣхъ передъ закономъ и свободу каждаго, насколько это не вредитъ безопасности жизни и собственности другихъ, ставитъ основными условіями умственнаго и матеріальнаго развитія народа. Въ политической области это обнаруживается свободою вѣры и слова, участіемъ всѣхъ, по крайней мѣрѣ, посредственнымъ, въ законодательствѣ, равенствомъ податной и воинской повинности, возможно равномѣрнымъ и близкимъ участіемъ каждаго въ государственной жизни, всеобщимъ политическимъ полноправіемъ. Въ экономической области стремленіе къ свободѣ и равенству проявляется въ томъ, что совершенно уничтожена средневѣковая связь политическаго и экономическаго устройства; хозяйственная дѣятельность освобождена отъ государственнаго вмѣшательства; государственныхъ привилегій не признается ни за частными лицами, ни за цѣлыми классами. Всѣмъ предоставлены одинаковыя права пользоваться своими хозяйственными способностями, равно какъ свобода употреблять свой трудъ и собственность, гдѣ и какъ они хотятъ, лишь бы это не нарушало законныхъ правъ другихъ. Хозяйственная жизнь должна регулироваться единственно хозяйственными соображеніями, а на государствѣ лежитъ обязанность только гарантировать законную безопасность для всѣхъ хозяйственныхъ дѣйствій и признать и защищать тѣ формы, которыя будутъ созданы законно дозволенными хозяйственными дѣйствіями. Съ устраненіемъ государства отъ всякаго вмѣшательства въ экономическія дѣла, своекорыстію и конкуренціи открыта полная свобода дѣятельности. Это должно было не только привести въ величайшее напряженіе хозяйственныя силы, послужить къ выработкѣ и развитію хозяйственныхъ талантовъ, но и создать, на основаніи чисто-экономическихъ требованій, новое раздѣленіе и соединеніе занятій, породить новыя, разнообразнѣйшія формы дѣлъ промышленныхъ, торговыхъ и т. д.; организовать ведущихъ дѣла по ихъ умственнымъ и матеріальнымъ средствамъ, иначе сказать, сплотить народонаселеніе, руководствуясь одними хозяйственными разсчетами, безъ всякихъ политическихъ мотивовъ, и регулировать въ одно экономическое, самымъ разнообразнымъ образомъ организованное цѣлое, въ самостоятельное народное хозяйство. Въ такомъ видѣ представляется намъ состояніе нынѣшняго народнаго хозяйства въ либеральномъ государствѣ.

Такимъ образомъ, въ этомъ третьемъ, новомъ періодѣ, мы видимъ двойную организацію народонаселенія внутри государства: политическую и экономическую. И общество политическое, и общество экономическое существуютъ каждое само по себѣ; хотя они и соединены между собою однимъ и тѣмъ же принципомъ свободы и равенства, тѣмъ не менѣе, на основаніи одного и того же принципа, они идутъ врознь, потому что одна организація нисколько не связывается другою, какъ это было въ древніе и въ средніе вѣка.

Въ политической жизни принципъ свободы и равенства проводится самимъ государствомъ и проводится съ должною рѣшительностью. Прежняя организація общества, не соотвѣтствовавшая идеѣ всеобщаго политическаго полноправія, унич-

тожается, старая система права съ ея безконечно запутанными отношеніями замѣняется новою, построенною на широкомъ основаніи; перемѣну политическихъ основныхъ законовъ, основныхъ правъ и обязанностей сравнительно провести уже не трудно, какъ скоро однажды принципъ сознанъ ясно; такимъ образомъ, здѣсь цѣль можетъ быть достигнута и достигается. Что же дѣлается въ экономическомъ обществѣ? Какъ здѣсь проводится принципъ свободы и равенства? Прежняя система права уничтожена и здѣсь, прежняя неразрывная связь экономическаго общества съ политическимъ разрушена, но на мѣсто старой системы права никакой новой не положено... Народному хозяйству предоставлено регулироваться самому по своимъ собственнымъ чисто-хозяйственнымъ мотивамъ. Понятно, что этимъ утверждено принципіальное различіе въ развитіи политическаго и экономическаго общества. Тогда какъ въ политическомъ обществѣ, лежавшія въ основѣ его историческія отношенія, какъ-то форма управленія, сословное различіе, его система правъ и обязанностей, уничтожены и съ основанія построены вновь, здѣсь, въ экономическомъ обществѣ, исторически утвердившіяся основанія продолжаютъ существовать въ томъ самомъ видѣ, какъ были; мы говоримъ объ отношеніяхъ имущественныхъ и устройствѣ собственности. Не то мы хотимъ сказать, что въ новомъ обществѣ не должны существовать отношенія имущественныя или права собственности, но они должны существовать подъ другими условіями, сообразными съ новыми принципами общественнаго устройства, такъ точно, какъ и въ прежнихъ обществахъ они были соглашены съ принципами тогдашняго устройства. Между тѣмъ, что мы видимъ? — имущественныя отношенія, какъ они были наслоены исторіею, въ совершенно неприкосновенномъ видѣ перешли и въ новое общество. Даже тамъ, гдѣ по необходимости пришлось коснуться ихъ для отдѣленія правъ политическихъ отъ хозяйственныхъ, ихъ значеніе повсюду поставлено еще выше; собственность продолжаетъ развиваться на основаніи римскаго права, права рабовладѣльческаго государства, непризнававшаго никакой связи между трудомъ и собственностью. Такимъ образомъ собственность и трудъ, и имущій и не имущій классы, во многихъ отношеніяхъ остались на прежнемъ, исторически сложившемся и твердо окрѣпшемъ основаніи, и, по снятіи съ нихъ всѣхъ прежнихъ формальныхъ ограниченій, предоставлены дальнѣйшему, собственному, вполнѣ свободному развитію.

И вотъ стоятъ теперь рядомъ другъ подлѣ друга — имущество и трудъ, ничѣмъ несвязанные между собою и вполнѣ свободные: первое вполнѣ самостоятельно по своему праву собственности; второй — съ полнымъ правомъ пріобрѣтать себѣ имущество, гдѣ и какъ онъ хочетъ. — Но кто, не имѣя имущества, съ одною только способностью къ труду вступаетъ въ этотъ новый порядокъ вещей и начинаетъ искать матеріала для своего труда, тотъ находитъ, что матеріалъ для труда, на основаніи исторически сложившихся отношеній, раздѣленъ, какъ собственность между владѣльцами имуществъ; такимъ образомъ онъ видитъ, что въ распоряженіи своимъ трудомъ онъ поставленъ въ зависимость отъ послѣднихъ. Юридически это отношеніе для рабочихъ выражается исключительнымъ правомъ собственниковъ матеріала на этотъ матеріалъ; но въ экономическомъ это отношеніе дѣлается отношеніемъ зависимости, ибо обладаніе рабочимъ матеріаломъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ обладаніе средствами жизни.

Такимъ образомъ въ народномъ хозяйствѣ, предоставленномъ по принципу равенства и свободы своему собственному развитію, начинаетъ развиваться находящійся въ немъ моментъ неравенства и несвободы.

Но имущество является въ качествѣ особенной силы не только по отношенію къ труду. Подлѣ одного имущества существуютъ другія имущества, подлѣ одного владѣльца другіе, и притомъ опять, на основаніи исторически развившихся отношеній, съ имуществами, по размѣрамъ своимъ весьма различными: владѣльцы квадратныхъ миль рядомъ съ владѣльцами необитаемыхъ хижинъ; негоціанты, ворочающіе милліонами, рядомъ съ бѣдными мелочными лавочками; фабриканты, въ распоряженіи которыхъ находится трудъ многихъ тысячъ, рядомъ съ мелкими ремесленниками. Всѣ эти имущества пользуются однимъ и тѣмъ же правомъ собственности, которое гарантируетъ одинаковую свободу какъ самому большему изъ нихъ, такъ и самому малому; и то и другое одинаково имѣютъ право стремиться къ самому выгоднѣйшему для себя пріобрѣтенію. Но разница происходитъ оттого, что экономическая сила каждаго имущества, употребляемаго для производства, или, что то же, капитала, возрастаетъ въ прогрессивной пропорціи къ его величинѣ. Большой капиталистъ имѣетъ передъ малымъ ту выгоду, что онъ, вопервыхъ, можетъ дешевле производить; вовторыхъ, по своему вліянію на рынокъ можетъ выгоднѣе сбывать свои продукты, и втретьихъ, употребивъ изъ своего дохода малую часть на свои личныя потребности, остальную всю можетъ пускать на продолженіе и расширеніе своего дѣла. Такимъ образомъ и здѣсь большое имущество служитъ къ притѣсненію малаго и, слѣдовательно, народное хозяйство, предоставленное самому себѣ, и здѣсь порождаетъ новый элементъ неравенства и несвободы.

Итакъ, что же намъ представляетъ сдѣланная нами характеристика современнаго общества? Современное общество поставило себѣ задачею провести принципъ равенства и свободы между всѣми своими членами, какъ необходимое условіе высшаго культурнаго развитія всѣхъ. Мы видимъ, что этотъ принципъ свободы и равенства

равномѣрно примѣняется имъ какъ къ политическому обществу, такъ и къ экономическому. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что въ одномъ обществѣ это средство оказывается соотвѣтствующимъ своей цѣли, а въ другомъ то же самое средство ведетъ совершенно къ противоположному результату. Изъ свободы и равенства въ принципѣ здѣсь развивается экономическая несвобода и неравенство. Тѣ же самыя лица, которыя требуютъ все болѣе и болѣе свободы, дѣлаются все болѣе и болѣе несвободными и все болѣе и болѣе другъ другу неравными.

Ясно, что современное общество носитъ внутри себя противорѣчіе, которое мы можемъ назвать противорѣчіемъ экономическаго развитія съ всеобщимъ принципомъ общественнаго развитія—принципомъ свободы и равенства. Но каждое противорѣчіе, какъ скоро оно сознано, дѣлается проблемою, вопросомъ. Такимъ образомъ соціальный вопросъ настоящаго времени совершенно просто и опредѣленно можно формулировать такъ: вопросъ этотъ есть сознанное противорѣчіе экономическаго развитія съ всеобщимъ принципомъ общественнаго развитія—принципомъ свободы и равенства, уже осуществившимся въ политической жизни и вообще составляющимъ общественный идеалъ. Изслѣдованіе и разрѣшеніе этого противорѣчія и составляетъ изслѣдованіе и разрѣшеніе соціальнаго вопроса настоящаго времени.

Впродолженіе всей исторіи человѣческаго рода устройство народной жизни, организація общества всегда и вездѣ были таковы, что бо́льшая часть народонаселенія находилась въ зависимости и даже угнетеніи со стороны привилегированныхъ классовъ, чѣмъ, естественно, была недовольна и стремилась къ реформамъ. Странно было бы обвинять привилегированные классы за то, что они дѣлали изъ своей силы употребленіе, соотвѣтственное съ историческимъ развитіемъ ихъ времени; но точно также странно обвинять тѣхъ, которые, находясь въ угнетеніи, стараются выйти изъ своего положенія путемъ законныхъ реформъ. Но именно изъ того, что такое отношеніе существовало во всѣ времена, многіе пессимисты выводятъ заключеніе, что оно неизбѣжно и необходимо; въ особенности относительно настоящаго времени говорятъ, что если теперь принципіально признаны за всѣми свобода и равенство, то затѣмъ не можетъ быть никакого основанія къ такого рода реформамъ, которыя требовали бы вмѣшательства высшей власти въ современный соціальный порядокъ, ибо онъ созидается на началахъ свободнаго развитія. Люди эти забываютъ, что свобода и равенство только средство для цѣли, а цѣль — общее высшее счастіе и благосостояніе. Что же дѣлать, если и такія прекрасныя средства не достигаютъ своей цѣли? А они, какъ мы видѣли, не достигаютъ. Говорятъ: подождите, оставьте прекрасныя средства дѣйствовать въ принятомъ ими направленіи, они современемъ приведутъ къ желанной вами цѣли; но не вводите въ сферу свободнаго развитія правительственныхъ реформъ. Прекрасно, а если не приведутъ? Ибо наипрекраснѣйшія средства могутъ быть на дѣлѣ приложены самымъ неправильнымъ образомъ. Не благоразумнѣе ли поступаютъ тѣ, которые стараются изслѣдовать общественную организацію, понять раздирающее ее зло и проложить путь благовременнымъ реформамъ.

Нельзя не сознаться, что на организацію современнаго общества и его внутреннее состояніе обратили первоначально серьёзное вниманіе тѣ ученія, которыя заклеймены именемъ враждебныхъ и опасныхъ для государства или, по мѣньшей мѣрѣ, именемъ утопій, неисполнимыхъ и безсмысленныхъ мечтаній. Мы говоримъ объ ученіяхъ соціалистовъ и коммунистовъ. Конечно, никакое ученіе, стремящееся провести соціальныя реформы помимо законнаго и мирнаго пути, не имѣютъ права разсчитывать на терпимость со стороны существующаго общества; но съ другой стороны и то остается несомнѣннымъ фактомъ, что очень многіе изъ значительнѣйшихъ представителей «соціализма и коммунизма» были натуры чистыя и благородныя, мыслители, богатые знаніями, и люди слишкомъ далекіе отъ какихъ-нибудь своекорыстныхъ разрушительныхъ плановъ; а, главное, соціальная наука имъ много обязана расширеніемъ своихъ знаній и въ особености ихъ критикѣ самыми плодотворнѣйшими своими мыслями. Вотъ почему только тѣ, которые смотрятъ на науку, какъ на дѣло партіи, могутъ игнорировать соціалистическія воззрѣнія, не изучая ихъ. Но если мы хотимъ заняться изученіемъ соціальнаго вопроса съ чисто-научной точки зрѣнія, то необходимо должны подвергнуть разсмотрѣнію соціалистическія теоріи и попытки, чтобы видѣть, даютъ ли онѣ какое-нибудь рѣшеніе относительно вопроса настоящаго времени, или нѣтъ.

Разсматривая значительнѣйшія теоріи такъ-называемаго соціализма и коммунизма, мы должны, по высказаннымъ нами выше воззрѣніямъ, сдѣлать между ними выборку, чего до сихъ поръ не дѣлалось. Не всѣ эти теоріи, совершенно независимо отъ ихъ внутренняго достоинства, могутъ имѣть для насъ одинаковую цѣну, но только тѣ изъ нихъ, которыя держатся на почвѣ состояній и потребностей настоящаго времени; ибо только тотъ соціализмъ, который имѣетъ отношеніе къ соціальному вопросу, заслуживаетъ вниманія при изученіи послѣдняго. Поэтому ни соціальныя преобразовательныя идеи Платона, ни Томаса Моруса, ни Кампанеллы не могутъ имѣть для насъ интереса. Но и изъ новыхъ и новѣйшихъ теорій всѣ тѣ, которыя не имѣютъ въ виду разъясненія характеристическихъ состояній современнаго общества и не касаются указаннаго нами въ немъ противорѣчія, не имѣютъ также значенія для соціальнаго вопроса. Поэтому

не только разрушительный, уничтожающій всѣ культурныя пріобрѣтенія коммунизмъ, представляемый именемъ героя и жертвы французской революціи Бабёфомъ, но и мирная коммуна Этьена Кабе равно безполезны, ибо онѣ имѣютъ въ виду не продолжать развитіе общества на теперешнихъ его основаніяхъ, а совершенно преобразовать его по произвольно измышленному ими идеалу. Даже такія системы, какъ системы Роберта Овена и Шарля Фурье, которыя стоятъ гораздо ближе къ дѣйствительности, которымъ мы обязаны важными указаніями и за которыми признано несомнѣнное значеніе въ движеніи общественныхъ реформъ, не могутъ имѣть съ нашей точки зрѣнія прямого отношенія къ соціальному вопросу. Оба они, и Робертъ Овенъ и Фурье, останавливаются съ своими преобразовательными стремленіями именно на томъ пунктѣ, съ котораго, по существу соціальнаго вопроса, только долженъ начинаться исходъ для реформъ общества Оба они обращаютъ вниманіе не на то противорѣчіе, которое существуетъ между правомъ и фактическимъ развитіемъ общества, но строятъ свои планы всеобщаго народнаго счастія на возможности развитія добрыхъ расположеній въ частныхъ лицахъ, въ увѣренности, что этимъ устранятся тѣ несчастія и бѣдствія, которыми страдаетъ современное человѣчество, несмотря на свои громадныя культурныя средства. Подобныя мечты объ универсальномъ счастіи, построенныя не на опредѣленныхъ общественныхъ состояніяхъ, а на способности къ развитію индивидуумовъ, мечты, которыя съ извѣстнымъ приспособленіемъ къ времени могутъ равно прилагаться ко всѣмъ періодамъ общественнаго развитія, нисколько не способствуютъ болѣе глубокому изученію общества, а слѣдовательно и разрѣшенію соціальнаго вопроса. Въ собственномъ смыслѣ ихъ даже нельзя и признать соціальными теоріями.

Соціальныя теоріи должны начинать свои изслѣдованія непремѣнно съ даннаго состоянія общества, и только лишь отсюда онѣ могутъ придти къ полезнымъ выводамъ относительно его дальнѣйшаго развитія. Спрашивается: имѣются ли уже такія изслѣдованія относительно современнаго общества, и какія именно?

Когда въ срединѣ прошедшаго столѣтія съ одной стороны сильное развитіе промышленности и распространеніе въ фабричномъ дѣлѣ машиннаго производства, съ другой новыя воззрѣнія на государство и общество, распространенныя политикою Руссо, философіею Гольбаха и физіократическою школою, дали новый видъ обществу, тогда съ политическою наукою случилось то же самое, что̀ большею частію обыкновенно происходитъ съ наукою, когда въ ней наступаетъ какой-нибудь крутой критическій переворотъ: часть политиковъ осталась при своихъ старыхъ воззрѣніяхъ, потому что не могла понять новыхъ ученій; другая часть пристала къ новымъ идеямъ, не сознавая ясно ихъ отношенія къ исторіи предшествовавшаго развитія. Новыя идеи одержали побѣду и распустили въ наукѣ и жизни старыя формы. Переворотъ и новое раздѣленіе послѣдовали въ области матеріальнаго и умственнаго труда. Народное хозяйство эмансипировалось отъ государства, а наука о народномъ хозяйствѣ—отъ политики. Тогда началось характеристическое развитіе науки о народномъ хозяйствѣ. Вспоминая о едва только пережитыхъ экономическихъ неустройствахъ, она стала смотрѣть на государство, какъ на врага народнаго хозяйства, отказывала ему въ принадлежащей ему роли сильнѣйшаго культурнаго двигателя, признавая въ немъ не болѣе, какъ учрежденіе для охраненія права; загѣмъ остальная ея систематическая мудрость исчерпывалась сентенціею, что конкуренція и такъ-называемый selfinterest создадутъ не только изобильнѣйшее производство, но и гармоническое распредѣленіе благъ. Между тѣмъ политика, не заботясь нисколько о народномъ хозяйствѣ, занялась исключительно устройствомъ государственныхъ формъ, государственнаго управленія, раздѣленія и огражденія политическихъ правъ. Когда такимъ образомъ обѣ эти науки долгое время шли другъ подлѣ друга совершенно отдѣльно, безъ всякаго соотношенія, то должна была мало по малу, въ силу настоятельной потребности, образоваться посредствующая наука, которая взглянула бы на человѣка, какъ на члена вмѣстѣ политическаго и экономическаго общества, и разсмотрѣла бы отношенія послѣднихъ другъ къ другу. Такая наука явилась въ формѣ такъ-называемаго соціализма, довольно долго оставалась безъ всякаго вниманія, одинаково игнорируемая какъ односторонними политиками, такъ и политико-экономистами. Для нашей цѣли нѣтъ нужды перечислять здѣсь всѣхъ тѣхъ, которые старались доказать одностороннее развитіе народнаго хозяйства и необходимость связи его съ направленіемъ всей общественной жизни. Изъ мыслителей, которые первые пробили дорогу въ этомъ направленіи, здѣсь должно упомянуть только объ историкѣ Симонъ де-Сисмонди, который въ 1819 году въ своихъ Nouveaux Principes d'Economie politique порицалъ нынѣшнее направленіе народнаго хозяйства за отсутствіе въ немъ гармоническаго развитія. Но истинный творецъ новой соціальной науки, первый, кому мы обязаны истинною соціальною критикою и теоріею, былъ графъ Генри де-Сенъ-Симонъ, родившійся въ 1760, умершій въ 1825 году въ Парижѣ.

Сенъ-Симонъ не оставилъ впрочемъ никакой соціальной системы, никакой формулы, которою можно бы было рѣшить соціальный вопросъ. Это часто ставили ему въ недостатокъ, потому что въ его мысляхъ ничего нельзя было легко схватить. И это же было причиною, что Фурье, котораго фантастическіе планы наполняли землю земледѣльческими ассоціаціями въ видѣ колоній, а море лимонадомъ, — почитали болѣе значительнымъ и важнымъ, чѣмъ Сенъ-Симона; обоихъ ставили другъ подлѣ друга, не примѣчая того, что одинъ,

чуждый всякаго понятія о современномъ обществѣ, создалъ всеобщій шаблонъ счастія, который легче осуществить у негровъ и эскимосовъ, чѣмъ у насъ,—между тѣмъ какъ другой имѣетъ ту несомнѣнную заслугу, что первый далъ понятіе о современномъ обществѣ и соціальныхъ противорѣчіяхъ и первый открылъ всю трудность формулированія и рѣшенія соціальнаго вопроса.

Сенъ-Симонъ первые результаты своего соціальнаго изслѣдованія изложилъ до того оригинально, что для поверхностнаго читателя пріемъ его можетъ показаться даже дѣтскимъ. Въ статьѣ перваго нумера своего журнала: «L'organisateur» (выходившаго въ 1819 и 1820 году), озаглавленной: «Parabole politique» онъ предлагаетъ вопросъ: что было бы вреднѣе для Франціи — потерять внезапно триста тысячъ своихъ высшихъ чиновъ, или триста тысячъ своихъ лучшихъ представителей нравственнаго и физическаго труда? Этою параллелью, хотя она выражена была и не совсѣмъ вѣрно, Сенъ-Симонъ указалъ фундаментальное противорѣчіе въ общественномъ устройствѣ. Онъ хочетъ сказать: почему вообще способнѣйшіе и трудолюбивѣйшіе занимаютъ и не самыя высшія мѣста въ обществѣ? Тутъ очевидно противорѣчіе экономическаго порядка съ политическимъ. Историческое происхожденіе этого противорѣчія Сенъ-Симонъ старался объяснить въ своемъ Catéchisme des Industrieles 1822 года. Онъ показываетъ здѣсь, какъ при заселеніи страны, въ связи съ отношеніями побѣдителей и побѣжденныхъ и съ средневѣковымъ феодальнымъ устройствомъ, развивалось различіе владѣльцевъ и господъ съ одной стороны, рабочихъ и служащихъ съ другой. Это историческое развитіе въ основѣ своей не имѣетъ никакого права, напротивъ, оно представляетъ собою извращеніе естественнаго и разумнаго права. Послѣднее требуетъ, чтобы полезнѣйшіе и лучшіе были владѣтелями и господами, — а полезнѣйшіе и лучшіе, по выраженію Сенъ-Симона, индюстріалы, или, что то же, представители умственнаго и физическаго труда. Поэтому высшее развитіе человѣчества требуетъ гармонической организаціи экономическаго и политическаго общества, которая бы соотвѣтствовала этому праву. А это можетъ осуществиться только тогда, когда экономическое общество, классъ индюстріаловъ, будетъ имѣть въ своихъ рукахъ и государственную власть. Такимъ образомъ Сенъ-Симонъ, чтобы выяснить соціальный вопросъ, изслѣдуетъ историческое развитіе общества съ одной стороны, съ другой принципъ самаго развитія, и затѣмъ разсматриваетъ ихъ взаимное соотношеніе. Это единственно вѣрный путь къ уразумѣнію соціальнаго вопроса, и онъ въ первый разъ проложенъ Сенъ-Симономъ.

Ученикъ Сенъ-Симона, Базаръ думалъ, что мысли его учителя найдутъ практическое осуществленіе, когда право наслѣдства будетъ передаваться государству, какъ представителю индюстріальнаго общества, а государство будетъ раздѣлять наслѣдованныя имущества своимъ членамъ по хозяйственнымъ способностямъ и достоинству каждаго. Здѣсь въ первый разъ является идея о государствѣ, какъ культурной силѣ,— идея, которая съ этого времени дѣлается пріобрѣтеніемъ соціальной науки.

Впослѣдствіи секта безумныхъ мечтателей обезобразила и злоупотребила идеи Сенъ-Симона. Но несмотря на это, погибнуть навсегда и остаться безплодными онѣ не могли. Въ самомъ дѣлѣ, съ того времени, какъ Сенъ Симонъ обратилъ вниманіе на положеніе труда въ обществѣ, каждому мыслящему человѣку не могло не представляться во всемъ своемъ безобразіи несоотвѣтствіе этого положенія съ тѣмъ значеніемъ, какое приписывалось труду въ сферѣ экономической. Въ древности для мужа свободнаго нисколько не было зазорно пользоваться презрѣннымъ трудомъ своихъ рабовъ для того, чтобы имѣть досугъ для единственно-достойнаго занятія политикою и войною; въ средніе вѣка трудъ и служебное состояніе, право барствовать и владѣть были опредѣляемы закономъ для различныхъ классовъ общества, но въ новое время, когда юная наука политической экономіи неумолчно возвѣщаетъ, что трудъ единственный производитель цѣнностей, творецъ національнаго богатства, что онъ высшее назначеніе человѣка,—позволительно спросить: почему низкое положеніе рабочихъ на ступеняхъ общественной лѣстницы дѣлается все болѣе низкимъ, почти пропорціонально съ увеличеніемъ тяжести труда?— а тяжесть и непріятность труда все болѣе и болѣе увеличиваются точно также почти пропорціонально съ уменьшеніемъ заработка? Какой смыслъ имѣютъ выводы политической экономіи, которымъ въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго? Имѣетъ ли трудъ право на соотвѣтствующее соціальное положеніе? Сенъ-Симонъ сказалъ, что трудъ имѣетъ это право, но не указалъ средства, какъ можетъ быть проведено въ дѣйствительности это право труда; онъ только вообще указалъ на государство. Средство это не было указано и Базаромъ. Его надобно было отыскивать.

Луи-Бланъ, въ изданной имъ въ 1841 году «Organisation du Travail», рѣшился, для возстановленія права труда, воспользоваться тою же самою силою, которая въ либеральной экономіи служитъ для пониженія труда, т.-е. конкуренціею. Идея Луи Блана слѣдующая. Такъ-какъ передъ имуществомъ безсиленъ неимущій, передъ большимъ имуществомъ безсильно имущество малое, то государство, какъ самый богатый собственникъ, должно, посредствомъ принципа конкуренціи, вполнѣ овладѣть производствомъ и распредѣленіемъ благъ въ народномъ хозяйствѣ и употреблять свою экономическую силу въ пользу труда. А чтобы трудъ, освобожденный отъ побужденій конкуренціи, не ослабѣвалъ въ своей производительной силѣ, — надобно посредствомъ воспитанія научить народъ искать побужденій для дѣятель-

ности не въ своекорыстіи, но въ общемъ благѣ. Все это, само собою разумѣется, предполагаетъ, что управляющіе государствомъ будутъ стараться проводить эти идеи, а потому управлять должны тѣ, которые были бы заинтересованы ими. Но заинтересоваться ими не можетъ никто, кромѣ самихъ работниковъ, ибо классъ имущій и вообще господствующій свободно никогда не откажется отъ своего господства. Стало быть, надобно добиваться того, чтобы власть перешла въ руки работниковъ. Такимъ образомъ рождается идея соціальной демократіи; конечная цѣль ея есть образованіе сильнаго централизованнаго государства, которое могло бы и имѣло бы желаніе осуществить право труда.

Какъ на средство къ пріобрѣтенію рабочими классами власти, Фердинандъ Лассаль указывалъ на всеобщее право голоса, и своими производительными ассоціаціями на государственной помощи перенесъ въ Германію сколокъ съ идей Луи Блана, гдѣ эти ассоціаціи смѣшались съ ассоціаціями на самопомощи—симъ универсальнымъ всеврачующимъ средствомъ соціалистическихъ чудодѣевъ особаго покроя.

Мы перечислили все, что доселѣ сдѣлано соціальными теоріями по соціальному вопросу; дальнѣйшая разработка его еще въ будущемъ. Что можно сказать о сдѣланномъ?

Мы видѣли, что первый, кто примѣтилъ противорѣчіе нынѣшняго общественнаго развитія съ основнымъ принципомъ послѣдняго и теоретически старался разрѣшить его, былъ Сенъ-Симонъ. Но Сенъ-Симонъ жилъ именно въ то время, когда медленно двигавшаяся культурная идея равенства и свободы проложила себѣ насильственный кровавый путь во французской революціи и явилась въ политической области, какъ идея прирожденныхъ правъ человѣка, въ экономической — какъ аксіома, что трудъ есть основаніе экономическаго общества. Сенъ-Симонъ хотѣлъ утвердить гармонію между политическимъ и экономическимъ обществомъ подчиненіемъ политической организаціи—организаціи труда, требуя, чтобы трудъ, матеріальная основа общества, былъ вмѣстѣ и устроителемъ всѣхъ общественныхъ отношеній. Этимъ онъ установилъ новый взглядъ на отношеніе между экономическимъ и политическимъ обществомъ, проложилъ путь къ формулированію соціальнаго вопроса; но при черезчуръ уже усердной реакціи противъ средневѣковаго общественнаго устройства зашелъ очень далеко. Нынѣшній принципъ свободы и равенства никакъ не требуетъ подчиненія одной стороны развитія человѣчества другой, напротивъ осуществленіе означенныхъ основныхъ отношеній онъ утверждаетъ какъ единственно возможный фундаментъ, на которомъ общество можетъ достигнуть своей конечной цѣли: высшаго всесторонняго и для всѣхъ равномѣрнаго культурнаго развитія. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что ни одна изъ обѣихъ сторонъ соціальной дѣятельности, ни экономическая, ни политическая, не можетъ развиваться на счетъ другой, и воплощеніе общества—государство никакъ не можетъ процвѣтать при развитіи только одной какой-нибудь изъ этихъ двухъ сторонъ. Такимъ образомъ и послѣ Сенъ-Симона вопросъ о томъ: какимъ образомъ установить гармонію между политическимъ обществомъ и экономическимъ и слѣдовательно ихъ дружное развитіе — остается открытымъ. Тѣ, которые продолжали далѣе разработывать идеи Сенъ-Симона относительно органическаго развитія общества, хотѣли дать имъ такое направленіе, отъ котораго нельзя бы было ожидать немедленнаго установленія желаемой гармоніи, но при которомъ эта гармонія имѣется въ виду, какъ конечная цѣль. Они хотѣли находящимся въ угнетеніи рабочимъ классамъ доставить политическую власть съ цѣлію проведенія такихъ хозяйственныхъ организацій, которыя обезпечили бы свободу и равенство и въ экономической области. Такимъ образомъ они хотѣли подчиненія политическаго общества экономическому не ради сего послѣдняго, но для установленія въ концѣ концовъ соціальной гармоніи. Но это средство, составляющее основную мысль соціальной демократіи, такъ же противорѣчитъ принципіальной идеѣ нынѣшняго развитія, какъ и то состояніе, которое имъ хотятъ устранить. На власть въ рукахъ рабочихъ можно смотрѣть, какъ на крайность, которая могла бы быть вызвана только опасностію общественнаго равновѣсія, т.-е. когда бы теперешнее экономическое развитіе должно было вести не только къ экономическому, но въ своихъ послѣдствіяхъ и къ политическому порабощенію слабѣйшихъ. Но на такомъ актѣ крайности основывать твердое, устойчивое положеніе общества значитъ подвергать его отчаянному риску.

Такъ-какъ соціальный вопросъ во всемъ его объемѣ нелегко поддается рѣшенію, между тѣмъ, центръ его тяжести, очевидно, находится въ экономическомъ обществѣ, то многимъ естественно могла придти мысль, что разрѣшенія его можно добиться разными опытами въ чисто-хозяйственной организаціи, внѣ связи ея съ политическою. Эта мысль породила особаго рода соціализмъ, который называютъ и особымъ именемъ: *частнымъ* соціализмомъ. Соціализмъ этотъ въ принципѣ отвергаетъ государственную помощь и, посредствомъ разныхъ ассоціацій, основанныхъ на началѣ самопомощи и имѣющихъ цѣлію сбереженіе или пріобрѣтеніе, стремится улучшить экономическое положеніе членовъ ассоціацій. Людямъ поверхностнымъ или несвободнымъ отъ разнаго рода предразсудковъ, такого рода соціализмъ представляется единственно дѣйствительнымъ и практическимъ способомъ для рѣшенія соціальнаго вопроса, потому что при этомъ способѣ легко достигаются и дѣлаются наглядными для всѣхъ маленькіе результаты, тогда какъ усилія разрѣшить соціальный вопросъ на высшихъ,

теоретическихъ основаніяхъ пока не заявили себя никакимъ видимымъ результатомъ. Это третье направленіе соціализма можно было бы назвать реакціей противъ двухъ вышеозначенныхъ, еслибы оно имѣло притязаніе на какую-нибудь самостоятельность и осмысленность. Но оно таковаго не имѣетъ. Вышедши изъ темнаго, хотя и вѣрнаго чувства потребности общественной организаціи, оно совершаетъ свой безнадежный путь безъ всякаго научнаго освѣщенія или, по крайней мѣрѣ, при весьма слабомъ его мерцаніи. Частный соціализмъ находитъ себѣ защитниковъ только на сторонѣ тѣхъ политико-экономовъ, которые «ожидаютъ наисовершеннѣйшаго развитія народнаго хозяйства отъ невмѣшательства государства», а отъ самаго развитія не ожидаютъ ничего иного, какъ наивозможно большаго производства матеріальныхъ благъ; ихъ пароль: «надобно предоставить народное хозяйство своимъ собственнымъ законамъ развитія» или: «надобно дать естественнымъ законамъ народнаго хозяйства свободное теченіе». Но въ этомъ именно направленіи принципъ свободы и равенства и примѣняется такимъ образомъ, что, при продолжающихъ существовать историческихъ основахъ, въ развитіи оказываются элементы несвободы и неравенства; и мы, при формулированіи соціальнаго вопроса, пришли именно къ тому результату, что такимъ направленіемъ народнаго хозяйства и порождено содержаніе соціальнаго вопроса. Слѣдовательно, рѣшеніе соціальнаго вопроса можетъ находиться только въ реакціи противъ этого направленія. Принципъ свободы и равенства, понятый, какъ laissez faire, laissez passer, можетъ развивать только свободу сильнѣйшаго, которой свободныя организаціи слабѣйшихъ не могутъ оказывать никакого противодѣйствія, если только не имѣть въ виду насильственнаго переворота; лишь высшая, посредствующая сила можетъ преобладающіе интересы однихъ и противодѣйствіе другихъ направить на мирный культурный путь. Но такое направленіе можно дать только черезъ новую систему права, которая свободное laissez faire, laissez passer въ экономическомъ мірѣ замѣнила бы организаціей; а такая система можетъ создаться изъ систематическаго уясненія соціальнаго вопроса, а никакъ не чрезъ тѣ эмпирическіе эксперименты, какіе можетъ продѣлать частный соціализмъ.

Можетъ представиться и еще способъ для разрѣшенія соціальнаго вопроса, на первый взглядъ простой и легкій — это именно устройство экономическаго общества тѣмъ же путемъ, какимъ устроилось политическое. Мысль объ этомъ способѣ и проведена въ теоріяхъ коммунистовъ, но мы не сочли нужнымъ говорить о нихъ серьёзно. Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ политической жизни равенство и свобода проведены разрушеніемъ старой сословной организаціи до послѣдняго остатка и созданіемъ совершенно новаго политическаго тѣла; экономическая организація, напротивъ того, тронута лишь на столько, на сколько она связывалась съ политическою и насколько послѣднею условливалась; мы уже показали выше, что именно отъ этого одинъ и тотъ же принципъ произвелъ неодинаковыя дѣйствія. Поэтому можно было бы думать, что, по аналогіи съ политическимъ развитіемъ, и здѣсь, въ экономической области, надобно совершенно уничтожить старое основаніе, начать ломку и постройку вновь. Но сдѣланныя доселѣ для такого радикальнаго леченія коммунистическія предложенія оказались вполнѣ неудовлетворительными, потому что они не рѣшаютъ, какимъ образомъ тогда можетъ быть сохранена уже достигнутая высота культурныхъ пріобрѣтеній.

По разсмотрѣніи сдѣланныхъ доселѣ теоретическихъ построеній и практическихъ опытовъ для разрѣшенія соціальнаго вопроса, можно придти къ одному заключенію, что вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ государствомъ. Общество, какъ мы видѣли, исторически выработало изъ себя самого идею свободы и равенства; затѣмъ, оно воспріняло въ себя идею всеобщаго государственнаго гражданства, сдѣлавъ, такимъ образомъ, государство воплощеніемъ всего общества. Государство представляетъ теперь собою организацію экономическаго и политическаго общества равноправныхъ гражданъ; государственная власть не есть болѣе орудіе въ рукахъ привилегированныхъ гражданъ, но всеобщее культурное средство. Но если государство обнимаетъ собою вмѣстѣ и политическое, и экономическое общества для культурныхъ цѣлей, то не можетъ быть болѣе сомнѣнія въ томъ, что на его обязанности лежитъ задача разрѣшить тѣ противорѣчія, въ которыя стало общественное развитіе съ своими цѣлями. Оно создаетъ тѣ формы права, въ которыхъ двигается культурное развитіе; поэтому, на его обязанности лежитъ отыскать и такія формы права, которыя воспрепятствовали бы народному хозяйству развиваться въ направленіи, порождающемъ несвободу и неравенство.

Обращаясь къ опредѣленію того общаго направленія, которое должна принять реформа существующихъ экономическихъ отношеній для разрѣшенія соціальнаго вопроса, или, что то же, къ точнѣйшему обозначенію главныхъ частей этого вопроса, Шеель говоритъ, что неравенство въ современномъ экономическомъ устройствѣ происходитъ отъ двухъ причинъ: 1) отъ характера производства цѣнностей, и 2) отъ способа владѣнія ими. Руководящими принципами, опредѣляющими характеръ производства цѣнностей и способъ владѣнія ими, служатъ не цѣли соціально-культурныя, но цѣли чисто-техническія, направленныя исключительно на увеличеніе производства. Съ этими цѣлями согласовано и извѣстнымъ образомъ поставлено раздѣленіе и сочетаніе труда, которое и составляетъ главный рычагъ производства. Оно можетъ производить громадныя массы продуктовъ и потому благо-

пріятствуетъ развитію большихъ капиталовъ; ибо производить для всемірнаго рынка, выносить колебаніе конъюнктуръ, крайнее пониженіе прибылей, что неизбѣжно при громадной продукціи, можетъ только большой капиталъ; но, поэтому, онъ необходимо долженъ своею концентрированною хозяйственною силою сдавливать и уничтожать малыя производства и трудъ во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя ему доступны; а при его усиліяхъ пробиться во всѣ производства, какія могутъ быть ему недоступны?—Далѣе, способъ владѣнія цѣнностями также несогласованъ съ культурными цѣлями, поставленъ внѣ всякой связи съ трудомъ; вслѣдствіе этого, трудъ вознаграждается не участіемъ въ обработываемомъ имъ продуктѣ, а денежною платою, которая не находится ни въ какомъ отношеніи къ продукту. Все это, вмѣстѣ взятое, ведетъ къ слѣдующимъ печальнымъ результатамъ: судьбы народнаго хозяйства находятся вполнѣ въ рукахъ большого капитала, такъ что онъ имѣетъ возможность эксплуатировать его какъ хочетъ, къ совершенному вреду общества; вовторыхъ, положеніе владѣльцевъ небольшихъ имуществъ день ото дня все болѣе и болѣе подрывается, какъ успѣхами хозяйственной техники, такъ и деспотическою спекуляціей большихъ имуществъ; наконецъ, системою денежныхъ заработковъ создается сословіе рабочихъ, состоящее на жалованьи капитала, которое чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сливается въ однородную массу и образуетъ новый характеристическій ферментъ въ обществѣ. Обязанное своимъ происхожденіемъ нынѣшней техникѣ, оно вообще все одинаково имѣетъ самую слабую связь съ тѣми отраслями промышленности, которымъ посвящаетъ свою силу, вездѣ одинаково вознаграждается денежною платою, не обезпечено въ своемъ положеніи, не имѣетъ будущности; все это связываетъ частные отдѣлы этого сословія въ одинъ союзъ, который проникнутъ одинаковымъ недовольствомъ.

На основаніи такого положенія, Шеель формулируетъ слѣдующіе три вопроса, которые должны входить, какъ части, въ вопросъ соціальный: 1) какія ограниченія должно положить на большіе капиталы, чтобы они не порабощали себѣ экономическаго общества во вредъ культурнымъ цѣлямъ? 2) Какъ небольшія имѣнія сохранить въ ихъ настоящемъ составѣ? 3) Какую организацію дать рабочему сословію, чтобы снова сдѣлать его здоровымъ членомъ общества?

Для разрѣшенія этихъ вопросовъ, авторъ рекомендуетъ правительству слѣдующія мѣры: *По первому пункту:* въ видахъ ограниченія большихъ капиталовъ, авторъ предлагаетъ ввести налоги на доходъ и наслѣдство, въ такихъ, впрочемъ, размѣрахъ, чтобы это не препятствовало техническо-хозяйственному развитію; вовторыхъ, право безграничнаго пріобрѣтенія капиталовъ обставить извѣстными условіями относительно малыхъ имуществъ; втретьихъ, право пользованія рабочими силами поставить въ извѣстныя границы, такъ, чтобы рабочіе могли участвовать вмѣстѣ со всѣми въ успѣхахъ прогресса. *По второму пункту* авторъ требуетъ сохраненія самостоятельности и независимости малыхъ имѣній посредствомъ особыхъ учрежденій, которыя должно провести частію законодательство облегченіемъ движенія и пріобрѣтенія для малыхъ капиталовъ, а частію управленіе основаніемъ для той же цѣли банковъ, школъ и т. д. *По третьему пункту* авторъ выставляетъ такое общее требованіе, чтобы рабочій классъ, созданный техникою нынѣшняго хозяйства, не оставался долѣе въ качествѣ простого орудія въ процессѣ производства, но чтобы онъ, какъ общественный классъ, получилъ право, гарантирующее размѣръ его участія въ производствѣ и его положеніе отъ экономическаго гнета. Вмѣстѣ съ тѣмъ, особыя учрежденія должны облегчить ему пріобрѣтеніе умственныхъ и матеріальныхъ благъ и оградить его отъ опасности, которая такъ возможна въ его положеніи,—опасности потерять равенство и свободу, а съ ними и участіе въ успѣхахъ прогресса.

Выставляя всѣ эти требованія, авторъ говоритъ, что ихъ нельзя непосредственно и прямо приложить къ дѣлу. Они выражены какъ формула для всего народнаго хозяйства. Но они могутъ видоизмѣняться въ частныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, смотря по особенностямъ каждой изъ этихъ отраслей. Поэтому чтобы правильно приложить ихъ, надо тщательно изучить съ одной стороны различныя отрасли хозяйства, а съ другой пріискать такія средства, которыя бы болѣе надежно могли гарантировать свободу и равенство, основы культуры. Возьмемъ, напримѣръ, хоть первый пунктъ. Очевидно, что иное ограниченіе большихъ капиталовъ должно быть въ индюстріи, иное въ торговлѣ, иное въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ индюстріи преимущественное вниманіе должно быть обращено на конкуренцію, которая способствуетъ поглощенію малыхъ капиталовъ большими; въ торговлѣ надобно имѣть въ виду не столько конкуренцію, сколько непроизводительную, безчестную спекуляцію; наконецъ въ сельскомъ хозяйствѣ опасность грозитъ не столько со стороны капиталистической техники, сколько отъ наклонности большихъ имѣній поглощать малыя и превращаться въ латифундіи.

Нельзя не признаться, что даже и эти послѣдніе совѣты и предложенія автора такъ общи и неопредѣленны, что изъ нихъ трудно было бы чѣмъ нибудь попользоваться въ практическомъ примѣненіи. Правда, что авторъ принялъ на себя задачу дать только принципіальное рѣшеніе вопроса, обозначить только общее направленіе реформъ, не входя въ подробности; но намъ кажется, что это самая задача требовала отъ автора болѣе или менѣе яснаго указанія на то: что, напримѣръ, могло бы сдѣлать государство

противъ конкуренціи, которая составляетъ основу движенія въ индюстріи, но несомнѣнно подрываетъ малыя производства? что оно могло бы сдѣлать въ сельскомъ хозяйствѣ противъ поглощенія малыхъ имѣній латифундіями? Вопросы эти не такъ легки для разрѣшенія, чтобы ихъ можно было игнорировать при общей постановкѣ соціальнаго вопроса. Возможно ли ограниченіе конкуренціи въ настоящемъ порядкѣ общества и въ какой мѣрѣ возможно? Какъ согласить такое ограниченіе съ свободою, которую авторъ ставитъ основнымъ принципомъ современнаго развитія? Далѣе, какъ воспрепятствовать распространенію вреднаго дѣйствія латифундій при свободѣ мелкой поземельной собственности — а если ограничить свободу послѣдней, то какъ опять это согласить съ основнымъ принципомъ современнаго развитія?— Всѣ эти и подобные этимъ вопросы авторъ почитаетъ за лучшее обходить молчаніемъ.

Но если авторъ, тамъ, гдѣ нужно, довольствуется общностями и неопредѣленностями, изъ которыхъ нельзя выжать никакой мысли, то въ другихъ случаяхъ выступаетъ съ такою рѣшительностью и съ такою увѣренностью, что можно было бы пожелать ему большей скромности. Такъ, разсматривая рабочій вопросъ, авторъ отвергаетъ проекты всѣхъ тѣхъ, которые хлопочутъ о возвышеніи заработной платы, объ участіи рабочихъ въ прибыли, даже объ образованіи производительныхъ ассоціацій, хотя бы и съ государственною помощію. Все это, говоритъ, пустяки,—второстепенное; все это, при главномъ, придетъ само собою, а безъ этого главнаго никоимъ образомъ осуществленно быть не можетъ. Что же, однако, это главное-то? А главное, говоритъ, состоитъ въ томъ, чтобы правильно, самостоятельно поставить рабочій классъ среди другихъ классовъ общества. Какъ же это сдѣлать? Очень просто: 1) утвердить нормальный рабочій день; 2) ввести принудительное застрахованіе съ нанимателей и работниковъ для призрѣнія старыхъ и увѣчныхъ изъ работниковъ; 3) регулировать работу дѣтей и женщинъ согласно съ особенными условіями ихъ положенія. Вотъ и все! Авторъ, повидимому, увѣренъ, что если это будетъ сдѣлано, то больше и толковать будетъ не о чемъ. Ибо остальное все придетъ само собою. «Какихъ можно ожидать для рабочаго результатовъ отъ утвержденія нормальнаго рабочаго дня?» Такой вопросъ задаетъ авторъ самъ себѣ и отвѣчаетъ на него слѣдующее: «мы думаемъ, во-первыхъ, черезъ это рабочій классъ сильно подымется умственно, предполагая, что будетъ учреждено достаточное количество заведеній для интеллектуальнаго, моральнаго и религіознаго развитія его въ часы досуга; во-вторыхъ, онъ почувствуетъ настоятельную потребность въ лучшихъ помѣщеніяхъ и комфортной обстановкѣ; въ-третьихъ, при нормальномъ рабочемъ днѣ капиталъ не будетъ имѣть возможности обращать въ свою пользу неоплаченные излишки труда, получаемые чрезъ удлиненіе рабочаго дня; вчетвертыхъ, ходъ всего производства будетъ вообще покойнѣе; а слѣдствіемъ всего этого, впятыхъ, будетъ возвышеніе умственнаго и матеріальнаго уровня въ жизни. что послужитъ самою вѣрною гарантіею хорошей рабочей платы».

Переходимъ къ послѣднему отдѣлу сочиненія, гдѣ авторъ разсматриваетъ отношеніе государства къ соціальному вопросу.

До настоящаго времени въ обществѣ все еще не совсѣмъ исчезло предубѣжденіе противъ государства, противъ вмѣшательства его въ общественную дѣятельность. Предубѣжденіе это,— говоритъ авторъ—усвоено изъ временъ древности или изъ средневѣковыхъ воззрѣній, когда царствовалъ абсолютизмъ, или государственная власть надѣлялась отъ самихъ гражданъ извѣстною суммою правъ для извѣстныхъ цѣлей, когда слѣдовательно государство было чѣмъ-то внѣшнимъ по отношенію къ обществу, и надобно было бояться его посягательствъ на права общества. Въ настоящее время образованные народы не признаютъ въ государствѣ силы, стоящей внѣ общества и враждебной ему; напротивъ, при правѣ каждаго члена общества на свободу и равенство передъ закономъ, видятъ въ государствѣ только организацію политическаго и экономическаго общества, которой главное назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы каждому члену общества не только обезпечить, но и доставить возможность для достиженія высшаго развитія. Современное государство есть культурное средство, принадлежащее самому обществу, находящееся вполнѣ въ его рукахъ; говорить о розни между государствомъ и обществомъ въ настоящее время было бы нелѣпостью. Между тѣмъ партія послѣдователей либеральной экономіи изъ своихъ видовъ старается поддерживать прежнія враждебныя отношенія общества къ государству. По прежнему она доказываетъ, что всякое вмѣшательство государства въ экономическую дѣятельность общества, кромѣ вреда, приносить ничего не можетъ, что народное хозяйство управляется по неизмѣннымъ законамъ природы, которыхъ человѣческая воля не должна нарушать, что эти неизмѣнные законы устроятъ и приведутъ все къ наилучшимъ цѣлямъ. Подъ этими неизмѣнными законами разумѣется, однакожъ, не что иное, какъ фактическое движеніе экономическихъ дѣлъ, направляемое свободной конкуренціей или, что то же, личнымъ эгоизмомъ каждаго—началомъ, по натурѣ своей, вполнѣ нравственнымъ, слѣдовательно, подлежащимъ контролю и ограниченію высшихъ нравственныхъ началъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда его дѣятельность направляется во вредъ высшимъ цѣлямъ общества. Мысль, что каждый можетъ понимать свой интересъ гораздо лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, и что, слѣдовательно, конкуренція, гдѣ каждый дѣйствуетъ для своей пользы, лучше устроитъ экономическое общество, нежели государство, которое не можетъ

хорошо знать интересовъ каждаго,—несостоятельна, потому что для благополучія каждаго не довольно того, чтобы онъ понималъ свой интересъ, но надобно, чтобы имѣлъ силу достигать его. Сила же эта, на основаніи историческаго развитія общества, между членами его раздѣлена очень неравномѣрно. И само общество со дня на день только болѣе и болѣе увеличиваетъ это неравенство уже тѣмъ однимъ, что бѣдный не найдетъ въ немъ тѣхъ же средствъ образованія, какія доступны богатому. Одно государство можетъ выровнять эти неравенства и положить вездѣ прочное основаніе свободѣ и равенству законодательствомъ, контролемъ и управленіемъ. Ему принадлежитъ, наконецъ, умственное и нравственное превосходство надъ измѣнчивымъ и неопредѣленнымъ общественнымъ мнѣніемъ, потому оно съумѣетъ найдти и лучшія средства для разрѣшенія соціальнаго вопроса и послѣдовательнѣе провести ихъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, одно государство имѣетъ и право, и силу, и способность создать экономическое устройство на другихъ основаніяхъ.

Но при такомъ рѣшительномъ отрицаніи значенія всѣхъ общественныхъ силъ и признаніи всякаго превосходства, даже умственнаго и нравственнаго, за государствомъ, автору естественно долженъ былъ представиться слѣдующій вопросъ: государственная власть падаетъ не съ неба, она выходитъ изъ того же самаго общества. Какимъ же образомъ изъ общества, которое страдаетъ неравенствомъ и несвободой, можетъ выйдти власть, которая будетъ достаточно безпристрастна и достаточно сильна для того, чтобы провести принципъ свободы и равенства? Авторъ не обходитъ молчаніемъ этого вопроса и не скрываетъ всѣхъ трудностей, которыя онъ представляетъ. Онъ говоритъ, что экономическое устройство общества имѣетъ непосредственное вліяніе на политическій составъ его управленія, и что нынѣшній парламентаризмъ какъ разъ такая форма, которая болѣе всего способствуетъ имущественному классу, въ особенности же обладателямъ движимаго капитала, держать въ своихъ рукахъ умственные и нравственные интересы общества. Тѣмъ не менѣе, авторъ не отчаивается, что и при этой формѣ возможно образованіе такого правительства, которое приметъ на себя экономическую реформу общества на основаніи принципа равенства и свободы. Въ надеждѣ этой автора поддерживаютъ слѣдующія три соображенія: вопервыхъ, умственныя дарованія тѣхъ, кому ввѣряется управленіе государственными дѣлами; по замѣчанію автора, повсюду съ каждымъ днемъ государственное управленіе все болѣе и болѣе изъ рукъ рутины и людей привилегированныхъ по рожденію, переходитъ въ руки людей дѣйствительно талантливыхъ и знающихъ; вовторыхъ, духъ времени, который неотразимо дѣйствуетъ на лучшихъ людей въ народѣ и заставляетъ ихъ съ самоотверженіемъ, вопреки собственнымъ интересамъ, стремиться къ достиженію общественнаго идеала свободы и равенства; наконецъ, въ третьихъ, опасенія, очень нерѣдко возбуждаемыя различными проявленіями недовольства со стороны тѣхъ, которые страдаютъ отъ современнаго экономическаго устройства. Эти опасенія заставляютъ правительства вдумываться въ настоящее положеніе дѣлъ и искать изъ него выхода.

Нетрудно видѣть, какъ шатки и слабы эти опоры, на которыхъ авторъ строитъ исполненіе своего грандіознаго плана. Авторъ и самъ сознаетъ это. Въ сущности онъ такъ мало вѣритъ въ существующій нынѣ парламентаризмъ, что, повидимому, готовъ бы былъ съ охотою промѣнять его на просвѣщенный деспотизмъ. По крайней мѣрѣ, онъ прямо говоритъ, что просвѣщенный деспотизмъ могъ бы скорѣе и дѣйствительнѣе вести къ указанной имъ цѣли, нежели парламентаризмъ. Съ этимъ, мы думаемъ,—трудно не согласиться, но, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, и въ просвѣщенномъ деспотизмѣ окажется не безъ препятствій.

Въ концѣ сочиненія ясно самъ собою обнаружился главный его недостатокъ — это отрицаніе важности общественныхъ силъ, непризнаніе за ними никакого значенія въ дѣлѣ великой экономической реформы общества. Авторъ правъ, когда говоритъ, что только государство можетъ взять на себя и съ успѣхомъ выполнять эту реформу. Но очевидно, что прежде, чѣмъ взять и выполнить ее, надобно сначала захотѣть взять, захотѣть выполнить. И у автора въ концѣ концовъ не оказывается винта, посредствомъ котораго онъ могъ бы такую великую машину, какъ государство, привести въ движеніе и заставить ее дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи. А винтъ этотъ, большею частію, заключается въ силахъ общественныхъ, въ томъ или другомъ ихъ развитіи и направленіи. Воспитаніе ли было причиною, что правитель взглянулъ иными глазами на общественныя состоянія и нашелъ нужнымъ приступить къ ихъ реформѣ, или причиною этого былъ рядъ новыхъ идей, проникшихъ въ сознаніе общества и распространившихъ въ немъ другія воззрѣнія на общественныя отношенія, или давленіе общественнаго мнѣнія, возбужденнаго разными неустройствами существующаго порядка и т. п., во всѣхъ этихъ случаяхъ корни реформъ, очевидно, лежатъ въ обществѣ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда правитель внѣ общества захватываетъ сумму идей, освѣщающихъ для него другимъ свѣтомъ общественное устройство, или какимъ нибудь внѣшнимъ толчкомъ располагается къ улучшенію общественнаго строя, онъ не можетъ приступить къ реформѣ прежде, чѣмъ его мысли будутъ проведены въ общество и восприняты извѣстною его частію. Иначе онъ не найдетъ необходимыхъ органовъ для выполненія реформы. Изъ этого ясно, что если ни одна изъ силъ, дѣйствую-

щихъ внутри общества для развитія его, не можетъ сама по себѣ быть достаточною къ разрѣшенію соціальнаго вопроса, то всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя, составляютъ необходимые факторы для его разрѣшенія, такъ что безъ нихъ ничего не могъ бы сдѣлать и главный дѣятель въ этомъ вопросѣ—государство.

Само собою разумѣется, что дѣйствіе общественныхъ силъ должно быть правильное, имѣющее въ виду развитіе общества на основаніи принципа свободы и равенства. Въ противномъ случаѣ всѣ культурныя силы общества будутъ служить къ развитію только имущественныхъ классовъ, къ закрѣпленію за ними власти, утвержденію парламентаризма и неизбѣжно съ нимъ соединенной классовой борьбы. Не въ томъ, напримѣръ, состоитъ дѣло, чтобы распространить въ обществѣ реальное или классическое образованіе, — но въ томъ, чтобы распространить то или другое болѣе или менѣе равномѣрно между всѣми классами общества, какъ имущими, такъ и неимущими. Только такимъ равномѣрнымъ образованіемъ всѣхъ классовъ общества предупредится захватъ власти имущественными классами, неизбѣжная затѣмъ классовая борьба — и верховная власть сохранитъ свою силу дѣйствовать не въ видахъ интересовъ гнетущаго класса, но въ видахъ блага общаго. Политика, устраняющая изъ пустыхъ страховъ нисшіе классы отъ всякаго образованія или ограничивающая ихъ образованіе образованіемъ элементарнымъ, ничтожнымъ въ сравненіи съ образованіемъ, получаемымъ имущественными классами, есть политика самая гибельная для будущности государства.

ПЛУТОКРАТІЯ И ЕЯ ОСНОВЫ *).

(Ueber die Grundlehren der von Adam Smith begründeten Volkswirthschaftstheorie, von D-r H. Roesler. Erlangen, 1868).

«Когда старое общество — говоритъ Карлъ Марксъ въ своей книгѣ: «Das Kapital» — беременно новымъ обществомъ, тогда обязанности акушера при немъ исполняетъ государство»,— и отъ искусства и заботливости акушера зависитъ, чтобы рожденіе произошло благополучно, чтобы младенецъ не явился мертворожденнымъ или не вышелъ уродомъ, или калекой на всю жизнь.

Въ этомъ состояніи послѣдней беременности и близкихъ родовъ находится и современное русское общество. Гнетъ, лежавшій на всѣхъ производительныхъ силахъ Россіи, съ уничтоженіемъ крѣпостного права уничтожился. Имъ предоставленъ путь широкаго, самобытнаго и самодѣятельнаго развитія, просторъ котораго съ каждымъ днемъ будетъ увеличиваться все болѣе и болѣе. Всѣ европейскія общества, освобождавшіяся отъ феодальнаго гнета, выступали обыкновенно на путь великой индюстріи: натуральное хозяйство смѣняется денежнымъ, вмѣсто ручной работы въ разныхъ ремеслахъ и производствахъ вводится машинное, мелкое производство во всѣхъ отрасляхъ промышленности замѣняется заводскимъ, фабричнымъ, вообще производствомъ широкихъ размѣровъ; земледѣліе и промышленность быстро усвоиваютъ всѣ новыя химическія и физическія открытія, вводятъ въ употребленіе новыя орудія, изобрѣтаемыя наукой, всюду стараются примѣнить силу пара, дѣйствіе машинъ. Для громадныхъ предпріятій, которыя для своего выполненія требуютъ затраты нѣсколькихъ десятковъ и сотень милліоновъ и не по силамъ частнымъ капиталамъ, составляются разнообразныя акціонерныя общества — желѣзно-дорожныя, пароходныя, промышленныя, банковыя, страховыя и т. д. Вообще капиталъ становится самымъ могущественнымъ двигателемъ, рычагомъ каждаго промышленнаго общества.

Но капиталъ по природѣ своей ненасытенъ; одно изъ основныхъ и существенныхъ его стремленій составляетъ стремленіе къ непрестанному и безконечному увеличенію себя. Въ этомъ стремленіи его можетъ сдерживать и обуздывать только сила положительнаго закона, но никакія нравственныя или общественно-культурныя цѣли. Была бы хорошая прибыль, а тамъ хоть трава не расти. Что за дѣло до того, какими результатами отразятся въ обществѣ тѣ или другія предпріятія, тотъ или другой способъ дѣйствія не только въ отдаленномъ, но даже въ ближайшемъ будущемъ? «Капиталъ боится шуму и скандала—говоритъ одинъ писатель—онъ боязливъ по природѣ, — это правда, но тутъ не полная истина. Капиталъ не терпитъ отсутствія прибыли, или слишкомъ мелкой прибыли, такъ точно, какъ природа не терпитъ пустоты. Но если есть приличная прибыль, капиталъ дѣлается смѣлымъ. Если прибыль состоитъ изъ вѣрныхъ 10 процентовъ, онъ дается охотно въ употребленіе всякому; если прибыль доходитъ до 20 процентовъ, онъ отдается съ нѣкоторымъ оживленіемъ; при 50 процентахъ онъ дѣлается рѣшительно *сорви-головою*; за 100 процентовъ онъ топчетъ подъ ноги всѣ человѣческіе законы; — 300 процентовъ, —и нѣтъ такого преступленія, на которое бы онъ не рискнулъ, даже еслибы ему угрожала висѣлица. Поэтому если шумъ и скандалъ прибыль, они только ободряютъ его. Лучшимъ дозательствомъ служатъ: контрабанда и торговля невольниками».

Дѣлаясь главнымъ двигателемъ и рычагомъ промышленнаго общества, капиталъ старается уничтожить все то, что служитъ препятствіемъ къ его увеличенію, и захватить въ руки всѣ средства, обезпечивающія его безконечное возростаніе. Капиталъ самъ собою, своею собствен-

*) Февраль 1872 г.

ною силой не можетъ увеличиться ни на одну копѣйку. Капиталъ есть цѣнность мертвая; онъ можетъ оживляться и возростать только посредствомъ труда. Какою мѣрою должна опредѣляться доля участія капитала въ прибыляхъ, добываемыхъ трудомъ, этого до настоящаго времени не опредѣляетъ ни наука, ни положительное право; вопросъ этотъ съ разныхъ точекъ зрѣнія рѣшается весьма различно. По ученію либеральной экономіи долю капитала составляетъ все то, что остается за вознагражденіемъ стоимости труда, т.-е. выдачею реальной и денежной рабочей платы; maximum этой платы, по ученію той же либеральной экономіи, опредѣляется потребностями рабочаго, которыя, по различному развитію и различному состоянію рабочихъ въ различныхъ странахъ и мѣстностяхъ, бываютъ весьма различны; minimum—закономъ спроса и предложенія, который можетъ уменьшать размѣръ этой платы до полуголоднаго существованія рабочаго. Такъ-какъ прибыль капитала находится въ обратномъ отношеніи къ стоимости труда, то натурально, что въ интересѣ капитала дѣлать все, что можетъ довести рабочую плату до возможнаго минимума. Главное, что поддерживаетъ потребности и привычки рабочаго на высотѣ извѣстнаго комфорта, что дѣлаетъ его менѣе зависимымъ отъ капитала и слѣдовательно болѣе или менѣе приближаетъ рабочую плату къ ея нормѣ, есть, конечно, собственность рабочаго надъ матеріалами его труда. Пока крестьянинъ сидитъ крѣпко на кускѣ своей земли, пока ремесленникъ имѣетъ въ своихъ рукахъ необходимые инструменты и матеріалъ для работы, дотолѣ капиталистъ можетъ находить работниковъ только за болѣе или менѣе нормальную плату. Но собственность въ рукахъ рабочаго вредитъ капиталу еще и другимъ образомъ: она поддерживаетъ мелкое кустарное производство и слѣдовательно отнимаетъ у капитала потребителей.

Вотъ почему всюду, гдѣ индюстрія принимаетъ большіе размѣры и разростается капиталистическое производство, капиталъ начинаетъ ожесточенную борьбу противъ собственности рабочихъ и всюду,—гдѣ правительство относительно теченія экономическихъ дѣлъ держится принципа laissez faire, laissez passer, предоставляя ему направляться по неизмѣннымъ, какъ любитъ выражаться либеральная экономія, законамъ природы—капиталъ мало по малу достигаетъ полнаго торжества. Образуется, наконецъ, желаемый имъ рабочій рынокъ, на которомъ, по выраженію одного ученаго экономиста, «являются хозяева товаровъ двухъ различныхъ сортовъ: съ одной стороны—*собственники денегъ, средствъ производства и жизненныхъ средствъ*, которые принадлежащую имъ сумму цѣнностей хотятъ увеличить чрезъ покупку чужой рабочей силы, съ другой—*свободные работники*, продавцы собственной рабочей силы, и слѣдовательно продавцы труда, *свободные* во двоякомъ смыслѣ, а именно, что 1) ни сами они не принадлежатъ непосредственно къ условіямъ производства, что они т.-е. не рабы, не крѣпостные и т. д., и что 2) и имъ не принадлежатъ условія производства, что они т.-е. не крестьяне, имѣющіе собственное хозяйство и т. п., однимъ словомъ, свободные вполнѣ и совершенно. «Такой рынокъ составляетъ завѣтную мечту капитала, ибо онъ является какъ побѣдный трофей, какъ свидѣтельство, что медленный и во всякомъ случаѣ довольно упорный процессъ отдѣленія рабочаго отъ условій производства благополучно оконченъ, что постепенное концентрированіе средствъ производства, раздѣленныхъ между безчисленными недѣлимыми въ народной массѣ, превращеніе мелкой собственности многихъ въ громадную собственность немногихъ, или, что то же, экспропріація у массы народа принадлежащей ему земли, средствъ пропитанія, орудій труда, эта страшная и тяжелая экспропріація народной массы, наконецъ, завершена. Процессъ этотъ заключаетъ въ себѣ рядъ самыхъ насильственныхъ мѣръ; онъ совершается съ самымъ безпощаднымъ вандализмомъ и подъ вліяніемъ самыхъ безстыдныхъ, самыхъ грязныхъ и самыхъ отвратительныхъ стремленій».

Замѣчательно однакожъ, что процессъ этотъ, какъ онъ ни безобразенъ, болѣе или менѣе удался въ большей части Европы. Вездѣ почти послѣ уничтоженія феодальныхъ отношеній наступало царство капиталистическаго производства. Вездѣ послѣднему удалось болѣе или менѣе отдѣлить рабочихъ отъ условій продукціи, т.-е. обезземелить ихъ, лишить средствъ пропитанія и орудій труда, сосредоточивъ все это въ рукахъ немногихъ. Но нигдѣ онъ не проведенъ съ такою послѣдовательностью и полнотою, какъ въ Англіи. Поэтому намъ не только интересно, но и поучительно остановиться нѣсколько на результатахъ этого процесса въ Англіи, чтобы видѣть, куда можетъ вести свободная промышленность, направляемая въ своемъ развитіи единственно капиталомъ, безъ вмѣшательства и регулированія правительства.

Въ Англіи давно уже не существуетъ крестьянства въ томъ смыслѣ, въ какомъ разумѣемъ его мы. То-есть, тамъ нѣтъ сельскихъ рабочихъ, имѣющихъ поземельный надѣлъ или собственное хозяйство. Уже съ XVI столѣтія благородные лорды стали заботиться о томъ, чтобы пахотныя земли поставить въ соразмѣрную пропорцію съ пастбищами. «Еще впродолженіе всего XVI-го и большую часть XV столѣтія,—говоритъ почтенный тори и филантропъ сэръ Эденъ — 1 акръ пастбищъ приходился на 2, на 3 и даже на 4 акра пахотной земли. Въ срединѣ XVI столѣтія 3 акра пастбищъ приходились на 2 акра пахотной земли, позднѣе 2 акра пастбищъ на 1 акръ пахотной земли, пока, наконецъ, *не установилась правильная пропорція 3 акровъ пастбищъ на 1 акръ пахотной земли*». Добиваясь

установленія этого *правильнаго* отношенія земель пахотныхъ къ луговымъ,—а для чего такая *правильность* была нужна, читатель увидитъ ниже, — благородные лорды сначала отняли у крестьянъ ихъ общинныя земли, потомъ отняли усадьбы, построивъ для сельскихъ рабочихъ въ своихъ помѣстьяхъ особыя помѣщенія, которыя и отдавали рабочимъ въ наемъ за извѣстную плату. Но, наконецъ, и это нашли невыгоднымъ. Трудъ сельскаго рабочаго не доставляетъ прочнаго обезпеченія ни ему самому, ни его семьѣ. Въ случаѣ болѣзни, въ случаѣ недостатка въ работѣ, рабочій и семья его нуждаются въ немедленной помощи прихода, а черезъ это увеличивается приходская подать въ пользу бѣдныхъ. Поэтому благородные англійскіе ландлорды съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе стараются сбыть оставшихся въ ихъ помѣстьяхъ отъ прежняго времени рабочихъ. Построенныя въ прежнее время жилища для рабочихъ остаются безъ всякой поправки и ремонта, и какъ скоро коттеджъ дѣлается негоднымъ для жилья, работникъ съ семьей выгоняется на всѣ четыре стороны. Изгнанные такимъ образомъ изъ большихъ имѣній рабочіе находятъ помѣщеніе или въ ближайшихъ городкахъ, или въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, гдѣ спекулянты скупаютъ земли и нарочно для такихъ жильцовъ устраиваютъ самыя скаредныя помѣщенія, взимая при этомъ за наемъ ихъ огромную плату. Эти помѣщенія отъ мѣстъ работы бываютъ за три, за четыре мили. Но въ восточной Англіи даже и такой наемъ рабочихъ признается невыгоднымъ, а находятъ болѣе выгоднымъ обработывать землю бродячими толпами или шайками, или, какъ бы выразился г. Колюпановъ, свободными отъ земли ассоціаціями. Эта обработка земли носитъ названіе Gangsystem. Обыкновенно въ помѣстьяхъ, имѣющихъ отъ 400—до 1,000 акровъ земли (акръ=889 русс. квадр. саженъ), держатъ осѣдлыхъ работниковъ только для постоянныхъ трудныхъ или конныхъ работъ. На каждые 100 акровъ среднимъ числомъ едва приходится одинъ коттеджъ. Одинъ арендаторъ говорилъ здѣсь слѣдственной коммисіи, изслѣдовавшей бытъ рабочихъ: «Моя аренда имѣетъ болѣе 320 акровъ; земля вся для зернового хлѣба. Коттеджа нѣтъ ни одного. Одинъ работникъ живетъ у меня. Четырехъ конныхъ я помѣстилъ въ окрестности. Легкія работы, для которыхъ требуется много рукъ, исполняются *бродячими шайками*». Къ такимъ работамъ причисляются: полотье травы, копка земли, унавоженіе, подборка камней и т. п.

Бродячая шайка или банда содержитъ въ себѣ обыкновенно отъ 10 до 40 или 50 человѣкъ, именно женщинъ, молодыхъ людей обоего пола (13—18 лѣтъ), наконецъ, дѣтей обоего пола (6—13 лѣтъ). Во главѣ этой шайки или банды состоитъ ея предводитель *подрядчикъ* (Ganggmaster, Gangmeister). Онъ бываетъ обыкновенно изъ простыхъ сельскихъ работниковъ, большею частью плутъ, кулакъ, бездомный, пьяный, но отличающійся предпріимчивостью и умѣньемъ обдѣлывать дѣла (savoir faire). Онъ вербуетъ банду, которая и работаетъ подъ его надзоромъ, а не подъ надзоромъ хозяина, у котораго берется работа. У послѣдняго *подрядчикъ* беретъ работу поштучно, и доходъ его зависитъ отъ искусства, съ которымъ онъ умѣетъ въ возможно скорое время выжать какъ можно болѣе труда изъ своей банды. Бывали случаи, что подрядчики дѣлались потомъ арендаторами 500 акровъ земли, или владѣльцами многихъ домовъ, обыкновенно же доходъ ихъ немногимъ превышаетъ доходъ обыкновеннаго сельскаго работника. Подрядчикъ переходитъ съ одного имѣнія на другое и такимъ образомъ занимаетъ свою банду въ теченіе 7—8 мѣсяцевъ. Онъ даетъ болѣе вѣрную и выгодную работу для рабочихъ семействъ, нежели арендаторы, которые берутъ дѣтей очень рѣдко. Въ мелкопомѣстныхъ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ рабочіе, его вліяніе такъ велико, что во многихъ изъ нихъ нельзя нанять дѣтей иначе, какъ при его посредствѣ. И наемъ дѣтей для арендаторовъ вообще составляетъ профессію предводителей бандами, и помимо работъ въ бандахъ.

Вредная сторона этой бродячей системы обработки земли состоитъ въ обремененіи дѣтей и молодыхъ людей излишнею работой, въ огромныхъ переходахъ, которые они должны ежедневно дѣлать отъ одного имѣнія къ другому, на разстояніи 5, 6, иногда и 7 миль и, наконецъ, въ деморализаціи самыхъ бродячихъ бандъ. Нельзя сказать, чтобы подрядчикъ, вооруженный обыкновенно длинной палкой, злоупотреблялъ ею; жалобы на жестокое обращеніе составляютъ рѣдкое исключеніе. Напротивъ, какъ демократическій императоръ, онъ имѣетъ нужду въ популярности между своими подданными и старается привязать ихъ къ себѣ циническою свободою обращенія. Грубая вольность, веселыя выходки и прибаутки, и отвратительнѣйшее безстыдство воодушевляютъ банду. Большею частью подрядчикъ выдаетъ заработки въ кабакѣ и возвращается оттуда домой во главѣ банды, поддерживаемый подъ правую и лѣвую руку дюжими женщинами, а сзади сопровождаемый дѣтьми и молодыми людьми, распѣвающими смѣшныя и похабныя пѣсни. На обратномъ пути совершается обыкновенно то, что Фурье называетъ фанерогаміей. Забеременѣніе 13-ти и 14-тилѣтнихъ дѣвочекъ отъ ихъ мужскихъ товарищей этого же возраста здѣсь бываетъ зачастую. Мелкопомѣстныя деревни, доставляющія контингентъ бандамъ, дѣлаются Содомомъ и Гоморрою, и даютъ вдвое болѣе незаконнорожденныхъ, чѣмъ все остальное королевство.

Вся восточная Англія почти сплошь пользуется для обработки полей бродячими бандами, и употребленіе этой системы обработки земли возрастаетъ со дня на день все болѣе и болѣе. Для арендаторовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ нѣтъ ничего выгоднѣе, какъ держать персоналъ рабочихъ

гораздо меньшій, чѣмъ сколько требуется, а между тѣмъ для всѣхъ экстренныхъ работъ имѣть готовый запасъ рабочихъ, которые берутъ притомъ самую дешевую плату и даютъ возможность обходиться безъ дорогихъ взрослыхъ работниковъ. Крупные землевладѣльцы, любители хорошихъ рентъ, такъ влюблены въ эту систему, что одинъ изъ нихъ доказывалъ слѣдственной коммиссіи, что въ этой системѣ нѣтъ ничего дурного, что ей вредитъ только названіе. «Вмѣсто: *бродячая банда* назовите ее молодая *индюстріально-земледѣльческо-кооперативная самодѣятельная ассоціація*,— и тогда все дѣло приметъ совершенно другой видъ».

Посмотримъ теперь, какъ живутъ эти люди, лишенные капиталистическою продукціею земли и крова?

Жалкое положеніе англійскихъ рабочихъ стало выясняться со времени борьбы за уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ. Въ это время съ одной стороны въ интересѣ агитаторовъ, дѣйствовавшихъ противъ покровительственныхъ пошлинъ, было доказать, какъ мало хлѣбные законы приносили пользы *дѣйствительнымъ* производителямъ хлѣба. Съ другой стороны промышленая буржуазія, раздраженная нападками и денунціаціями поземельныхъ аристократовъ на фабричное производство, желала вывести послѣднихъ на свѣжую воду, показать, какъ эти испорченные до мозга, безсердечные и знатные празднолюбцы безчестно лгутъ, прикрываясь маской какихъ-то, будто бы, симпатій къ фабричному работнику въ своей ревности о фабричномъ законодательствѣ. Старинная англійская пословица говоритъ, что когда два вора начнутъ грызться, то изъ этого всегда выйдетъ что нибудь хорошее. Такъ случилось и тутъ. Изъ ожесточенной борьбы двухъ господствующихъ фракцій въ обществѣ, которыя себѣ втихомолку самымъ безстыднымъ образомъ обирали рабочаго, превращая самую большую часть чужого труда въ частную собственность людей ничего недѣлающихъ, выяснилось настоящее положеніе дѣла. Фабриканты на свой счетъ снарядили собственныхъ коммисаровъ и послали ихъ въ земледѣльческіе округа для изслѣдованія положенія сельскихъ рабочихъ. Изъ этого изслѣдованія обнаружилось, что maximum заработной платы, за исключеніемъ найма квартиръ, оставался на каждое взрослое лицо въ семействѣ не болѣе 2 шиллинговъ въ недѣлю, что большею частью эта плата не превышала одного шиллинга въ недѣлю, или была немного больше шиллинга, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ падала до 11, 8 и даже 7 пенсовъ.

Уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ сильно подняло англійское земледѣліе. Дренажъ въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ, новая система кормленія скота въ стойлѣ, воздѣлываніе искуственныхъ кормовыхъ травъ, введеніе механическихъ аппаратовъ для удобренія, новая обработка глинистой земли, введеніе минеральнаго удобренія, примѣненіе паровыхъ и всякаго рода другихъ машинъ, и т. п., интенсивная культура вообще—все это вмѣстѣ взятое сильно увеличило доходы съ земледѣлія, причемъ введеніемъ машинъ, по свидѣтельству людей компетентныхъ, издержки производства были сокращены на половину. Такъ-какъ при этомъ необходимо сократилось и число работниковъ—съ 1.241,269 въ 1851 оно пало на 1.163,221 въ 1861 году, то можно бы было ожидать, что post tot discrimina rerum, участь рабочихъ быстро измѣнится, и что они наслаждатся, наконецъ, возможнымъ для нихъ счастіемъ.

Но профессоръ политической экономіи Rogers въ своемъ классическомъ сочиненіи («A History of Agriculture and Proces in England», Oxford 1866) пришелъ къ выводу, что положеніе нынѣшняго сельскаго работника чрезвычайно ухудшилось нетолько въ сравненіи съ положеніемъ работника въ послѣдней половинѣ XIV и XV столѣтій, но даже съ положеніемъ работника 1770—1780 года, что онъ, работникъ, «сдѣлался опять крѣпостнымъ», и притомъ крѣпостнымъ, у котораго нѣтъ ни достаточной пищи, ни пріюта. Д-ръ. Юліанъ Гэнтеръ (Hunter) въ своемъ замѣчательномъ отчетѣ о жилищахъ сельскихъ рабочихъ говоритъ: «издержки на содержаніе рабочаго ограничены самымъ крайнимъ минимумомъ, какимъ только можно жить». Его заработная плата и средства жизни нисколько не зависятъ отъ прибыли, изъ него извлекаемой. Въ разсчетахъ фермера онъ чистый нуль. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если хозяинъ дома возвышаетъ цѣну на квартиру работника, когда слышитъ, что начинаетъ получать нѣсколько болѣе, и если фермеръ понижаетъ заработную плату рабочаго, «потому что жена его нашла занятіе». «Средства его существованія разсматриваются какъ величина, никогда неизмѣняемая». «Что касается до дальнѣйшаго уменьшенія его дохода, то онъ можетъ сказать: nihil habeo, nihil curo. У него нѣтъ страха за будущее, потому что онъ не имѣетъ ничего, кромѣ того, что́ абсолютно необходимо для его существованія. Онъ достигъ того пункта замерзанія, отъ котораго разсчеты фермера исходятъ, какъ данное. Что́ бы ни случилось, ему все равно, ибо ему нѣтъ доли ни въ счастіи, ни въ несчастіи».

Врачебная слѣдственная коммисія, наряженная въ 1863 году для изслѣдованія пропитанія сельскихъ рабочихъ, нашла, что продовольствіе большей части сельскихъ рабочихъ англійскихъ семействъ стоитъ ниже того минимума, который необходимъ «для отвращенія болѣзней голода». Въ такомъ положеніи находятся рабочіе во всѣхъ округахъ Корнвилля, Девона, Сомерсета, Дорсета, Уильтса, Стаффорда, Оксфорда, Берка и Герта.

Жилища сельскихъ англійскихъ рабочихъ изслѣдовалъ докторъ Гэнтеръ. Онъ осмотрѣлъ 5,375 коттеджей нетолько въ чисто земледѣльческихъ округахъ, но и во всѣхъ графствахъ Англіи. «Каждая страница отчета доктора Гэнтера — говоритъ докторъ Симонъ въ своемъ оффиціальномъ

отчетѣ о здоровьѣ—свидѣтельствуетъ о недостаточности помѣщеній для нашего сельскаго работника и о ихъ ужасномъ состояніи. Въ этомъ отношеніи положеніе нашего сельскаго работника постоянно ухудшалось въ теченіе многихъ лѣтъ. Ему теперь гораздо труднѣе найдти себѣ помѣщеніе, и въ особенности соотвѣтствующее его потребностямъ, нежели это было въ прежнихъ столѣтіяхъ. Въ особенности въ послѣднія 20 или 30 лѣтъ зло быстро увеличилось и въ настоящее время помѣщенія сельскихъ рабочихъ въ высшей степени жалки. Кромѣ сострадательной снисходительности тѣхъ, *которыхъ трудъ рабочаго обогащаетъ*, онъ въ этомъ случаѣ ничѣмъ не обезпеченъ. Есть ли для него помѣщеніе на землѣ, которую онъ обрабатываетъ, годится ли оно для человѣческаго жилья, или годно только для свиней, есть ли при немъ маленькій огородъ, который такъ много облегчаетъ тяжесть бѣдности, все это зависитъ не отъ его готовности или состоятельности для платы умѣреннаго найма, а отъ воли тѣхъ, которые «имѣютъ право дѣлать изъ своей собственности какое угодно употребленіе». Какъ бы ни была велика ферма, нѣтъ закона, который бы обязывалъ имѣть на ней извѣстное число помѣщеній для рабочихъ, и притомъ приличныхъ; законъ не сохраняетъ для работника ни малѣйшаго права на ту землю, которой его трудъ такъ же необходимъ, какъ солнце или дождь... Законъ о бѣдныхъ еще болѣе отягчаетъ положеніе»... Сказавъ далѣе, какъ законъ о бѣдныхъ способствуетъ къ уничтоженію жилищъ рабочихъ, докторъ Симонъ продолжаетъ: «Когда такимъ образомъ большіе собственники, чтобы избавиться отъ платы для бѣдныхъ, сгоняютъ съ своихъ земель народонаселеніе, ближайшій городокъ или мелкое помѣстье принимаетъ изгнанныхъ работниковъ; я говорю: *ближайшій*, но этотъ «ближайшій» отстоитъ иногда отъ фермы на 3 или 4 мили, которыя рабочій каждодневно долженъ отшлепывать. Такимъ образомъ къ его ежедневной работѣ, которая точно ничего не значитъ, присоединяется ежедневная прогулка въ 6 или 8 миль для добыванія насущнаго хлѣба. Всѣ сельскія работы, совершаемыя его женой и дѣтьми, должны теперь совершаться подъ тѣмъ же отягчающимъ условіемъ. Но отдаленностью еще не исчерпывается все зло. Въ мѣстахъ населенія рабочихъ спекулянты скупаютъ клочки земли, которые усѣваютъ плотно на плотно самой дешевой постройки вертепами. И въ этихъ-то жалкихъ жилищахъ, которыя даже если они выходятъ на открытое поле, соединяютъ въ себѣ всѣ дурныя качества самыхъ дурныхъ городскихъ помѣщеній, тѣснятся сельскіе англійскіе работники. Положеніе сельскихъ рабочихъ въ этихъ помѣщеніяхъ ухудшается тѣмъ, что спекулянтомъ-строителемъ является мѣстный содержатель трактира или мелочной лавочки въ деревнѣ. Въ этомъ случаѣ сельскій рабочій находитъ въ немъ себѣ, послѣ фермера, второго господина. Онъ долженъ быть вмѣстѣ непремѣнно и жильцомъ его, и покупщикомъ. Онъ обязывается свою порцію чаю, сахару, муки, мыла, свѣчей и пива забирать въ лавкѣ своего хозяина по цѣнамъ, назначаемымъ послѣднимъ. Не должно, впрочемъ, думать, чтобы и работникъ, водворенный на той землѣ, которую онъ обрабатываетъ, имѣлъ помѣщеніе, соотвѣтствующее его труду для продуктивной индюстріи. Даже въ княжескихъ имѣньяхъ коттеджи рабочихъ имѣютъ часто самый жалкій видъ. Есть лайдлорды, которые думаютъ, что для рабочихъ и ихъ семействъ конюшня есть уже достаточно хорошее помѣщеніе и, однакожъ, не стыдятся брать за него какъ возможно бо́льшую наемную плату съ рабочаго». Подробныя свѣдѣнія о бѣдственномъ состояніи англійскихъ рабочихъ читатель можетъ найти въ недавно вышедшемъ сочиненіи бывшаго австрійскаго министра Шеффле, а также у Маркса, откуда и мы заимствовали вышеприведенные факты. Мы ограничиваемся сообщеніемъ свѣдѣній только о состояніи сельскихъ рабочихъ, предполагая, что состояніе пролетаріата фабричнаго болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ.

Страну, въ которой низшіе классы, во всякомъ случаѣ составляющіе главную основу народонаселенія, находятся въ такомъ жалкомъ положеніи, никакъ нельзя бы было, повидимому, не противорѣча здравому смыслу, считать страною благоденствующею. По всей справедливости ее слѣдовало бы назвать страною разоренною или настолько непрочною и эфемерною въ своемъ существованіи, на сколько были непрочны и эфемерны всѣ древнія и новыя государства, какъ абсолютическія, такъ и свободныя, благосостояніе которыхъ держалось на принципѣ разоренія народныхъ массъ. Но пересмотрите всѣ учебники и ученые трактаты и изслѣдованія господствующей политической экономіи, всѣ статистики—найдете ли гдѣ-нибудь даже маленькое сомнѣніе въ благосостояніи Англіи? Не представляется ли она, напротивъ, всюду образцомъ промышленнаго и вообще прогрессивнаго развитія?—Сколько изъ нашихъ доморощенныхъ экономистовъ есть «провозвѣстниковъ англійскихъ началъ», которые о томъ только и мечтаютъ, какъ бы поскорѣе разрушить нашу земледѣльческую общину, обезземелить крестьянъ, образовать огромныя латифундіи и проч. и проч.? Человѣку непроницательному, который углубился въ разсмотрѣніе одного казоваго конца Англіи и пораженъ ея наружнымъ блескомъ, трудно будетъ не только заподозрить самому, но даже повѣрить несомнѣннымъ свидѣтельствамъ другихъ, чтобы такою блестящею поверхностью могло покрываться самое бѣдственное разореніе народа, доведенное до ужасающихъ размѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, на какія бы отрасли человѣческаго труда и дѣятельности мы ни обратили вниманіе,—Англія вездѣ почти стоитъ первою, образцовою страною среди другихъ государствъ. Что въ ней не процвѣтаетъ? Заводы и фабрики, промышленность всякаго рода, земле-

дѣліе, торговля, наука, искусство — все находится въ самомъ блестящемъ положеніи. Вмѣстѣ съ этимъ богатства націи возрастаютъ съ неимовѣрною быстротою. «Какъ ни быстро увеличивалось народонаселеніе страны,—говорятъ съ восторгомъ составители послѣдняго ценза въ Англіи,—но оно не могло поспѣвать за прогрессомъ индюстріи и богатства». Милль говоритъ, что обиліе капиталовъ въ Англіи такъ велико, что процентъ прибыли держится въ ней у самой границы minimum'а, и что возрастаніе капиталовъ очень скоро остановилось бы, еслибы часть ихъ не уносилась постоянно изъ страны, или даже просто не уничтожалась бы совершенно непроизводительно, и тѣмъ не опорожнялся бы просторъ для дѣйствія капиталовъ, остающихся въ странѣ. Спекуляціи, влекущія за собою коммерческій кризисъ, совершаются, по словамъ Милля, именно вслѣдствіе того, что капиталъ приближается къ границѣ своего неподвижнаго состоянія. Спекуляціи или просто уничтожаютъ или передаютъ иностранцамъ значительное количество капитала, производятъ временное повышеніе процентовъ прибыли и очищаютъ мѣсто новымъ накопленіямъ. На этомъ основаніи въ Англіи, по словамъ Милля, правительство можетъ смѣло брать займомъ значительныя суммы для какихъ нибудь великихъ цѣлей справедливости или филантропіи, напримѣръ, для обширнаго плана колонизаціи или національнаго воспитанія, въ полной увѣренности, что такой расходъ не отниметъ занятія ни у одного работника и не уменьшитъ производства слѣдующаго года ни однимъ локтемъ миткаля, ни однимъ бушелемъ пшеницы.

При такомъ обиліи капиталовъ, казалось, что могло бы мѣшать направить избытокъ ихъ ко благу общему! Вмѣсто того, чтобы искать работы для капитала въ иностранныхъ государствахъ или отдалять его отъ границы неподвижнаго состоянія спекуляціями—не лучше ли бы было направить его избытокъ на широкое народное воспитаніе, которое такъ скудно въ Англіи, на приведеніе народонаселенія въ выгодное соотвѣтствіе съ производствомъ страны посредствомъ эмиграціи? Мы упоминаемъ о послѣднемъ обстоятельствѣ потому, что, по словамъ англійскихъ экономистовъ и вообще либеральной экономіи, всѣ бѣдствія народныхъ массъ происходитъ отъ чрезмѣрнаго размноженія населенія, что къ уничтоженію этого зла можетъ вести основательное воспитаніе, прочное улучшеніе благосостоянія рабочихъ, возвышеніе вслѣдствіе этого ихъ привычекъ къ комфорту и т. п.

Что же мѣшаетъ лучшимъ людямъ Англіи осуществить эти прекрасныя цѣли и сдѣлать ее одною изъ счастливѣйшихъ странъ въ свѣтѣ?

Парламентаризмъ, основанный на господствѣ капиталовъ или, что то же, захватъ власти имущественными классами. Ибо какъ скоро такой захватъ совершился, то своекорыстіе капитала дѣлается основною политикою правительства, какими бы либеральными учрежденіями и законами она ни драпировалась. «Достойно вниманія — говоритъ одинъ изъ замѣчательныхъ нѣмецкихъ экономистовъ, бывшій членомъ нашей академіи— что какъ часто ни разсматривался въ англійскомъ парламентѣ вопросъ о положеніи рабочихъ, онъ никогда не былъ обсуждаемъ съ истинной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія на работника, какъ на человѣка. Обыкновенно ораторы, которые берутъ на себя защиту рабочихъ, изливаются въ самыхъ чувствительныхъ жалобахъ и въ самыхъ трогательныхъ изображеніяхъ бѣдственной участи рабочихъ, что, говоря строго, еще ничего не доказываетъ, ибо есть бѣдствія, которыя могутъ быть неизбѣжнымъ зломъ, въ какомъ бы ужасномъ видѣ мы ихъ ни изобразили, и слѣдовательно подобныя вліянія, когда идетъ серьезное разсужденіе о серьезномъ предметѣ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстны. Ораторамъ на эти изліянія записные защитники всего существующаго обыкновенно отвѣчаютъ, что зло еще не такъ велико, какъ его изображаютъ; что, правда, въ нѣкоторыхъ промыслахъ работники терпятъ нужду, и то отчасти по своей винѣ; — но что вообще,— если промыселъ по обстоятельствамъ не въ застоѣ, англійскій рабочій ѣстъ хлѣбъ лучшій, чѣмъ нѣмецкій поденщикъ, и по временамъ даже пьетъ пиво.—Этимъ разсужденія и кончаются. Но ни одному изъ членовъ парламента не придетъ въ голову предложить слѣдующіе вопросы: оплачивается ли трудъ по его дѣйствительной цѣнности? Соотвѣтствуетъ ли заработная плата дѣйствительному участію работника въ производствѣ? Не злоупотребляютъ ли предприниматели тою силою, которую даютъ имъ ихъ капиталы и ихъ положеніе, не насчетъ ли рабочаго они конкурируютъ, ведутъ промышленную борьбу между собою? Заботится ли государство о томъ, чтобы національный доходъ распредѣлялся возможно справедливо? Не предоставлено ли слишкомъ много простора силѣ въ ущербъ праву? А казалось, какъ бы упустить изъ виду такіе простые вопросы, и кому же? членамъ англійскаго парламента, вниманіе которыхъ возбуждалось каждымъ искусственнымъ повышеніемъ поземельной ренты, напримѣръ чрезъ хлѣбные законы, и они сейчасъ указывали несправедливость подобной мѣры именно въ томъ, что она въ ущербъ капиталистамъ поведетъ къ неправильному раздѣленію національнаго дохода».

Такой волчій судъ дѣлается неизбѣжнымъ во всякомъ правительствѣ, которымъ завладѣли имущественные классы. И нѣтъ такой человѣческой силы, которая могла бы сокрушить этотъ порядокъ тамъ, гдѣ онъ успѣлъ достаточно утвердиться и окрѣпнуть. Корона тогда не только безсильна сдѣлать что-нибудь въ пользу низшихъ классовъ, но и сама дѣлается невольнымъ орудіемъ гнета въ рукахъ засѣдающаго въ парламентѣ капитала. Самыя революціи, какъ доказываетъ примѣръ Франціи, не служатъ ни къ

чему. Послѣ каждой изъ нихъ капиталъ является еще въ большемъ прежняго блескѣ и пріобрѣтаетъ еще большую силу,—и вся комедія оканчивается тѣмъ, что Луи Филиппъ замѣняется Луи Наполеономъ, Луи Наполеонъ — Тьеромъ и т. д. Современные философы-экономисты въ родѣ Милля хотя и могутъ находить такой порядокъ несправедливымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ ходомъ развитія бываютъ поставлены въ необходимость признавать его неизбѣжнымъ по *законамъ природы*, и думать, что человѣческія усилія измѣнить тутъ ничего не могутъ, а можетъ что-нибудь сдѣлать развѣ только самая сила вещей или точнѣе власть Господня, и то развѣ въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Наступитъ когда-нибудь время, — такъ мечтаетъ Милль, — когда всѣ страны міра наполнятся капиталами точно такъ же обильно, какъ наполнена теперь Англія. Англійскіе капиталы не будутъ находить тогда помѣщенія въ другихъ странахъ и по необходимости засядутъ дома, придутъ въ неподвижное состояніе. Къ тому времени, вѣроятно, и работники пріобрѣтутъ настолько благоразумія, что не будутъ чрезмѣрно размножаться (*любопытно однако знать: откуда рабочіе могутъ набрать себѣ этого благоразумія, когда имущественные классы намѣренно будутъ держать ихъ въ невѣжественномъ и нищенскомъ состояніи?*), и новое поколѣніе будетъ являться только въ такомъ числѣ, какое необходимо для замѣщенія прежняго. Ко всему этому и законодательство позаботится о лучшемъ распредѣленіи собственности (*какимъ образомъ можетъ явиться другое законодательство, если законодательная власть, какъ и нынѣ, будетъ въ рукахъ капитала?*). Оно будетъ благопріятствовать равенству состояній, насколько это совмѣстно съ справедливымъ требованіемъ каждаго (*а теперь это, значитъ, роскошь?*), чтобы ему принадлежали плоды его собственнаго труда, велики ли они будутъ или малы. Оно можетъ также ввести тогда (*почему бы не теперь?*) ограниченіе суммы, какую дозволяется человѣку пріобрѣтать черезъ дареніе или наслѣдство, количествомъ достаточнымъ для обезпеченія скромной независимости. Когда все это будетъ приведено въ исполненіе, тогда наступитъ желанный рай на землѣ. Милль изображаетъ его такъ: «работники, получая хорошую плату, живутъ изобильно; громадныхъ состояній нѣтъ, кромѣ состояній выработанныхъ и накопленныхъ въ теченіе жизни однимъ человѣкомъ; но за то гораздо больше (*это еще немного!*), чѣмъ теперь, будетъ лицъ, избавленныхъ отъ грубѣйшихъ видовъ работы, а также пользующихся достаточнымъ физическимъ и умственнымъ досугомъ отъ машинальныхъ мелочей, такъ что они могутъ свободно предаваться лучшимъ сторонамъ жизни и служитъ примѣромъ изящнаго (!?) для сословій, положеніе которыхъ менѣе благопріятно изящному развитію». Что можетъ быть скромнѣе этой картины человѣческаго счастія, нарисованной рукою одного изъ гуманнѣйшихъ англійскихъ экономистовъ! Вѣдь если представить человѣческое общество одною ступенью ниже изображеннаго здѣсь, то это будетъ уже несчастное общество. Слѣдовательно идеалъ, нарисованный Миллемъ, едва переступаетъ границу того, что на языкѣ человѣческомъ называется общественнымъ бѣдствіемъ. И однакожъ, даже и такой скромный идеалъ, по условіямъ, поставленнымъ Миллемъ, могъ бы быть осуществленъ, можетъ быть, черезъ нѣсколько сотень, а можетъ быть, и тысячъ лѣтъ. Но даже и для такого отдаленнаго его выполненія въ теперешнемъ состояніи и направленіи общества не имѣется ни малѣйшаго слѣда необходимыхъ данныхъ. Съ точки зрѣнія нынѣшняго состоянія общества онъ есть чистая, невозможная для исполненія утопія! —А между тѣмъ, еслибы въ самомъ отдаленномъ будущемъ, на высокой стадіи развитія человѣчества, человѣческія общества ожидало только такое счастіе, какое рисуетъ Милль, стоило ли бы и хлопотать о цивилизаціи и прогрессѣ? — Не лучше ли бы было людямъ разбѣжаться изъ обществъ снова въ лѣса и пустыни и пріучиться ходить на четверенькахъ, какъ, по изслѣдованіямъ Дарвина, ходили ихъ предки? Все-таки, въ лѣсахъ и пустыняхъ съ полуголоднымъ существованіемъ для тѣхъ, которые уцѣлѣютъ, соединялись бы просторъ и воля, здоровый воздухъ, а не та, по выраженію Милля, «тяжелая острожная жизнь, которую въ настоящее время ведетъ большая часть человѣчества, для обогащенія извѣстнаго числа фабрикантовъ съ ихъ товарищами». Но мы думаемъ, что въ будущемъ человѣчество ждутъ гораздо лучшія судьбы, и Милль видитъ въ далеко неутѣшительномъ видѣ будущее только потому, что смотритъ на него сквозь призму изуродованной капиталомъ англійской общественной жизни и еще болѣе изуродованнаго міросозерцанія этой жизни. Всѣхъ англійскихъ экономистовъ мучатъ два нечистыхъ духа. — Одинъ изъ нихъ: *чрезмѣрное размноженіе народонаселенія* признается духомъ злымъ, другой—*капиталъ* — духомъ добрымъ, который находится въ постоянной борьбѣ съ первымъ, смягчаетъ или парализуетъ его вредоносность, однимъ словомъ спасаетъ общество отъ окончательной погибели, которой, въ противномъ случаѣ, оно неминуемо подверглось бы. Не должно забывать при этомъ, что подъ капиталомъ англійскіе экономисты разумѣютъ не капиталъ распредѣленный болѣе или менѣе равномѣрно въ извѣстныхъ доляхъ въ массѣ народонаселенія, а собраніе всѣхъ этихъ долей, сосредоточенное въ немногихъ рукахъ, такъ притомъ, что капиталъ есть не только разъ совершившаяся экспропріація имуществъ и труда массъ, но сила, постоянно экспропріирующая ихъ имущество и трудъ. Какимъ образомъ капиталъ, понимаемый въ послѣднемъ смыслѣ, можетъ служить средствомъ противъ чрезмѣрнаго размноженія населенія, объясненія этому

напрасно бы мы стали искать въ ученіи англійскихъ экономистовъ. Напротивъ, на основаніи ихъ собственныхъ соображеній относительно мѣръ противъ чрезмѣрнаго размноженія, можно придти къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Они говорятъ, что самыми лучшими мѣрами противъ чрезмѣрнаго размноженія могли бы быть всеобщее солидное образованіе массъ и болѣе или менѣе значительная степень ихъ довольства, соединеннаго съ извѣстнымъ комфортомъ; но съ капиталомъ именно несовмѣстны ни возвышеніе благосостоянія массъ, ни ихъ образованіе. Вѣрнѣе можно сказать, что капиталъ служитъ не средствомъ противъ чрезмѣрнаго размноженія, а скорѣе препятствіемъ къ воспитанію и распространенію благоразумнаго въ этомъ отношеніи воздержанія въ массахъ. Можно бы было думать, что капиталъ, не составляя радикальнаго средства противъ чрезмѣрнаго размноженія, представляетъ хорошій палліативъ противъ него. Говорятъ, по крайней мѣрѣ, что сосредоточенный капиталъ можетъ выполнять громадныя предпріятія, недоступныя для малыхъ капиталовъ, что онъ необходимъ для интенсивной разработки земли, рудниковъ и т. д., и для веденія промышленности въ широкихъ размѣрахъ, что, наконецъ, въ немногихъ рукахъ скорѣе и прочнѣе сохраняются сбереженія, чѣмъ доли ихъ, разсѣянныя въ массахъ. Но большіе капиталы, требующіеся нынѣ для большихъ предпріятій и производствъ, легко могли бы быть замѣнены ассоціаціею малыхъ капиталовъ. И во многихъ случаяхъ даже въ настоящее время, когда не выработалось еще привычки и ловкости въ веденіи дѣлъ на началахъ ассоціаціи, эта замѣна произошла бы къ выгодѣ самыхъ дѣлъ. Такъ, напримѣръ, несомнѣнно доказано, что никогда въ большихъ хозяйствахъ земля не можетъ быть такъ хорошо обработана, какъ она обрабатывается собственниками мелкихъ поземельныхъ участковъ, разумѣется, если они имѣютъ нужный капиталъ, а не находятся въ положеніи нашихъ крестьянъ, у которыхъ нѣтъ ни скота, ни удобренія, ни хорошихъ орудій. Поэтому земледѣльческая ассоціація, составленная изъ такихъ собственниковъ, могла бы вести болѣе интенсивную разработку земли и добывать болѣе продукта, чѣмъ это можетъ сдѣлать большой капиталъ черезъ наемную работу. Можетъ быть, то же самое должно сказать и о другихъ большихъ предпріятіяхъ, гдѣ трудъ наемный можетъ быть замѣняемъ трудомъ собственника, участвующаго въ предпріятіи на началѣ ассоціаціи. Нынѣшнія акціонерныя компаніи, гдѣ болѣе или менѣе значительные капиталисты участвуютъ въ совершенно незнакомомъ имъ предпріятіи самыми ничтожными долями своихъ капиталовъ, отвѣтствуя за предпріятіе только въ размѣрѣ этихъ долей, и потому въ дѣйствительности не принимаютъ почти никакого участія въ предпріятіи,— представляютъ собою скорѣе каррикатуру на принципъ ассоціаціи, чѣмъ дѣйствительныя ассоціаціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы капиталъ не былъ сосредоточенъ въ немногихъ рукахъ, а распространенъ въ небольшихъ доляхъ по массамъ, акціонерныя общества могли бы основываться совершенно съ другимъ характеромъ, т.-е. изъ людей, знающихъ дѣло, принимающихъ непосредственное или близкое участіе въ немъ; тогда бы и издержки и прибыль акціонерныхъ обществъ и ихъ прочность, а равно и успѣхи ихъ дѣла были бы совсѣмъ другіе. Что касается до сбереженій, то трудно представить, чтобы большой капиталъ могъ лучше сохранять ихъ и производительнѣе употреблять, чѣмъ малый. Прежде всего мы должны сказать здѣсь о сбереженіяхъ во время производства. Какими бы великими промышленными талантами ни обладалъ предприниматель, но всегда есть черта, за которою его личное наблюденіе и дѣятельность дѣлаются невозможными, или только весьма поверхностными. Какъ скоро размѣръ предпріятія переходитъ за эту черту, непроизводительныя траты дѣлаются безчисленны и ихъ невозможно ни устранить, ни подвергнуть никакому контролю. Конечно, большой капиталъ и за всѣмъ тѣмъ получаетъ большую прибыль, но эта прибыль отзывается и на качествѣ товара, и на голоданіи работниковъ,—тогда какъ, еслибы все, что истрачено напрасно, употребить хозяйственнымъ образомъ, — прибыль не уменьшилась бы, но при этомъ и качество продукта было бы лучше, и вознагражденіе работника достаточнѣе. Такихъ случаевъ не можетъ быть въ производствахъ съ небольшими капиталами, гдѣ производство находится въ непосредственномъ наблюденіи хозяина и гдѣ за всѣмъ смотритъ хозяйскій глазъ. Затѣмъ, если взять во вниманіе личныя непроизводительныя траты, то у всякаго небогатаго капиталиста они ничтожны: онъ живетъ дѣломъ, въ немъ его душа и наслажденіе, потому для него онъ бережетъ каждый грошъ. Большой капиталистъ обыкновенно скоро дѣлается человѣкомъ *ласковаго хлѣба*. Онъ пріучается жить не столько своимъ трудомъ и дѣятельностію, сколько съ одной стороны хищничествомъ чужого труда и имущества, съ другой — счастливыми конъюнктурами—этими золотыми розсыпями новаго промышленнаго міра. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, конъюнктуры не рыночныя только, но и тѣ незримыя конъюнктуры, которыя устраиваютъ конъюнктуры рынка и биржи — и даютъ имъ то или другое движеніе, то или другое направленіе. Еслибы исчислить тѣ безчисленные милльоны, которые тратятся непроизводительно на устройство конъюнктуръ, и затѣмъ грабежъ другихъ безчисленныхъ милльоновъ, производимый посредствомъ ихъ, то надобно было бы подивиться безконечной производительности труда, который все-таки успѣваетъ наработать столько, что міръ не погибаетъ съ голоду. Пусть читатель припомнитъ при этомъ изъ прошедшаго столѣтія «Общество Южнаго Океана» въ Англіи и изъ нынѣшняго «Crédit Mobilier». Потери, поне-

сенныя англійскимъ народомъ отъ плутней перваго, оцѣниваются въ 500 милльоновъ фунтовъ стерлинговъ, т.-е. въ сумму въ 5 разъ бо́льшую всего количества звонкой монеты, обращавшейся тогда во всей Европѣ.

Изучая различныя политико-экономическія ученія, вообще не должно забывать, что человѣку трудно отрѣшиться отъ той формы общества, въ которой онъ живетъ, въ которой родился и воспитался: какъ бы онъ ни старался сдѣлаться космополитомъ, тѣ общественныя отношенія, которыя сложились на его родинѣ, основа общественнаго міросозерцанія, духъ, которымъ проникнутъ общественный строй, всегда останутся для него болѣе или менѣе родными. Французъ будетъ разсматривать общественныя отношенія подъ своимъ угломъ зрѣнія, нѣмецъ—подъ своимъ, точно также англичанинъ и т. д. Оттого на всѣхъ теоріяхъ политико-экономическихъ и вообще соціальныхъ лежитъ всегда національная печать. Но нигдѣ на экономическихъ ученіяхъ печать національности не обозначалась такъ рѣзко и выпукло, какъ въ Англіи. Адамъ Смитъ писалъ свое великое твореніе о богатствѣ народовъ во время такъ называемаго движенія идей во Франціи и подъ сильнымъ ихъ вліяніемъ. Передъ началомъ своего труда онъ прожилъ три года въ Парижѣ, былъ здѣсь въ постоянномъ общеніи со всѣми главными представителями различныхъ направленій помянутаго движенія, и дѣйствительно усвоилъ себѣ основные, руководившіе его принципы. Но они такъ легко и осторожно отразились въ ученіи Адама Смита. что нисколько не помѣшали средневѣковому зданію Англіи оставаться во всей его прежней красѣ и неприкосновенности; демократизмъ Адама Смита рѣзко выразился только въ отрицаніи государственной власти, которая сводилась на систему полицейско-охранительнаго учрежденія; но такъ-какъ при этомъ существующія отношенія оставались въ своей силѣ, на рабочаго проводился взглядъ, только какъ на простое орудіе въ хозяйственномъ процессѣ, то имущественныя или господствующія сословія не только этимъ не трогались, но и возвышались, такъ что смитовскій демократизмъ въ этомъ случаѣ чуднымъ образомъ совпадалъ съ аристократизмомъ. Такому ученію, мирно ладившему съ существующими отношеніями, трудно было найдти задержки. Дѣйствительно, одни тори упорствовали нѣсколько въ привязанности къ прежнимъ традиціямъ, — виги скоро поняли прелесть той позолоты, которою ученіе Адама Смита покроетъ заржавѣвшій отъ времени средневѣковый дворянскій механизмъ. Рикардо и Мальтусъ, геніальные ученики и продолжатели Адама Смита — два такіе же прочные столпа рабства въ новомъ мірѣ, какими въ древности были Платонъ и Аристотель, — крайніе выводы, сдѣланные изъ ученія Адама Смита, совпадавшіе съ существующими англійскими отношеніями, возвели на степень научныхъ аксіомъ. По ученію Рикардо, прогрессъ и нѣкоторымъ образомъ самая цѣль существованія человѣческихъ обществъ, опредѣляются количествомъ ежегодно получаемаго ими чистаго дохода. «Для частнаго человѣка —говоритъ онъ— имѣющаго капиталъ въ 20,000 ф. стерл. и получающаго ежегодную прибыль съ него въ 2,000 ф. стерл., рѣшительно все-равно, дастъ ли его капиталъ работу сотнѣ или тысячѣ человѣкамъ, будетъ ли проданъ добытый продуктъ за 10,000 или за 20,000 ф. стерл., предполагая, что онъ ни въ какомъ случаѣ не получитъ прибыли менѣе 2,000 ф. стерл. Не въ томъ ли же состоитъ истинный интересъ и каждаго народа? Если дѣйствительный чистый доходъ остается одинъ и тотъ же, состоитъ ли народъ изъ 10-ти или 12-ти милльоновъ, то не все ли равно, будетъ ли состоять онъ изъ 10-ти или 12-ти милльоновъ душъ?» Еще Сисмонди весьма остроумно и справедливо замѣтилъ относительно этого мѣста, что еслибы англійскій король, посредствомъ верченія машинки, могъ одинъ добывать чистый доходъ, то, по смыслу ученія Рикардо, англійской націи вовсе было бы не нужно; повидимому, такое добываніе дохода было бы даже весьма желательно. Въ то время, когда Рикардо въ видѣ капитала воздвигалъ для новаго міра золотого тельца, всецѣлымъ служеніемъ которому обусловливается самое существованіе человѣческихъ обществъ, Мальтусъ провозвѣщалъ, что всѣ бѣдствія массъ зависятъ отъ несоразмѣрности ихъ размноженія со средствами существованія, доставляемыми природою и даннымъ развитіемъ общества, и что никто не виноватъ въ томъ, что желающіе работать остаются безъ работы, неимущіе гибнутъ отъ невѣжества, голода, болѣзней и всякаго рода лишеній, что ихъ гибель не зло, а добро для общества. Они предназначены къ гибели самою природою. «Человѣкъ — говоритъ Мальтусъ, — вступающій въ міръ, занятый уже другими, не имѣетъ ни малѣйшаго права (!) на участіе въ имѣющихся средствахъ существованія. Онъ совершенно лишній на землѣ, и для него нѣтъ прибора за великимъ пиршествомъ природы. Она, сама природа, приказываетъ ему ему выйдти вонъ и не замедлитъ сама насильственно выполнить этотъ свой приговоръ». Со времени Рикардо и Мальтуса, чрезмѣрное размноженіе и славословіе капитала составляютъ двѣ главныя пружины, на которыхъ вертится вся та кукольная комедія, которая носитъ названіе либеральной экономіи. Чрезмѣрное размноженіе и капиталъ играютъ въ ней такую же роль, какъ въ теологіи грѣхопаденіе и искупленіе. Чрезмѣрное размноженіе—это грѣхопаденіе, капиталъ — это искупленіе, котораго назначеніе врачевать людей отъ бѣдствій грѣхопаденія, и затѣмъ постепенно возвышая, ввести ихъ, наконецъ, въ изображаемый Миллемъ рай.

Тѣ бѣдствія, которыя капиталистическая продукція произвела въ Англіи, она производитъ и въ другихъ странахъ, такъ что въ наше время понятіе народнаго богатства страны почти отож-

дествляется съ разореніемъ въ ней народа. Чѣмъ шире и грандіознѣе индюстрія какой-нибудь страны, тѣмъ бѣднѣе въ ней народонаселеніе рабочихъ классовъ. По новѣйшимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, одинъ пауперъ приходится въ Англіи на 6 человѣкъ, въ Голландіи на 7, въ Бельгіи на 7, въ Швейцаріи на 18, въ Германіи на 20, въ Австріи, Франціи, Италіи, Португаліи на 25, въ Испаніи на 30, въ Турціи на 40 человѣкъ.

На первый взглядъ можетъ представляться страннымъ: какимъ образомъ образованнѣйшія страны Европы могли выступить на путь гибельнаго для нихъ развитія? Но еще болѣе должно казаться страннымъ то, что онѣ продолжаютъ упорно держаться на этомъ пути, что ни одна страна не дѣлаетъ серьёзныхъ, легальныхъ попытокъ измѣнить его, несмотря на постоянныя требованія и даже волненія массъ во многихъ изъ нихъ. Въ этомъ консервативномъ отношеніи образованной Европы къ разъ принятому ею экономическому порядку многіе видятъ неопровержимое доказательство того, что этотъ порядокъ, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, есть все-таки наилучшій, и что всякая новая страна, выступающая на путь широкаго промышленнаго развитія, должна идти непремѣнно тѣмъ же путемъ, какимъ идетъ Европа, что нынѣшняя бѣдственная фаза цивилизаціи есть во всякомъ случаѣ неизбѣжный моментъ въ ходѣ развитія не только вообще человѣчества, но и каждаго частнаго народа.

Чтобы отвѣчать на помянутые вопросы, мы должны обратиться къ прошедшему.

Всѣ европейскія государства почти одновременно освободились отъ феодальнаго гнета; въ разрушеніи феодальнаго строя общества главную роль играла усилившаяся монархическая власть и основанное ею такъ-называемое *полицейское* государство, подъ опеку котораго попало высвободившееся изъ-подъ гнета феодализма европейское общество. Полицейское государство по идеѣ своей было прекраснѣйшимъ государствомъ. Благо и счастіе всѣхъ и каждаго ставилось единственною его цѣлію; государь обязывался быть отцомъ своихъ подданныхъ. Въ этомъ стремленіи доставить счастіе своимъ подданнымъ государство не останавливалось ни передъ чѣмъ. Если подданные не понимали придуманнаго для нихъ государствомъ счастія и не хотѣли принять его, государство было обязано заставить ихъ принять его *принудительными мѣрами*. Государство дѣйствовало въ распространеніи счастія между своими подданными и *отрицательно*, запрещая имъ все, что считалось вреднымъ для ихъ благосостоянія, и *положительно*, повелѣвая имъ все, что находило для нихъ полезнымъ. Вырвавшись изъ-подъ гнета феодальнаго, личность очутилась подъ другимъ гнетомъ, можетъ быть и менѣе тяжкимъ, но болѣе несноснымъ и раздражающимъ. Полиція охватывала своимъ попеченіемъ и бдительностію всю жизнь человѣка и общества, вмѣшивалась во всѣ мелочи ежедневной жизни, преслѣдовала привычки и обычаи самые безвредные и т. д. Но великое во всѣхъ мелочахъ, сильное противъ слабыхъ, государство оказывалось безсильнымъ тамъ, гдѣ нужна была дѣйствительно его помощь для счастія народа. Старыя привилегіи продолжали процвѣтать по прежнему; не было равенства личности передъ судомъ и закономъ. Все это сдѣлало владычество полицейскаго государства не менѣе ненавистнымъ, чѣмъ и владычество феодальнаго. Ненависть народовъ съ того времени почила на самомъ имени полиціи. Испытавъ отъ отсутствія свободы и въ феодальномъ, и въ полицейскомъ владычествѣ безчисленныя бѣдствія, тяжелѣе которыхъ трудно было и представить что-нибудь въ то время, общество пришло къ мысли, что только при полной свободѣ личности возможно благосостояніе обществъ и что къ завоеванію этой свободы должны быть направлены всѣ усилія обществъ. Изъ этой именно мысли возникла прежде всего школа такъ называемыхъ физіократовъ. Сущность ученія этой школы состояла въ томъ, что въ обществѣ все должно быть предоставлено «au gouvernement de la nature», «господству природы». Подъ господствомъ природы разумѣлось тогда предоставленіе дѣлъ ихъ собственному теченію, устраненіе ихъ отъ всякаго искусственнаго регулированія государственною властію. Гурнэ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ представителей физіократизма, говорилъ министрамъ, что самое лучшее, что они могутъ сдѣлать для благосостоянія общества, это — если они не будутъ ничего дѣлать, предоставляя общественное развитіе самому себѣ: «laisser faire, laisser aller». Кене на вопросъ дофина: что бы сталъ дѣлать Кене, еслибы сдѣлался королемъ? отвѣчалъ: «ничего». Однимъ словомъ, мысль объ освобожденіи обществъ отъ гнета правительствъ была идеею вѣка. Она проникала собою все великое движеніе умовъ во Франціи, — она легла и въ основаніе экономическихъ воззрѣній Адама Смита. Вотъ почему твореніе его: о богатствѣ народовъ, какъ вполнѣ отвѣчающее своимъ содержаніемъ потребностямъ и стремленіямъ современнаго ему общества, произвело глубокое впечатлѣніе. Оно сдѣлалось новымъ евангеліемъ для своего времени. Сочиненіе Адама Смита развивало двѣ главныхъ мысли: 1) что трудъ есть источникъ всѣхъ цѣнностей и, слѣдовательно, народнаго богатства; что 2) трудъ тогда только вполнѣ производителенъ, когда онъ вполнѣ свободенъ, когда каждому предоставлена полная воля самому заботиться о своихъ интересахъ по своему собственному разумѣнію. Всякій *самъ* лучше всѣхъ знаетъ, что для него полезнѣе — таково было требованіе Смитовскаго Self interest. Этимъ отвергалась всякая полицейская опека и вмѣшательство въ экономическія дѣла.

Намъ не трудно понять односторонность этого ученія. Великое движеніе умовъ во Франціи въ идеѣ своей совершалось во имя нравственнаго

самодостоинства личности. Въ понятіи нравственнаго самодостоинства личности лежатъ два представленія: 1) представленіе о ея равенствѣ со всѣми другими личностями, то-есть, о ея одинаковомъ съ послѣдними правѣ на надлежащее развитіе и удовлетвореніе своихъ нравственныхъ и физическихъ потребностей, а слѣдовательно и на участіе въ благахъ, которыя необходимы для этого развитія и удовлетворенія, или, что то же, на извѣстную долю въ общемъ счастьѣ; 2) представленіе о ея свободѣ, т.-е. о ея одинаковомъ со всѣми другими правѣ быть вполнѣ самостоятельной, быть цѣлью себѣ самой и не находиться въ непроизвольномъ служебномъ состояніи интересамъ другихъ. XVIII вѣку, вслѣдствіе его предшествовавшихъ состояній, была ясна только одна, послѣдняя изъ этихъ двухъ сторонъ. Въ одной свободѣ личности онъ видѣлъ панацею противъ всѣхъ золъ, и общество, основанное на принципѣ полной свободы личности, было единственнымъ его идеаломъ. Въ то время трудно было провидѣть, чтобы на прочномъ фундаментѣ свободы могли развиться состоянія неравенства. Народъ представлялъ въ качествѣ третьяго сословія одну сплошную, ничѣмъ неразличимую массу, которая единодушно боролась противу привилегированныхъ сословій, требуя одинаковыхъ для всѣхъ правъ политическихъ и гражданскихъ. Но когда идеалъ былъ достигнутъ, свобода была завоевана, въ неразличимой доселѣ массѣ народа развились элементы не только не одинаковые, но и противуположные между собою — это элементы *имущіе* и *неимущіе*. Первые посредствомъ ценза всплыли немедленно на верхъ, сдѣлались классомъ правительствующимъ, привилегированнымъ; вторые стали въ подчиненное положеніе. Буржуазія родилась,—распаденіе доселѣ одного народа на два отдѣла *имущихъ* и *неимущихъ* произошло и было сознано и почувствовано всѣми, но отсюда было еще далеко до взаимной враждебности двухъ распавшихся половинъ. Нужно было, чтобы буржуазія развила и дала достаточно всѣмъ почувствовать свои инстинкты,— нужно было, чтобы она создала себѣ короля плоть отъ плоти своей и кость отъ кости въ лицѣ Луи-Филиппа, царствовала вмѣстѣ съ нимъ, создала пролетаріатъ, безчестнымъ образомъ заманила народъ въ 1848 и кровожадно расправилась съ нимъ въ іюльское возстаніе,—тогда только сдѣлалась ясна для всѣхъ глубокая пропасть, лежавшая между буржуазіею и рабочимъ сословіемъ.

Теперь буржуазное владычество прошло уже всѣ фазисы развитія, это уже не зерно, составъ котораго надобно изучить химическимъ анализомъ, возможнымъ только для немногихъ, и о будущихъ формахъ котораго можно судить только по догадкамъ и соображеніямъ —это уже полное, окончательно развившееся растеніе со всѣми его листьями, цвѣтами, плодами, благоуханіемъ. Буржуазія изучена въ настоящее время до послѣднихъ подробностей и тонкостей во всѣхъ своихъ стремленіяхъ и инстинктахъ, во всѣхъ своихъ цѣляхъ и послѣдствіяхъ. Мерзость запустѣнія, всюду ею производимая, теперь стала ясна для всѣхъ.

Но государству, которое разъ для промышленнаго развитія открыло путь капиталистическаго производства, не легко отказаться отъ этого пути. Оно должно переворотить все со дна до верху внутри себя, само произвести внутри себя самую страшную революцію, чтобы основать другой порядокъ дѣлъ. Тамъ гдѣ развилось капиталистическое производство, государство не имѣетъ въ рукахъ своихъ земель. Онѣ всѣ находятся въ частныхъ рукахъ и при томъ на основаніи неограниченнаго права собственности, такъ что государство не имѣетъ права не только экспропріировать ихъ, но и установить такой способъ пользованія ими, который служилъ бы не частному только интересу владѣльцевъ, но и благу общему. На такомъ же основаніи неприкосновеннаго для государства права собственности находятся и всѣ другія имущества. Далѣе, капиталистическая продукція создаетъ такой характеръ производства и многія такія формы дѣлъ и предпріятій, приспособляя вмѣстѣ съ тѣмъ къ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній способность и дѣятельность народонаселенія, что ввести другой экономическій порядокъ значило бы не только разорить безчисленные капиталы, но и вообще подвергнуть риску общій ходъ народнаго хозяйства при отсутствіи въ массахъ навыка къ веденію самостоятельныхъ хозяйствъ, и даже при отсутствіи способности къ какимъ-нибудь занятіямъ, кромѣ тѣхъ до безконечности спеціализированныхъ, частныхъ работъ въ томъ или другомъ производствѣ, которыя они машинально пріучились отправлять съ дѣтства на фабрикахъ, поставленныхъ на широкую ногу. Милль, въ принципѣ предпочитающій мелкую поземельную собственность крупной, и желающій всюду распространенія поселянъ поземельныхъ собственниковъ, когда дѣло доходитъ до примѣненія этого принципа къ практикѣ, находитъ его неудобнымъ для Англіи и другихъ подобныхъ ей по способу развитія промышленности государствъ. «Народъ— говоритъ онъ—однажды принявшій систему производства въ большомъ размѣрѣ,—фабричнаго или земледѣльческаго производства, все равно—едвали отступитъ отъ нея».— Но если государство не можетъ перемѣнить вдругъ въ короткое время существующій и окрѣпшій экономическій порядокъ, то нельзя отрицать, что постепенно, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока, оно можетъ путемъ законодательства распустить старыя формы хозяйства и приготовить почву для развитія новыхъ хозяйственныхъ образованій и формъ, въ томъ случаѣ, если оно сохраняетъ принадлежащую ему силу. Но тутъ встрѣчается новая запятая для тѣхъ странъ, гдѣ успѣло утвердиться капиталистическое производство. Государственная власть переходитъ здѣсь вся, какъ мы

уже видѣли, въ руки имущественныхъ классовъ или, что то же, капитала, въ интересахъ котораго состоитъ держать массы въ угнетенномъ состояніи, въ невѣжествѣ, и каждое стремленіе ихъ къ улучшенію своего положенія выдавать за признакъ революціоннаго духа.

Мы должны благодарить Бога, что Россія не находится пока въ такомъ печальномъ положеніи. Безчисленныя еще пространства земель здѣсь находятся въ рукахъ государства; при этомъ понятіе римской собственности не до того проникло въ общество, чтобы государство не имѣло возможности, не касаясь основныхъ правъ собственниковъ, дать направленіе употребленію и частной собственности, сообразное съ общимъ благомъ; новыя хозяйственныя образованія и формы находятся еще въ зародышѣ, такъ что благоразумное регулированіе и направленіе экономическихъ дѣлъ поведетъ не къ уничтоженію имѣющихся капиталовъ, но къ сохраненію ихъ отъ непроизводительнаго употребленія и ажіотажа, къ правильному развитію народнаго хозяйства на прочномъ и справедливомъ основаніи; наконецъ, у насъ нѣтъ легально господствующаго имущественнаго класса, который могъ бы препятствовать государству въ его начинаніяхъ для блага общаго.

Тѣмъ непростительнѣе будетъ нашимъ государственнымъ акушерамъ, если они не съумѣютъ новорождающееся русское общество предохранить отъ ложнаго пути капиталистическаго производства и положатъ въ странѣ начало тѣмъ бѣдствіямъ, которыя раздираютъ теперь Европу, т.-е. господству капитала, захвату власти имущественными классами, классовой борьбѣ.

А покатости къ такому пути уже имѣются. Обыкновенно, когда нарождается новое общество, когда оно выступаетъ на путь великой индустріи, въ немъ начинаются грандіознѣйшія предпріятія, стекаются безчисленные капиталы; въ это самое время закладывается и основный слой плутократіи, первое ядро буржуазіи. Что такое плутократія? Плутократія въ началѣ своемъ не составляетъ отдѣльнаго класса общества; она набираетъ своихъ членовъ изъ всѣхъ слоевъ общества; сюда входятъ всѣ одаренныя хищными талантами натуры, къ какому бы онѣ сословію ни принадлежали, и дворяне, и чиновники, и купцы и т. д. Общая цѣль ихъ—награбленіе капиталовъ; главнѣйшія усилія направлены на то, чтобъ привлечь государство къ содѣйствію этого цѣли. Подъ видомъ осчастливленія народа, развитія его благосостоянія, они представляютъ правительству грандіознѣйшія предпріятія и на сушѣ, и на морѣ, съ подробнѣйшими выкладками тѣхъ безчисленныхъ милльоновъ, которые черезъ осуществленіе этихъ предпріятій потекутъ и въ ихъ отечество, и просятъ для предпріятія или монополіи, или гарантіи, или по крайней-мѣрѣ дозволенія начать его, собрать нужные для этого начала милльоны, затѣмъ, воспользовавшись изъ этихъ милльоновъ, какъ слѣдуетъ,— оставить купаться въ неудавшемся предпріятіи, какъ знаютъ, довѣрчивыхъ вносителей паевъ, и затѣмъ обратиться къ правительству за разрѣшеніемъ новыхъ, еще болѣе грандіозныхъ предпріятій. Весьма мѣтко характеризуетъ плутократовъ нѣмецкій экономистъ Марло. Плутократовъ не должно, говоритъ онъ, смѣшивать ни съ рентьерами, ни съ производительными предпринимателями. Рентьеръ не ищетъ нечестнаго пріобрѣтенія, онъ довольствуется обыкновеннымъ процентомъ съ своего капитала,— предприниматель, большой ли то, или малый, употребляетъ свой капиталъ на производительныя дѣла;—отличительная черта плутократа та, что въ его рукахъ капиталъ дѣлается орудіемъ безчестныхъ и непроизводительныхъ спекуляцій. Плутократъ можетъ прикидываться по надобности всѣмъ, чѣмъ угодно, и патріотомъ, и народолюбцемъ, и любителемъ науки и искусствъ, и моралистомъ, и реалистомъ и т. п.,—но въ немъ собственно нѣтъ любви ни къ чему, кромѣ выгоды, и для пріобрѣтенія ея онъ не отказывается ни отъ какихъ средствъ, напротивъ кривой путь предпочитаетъ всегда прямому, какъ выгоднѣйшій. Плутократъ поклонникъ либеральной *формы* государства, потому что здѣсь полная свобода пріобрѣтенія, но онъ уживается и во всякой другой формѣ, гдѣ обѣщается защита свободы пріобрѣтенія. «Одну изъ отличительныхъ чертъ плутократіи составляетъ отвращеніе ко всякимъ соціальнымъ реформаторамъ. Она обыкновенно старается представить ихъ утопистами, разрушителями, врагами цивилизаціи, болѣзненными изверженіями общества, и противъ такихъ чудовищъ всякое насиліе считаетъ справедливымъ, говоря, что «должно жертвовать самою свободою, чтобы спасти цивилизацію». Она консервативна въ либеральныхъ государствахъ, революціонна въ монополистическихъ; въ послѣднихъ она стремится подчинить себѣ королевскую власть подъ предлогомъ ея охраненія. Она поступаетъ въ этомъ случаѣ съ большимъ тактомъ и умѣетъ вмѣстѣ обмануть и народъ, и королевскую власть; первый она увѣряетъ, что хлопочетъ о его правахъ предъ престоломъ, послѣднюю—что она составляетъ ея защиту противъ нападеній народа. Плутократія, смотря по надобности, принимаетъ разныя названія, но всего болѣе любитъ называть себя *умѣренной* партіей и *партіей порядка*. Умѣренной она называетъ себя потому, что хлопочетъ о политическихъ правахъ не для всего народа, а только для способнѣйшей части его, то-есть, для себя самой; партіей порядка потому, что ту косвенную революцію, которую она производитъ посредствомъ наилюбезнѣйшаго и ей одной приносящаго выгоду либеральнаго порядка, она не считаетъ революціей, но какъ противъ революціи, вооружается противъ всего, что направляется противъ этого порядка. Она не выпускаетъ изъ устъ модной фразы о святости собственности, семейства, религіи. Но подъ *собственностію* разумѣетъ свободное право пріоб-

рѣтенія, которое даетъ ей возможность присвоивать себѣ собственность другихъ, а послѣднимъ не даетъ возможности прикасаться къ ея собственности; подъ *семействомъ*—институтъ, необходимый для передачи наслѣдства, а подъ религіей—*полицейскую мѣру*, нужную для обузданія тѣхъ, которые трудятся для нея въ этомъ мірѣ и не довольствуются обѣщаніемъ награды за это въ будущемъ».

И такъ, по характеристикѣ Марло самый существенный признакъ плутократіи, это любовь къ либеральной формѣ государства или по крайней-мѣрѣ къ принципу свободы пріобрѣтенія. Если мы возьмемъ этотъ признакъ и сообразимъ, что было назадъ тому какихъ-нибудь восемь-десять лѣтъ, то увидимъ, что по части либерализма мы сдѣлали успѣхи громадные. Прежде то и дѣло и въ обществѣ, и въ литературѣ встрѣчались люди, скрежещущіе на новыя идеи, хныкающіе о старыхъ порядкахъ, встревоженные невѣрностію и скудостію доходовъ въ будущемъ. Теперь ничего нѣтъ подобнаго. Всѣмъ понравились новые порядки, всѣ смотрятъ весело и спокойно. А между тѣмъ жить стало почти втрое дороже, чѣмъ было десять лѣтъ назадъ,—русскій рубль уже нѣсколько лѣтъ стоитъ не болѣе $^4/_5$ металлическаго рубля и, повидимому, никогда не намѣренъ возвращаться къ своей номинальной стоимости. «Ничего, говорятъ, это пустяки. Все будетъ хорошо: только свободы для предпринимателей побольше». Въ 10 лѣтъ мы построили 10,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, т.-е. на худой конецъ, на 500 мильйоновъ руб.,—вѣроятно, столько же мильйоновъ положено на основаніе разныхъ акціонерныхъ обществъ.—Проценты по государственнымъ долгамъ и гарантіямъ разныхъ обществъ поглощаютъ почти четверть нашего громаднаго бюджета. При этомъ концессіи на новыя дороги не прекращаются и теперь; новыя акціонерныя общества появляются чуть не каждый день. А все еще слышатся жалобы, что правительство стѣсняетъ свободу предпринимателей. Недавно мы встрѣтили гдѣ-то замѣтку съ соболѣзнованіемъ о томъ, что въ прошломъ году въ Австріи открыто 150 частныхъ банковъ, а у насъ 13,—и такъ мало открыто только потому, что правительство стѣсняетъ своими формальностями (!?). Затѣмъ еще замѣтка съ неменьшимъ соболѣзнованіемъ увѣдомляетъ, что Бразилія изъ бюджета, не превышающаго 50 мильйоновъ руб., даетъ на субсидіи своему почтовому пароходству 1.978,000, т.-е. 150,000 р. болѣе, чѣмъ Россія. Послѣдняя замѣтка бросается въ глаза уже самымъ своимъ пріемомъ; ибо нѣсколько обидно, что Россіи въ примѣръ для подражанія выставляется какая-то Бразилія! Хотя бы для приличія выставили Германію, или Англію, или Францію, даже Турцію лучше. Но главное, на основаніи сообщаемаго факта можно придти совсѣмъ не къ тому выводу, къ которому тянетъ замѣтка. Извѣстно, что большая часть окраины Бразиліи прилежитъ къ океану. Слѣдовательно развитіе пароходства здѣсь необходимо не только для внѣшнихъ, но и для внутреннихъ сношеній. Что-жъ удивительнаго, что Бразилія даетъ для этого много гарантій? По примѣру Бразиліи, Россіи можно бы было посовѣтовать не скупиться на гарантіи для сухопутныхъ сообщеній; но такъ-какъ она на эти сообщенія болѣе чѣмъ не скупится, то лучше всего совѣтовать ей не тратить попусту денегъ на гарантіи разнымъ обществамъ, а постараться о поднятіи крестьянскаго благосостоянія. А для этого, какъ можно осторожнѣе давать разрѣшенія на учрежденіе разныхъ обществъ, которыя всѣ, кромѣ того, что имѣютъ характеръ монополистическій и слѣдовательно въ существѣ дѣла стѣсняющій развитіе промышленности, большею частію служатъ только для спекуляцій капиталами, и безъ того у насъ скудными, отвлекая ихъ отъ производительнаго употребленія; а вовторыхъ, деньги, тратимыя на гарантію, употреблять на раціональное развитіе между крестьянами земледѣлія и промысловъ.

Мы останавливаемся очень долго на мелкой замѣткѣ потому, что она носитъ характеръ чисто плутократическій. Мы, конечно, не думаемъ приписывать этотъ характеръ ни той газетѣ, изъ которой заимствуемъ замѣтку, ни тому неизвѣстному лицу, которое ее дѣлало,—но въ ней выражается текущее направленіе общества. Здѣсь кстати замѣтить, что въ pendant къ либерализму, почувствованному въ обществѣ, вся наша пресса сдѣлалась либеральною. Назадъ тому лѣтъ десять, какъ припомнитъ читатель, это было не такъ. Тогда были органы крѣпостническіе, вообще ультра-консервативные, умѣренные, крайніе. Можетъ быть, строго опредѣленной программы въ органахъ печати не было и тогда, но обманываться въ основныхъ ихъ стремленіяхъ было невозможно. Такъ точно и въ обществахъ, уже окончательно опредѣлившихся, существуютъ органы различныхъ партій: консервативные, умѣренные, крайніе, уже съ строго опредѣленными программами. Въ настоящее время у насъ литература одноцвѣтная. Какую-бы газету или журналъ вы ни взяли — всѣ они, повидимому, болѣе или менѣе представляютъ собою демократическій принципъ, всѣ бьются за интересы народа. Но рядомъ съ демократическими воззрѣніями и даже подъ покровомъ ихъ то и дѣло намѣренно или ненамѣренно проводятся плутократическія стремленія. Опредѣленной, строго выдержанной программы нѣтъ нигдѣ. Это ясный признакъ переходнаго времени, которое мы переживаемъ,—и великое несчастіе для насъ. Потому что литература — единственно свободная и свѣтлая сила, которая должна бы была слѣдить и обнаруживать проявленіе и темные ходы плутократіи—сама дѣлается органомъ плутократіи. Но обратимся снова къ нашему предмету.

Въ адресѣ московскаго и петербургскаго купечества и нѣкоторыхъ акціонерныхъ компаній, поднесенномъ г. министру финансовъ въ день его десятилѣтняго юбилея, гратулянты одну изъ главныхъ за-

слугъ министра видятъ въ томъ, что *онъ основалъ финансовое положеніе Россіи на возможно большемъ расширеніи единственно плодотворной частной дѣятельности*. Расширеніе частной дѣятельности дѣйствительно дѣло весьма плодотворное и очень было бы нужно Россіи — въ слѣдующемъ направленіи. Главную податную силу Россіи составляетъ крестьянство. Крестьянство, свободное de jure со времени обнародованія положенія 19-го февраля, de facto остается все еще связаннымъ по рукамъ и по ногамъ: 1) круговою порукою, паспортною системою, рекрутствомъ; 2) чрезмѣрными налогами; 3) отсутствіемъ надлежащей организаціи общины, которая вслѣдствіе этого во многихъ мѣстностяхъ уже и въ настоящее время находится въ опасности чрезмѣрнаго размноженія населенія. Расширить дѣятельность крестьянскаго сословія, которое поставлено въ необходимость пропитываться съ 4-хъ десятинъ земли на ревизскую душу—это maximum, и охранять вмѣстѣ съ тѣмъ главную платежную силу государства,—было вопросомъ первой важности, настоятельнѣйшимъ, неотложнѣйшимъ вопросомъ съ перваго дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Тогда дѣйствительно и учреждена податная коммиссія для разработки нѣкоторой части вышепомянутыхъ вопросовъ. Если-бы коммиссія поспѣшила своими трудами и успѣла покончить ихъ назадъ тому восемь лѣтъ, наше крестьянство было бы теперь въ другомъ положеніи. Но коммиссія, протрудившись 10 лѣтъ, не пришла ни къ какимъ результатамъ и кончила тѣмъ, съ чего бы ей слѣдовало начать, т.-е. передачею этого дѣла на разсмотрѣніе самихъ несущихъ податную тягу, т.-е. земства. Очевидно, гратулянты говорятъ не о расширеніи дѣятельности крестьянства, а опять-таки о распространеніи частной дѣятельности, проявившейся въ учрежденіи разныхъ акціонерныхъ и банковыхъ компаній, какъ они и объясняются далѣе въ ихъ адресѣ. А какъ скоро вопросъ о пользѣ расширенія частной дѣятельности переходитъ на эту почву, то плодотворность ея дѣлается предметомъ очень спорнымъ. Правда, общества доставили Россіи ту выгоду, что внесли въ нее много иностранныхъ капиталовъ, но они же втянули въ себя много и внутреннихъ капиталовъ; въ такой бѣдной странѣ, какъ Россія, каждый рубль, взятый изъ текущаго производства и употребленный, положимъ, на полезное дѣло, но съ превращеніемъ въ основный капиталъ, какъ въ желѣзныхъ дорогахъ, есть уже потеря для производительности страны. Далѣе, оцѣнить пользу обществъ можно будетъ только тогда, когда вполнѣ обнаружится, куда и какимъ образомъ употреблялись безчисленные иностранные и русскіе капиталы? — А это будетъ еще не скоро. Желѣзная дорога вещь очень полезная; но каждая дорога, построенная не на мѣстѣ, т.-е. тамъ, гдѣ потомъ не окупается эксплоатація движенія, есть несомнѣнно потеря капитала и разореніе для страны. Горячка желѣзнодорожныхъ, банковыхъ и т. п обществъ была во всѣхъ странахъ и вездѣ принесла она страшные убытки и потери. Страны, въ которыхъ капиталовъ такъ много, что для нихъ, какъ мы видѣли выше, всякое убавленіе капиталовъ въ странѣ, даже хоть бы чрезъ спекуляціи, не приноситъ никакого вреда, перенесли эти убытки и потери благополучно. А что будетъ съ нами, покажутъ послѣдствія. Пока мы можемъ сказать только, что и въ настоящее время нѣкоторыя изъ желѣзныхъ дорогъ не оплачиваютъ своихъ расходовъ и въ будущемъ надежды къ тому не подаютъ. Наконецъ, такъ-какъ и въ настоящее время есть не мало уже акціонерныхъ обществъ, разорившихся и рухнувшихъ, то было бы весьма желательно, чтобы гратулянты, для правильной и безпристрастной оцѣнки плодотворности частной дѣятельности, проявляющейся въ основаніи обществъ, сообразили: на кого въ концѣ концовъ падаютъ разоренія и убытки, причиняемые неудавшимися и павшими акціонерными обществами? Далѣе, кто оплачиваетъ гарантіи, даваемыя обществамъ, а также остальныя привилегіи, иногда весьма важныя, какими, напримѣръ, пользуется общество пароходства и торговли? Мы говоримъ все это не въ униженіе заслугъ г. министра финансовъ. Заслуги эти не подлежатъ никакому сомнѣнію. Лучшимъ и непререкаемымъ свидѣтельствомъ ихъ служитъ довѣріе верховной власти. Мы хотѣли отмѣтить характеръ адреса, который носитъ на себѣ печать господствующаго направленія въ обществѣ. Мы брали факты только изъ текущихъ газетъ, имѣющихся у насъ подъ руками, но еслибы было нужно, мы могли бы высказать и представить ихъ безчисленное множество. Плутократическіе элементы и поползновенія есть несомнѣнно въ нашемъ обществѣ и въ достаточномъ количествѣ. Caveant consules.

Самымъ твердымъ и надежнымъ оплотомъ для плутократовъ всѣхъ родовъ и оттѣнковъ служитъ либеральная экономія.

Хочетъ ли плутократъ отдѣлить крестьянъ отъ средствъ и условій производства, проще сказать, обезземелить ихъ, онъ начинаетъ доказывать принудительность труда въ общинѣ, необходимость въ видахъ свободы труда распущенія общины и превращенія ея участковъ въ свободно отчуждаемые участки на правѣ личной собственности. Намѣренъ-ли онъ попользоваться чужимъ добромъ на даровщину, онъ начинаетъ вопить не только противъ всякихъ стачекъ рабочихъ, но и противъ регулированія правительствомъ нормальной рабочей платы, числа рабочихъ часовъ и т. п., требуя полной свободы для свободнаго договора нанимателей съ нанимаемыми, который, дескать, по закону спроса и предложенія самъ собою опредѣлитъ настоящую, безобидную для обѣихъ сторонъ цѣну. Предпринимаетъ-ли онъ учредить общество съ правомъ эксплуатировать громадные капиталы ради чисто-спекулятивныхъ цѣлей, онъ начинаетъ толковать о единственно-благотворной

частной дѣятельности и необходимости предоставленія ей полной свободы въ ея начинаніяхъ и дѣйствіяхъ. Во имя той же самой свободы, самое образованіе устраивается такимъ образомъ, что достается на долю однихъ имущественныхъ классовъ. Однимъ словомъ, во имя свободы все выходитъ. Принципъ laissez faire, laissez passer или, что то же, всякій печется самъ о своихъ собственныхъ интересахъ, какъ онъ хочетъ и можетъ, и никто о другихъ, есть наилюбимѣйшій принципъ плутократіи, praestabilita harmonia, которая должна устроить наилучшій изъ міровъ. — этотъ же принципъ составляетъ и основу либеральной экономіи,—и плутократія и либеральная экономія—едино суть.

Либеральная экономія представляетъ въ своемъ родѣ нѣкоторымъ образомъ чудное явленіе. По содержанію своему, это наука чисто-практическаго значенія. Съ того времени, какъ человѣкъ явился на землѣ, онъ началъ трудиться, пользоваться силами природы, создавать капиталъ, иначе сказать, распоряжаться тѣми продуктивными силами, разсмотрѣніемъ которыхъ занимается политическая экономія, слѣдовательно, въ наставленіяхъ политической экономіи ранѣе имѣлъ нужду, чѣмъ въ наставленіяхъ какихъ-нибудь другихъ наукъ. Начало другихъ наукъ такого же практическаго значенія, какъ, напримѣръ, науки права, восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ; но политическая экономія является только въ XVIII столѣтіи. Конечно, политико-экономическіе этюды являлись и въ древнее, и въ новое время; но въ видѣ науки, политической экономіи до Адама Смита не существовало: она создана имъ и создана безъ всякаго отношенія къ болѣе или менѣе отдаленному прошедшему. Она создалась на основаніи существовавшихъ въ XVIII столѣтіи отношеній и идей, она вполнѣ дитя XVIII столѣтія и вышла изъ головы Адама Смита вполнѣ готовою и вооруженною, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Но затѣмъ, въ этомъ первоначальномъ своемъ видѣ она остается и до настоящаго времени. Это, конечно, не то значитъ, чтобы въ ней не произошло никакихъ измѣненій, не было никакихъ отступленій отъ тѣхъ или другихъ мнѣній и положеній Адама Смита. Напротивъ, говоритъ авторъ, сочиненіе котораго мы поставили въ заглавіи нашей статьи, «науку политической экономіи менѣе всего можно упрекнуть въ монотонности; противорѣчій здѣсь очень много и самыхъ разнообразныхъ, и даже гораздо болѣе, чѣмъ можно бы было ожидать въ наукѣ, которая должна давать рѣшеніе на вопросы самыхъ важныхъ, непосредственно практическихъ интересовъ. И однакоже, за всѣмъ тѣмъ, можно сказать, что всѣ эти противорѣчія не идутъ далѣе поверхности, основное же воззрѣніе Адама Смита остается неприкосновеннымъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ оно разъ навсегда утвердилось. Остается та же самая почва, которую приготовилъ и отмежевалъ Адамъ Смитъ, и продолжаетъ она разработываться по тому же способу, хотя и въ разнообразно уклоняющихся направленіяхъ. Принципіальныя отступленія и появились въ весьма скудномъ числѣ, и вообще не имѣли никакого вліянія на господство ученія Адама Смита». «Такое внезапное появленіе науки политической экономіи вдругъ въ законченномъ видѣ въ извѣстный пунктъ времени заставляетъ предполагать, что были къ тому извѣстныя опредѣленныя временныя основанія, которыхъ нужно искать въ самомъ ея содержаніи. А отсюда, если серьёзно все взвѣсить, является опасеніе, не имѣемъ-ли передъ собою вмѣсто науки трупъ науки, которая потеряла настоящую силу полнаго развитія, потому-что живой духъ давно уже отлетѣлъ отъ нея».

Нельзя не признаться, что послѣднее замѣчаніе очень мѣтко бьетъ въ цѣль. Первые основатели либеральной экономіи были не доктринеры только, но бойцы жизни. Какъ Адамъ Смитъ, такъ въ особенности Рикардо и Мальтусъ стояли въ водоворотѣ общественныхъ движеній и создавали свои теоріи, какъ орудія для пораженія своихъ противниковъ. Оттого ихъ сочиненія чужды системы, отрывочны, полны противорѣчій и односторонностей, но на нихъ лежитъ жизненная печать времени. Было время, когда либеральная экономія употреблялась, какъ руководство при рѣшеніи разныхъ вопросовъ въ парламентскихъ засѣданіяхъ. Но потомъ либеральная экономія сдѣлалась достояніемъ доктринеровъ и гелертеровъ; всякая живая связь съ жизнію была прервана. Формальная систематизація научнаго матеріала, разработка номенклатуры терминовъ, мелкіе и крупные споры de omnibus et quibusdam, часто, впрочемъ, относительно самыхъ основныхъ понятій науки, но въ концѣ концовъ оканчивающіеся все-таки ничѣмъ, потому что не является ума, который бы внесъ въ науку новое цѣлостное воззрѣніе, совпадающее съ новыми требованіями жизни, — таковъ характеръ либеральной экономіи въ настоящее время. Еслибы воздѣлывателей ея не оживлялъ нѣсколько страхъ чрезмѣрнаго размноженія народонаселенія и не заставлялъ съ заботливостью, достойною лучшей участи, хлопотать объ огражденіи капитала отъ обидъ и нападеній соціалистовъ, коммунистовъ и подобныхъ имъ враговъ благоденствія рода человѣческаго подъ сѣнію капитала, то либеральная экономія превратилась бы въ мертвую схоластику. Это не мѣшаетъ, однакожъ, ей пользоваться традиціоннымъ почетомъ и вліяніемъ въ обществѣ, созданномъ по ея образу и подобію. Такъ бываетъ во всѣхъ наукахъ и во всѣхъ отрасляхъ жизни: ученіе, оставленное великимъ умомъ, даже сдѣлавшись устарѣлымъ и неудовлетворяющимъ потребностямъ времени, продолжаетъ оставаться руководствомъ и играть роль въ жизни, пока не явится новый великій умъ и не замѣнитъ его новымъ ученіемъ, сообразнымъ съ даннымъ развитіемъ времени. У насъ традиціонный

авторитетъ либеральной экономіи стоитъ еще тверже, чѣмъ гдѣ-нибудь. Потому что у насъ наука все еще составляетъ магическое слово, которымъ можетъ прикрываться всякій хламъ. И чѣмъ менѣе охотниковъ серьёзно заглядывать въ него и размышлять надъ нимъ, тѣмъ бо́льшимъ окружается онъ достоинствомъ и почетомъ, такъ что то и дѣло приходится слышать и читать ссылки на разныя положенія либеральной экономіи, какъ на послѣднее слово науки, тогда какъ истинность этихъ положеній давно отрицается или подвергается сомнѣнію даже послѣдователями либеральной экономіи, болѣе умѣренными. Поэтому, намъ очень не безполезно знакомиться съ тѣми возраженіями, которыя дѣлаются противъ либеральной экономіи ея противниками, въ особенности, если эти противники являются не изъ соціалистовъ и коммунистовъ, а изъ консерваторовъ и даже изъ ультра-консерваторовъ, которые на самый соціализмъ и коммунизмъ смотрятъ какъ на прямые выводы изъ началъ, лежащихъ въ основаніи либеральной экономіи. Къ числу такихъ противниковъ либеральной экономіи принадлежитъ авторъ названнаго нами сочиненія, съ которымъ мы теперь и познакомимъ читателя.

Нѣтъ сомнѣнія, что наука о народномъ хозяйствѣ принадлежитъ къ такъ-называемымъ соціальнымъ наукамъ въ самомъ обширномъ и самомъ прямомъ смыслѣ этого слова. Ибо она разсматриваетъ не отдѣльно стоящаго человѣка, но человѣка, живущаго въ обществѣ съ себѣ подобными. Слѣдовательно, и законы народнаго хозяйства должны быть законы соціальные. Конечно и для человѣка, живущаго въ изолированномъ состояніи, для какого нибудь Робинзона на пустынномъ островѣ, можно придумать какія-нибудь экономическія правила, и правила эти по своему внутреннему существу не могутъ быть различны отъ законовъ соціальнаго хозяйства; ибо изолированно живущій человѣкъ остается также человѣкомъ, какъ и живущій въ обществѣ, и не можетъ быть совершенно чуждъ своего значенія. Тѣмъ не менѣе законы человѣческаго хозяйства, которое производится людьми въ обществѣ, должны быть не только болѣе богаты содержаніемъ, но и ихъ содержаніе должно быть другого характера, ибо они опредѣляются фактомъ совмѣстнаго жительства людей, и поэтому, хотя съ законами изолированнаго хозяйства они имѣютъ одинаковый источникъ, но дальнѣйшее развитіе ихъ неодинаковое.

Совмѣстныя жительства людей, или, что̀ то же, общества имѣютъ извѣстную цѣль своего существованія, которая можетъ быть достигаема только совокупною гармоническою дѣятельностью всѣхъ членовъ общества. А этимъ самымъ уже предполагается извѣстная степень устройства общества, которымъ устанавливается и обезпечивается извѣстное направленіе общественной дѣятельности, стройность общественныхъ и частныхъ отношеній и т. д., иначе сказать, предполагаются общественные или соціальные законы. Соціальный законъ есть такое правило, которое, на основаніи естественныхъ отношеній, по нравственнымъ мотивамъ, утверждаетъ между людьми извѣстныя обязательныя отношенія. Мы говоримъ: на основаніи естественныхъ отношеній, потому что каждый соціальный законъ есть ни что иное, какъ приспособленіе естественныхъ законовъ къ человѣческимъ цѣлямъ, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы естественные законы могли быть вмѣстѣ и законами соціальными.

Естественный законъ, въ обыкновенномъ и прямомъ смыслѣ этого слова, означаетъ необходимое, разъ на всегда установленное отношеніе естественныхъ свойствъ или силъ вещей, естественное отношеніе причины и дѣйствія; такъ напримѣръ, въ силу естественнаго закона, я не могу прямо пройти по пути, загороженному стѣною; въ силу естественнаго закона, живой организмъ, если онъ не получаетъ необходимаго питанія, умираетъ, снѣгъ на солнцѣ таетъ, жатва уноситъ часть почвеннаго содержанія, тѣла въ теплотѣ расширяются и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ выражаются необходимыя послѣдствія данныхъ причинъ. Всѣ эти и подобные законы не содержатъ въ себѣ ничего нравственно опредѣляющаго по отношенію къ человѣческой волѣ. Это такія натуральныя состоянія вещей, къ которымъ человѣкъ имѣетъ право относиться, какъ оно хочетъ и можетъ. Онъ въ правѣ устранять ихъ отъ себя, если можетъ, избѣгать ихъ, приспособлять ихъ къ своей пользѣ и т. п. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ естественные законы представляются, повидимому, прямо опредѣляющими человѣческую волю, въ дѣйствительности опредѣляющимъ началомъ для воли служатъ другіе, высшіе мотивы. Въ строгомъ смыслѣ нельзя сказать, напримѣръ, что человѣкъ принимаетъ пищу потому, что отъ лишенія ея можетъ послѣдовать смерть; бываютъ случаи, что человѣкъ этимъ самымъ физическимъ закономъ пользуется совершенно для противоположной цѣли. Слѣдовательно, если человѣкъ подчиняется этому физическому закону, онъ имѣетъ высшія побужденія дѣйствовать въ согласность съ нимъ. Такъ точно въ нравственной природѣ самаго человѣка есть нѣкоторыя естественныя расположенія, которыя такъ же неизбѣжны, какъ и чисто физическіе законы. Такова, напримѣръ, любовь родителей къ дѣтямъ, влеченіе одного пола къ другому, естественное стремленіе къ дѣятельности, къ отличію и т. п. Но никто не будетъ утверждать, чтобы эти влеченія не находились подъ вліяніемъ человѣческой воли.

Всѣ естественные законы, или точнѣе сказать, естественныя состоянія, какъ скоро они вступаютъ въ область человѣческой дѣятельности, подлежатъ тому или другому воздѣйствію на нихъ человѣческой воли. Въ области человѣческой жизни, насколько здѣсь сильна воля, не можетъ быть произвольнаго, слѣпого господства натуральныхъ

силъ. Если въ обществѣ человѣкъ умираетъ голодною смертію, то умерщвляетъ его не законъ природы, а законъ соціальный; если наводненіе опустошаетъ нивы, если почва истощается отъ продолжительнаго воздѣлыванія, если ледоходъ ломаетъ мосты и плотины, во всѣхъ этихъ случаяхъ вина не на натуральномъ законѣ, а на законѣ соціальномъ. Само собою разумѣется, что силы природы остаются неприкосновенны въ ихъ неизмѣнной дѣятельности и производятъ необходимыя неизбѣжныя дѣйствія, но что эта именно, а не другая сила, эта, а не другая причина проявляетъ то или другое свое дѣйствіе, это зависитъ отъ человѣческой воли. Пока естественныя состоянія вещей или законъ природы ограничиваются ихъ собственною областью, дотолѣ человѣкъ неотвѣтственъ за ихъ дѣйствія; но какъ скоро они вступаютъ въ область человѣческихъ отношеній, они должны быть поставлены подъ господство соціальныхъ законовъ; съ этого момента ихъ слѣпое господство должно прекратиться и начаться ихъ служба для человѣческихъ цѣлей. Въ области человѣческой жизни натуральныя отношенія или законы дѣлаются орудіемъ индивидуальной человѣческой дѣятельности, и человѣкъ за происходящія изъ нихъ дѣйствія отвѣтственъ. Подъ воздѣйствіемъ человѣческой воли природа получаетъ человѣческій характеръ не только количественно, но и качественно. Цѣлыя страны измѣнены въ своей растительности и т. п. дѣятельностію и усиліемъ человѣческой воли. Въ сущности каждый соціальный законъ, какъ мы сказали, есть ничто иное, какъ извѣстное преобразованіе или приспособленіе естественныхъ отношеній для человѣческихъ цѣлей, слѣдовательно въ своемъ цѣломъ объемѣ соціальный законъ можетъ быть названъ выраженіемъ человѣческаго господства надъ законами природы.

Поэтому странно слышать, когда говорятъ, что хозяйственная дѣятельность человѣка необходимо опредѣляется законами природы, и что имъ единственно она должна слѣдовать. Если бы мы допустили, что хозяйственною жизнію людей управляютъ законы природы, то вмѣстѣ съ этимъ должны бы были отказаться отъ устройства хозяйства; ибо признали бы здѣсь подчиненіе естественныхъ законовъ нравственнымъ цѣлямъ невозможнымъ. Когда экономическія состоянія и дѣйствія объясняются и оправдываются ссылкою на законы природы, то этимъ, очевидно, исключается человѣческая воля и человѣческая отвѣтственность изъ области человѣческаго хозяйства. Но подобную теорію нельзя не признать прямо безнравственною, такъ точно, какъ нельзя не признать безнравственнымъ того, кто бы уморилъ свое дитя голодомъ, а потомъ смерть его сталъ бы объяснять закономъ тлѣнности его физическаго организма. — Нѣтъ сомнѣнія, что есть естественные законы и для хозяйственныхъ дѣлъ, какъ существуютъ они для всего, что касается человѣка, но они относятся къ области чистаго и прикладного естествознанія, химіи, физики, технологіи, науки сельскаго хозяйства, и т. д., однимъ словомъ, къ области наукъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ политическою экономіей. Послѣдняя имѣетъ своею цѣлью изложить не естественные законы хозяйства, но сообразные съ общественными цѣлями законы хозяйственной дѣятельности человѣка.

Между тѣмъ либеральная экономія не только выдаетъ естественные законы за законы хозяйственные, но и видитъ въ нихъ норму для человѣческой дѣятельности. Это вводитъ ученіе о народномъ хозяйствѣ въ область естественныхъ законовъ и естественнаго права. Таковъ именно отличительный характеръ теоріи, основанной Адамомъ Смитомъ: это — экономическое естественное право, въ которомъ естественный законъ поставленъ на мѣсто соціальнаго и сдѣланъ обязательною нормой для человѣческой дѣятельности. На этомъ основаніи либеральная экономія и изъявляетъ притязаніе на неизмѣнность и всеобщность своихъ законовъ. Неизмѣнность и всеобщность дѣйствительно составляютъ существенный признакъ истиннаго естественнаго закона, но не закона соціальнаго, который обязанъ своимъ происхожденіемъ потребностямъ человѣческихъ обществъ въ предѣлахъ извѣстнаго времени и пространства. Между тѣмъ либеральная экономія ограничивается единственно естественными дѣйствіями хозяйственныхъ силъ; на соціальный законъ, который одинъ могъ бы дать имъ человѣческій характеръ, она не обращаетъ никакого вниманія, исключая немногихъ ничтожныхъ случаевъ. На основаніи этого, философія ея слагается такимъ образомъ: въ силу естественнаго закона люди имѣютъ потребности; слѣдовательно, удовлетворенію потребностей не должно быть никакихъ предѣловъ; — въ силу естественнаго закона, чѣмъ далѣе идетъ раздѣленіе труда, тѣмъ болѣе добывается продукта; слѣдовательно, и для раздѣленія труда не должно существовать никакихъ ограниченій. Здѣсь, впрочемъ, Адамъ Смитъ впадаетъ въ непослѣдовательность: онъ выводитъ необходимость раздѣленія труда не изъ естественнаго закона, не изъ различія природныхъ наклонностей въ индивидуумахъ, но изъ культурной потребности скорѣйшаго обращенія; тѣмъ не менѣе, не говоритъ ни одного слова объ ограниченіи раздѣленія труда сообразно общественнымъ и высшимъ человѣческимъ культурнымъ цѣлямъ, напротивъ принимаетъ во вниманіе единственно техническія, то есть, естественныя дѣйствія раздѣленія труда; — далѣе, въ силу естественнаго закона, свободная конкурренція приводитъ въ наибольшее напряженіе и дѣятельность хозяйственныя силы; слѣдовательно, свободная конкурренція есть законъ хозяйства; — бракъ есть гражданскій, культурный институтъ, но онъ долженъ сообразоваться съ естественною дѣятельностью хозяйственныхъ силъ (Мальтусъ); — цѣна образуется на основа-

ніи естественнаго закона отношенія спроса и предложенія,—натуральное отношеніе спроса и предложенія есть законъ цѣны.

По такому рецепту либеральная экономія составляетъ законы народнаго хозяйства. Въ слѣдствіе этого она содержитъ въ себѣ не систему соціальныхъ законовъ, которымъ могли бы слѣдовать люди, живущіе въ обществѣ и желающіе дѣйствовать согласно своему человѣческому назначенію, а отвлеченную систему натуральныхъ влеченій, направленныхъ къ пріобрѣтенію богатства. Человѣкъ, какъ нравственная и общественная личность, остается совершенно внѣ этой сферы; онъ служитъ только къ тому, чтобы этимъ отвлеченнымъ натуральнымъ влеченіямъ, предоставленнымъ самимъ себѣ въ ихъ движеніи, дать свое человѣческое имя. Въ сущности, вмѣсто человѣка, хозяйственныя функціи совершаетъ капиталъ; но капиталъ самъ по себѣ есть бездушная, безсодержательная, абстрактная сила, которая имѣетъ одно постоянное стремленіе: увеличеніе производства, и для которой не существуетъ никакихъ законныхъ опредѣленій. Правда, стали говорить въ новѣйшее время, что найденные такимъ образомъ экономическіе законы еще не представляютъ собою окончательныхъ законовъ, которые непосредственно можно бы было примѣнять къ жизни, что даже нелѣпо было бы думать, что люди должны сообразоваться съ этими законами; но что это единственно правильный методъ, которымъ наука народнаго хозяйства можетъ быть разработана, что посредствомъ него можно получить, по крайней мѣрѣ, гипотетическую теорію, приблизительно соотвѣтствующую дѣйствительности. Но такъ ли, однакожъ, это? Выдаетъ ли либеральная экономія свои законы только за гипотетическіе? Напротивъ; она говоритъ о своихъ законахъ, какъ о неизмѣняемыхъ, «желѣзныхъ», естественныхъ законахъ, и на это обыкновенно съ гордостію указываютъ экономисты либеральной школы. Нужно ли послѣ этого доказывать, что положенія либеральной экономіи выдаются за окончательныя истины и предлагаются къ немедленному исполненію.

Вычеркнувъ изъ своей системы экономическихъ законовъ человѣческую личность, Адамъ Смитъ, естественно, не могъ допустить туда идеи общества. Общества, какъ самостоятельнаго цѣлаго, сложившагося исторически и имѣющаго свои задачи, для него не существуетъ, а есть отдѣльно другъ отъ друга живущіе индивидуумы, совершенно равные другъ другу, сумма абстрактно дѣйствующихъ факторовъ безъ всякой связи между собою. Гармонія интересовъ между этими индивидуумами производится механическимъ дѣйствіемъ управляющихъ хозяйствомъ естественныхъ законовъ, которые, впрочемъ, не суть какіе нибудь культурные общественные законы, а абстракціи техническихъ процессовъ въ сферѣ частнаго хозяйства. Общественнаго хозяйства, которое имѣло бы органическую и историческую опредѣленность, обусловливаемую культурными цѣлями общества, теорія Адама Смита вовсе не знаетъ; дѣйствующіе ея факторы — частные индивидуумы, которые водятся единственно тенденціями прибыли и потребленія. Имя народнаго хозяйства есть, въ сущности, пустой звукъ въ этой теоріи, которая не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на культурныя потребности народовъ.

Народное хозяйство, въ которомъ нормой для хозяйственной дѣятельности поставлены съ одной стороны натуральныя влеченія, съ другой—технические процессы производства, не можетъ не отражаться развращающимъ вліяніемъ на нравственной сторонѣ общества. Еслибы Адамъ Смитъ точно такъ же, какъ въ хозяйствѣ, ввелъ бы и въ морали систему естественныхъ законовъ, то несообразность такой теоріи съ требованіями дѣйствительной жизни сдѣлалась бы немедленно для всѣхъ очевидною. Основаніе, положимъ, брачной жизни только на свободномъ господствѣ полового влеченія нанесло бы ей смертельный ударъ. Въ экономической жизни ядъ подобныхъ ученій проникаетъ гораздо медленнѣе, подъ прикрытіемъ разныхъ благовидныхъ формъ. Но эти ученія такъ давно уже дѣйствуютъ въ жизни, что теперь и здѣсь ни для кого не можетъ оставаться сомнѣнія въ деморализирующемъ ихъ вліяніи.

Таковы главныя возраженія автора вообще противъ системы либеральной экономіи. Въ слѣдующей статьѣ мы познакомимъ читателей съ замѣчаніями, которыя дѣлаетъ онъ относительно основныхъ положеній теоріи Адама Смита.

ХРАМЪ СОВРЕМЕННАГО СЧАСТІЯ

ИЛИ ПРОЕКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ ОБЪ АКЦІОНЕРНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ *).

Я не знаю г. Михайловскаго; но полагаю, что онъ долженъ быть еще очень молодой человѣкъ. Кто-же, въ самомъ дѣлѣ, въ наше время можетъ такъ солидно, какъ онъ, усѣсться за Спенсера, и, нисколько не улыбаясь, съ самымъ серьёзнымъ видомъ начать разъяснять публикѣ: что̀ такое счастіе? Вѣдь, это почти все равно, что начать писать длинный ученый трактатъ о томъ, что ходить надобно ногами, ѣсть ртомъ, смотрѣть глазами и т. д. Понятіе счастія такъ ясно и опредѣленно для всѣхъ и каждаго, что — можно сказать смѣло — если оно не прирождено намъ, то непремѣнно всасывается каждымъ изъ насъ вмѣстѣ съ молокомъ матернимъ. Спросите послѣдняго изъ поденщиковъ о томъ, что̀ такое счастіе, и тотъ вамъ, ни мало ни задумываясь, скажетъ, что счастіе есть наслажденіе, и наслажденіе не мечтательное какое-нибудь, сочиняемое разными идеологами и утопистами, а реальное, всѣмъ общепонятное и всѣми желаемое. Buvons, dansons, chantons, aimons — вотъ краткая, но полная формула современнаго счастія, такъ вѣрно выраженная авторомъ «Дневника провинціала».

Но такого счастія нельзя имѣть на фуфу; для наслажденія имъ нужны деньги, и хорошія деньги. Ясно, что вопросъ о счастіи сводится къ вопросу о деньгахъ, къ вопросу о томъ: какъ и гдѣ ихъ добыть?

«Трудитесь, и вы будете счастливы!» кричатъ хоромъ прописные моралисты; «трудитесь—трудъ источникъ всѣхъ богатствъ!» вторятъ имъ либеральные экономисты. «Ну, да, — прибавляютъ къ этому болѣе добросовѣстные изъ этихъ самыхъ экономистовъ, какъ Джонъ - Стюартъ Милль,— трудъ есть, дѣйствительно, источникъ богатствъ, но только не для всѣхъ». Я желалъ-бы знать: кто изъ господъ коллежскихъ регистраторовъ, положа руку на сердце, будетъ имѣть смѣлость сказать, что онъ живетъ своимъ трудомъ, если только онъ сравнитъ стоимость своего труда по его количеству и качеству съ трудомъ тѣхъ, которые по табели о рангахъ поставлены ниже его. На свой личный трудъ, правильно и безпристрастно оцѣненный, когда онъ поставленъ даже въ наилучшихъ условіяхъ, можно имѣть каждодневно развѣ только щи и жаркое за своимъ столомъ, бутылку какого-нибудь грошоваго вина и за все это чувствовать на себѣ обязанность улыбаться своимъ начальникамъ, хозяевамъ, покровителямъ, расписываться въ годовые праздники въ ихъ швейцарской и въ добавокъ къ тому быть въ вѣчныхъ попыхахъ... о томъ, чтобы не потерять своего счастія или чтобы увеличить его еще хотя на одно блюдо. Нигдѣ трудъ такъ хорошо не вознаграждается, какъ въ Америкѣ. И что-жъ, тамъ люди счастливы?! Правда, говоритъ Джонъ-Стюартъ Милль, въ Америкѣ нѣтъ нищеты и демократическіе принципы торжествуютъ; «но изъ всѣхъ этихъ и другихъ преимуществъ американцы извлекли, кажется, только ту пользу, что жизнь всѣхъ мужчинъ посвящена у нихъ ловленію долларовъ, а жизнь женщинъ—выкармливанію дѣтей, которые будутъ ловить доллары. Человѣкъ, хлопочущій о счастіи человѣчества— прибавляетъ Милль — не почувствуетъ особенно жаркаго влеченія трудиться для осуществленія идеала подобнаго рода». Я совершенно согласенъ съ этимъ. Для счастія необходимы полнота и безпрепятственность наслажденія, а полнота и безпрепятственность наслажденія возможны только тогда, когда есть: вполнѣ праздное время, мысль,

*) Февраль 1872 г.

не возмущаемая никакими заботами, и *готовыя* средства наслажденія. Ясно, что въ жизни труда не можетъ быть счастія.

Есть другіе пути пріобрѣтенія, болѣе приспособленные къ удовлетворенію жажды человѣческаго счастія. Это пути, какъ выражается князь Урусовъ, позаимствованія изъ разныхъ наполненныхъ деньгами кассъ, какъ-то: казенныхъ, дворянскихъ, земскихъ, городскихъ и т. п. Какъ-то не очень давно въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» было заявлено, что нѣкоторый предводитель дворянства, счастливо совмѣщая въ одномъ своемъ лицѣ, вмѣстѣ съ этою должностью, должности предсѣдателя губернскаго земскаго собранія, предсѣдателя губернской земской управы и уполномоченнаго отъ земства по проведенію желѣзнодорожной линіи, позаимствовалъ изъ общаго продовольственнаго капитала милліонъ рублей, подъ предлогомъ сооруженія полотна дороги. Полотно дороги давно уже кончено постройкой и давно сдано строителю дороги, г. Варшавскому. Позаимствованныя отъ земства деньги должны бы были давно уже быть въ сундукѣ земства, но ихъ тамъ нѣтъ. И земство въ недоумѣніи: куда онѣ дѣвались? Въ неменьшемъ недоумѣніи находимся и мы, никакъ, конечно, не думая, чтобы деньги эти обратились въ собственность губернскаго предводителя дворянства. Если мы заговорили объ этомъ происшествіи, то единственно потому, что оно можетъ служить для нашего положенія примѣромъ ипотетическимъ. Предположимъ, что милліонъ рублей дѣйствительно былъ бы усвоенъ нѣкоторымъ предводителемъ въ безвозвратную собственность; на милліонъ, конечно, можно было устроить счастіе. Но смотрите, какъ непрочно счастіе позаимствованія. Не прошло еще и двухъ лѣтъ со времени постройки дороги, какъ начались уже недоумѣнія относительно исчезнувшаго милліона, сомнѣнія и даже, быть можетъ, подозрѣнія, огласка. А тамъ, еслибы усвоеніе оказалось дѣйствительнымъ фактомъ, далѣе пойдетъ и еще хуже, и чѣмъ далѣе, тѣмъ безпокойнѣе. Правда, иногда подобныя усвоенія бываютъ сдѣланы рукой искусной, такъ что никакихъ концовъ отыскать нельзя, тогда, слова нѣтъ, прочное счастіе возможно и при такихъ пріобрѣтеніяхъ; но это удается очень рѣдко. Поэтому, пути позаимствованія изъ казенныхъ и другихъ кассъ, хотя и могутъ доставлять обильныя средства для наслажденія или, что то-же, для счастія, но не всегда гарантированы отъ разныхъ безпокойствъ и, слѣдовательно, не могутъ быть признаны надежными путями къ счастію.

Еслибы кромѣ этихъ двухъ путей, изъ которыхъ одинъ совершенно исключаетъ, а другой затрудняетъ пользованіе чужимъ трудомъ, не было еще третьяго пути, то людямъ надобно было бы отказаться отъ счастія, то-есть, отъ всякаго buvons, dansons, aimons, и вести жизнь малымъ чѣмъ лучше жизни поденьщиковъ. Но, къ общему благополучію человѣчества, этотъ путь есть, и называется въ учебникахъ политической экономіи *закономъ спроса и предложенія*.

Начнемъ съ разсмотрѣнія самыхъ простыхъ, такъ сказать, будничныхъ явленій. Когда вы нанимаете себѣ дворника, лакея, кучера, горничную, кухарку, что руководитъ васъ при предложеніи имъ той или другой цѣны? Количество-ли труда, которое они должны будутъ нести, качество-ли его, или та или другая степень его непріятности? Нѣтъ, ни то, ни другое, ни третье. Торнтонъ разсказываетъ, что когда, въ 1865 году, во время стачки желѣзныхъ заводчиковъ въ Англіи, узнали, что нѣкоторые изъ рабочихъ на желѣзныхъ заводахъ получаютъ 5, 4 и даже 10 гиней (гинея=6 р. 28 к.), весь Лондонъ взволновался и пришелъ въ негодованіе. «Какъ! Развѣ дѣло простыхъ мастеровыхъ, людей съ почернѣвшими отъ угля лицами и мозолистыми руками, получать триста, пятьсотъ или шестьсотъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, получать такую несоразмѣрную плату съ тѣмъ положеніемъ въ жизни, которое Богу было угодно имъ назначать?» Стало быть, есть извѣстный уровень заработной платы, признаваемый всѣмъ обществомъ, выше котораго она подниматься не можетъ, и если она какъ-нибудь случайно переступаетъ этотъ предѣлъ, все общество приходитъ въ волненіе. Чѣмъ же, однако, опредѣляется въ общественномъ мнѣніи нормальный уровень заработной платы? Очевидно, количествомъ ртовъ, требующихъ пищи, и спросомъ на нихъ. Вотъ этотъ-то законъ спроса и предложенія, возведенный либеральною экономіей въ норму заработной платы, и составляетъ всю суть дѣла. Законъ этотъ вводитъ живую рабочую силу въ разрядъ всѣхъ другихъ товаровъ, выноситъ ее на рынокъ, и покупку и продажу ея подчиняетъ общимъ условіямъ всѣхъ другихъ мѣновыхъ цѣнностей. Вслѣдствіе этого заработная плата ставится въ зависимость не отъ количества и качества труда, не отъ степени его непріятности, но отъ обстоятельства по отношенію къ труду совершенно посторонняго и внѣшняго, то-есть, отъ того или другаго состоянія рабочаго рынка. Но разъ трудъ признанъ товаромъ и рыночная цѣна на него достаточнымъ для него вознагражденіемъ—эта цѣна никогда не возвысится до высоты нормальной заработной платы, ибо нѣтъ такого товара, который бы на рынкѣ находился въ болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ трудъ. Каждый товаръ производится обыкновенно по соображенію съ требованіями на него на рынкѣ. Приблизительно его всегда приготовляется столько, сколько нужно. Поэтому, рыночная цѣна его рѣдко когда можетъ падать ниже стоимости его производства. Но трудъ не можетъ быть приведенъ въ такое соотношеніе съ требованіями существующихъ рынковъ при данномъ устройствѣ общества. Размноженіе населенія можетъ идти въ уровень съ умноженіемъ продуктовъ страны и даже далеко отставать отъ него, какъ въ Англіи, и, все-таки, каждый частный рынокъ

будетъ переполненъ количествомъ рабочихъ совершенно несоотвѣтственно съ запросомъ на трудъ. «Оттого въ этихъ отрасляхъ торговли покупатели — говоритъ Торнтонъ — всегда превосходятъ численностью торговцевъ. На каждаго мясника, булочника, бакалейщика или торговца суконами приходится пятьдесятъ или сто потребителей хлѣба, мяса, бакалейныхъ товаровъ и суконъ. Въ рабочемъ рынкѣ, напротивъ, продавцовъ гораздо болѣе покупателей». Сверхъ того, трудъ — такой товаръ, который въ запасѣ нельзя держать ни одного дня, ни одного часа. Трудъ, который не употребленъ сегодня, есть трудъ вполнѣ потерянный, ибо сегодняшній трудъ нельзя употребить завтра. Все это объясняетъ довольно хорошо, почему для труда не существуетъ опредѣленной цѣны на рынкѣ, какъ для другихъ товаровъ. Еще Адамъ Смитъ говорилъ, что «хозяева всегда и вездѣ находятся въ нѣкоторомъ тайномъ, но единодушномъ соглашеніи на счетъ возвышенія заработной платы выше ея настоящей цифры. Хозяева вступаютъ иногда даже въ особыя соглашенія съ цѣлью понизить заработную плату».

Здѣсь любопытно спросить: насколько частное лицо отвѣтственно и даже можетъ-ли быть отвѣтственно за участіе въ дѣйствіяхъ, производимыхъ цѣлымъ экономическимъ строемъ извѣстнаго общества? Я спросилъ разъ одного горячаго изъ русскихъ прогрессистовъ: отчего онъ, ратующій такъ искренно за крестьянское дѣло, противъ недостаточныхъ поземельныхъ надѣловъ крестьянъ, противъ дорогого выкупа, не отдалъ своихъ наслѣдственныхъ имѣній крестьянамъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что «еслибы это сдѣлали всѣ дворяне, то и онъ сдѣлалъ бы то же самое съ удовольствіемъ; но когда другіе этого не дѣлаютъ, то рѣшиться ему одному на такой шагъ было бы глупостью». Нельзя не признать въ этихъ словахъ извѣстной доли правды. Представимъ себѣ, что къ вамъ является наниматься кухарка и проситъ 7 рублей въ мѣсяцъ жалованья. Вы-же, имѣя въ виду трудность ея работы, вмѣсто того, чтобы поторговаться съ нею и согласить ее, какъ это обыкновенно дѣлается, на меньшую цѣну, предлагаете ей 25 р. въ мѣсяцъ. Кухарка, конечно, приметъ съ благодарностью такую цѣну, но, навѣрное, не очень лестно она подумаетъ о вашихъ умственныхъ способностяхъ. Люди образованные взглянутъ на вашъ поступокъ, какъ на донкихотство, съ чѣмъ въ концѣ-концовъ должны будете согласиться и вы; ибо очевидно, что вашимъ такимъ поступкомъ вы не можете ничего ни на волосъ перемѣнить въ общемъ экономическомъ строѣ, вашъ поступокъ не можетъ имѣть никакого соціальнаго значенія; онъ останется только фактомъ частной благотворительности — но не болѣе.

Я знаю, напримѣръ, одного отставного прапорщика, который 11 лѣтъ былъ подъ судомъ и три года просидѣлъ въ тюрьмѣ. Судъ оправдалъ его наконецъ; но онъ вышелъ изъ тюрьмы голъ, какъ соколъ, а у него жена и четверо дѣтей малолѣтковъ. Нѣсколько мѣсяцевъ уже онъ ходитъ по Петербургу, ища какого-нибудь мѣста; но мѣста нѣтъ, и онъ пропитываетъ себя и семью христовымъ именемъ. А между тѣмъ, прапорщикъ отлично пишетъ, знаетъ бухгалтерію, способенъ выносить какую угодно работу. Добейся онъ подходящаго себѣ мѣста, онъ легко могъ бы получать 1,500 — 2,000 руб. въ годъ. Теперь онъ въ такомъ крайнемъ положеніи, что каждый желающій могъ бы законтрактовать его на три-четыре года по 500 руб. въ годъ, и онъ не только принялъ бы это предложеніе съ удовольствіемъ, а еще считалъ бы того, кто предложилъ ему такую сумму, своимъ благодѣтелемъ. Такими благодѣтелями наполненъ свѣтъ. Да, пожалуй, при современномъ теченіи дѣлъ въ обществѣ и нелегко рѣшить: благодѣтели они, или неблагодѣтели?

Люди щепетильные, у которыхъ нравственное чувство развито очень тонко, могутъ чувствовать нѣкоторую неловкость и безпокойство при устройствѣ счастія подобными путями. А между тѣмъ, другого выбора нѣтъ! Надобно или отказаться отъ всякаго buvons, chantons, dansons, aimons и жить немногимъ чѣмъ лучше поденщиковъ, ворочающихъ камни на мостовой, или держать... Раздвоеніе или противорѣчіе идеаловъ нравственныхъ съ идеалами пріобрѣтенія составляетъ основу устройства нынѣшняго общества, и въ этомъ раздвоеніи и противорѣчіи заключается, по нашему мнѣнію, главное зло современныхъ обществъ...

Но рядомъ съ раздвоеніемъ идетъ, какъ продуктъ той же современности, искусство скрывать грязную сторону дѣла и облагороживать дѣла относительно нравственнаго качества грандіозностью размѣровъ. Въ наше время придуманы и созданы такія формы дѣятельности, отношеній, предпріятій, гдѣ или вовсе стирается всякая граница между обычаемъ и совѣстью, добромъ и зломъ, или гдѣ, по крайней-мѣрѣ, отыскать ее очень трудно, а между тѣмъ, эти формы такъ приличны и даже иногда такъ блестящи, что не только вполнѣ успокоиваютъ, но даже ослѣпляютъ нравственное чувство современнаго человѣка.

Присмотримся нѣсколько ближе къ нѣкоторымъ изъ этихъ формъ. Для этого отправимтесь въ страну, признаваемую самою образованнѣйшею изъ современныхъ странъ, Англію, въ какой-нибудь одинъ изъ лучшихъ городовъ ея, напримѣръ, хоть въ Манчестеръ. Манчестеръ, по обилію капиталовъ, развитію промышленности, оборотамъ, — второй городъ въ Англіи послѣ Лондона. Мнѣ нѣтъ нужды говорить вамъ, что въ наше время наисильнѣйшій и наипервѣйшій двигатель труда, талантовъ, капиталовъ, имуществъ, человѣческихъ страстей, желаній, помышленій — есть биржа. Отправимтесь-же прежде всего на манчестерскую биржу, тѣмъ болѣе, что манчестерская биржа и сама по себѣ стоитъ того, чтобы побывать въ ней: по архитектурѣ это одно

изъ прекраснѣйшихъ зданій города, съ величественною дорійскою колоннадой и громаднѣйшею залой. Чтобы не шататься на биржѣ даромъ, попытаемъ счастья. Купимъ, напримѣръ, хоть англійскихъ желѣзнодорожныхъ акцій, большая часть которыхъ въ рукахъ манчестерцевъ. Положимъ, мы попали съ вами въ добрый часъ; купили мы акціи какой-нибудь компаніи по номинальной цѣнѣ, напримѣръ, считая на русскія деньги, по 200 рублей акцію, и на порядочную сумму, напримѣръ, на 200,000 рублей, а онѣ съ того времени стали быстро увеличиваться въ цѣнѣ, и пока мы съ вами жили въ Манчестерѣ и дивились его промышленнымъ чудесамъ, успѣли увеличиться вдвое противъ нарицательной цѣны. Мы съ вами вдругъ нежданно-негаданно сдѣлались обладателями очень изряднаго капитальца, съ которымъ можно начинать кое-что не только уже въ Россіи, но даже и въ Англіи. Какимъ-же чудомъ достигли мы этого состоянія? *Политическая экономія* учитъ, что въ экономическомъ мірѣ есть одинъ источникъ всякаго пріобрѣтенія — это трудъ, вспомогаемый силами природы и капиталомъ, но мы съ вами не употребляли ни мускульнаго, ни первнаго труда; въ нашемъ пріобрѣтеніи не участвовали даже сами по себѣ никакія силы природы, ни даже капиталъ; ибо капиталомъ въ экономической наукѣ называется имущество, употребленное для производительныхъ цѣлей, а деньги, употребленныя нами для покупки акцій, никакъ такого смысла не имѣютъ. Наше пріобрѣтеніе было чисто-бумажное, происшедшее отъ извѣстнаго отношенія и движенія бумагъ на биржѣ. Но если экономическая наука не указываетъ способа, которымъ мы разбогатѣли, то не укажетъ намъ его и наука юридическая; ибо законные способы пріобрѣтенія имущества извѣстны: купля, наслѣдство, дареніе. Наше пріобрѣтеніе нельзя назвать ни наслѣдствомъ, ни дареніемъ, ни, наконецъ, куплей; ибо купля есть обмѣнъ извѣстнаго количества денегъ на эквивалентъ труда или стоимости производства. Конечно, купля есть договоръ свободный и желающій можетъ продавать дорогую вещь за ничтожную цѣну. Но, вѣдь, никто-же ни на какомъ рынкѣ не продастъ 400,000 р. за 200,000 р., какъ предположили мы. Къ тому-же, покупая акцій на 200,000 р., мы не имѣли въ виду ничего опредѣленнаго — не только пріобрѣтенія въ 400,000 р., а даже пріобрѣтенія какого-нибудь; напротивъ, мы находились въ опасеніи даже потерять, получить, напримѣръ, вмѣсто 200,000 р., 150,000 или половину и даже менѣе. Наши акціи изображали собою нѣчто въ родѣ трефоваго туза, поставленнаго на ставку: онѣ могли выиграть и проиграть, могли много выиграть и много проиграть. И такъ, мы сдѣлали пріобрѣтеніе способомъ, не указаннымъ въ законѣ, но относительно акцій и не запрещеннымъ, слѣдовательно, не противозаконнымъ.

Но пойдемъ далѣе. Какія были причины повышенія курса на наши акціи? Отчего онѣ поднялись въ цѣнѣ вдвое противъ своей номинальной стоимости? Очень возможно, что лондонская или другая биржа, отъ которой манчестерская биржа находится въ сильной зависимости, нашла нужнымъ для своихъ особыхъ разсчетовъ временно поднять курсъ на акціи компаніи, которыя мы пріобрѣли; очень возможно, что и сама эта компанія, чтобы поправить свои плохія дѣла и облегчить себѣ кредитъ, выдала раза два необыкновенный дивидендъ не изъ своихъ прибылей, а изъ своего оборотнаго, быть можетъ, даже взятаго къ долгъ капитала. Затѣмъ, посредствомъ благопріятныхъ о себѣ вѣстей, распускаемыхъ черезъ преданныхъ ей кумовей въ газетахъ и обществѣ, въ рекламахъ, успѣла поднять свою репутацію и цѣну своихъ акцій. Говоря просто, въ томъ и другомъ случаѣ поднятіе курса акцій было дѣломъ мошенничества. Черезъ двѣ, три недѣли акціи пали сильно, на половину своей номинальной стоимости. Но мы, воспользовавшіеся благопріятнымъ моментомъ ихъ процвѣтанія, отъ этого не потеряли ничего. Какъ умные люди, мы во время размѣняли ихъ хоть на русскіе кредитные билеты, и у насъ въ карманѣ, вмѣсто 200,000 р., теперь 400,000 р. Половина вновь пріобрѣтенныхъ нами кредитныхъ билетовъ, ни по виду, ни по стоимости, ничуть не хуже прежней половины — не правда ли? Стало быть, ловкая комбинація, благодаря которой мы сдѣлали очень хорошее пріобрѣтеніе, не оставила на немъ никакого клейма и не воспрепятствовала ему быть вполнѣ законнымъ.

Ясно, что есть пути къ пріобрѣтенію имуществъ помимо всѣхъ другихъ способовъ пріобрѣтенія, указанныхъ въ законѣ, даже въ нѣкоторую противность послѣднему, а между тѣмъ пути вполнѣ законные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легкіе и быстрые, которыми притомъ получаются не гроши какіе-нибудь, а большею частью солидныя, иногда громадныя состоянія. Мы указали одинъ только изъ нихъ, но ихъ есть очень много. Эти пути еще не обозначены въ наукѣ и имъ не дано названій, но мы думаемъ, что всѣ ихъ можно назвать однимъ именемъ: путями *конъюнктуръ*. Что такое конъюнктура? Конъюнктура есть нѣчто въ родѣ судьбы или планиды для смертныхъ въ современномъ экономическомъ порядкѣ. Это въ наше время самый главный и самый высшій способъ пріобрѣтенія. Въ сравненіи съ нею трудъ есть нѣчто низшее, грубое, тупое, недостойное современнаго образованнаго человѣка. Въ сферѣ пріобрѣтенія между трудомъ и конъюнктурой такое-же отношеніе, какъ между трудомъ простого чернорабочаго и трудомъ, напримѣръ, блестящаго адвоката, государственнаго человѣка, предпринимателя съ громаднымъ капиталомъ. Какой-то, не помню, политико-экономъ, желая доказать, что нѣтъ мѣрила, которымъ можно бы было даже приблизительно опредѣлить пай труда при раздѣлѣ прибыли съ капиталомъ, говоритъ: кто мо-

жетъ сказать, на сколько въ томъ или другомъ случаѣ трудъ способствовалъ къ увеличенію прибыли? Величина прибыли того или другого товара на рынкѣ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ рыночныхъ конъюнктуръ, отъ того или другого состоянія товаровъ на рынкѣ, отъ того или другого ихъ количества и отношенія, отъ того или другого спроса и предложенія. Часто товаръ получаетъ нѣсколько десятковъ или сотенъ тысячъ рублей лишней прибыли отъ того только, что не было на рынкѣ другихъ товаровъ. А вотъ и еще примѣръ: вы имѣете помѣстье, напрасно вы прилагаете къ нему вашъ трудъ и капиталъ— оно продолжаетъ, при всѣхъ вашихъ усиліяхъ, давать вамъ доходъ на столько неважный, что васъ тяготятъ даже наши нищенскіе земскіе сборы. Но вотъ мимо вашего имѣнія прошла желѣзная дорога, и вдругъ цѣнность самаго вашего имѣнья поднялась вдесятеро, въ такой-же мѣрѣ доходъ съ него; каждый продуктъ, съ которымъ вы прежде не знали куда дѣваться и не разъ раздумывали: производить-ли вамъ его, — началъ находить быстрый и вѣрный сбытъ. Конъюнктура рынка, по требованію которой признано необходимымъ провести мимо васъ желѣзную дорогу, явилась къ вамъ чѣмъ-то въ родѣ благодѣтельной феи или судьбы. Мы представили два примѣра конъюнктуры чисто пассивной или случайной. Но въ наше время надобно быть или чудакомъ, поврежденнымъ разными неосновательными теоріями и идеалогіями, или окончательнымъ увальнемъ, чтобы ждать, когда придетъ осчастливить васъ какая-нибудь благодѣтельная конъюнктура. Истинно современный человѣкъ уже со школьной скамьи задумываетъ о томъ, какъ бы ему стать въ такое положеніе, чтобы не зависѣть отъ конъюнктуръ, но самому распоряжаться ими и черезъ нихъ устроить свое счастіе. И въ наше время, человѣку, имѣющему даже коекакой конъюнктурный талантъ, достигнуть этого очень не трудно. Ни въ блаженное время процвѣтанія нашей золотопромышленности, ни въ еще болѣе блаженное время процвѣтанія нашихъ откуповъ, однимъ словомъ, никогда въ Россіи нельзя было такъ быстро наживать такія громадныя состоянія, какія можно наживать и какія наживаютъ теперь. Назадъ тому какихъ-нибудь сорокъ-тридцать лѣтъ, милліонеръ въ Россіи былъ рѣдкостью, милліонеры были наперечетъ во всей Россіи; теперь милліонерами хоть прудъ пруди, и нѣтъ такого конъюнктурнаго таланта, который не питалъ бы надежды изъ ничего въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ нажить себѣ милліоны. И всѣ эти милліоны пріобрѣтаются конъюнктурами акціонерными.

Понятно, что такое счастіе не можетъ устраиваться, не возбуждая зависти въ безчисленной толпѣ обойденныхъ. Въ то время, когда конъюнктурные таланты, успѣвшіе уже попасть въ храмъ счастія или только еще находящіеся въ надеждѣ попасть туда, видятъ въ размноженіи и развитіи акціонерныхъ обществъ благо и счастіе Россіи, другіе, обойденные думаютъ, что разведеніемъ акціонерныхъ обществъ на Руси положено начало окончательному ея раззоренію и развращенію. Мы лично не принадлежимъ къ числу безусловныхъ порицателей акціонернаго принципа, но не принадлежимъ и къ числу безусловныхъ его поклонниковъ. Мы убѣждены, что акціонерныя общества, какъ ассоціаціи капиталовъ, по самой силѣ своихъ капиталовъ, дѣлающіеся всегда монопольными, привилегированными, имѣющими своимъ конечнымъ результатомъ уничтоженіе мелкой промышленности, составляютъ зло въ каждой странѣ, но зло во многихъ случаяхъ неизбѣжное при современномъ экономическомъ устройствѣ обществъ. Ибо для многихъ громадныхъ предпріятій подобная ассоціація капиталовъ въ настоящее время дѣло необходимое. Тѣмъ не менѣе, въ существѣ своемъ акціонерныя общества остаются все-таки зломъ, которымъ надобно пользоваться съ крайнею осторожностію, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ развитіе въ народѣ, и умственное и промышленное, находится только въ слабыхъ зачаткахъ. Надобно основательно изучить богатство данной страны и состояніе ея промышленности, средства народнаго пропитанія, и только на основаніи такого изученія можно рѣшить: какія предпріятія въ данной странѣ могутъ быть предоставлены ассоціаціямъ капиталовъ, и какія должны быть воспрещены имъ, чтобы не убить въ народѣ начинающуюся промышленность и не лишить народъ средствъ пропитанія, руинируя его маленькія хозяйства и образуя изъ бывшихъ самостоятельныхъ хозяевъ бездомныхъ батраковъ. Мы надѣялись, что все это сдѣлаетъ для Россіи коммиссія, назначенная въ концѣ прошедшаго года для разработки проекта положенія объ акціонерныхъ обществахъ въ Россіи. Мы надѣялись, что она, давъ полный просторъ принципу акціонерному въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ безъ него обойтись нельзя, затѣмъ устранитъ его отовсюду, гдѣ онъ можетъ вести ко вреду промышленнаго народнаго развитія, къ руинированію малыхъ хозяйствъ, къ образованію и накопленію пролетаріата въ Россіи.

Теперь проектъ положенія объ акціонерныхъ обществахъ съ объяснительною къ нему запискою лежитъ передъ нашими глазами, и мы ясно видимъ, что мы ошиблись въ нашихъ надеждахъ. Мы видимъ, что коммиссія потрудилась — не въ обиду будь ей это сказано—не для пользы Россіи, не для пользы русскаго народа, а главное для пользы и благополучія конъюнктурныхъ талантовъ, а затѣмъ, можетъ быть, для огражденія отъ промаховъ и обмана тѣхъ, которые участвуютъ въ акціонерныхъ обществахъ.

Коммиссія признаетъ безусловную полезность акціонернаго принципа въ приложеніи ко всѣмъ предпріятіямъ «промышленнымъ и коммерческимъ, даже и *тѣмъ, которыя не нуждаются въ особенно значительномъ капиталѣ*». Безу-

словнымъ восхваленіемъ акціонернаго принципа коммиссія начинаетъ свою объяснительную записку, и эти похвалы повторяетъ нѣсколько разъ. Такъ на страницѣ 46-й, доказывая, что нѣтъ никакой нужды уставы возникающихъ новыхъ акціонерныхъ обществъ разсматривать правительству, что отъ этого происходитъ только проволочка, стѣснительная и убыточная для этихъ обществъ, а администрація и высшія правительственныя учрежденія обременяются пустыми дѣлами, коммиссія говоритъ: «въ послѣднее время число акціонерныхъ компаній, у насъ возникающихъ, значительно возрасло и съ каждымъ годомъ увеличивается. Причина тому кроется въ особенномъ удобствѣ этой формы ассоціацій и *нѣтъ никакого повода съѣтовать на это размноженіе*» (!?)

Имѣя такой благодушный взглядъ на акціонерныя общества, коммиссія полагаетъ, что каждое новое акціонерное общество немедленно должно быть утверждаемо, какъ скоро оно согласно съ узаконеніями, постановленными относительно акціонерныхъ обществъ, а узаконенія эти, по разумѣнію коммиссіи, имѣютъ единственную цѣль оградить интересы участниковъ общества и *третьихъ* лицъ, то-есть публики, находящихся уже или могущихъ вступить въ извѣстныя отношенія съ обществомъ. Именно по изложенію объяснительной записки коммиссіи «узаконенія эти прямо клонятся къ предотвращенію той доли опасности, которая присуща товариществамъ съ ограниченною отвѣтственностію и которая проявляется то въ необдуманномъ, рискованномъ ихъ образованія съ капиталомъ недостаточнымъ или мнимымъ, то въ завлеченіи участниковъ преувеличенными обѣщаніями выгодъ, безъ достаточнаго обезпеченія правильнаго употребленія ихъ вкладовъ, то въ обращеніи предпріятія въ орудіе спекуляціи, основанной на прибыльномъ отчужденіи выпущенныхъ акцій, то въ нерадѣніи къ интересамъ товарищества, въ небрежномъ или расточительномъ завѣдываніи его дѣлами, то въ созданіи фиктивныхъ дивидендовъ, прикрывающихъ убыточность предпріятія и растрату его основного капитала, то въ чрезмѣрномъ расширеніи операцій, выходящемъ за предѣлы благоразумія, превышающемъ общественныя средства и вовлекающемъ товарищество въ неоплатные долги».

Очевидно, что коммиссія и не думала входить въ разсмотрѣніе акціонернаго принципа по существу; она на вѣру признала этотъ принципъ наипрекраснѣйшимъ и наижеланнѣйшимъ во всѣхъ возможныхъ примѣненіяхъ, и потому взглянула на свою работу, какъ на чисто-формальную. Составлю, дескать, я для акціонерныхъ обществъ такія правила и постановленія, при которыхъ обществамъ трудно будетъ дѣлать разныя злоупотребленія и мошенничества, — и моя задача будетъ выполнена.

Еслибы мы могли стать на точку зрѣнія коммиссіи, то намъ оставалось бы только высказать наше полное одобреніе сочиненному коммиссіею проекту положенія объ акціонерныхъ обществахъ. Коммиссія исполнила свое дѣло добросовѣстно. Она не только не жалѣла своихъ трудовъ и усердія, чтобы изыскать всѣ способы къ огражденію интересовъ тѣхъ лицъ, которыя участвуютъ въ акціонерныхъ обществахъ или будутъ имѣть съ ними сношенія, но, какъ видно изъ разногласія разныхъ членовъ относительно разныхъ мелкихъ подробностей разныхъ постановленій, доходила въ этомъ случаѣ до щепетильности. Все это прекрасно. Несомнѣнно, что и такой формальный уставъ, какой сочинила коммиссія, былъ очень нуженъ. Нужда въ немъ чувствовалась давно уже, — и онъ будетъ очень полезенъ. Но именно поэтому намъ невольно приходитъ въ голову такой вопросъ: отчего положеніе объ акціонерныхъ обществахъ дается русскому обществу такъ поздно? Работа эта вѣдь не Богъ-знаетъ какая головоломная. Не мы первые строили желѣзныя дороги, не мы первые заводили пароходы, не мы первые вообще основывали акціонерныя общества. Все это давно, задолго до насъ было устроено, заведено, основано на Западѣ. Тамъ задолго до насъ была пережита акціонерная горячка всевозможныхъ компаній: желѣзно-дорожныхъ, пароходныхъ, банковыхъ, промышленныхъ, пережиты всевозможные кризисы и крушенія, испытаны всѣ злоупотребленія, обманы, мошенничества, и все это изслѣдовано, описано, всему этому подведены итоги. Съ какой стати намъ нужно было самимъ проходить тотъ же тернистый путь, который пройденъ? Почему мы не воспользовались чужимъ опытомъ, а предпочли на своей собственной шкурѣ испытать то же самое, что испытали и тамъ? Говоря проще: почему то положеніе, которое проектируетъ только теперь коммиссія, не было проектировано и издано назадъ тому 15 лѣтъ? Съ 1858 года до настоящаго времени у насъ основано около 250 акціонерныхъ обществъ — промышленныхъ, страховыхъ, пароходныхъ, желѣзно-дорожныхъ, банковыхъ. Акціонерный капиталъ всѣхъ этихъ компаній доходитъ до полуторыхъ милліардовъ. А сколько сверхъ этого было за это время такихъ обществъ, которыя являлись только для того, чтобы погибнуть! Вспомнимъ хоть пресловутаго «Сельскаго хозяина». Это общество, какъ извѣстно, существовало очень недолго, но въ свое кратковременное существованіе оно истратило около милліона капитала. Г. Байковъ, руководившій всѣмъ, не далъ акціонерамъ удовольствія увидать ни фабрики животныхъ продуктовъ, стоившей 400,000 руб., ни мельницы, стоившей также 400,000 р. Сколько было бы предупреждено обмановъ, злоупотребленій, мошенничествъ, сколько сохранено было бы мелкихъ хозяйствъ и состояній, еслибы положеніе объ акціонерныхъ обществахъ явилось назадъ тому 15 лѣтъ?! Коммиссія можетъ, конечно, отвѣчать на это, что съ этимъ вопросомъ слѣ-

дуетъ обратиться не къ ней, а къ г. министру финансовъ. Но мы вовсе и не думаемъ никому давать вопросовъ и тѣмъ болѣе обвинять кого-нибудь. Мы только вспоминаемъ... конечно, не безъ горечи. Но горечь для насъ дѣло привычное. Пословица, что русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ—составляетъ основу нашего развитія. Чужой опытъ насъ никогда не вразумляетъ; мы привыкли и любимъ все испытывать на своей шкурѣ; мы перестаемъ лежать или пятиться и дѣлаемъ шагъ впередъ только тогда, когда насъ побьютъ или когда наши карманы окажутся окончательно пустыми.

Конечно, и это хорошо. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Кто потерялъ милліоны, тотъ умно дѣлаетъ, когда начинаетъ беречь и рубли. Поэтому положеніе объ акціонерныхъ обществахъ, проектируемое коммиссіей, и теперь дѣло нелишнее. Но смотрѣть на него съ той благодушной точки зрѣнія, съ которой на него смотритъ коммиссія и съ которой простительно было смотрѣть назадъ тому 15 лѣтъ, теперь уже нельзя. Въ 15 лѣтъ акціонерныя общества вошли въ русскую жизнь и въ это время успѣли произвесть здѣсь столько опустошеній, что надобно быть слѣпымъ или намѣренно закрыть глаза, чтобъ не видѣть, что когда идетъ вопросъ объ акціонерныхъ обществахъ, то здѣсь *третьи*, интересы которыхъ надобно оберегать, не одни только участники въ акціонерныхъ обществахъ, не одна только публика, имѣющая съ ними тѣ или другія сношенія, а цѣлое государство, цѣлый народъ, хотя послѣдній, повидимому, не имѣетъ никакихъ отношеній къ акціонернымъ дѣламъ. Если стать на точку зрѣній коммиссіи и подъ *третьими*, интересы которыхъ государство должно защищать, понимать только тѣхъ, кого понимаетъ коммиссія, то придется признать, что и блаженной памяти винные откупа были учрежденіемъ благодѣтельнымъ и полезнымъ. Ибо они удовлетворяли всѣмъ тѣмъ условіямъ, которыя выставляетъ коммиссія для акціонерныхъ обществъ. Они согласны были съ существовавшими о нихъ узаконеніями, они не нарушали интересовъ третьихъ лицъ, т.-е. публики, имѣвшей къ нимъ отношенія. Однакожъ относительно откуповъ въ настоящее время никто уже не сомнѣвается, что они раззоряли народъ. На это могутъ возразить, что цѣлью откуповъ было раззорять народъ, потому они не могли не раззорять его, а цѣль акціонерныхъ обществъ—развивать промышленность и торговлю и слѣдовательно возвышать благосостояніе народа. А мы думаемъ, напротивъ, что цѣлію откуповъ никогда не было и не могло быть раззореніе народа, что здѣсь раззореніе происходило случайное, по злоупотребленію; что же касается до акціонерныхъ обществъ, то раззореніе народа слито съ ихъ принципомъ, составляетъ прямую цѣль ихъ дѣйствія. Ибо разсмотримъ: что нужно было откупу и чего добиваются акціонерныя общества? Откупу нужно было, чтобы народъ какъ можно больше пилъ. Но чтобы народъ пилъ, нужно, чтобъ онъ имѣлъ достатокъ, имѣлъ свое хозяйство, имѣлъ заработки, вообще имѣлъ деньги. Еслибы мы представили себѣ, что въ какой-нибудь мѣстности мужики до чиста пропили все, что имѣли, и пошли по міру, откупу не оставалось бы здѣсь ничего болѣе дѣлать, какъ закрыть лавочку. Онъ могъ переносить частныя раззоренія и по злоупотребленію желалъ этого,— но общаго обѣдненія онъ перенести не могъ бы. Каждое, напротивъ, акціонерное общество имѣетъ цѣлію руинировать соперничествующія съ нимъ мелкія производства, централизировать, забрать себѣ всѣ фонды и орудія производства и бывшихъ хозяевъ обратить въ своихъ батраковъ; чѣмъ они будутъ бѣднѣе, тѣмъ для него лучше; ибо тѣмъ задѣльная плата имъ будетъ ниже.

Поясникъ это примѣромъ.

Извѣстно, что въ Тверской губерніи и г. Верещагинъ и тверское земство хлопочутъ изъ всѣхъ силъ объ учрежденіи всюду, гдѣ есть возможность, артельныхъ сыроваренъ, чтобъ поднять благосостояніе народа. Поднимется-ли отъ этого благосостояніе народное и на сколько,—это, конечно, пока вопросъ. Г. Энгельгардтъ, думаетъ что изъ этого ничего не выйдетъ; но мы будемъ вѣрить, что артельное сыровареніе дѣйствительно пойдетъ въ прокъ народу, что при помощи его каждый крестьянинъ заведется нѣсколькими коровами, будетъ самъ ѣсть молока и масла вдоволь, и будетъ еще имѣть избытокъ, чтобы продавать, и слѣдовательно будетъ имѣть въ карманѣ лишнюю копейку. Когда это блаженное время наступитъ, представимъ себѣ, что въ Тверскую губернію вводится—откупъ. Какъ отнесется откупъ къ увеличившемуся благосостоянію мужиковъ?— Мы думаемъ, что онъ будетъ очень радъ этому. Чѣмъ богаче мужики, тѣмъ болѣе будутъ покупать они водки. И откупъ будетъ желать, чтобъ ихъ благосостояніе не только не уменьшалось, но еще болѣе и болѣе возрастало. Конечно, откупъ не нравственный институтъ, и онъ нисколько не будетъ препятствовать желающимъ спиться съ кругу, будетъ даже способствовать этому. Но это уже дѣло личной воли всякаго поддаваться искушенію или нѣтъ. Кто будетъ крѣпокъ, тому откупъ нисколько не будетъ препятствовать не только остаться съ прежнимъ достаткомъ, но и со дня на день увеличивать его.—И такъ какъ пьяницы въ обществѣ всегда составляютъ только весьма незначительное исключеніе, то въ общемъ благосостояніе мужиковъ отъ откупа нисколько не пострадаетъ. Представимъ же себѣ теперь, что вмѣсто откупа въ Тверской губерніи заведутся два или три акціонерныя общества для производства сыра. Прежде всего они постараются завести грандіозныя сыроварни, по новѣйшимъ усовершенствованнымъ методамъ и образцамъ, съ разными облегчающими и упрощающими производство машинами, сыроварни, съ которыми убогія артельныя сыроварни не могутъ идти ни въ

какое сравненіе. Потомъ они накупятъ породистаго скота, арендуютъ или пріобрѣтутъ въ собственность вездѣ, гдѣ можно, луга для его прокормленія и т. д. Ни крестьянскій скотъ, ни крестьянское артельное производство, ни крестьянскій сыръ не будутъ въ состояніи выдерживать никакой конкурренціи съ акціонерными. Крестьяне, не имѣя сбыта для своего молока и сыра, не будутъ имѣть возможности прокармливать скотъ, должны будутъ продать его и впасть въ прежнее бѣдное состояніе. Если мы обратимся къ любителямъ акціонернаго принципа съ вопросомъ: что? выиграетъ ли Тверская губернія оттого, что въ ней крестьянское артельное сыроваренie замѣнится акціонернымъ,—то они, конечно, ни мало не задумываясь, отвѣтятъ, что несомнѣнно выиграетъ. «Какъ же! --будутъ они твердить—и сыръ будетъ выдѣлываться лучшій, усовершенствованные методы и машины явятся, породистый скотъ разведется». А мы думаемъ, что Тверская губернія окончательно проиграетъ. Пока сыроваренie въ Тверской губерніи крестьянское, артельное, оно стоитъ, такъ сказать, на корню, находится въ рукахъ дѣйствительныхъ производителей, а не спекулянтовъ на производство. Пусть оно теперь слабо, недостаточно, несовершенно, но въ немъ есть жизненное начало для дальнѣйшаго развитія. По мѣрѣ того, какъ крестьяне будутъ богатѣть, они будутъ заводить лучшей породы скотъ, перенимать лучшіе пріемы сыроваренія, приготовлять лучшій сыръ. Придетъ время—почему-же на это и не надѣяться,—когда они въ состояніи будутъ основать такія же блестящія сыроварни, какія завели бы акціонерныя общества, завести такой же породистый скотъ и выдѣлывать такой же сыръ. Но все, что заведутъ они, будетъ вѣчно, пойдетъ изъ рода въ родъ, и тверское крестьянство процвѣтетъ такъ же, какъ цвѣтетъ крестьянство швейцарской Эмментальской долины, котораго сыры славятся во всей Европѣ. Положимъ, что все, что я говорю о будущности крестьянскаго сыроваренія, есть мечта, утопія никогда несбыточная, что оно всегда, на вѣки вѣчные, останется на той же низкой степени, на которой стоитъ теперь,—и въ этомъ случаѣ оно, все-таки, болѣе резонно и болѣе полезно странѣ, чѣмъ акціонерное сыроваренie. Ибо выгоды отъ сыроваренія достаются мѣстному населенію, которое должно же чѣмъ-нибудь не только пропитывать себя, но и оплачивать разныя государственныя и земскія повинности. Съ какой стати можно дозволить придти сюда кучѣ спекулянтовъ, замыкающихся въ акціонерныя шайки единственно ради эксплуатаціи другихъ,—и только на томъ основаніи, что каждый изъ нихъ имѣетъ нѣсколько сотенъ рублей на покупку акцій,—дозволить вырывать послѣдній кусокъ изо рта у мѣстнаго населенія? Далѣе, какая польза для страны отъ акціонернаго хозяйства? Оно обыкновенно начинаетъ съ того, что уничтожаетъ въ народѣ то производство, которымъ занято само. А между тѣмъ само оно не имѣетъ никакой прочности. Оно можетъ всегда рухнуть отъ тысячи случайностей; помимо этого, въ самой основѣ его, какъ хозяйства чисто-спекулятивнаго, лежитъ стремленіе, направленное къ тому производству, которое даетъ болѣе прибылей. Сегодня сыроваренie даетъ ему 20%. Оно съ усердіемъ занимается сыроваренiемъ. Завтра выдѣлка кожъ будетъ давать 30%,—оно оставитъ сыроваренie и обратится къ выдѣлкѣ кожъ. И что же останется для страны послѣ его дѣятельности? Положительно ничего. Вся, повидимому, цвѣтущая промышленность, которою оно занималось, кончится съ нимъ. Если-бы оно существовало въ извѣстной мѣстности 100 лѣтъ, то черезъ сто лѣтъ мѣстное населенiе должно было бы начинать эту промышленность съ того же, съ чего начало бы и назадъ тому столѣтіе. Ибо у него и тогда, какъ теперь, не было бы ни нужныхъ свѣдѣній, ни капитала для дѣла.

Мы высказываемъ не парадоксы какіе-нибудь. Что акціонерныя общества дѣйствуютъ разрушительно на развитіе мѣстной промышленности, что размноженіе ихъ имѣетъ неизбѣжнымъ результатомъ обнищаніе и раззореніе низшихъ классовъ народонаселенія,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить Швейцарія.

Благосостояніе Швейцаріи держалось и держится доселѣ на болѣе или менѣе правомѣрномъ распредѣленіи поземельной собственности. Даже и теперь еще изъ 557,000 хозяйствъ, существующихъ въ Швейцаріи, 530,000 имѣютъ поземельную собственность и изъ 2.689,085 жителей, составляющихъ народонаселенiе Швейцаріи, только 500,600 человѣкъ не имѣютъ недвижимой собственности. Несмотря на разнообразныя богатства страны, почвы, годной для воздѣлыванія хлѣбныхъ растеній, недостаточно для пропитанія ея населенія. Швейцарія каждогодно покупаетъ хлѣба заграницею среднимъ числомъ болѣе, чѣмъ на 100 милліоновъ франковъ. Этотъ ежегодный расходъ на свое пропитаніе она оплачиваетъ своими фабрикатами и продуктами другихъ промышленныхъ заведеній. На фабрикахъ Швейцаріи считается 180,000 рабочихъ, разными ремеслами занимается 150,000 человѣкъ; такимъ образомъ, всѣхъ городскихъ рабочихъ можно считать 330,000, что составляетъ восьмую часть всего народонаселенія Швейцаріи, и почти половину *дѣйствительныхъ* работниковъ въ народонаселеніи, полагая, что возрасты, годные къ работѣ, составляютъ только четвертую часть цѣлаго народонаселенія. Несмотря на такое множество рабочихъ, въ Швейцаріи до очень недавняго времени не было пролетаріата, т.-е. не было отдѣльнаго рабочаго сословія, выдѣленнаго изъ общества. Рабочіе не были бездомные батраки, не имѣвшіе гдѣ головы приклонить, но были или члены крестьянскихъ хозяйствъ, или люди, имѣвшіе свои маленькія хозяйства. Демократическое устройство страны

мѣшало здѣсь буржуазіи такъ обильно плодиться и такъ привольно располагаться, какъ въ другихъ странахъ Европы. Теперь это начало измѣняться. Почему?

И демократы, и добросовѣстные изъ фабрикантовъ единогласно утверждаютъ, что акціонерныя компаніи быстрымъ рунированіемъ крестьянскихъ и вообще мелкихъ хозяйствъ начинаютъ разрушать правомѣрное распредѣленіе поземельной собственности, и тѣмъ вводятъ рѣзкое неравенство сословій, что они разрушаютъ прежнія простыя, справедливыя и человѣческія отношенія, существовавшія между хозяевами и рабочими, что духъ спекуляціи, занесенный и поддерживаемый этими обществами, начинаетъ отражаться вообще на швейцарской промышленности, что прежняя простота нравовъ и трудолюбіе въ швейцарскихъ фабрикантахъ начинаетъ замѣняться роскошью, барствомъ и ничего—недѣланіемъ.

Бернскій кантонъ, въ особенности древняя часть его, въ которой считается 350,000 жителей, не далѣе какъ 20 лѣтъ назадъ, славился процвѣтаніемъ крестьянскихъ и вообще мелкихъ хозяйствъ. Но вотъ прошли по кантону желѣзныя дороги, основались разныя акціонерныя общества, въ томъ числѣ и банковыя, и притомъ послѣднія съ нарочитою цѣлью снабжать крестьянскія и вообще мелкія хозяйства нужнымъ для ихъ производства капиталомъ (эту же преимущественно, кажется, цѣль имѣетъ и нашъ Волжско-Камскій банкъ, основанный Кокоревымъ и воспѣтый въ рѣчи за обѣдомъ г. Полетикою). При такой благодати, какъ бы, казалось, было не процвѣсти бывшимъ и безъ того въ цвѣтѣ крестьянскимъ и вообще мелкимъ хозяйствамъ, тѣмъ болѣе, что по бернскимъ желѣзнымъ дорогамъ спѣшили сотни тысячъ иностранцевъ съ туго набитыми кошельками, чтобъ любоваться Интерлакеномъ и безчисленнымъ множествомъ другихъ величественныхъ мѣстностей, которыми такъ богатъ Бернскій Оберландъ. Между тѣмъ вотъ что оказалось по исчисленію, сдѣланному еще въ 1869 году и основанному на точныхъ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ. «Въ теченіе четырехъ лѣтъ—такъ писали тогда въ одной газетѣ—начиная съ 1864 года (въ той части Бернскаго кантона, о которой мы говоримъ), было до 8,390 аукціоновъ, которые притомъ возрастали въ слѣдующей пропорціи: въ 1864 году было *1,230* аукціоновъ, въ 1865—*1,830*, въ 1866—*2,139*, въ 1867—*3,141*. Въ 1857 году было 775 банкротствъ, а въ 1867 уже 1,341, т.-е. вдвое болѣе противъ 1857 года. Въ теченіе этихъ 11 лѣтъ (т.-е. начиная съ 1857 года) въ совокупности число банкротствъ возросло до 7,789 и только въ одномъ 1869 году къ этому числу прибавилось 3,391. Такимъ образомъ въ этой благословенной странѣ крушеніе хозяйствъ идетъ не въ ариѳметической, а въ геометрической прогрессіи. Еще такъ недавно эта часть кантона, была «зажиточною», а въ 1868 году считала уже, въ числѣ своихъ гражданъ,—страшно выговорить!—36,000 банкротовъ, сдѣлавшихся «безчестными и безгласными», и все это большею частію были отцы семействъ! Кто же перечислитъ намъ тѣхъ, которые въ этотъ же самый промежутокъ времени безъ аукціонныхъ выкрикиваній и безъ всякихъ объявленій, однимъ словомъ безъ шуму и еще «честно», изъ-подъ своего собственнаго крова были выгнаны въ помѣщеніе поденщиковъ? И такъ, благосостоянію крестьянъ нисколько не помогли ни деньги безчисленныхъ туристовъ, разбрасываемыя каждогодно сотнями тысячъ въ Оберландѣ, ни желѣзныя дороги, ни банковыя общества въ частности, ни вообще акціонерныя общества. *Не помогли деньги туристовъ*, потому что, по словамъ одного швейцарскаго фабриканта, «хотя иностранные туристы привозятъ и много денегъ въ страну, но почти ровно столько же вывозятъ изъ нея швейцарскіе туристы; притомъ же деньги туристовъ нисколько не пріобрѣтеніе для народа. На нихъ строятся великолѣпные дворцы для туристовъ, пріобрѣтаются для нихъ же разныя удобства и приманки, и содержится цѣлая армія прислуги. И мы, говоритъ фабрикантъ, не находимъ нигдѣ въ нашей странѣ такой бѣдности, какъ тамъ, гдѣ процвѣтаютъ эти дворцы, нигдѣ не находимъ такого нищенства и такого безвыходнаго положенія, какъ именно въ мѣстностяхъ, посѣщаемыхъ туристами». *Не помогли желѣзныя дороги*, потому что бѣдному сельскому населенію нечего возить по этимъ дорогамъ. *Не помогли банковыя общества*, потому что, по выраженію одной газеты, «хотя первѣйшіе богачи въ странѣ и основывали банкъ за банкомъ и все съ цѣлью помочь бѣднымъ крестьянамъ и вообще мелкимъ хозяевамъ, но потомъ оказалось, что они хлопотали только о томъ, чтобы набить свои карманы». (Мы, конечно, твердо убѣждены, что наши банковыя общества никакихъ подобныхъ низкихъ цѣлей не имѣютъ въ виду, въ особенности воспѣтое г. Полетикою Волжско-Камское общество, поставившее себѣ также прямою цѣлію помогать мелкимъ хозяйствамъ). *Не помогли наконецъ и акціонерныя общества*, ибо и не могли помочь по причинамъ, нами выше уже изъясненнымъ. Но кромѣ того, акціонерныя общества, а равно и банковыя, и другимъ еще способомъ, такъ сказать, косвеннымъ, повліяли разрушительно на крестьянскія хозяйства. Швейцарскій крестьянинъ (мы говоримъ, конечно, о большинствѣ, а не о счастливыхъ исключеніяхъ) небогатъ. Онъ имѣетъ небольшой клочокъ земли, отъ котораго можетъ пропитываться; но чтобы оборотиться въ теченіе года, справиться съ своими нуждами, прожить отъ одной жатвы до другой, онъ также нуждается въ займахъ, какъ и русскій крестьянинъ. Въ прежнее время люди богатые и вообще достаточные охотно помогали крестьянамъ, ссужая ихъ за умѣренный процентъ.

И тогда крестьянинъ, конечно, особенно не блаженствовалъ, ибо долженъ былъ бо́льшую часть своего труда употреблять на уплату своего долга, но жить все-таки могъ, благодаря своему безграничному трудолюбію и благоразумію. Но когда появились акціонерныя общества, люди, имѣющіе деньги, понесли ихъ всѣ сюда, въ надеждѣ на богатые дивиденды. Крестьянамъ или вовсе перестали давать въ долгъ деньги, или стали давать за такой высокій процентъ, который они не могли заплатить при всѣхъ своихъ усиліяхъ; и вотъ начались безконечныя банкротства и аукціоны крестьянскихъ имуществъ. Крестьянское хозяйство видимо рушится.

Но это не единственное зло, которое принесли съ собою акціонерныя общества въ Швейцарію. Кто бывалъ заграницей, тотъ знаетъ, что тамъ не только въ Швейцаріи, но и въ Германіи отношеніе хозяевъ къ дѣлу, которымъ они занимаются — будутъ ли хозяева изъ дворянъ, купцовъ, чиновниковъ, крестьянъ — совершенно другое, чѣмъ у насъ. Крѣпостное право, какъ мы ни стараемся откреститься онъ него, продолжаетъ у насъ царствовать, и нѣтъ сомнѣнія, еще долго и долго будетъ царствовать во всѣхъ нашихъ отношеніяхъ, во всѣхъ сферахъ нашей дѣятельности. Всѣ наши хозяйства, исключая, конечно, самыхъ бѣдныхъ, ставятся еще теперь на манеръ бывшихъ блаженной памяти крѣпостныхъ, то-есть чисто на барскую ногу. Что такое былъ баринъ прежняго времени? Это былъ человѣкъ, который почиталъ своимъ правомъ, своею честію, своимъ достоинствомъ — ничего не дѣлать для себя самому, а дѣлать все черезъ другихъ. Онъ не протянетъ руки, чтобы налить себѣ стаканъ воды изъ стоящаго передъ нимъ графина, — это долженъ былъ дѣлать за него Ванька. Онъ не наклонится поднять платокъ, который онъ нечаянно уронилъ и который лежитъ подлѣ его кресла, это долженъ исполнить тоже Ванька; даже отгонять мухъ отъ барина должны были нарочито приставленные къ тому казачки. Тѣмъ болѣе, разумѣется, считалось дѣломъ небарскимъ обременять себя хлопотами по хозяйству. Хозяйство вели или управляющіе изъ нѣмцевъ, или разные Трошки, Филатки и т. п. Если баринъ и выѣзжалъ когда въ поле или заглядывалъ въ амбаръ, то только отъ скуки, для развлеченія, чтобы покричать, задать, взыскать. Въ настоящее время ни Ванекъ, ни казачковъ много имѣть нельзя, а многимъ барамъ и вовсе нельзя: средства не позволятъ. Но отношеніе къ хозяйству осталось прежнее. Баринъ остался попрежнему бариномъ: онъ ничего не смыслитъ въ хозяйствѣ, не привыкъ къ черному труду, и кромѣ того, смотритъ на этотъ трудъ, какъ на трудъ низкій, его недостойный, потому и дѣтей своихъ ничему не учитъ; все хозяйство его попрежнему ведется другими. Но такъ ведется у насъ не у однихъ баръ. Образецъ барскаго хозяйства переносится на всѣ хозяйства, какъ только позволяютъ средства. Разбогатѣвшій мужикъ, который вчера только косилъ и жалъ хлѣбъ, сегодня сочтетъ за низость стать въ одинъ рядъ съ своими косцами и косить или обходиться съ ними за панибрата, какъ вчера. Какъ можно! Онъ уже баринъ, а они — его работники. Портной подмастерье, сдѣлавшійся хозяиномъ, на другой же день смотритъ Наполеономъ. Онъ въ руки не возьметъ иголки, которою такъ лихо работалъ полжизни, и не унизитъ себя до дружескихъ отношеній съ своими вчерашними товарищами. Какъ можно! Онъ уже сталъ бариномъ, онъ можетъ быть только ихъ патрономъ. Это крѣпостное отношеніе къ черному труду, какъ къ чему-то низкому, недостойному образованнаго и тѣмъ болѣе Weltschmerz носящаго въ груди своей человѣка, проникло и въ наши прогрессивныя воззрѣнія. Спросите, напримѣръ, нашихъ прогрессивныхъ женщинъ и послушайте, чего онѣ хотятъ? — Онѣ хотятъ, чтобы имъ былъ открытъ доступъ къ тому же самому образованію, какое получаютъ мужчины, и чтобы такъ же открытъ былъ доступъ къ общественнымъ должностямъ, какъ и мужчинамъ. Совершенно съ этимъ согласны и мы, и признаемъ это требованіе резоннымъ и справедливымъ. Но вмѣстѣ съ такими своими требованіями прогрессивныя женщины высказываютъ нисколько нескрываемое презрѣніе къ тѣмъ занятіямъ, которыя нынѣ исполняются женщинами непрогрессивными, то-есть къ занятіямъ кухарки, горничной, прачки и т. п. Этого мы уже никакъ не можемъ признать резоннымъ. Такъ какъ въ жизни и кушать необходимо, и наблюдать чистоту въ домѣ, и имѣть чистое бѣлье необходимо, то эти занятія нисколько не презрѣнны, напротивъ, весьма почтенны и необходимы, притомъ не только совмѣстимы съ занятіемъ науками, но непремѣнно должны быть совмѣщаемы, такъ что женщина можетъ заниматься высшей математикой, физіологіей, философіей, однимъ словомъ, какими ей угодно науками, но это нисколько не можетъ эмансипировать ее отъ обязанности умѣть и пирогъ испечь, и щи сварить, умѣть шить, въ комнатѣ прибрать, и бѣлье выстирать, и полъ вымыть и т.-д. Если прогрессивныя женщины думаютъ иначе, то это происходитъ только оттого, что ихъ мысль не отрѣшилась еще отъ крѣпостного вліянія, что, несмотря на все рвеніе свое къ наукамъ и къ общественной дѣятельности, онѣ, какъ и женщины прежняго времени, хотятъ быть ни чѣмъ инымъ въ жизни, какъ *дамами пріятными во всѣхъ отношеніяхъ*, съ тѣмъ только различіемъ, что прежде дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ блистали въ гостинныхъ своими нарядами, манерами, возвышенными чувствами, а онѣ, пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ дамы новаго времени, хотятъ блистать въ гостинныхъ и различныхъ общественныхъ собраніяхъ своими познаніями и гражданскою скорбію. Да, обманывать себя нечего: презрѣніе къ черному труду есть несомнѣнный признакъ барства. И какія бы на-

уки женщина ни проглотила, но если она не пріучилась къ черному труду, если она презираетъ его, то она, какъ и свѣтскія женщины, готовится въ героини, а не къ обыкновенной жизни,— и по отношенію къ послѣдней ея воспитаніе не можетъ быть иначе названо, какъ жалкимъ. Такъ точно мы не можемъ не назвать жалкимъ воспитаніе того мужчины, — хоть бы онъ съ неба звѣзды хваталъ,—которому нуженъ непремѣнно лакей, чтобы вычистить его платье и сапоги, который не умѣетъ запречь лошади, который постыдится вымести дворъ, привезти или принести воды и т. п. Мы не то хотимъ сказать, чтобы каждый мужчина непремѣнно самъ себѣ чистилъ сапоги, кололъ дрова, мелъ дворъ, носилъ воду, или каждая женщина непремѣнно варила щи, стирала бѣлье, мыла полъ и т. п. Сама жизнь укажетъ, нужно ли имъ это будетъ дѣлать и выгодно ли дѣлать, или будетъ нужнѣе и выгоднѣе заняться чѣмъ нибудь другимъ; тѣмъ не менѣе и мужчина и женщина такъ должны воспитываться, чтобы съ юныхъ лѣтъ не только не презирали черныхъ работъ, а были научены имъ и пріучены къ нимъ. Иначе когда нужда или выгода потребуетъ впослѣдствіи, чтобы они занялись этими работами, они окажутся такими же жалкими и безпомощными, какъ два Щедринскіе генерала на пустынномъ островѣ, и погибнутъ, если къ нимъ не явится на выручку какой-нибудь благодѣтельный мужикъ.

Есть два воспитанія: одно — теоретическое, школьное, въ наукахъ, другое— практическое, дѣлающее человѣка, какъ выражается русскій человѣкъ, досужимъ, на все пригоднымъ въ жизни обыденной. Первое, конечно, очень важно; но и вторымъ пренебрегать тоже не слѣдуетъ: ибо оно дѣлаетъ человѣка самостоятельнымъ, пріучаетъ его обходиться безъ помощи другихъ, самому удовлетворять свои обыденныя нужды, не ждать мужика-благодѣтеля на выручку.

Если нѣмцы и вообще иностранцы своимъ превосходствомъ надъ нами много обязаны своему теоретическому воспитанію, то несомнѣнно, что практическому вдвое, втрое, вчетверо больше. Мы всѣ баре по воспитанію — и въ этомъ вся наша бѣда.

Эта разница между нашею и иностранною жизнію примѣчается тотчасъ, какъ только вы переваливаете заграницу. Въ первой отели вы почувствуете, что тутъ нельзя такъ помыкать и распоряжаться людьми, какъ вы помыкаете и распоряжаетесь въ своемъ отечествѣ Ваньками и Палашками. Для васъ сдѣлаютъ все небходимое безъ вашего требованія и все нужное по требованію. Но если вы будете то и дѣло звонить и гонять прислугу то за тѣмъ, то за другимъ, то васъ или просто не будутъ слушать, или, если вы очень богаты, слушать будутъ, но напишутъ вамъ такой счетъ, что вы ахнете. Далѣе, начиная отъ послѣдней мастерской, отъ ничтожной лавчонки, кухмистерской, до самыхъ грандіозныхъ фабрикъ, великолѣпныхъ магазиновъ и отелей, вы вездѣ увидите, что здѣсь хозяинъ не баринъ, онъ не блистаетъ своимъ отсутствіемъ, предоставивъ дѣло наемному управляющему. Онъ вездѣ на лицо и дѣлаетъ тоже, что дѣлаетъ его или работникъ, или лакей, или прикащикъ. Смотря по заведенію, онъ самъ или работникъ, или лакей, или прикащикъ, дѣлаетъ то же самое, что и они, и нисколько этого не стыдится. Этого мало: гдѣ есть возможность и удобство, то же самое дѣлаетъ все его семейство, не только его сыновья, но и его жена, его дочери. Я уже не буду говорить о томъ, какъ это важно въ экономическомъ отношеніи, когда за всѣмъ въ дѣлѣ смотритъ хозяйскій глазъ, и какъ выростаетъ энергія рабочаго, когда онъ трудится на глазахъ хозяина. Но это не менѣе важно для установленія нравственныхъ отношеній между хозяевами и рабочими. Рабочій то же, что солдатъ. Если генералъ идетъ въ походѣ наряду съ солдатомъ, вмѣстѣ съ нимъ переноситъ неудобства и лишенія походной жизни, солдатъ легко и безъ огорченія переноситъ и голодъ, и холодъ, и нужду, и какъ ни въ чемъ не бывало, бодрымъ явится на бой. Но если генералъ ѣдетъ впереди или назади въ каретѣ и если, сытый и довольный, самъ заставляетъ однихъ солдатъ терпѣть лишенія похода, то солдатъ не вынесетъ и сотой доли того, что вынесъ бы съ генераломъ; онъ начинаетъ роптать и жаловаться, и тогда генералъ не долженъ пенять, если ему въ сраженіи придется увидѣть тылъ своихъ солдатъ. То же самое должно сказать о рабочихъ. Для каждаго рабочаго хозяинъ его есть тотъ же генералъ. Если хозяинъ работаетъ наряду съ рабочимъ, то, каковъ бы онъ ни былъ, рабочій не можетъ не имѣть къ нему извѣстной доли уваженія. Въ виду усерднаго труда хозяина, онъ и свой трудъ исполняетъ гораздо легче, и успѣваетъ дѣлать больше. Каждому изъ бывавшихъ заграницей не разъ случалось видѣть и задумываться надъ тѣмъ, что тамъ часто ту самую работу, которую у насъ дѣлаютъ четыре, пять человѣкъ, легко исполняютъ два и, пожалуй, еще лучше чѣмъ у насъ. Мы думаемъ, что секретъ этого заключается въ томъ, что тамъ рабочій работаетъ наряду съ своимъ генераломъ, а у насъ генералъ блистаетъ всегда отсутствіемъ. Совмѣстное сотрудничество съ рабочими точно также не можетъ не дѣйствовать благодѣтельно и на хозяевъ. Стоя съ своими рабочими каждый день при одномъ и томъ же дѣлѣ, хозяинъ самъ по себѣ оцѣнитъ трудность требуемаго для дѣла напряженія; онъ пріучится невольно уважать рабочаго и относиться къ нему человѣчески. Конечно, все это условно; не всякаго хозяина этимъ проймешь; есть такіе кремни, изъ которыхъ ничѣмъ не выбьешь человѣческаго чувства. Въ особенности страны талеровъ и гульденовъ за послѣднее время много попортились въ своей преж-

ней патріархальной простотѣ; многіе хозяева и здѣсь, какъ въ Россіи, не хотятъ оетаваться просто хозяевами, но желаютъ играть роль peujunker'овъ,—тутъ, конечно, сотрудничество хозяевъ съ работниками, если оно и остается, немного принесетъ вещественной пользы работнику; изъ него выжмутъ все, что можно выжать, какъ дѣлаютъ русскіе мужики-кулаки, хотя они и работаютъ наравнѣ съ своими поденщиками.

Но Швейцарія и доселѣ рѣзко выдѣляется изъ остальной Европы простотою своихъ нравовъ и человѣколюбіемъ отношеній между хозяевами и рабочими. Акціонерныя общества первыя проложили дорогу другому порядку вещей. Въ акціонерныхъ обществахъ каждый акціонеръ есть хозяинъ дѣла, а когда въ дѣлѣ много хозяевъ, то все равно, что въ немъ нѣтъ хозяина. Между тѣмъ по характеру и цѣли своей, каждое акціонерное общество есть чисто-спекулятивное и люкративное. Чѣмъ бы акціонерное общество ни занималось, акціонеръ нисколько не заинтересованъ внутреннимъ ходомъ и развитіемъ самаго дѣла. Объ успѣхѣ онъ судитъ по величинѣ прибылей. И директоръ, завѣдывающій дѣломъ, для него тотъ наилучшій, который доставляетъ больше дивиденда. А какъ онъ этого достигаетъ, кормитъ онъ рабочихъ хорошо или держитъ въ проголодь, даетъ имъ достаточное вознагражденіе или скудное, утомляетъ ихъ работой или нѣтъ,—это ему все равно. Понятно, что съ той же точки зрѣнія смотритъ на свою обязанность и директоръ. Добыть во что бы то ни стало больше прибылей, вотъ его цѣль,—и для этой цѣли онъ не остановится ни передъ чѣмъ, ибо съ достиженіемъ ея связано его собственное существованіе. Здѣсь уже немыслимы тѣ человѣческія отношенія, которыя могутъ существовать между рабочими и добрымъ хозяиномъ не-спекулянтомъ. Директоръ не придетъ на фабрику и не будетъ работать на ряду съ рабочими. Онъ не будетъ знать не только ихъ труда, онъ не будетъ знать ихъ даже по имени и въ лицо. Для него рабочій не болѣе, какъ цифра, записываемая и вычеркиваемая по слову наемныхъ приставниковъ, которые заинтересованы дѣломъ еще менѣе его самого.

Конечно, и на всѣхъ большихъ фабрикахъ, гдѣ у дѣла стоитъ не самъ хозяинъ, а уполномоченный имъ управляющій, отношенія къ рабочимъ могутъ быть точно такія же, тѣмъ болѣе, что и частный фабрикантъ можетъ быть только спекулянтомъ на производство, какъ и всякое акціонерное общество, а вовсе не истиннымъ производителемъ. Но мы нисколько и не думаемъ отстаивать такихъ фабрикъ. Мы думаемъ, напротивъ, что вообще на всѣхъ подобныхъ грандіозныхъ фабрикахъ, имѣющихъ чисто-спекулятивный характеръ, хотя по наружности онѣ часто блестятъ и просторомъ помѣщеній, и соблюденіемъ гигіеническихъ условій, неизбѣжно внутреннее распаденіе между хозяевами и рабочими, изъ котораго происходитъ потомъ глухая вражда и ропотъ, превращающіеся мало по малу въ открытую ненависть и вражду.

Но это нисколько не мѣшаетъ процвѣтать дѣлу. Голодныхъ всегда и вездѣ очень много — и энергическій директоръ съумѣетъ исполнить свою задачу. Фабрика идетъ на славу и даетъ громадные барыши, какихъ никогда не могутъ дать фабрики, раціонально поставленныя. Акціонеры или хозяева блаженствуютъ; что же касается до рабочихъ, то развѣ отъ ихъ вражды измѣнится что-нибудь въ мірѣ? Вотъ мысли, которыя дѣлаются ходячими въ средѣ фабрикантовъ-спекулянтовъ, и въ которыхъ воспитываются ихъ дѣти. Но дѣти уже не стоятъ у дѣла, какъ стояли ихъ отцы; они не работаютъ на ряду съ рабочими; они выростаютъ въ роскоши, комфортѣ, нѣгѣ; они не пріучены къ труду, не знаютъ его, не годятся для трудовой жизни. Пока они составляютъ въ обществѣ явленія исключительныя, единичныя — ихъ отрицательная роль отражается только на экономической жизни общества и на ихъ частныхъ отношеніяхъ. Но ихъ размноженіе необходимо нарушитъ отношенія, существующія между хозяевами и рабочими, выдѣлитъ рабочій людъ, какъ особое сословіе въ обществѣ, породитъ классовую борьбу.

Люди благоразумные въ Швейцаріи тревожно смотрятъ на эту нарождающуюся язву и боятся за будущее своего отечества.

Намъ, русскимъ, конечно, нечего опасаться, какъ швейцарцамъ, за разрушеніе нашего политическаго строя. Но о предупрежденіи развитія мотовства и роскоши и размноженія тунеядцевъ, равно какъ и о предупрежденіи классовой вражды въ обществѣ, не худо позаботиться и намъ. Барство и ничегонедѣланіе такъ привлекательны, что легко и быстро распространяются даже безъ особенныхъ для того учрежденій. Но когда для этого существуютъ еще такія нарочитыя учрежденія, какъ разныя акціонерныя общества, то быстрота ихъ распространенія не можетъ не считаться опасною. Если акціонерныя кредитныя общества даютъ своимъ членамъ 30 % на рубль или, по крайней мѣрѣ, даютъ надежду на полученіе такого процента, при помощи ажіотажа и игры,—кто не призадумается: не отнести ли ему свои деньги туда, вмѣсто того, чтобы пускать ихъ въ какое-нибудь невѣрное промышленное производство? И много ли у насъ найдется промышленныхъ предпріятій, дающихъ 30% на рубль? А такое стремленіе, естественно, должно подрывать правильное развитіе народнаго хозяйства и распространять въ обществѣ вмѣстѣ съ пренебреженіемъ къ производительному труду любовь къ конъюнктурнымъ пріобрѣтеніямъ или, что то же, духъ спекуляціи, дѣйствіе котораго мало по малу неизбѣжно проникнетъ и въ самыя производства. Всякій производитель будетъ совершенно въ правѣ желать получить на свой капиталъ, употребляемый на производство, про-

центъ, по крайней-мѣрѣ, вдвое бо́льшій противъ того, что́ онъ могъ бы получить безъ всякаго труда и хлопотъ въ любомъ кредитномъ акціонерномъ учрежденіи. Это будетъ побуждать его, при легкости кредита, увеличивать безъ нужды размѣры своихъ предпріятій или пускаться въ новыя предпріятія, подвергая всѣмъ послѣдствіямъ необузданнаго риска и себя самого, и своихъ многочисленныхъ рабочихъ.

Мы не будемъ ничего говорить о послѣдствіяхъ подобнаго порядка дѣлъ. Предоставляемъ размыслить объ этомъ коммиссіи, которая сказала, что у насъ въ Россіи всякое акціонерное общество, какъ скоро оно не нарушаетъ интересовъ своихъ участниковъ и публики, имѣетъ не только raison d'ëtre, но и весьма желательно.

Въ заключеніе не можемъ не пожалѣть, что коммиссія ограничилась только формальной стороной дѣла, не стала на высотѣ своей задачи, не вникла въ вопросъ, разсматриваемый ею, по существу. Въ настоящее время акціонерная форма предпріятій нигдѣ уже не пользуется такимъ безусловнымъ довѣріемъ, какое даетъ ей коммиссія. Правда, для нѣкоторыхъ предпріятій она считается исключительно полезною,—но и только. Рядомъ съ ней для другихъ предпріятій рекомендуются: или форма командитная, или форма артельныхъ ассоціацій. Замѣчательно, что коммиссія ни однимъ словомъ не обмолвилась объ этой послѣдней формѣ предпріятій, точно будто этой формы и на свѣтѣ не существуетъ! Что́ это значитъ? Ужъ не считаетъ ли коммиссія артельныя ассоціаціи, какъ порожденіе соціалистическихъ ученій, опасными для государства, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда распространенію ихъ содѣйствуетъ само государство, и о которыхъ потому она, какъ правительственная коммиссія, не должна и заикаться. Если такъ, то это не только странно, но даже немножко забавно. Въ Австріи бывшій министръ торговли, политико-экономъ. Шеффле, буржуа по своимъ убѣжденіямъ, благословляющій обѣими руками всѣ формы современнаго капитализма, счелъ тѣмъ не менѣе нужнымъ написать цѣлую книгу Kapitalismus und Socialismus, въ которой доказываетъ, что въ настоящее время государство всевозможныя усилія и мѣры должно употребить къ тому, чтобъ учреждать и распространять производительныя ассоціаціи во всѣхъ отрасляхъ производства, что только такимъ образомъ народная промышленность станетъ на ноги, поднимется народное благосостояніе и предотвратятся какъ тѣ опустошенія, которыя производитъ капиталъ въ экономической жизни, такъ и тѣ бѣдствія, которыми онъ угрожаетъ политическому строю общества. Книга эта была прочитана и одобрена императоромъ,— и Шеффле главнымъ образомъ въ видахъ исполненія своего проекта сдѣлался не только министромъ торговли, но ему поручено было составленіе министерства, и онъ сдѣлался душою и руководителемъ министерства Гогенварта. Ясно, что въ Австріи государство нисколько не боится помогать распространенію производительныхъ ассоціацій и не смотритъ на нихъ, какъ на порожденіе соціализма, опасное для государственнаго строя. У насъ, гдѣ цѣлый народъ испоконвѣку представляетъ одну вольную ассоціацію по землѣ, казалось бы, еще менѣе можно было опасаться подобныхъ ассоціацій. Нужно ли, при этомъ, говорить, что распространеніе въ народѣ производительныхъ ассоціацій у насъ необходимѣе чѣмъ гдѣ нибудь? Нигдѣ народная промышленность не стоитъ на такой низкой степени развитія, какъ у насъ, а между тѣмъ всѣ формы капиталистической продукціи за настоящее время такъ быстро стали у насъ распространяться, что рѣшительно угрожаютъ подавить вездѣ даже и слабые зачатки народной промышленности и завладѣть всѣми фондами народнаго пропитанія. И вотъ коммиссія, назначенная нарочито для составленія законовъ для одной изъ капиталистическихъ формъ, самой тяжелой и гнетущей для народной промышленности, даетъ полный просторъ этой формѣ, совершенно игнорируя производительныя ассоціаціи! Могутъ сказать намъ, что «коммиссіи не было и повода касаться послѣднихъ, что ея дѣло было только проектировать законы для акціонерныхъ обществъ»—Нѣтъ, съ этимъ согласиться нельзя. Нельзя установить правильную точку зрѣнія на акціонерныя общества, не разсмотрѣвъ ихъ отношенія къ народной промышленности и не разсмотрѣвъ вмѣстѣ тѣхъ способовъ, которыми можетъ быть поднята послѣдняя. Безъ этого невозможно писать законы для акціонерныхъ обществъ. Если коммиссія умолчала о производительныхъ ассоціаціяхъ, то, конечно, потому, что взглянула на распространеніе ихъ государствомъ, какъ на дѣло ненужное и, быть можетъ, опасное и вредное. Такъ думать мы тѣмъ болѣе имѣемъ права, что коммиссія не умолчала о формѣ предпріятій командитной, хотя, оставивъ безъ вниманія артельныя ассоціаціи, ей не слѣдъ было говорить и объ этой формѣ, тѣмъ болѣе, что и эта форма ей также не нравится въ сравненіи съ излюбленною ею формою акціонерною. Вотъ какъ именно говоритъ она объ этой формѣ:

«По нашимъ законамъ допускается особый видъ ассоціацій подъ названіемъ товарищества на вѣрѣ. Товарищество это составляется изъ одного, двухъ или болѣе полныхъ компаньоновъ, дающихъ ему свою фирму и отвѣчающихъ за долги фирмы или дома, вообще и порознь, всѣмъ своимъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ, и изъ неопредѣленнаго числа вкладчиковъ, ввѣряющимъ первымъ свои капиталы въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Эти вкладчики могутъ быть или не быть поименованы въ договорѣ; имъ не предоставляется никакихъ по дому распоряженій; отвѣтственность по дѣламъ домовъ ограничивается только ихъ вкладомъ. Въ этомъ видѣ товарищества, довольно у насъ распространеннаго въ ку-

печествѣ, появляется первобытная форма командитной акціонерной компаніи, отличіе которой отъ обыкновеннаго акціонернаго общества состоитъ въ томъ, что директоры первой отвѣчаютъ за долги компанейскіе, какъ принадлежащими имъ акціями, такъ и всѣмъ своимъ имуществомъ, но за то имъ принадлежитъ исключительное право завѣдыванія дѣлами компаніи. Къ выпуску, формѣ и условіямъ передачи такой компаніи вполнѣ примѣнимы общіе по сему предмету порядки. Въ началѣ командитная форма акціонерныхъ компаній имѣла нѣкоторый успѣхъ, потому что въ полной (неограниченной) отвѣтственности нѣкоторыхъ директоровъ усматривались задатки не только вещественнаго, но и нравственнаго обезпеченія успѣшнаго хода предпріятій. На дѣлѣ однако послѣдовало совершенное разочарованіе: чрезмѣрное ограниченіе правъ акціонеровъ или, лучше сказать, ихъ абсолютное устраненіе отъ прямого вѣдѣнія по распоряженію дѣлами компаніи повело къ предоставленію этихъ дѣлъ на полный произволъ учредителей, и подъ вліяніемъ этого обстоятельства, командита превратилась въ орудіе самыхъ опасныхъ и предосудительныхъ спекуляцій. Многочисленныя неудачи, сопряженныя съ возмутительными процессами, въ конецъ дискредитовали эту форму акціонерной компаніи даже во Франціи, гдѣ она наиболѣе развилась и гдѣ доселѣ еще допускается законами».

Коммиссія единственное, но величайшее превосходство анонимнаго акціонернаго общества надъ командитнымъ усматриваетъ въ томъ, что въ обществѣ акціонерномъ акціонерамъ предоставлено право выбирать директоровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ контролировать ихъ дѣйствія. Это право коммиссія считаетъ самою надежною гарантіею противъ всякаго рода мошенничествъ и злоупотребленій. Признаемся, мы не понимаемъ, какъ можно, не шутя, даже писать такія вещи у насъ, россіянъ. Мы желали бы, чтобы коммиссія назвала хоть одно общество, въ которомъ акціонеры воспользовались своимъ правомъ и сами защитили свои кошельки отъ опустошенія, если только таковое имъ было суждено свыше, т.-е. отъ распоряженій директоровъ. Не вездѣ ли и не всегда ли у насъ въ акціонерныхъ обществахъ всѣмъ заправляютъ и ворочаютъ директоры, а акціонеры только слушаютъ отчеты и со всѣмъ соглашаются? И чего только директоры не выдѣлывали съ акціонерами въ нѣкоторыхъ обществахъ! Кажется, камни на мѣстѣ акціонеровъ, и тѣ лопнули бы съ досады и злости—а наши акціонеры все терпятъ и благодушествуютъ. Вспомнимъ, напримѣръ, здѣсь хоть покойное общество «Сельскій Хозяинъ», въ которомъ орудовалъ г. Байковъ. Можно ли даже нарочно придумать что-нибудь хуже того, что продѣлывалось тамъ? А вѣдь ничего... Г. Байковъ только прослезился въ общемъ собраніи, тѣмъ дѣло и кончилось. Нѣтъ, какія бы права коммиссія для акціонеровъ ни измышляла, какія бы постановленія ни составляла, но если она, относительно осуществленія всѣхъ этихъ правъ и постановленій, всѣ свои надежды возлагаетъ единственно только на самодѣятельность акціонеровъ, то всѣ ея права и постановленія окажутся на практикѣ такъ же неисполнимыми, какъ и извѣстное право, данное овцамъ:

Властна она, овца,
Взять волка за воротъ
И прямо въ судъ представить и проч.

Что-жъ дѣлать? «Земля господня такова». Можетъ быть, лѣтъ черезъ 200, 300 и наши акціонеры будутъ управлять своими дѣлами сами, а теперь, какими бы широкими правами вы ихъ ни награждали, они отъ директоровъ не уйдутъ: истинными хозяевами дѣла будутъ все-таки директоры. Стало быть, учреждая анонимныя акціонерныя общества вмѣсто командитныхъ, мы руководствуемся соображеніями чисто-отвлеченными, фиктивными, къ намъ неприложимыми, ибо отъ директоровъ все равно и здѣсь не уходимъ,—а между тѣмъ теряемъ всѣ тѣ существенныя выгоды, которыя даютъ командитныя общества и которыми мы воспользоваться могли бы. Какія это выгоды? Директоромъ командитнаго общества или, что въ командитной формѣ одно и то же, хозяиномъ дѣла можетъ сдѣлаться только человѣкъ, долго спеціально занимавшійся этимъ дѣломъ и сдѣлавшійся болѣе или менѣе извѣстнымъ въ публикѣ, какъ знатокъ этого дѣла, и притомъ человѣкъ непремѣнно съ крупнымъ состояніемъ; не имѣя всѣхъ этихъ качествъ, онъ никогда не найдетъ членовъ для проектируемаго имъ общества. Теперь посмотрите: кто избирается въ директоры акціонерныхъ обществъ? Люди ли, пріобрѣвшіе себѣ репутацію какъ знатоки въ извѣстномъ дѣлѣ? По крайней-мѣрѣ спеціалисты ли дѣла? Наконецъ люди ли съ крупными состояніями? Нѣтъ, часто ни то, ни другое, ни третье. Въ директоры обыкновенно попадаетъ тотъ, кто захочетъ попасть, по пословицѣ: кто раньше всталъ и палку взялъ, тотъ и капралъ. Само собою разумѣется, что это дѣлается не безъ нѣкоторыхъ хлопотъ, не безъ нѣкоторыхъ забѣганій кой къ кому, и вообще не безъ нѣкоторыхъ нужныхъ мѣропріятій. За то разъ попавъ въ директоры, искатель утверждается здѣсь, какъ побѣдитель въ завоеванной странѣ. Напрасно потомъ являются протестанты изъ акціонеровъ, собираютъ митинги противъ управленія и дѣйствій директора, говорятъ рѣчи, пишутъ записки, — директоръ остается непоколебимъ на мѣстѣ, какъ скала. Строго и безпристрастно оцѣнивая подобныя явленія, можно сказать, что у насъ скорѣе въ командитной формѣ обществъ выборъ директоровъ былъ бы свободный, ибо тогда всякій шелъ бы только въ то общество, во главѣ котораго онъ видѣлъ бы человѣка ему болѣе извѣстнаго и надежнаго, а не теперь, когда свобода выборовъ деректоровъ остается только пустымъ правомъ, въ сущности

рѣдко когда примѣняемымъ. Далѣе, въ командитной формѣ обществъ директоры или хозяева дѣла отвѣчаютъ за долги общества всѣмъ своимъ имуществомъ. Коммиссія говоритъ, что «эта отвѣтственность не можетъ служить надежнымъ ручательствомъ за добросовѣстность управленія и серьёзной гарантіей для интересовъ участниковъ и публики». Положимъ, что вполнѣ надежнаго ручательства и вполнѣ обезпечивающей гарантіи тутъ нѣтъ; но все-таки есть очень значительное ручательство и очень значительная гарантія. Какъ хотите, а очень немного изъ капиталистовъ найдется людей, которые въ виду того, что за компанейскіе долги они должны отвѣчать всѣмъ своимъ имуществомъ, согласятся безумными долгами ставить свое состояніе на карту. Равно какъ немного найдется и такихъ капиталистовъ, которые, пріобрѣвъ въ продолженіе многихъ лѣтъ честное имя и репутацію, захотятъ позорить себя какими нибудь вопіющими злоупотребленіями по дѣламъ общества, предъ лицомъ цѣлой Россіи. Злоупотребленія, конечно, будутъ и въ командитныхъ обществахъ, но такихъ вопіющихъ, какія дѣлаются въ акціонерныхъ обществахъ, никогда не будетъ. Коммиссія забываетъ, что кромѣ имущества въ командитной формѣ къ отвѣтственности привлекается имя лица, стоящаго во главѣ общества, какъ вполнѣ отвѣтственное за правильное и честное веденіе дѣла. А эти ручательство и гарантія вовсе не пустыя. По крайней мѣрѣ относительно Россіи мы увѣрены, что здѣсь изъ капиталистовъ немного нашлось бы такихъ мѣдныхъ лбовъ, которые согласились бы покрыть свое имя вѣчнымъ позоромъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, прессою, цѣлымъ народомъ. Да, цѣлымъ народомъ; ибо представимъ себѣ, что какой нибудь капиталистъ N, положимъ Тяпкинъ-Ляпкинъ, построилъ скверно желѣзную дорогу. Каждый тогда, и большой и малый,—кричали бы въ одно: «а подать сюда Тяпкина-Ляпкина». Имя его соединялось бы съ проклятіемъ въ устахъ всѣхъ. Стать къ такому позорному столбу нашлось бы немного охотниковъ. Кто же теперь отвѣчаетъ въ нашихъ акціонерныхъ обществахъ за вопіющія дѣла, ими совершаемыя? — Никто, отвѣтчиковъ нѣтъ. — У насъ, напримѣръ, есть желѣзныя дороги, выстроенныя по цѣнамъ до того дорогимъ, что очень любопытно было бы спросить строителей: отчего произошла эта дороговизна, когда рядомъ съ ихъ дорогами другія дороги стоили на треть и даже на половину меньше? Далѣе — есть дороги, выстроенныя до того скверно, что по нимъ отправляются не безъ нѣкотораго опасенія за жизнь и здоровье. Опять очень любопытно было бы спросить: отчего это произошло?—Но спросить не у кого. Строителей тутъ, извѣстныхъ по имени, нѣтъ; ихъ строили миѳы. И случается нерѣдко такъ, что одинъ изъ тѣхъ самыхъ миѳовъ, который долженъ былъ бы отвѣчать вамъ «почему дорога стоитъ дорого, или почему она дурно выстроена», ибо онъ былъ однимъ изъ коноводовъ при постройкѣ ея, вмѣстѣ съ вами сидитъ и бранитъ строителей дороги. Въ акціонерныхъ обществахъ все шито и крыто. Это такія благословенныя общества, которыя, можно сказать, устроилъ самъ Богъ именно для Россіи, въ виду того, что здѣсь акціонерными дѣлами будутъ заниматься главнымъ образомъ люди благородные, которыхъ имя не должно покрываться позоромъ. Дѣла дѣлаются въ этихъ обществахъ милліонныя, и большею частію дѣла государственнаго характера, на государственный бюджетъ накладываются вслѣдствіе этого милліарды долговъ, а между тѣмъ за дѣла нѣтъ отвѣтчиковъ,—дѣла дѣлаются, такъ сказать, сами собою, хорошо-ли, худо они дѣлаются, въ этомъ никто не виноватъ. И если вы ближе всмотритесь въ устройство тѣхъ обществъ, которыя носятъ названіе акціонерныхъ, вы убѣдитесь, что здѣсь дѣйствительно некого привлекать къ отвѣтственности. Здѣсь всѣ члены—хозяева мимолетные—калифы на часъ, которые притомъ даже и въ тотъ самый часъ, когда они хозяева и поставлены у дѣла, ни за что не должны отвѣчать, ибо не они одни хозяева, а всѣ хозяева; если они и дурно дѣлали, то чего же смотрѣли другіе и почему позволяли имъ дѣйствовать? Неправда-ли, что акціонерныя общества—благословенныя общества, что это истинный храмъ счастія, прямо для насъ россіянъ устроенный? Вы геній конъюнктуры, вы написали превосходный проектъ кратчайшей и выгоднѣйшей желѣзной дороги въ Ташкентъ, или проектъ для транспортированія товаровъ въ Остъ-Индію, или проектъ усовершенствованія или развитія на новыхъ началахъ водяныхъ коммуникацій, вы представили этотъ проектъ правительству, успѣли получить концессію съ правомъ монополіи и даже гарантіи, или, положимъ, просто концессіи. Какъ генію, вамъ нѣтъ ни охоты, ни выгоды заниматься ея исполненіемъ; за нѣсколько милліоновъ или сотъ тысячъ рублей, смотря по предпріятію, вы уступаете ее конъюнктурнымъ талантамъ, ищущимъ дѣла и готовымъ вырвать ее у васъ съ руками. Эта вторая формація дѣятелей носитъ названіе основателей акціонернаго общества; на обязанности ея лежитъ выпускъ акцій. Запасшись изряднымъ ихъ количествомъ, она остальныя пускаетъ въ публику. Въ это время въ публикѣ идетъ уже тревога относительно нарождающагося общества, направляемая искусною невидимою рукой. Пресса вопитъ, что удивительно, какъ потребность этого общества, давно уже чувствуемая всѣми настоятельно, до сихъ поръ оставалась безъ исполненія, что большая часть мѣстныхъ или общихъ экономическихъ золъ Россіи (смотря по предпріятію) происходили именно отъ неудовлетворенія такой потребности, что теперь, когда основано давно желанное всѣми общество, сберегутся или выростутъ громадные капиталы въ Россіи и проч. Въ это же самое время почтенные люди разныхъ чиновъ и возрастовъ,

имѣющіе оффиціальный, коммерческій или другой вѣсъ, сообщаютъ таинственно и нетаинственно, смотря по надобности, какихъ огромныхъ барышей надобно ожидать отъ вновь возникшаго геміальнаго предпріятія. Благодаря всѣмъ этимъ штукамъ и обыкновеннымъ рекламамъ, цѣны акцій растутъ да растутъ. Когда акціи достигнутъ изрядной высоты, тогда мнимые основатели могутъ, сдавъ свои акціи на биржу и наживъ почтенный кушикъ отъ разности между номинальною цѣной и курсомъ, уносить себѣ преспокойно ноги. За основателями общества выступаетъ на сцену третья формація дѣятелей—это его устроители, закладыватели его основного капитала. Надобно устроить полотно дороги, возвести разныя зданія, приготовить машины, помѣщенія, запасти матеріалъ и т. д., и т. д. Такъ-какъ затѣвается дѣло не грошовое какое-нибудь, а многомилліонное, то, конечно, все это должно быть сдѣлано, хотя и по нѣсколько высокимъ цѣнамъ, но прочно, въ наилучшемъ видѣ и потому должно быть поручено лицамъ благонадежнымъ. Дѣйствительно, за исполненіе дѣла берутся лица самыя благонадежныя: постройку полотна, зданій принимаетъ на себя родственникъ директора N, приготовленіе машинъ и помѣщеній — хорошій знакомый директора X, заготовленіе матеріаловъ—протежé вліятельнаго и нужнаго для дѣла лица Y. Случается, что на процессѣ заложенія основного капитала общество и оканчиваетъ свое существованіе, какъ это случилось съ много разъ уже воспомянутымъ нами пресловутымъ обществомъ «Сельскій Хозяинъ». Тамъ г. Байковъ не далъ акціонерамъ удовольствія насладиться ни плодами фабрики, стоившей 400,000 руб., ни плодами стоившей столько-же мельницы. Но обыкновенно дѣло идетъ иначе. Такъ или иначе заложеніе основного капитала доводится до конца: образователи его удаляются со сцены. Является четвертая формація дѣятелей, наступаетъ, послѣ бывшихъ доселѣ золотого и серебрянаго, нѣкоторымъ образомъ, мѣдный вѣкъ общества. Основной капиталъ оказывается мало куда годнымъ: полотно дороги, зданія оказываются дороги и плохи, машины ненадежны, помѣщенія не такъ удобны, матеріалы недоброкачественны; средства общества истощены. Но новая формація дѣятелей относится къ прошедшимъ дѣятелямъ, какъ новое правительство къ бывшему назадъ тому сто лѣтъ, съ уваженіемъ, но критически. Одинъ изъ новыхъ директоровъ общества въ пространной рѣчи къ общему собранію, отдавая должную справедливость предшествовавшимъ дѣятелямъ за полезные труды на пользу общества, замѣчаетъ, однакожъ, что недостатокъ знанія и опытности былъ причиной того, что многое устроено не въ такомъ совершенствѣ, какъ бы слѣдовало, дороже, чѣмъ бы можно было, что этимъ средства общества значительно истощены, но что отчаяваться не слѣдуетъ, что, напротивъ, теперь для общества открываются прекраснѣйшіе виды въ будущемъ, знаніе и опытность пріобрѣтены — остается только на усиленіе истощенныхъ средствъ сдѣлать заемъ въ нѣсколько милліоновъ. Общество, разумѣется, соглашается, при единодушномъ рукоплесканіи директору, такъ откровенно говорящему о прошедшемъ и открывающему такіе прекрасные виды въ будущемъ. Не должно думать, чтобы вѣкъ мѣдный акціонерныхъ обществъ не имѣлъ въ себѣ ничего привлекательнаго; напротивъ, конъюнктурные таланты умѣютъ и въ этотъ вѣкъ находить обильные источники благоденствія. Мы уже говорили выше, что анонимныя акціонерныя общества въ существѣ своемъ общества безъ хозяевъ. Члены ихъ составляются изъ аферистовъ, которые заинтересованы единственно тѣмъ, чтобы получать хорошій процентъ на свои бумаги, а вовсе не самимъ дѣломъ. Конечно, хорошій процентъ можно получать только тогда, когда хорошо ведется дѣло, и каждый акціонеръ не можетъ не желать, чтобы дѣло шло хорошо. Но, съ другой стороны, если оно не пойдетъ хорошо, то акціонеръ убиваться изъ-за него не будетъ; онъ не захочетъ липаться тѣхъ процентовъ, которыхъ ожидалъ, пріобрѣтая бумаги. Къ такой жертвѣ можетъ принудить его только развѣ самая крайняя необходимость. Въ этомъ заключается причина, почему никакая другая форма промышленныхъ предпріятій не показываетъ такой наклонности къ безконечнымъ, обыкновенно плохо оплачиваемымъ займамъ, какъ акціонерныя компаніи. Ибо всѣ другія формы имѣютъ хозяевъ, которые заботятся не только о барышахъ, но и о дѣлѣ. Здѣсь вся забота устремлена на хорошій дивидендъ. Неудивительно, что директоры, желая угодить обществу, изыскиваютъ средства, чтобы дать этотъ дивидендъ, и въ дивидендъ идетъ то, что должно бы идти на улучшеніе дѣла; самое-же дѣло живетъ кое-какъ на безконечные займы. Вотъ почему и дѣйствующихъ въ вѣкѣ мѣдномъ акціонерныхъ обществъ никакъ нельзя исключить изъ храма счастія! Конечно, не можетъ быть никакого сравненія между ихъ конъюнктурами и конъюнктурами основателей обществъ, закладывателей основного капитала; о концессіонерахъ и говорить нечего! Закладыватели, напримѣръ, основного капитала въ покойномъ обществѣ «Сельскій Хозяинъ» (*опять «Сельскій Хозяинъ»*!) истратили около 900,000 руб. сер. и на эти деньги не устроили ничего годнаго, кромѣ сада для разведенія резеды!

Однако, я зашелъ далеко и пора мнѣ уже кончить. Но на прощанье еще одно послѣднее слово:

Въ журналѣ коммиссіи, приложенномъ въ видѣ предисловія къ составленному ею проекту положенія объ акціонерныхъ обществахъ, между прочимъ, говорится, «что по смыслу мнѣнія государственнаго совѣта отъ 23 февраля 1870 въ пересмотрѣ нашего акціонернаго законодательства, кромѣ членовъ учрежденной для сего правительственной коммиссіи, могли бы съ пользою при-

нять участіе другія лица, спеціально и практически знакомыя съ этимъ дѣломъ, но что коммиссія не имѣла достаточно времени для приглашенія означенныхъ лицъ въ свои засѣданія», и потому вмѣсто этого признала «цѣлесообразнымъ», напечатавъ свой проектъ въ 600 экземплярахъ, разослать его на разсмотрѣніе свѣдущихъ по сему предмету лицъ, съ приглашеніемъ ихъ доставить свои по проекту замѣчанія къ 1-му сентября текущаго года, а коммиссія приметъ эти замѣчанія въ соображеніе, когда въ октябрѣ мѣсяцѣ подвергнетъ свой трудъ новому обсужденію.

Что приглашеніе сторонникъ лицъ въ коммиссію было бы весьма полезно и даже необходимо, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы убѣждены, что многіе изъ приглашенныхъ въ коммиссію членовъ земства (мы полагаемъ, что члены земства были бы приглашены въ коммиссію, такъ-какъ обсуждается дѣло, имѣющее тѣсную связь съ благосостояніемъ всей страны), какъ дважды два четыре, доказали бы коммиссіи, что въ Россіи надобно теперь все вниманіе обратить на распространеніе производительныхъ артельныхъ товариществъ, не жалѣя для этого никакихъ средствъ, что такимъ только способомъ можно поднять и развить промышленность страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить и народное благосостояніе, что акціонерныя общества прямо противодѣйствуютъ этой цѣли, и что потому распространеніе ихъ не только не желательно, но что, напротивъ, учрежденіе ихъ, кромѣ извѣстнаго рода предпріятій, необходимыхъ для страны, но требующихъ большихъ капиталовъ, должно быть воспрещаемо. Что касается до порядка приглашенія постороннихъ лицъ къ обсужденію разсматриваемаго коммиссіею предмета, то хотя коммиссія находитъ, повидимому, равно цѣлесообразнымъ, пригласить ли этихъ лицъ въ свои засѣданія или ожидать отъ нихъ письменныхъ замѣчаній на свой проектъ, но мы думаемъ, что это далеко не одинаково *цѣлесообразно*. По всей вѣроятности, всѣ лица, къ которымъ обратилась коммиссія съ своимъ проектомъ, люди занятые дѣломъ, люди, у которыхъ своихъ дѣлъ по горло. Пока они стоятъ у дѣла, они не въ состояніи будутъ удѣлить изъ своихъ занятій столько времени, чтобы войти въ разсмотрѣніе всѣхъ подробностей проекта, а главное, написать нѣсколько листовъ своихъ замѣчаній. Другое дѣло, еслибы они были вызваны для засѣданій въ коммиссіи и могли заняться обсужденіемъ предмета вмѣстѣ съ нею. Далѣе, не всѣ лица, къ которымъ нужно обратиться коммиссіи, могутъ быть люди *письменные*. Найдется, по всей вѣроятности, не мало и такихъ, которые могли бы высказать очень много дѣльныхъ и полезныхъ замѣчаній въ засѣданіяхъ коммиссіи, но которые писать не будутъ ничего.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА.*)

I.

Экономическая основа крестьянской реформы и порожденныя ею экономическія и соціальныя состоянія.

«На чрезмѣрное дробленіе (Parcellirung) крестьянскихъ поземельныхъ участковъ можно смотрѣть не только какъ на причину, но и прежде всего какъ на симптомъ паденія націй. Крестьянское сословіе составляетъ корень цѣлаго народа; высшіе классы, подобно вѣтвямъ, листьямъ, цвѣтамъ, могутъ вымирать и возобновляться снизу отъ этого корня. Но если корень сгніетъ, то все дерево пропало; оно годно будетъ только къ тому, чтобы быть брошеннымъ въ печь».

Рошеръ.

Кто вдумывался въ исторію нашего внутренняго развитія, тотъ, мы полагаемъ, не усомнится въ томъ, что вплоть до крестьянской реформы эта исторія содержитъ въ себѣ мало похожаго на исторію развитія другихъ европейскихъ государствъ. Начиная отъ Рюрика до послѣдняго царствованія включительно, путь нашего внутренняго развитія былъ всегда свой, совершенно особый отъ Европы. Наше государство образовалось совершенно подъ другими условіями и подъ другою формою, чѣмъ государства европейскія. Начала цивилизаціи, положенныя первоначально въ нашу жизнь, были или совершенно иныя, чѣмъ въ Европѣ, или при одинаковости своего первичнаго происхожденія поступали къ намъ съ совершенно другимъ характеромъ, чѣмъ въ Европѣ, какъ напримѣръ христіанство. Наконецъ мы не наслѣдовали ни мѣстъ бывшихъ населеній, ни самыхъ населеній древней европейской культуры; мы въ нашей древней исторіи имѣли дѣло только съ кочевниками или азіатами, стоявшими обыкновенно гораздо ниже насъ по развитію, покоряли и занимали только ихъ земли, и наша кровь мѣшалась только съ ихъ кровью. Такимъ образомъ въ самыхъ зачаткахъ и задаткахъ нашего развитія у насъ не было ничего родственнаго, ничего общаго съ Европою, такого, что бы насъ влекло къ ней. И дѣйствительно, мы никогда не имѣли съ ней тѣсныхъ сношеній. Напротивъ, чѣмъ далѣе шла наша исторія, тѣмъ далѣе мы уединялись изъ Европы или, точнѣе сказать, разъединялись съ нею. Вслѣдствіе этого отчужденія мы долго не пользовались ни культурными, ни умственными пріобрѣтеніями Европы и не участвовали ни въ одномъ изъ великихъ движеній, такъ много способствовавшихъ развитію европейскихъ обществъ, каковы, напримѣръ, крестовые походы, реформація.

Въ нашемъ собственномъ доморощенномъ внутреннемъ развитіи ходъ исторіи съ XIII столѣтія принимаетъ направленіе совершенно противоположное европейскому. Въ Европѣ съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ личное начало, внесенное германцами въ жизнь Европы, ложится въ основу историческаго движенія и становится главною руководящею силою европейскаго развитія. Въ нашей исторіи личное начало никогда не выступало на сцену дѣйствія. Совмѣстно съ гнетомъ родовымъ, на личность почти съ самаго начала нашего государства ложится еще болѣе тяжелый

*) Январь и февраль 1874 г.

гнетъ государственный. Уже съ нашествіемъ монголовъ московскіе князья облекаются диктатурою для борьбы съ монголами. Чѣмъ далѣе, тѣмъ неограниченнѣе дѣлается эта диктатура. Она топчетъ все: историческія права лицъ и обществъ, народное и культурное развитіе, всякое свободное проявленіе и протестъ личнаго начала. Наступаетъ полное безправіе личности, всецѣлое поглощеніе ея государственнымъ началомъ. Къ этому государственному гнету присоединяется потомъ гнетъ крѣпостной общины, вызванной финансовымъ разстройствомъ государства; по мѣрѣ увеличенія государственныхъ нуждъ личность въ крѣпостной общинѣ все болѣе и болѣе закрѣпляется, пока наконецъ совершенно не превращается въ частную собственность. Такимъ образомъ самое начало крѣпостного права у насъ совершенно другое, чѣмъ въ Европѣ. Въ Европѣ оно явилось вслѣдствіе наступившей по уничтоженіи государственной власти—анархіи, было продуктомъ насилія частныхъ лицъ,—у насъ никогда никакой анархіи не было, государственная власть была всегда тверда и сильна и крѣпостное право было однимъ изъ ея собственныхъ учрежденій. Въ Европѣ крѣпостное право держалось узурпаціей верховныхъ правъ, похищенныхъ землевладѣльцами и утвержденныхъ за ними исторіей, за которыя должна была даже бороться съ ними появившаяся верховная власть; у насъ землевладѣльцы никогда не имѣли суверенныхъ правъ; крѣпостное право было правомъ имъ пожалованнымъ и сохранялось за ними въ тѣхъ только размѣрахъ, въ какихъ угодно было верховной власти, и до тѣхъ только поръ, пока она хотѣла этого.

Понятно, что при такомъ различіи, и по своему происхожденію, и по своему характеру, нашего крѣпостного права отъ европейскаго, и разрѣшеніе его не могло имѣть ничего общаго съ послѣднимъ. Хотя это разрѣшеніе и произошло почти одновременно съ европейскимъ и даже было вызвано послѣднимъ; но въ сущности, это были два совершенно различные между собою акта. Въ Европѣ уничтоженіе крѣпостного права было результатомъ развитія свободы личности, требовавшей новыхъ общественныхъ формъ, приспособленныхъ для ея свободнаго движенія, слѣдствіемъ многовѣковаго историческаго процесса, который, вышелушивъ содержаніе стараго феодальнаго порядка, создалъ новые элементы и условія жизни, несовмѣстные съ этимъ порядкомъ, такъ что дальнѣйшее существованіе послѣдняго сдѣлалось невозможно; у насъ ничего подобнаго не было; крѣпостное право какъ учреждено было верховною властію для финансовыхъ цѣлей, такъ и уничтожено было верховною же властію вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, причиняемыхъ обѣдненіемъ крестьянъ, почему и называлось улучшеніемъ быта крестьянъ. Въ Европѣ вмѣстѣ съ уничтоженіемъ крѣпостного права началось новое государство, въ основаніе котораго положены свобода и равенство личности: у насъ съ уничтоженіемъ крѣпостного права никакихъ перемѣнъ не произошло, остались тѣ же состоянія, что и были. Уничтоживъ крѣпостное право, мы, собственно говоря, сдѣлали то же, что сдѣлали, уничтоживъ откупъ, т.-е. поправили ошибку прежнихъ правительствъ, безъ всякой нужды допустившихъ учрежденіе такихъ институтовъ въ нашей жизни, которые въ ней ни чѣмъ не вызывались; и, какъ уничтоженіе откуповъ не вызвало никакихъ перемѣнъ въ нашей государственной области, такъ почти и уничтоженіе крѣпостного права. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права мы очутились въ томъ же положеніи, въ какомъ были до его начала. Политическія права привиллегированнаго класса остались тѣ же самыя, что и были; что касается до простого народа, то онъ по освобожденіи хотя de jure не лишенъ отчасти нѣкоторыхъ изъ этихъ правъ, но въ дѣйствительности по невѣжеству своему ими пользоваться мало можетъ; кромѣ того, по вниманію къ этому же невѣжеству онъ даже въ своемъ непосредственномъ управленіи поставленъ подъ опеку особыхъ чиновниковъ изъ дворянъ, имѣющихъ рѣшительное вліяніе на всѣ его дѣла; слѣдовательно, въ своемъ непосредственномъ управленіи онъ не возвратилъ себѣ даже той самостоятельности, которою пользовался до начала крѣпостного права, т.-е. при Иванѣ Грозномъ. Точно также онъ не возвратилъ себѣ и той свободы личности, которую имѣлъ при послѣднемъ; потому что хотя отъ крѣпостного права, т.-е. отъ всякой непосредственной власти помѣщика освобожденъ, но къ землѣ остается прикрѣпленнымъ посредствомъ своего надѣла. Онъ не можетъ оставить землю, данную ему въ надѣлъ, пока не заплатитъ слѣдующаго за нее выкупа, что должно продолжаться почти пятьдесятъ лѣтъ. Этотъ платежъ самъ по себѣ не есть, конечно, особенность нашей выкупной операціи. Точно такимъ же многолѣтнимъ платежемъ обязаны были и освобожденные отъ крѣпостного права крестьяне въ Пруссіи и въ Австріи. Но разница въ томъ, что тамъ оцѣнка земель произведена ниже ихъ дѣйствительной стоимости, такъ что получившій надѣлъ нисколько не связывается своимъ надѣломъ: если онъ найдетъ для себя невыгоднымъ удерживать его, то онъ можетъ свободно идти на всѣ четыре сторoны; землю его съ тѣми же обязательствами съ удовольствіемъ возьмутъ другіе и самъ владѣлецъ. При недостаткѣ свободныхъ земель въ государствѣ тамъ обезпеченіе его поземельнымъ участкомъ, по оцѣнкѣ, низшей обыкновенныхъ цѣнъ, не только не составляетъ для него обремененія, а есть дѣйствительное благодѣяніе. У насъ, напротивъ, земли, данныя въ надѣлъ, оцѣнены часто втрое, вчетверо выше ихъ дѣйствительной стоимости и въ такомъ отношеніи къ послѣдней находятся даже въ настоящее время, т.-е. спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ обнародова-

нія Положенія о крестьянахъ. Ежегодная повинность за надѣлъ, составляя съ процентомъ погашенія 6% этой фиктивной оцѣнки, является въ большей части мѣстностей несоразмѣрно высокою сравнительно съ существующими арендными цѣнами на свободныя земли. Въ этихъ мѣстностяхъ, при множествѣ существующихъ у насъ свободныхъ земель, само собою разумѣется, никогда не могло бы найдтись охотниковъ для пріобрѣтенія въ собственность или пользованіе крестьянскихъ надѣловъ съ лежащими на нихъ высокими ежегодными повинностями. Въ другихъ мѣстностяхъ, плодородныхъ, гдѣ выкупная оцѣнка земель, какъ увидимъ ниже, оказалась гораздо ниже ихъ теперешней стоимости, нашлось бы, конечно, много охотниковъ изъ крестьянъ же односельцевъ или безземельныхъ покупать участки тѣхъ, которые пожелали бы оставить свои надѣлы; ихъ взяли бы тамъ съ охотою и сами помѣщики. Но въ этихъ мѣстностяхъ крестьянинъ привыкъ съ дѣтства добывать себѣ хлѣбъ единственно земледѣліемъ, онъ не рѣшится покинуть земледѣліе и, слѣдовательно, разстаться съ даннымъ ему надѣломъ, каковъ бы онъ ни былъ, не имѣя въ виду переселенія на другія, лучшія земли. Здѣсь крестьянинъ могъ бы отказаться отъ даннаго ему надѣла только тогда, когда правительство открыло бы государственныя земли для желающихъ переселенія крестьянъ. Но правительство подобному движенію крестьянъ, пока совершенно не кончится выкупъ земель, благопріятствовать не можетъ. Подобныхъ переселеній, если бы они были дозволены, пожелали бы всѣ крестьяне, недовольные данными имъ надѣлами, а такихъ недовольныхъ оказалось бы, по всей вѣроятности, какъ мы увидимъ, большая часть освобожденныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого, принятая нынѣ система выкупной операціи была бы подорвана въ корнѣ и должна была бы неминуемо рухнуть. Вотъ почему правительство, избравъ эту систему, должно было неизбѣжно на время ограничить право крестьянскихъ переселеній, что оно и сдѣлало, воспретивъ крестьянамъ въ первыя девять лѣтъ по освобожденіи безусловно оставлять полученныя ими въ надѣлъ земли, а послѣ этого срока обставило возможность переселенія крестьянъ на другія земли такими условіями, которыя, въ сущности, дѣлаютъ переселеніе почти рѣшительно невозможнымъ. Именно по «Положенію» 19-го февраля, крестьянинъ, желающій переселиться долженъ: 1) возвратить данный ему надѣлъ, 2) выполнить свои обязательства по рекрутской повинности, 3) уплатить всѣ лежащія на немъ и его семействѣ подати и сборы, по 1-е января слѣдующаго года, а также удовлетворить всѣ безспорныя частныя обязательства и взысканія, 4) не состоять подъ слѣдствіемъ и судомъ, 5) получить согласіе отъ родителей, 6) обезпечить содержаніе, какъ малолѣтковъ, такъ и другихъ членовъ его семьи, неспособныхъ къ работѣ, остающихся въ мѣстѣ прежняго жительства, 7) заплатить всѣ недоимки по выкупному платежу, 8) получить разрѣшеніе на переселеніе отъ волостного управленія, 9) представить свидѣтельство на свой пріемъ въ то общество, въ которое хочетъ переселиться, 10) пріобрѣсть въ собственность не далѣе, какъ въ 15 верстахъ отъ послѣдняго, такой участокъ земли, который бы равнялся двумъ душевымъ надѣламъ высшаго размѣра, указаннаго въ «Положеніи» 19 февраля для этого общества.*) Но если бы крестьянинъ выполнилъ и всѣ эти условія,—затрудненія все-таки не кончились бы. Въ видахъ правительства въ настоящее время не допускать переселеній и потому лица, уполномоченныя правомъ дозволять переселенія, обязаны особыми инструкціями соображаться съ разными мѣстными условіями при дозволеніи переселеній.

Такимъ образомъ, принятая система выкупной операціи идетъ въ разрѣзъ съ принципомъ освобожденія. Вмѣсто того, чтобы облегчить и ускорить процессъ освобожденія крестьянъ, она до того затруднила и запутала его, что образовала собою новый видъ закрѣпощенія, которое, конечно, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ бывшимъ крѣпостнымъ правомъ, но которое ничѣмъ не отличается отъ перваго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, послѣдовавшаго при Борисѣ Годуновѣ. Какъ тогда крестьянинъ, не теряя своихъ политическихъ и гражданскихъ правъ, будучи, слѣдовательно, полноправнымъ членомъ государства, не могъ оставлять отведеннаго ему участка земли, обязуясь платить владѣльцу послѣдней извѣстный оброкъ, такъ точно теперь, получивъ по освобожденіи изъ крѣпостного состоянія тѣ же самыя политическія и гражданскія права, какія имѣлъ при Годуновѣ, крестьянинъ прикрѣпленъ къ своему надѣлу на цѣлыя почти пятьдесятъ лѣтъ и обязанъ въ продолженіи всего этого времени платить ежегодно 6% съ капитализированной стоимости своего надѣла, оцѣненнаго не соотвѣтственно его дѣйствительной производительности, а совершенно фиктивно.

Само по себѣ это временное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ у насъ не могло бы еще имѣть никакихъ особенно вредныхъ послѣдствій. Въ странѣ по преимуществу земледѣльческой, какъ наша, гдѣ городская жизнь даже до настоящаго времени развита еще очень слабо и городскіе промыслы сравнительно немногочисленны, крестьянинъ, по самой силѣ вещей, и даже по вѣковымъ привычкамъ, по собственному желанію остается нѣкоторымъ образомъ крѣпокъ къ землѣ. Земля его главная, а зачастую и единственная кормилица. Клочокъ земли, на которомъ сидитъ онъ, кормилъ его дѣдовъ и отцовъ, онъ кормитъ и его. Крестьянинъ свыкся, сжился съ нимъ и у него у самаго не только нѣтъ охоты оста-

*) См. Полож. ст. 132 и слѣд.

вить вѣками насиженное мѣсто, а напротивъ, онъ прежде и болѣе всего желаетъ жить и умереть тамъ же, гдѣ жили и умерли его дѣды и отцы. Такимъ образомъ, прикрѣпленіе, установленное принятою системою выкупной операціи, само по себѣ не могло препятствовать обычнымъ промысламъ нашихъ крестьянъ и не стояло въ противорѣчіи съ ихъ собственными привычками и желаніями; тѣмъ болѣе, что дѣлая ихъ крѣпкими землѣ по мѣсту постояннаго жительства, оно открывало имъ полную свободу временнаго передвиженія и временнаго мѣста жительства, гдѣ угодно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полную свободу всякаго рода промысловъ. Но не отяготительное само по себѣ прикрѣпленіе приняло отягчающій характеръ вслѣдствіе соединеннаго съ нимъ особаго способа надѣленія крестьянъ землею. Потому мы должны войдти здѣсь въ нѣкоторыя подробности относительно нашей системы надѣловъ. Можетъ быть, читателю онѣ покажутся нѣсколько утомительными, но онѣ необходимы, потому что безъ этого онъ никогда не будетъ въ состояніи составить себѣ правильное и ясное понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ нашей крестьянской реформы.

Первоначально крестьянская реформа имѣла цѣлію не освобожденіе крестьянъ отъ власти помѣщиковъ, а установленіе между помѣщиками и крестьянами правильныхъ поземельныхъ и экономическихъ отношеній въ виду улучшенія быта послѣднихъ. Почему она и называлась улучшеніемъ быта крестьянъ, и главный и существенный вопросъ ея въ этомъ смыслѣ состоялъ въ надѣленіи крестьянъ достаточнымъ для хозяйства количествомъ земли.

Во всѣхъ высочайшихъ рескриптахъ объ улучшеніи быта крестьянъ, послѣдовавшихъ на имя генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, начиная отъ перваго, даннаго 20-го ноября 1857 года на имя виленскаго военнаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора Назимова, было сказано, что крестьянамъ, кромѣ усадебъ, предоставляется въ пользованіе *надлежащее для обезпеченія ихъ быта и повинностей количество земли*. Разъясняя эти рескрипты, министръ Ланской, между прочимъ, писалъ, что частные вопросы по устройству быта крестьянъ будутъ зависѣть отъ собственныхъ соображеній учрежденныхъ для этого дѣла въ каждой губерніи губернскихъ изъ дворянства комитетовъ, но «что неизмѣнными и неприкосновенными должны остаться главныя начала этого устройства, въ высочайшемъ рескриптѣ указанныя. Въ этихъ началахъ, т.-е. въ обезпеченіи помѣщикамъ поземельной ихъ собственности, а крестьянамъ *прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей, заключается то незыблемое основаніе, на которомъ должно воздвигнуться предпринимаемое великое дѣло*»*). Генералъ-адъютантъ Я. Ростовцевъ, предсѣдатель и непосредственный начальникъ редакціонныхъ коммиссій, учрежденныхъ для выработки основныхъ положеній по крестьянскому дѣлу, по вопросу о томъ: могутъ ли быть уменьшаемы существовавшіе у крестьянъ во время крѣпостного ихъ состоянія надѣлы земли? между прочимъ, писалъ: «во все время срочно-обязаннаго періода не слѣдуетъ допускать уменьшенія существующихъ надѣловъ; при выкупѣ же земли надѣлы могутъ быть измѣняемы, но во всякомъ случаѣ на основаніи рескриптовъ, т.-е. *чтобы крестьянинъ имѣлъ достаточно земли или угодій для своего прокормленія и для уплаты всѣхъ своихъ повинностей*» **).

Такимъ образомъ и по непосредственному смыслу высочайшихъ рескриптовъ объ улучшеніи быта крестьянъ, и по тѣмъ разъясненіямъ, которыя давали на нихъ два главные въ то время руководителя крестьянскаго дѣла и истолкователя по этому предмету намѣреній верховной власти, министръ Ланской и генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, было ясно, что улучшеніе быта крестьянъ должно было состоять не въ надѣлѣ ихъ только какимъ бы то ни было участкомъ земли, но въ устройствѣ ихъ самостоятельнаго хозяйства, т.-е. въ надѣлѣ ихъ такимъ количествомъ земли, обработывая которое, крестьянинъ могъ бы безбѣдно пропитывать себя и уплачивать всѣ свои повинности. Такъ понимали это дѣло и разработывавшія основное положеніе для освобожденія крестьянъ редакціонныя коммиссіи. Опровергая мнѣніе тѣхъ дворянскихъ комитетовъ, которые требовали опредѣленія крестьянскаго надѣла въ возможно наименьшихъ размѣрахъ, на томъ странномъ основаніи, что такой надѣлъ будто бы съ одной стороны «можетъ привести къ скорому и естественному замѣщенію въ сельскомъ быту обязательнаго труда свободнымъ, а съ другой доставить помѣщику постоянныхъ работниковъ для его хозяйства въ лицѣ свободныхъ крестьянъ, если они *недостаточно* будутъ обезпечены землею въ пользованіе», редакціонныя коммиссіи писали, что «такіе доводы полагаютъ въ основаніе будущаго устройства *преднамѣренное* недостаточное обезпеченіе крестьянъ землею, дабы лишить ихъ средствъ къ веденію въ прежнихъ размѣрахъ собственнаго самостоятельнаго хозяйства, и заранѣе осуждаютъ большую часть крестьянскаго сословія на батрачество, неминуемо сопряженное съ подобнымъ раззорительнымъ для крестьянскаго сословія порядкомъ вещей. Понятно, продолжаютъ онѣ, что подобный доводъ не могъ возбудить къ себѣ сочувствія правительства, а, слѣдовательно, не могъ быть принятъ имъ во вниманіе, ибо *главная цѣль его состоитъ въ созданіи обезпеченнаго сословія сельскихъ* обы-

*) «Крестьянское дѣло», Скребицкаго, т. 1, стр. XVI.
**) Тамъ же, т. II, ч. I, стр. 16.

вателей, а отнюдь не въ лишеніи этого сословія съ первой же поры его образованія лучшихъ средствъ *къ самостоятельному* развитію» *).

Исполнить въ точности высочайшую волю о надѣленіи каждаго изъ крестьянъ такимъ количествомъ земли, на которомъ онъ могъ бы завести самостоятельное полное хозяйство, вполнѣ обезпечивающее пропитаніе его съ семействомъ и уплату лежащихъ на немъ повинностей, можно было только однимъ способомъ,—именно, надобно было вычислить, сколько для устройства каждаго такого хозяйства потребуется земли въ каждой изъ трехъ полосъ, на которыя коммиссіями была раздѣлена Россія по плодородію почвы и по другимъ условіямъ сельскаго хозяйства,—черноземной, нечерноземной и степной,—и затѣмъ опредѣливъ нормальный размѣръ крестьянскаго надѣла въ каждой изъ этихъ полосъ, держаться потомъ этого размѣра твердо и неуклонно, несмотря ни на какія препятствія. Этотъ путь для разрѣшенія вопроса о крестьянскихъ надѣлахъ нѣкоторымъ образомъ указывался коммиссіямъ самымъ закономъ. Законъ нашъ, признавая за помѣщикомъ право собственности на всю принадлежащую ему землю, требовалъ однакожъ, чтобы извѣстная часть этой земли находилась въ постоянномъ пользованіи принадлежащихъ помѣщику крестьянъ, и на этомъ основаніи ограничивалъ право собственности помѣщика на ту землю, которая находилась въ пользованіи крестьянъ. Помѣщикъ не могъ продать ни клочка изъ принадлежащей ему земли, если ея приходилось не болѣе $4^1/_2$ десятинъ на каждую состоящаго при имѣніи населенія мужскаго пола душу по послѣдней ревизіи. Въ противномъ случаѣ, по закону, онъ лишался права владѣть крестьянами, и они отбирались въ казенное вѣдомство. «Если земля,—такъ гласилъ законъ,—отдѣльно отъ поселенныхъ на ней крестьянъ будетъ помѣщикомъ заложена и закладная будетъ просрочена, или же земля будетъ отдѣльно продана, и въ томъ и другомъ случаѣ останется у крестьянъ менѣе четырехъ съ половиною десятинъ на душу, и къ тому же въ теченіи года не будетъ помѣщикомъ пріобрѣтено и дано имъ другой земли соразмѣрно числу душъ, или же они не будутъ, на законномъ основаніи, проданы другимъ съ обязанностію переселить ихъ на собственныя земли и надѣлить ихъ вышеопредѣленнымъ количествомъ земли: то крестьяне въ семъ случаѣ берутся въ казенное вѣдомство и, по желанію ихъ, или вступаютъ въ государственные крестьяне, съ водвореніемъ на казенныхъ земляхъ, или причисляются къ городскому сословію» **) и проч. «Это коренное постановленіе нашего законодательства, какъ объяснялъ бывшій членъ редакціонныхъ коммиссій, извѣстный нашъ юристъ г. Калачевъ:—не подвергалось никакимъ ограниченіямъ; напротивъ того, возникшій вопросъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ и надѣленіи ихъ землею послужилъ министру юстиціи, графу Панину, основаніемъ къ циркулярному предписанію отъ 16-го ноября 1858 года за № 20,302 о томъ, что помѣщики не должны продавать свою землю отдѣльно отъ поселенныхъ на ней крестьянъ, если земли въ имѣніи окажется менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу ***). Такимъ образомъ нормальнымъ крестьянскимъ надѣломъ на душу во время крѣпостного состоянія считался надѣлъ въ $4^1/_2$ десятины.

Конечно, редакціонныя коммиссіи не могли принять этотъ размѣръ за норму для своихъ надѣловъ. То, что годилось для членовъ крѣпостной общины, во многихъ случаяхъ оказалось бы совершенно непригоднымъ для членовъ общины свободной. Во-первыхъ, на земляхъ помѣщичьихъ крестьянинъ получалъ пропитаніе не отъ одного только своего надѣла. Онъ имѣлъ кромѣ этого сервитуты на помѣщичьихъ земляхъ, пользовался здѣсь пастбищемъ, дровянымъ и строевымъ лѣсомъ; кромѣ того, въ особенно несчастныхъ случаяхъ получалъ отъ помѣщика прямое вспоможеніе деньгами или натурой, какъ наприм. во время скотскаго падежа, голода и т. п. Во-вторыхъ, на помѣщичьихъ земляхъ высшую хозяйственную единицу представлялъ не крестьянскій надѣлъ, а цѣлое имѣніе. Изъ свободныхъ земель этого имѣнія нарѣзывались новые надѣлы каждому новому народившемуся поколѣнію работниковъ въ узаконенной нормѣ, безъ урѣзки земель изъ прежнихъ надѣловъ. Не въ томъ сила: соблюдалось ли это всегда въ дѣйствительности, и даже вообще соблюдалось ли; но это закономъ было постановлено, и правительство во всякое время могло потребовать точнаго исполненія закона; слѣдовательно право за каждымъ крестьяниномъ на указный въ четыре съ половиной десятины надѣлъ всегда оставалось и всегда могло быть возстановлено. Наконецъ, при опредѣленіи нормы крестьянскаго надѣла въ крѣпостномъ сословіи имѣлось въ виду, что крестьянинъ можетъ употреблять на свой надѣлъ только половину своего труда, остальную половину его труда поглощала обработка помѣщичьихъ земель и другія барщинныя работы. Совсѣмъ въ другое положеніе становился крестьянинъ, дѣлаясь самостоятельнымъ хозяиномъ на собственномъ надѣлѣ! Онъ лишался сервитутовъ на помѣщичьихъ земляхъ, которыми прежде пользовался, точно также лишался чьей бы ни было помощи въ особенныхъ несчастныхъ случаяхъ. Далѣе, какъ бы съ теченіемъ времени ни умножалось его семейство, онъ не имѣлъ для пропитанія его никакихъ другихъ средствъ, кромѣ того же самаго надѣла, который ему данъ; ибо запасныхъ земель, въ виду нарождающагося поколѣнія,

*) Тамъ же стр. 31.
**) Сводъ Законовъ, т. IX, ст. 1,107. Законы о состояніяхъ. См. кромѣ того, т. X, ч. I, ст. 1.397.
***) Тамъ же, томъ II, ч. II, ст. 1,076.

онъ не получалъ. Наконецъ извѣстно, что свободный трудъ вообще гораздо энергичнѣе и производительнѣе обязательнаго. Слѣдовательно, если въ крѣпостномъ сословіи, при обязанности крестьянина отдавать половину своего труда помѣщику, законъ надѣлялъ крестьянина $4^1/_2$ десятинами земли, то очевидно, что для свободнаго крестьянина, трудъ котораго безраздѣльно долженъ былъ идти на обработку его собственной земли, такой надѣлъ становился крайне недостаточнымъ.

Но не принимая крѣпостной нормы надѣла, редакціонныя коммиссіи могли бы принять эту норму за точку отправленія. Разъ, что нашимъ законодательствомъ издавна была признана необходимость однообразнаго устройства крестьянскихъ хозяйствъ, и для коммиссій становилось нѣкоторымъ образомъ обязательнымъ держаться этого основного направленія нашего законодательства, тѣмъ болѣе, что это совершенно совпадало съ началами справедливости и равенства. Ибо не могло быть никакихъ разумныхъ причинъ устроивать въ одной и той же мѣстности одного крестьянина хуже, нежели другого. Что касается до того, что коммиссіи, принявъ во вниманіе различіе условій нашего сельскаго хозяйства и раздѣливъ всѣ земли по этимъ условіямъ на три совершенно различныя по хозяйственнымъ условіямъ полосы, должны были установить и три различныя нормы крестьянскихъ надѣловъ, соотвѣтствующія каждой изъ означенныхъ полосъ, то этимъ не только не нарушался бы принципъ принятаго законодательствомъ однообразія, а напротивъ утверждался бы; потому что количественнымъ различіемъ величины нормальныхъ надѣловъ въ разныхъ полосахъ сглаживалось бы ихъ качественное различіе по плодородію. За тѣмъ, крѣпостные нормальные надѣлы, издавна установленные закономъ, могли бы и даже должны были бы составить основу для новыхъ нормальныхъ надѣловъ. Признавъ ихъ уже за данное и безспорное, какъ утвержденное за крестьянами закономъ, какъ и смотрѣлъ на нихъ министръ юстиціи Панинъ, предписавшій помянутымъ выше циркуляромъ не отчуждать этихъ надѣловъ,—редакціоннымъ коммиссіямъ оставалось бы только разсмотрѣть: насколько крѣпостные надѣлы въ той или другой мѣстности должны быть увеличины, какъ въ силу естественныхъ условій той или другой производительности почвы, такъ и въ силу тѣхъ новыхъ условій положенія крестьянъ, которыя должны были наступить съ ихъ освобожденіемъ и о которыхъ мы сказали выше. И въ этомъ случаѣ редакціонныя коммиссіи выступили бы не на новый, неизвѣстный путь. Напротивъ, путь этотъ давно уже былъ указанъ блаженной памяти императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Этотъ прямодушный государь, у котораго дѣятельность никогда не шла въ разрѣзъ съ его убѣжденіями, первый изъ нашихъ государей обратилъ дѣятельное и заботливое вниманіе на бѣдственное положеніе какъ всѣхъ вообще крестьянъ въ Россіи, такъ преимущественно крѣпостныхъ. Различные указы, которые были изданы имъ въ пользу послѣднихъ и о которыхъ мы будемъ еще вести рѣчь впослѣдствіи, помимо того, что облегчили участь многихъ тысячъ крѣпостныхъ, направили вниманіе правительства на этотъ главный корень всѣхъ золъ и послужили подготовленіемъ для нынѣшней реформы. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ напримѣръ, въ Кіевской, Волынской и Подольской, императоръ Николай успѣлъ положить прочное основаніе нынѣшней реформѣ, опредѣливъ инвентарными положеніями, изданными 29 декабря 1848 года, какъ крестьянскій надѣлъ, такъ и поземельныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ. Въ этихъ положеніяхъ въ первый разъ прямо и опредѣленно выраженъ тотъ издавна нашимъ законодательствомъ признанный, но до сихъ поръ, какъ мы видѣли выше, только отрицательно въ немъ обозначенный принципъ, что земля помѣщика, хотя и составляетъ безпорную его собственность, но съ таковымъ ограниченіемъ, что извѣстная часть земли находится въ постоянномъ пользованіи крестьянъ и неприкосновенна для него. Далѣе инвентарными правилами крестьянамъ нарѣзался такой надѣлъ земли, который вполнѣ обезпечивалъ ихъ хозяйства какъ пѣшія, такъ и тяглыя (съ волами или лошадьми). Въ примѣчаніи къ § 3 этихъ правилъ было сказано: «нормальное количество земли опредѣляется по мѣстнымъ выгодамъ и особенностямъ имѣнія въ такомъ размѣрѣ, чтобы крестьяне достаточно были обезпечены въ своемъ существованіи и удержаніи хозяйствъ, *придерживаясь при семъ высшаго существующаго въ томъ имѣніи надѣла земли*». Разсматривая вѣдомости надѣловъ по инвентарнымъ положеніямъ, мы находимъ, что высшій пѣшій надѣлъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской не былъ менѣе 6 десятинъ, простираясь въ разныхъ мѣстностяхъ отъ 9 до 15 и 20 десятинъ. Но это надѣлы пѣшіе. Надѣлы тяглые, дававшіеся на тѣ хозяйства, гдѣ была пара воловъ или лошадей, были вдвое болѣе пѣшихъ. Кромѣ того, если въ землѣ мірской за надѣломъ всѣхъ крестьянъ оставались еще свободные участки, то желающимъ, хотя бы они пользовались уже наивысшими нормальными надѣлами, дозволялось брать эти участки, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они уплачивали за пользованіе ими указанныя въ инвентарѣ повинности. Такимъ образомъ, несмотря на то, что инвентарныя положенія составились во время крѣпостного состоянія, и составились для лицъ, которыя должны были оставаться и впредь въ этомъ состояніи, надѣлы земли нарѣзываются, независимо отъ существовавшей крѣпостной нормы, такіе, которые были бы достаточны для веденія самостоятельнаго хозяйства. Первое, что имѣлось здѣсь въ виду—устроить навсегда прочно и безбѣдно крестьянина, помимо всякихъ другихъ соображеній, которыя могли по-

рождать страхъ и малодушіе. Опытъ двадцати лѣтъ оправдалъ вполнѣ систему надѣловъ, принятую императоромъ Николаемъ. Хозяйство въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской въ то время, какъ возникла мысль объ освобожденіи крестьянъ, оказалось такъ удовлетворительно, что рескриптомъ 9 марта 1858 года высочайше было повелѣно начала новой реформы въ означенныхъ губерніяхъ разработывать «*на основаніи инвентарныхъ правилъ, нынѣ дѣйствующихъ въ этихъ губерніяхъ*». И благодаря этому, новые надѣлы въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской вышли лучше, чѣмъ почти во всѣхъ другихъ губерніяхъ. Здѣсь не излишне будетъ упомянуть, что инвентари дали нѣкоторымъ образомъ и первый толчокъ къ крестьянской реформѣ. Инвентарныя положенія 1848 года, изобрѣтенныя и выработанныя бывшимъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Д. В. Бибиковымъ, какъ они ни были хороши во время крѣпостного права, составлялись очень поспѣшно, безъ достаточнаго запаса данныхъ, и, по сознанію самого составителя ихъ, были неудовлетворительны. Поэтому они установлялись только на извѣстный срокъ, именно на 6 лѣтъ; вслѣдствіе чего при составленіи ихъ, какъ положеній временныхъ, было принято за правило безъ особенной нужды «не нарушать вдругъ, какъ сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ, существующаго порядка, такъ какъ, при предложеніи окончательнаго и правильнаго устройства инвентарей, по истеченіи 6 лѣтъ, правительство получитъ вмѣстѣ съ симъ возможность съ большею точностію и практически опредѣлить всѣ повинности, соотвѣтственно взаимнымъ выгодамъ обѣихъ сторонъ и привести въ лучшую извѣстность какъ количество, такъ и качество земель, признаваемое необходимымъ для правильнаго устройства сего дѣла»*). Когда истекъ означенный срокъ и приступлено было къ пересмотру и улучшенію инвентарныхъ положеній, то дворянскіе комитеты губерній Виленской, Гродненской и Ковенской сочли за лучшее ходатайствовать о совершенномъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, «за что историкъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Романовичъ-Славатинскій, долженъ помянуть признательнымъ словомъ какъ инвентари, такъ и ихъ изобрѣтателя»**).

Примѣръ покойнаго государя ясно указывалъ коммиссіямъ, какъ онѣ должны были дѣйствовать въ надѣленіи крестьянъ землею. Изъ опыта надѣла, имъ произведеннаго въ трехъ, въ большей части своей, самыхъ плодороднѣйшихъ изъ нашихъ губерній, очевидно, что узаконенной крѣпостной нормы надѣла не всегда будетъ достаточно для устройства прочнаго и обезпеченнаго хозяйства даже въ плодородныхъ мѣстностяхъ, но что тѣмъ не менѣе при надѣлѣ эта цѣль должна оставаться непреложною. Такъ или иначе, но она должна была быть достигнута.

Къ сожалѣнію, редакціонныя коммиссіи нашли для себя не удобнымъ держаться этого пути. По разнымъ соображеніямъ, перечисленіе которыхъ отвлекло бы насъ теперь отъ нашей ближайшей цѣли, но несостоятельность которыхъ въ послѣдствіи мы докажемъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, онѣ признали невозможнымъ опредѣлить какую-бы то ни было норму надѣловъ, и потому положили держаться *надѣловъ существующихъ*. Это значило сразу потерять всякую почву подъ своими ногами. Ибо что такое могли значить въ нашемъ крѣпостномъ мірѣ надѣлы существующіе? При нарѣзкѣ этихъ надѣловъ имѣлось-ли когда нибудь въ виду дѣйствительное довольство и благосостояніе крестьянъ? Были ли они всегда достаточно соображаемы даже съ насущными потребностями крестьянъ, съ тѣмъ минимумомъ этихъ потребностей, безъ которыхъ не можетъ обходиться никакое живое человѣческое существо? И даже былъ ли вообще расчетъ помѣщику, который самъ платилъ подати за крестьянъ, обязанъ былъ помогать имъ въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ, давать имъ работать на себя болѣе, нежели сколько нужно было имъ на пропитаніе отъ одной жатвы до другой. Конечно, гдѣ земли были плохи, не давали помѣщику ничего и онъ жилъ оброками, тамъ крестьянинъ могъ пахать на помѣщичьихъ земляхъ, сколько душѣ угодно. Но развѣ этотъ надѣлъ, если только его можно назвать надѣломъ, не былъ чистою случайностью, обусловливающеюся бездоходностію земли и полнымъ пренебреженіемъ къ ней, какъ статьѣ бездоходной, помѣщика? Превратись она какимъ нибудь чудомъ въ доходную статью, и помѣщикъ немедленно взялъ-бы ее себѣ, а крестьянина свелъ бы на другую землю. Съ этой точки зрѣнія одинъ изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, Позенъ, справедливо говорилъ редакціоннымъ коммиссіямъ о существующихъ надѣлахъ, какъ о величинѣ въ дѣйствительности не существующей. «Существующій надѣлъ, писалъ онъ въ письмѣ графу Ростовцеву, выражаетъ дѣйствительную потребность только въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ земли регулированы и крестьянамъ надѣлены особые участки въ пользованіе по душамъ или тягламъ на все общество или по участкамъ. Но много ли у насъ такихъ имѣній? Въ каждой губерніи едва ли окажется ихъ нѣсколько десятковъ; всѣ остальныя хозяйства составились совершенно случайно и рѣдко соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянъ. Тамъ, гдѣ земли хороши и помѣщичьи хозяйства въ порядкѣ, крестьянскіе надѣлы весьма ограничены; тамъ, гдѣ земли дурны и крестьяне на оброкѣ или помѣщичьи хозяйства не устроены, крестьянскіе надѣлы велики, но часто не приносятъ

*) См. первое изданіе матер. редакц. ком. Второй періодъ. Ч. IV. Инвентарныя положенія западныхъ губерній стр. 63.
**) См. Дворянство въ Россіи. Соч. Романовича-Славатинскаго, стр. 297.

крестьянамъ никакой пользы» *). Но не только у насъ, гдѣ положительно въ волѣ помѣщика состояло дать крестьянину тотъ или другой надѣлъ и даже вовсе не дать, гдѣ помѣщикъ могъ заставить крестьянина работать на себя въ недѣлю по четыре и по пяти дней и наконецъ сколько хочетъ, но даже въ феодальной Европѣ, гдѣ съ самаго начала феодальной системы земли крестьянъ были строго отдѣлены отъ земель князей и рыцарей, такъ что послѣдніе не имѣли права присоединять крестьянскія земли къ своимъ, гдѣ королевская власть уже съ конца XVII столѣтія начала зорко наблюдать за тѣмъ, чтобы рыцари и вообще феодалы не уменьшали крестьянскихъ надѣловъ, не сливали *участковъ* ихъ или отрѣзковъ отъ нихъ съ своими собственными землями, — даже тамъ, говоримъ мы, оставшіеся передъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса крѣпостные надѣлы оказались болѣе или менѣе вчерашними, случайными надѣлами. Что же должно было сказать о нашихъ крѣпостныхъ надѣлахъ? — Поэтому нельзя не признать по меньшей мѣрѣ страннымъ, когда редакціонныя коммиссіи послѣ разныхъ своихъ соображеній пришли къ тому окончательному выводу, что «бывшій крѣпостной надѣлъ не былъ явленіемъ произвольнымъ и лишеннымъ разумнаго основанія, что онъ напротивъ установился самъ собою путемъ самымъ естественнымъ въ силу вѣковыхъ отношеній и взаимныхъ выгодъ того и другого сословія, налагавшихъ на помѣщика и нравственную и матеріальную необходимость обезпечить въ достаточныхъ размѣрахъ бытъ своего крестьянина», и что такимъ образомъ «можно съ совершенною достовѣрностью сказать, что существующій нынѣ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи крестьянскій надѣлъ есть, за немногими исключеніями, лучшее и даже единственное непреложное практическое мѣрило того количества земли, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянъ» **).

Но высказавъ разъ такое рѣшительное убѣжденіе относительно нормальности надѣловъ существующихъ, редакціонныя коммиссіи должны бы были, по крайней мѣрѣ, не дѣлать ни шагу далѣе. Ибо если существующій надѣлъ былъ дѣйствительно, какъ они выражаются, лучшимъ и единственнымъ мѣриломъ того количества земли, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина, то далѣе и идти было некуда. Оставалось только отстоять существовавшее statu quo крестьянскаго крѣпостного поземельнаго устройства и дѣло было бы кончено. Конечно, дѣйствуя на основаніи этого начала, коммиссіи прямо шли бы противъ положительнаго закона, который нормальный крѣпостной надѣлъ опредѣлялъ въ 4 $^1/_2$ десятины, а существовавшіе въ дѣйствительности крѣпостные надѣлы въ большей части мѣстностей были гораздо ниже этой нормы. Несомнѣнно тоже, что отъ обращенія въ собственность крестьянъ тѣхъ самыхъ надѣловъ, которые имѣли они въ крѣпостномъ правѣ, бытъ крестьянъ нисколько не улучшился бы, какъ того требовали высочайшіе рескрипты, но онъ и не ухудшился бы. Мысль, что крѣпостной крестьянской надѣлъ есть наилучшій, оправданный будто-бы опытомъ вѣковъ, на которой построено было бы рѣшеніе самаго существеннѣйшаго и перваго вопроса въ крестьянской реформѣ, вопроса о надѣлѣ, осталась бы тѣмъ же, чѣмъ она и была, т. е. чистою иллюзіею, не имѣющею для себя никакой реальной почвы, ничего соотвѣтствующаго себѣ въ дѣйствительности; но потерявъ реальную почву подъ своими ногами, редакціонныя коммиссіи, если-бы неуклонно держались этой мысли, остались бы себѣ вѣрны и послѣдовательны въ области теоріи, были бы тверды на почвѣ логическихъ построеній. Каждому, кто смѣлъ бы ихъ упрекнуть въ невѣрности ихъ основного начала, они могли бы отвѣчать: «можетъ быть мы и ошибаемся; errare humanum est. Но мы дѣйствуемъ согласно съ принятымъ нами разъ навсегда началомъ, не допуская никакихъ отъ него уклоненій, не внося нигдѣ нашего личнаго произвола».

Къ сожалѣнію, редакціонныя коммиссіи не могли удержаться и на этой чисто логической позиціи.

Исходя изъ той мысли, что съ одной стороны было немало имѣній, въ которыхъ помѣщики по великодушію своему предоставляли крестьянамъ чрезмѣрно большіе земельные надѣлы, и даже такихъ, въ которыхъ помѣщичьихъ хозяйствъ вовсе не существовало и вся принадлежащая помѣщику земля находилась въ безотчетномъ, неограниченномъ владѣніи крестьянъ, а съ другой не было недостатка и въ такихъ помѣщикахъ, «которые заранѣе отобрали всѣ или почти всѣ земли крестьянскаго надѣла, оставивъ крестьянъ или вовсе безъ земли или лишь при самомъ скудномъ ея количествѣ», редакціонныя коммиссіи нашли, что со стороны новаго законоположенія было бы какъ несправедливо поддерживать вопіющую неправду послѣднихъ, такъ и великодушіе первыхъ награждать отнятіемъ ихъ собственности. Потому положили, въ предупрежденіе подобныхъ несправедливостей, установить для крестьянскихъ надѣловъ два предѣла: *высшій и низшій. Высшій* — maximum долженъ показывать, больше чего не можетъ имѣть крестьянинъ, и потому каждый разъ, когда крестьянскій надѣлъ превышаетъ этотъ предѣлъ, весь избытокъ земель противъ него отрѣзывается въ собственность помѣщика. *Низшій* — minimum долженъ показывать, менѣе чего не можетъ имѣть крестьянинъ, и потому въ случаѣ, если бы въ какомъ нибудь имѣньи крестьянинъ владѣлъ землею въ

*) Тамъ же стр. 130.
**) Тамъ же т. II, ч I стр. 32.

количествѣ меньшемъ противъ этого низшаго размѣра, тогда помѣщикъ прирѣзываетъ недостающую землю изъ остальныхъ земель. Низшій надѣлъ составляетъ не болѣе $^1/_3$ высшаго надѣла.

Эти новыя положенія редакціонныхъ коммиссій стояли уже въ полномъ и рѣшительномъ противорѣчіи «съ тѣмъ незыблемымъ, по выраженію министра Ланского, основаніемъ, на которомъ должно было воздвигнуться великое дѣло, т. е. съ обезпеченіемъ крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ уплатѣ всѣхъ своихъ повинностей». Ибо если по словамъ самихъ коммиссій только существующій надѣлъ удовлетворялъ вполнѣ потребностямъ крестьянъ, то очевидно, что измышленный ими наименьшій этого на двѣ трети надѣлъ этимъ потребностямъ удовлетворять не могъ, и слѣдовательно объ улучшеніи крестьянскаго быта — главной задачѣ коммиссій—здѣсь нечего было и думать. Помянутый нами выше членъ губернскихъ комитетовъ Позенъ весьма резонно возражалъ коммиссіямъ, что «если для обезпеченія потребностей крестьянамъ нужна высшая норма — maximum надѣла, то низшая, составляя одну треть высшей, доставитъ крестьянину и обезпеченія только въ одной трети; если-же для обезпеченія достаточна низшая норма, то зачѣмъ обременять крестьянина излишними повинностями за двѣ трети?»*).

Но, главное, новыя положенія коммиссій о высшемъ и низшемъ предѣлахъ совершенно разрушали принятое ими начало о существующихъ надѣлахъ и вносили въ дѣло полный хаосъ и произволъ. Наименьшій предѣлъ, который вводили коммиссіи, никакъ уже нельзя было назвать надѣломъ существующимъ; конечно и вообще существующіе надѣлы были не болѣе, какъ фикція коммиссій, и существовали скорѣе въ фантазіи послѣднихъ, чѣмъ въ дѣйствительности; но такъ называемые существующіе надѣлы, если въ дѣйствительности ихъ никогда и не было, всякій имѣлъ право по крайней мѣрѣ предполагать, потому что они предполагались закономъ. Но тотъ же самый законъ, который предполагалъ извѣстные нормальные надѣлы, этимъ самымъ отвергалъ всякіе другіе надѣлы. Слѣдовательно надѣловъ наименьшаго размѣра нельзя было даже и предполагать; по закону это предположеніе было бы чистое non-sens. Такимъ образомъ надѣлы наименьшаго размѣра были вполнѣ изобрѣтены коммиссіями, были ихъ собственнымъ измышленіемъ, не имѣвшимъ основанія ни въ законѣ, ни въ дѣйствительности. Въ добавокъ къ тому они стояли въ прямомъ противорѣчіи съ основною задачею коммиссій—улучшеніемъ быта крестьянъ. Вводя эти надѣлы, коммиссіи становились на почву чистаго произвола, безспорное дѣло обращали въ спорное и въ своихъ спорахъ теряли всякую точку опоры. Потому что если коммиссіи считали себя въ правѣ, не имѣя никакихъ основаній, по своимъ личнымъ соображеніямъ, вопреки своей задачѣ, предлагать надѣлы наименьшаго размѣра, то съ своей стороны и ихъ противники, депутаты губернскихъ комитетовъ, имѣли равное право также безъ всякихъ основаній, по своимъ соображеніямъ, предлагать и уничтоженіе наибольшихъ надѣловъ, и обезземеленіе крестьянъ, и все, что угодно. Такъ оно дѣйствительно и было.

Повидимому, и въ этомъ случаѣ позиціи были равны, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ весь перевѣсъ переходилъ на сторону противниковъ коммиссій. Коммиссіи могли быть сильны единственно точнымъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ и развитіемъ тѣхъ общихъ началъ, которыя указывались высочайшею волею, закономъ, прямымъ смысломъ ихъ задачи. Въ этой позиціи они были неприступны, потому что все, что прямо вытекало изъ означенныхъ началъ, было по существу своему безспорно и изъ всѣхъ споровъ и пререканій могло выходить не иначе, какъ неизмѣннымъ. Но разъ коммиссіи оставляли эту позицію, онѣ вступали въ совершенно для нихъ темную область,—область практическихъ отношеній, въ которой могли идти только ощупью. Онѣ не знали ни тѣхъ мѣстностей, о которыхъ шла рѣчь, ни условій этихъ мѣстностей, ни отношеній, въ нихъ существующихъ. Правда, у нихъ въ рукахъ были данныя по тѣмъ предметамъ, по которымъ ихъ можно было собрать,—но по собственному, непрестанно повторяемому признанію самихъ коммиссій эти данныя были такого рода, что на нихъ ни въ какомъ случаѣ невозможно было положиться съ полною увѣренностью. Коммиссіи были поставлены въ необходимость повѣрять свои данныя показаніями своихъ же противниковъ. Послѣдніе дѣйствительно вполнѣ владѣли ключомъ этихъ данныхъ. Они видѣли не только ихъ внѣшнія формулы, но понимали до тонкости весь внутренній смыслъ ихъ, всю скрытую подъ ними подкладку. Потому что они были представителями тѣхъ мѣстностей, о которыхъ шла рѣчь, они знали эти мѣстности вдоль и поперекъ; они сами на мѣстахъ участвовали въ выработкѣ тѣхъ формулъ, противорѣчіе которыхъ пугало и затемняло дѣло. Но разъяснять эти данныя въ ихъ истинномъ свѣтѣ было, конечно, не въ интересѣ противниковъ коммиссій. Если цѣль коммиссій состояла въ томъ, чтобы провести по возможности чистыми, безъ излишнихъ компромиссовъ, указанныя имъ общія начала, то цѣль противниковъ коммиссій состояла, напротивъ, въ томъ, чтобъ провести свой личный интересъ или вовсе нетронутымъ или наивозможно менѣе тронутымъ при соглашеніи съ этими началами. Натурально, что противники коммиссій могли разъяснять данныя только въ томъ направленіи, которое содѣйствовало ихъ личному интересу. И надобно было видѣть, какіе каждый разъ представали предъ

*) Тамъ же стр. 167.

комиссіями бойцы, когда тотъ или другой частный вопросъ, уклоняясь отъ общихъ началъ, становился въ зависимость отъ соображеній практическаго характера! Кто думаетъ, что Россія бѣдна ораторами или политиками, что она неспособна поставить контингентъ такихъ, напримѣръ, львовъ, какихъ представляетъ современное версальское собраніе, сильно ошибается. Для разсѣянія предубѣжденія мы рекомендуемъ ему читать труды редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому вопросу. Эти труды, содержащіе богатый матерьялъ о ходѣ крестьянскаго дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ собою несокрушимый памятникъ благородныхъ предначертаній и краснорѣчія россійскаго дворянства на пользу общую.

Не нужно особенной проницательности, чтобы понять, что редакціонныя коммиссіи не могли случайно выйдти изъ той неприступной позиціи, въ которую онѣ были поставлены. Если онѣ сдѣлали это, если онѣ поставили себя въ положеніе, болѣе выгодное для ихъ противниковъ, чѣмъ для нихъ самихъ, то очевидно, что была какая-нибудь причина, которая заставила ихъ такъ дѣйствовать,—и этой причины должны мы здѣсь доискаться.

Прежде, однакожъ, чѣмъ приступимъ къ этому изслѣдованію, мы считаемъ нужнымъ, для устраненія всякихъ недоразумѣній, сдѣлать одну необходимую оговорку. Разсматривая труды коммиссій, находя работы ихъ во многихъ случаяхъ неудовлетворительными, мы всего менѣе склонны искать причинъ этой неудовлетворительности въ побужденіяхъ какого-нибудь неблаговиднаго свойства. Напротивъ, по нашему искреннему убѣжденію, которое мы и считаемъ долгомъ здѣсь заявить,—всякій, кто будетъ внимательно изучать труды коммиссій, не можетъ не убѣдиться въ томъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, что члены редакціонныхъ коммиссій были люди умные, честные, одушевленные самою искреннею любовію къ народу, старавшіеся изъ всѣхъ силъ о томъ, чтобы вопросъ о надѣлѣ разрѣшить къ общему удовольствію. Но люди эти, занятые почти исключительно настоящей минутой, не довольно внимательно заглядывали въ будущее, въ тѣ многоразличныя отношенія экономическія, моральныя, соціальныя, которыя должны будутъ сложиться изъ того или другого способа надѣла; далѣе, обращая самое заботливое вниманіе на то, чтобы крестьянская реформа, при своемъ введеніи въ жизнь, прошла спокойно, не возбуждая ропота и неудовольствія, тѣмъ болѣе безпокойствъ и потрясеній,—они, какъ люди болѣе теоріи, чѣмъ практики, мало давали цѣны тому хроническому мелкому ропоту и неудовольствію, которыя могли породиться неправильнымъ устройствомъ отношеній и которыя, при видимомъ общемъ спокойствіи, могутъ отравлять повседневную жизнь не только самихъ ропщущихъ и недовольныхъ, но и тѣхъ, которые имѣютъ всѣ причины матеріально быть довольными и не роптать, но которые поставлены въ необходимость жить среди ропщущихъ и недовольныхъ. Наконецъ, самое главное, въ нихъ недоставало той рѣшительности и твердости, которыя однѣ способны принятый разъ принципъ проводить безбоязненно, несмотря ни на какія препятствія, не уклоняясь отъ намѣченной этимъ принципомъ прямой линіи ни направо, ни налѣво. Послѣдняя добродѣтель при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса каждому изъ членовъ коммиссій была нужнѣе, чѣмъ всѣ другія достоинства, вмѣстѣ взятыя. Потому что самая задача коммиссій по существу своему была двойная и въ своемъ развитіи подавала непрестанные поводы къ уклоненію отъ прямой линіи. То незыблемое основаніе,—мы снова повторимъ слова министра Ланского,—на которомъ должно было воздвигнуться великое дѣло, должно было состоять въ обезпеченіи, съ одной стороны, помѣщикамъ поземельной ихъ собственности, съ другой крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ уплатѣ всѣхъ своихъ повинностей. При обезпеченіи собственности помѣщикамъ надобно было имѣть въ виду не только то, чтобы земли помѣщиковъ не отошли къ крестьянамъ задаромъ, не за подлежащую цѣну, но и, какъ выяснено было потомъ, чтобы при устройствѣ крестьянскихъ хозяйствъ было обращено вниманіе на возможное охраненіе большихъ помѣщичьихъ хозяйствъ. Во исполненіе послѣдняго требованія коммиссіи приняли за непреложное для себя правило, при надѣленіи крестьянъ землею, изъ земель помѣщика не менѣе трети этихъ земель оставлять въ собственности помѣщика,—и сдѣлали это весьма резонно, потому что этимъ въ точности исполнялась высочайшая воля объ охраненіи большихъ хозяйствъ. Но само собою разумѣется, что высочайшая воля требовала охраненія тѣхъ большихъ хозяйствъ, которыя могли быть охранены на законномъ основаніи. Понимать эту волю иначе, было бы противно не только простому здравому смыслу, но и самому достоинству верховной власти. Циркуляръ министра Панина, наложившій немедленно по возникновеніи мысли о крестьянской реформѣ запрещеніе на продажу всѣхъ тѣхъ помѣщичьихъ имѣній, въ которыхъ земли было не болѣе узаконеннаго количества, т.-е. $4^1/_2$ десятины на ревизскую душу, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что таковъ именно былъ смыслъ высочайшей воли относительно охраненія большихъ хозяйствъ. Очевидно, что помѣщикъ, у котораго земли было не болѣе, какъ по $4^1/_2$ десятины на ревизскую душу, не могъ имѣть права удержать въ своей собственности ни одной десятины изъ этихъ земель; потому что по ясному смыслу закона земли эти, какъ бывшія въ пользованіи крестьянъ, должны были отойдти въ ихъ собственность, за опредѣленный, конечно, выкупъ. Тутъ со стороны коммиссіи не требовалось никакого охраненія для земель помѣщика. Но возможны были другіе случаи, гдѣ помѣщикъ могъ нуждаться въ такомъ

охраненіи. Положимъ, онъ имѣлъ бы земель не по $4^1/_2$ дес., а по 7 десятинъ на душу. Коммиссіи, имѣя въ виду высочайшую волю о наилучшемъ устройствѣ быта крестьянъ, могли постановить такую высокую норму для крестьянскихъ надѣловъ, что у помѣщика, несмотря на избытокъ земель противъ крестьянской крѣпостной нормы, при новыхъ надѣлахъ земли или вовсе не осталось бы, или осталось бы только ничтожное количество. Такія только или подобныя имъ имѣнія, которыя можно было охранять на законномъ основаніи и могло имѣть въ виду помянутое требованіе высочайшей воли. Еслибы это требованіе коммиссіи поняли въ такомъ именно смыслѣ, то имъ никогда бы не нужно изобрѣтать минимума надѣла. Минимумъ надѣла представлялъ бы собой крѣпостной поземельный надѣлъ въ $4^1/_2$ десятины. Еслибы у помѣщика такого количества земли не было, то коммиссіямъ оставалось бы, надѣливъ узаконеннымъ количествомъ земли тѣхъ, кого можно было надѣлить, остальныя затѣмъ души перевести на казенныя земли. Такимъ образомъ, коммиссіи имѣли полное право принять за непреложное для себя правило оставлять помѣщику треть его земель, но съ таковымъ ограниченіемъ, что правило это исполняется только на законномъ основаніи, т.-е. когда сохраненіе трети земель помѣщику не влечетъ за собою пониженія крестьянскихъ надѣловъ ниже узаконенной крѣпостной нормы надѣла, т.-е. въ $4^1/_2$ десятины на ревизскую душу.

Но коммиссіи захотѣли быть plus royalistes, que le roi. Онѣ рѣшились сохранить каждому помѣщику не менѣе трети его земель, не обращая вниманія на то, на сколько соразмѣрна численность живущаго на этихъ земляхъ крѣпостного народонаселенія съ количествомъ земель, и сохранена ли здѣсь не только полная крѣпостная норма, т.-е. $4^1/_2$ десятины земли на душу, но даже двѣ трети или половина этой нормы и т. д. При подобномъ пріемѣ коммиссіи, натурально, не могли обойдтись безъ того, чтобы не прибѣгнуть къ измышленію такого размѣра надѣла, который никогда не существовалъ и даже не могъ существовать, потому что ни для какого хозяйства не былъ годенъ. Предположимъ, помѣщикъ имѣлъ 100 душъ крестьянъ и 300 десятинъ земли. Такъ какъ здѣсь до законной крѣпостной нормы надѣла по $4^1/_2$ десятины на душу не доставало еще 150 десятинъ, то изъ этой земли по закону не только не слѣдовало давать ни одного вершка помѣщику, но и изъ крестьянскаго населенія, имѣя въ виду, согласно высочайшей волѣ, прочное устройство его хозяйства, можно было дать надѣлъ не болѣе, какъ только двумъ третямъ крестьянъ, остальную треть слѣдовало перевести на государственныя земли и надѣлить ихъ тамъ. Коммиссіи же вмѣсто этого поставили дѣло такимъ образомъ: изъ 300 десятинъ земли онѣ одну треть, т.-е. 100 десятинъ отдавали помѣщику; затѣмъ остающіяся 200 десятинъ дѣлили на все наличное число крестьянскихъ душъ, но не по ровну, а соображаясь съ тѣмъ, какой существующій надѣлъ изысканъ былъ ими въ той мѣстности, гдѣ лежало имѣніе. Если этотъ существующій надѣлъ оказывался въ 3 десятины, то 3 десят. признавались maximum'омъ надѣла для данной мѣстности, а minimum по положенію составляла 1 десятина. Такъ какъ изъ 200 десятинъ нельзя было дать всѣмъ 100 человѣкамъ высшій надѣлъ, то земля дѣлилась такимъ образомъ, что 50 человѣкъ получали надѣлъ высшій, а 50 надѣлъ низшій. Что при такомъ способѣ надѣла цѣль надѣла совершенно извращалась, т.-е. надѣлъ былъ соображаемъ не съ потребностями крестьянскаго хозяйства, а съ наличнымъ количествомъ земель, имѣющихся у помѣщика, и потому главная и новая задача коммиссій, или, какъ выражался министръ Ланской, то незыблемое основаніе, на которомъ должно было воздвигнуться великое дѣло, т.-е. улучшеніе быта крестьянъ, совершенно терялось изъ виду; это очевидно само собою. Зло еще не было бы, конечно, очень велико, если бы надѣлы minimum'ы встрѣчались только какъ исключенія, въ немногихъ малоземельныхъ имѣніяхъ и въ общей суммѣ надѣловъ представляли собою какія-нибудь сотни. Къ сожалѣнію, вышло совсѣмъ не такъ. Принятое коммиссіями правило оставлять помѣщику въ собственность треть его земель, независимо отъ того, сохранилъ ли онъ узаконенную крѣпостную норму надѣла въ $4^1/_2$ дес. на душу живущаго на его земляхъ населенія или нѣтъ, неизбѣжно должно было повліять повсюду на величину надѣловъ maximum'овъ, и понизивъ послѣдніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужить къ распространенію minimum'овъ.

Мы уже сказали выше, что существующій надѣлъ былъ, вообще, скорѣе величиною фиктивною, чѣмъ дѣйствительною. Чтобы разыскать его, надобно было, очевидно, принять во вниманіе большинство сходныхъ надѣловъ въ той или другой мѣстности и представляющій это большинство надѣлъ признать за надѣлъ существующій, т.-е. за наивысшій надѣлъ maximum. Но большинство имѣній во всѣхъ губерніяхъ составляли имѣнія малолюдныя, съ небольшимъ числомъ крѣпостныхъ и, слѣдовательно, малоземельныя. Такъ имѣнія отъ 21 д. до 100 душъ имѣли

Въ губ.	Воронежск.	2066	ном. при общ. числѣ всѣхъ ном.		2475
»	Курской	4668	»	»	5363
»	Орловской	2655	»	»	3732
»	Пензенской	1242	»	»	1269
»	Рязанской	3991	»	»	5134
»	Смоленской	4370	»	»	5208
»	Тамбовской	2350	»	»	3164
»	Тульской	2623	»	»	3860
»	Херсонской	2269	»	»	2591
»	Черниговск.	3792	»	»	4238

т.-е. въ общемъ числѣ помѣщиковъ въ каждой губерніи многодушные, многоземельные помѣщики составляли не болѣе $^1/_3$, а въ нѣкоторыхъ гу-

берніяхъ, какъ наприм. въ Курской, Смоленской, число ихъ понижалось чуть не до $^1/_8$. Такимъ образомъ существующій надѣлъ вездѣ долженъ былъ обусловливаться имѣніями малоземельными, въ которыхъ притомъ количество земли часто было, быть можетъ, вдвое и даже втрое меньше указанной въ законѣ крѣпостной нормы надѣла на каждую ревизскую душу. Само собою разумѣется, что въ такихъ имѣніяхъ крестьянскій надѣлъ былъ очень незначителенъ. Хотя коммиссіи и говорятъ, что «онѣ опредѣляли высшіе предѣлы крестьянскихъ надѣловъ въ черноземныхъ мѣстностяхъ (или, что то же, существующіе надѣлы), по особымъ условіямъ каждаго изъ нихъ и по общему количеству всѣхъ земель въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, имѣя при этомъ въ рукахъ разработанныя свѣдѣнія только объ имѣніяхъ свыше 100 душъ», однако «для убѣжденія въ правильности своихъ соображеній признали необходимымъ сравнить принятыя цифры наибольшихъ размѣровъ со свѣдѣніями о дѣйствительныхъ крестьянскихъ надѣлахъ, въ виду правила, чтобъ отрѣзываніе излишнихъ земель (отъ крестьянъ) всегда составляло характеръ исключенія и ни въ какомъ случаѣ не обращалось бы въ правило» *). Что сравненіе это было болѣе чѣмъ простое сравненіе, что напротивъ свои соображенія о надѣлахъ, составленныя на основаніи общаго количества земель въ помѣщичьихъ имѣньяхъ и разработанныхъ свѣдѣній по имѣніямъ съ населеніемъ свыше 100 душъ, коммиссіи исправили согласно надѣламъ существующимъ, въ этомъ читатель легко убѣдится, сличивъ слѣдующую представляемую нами для примѣра таблицу о надѣлахъ губерніи *Курской* и нѣкоторыхъ черноземныхъ уѣздовъ губерніи *Вятской*.

Губернія Курская черноземная вся. Уѣзды:	Земли на душу по описаніямъ помѣщичьихъ имѣній. Всей вообще.	Въ пользован. крестьянъ.	Высшій надѣлъ на душу.
Бѣлгородскій	9,35	2.68	3
Грайворонскій	3,66	2,22	$2^3/_4$
Дмитріевскій	6,09	3,20	$3^1/_2$
Корочевскій	4,69	2,15	$2^3/_4$
Курскій	7,63	2.57	3
Льговскій а) въ южной части	6.36	2.52	$2^3/_4$
» b) въ сѣверной части.	6,36	2,52	3
Новооскольскій	5,02	2,56	3
Обоянскій	6,34	2,66	3
Путивльскій	5,39	2,30	$2^3/_4$
Рыльскій а) въ южной части.	6,31	2,62	$2^3/_4$
» b) въ сѣверной части.	6,31	2,62	3
Старооскольскій	5,70	2,51	3
Суджанскій	5,76	2,34	3
Тимскій	9,61	3,06	$3^1/_4$
Щигровскій	7,58	2,94	3
Фатежскій	7,78	2,67	3
Черноземные уѣзды Вятской губ.			
Елабужскій	19,21	2,81	5
Малмыжскій	21,59	3,83	5
Сарапульскій	8,64	2,67	$4^1/_2$

Если читатель нѣсколько всмотрится въ эту таблицу, то увидитъ, что величина надѣловъ соразмѣряется здѣсь не съ количествомъ всей земли, приходящейся въ томъ или другомъ уѣздѣ на душу, а съ количествомъ земли, находящейся или, правильнѣе сказать, показанной въ дѣйствительномъ пользованіи, такъ что въ Бѣлгородскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, въ которомъ приходится $9^3/_4$ десятинъ на душу, надѣлъ полагается въ 3 десятины на душу, а въ Дмитріевскомъ въ $3^1/_2$, хотя всей земли на душу въ послѣднемъ почти только 6 десятинъ. Ту же самую несообразность между величиною надѣла и общимъ количествомъ земель на душу не трудно примѣтить и въ уѣздахъ Фатежскомъ, Суджанскомъ, Новооскольскомъ и т. д. Если сличить надѣлы уѣздовъ по обѣимъ губерніямъ, то несообразностей окажется еще болѣе. Если въ Дмитріевскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, при общемъ количествѣ земли на душу въ 6,09 десятинъ, данъ надѣлъ въ $3^1/_2$ десятины, то въ Елабужскомъ и Малмыжскомъ уѣздахъ Вятской губерніи, при общемъ количествѣ земли на душу въ первомъ 19,21 десят., во второмъ 21,59 десят., могъ бы быть данъ надѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ $10^1/_2$ десятинъ. Отчего онъ ограниченъ только 5-тью? — Ясно, что надѣлы повсюду соображались не столько съ общимъ количествомъ земель на душу въ той или другой мѣстности, сколько, — а большею частію едва ли даже не исключительно, — съ дѣйствительнымъ надѣломъ мелкихъ имѣній, т.-е., говоря иначе, мелкія имѣнія, сильно обезземеленныя противъ узаконенной крѣпостной нормы, вездѣ понизили размѣръ существующаго или, что то же, наибольшаго надѣла. Послѣдствіемъ этого было то, что многіе изъ лучшихъ крестьянскихъ надѣловъ, бывшихъ при крѣпостномъ порядкѣ, оказались не подходящими подъ новый наибольшій надѣлъ и подвергались обрѣзкѣ. Въ черноземныхъ уѣздахъ различныхъ губерній изъ общаго числа помѣщичьихъ имѣній, по свидѣтельству самихъ коммиссій, подверглось такой обрѣзкѣ 25%; причемъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ процентъ стоитъ еще выше этого. Такой процентъ мы находимъ очень значительнымъ, но коммиссіи не находятъ его значительнымъ, однакожъ дѣлаютъ при этомъ слѣдующее характеристическое примѣчаніе: «свѣдѣнія о дѣйствительныхъ крестьянскихъ надѣлахъ разработаны только по имѣніямъ съ населеніемъ болѣе 100 душъ, потому, еслибы представилась возможность сравнить число душъ крестьянъ, которые могутъ подвергнуться отрѣзкѣ земель, то отношеніе это было бы менѣе благопріятно, и потому редакціонныя коммиссіи выразили опасеніе, что *принятые ими размѣры наибольшихъ размѣровъ*

*) Крестьянское дѣло. Т. II, Ч. II, стр. 1054.

малы и ни въ какомъ случаѣ дальнѣйшему пониженію подлежать не могутъ» *).

Что касается до нечерноземныхъ уѣздовъ разныхъ губерній, то они подвергались обрѣзкѣ при новыхъ надѣлахъ еще въ сильнѣйшей степени. «Изъ сравненія проектированныхъ наибольшихъ размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ для нечерноземныхъ губерній,—говорятъ редакціонныя коммиссіи,—сдѣлалось ясно, что число имѣній, въ которыхъ находятся излишнія земли, значительнѣе, чѣмъ въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ. Весьма немного уѣздовъ, въ которыхъ число это оказалось менѣе $^1/_5$ части; большинство же уѣздовъ колеблется между $^1/_4$ и $^1/_3$. Нельзя также сказать, чтобы незначительная часть уѣздовъ превышала это отношеніе, которое въ нѣкоторыхъ уѣздахъ доходитъ до $^1/_2$ и даже болѣе. Но редакціонныя коммиссіи, — продолжаютъ онѣ же сами,—несмотря на это, не рѣшились идти далѣе въ возвышеніи наибольшаго размѣра *въ видахъ огражденія помѣщиковъ*, и имѣя въ виду, что во многихъ даже многоземельныхъ оброчныхъ имѣніяхъ вся земля показана въ пользованіи крестьянъ, хотя часть ея вовсе не имѣетъ никакого хозяйственнаго употребленія. Поэтому,—заключаютъ коммиссіи,—такія показанія о количествѣ крестьянскихъ угодій нельзя считать за дѣйствительные крестьянскіе надѣлы, и въ подобныхъ случаяхъ будетъ не отрѣзка земли отъ крестьянъ, а разграниченіе крестьянскихъ угодій отъ господскихъ» **).

Въ *степной* полосѣ хозяйство производится по особой системѣ, такъ называемой залежной. Одна и та же земля засѣвается обыкновенно по нѣсколько лѣтъ сряду въ лучшихъ мѣстностяхъ,—несолонцеватыхъ, отъ 3-хъ до 5-ти лѣтъ—самое большее,—и потомъ отдыхаетъ, служа для пастбища, никакъ не менѣе 10-ти лѣтъ; въ худшихъ мѣстностяхъ съ солонцеватыми почвами земля обработывается сряду отъ 2-хъ до 3-хъ, и самое большее четырехъ лѣтъ, и потомъ отдыхаетъ не менѣе 15-ти лѣтъ. Безъ такого продолжительнаго отдыха земли солонцеватыя не могутъ давать ничего, а земли песчаныя превратятся просто въ сыпучіе пески. Во время крѣпостного права, когда у крестьянъ обработываемая земля приходила къ выпашкѣ, помѣщикъ, обыкновенно, отводилъ имъ новыя земли, оставляя старыя на отдыхъ. Земель здѣсь вообще было больше, чѣмъ въ мѣстностяхъ черноземной и нечерноземной, а потому по мѣстамъ крестьяне пахали, сколько позволяли имъ силы. Различіемъ этихъ силъ и опредѣлялась величина крестьянскихъ посѣвовъ, такъ что здѣсь, собственно говоря, никакихъ надѣловъ не было. Здѣсь коммиссіямъ предстояло опредѣлить размѣръ надѣла самимъ, по собственному усмотрѣнію. Такъ какъ у коммиссій не было никакихъ свѣдѣній о томъ, сколько именно земли нужно здѣсь для крестьянскаго хозяйства, и какъ должна долго отдыхать земля въ разныхъ мѣстностяхъ, то, казалось бы, не было ничего проще, какъ добыть эти свѣдѣнія посредствомъ спроса самихъ крестьянъ. Но редакціонныя коммиссіи предпочли, относительно надѣловъ въ степныхъ мѣстностяхъ, идти путемъ совершенно теоретическимъ, именно слѣдующимъ.

Имѣя въ виду, что въ мѣстностяхъ правильнаго трехпольнаго хозяйства наибольшій размѣръ надѣла состоитъ изъ 2-хъ хозяйственныхъ десятинъ въ полѣ, слѣдовательно, въ двухъ поляхъ ежегодно занимается посѣвами хлѣбовъ 4 хозяйственныхъ или, что то же, $5^1/_2$ указанныхъ десятинъ, редакціонныя коммиссіи пришли къ тому заключенію, что, увеличивъ это количество до 6-ти десятинъ, можно въ степной полосѣ, по общему здѣсь многоземелью, признать этотъ надѣлъ за обыкновенный, не допуская при немъ, какъ въ другихъ полосахъ, никакого минимума. Но, установляя такой надѣлъ, редакціонныя коммиссіи сами же сознавались, что «онѣ не отвергаютъ, чтобы тутъ *не было поступки въ невыгоду крестьянъ*, хотя, безъ сомнѣнія (!?), незначительной» ***). Но этотъ найденный обыкновенный размѣръ надобно было, кромѣ того, приспособить къ условіямъ залежнаго хозяйства, требующаго болѣе или менѣе долголѣтняго отдыха почвы. Такъ какъ, по вышеприведеннымъ даннымъ, почва въ однѣхъ мѣстностяхъ требовала отдыха не менѣе 10-ти лѣтъ, въ другихъ не менѣе 15-ти лѣтъ, то было очевидно, что, принимая надѣлъ на душу въ 6 десятинъ, нельзя было въ первыхъ мѣстностяхъ дать земли на каждую душу менѣе двухъ надѣловъ, т. е. 12 десятинъ на душу, а во вторыхъ менѣе трехъ, т. е. менѣе 18-ти десятинъ на душу. Но коммиссіи нашли такой надѣлъ *стѣснительнымъ для помѣщиковъ*. Потому, исходя изъ той мысли, что приведенныя выше данныя о необходимыхъ срокахъ отдыха для земель взяты съ земель оброкосодержателей, которые обыкновенно снимаютъ пустопорожнія земли, лишенныя толоки скотомъ, кромѣ того, платя дорогія цѣны за вольнонаемныя работы, они должны разсчитывать на хорошіе урожаи, чтобы не понести убытковъ, коммиссіи нашли, что у крестьянъ въ обоихъ этихъ случаяхъ обстановка гораздо выгоднѣе, потому земля у нихъ подъ посѣвомъ можетъ оставаться не болѣе 3-хъ лѣтъ, а слѣдовательно, и срокъ ея отдохновенія можно сократить отъ 9-ти до 5-ти лѣтъ, смотря по качеству почвы. На основаніи всего этого коммиссіи раздѣлили степную полосу на 3 разряда, установивъ для *перваго* разряда надѣлъ

*) Тамъ же.
**) Тамъ же, стр. 1,071.
***) Крестьянское дѣло. Скребицкаго. Т. II-й, стр. 1,057.

на душу въ 6½ десятинъ, для *второго* въ 8½ десятинъ, для *третьяго* въ 10½ десятинъ. Такъ какъ въ первомъ разрядѣ всѣхъ помѣщичьихъ земель считалось отъ 20 до 36 десятинъ на душу, во второмъ отъ 27 до 36, въ третьемъ 36 десятинъ, то очевидно, что во всѣхъ трехъ разрядахъ въ собственность крестьянъ поступило менѣе трети общаго количества всѣхъ земель, хотя по положенію коммиссій, постановленному особо для степной полосы, онѣ не обязывались оставлять во владѣніи помѣщиковъ болѣе половины общаго количества земли. Слѣдовательно мелкопомѣстныя имѣнія и въ степной полосѣ оказали свое дѣйствіе на пониженіе размѣра крестьянскаго надѣла. По всей вѣроятности, соображаясь съ территоріями этихъ имѣній, редакціонныя коммиссіи дѣлали свои совершенно уже произвольныя постановленія и о количествѣ земли, которая требуется здѣсь для крестьянскаго хозяйства, и о срокахъ, необходимыхъ для отдыха земли въ разныхъ мѣстностяхъ.

Относительно надѣловъ минимумовъ мы уже сказали выше, что они даже своимъ происхожденіемъ обязаны мелкимъ имѣніямъ, оказавшимся малоземельными противу узаконенной крѣпостной нормы надѣла. Не будь послѣднихъ, не было бы никакихъ надѣловъ минимумовъ. Но эти имѣнія, кромѣ того, повліяли на самую величину надѣловъ минимумовъ, уменьшивъ ихъ и посредственно чрезъ пониженіе размѣра наибольшихъ надѣловъ, и непосредственно чрезъ пониженіе первоначально принятой коммиссіями величины минимумовъ. Редакціонныя коммиссіи, дѣлая соображенія о надѣлахъ по свѣдѣніямъ, разработаннымъ только объ имѣніяхъ свыше 100 душъ, первоначальный размѣръ надѣловъ минимумовъ положили въ ⅔ наибольшаго надѣла. Но когда оказалось, что въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ надѣлы менѣе щедры, чѣмъ въ большихъ, то, говорятъ коммиссіи, признано было «для строгаго соблюденія правила объ исключительности прирѣза земли еще понизить наименьшій размѣръ, принявъ его въ ⅓ противъ высшаго предѣла крестьянскихъ надѣловъ» *). Но дѣло и этимъ не ограничилось. Въ числѣ имѣній, которыя на общепринятомъ языкѣ называются мелкопомѣстными, есть немало имѣній *оффиціально* такъ-называемыхъ мелкопомѣстныхъ, каковыми по закону признаются всѣ помѣстья, имѣющія менѣе 21 д. Эти имѣнія были такъ обезземелены, что не въ состояніи были выдѣлить и того ничтожнаго минимума, который былъ установленъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, оказалось 40,785 помѣщиковъ, имѣющихъ менѣе, чѣмъ по 21 ревизской душѣ. Въ общей сложности всѣ эти помѣщики владѣли 325,627 душами, изъ которыхъ 137,244 было вовсе безземельныхъ и неимѣющихъ усадебной осѣдлости. Но и затѣмъ владѣльцы все-таки далеко не имѣли узаконенной крѣпостной нормы надѣла. Коммиссіи поставлены были въ недоумѣніе: что имъ тутъ дѣлать? По принятому ими принципу, онѣ должны были бы и здѣсь оставить помѣщику треть земель; но имѣнія были такъ ничтожны, что изъ трети земель у помѣщика не могло образоваться никакого хозяйства. Къ тому же, при надѣлѣ всѣхъ крестьянъ даже минимумомъ надѣла, у помѣщиковъ многихъ изъ этихъ имѣній не осталось бы не только трети, но и ни клочка земли. Лучшее, что можно бы было сдѣлать—это переселить крестьянъ на казенныя земли, оставивъ помѣщикамъ всю имѣвшуюся въ ихъ рукахъ землю. Но коммиссіи нашли, что «постановить правиломъ, что крестьянинъ долженъ оставить и родину и кровъ свой, потому только, что у владѣльца все имущество не превышаетъ 21 души, было бы высшею несправедливостію въ отношеніи къ первымъ; а въ отношеніи къ вторымъ—насильственное удаленіе изъ мѣстъ малонаселенныхъ будущихъ съемщиковъ земли лишило бы ихъ надежды на вѣроятное возвышеніе цѣнъ на нее» **). Такимъ образомъ, при невозможности развязать представлявшійся гордіевъ узелъ путемъ принятыхъ принциповъ, оставалось разрубить его помимо послѣднихъ. Такъ и сдѣлали коммиссіи. Онѣ освободили мелкомѣстныхъ владѣльцевъ: 1) отъ обязанности надѣлять землями всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые не были надѣлены ею въ крѣпостномъ правѣ, причисливъ послѣднихъ къ имѣніямъ въ качествѣ дворовыхъ, но съ правомъ, впрочемъ по истеченіи двухъ лѣтъ, требовать, если пожелаютъ, надѣла на государственныхъ земляхъ съ пособіемъ отъ казны на первоначальное обзаведеніе и устройство и съ разными льготами, предоставляемыми переселенцамъ; 2) отъ обязанности прирѣзывать къ существующему въ ихъ имѣніяхъ крестьянскому надѣлу, каковъ бы онъ ни былъ въ сравненіи съ назначеннымъ для той мѣстности minimum'омъ надѣла, недостающее до этого minimum'а количество земли. Даже еслибы во всемъ имѣніи крестьяне кромѣ усадьбы и усадебной земли никакой другой земли не имѣли, они должны были довольствоваться этою землею. Правда, имъ предоставлялось право, какъ и бывшимъ безземельнымъ, на общемъ основаніи съ послѣдними требовать надѣла на земляхъ государственныхъ, но въ томъ только случаѣ, «*буде владѣлецъ изъявитъ* на это согласіе» ***). Но была ли владѣльцу какая нибудь выгода давать такое согласіе? Мы думаемъ, никакой. Хотя усадебная земля крестьянъ по пересе-

*) Тамъ же, стр. 1,073.

**) Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій. *Третій періодъ*. Ч. IX. Докладъ хозяйственнаго отдѣленія № 22 о мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, стр. 32.

***) См. тамъ же ч. XVIII, стр. 839—846.

леніи ихъ на государственныя земли поступала въ собственность помѣщика, но усадебныя земли оцѣнены вообще такою высокою цѣною, которой помѣщикъ не могъ получить никогда при свободной продажѣ своей земли, слѣдовательно, ему всегда выгоднѣе было получить за нее выкупныя деньги, тѣмъ болѣе, что крестьяне, сидящіе на его землѣ съ одною усадебною осѣдлостію, представляли собою тѣхъ именно желанныхъ съемщиковъ земли, способныхъ возвысить цѣны на нее, о которыхъ говорятъ коммиссіи въ приведенномъ нами мѣстѣ и лишаться которыхъ никоимъ образомъ было бы неблагоразумно.

Такихъ, впрочемъ, желанныхъ съемщиковъ земли для возвышенія цѣнности помѣщичьихъ имѣній представляли собой и всѣ крестьяне, получившіе minimum'ы надѣловъ. Эти minimum'ы повсюду были ничтожны.

Въ 121 уѣздѣ черноземной полосы наименьшій надѣлъ, начинаясь отъ 0,92 десятины, не восходилъ выше 1,8 десятины. Изъ 212 уѣздовъ нечерноземной полосы онъ въ 147 уѣздахъ, начинаясь отъ 1,1 десятины, не поднимался выше 1,9 десятины; только въ остальныхъ заключалъ въ себѣ по мѣстамъ около двухъ десятинъ, большею частію по двѣ десятины, а иногда доходилъ до 2,7 десятины. Какъ велико число душъ, получившихъ minimum надѣла въ черноземной и нечерноземной полосахъ Россіи, неизвѣстно,— но надобно полагать, что оно было очень значительно, ибо малоземельныя имѣнія, какъ мы видѣли, вездѣ преобладали, составляя въ разныхъ губерніяхъ отъ $^2/_3$ до $^7/_8$ общаго числа имѣній. Что ни на одной десятинѣ въ черноземной полосѣ, ни на двухъ въ нечерноземной ничего похожаго на дѣйствительное хозяйство составить нельзя,—это понятно само собою. Поэтому проэктъ коммиссій о наименьшихъ надѣлахъ встрѣтилъ возраженіе даже въ тѣхъ изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, которые, отстаивая выгоды дворянъ, не желали однакожъ окончательно руинировать и крестьянъ. Одни изъ этихъ членовъ требовали установленія одного только наибольшаго однообразнаго надѣла для всѣхъ крестьянъ. Другіе настаивали, по крайней мѣрѣ, на увеличеніи минимума до $^3/_4$ наибольшаго надѣла. Замѣчательны въ этомъ случаѣ слова Кошелева *(рязанскаго)*, замѣчательны потому, что, стоя вполнѣ на сторонѣ дворянскихъ интересовъ, онъ однакожъ находилъ несправедливымъ отнимать земли у крестьянъ и награждать ими тѣхъ помѣщиковъ, которые противузаконно обезземелили свои имѣнія. Требуя наименьшаго надѣла въ $^3/_4$ наибольшаго, *Кошелевъ* утверждалъ, что только такой minimum (составляющій въ сѣверной части Рязанской губерніи — двѣ, а въ южной $1^3/_4$ на душу) будетъ соотвѣтствовать требованіямъ рескрипта и доставитъ крестьянамъ надѣлъ не недостаточный. Опровергая низкій minimum, установленный коммиссіями, онъ говоритъ: «будетъ, конечно, много случаевъ, въ которыхъ, по малоземелью, крестьяне останутся при скудномъ надѣлѣ, но умножать число таковыхъ произвольно, награждать помѣщиковъ, лишившихъ своихъ крестьянъ вовсе земли, и, вмѣсто отмѣны вопіющей несправедливости, освящать ее, это я считаю дѣломъ невозможнымъ. Уваженіе къ совершившемуся факту должно имѣть свои границы,— и когда явно нарушены требованія справедливости, то законъ долженъ отмѣнить неправду и возвратить крестьянамъ имъ слѣдующее» *).

Если мы сообразимъ и сведемъ къ одному итогу все вышесказанное, то окажется слѣдующее:

1) По сознанію самихъ коммиссій изъ общаго числа имѣній въ черноземныхъ мѣстностяхъ болѣе, чѣмъ въ четверти имѣній, прежній крѣпостной надѣлъ уменьшенъ.

2) По сознанію самихъ же коммиссій подобное уменьшеніе бывшихъ надѣловъ въ нечерноземной полосѣ въ большей части имѣній колеблется между $^1/_3$ и $^1/_4$, доходя въ не незначительной части до половины и даже болѣе.

3) Какъ въ черноземной, такъ и нечерноземной полосѣ есть очень много крестьянъ, которые получили надѣлы минимумы, а нѣкоторые даже надѣлы меньше этихъ минимумовъ.

4) Къ числу получившихъ надѣлы минимумы должно отнести и такъ называемыхъ *дарниковъ*, т.-е. крестьянъ, отказавшихся отъ надѣла и получившихъ четвертую часть наивысшаго надѣла въ даръ. Число такихъ дарниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очень значительно. Такъ въ показаніи г. Галкина-Врасскаго, данномъ въ высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства въ Россіи, значится, что въ Саратовской губерніи, въ уѣздахъ Сердобскомъ и Балашовскомъ, въ сѣверной части Аткарскаго, въ нѣкоторыхъ частяхъ Камышенскаго и Саратовскаго, такихъ дарниковъ считается до нѣсколько десятковъ тысячъ душъ **).

Такимъ образомъ, можно утвердительно сказать, что большая часть освобожденныхъ крестьянъ получали количество земли гораздо меньшее, чѣмъ какимъ они пользовались во время крѣпостного права, хотя, освободившись отъ барщинныхъ работъ, которыя отнимали у нихъ прежде половину и даже болѣе времени, они могли бы теперь обработывать для себя земли вдвое болѣе, чѣмъ сколько обработывали прежде. Это одновременное съ одной стороны удвоеніе рабочихъ силъ, съ другой уменьшеніе орудія производства болѣе, чѣмъ на половину противу прежняго, составляетъ внутреннее противорѣчіе нашей системы надѣ-

*) Крестьянское дѣло Т. II, Ч. I, стр. 167.

**) Докладъ высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. 1873 г. Прилож. VI, стр. 215.

ловъ, которое немедленно разрушило бы нашу выкупную операцію, еслибыона не была поддерживаема новымъ временнымъ закрѣпленіемъ освобожденныхъ силъ. Такимъ образомъ, закрѣпленіе, по нашему мнѣнію, составляетъ только слѣдствіе принятой неудобной системы надѣловъ, совершенно не соотвѣтствующей нашимъ условіямъ, и составляетъ само по себѣ моментъ несущественный въ дѣлѣ; при другой системѣ надѣловъ оно могло бы существовать въ той же самой формѣ, въ какой существуетъ и теперь, и не имѣть характера закрѣпленія. Въ такой же точно формѣ, какъ у насъ, оно существовало въ выкупной операціи и Австріи, и Пруссіи, но тамъ оно по причинамъ, о которыхъ мы уже сказали, не связывало свободы лица.

Нѣкоторые думаютъ совершенно иначе. Они существенное зло видятъ не въ системѣ нашихъ надѣловъ, а именно въ случайномъ слѣдствіи этой системы — закрѣпленіи. Еслибы подобныя мнѣнія принадлежали тѣмъ лицамъ, которыя во время разрѣшенія крѣпостного вопроса защищали прелести, такъ называемой, *волчьей воли* и требовали полнаго обезземеленія крестьянъ, то объ нихъ не стоило бы и говорить. Къ сожалѣнію, такое точно мнѣніе высказывается людьми, которымъ недавно высочайше было поручено войдти въ разсмотрѣніе послѣдствій реформы въ нашемъ сельско-хозяйственномъ бытѣ и озаботиться пріисканіемъ мѣръ для устраненія существующихъ здѣсь неустройствъ. Мы разумѣемъ нѣкоторыхъ лицъ, засѣдавшихъ въ высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства, въ особенности дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Бушена. Г. фонъ-Бушенъ не заикается ни однимъ словомъ о фундаментѣ крестьянской реформы, системѣ надѣловъ, и весь недостатокъ реформы видитъ въ формальной сторонѣ дѣла, именно въ томъ, что отмѣнивъ самыя крупныя и вопіющія стѣсненія личности, реформа эта оставила, однакожъ, нетронутыми многія изъ нихъ. Изъ такихъ оставшихся стѣсненій онъ указываетъ два: 1) прикрѣпленіе лица къ землѣ и 2) къ общинѣ. По его мнѣнію «*прикрѣпленіе къ землѣ*—(Hörigkeit der Scholle, servage de la glebe, glebae adscriptio) — *суть крѣпостного права*. Въ Россіи—говоритъ онъ,— съ отмѣною крѣпостного права, это прикрѣпленіе осталось въ полной силѣ. Крестьянинъ крѣпокъ по прежнему землѣ; не земля ему принадлежитъ, а онъ землѣ. Если земля его не въ состояніи прокормить, онъ все-таки бросить ее не можетъ. Ища пропитанія на фабрикѣ ручнымъ трудомъ, отхожимъ промысломъ, наймомъ, онъ все-таки долженъ платить за землю и считается de jure земледѣльцемъ и сельскимъ обывателемъ, а de facto дѣлается амфибіею и не можетъ ни отстать отъ одного, ни пристать къ другому» *). По этой приведенной нами выдержкѣ надобно думать, что г. фонъ-Бушенъ иностранецъ и нашихъ отношеній совершенно не знаетъ. Онъ обсуживаетъ наши отношенія по иностраннымъ. Извѣстно, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ сильно развита городская жизнь, различные городскіе промыслы, — изъ массъ въ нѣкоторыхъ странахъ четверть, въ другихъ треть, если не болѣе, родились и воспитались въ мастерскихъ, на фабрикахъ, на заводахъ и т. п., не видавъ никогда земледѣлія. Если людей, воспитанныхъ такимъ образомъ, взять и посадить на землю и заставить платить за нее, то, конечно, это будетъ значить насильно привязать ихъ къ такому труду, къ которому они не привычны и не способны, — и они, дѣйствительно, будутъ съ земли бѣжать на фабрики или заводы и будутъ представлять собой амфибій, которыя не пристаютъ къ фабрикѣ и заводу, и не могутъ отстать и отъ земли, имъ данной. Но наши крестьяне находятся въ совершенно другомъ положеніи. Они родились и воспитались на земледѣльческомъ трудѣ, къ этому только труду привычны и такой трудъ только и знаютъ. Слѣдовательно, если они отъ земли бѣгутъ на фабрики, то вовсе не по желанію или охотѣ, а потому только, что земля, данная имъ, ихъ, какъ выражается г. фонъ-Бушенъ, прокормить не можетъ. Ихъ трудъ закрѣпощенъ теперь дѣйствительно, но только недостаткомъ земли, ибо это заставляетъ ихъ бѣгать и искать непріятнаго и несподручнаго труда на фабрикахъ. Но дайте имъ такой надѣлъ земли, который можетъ ихъ прокормить и удовлетворить всѣмъ ихъ потребностямъ, и прикрѣпите ихъ къ нему, тогда это прикрѣпленіе потеряетъ всякій стѣснительный характеръ, такъ точно, какъ не почувствуетъ никакого стѣсненія рыба, которую вы бросите въ воду. Ибо не говоря уже о томъ, что земледѣльческій трудъ будетъ ему пріятенъ, какъ привычный и имъ любимый, развѣ можетъ кого нибудь стѣснять земля, могущая прокармливать, т.-е. имѣющая цѣнность? Жаловался ли кто нибудь и когда нибудь на полученіе недвижимой собственности, положимъ, путемъ несвободнаго пріобрѣтенія, напримѣръ, посредствомъ наслѣдства, дара, выигрыша? Не представляется ли самый вопросъ объ эмансипаціи крестьянина отъ недвижимой собственности, т.-е. отъ земли, на томъ только основаніи, что онъ самъ, положимъ, даже не захотѣлъ бы заниматься ею, ни съ чѣмъ несообразнымъ абсурдомъ? Вѣдь не хлопочетъ же никто объ эмансипаціи отъ этой собственности помѣщиковъ, хотя ни одинъ изъ нихъ не занимается самъ земледѣліемъ, а нѣкоторые по многу лѣтъ даже вовсе не видятъ своихъ имѣній? Еслибы крестьянинъ, получивъ въ надѣлъ достаточное количество земли, имѣющей не фиктивную, какъ во многихъ мѣстностяхъ теперь, а дѣйствительную цѣнность, и не хотѣлъ самъ заниматься ею,

*) Докладъ высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства. Прил. V, стр. 39.

то развѣ онъ не умѣлъ бы получить съ нея ренты, какъ получаетъ теперь помѣщикъ, или не могъ бы выгодно передать ее съ тѣми самыми обязательствами, которыя теперь лежатъ на ней, другому?

Мнѣніе г. фонъ Бушена объ общинѣ еще болѣе утверждаетъ насъ въ томъ мнѣніи, что онъ, какъ иностранецъ, очень поверхностно знакомъ съ нашими отношеніями. Какъ существенные характеристическіе признаки общины, онъ выставляетъ не только передѣлы и условливаемые послѣдними черезполосность и дробленіе участковъ, но даже постепенное уменьшеніе надѣловъ, вслѣдствіе надѣленія землею новыхъ членовъ. Между тѣмъ всѣмъ, кто сколько нибудь интересовался изученіемъ вопроса объ общинѣ, извѣстно, что ни передѣлы, ни черезполостность и дробленіе участковъ не составляютъ неотъемлемой принадлежности общины. Передъ глазами всѣхъ существуютъ и процвѣтаютъ общины нашихъ меннонитовъ, устроенныя на принципѣ русской общины, въ которыхъ ничего подобнаго нѣтъ; что касается до уменьшенія надѣла посредствомъ надѣленія новыхъ членовъ, то это основной характеръ не общинной, а частной собственности. Извѣстно, напримѣръ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Тюрингіи и прусскомъ Эйхсфельдѣ (части бывшаго курфиршества Майнцскаго), гдѣ съ давнихъ временъ дозволена была полная свобода дѣленія крестьянскихъ земель по законамъ наслѣдства, земли эти раздробились на самые ничтожные клочки. Въ Гейлингенштетерской полевой межѣ, состоящей всего изъ 6,660 моргеновъ, находится 900 собственниковъ, изъ которыхъ только 15 имѣютъ болѣе двухъ моргеновъ. Поземельное владѣніе во всемъ прусскомъ Эйхсфельдѣ большею частію такъ раздроблено, что не рѣдко на протяженіи $^1/_2$ квадратной мили встрѣчаются хозяйства изъ 20—30 моргеновъ, раздѣленные на 150—200 отдѣльныхъ самостоятельныхъ участковъ. Есть самостоятельные участки—хозяйства, состоящіе изъ $^1/_{16}$, $^1/_{32}$ даже $^1/_{64}$ моргена. Средняя величина поземельныхъ участковъ въ Эйхсфельдѣ составляетъ почти $^3/_4$ моргена. Эту же среднюю величину должно принять и для прирейнскихъ прусскихъ земель, а если взять въ разсчетъ лѣса и неудобныя земли, то придется понизить ее до $^1/_3$ моргена. Изъ 10 $^1/_2$ милліоновъ моргеновъ, составляющихъ рейнскую Пруссію, занимаютъ земли

886	хозяйствъ	свыше	500	морген.	каждое.
1,362	»	отъ 300	до 600	»	»
46,523	»	» 30	» 300	»	»
181,669	»	» 5	» 30	»	»
455,835	»	менѣе 5		»	»

Въ такомъ же, если еще не болѣе измельченномъ, видѣ являются крестьянскіе участки въ Виртембергскомъ королевствѣ, во Франціи и т. д. *). Такъ сильно дробится крестьянская поземельная собственность, предоставленная себѣ самой въ силу наслѣдственныхъ раздѣловъ! У насъ, несмотря на то, что на дробленіе земли имѣли вліяніе тѣ же наслѣдственные раздѣлы и раздѣлы семейные, земля, благодаря общинѣ, нигдѣ не подвергалась такому атомистическому дѣленію. Оно бывало прежде, какъ исключеніе, только въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, и затѣмъ подобное измельчаніе поземельныхъ участковъ, какъ общее для всей Россіи, мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ придуманныхъ редакціонными коммиссіями надѣлахъ минимумахъ. Здравый смыслъ общины, по происхожденію и характеру своему чисто земледѣльческой, не могъ не видѣть ни съ чѣмъ несообразнаго non-sens'а въ надѣленіи своего члена такимъ клочкомъ земли, на которомъ онъ никакого хозяйства вести не можетъ. Выступить изъ границъ этого здраваго смысла общинѣ никогда не позволялъ принципъ равенства, строго соблюдаемый ею при раздѣлѣ земель. Чиновнику, надѣляющему крестьянъ землею и разсуждающему in abstracto, сколько нужно для крестьянскаго хозяйства земли, конечно, можетъ показаться, что достаточное хозяйство можетъ быть основано и на двухъ десятинахъ, и на одной, и на дробяхъ десятины. Но мужикъ, который de facto знаетъ, сколько земли онъ можетъ обработать и сколько можетъ дать ему то или другое количество земли, сейчасъ пойметъ, достаточное ли количество земли дается ему для хозяйства или нѣтъ, тѣмъ болѣе пойметъ это цѣлое общество мужиковъ, которые всѣ надѣляются совершенно одинаковыми участками земли. Въ этомъ отношеніи и передѣлы земли не были такъ вредны и такъ безтолковы, какъ думаетъ о нихъ г. фонъ-Бушенъ, напротивъ, на извѣстной степени земледѣльческой культуры и политическаго развитія они были дѣломъ необходимымъ и оказали несомнѣнную услугу обществу. Начать съ того, что русскій народъ вовсе не такъ слѣпо и безсмысленно привязанъ къ передѣламъ земли, какъ это обыкновенно предполагаютъ разные теоретическіе устроители русскаго народа. Еще Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россіи въ 1843 году, разсуждая о томъ: не будутъ ли передѣлы земли вредить развитію земледѣлія въ Россіи, писалъ: «кто можетъ рѣшить это? Опытные и образованные сельскіе хозяева отзываются объ этомъ не выгодно и думаютъ, что земледѣліе не можетъ идти впередъ, когда такой принципъ примѣняется во всей своей строгости. Но въ томъ-то и дѣло, что *уже давно этотъ принципъ не примѣняется во всей своей строгой послѣдовательности.* Онъ нигдѣ не покинутъ, но онъ подлежитъ естественнымъ, удобнымъ и выгоднымъ видоизмѣненіямъ. Русскіе поселяне въ своей

*) См. Gebundenheit oder freie Veräusserlichkeit des bäuerlichen Grundeigenthums in Königreich Hannover, v. Fachtmann. 1864. S. 42.

массѣ не имѣютъ ни малѣйшаго недостатка въ здравомъ практическомъ пониманіи того, что относится къ дѣйствительнымъ интересамъ. Въ нихъ, можетъ быть, этого качества больше, чѣмъ въ другихъ народахъ; они давно увидѣли, какія выгоды и неудобства приноситъ строгое доведеніе системы ровнаго дѣлежа до крайнихъ послѣдствій. Когда я спрашивалъ одного опытнаго и образованнаго сельскаго хозяина, противника передѣловъ, г. Карновича (въ Ярославлѣ), дѣйствительно ли гдѣ-нибудь земля ежегодно вновь передѣляется между членами общины, то онъ рѣшительнѣйшимъ образомъ отвѣчалъ на это отрицательно, и его отвѣтъ подтвержденъ былъ многими другими людьми и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ я предлагалъ этотъ вопросъ» *). Далѣе Гакстгаузенъ разсказываетъ, что въ Ярославской губерніи крестьяне передѣлы земель производятъ только въ годы *ревизій*, т.-е. народныхъ переписей, и то съ великою неохотою. Изъ этого ясно видно, что еслибы земледѣльческая культура достигла такой высоты въ Россіи, что передѣлы земли стали бы вредить ея дальнѣйшему развитію, то русская община нисколько не стала бы стоять за нихъ и немедленно ихъ бросила бы **). Но до настоящаго времени передѣлы земли оказали великую услугу государству и обществу тѣмъ, что поддерживали въ крестьянахъ чувство равенства политическаго и экономическаго, не давая развиваться среди нихъ, изъ ихъ собственной среды, *четвертому*, эксплуатирующему сословію, и тѣмъ, что сохраняли въ нихъ хозяйственный, такъ сказать, смыслъ, пониманіе хозяйства, какъ дѣйствительнаго, самостоятельнаго хозяйства, пропитывающаго семью, а не какъ клочка земли, на которомъ, по пословицѣ, некуда козѣ положить хвоста и на которомъ можно собрать только нѣсколько пучковъ луку. Въ сохраненіи общиной этого хозяйственнаго смысла въ народѣ въ совокупности съ чувствомъ равенства политическаго и экономическаго заключается причина, почему ни наслѣдственные, ни семейные раздѣлы не могли оказать у насъ такое вредное вліяніе на измельчаніе крестьянскаго землевладѣнія, какое они оказали въ другихъ странахъ, гдѣ у крестьянъ община давно была сокрушена и крестьянское землевладѣніе, какъ и землевладѣніе другихъ сословій, развивалось исключительно на принципѣ личной собственности. Конечно, этому не мало способствовалъ и запасъ земель, которыя имѣли въ своемъ распоряженіи общины для надѣленія землею новыхъ своихъ членовъ. Однакожъ, такой запасъ земель былъ, какъ извѣстно, не во всѣхъ общинахъ. Но по чувству равенства, воспитываемому въ общинахъ вѣками, онѣ предпочитаютъ скорѣе тѣсниться до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ позволяетъ имъ выработанный также вѣками хозяйственный смыслъ, чѣмъ надѣлять своихъ отдѣльныхъ членовъ такими клочками земли, на которыхъ они не могутъ вести никакого хозяйства. Благоустроенныя и богатыя общины, какъ, напримѣръ, нѣмецкія, выступаютъ въ этомъ случаѣ на путь болѣе широкій. Онѣ для новыхъ нарождающихся членовъ общины покупаютъ новыя земли и селятъ ихъ тамъ, чтобы не уменьшить для нихъ величины поземельныхъ участковъ своихъ прежнихъ членовъ. Изъ всего сказаннаго видно, что община способствуетъ къ сохраненію въ цѣлости крестьянскихъ поземельныхъ участковъ, а къ измельчанію ихъ, напротивъ, прямо ведетъ землевладѣніе, основанное на принципѣ личной собственности. Если г. фонъ-Бушенъ можетъ говорить совершенно противное этому, то это, мы думаемъ, происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ малаго знакомства его съ землевладѣніемъ на общинномъ принципѣ. Тѣмъ болѣе, по этому, достойно сожалѣнія, что г. фонъ-Бушенъ позволяетъ себѣ дѣлать объ этомъ малоизвѣстномъ ему предметѣ такой рѣзкій приговоръ, какъ слѣдующій: «Защита общиннаго землевладѣнія приравниваетъ его къ ассоціаціямъ и артелямъ. Значитъ, партія каторжниковъ, прикованныхъ къ одной цѣпи, тоже можетъ назваться ассоціаціею или артелью? *(Остроумно вѣдь? не правда ли?)*. Говорятъ, — продолжаетъ г. фонъ-Бушенъ,—оно представляетъ гарантію противъ пауперизма. Это вѣрно въ томъ смыслѣ, что пауперизма, при нормальномъ всеобщемъ нищенствѣ, дѣйствительно, не возможно будетъ отличить и замѣтить». Очевидно, что г. фонъ-Бушенъ человѣкъ формы; онъ судитъ о предметѣ не по существу, а по той внѣшней обстановкѣ, въ которой онъ ему является. Отъ этой обстановки онъ никакъ не можетъ отрѣшиться. Современная русская община ему представляется страдающею пауперизмомъ. Изъ этого онъ заключаетъ, что таковъ принципъ русской общины, что она не можетъ не стра-

*) Изслѣдованіе внутренней политической народной жизни. Соч. Гакстгаузена, стр. 81.

**) Впрочемъ, мнѣніе, будто передѣлы земли, совершенные черезъ болѣе или менѣе длинные сроки, напримѣръ, отъ ревизіи до ревизіи, т.-е. черезъ 14, 15 лѣтъ, могутъ служить помѣхой развитію земледѣльческой культуры,—мнѣніе чисто огульное, ни на чемъ не основанное. Нигдѣ земледѣльческая культура не стоитъ такъ высоко, какъ въ Англіи. Но тамъ господствующая система обработки земли фермерская, по контрактамъ, которые заключаются не болѣе какъ на 7—14 лѣтъ. Каждое улучшеніе земли, произведенное фермеромъ, ведетъ за собою непремѣнно увеличеніе арендной цѣны при заключеніи новаго контракта. Это, однакожъ, не мѣшаетъ фермерамъ заботиться объ удобреніи земли въ теченіи того короткаго срока, когда они ею владѣютъ. Ясно, что если общинникъ, при долгосрочныхъ передѣлахъ, владѣющій землею вдвое или въ полтора раза долѣе фермера, не считаетъ выгоднымъ удобрять ее, то причина тутъ не въ передѣлахъ. Все это самымъ основательнымъ образомъ было доказано и объяснено въ рядѣ статей объ общинѣ, помѣщенныхъ въ нѣсколькихъ книжкахъ «Современника» за 1867 годъ въ отдѣлѣ «Критики». Въ приложеніи къ одной изъ этихъ статей (въ XI книжкѣ), содержащемъ «*Сравненіе выгодности прочныхъ улучшеній для общинника и для фермера*» съ математическою точностію и очевидностію доказано, что при прочномъ улучшеніи земли всѣ выгоды остаются на сторонѣ общинника.

дать пауперизмомъ, и не находитъ лучшаго средства, чтобы поправить ее, какъ посовѣтовать ея членамъ, чтобы они разсѣлись порознь, каждый отдѣльно. Онъ никакъ не хочетъ догадаться, что причины ея пауперизма могутъ быть совсѣмъ другія, независимыя отъ ея принципа. Еслибы г. фонъ-Бушенъ увидалъ въ трактирѣ, что какой нибудь джентльменъ кушаетъ обѣдъ въ три рубля, а сидящая недалеко отъ него кучка мужиковъ ѣстъ общій обѣдъ, стоющій не болѣе пятиалтыннаго на брата, то онъ,— мы полагаемъ,—объяснилъ бы это себѣ никакъ не тѣмъ, что у джентльмена въ карманѣ 100 рублей, а ни у одного изъ мужиковъ болѣе пятиалтыннаго нѣтъ, а тѣмъ, что послѣдніе обѣдаютъ въ кучѣ, и впередъ для улучшенія ихъ обѣда посовѣтовалъ бы имъ садиться порознь. Разувѣрять г. фонъ-Бушена въ неправильномъ пониманіи дѣла было бы и долго, и, по всей вѣроятности, напрасно. Поэтому мы рекомендуемъ ему для улучшенія его неправильнаго воззрѣнія на общину, какъ на источникъ пауперизма, прочесть, напримѣръ, хоть сочиненіе: «*Наши колоніи*», г. Клауса, разъясняющее подробно какъ достоинства общины, такъ и тѣ условія, при которыхъ она можетъ процвѣтать.

Мы не безъ намѣренія заговорили о г. фонъ-Бушенѣ и трудахъ высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности. Труды эти очень близко стоятъ къ нашему предмету, и мы не можемъ не относиться съ особеннымъ сочувствіемъ къ иниціативѣ нынѣшняго министра государственныхъ имуществъ, который призналъ необходимымъ собрать свѣдѣнія о результатахъ реформы спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ введенія въ дѣйствіе положенія 19 февраля. Поставить прямо этотъ вопросъ надобно было нѣкоторое мужество. У насъ до сихъ поръ или вовсе умалчивали о результатахъ реформы, или говорили объ этомъ предметѣ не иначе, какъ въ тонѣ славословія. Говорить о неблагопріятныхъ результатахъ реформы значило точно нападать на реформу, порицать ея проведеніе. Никому не приходило на мысль, что крестьянская реформа независимо отъ тѣхъ или другихъ своихъ послѣдствій, сама по себѣ, по своему принципу стоитъ выше всякихъ порицаній. Въ этомъ случаѣ совершенно справедливы слова г. Скалдина, что хоть «гражданская свобода куплена крестьянами слишкомъ дорогою цѣною, но они все таки остаются въ выигрышѣ, потому что предметъ ими купленный въ сущности не имѣетъ цѣны; безъ гражданской свободы невозможно было бы понятіе улучшенія ни въ матеріальной, ни въ умственной ихъ жизни, а съ нею могутъ придти современемъ и другія блага цивилизаціи, пока нынѣ для крестьянъ не существующія» *). Но съ другой стороны крестьянская реформа, какъ она ни прекрасна по принципу, въ своемъ выполненіи есть дѣло рукъ человѣческихъ и, какъ всѣ подобныя дѣла, можетъ быть полна всякаго рода несовершенствъ и ошибокъ. Оставлять ее безъ прямого разсмотрѣнія, не указывать допущенныхъ въ ней промаховъ и ошибокъ значило бы добровольно отказываться собрать лучшую жатву съ того посѣва, на который положено было столько труда и сдѣлано столько расходовъ! Вотъ почему,— повторяемъ мы,— мы вполнѣ сочувствуемъ мысли нынѣшняго министра государственныхъ имуществъ, заняться пересмотромъ тѣхъ результатовъ, которые дала реформа въ теченіи одиннадцати лѣтъ своего существованія. Но сочувствуя самой мысли, мы, признаемся, ни какъ не можемъ сочувствовать способамъ ея исполненія. Если бы коммиссія была образована для собранія свѣдѣній, которыя предназначались бы только для литературнаго употребленія, то о цѣнности ея трудовъ не могло бы быть и рѣчи. Какъ ни недостаточны собранные ею матеріалы, но за полнымъ отсутствіемъ у насъ какихъ бы то ни было свѣдѣній по этому предмету, эти матеріалы въ литературѣ были бы неоцѣненны. Но коммиссія имѣетъ цѣли практическія, правительственныя. Докладъ, составленный ею на основаніи собранныхъ ею свѣдѣній, черезъ комитетъ министровъ долженъ идти на высочайшее разсмотрѣніе. Это значитъ, что задача коммиссіи ни больше ни меньше, какъ поправить крестьянскую реформу. Задача очень великая и важная,— и къ способамъ исполненія ея нельзя относиться легко. И такъ посмотримъ, что же такое сдѣлала коммиссія, чтобы исполнить эту великую, возложенную на нее задачу.

Прежде всего о наружности изданныхъ коммиссіею трудовъ.

Когда вы смотрите на пять объемистыхъ (исключая одного, содержащаго докладъ) томовъ in folio, изданныхъ коммиссіею относительно современнаго состоянія сельскаго хозяйства и сельской производительности, то, какъ любитель подобнаго рода изслѣдованій (мы предполагаемъ это), вы приходите въ невольный восторгъ. Когда вы раскрываете эти томы и начинаете читать заглавія содержанія ихъ, восторгъ этотъ еще болѣе увеличивается. Чего тамъ нѣтъ? Вотъ томъ I-й приложеній, содержащій сводъ свѣдѣній о современномъ положеніи сельско-хозяйственной промышленности вообще, сообщаетъ данныя и 1) *о видахъ пользованія землею*, и 2) о состояніи отдѣльныхъ отраслей сельско-хозяйственной промышленности, и 3) о цѣнности денежныхъ повинностей, и 4) о землевладѣніи и 5) о сельско-хозяйственномъ кредитѣ, и 6) о сельско-хозяйственномъ образованіи. Томъ II-й, пожалуй, и еще богаче свѣдѣніями. Тутъ вы найдете (мы не будемъ перечислять подробно мелкіе отдѣлы, а поименуемъ только крупное содержаніе свѣдѣній) и

*) См. Въ захолустьѣ и столицѣ. О. З. 1867 стр. 627.

1) о недостаткахъ современнаго положенія сельско-хозяйственной промышленности вообще, и 2) сводъ мѣръ, предлагаемыхъ для устраненія недостатковъ современнаго положенія сельско-хозяйственной промышленности, и 3) общія статистическія таблицы по разнымъ предметамъ, сочиненныя или губернаторами, или взятыя изъ подлежащихъ департаментовъ, и 4) частныя записки и замѣтки членовъ коммиссіи и другихъ лицъ. Томъ III-й обнимаетъ стенографически-записанные отвѣты приглашенныхъ въ коммиссію экспертовъ по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Томъ IV-й содержитъ, наконецъ, описанія имѣній, заложенныхъ въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита по даннымъ этого общества. Сначала этотъ томъ возбуждаетъ нѣкоторое даже удивленіе своею неожиданностью. Но прочитавъ въ первыхъ строкахъ приложеннаго къ этому тому предисловія, что «для опредѣленія доходности имѣній необходимы выясненіе и оцѣнка всѣхъ факторовъ производства, а въ описяхъ для залога въ поземельномъ кредитѣ заключаются, дескать, данныя по всѣмъ частямъ сельско-хозяйственной статистики», читатель перестаетъ и этому удивляться и примиряется съ томомъ IV, содержащимъ описи заложенныхъ въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита имѣній.

Однакожъ, въ читателѣ при видѣ 4 увѣсистыхъ томовъ in folio, изданныхъ коммиссіею, невольно рождается вопросъ: когда и какимъ образомъ успѣла коммиссія собрать столько разнообразныхъ свѣдѣній по предметамъ самымъ разнороднымъ; когда изъ протокола ея засѣданій явствуетъ, что она начала собираться 21-го ноября 1872 года, а кончила свои занятія 28-го апрѣля 1873 года, т.-е. засѣдала менѣе полугода, и во время своихъ засѣданій ничѣмъ почти не занималась, кромѣ выслушиванія приглашенныхъ въ коммиссію экспертовъ?

На это содержится отвѣтъ въ объясненіи предсѣдателя, данномъ въ коммиссіи въ первомъ ея засѣданіи. Въ этомъ объясненіи говорится, что коммиссія высочайше утверждена мая 26-го дня 1872 года, что до созванія ея министръ государственныхъ имуществъ командировалъ на лѣто чиновниковъ своего министерства въ разныя губерніи Европейской Россіи для собранія свѣдѣній о положеніи сельскаго хозяйства, что собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія и по количеству и по качеству превзошли ожиданія его, министра; именно къ первому засѣданію коммиссіи, т.-е. къ 21 ноября 1872 года, имѣлись свѣдѣнія уже отъ 860 лицъ, въ томъ числѣ отъ 18 губернаторовъ, 23 предводителей дворянства, отъ 100 мировыхъ и земскихъ учрежденій, отъ 237 землевладѣльцевъ, отъ 78 управляющихъ имѣніями, торговцевъ, отъ 108 волостныхъ правленій, старшинъ и крестьянъ домохозяевъ и отъ 236 разныхъ лицъ и учрежденій. Кромѣ того министръ особыми циркулярами пригласилъ какъ губернаторовъ, такъ и предводителей дворянства и предсѣдателей земскихъ управъ, а равно сельско-хозяйственныя общества заявлять о мѣстныхъ нуждахъ и потребностяхъ сельскаго хозяйства.

Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя, по разработкѣ ихъ чиновниками министерства, составили томы I и II.

Посмотримъ же, что это за свѣдѣнія и что за обработка? Раскрываемъ первый томъ. Первый отдѣлъ этого тома сообщаетъ свѣдѣнія о видахъ пользованія землею, и прежде всего о способахъ веденія хозяйства частными землевладѣльцами въ губерніяхъ. Возьмемъ одну какую-нибудь изъ этихъ губерній, напримѣръ, хоть Саратовскую. «Вольнонаемное хозяйство въ здѣшнемъ краю, говорится объ этой губерніи, — рѣдкость; большею частію землевладѣльцы отдаютъ земли крестьянамъ за деньги или за обработки». Рядомъ съ этимъ свѣдѣніемъ, въ особой графѣ, на боку написано, что оно сообщено управляющимъ Маріинскою учебною фермою. Нѣсколько ниже о той же системѣ сельскаго хозяйства въ Саратовской губерніи говорится, что «система хозяйства здѣсь большею частію вольнонаемная и весьма мало испольная», а о самомъ свѣдѣніи замѣчается, что оно сообщено предсѣдателемъ Аткарской уѣздной управы, мировыми посредниками Саратовскаго, Хвалынскаго, Аткарскаго и Царицынскаго уѣздовъ, землевладѣльцемъ Камышинскаго уѣзда и двумя волостными старшинами Царицынскаго и Камышинскаго уѣздовъ. Еще ниже говорится, что «хозяйство у землевладѣльцевъ смѣшанное по всѣмъ системамъ», а о свѣдѣніи замѣчается, что оно сообщенно мировымъ посредникомъ Саратовскаго уѣзда и двумя землевладѣльцами Саратовскаго и Петровскаго уѣздовъ. Читатель поставленъ въ недоумѣніе такимъ способомъ сообщенія свѣдѣній и не знаетъ: чему и кому онъ долженъ вѣрить? Какая же въ самомъ дѣлѣ система хозяйства въ Саратовской губерніи—вольнонаемная, испольная или смѣшанная? И если и та, и другая, и третья, то которая преобладаетъ и гдѣ преобладаетъ, на какихъ пространствахъ? Кто изъ сообщающихъ свѣдѣнія вѣрнѣе говоритъ: управляющій ли Маріинскою учебною фермою, предсѣдатель ли аткарской земской управы съ присоединенной къ нему компаніей мировыхъ посредниковъ и волостныхъ старшинъ, или мировой посредникъ Саратовскаго уѣзда съ двумя землевладѣльцами? Кому изъ нихъ слѣдуетъ вѣрить и даже можно ли вѣрить кому-нибудь? Такой же точно винегретъ какихъ-то quasi свѣдѣній, и на основаніи почти такихъ же показаній, сообщается по другимъ отдѣламъ. Возьмемъ, напримѣръ, изъ отдѣла подъ названіемъ: «*пища и другія жизненныя потребности крестьянскаго населенія*» какую-нибудь губернію, хотя Тверскую. «Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ,—говорится въ этомъ отдѣлѣ,—пища крестьянъ улучшается и употребленіе мяса увеличивается, въ другихъ же этого улучшенія не замѣчается». Въ графѣ съ боку объ этомъ свѣдѣніи замѣчается, что оно сообщено предсѣдателемъ корчевской зем-

ской управы, двумя волостными старшинами Весьегонскаго и Корчевскаго уѣздовъ, двумя землевладѣльцами, однимъ весьегонскимъ, другимъ ржевскимъ и калязинскимъ,—онъ же и предводитель калязинскаго дворянства. Далѣе о той же Тверской губерніи говорится, что «въ ней значительно увеличивается потребленіе чая, сахара, табаку и водки; жизненныя потребности тоже увеличиваются, особенно въ отношеніи одежды; сюртуки, энотовыя шубы, цѣпочки, часы, цилиндрическія шляпы (!?), а у женщинъ зонтики, лаковые штиблеты и кринолины встрѣчаются нерѣдко». Въ графѣ съ боку отмѣчено, что это свѣдѣніе сообщено предсѣдателемъ корчевской земской управы. Мы сообщили все, что напечатано въ отдѣлѣ «о пищѣ и другихъ жизненныхъ потребностяхъ крестьянскаго населенія» относительно Тверской губерніи. Что по этимъ свѣдѣніямъ никакого понятія ни о пищѣ, ни о жизненныхъ потребностяхъ крестьянъ Тверской губерніи составить нельзя, объ этомъ и толковать нечего. Но вообразите себѣ, что какому-нибудь любознательному нѣмцу или англичанину, выучившемуся читать по русски, вдругъ попадаются подъ руку труды коммиссіи, и онъ читаетъ, что въ Тверской губерніи крестьяне щеголяютъ въ энотовыхъ шубахъ, при часахъ съ цѣпочками и даже въ цилиндрическихъ шляпахъ, а крестьянки съ зонтиками, въ кринолинахъ и лаковыхъ штиблетахъ, и что свѣдѣніе это сообщено не какимъ-нибудь праздношатающимся сочинителемъ, а лицомъ нѣкоторымъ образомъ оффиціальнымъ — предсѣдателемъ земской корчевской управы, — вѣдь онъ непремѣнно поскачетъ въ Тверскую губернію, чтобы посмотрѣть на этакое диво. И съ кого это писалъ свое изображеніе тверскихъ пейзановъ и пейзанокъ предсѣдатель корчевской земской управы? Надобно полагать, съ нѣкоторыхъ торчавшихъ передъ его глазами старыхъ дворовыхъ, донашивавшихъ барскіе обноски еще шестидесятыхъ годовъ.

Изъ трудовъ, изданныхъ коммиссіею, получше другихъ томъ третій, содержащій въ себѣ показанія экспертовъ по вопросамъ сельскаго хозяйства; но и то его можно назвать лучшимъ только потому, что другіе томы изъ рукъ вонъ плохи. Самъ же по себѣ и этотъ томъ крайне неудовлетворителенъ. Вопервыхъ, программа вопросовъ, по которой отбирались показанія отъ экспертовъ, очень велика. Она обнимаетъ 269 вопросовъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ сельскаго хозяйства и сельской производительности. Отвѣчать на всѣ эти вопросы не могла ни одна душа. Всякій отвѣчалъ только на немногіе вопросы. А между тѣмъ въ программѣ вопросы существенные и важные не отдѣлены отъ второстепенныхъ и менѣе значительныхъ, такъ что въ итогѣ отвѣтовъ на вопросы незначительные очень много, а на вопросы болѣе важные очень мало. Такъ, напримѣръ, на вопросъ о достаточности или недостаточности крестьянскихъ надѣловъ отвѣчали очень немногіе. Далѣе, мы не знаемъ, почему въ число экспертовъ по сельскому хозяйству были приглашены тѣ, а не другія лица. Вѣроятно коммиссія на это имѣла какія-нибудь свои особенныя основанія, которыхъ, впрочемъ, въ изданныхъ въ свѣтъ трудахъ не объяснила. Но изъ показаній самихъ экспертовъ оказывается, что одни изъ нихъ въ своихъ имѣніяхъ бываютъ только лѣтомъ наѣздомъ, для отдыха; другіе вовсе и имѣній никакихъ не имѣютъ, а въ различныхъ мѣстностяхъ бывали въ качествѣ туристовъ; въ число такихъ экспертовъ попалъ и нашъ почтенный сотрудникъ, редакторъ «Полицейскихъ Вѣдомостей», С. В. Максимовъ, который несомнѣнно можетъ талантливо описать и зеленѣющую ниву, и трудъ пахаря, обработывающаго свое поле и т. п., — но какой-же онъ сельскій хозяинъ (!?). Мы, по крайней мѣрѣ, никакъ не думаемъ, чтобы и по его настоящей профессіи, и по прежнимъ его трудамъ можно было въ немъ заподозрить какія-нибудь солидныя и стоющія вниманія свѣдѣнія по предметамъ сельскаго хозяйства и сельской производительности; — третьи и помѣстья имѣютъ, и хозяйствомъ занимаются, но даютъ такіе странные отвѣты, что невольно удивляешься, какимъ образомъ коммиссія могла захватить подобныхъ людей въ эксперты. Такъ, напримѣръ, на 49-й вопросъ коммиссіи о надѣлахъ, формулированный слѣдующимъ образомъ: «обезпечиваетъ ли надѣлъ существованіе крестьянъ и лежащія на нихъ повинности при надлежащемъ съ ихъ стороны хозяйствѣ и достаточномъ удобреніи угодій? если не вполнѣ обезпечиваетъ, то насколько?» одинъ изъ экспертовъ Тульской губерніи отвѣчаетъ такимъ образомъ: «надѣлъ вполнѣ обезпечиваетъ существованіе крестьянъ; они платятъ только три рубля съ десятины, тогда какъ землю отдаютъ въ наемъ по 9 рублей; слѣдовательно, у нихъ съ каждой десятины остается по 6 рублей». (Стр. 66). Вѣдь при минимумѣ надѣла, упадающемъ въ Тульской губерніи во многихъ мѣстностяхъ до 0,92 десятины, это такой отвѣтъ, который можетъ годиться въ любой сатирическій листокъ, а никакъ не въ правительственное изслѣдованіе о состояніи сельскаго хозяйства. Другой экспертъ изъ Воронежской губерніи на тотъ же вопросъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: «надѣлъ вполнѣ обезпечиваетъ какъ существованіе крестьянъ, такъ и отбытіе ими всѣхъ денежныхъ повинностей. Несмотря на то, что у нашихъ крестьянъ въ году до 130 праздниковъ, занимающихъ болѣе $^1/_3$ годичнаго времени, и притомъ въ лѣтнее полугодіе съ 1-го апрѣля по 1 октября, въ 26 недѣль, изъ 183 дней приходится 60 праздничныхъ и только 123 рабочихъ дня, несмотря на все это, въ эти 123 дня одинъ хорошій работникъ, проводя на каждой изъ главныхъ полевыхъ работъ только по семи дней, можетъ обработывать количество земли равное четыремъ душевымъ надѣламъ, т.-е. по одной десятинѣ въ

каждомъ полѣ каждаго надѣла. Полагая одного работника на два душевыхъ надѣла, окажется, что, обработавъ эти два надѣла, хорошій работникъ получитъ за обработку по найму равнаго этимъ двумъ надѣламъ количества земли» и проч. (см. стр. 39). Очевидно, что г. экспертъ никакъ не догадывается, что его рѣчь доказываетъ совсѣмъ не то, что онъ доказать хочетъ. Ему хочется доказать, что надѣлъ очень удовлетворителенъ, а изъ его словъ выходитъ, что надѣлъ такъ малъ, что хорошему работнику ни почемъ отработать цѣлыхъ четыре душевыхъ надѣла. Такихъ отвѣтовъ, показывающихъ очевидное недомысліе господъ экспертовъ, мы могли бы привести очень много.

Изъ сказаннаго нами очевидно, что на трудахъ коммиссіи нельзя основать никакихъ прочныхъ выводовъ, что она только oleum et laborem perdidit, но существеннаго для рѣшенія сельско-хозяйственнаго вопроса ничего не дала. Къ чести коммиссіи должно сказать, что она и сама не рѣшилась приступить къ какимъ-нибудь твердымъ и опредѣленнымъ законопроэктамъ на основаніи собранныхъ ею данныхъ. Ея окончательныя соображенія и заключенія—совершенно общаго свойства и имѣютъ цѣлію скорѣе обратить вниманіе правительства на ту или другую сторону сельскаго хозяйства, чѣмъ предрѣшать тѣ или другія мѣры окончательно. Эта осторожность коммиссіи въ своихъ окончательныхъ выводахъ и заключеніяхъ очень разумна. Потому что еслибы правительство и рѣшилось обратить вниманіе на тѣ предметы, на которые обращаетъ его коммиссія, то остается полная возможность глубже изслѣдовать предметъ, затронутый коммиссіею, и широкая свобода принять то или другое направленіе.

За всѣмъ тѣмъ все таки нельзя не пожалѣть, что коммиссія не избрала другихъ способовъ для рѣшенія своей задачи, тѣмъ болѣе, что для собранія тѣхъ свѣдѣній, которыя нужны были коммиссіи, нынѣ есть надежные и способные органы—это земство. Губернскія земства въ каждомъ изъ уѣздовъ могли бы открыть особые комитеты для собранія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, эти свѣдѣнія были бы потомъ сведены, свѣрены и разсмотрѣны въ центральныхъ губернскихъ комитетахъ и потомъ бы уже поступили бы на заключеніе высочайше утвержденной коммиссіи. Работы потребовалось бы много, но за то свѣдѣнія получились бы полныя, подробныя, вѣрныя, точныя, на которыхъ можно бы было приблизительно безошибочно строить тѣ или другіе выводы.

Но довольно о коммиссіи. Обратимся теперь къ нашему предмету.

II.

Всюду, гдѣ уничтожалось крѣпостное право, главною цѣлью этого уничтоженія въ экономическомъ отношеніи было: освободить производительныя силы страны отъ тѣхъ оковъ, которыя были наложены на нихъ крѣпостнымъ состояніемъ, дать каждому возможность прилагать свой трудъ къ тому, къ чему приложить его онъ умѣетъ и хочетъ, вызвать этою полною свободою всю энергію и всю полноту его силъ для труда. И въ Европѣ, кромѣ Россіи, не было еще страны, которая могла бы осуществить этотъ идеалъ во всей полнотѣ и широтѣ. Ибо всѣ другія страны могли освободить трудъ, но, за недостаткомъ земли, не имѣли возможности дать самой наибольшей части освобожденнаго народа, т.-е. земледѣльческой, столько свободной земли, сколько требовалось для полнаго занятія всѣхъ способныхъ къ земледѣлію рукъ. Одни мы имѣли земель вволю; одни мы могли дать нашему громадному населенію столько земель, сколько бы оно ни потребовало для работы. Но главное наше преимущество при этомъ состояло еще въ томъ, что мы имѣли возможность все нужное для крестьянъ количество земли отдать въ ихъ полную *собственность*.

Собственность во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности служитъ наилучшимъ возбудителемъ полнаго напряженія силъ, всей энергіи труда въ трудящемся. Но, можетъ быть, нигдѣ она не производитъ такихъ чудесъ, какъ въ земледѣліи. По словамъ Артура Юнга, извѣстнаго англійскаго сельскохозяина прошедшаго столѣтія, изучавшаго основательно производительность земледѣлія, при различныхъ условіяхъ и способахъ его производства,—«магическая сила собственности здѣсь такова, что она обращаетъ песокъ въ золото». Въ земледѣліи не можетъ быть никакого сравненія труда земледѣльца собственника не только съ трудомъ наемнымъ, но даже съ трудомъ земледѣльца, обладающаго землею на болѣе или менѣе продолжительное число лѣтъ. «Дайте человѣку въ прочное владѣніе черную скалу, говоритъ тотъ же Артуръ Юнгъ: — онъ обратитъ ее въ садъ; дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ, онъ обратитъ его въ пустыню».

Мы должны здѣсь, однако, оговориться. Подъ

поземельною собственностью въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ не вообще поземельную собственность, но только такіе поземельные участки, которые имѣютъ объемъ, достаточный для пропитанія одного семейства и которые обработываются собственными руками своихъ владѣльцевъ. Самое слово собственность мы принимаемъ здѣсь не въ точномъ только смыслѣ его, но къ разряду собственности относимъ и тѣ участки, которыми обработывающій ихъ владѣетъ потомственно, неотчуждаемо, хотя бы то и съ платою опредѣленной, неизмѣнной ренты. Потому что такое владѣніе въ сущности ничѣмъ не отличается отъ владѣнія на правѣ собственности. Владѣлецъ также смотритъ на него, какъ на неотъемлемое свое имущество, какъ и собственникъ, также не щадитъ ни своихъ средствъ, ни силъ для его все большаго и большаго улучшенія.

Гдѣ бы мы ни стали изучать мелкую поземельную собственность, въ Швейцаріи, Италіи, Испаніи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи, Норвегіи, и т. д., вездѣ мы встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ явленіемъ — неизмѣримымъ трудолюбіемъ обработывающихъ ее собственными руками владѣльцевъ, трудолюбіемъ, для котораго почти рѣшительно нѣтъ ничего невозможнаго. Медленно, шагъ за шагомъ, съ невѣроятнымъ напряженіемъ силъ и терпѣніемъ, они умѣютъ возбудить производительность почвы всюду, гдѣ есть малѣйшая къ тому возможность, и создаютъ зеленѣющія нивы часто на неприступныхъ почти скалахъ Швейцаріи и Лангедока, на сыпучихъ пескахъ западной и восточной Фландріи, на скалистыхъ безводныхъ долинахъ Норвегіи. Различные сельско-хозяева и экономисты, изучавшіе въ различныхъ странахъ культуру мелкой поземельной собственности, не могутъ достаточно надивиться тѣмъ чудесамъ, которыя производятся руками мелкихъ собственниковъ въ возбужденіи и увеличеніи производительности земли и въ преодолѣніи безчисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ препятствій, противопоставленныхъ имъ природою въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ. «По выѣздѣ изъ Сова, — разсказываетъ Артуръ Юнгъ въ своемъ путешествіи по Франціи: — я былъ пораженъ, увидѣвъ обширное пространство земли, состоящее изъ громадныхъ скалъ, но воздѣланное съ трудолюбивѣйшею заботливостью. У каждаго домика есть оливковыя, тутовыя, миндальныя, персиковыя деревья, между которыми разсѣяны виноградники, такъ, что все пространство покрыто самою странною смѣсью этихъ садовъ съ утесистыми скалами. Жители этой деревни заслуживаютъ награды за свое трудолюбіе и получили бы ее, если бы я былъ французскимъ министромъ. Они скоро обратили бы въ сады всѣ окружающія ихъ пустыни. Эти дѣятельные хозяева оплодотворили свои скалы, конечно, потому, что они собственники этихъ скалъ. Они сдѣлали бы тоже самое со всѣми пустынями, еслибы были одушевлены всемогущимъ принципомъ собственности». Помимо того напряженія силъ, которое вызывается въ трудящемся чувствомъ собственности и котораго нельзя замѣнить никакимъ наемнымъ трудомъ, фермеръ, даже самый знающій и трудолюбивый, не можетъ никогда соперничать съ мелкимъ собственникомъ въ обработкѣ земли по той простой причинѣ, что земля, которую обработываетъ послѣдній, часто не можетъ окупать никакого труда. Мелкій собственникъ можетъ работать на всякой сколько нибудь удобной землѣ; его трудъ не купленный, и онъ сначала вполнѣ доволенъ и тѣмъ, если можетъ прокармливаться отъ принадлежащаго ему участка земли. Но тѣмъ съ большею энергіею напрягаетъ онъ свои силы, несетъ свои маленькія средства, чтобы оплодотворить свой участокъ, усилить его производительность. По мѣткому выраженію Сисмонди, «его маленькое наслѣдственное имѣніе есть постоянная сберегательная касса, всегда готовая принимать всѣ его маленькіе барыши, обращать въ прибыль всѣ его свободныя минуты». Чѣмъ долѣе идетъ время, тѣмъ болѣе растетъ и богатѣетъ эта касса, — и неустаннымъ трудомъ цѣлаго ряда поколѣній участокъ земли съ плохою почвою, даже съ голымъ пескомъ, какъ въ Бельгіи, ничего не стоившій, превращается въ плодоноснѣйшую и дорогую землю. Фермеръ такъ дѣйствовать не можетъ. Закладывая значительный капиталъ въ землю только на извѣстное число лѣтъ, онъ долженъ разсчитывать въ установленный непремѣнно срокъ выручить этотъ капиталъ и выручить съ болѣе или менѣе значительнымъ процентомъ прибыли, никакъ, по крайней мѣрѣ, не меньшимъ того, который онъ могъ бы получить на биржѣ и безъ всякаго труда. Потому, фермеръ можетъ брать въ аренду только землю лучшаго качества, но и на ней всегда встрѣтится много такихъ клочковъ, которые будутъ невыгодны для обработки наймомъ. По мнѣнію одного изслѣдователя, «даже въ тѣхъ приходахъ Шотландіи или Англіи, гдѣ существуетъ наилучшее хозяйство, въ этихъ оставляемыхъ фермерами безъ обработки клочкахъ пропадаетъ столько земли, что еслибы всѣ ихъ соединить и воздѣлать, ихъ достало бы на содержаніе всѣхъ бѣдныхъ прихода». Но и при совершенно одинаковыхъ условіяхъ почвы, предполагая даже, что фермеръ ни одного клочка земли не оставитъ не обработаннымъ, фермерское хозяйство все-таки не можетъ никогда достигнуть той высоты культуры, какой можетъ достигать хозяйство мелкаго собственника. Фермеръ, какъ человѣкъ, обыкновенно арендующій болѣе или менѣе обширное пространство земли, и притомъ принятый на ней, никогда не можетъ до такой глубины, подробности и тонкости изучить всѣ особенности той мѣстной почвы, на которой онъ ведетъ хозяйство, до какой изучаетъ ихъ всякій болѣе или менѣе смѣтливый мелкій собственникъ. Фермеръ можетъ быть съ большимъ запасомъ агрономическихъ свѣдѣній, можетъ имѣть не

менѣе обширныя свѣдѣнія въ земледѣльческой химіи,—но онъ никогда не въ состояніи «понимать около земли» въ данной мѣстности такъ, какъ понимаетъ мужикъ, который самъ изучилъ и изучаетъ ее каждый день практически въ теченіи многихъ лѣтъ съ самаго дѣтства и который, сверхъ того, получилъ о ней много практическихъ же свѣдѣній по наслѣдству отъ отцовъ и дѣдовъ. Этимъ «пониманіемъ около земли» поселяне собственники изумляютъ наблюдателей во всѣхъ странахъ. Они знаютъ до мельчайшихъ подробностей каждый шагъ своей земли—какого онъ свойства, какой требуетъ обработки и удобренія, для какихъ хлѣбовъ или злаковъ годенъ и т. п., и никакой агрономъ, никакой ученый и опытный фермеръ никогда не въ состояніи извлечь изъ участка, принадлежащаго поселянину-собственнику, всей той пользы, какую извлечетъ онъ самъ. Разсказывая о бытѣ тосканскихъ половниковъ, владѣющихъ землею, подобно собственникамъ, на наслѣдственномъ правѣ, Сисмонди слѣдующими чертами описываетъ ихъ изумительное, практикою пріобрѣтенное знаніе почвы своего участка. «Почти всѣ половники, говоритъ онъ:—живутъ изъ поколѣнія въ поколѣніе на одномъ участкѣ и знаютъ его во всей подробности. съ точностію, которая дается только чувствомъ собственности. Полосы полей, поднимающіяся террасами другъ надъ другомъ, часто имѣютъ въ ширину не больше двухъ футовъ, но качества каждой полосы изучены половникомъ; эта полоса суха, а эта холодна и сыра; тутъ растительный слой глубокъ, здѣсь скала едва прикрыта тонкимъ слоемъ земли; на этой полосѣ родится такой сортъ пшеницы, на другой полосѣ иной сортъ; тутъ напрасно было бы сѣять турецкую пшеницу, здѣсь земля не родитъ бобовъ; тутъ отлично родится ленъ, а подлѣ этого ручья она хороша для пеньки. Такимъ образомъ, вы съ удивленіемъ узнаете отъ половника, что на пространствѣ 10 арпановъ земля, по своимъ качествамъ и мѣстоположенію, имѣетъ множество разныхъ сортовъ, столько сортовъ, сколько не умѣетъ отличить богатый фермеръ на фермѣ въ 500 акровъ. Это оттого, что большой фермеръ чувствуетъ себя недолгимъ гостемъ на фермѣ и долженъ хозяйничать по общимъ правиламъ, пренебрегая подробностями. Половникъ имѣетъ опытъ прошедшаго, умъ его возбуждается страстью и выгодою, онъ превосходный наблюдатель, вся будущность принадлежитъ ему, онъ думаетъ не объ одномъ себѣ, а также о дѣтяхъ и внукахъ. Потому, когда онъ сажаетъ вѣковое оливковое дерево и въ глубинѣ ямы, вырытой для него, роетъ спускъ для воды, которая могла бы, повредить ему, онъ изучаетъ всѣ слои земли, которые прокапываетъ».

Наконецъ, когда рѣчь идетъ о превосходствѣ хозяйства поселянина-собственника надъ фермерскимъ хозяйствомъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ, можетъ быть, самомъ важномъ и главномъ обстоятельствѣ, въ которомъ сокрыта тайна этого превосходства и которымъ вполнѣ объясняется, почему трудъ поселянина-собственника напряженнѣе и успѣшнѣе труда фермера, почему онъ лучше знаетъ свою землю, чѣмъ послѣдній, и почему онъ способенъ скалы и пустыни обращать въ цвѣтущія нивы. Это обстоятельство есть любовь къ землѣ. Для фермера земля только источникъ прибыли; онъ кладетъ въ нее свой капиталъ, но не душу свою. Она предметъ его разсчетовъ, но не задушевныхъ его помысловъ; онъ не пожертвуетъ для нея не только часа своего собственнаго отдыха, но ни одного даже паемнаго часа, если не видитъ въ томъ прямой своей выгоды. Поселянинъ-собственникъ относится къ землѣ не такъ. Онъ сростается съ ней душою и сердцемъ; она дѣлается предметомъ его постоянныхъ заботъ и помысловъ, не только мѣстомъ его занятій, но и мѣстомъ его отдыха и наслажденій. Земля для него не кормилица только, она, по выраженію Милле, его любовница. Къ ней спѣшитъ онъ съ одинаковымъ удовольствіемъ и въ часы своего труда, и въ часы своего досуга и ей, какъ своему лучшему другу, повѣряетъ свои лучшія надежды и мечты. Чрезвычайно характеристично и полно глубокой правды изображеніе, сдѣланное Милле, какъ французскій поселянинъ собственникъ въ воскресенье, отправивъ въ церковь свою жену и дѣтей и одѣвшись самъ въ праздничное платье, чтобы немедленно идти туда же, какъ будто не нарокомъ попадаетъ на свое поле. Зачѣмъ и какъ онъ попадаетъ туда?—«Правда, дорога лежала ему близко къ землѣ; онъ зашелъ по дорогѣ. Онъ смотритъ на нее, но, разумѣется, онъ не пойдетъ на нее; что ему дѣлать на ней? А все таки онъ всходитъ на нее.—Но по крайней мѣрѣ, навѣрное, онъ уже не станетъ работать. Вѣдь онъ одѣтъ по праздничному. На немъ чистая блуза, бѣлая рубашка.—Что-жъ? Это не мѣшаетъ вырвать вотъ эту сорную траву, сбросить этотъ камень. Надобно было бы выдернуть еще вотъ этотъ корень, но съ нимъ нѣтъ заступа: это надо отложить до завтра.—И вотъ онъ складываетъ руки, стоитъ, смотритъ, серьёзный, полный мыслей. Долго, очень долго онъ смотритъ; онъ какъ будто забылся. Наконецъ, онъ замѣчаетъ, что за нимъ наблюдаютъ; онъ видитъ прохожаго и удаляется медленными шагами. Прошедши шаговъ тридцать, онъ опять останавливается, оборачивается, бросаетъ на свою землю послѣдній взглядъ, глубокій, задумчивый взглядъ, и кто понимаетъ то, что видитъ, тотъ видитъ страсть въ этомъ взглядѣ, видитъ, что вся душа его, вся любовь его въ томъ взглядѣ» *).

Читатель видитъ теперь ту силу, которая воодушевляетъ мелкаго собственника въ его трудѣ

*) Основныя начала пол. экономіи, Милля, т. I.

и которая производитъ тѣ чудеса въ земледѣльческой культурѣ, о которыхъ мы сказали выше. Но очевидно, эта сила можетъ присутствовать въ немъ только до тѣхъ поръ, пока онъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ, пока и въ будущемъ оно свѣтло для него, пока онъ надѣется чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе улучшать и возвышать его своимъ трудомъ, иначе говоря, до тѣхъ поръ, пока его собственность, т.-е. тотъ поземельный участокъ, которымъ онъ владѣетъ, вполнѣ достаточенъ, по крайней мѣрѣ, для пропитанія его съ его семействомъ. Разъ этотъ minimum нарушенъ и крестьянинъ отъ своей земли долженъ бѣжать на сторону искать себѣ куска хлѣба, собственность теряетъ свою чарующую силу, потому что при такой собственности онъ точно также остается не обезпеченъ въ своемъ пропитаніи, какъ и всякій батракъ и пролетарій. А не имѣя полнаго обезпеченія въ землѣ, крестьянинъ не можетъ, еслибы и хотѣлъ, сосредоточить на ней всѣ свои заботы и помыслы, не можетъ привязаться къ ней съ тою страстію, съ какою привязывается къ ней мелкій собственникъ, вполнѣ ею обезпечиваемый. Переставъ быть его кормилицей, земля перестаетъ быть и его любовницей. Какъ скоро порвана эта внутренняя связь между крестьяниномъ и землей,— конецъ благосостоянію крестьянина и страны. Крестьянинъ обрекается на вѣчное нищенство, страна на хищничество и опустошеніе своихъ земель. «Если, говоритъ Дж. Ст. Милль,—участокъ земли, принадлежащій поселянину, недостаточенъ для поддержки его благосостоянія, то хотя бы этотъ участокъ принадлежалъ ему по праву полной собной собственности, такое положеніе дѣлъ, имѣя всѣ невыгоды, едва ли будетъ имѣть хотя какую нибудь изъ выгодъ системы мелкой собственности. Поселянинъ принужденъ будетъ тогда или скудно жить продуктами своей земли, или постоянно пріобрѣтать средства къ жизни, нанимаясь въ работники, какъ будто вовсе нѣтъ у него поземельной собственности, а если всѣ сосѣдніе участки также мелки, какъ его участокъ, то ему трудно будетъ и находить себѣ работу» *). А недостатокъ работы, при множествѣ конкуррентовъ на нее, естественно и неизбѣжно поведетъ къ пониженію вообще заработной платы въ мѣстности, а, слѣдовательно, и къ пониженію въ ней общаго благосостоянія

Но это не все. Земледѣльческая культура страны, гдѣ поземельная собственность преимущественно мелкая, а поземельные участки, принадлежащіе мелкимъ собственникамъ такъ незначительны, что не могутъ ихъ пропитывать, должна неминуемо съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе падать. Крестьянинъ, который отъ своей земли долженъ бѣгать и на сторонѣ искать себѣ заработковъ для пропитанія, не можетъ ни такъ хорошо знать свою землю, какъ знаетъ ее мелкій собственникъ, прокармливающійся отъ нея и постоянно одною или ею преимущественно занятый, ни такъ тщательно ее обрабатывать. Напротивъ, съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе будетъ отставать отъ нея, обрабатывать ее небрежно, какъ наемникъ, стремиться и приспособляться къ тѣмъ заработкамъ, которые обѣщаютъ болѣе обезпеченія, и въ концѣ концовъ, вѣрно, броситъ ее. Такая обработка земли будетъ истощать почву страны, уменьшитъ земледѣльческій продуктъ въ ней и размножитъ въ сельскомъ населеніи пролетаріатъ—людей, отставшихъ отъ земледѣлія и неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій для своего пропитанія. Ибо стоитъ разъ отстать отъ земледѣлія, а потомъ возвратиться къ нему будетъ очень трудно. Еще Гакстгаузенъ, разсуждая объ отхожихъ промыслахъ и производимомъ ими передвиженіи населенія въ Россіи, писалъ: «Это передвиженіе ослабляетъ и разрушаетъ любовь къ семьѣ и къ своей родинѣ и, кромѣ того, отнимаетъ отъ земледѣлія нужныя для него руки. Замѣчено, и это можно принять за постоянное правило въ Россіи, что человѣкъ, по какой бы то ни было причинѣ, бросившій земледѣліе, никогда не возвращается къ нему болѣе. Въ особенности рѣзко это видно на отставныхъ солдатахъ, которые, не имѣя обыкновенно никакихъ средствъ, идутъ въ сторожа, въ разносчики, въ лакеи и т. д., но никогда не возвращаются къ своему прежнему состоянію земледѣльцевъ» **).

Но, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ культура земли, должно пострадать моральное развитіе народа въ каждой странѣ, гдѣ массы теряютъ прочное обезпеченіе въ средствахъ къ жизни. Въ этомъ отношеніи воспитательное значеніе собственности,—и именно только вполнѣ обезпечивающей собственности,—ничѣмъ незамѣнимо. Первое, что даетъ такая собственность каждому крестьянину, это—чувство хозяйственной сатостоятельности, независимости ни отъ кого и ни отъ чего, кромѣ собственнаго труда. Разъ крестьянинъ сознаетъ, что онъ стоитъ на корню, что его матеріальное благосостояніе находится въ его собственныхъ рукахъ, онъ уже поставленъ самымъ этимъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи сравнительно съ другими простыми работниками его среды на такую высоту, которая достижима, быть можетъ, только для немногихъ изъ послѣднихъ. Въ немъ немедленно является смыслъ, сообразительность и извѣстная широта взгляда относительно своего дѣла. Это уже не простой рабочій, который машинально дѣлаетъ то, что ему укажутъ, которому нѣтъ дѣла до того, чѣмъ заняты другіе, которому все равно, что бы изъ

*) Тамъ же, стр. 329.

**) Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни и проч., соч. Гакстгаузена, стр. 124. Москва. 1870 г.

работы ни вышло. Онъ уже соображаетъ, какъ и что надобно дѣлать, чѣмъ и когда лучше заняться, придумываетъ, какъ бы лучше повести дѣло. У него является естественная гордость— не ударить лицомъ въ грязь передъ другими, не повести хозяйства хуже другихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пробуждается естественное желаніе узнать, какъ и что дѣлается у другихъ, поучиться, позаимствовать лучшее,—однимъ словомъ, пробуждается любознательность и наблюдательность. Недаромъ же замѣчаютъ, что англійскій работникъ, у котораго отнята мысль имѣть собственность, стоитъ по смѣткѣ и сообразительности гораздо ниже рабочихъ континентальныхъ странъ. Та же самая гордость заставляетъ хозяина-собственника,— бѣденъ ли онъ, богатъ ли,— довольствоваться своимъ достаткомъ, не протягивать руки къ своему сосѣду за разными подачками. Это стремленіе быть обязаннымъ всѣмъ самому себѣ порождаетъ въ немъ разсчетливость и бережливость. Какъ батраки и вообще люди, неимѣющіе обезпеченнаго хозяйства, не заботятся о будущемъ и тратятъ всѣ свои заработки, такъ, напротивъ, земледѣльцы - собственники, вполнѣ обезпеченные, склонны совершенно къ противоположной крайности; ихъ бережливость нерѣдко переходитъ въ скопидомство. «Они,— говоритъ Милль,— отказываютъ себѣ въ удобствахъ и удовольствіяхъ, которыхъ нельзя было бы не одобрить, и живутъ скудно, чтобы копить деньги». Но это зло еще неважное, хотя такое скопидомство и превращается иногда въ кулачество. Милль справедливо говоритъ, что «еще дешево покупается этою цѣною неоцѣненное достоинство, какое составляетъ для народа водвореніе привычки опираться на собственныя силы; это достоинство одно изъ первыхъ условій всего хорошаго въ человѣкѣ, это корень, безъ котораго трудно утвердиться въ человѣкѣ всѣмъ другимъ хорошимъ качествамъ; это качество, необходимое рабочему классу даже и для того, чтобы достичь порядочнаго матеріальнаго благосостоянія». Кромѣ того, кулачество между вполнѣ обезпеченными крестьянами можетъ быть явленіемъ только исключительнымъ; скопидомство можетъ случаться чаще, но оно большею частію не только безвредно, но иногда и полезно по пословицѣ: «скупость не глупость»; замѣчено, что крестьяне во всѣхъ странахъ копятъ свои деньги большею частію для того, чтобы прикупить землицы. Слѣдовательно, въ общемъ остается благоразумная бережливость. Что значитъ быть благоразумно бережливымъ? Это значитъ для крестьянина не бросать денегъ зря, но вести расходъ такъ, чтобы и хозяйство держать въ добромъ порядкѣ, и себя самого такъ, чтобы передъ міромъ не было стыдно. У бережливаго хозяина и кафтанъ всегда добросуконный и чистый, и сапоги кожаные высокіе, и домъ хорошій, неразвалившійся, и въ домѣ все чисто и прилично, и хлѣбъ-соль есть. Онъ и воровать не пойдетъ, и въ кабакъ безъ нужды не пойдетъ, и ссоръ и дракъ не затѣетъ, даже въ домѣ своемъ съ женою и дѣтьми будетъ обращаться по иному, не какъ другіе. Однимъ словомъ, создайте только бережливаго, т. е. имѣющаго обезпечивающую вполнѣ собственность, хозяина, и вы поднимете нравственность народа на неизмѣримую высоту въ сравненіи съ тѣмъ, что есть теперь хоть бы у насъ. И наоборотъ, если вы не дадите крестьянину ни кола, ни двора или посадите его на такомъ клочкѣ земли, который даже скудно пропитывать его не можетъ, то нѣтъ ничего мудренаго, что онъ сдѣлается мало по малу и лѣнтяемъ, и пьяницею, и воромъ и т. п.

Нельзя не пожалѣть, что люди, которые у насъ болѣе всѣхъ кричатъ о безнравственности народа, о его лѣности, пьянствѣ, страсти къ воровству и т. п., менѣе всѣхъ вникаютъ въ причины этой безнравственности. Всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о безнравственности народа, у нихъ нѣтъ никакихъ другихъ мѣръ противъ угрожающаго зла, кромѣ усиленія полицейскихъ мѣръ; благо это такія мѣры, которыхъ не нужно выдумывать, онѣ всѣми свято памятуются и хранятся, какъ отчее наслѣдіе, хотя людямъ, титулующимъ себя образованными, должно бы быть извѣстно, что полицейскія мѣры не могутъ создавать ни благосостоянія, ни нравственности, а могутъ только охранять ихъ, въ излишествѣ же употребляемыя самымъ вѣрнымъ образомъ разрушаютъ и то, и другое. За то, когда становится вопросъ о мѣрахъ, которыя дѣйствительно могли бы поднять нравственность народа, именно о прочномъ матеріальномъ обезпеченіи его, о солидномъ устройствѣ его хозяйства, тѣ же самые моралисты являются рѣшительными противниками этихъ мѣръ. Еслибы это происходило изъ исторической вражды сословій, съ этимъ еще можно бы было помириться; была бы причина; но у насъ этой вражды, благодаря Бога, нѣтъ. Еслибы это происходило изъ какихъ-нибудь тонкихъ разсчетовъ своекорыстія, и съ этимъ даже можно бы было помириться; ибо кто себѣ врагъ? Но и этого нѣтъ. Никто не доволенъ, и трудно, въ самомъ дѣлѣ, быть довольнымъ, постоянно чувствуя, что бокъ о бокъ съ тобой живетъ безчисленное множество голодныхъ и холодныхъ сосѣдей, изъ которыхъ каждый, по самому естественному чувству, можетъ смотрѣть на тебя, какъ на единственнаго сытаго между ними, не иначе, какъ съ завистію и злостію, и изъ которыхъ каждому при извѣстномъ возбужденіи, въ страстномъ состояніи, подъ гнетомъ тяжелой нужды, можетъ легко запасть блажная мысль убить тебя, ограбить, поджечь и проч. Жизнь ли это? Очевидно, что такой жизни никто желать себѣ не можетъ, а слѣдовательно, не можетъ и создавать, и устроивать ее для себя по преднамѣренному расчету. А если она создалась и устроилась руками тѣхъ именно, которые ея не желали, то это могло произойти отъ недомы-

слія, крайней ограниченности, совершеннаго непониманія своихъ прямыхъ выгодъ. Такъ оно дѣйствительно и было.

Перечитывая отчеты редакціонныхъ коммиссій, невольно изумляешься тому усердію, съ которымъ члены губернскихъ комитетовъ хлопочутъ не только объ уменьшеніи крестьянскихъ надѣловъ до невозможности вести на нихъ какое бы то ни было хозяйство, но и о совершенномъ обезземеленіи крестьянъ. Напрасно редакціонныя коммиссіи возражаютъ имъ, что правительство согласиться на это не можетъ, что при слишкомъ сильномъ сокращеніи крестьянскихъ надѣловъ оно было бы поставлено въ необходимость вводить ихъ насильственными мѣрами. Что-жъ за важность—насильственныя мѣры?! Если онѣ нужны, то почему же ихъ и не употребить?!

Такой или почти такой отвѣтъ даютъ депутаты коммиссіямъ въ слѣдующихъ, нисколько не двусмысленныхъ выраженіяхъ: «Мы вовсе не считаемъ,—говорятъ они послѣднимъ,—серьёзнымъ доводъ редакціонныхъ коммиссій касательно невозможности для правительства отвѣчать за сохраненіе общественнаго спокойствія при уменьшеніи надѣловъ крестьянъ... Дворянство хорошо знаетъ условія сельскаго быта и не могло бы предложить опасную мѣру, тѣмъ болѣе, что эта опасность прежде всего обратилась бы на самихъ помѣщиковъ. Правительство также не откажется отъ своей обязанности поддерживать и защищать право собственности, хотя бы и старались его увѣрить, что такая защита опасна для общественнаго спокойствія» *).

Итакъ, вопросъ объ уменьшеніи крестьянскаго надѣла противъ крѣпостной нормы для губернскихъ депутатовъ былъ нѣкоторымъ образомъ вопросомъ жизни и смерти! Добиваться возможнаго сокращенія этихъ надѣловъ надобно было во что бы то ни стало, даже съ требованіемъ употребленія оружія! Что же! Земли что ли въ пользованіи крестьянъ во время крѣпостного права было такъ много, что еслибы отдать всю эту землю имъ въ собственность, у помѣщиковъ не на чемъ было бы вести свое хозяйство? Нѣтъ,—по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1861 году редакціонными коммиссіями о числѣ помѣщиковъ и крестьянъ и о количествѣ находившейся въ пользованіи тѣхъ и другихъ земли, извѣстно, что состояло земли: въ распоряженіи 103,158 пом. 69,721,094 д. въ пользованіи 9,795,163 крест. 35,779,014 д., такъ что среднимъ числомъ на каждаго помѣщика приходилось 673 десятины, на каждаго крестьянина только 3,6 десятины! Надѣлъ, кажется, не роскошный, и скорѣе слѣдовало бы стараться увеличить его, по крайней мѣрѣ, вдвое, если не втрое, чѣмъ требовать его урѣзки даже съ употребленіемъ, еслибы понадобилось, оружія.

Что же, спрашивается, заставляло губернскихъ депутатовъ вести въ коммиссіяхъ ожесточенную борьбу за сокращеніе крестьянскихъ надѣловъ до крайняго минимума, даже до обезземеленія, и отстаивать чуть не каждый шагъ земли, точно у нихъ отнимаютъ послѣднее достояніе?

Недомысліе и ограниченность, а никакъ не злобство. Эти добродушные люди, требовавшіе сокращенія крестьянскихъ надѣловъ, не страшась даже употребленія оружія, совершенно не понимали, что они дѣлали. И если ужъ нужно кого нибудь здѣсь обвинять, то, подражая гоголевскому почтмейстеру, обвинявшему въ прибытіи ревизора французовъ, правильнѣе было бы сказать, что англичанинъ гадилъ, а никакъ не они. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ всѣ дебаты о надѣлахъ сквозитъ розовая мысль о томъ, какъ это хорошо будетъ въ Россіи, когда она уподобится Англіи, когда у мужика, какъ здѣсь, земли не будетъ или вовсе, или будетъ очень мало, а есть мужикъ будетъ хотѣть по прежнему, и онъ, натурально, будетъ поставленъ въ необходимость арендовать господскія земли. Какія массы явится тогда конкурентовъ на земли, — какія огромныя ренты будутъ получать землевладѣльцы русскіе, пожалуй, еще покрупнѣе, чѣмъ въ Англіи!

Не будемъ пока говорить о безсмыслицѣ самаго представленія, которымъ предполагается возможность установить въ Россіи такія же поземельныя отношенія, какія существуютъ въ Англіи. Согласимся на время, что это возможно и что русскіе землевладѣльцы искренно желаютъ всѣхъ русскихъ мужиковъ превратить въ арендаторовъ. По здравому смыслу, что для этого надобно дѣлать? Надобно дать крестьянину столько земли, чтобы онъ не только былъ обезпеченъ въ своемъ существованіи, но даже имѣлъ достатокъ. Да, чтобы имѣлъ даже достатокъ. Потому, что за радость имѣть арендатора, у котораго нѣтъ ни кола, ни двора, который ничего не имѣетъ и не можетъ ничѣмъ обезпечить свою аренду, и который, въ родѣ кочевника, можетъ ускакать отъ васъ во всякое время, потому что ему жалѣть даже нечего? Но, говорятъ: — если вы дадите крестьянину столько земли, что онъ въ своемъ пропитаніи будетъ обезпеченъ, онъ ограничится ея обработкой, болѣе не будетъ ничего ни искать, ни дѣлать, и потому арендовать чужихъ земель не будетъ. По здравому смыслу это опять не такъ. Политическая экономія учитъ, что самое вѣрное средство возбудить всю энергію силъ работника къ труду—это возвысить и увеличить его потребности, воспитать его въ такихъ привычкахъ, которыя требуютъ большихъ средствъ для своего удовлетворенія. А этого можно достигнуть не иначе, какъ поставивъ его на такой уровень благосостоянія, который давалъ бы нѣкоторую возможность удовлетворять вновь появляющимся потребностямъ и образовываться лучшимъ привычкамъ. Если мужикъ будетъ обезпеченъ въ своемъ пропитаніи съ нѣкоторымъ избыткомъ, то у него

*) Крестьянское дѣло, Сребицкаго, Т. II, ч. 1-я, стр. 137.

явится желаніе и самому имѣть кафтанъ получше, и жену нарядить, и избу устроить получше, и скотъ, и разную утварь завести получше и тому подобныя потребности, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, явится желаніе, за недостаткомъ своей, прихватить землицы на сторонѣ. При такомъ настроеніи нечего опасаться, что онъ не успѣетъ справиться съ работой, онъ наработаетъ вдвое, втрое противъ того, что онъ работаетъ теперь,—но при этомъ будетъ и сосѣдъ хорошій, и съемщикъ земли надежный.

Но такъ учитъ здравый смыслъ; по уличной и классической экономіи,—что, впрочемъ, зачастую почти одно и то же,—изъ которой всѣ почерпаютъ хозяйственную мудрость, выходитъ это совсѣмъ иначе. Хозяинъ скопидомъ, пользуясь труднымъ положеніемъ и даже просто какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ нанимающихся къ нему рабочихъ, хочетъ обобрать ихъ, дать имъ цѣну далеко не божескую, но нѣсколько сомнѣвается: не будетъ ли, дескать, это ужъ очень несправедливо и обидно для рабочихъ? Онъ беретъ первое попавшееся ему подъ руку политико-экономическое сочиненіе, чтобы найти разрѣшеніе своему сомнѣнію,—и читаетъ: «принужденіе къ работѣ законодательнымъ путемъ, говоритъ авторъ сочиненія:—соединено съ слишкомъ большими трудностями, насиліями и шумомъ, между тѣмъ, какъ *голодъ* оказываетъ не только мирное, безгласное и постоянное давленіе, но, какъ самый естественный мотивъ для промышленности и труда, вызываетъ также и наибольшее напряженіе силъ». «Нѣтъ, этотъ что-то ужъ черезъ-чуръ хватаетъ,—съмъ-ко я возьму что-нибудь поскладнѣе и болѣе научное», и беретъ классическаго автора. Но и классическій авторъ говоритъ ему: напрасно вы сомнѣваетесь; смѣло давайте грошъ вмѣсто рубля, если рабочіе соглашаются на это. Тутъ вы ни въ чемъ не виноваты; тутъ вы дѣйствуете по непреложному закону спроса и предложенія. И если вы дадите больше, то сдѣлаете просто даже глупость. Въ каждой странѣ существуетъ извѣстный неизмѣнный фондъ заработной платы, изъ котораго каждому рабочему достается именно столько, сколько должно достаться. Каждый частный предприниматель или хозяинъ есть ео ipso представитель этого фонда, и сколько бы онъ ни давалъ рабочему по непреложному закону спроса и предложенія, онъ даетъ именно столько, сколько слѣдуетъ дать. Такъ ужъ это установлено самимъ Богомъ, гласятъ послѣдователи классической экономіи,—и, кромѣ того, архифилистеромъ Іереміею Бентамомъ, прибавляетъ злобно авторъ «Капитала», извѣстный ересіархъ, отщепенецъ православной экономіи.

Таковы господствующія воззрѣнія и уличной, и классической экономіи,—воззрѣнія, которыми мы пропитываемся всѣ съ дѣтства, сначала отъ нашихъ родителей, отъ лицъ близкихъ къ намъ, потомъ въ школѣ, потомъ во всѣхъ кругахъ и обществахъ, куда насъ забрасываетъ судьба. И можетъ-быть, въ настоящее время не много можно найти натуръ, настолько сильныхъ, которыя вполнѣ отрѣшились отъ этихъ воззрѣній и почитаютъ безчестнымъ обирать своего собрата подъ благовиднымъ прикрытіемъ закона спроса и предложенія. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, если ни члены губернскихъ комитетовъ, ни редакціонныя коммиссіи не нашли ничего ни предосудительнаго, ни несправедливаго въ томъ, чтобы примѣнить принципъ конкурренціи къ поземельной рентѣ и основать у насъ систему *коттерства*, т. е. такую систему аренды, въ которой крестьяне, неимѣющіе вовсе земли или имѣющіе ея недостаточное количество, нанимаютъ земли сами непосредственно у землевладѣльца, и въ которой та или другая величина выдаваемой ими ренты опредѣляется ихъ взаимнымъ соперничествомъ.

Извѣстно, что нигдѣ не принято отдавать земли въ пользованіе замлевладѣльцамъ-поселянамъ на принципѣ соперничества. Они пользуются землей обыкновенно или на правѣ собственности, или на правѣ потомственнаго владѣнія за извѣстную, твердо опредѣленную неизмѣнную ренту, или, наконецъ, на правѣ временнаго владѣнія за ренту, опредѣляемую обычаемъ. Система коттерства подъ вліяніемъ англійскихъ поземельныхъ отношеній развилась и господствуетъ въ Европѣ исключительно въ Ирландіи. Подъ вліяніемъ тѣхъ же отношеній она основалась въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи, но потомъ оставлена. Въ сущности, впрочемъ, система коттерства не имѣетъ ничего общаго съ системою англійскаго арендованія земель или крупнаго фермерства, хотя и та, и другая основаны на принципѣ соперничества. По системѣ фермерства земли отдаются обыкновенно капиталистамъ или вообще людямъ состоятельнымъ, слѣдовательно, конкурренція идетъ здѣсь между капиталистами. Капиталистъ не выдастъ за землю такой ренты, которая уничтожила бы его прибыль. Онъ разсчитаетъ все: необходимый для затраты капиталъ, издержки производства, процентъ прибыли и дастъ за аренду приблизительно ни болѣе, ни менѣе того, чего она въ дѣйствительности стоитъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда конкурентами на аренду являются люди, ничего неимѣющіе, у которыхъ нѣтъ не только никакого солиднаго капитала, но нечѣмъ даже заплатить за аренду, мало того: нечѣмъ даже, быть можетъ, просуществовать завтрашній день. Понятно, что такіе люди не могутъ раздумывать: дешево или дорого съ нихъ требуютъ за аренду, они готовы всегда дать какую угодно цѣну, только бы имъ дали землю. Секретарь коммиссіи, изслѣдовавшей законы о бѣдныхъ въ Ирландіи, Ривенсъ, говоритъ, что онъ видѣлъ въ Ирландіи ферму, которая не могла давать, какъ ему до точности извѣстно, доходу болѣе 50 фунтовъ стерлинговъ въ годъ и которая, благодаря коттерству, находилась въ арендѣ за 450 фунтовъ стерлинговъ. «Въ Ирландіи,—говоритъ онъ же,—въ каждой семьѣ, неимѣющей достаточно земли для своего

прокормленія, одинъ или нѣсколько человѣкъ ходятъ по міру; изъ этого легко понять, что поселяне всячески стараются снимать мелкіе участки, и что предлагаемая ими рента не основывается ни на плодородіи земли, ни на собственной ихъ возможности заплатить обѣщанныя деньги: они просто обѣщаютъ плату какую угодно, лишь бы получить участокъ. Почти никогда не могутъ они уплатить обѣщанную ренту, и потому, какъ только вступили въ пользованіе землею, становятся должниками людямъ, у которыхъ сняли ее. Въ уплату ренты они отдаютъ весь продуктъ земли, за исключеніемъ картофеля, нужнаго на ихъ прокормленіе; но вся эта плата бываетъ обыкновенно меньше обѣщанной ренты, потому долгъ ихъ обыкновенно ростетъ. Иногда обѣщанная рента бываетъ больше всего самаго урожайнаго продукта, какой когда-либо случался въ участкѣ, или какой можетъ дать участокъ въ наилучшее лѣто при существующей системѣ обработки; поэтому еслибы поселянинъ исполнилъ условія договора съ землевладѣльцемъ, которыхъ почти никогда не можетъ исполнить, то онъ воздѣлывалъ бы землю задаромъ, и еще давалъ бы землевладѣльцу премію за позволеніе воздѣлывать ее» *).

Конечно, въ странѣ, гдѣ много свободныхъ земель и населеніе по отношенію къ нимъ не очень еще значительно, какъ у насъ, система коттерства не можетъ причинять особенный вредъ, хотя, впрочемъ, и у насъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, густо населенныхъ, какъ, напримѣръ, Курской, Тамбовской и т. п., она начинаетъ сказываться довольно ощутительно. Но для насъ въ данномъ случаѣ важенъ не столько размѣръ явленій, уже вызванныхъ у насъ системою коттерства, сколько внесеніе въ нашу жизнь самаго принципа, который не преминетъ вызвать вездѣ, гдѣ откроется возможность, сродныя себѣ явленія. Что система коттерства принесетъ огромный вредъ всюду, гдѣ она успѣетъ развиться и утвердиться,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; она раззорила окончательно ирландскій народъ и до настоящаго времени остается источникомъ всевозможныхъ бѣдствій въ Ирландіи. Мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь желалъ въ наше землевладѣніе ввести ирландскія отношенія. И если система коттерства имѣлась у насъ въ виду при надѣлѣ крестьянъ землею и потомъ, дѣйствительно, какъ бы санкціонирована скудостію надѣловъ, то этого мы не можемъ себѣ объяснить ничѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, что ни члены губернскихъ комитетовъ, ни даже члены редакціонныхъ коммиссій не были знакомы съ разрушительными дѣйствіями этой системы. Иначе они не допустили бы такихъ ничтожныхъ надѣловъ именно въ тѣхъ губерніяхъ, которыя населены очень густо и гдѣ она очень легко и быстро можетъ утвердиться, или, по крайней мѣрѣ, предупредили бы ея развитіе какими-нибудь ограниченіями. Вообще обществу нашему пока совершенно не ясенъ тотъ вредъ, которымъ угрожаетъ въ будущемъ нарождающаяся у насъ система коттерства. Многіе радуются даже тому, что въ нѣкоторыхъ густо населенныхъ губерніяхъ арендная плата идетъ съ каждымъ годомъ все въ гору и гору, полагая, что это именно и есть знаменіе наступленія того, обѣщающаго нашимъ русскимъ лендлордамъ золотыя горы, фермерства, о которомъ они мечтали въ дни разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Между тѣмъ, всякому извѣстно, что истинное фермерство не можетъ явиться ни въ одной странѣ прежде, чѣмъ почувствуется въ ней необходимость и возможность приложенія большихъ капиталовъ къ землѣ, и прежде, чѣмъ образуются капиталисты изъ самихъ земледѣльцевъ или людей, изучавшихъ земледѣліе теоретически, которые одни и способны быть фермерами. Въ настоящее же время роль фермеровъ у насъ разыгрываютъ или кулаки-купцы, или евреи, или ненашедшій для себя нигдѣ помѣщенія и хлѣба благородный людъ, т. е. аферисты, которые ничего не смыслятъ въ земледѣліи, смотрятъ на аренду, какъ на выгодную аферу, и которые о томъ только и заботятся, чтобы какъ можно скорѣе выжать изъ арендуемой ими земли все, что можно, убѣжать отъ нея и перейти къ какой-нибудь другой аферѣ, болѣе выгодной. Такое фермерство для почвы, пожалуй, еще хуже всякаго коттерства, потому что оно безпощадно истощаетъ землю, когда обрабатываетъ ее наемнымъ трудомъ; а когда, раздѣляя ее на мелкіе участки, раздаетъ въ аренду крестьянамъ, то дѣлается это на основаніи того же принципа соперничества, какъ и система коттерства, но съ тѣмъ различіемъ противъ послѣдней, что арендаторъ, какъ платящій ренту, назначаетъ гораздо высшія цѣны за отдаваемые въ наемъ участки, чѣмъ назначилъ бы самъ землевладѣлецъ. Если есть какое нибудь преимущество русскаго фермерства передъ системою коттерства, то развѣ только въ томъ, что, по рѣдкости аферистовъ, фермерство зло пока рѣдкое и вредитъ болѣе частнымъ интересамъ лицъ и интеллигентныхъ, и состоятельныхъ, которыя сами могутъ защитить себя, если захотятъ; слѣдовательно, зло это терпѣть еще кой-какъ можно; но коттерство совсѣмъ другое дѣло. Это такое зло, которое угрожаетъ распространиться и которое всею своею тяжестью падаетъ на беззащитный и неразвитой народъ. Этого зла правительство не можетъ и не должно терпѣть; оно имѣетъ и право, и обязанность подавить его немедленно въ его началѣ. «Рентамъ, — говоритъ Милль, — платимымъ поселянами, никогда не слѣдуетъ быть произвольными, никогда не слѣдуетъ зависѣть отъ землевладѣльца; эти ренты необходимо должны быть опредѣлены неизмѣнно обычаемъ или закономъ; а гдѣ не установился, какъ въ тосканскомъ

*) Осн. пол. эк. Милля, т. I, стр. 373.

половничествѣ, взаимный выгодный обычай, тамъ разсудокъ и опытъ требуютъ, чтобы рентамъ была назначена неизмѣнная величина государственною властью» *).

Все, что мы говорили доселѣ о поселянахъ-собственникахъ, мы говорили почти исключительно на основаніи богатыхъ свѣдѣній, собранныхъ по этому предмету Д. С. Миллемъ и помѣщенныхъ въ его Политической экономіи. Хотя сочиненіе это выходитъ въ свѣтъ на русскомъ языкѣ, кажется, уже третьимъ изданіемъ и существовало въ самомъ началѣ разрѣшенія крестьянскаго вопроса, тѣмъ не менѣе можно фактами доказать, что оно остается до настоящаго времени неизвѣстно нашимъ оффиціальнымъ и оффиціознымъ лицамъ, и его превосходное изслѣдованіе о мелкой поземельной собственности, писанное точно нарочито для нашей страны, остается у насъ безъ всякаго вниманія, именно въ то время, когда идетъ коренное преобразованіе крестьянскаго быта во всѣхъ направленіяхъ. Нельзя не признаться, что это составляетъ одно изъ прискорбныхъ явленій нашей жизни, что люди, назначаемые въ разныя преобразовательныя коммиссіи, очень часто ничего не знаютъ и ничего не читаютъ, но преобразовываютъ все такъ, какъ имъ Богъ положитъ на душу. Оттого многіе преобразовательные эксперименты ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которые совершались во время Ѳедора Иваныча и Бориса Годунова разными безграмотными боярами и подъячими, и только ломаютъ и уродуютъ то, что было лучшаго въ развитіи народа, не сознавая сами ничего ни нужнаго, ни желаемаго для народа. Пора бы, кажется, положить конецъ такому порядку вещей и приставлять ко всякому дѣлу, въ особенности въ законодательныхъ вопросахъ, такихъ людей, которые приготовлены къ нему или, по крайней мѣрѣ, старались уразумѣть и изучить его. У нашихъ сосѣдей пруссаковъ юноша, предназначающій себя въ государственную службу, обязывается окончить полный курсъ наукъ по подлежащему для этой цѣли факультету. «Потомъ онъ долженъ извѣстное число лѣтъ прослужить въ томъ вѣдомствѣ, которое онъ избралъ по своей спеціальности, для того, чтобы практически изучать свое дѣло. И только тогда уже онъ допускается къ испытанію, которое признаетъ его вполнѣ способнымъ къ государственной службѣ, или не признаетъ. Для лицъ, желающихъ получить право на занятіе высшихъ должностей, по финансовому, напримѣръ, управленію, при испытаніи требуется знаніе: государственнаго права, политической экономіи, полицейскаго и финансоваго права, и, по крайней мѣрѣ, общее знакомство съ вспомогательными камеральными науками, особенно съ сельскимъ хозяйствомъ». «Славу и гордость Пруссіи, — говоритъ Петерсъ, — составляетъ то, что она въ числѣ своихъ чиновниковъ имѣетъ людей образованныхъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Чтобы поддержать эту славу, тщательно блюдутъ за тѣмъ, чтобы въ государствѣ не ослабѣвало научное образованіе» **).

Конечно, для нашихъ чиновниковъ такихъ высокихъ требованій ставить невозможно. Но все-таки было бы желательно, чтобы, по крайней мѣрѣ, лицамъ, назначаемымъ въ преобразовательныя коммиссіи, нарочито предлагали что-нибудь прочитывать по тѣмъ предметамъ, которые должны подлежать обсужденію. Тогда въ ихъ словахъ чувствовалось бы скромное и убѣдительное знаніе дѣла, а не банальныя только и ярыя фразы, какія вѣщаетъ, напримѣръ, хоть г. фонъ-Бушенъ о предметѣ, ему мало извѣстномъ, а въ ихъ законопроэктахъ видна была бы мудрая осторожность и подобающее уваженіе къ здравому народному смыслу.

Отъ общихъ соображеній о томъ экономическомъ состояніи, которое должно было создаться нашею системою надѣловъ, мы перейдемъ теперь къ самимъ фактамъ.

Докладъ высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующее интересное свѣдѣніе о крестьянахъ:

«Крестьяне жадно покупаютъ земли какъ въ черноземныхъ, такъ и нечерноземныхъ мѣстностяхъ и часто платятъ за землю столь дорого, что предлагаемая ими цѣна далеко не соотвѣтствуетъ установившейся доходности, но, покупая малыми участками и почти не цѣня свой трудъ, они, тѣмъ не менѣе, считаютъ такія сдѣлки для себя выгодными. Земля пріобрѣтается крестьянами въ собственность вообще единолично, а иногда нѣсколькими хозяевами вмѣстѣ путемъ складчины. Крестьянинъ, купившій землю въ личную собственность, относится къ ней съ крайнею бережливостью, какъ опытный и разсудительный хозяинъ. При этомъ онъ рѣдко выходитъ изъ общины и рѣдко бросаетъ свой прежній надѣлъ, хотя землею, находящеюся въ общинномъ владѣніи, пренебрегаетъ (!?) и часто сдаетъ односельчанамъ. Были случаи, когда крестьяне покупали землю не только небольшими участками, но и цѣлыми небольшими имѣніями. Небольшими же участками въ теченіи одного года въ Курской губерніи было куплено крестьянами земли на сумму до 2-хъ милліоновъ рублей» ***).

Вотъ фактъ, который безъ всякихъ комментаріевъ наглядымъ образомъ рисуетъ намъ современное положеніе крестьянскаго хозяйства. Крестьянинъ бѣжитъ отъ даннаго ему надѣла и покупаетъ вновь себѣ землю на сторонѣ. «Но

*) Основ. политич. экон. Милля. Т. I-й, стр. 385.
**) Финансовое управленіе и финансы Пруссіи, соч. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. Спб. 1871. Т. I-й, стр. 101—112.
***) См. Докладъ и проч. стр. 8.

какъ же это такъ? Вѣдь онъ заплатилъ выкупъ за землю?» Да, заплатилъ, но онъ поступается своими деньгами; ему не въ моготу сидѣть на такомъ клочкѣ земли, на которомъ онъ ничего заработать не можетъ, и онъ находитъ выгоднѣйшимъ вдвое, втрое болѣе потратить денегъ, только добиться бы количества земли, настолько достаточнаго, чтобы онъ могъ вкладывать свой трудъ не напрасно, чтобы земля была дѣйствительной его кормилицей. Докладъ дѣлаетъ намекъ, что крестьяне пренебрегаютъ своими надѣлами вслѣдствіе общиннаго землевладѣнія. Но это собственное предположеніе авторовъ доклада, на которое нѣтъ ни малѣйшаго намека въ тѣхъ показаніяхъ, на которыя они ссылаются, и которое вполнѣ опровергается тѣмъ, что земли равно охотно покупаются крестьянами и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ общины, какъ то: въ губерніяхъ Харьковской, Полтавской, и въ Сѣверо-западномъ краѣ и т. п. Кромѣ того, наши нѣмцы-колонисты не бѣгутъ же изъ своихъ общинъ. Очевидно, что если крестьянинъ при малѣйшей возможности уходитъ отъ своего надѣла, поступаясь даже заплаченными за него деньгами, то дѣло тутъ не въ общинѣ, а въ недостаточности надѣла, въ томъ, что, оставаясь при надѣлѣ, крестьянину быть не у чего.

Мы уже слышали показаніе одного эксперта, который говоритъ, что хорошій работникъ, справляя аккуратно всѣ безчисленные русскіе праздники, все-таки легко отработаетъ одинъ четыре душевыхъ надѣла. Слѣдовательно, онъ въ мѣру для своего труда былъ бы надѣленъ землею только тогда, когда бы ему дано было одному пять нынѣшнихъ душевыхъ надѣловъ, т.-е. 15 десятинъ. Рѣчь у эксперта идетъ о Воронежской губерніи. Но показаніе этого эксперта не единственное: то же самое приблизительно показываютъ и другіе эксперты объ этомъ предметѣ какъ по той же Воронежской, такъ и по другимъ губерніямъ. Крестьянинъ нигдѣ почти, даже въ самыхъ плодородныхъ мѣстностяхъ, не можетъ кормиться однимъ своимъ надѣломъ. Онъ долженъ искать работы на сторонѣ. Такъ о Тамбовской губерніи, Кирсановскомъ уѣздѣ (гдѣ надѣлъ сравнительно очень высокій, именно въ $3^1/_2$ десятинъ на душу) землевладѣлецъ Петрово-Соловово говоритъ: «что касается до крестьянъ, то они всѣ вышли на выкупъ; но надѣлы ихъ очень малы, а слѣдовательно обременены большими платежами; не имѣя къ тому же денегъ на хозяйство, они ихъ занимаютъ и платятъ проценты, что вмѣстѣ съ другими повинностями составляетъ значительную сумму, такъ что состояніе ихъ должно дѣлаться хуже и хуже. Вслѣдствіе недостаточности надѣла, крестьяне должны нанимать земли на сторонѣ» *). Подобнымъ образомъ отзывается графъ Шереметевъ, бывшій орловскій губернскій предводитель, о надѣлахъ въ Орловской губерніи,—показанія его относятся къ черноземнымъ уѣздамъ: одному орловскому и двумъ тульскимъ (во всѣхъ трехъ надѣлъ на 1 душу, какъ и въ Воронежской, 3 десятины): «крестьянскій надѣлъ составляетъ въ сложности 3 дес. на душу; изъ этого числа приблизительно одна десятина находится подъ усадьбою, выгономъ, пастбищами и другими угодьями, которые хотя и не отнесены къ неудобнымъ мѣстамъ, но не обработываются ни въ видѣ посѣва, ни въ видѣ укоса травы; затѣмъ двѣ десятины остаются въ его пользованіи въ 3-хъ поляхъ, или въ каждомъ полѣ по 40 саж. (1,600 кв. саж.). Считая средній урожай, кромѣ сѣмянъ, $4^1/_2$ четверти озимаго и 6 четвертей ярового съ десятины, двѣ трети этого количества составятъ три четверти озимаго и четыре четверти ярового, что недостаточно для прокормленія соотвѣтствующаго одному надѣлу наличнаго числа душъ» **). Между тѣмъ, продолжаетъ графъ Шереметевъ, съ дохода такого надѣла, который не можетъ прокармливать сидящихъ на немъ душъ, взимается болѣе 200% налоговъ и сборовъ. Точно также говоритъ о надѣлахъ въ Симбирской и Пензенской губерніи графъ А. П. Шуваловъ, петербургскій губернскій предводитель дворянства. «Что касается до крестьянскихъ надѣловъ, отвѣчаетъ онъ коммиссіи, то для меня не подлежитъ сомнѣнію, что въ общей сложности налоги превышаютъ доходность земли, такъ что невозможно даже признать ихъ поземельными, а лишь замаскированными личными налогами, самый же крестьянскій надѣлъ является тутъ не какъ дѣйствительная собственность, а какъ способъ соединенія—пріурочиванія плательщиковъ къ одному мѣсту для цѣлей фиска» ***). Къ такимъ же безотраднымъ выводамъ относительно крестьянскаго населенія всей Россіи пришелъ засѣдавшій въ коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго состоянія сельскаго хозяйства дѣйствительный статскій совѣтникъ Тютчевъ. Отзывъ г. Тютчева важенъ для насъ потому, что онъ представляетъ собою общій выводъ, сдѣланный на основаніи всѣхъ свѣдѣній и документовъ, имѣвшихся въ рукахъ коммиссіи. «Въ большей части случаевъ, говоритъ г. Тютчевъ, находящіяся въ распоряженіи крестьянъ земли при недостаточности ихъ... не обезпечиваютъ существованія крестьянина и уплаты лежащихъ на немъ разнообразныхъ податей и другихъ платежей, которые между тѣмъ годъ отъ году увеличиваются, при возрастающей повсемѣстно дороговизнѣ на всѣ безъ исключенія предметы потребленія. Доказательствъ этому много, и, во первыхъ, всѣмъ извѣстный фактъ, что вообще въ сѣверной полосѣ Россіи урожая хлѣба на прокормленіе крестьянской семьи достаетъ не

*) Тамъ же стр. 279.
**) Тамъ же стр. 266.
***) Тамъ же стр. 195.

болѣе, чѣмъ на полгода, а иногда и на гораздо меньшее время, вслѣдствіе чего и существуетъ вынужденный отхожій промыселъ, необходимый прежде всего для собственнаго прокормленія крестьянина и оставшейся дома семьи, а затѣмъ и для уплаты различныхъ денежныхъ повинностей. Другимъ болѣе точнымъ доказательствомъ можетъ служить въ 30 губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, собранныя земскими управами свѣдѣнія, изъ которыхъ оказывается, что только въ 78 уѣздахъ имперіи доходность земельнаго крестьянскаго владѣнія превышаетъ сумму платежей, лежащихъ на землѣ, а въ 222 уѣздахъ доходность эта ниже оклада. Наконецъ изъ трудовъ податной коммиссіи усматривается, что крестьянину собственнику великороссійскихъ или малороссійскихъ губерній приходится уплачивать ежегодно съ каждой десятины въ средней сложности отъ 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к., а въ Тверской губерніи 2 р. 39 к. Такая несоразмѣрность платежей съ доходностью будетъ болѣе рельефна, если сдѣлать примѣненіе ея къ владѣнію въ 10,000 десятинъ, которому, по вышеизложенному разсчету, пришлось бы ежегодно уплачивать отъ 15 до 35,000 рублей, предположеніе немыслимое, но приводящее къ соображеніямъ о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми приходится бороться крестьянскому населенію» *). Свидѣтельствъ и доказательствъ на то, что крестьянинъ не можетъ ни пропитываться даннымъ ему надѣломъ, ни уплачивать лежащихъ на немъ податей и повинностей, мы могли бы, еслибы было нужно, привести безчисленное множество. Но и тѣхъ, которыя мы привели, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что крестьянинъ поставленъ въ необходимость искать обезпеченія себѣ помимо своей земли въ другихъ, сторонніхъ доходахъ.

Обыкновенно, какъ на обильный источникъ такихъ доходовъ, указываютъ на заработки и аренду помѣщичьихъ земель. Но и «заработки, — весьма справедливо замѣчаетъ гр. Шереметевъ, мнѣніе котораго о надѣлахъ мы уже привели, — зависятъ не отъ воли крестьянъ, а отъ обстоятельствъ случайныхъ, и потому трудно опредѣлить имъ какую-нибудь норму. Если въ мѣстности живетъ землевладѣлецъ, нуждающійся въ рабочихъ, или существуетъ промышленность, вызывающая потребность въ извозѣ, то крестьянину легко найдти работу; если же условій этихъ не существуетъ, или зимній путь устанавливается поздно, то крестьяне лишаются этой поддержки и положеніе ихъ становится еще безотраднѣе. Впрочемъ, и при наилучшихъ условіяхъ заработковъ въ описываемой мѣстности, вознагражденіе, получаемое простымъ полевымъ рабочимъ, отъ 40 до 45 р. въ годъ, далеко не удовлетворяетъ постоянной потребности его жизни, самой неприхотливой». То, что говорится здѣсь о случайности и незначительности заработковъ въ губерніяхъ Орловской и Тульской, за немногими исключеніями можно сказать обо всѣхъ губерніяхъ въ Россіи. Что касается до арендованія земель, то арендная плата ихъ въ мѣстностяхъ плодородныхъ и густо населенныхъ, благодаря *системѣ коттерства*, дошла уже въ настоящее время до 20 и болѣе рублей за десятину пахатную и до 40 и 50 за луговую въ годъ **), такъ что въ лучшіе урожайные годы прибыль, которую крестьянинъ можетъ получать отъ обработки арендованной десятины, никакъ значительной быть не можетъ, въ годы же средняго урожая или неурожайные, аренда только закабаляетъ крестьянина въ неоплатные долги Какъ по этому, такъ и въ виду другихъ неблагопріятныхъ случайностей, крестьянину надобно имѣть много мужества, чтобы рѣшиться арендовать землю. Онъ можетъ арендовать землю не иначе, какъ въ долгъ, но нанимая землю въ долгъ, онъ долженъ помнить, что будетъ ли урожай, нѣтъ ли, тутъ снисхожденія или отсрочки уплаты долга не будетъ. «Тутъ, какъ характеристически выражается Петрово-Соловово, за крестьянами недоимокъ не числится потому, что если онъ нынѣче не заплатитъ, то на будущій годъ ему болѣе не дадутъ земли; къ тому же нерѣдко требуютъ деньги всѣ или половину впередъ». Мы слышали, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тамбовской губерніи вошло въ обычай не позволять крестьянину собирать созрѣвшій хлѣбъ на арендованной землѣ, прежде чѣмъ онъ внесетъ полную сумму аренды за землю. Крестьянинъ арендованной земли, когда наступаетъ время жатвы, бросается во всѣ стороны, чтобы добыть денегъ, и зачастую для этой цѣли продаетъ хлѣбъ на своемъ участкѣ первому встрѣчному за какую попало цѣну. Но и такую разорительную сдѣлку совершить не всегда удается. Нерѣдко случается, что онъ отказывается отъ сбора хлѣба съ арендованной десятины, потерявъ задаромъ и сѣмена и труды.

Такимъ образомъ ни мѣстные заработки, ни арендованіе земель не представляютъ собою такихъ вѣрныхъ источниковъ для крестьянскаго обезпеченія, какими ихъ обыкновенно представляютъ. Все это вещи чисто случайныя и невѣрныя. По временамъ въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ бываетъ, конечно, удача и на заработки, и на выгодное арендованіе земель; но за то въ остальныхъ всѣхъ мѣстностяхъ въ то же время или вовсе нѣтъ заработковъ, или они, точно также какъ арендныя земли, ничего не даютъ, кромѣ потери времени и дефицита. То же самое должно сказать и объ отхожихъ промыслахъ, съ тѣмъ только добавленіемъ, что они неизбѣжно отъучаютъ крестьянское населеніе не только отъ сельскаго хозяйства и полевыхъ работъ, но часто отъ всякаго хозяйства и отъ вся-

*) Тамъ же, приложеніе V, стр. 46.
**) Тамъ же стр. 51 и 58.

кой работы, пріучаютъ къ шатанью и барству, внося деморализацію въ семью и вообще въ крестьянскую среду.

Стало-быть, въ концѣ концевъ, крестьянскому населенію въ большинствѣ не остается все-таки никакого болѣе вѣрнаго дѣла, какъ сидѣть на данномъ ему участкѣ, какъ онъ ни малъ, и голодать на немъ, ожидая лучшихъ временъ. И, надобно отдать честь нашему крестьянину, онъ обдержанъ исторіей и пріученъ къ терпѣнію неимовѣрному. Послѣ освобожденія онъ крѣпко держится за данный ему надѣлъ въ ожиданіи лучшаго времени. Онъ сидитъ на немъ и голодаетъ, и готовъ бы былъ, быть можетъ, въ такомъ полуоцѣпенѣломъ состояніи провести сколько угодно времени. Но, независимо отъ его воли, самая сила вещей выталкиваетъ его изъ позиціи и день изо дня, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе повергаетъ все въ худшее и худшее состояніе. Крестьянскія земли, отъ которыхъ при надѣлахъ отошли луга и пастбища, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выпахиваются и дѣлаются совершенно непроизводительными. «Страшное стѣсненіе въ выгонахъ, — говоритъ экспертъ Совѣтовъ, профессоръ сельскаго хозяйства, — представляетъ такое больное мѣсто въ крестьянскомъ хозяйствѣ, что въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть въ будущемъ своего рода закрѣпощеніе крестьянъ. Крестьянамъ рѣшительно нѣтъ возможности лѣтомъ держать скотъ на своей землѣ, и поэтому они должны бываютъ его пасти на земляхъ помѣщичьихъ. Пока они разными неправдами еще могутъ пользоваться этими землями; но придетъ пора, когда помѣщичьи хозяйства мало по малу опредѣлятся, и тогда крестьянамъ придется дорого платить за право выгона Луговъ также почти нѣтъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ или они находятся въ самомъ безобразномъ положеніи» *). Изъ единогласныхъ почти показаній разныхъ лицъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ крестьянскимъ хозяйствомъ, показаній, собранныхъ въ 40 губерніяхъ, видно **), что послѣ освобожденія крестьянъ, вслѣдствіе недостатка луговъ и пастбищъ, скотъ у крестьянъ повсюду сталъ уменьшаться. За недостаткомъ скота, земли крестьянъ, оставаясь вовсе безъ удобренія или удобряемыя плохо, въ самыхъ лучшихъ мѣстностяхъ быстро выпахиваются. Графъ В. И. Орловъ-Давыдовъ, землевладѣлецъ Самарской и Симбирской губерній, по этому предмету даетъ такое показаніе въ коммиссіи: «Земли истощаются даже въ черноземной полосѣ. Въ Самарской губерніи земли даже при залежномъ хозяйствѣ утрачиваютъ свое прежнее плодородіе. Земли же, принадлежащія крестьянамъ и окружающія ихъ селенія, до того истощены, что жалко на нихъ смотрѣть. Съ трудомъ можно разобрать, гдѣ посѣяна пшеница, до того посѣвъ заростаетъ репейникомъ и другими сорными травами... Коренной и главный недостатокъ нашего хозяйства заключается въ несоотвѣтствующей къ пространству запашекъ пропорціи скота и въ недостаткѣ луговъ. Крестьяне послѣ 1861 года не имѣютъ прежней пропорціи поемныхъ луговъ» ***). Вслѣдствіе непроизводительности выпаханныхъ земель, крестьяне начинаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бросать ихъ, въ другихъ вмѣсто пашни обращаютъ ихъ въ толоки. «У крестьянъ во всей сѣверной части губерніи (Херсонской), — говоритъ экспертъ Шафонскій, — скота стало меньше... Рѣдко можно найдти хозяина, который имѣлъ бы болѣе двухъ паръ воловъ. Это происходитъ оттого, что земля, отведенная въ надѣлъ, не вознаграждаетъ трудъ и недостаточна для прокормленія семьи. Крестьяне, вѣроятно, скоро совершенно перестанутъ работать на надѣлѣ». Далѣе экспертъ говоритъ, что даже въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ надѣлъ больше, наприм. Елисаветградскомъ, крестьяне или продолжаютъ пахать ежегодно одну и ту же землю, не заботясь объ ея удобреніи, или бросаютъ совсѣмъ пашню и обращаютъ весь надѣлъ подъ толоку. «До освобожденія отъ крѣпостного права, говоритъ онъ, помѣщикъ выпаханную землю запускалъ подъ сѣнокосъ и толоку, а крестьянамъ отводилъ другую. На выпаханной землѣ у насъ обыкновенно ростетъ отличная трава, а послѣ толоки превосходный родится хлѣбъ». Но крестьяне, при ничтожномъ количествѣ земли, находящейся въ ихъ распоряженіи, очевидно, такъ не могутъ вести дѣло. Въ Симбирской губерніи, которая вся черноземная, трехдесятинный надѣлъ оказывается недостаточнымъ «для обезпеченія годичнаго существованія семейства, вслѣдствіе чего, говоритъ одинъ изъ экспертовъ, помѣщикъ Корсунскаго уѣзда, Селиверстовъ, большинство крестьянъ почти вовсе не занимаются хлѣбопашествомъ, и значительная часть ихъ полей вовсе заброшена. Крестьяне этой мѣстности (гдѣ его имѣніе), предпочитаютъ невѣрному вознагражденію за тяжелый трудъ воздѣлыванія скудной почвы, вѣрный заработокъ на моей суконной фабрикѣ» ****). Но если отъ недостатка луговъ и выгоновъ страдаетъ черноземная полоса, то о нечерноземной и говорить нечего. Здѣсь земледѣліе безъ удобренія вообще немыслимо; теперь же, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, когда на рынокъ сѣверной полосы доставляется такъ много хлѣба изъ полосы черноземной, гораздо болѣе дешеваго, чѣмъ мѣстный, удобреніе должно быть особенно обильно и тщательно. Между тѣмъ послѣ крестьянской реформы, съ отнятіемъ у крестьянъ земли, такъ называемой запольной, и съ ограниченіемъ ихъ одними скудными надѣлами, у нихъ скотоводство вездѣ уменьшилось по крайней

*) Тамъ же, 108.
**) Приложеніе II. Скотоводство.
***) Тамъ же стр. 232.
****) Тамъ же стр. 153.

мѣрѣ вдвое противъ прежняго. Профессоръ земледѣльческой академіи Стебутъ, знакомый, по его словамъ, изъ своихъ поѣздокъ съ состояніемъ земледѣлія во всей Россіи, говоритъ, что въ нечерноземной полосѣ средній урожай за послѣдніе 10 лѣтъ едва ли можно считать выше двухъ четвертей озимаго. При очевидномъ избыткѣ на сѣверѣ рабочей силы, которая не можетъ быть употреблена производительно, по его мнѣнію, слѣдовало бы «или облегчить крестьянамъ отсюда переселеніе въ болѣе плодородныя губерніи, или насколько возможно покровительствовать культурѣ тѣхъ растеній, которыя лучше оплачивали бы трудъ. Между этими растеніями заслуживаетъ особеннаго вниманія для сѣверной полосы ленъ, но воздѣлываніе его должно сопровождаться травосѣяніемъ и улучшеніемъ скотоводства» *). Другой профессоръ, Менделѣевъ, въ качествѣ эксперта, о Московской губерніи говоритъ, что «она находится въ условіяхъ весьма неблагопріятныхъ для сельскаго хозяйства, особенно крестьянскаго при современныхъ экономическихъ условіяхъ, и еслибы узаконенія относительно переселенія крестьянъ были свободнѣе, то здѣсь осталось бы, мнѣ кажется, не много. Въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ столько благопріятныхъ краевъ, оставаться большой массѣ хлѣбопашцевъ въ этой мѣстности нѣтъ никакой выгоды» **).

Изъ всего доселѣ сказаннаго видно, что въ настоящее время неисчислимая масса крестьянскаго труда пропадаетъ совершенно напрасно, непроизводительно для государства и народонаселенія. Крестьянинъ бьется какъ рыба объ ледъ, не имѣя никогда покоя, чтобы найдти себѣ кусокъ хлѣба; труда и безпокойства онъ употребляетъ собственно гораздо болѣе, чѣмъ прежде, но все время проходитъ болѣе въ напрасномъ бѣганьи за дѣломъ,—и даже въ счастливомъ случаѣ, когда т. е. поиски увѣнчаются успѣхомъ, онъ поставляется въ необходимость прилагать свой трудъ или вовсе не къ тому дѣлу, къ которому онъ болѣе всего способенъ и которое, слѣдовательно, можетъ вести самымъ производительнымъ образомъ, а къ какимъ нибудь другимъ работамъ и послугамъ, которыя и сами по себѣ не оплачиваются такъ хорошо, какъ земледѣліе, а, при обиліи конкуррентовъ на нихъ, даютъ и еще меньше,— или если и къ земледѣлію, то къ земледѣлію на чужой землѣ, аренда которой зачастую не приноситъ ничего, кромѣ кабалы и окончательнаго раззоренія. Подобное условіе для добыванія себѣ хлѣба, въ виду множества лежащихъ впустѣ въ государствѣ земель, должно дѣйствовать на крестьянина убійственно. Это нѣсколько похоже на то, какъ если бы возложили на крестьянина тѣ же самые подати и поборы, которые онъ несетъ теперь, и заставили его заработывать ихъ собираніемъ грибовъ, ягодъ и т. п. Человѣкъ бѣгалъ бы цѣлый день до послѣдняго истощенія и въ концѣ концовъ все таки не досталъ бы себѣ на столько, чтобы этого хватало на самое скудное пропитаніе. При этомъ и въ будущемъ не представляется ничего радостнаго, никакихъ надеждъ. Напротивъ, чѣмъ далѣе будетъ идти время, тѣмъ будетъ хуже. Надѣлъ, который не можетъ прокормить крестьянина теперь, тѣмъ болѣе не въ состояніи будетъ прокармливать его черезъ двадцать, тридцать лѣтъ, когда число членовъ его семьи удвоится, быть можетъ утроится. Естественно, что крестьянинъ не можетъ помириться съ мыслью, что онъ долженъ остаться на такомъ бѣдственномъ хозяйствѣ. Большое число крестьянъ готово немедленно оставить свои земли, бросить все свое хозяйственное заведеніе и идти искать новыхъ поселеній на свободныхъ земляхъ, и было уже не мало случаевъ, что при первомъ ложномъ слухѣ о томъ, что правительство вызываетъ охотниковъ изъ крестьянъ для заселенія тѣхъ или другихъ мѣстъ, цѣлыя мѣстности приходили въ движеніе, подымались съ мѣстъ, чтобы идти въ мѣста невѣдомыя, бросая все,—и только силою останавливались въ прежнемъ мѣстѣ жительства. Подобныя состоянія не могутъ не дѣйствовать убійственно на крестьянина, потому что, въ виду неисходнаго нищенства, они убиваютъ его энергію къ труду, заставляютъ не думать о завтрашнемъ днѣ, дѣлаютъ равнодушнымъ ко всему, пріучаютъ топить горе въ чарочкѣ. Кто при этомъ можетъ исчислить и измѣрить всю эту массу нравственнаго вреда, какую подобныя состоянія развиваютъ въ крестьянской средѣ?—Сколько людей въ этой средѣ, при недостаткѣ собственнаго хозяйства и серьезнаго собственнаго труда, могутъ совершенно отстать отъ земледѣльческаго труда, не пріучившись вмѣстѣ съ тѣмъ ни къ чему другому? Сколько можетъ образоваться людей ничего не дѣлающихъ—деревенскихъ шалопаевъ! сколько можетъ народиться деревенскихъ аферистовъ разнаго рода, спекуляторовъ, которые будутъ жить исключительно обманомъ — эксплуатаціей невѣжества и простоты своихъ собратій? Наконецъ, сколько явится прямыхъ и открытыхъ воровъ?

Но предположимъ даже, что мы смотримъ очень мрачно; предположимъ, что крестьянинъ съумѣетъ болѣе или менѣе сохраниться цѣлымъ во все трудное время своего временнаго прикрѣпленія, т. е. что онъ не умретъ съ голоду, не отучится отъ тяжелаго труда, не сдѣлается воромъ, не пойдетъ грабить на большія дороги, однимъ словомъ съумѣетъ благополучно дотянуть до того великаго момента, когда онъ заплатитъ послѣдній выкупной рубль за свой надѣлъ и сдѣлается наконецъ его собственникомъ и дѣйствительно свободнымъ, т. е. имѣющимъ право идти на всѣ четыре стороны! Какую радость онъ получитъ

*) Тамъ же стр. 140.
**) Тамъ же стр. 107.

отъ этого? Онъ долженъ будетъ начать съ того же, съ чего началъ бы и всегда—и вчера, и сегодня, и завтра, однимъ словомъ въ каждый день, въ который объявили бы его свободнымъ, т. е. бросить свою собственность, которую выкупалъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ, и идти искать себѣ мѣстъ новаго поселенія на земляхъ свободныхъ, гдѣ бы онъ могъ безбѣдно пропитываться съ своею семьею. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ крестьянскій вопросъ долженъ начаться снова.

Можетъ быть, тогда крестьяне устроятся лучше, если они не успѣютъ окончательно испортиться до того времени, и если ихъ свободной колонизаціи не будетъ поставлено препятствій. Но до того времени въ теченіи цѣлаго пятидесятилѣтія сколько потрачено будетъ напрасно, непроизводительно ни для народа, ни для государства силъ? Сколькихъ сотенъ милліардовъ богатствъ не досчитается страна, которыя она могла-бы имѣть при другомъ положеніи дѣлъ? На сколько времени отстанетъ она въ своемъ развитіи отъ своихъ сосѣдей? Можно сказать смѣло, безъ всякаго преувеличенія, что изъ полной суммы той энергіи и напряженія труда, которую могла бы имѣть масса всѣхъ наличныхъ земледѣльческихъ работниковъ въ Россіи при правильномъ устройствѣ здѣсь поземельнаго труда, она выдѣляетъ теперь не болѣе трети, и Россія производитъ не болѣе трети тѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ, которые могла бы производить при лучшихъ условіяхъ именно крестьянскаго труда.

У насъ есть много людей, которые, не вдумываясь въ суть дѣла, не могутъ безъ восторга говорить о томъ, что мы надѣлили всѣхъ крестьянъ землею, не такъ какъ Европа, пустившая очень многихъ изъ освобожденныхъ безъ земли; при этомъ обыкновенно право и неправо Европѣ много достается огульной брани за то, что она отпустила своихъ крестьянъ на волю безъ надѣла или не всѣхъ надѣлила, и всѣ ея злострадания приписываются именно этому обстоятельству. Эти люди забываютъ, что наша страна поставлена въ такихъ условіяхъ, что разъ мы рѣшились освободить крестьянъ, мы не могли освободить ихъ иначе, какъ съ землею, если разумѣть свободу въ истинномъ, полномъ значеніи этого слова. Представимъ себѣ, что Россія освобождаетъ крестьянъ по образцу нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, не надѣлившихъ вовсе освобожденныхъ крестьянъ землею, даетъ имъ только личную свободу, свободу въ европейскомъ смыслѣ слова, т. е. полную свободу съ правомъ идти на всѣ четыре стороны. Сдѣлаемъ теперь еще другое предположеніе, именно, что ни одинъ изъ свободныхъ крестьянъ не хочетъ идти ни въ какія соглашенія съ бывшими помѣщиками относительно земли, не хочетъ брать у нихъ земли ни за какую самую ничтожную цѣну. Что жъ? Вы думаете,—государство могло бы потерпѣть, чтобы двадцать милліоновъ крестьянъ осталось безъ земли, чтобы они обратились въ шатающихся по Россіи пролетаріевъ?—Но тогда какими доходами стало бы жить государство? Чѣмъ стало бы оно покрывать свой бюджетъ? Кѣмъ стало бы населять свои безчисленныя земли? Если при освобожденіи крестьянъ возникъ вопросъ о томъ, съ землей ли ихъ освобождать или безъ земли, и по этому вопросу велись горячіе споры, то это только потому, что имѣлось въ виду освобожденіемъ крестьянъ не раззорить помѣщиковъ, не оставить ихъ безъ капитала, необходимаго для веденія хозяйства, не лишить рабочихъ рукъ, и въ виду этого предполагалось временное прикрѣпленіе крестьянъ къ мѣсту своего жительства съ обязательствомъ платить повинности помѣщику за свою усадьбу. При такомъ только предположеніи надѣлъ крестьянъ землею дѣлался вопросомъ. Не будь этого, получи крестьяне полную личную свободу, правительство поставлено было бы въ необходимость немедленно устроить ихъ на государственныхъ земляхъ и несомнѣнно устроило бы гораздо солиднѣе и хозяйственнѣе, чѣмъ теперь, хотя и употребило бы только половину и даже треть тѣхъ денегъ, которыя оно употребляетъ теперь на выкупъ. Слѣдовательно, намъ нечего хвалиться тѣмъ, что мы надѣлили крестьянъ землею. Мы можемъ не давать никогда полной свободы крестьянамъ, держать ихъ въ вѣчномъ прикрѣпленіи, какъ напримѣръ, въ Остзейскихъ губерніяхъ, и тогда можемъ, конечно, и надѣлять ихъ землею и не надѣлять, какъ намъ будетъ угодно, но разъ мы дадимъ имъ *полную* личную свободу, мы поставлены будемъ въ необходимость надѣлить ихъ землею.

Совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ стояли къ крестьянскому вопросу другія правительства. Мы, освобождая крестьянъ, не могли не дать имъ всѣмъ земли, еслибы и хотѣли; они, напротивъ, при всемъ своемъ желаніи дать всѣмъ освобождаемымъ крестьянамъ землю, не могли ее дать. Но при этомъ многія изъ нихъ сдѣлали все, чтобы черезъ освобожденіе не руинировать хозяйствъ тѣхъ крестьянъ, которые владѣли землею въ крѣпостномъ состояніи. Въ продолженіи почти всего XVIII столѣтія правительства какъ Пруссіи, такъ Австріи внимательно слѣдили за тѣмъ, чтобы земли крестьянъ ни подъ какимъ предлогомъ не были присоединяемы къ дворянскимъ имѣніямъ, чтобы въ каждомъ крестьянскомъ участкѣ пользованіе оставалось наслѣдственнымъ въ томъ семействѣ, которое ими владѣло, чтобы и въ случаѣ совершеннаго прекращенія этого семейства участокъ не былъ присоединяемъ къ дворянскимъ имѣніямъ, а переходилъ въ руки другихъ крестьянскихъ семействъ. Были составлены кадастры или описи имѣній съ подробнымъ исчисленіемъ и оцѣнкою всѣхъ повинностей и оброковъ, лежавшихъ на крестьянскихъ участкахъ и т. п. Въ Пруссіи, гдѣ дѣло освобожденія крестьянъ тянулось цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ, очень долгое время, именно съ 1816 по 1850 имѣлся въ виду выкупъ только самостоятельныхъ хозяйствъ, та-

кяхъ, для обработки которыхъ содержалась или требовалась пара лошадей или воловъ, или которыя имѣли не менѣе 25 моргеновъ земли средняго качества. Такимъ образомъ здѣсь всегда было въ виду не только дать освобождаемымъ надѣлъ, но и сохранить его въ такомъ размѣрѣ, чтобы на немъ можно было вести самостоятельное хозяйство. У насъ въ высочайшихъ рескриптахъ была указана, какъ мы видѣли уже, эта же самая цѣль,—къ сожалѣнію, редакціонныя коммиссіи при развитіи основаній этихъ рескриптовъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе уклонялись отъ этой цѣли и, наконецъ, можно сказать, совершенно потеряли ее изъ виду, понизивъ въ концѣ концовъ размѣръ надѣловъ ниже самыхъ микроскопическихъ минимумовъ. Между тѣмъ, еслибы предположить даже, что у насъ не было бы достаточно земли для надѣленія всѣхъ освобожденныхъ крестьянъ и вопросъ ставился бы такимъ образомъ: что лучше — всѣмъ ли имъ дать земли понемножку или половину оставить вовсе безъ земли, но за то остальныхъ надѣлить такъ, чтобы они могли бы жить безбѣдно и даже въ довольствѣ, то, кажется, трудно было бы колебаться въ выборѣ. По крайней мѣрѣ для насъ, русскихъ, теперь въ подобномъ выборѣ не можетъ быть сомнѣнія. Десятилѣтній опытъ нашихъ крестьянъ на плохихъ надѣлахъ показалъ намъ ясно, что давать надѣлъ, на которомъ нельзя основать солидное и прочное хозяйство, значитъ почти то же, что и оставить крестьянъ безъ земли. Рано или поздно, въ самыхъ лучшихъ мѣстностяхъ, при маломъ надѣлѣ истощеніе земли неизбѣжно, и надѣленнаго землею неминуемо должна постигнуть та же участь, что и безземельнаго.

Въ настоящее время, едвали можно насчитать нѣсколько губерній, гдѣ крестьянинъ можетъ добыть себѣ столько хлѣба на своемъ надѣлѣ, сколько нужно на безбѣдное продовольствіе въ теченіи цѣлаго года. Обыкновенно даже въ годы средняго урожая онъ всѣми правдами и неправдами едва дотягиваетъ отъ одной жатвы до другой. Первый неурожайный годъ — и начинается голодъ. Нынѣ голодъ въ Самарской и отчасти Херсонской губерніи; никто не поручится, что на слѣдующій годъ при малѣйшихъ неблагопріятныхъ условіяхъ не посѣтитъ онъ любую изъ нашихъ губерній. Едвали можно указать двѣ-три губерніи, которыя можно считать въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе обезпеченными. Стоитъ пробѣжать труды коммиссіи, собиравшей свѣдѣнія о современномъ состояніи нашего сельскаго хозяйства, чтобы убѣдиться вполнѣ, что наши неурожаи зависятъ не отъ однихъ случайныхъ атмосферическихъ явленій; ихъ основная причина коренится въ неудачной скудной постановкѣ нашего крестьянскаго хозяйства. Если это послѣднее не будетъ исправлено, то по всей вѣроятности, чѣмъ далѣе будетъ идти время, тѣмъ неурожаи будутъ повторяться все чаще и чаще и, наконецъ, голодованія сдѣлаются явленіемъ хроническимъ. Можно привести безчисленное множество статистическихъ фактовъ и свидѣтельствъ въ доказательство того, что подобное явленіе неизбѣжно наступаетъ во всякой земледѣльческой странѣ даже при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, гдѣ крестьянскіе поземельные участки начинаютъ дѣлаться недостаточными для веденія самостоятельнаго хозяйства. Возьмемъ, напримѣръ, королевство Виртембергское. Оно поставлено въ такія благопріятныя климатическія условія, что большая часть нашей территоріи не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ нимъ. Но тамъ, въ большей части королевства, съ давняго времени была дозволена продажа и дробленіе крестьянскихъ поземельныхъ надѣловъ, которые по этой причинѣ сильно измельчали, и вотъ печальныя послѣдствія этого: «въ нашихъ общинахъ, — говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей, хорошо знакомый съ положеніемъ виртембергскихъ крестьянъ — можетъ быть, даже въ большой части ихъ, число не имѣющихъ никакихъ средствъ или имѣющихъ средства недостаточныя для своего пропитанія относительно очень велико, и кромѣ того поземельные участки обременены долгами. Многіе, часто большая часть, въ обыкновенные годы средняго урожая не могутъ пропитываться жатвою отъ своихъ полей. Число крестьянъ, которые могутъ давать работу батракамъ, очень незначительно. Когда урожай бываетъ немного менѣе обыкновеннаго, тогда еще болѣе является людей, нуждающихся въ особенномъ заработкѣ, а изъ тѣхъ, которые ведутъ собственное хозяйство, еще менѣе остается такихъ, которые имѣютъ нужду въ батракахъ. Тогда государство и общины бываютъ поставлены въ необходимость помогать и должны предпринимать постройку дорогъ или придумывать другой родъ работы, чтобы прокормить нуждающихся. Но это часто невозможно, и тогда наступаетъ страшная нужда. Въ продолженіе зимы до лѣта еще кой-какъ перебиваются, до того времени кой-какъ пропитываются еще собственнымъ хлѣбомъ. Но съ лѣта начинается истинное бѣдствіе. Очень многимъ жить становится нечѣмъ. Хлѣбъ дѣлается до того цѣннымъ, что даже на столахъ сравнительно зажиточныхъ крестьянъ употребляется съ крайнею бережливостію. Рѣпа, размазня, болтушка безъ приправы саломъ и даже снятымъ молокомъ, дѣлаются единственной пищей сельскаго поселенія. Но и для такой скудной пищи у многихъ не хватаетъ средствъ. Начинается нищенство, въ особенности дѣтей, во всевозможныхъ видахъ, въ особенности усиливаются лѣсныя порубки. Тюрьмы не боятся, напротивъ, часто ищутъ ея, потому что пока въ тюрьмѣ, не нужно заботиться о хлѣбѣ» *).

*) Gubundenheit oder freie Veräusserlichkeit des bäuerlichen Grundeigenthums in Königsreich Hannower, von Fachtmann S. 44.

Изъ сказаннаго видно, что намъ приходится не хвалиться передъ Европою нашими надѣлами, а напротивъ надобно смиренно сознаться, что, идя по пути, давно ею проторенному, имѣя передъ собою многочисленные опыты и образцы всякаго рода освобожденій, мы не съумѣли воспользоваться даже готовымъ, не съумѣли приспособить того, что тамъ было сдѣлано къ нашимъ отношеніямъ, и этою неумѣлостью значительно попортили великое дѣло.

Для пополненія сдѣланнаго нами обзора экономическихъ послѣдствій крестьянской реформы намъ остается сказать нѣсколько словъ о состояніи хозяйствъ помѣщичьихъ.

Мы уже сказали выше, что главною причиною принятія существовавшихъ крѣпостныхъ надѣловъ за надѣлы нормальные и затѣмъ введенія надѣловъ минимумовъ—было желаніе по возможности сохранить хозяйство во всѣхъ самыхъ малоземельныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и дать послѣднимъ возможность если не процвѣтать, то, по крайней мѣрѣ, держаться и при вольнонаемномъ трудѣ. Достигнута ли эта цѣль? Къ сожалѣнію, нѣтъ. По единогласному показанію всѣхъ экспертовъ, которыхъ выслушивала коммиссія для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства въ Россіи, большая часть маленькихъ помѣщичьихъ имѣній или давно вылетѣли въ трубу, или доживаютъ свои послѣдніе дни. «Хозяйства мелкихъ владѣльцевъ, имѣющихъ до 100 десятинъ,—говоритъ землевладѣлецъ Тамбовской губерніи, Петрово-Соловово—уничтожатся, такъ какъ нѣтъ средствъ вести улучшенное хозяйство; мелкіе владѣльцы продаютъ имѣнія, а сами поступаютъ на частную или коронную службу» *).

«Мелкіе землевладѣльцы, показываетъ г. Гудимъ-Левковичъ о Кіевской губерніи, положительно обѣднѣли, и я знаю нѣсколькихъ помѣщиковъ, которые могли называться помѣщиками почти средней руки, а теперь были вынуждены пойдти въ управляющіе, не имѣя рѣшительно никакихъ средствъ къ существованію»**) «Положеніе малоземельныхъ помѣщиковъ, говоритъ г. Могринъ о Ростовѣ на Дону и Таганрогскомъ градоначальствѣ, сдѣлалось хуже, и нѣкоторые изъ нихъ даже разорились. Маленькія хозяйства въ нашей мѣстности невозможны вслѣдствіе дороговизны рабочихъ рукъ и частыхъ за послѣднее время неурожаевъ»***). Г. Шереметьевъ (А. В.) показываетъ, что состояніе помѣщичьихъ хозяйствъ по Орловской и Тульской губерніи вообще удовлетворительно, но что «исключеніями являются имѣнія мелкопомѣстныя, въ которыхъ улучшенія невозможны за отсутствіемъ всякихъ средствъ» ****).

Переходя отъ имѣній мелкопомѣстныхъ къ помѣщичьимъ имѣніямъ вообще, мы находимъ, что крестьянская реформа на большую часть имѣній повліяла такъ-же неблагопріятно, какъ и на имѣнія мелкія. До крестьянской реформы у насъ нигдѣ не было почти помѣщичьихъ хозяйствъ, основанныхъ на началахъ раціональнаго сельскаго хозяйства. Всѣ хозяйства велись крѣпостнымъ трудомъ и довольствовались тѣмъ, что давалъ этотъ трудъ. Потому и крѣпостная оцѣнка земель была чисто душевая. Имѣнія, почти что независимо отъ той или другой производительности почвы, оцѣнивались по количеству проживающихъ на нихъ душъ крѣпостного населенія. И въ самомъ дѣлѣ, крѣпостной трудъ нѣкоторымъ образомъ уравнивалъ естественное неравенство земель и сглаживалъ различіе ихъ естественной производительности, а слѣдовательно, и ихъ дѣйствительной стоимости. Крѣпостной трудъ нигдѣ, конечно, не оплачивался, и несмотря на то, что вездѣ былъ плохъ, вездѣ давалъ избытки. Въ мѣстностяхъ съ богатою почвою, при недостаткѣ путей сообщенія и удобнаго сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, избытки эти были часто такъ велики, что понижали цѣны этихъ продуктовъ до самаго крайняго минимума. Какъ помнится, передъ самою крестьянскою реформою цѣна хлѣба въ Полтавской губерніи стояла не выше 8 к. за пудъ, и покупателей не было. Въ мѣстностяхъ съ среднимъ и низшимъ качествомъ почвы такого обилія земледѣльческихъ продуктовъ не было, но за то всегда были въ обилія требованія на нихъ, а потому и цѣны никогда не падали такъ низко, особенно въ губерніяхъ близстоличныхъ. Кромѣ того, помѣщикъ имѣлъ здѣсь хорошіе доходы въ отхожихъ промыслахъ своихъ крѣпостныхъ. Такимъ образомъ, вплоть до крестьянской реформы, различіе земель, по ихъ естественному плодородію, для нашихъ помѣщиковъ не было особенно ощутительно и не было никѣмъ цѣнимо, такъ что имѣнія, находящіяся ближе къ столицамъ, хотя бы они находились въ губерніяхъ съ среднимъ и даже низкимъ качествомъ почвы, предпочитались имѣніямъ съ плодородною почвою, но болѣе отдаленнымъ отъ столицъ. Крестьянская реформа, уничтоживъ крѣпостной трудъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна была уничтожить и ту фальшивую цѣнность, которую онъ давалъ имѣніямъ въ неплодородныхъ мѣстностяхъ. Плодородіе земли сдѣлалось основаніемъ ея цѣнности. Желѣзныя дороги еще болѣе возвысили цѣнность плодородныхъ мѣстностей, открывъ имъ всѣ рынки для конкурренціи. Въ слѣдъ за реформою цѣны на земли въ этихъ мѣстностяхъ начали быстро подниматься и ростутъ чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе до настоящаго времени и, нѣтъ сомнѣнія, будутъ расти впредь, въ особенности тамъ, гдѣ населеніе густое. Вмѣстѣ съ возрастаніемъ цѣнъ на земли, и благодаря все болѣе и болѣе развивающейся системѣ коттерства, даже далеко не пропорціонально съ этимъ возра-

*) Тамъ же, стр. 278.
**) Тамъ же 256.
***) Тамъ же 259.
****) Тамъ же 265.

станіемъ, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ растетъ арендная плата земель. Поэтому помѣщики плодородныхъ и густо населенныхъ губерній, хотя и не имѣли до реформы правильныхъ хозяйствъ, имѣютъ полную возможность завести таковыя хозяйства теперь, если хотятъ; могутъ, и не заводя никакого хозяйства, жить на богатую ренту такъ точно, какъ прежде жили на крѣпостной трудъ, припѣваючи. Совсѣмъ въ другомъ положеніи очутились послѣ крестьянской реформы помѣщики въ губерніяхъ съ почвою средняго или низшаго качества. Чтобы успѣшно хозяйничать здѣсь вольнонаемнымъ трудомъ, конкуррируя на рынкѣ съ плодородными мѣстностями, надобно не только имѣть большіе капиталы, но и хорошую теоретическую и практическую подготовку къ сельскому хозяйству и, сверхъ того, умѣнье вести дѣло и терпѣнье. Ничего этого у нашихъ помѣщиковъ накоплено прежде не было. Капиталы, пожалуй, бы еще и нашлись. Помѣщики неплодородныхъ мѣстностей сбыли надѣлы крестьянамъ за такую хорошую цѣну, что она и теперь стоитъ втрое, вчетверо, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ десять разъ выше дѣйствительной. Слѣдовательно, у тѣхъ помѣщиковъ, которые имѣли много душъ крестьянъ, капиталовъ вести хозяйство стало бы. Но не хватаетъ моральныхъ качествъ, необходимыхъ для веденія хозяйства. Поэтому, по единогласному свидѣтельству экспертовъ, дававшихъ показанія въ коммиссіи, хозяйствомъ въ неплодородныхъ мѣстностяхъ занимаются очень немногіе изъ помѣщиковъ. Но и объ этихъ немногихъ крестьяне говорятъ, что «побалуютъ, побалуютъ, да бросятъ». Ясно, что помѣщики въ неплодородныхъ мѣстностяхъ отъ крестьянской реформы не разбогатѣли и, сомнительно, разбогатѣютъ ли когда-нибудь. Вся надежда на будущее, когда увеличится народонаселеніе, земель будетъ мало, цѣна на нихъ возвысится, возвысится и аренда,—однимъ словомъ, когда на Сѣверѣ наступитъ таже система коттерства, которая теперь такъ быстро и съ такимъ успѣхомъ развивается въ южныхъ густо населенныхъ губерніяхъ. Но могутъ ли ожидать даже когда-нибудь въ отдаленномъ будущемъ помѣщики Сѣвера такой благодати?

Надобно полагать, что прикрѣпленіе къ землѣ у насъ не останется вѣчно, что черезъ 49 лѣтъ по выходѣ Положенія 19-го февраля, когда заплачены будутъ всѣ выкупныя деньги, крестьяне получатъ полную свободу переселенія. Мы думаемъ, что не только тогда государство не въ состояніи будетъ выдерживать дальнѣйшаго закрѣпощенія труда на плохихъ надѣлахъ, но оно находится въ этомъ состояніи и теперь и переноситъ это бремя черезъ силу. 18,853,444 р. выкупныхъ недоимокъ, накопившихся всего втеченіе десяти лѣтъ съ 1861 по 1871 годъ, показываютъ очень ясно, что въ виду все болѣе и болѣе увеличивающагося, общаго обѣднѣнія крестьянъ, государству было бы гораздо выгоднѣе дозволить крестьянамъ, даже отказавшись отъ извѣстной части выкупныхъ платежей, теперь же по частямъ выселяться изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ трудъ ихъ, за недостаткомъ надѣла, пропадаетъ напрасно, чѣмъ продолжать взыскивать эти платежи, во чтобы то ни стало, и держать ихъ на такихъ участкахъ земли, гдѣ, очевидно, они выработать ничего не могутъ, а будутъ съ каждымъ днемъ только все болѣе и болѣе раззоряться экономически и портиться морально. Можно, впрочемъ, смѣло сказать, что въ плодородныхъ мѣстностяхъ государство не потеряетъ ни одной копейки изъ выкупныхъ платежей, если допустить такую мѣру. Въ этихъ мѣстностяхъ повсюду найдется много охотниковъ взять участки, оставляемые переселенцами, съ обязательствомъ выплачивать лежащіе на нихъ платежи. Правительству слѣдуетъ только обозначить: 1) Изъ какихъ именно мѣстъ дозволяетъ оно переселеніе? 2) Въ какихъ размѣрахъ? 3) Куда? Затѣмъ эта колонизація, какъ свободная, допущенная ранѣе срока не въ видѣ общей мѣры, а въ видѣ исключенія для желающихъ, будетъ производиться собственными средствами переселяющихся. Другой вопросъ — мѣстности неплодородныя. Тамъ мало найдется охотниковъ брать остающіеся послѣ переселенцевъ надѣлы, по причинѣ очень высокой цѣны выкупной въ сравненіи съ дѣйствительною, существующею въ продажѣ. Однакожъ, и здѣсь по мѣстамъ желающіе найдутся. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ экспертовъ, которыхъ выслушивала коммиссія для изслѣдованія современнаго состоянія сельскаго хозяйства, показываютъ, что и въ неплодородныхъ мѣстностяхъ, покупающіе на сторонѣ участки въ собственность, успѣваютъ сдавать свои надѣлы обществу со всѣми лежащими на послѣднихъ обязательствами, иногда приплачивая, впрочемъ, къ этому еще отъ себя извѣстную добавочную сумму денегъ. Оставляя, впрочемъ, эти частныя соображенія въ сторонѣ, мы должны повторить, что какъ бы ни повелось дѣло теперь, но по окончаніи выкупа держать крестьянъ прикрѣпленными къ землѣ, то-есть къ извѣстному клочку земли или даже къ извѣстнымъ болѣе или менѣе обширнымъ мѣстностямъ, какъ они держатся въ Остзейскихъ губерніяхъ, государству будетъ невозможно. Не только по принципу, но изъ опасности общаго народнаго и собственнаго раззоренія оно должно будетъ дозволить крестьянамъ совершенно свободную колонизацію на государственныхъ земляхъ.

Если же будетъ такъ, то тогда не только нельзя будетъ ожидать увеличенія густоты населенія въ сѣверной полосѣ Россіи, а можно скорѣе думать, что и южная полоса Россіи значительно опустѣетъ. Никто изъ крестьянъ, конечно, не захочетъ сидѣть на надѣлѣ, который его ни питать, ни одѣвать, ни согрѣвать не можетъ. Каждый изъ нихъ будетъ искать такихъ земель, гдѣ онъ будетъ имѣть возможность основать и развить свое хо-

зяйство правильно. Но въ такомъ случаѣ — посмотрите какую странную въ хозяйственномъ отношеніи страну будетъ представлять собой Россія!

Мы уже видѣли, что по свѣдѣніямъ, собраннымъ бывшими редакціонными коммиссіями о количествѣ земель, находившихся въ распоряженіи помѣщиковъ и пользованіи крестьянъ, значилось:

Въ распоряженіи помѣщиковъ.	Въ пользованіи крестьянъ.
69.721,094 десятины.	35.779,014 десятинъ.

Такъ какъ редакціонныя коммиссіи, при назначеніи земли крестьянамъ, держались надѣловъ, существовавшихъ въ крѣпостномъ состояніи, то отношеніе земель, находящихся во владѣніи помѣщиковъ къ общему числу земель, поступившихъ въ пользованіе крестьянъ, измѣнилось мало и послѣ реформы. Предположивъ, что даже четверть земель, находящихся во владѣніи помѣщиковъ, куплена или арендуется крестьянами, купцами, евреями, мы все-таки найдемъ, что Европейская Россія представляетъ собою нѣкоторымъ образомъ пустырь, въ которомъ по крайней мѣрѣ треть земель остается безъ обработки!! Представляется нѣсколько удивительнымъ, изъ чего хлопотали и бились представители губернскихъ комитетовъ, когда рѣчь шла о надѣлѣ крестьянъ землей? Изъ чего они отстаивали чуть не каждую сажень земли, чтобы какъ можно болѣе сократить крестьянскій надѣлъ.—А между тѣмъ нѣтъ ничего ни не возможнаго, ни не вѣроятнаго въ томъ сдѣланномъ нами предположеніи, что и спустя 49 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ этотъ пустырь нисколько не сдѣлается производительнѣе по недостатку населенія, а еще болѣе обезлюдѣетъ!! Подумайте сколько у насъ есть свободныхъ прекрасныхъ мѣстъ, никѣмъ незанятыхъ, куда пойдетъ искать приволья и счастья свободное населеніе послѣ 49 лѣтъ своихъ тяжкихъ бѣдствій! И Сибирь, и Кавказъ, и Крымъ, и Киргизскія степи, и Туркестанъ все вѣдь это— пока пустыри, жаждущіе энергическаго труда и населенія.

Изъ сказаннаго видно, какъ не хозяйственно ведется у насъ аграрное устройство. Посмотрите на нашихъ братьевъ американцевъ, которые также богаты землею, какъ и мы. Но какъ они обходятся съ нею? Даромъ земли они никому не даютъ,—но продаютъ землю всѣмъ, кто хочетъ ее пріобрѣсть, и тѣмъ, которые хотятъ пріобрѣсти ее для ренты, и тѣмъ, которые хотятъ пріобрѣсти ее для собственнаго труда. Рентьерамъ продаютъ они землю дорого, будучи, конечно, увѣрены, и весьма резонно, что кто вкладываетъ значительный капиталъ въ землю, тотъ дѣлаетъ это не безъ цѣли, и слѣдовательно такъ или иначе обрабатывать ее будетъ; — труженикамъ они продаютъ землю очень дешево, на условіи, что въ теченіи извѣстнаго срока земля будетъ воздѣлываться; иначе ее они берутъ обратно. Стало быть, образованіе пустырей внутри страны по принятому ими принципу раздачи земель невозможно. У насъ нѣкоторымъ образомъ исторически принято поступать совсѣмъ наоборотъ. Земли раздаются, какъ раздавались въ прежнее время души, разнымъ лицамъ задаромъ, въ награду, безъ всякаго вниманія къ тому: будутъ ли и даже способны ли эти лица сдѣлать какое нибудь производительное употребленіе изъ получаемой ими земли, и, напротивъ, тѣмъ лицамъ, которыя способны своимъ трудомъ превратить землю въ золото, она дается въ ничтожномъ количествѣ. Отъ этого происходитъ, что у насъ въ сердцѣ государства образуются огромные, остающіеся безъ всякаго употребленія пустыри, а народъ, способный къ исполинскому труду, къ какому, смѣемъ сказать, не способенъ никакой народъ, бѣдствуетъ, не имѣя, надъ чѣмъ употребить свою исполинскую силу, а вслѣдствіе этого и государство по своимъ финансовымъ средствамъ остается вѣчно нищенскимъ: ибо давно извѣстно уже, что pauvre paysan, pauvre royaume...

Задняя мысль при этомъ у насъ существуетъ такая, чтобы въ Россіи создать такія поземельныя отношенія, какія существуютъ въ Англіи. При нашихъ безконечныхъ поземельныхъ пространствахъ эта мысль абсурдъ рѣшительный, невозможный, абсурдъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Скорѣе мы можемъ повторить собою исторію древняго Рима, или возобновить тѣже поземельныя отношенія, какія существовали у насъ, начиная съ Ѳеодора Ивановича вплоть до полнаго закрѣпощенія, но Англіей никакъ не сдѣлаемся. Въ томъ-то и сила, что мы не умѣемъ подражать.

Мы потеряли это искусство чуть ли не со смертію нашего перваго великаго подражателя Петра I. Нельзя не вспомнить одного глубоко вѣрнаго замѣчанія о нашихъ подражаніяхъ со времени Екатерины II, которое дѣлаетъ Гакстгаузенъ по поводу употребляемаго крестьянами на берегахъ Кубенскаго озера бельгійскаго плуга, введеннаго здѣсь Петромъ Великимъ. «Просто невѣроятно,—говоритъ Гакстгаузенъ,—съ какимъ тонкимъ знаніемъ дѣла и съ какимъ остроуміемъ Петръ I вводилъ въ каждомъ мѣстѣ тѣ именно улучшенія земледѣлія, которыя соотвѣтствовали условіямъ данной мѣстности. Онъ имѣлъ одинаковыя способности какъ къ самымъ крупнымъ, такъ и къ самымъ мелкимъ дѣламъ. На каждомъ шагу наталкиваешься въ Россіи на воспоминанія о немъ, но его преемники не съумѣли помочь способному русскому народу какимъ-нибудь реальнымъ улучшеніемъ его хозяйства, да и не заботились объ этомъ; только теперь начинаютъ объ этомъ думать. Екатерина II почти ничего не сдѣлала въ этомъ отношеніи: все, что она дѣлала, было подражаніемъ иноземнымъ народамъ и носило характеръ одной внѣшности. Она впервые ввела вредное направленіе во все управленіе, именно съ ея времени привыкли при каждомъ новомъ учрежденіи ставить вопросъ: что скажетъ объ этомъ Европа? а не спрашиваютъ себя: дѣйствительно ли народно такое-то учрежденіе? Сораз-

мѣрно ли, полезно ли и необходимо ли оно для Россіи?»*). Въ этомъ неспрашиваньи себя: идетъ ли извѣстное учрежденіе въ нашимъ отношеніямъ, или нейдетъ, въ какой мѣрѣ совмѣстимо или несовмѣстимо съ нашими условіями, заключается причина, что у насъ являются иногда самыя дикія и абсурдныя подражательныя поползновенія. Къ числу такихъ поползновеній несомнѣнно должна быть причислена и мысль перенести къ намъ англійское аграрное устройство. Англія въ настоящее время, конечно, страна самая богатая и цивилизованная въ Европѣ. Это знаютъ и французы, и итальянцы, а о нѣмцахъ и говорить нечего. Благодаря только нѣмцамъ, и мы въ послѣднее время стали догадываться о богатствахъ и цивилизаціи Англіи. Однакожъ, вѣдь вотъ ни французамъ, ни итальянцамъ, ни тѣмъ болѣе нѣмцамъ не придетъ въ голову мысль пересадить въ свои страны аграрное устройство Англіи. Не придетъ въ голову, во-первыхъ, потому, что это безсмыслица — вещь къ исполненію невозможная. Аграрное устройство во всѣхъ странахъ создается вѣками; сообразно съ нимъ вѣками же слагается тотъ или другой соціальный строй и самый государственный механизмъ. Чтобы какая-нибудь страна могла ввести у себя чуждое ей аграрное устройство, для этого ей нужно начать ломку сверху до низу, произвести внутреннюю революцію, поставить себя на цѣлые десятки, а можетъ быть, и сотни лѣтъ въ состояніе непрестанныхъ безпокойствъ, смутъ и броженій. Во-вторыхъ, потому, что въ Европѣ ни для кого не тайна, что аграрное устройство—больное мѣсто Англіи. Высота земледѣльческой культуры ея покупается массою безчисленныхъ экономическихъ и соціальныхъ бѣдствій цѣлаго народа. И еслибы этихъ бѣдствій не смягчало съ одной стороны широкое развитіе индустріи, поддерживаемой съ давнихъ временъ монополіей или преобладаніемъ англійской торговли на множествѣ заграничныхъ рынковъ, съ другой — полная свобода личности съ правомъ вести организованную войну съ капиталомъ и въ сферѣ экономической и политической, аграрное устройство Англіи, представляющее собою, въ сущности, не что иное, какъ грабежъ обще-народной собственности ничтожною горстью землевладѣльцевъ, не выдержало бы, быть можетъ, и сотни лѣтъ. Даже лучшіе представители классической или, что то же, капиталистической политической экономіи, въ началахъ которой аграрное устройство Англіи находитъ нѣкоторое оправданіе, какъ-то: основатель этой экономіи Адамъ Смитъ и Джонъ Стюартъ Милль смотрятъ на исчезновеніе прежнихъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, т. е. крестьянъ въ Англіи, какъ на величайшее зло для страны. Но мысль, которая въ другихъ цивилизованныхъ странахъ составляетъ дѣло, давно рѣшенное и давно сданное въ архивъ, у насъ является еще вопросомъ и находитъ множество сторонниковъ. Можно найти не одну сотню землевладѣльцевъ, которые и въ университетахъ, и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обучались и курсы политической экономіи проходили, но которымъ дай только власть въ руки, сейчасъ готовы будутъ, не задумываясь, приступить къ введенію англійскаго аграрнаго устройства въ Россіи. Вотъ въ этомъ-то неумѣньи приспособить примѣры и опыты прошедшаго въ другихъ странахъ къ условіямъ нашей собственной жизни и обстановки, въ этомъ неумѣньи подражать хорошему съ толкомъ, и заключается вся наша бѣда. Отъ этого неумѣнья произошло и то, что мы примѣровъ и опытовъ по выкупной операціи другихъ странъ не съумѣли приладить къ отношеніямъ и условіямъ нашей страны и вслѣдствіе этого *гнѣвъ великая порвалась* у насъ неладно, ударивъ такъ убійственно

Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику.

*) Изслѣдов. внутреннихъ отношеній народной жизни. Соч. Гакстгаузена. Москва 1870, стр. 144.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мартъ 1875.

Консервативныя начала.—Различные типы охранителей.—Некрологъ М. Н. Лонгинова.—Рѣчи на обѣдахъ въ честь предводителей дворянства въ Москвѣ.—Настроеніе общества при началѣ крестьянской реформы—и теперь.—Предположенныя перемѣны относительно съѣздовъ сельскихъ учителей.—Отношеніе полиціи къ раскольникамъ.—Судебные процессы въ Калугѣ и Москвѣ.—Предположенія о расширеніи свободы вѣроисповѣданія для раскольниковъ.

Давно уже я думаю о томъ, что такое консервативныя начала въ Россіи? и до сихъ поръ не могу дойдти ни до чего опредѣленнаго. Съ цѣлію уяснить себѣ этотъ вопросъ, я перечиталъ сочиненія нашихъ лучшихъ публицистовъ, перечиталъ всѣ рѣчи талантливѣйшихъ изъ нашихъ адвокатовъ, экспрофессора Спасовича, который, повидимому, до тонкости изучилъ, что должно охранять—и остаюсь все въ томъ же положеніи. Что консервативныя начала есть у насъ, какъ они есть и вездѣ—это несомнѣнно. Но во Франціи, въ Англіи, въ Германіи и т. д. можно точно и опредѣленно по пальцамъ пересчитать эти начала и въ каждомъ данномъ случаѣ, за немногими, быть можетъ, исключеніями, съ такою же точностію и опредѣленностію сказать, что это согласно съ консервативными началами, а это противорѣчитъ имъ. У насъ этого никакъ нельзя сказать не только съ точностію и опредѣленностію, но даже хоть съ нѣкоторою вѣроятностію. Таже самая мысль, которая въ Петербургѣ считается нисколько не противною консервативнымъ началамъ, въ Твери очень часто кажется сомнительною, въ Тулѣ окружается полицейскимъ надзоромъ, а въ Чухломѣ, въ лицѣ ея виновника или носителя, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ отправляется прямо въ кутузку или фюить, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Я твердо увѣренъ и готовъ держать какое угодно пари, что въ Россіи не найдется ни одного человѣка, который былъ бы въ состояніи сказать, гдѣ въ каждомъ данномъ случаѣ оканчивается консерватизмъ и гдѣ начинается тотъ опасный для существующаго строя общества радикализмъ, который надобно преслѣдовать. Оттого, каждый разъ, когда представляется надобность опредѣлить отношеніе того или другого случая къ консервативнымъ началамъ, начинаются пререканія не между людьми разномыслящими или разныхъ партій — что еще не трудно было бы объяснить—а между людьми одного, повидимому, образа мыслей, вполнѣ между собою солидарными. Такъ, Петербургъ, т. е. консервативный Петербургъ, находится въ постоянномъ подозрѣніи у московскихъ консерваторовъ. Какъ только выдается какой-нибудь случай, подлежащій разсмотрѣнію въ его отношеніи къ консервативнымъ началамъ, то, сколько бы петербургскихъ инстанцій ни разсматривали этотъ случай, и какъ бы онѣ тщательно ни блюли при своемъ разсмотрѣніи цѣлость охранительныхъ началъ, Москва непремѣнно останется недовольна. Кончилъ Петербургъ свое разсмогрѣніе, рѣшеніе объявилъ; смотришь—Москва берется сама за пересмотръ дѣла, переворачиваетъ всѣ факты на изнанку, восполняетъ недостающее собственнымъ воображеніемъ и изъ простого случая, можно сказать, творчески создаетъ такіе страхи, что волосы дыбомъ становятся. «Заговора-то, очевиднаго, несомнѣннаго заговора не увидать, говоритъ она укорительно Петербургу:—а вѣдь дѣло было яснѣе дня!» И Петербургъ постоянно отдувается передъ Москвою за свое непониманіе истинно консервативныхъ началъ, нерѣдко попрекается даже въ намѣренной измѣнѣ имъ.

Такія пререканія относительно приложенія консервативныхъ началъ могутъ происходить не отъ чего другого, какъ отъ ихъ неизвѣстности—отъ того, что они не приведены въ надлежащую ясность, не формулированы, а существуютъ и дѣйствуютъ въ самомъ общемъ, неопредѣленномъ видѣ. Всѣ знаютъ, что есть что-то такое, что̀ надобно охранять, но что̀ это такое, какъ его понимать въ каждомъ данномъ случаѣ, противъ какихъ нападеній надобно охранять и до какихъ предѣловъ—это покрыто мракомъ неизвѣстности. Всякій долженъ и можетъ толковать это, какъ ему заблагоразсудится. Отъ этого жизнь частныхъ лицъ очень часто дѣлается очень неудобною. Не только тамъ, гдѣ развелись вольнопрактикующіе охранители, но даже часто и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ охранительное начало предствляется исключительно оффиціальными лицами, все ваше благополучіе зависитъ отъ того, какъ понимаются здѣсь охранительныя начала. Въ одномъ мѣстѣ вы уже становитесь подозрительны, если, подобно Кандауровскому барину, вы «ни съ кѣмъ не знакомитесь, книжки читаете, по вечерамъ сидите дома». Здѣсь или не видывали такихъ людей и потому находятся сами въ переполохѣ (не вы ли, дескать, тотъ самый врагъ охранительныхъ началъ, противъ котораго надобно употребить мѣропріятія?), или, можетъ быть, и знаютъ, что вы человѣкъ, нисколько не опасный, но, пользуясь неопредѣленностію охранительныхъ началъ, смотрятъ на васъ какъ на рѣдкій случай, гдѣ можно выказать передъ стоящимъ выше начальствомъ свою ревность къ охраненію, и строчатъ ему на васъ доносъ. Хорошо, если это стоящее выше начальство дастъ приказъ: «дожидаться поступковъ», а то можетъ выйдти вѣдь и другой приказъ: «представить, дескать, самолично для разслѣдованія дѣла», а тамъ, хотя бы вы были свѣтлѣе солнца, сидите, пока васъ оправдаютъ. Въ другихъ мѣстахъ начальства считаютъ печатныя извѣстія о ввѣренной ихъ попеченію территоріи противными консервативнымъ началамъ, и, какъ только явится такое извѣстіе въ газетахъ, хотя бы въ немъ и ничего не было для нихъ предосудительнаго, не знаютъ ни дня, ни ночи покою, пока не доищутся, кто писалъ это извѣстіе. И горе тому, на кого падетъ подозрѣніе въ такомъ преступленіи. Извѣстія о гоненіяхъ на провинціальныхъ корреспондентовъ очень часто попадаются въ нашихъ газетахъ. Но мы слышали, что одинъ господинъ, — назовемъ его N.,—двѣнадцать разъ былъ высылаемъ изъ мѣста жительства въ разные уѣздные города, по подозрѣнію въ писаніи корреспонденцій, хотя онъ не писалъ ни одной корреспонденціи. Какъ только является въ газетахъ корреспонденція, такъ къ нему является немедленно исправникъ и говоритъ: «его пр—во приказалъ вамъ выѣхать изъ города въ 24 часа туда-то». «Да позвольте—за что же?» «Опять явилась ваша корреспонденція!» жалобно отвѣчаетъ исправникъ. «Вѣрьте мнѣ, что я никогда не писывалъ ни одной корреспонденціи, говоритъ несчастный,—я желалъ бы лично объяснить его пр—ву, что я совершенно не виноватъ». «Это невозможно,—съ твердостію отвѣчалъ исправникъ—вы должны немедленно исполнить волю его пр—ва, а потомъ вашу невинность объясните письменно». Третьему мѣстному начальству не нравится нѣкоторыя сочиненія, хотя и дозволенныя цензурой, но которыя крайніе консерваторы находятъ очень красными. Таковы, напримѣръ, сочиненія Добролюбова, Шевченки. Приходитъ начальство въ книжную лавку и видитъ эти сочиненія на полкахъ лавки. «Какъ вы смѣете держать и распространять такія сочиненія?» обращается оно къ книгопродавцу. «Эти сочиненія, ваше пр—во, робко возражаетъ книгопродавецъ, разрѣшены цензурой, и я думалъ, что»... «Нечего тутъ думать, я не потерплю, чтобы такія неблагонамѣренныя сочиненія распространялись въ ввѣренномъ моему попеченію районѣ». И несчастный книгопродавецъ снимаетъ съ полокъ и продаетъ по секрету разрѣшенныя цензурою сочиненія.

Но если призванные охранители разнообразно толкуютъ и прилагаютъ консервативныя начала, то это происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ своеобразія ихъ взгляда и, можетъ быть, изрѣдка только, когда производится бумажное дѣло, изъ желанія показать передъ начальствомъ ревность по службѣ. Совсѣмъ другими побужденіями водятся вольно-практикующіе охранители. Они потому только ревнуютъ по охранительнымъ началамъ, что тутъ можно половить рыбы въ мутной водѣ, и полная неизвѣстность предметовъ охраненія, противниковъ охраненія, способовъ охраненія и предѣловъ охраненія для нихъ истинно золотое дно. Они понимаютъ, что нѣтъ такой вещи, которой нельзя бы выловить здѣсь, надобно только приловчиться, знать время и умѣть дѣйствовать. Стоитъ, напримѣръ, передъ тобой пренепріятный человѣкъ, который во всемъ тебѣ помѣха и вредитъ твоимъ интересамъ на каждомъ шагу, и стоитъ такъ крѣпко, что ни съ которой стороны ты его дѣловымъ образомъ не подкопаешь. Неприступная крѣпость, — и все тутъ, хоть пропадай, ничего не подѣлаешь. Охранитель только посмѣивается себѣ подъ носъ надъ этою твердынею, собираетъ о ней подъ рукою разныя извѣстія и ждетъ благопріятнаго случая. Наступилъ этотъ случай, охранитель объявляетъ, кому слѣдуетъ, что такой-то N—твердыня-то—имѣетъ умышленіе нѣчто поколебать, ниспровергнуть или разрушить,—и конецъ дѣлу. Твердыня — или фюитъ, или превращается въ такую равнину, что не узнаешь и мѣста, гдѣ она прежде была. Разъ такое торжество добыто, слава и сила охранителя разростается на десятки, сотни, тысячи верстъ кругомъ, смотря по рангу. Острастка задана, и все ежится и стушевывается предъ охранителемъ. Трусятъ и частныя лица, сколько нибудь выдающіяся, и мелкіе администраторы. Одни

боятся быть заподозрѣнными и подпасть обвиненію въ преступномъ покушеніи противъ того неизвѣстнаго, что охранитель считаетъ нужнымъ или выгоднымъ для себя охранять, другіе боятся быть заподозрѣнными и обвиненными, если не въ преступномъ соучастіи съ обвиненными, то въ послабленіи имъ.

Велика ли, напримѣръ, птица кулакъ Деруновъ, изображенный Щедринымъ въ одномъ изъ его недавнихъ очерковъ. Но, благодаря умѣнью пользоваться охранительными началами, Деруновъ играетъ роль падишаха въ своей мѣстности. Мошенническою торговлею и прижимками онъ грабитъ всю мѣстность, пьетъ постоянно кровь изъ мужиковъ, какъ они сами выражаются,—и между тѣмъ, когда они разъ только вздумали защититься отъ его кровопійства, не продали ему хлѣбъ за ту низкую цѣну, которую онъ назначилъ, онъ кричитъ, что это—«стачка», «бунтъ» и спрашиваетъ сына: почему онъ не шепнулъ объ этомъ исправнику? «Никогда прежде бунтовъ не бывало, замѣчаетъ онъ при этомъ, а нынѣче, смотритка, бунты начались». «Да какой же это бунтъ?» возражаютъ ему. «А по твоему, баринъ, не бунтъ?»—отвѣчаетъ онъ съ насмѣшкой и потомъ объясняетъ, что самому ему такой махины хлѣба не съѣсть, и не гноить же онъ хлѣбъ покупаетъ, а ставитъ онъ хлѣбъ въ казну, для арміи. «А ну, какъ, говоритъ онъ въ заключеніе своей рѣчи,—у меня изъ за нихъ, курицыныхъ сыновъ, хлѣба не будетъ! Помирать, что ли, арміи-то! По твоему это—не бунтъ!»

Но Деруновъ представляетъ собою типъ охранителя первичнаго, бьющагося изъ грошей, мелко плавающаго. Онъ стоитъ еще на такой низкой ступени, что не умѣетъ пользоваться охранительными началами иначе, какъ облекши ихъ въ юридическую форму. Для него нужно еще, чтобы былъ на лицо какой-нибудь фактъ преступленія—corpus delicti, хоть фиктивный, въ родѣ стачки и злоумышленія на армію, но все-таки, чтобы былъ; нужно, чтобы были на лицо обвиняемые. Истинный охранитель, болѣе тонкій, который понялъ внутреннюю силу охранительныхъ началъ, въ такихъ юридическихъ подпорахъ не нуждается. Онъ, такъ сказать, взлетаетъ къ обвиненію самъ собою при помощи однихъ охранительныхъ началъ, безъ всякаго криминальнаго повода, и самъ собою, при пособіи также охранительныхъ только началъ, развиваетъ сѣть обвиненія. Дѣлается это самыми разнообразными способами. Мы ограничимся двумя только примѣрами. Предположимъ, въ какомъ-нибудь городѣ въ одинъ день случилось три-четыре пожара, или въ одинъ мѣсяцъ въ цѣлой Россіи случилось 300—400 пожаровъ. Отчего произошли пожары—осталось для полиціи или неизвѣстнымъ, или она приписала ихъ неосторожности. Такимъ образомъ, подлежащею властію никакого криминальнаго случая не обнаружено. Но это нисколько истиннаго охранителя не успокоиваетъ. Находясь на разстояніи многихъ сотенъ, иногда тысячъ верстъ отъ мѣста бывшихъ пожаровъ, онъ беретъ сообщенныя въ газетахъ скудныя свѣдѣнія о пожарахъ, начинаетъ ихъ вертѣть въ ту сторону, другую, перепачивать, дополнять собственными догадками и, при помощи такихъ операцій, приходитъ, наконецъ, къ несомнѣнному, по его словамъ, заключенію, что безъ поджоговъ такое количество пожаровъ было невозможно, немыслимо. Утвердившись на этой позиціи, онъ пускается въ разныя соображенія о томъ, какія могли бы быть причины поджоговъ, и послѣ тонкихъ, хитросплетенныхъ догадокъ о существованіи какой-то будто бы интриги, опутавшей всю Россію, онъ приходитъ ко второму заключенію, тоже, по его мнѣнію, несомнѣнному, что поджоговъ не могло быть иныхъ, какъ съ цѣлями политическими. Затѣмъ охранитель, обращаясь къ тѣмъ, кому это вѣдать надлежитъ, говоритъ: «ну, теперь я сдѣлалъ свое дѣло,—фактъ преступленія установленъ и не подлежитъ сомнѣнію; ваше дѣло—розыскать виновныхъ какими бы то ни было путями, хотя бы съ нарушеніемъ всѣхъ юридическихъ формъ, и принять должныя мѣропріятія. Иначе Россія можетъ погибнуть». Статей о политическихъ поджогахъ, начиная съ 1863 года, «Московскія Вѣдомости» написали безчисленное множество. Многія изъ этихъ статей производили сильное возбужденіе и панику во всей Россіи. Подъ вліяніемъ этой паники, одинъ несчастный полковникъ въ Симбирскѣ былъ невинно заподозрѣнъ и сильно пострадалъ. Замѣчательно однакожъ, что, въ теченіи всего этого времени, т. е. начиная съ 1863 года, никогда ни одного политическаго поджога слѣдствіемъ обнаружено не было.

Другой примѣръ мы позаимствуемъ также изъ «Московскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго уже года. Недавно умеръ, какъ извѣстно, предсѣдательствующій главнаго управленія по дѣламъ печати М. Н. Лонгиновъ. «Московскія Вѣдомости» сочли нужнымъ почтить некрологомъ покойнаго. Мысль сама по себѣ прекрасная. Отчего не почтить добрымъ словомъ человѣка, который имѣлъ свои заслуги въ литературѣ и одно время былъ сотрудникомъ «Русскаго Вѣстника». Вообразите же, что сдѣлали «Московскія Вѣдомости» изъ некролога. Вмѣсто того, чтобы говорить въ немъ о заслугахъ покойнаго, онѣ составили изъ некролога обвинительный актъ противъ литературы. Некрологъ Лонгинова, написанный вѣдомостями — это въ своемъ родѣ chef d'oeuvre охранительнаго искусства въ обвиненіи. Потому мы перепечатываемъ его здѣсь цѣликомъ:

«Кончина М. Н. Лонгинова не была неожиданностію. Онъ уже давно изнемогалъ отъ недуга, не подававшаго никакой надежны. Но до конца, какъ намъ пишутъ, онъ былъ въ полномъ обладаніи своихъ умственныхъ силъ, сохранялъ ясность сознанія и не ослабѣвалъ въ заботахъ о дѣлѣ, которому служилъ.

«Помянемъ покойнаго добрымъ словомъ, кото-

раго онъ вполнѣ заслуживаетъ. Это былъ цѣльный и крѣпкій характеръ. Это былъ одинъ изъ рѣдкихъ у насъ людей, способныхъ къ серьезному убѣжденію, которое ни предъ чѣмъ не смущается. Онъ ни боялся, ни стыдился сказать въ слухъ, что у него бывало на умѣ. Онъ никогда не отступалъ, не уклонялся, не вилялъ предъ тѣмъ, что признавалъ за справедливое, полезное или должное. Каковы бы ни были его мнѣнія, въ томъ или другомъ случаѣ можно было не соглашаться съ нимъ, но нельзя было не уважать честности, съ какою онъ всегда держался ихъ и на словахъ, и въ дѣйствіяхъ. Мнѣнія его были искренни. Они были фактомъ его жизни и никогда личиной, принимаемою въ угоду обстоятельствамъ. Мѣнялось его положеніе, но образъ его мыслей оставался всегда вѣренъ себѣ. Его умъ, просвѣщенный и трезвый, не легко давался въ обманъ; *сю нельзя было ни соблазнить лестью лживой популярности, ни застращать опасностью прослыть обскурантомъ.* Онъ шелъ твердо своимъ путемъ, не смущаясь криками, и службу свою, на которой застигла его смерть, справлялъ не просто ex officio, но съ энергіей и чуткостью живого убѣжденія. Дѣло это было не легкое. *Онъ могъ бы пріятнѣе проводить свои дни, исполняя служебный долгъ свой только для виду и измѣняя ему на дѣлѣ. Такой образъ дѣйствій у насъ бываетъ самый выгодный, и снискиваетъ расположеніе не только въ толпѣ, но и во многихъ вліятельныхъ сферахъ...*

«Онъ не былъ обскурантомъ, какимъ хотѣли ославить его. Онъ чтилъ интересы науки, высоко цѣнилъ дары цивилизаціи, былъ поклонникъ искусства и пламенный любитель литературы. Но потому-то самому *онъ былъ непримиримымъ врагомъ мошенниковъ пера и разбойниковъ печати. Онъ видѣлъ необходимость усилить контроль надъ нашею литературой въ ожиданіи «новыхъ людей», которые должны вывести ее на путь дѣйствительнаго прогресса».*

Въ этомъ некрологѣ васъ прежде всего поражаетъ то, что изъ довольно долговременной дѣятельности М. Н. Лонгинова на различныхъ поприщахъ публичной жизни взятъ, можно сказать, только конецъ его, сравнительно, очень непродолжительной службы въ качествѣ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати; но и изъ этой послѣдней дѣятельности берется только одна черта—это строгое отношеніе его къ литературѣ. Чтобъ понять суть того, что хотятъ сказать составители некролога, читайте этотъ некрологъ съ конца, по отмѣченному нами курсиву, и тогда сдѣлается яснымъ для васъ слѣдующій его смыслъ:

М. Н. Лонгиновъ считалъ необходимымъ гнать современную литературу. На современныхъ литераторовъ онъ смотрѣлъ какъ на мошенниковъ пера и разбойниковъ печати, потому не находилъ нужнымъ церемониться съ ними, ожидая другихъ, заправскихъ литераторовъ въ лицѣ «новыхъ людей», которые должны вывести литературу на путь дѣйствительнаго прогресса (и которые должны выйти, вѣроятно, изъ лицея Каткова и Леонтьева). Онъ не смущался тѣмъ, что его называли обскурантомъ. Онъ почиталъ своимъ долгомъ преслѣдовать литературу и честно исполнялъ свой долгъ. У него былъ твердый характеръ; онъ не походилъ на тѣхъ, которые, имѣя власть преслѣдовать литературу, не пользуются, однакожъ, этою властію и этимъ снискиваютъ себѣ расположеніе не только въ общественномъ мнѣніи, но и въ многихъ вліятельныхъ сферахъ.

Еслибы покойный Лонгиновъ всталъ изъ гроба и прочиталъ сплетенный въ память его «Московскими Вѣдомостями» некрологъ, то онъ, навѣрное, былъ бы удивленъ такимъ характернымъ изображеніемъ и истолкованіемъ его дѣятельности и не зналъ бы, какъ принять ему этотъ некрологъ—за медвѣжью ли услугу друга или за недобросовѣстную эксплуатацію его памяти ловкимъ человѣкомъ. Впрочемъ, за медвѣжью услугу друга принять некрологъ очень трудно: тенденція некролога слишкомъ очевидна. Въ немъ все подобрано для того, чтобъ изобразить самыми мрачными красками отношеніе покойнаго къ литературѣ и доказать, что такое именно отношеніе и есть единственно самое правильное. Насколько этотъ портретъ будетъ похожъ на дѣйствительнаго Лонгинова—объ этомъ «Московскія Вѣдомости» не заботились; имъ нужно было только, чтобъ сдѣлать его какъ можно болѣе мрачнымъ. И мы думаемъ, что онъ вышелъ дѣйствительно слишкомъ утрированнымъ. Положимъ, что покойный не отличался мягкостію къ литературѣ; это тѣмъ рѣзче бросалось всѣмъ въ глаза, что отношеніе его къ литературѣ въ качествѣ начальника по дѣламъ печати стояло въ ясномъ для всѣхъ контрастѣ съ его прежнимъ свободомысліемъ, какъ писателя. Что произвело въ немъ эту перемѣну, лѣта ли, обстоятельства ли, положеніе ли—ничего этого неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ М. Н. Лонгиновъ никогда не былъ такимъ гонителемъ литературы con amore, какимъ хотятъ изобразить его «Московскія Вѣдомости». Напротивъ, и на послѣднемъ его служебномъ посту въ немъ не заглохли окончательно его литературные инстинкты прежняго времени, и мы могли бы назвать нѣсколько сочиненій, которыя, по своей свободѣ, выходили изъ обычнаго уровня печати и которыя явились въ свѣтъ только благодаря сочувствію къ нимъ покойнаго. Уже изъ этого видно, что Лонгиновъ въ своихъ воззрѣніяхъ на современную прессу не былъ солидаренъ съ редакторами «Московскихъ Вѣдомостей», и не знаемъ, ждалъ ли онъ какихъ-нибудь литераторовъ изъ «новыхъ людей» и откуда; но никакъ не можемъ вѣрить, чтобъ на современныхъ литераторовъ онъ смотрѣлъ, какъ на мошенниковъ пера и разбойниковъ печати. Мы даже не понимаемъ, какимъ образомъ

редакторы «Московскихъ Вѣдомостей» могутъ писать некрологъ Лонгинова, который походитъ скорѣе на диффамацію, чѣмъ на некрологъ, разсказывать о тайныхъ намѣреніяхъ, воззрѣніяхъ и даже чаяніяхъ покойнаго, и вмѣстѣ не говорить, по какому праву они все это дѣлаютъ? изъ какого источника заимствуютъ странныя свѣдѣнія? Сколько извѣстно, Лонгиновъ публично не показывалъ своей солидарности съ «Московскими Вѣдомостями»; за его управленіе послѣднія подвергались карѣ наравнѣ съ другими подобными изданіями. И если вѣрить редакторамъ «Московскихъ Вѣдомостей», что покойный преслѣдовалъ мошенниковъ пера и разбойниковъ печати, то таковыми же считалъ, значитъ, и ихъ. Съ своей стороны и «Московскія Вѣдомости» не показывали своей солидарности съ Лонгиновымъ. Въ управленіе Лонгинова печатью онѣ точно также, какъ и прежде, не переставали время отъ времени жаловаться на слабость цензурнаго надзора за литературою. Чтобъ не далеко ходить, укажемъ хоть на статьи о медико-хирургической академіи и Ціонѣ, которыя помѣщались въ продолженіи цѣлаго почти года въ разныхъ газетахъ и журналахъ, и всѣ до одной печатались съ разрѣшенія покойнаго, который не находилъ въ нихъ ничего противнаго законамъ о печати. Между тѣмъ «Московскія Вѣдомости» усмотрѣли въ этихъ статьяхъ цѣлый заговоръ!!!

Отчего же теперь «Московскія Вѣдомости» воспылали такою нѣжностію къ бывшему начальнику по дѣламъ печати? Отчего теперь онѣ стараются заявить свою полную солидарность съ нимъ, являются нѣкоторымъ образомъ его самозванными душеприкащиками, разсказывая публично о его тайныхъ намѣреніяхъ, воззрѣніяхъ и даже чаяніяхъ? Странно! Но еще страннѣе то, что, воспылавъ такою нѣжностію къ покойному, онѣ во всемъ его умственномъ и нравственномъ складѣ нашли только одну черту, достойную похвалы — это яко бы суровое отношеніе его къ литературѣ. Чѣмъ это объяснить? Ларчикъ открывается очень просто. Не некрологъ Лонгинову, какъ мы уже сказали, хотѣли онѣ написать, онѣ хотѣли воспользоваться только этимъ случаемъ, чтобы, кому слѣдуетъ, заявить, что современная литература, конечно петербургская, состоитъ изъ мошенниковъ пера и разбойниковъ печати; что такая литература, само собою разумѣется, ни къ чему иному стремиться не можетъ, какъ къ подорванію основъ, разрушенію государства и т. д., и т. д.; что если она не нанесла никакого вреда во время управленія Лонгинова дѣлами печати, то потому только, что онъ будто бы держалъ ее въ ежовыхъ рукавицахъ; что и въ будущемъ необходимы такія же мѣропріятія, чтобы сдѣлать ее безвредною и т. п. Все это редакторы «Московскихъ Вѣдомостей» могли бы, конечно, сказать и отъ своего лица; но они такъ часто говорятъ именно это самое и по каждому ничтожному поводу, и безъ всякаго повода, что чувствуютъ, что слова ихъ имѣютъ не особенный вѣсъ. И вотъ почему они нашли самымъ лучшимъ для своихъ цѣлей вызвать на сцену тѣнь усопшаго — сами же явились подлѣ нея только въ качествѣ истолкователей его тайныхъ думъ, намѣреній, чаяній. Пріемъ морально очень, конечно, некрасивый; но по мастерству въ своемъ родѣ верхъ охранительнаго искусства въ обвиненіи!

Мы говоримъ: въ своемъ родѣ. Потому, что тотъ типъ охранителей, о которомъ мы говоримъ теперь, все-таки не самый высшій. Типъ этотъ пошелъ далѣе Деруновскаго тѣмъ, что онъ не стѣсняется юридическими данными для обвиненія, что онъ можетъ безъ всякаго криминальнаго случая взлетать къ обвиненію самъ собою; но онъ взлетаетъ сюда все-таки для того, чтобы создать обвиненіе въ юридическихъ предѣлахъ: на сцену опять выходитъ опредѣленный фактъ обвиненія и обвиняемые съ болѣе или менѣе опредѣленными признаками, по которымъ ихъ можно розыскать или указать. Самая цѣль обвиненія та же, что у Дерунова: доѣхать и упечь указываемыхъ обвиненіемъ лицъ. Разница только въ томъ, что Деруновъ преслѣдуетъ цѣли мелкія, имѣетъ въ виду грошовые разсчеты, а истинный охранитель водится болѣе высшими соображеніями, и сообразно широтѣ послѣднихъ ловитъ рыбу уже не удочкой, какъ Деруновъ, а цѣлымъ неводомъ. Тѣмъ не менѣе оба эти типа не могутъ отрѣшиться отъ юридическихъ опредѣленій и охранительныя начала путаютъ юридическими формулами.

Самый высшій и совершеннѣйшій типъ охранителя является только тогда, когда охранитель въ своемъ обвиненіи отрѣшается вполнѣ отъ всѣхъ юридическихъ формулъ и опредѣленій и восходитъ на высоту охранительныхъ началъ. Утвердясь здѣсь, онъ, какъ Пиѳія на треножникѣ, устремляетъ взоръ свой въ будущее, прозрѣваетъ будущія судьбы Россіи и, такъ сказать, блюдетъ Россію въ ея будущемъ. Настоящее, повидимому, его не занимаетъ; оно важно для него не само по себѣ, а только по отношенію къ будущему. Онъ не иначе и обозрѣваетъ настоящее, какъ съ точки зрѣнія будущаго, и съ этой же точки указываетъ опасности, среди которыхъ оно — настоящее — ходитъ; или, что тоже, раскидываетъ сѣть обвиненія. Но въ этомъ обвиненіи нѣтъ ничего похожаго на обвиненія низшаго сорта охранителей. Онъ никогда не имѣетъ въ виду ни доѣхать, ни упечь кого-нибудь своимъ обвиненіемъ, онъ не обвиняетъ ни сихъ, ни оныхъ, онъ обвиняетъ вообще, обвиняетъ кого-то, обвиняетъ что-то. Чѣмъ неопредѣленнѣе обвиненіе, чѣмъ безпредметнѣе, тѣмъ оно прямѣе ведетъ къ той цѣли, которую онъ преслѣдуетъ. А цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы держать общество въ постоянной боязни и безпокойствѣ, постоянно насторожѣ противъ кого-то и чего-то, чтобы парализовать всякую дѣятельность, направленную на

разрушеніе того порядка, который законно давно предназначенъ къ уничтоженію, но который продолжаетъ держаться благодаря запугиванью охранителей. Обвинитель, стоящій на высотѣ охранительныхъ началъ, даже когда встрѣчается криминальный случай, принимаетъ этотъ случай не болѣе, какъ за точку отправленія, съ которой немедленно переносится къ будущимъ судьбамъ Россіи. Онъ не обращаетъ вниманія ни на corpus delicti этого случая, ни на обвиняемыхъ, какъ бы ни важно было преступленіе и обвиняемые. «Это, говоритъ онъ:—не мое дѣло; какъ хотите, такъ и поступайте съ ними; для меня важны будущія судьбы Россіи». Болѣе тонкіе изъ этихъ обвинителей бываютъ большею частію даже въ высшей степени снисходительны и гуманны къ раскрытымъ преступникамъ. «Это что! говорятъ они:—это—только цвѣтки, жалкіе и обольщенные люди, но истинные корни зла, обольстители и совратители, скрываются, и отъ нихъ то должно ожидать взрыва Россіи, можетъ быть, въ очень близкомъ будущемъ».

Образчиковъ, какъ дѣйствуютъ охранители этого высшаго типа, мы могли бы представить очень много изъ «Московскихъ Вѣдомостей» прошедшихъ годовъ; но въ качествѣ хроникёра мы стѣснены рамками текущаго матеріала, и потому можемъ дать только тѣ образчики, какіе есть въ этомъ матеріалѣ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ красуется у насъ одинъ московскій адвокатъ, который недавно, защищая нѣкоторое кляузное и беззаконное дѣло въ мировомъ съѣздѣ, вмѣсто всякихъ юридическихъ доказательствъ, возлѣтѣлъ къ будущимъ судьбамъ Россіи,—и дѣло выигралъ. Но на сей разъ мы имени сего адвоката не упомянемъ, чтобы онъ не возгордился нашею, быть можетъ, незаслуженною похвалою. Ибо мы пока не знаемъ, что онъ такое: художникъ ли, стоящій на высотѣ охранительныхъ началъ, или просто болтающій аблакатъ,—и что такое его рѣчь: зрѣлый ли плодъ опытной мысли, или легкомысленная болтовня человѣка, запутавшагося въ своемъ собственномъ словоизверженіи? Кстати мы должны здѣсь, впрочемъ, замѣтить, что высшая форма охранительнаго обвиненія въ судебныхъ процессахъ встрѣчается очень рѣдко. Судья какъ-то такъ уже привыкаетъ, что наровитъ все облечь въ юридическую форму, подогнать подъ статью закона, и самое возвышенное охранительное обвиненіе, которымъ легко пронять не только станового, исправника, но и административныхъ лицъ болѣе высшаго положенія, не всегда проймётъ даже посредственнаго судью. Потому въ судахъ превалируютъ обыкновенно низшія формы охранительнаго обвиненія, гдѣ охранительныя начала можно хоть какъ-нибудь облечь въ юридическія рамки. Высшая форма охранительнаго обвиненія очень часто встрѣчается въ литературѣ. Но настоящее ея мѣсто — это болѣе или менѣе оффиціальныя торжества, въ томъ числѣ и торжественные обѣды. Здѣсь оно играетъ тройную роль: 1) собственную роль обвиненія; 2) роль публичнаго заявленія преданности охранительнымъ началамъ и 3) роль приправы, придающей обѣдамъ нѣчто въ родѣ политическаго или общественнаго значенія. Безъ этой приправы на торжественныхъ обѣдахъ ничего болѣе не оставалось бы дѣлать, какъ ѣсть молча или говорить только вздоръ, въ чемъ читатель легко убѣдится изъ нижеслѣдующаго.

9-го и 10-го февраля нынѣшняго года московскимъ дворянствомъ даны были два обѣда въ честь двухъ своихъ предводителей—губернскаго, прослужившаго три трехлѣтія, А. П. Мещерскаго и уѣзднаго—князя И. Я. Несвицкаго. Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ эти личности весьма почтенны и вполнѣ достойны того уваженія, которое питаетъ къ нимъ московское дворянство. Въ честь такихъ людей, конечно, пріятно пообѣдать,—и почему же и не пообѣдать? Но постъ предводителя дворянства, по нашему мнѣнію, такой постъ, который при обыкновенномъ своемъ теченіи не представляетъ никакихъ поводовъ даже къ обѣденному краснорѣчію, всегда болѣе или менѣе имѣющему право на снисхожденіе. Что вы, въ самомъ дѣлѣ, можете придумать сказать особеннаго о какомъ бы то ни было предводителѣ дворянства? Самымъ отличнымъ предводителемъ дворянства, точно также какъ самымъ храбрымъ воиномъ, по опредѣленію извѣстнаго добряка Максима Максимовича въ «Героѣ нашего времени», надобно назвать того, кто ведетъ себя, какъ слѣдуетъ, т. е. пунктуально исполняетъ обязанности, возложенныя на него закономъ. Но если вы въ похвалу бывшаго предводителя дворянства будете говорить, что онъ исполнялъ съ ревностію всѣ обязанности, лежащія на немъ по закону, поименовывая при этомъ всѣ эти обязанности, то рѣчь ваша, кромѣ того, что не будетъ содержать никакой похвалы, выйдетъ слишкомъ реальною и будетъ напоминать собою рѣчь того Щедринскаго батальоннаго командира, который на прощальномъ обѣдѣ говорилъ губернатору: до васъ, ваше превосходительство, у насъ не было батальонныхъ огородовъ; ваше превосходительство намъ ихъ устроили и т. д. Если вы захотите уклониться отъ перечисленія тѣхъ обязанностей, которыя возлагаются на предводителей дворянства закономъ, и вмѣсто краснорѣчія реальнаго выступите на стезю краснорѣчія возвышеннаго, то невольно сознаетесь, какъ сознался г. Г. А. Чертковъ, въ рѣчи своей на обѣдѣ, данномъ князю И. Я. Несвицкому, что «благодарить общественныхъ дѣятелей по окончаніи ихъ служенія не всегда легко, что часто въ эту минуту рождается вопросъ: да за что же благодарить? И оказывается, что не за что; приходится поневолѣ довольствоваться громкими и пустыми фразами». Самъ г. Чертковъ хотѣлъ было уклониться отъ этой печальной участи и выступилъ сначала на путь краснорѣчія реальнаго; но здѣсь не нашелъ ничего осо-

бѣднаго въ службѣ князя Несвицкаго, кромѣ того, что «благодаря князю Несвицкому, неправильное заключеніе дворянина въ домѣ умалишенныхъ прекратилось». А такъ какъ одной такой заслуги для составленія цѣлой рѣчи было мало, то, по необходимости, пришлось обратиться къ краснорѣчію нежелаемому, т. е. краснорѣчію громкихъ и пустыхъ фразъ. Въ этомъ отношеніи рѣчь г. Черткова представляетъ въ своемъ родѣ неподражаемый образецъ.

«Дѣятельность ваша, говорилъ, между прочимъ, г. Чертковъ, обращаясь къ князю Несвицкому, и почтеннаго товарища вашего князя Мещерскаго напоминаетъ мнѣ эпизодъ изъ поэмы Данте. Мысленно шествуетъ поэтъ по невѣдомымъ и мрачнымъ пространствамъ; онъ подходитъ къ вратамъ ада; у порога мѣста вѣчныхъ мукъ онъ усматриваетъ толпу несчастныхъ. Кто эти несчастные? спрашиваетъ флорентинецъ. Это — *равнодушные*, отвѣчаетъ ему спутникъ, люди, которые прожили на свѣтѣ безъ убѣжденій, не заслужили ни похвалы, ни порицаній, не любили и не ненавидѣли; ихъ извергаетъ даже адъ; вѣчная мука доставила бы имъ незаслуженную славу. Къ этимъ людямъ не причислятъ васъ, князь; не причислятъ также къ этимъ равнодушнымъ и князя Мещерскаго. Вашихъ воззрѣній можно и не раздѣлять; но нельзя не отдать дань уваженія той искренности, съ которою вы высказывали ваши убѣжденія, той настойчивой энергіи, благодаря которой вы иногда доставляли вашимъ идеямъ побѣду». (*Громкое одобреніе*).

Изъ этой рѣчи г. Черткова самымъ наглядным образомъ можно убѣдиться, что слагать возвышенныя рѣчи о заслугахъ какого бы то ни было предводителя дворянства, пожалуй, еще гораздо труднѣе, чѣмъ реальныя. Для послѣднихъ есть хотя какое-нибудь заурядное содержаніе, въ родѣ батальонныхъ огородовъ; для рѣчей возвышенныхъ—отсутствіе всякаго содержанія, такъ что даже пустыя фразы приходится составлять съ великимъ усиліемъ, при помощи источниковъ, не пренебрегая даже и такой отчаянной экскурсіей, какъ экскурсія въ адъ вслѣдъ за Дантомъ. Очевидно, что обѣды въ честь предводителей дворянства и тому подобныхъ не особенно значительныхъ общественныхъ дѣятелей сами по себѣ не могутъ доставлять никакого матеріала для рѣчей общественнаго значенія. Они должны украшаться или безмолвіемъ, или рѣчами чисто дружескаго, интимнаго, частнаго характера. Но здѣсь-то и приходитъ къ нимъ на помощь охранительное начало и обыкновенно наводитъ на нихъ совершенно несвойственный, чуждый имъ лоскъ какъ будто какого-то общественнаго значенія. То и дѣло мелькаютъ въ рѣчахъ разныхъ ораторовъ слова: «охраненіе», «опора», «величіе Россіи» и т. д. и т. д. Наконецъ является ораторъ, стоящій на высотѣ положенія охранительныхъ началъ, и всѣ эти разрозненные атомы охранительнаго свѣта, разсѣянные въ рѣчахъ разныхъ ораторовъ, соединяетъ, такъ сказать, въ одинъ фокусъ. Такимъ ораторомъ на обѣдѣ, данномъ князю Мещерскому, былъ Г. Б. Бланкъ. Послѣ краткаго вступленія, въ которомъ г. Бланкъ предувѣдомилъ своихъ слушателей, что «его слова будутъ простыя, не хитрыя, душевныя», онъ повелъ такую рѣчь:

«Было время, гг., когда надъ нашими головами висѣлъ Дамокловъ мечъ, когда мы подъ ногами не имѣли твердой почвы. Господа, вы не подумайте, что я говорю риторическими фигурами. Нѣтъ, я говорю очень просто. Бывало идешь по дворянскому собранію и боишься, что на твою голову обрушатся потолки, а подъ ногами подломятся своды, подпертые деревяшками. (Смѣхъ). А теперь? Теперь мы на этотъ счетъ покойны: ни сверху, ни снизу намъ не грозитъ опасность. (Смѣхъ и рукоплесканія).

«Было время, когда мы, дворяне, страшились за нашу дворянскую собственность; намъ предлагали продать прекрасное наше зданіе и покинуть наше дворянское гнѣздо, свитое нашими отцами.

«А теперь? Теперь это гнѣздо окрѣпло, да еще подлѣ свито новое гнѣздо для пріюта нашего юнаго потомства. (Рукоплесканія).

«Былъ среди насъ человѣкъ. Ему обязаны мы всѣмъ этимъ.

«Но онъ, гг., сдѣлалъ нѣчто болѣе. Онъ поднялъ дворянскій вопросъ. Онъ далъ ему высокое значеніе. Онъ указалъ, и не разъ, какъ русское дворянство служитъ опорой русскому престолу.

«Этотъ человѣкъ, гг., засѣявъ ниву, сошелъ съ нея..... А идея всходитъ, и сѣятель ея уже принадлежитъ исторіи русскаго дворянства.

«Изъ насъ: люди мысли—его понимаютъ; люди слова—помянутъ его добрымъ словомъ; люди дѣла—расчистятъ тотъ путь, который онъ проложилъ среди терніевъ; люди чести — будутъ всегда уважать его; наконецъ, люди, любящіе отечество, не перестанутъ искренно любить этого истиннаго патріота. Выпьемте, господа, за его здоровье!» (Ура!)

На первый взглядъ рѣчь г. Бланка какъ будто въ самомъ дѣлѣ простая и не хитрая, какъ онъ самъ говоритъ, но разберите ее, и вы увидите, что она построена по всѣмъ правиламъ охранительнаго искусства. Тутъ все есть: и обвиненіе неизвѣстно кого въ покушеніи на дворянство, и основы, и опора есть, и запугиваніе терніями, которыя надобно расчищать. Въ переводѣ на простой языкъ рѣчь Бланка гласитъ слѣдующее:

Былъ вулканъ, который угрожалъ поглотить все русское дворянство со всею его собственностью и дворянскими гнѣздами. Но князь Мещерскій стоялъ на стражѣ и спасъ дворянскую собственность и дворянскія гнѣзда, даже свилъ новое гнѣздо и даже ниву засѣялъ. Кажется, по

словамъ самого оратора, дѣло идетъ хорошо; остается только благословлять Бога и жить спокойно. Нѣтъ, говоритъ ораторъ, надобно уничтожить какія-то терніи, среди которыхъ князь проложилъ дорогу.

Въ существѣ дѣла рѣчь г. Бланка — чистый вздоръ и измышленіе, начиная отъ начала до конца. Во-первыхъ, никогда никакого Дамоклова меча надъ дворянами не висѣло, ни потолки въ дворянскихъ собраніяхъ не угрожали обрушиться, ни своды подъ ногами подломиться. Правда, при началѣ крестьянской реформы, при перемѣнѣ прежней общественной роли дворянства, естественно, долженъ былъ возникнуть вопросъ о томъ: быть или не быть дворянству? Но объ этомъ шли только теоретическія разсужденія, которыя, сколько помнится, были возбуждены и преимущественно велись не терніями какими нибудь, а столбовыми дворянами московскими изъ славянофиловъ. Но такъ какъ существованіе дворянства признано и впредь нужнымъ, то теоретическія разсужденія о дворянствѣ такъ и остались теоретическими, не имѣя никакого отношенія къ практикѣ жизни. Слѣдовательно князю Мещерскому не предстояло никакой надобности защищать дворянскую собственность и дворянскія гнѣзда противъ чьихъ бы то ни было покушеній, такъ какъ таковыхъ вовсе никогда не было, а дѣлалъ онъ тоже самое, что̀ дѣлали или должны были дѣлать и другіе предводители дворянства, т.-е. исполнять обязанности, возложенныя на предводителя дворянства закономъ. Тѣмъ болѣе никакихъ терній для дворянства не имѣется теперь и не предвидится въ будущемъ. Теперь даже теоретическія разсужденія о дворянствѣ прекратились, по причинѣ ихъ совершенной безполезности. Ибо, когда de jure всѣ сословія уравниваются въ своихъ правахъ, не все ли равно, кто какъ называется: крестьянинъ, купецъ, мѣщанинъ, дворянинъ? Дворянство, вмѣсто того, чтобы по пусту толковать о какихъ-то не существующихъ призракахъ, будто бы ему угрожающихъ, и о необходимости особыхъ питомниковъ для разведенія какой-то особой дворянской породы, позаботилось бы лучше о томъ, чтобы доказать, что оно — дѣйствительно образованное сословіе, что верховная власть, оставляя дворянство и по уничтоженіи крѣпостного права, не напрасно надѣялась, что оно и безъ привилегій съумѣетъ остаться передовымъ сословіемъ, что верховная власть не напрасно и теперь облекаетъ его довѣріемъ въ разныхъ исключительныхъ случаяхъ, требующихъ образованнаго сословія, хоть въ дѣлѣ народнаго образованія. Для дворянства, поставленнаго недавно въ лицѣ своихъ предводителей во главѣ народнаго образованія, я полагаю, должно быть очень прискорбно читать такія, напримѣръ, извѣстія о просвѣтительной дѣятельности своихъ предводителей, какъ слѣдующее:

«Полтавское губернское земское собраніе послѣдняго очереднаго созыва обратило серьёзное вниманіе на вопросъ объ устройствѣ учительской семинаріи, поднятый нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1870 г.). Этотъ вопросъ теперь былъ оконченъ и рѣшенъ утвердительно и почти единогласно.

«Затѣмъ, когда возникъ вопросъ о мѣстѣ для семинаріи, то одинъ губернскій гласный (отъ Миргородскаго уѣзда) графъ О'Руркъ сдѣлалъ совершенно не кстати заявленіе, что, «по его мнѣнію, учительская семинарія безполезна для народныхъ училищъ, такъ какъ въ нихъ учатъ только чтенію и письму, а ученые учителя, имѣя въ деревняхъ высшее знакомство только съ писаремъ и старшиною, а соотвѣтственно образованію своему никакого другого, по необходимости сдѣлаются пьяницами и распространителями вредныхъ идей между народомъ». Это заявленіе, однако, встрѣчено было всеобщею улыбкою и удивленіемъ той храбрости, съ которою сдѣлано было оно графомъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что означенный графъ, пребывая въ званіи предводителя дворянства Миргородскаго уѣзда, тѣмъ самымъ стоитъ во главѣ училищнаго совѣта и всего дѣла народнаго образованія въ томъ уѣздѣ...» (Бирж. Вѣд. № 36).

По поводу графа О'Рурка я невольно отклонился отъ предмета и впалъ даже въ нравоучительный тонъ, чего мнѣ, въ качествѣ хроникёра, никакъ дѣлать не подобало. Я взялся познакомить читателя съ развившимися въ настоящее время формами и типами охранительнаго обвиненія и долженъ былъ вести свой разсказъ хладнокровно и спокойно, нисколько не смущаясь тѣмъ, что̀ происходитъ, и не принимая на себя роли нравоучителя. Смѣшны тѣ люди, которые хотятъ поворотить исторію или на потухшемъ огнѣ хотятъ сварить себѣ кушанье, и при этомъ сердятся, что исторія не ворочается или что кушанье остается въ сыромъ видѣ на холодномъ огнѣ. «Всякая вещь имѣетъ свое время подъ солнцемъ», какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и соціальномъ, — и не безъ причины, конечно, одна серія явленій въ соціальномъ порядкѣ вытѣсняетъ и замѣняетъ собой другую, не безъ причины наступаетъ здѣсь полоса благопріятная для однихъ явленій и неблагопріятная для другихъ. Но причина эта слагается изъ такого безчисленнаго множества факторовъ, что не только овладѣть ею, но и вполнѣ выяснить ее себѣ очень трудно.

Вспомните, что сравнительно еще очень недавно—назадъ тому не болѣе какихъ-нибудь двѣнадцати лѣтъ — такія явленія, какъ Деруновъ, были вовсе немыслимы. Тогда всѣ съ благоговѣніемъ стояли около одного жертвенника, надпись котораго гласила: «благо народа есть единственный незыблемый фундаментъ общаго благосостоянія и счастія». Общество точно въ первый разъ узнало эту великую истину и ликовало. Во имя ея соединялось несоединимое, примирялось непримиримое — и все было полно самыхъ радужныхъ мечтаній и надеждъ, грандіозныхъ плановъ и не знало предѣловъ своему счастію. Либеральный помѣщикъ преображался весь и сіялъ отъ восторга при одной мысли, что крѣпостной трудъ скоро

кончится, что нивы родной земли будутъ обработываться трудомъ *свободнымъ*, что никто не будетъ болѣе ѣсть *рабскаго* хлѣба въ Россіи; дѣятели мировыхъ учрежденій—этого перваго института въ Россіи, основаннаго для ухода за новонасажденнымъ древомъ свободы — разсказывали чудеса объ умѣ и смѣтливости вчерашнихъ крѣпостныхъ, объ ихъ нравственныхъ доблестяхъ, и малѣйшее сомнѣніе въ этомъ въ либеральныхъ кругахъ не только сочтено было бы яснымъ признакомъ ретроградства, но подчасъ могло, пожалуй, навлечь и непріятныя послѣдствія; дворянство, полное естественнаго чувства самодовольства тѣми жертвами, которыя принесло оно на помощь отечеству, т.-е. отказомъ отъ крѣпостного права и уступкою бывшимъ крѣпостнымъ нѣкотораго количества земли, старалось вмѣстѣ съ тѣмъ на самомъ дѣлѣ показать, что оно вполнѣ прониклось духомъ реформы; литература... но что литература, о ней и говорить нечего: она тогда не отходила отъ мужичковъ... Даже откупщики... и тѣ приносили тогда публичное покаяніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ передъ народомъ и торжественно обѣщали сдѣлаться людьми новыми. Все это теперь исчезло, оказалось заблужденіемъ. Но «я чувствую, могъ бы я сказать съ поэтомъ, что мое сердце еще склонно къ прежнему заблужденію», и я даже не могу объяснить себѣ, почему все это исчезло и оказалось заблужденіемъ. Конечно, съ того времени много утекло воды... По временамъ бывало и не безъ огорченій... Но въ общемъ не было ничего такого, что могло бы окончательно разрушить настроеніе, вызванное первою реформою. Напротивъ, за крестьянскою реформою, въ теченіи 14 лѣтъ, слѣдовалъ непрерывный рядъ реформъ, которыя всѣ имѣли цѣлью развить и довести до полнаго выраженія начала, въ ней положенныя. Такимъ образомъ, въ правительствѣ остался прежній импульсъ.

Но общество перемѣнилось такъ, что, кто зналъ его назадъ тому 12—15 лѣтъ, тому трудно повѣрить, чтобы это было тоже самое общество. Прежній алтарь забытъ, давно воздвигнутъ новый, и, по мѣрѣ того, какъ идетъ время, все болѣе и болѣе возрастаетъ и безъ того уже очень многочисленная толпа поклонниковъ послѣдняго. Здѣсь идетъ уже другой культъ. Тѣхъ самыхъ людей, которыхъ мы видѣли прежде сіяющими отъ восторга отъ одной мысли о благосостояніи мужичка, вы встрѣчаете здѣсь съ мрачными и свирѣпыми лицами. Въ толпѣ стоитъ скрежетъ зубовъ о прежнемъ заблужденіи. Вы желаете узнать подробнѣе: въ чемъ дѣло. Спросите перваго изъ свирѣпыхъ: чего онъ хочетъ? Чѣмъ онъ недоволенъ?

«Какъ чѣмъ недоволенъ? отвѣтитъ онъ вамъ.— Да развѣ можно быть довольнымъ въ виду голодной смерти, которая угрожаетъ всѣмъ намъ, можетъ быть, чрезъ какія-нибудь 15 — 20 лѣтъ? Вы только присмотритесь, что такое у насъ творится! Все наше богатство зависитъ пока исключительно отъ обилія земледѣльческихъ продуктовъ, а земледѣліе отдано въ руки людей, у которыхъ нѣтъ ни капитала, ни земли. Я васъ спрашиваю: есть у мужика луга для содержанія скота? Есть скотъ, чтобы онъ могъ удобрять землю? Можетъ онъ дать отдыхъ землѣ, не пахать хоть одинъ годъ того ничтожнаго клочка земли, который ему данъ, не рискуя умереть съ голода? Ничего этого нѣтъ... Чего-жъ мы должны ждать? Мы видимъ, что и теперь крестьянская земля во многихъ мѣстахъ совсѣмъ почти выпахана и ничего не даетъ. Черезъ 15 — 20 лѣтъ она будетъ выпахана и истощена вездѣ окончательно, и мы неминуемо умремъ голодною смертію, если у мужиковъ тѣмъ или другимъ способомъ не отберутъ ничтожныхъ клочковъ земли, на которыхъ невозможно вести никакого хозяйства и не отдадутъ, соединивъ ихъ въ большія хозяйства, въ руки людей съ капиталами. Тогда только на нихъ хозяйства устроятся раціональнымъ образомъ и земля будетъ давать въ 20—50 разъ болѣе того, что даетъ теперь. Тогда только и мужики сдѣлаются вполнѣ свободными, потому что не будутъ прикрѣплены къ ничтожнымъ клочкамъ земли, которые не питаютъ ихъ, а только заѣдаютъ ихъ трудъ».

Говоря все это, свирѣпый забываетъ, что назадъ тому 15 лѣтъ онъ самъ лично принималъ участіе въ дебатахъ о надѣлѣ крестьянъ, но тогда онъ пѣлъ совсѣмъ другую пѣсню. Тогда онъ настаивалъ, чтобы крестьянамъ не давали болѣе 2—3 десятинъ земли на душу, утверждая, что такого количества будетъ вполнѣ достаточно для веденія крестьянскаго хозяйства и вполнѣ обезпечитъ его; тогда и въ крестьянскомъ скотоводствѣ онъ не видѣлъ надобности. Теперь онъ вдругъ прозрѣлъ и увидѣлъ, какую сдѣлалъ ошибку. Но предлагаетъ странный способъ исправить эту ошибку: онъ хлопочетъ не о томъ, чтобы восполнить крестьянскій поземельный надѣлъ въ размѣрѣ, нужномъ для правильнаго хозяйства, а напротивъ, вслѣдъ за графомъ Орловымъ-Давыдовымъ и «Русскимъ Міромъ», требуетъ, чтобы у крестьянъ тѣмъ или другимъ способомъ были взяты тѣ надѣлы, за которые они заплатили деньги, и соединены въ большіе хозяйственные комплексы. Съ этою цѣлью онъ пускаетъ въ ходъ пресловутую теорію московскихъ публицистовъ о невозможности полной свободы для крестьянъ безъ свободы отъ земли!

Въ то время, когда одинъ свирѣпый пугаетъ голодною смертію, которою крестьянская реформа угрожаетъ будто бы Россіи въ недалекомъ будущемъ, другой рисуетъ ужасы современнаго положенія. «Голодная смерть, говоритъ онъ, это— вещь, конечно, несомнѣнная, если дѣло останется въ настоящемъ его видѣ. Но голодная смерть все-таки впереди еще... Богъ дастъ, отъ нея какъ-нибудь еще отвертимся. А главное, теперь жить нельзя. Того и гляди, что тебя или зарѣжутъ, или ограбятъ, обокрадутъ. Полиціи никакой. Суда

тоже никакого. Присяжные — мужики, судьи — нигилисты. Какія ты ясныя доказательства ни представляй для обвиненія преступника, — «не виноватъ», говорятъ, да и кончено».

«Да и никакими дѣлами стало невозможно заниматься,—прибавляетъ третій свирѣпый,—хоть брось все и бѣги вонъ изъ Россіи. Нанялъ ты работника на годъ, заключилъ съ нимъ условіе въ волостномъ правленіи и задатокъ далъ—смотришь, черезъ мѣсяцъ его и слѣдъ простылъ. И хоть бы онъ убѣжалъ куда-нибудь, исчезъ съ глазъ,—нѣтъ, онъ нанялся тутъ же около тебя, у сосѣда. Обругала ли тебя, смошенничала у тебя прислуга въ домѣ, отправляйся за 15—20 верстъ къ мировому, а тамъ того и гляди, что вычитаютъ тебѣ: «признать обвиняемаго отъ отвѣтственности свободнымъ, а обвиненіе недобросовѣстнымъ».

Слушая всѣ эти рѣчи, вы понимаете, откуда онѣ идутъ и какими людьми говорятся; вы понимаете, что люди эти не могутъ представить себѣ никакой другой формы общества, кромѣ слишкомъ знакомой имъ формы вотчинно-полицейской, что какія бы они ни создавали теоріи и планы для блага народа, въ основаніи этихъ теорій и плановъ всегда будетъ виднѣться что-то другое.. И вы только удивляетесь, какимъ образомъ эти люди могли выступить на сцену, какимъ образомъ общество въ самое короткое время могло упасть такъ низко. И хотя разные философы увѣряютъ васъ, что теперь наступила полоса борьбы за реформы, что это—моментъ, необходимый для ихъ полнаго развитія и торжества, что таковъ ужъ законъ природы, что люди, какъ и животныя, не могутъ подѣлить между собой никакого корма, предварительно не подравшись и даже частію не уничтоживъ другъ друга (Дарвинъ), что никакая даже идея не является въ полномъ свѣтѣ въ сознаніи людей иначе, какъ прошедши всѣ перипетіи борьбы (Гегель), т.-е. опять таки послѣ взаимной потасовки, что шагъ впередъ и два назадъ, или, что тоже, акція и реакція (Стронинъ) есть нормальный ходъ общества, тѣмъ не менѣе все это для васъ столько же неубѣдительно, сколько и неутѣшительно. И еще менѣе понятно, какимъ образомъ въ обществѣ, которое, повидимому, съ такою энергіею и воодушевленіемъ рѣшилось заняться собственнымъ переустройствомъ и неустанно работаетъ надъ этимъ въ продолженіи четырнадцати лѣтъ, могутъ имѣть не только голосъ и вѣсъ, но даже превалировать и являться судьями въ дѣлѣ реформы люди ей враждебные? Что тутъ никакой логической необходимости нѣтъ — это доказывается историческимъ ходомъ реформы Петра Великаго.

Впрочемъ, дѣло не въ этомъ. Разъ фактъ борьбы существуетъ, неизбѣжны и послѣдствія борьбы. Какъ бы ни были образованы воюющія стороны, онѣ, какъ доказываетъ опытъ, никогда не въ состояніи удержаться на высотѣ своего образованія, никогда не въ состояніи постоянно владѣть собою настолько, чтобъ не употреблять никогда средствъ не позволенныхъ для пораженія врага, не напакостить ему иногда безъ всякой нужды и цѣли, вообще обойтись безъ ожесточенія и эксцессовъ въ томъ или другомъ случаѣ. Въ борьбѣ, о которой мы ведемъ рѣчь, доносы, клеветы разнаго рода, обманъ, хитрости, дѣлаются явленіемъ обыкновеннымъ. Г. Бланкъ, напримѣръ, является на защиту интересовъ дворянства, хотя, собственно говоря, на дворянство, какъ дворянство, въ томъ видѣ, какъ оно должно стоять въ измѣненномъ реформами видѣ, никто и не думаетъ нападать. Очевидно, что г. Бланкъ защищаетъ что-то другое... Г. Катковъ говоритъ, что стоитъ горой за свободу слова, но требуетъ, чтобъ всѣ думали и говорили не иначе, какъ онъ говоритъ и думаетъ. Но кромѣ воюющихъ сторонъ, въ каждой борьбѣ являются обыкновенно ея паразиты, люди, для которыхъ собственно все равно: султанъ ли турецкій разобьетъ австрійскаго императора, или австрійскій императоръ турецкаго султана, которые хлопочутъ только о томъ, какъ бы имъ поживиться на счетъ борьбы, и охотно укрываются подъ всякое знамя, на сторонѣ котораго сила. Таковы всѣ эти Деруновы и т. п.

Изъ всего сказаннаго нами слѣдуетъ, что въ дѣйствительности обстоитъ все благополучно, какъ и быть должно, то-есть, что мы находимся въ настоящее время въ полосѣ борьбы, а потому, естественно, должны нести на себѣ всѣ неизбѣжныя послѣдствія и эксцессы борьбы, мужественно выносить эксперименты всѣхъ охранителей, начиная отъ первичныхъ, въ родѣ Дерунова, и кончая стоящими на высотѣ охранительныхъ началъ гг. Бланками и т. п. Одно только можно замѣтить, что люди, возбуждающіе борьбу со всѣми ихъ паразитами и прихвостнями, составляютъ не болѣе, какъ ничтожную горсть даже среди привилегированной среды. Бо́льшею частію они не представляютъ даже ничьихъ интересовъ, кромѣ своихъ собственныхъ. Остальные—все мирные граждане, которые нисколько не заинтересованы въ нелѣпой борьбѣ и ничего болѣе не желаютъ, какъ правильнаго развитія и примѣненія данныхъ реформъ въ жизни.

Мы полагаемъ поэтому, что есть возможность локализировать борьбу и держать ее въ надлежащихъ границахъ самыми простыми средствами. Кандауровскій баринъ могъ бы, конечно, спокойно жить въ своей деревнѣ и читать какія ему угодно книжки, ни съ кѣмъ не знакомясь, еслибы становой приставъ былъ немножко поумнѣе; Деруновъ также не только не дерзнулъ бы пугать мужиковъ, но и самъ побаивался бы питаться ихъ кровью, еслибы исправникъ понималъ, что и какъ надобно охранять; наконецъ, адвокатъ, вмѣсто представленія юридическихъ доказательствъ, возлетающій къ будущимъ судьбамъ Россіи, былъ бы немыслимъ, еслибы судебныя камеры держались строго буквы закона.

Но здѣсь мы выступаемъ на такой путь, гдѣ

разсужденія хроникёра могутъ оказаться еще болѣе праздными, чѣмъ по части нравоученія. Потому мы обращаемся къ предметамъ текущимъ.

Однимъ изъ живыхъ дѣлъ, которыя явились съ учрежденіемъ земства, должно признать, безъ сомнѣнія, педагогическіе съѣзды сельскихъ учителей. Какою потребностію были вызваны эти съѣзды, понять не трудно. Наша педагогія вообще сильно хромаетъ; она обращаетъ еще съ грѣхомъ пополамъ кой какое вниманіе на методы обученія; но живые вопросы практическаго воспитанія, вопросы о томъ, какъ вести ребенка, чтобы изъ него вышелъ современемъ человѣкъ, въ ней совершенно пренебрежены. Въ школахъ все воспитаніе замѣняется полицейской дисциплиной, не только не приспособленной къ педагогическимъ цѣлямъ, а обыкновенно даже противорѣчащей имъ. Всякій педагогъ, у котораго есть человѣческое сердце и нѣкоторое сознаніе своего призванія, разъ онъ становится лицомъ къ лицу съ живымъ матеріаломъ, ввѣреннымъ его попеченію, чувствуетъ, что тутъ ни съ звуковымъ методомъ, ни съ наглядньмъ обученіемъ ничего не подѣлаешь, что тутъ является потребность совершенно въ другихъ указаніяхъ и опытахъ, именно тѣхъ, которые игнорируетъ педагогія. Предъ вами стоитъ живое существо, и вы понимаете, что вся будущность этого существа находится въ вашихъ рукахъ, что отъ васъ зависитъ дать ему хорошее направленіе на всю жизнь, или его испортить и погубить. Вамъ надобно немедленно дѣйствовать, и вы по необходимости начинаете искать совѣтовъ и указаній, какъ дѣйствовать, около себя, въ опытахъ лицъ, работающихъ на одной съ вами почвѣ. Потребность близкихъ и частыхъ сношеній между собою стоящихъ у дѣла педагоговъ чувствуется вездѣ, даже въ странахъ самыхъ свободныхъ, гдѣ существуетъ полный просторъ для теоретическаго разсмотрѣнія всѣхъ вопросовъ педагогіи, нестѣсняемый ревнивымъ соглядатайствомъ непризванныхъ охранителей. У насъ, гдѣ теорія необходимѣйшихъ педагогическихъ вопросовъ состоитъ подъ полнымъ запретомъ, гдѣ бо̀льшая часть педагоговъ, въ особенности сельскихъ, стоитъ совершенно изолированною среди массы невѣжественнаго населенія, эти сношенія педагоговъ между собою необходимѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Изъ этой настоятельной потребности возникли у насъ такъ-называемые педагогическіе курсы или съѣзды сельскихъ учителей; возникли они по иниціативѣ земства и, благодаря земству же, начали быстро распространяться. Надобно отдать честь земствамъ; они не жалѣли на это денегъ и наперерывъ другъ передъ другомъ старались залучить къ себѣ на съѣздъ какую-нибудь знаменитость изъ петербургскихъ педагоговъ. И это имѣло свою хорошую сторону: слушая петербургскую знаменитость, сельскій учитель уяснялъ для себя, на какомъ уровнѣ стоятъ верхи современной педагогической мудрости и куда они направлены, а по этому опредѣлялъ и свое собственное значеніе и дѣлалъ оцѣнку своей дѣятельности. Затѣмъ весьма важно было непосредственное знакомство земства съ наличнымъ персоналомъ сельскихъ учителей, съ ихъ нуждами, стремленіями, отношеніемъ къ дѣлу, дарованіями. Это возбуждало живой интересъ въ земствѣ къ дѣлу образованія, воспитывало правильный взглядъ на него, завязывало живую связь между трудящимися на полѣ воспитанія и содѣйствующимъ этому земствомъ. При этомъ и главная цѣль съѣздовъ: взаимное общеніе между собою учителей, принимала другой видъ. Сельскіе учители были здѣсь въ своемъ земствѣ, какъ въ своей семьѣ. Всѣ критически добытыя ими и провѣренныя общимъ наблюденіемъ указанія могли находить немедленное содѣйствіе и поддержку въ земствѣ и дѣлаться пріобрѣтеніемъ для всѣхъ школъ.

Теперь съѣздамъ сельскихъ учителей предположено дать совершенно другое направленіе. Въ 1 № «Московскихъ Вѣдомостей» за нынѣшній годъ сдѣлано слѣдующее сообщеніе объ этомъ предположеніи министерства народнаго просвѣщенія:

«Извѣстно, что для ознакомленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ съ лучшими способами обученія, для обновленія и пополненія свѣдѣній сихъ учителей въ преподаваемыхъ ими предметахъ и вообще для усовершенствованія ихъ въ дѣлѣ веденія начальнаго образованія, въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи устраиваются ежегодно учительскіе съѣзды или, что̀ то же, краткосрочные педагогическіе курсы, открываемые обыкновенно по ходатайствамъ земства, городскихъ думъ и управъ или училищныхъ совѣтовъ. Разсматривая отчеты объ этихъ съѣздахъ, министерство народнаго просвѣщенія обратило вниманіе на слѣдующія стороны въ устройствѣ названныхъ курсовъ: а) на нихъ почти всегда бываетъ только по одному руководителю или преподавателю; б) срокъ курсовъ рѣдко продолжается свыше двухъ недѣль, и в) курсы происходятъ или при такихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ задачу которыхъ не входитъ приготовленіе учителей для народныхъ училищъ, или же внѣ всякаго отношенія къ какому бы то ни было учебному заведенію; при заведеніяхъ же, имѣющихъ спеціальною своею задачей приготовленіе учителей, т.-есть при учительскихъ семинаріяхъ, педагогическіе съѣзды почти никогда не бываютъ. Между тѣмъ очевидно, что педагогическіе съѣзды сопровождались бы болѣе благотворными послѣдствіями для ихъ слушателей, еслибъ учреждались при учительскихъ семинаріяхъ, которыя, по самой задачѣ и устройству своему, представляли бы для нихъ гораздо болѣе благопріятныя условія въ педагогическомъ отношеніи, чѣмъ другія какія-либо учебныя заведенія. Притомъ, въ случаѣ осуществленія этой мѣры, труды преподаванія и руководства на съѣздахъ были бы раздѣляемы между нѣсколькими педагогами, что несомнѣнно усугубило бы пользу, приносимую съѣздами, въ особенности, еслибы при этомъ и самый срокъ занятій въ курсахъ былъ

назначаемъ болѣе продолжительный, приблизительно отъ 4 до 6 недѣль. Это вполнѣ подтвердилось опытомъ, сдѣланнымъ по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія въ варшавскомъ учебномъ округѣ, гдѣ учительскіе съѣзды устраиваются именно на указанныхъ основаніяхъ. Кромѣ того, устройство учительскихъ съѣздовъ при семинаріяхъ можетъ установить между сими заведеніями и учителями начальныхъ училищъ, посѣщающими съѣзды, живую связь, которая послужитъ къ несомнѣнной пользѣ для обѣихъ сторонъ. Посему министерство народнаго просвѣщенія, какъ намъ сообщаютъ, сдѣлало распоряженіе, чтобы учительскіе съѣзды на будущее время были по мѣрѣ возможности устраиваемы исключительно при мѣстныхъ учительскихъ семинаріяхъ какъ правительственныхъ, такъ и при тѣхъ изъ земскихъ, въ коихъ попечители учебныхъ округовъ признаютъ это удобнымъ, съ тѣмъ, чтобы на таковыхъ съѣздахъ руководители или преподаватели были наставники семинарій и учители начальныхъ при нихъ училищъ, при участіи директоровъ оныхъ, чтобы программы и распредѣленіе занятій на съѣздахъ были составляемы педагогическими совѣтами семинарій, и чтобы деньги, назначаемыя обыкновенно учредителями съѣздовъ на вознагражденіе руководителей оныхъ, были, по соглашенію съ учредителями, распредѣляемы между должностными лицами семинаріи, которыя будутъ заниматься на съѣздахъ. Самое же наблюденіе за съѣздами, открываемыми при правительственныхъ учительскихъ семинаріяхъ, и представленіе отчетовъ о результатахъ сихъ съѣздовъ должны быть возлагаемы на директоровъ упомянутыхъ семинарій, вмѣсто инспекторовъ народныхъ училищъ».

Сколько намъ помнится, это сообщенное «Московскими Вѣдомостями» предположеніе не подвергалось обсужденію ни въ одной газетѣ. Между тѣмъ, оно очень важно. Оно совершенно измѣняетъ смыслъ съѣздовъ. По этому предположенію: 1) съѣзды собираются не тамъ, гдѣ находится устроивающее ихъ земство, а только при правительственныхъ семинаріяхъ или тѣхъ изъ земскихъ «въ которыхъ попечители учебныхъ округовъ признаютъ это удобнымъ»; 2) руководителями съѣздовъ назначаются не лица, избираемыя земствомъ, а заурядные учители правительственныхъ семинарій и ихъ директоры; 3) самыя программы и распредѣленіе занятій на съѣздахъ составляются не учредителями ихъ изъ земства, а педагогическими совѣтами правительственныхъ семинарій; 4) цѣлію съѣздовъ, главною, постановляется завести живую связь между правительственными семинаріями и учителями начальныхъ училищъ, а деньги на съѣзды попрежнему должны давать земства.

И такъ, предполагается отнять у земствъ всякое право на участіе въ дѣлѣ устройства съѣздовъ, кромѣ одного неотъемлемаго права платить деньги. Но каждому, кто знакомъ съ нашими съѣздами, извѣстно, что съѣзды эти потому только скоро принялись у насъ и быстро стали распространяться, что земство смотрѣло на нихъ не какъ на казенное дѣло, а какъ на свое собственное, устроиваемое по собственной волѣ и собственному плану. Мы знаемъ многихъ изъ достаточныхъ землевладѣльцевъ—членовъ земства, которые по нѣскольку разъ пріѣзжали въ Петербургъ для приглашенія руководителей на курсы, для соглашенія съ ними относительно программы, ходили по разнымъ мѣстамъ и лицамъ, испрашивая разрѣшенія,—однимъ словомъ, не щадили ни трудовъ. ни денегъ, имѣя въ виду только, что курсы будутъ вполнѣ по ихъ мысли, что они будутъ въ центрѣ ихъ земства, что въ рукахъ лучшихъ людей ихъ земства будетъ все завѣдываніе дѣломъ, и что вообще исходъ этого дѣла будетъ на пользу ихъ земства и однимъ уже впечатлѣніемъ своимъ благопріятно отразится на всемъ земствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, учительскіе съѣзды были нѣкоторымъ образомъ торжествомъ для всего земства, знаменемъ его просвѣтительной дѣятельности и ревности. Разъ вы отстраните участіе земства въ съѣздахъ, вы ихъ убьете, уничтожите самое живое и въ высшей степени полезное дѣло. Не нужно быть пророкомъ, чтобы съ полною достовѣрностію предсказать, что, послѣ двухъ-трехъ опытовъ съѣздовъ, которые будутъ устроены нѣкоторыми земствами при казенныхъ семинаріяхъ, учительскіе съѣзды точно также прекратятся навсегда, какъ прекратились воскресныя школы. Съ какой стати земство понесетъ свои деньги на учрежденіе съѣздовъ, которые будутъ устраиваться не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно находитъ полезнымъ для себя, не такъ, какъ оно находитъ полезнымъ для себя, наконецъ, не тѣми людьми, за которыми оно признаетъ авторитетъ и компетентность для этого дѣла? Конечно, можно заставить его обязательно вносить деньги на учрежденіе съѣздовъ, но это будетъ уже не живымъ дѣломъ, которое, дѣйствительно, распространяло бы кругомъ себя жизнь и свѣтъ, а безцѣльною повинностію, служащею только къ напрасному увеличенію земскихъ налоговъ и, слѣдовательно, крестьянской бѣдности.

«Московскія Вѣдомости» мотивируютъ предположеніе министерства такимъ образомъ, что выходитъ, что это дѣлается якобы въ видахъ пользы самаго дѣла. Мотивы эти сами по себѣ такъ ничтожны, что ихъ не стоитъ и опровергать. Но они возмущаютъ своимъ цинизмомъ! Кажется, чего проще и лучше? Когда бьешь человѣка, и говори ему прямо: я тебя бью за то-то и то-то, впередъ будь умнѣе. Нѣтъ, мы такъ пропитаны татарщиной, что не можемъ дѣйствовать съ этой честной откровенностью. Мы бьемъ человѣка и вмѣстѣ насмѣхаемся надъ нимъ:—это тебѣ только кажется, говоримъ мы ему, что мы тебя бьемъ, а въ самомъ дѣлѣ мы тебя цѣлуемъ и обнимаемъ. Такъ точно и тутъ. Изъ реплики самихъ «Московскихъ Вѣдомостей» для всѣхъ ясно, что дѣ-

лается новое распоряженіе относительно съѣздовъ совсѣмъ не ради пользы дѣла. Довольно прочитать, что новыя основанія для съѣздовъ позаимствованы изъ практики Варшавскаго учебнаго округа, находящагося, какъ извѣстно, на особомъ положеніи, что съѣзды предписано устраивать почти исключительно при семинаріяхъ только правительственныхъ, чтобы понять, что и здѣсь главную роль играетъ не что иное, какъ охранительное начало, чѣмъ нибудь встревоженное и возмущенное. Говорили, что поводомъ къ закрытію воскресныхъ школъ послужило то, что какіе-то два или три глупца, преподававшіе въ одной изъ такихъ школъ, стали проповѣдывать мальчикамъ, что нѣтъ Бога. Очень можетъ быть, что какой нибудь эксцессъ въ родѣ этого на одномъ изъ съѣздовъ вызываетъ теперь и новое распоряженіе относительно съѣздовъ. Еслибы эта наша догадка и была вѣрна, то принятую мѣру, ради предупрежденія подобныхъ эксцессовъ, все-таки нельзя было бы не назвать очень тяжелою, приносящею бездну вреда, ничѣмъ не вознаградимаго. Когда назадъ тому 13 лѣтъ устраняли устройство и веденіе воскресныхъ школъ изъ частныхъ рукъ, то никакъ не предполагали, что этимъ нанесется имъ смертельный ударъ. Напротивъ, думали, что и при новой, созданной для нихъ регламентаціи, онѣ, хотя и не въ прежнемъ блестящемъ видѣ, но жить все-таки будутъ. Но опытъ не оправдалъ этой надежды. Въ виду этого, разъ уже сдѣланнаго опыта, брать изъ рукъ земства устройство и веденіе учительскихъ съѣздовъ значитъ произносить надъ ними несомнѣнный смертный приговоръ. Справедливо ли за вину одного земства, если таковая вина за какимъ-нибудь земствомъ дѣйствительно была, отнимать право на жизнь у всѣхъ земствъ? Мы увѣрены, что всѣ земства безъ исключенія ничего болѣе не хотятъ и ни къ чему болѣе не стремятся, какъ къ тому, чтобы имъ позволили свободно и самостоятельно дѣйствовать и двигаться въ опредѣленныхъ закономъ предѣлахъ. Если въ какомъ-нибудь земствѣ и произошелъ эксцессъ, смутившій охранителей, то отъ недосмотра—не болѣе. Положимъ, и недосмотръ — дѣло не похвальное. Но пусть же за этотъ недосмотръ и подвергается той исключительной мѣрѣ, которая придумана для всѣхъ, то только земство, которое его допустило. Затѣмъ, если надзоръ за съѣздами представляется вообще неудовлетворительнымъ, то окружите его какимъ угодно надзоромъ, пошлите наблюдать за нимъ хоть всю правительственную семинарію, но не отнимайте у земства ни иниціативы съѣздовъ, ни устройства ихъ, гдѣ и какъ оно желаетъ, ни приглашенія въ руководители тѣхъ лицъ, въ авторитетъ которыхъ оно вѣритъ. Ибо подобная регламентація убьетъ живое дѣло навѣрное и навсегда.

Въ заключеніе я сообщу читателямъ пріятную новость о предположенной, очень широкой реформѣ въ бытѣ нашихъ раскольниковъ. Но предварительно позволю себѣ представить маленькую картинку изъ нашихъ полицейскихъ нравовъ, которая можетъ служить наглядной иллюстраціей того, какъ необходима эта реформа.

Бывали ли вы, читатель, въ нашихъ глухихъ губернскихъ городахъ? Ихъ у насъ очень много, и всѣ они отличаются полною безжизненностію и скукою невѣроятною. На всемъ протяженіи ихъ улицъ, часто очень длинныхъ, стоитъ всегда ничѣмъ ненарушимая тишина; движенія никакого,— и если, прошедши цѣлую улицу, вы встрѣтите человѣкъ пять-шесть пѣшеходовъ, то это уже много; только около гостиннаго двора, и то въ извѣстные часы, есть нѣкоторое какъ будто оживленіе. Тутъ вамъ попадется на глаза иногда десятка два-три человѣкъ. Затѣмъ весь городъ представлялъ бы отрытую изъ подъ земли Помпею, еслибы бродящія на свободѣ по городу коровы и собаки не удостовѣряли васъ, что вы находитесь въ живомъ городѣ. И вотъ по этому-то пустынному городу, по безлюднымъ улицамъ проносится раза два или три въ день, точно вихрь, полицеймейстеръ города, всегда непремѣнно на ухарской парѣ съ пристяжкой на отлетѣ, всегда непремѣнно во весь махъ, точно на пожаръ, и всегда непремѣнно со скачущимъ за нимъ верховымъ казакомъ. Я всегда недоумѣвалъ, для чего это дѣлается въ городѣ, никѣмъ и ничѣмъ неугрожаемомъ, не только мирномъ, а, можно сказать, мертвенномъ? Для чего тутъ нужно не ѣхать, а скакать полицеймейстеру, а за нимъ вооруженному казаку? Мнѣ казалось, что это дѣлается не для чего иного, какъ для запугиванія и безъ того запуганныхъ обывателей города, боящихся всякой власти, какъ огня. И эта цѣль блистательно достигалась, по крайней мѣрѣ, въ мое время; не знаю какъ теперь—я давно не бывалъ въ губернскихъ городахъ. Какъ только случалось какое-нибудь болѣе важное уголовное происшествіе, полиція, бо́льшею частію, ничего не находила и предавала дѣло волѣ Божіей, — не находила не почему другому, какъ потому, что каждый обыватель, который могъ бы дать какія-нибудь соображенія, догадки о происшествіи, темныя данныя, боялся идти въ полицію, предстать передъ начальникомъ города съ своими свѣдѣніями. Ибо воинственный видъ сего послѣдняго, его безцѣльное скаканіе во весь опоръ по городу рисовали его въ воображеніи всѣхъ обывателей города не въ видѣ охранителя порядка и покоя, а въ видѣ какого-то могущаго налетѣть на каждаго безъ всякой причины бедуина. Слухи, исходившіе отъ бывальцевъ у полицеймейстера, восполняли то, что рисовало воображеніе. Это не то, что въ цивилизованной Европѣ, гдѣ чуть случилось какое-нибудь криминальное происшествіе, всѣ жители дружно помогаютъ полиціи; каждый несетъ сюда свѣдѣніе, соображеніе, догадку, какую можетъ. Потому... полицейская власть не запугиваетъ здѣсь никого, не скачетъ бурно съ вооруженною силою по улицамъ, не только не прини-

маетъ намѣренно, единственно ради шика, воинственнаго вида, но, когда онъ и есть, старается его прикрыть и затушевать мирнымъ статскимъ одѣяніемъ. Человѣкъ, знакомый съ полицейскимъ начальствомъ только нашихъ городовъ, передъ которымъ онъ всегда представалъ съ нѣкоторымъ трепетомъ, вынуждаемый лишь крайнею необходимостію, приходитъ въ великое изумленіе, когда какой-нибудь случай приводитъ его въ соприкосновеніе съ полицейскимъ начальствомъ Европы. И въ самомъ дѣлѣ, съ нашей точки зрѣнія это начальство, что называется, курамъ на смѣхъ: никакой россійской представительности, выражающейся обыкновенно въ атлетическомъ сложеніи и ростѣ 5—7 вершковъ, въ одѣяніи, никакой развязности манеръ и молодецкаго расшаркиванья, сопровождаемаго громомъ сабли и шпоръ, однимъ словомъ, простая, ничтожная на видъ штафирка, превращающаяся вся во вниманіе, любезность, предупредительность къ вамъ, хоть бы вы были послѣдній человѣкъ, точно къ своему начальнику! Таково, именно, мы думаемъ, и должно быть настоящее полицейское начальство. Никого не пугай; будь, если нужно, невидимымъ, но дѣло свое дѣлай. У насъ, дѣло идетъ совсѣмъ наоборотъ. Полиція дѣлаетъ шумъ и громъ, обыватели губернскихъ, уѣздныхъ городовъ, уѣздовъ запуганы ею до послѣдней возможности. Но толку отъ нея именно поэтому нѣтъ и никогда не можетъ быть никакого. Вотъ теперь хотятъ увеличить уѣздную полицію и усилить ее конною стражею. Едва-ли это къ чему-нибудь поведетъ, кромѣ обремененія казны; полиція также останется плоха, какъ и была, до тѣхъ поръ, пока обыватели будутъ сами бояться ея, какъ огня. За-границею полиція дѣйствуетъ солидарно съ обществомъ, оттого она и сильна. Достигните этой солидарности, — и тогда въ уѣздахъ и мѣстечкахъ двухъ полицейскихъ солдатъ будетъ достаточно на 5—7,000 жителей, какъ это сплошь и рядомъ встрѣчается въ городахъ и мѣстечкахъ Австріи и Германіи, гдѣ даже на водахъ, при большомъ стеченіи разнаго рода иностранцевъ, доходящемъ до нѣсколькихъ тысячъ, торчитъ передъ вами всего одинъ солдатъ, являющійся поперемѣнно и на дебаркадерѣ желѣзной дороги, и на мѣстѣ гулянья, и на улицахъ. Достигнуть солидарности полиціи съ обществомъ очень не трудно: подчините ее только полной гласности и судебной отвѣтственности въ порядкѣ частнаго обвиненія. Безъ этого никакія увеличенія полиціи ни къ чему не поведутъ.

Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить исторія отношеній нашей полиціи къ раскольникамъ. Со временъ Петра I полиція самымъ усерднымъ образомъ занимается преслѣдованіемъ раскола. И что-жъ она сдѣлала? Уменьшился расколъ? Нѣтъ, онъ возросъ въ нѣсколько милліоновъ, и не путемъ только одного естественнаго нарожденія, а непрестанными отпаденіями отъ православія, которыя продолжаются и до сихъ поръ. А между тѣмъ, сколько всякаго рода страданій, сколько раззореній ради уничтоженія раскола причиняла полиція частнымъ лицамъ! Посмотрите, какъ она дѣйствуетъ по отношенію къ раскольникамъ даже въ наше кроткое время.

Процвѣтаетъ въ городѣ Боровскѣ Калужской губерніи купецъ Поликарпъ Аксеновъ Глухаревъ и содержитъ раскольничью молельню—временную или постоянную, т. е. дозволенную или недозволенную закономъ, неизвѣстно Какъ вдругъ, 4 іюля 1873 года налетаетъ на него полицейскій надзиратель города Боровска Волковичъ, съ тѣмъ, чтобы, по предписанію уѣзднаго исправника, осмотрѣть и опечатать молельню. Натурально, что, какъ хозяинъ, такъ и его семья принимаютъ гостя не особенно привѣтливо. На судѣ надзиратель Волковичъ показалъ, что «Поликарпъ Глухаревъ называлъ его невѣжей», кричалъ: «я всю полицію раскассирую»; Пелагея Глухарева, бросивъ въ него щепку, сказала: «ты мальчишка, хуже щепки»; Агаѳонъ Праворовъ кричалъ: «принимайте въ шею полицію, гони ее»; Яковъ Питухинъ говорилъ: «не вѣрьте ему (надзирателю), онъ предписаніе написалъ фальшивое».

Надзиратель Волковичъ сдѣлалъ однакожъ свое дѣло, осмотрѣлъ молельню, запечаталъ двери и окна и уѣхалъ. 15-го іюля пріѣхалъ осматривать молельню чиновникъ особыхъ порученій при калужскомъ губернаторѣ Росинскій. Росинскій нашелъ печати, приложенныя Волковичемъ, цѣлыми и на окнахъ и дверяхъ; но не нашелъ въ молельнѣ ничего, кромѣ «14 иконъ безъ ризъ, 13 записочекъ о здравіи и за упокой, металлической пуговицы, *повидимому отъ священническаго облаченія*, лавокъ вокругъ стѣнъ, во многихъ мѣстахъ запачканныхъ воскомъ». Многихъ предметовъ, которые видѣлъ Волковичъ, въ молельнѣ не оказалось, какъ-то, большого количества огарковъ восковыхъ свѣчъ, налоя, посеребреннаго подсвѣчника, множества образовъ безъ ризъ, кадила и стола, покрытаго пеленой. Куда дѣвались предметы, видѣнные Волковичемъ, оставалось загадкой. Къ счастію, проницательный чиновникъ особыхъ порученій, воззрѣвъ горѣ, усмотрѣлъ вотъ что: «около отверстія въ боровѣ замѣтна новая кладка кирпича, произведенная, по отзыву приглашеннаго эксперта, мѣщанина Никиты Васильева Жарова, очень недавно; на чердакѣ противъ этого мѣста замѣтны слѣды новой насыпки щебня и песку; по очисткѣ мусора оказалось, что кирпичи каменнаго свода положены безъ глины и извести; кирпичи эти вынимались свободно руками; образованное такимъ образомъ отверстіе представлялось вполнѣ достаточнымъ, чтобы проникнуть туда человѣку». — Разрѣшивъ такимъ образомъ загадку, чиновникъ Росинскій составилъ актъ осмотра и уѣхалъ. 8-го августа пріѣхалъ наконецъ судебный слѣдователь. Онъ провѣрилъ и подтвердилъ актъ осмотра чиновника Росинскаго. Но сверхъ того, что усмотрѣно въ молельнѣ Волковичемъ и Росинскимъ, нашелъ здѣсь еще «много кадушекъ съ картофелемъ, медомъ и огурцами».

Удивительно, какъ этихъ *многихъ* кадушекъ не усмотрѣли ни полицейскій надзиратель Волковичъ, ни проницательный чиновникъ особыхъ порученій, усмотрѣвшій даже кладку новаго кирпича вверху,—даже металлическую пуговицу, «повидимому (?) отъ священническаго облаченія». Вѣдь нельзя сказать, чтобы такіе предметы, какъ «многія кадушки съ картофелемъ, медомъ и огурцами», были предметы къ дѣлу не относящіеся, какъ скоро идетъ рѣчь о томъ, чтобы опредѣлить: молельня ли та комната, въ которой они находятся и, главное дѣло, постоянная ли молельня или нѣтъ!

Поликарпъ Аксеновъ Глухаревъ, преданный суду по обвиненію въ устройствѣ раскольнической молельни и оскорбленіи полиціи, передъ судомъ виновнымъ себя не призналъ, объяснивъ, что такъ называемая молельня есть не болѣе, какъ кладовая для разныхъ припасовъ и что въ ней совершалъ службу случайно проѣзжавшій священникъ рогожскаго согласія.

И такъ, спрашивается: была ли молельня у Глухарева временная или постоянная? Изъ актовъ осмотра можно вывести скорѣе заключеніе, что это была молельня временная, именно на основаніи многихъ кадушекъ, въ ней найденныхъ, которыхъ не усмотрѣли ни надзиратель Волковичъ, ни чиновникъ Росинскій, усмотрѣвшій металлическую пуговицу на полу «повидимому (?) отъ священническаго облаченія» и задѣланное отверстіе вверху. Изъ показаній спрошенныхъ лицъ также нельзя вывести никакого точнаго заключенія; знаютъ всѣ, что молельня была, но никто не говоритъ: была ли она постоянная или временная. Предположимъ однакожъ, что она была постоянная и существовала давно уже. На этомъ настаиваетъ полицейскій надзиратель Волковичъ, который на судѣ свое донесеніе дополнилъ такимъ образомъ, что «раньше ему удалось бывать (замѣтьте: бывать, слѣдовательно не одинъ разъ) въ молельнѣ; причемъ видѣлъ на лѣвой сторонѣ иконостасъ съ царскими дверями, алтарь, посрединѣ котораго престолъ съ крестомъ и евангеліемъ, въ углу жертвенникъ, въ алтарѣ большіе подсвѣчники» (???!). Если вѣрить этому показанію полицейскаго надзирателя Волковича, а мы не имѣемъ смѣлости не вѣрить оффиціальному лицу, облекаемому такимъ важнымъ порученіемъ, какъ осмотръ и опечатаніе молельни, то куда же исчезло все это видѣнное—и иконостасъ съ царскими вратами, и престолъ, и жертвенникъ? Неужели все это вынесено въ то отверстіе, которое усмотрѣлъ проницательный Росинскій?

Какъ бы то ни было, но изъ показанія Волковича, даннаго на судѣ, видно, что полиція не только знала давно о существованіи молельни Глухарева, но и сама не однократно бывала въ ней. Надобно, слѣдовательно, предположить одно изъ двухъ: или она ничего не находила противозаконнаго въ молельнѣ Глухарева,—и тогда она поступила противозаконно, напавъ на молельню и опечатавъ ее ни съ того, ни съ сего 4 іюля 1873 года;—или полиція и прежде находила молельню Грухарева противозаконною, но имѣла свои выгоды терпѣть ее,—въ такомъ случаѣ сколько понятно то, что Глухаревъ не могъ привѣтливо встрѣтить пріѣхавшаго осматривать и опечатывать молельню полицейскаго надзирателя, столько же непонятно, почему не привлечена къ отвѣтственности прежде всего полиція. Вообще удивительно, какъ такое важное показаніе, какъ показаніе Волковича на судѣ, оставлено безъ вниманія и дальнѣйшаго разслѣдованія.

Присяжный повѣренный Пржевальскій, защищавшій Глухарева въ московской судебной палатѣ, указывалъ на многое другое, достойное вниманія въ дѣлѣ Глухарева, какъ читатель усмотритъ изъ слѣдующаго отрывка изъ краткаго отчета о его рѣчи, напечатаннаго въ 37 № «Московскихъ Вѣдомостей»:

«Что зданіе, на которое указываетъ обвинительный актъ, не было предназначено исключительно для моленій, а служило также и кладовою,—это видно какъ изъ тѣхъ предметовъ хозяйства, которые были найдены по осмотру судебнымъ слѣдователемъ, такъ и изъ показаній свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что въ этой кладовой ставились кадки съ медомъ. При этомъ защита отвергала значеніе въ смыслѣ судебнаго доказательства тѣхъ актовъ осмотра, которые были произведены полиціей и чиновникомъ особыхъ порученій калужскаго губернатора внѣ установленнаго закономъ порядка, вопреки 1006 ст. уст. угол. суд., прежде требованія духовнаго начальства о возбужденіи слѣдствія по дѣлу. Такъ какъ по смыслу 206 ст. улож. о наказ. законъ, очевидно, преслѣдуетъ лишь устройство раскольниками зданій съ исключительною цѣлью совершенія въ нихъ постоянныхъ раскольничьихъ моленій, то статья эта къ данному случаю примѣнена быть не можетъ; временныя же моленія раскольниковъ, совершаемыя у нихъ, по той же статьѣ закона, преслѣдуются въ томъ только случаѣ, если они совершаются публично; между тѣмъ ни изъ чего нальзя вывести, чтобы бывшія у Глухарева моленія имѣли публичный характеръ. Сверхъ того, приведенный законъ запрещаетъ устройство новыхъ или передѣлку старыхъ зданій для моленія раскольниковъ; поэтому, если даже признать существованіе въ домѣ Глухарева постоянной молельни, то, чтобъ обвинить его, нужно доказать, что молельня была устроена имъ вновь и ея не было прежде... Что касается до второго изъ взводимыхъ на Глухарева обвиненій — оскорбленія полиціи, то защитникъ просилъ судебную палату принять во вниманіе то возбужденное состояніе, въ какомъ находился Глухаревъ, когда полиція явилась къ нему въ домъ безъ всякаго законнаго на то права, а также и то, что, за исключеніемъ считающаго себя оскорбленнымъ полицейскаго надзирателя Волковича, остальные свидѣтели удостовѣрили лишь

фактъ, что Глухаревъ, бывшій въ нетрезвомъ видѣ, грубо обходился съ полиціей, не приводя при этомъ никакихъ словъ, которыя можно было бы считать неприличными или ругательными выраженіями».

Калужскій окружный судъ, гдѣ разсматривалось дѣло въ первой инстанціи, «призналъ Глухарева виновнымъ въ преступленіяхъ, въ коихъ онъ обвинялся по 2 отд. 186 и 206 ст. улож. о наказ., и въ виду обстоятельствъ дѣла, смягчивъ ему наказаніе на двѣ степени, приговорилъ заключить его, Глухарева, въ тюрьму на два мѣсяца». Но московская судебная палата постановила по обвиненію въ устройствѣ раскольничьей молельни считать Глухарева на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. суд. по суду оправданнымъ, признавъ его виновнымъ только въ оскорбленіи полиціи словами въ нетрезвомъ видѣ, приговорила къ денежному штрафу въ 25 руб.

Разсматривая эти два приговора по одному и тому же дѣлу, діаметрально противоположные одинъ другому, читатель можетъ подумать, что такая рѣзкая разница произошла отъ того, что одинъ приговоръ принадлежалъ мѣстному суду, гдѣ возникло дѣло, гдѣ оно производилось, гдѣ находятся лица, возбудившія и производившія дѣло; что все это установило извѣстный взглядъ на дѣло въ обществѣ, взглядъ, отъ вліянія котораго трудно освободиться судьямъ самымъ самостоятельнымъ въ своемъ сужденіи; другой же приговоръ состоялся въ судѣ другой губерніи, изолированномъ отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній. Но допустить это значило бы признать, если не непосредственную, то посредственную зависимость и новыхъ судовъ отъ вліяній администраціи. Мы никакъ на это согласиться не можемъ. Мы объясняемъ себѣ дѣло гораздо проще и, думаемъ, ближе къ истинѣ. Дѣло о Глухаревѣ было очень трудное и требовало внимательнаго разсмотрѣнія съ различныхъ точекъ зрѣнія. Тщательнѣйшее разсмотрѣніе дѣла московскою судебною палатою привело ее къ рѣшенію, совершенно противоположному рѣшенію калужскаго окружнаго суда. Мы увѣрены, что, еслибы дѣло подверглось новому пересмотру и еще тщательнѣшему разсмотрѣнію, то, несомнѣнно, не остались бы безъ вниманія и тѣ обстоятельства, на которыя указываетъ присяжный повѣренный въ своей рѣчи, и странное показаніе Волковича, данное на судѣ.

Мы вошли въ нѣкоторыя подробности процесса по дѣлу Глухарева единственно съ тою цѣлью, чтобы показать читателю, какъ въ дѣлахъ о раскольникахъ все скользко и не твердо даже въ наше время, когда судебные процессы подлежатъ полной гласности; когда всѣ осмотры, показанія свидѣтелей повѣряются на судѣ, когда слѣдствія по дѣламъ производятся членами суда, а не полицейскими чиновниками, когда прокурорскій надзоръ тщательно пересматриваетъ всѣ доказательства обвиненія и въ правѣ отказаться отъ обвиненія, если не усматриваетъ достаточныхъ доказательствъ, мало того: можетъ начать преслѣдованіе противъ тѣхъ, которые явно неправильно вчинали обвиненіе. Судите же послѣ этого, что было прежде! Сколько людей по обвиненію въ расколѣ пострадало, погибло и раззорилось въ пухъ и прахъ, благодаря единственно корыстолюбію полиціи и разныхъ административныхъ надзирателей и слѣдователей! Вотъ почему актъ, который дастъ свободу вѣроисповѣданія раскольникамъ, останется навсегда однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ нынѣшняго царствованія. Онъ утретъ столько слезъ, положитъ конецъ столькимъ ненавистнымъ преслѣдованіямъ и гоненіямъ, оскорбляющимъ человѣка во внутреннѣйшей святынѣ его сердца, столькимъ имущественнымъ раззореніямъ, столькимъ злоупотребленіямъ служебнымъ, самымъ наглымъ и гнуснымъ, что описать этого не можетъ никакое перо.

«Московскія Вѣдомости» (№ 26) сообщаютъ слѣдующее объ этомъ предполагаемомъ актѣ:

«Извѣстно, что одновременно съ состоявшимся постановленіемъ государственнаго совѣта относительно предоставленія бракамъ раскольниковъ, подъ извѣстными условіями, значенія и права браковъ дѣйствительныхъ и законныхъ, было рѣшено дать скорѣйшее движеніе и остальнымъ общимъ заключеніямъ, выработаннымъ особымъ комитетомъ по дѣламъ о раскольникахъ. Нынѣ намъ пишутъ, что, согласно помянутому рѣшенію, въ особомъ комитетѣ при государственномъ совѣтѣ послѣдуетъ въ скоромъ времени обсужденіе вопроса о новой реформѣ въ положеніи раскольниковъ. Дѣло идетъ теперь о правилахъ, касающихся свободы богослуженія и вообще отправленія раскольниками религіозныхъ обязанностей, а также о расширеніи нѣкоторыхъ общихъ гражданскихъ правъ раскольниковъ. При этомъ, согласно выработаннымъ соображеніямъ, предполагается: удержавъ нынѣ существующее въ законѣ различіе между менѣе и болѣе вредными сектами, и не предоставляя раскольникамъ, принадлежащимъ къ болѣе вреднымъ сектамъ, никакихъ облегченій, не подвергать преслѣдованіямъ сходбища ихъ для молитвъ въ домахъ, если сходбища эти не нарушаютъ общихъ правилъ благочинія и общественнаго порядка. Относительно же послѣдователей менѣе вредныхъ сектъ предполагается: а) дозволить раскольникамъ творить общую молитву и вообще совершать религіозные обряды какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ особыхъ молитвенныхъ зданіяхъ и на кладбищахъ, съ соблюденіемъ лишь того условія, чтобы не допускалось публичное оказательство (!) раскола соблазнительное для православныхъ; б) допустить распечатаніе закрытыхъ и исправленіе ветхихъ молитвенныхъ домовъ, а равно обращеніе жилыхъ зданій въ молитвенные дома тамъ, гдѣ таковые уничтожены въ прежнія времена, и в) не признавая въ духовномъ санѣ раскольничьихъ поповъ, не под-

вергать ихъ преслѣдованіямъ. Затѣмъ, что касается расширенія общихъ гражданскихъ правъ раскольниковъ, то предполагается сдѣлать слѣдующія облегченія, для раскольниковъ менѣе вредныхъ сектъ: а) разрѣшить выдачу имъ видовъ на отлучку внутри имперіи на общемъ основаніи; б) дозволить раскольникамъ отлучку за границу, оставивъ въ силѣ запрещеніе въѣзда раскольниковъ-иноземцевъ; в) разрѣшить имъ записку въ гильдію и производство торговли на общемъ основаніи; г) предоставить имъ право на награды за заслуги и на занятіе общественныхъ должностей при извѣстныхъ условіяхъ, и, наконецъ, д) дать раскольникамъ право учреждать школы грамотности».

Апрѣль 1875.

Дѣло Овсянникова.—Облизывающіеся по поводу его адвокаты. — Мой разговоръ съ адвокатомъ-племянникомъ.—Плутократическія стремленія въ современной молодежи.—Реклама „Московскихъ Вѣдомостей“ о П. Г. Фонъ-Дервизѣ.—Мартовская революція въ обществѣ взаимнаго кредита.

Мы, хроникёры, обязанные наблюдать явленія общественной жизни на узкомъ пространствѣ какихъ-нибудь 30—60 дней, всегда бываемъ рады, когда рядомъ съ совершающимися событіями передъ нами проходятъ характеристическія дѣйствующія лица съ физіономіями болѣе или менѣе опредѣленными и выразительными. Во первыхъ, всякое время выдвигаетъ своихъ дѣятелей, и по дѣятелямъ приблизительно можно опредѣлять міросозерцаніе даннаго времени, характеръ и направленіе превалирующей въ немъ дѣятельности, а черезъ это, по крайней мѣрѣ, отчасти оріентироваться въ томъ водоворотѣ явленій, которыя мимо васъ ежедневно проходятъ. Во-вторыхъ, дѣйствующія лица служатъ для хроникёра представителями моральныхъ доблестей современнаго общества. Изучая эти доблести, можно измѣрять высоту и ширину вообще моральныхъ воззрѣній общества и ихъ воздѣйствій на практику жизни. А это для хроникёра очень важно. Ибо одна изъ существенныхъ задачъ всякаго истиннаго хроникёра состоитъ въ томъ, чтобы воспѣвать доблести современныхъ россіянъ не только для назиданія ихъ потомства, но и для самоуслажденія ихъ самихъ. Извѣстно, что каждый народъ такъ-же самолюбивъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, и съ наслажденіемъ любуется своими нравственными доблестями. Часто событіе, очень крупное и обѣщающее самыя благотворныя послѣдствія, не обращаетъ на себя ничьего вниманія, именно потому только, что оно не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и не выдвигаетъ на видъ никакихъ особенныхъ доблестей, напримѣръ, хотя бы учрежденіе новой учительской семинаріи, и, напротивъ, безплодный порывъ благородства увлекаетъ всѣхъ. Вспомнимъ, напримѣръ, тотъ блистательный походъ противъ Тютрюмова, который недавно совершилъ геній-хранитель нашихъ музъ, г. Стасовъ, въ защиту Верещагина. У кого не взыграло сердце отъ восторга, когда сей новый исполинъ

Пошелъ,—и гдѣ тристаты злобы!
Чему коснулся—все сразилъ!

и не въ Россіи только—нѣтъ! онъ не удовольствовался Россіей, онъ перешагнулъ въ Германію, дошелъ до предѣловъ ея. Одинъ только шагъ оставался до Альповъ—всѣ ожидали, что онъ не уступитъ Суворову, перейдетъ за Альпы и здѣсь въ Италіи—родинѣ и, можно сказать, въ храмѣ всѣхъ искусствъ совершитъ месть надъ злодѣемъ, принесетъ его въ жертву богу искусства. Однакожъ, эти ожиданія не исполнились. Исполинъ на этотъ разъ, неизвѣстно почему, остановился въ Мюнхенѣ и далѣе не пошелъ.

Мы позволили себѣ порывъ благородства, которымъ вызванъ былъ этотъ походъ, назвать безплоднымъ и остаемся при этомъ мнѣніи по слѣдующимъ причинамъ:

Брошенное г. Тютрюмовымъ подозрѣніе, что г. Верещагинъ писалъ свои картины при помощи мюнхенскихъ художниковъ, было для всѣхъ, видѣвшихъ эти картины, очевиднымъ абсурдомъ. Протестовать противъ недобросовѣстности обвиненія было можно и должно; но начинать серьёзное разслѣдованіе о томъ: не помогалъ ли кто г. Верещагину въ Мюнхенѣ писать картины, значило давать вѣсъ нелѣпому обвиненію, значило дѣлать такой же абсурдъ, какой представляло самое обвиненіе. Это все равно, какъ еслибы какой нибудь зоилъ сказалъ, что г. Щедринъ пишетъ свои сочиненія при помощи нѣкоторыхъ петербургскихъ литераторовъ, а почитатели послѣдняго нарядили бы слѣдствіе о розысканіи таковыхъ литераторовъ. Но съ другой стороны, разъ начавши изслѣдованіе, надобно было довести

его до конца. А г. Стасовъ этого не сдѣлалъ. Онъ добился только того, что кружокъ мюнхенскихъ художниковъ заявилъ протестъ противъ обвиненія г. Тютрюмова. Но всѣ ли мюнхенскіе художники представлены въ этомъ кружкѣ? Нѣтъ ли въ Мюнхенѣ художниковъ, этому кружку вовсе неизвѣстныхъ или съ нимъ вовсе не солидарныхъ?—Далѣе, въ то время, когда г. Верещагинъ проживалъ въ Мюнхенѣ, не было ли здѣсь художниковъ изъ Франціи, изъ Италіи и т. д., которыхъ могли вовсе не знать художники мюнхенскаго кружка? Ничего этого г. Стасовъ не доискался. Очевидно, что для того, чтобы начатое слѣдствіе было полно и не оставляло ни малѣйшей тѣни сомнѣнія, г. Стасову было необходимо войдти въ сношеніе съ мюнхенской полиціей и, руководствуясь ея указаніями, докончить слѣдствіе въ Мюнхенѣ, а затѣмъ, еслибы то оказалось нужнымъ, перенести его за Альпы или во Францію и т. д. Мы, впрочемъ, еще не теряемъ надежды, что г. Стасовъ замѣтитъ пробѣлы своего слѣдствія и пополнитъ его.

Но во всякомъ случаѣ дѣло не въ слѣдствіи, т. е. не въ достоинствахъ слѣдствія. Слѣдствіе можетъ быть не полно, можетъ быть нелѣпо, каково оно и есть. Важно не оно, важенъ тотъ порывъ благородства, которымъ оно вызвано. Россіянинъ любитъ теплоту чувствъ и возвышенные порывы духа, по какому бы поводу они ни проявлялись. Онъ еще такъ наивенъ, что не разбираетъ, гдѣ они вполнѣ натуральны и у мѣста, и гдѣ являются не болѣе, какъ пустымъ, а иногда, быть можетъ, и не совсѣмъ благовиднымъ фанфаронствомъ. Протестуютъ-ли противъ Зотова за то, что онъ назвалъ евреевъ жидами, травятъ ли г-жу Марковичъ за похищеніе безсмысленнаго перевода, наряжаютъ ли *любительское* слѣдствіе надъ г. Тютрюмовымъ за клевету,— россіянинъ въ простотѣ души считаетъ все это доблестію. Ему и въ голову не придетъ спросить: отчего эти люди, съ такимъ жаромъ преслѣдующіе мелочь, не преслѣдуютъ воровъ крупныхъ, а въ особенности защитниковъ воровъ крупныхъ, которыхъ (защитниковъ) съ каждымъ днемъ становится все болѣе, и которые угрожаютъ современемъ образовать изъ себя организованное общество для сокрытія всякаго рода преступленій, совершаемыхъ людьми богатыми.

Впрочемъ, мы должны признаться, что высказываемъ не свое замѣчаніе, а замѣчаніе,—не помнимъ, — какого-то или прокурора или товарища прокурора. Эти чины, по обязанностямъ службы поставленные въ необходимость проходить, что называется, сквозь огонь и воду, слишкомъ близко узнаютъ людей, потому рано теряютъ въ нихъ вѣру и скептически относятся ко всѣмъ доблестямъ. Мы же прокурорскаго мундира никогда не носили, вѣры въ людей не потеряли, и, какъ подобаетъ всѣмъ истиннымъ россіянамъ, преклоняемся передъ каждымъ порывомъ благородства, передъ каждою вспышкою душевной теплоты, по какому бы случаю они ни проявлялись. Несешься ли ты, благородный россіянинъ, въ буромъ негодованіи съ обухомъ за мухой до самого подножія Альповъ, водимый неизвѣстными для меня побужденіями, продаешь ли ты явно свою душу за 30 сребренниковъ какому нибудь отъявленному мошеннику и, вмѣстѣ съ тѣмъ, блистаешь передо мной, а, можетъ быть, и передъ собой душевною теплотою: «дескать, у меня сердце обливается кровью при видѣ сего агнца, томящагося въ заключеніи; не могу я не помочь ему», — я въ качествѣ россійскаго хроникёра могу только воспѣвать тебя.

Ты—истинный сынъ своего времени! Ты понялъ, что нынѣ время самаго отважнаго дерзновенія и смѣлыхъ шаговъ... Девизъ этого времени: на все дерзай, но покажи при этомъ порывъ благородства и теплоту душевную, —и симъ всѣхъ и все побѣдишь.

У г. Островскаго въ одной изъ его недавнихъ комедій («*Дѣльцы*») выведенъ купецъ Иванъ Петровичъ Восмибратовъ, занимающійся торговлей лѣсомъ. Купецъ этотъ—плутъ первой руки: надуть, обсчитать, прикарманить чужія деньги— это ему ни почемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считаетъ себя честнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, и Боже сохрани! затронуть вопросъ о его чести. Купилъ онъ у барыни Гурмыжской на срубъ двѣ пустоши за 3,000 руб. Но когда барыня выдала ему росписку, что за проданныя пустоши деньги получила сполна, то Восмибратовъ, вмѣсто трехъ тысячъ, отсчитываетъ ей всего двѣ и затѣмъ, несмотря на всѣ ея возраженія, преспокойно уходитъ. Барыня поднимаетъ тревогу въ домѣ. Купца ворочаютъ и среди разной брани, между прочимъ, говорятъ ему, что у него «нѣтъ чести». Какъ только произносятся эти слова, купецъ, выслушивавшій до сихъ поръ хладнокровно всякую брань, вспыхиваетъ, какъ порохъ, и лѣзетъ, что называется, на стѣну:

«Нѣтъ, ужъ, баринъ, говоритъ онъ: —ты что хочешь говори, а чести не трошь: судиться буду. Какъ такъ чести у меня нѣтъ? Коли я свои документы оправдываю—вотъ моя и честь. Да про меня спроси на сто верстъ, всѣ тебѣ то же скажутъ. Мало тебѣ, я самъ про себя скажу, что я—честный человѣкъ. Ужъ насчетъ тамъ чего другого я не хвалюсь, а насчетъ чести я вотъ что скажу, баринъ: я не человѣкъ, я—правило».

Купецъ Восмибратовъ есть истинный герой нашего времени. Куда бы вы ни обратились, вездѣ передъ вами торчитъ купецъ Восмибратовъ— въ поддевкѣ ли онъ, сюртукѣ ли, пиджакѣ, фракѣ или въ мундирѣ всѣхъ сортовъ и видовъ, но вездѣ вы его легко узнаете: вездѣ онъ документы свои оправдываетъ, вездѣ онъ—не человѣкъ, а правило.

Вотъ хотя бы и Овсянниковъ былъ тоже не человѣкъ, а правило, и всѣ документы свои оправдывалъ. Только военное министерство не-

множко было заподозрило его насчетъ оправданія документовъ и устранило отъ своихъ подрядовъ, но, какъ кажется, только по недоразумѣнію, на время. По крайней мѣрѣ, то же министерство допустило его арендовать мельницу, устроенную нарочно для поставки муки на армію,—слѣдовательно, признало опять не человѣкомъ, а правиломъ. Теперь этотъ не человѣкъ, а правило посажень въ тюрьму. За что? За то, говорятъ, что сгорѣла арендуемая имъ мельница и сгорѣла не безъ его участія. Посадить человѣка, владѣющаго десятками милліоновъ, въ тюрьму очень трудно. На сторонѣ его стоятъ тысячи силъ видимыхъ и невидимыхъ и загораживаютъ къ нему дорогу со всѣхъ сторонъ. Даже при уликахъ сильныхъ могъ посадить его въ тюрьму только человѣкъ съ характеромъ сильнымъ, какіе между русскими рѣдки. Русскій человѣкъ вообще не крѣпокъ: онъ таетъ отъ теплоты душевной и многаго другого; онъ предалъ бы дѣло волѣ Божіей и гордился бы этимъ, даже въ благородное воодушевленіе приходилъ бы каждый разъ, когда бы сталъ разсказывать, какъ онъ спасъ невиннаго старца отъ всякихъ гнусныхъ подозрѣній. И только «Московскія Вѣдомости» прогремѣли бы потомъ, что поджогъ несомнѣнно былъ и былъ отъ гнусной интриги, опутавшей всю Россію, которая (интрига), очевидно, имѣла намѣреніе поджогомъ мельницы подрыть благосостояніе русской арміи и чрезъ то поколебать спокойствіе Россіи.

Какъ бы то ни было, но старецъ въ тюрьмѣ. Адвокаты ходятъ и облизываются. Пирогъ на столѣ,—ждутъ только, кого пригласятъ. «Старца такихъ преклонныхъ лѣтъ въ тюрьму посадить!» съ негодованіемъ восклицаетъ одинъ. «И, должно быть, вѣдь улики-то не Богъ знаетъ какія! Придирки однѣ!» подхватываетъ другой. «Еще бы! присоединяетъ третій: — съ какой стати Овсянниковъ, у котораго, говорятъ, 30 милліоновъ наличнаго капитала, будетъ поджигать мельницу? Что ему за выгода?»—«Какъ тамъ ни разсуждайте, братцы, вмѣшивается четвертый адвокатъ, разбитной и веселый малый:—а намъ соорудили славный пирогъ. Тутъ можно у! у! какой важнецкій кусокъ ухватить! Кому только онъ достанется! Кабы мнѣ! Какихъ бы я себѣ кокотокъ и рысаковъ завелъ,—пожалуй, и картинную галлерею соорудилъ или зимній садъ устроилъ бы—что твоя Италія!»

Но, очевидно, что такъ могутъ разсуждать только легкомысленные адвокаты, которые смотрятъ на свою профессію, какъ на ремесло. Для адвоката, понимающаго общественное значеніе адвокатуры и свой долгъ, взяться хлопотать за освобожденіе обвиняемаго, который подвергся предварительному заключенію—дѣло очень щекотливое, въ особенности, если обвиняемый владѣетъ десятками милліоновъ. Находясь на свободѣ или даже не въ строгомъ тюремномъ заключеніи, такой обвиняемый легко можетъ скрыть и замести всѣ слѣды преступленія. И, въ такомъ случаѣ, адвокатъ неизбѣжно рискуетъ сдѣлаться пособникомъ, укрывателемъ преступленія, обратить свою профессію въ орудіе для разрушенія общественнаго порядка, что совершенно несовмѣстимо съ истиннымъ понятіемъ объ адвокатурѣ. Мы полагаемъ, что честный адвокатъ можетъ взять на себя ходатайство объ освобожденіи обвиняемаго, подвергшагося предварительному заключенію, только въ трехъ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда личное воззрѣніе адвоката на преступленіе расходится съ воззрѣніемъ общественной совѣсти, то-есть когда адвокатъ не считаетъ преступленіемъ того, что считаетъ преступленіемъ положительный законъ даннаго времени; 2) когда онъ былъ другомъ обвиняемаго или вообще по тѣмъ или другимъ отношеніямъ зналъ его настолько коротко, что не можетъ допустить и мысли, чтобы обвиняемый могъ совершить преступленіе, въ которомъ обвиняется; 3) когда для него не подлежитъ сомнѣнію alibi обвиняемаго въ то время, когда совершалось преступленіе, если только, само собою разумѣется, для совершенія преступленія нужно было личное присутствіе обвиняемаго. Если мы къ этимъ тремъ случаямъ присоединимъ четвертый, очень нерѣдкій у насъ, но который въ разсматриваемомъ нами дѣлѣ совершенно немыслимъ, то-есть когда человѣкъ заключенъ въ тюрьму, очевидно, несправедливо, по корыстолюбію, злостности, невѣжеству заключавшихъ его и т. п., то этимъ исчерпаны будутъ категоріи всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда честный адвокатъ съ спокойною совѣстію можетъ взять на себя хлопоты по освобожденію обвиняемаго, подвергшагося предварительному заключенію. Ибо только въ случаяхъ, подходящихъ подъ эти категоріи, въ адвокатѣ можетъ образоваться личное, твердое убѣжденіе въ невинности обвиняемаго, которое одно и можетъ дать ему право на ходатайство объ освобожденіи обвиняемаго. Во всѣхъ другихъ случаяхъ подобное ходатайство равносильно просьбѣ объ освобожденіи пойманнаго съ поличнымъ. Ибо, какъ бы ни были незначительны улики противъ обвиняемаго, но разъ онѣ признаны достаточными для заключенія его подъ стражу, а самое заключеніе признано необходимымъ для надлежащаго разслѣдованія дѣла, никто не можетъ предвидѣть, что окажется при дальнѣйшемъ развитіи разслѣдованія. Очень возможно вѣдь, что число уликъ увеличится, что явятся ясныя доказательства преступленія. Но еслибы этого и не случилось, еслибы дальнѣйшее изслѣдованіе не представило никакихъ новыхъ уликъ противъ обвиняемаго, весьма важно то, какія показанія и объясненія даны будутъ какъ обвиняемымъ, такъ и вообще привлеченными къ дѣлу на судѣ. А это несомнѣнно весьма много будетъ зависѣть отъ того, будетъ ли обвиняемый на свободѣ или въ заключеніи.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, затрудняющихъ для адвоката возможность ходатайствовать за освобожденіе обвиняемыхъ, подвергшихся пред-

варительному заключенію, нельзя было ожидать, чтобы кто-нибудь изъ солидныхъ и уважающихъ свою профессію адвокатовъ взялся хлопотать объ освобожденіи Овсянникова. Однакожъ, сверхъ ожиданія, такой адвокатъ нашелся.

Газеты извѣстили, что «15-го марта, въ распорядительномъ засѣданіи III отдѣленія с.-петербургскаго окружного суда слушалась жалоба купца Овсянникова на распоряженіе судебнаго слѣдователя о подвергнутіи его, Овсянникова, предварительному аресту», съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ этого распоряженія и замѣнѣ ареста залогомъ въ 3,000,000. Причемъ «объясненіе по дѣлу давалъ повѣренный обвиняемаго, присяжный повѣренный Потѣхинъ 1-й».

Еслибы передъ судомъ на выручку Овсянникова явился какой-нибудь адвокатъ легкомысленный, адвокатъ, который смотритъ на свою профессію только какъ на ремесло для добыванія денегъ и которому все равно, что бы ни творилось: хоть бы выпустили на свободу не только Овсянникова, лишь подозрѣваемаго въ преступленіи, а и всѣхъ содержащихся въ тюрьмахъ несомнѣнныхъ воровъ, мазуриковъ, убійцъ, поджигателей: «пусть, дескать, ихъ крадутъ, мошенничаютъ, бьютъ, поджигаютъ — мнѣ все равно, лишь я бы получилъ больше денегъ»,—тогда и говорить было бы не о чемъ. Дѣло было бы понятное. Человѣку предлагаютъ кусокъ большой и жирный... Съ такимъ кускомъ виднѣются въ перспективѣ и кокотки съ рысаками... и картинныя галлереи... и зимніе сады... Все это очень соблазнительно и отказаться, конечно, трудно; да и зачѣмъ отказываться? Убѣжденія въ чистотѣ дѣла нѣтъ никакого; пожалуй, есть убѣжденіе даже въ обратномъ смыслѣ. Но кто-жъ это знаетъ?—Буду дерзать... скажу, что убѣжденъ,—для большей доказательности, если нужно, буду въ грудь себя бить, заплачу, если нужно. Что касается до чести, то кто имѣетъ право въ ней усомниться? «Коли я документы свои оправдываю, — вотъ моя и честь, и не человѣкъ я, а правило». Но на адвокатовъ, имѣющихъ подобный ремесленный взглядъ на свою профессію, и смотрятъ всѣ, какъ на людей, въ существѣ дѣла гораздо болѣе вредныхъ для общества, чѣмъ тѣ некрасивыя личности, которымъ они покровительствуютъ; потому что послѣднія только фактически расходятся съ общественною совѣстію, принципіально же признаютъ ее, между тѣмъ, какъ они принципіально почитаютъ себя въ правѣ быть укрывателями и пособниками всякаго рода преступниковъ и торгуютъ этимъ правомъ. А г. Потѣхинъ—совсѣмъ другое дѣло. Это адвокатъ солидный, пользующійся извѣстностью, имѣющій огромную практику. Онъ не польстится на величину куска, какъ бы великъ и жиренъ онъ ни былъ, и не продастъ за него своей совѣсти и репутаціи. Если онъ пошелъ выручать изъ тюрьмы Овсянникова, то, конечно, потому, что вполнѣ убѣдился въ невиновности его. Принимая во вниманіе вышеисчисленныя нами категоріи случаевъ, при которыхъ такое убѣжденіе возможно, надобно полагать, что г. Потѣхинъ прежде былъ другомъ Овсянникова или, по крайней мѣрѣ, состоялъ съ нимъ въ очень короткихъ отношеніяхъ и, несмотря на всѣ юридическія улики, найденныя слѣдствіемъ, увѣренъ вполнѣ въ своей совѣсти въ невинности Овсянникова. Намъ неизвѣстно, что говорилъ г. Потѣхинъ въ распорядительномъ отдѣленіи суда въ пользу Овсянникова. А было бы очень желательно знать, что онъ говорилъ. Скажемъ болѣе: въ интересахъ своихъ собственныхъ г. Потѣхинъ долженъ былъ бы позаботиться напечатать свою рѣчь, вотъ почему: 1) со времени учрежденія у насъ новыхъ судовъ въ первый разъ только, какъ это было замѣчено и въ газетахъ, является адвокатъ ходатайствовать объ освобожденіи обвиняемаго, подвергшагося предварительному аресту. Какъ-то странно это! Вѣдь и до Овсянникова было, вѣроятно, безчисленное множество такихъ обвиняемыхъ, за освобожденіе которыхъ изъ-подъ ареста можно было ходатайствовать. Не невиннѣе же всѣхъ ихъ Овсянниковъ. Отчего же до сихъ поръ не являлось никогда адвоката съ подобнымъ ходатайствомъ? 2) Окружной судъ, несмотря на ходатайство г. Потѣхина, отказалъ Овсянникову въ отмѣнѣ ареста, по какимъ мотивамъ, — неизвѣстно; но признавъ распоряженіе слѣдователя правильнымъ, судъ тѣмъ самымъ удостовѣрилъ неосновательность ходатайства г. Потѣхина. Вслѣдствіе этого, при неизвѣстности мотивовъ отказа суда, при неизвѣстности рѣчи г. Потѣхина, тутъ представляется обширное поле для догадокъ, самыхъ разнообразныхъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ г. Потѣхинъ всѣмъ былъ извѣстенъ за адвоката не криминалиста, а цивилиста. Если онъ не былъ другомъ Овсянникова или вообще человѣкомъ близкимъ, то съ одной стороны непонятно, что побудило его взяться, такъ сказать, не за свое дѣло, а съ другой также непонятно, почему Овсянниковъ находилъ болѣе шансовъ выхлопотать себѣ освобожденіе черезъ адвоката, вовсе незанимающагося криминальною практикою, чѣмъ чрезъ какого-нибудь другого адвоката, доказавшаго въ этой практикѣ свою опытность и пользующагося извѣстностію? Повторяемъ: было бы очень желательно, чтобы г. Потѣхинъ напечаталъ свою рѣчь для разсѣянія всѣхъ неосновательныхъ слуховъ и предположеній.

Само собою разумѣется, что отказъ окружного суда Овсянникову въ его просьбѣ не положилъ конца дѣлу. Напротивъ, появившееся въ газетахъ извѣстіе, что Овсянниковъ подавалъ просьбу въ судъ объ освобожденіи изъ-подъ ареста и замѣнѣ ареста залогомъ въ 3,000,000, что судъ отказалъ ему въ просьбѣ, взбудоражило уже не однихъ адвокатовъ, а все петербургское общество. Пошли всевозможные толки объ Овсянниковѣ, о слѣдователѣ, объ адвокатѣ. Въ этихъ толкахъ адвокаты интересовались преимущественно существен-

ною стороною дѣла, именно: какой кушъ обѣщанъ г. Потѣхину за ходатайство въ окружномъ судѣ? Какой кушъ обѣщанъ ему за судебную палату? Одинъ ли онъ будетъ ходатайствовать въ судебной палатѣ, или присоединится къ нему и еще кто нибудь? Разнесся слухъ, что, кромѣ Потѣхина, хотятъ пригласить и еще адвоката. Это произвело сильную сенсацію во многихъ адвокатахъ, въ томъ числѣ и въ моемъ племянникѣ, тоже адвокатѣ.—Прихожу это я на дняхъ къ нему, вижу: парень совсѣмъ съ лица спалъ, осунулся. «Что, говорю, съ тобой?»—«Нѣсколько ночей уже, говоритъ, не сплю почти что на пролетъ. Какъ только закрою глаза, такъ и мерещится мнѣ все старецъ Божій, томящійся въ заключеніи». «Какой такой—говорю — старецъ Божій?» «А Овсянниковъ-то; вѣдь ему ужъ 74 года». «Ну, такъ что же, что 74 года? посадили, говорю, вѣрно, не безъ причины».—«Эхъ! какія, дядя, причины! Дѣло производитъ человѣкъ безъ души, формалистъ; задался впередъ мыслію, что виновенъ старикъ, и посадилъ».—«Однако, говорю, ты вѣдь не знаешь, за что онъ посаженъ?»—«Хотя и не знаю, говоритъ, да убѣжденъ, что онъ посаженъ невинно».—«Какъ такъ, говорю,—убѣжденъ?»—«А такъ и убѣжденъ, говоритъ, что Овсянниковъ мельницы поджигать не будетъ; вовсе разсчета ему нѣтъ. Улики, навѣрное, совершенно ничтожныя».—«Еслибы улики были и не важныя, все таки ихъ надобно разсмотрѣть и разслѣдовать внимательно. Ты вѣдь не знаешь прошедшаго Овсянникова; онъ, быть можетъ, разъ десятокъ побольше бывалъ подъ судомъ».—«Это, говоритъ, намъ все равно; только бы въ данномъ случаѣ былъ правъ».—«Не изучалъ, говорю, вашей кляузной мудрости, не знаю; а сдается мнѣ, что ты не такъ говоришь. Отчего, говорю, тогда законъ строго наказываетъ рецидивистовъ?»—«Если, говоритъ, мнѣ не вѣрите, такъ вотъ посмотрите въ книгѣ»—и суетъ мнѣ въ руки раскрытую книгу. Посмотрѣлъ я на обертку, вижу: «*Замѣтки о русской адвокатурѣ*» К. К. Арсеньева.—«Ну, чтожъ, говорю,—Арсеньевъ—человѣкъ солидный. Какихъ нибудь завиральныхъ идей или прокламацій сочинять, конечно, не будетъ; если что нибудь пишетъ, такъ, навѣрное, дѣльное». Взглянулъ я на страницу, которую онъ мнѣ раскрылъ, и читаю:

«Не слѣдуетъ забывать, что защита по добровольному соглашенію принимается большею частію не даромъ, а за опредѣленное вознагражденіе, и что это обязываетъ адвоката быть особенно осторожнымъ въ выборѣ уголовныхъ дѣлъ. Изъ всѣхъ причинъ, возстановляющихъ общественное мнѣніе противъ адвокатуры, самая сильная — это предположеніе, что адвокаты, защищая подсудимыхъ, часто говорятъ противъ убѣжденія, въ надеждѣ на болѣе или менѣе крупный гонораръ... А одна мысль о защитѣ за деньги противъ убѣжденія возмущаетъ общественную совѣсть. И дѣйствительно, такая защита не можетъ быть оправдана никакими соображеніями. Если защитникъ идетъ наперекоръ истинѣ изъ состраданія къ подсудимому или изъ другихъ безкорыстныхъ побужденій, роль его не унизительна, хотя и тяжела; но тотъ же самый образъ дѣйствій принимаетъ совершенно другую окраску, когда въ основаніи его лежитъ разсчетъ на матеріальное вознагражденіе» (стр. 164).

— «Что-жъ ты, говорю, ткнулъ мнѣ Арсеньева-то? Вѣдь все противъ тебя же говоритъ: «Въ выборѣ, говоритъ, уголовныхъ дѣлъ надо быть осторожнымъ», «нельзя, говоритъ, брать защиты безъ убѣжденія, изъ за одного только большого гонорара», «это, говоритъ, просто гнусно». Это все, братъ, противъ твоихъ облизываній въ виду дѣла старца Божія».

— «Да вы, говоритъ, не тутъ читаете; читайте вотъ здѣсь». Началъ я опять читать:

«Принимая на себя защиту, адвокатъ задается не тѣмъ, чтобы доказать безусловную нравственную чистоту обвиняемаго; онъ имѣетъ въ виду опровергнуть неправильное — по его мнѣнію—обвиненіе, составляющеее предметъ дѣла. Самый испорченный человѣкъ можетъ быть невиновнымъ въ томъ преступленіи, въ которомъ его въ данномъ случаѣ обвиняютъ; осужденіе его за это преступленіе было бы несправедливостью, предупреждая которую адвокатъ дѣйствуетъ согласно съ своимъ призваніемъ. Еслибы только допустить мысль, что уголовная кара можетъ постигнуть человѣка въ сущности не за то, за что она опредѣлена закономъ, а за прежнюю его жизнь, за проступки безнравственные, но не подходящіе подъ дѣйствіе уголовнаго закона, то правосудіе перестало бы быть безпристрастнымъ и обратилось бы въ произвольную расправу надъ людьми, возбудившими противъ себя негодованіе общества. О соразмѣрности между виною и наказаніемъ тогда не могло бы быть и рѣчи. Ненавистный обществу человѣкъ обвиняется въ подлогѣ—пускай же онъ будетъ наказанъ, какъ за подлогъ; онъ обвиняется въ убійствѣ—тѣмъ лучше, пускай же онъ будетъ наказанъ за убійство; вотъ логическій выводъ изъ того начала, что обвинительный приговоръ, направленный противъ дурного человѣка, не можетъ быть несправедливымъ» (стр. 168).

Прочиталъ я это мѣсто, инда злость меня взяла. «Какія, думаю себѣ, развращающія молодыхъ людей мысли могутъ проповѣдывать даже солидные адвокаты!» Сижу и молчу. — «Ну, что вы замолчали? Что вы на это скажете?» пристаетъ племянникъ.—«А скажу вотъ что: что твой Арсеньевъ, съ позволенія сказать, проврался, и, конечно, безсознательно для себя самого, устраиваетъ для вашего брата, адвокатовъ, пріятную лазейку».—«Какъ такъ?»—«Да такъ. Вопросъ, который надобно было разсматривать съ точки зрѣнія адвокатовъ, онъ начинаетъ разсматривать съ точки зрѣнія закона, и въ результатѣ, разумѣется, получается чепуха. Онъ напираетъ на то, что законъ долженъ наказывать преступника не за прежнія дѣла, а за то только преступленіе, въ которомъ онъ обвиняется. Да объ этомъ и

спору нѣтъ; вопросъ вовсе не въ этомъ, а въ томъ: имѣетъ ли право адвокатъ по совѣсти брать на себя защиту невинности человѣка въ данномъ преступленіи, хотя бы онъ былъ даже убѣжденъ въ его невинности относительно этого преступленія, какъ скоро онъ (адвокатъ) знаетъ, что этотъ человѣкъ совершилъ кучу подобныхъ преступленій; положимъ, эти преступленія не дошли до свѣдѣнія и разсмотрѣнія уголовнаго суда, потому что обвиняемый—человѣкъ ловкій и умѣетъ хоронить концы въ воду, но адвокатъ знаетъ навѣрное, что такія преступленія были, и увѣренъ, что, если оправдаютъ обвиняемаго, то онъ и впредь не откажется дѣлать тоже самое. Такъ скажи ты мнѣ: имѣетъ право адвокатъ по совѣсти принимать на себя защиту невинности такого человѣка въ данномъ преступленіи? Я тебѣ поясню это примѣромъ. Живетъ, положимъ, исправникъ; грабитъ онъ безнаказанно, насколько у него есть силъ, и направо, и налѣво; сто разъ ему надобно бы было уже быть подъ судомъ, а онъ попадается только въ 101-й разъ, и то по уликамъ не особенно значительнымъ. Что-жъ, честно будетъ съ твоей стороны идти выпутывать его изъ рукъ правосудія, какъ невиннаго человѣка?! По твоему съ Арсеньевымъ, это будетъ честно, а по моему прямо безчестно. Дѣйствительно честнымъ человѣкомъ ты былъ бы только тогда, когда бы ты пришелъ въ судъ и сказалъ: «что вы тутъ напрасно теряете время надъ разсмотрѣніемъ попавшихся въ ваши руки уликъ? Да этотъ человѣкъ совершилъ уже сто преступленій такихъ же и даже болѣе тяжкихъ, чѣмъ по какому привлеченъ теперь». Но такъ какъ ты этого сказать не можешь, потому что не имѣешь въ рукахъ формальныхъ доказательствъ преступленій, то ты долженъ, по крайней мѣрѣ, отстраниться отъ всякаго участія въ оправданіи человѣка, который, по твоему собственному сознанію, долженъ быть наказанъ уже сто разъ, и предоставить его волѣ судьбы. Пусть судъ дѣлаетъ съ нимъ то, что, на основаніи находящихся въ его рукахъ уликъ, находитъ справедливымъ съ нимъ сдѣлать. Даже когда судъ назначитъ тебя защитникомъ такого обвиняемаго ex officio, то и тогда ты прямо рѣчь свою долженъ начать заявленіемъ, что по совѣсти ты никогда бы не принялъ на себя защиты этого человѣка, но что ты призванъ къ защитѣ судомъ, а не скрывать этого, какъ, мелькомъ замѣтилъ я давеча, учитъ въ своей книжкѣ г. Арсеньевъ. Долгъ именно чести требуетъ отъ тебя не скрывать передъ присяжными своей внутренней антипатіи къ такому обвиняемому, а напротивъ, дать имъ почувствовать, что тебѣ пріятнѣе было бы, чтобы его обвинили, нежели чтобы оправдали».

— «Вы, дядя, чортъ знаетъ, что говорите. Вы говорите, что долгъ чести требуетъ отъ меня, адвоката, даже топить обвиняемаго, хотя бы я былъ вполнѣ убѣжденъ въ его невинности въ данномъ случаѣ,—потому только, что за нимъ прежде были преступныя дѣла. Такъ ли?» — «Не совсѣмъ такъ; а когда преступныя дѣла и были, и есть, и когда по характеру всей его дѣятельности ты никакъ не можешь думать, что онъ и завтра, по оправданіи судомъ, не сдѣлаетъ того же, что дѣлалъ, если подвернется благопріятный случай». — «По какому праву, однакожъ, я могу это сдѣлать?» — «Я уже сказалъ тебѣ, по какому. Ты долженъ быть честнымъ человѣкомъ, и, слѣдовательно, не только имѣешь право, но обязанъ дѣлать то, что налагаетъ на тебя долгъ честнаго человѣка. А если тебѣ этого мало, то я тебѣ скажу и еще право. Возьмемъ прежній примѣръ исправника, попавшагося на 101-мъ преступленіи. Вѣдь когда онъ совершалъ 100 преступленій, не дошедшихъ до суда, ты не хлопоталъ, чтобы прекратить эти преступленія, изловить его и отдать въ руки правосудія. Между тѣмъ, вслѣдствіе этихъ преступленій народъ страдалъ, разорялся, переносилъ всякаго рода притѣсненія и несправедливости многіе годы. Натурально, что онъ полонъ негодованія противъ маленькаго тирана и готовъ былъ бы растерзать его. Все общество возмущено зрѣлищемъ наглой безнаказанности, и общественное мнѣніе давно уже требуетъ мщенія. Наконецъ, счастливый случай приводитъ эту піявку на скамью подсудимыхъ. Скажи мнѣ, пожалуйста, ты, который не пошевелилъ пальцемъ для того, чтобы избавить народъ отъ кровопійства піявки, имѣешь ли ты право воспрепятствовать естественному теченію правосудія, еслибы оно оказалось въ пользу народа и въ удовлетвореніе общественнаго мнѣнія? Имѣешь ли ты право, пользуясь единственно узостью и кляузностью юридическихъ формъ и опредѣленій, придти снять піявку со скамьи подсудимыхъ и снова бросить ее въ народъ для новыхъ кровопійствъ?»

— «Да намъ, адвокатамъ, дядя, нѣтъ никакого дѣла до общественнаго мнѣнія; у насъ есть свой судья — наша собственная совѣсть. Вотъ послушайте, что пишетъ объ этомъ Арсеньевъ:

«Чѣмъ больше общественное мнѣніе возбуждено противъ обвиняемаго, тѣмъ менѣе адвокатъ имѣетъ права отказываться отъ защиты, если только онъ можетъ принять и вести ее *по убѣжденію*. Желаніе адвоката охранять неприкосновенность своей репутаціи, предупредить даже возможность нареканій, вполнѣ понятно и законно; но оно не должно доводить до малодушной боязни передъ общественнымъ мнѣніемъ. Самымъ строгимъ судьею долженъ быть для себя самъ адвокатъ; если онъ по совѣсти считаетъ себя въ правѣ взяться за дѣло, ему нечего опасаться толкованій, которыя вызоветъ его рѣшимость. Намъ могутъ возразить...»

— «Постой, постой; довольно! дальше не продолжай. Я не читалъ книги Арсеньева; можетъ быть, въ дѣловой практикѣ для адвокатовъ это книга очень полезная; но постановка вопроса относительно нравственной стороны адвокатской дѣятельности въ ней никуда не годится. Будемъ разсуждать объ этомъ, не заглядывая въ нее.

Ты мнѣ сказалъ, что вамъ, адвокатамъ, нѣтъ никакого дѣла до общественнаго мнѣнія. Скажи мнѣ, пожалуйста: чьи интересы вы представляете на судѣ?»—«Какъ чьи? Интересы нашихъ кліентовъ.»—«Прекрасно; но тогда отчего же вы не защищаете полную невинность каждаго убійцы, каждаго вора?»—«Ну, да, конечно, мы защищаемъ каждаго кліента на столько, на сколько онъ справедливъ, защищаемъ интересы истины и справедливости».—«Прекрасно. Но вѣдь и прокуроръ, надѣюсь, защищаетъ тоже интересы истины и справедливости. Отчего же это выходитъ такъ, что того самаго человѣка, котораго прокуроръ обвиняетъ, вы стараетесь оправдать? Какимъ образомъ два человѣка, оба представители интересовъ истины и справедливости, оба признающіе для себя критеріемъ истины и справедливости одинъ и тотъ же законъ, оба, прилагающіе этотъ законъ къ одному и тому же обвиняемому, могутъ стремиться и часто приходитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ — одинъ къ обвиненію, а другой къ оправданію? Вотъ если ты вникнешь въ это, то и увидишь, что это зависитъ не отъ чего иного, какъ отъ того, что прокуроръ есть представитель чистой идеи закона по отношенію къ преступнику вообще, будетъ ли то Иванъ, Петръ, Сидоръ—все равно, а адвокатъ есть представитель общественнаго взгляда или, если угодно, общественной совѣсти относительно примѣняемости идеи закона къ данному преступнику, именно сему, а не иному. Законъ говоритъ прокурору: какъ скоро увидишь человѣка, который укралъ, влеки его къ отвѣтственности. Прокуроръ усмотрѣлъ, что Иванъ укралъ, и, согласно требованію закона, влечетъ его къ отвѣтственности. Адвокатъ является на выручку Ивана. «Вы, говоритъ онъ прокурору:—взяли нашего Ивана за воровство. Но Иванъ въ нашемъ обществѣ—отличный человѣкъ. Онъ не можетъ быть воромъ. Тутъ съ вашей стороны есть какое нибудь недоразумѣніе. Позвольте разсмотрѣть доказательства». Начинается обзоръ формальныхъ доказательствъ. Если формальныя доказательства въ порядкѣ, адвокатъ говоритъ прокурору: «ну, да, я согласенъ съ вами, что Иванъ виноватъ; но все-таки онъ—человѣкъ въ нашемъ обществѣ хорошій, и если провинился, то не отъ испорченности, а вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то вліяній, увлеченій, обстоятельствъ и т. п. Наказывать Ивана нельзя такъ строго, какъ другихъ». Очевидно, что главнымъ базисомъ всей защиты адвоката служитъ фикція, что Иванъ въ обществѣ извѣстенъ за человѣка хорошаго. На этой именно фикціи опирается необходимое для адвоката убѣжденіе въ невинности подсудимаго и совѣсть находитъ полное успокоеніе относительно правоты дѣла. Отъ этой же фикціи зависитъ и сила всѣхъ формальныхъ доказательствъ. Отнимите эту фикцію, и адвокатъ потеряетъ всякую почву для своей защиты. У него не будетъ тогда твердаго убѣжденія въ невинности обвиняемаго и, слѣдовательно, сознанія въ правотѣ дѣла; въ самомъ лучшемъ случаѣ, имѣя въ рукахъ самыя твердыя формальныя доказательства, онъ можетъ сказать объ Иванѣ прокурору, что въ данномъ случаѣ Иванъ не виноватъ, но что онъ не ручается за то, чтобы Иванъ не былъ воромъ и убійцей и т. д. Теперь, я спрашиваю тебя: можетъ ли адвокатъ игнорировать общественное мнѣніе, когда онъ по существу своей профессіи есть именно представитель этого мнѣнія? Никакъ, конечно, не можетъ, и въ дѣйствительности онъ его обыкновенно не игнорируетъ. Безсознательно для себя самого, но тѣмъ не менѣе неизбѣжно, онъ каждую свою защиту начинаетъ съ фикціи, что обвиняемый по общественному сознанію—человѣкъ хорошій; слѣдовательно, или не могъ совершить преступленія, въ которомъ обвиняется, или совершилъ его не по испорченности. Фикція эта бо́льшею частію и совпадаетъ съ дѣйствительностью. Потому что и въ самомъ дѣлѣ въ дѣйствительности большая часть преступленій совершается не вслѣдствіе испорченности, а вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, и преступники имѣютъ общественное мнѣніе на своей сторонѣ. Но вотъ является преступникъ, противъ котораго сильно возбуждено общественное мнѣніе и требуетъ, чтобы преступникъ былъ наказанъ. Адвокатъ, въ наивности, или правильнѣе сказать, въ невѣжествѣ своемъ, не подозрѣвающій, что онъ — представитель общественнаго мнѣнія, вмѣсто того, чтобы со всѣмъ вниманіемъ вникнуть въ это требованіе, изслѣдовать факты, на которыхъ оно основывается, съ удивленіемъ спрашиваетъ: да какое же мнѣ дѣло до общественнаго мнѣнія? Я вижу, что могу доказать недостаточность уликъ противъ обвиняемаго; этого для меня довольно, чтобы я по совѣсти могъ взять на себя защиту. Нѣтъ, не довольно. Взять защиту по совѣсти значитъ взять ее съ убѣжденіемъ, что вы защищаете человѣка безвреднаго для общества. Разъ въ васъ этого убѣжденія нѣтъ или есть даже противное убѣжденіе, вы злоупотребляете слабостію формальныхъ доказательствъ во вредъ обществу. На такой шагъ можетъ рѣшиться только адвокатъ или прямо безчестный, смотрящій на свою профессію, какъ на ремесло, или потерявшій живое чувство дѣйствительности, который все дѣло полагаетъ въ исполненіи формальныхъ требованій правосудія, не заботясь о томъ: гарантируются ли этимъ формализмомъ цѣли правосудія въ обществѣ. Впасть въ такой формализмъ адвокату, при извѣстной обстановкѣ, очень не трудно. Живетъ, напримѣръ, адвокатъ въ Петербургѣ, гдѣ полиція солидная, устройство и охраненіе домовъ благонадежныя, воровство и убійство—явленіе рѣдкое, а для лицъ болѣе или менѣе состоятельныхъ почти немыслимое; живетъ адвокатъ въ довольствѣ и независимости, не только не терпитъ ни отъ кого притѣсненій, но самъ оныя учинять другимъ, если есть охота, можетъ. Натурально, что при такой обстановкѣ

всѣ страданія людей отъ воровства, убійства, притѣсненій онъ понимаетъ *головнымъ* образомъ. Это не то, что быть вблизи всего этого и самому непосредственно получать впечатлѣніе отъ людей, пострадавшихъ отъ тѣхъ или другихъ преступленій. И вотъ предстаетъ передъ такимъ адвокатомъ крупный воръ, съ хорошими деньгами, предлагаетъ адвокату лакомый кусокъ за свою защиту. Адвокатъ разсматриваетъ дѣло: улики не особенно важныя,—разбить ихъ не особенно трудно,—а освободить человѣка отъ наказанія даже гуманно. Адвокату формалисту и на мысль не придетъ спросить себя: да не выпускаю ли я тигра изъ клѣтки? У него въ виду одно: слабая сторона уликъ. Представимъ себѣ теперь, что этотъ самый адвокатъ живетъ въ томъ небольшомъ городкѣ, гдѣ живетъ и этотъ воръ, или дѣйствуетъ въ той же самой сферѣ дѣятельности, гдѣ дѣйствуетъ этотъ воръ,—тогда онъ запоетъ совсѣмъ другую пѣсню. Еслибы дѣятельность этого вора и не коснулась его непосредственно тѣмъ или другимъ способомъ, онъ все-таки видѣлъ бы кругомъ себя, какое множество семействъ раззорено воромъ, сколько тысячъ людей пущено по міру, перестрадало въ казематахъ, окончательно погибло. Тогда онъ и на неважныя улики взглянулъ бы совсѣмъ другимъ образомъ. Еслибы онъ и не взялся самъ доказывать ихъ важность и достаточность для обвиненія, то ужъ никакъ не рѣшился бы взять на себя защиту обвиняемаго и былъ бы внутренно радъ, еслибы судъ и по неважнымъ и недостаточнымъ уликамъ положилъ конецъ производимымъ имъ раззореніямъ. Вотъ что значитъ разсматривать дѣло преступника по однимъ формальнымъ доказательствамъ или по собственнымъ впечатлѣніямъ или впечатлѣніямъ людей той среды, гдѣ онъ дѣйствуетъ, выражающимся обыкновенно въ общественномъ о немъ мнѣніи. Говорятъ, общественное мнѣніе бываетъ очень нерѣдко невѣжественно, несправедливо, поддѣльно. Все это совершенно справедливо. Но это только показываетъ, что общественное мнѣніе, какъ и всякое другое мнѣніе, какъ всякій даже актъ, требуетъ критическаго разсмотрѣнія и повѣрки. Дѣло адвоката—изслѣдовать тѣ факты, на которыхъ держится общественное мнѣніе, и оцѣнить, насколько они достойны уваженія. Только послѣ такой оцѣнки адвокатъ можетъ опредѣлить для себя, безвреденъ ли обвиняемый для общества или нѣтъ, и тогда только можетъ по совѣсти взять на себя его защиту. Адвокатъ же, довольствующійся одними формальными доказательствами и игнорирующій общественное мнѣніе, не смотря на противорѣчія послѣдняго съ формальными доказательствами, дѣйствуетъ не только не по совѣсти, а прямо противъ совѣсти и даже, если угодно, просто безъ совѣсти. Оттого адвокатская совѣсть начинаетъ въ притчу входить. Стоитъ предложить адвокату 10, 15, 20 тысячъ, и онъ возьмется за защиту кого угодно, не справившись даже съ формальною стороною дѣла, и будетъ на всѣхъ перекресткахъ кричать, что онъ *убѣжденъ*, что по долгу совѣсти не можетъ даже не взять дѣла. Такихъ *убѣжденныхъ* и чувствующихъ *долгъ совѣсти* теперь въ вашемъ адвокатскомъ сословіи найдется очень много. Однако, я замучилъ тебя своею рацеею, и, конечно, безъ всякой нужды. Ты еще очень молодъ, и большіе куши тебѣ будутъ еще предлагать не скоро».

Вышелъ я отъ племянника, иду себѣ и думаю: плохъ парень, натура слабая, податливая, пойдетъ на какой угодно пирогъ *по совѣсти*, только пригласи. Припомнилась мнѣ при этомъ жалоба одного мужика на современное молодое поколѣніе между крестьянами, что очень оно некрѣпко стало—деньгу очень любитъ и мытаритъ ее. Тѣже самыя качества усматриваются въ молодомъ поколѣніи привилегированнаго общества. Видѣлъ я недавно инженера, молодого человѣка, лѣтъ 23, былъ начальникомъ дистанціи на какой-то желѣзной дорогѣ, получалъ 5,000 рублей въ годъ, на всемъ готовомъ,—пошелъ въ строители дороги, не говоритъ, что для денегъ, а *по совѣсти*, говоритъ, поучиться хочется. Адвокатъ, едва соскочитъ съ школьной скамьи, начинаетъ такъ лупить съ кого ни попало, что Боже упаси, — и опять таки *по совѣсти*. Такихъ молодыхъ дѣятелей *по совѣсти* въ разныхъ акціонерныхъ и неакціонерныхъ обществахъ, промышленныхъ, банковыхъ, желѣзнодорожныхъ и т. д., канцеляріяхъ министерствъ, вообще правительственныхъ учрежденіяхъ, высшихъ и среднихъ, и не перечтешь. Откуда эти лица берутся, ума не приложишь. Вся нынѣшняя молодежь, включительно до 40 лѣтъ, воспиталась въ либеральныхъ идеяхъ, въ сочувствіи къ мужичку, была во время оно очень прогрессивна и титуловалась названіемъ людей новыхъ. Куда все это дѣвалось! Господи! — не ты ли сѣялъ сію пшеницу?—Откуда же явились плевелы?—Но не одна жадность къ деньгамъ, удовлетворяемая всевозможными способами, и все *по совѣсти*, характеризуетъ новое племя. Еще болѣе бросается въ глаза отсутствіе всякихъ дѣльныхъ стремленій, отсутствіе какихъ бы то ни было благородныхъ пассій къ тѣмъ или другимъ серьезнымъ занятіямъ; вся цѣль жизни сосредоточена на томъ, чтобы, набравъ побольше денегъ, поѣсть, попить, пожить въ сласть и въ волю. Деньгами опредѣляется достоинство профессій, деньгами опредѣляется достоинство людей, деньгами же опредѣляется достоинство наслажденій. Возьмите нашихъ адвокатовъ: все это—люди по происхожденію не изъ какихъ-нибудь знатныхъ родовъ, а изъ породы злыдней — дѣти бѣдныхъ или средняго состоянія помѣщиковъ, чиновниковъ, семинаристы и т. п., которые не могли быть особенно избалованы въ молодости и которые оставались болѣе или менѣе злыднями вплоть до вступленія въ адвокатское званіе. Замѣтимъ при этомъ, что все это—люди образованные, кончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ

заведеніяхъ, сами пробившіе себѣ дорогу, люди труда. Казалось, всѣ антецеденты были для того, чтобы ожидать, что эти люди, когда потечетъ къ нимъ избытокъ презрѣннаго металла, съумѣютъ дать ему, если не высокое, то благоразумное употребленіе, что они покажутъ нашимъ богачамъ, которые, со временъ Екатерины вплоть до настоящаго времени, не умѣютъ найти никакого другого употребленія для своихъ милліардовъ, кромѣ обжорства, пьянства, волокитства, какъ умные люди распоряжаются своими деньгами. Ничего, однакожъ, этого не случилось. Напротивъ, новые люди большею частію, какъ только получаютъ малѣйшую возможность, отправляются на тотъ же путь, который проторенъ россіянами со времени Екатерины. Этого мало: новые люди идутъ гораздо далѣе даже старыхъ—не по размѣрамъ, конечно, тратъ, этого они не могутъ, нѣтъ столько денегъ,—но изысканностію и широтою своихъ вожделѣній. Они готовы были бы съѣсть и выпить все, что есть наилучшаго въ мірѣ, быть обладателями всѣхъ прекрасныхъ и милыхъ созданій, но они не могутъ. Удивительно, какъ быстро спадаетъ у насъ съ людей позолота образованія, даже добытая не какимъ-нибудь новымъ легкимъ гальваническимъ способомъ, быстро, говорятъ, стирающимся, а стариннымъ, черезъ огонь разнаго рода лишеній и чуть не нищеты. Какъ только молодой бѣдный человѣкъ начинаетъ богатѣть, такъ немедленно у него исчезаютъ изъ головы идеалы Шиллера и даже гораздо грандіознѣйшіе, чѣмъ Шиллера, и на мѣсто ихъ являются желаннѣйшіе и удобные для осуществленія идеалы прежнихъ гусаръ и ремонтеровъ, только въ нѣсколько исправленномъ изданіи новаго времени. — Ничего, вѣдь, нѣтъ подобнаго въ Европѣ, да не только въ Европѣ а даже у насъ подъ носомъ, въ одной изъ областей Россіи, конечно, сложившейся по европейски, мы разумѣемъ Финляндію. Несомнѣнно, что шелопаи вездѣ есть. Но въ общемъ тамъ фундаментъ образованія закладывается въ человѣвѣ гораздо прочнѣе, чѣмъ у насъ. Тамъ трудно человѣка трудового, получившаго высшее образованіе, сбить съ дороги и превратить въ шелопая. У насъ нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать это. Повидимому, даже и дѣлать ничего не нужно. Точно, какъ будто большая часть получающихъ высшее образованіе потому и хлопочетъ объ этомъ, чтобы легче попасть въ шелопаи. Такая разность моральной стойкости лицъ, получающихъ одинаковое образованіе, зависитъ, мы думаемъ, отъ различія почвы, лежащей въ основѣ нашего и европейскихъ обществъ. Во главѣ привилегированныхъ европейскихъ обществъ стоитъ буржуазія, которая даетъ имъ тонъ и направленіе. О буржуазіи мы не должны судить по ея развращеннымъ верхамъ. Верхи эти—не болѣе, какъ наносный слой. Подъ этимъ наноснымъ слоемъ буржуазіи есть грунтовой слой ея, совершенно другого характера, сохранившій всѣ лучшія качества той древней буржуазіи, которая разрушила феодальный строй и построила новый на другихъ началахъ. Та же энергія, трудолюбіе, неусыпная дѣятельность, любовь къ знанію, бережливость, которыя украшали буржуазію древнюю, отличаютъ и тотъ современный слой ея, о которомъ мы говоримъ. Въ немъ-то и заключается секретъ той силы, которою буржуазія доселѣ владѣетъ, несмотря на всѣ постигающія ее невзгоды. У насъ такой буржуазіи нѣтъ. Во главѣ русскаго привилегированнаго общества стояло всегда дворянство. Наша буржуазія, то-есть купечество, составившее новый элементъ въ привилегированномъ классѣ, выходила изъ дворовыхъ или крѣпостныхъ крестьянъ разнаго наименованія, была вообще невѣжественна, пріобрѣтала богатство не знаніемъ и честностію, а эксплуатаціей мелкихъ промышленниковъ всегда изъ своего же брата крестьянъ, не пренебрегая обыкновенно даже грубымъ обманомъ, какъ обмѣромъ, обвѣсомъ и т. п. Само собою разумѣется, что она неспособна была дать обществу какой нибудь новый, самобытный, лучшій образъ жизни. Для бывшихъ дворовыхъ и крѣпостныхъ жизнь барская, то-есть препровожденіе времени въ ничегонедѣланіи и наслажденіяхъ, оставалась идеаломъ, выше котораго они не могли себѣ представить, и, въ самомъ дѣлѣ, даже такой убогій идеалъ былъ для нихъ недостижимъ, потому что, будучи необразовано, купечество не умѣло дать комфортную и изящную обстановку пустой и ничтожной жизни, утопало въ грубыхъ удовольствіяхъ и разгулѣ, жило въ обиліи посреди грязи и нечистоты. Такимъ образомъ, въ направленіи, характерѣ, привычкахъ жизни привилегированнаго общества не произошло никакихъ перемѣнъ. Обстановка жизни сдѣлалась, конечно, утонченнѣе и изящнѣе, но существо и смыслъ ея остаются прежніе: то-есть, принадлежать къ лучшему привилегированному обществу, все равно попрежнему, значитъ быть бариномъ, ничего не дѣлать и жить въ свое удовольствіе. Изъ какихъ бы бѣдныхъ слоевъ и состояній ни проникалъ человѣкъ въ это общество, съ какимъ бы трудомъ и лишеніями онъ ни попадалъ сюда, но разъ онъ попалъ сюда, разъ онъ настолько разбогатѣлъ, что можетъ не отставать отъ условій лучшаго привилегированнаго общества, онъ забываетъ свою прежнюю бѣдность, тяжелые труды и лишенія, забываетъ всѣ злострадания меньшихъ братьевъ, черезъ которыя онъ прошелъ, дѣлается такимъ же бариномъ, какъ и урожденные баре, ничего не дѣлаетъ и жируетъ во всѣ лопатки. Вы не узнаете болѣе ни сына бѣднаго помѣщика, ни чиновника, ни купца, ни крестьянина, ни семинариста—во всѣхъ видите одно стремленіе и цѣль сдѣлаться широкой натурой, русскимъ бариномъ. Замѣчательно, что широту русскихъ натуръ принимаютъ даже разбогатѣвшія инородческія племена, населяющія Россію, какъ-то: татары, евреи и т. п. Одинъ мой знакомый разсказывалъ мнѣ, что, назадъ тому 7 или

8 лѣтъ, онъ зналъ одного еврея, который былъ бѣденъ до нищеты, чуть не умиралъ съ голоду. Фортуна смилостивилась надъ этимъ несчастнымъ и посѣтила его. Теперь онъ занимаетъ цѣлый бель-этажъ на одной изъ блестящихъ петербургскихъ улицъ. Мёблировка и вообще убранство комнатъ поражаютъ своимъ великолѣпіемъ, изяществомъ и блескомъ. Мой знакомый, попавъ случайно къ этому баловню фортуны, былъ пораженъ этимъ чуднымъ превращеніемъ, напоминающимъ сказки изъ тысячи одной ночи. Но всего болѣе изумила его метаморфоза, совершившаяся съ хозяиномъ. Вмѣсто бѣднаго, скромнаго, конфузливаго, даже запуганнаго еврейчика, проживавшаго по чердакамъ, всегда немножко засаленнаго, онъ увидѣлъ въ роскошнѣйшемъ кабинетѣ развалившуюся въ креслѣ, въ атласномъ халатѣ, фигуру, корчащую важнаго барина, передъ которымъ стояла на серебрянномъ подносѣ бутылка шампанскаго. «Ахъ извините меня, пожалуйста, началъ еврейчикъ:—что вы застаете меня за бутылкой. Я такъ привыкъ освѣжаться въ эти часы шампанскимъ, что не могу обойтись безъ него. Теперь я немножко боленъ, но докторъ былъ такъ добръ, что снисходительно отнесся къ моей привычкѣ и позволилъ мнѣ употреблять его и во время болѣзни»...

Бываетъ забавно и жалко смотрѣть на богатѣющаго бурбона во время его перерожденія въ жизнь высшую. Зрѣлище точно такое же, какъ если бы вдругъ передъ вами явился человѣкъ, который сталъ бы увѣрять васъ, что болѣзнь лучше здоровья, безобразіе лучше красоты, и нарочно сталъ бы прикидываться больнымъ и даже пріобрѣтать маленькія болѣзни, чтобъ быть интереснымъ, раскрашивалъ бы свое лице и т. п. То же самое происходитъ и тутъ. Представьте себѣ, что передъ вами предстаетъ человѣкъ, который держитъ къ вамъ такую рѣчь: «вы вѣдь знали меня прежде—знали, что я велъ жизнь умѣренную и простую, а теперь — порадуйтесь! я сталъ обжорой, да еще какимъ — самымъ утонченнымъ, и простой пищи совсѣмъ не могу употреблять; прежде я могъ ничего не пить или довольствоваться рюмкой водки, стаканомъ дешеваго вина, теперь я безъ самыхъ тонкихъ и высокихъ винъ жить не могу,—прежде я любилъ чистоту,—но что это была за чистота? я могъ, положимъ, въ случаѣ необходимости, извѣстное время пробыть и въ непріятной крестьянской избѣ, тѣмъ болѣе ѣхать вмѣстѣ съ мужиками или быть въ ихъ собраніяхъ на открытомъ воздухѣ, теперь я не могу этого—не могу быть не только въ жилищахъ мужиковъ и ихъ собраніяхъ, но и приближаться къ нимъ на близкое разстояніе; нервы мои раздражаются отъ ихъ грязнаго вида и отъ запаха, который они издаютъ; прежде все, что мнѣ нужно было около себя и что я могъ, я дѣлалъ самъ, теперь не могу даже нагнуться, чтобы поднять упавшій платокъ съ полу или встать налить себѣ стаканъ воды: все дѣлаютъ лакеи; прежде я не зналъ ни распутства, ни кутежей, ни мотовства,—теперь я этимъ только и живу. Какіе, братецъ, у меня рысаки! Какихъ двухъ француженокъ содержу — пальцы оближешь! Кутимъ на пропалую! Объ обстановкѣ и говорить нечего: отдѣлка одного кабинета стоитъ 20 тысячъ. Свой зимній садъ завелъ; въ немъ, когда найдетъ на меня демократическое настроеніе, я играю въ чехарду съ моими друзьями». Слыша такія рѣчи отъ человѣка, котораго вы прежде знали за человѣка образованнаго и порядочнаго, вы подумали бы, что этотъ человѣкъ, по какому-нибудь несчастному случаю, или рехнулся, или впалъ въ идіотизмъ. Ничуть не бывало. Передъ вами просто разбогатѣвшій образованный бурбонъ, съ наслажденіемъ перерождающійся изъ порядочнаго человѣка въ шелопая. И замѣтьте, что вы находитесь только еще при началѣ этого перерожденія. Что будетъ дальше, и какъ это все далеко пойдетъ, вы никогда предугадать не можете. Одно изъ замѣчательныхъ и курьезныхъ свойствъ человѣческихъ мозговъ, необъясненное доселѣ физіологіею, состоитъ въ томъ, что чѣмъ человѣкъ становится, скажемъ, блажнѣе или, какъ бы сказалъ англичанинъ — эксцентричнѣе, тѣмъ онъ считаетъ себя умнѣе, тѣмъ онъ дѣлается самоувѣреннѣе и развязнѣе въ своихъ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Обыкновенно думаютъ, что логическая мысль безгранична въ своемъ развитіи, блажь же или эксцентричность ограничена. Въ дѣйствительности бываетъ совсѣмъ наоборотъ. Надобно, повидимому, согласиться, не помню, съ какимъ-то ученымъ, который доказывалъ, что процессъ человѣческаго мышленія есть не что иное, какъ процессъ непрерывной галлюцинаціи. Логическая мысль есть не болѣе, какъ задержанная и подчиненная извѣстнымъ законамъ галлюцинація; слѣдовательно, логическая мысль представляетъ собой предѣлъ галлюцинаціи, перерывъ ея безпредѣльности. И, слѣдовательно, безгранична не логическая мысль, а блажь или эксцентричность, свободная, носящаяся всюду на крыльяхъ ничѣмъ неограничиваемой въ своемъ полетѣ галлюцинаціи.

Людей блажныхъ англичане называютъ эксцентриками, у насъ ихъ прежде называли чудаками. Наши чудаки прежняго времени представляли смѣсь самодуровъ и шутовъ самаго пошлаго характера; величайшее удовольствіе ихъ состояло въ томъ, чтобы издѣваться самымъ нахальныхъ и злостнымъ образомъ надъ людьми бѣдными, невѣжественными, что называется, Богомъ убитыми. Замѣчательнѣйшимъ изъ такихъ шутовъ-самодуровъ былъ извѣстный Прокопій Акиндіевичъ Демидовъ. Вся жизнь этого человѣка была наполнена дурачествами самаго скандальнаго и возмутительнаго характера. «Онъ вызывалъ, напримѣръ, охотниковъ за нѣсколько тысячъ рублей пролежать у него въ домѣ на спинѣ цѣлый годъ, не вставая съ кровати; заключившіе это условіе и неимѣвшіе силы его исполнить *подвергались тѣлесному*

наказанію (!?). Такъ же поступалъ Демидовъ только за меньшую плату съ тѣми, которые вызывались пробыть противъ него цѣлый часъ, не мигнувъ ни разу, между тѣмъ, какъ онъ будетъ безпрестанно махать пальцами у самыхъ глазъ ихъ... Однажды, послалъ онъ своему зятю свинью съ мѣшкомъ, наполненнымъ червонцами, и приказалъ ее угощать какъ бы самого себя». Но если такіе шуты-самодуры, какъ Демидовъ, невольно обращаютъ на себя вниманіе каждаго здороваго человѣка своимъ уродствомъ, то еще болѣе бросается въ глаза низкій нравственный уровень того образованнаго общества, которое не только не выгоняло изъ своей среды такихъ безобразниковъ, но даже преклонялось передъ ними и смотрѣло на нихъ нѣкоторымъ образомъ, какъ на благодѣтелей человѣчества, потому только... что этимъ безобразникамъ приходила иногда блажь изъ своихъ безмѣрныхъ капиталовъ бросать нѣсколько десятковъ или сотенъ тысячъ рублей на какое-нибудь полезное дѣло!? Точно ихъ личный трудъ что-нибудь значилъ въ созданіи ихъ колоссальныхъ богатствъ; предполагая даже, что эти богатства собраны честнымъ образомъ, точно сами они могли бы создать даже одну милліонную часть своихъ богатствъ безъ общественнаго труда, правильно организованнаго и содержимаго! Въ существѣ дѣла, не составляетъ ли прямой долгъ каждаго честнаго человѣка съ колоссальнымъ состояніемъ не то, что бросать время отъ времени ничтожныя подачки, а удѣлять постоянно добрую часть своихъ богатствъ на полезныя общественныя дѣла! И человѣкъ съ такимъ состояніемъ, когда онъ, бросая время отъ времени ничтожныя подачки обществу, смотритъ и на эти подачки, какъ на какой-то подвигъ великодушія, и требуетъ за это почета отъ общества, не изображаетъ ли собой ту свинью съ мѣшкомъ, наполненнымъ червонцами, которую Демидовъ послалъ вмѣсто себя для чествованія къ своему зятю, а общество, преклоняющееся передъ такимъ безобразникомъ и почитающее его благодѣтелемъ человѣчества, не представляетъ ли вмѣсто людей собранія двуногихъ, у которыхъ, какъ у зятя Демидова, нѣтъ ни капли человѣческаго смысла, ни уваженія своего человѣческаго достоинства.

Въ наше время моральный уровень общества значительно повысился противу прежняго. Самодуры-шуты, по крайней мѣрѣ, крупныхъ, въ родѣ Демидова, размѣровъ, сдѣлались невозможны въ качествѣ общественныхъ дѣятелей и благодѣтелей человѣчества. Нынѣ чудачества и развязность людей съ большими богатствами являются съ другимъ пошибомъ, въ формахъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ вѣяніямъ нынѣшняго времени.

Какъ на образецъ людей нашего времени въ этомъ родѣ, мы можемъ указать на украшающаго современную Ниццу нашего соотечественника г. фонъ-Дервиза. Читатель, можетъ быть, удивится, прочитавъ это неизвѣстное ему имя, и спроситъ: «да кто же такой этотъ фонъ-Дервизъ?» — Какъ! возможно ли это, читатель! Вы, который знаете имена не только всѣхъ славныхъ, но и всѣхъ сколько-нибудь выдающихся дѣятелей послѣдняго времени, начиная отъ незабвеннаго Льва Камбека, издававшаго журналъ *Ерунду*, по убѣжденію въ необходимости такого изданія для Россіи, до г. Бланка, серьезно доказывавшаго въ обществѣ петербургскихъ сельскихъ хозяевъ, что у крестьянъ болѣе праздниковъ, чѣмъ дней въ году, — вы не знаете г. фонъ-Дервиза, нѣкоторымъ образомъ спасителя Россіи! Да, повторяю смѣло, спасителя Россіи. Такъ изображаютъ его не какіе-нибудь разбойники пера и мошенники печати, а редакторы «Московскихъ Вѣдомостей». «Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, говорятъ они, постройка желѣзныхъ дорогъ у насъ подверглась тяжкому кризису, и *лишь* блистательный успѣхъ г. фонъ-Дервиза вывелъ и двинулъ дѣло, которое съ тѣхъ поръ получило такое обширное развитіе». Замѣтьте, читатель, это многознаменательное *лишь*: оно поставлено именно на тотъ конецъ, чтобы напомнить вамъ, что, не будь фонъ-Дервиза — Россія погибла бы или, что въ наше время еще, пожалуй, хуже, влачилась бы до сихъ поръ на перекладныхъ и на долгихъ (чего Боже сохрани!) по своимъ безконечнымъ пространствамъ. Мнѣніе, которое высказываютъ «Московскія Вѣдомости», стоитъ какъ разъ въ разрѣзъ съ тѣмъ мудрымъ изреченіемъ одного изъ нашихъ доморощенныхъ философовъ — не помню, Кузьмы Пруткова, или другого, которое гласитъ слѣдующее: «если душу твою обуреваетъ самомнѣніе, воздымаетъ надмѣніе, и думаешь ты о себѣ, что ты—великій человѣкъ и міру не обойтись безъ тебя, то возьми ты стаканъ, наполненный водою, и воткни туда свой палецъ. Когда ты вынешь палецъ, ты увидишь, что мѣсто, гдѣ онъ былъ, не останется свободнымъ ни на одно мгновеніе. То же самое разумѣвай и о всякомъ великомъ человѣкѣ въ мірѣ и смирись». Но на сей разъ мы готовы усомниться скорѣе въ мудрости философскаго изреченія, чѣмъ въ мудрости «Московскихъ Вѣдомостей» и, потому крѣпко стоимъ на томъ, что не будь фонъ-Дервиза, судьба Россіи относительно желѣзнодорожнаго дѣла была бы рѣшена — Россія погибла бы, и вотъ почему. Россія находилась въ страшномъ желѣзнодорожномъ кризисѣ. У всѣхъ въ это время опустились руки: никто не зналъ, что начать. Притекла было на помощь Европа въ лицѣ двухъ богатѣйшихъ своихъ державъ: Франціи и Англіи. Но французское главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1860 году лопнуло, а въ 1863 году лопнуло и англійское общество, взявшееся за постройку Севастопольской желѣзной дороги. Русское московско-саратовское общество въ виду иностранныхъ также собиралось лопнуть, по крайней мѣрѣ, едва влачило свое существованіе, и то потому только, что надъ нимъ бодрствовалъ неусыпный фонъ-Дервизъ. «Московско-

саратовское общество—говорятъ «Московскія Вѣдомости» — считало себя въ невозможности не только довести дорогу до Саратова, но затруднялось даже продолжать ее отъ Коломны до Рязани. *Лишь* (опять *лишь!*) благодаря дѣятельности г. фонъ-Дервиза, бывшаго тогда членомъ правленія дороги, работы на этомъ участкѣ открылись весною 1863 года и черезъ годъ съ небольшимъ были кончены». И такъ... но теперь слѣдуетъ описаніе подвига, который не только я не съумѣю передать въ такихъ блестящихъ и смѣлыхъ краскахъ, въ какихъ передаютъ его «Московскія Вѣдомости», но который, пожалуй, совсѣмъ исчезнетъ въ моемъ изображеніи и превратится чортъ знаетъ во что; потому, пусть повѣствуютъ сами «Московскія Вѣдомости».

«Итакъ—говорятъ онѣ—французы срѣзались, англичане спасовали: русскимъ ли было браться за незнакомое дѣло, на которомъ до тѣхъ поръ акціонеры только раззорялись? Повидимому, была потеряна всякая надежда на развитіе частной предпріимчивости для постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Въ эту же несчастную зиму 1864—1865 годовъ вызвался г. фонъ-Дервизъ построить Рязанско-Козловскую дорогу. Вѣрнымъ взглядомъ онъ опредѣлилъ заранѣе условія своего успѣха; онъ отказался отъ того, что было сомнительно; длинной линіи отъ Рязани до Саратова онъ предпочелъ скромную линію въ двѣсти верстъ и въ направленіи болѣе выгодномъ, какъ для строителя, такъ и для эксплуатаціи. Всѣ его разсчеты благополучно оправдались. Учрежденное имъ общество было утверждено 12-го марта 1865 г., а 5-го сентября 1866 г. вся дорога, отъ Рязани до Козлова, была открыта для движенія. Постройка дороги была оцѣнена высоко, и теперь многіе говорятъ о томъ съ завистью. Но тогда всѣ отказывались и отъ высокихъ цѣнъ, а, во-вторыхъ, высокая оцѣнка Рязанско-Козловской дороги *никому не повредила* (!!??). Эта дорога не потребовала отъ казны никакихъ субсидій или приплатъ по гарантіи. Публикѣ, кромѣ всѣхъ выгодъ желѣзнодорожнаго сообщенія, было дано нѣкоторое пониженіе тарифа. Если учредитель общества г. фонъ-Дервизъ и строитель дороги г. фонъ-Меккъ составили себѣ громадныя состоянія, то и этого слѣдовало желать въ *видахъ общей пользы* (!!??), ибо *экономическій прогрессъ Россіи* нуждался (!!??) въ очевидномъ для всѣхъ и громкомъ доказательствѣ, что русскія желѣзныя дороги могутъ строиться дешевле прежнихъ цѣнъ русскими силами. Съ тѣхъ поръ желѣзнодорожное дѣло пошло въ ходъ: являлись предприниматель за предпринимателемъ, постройка дорогъ двинулась быстро и обходилась все дешевле и дешевле. Г. фонъ-Дервизъ съ тѣхъ поръ брался за постройку лишь одной дороги Курско-Кіевской, и извѣстно, что онъ снова съ г. фонъ-Меккомъ исполнилъ это дѣло совершенно удачно; дорога построена такъ хорошо, такъ хозяйственно, что давно уже не требуетъ приплатъ отъ казны. По окончаніи постройки Курско-Кіевской дороги г. фонъ-Дервизъ сошелъ съ желѣзнодорожной сцены» («Моск. Вѣд.» № 61).

Читатель, который вникнетъ въ приведенную нами тираду, навѣрное, какъ и мы, будетъ поставленъ въ нѣкоторое недоумѣніе: какъ ему отнестись къ подвигу фонъ-Дервиза и чему тутъ слѣдуетъ болѣе удивляться — подвигу ли фонъ-Дервиза или развязности редактора «Московскихъ Вѣдомостей», которыя имѣютъ мужество, не краснѣя, разсказывать о такихъ подвигахъ? Что, въ самомъ дѣлѣ, великаго сдѣлалъ г. фонъ-Дервизъ по словамъ самихъ «Московскихъ Вѣдомостей»? Построилъ дорогу въ трудное для насъ время, и за это съ кого-то получилъ большой кушъ — съ казны ли, съ акціонеровъ ли «Московскія Вѣдомости» не говорятъ — но сильно поживился, такъ поживился, что у самого г. фонъ-Дервиза и у его товарища г. Мекка, отъ одной дороги въ 200 верстъ, оказались громадныя состоянія. На мой взглядъ это вовсе не подвигъ, а особаго рода поступокъ. «Московскія Вѣдомости» находятъ его не только прекраснымъ, но возводятъ на степень подвига. Потому, говорятъ, что «высокая оцѣнка Рязанско-Козловской дороги никому не повредила». Я даже не знаю, какъ и понимать эти слова. Я взялъ деньги, которыя мнѣ не принадлежали, которыя, можетъ быть, втрое, вчетверо, впятеро превосходятъ дѣйствительный эквивалентъ моего труда, — и взялъ не рубли какіе нибудь, а милліоны рублей, и я никому не повредилъ. Если такъ, то значитъ никакое переложеніе денегъ изъ чужого кармана въ свой никому не вредитъ—ни тому, изъ чьихъ кармановъ деньги берутся, ни обществу, среди котораго подобныя карманныя переложенія происходятъ. Но мало того, говорятъ «Московскія Вѣдомости», что переложеніе денегъ, совершенное г. фонъ Дервизомъ, никому не повредило, оно было даже необходимо, потому его—этого переложенія — «слѣдовало желать въ видахъ общей пользы», «ради экономическаго прогресса Россіи». Слова эти, сказанныя не какимъ нибудь вѣтрогономъ или шелопаемъ, а провозглашаемыя однимъ изъ серьёзныхъ органовъ печати, показываютъ такой упадокъ нашего моральнаго уровня, что не знаешь, чего и ожидать въ будущемъ. Я не удивлюсь, если мало по малу дѣло дойдетъ до того, что въ самыхъ блестящихъ собраніяхъ образованнаго общества о карманныхъ переложеніяхъ всякаго рода будутъ разсуждать, какъ о высокихъ подвигахъ. «Московскія Вѣдомости» въ болѣе, чѣмъ заурядномъ поступкѣ г. фонъ-Дервиза прославляютъ подвигъ на томъ основаніи, что, дескать, въ то время, за тѣ самыя деньги, которыя взялъ г. фонъ-Дервизъ, никто не брался строить дороги; всѣ боялись. Во первыхъ, я сильно въ этомъ сомнѣваюсь. Заглянувъ въ сборникъ свѣдѣній о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, изданный министерствомъ путей сообщенія, я нахожу, что изъ дорогъ, построенныхъ въ Россіи частными обществами, были открыты:

Риго-Динабургская. . . .	въ	1861 г.
Волго-Донская	»	1862 »
Московско-Нижегородская. .	»	1863 »
Московско-Ярославская. .	»	1863 »
Грушевско-Ростовская . .	»	1863 »
Лодзьско-фабричная . . .	»	1863 »
Рязанско-Козловская. . .	»	1866 »
Динабургско-Витебская. .	»	1866 »

Изъ этого перечня времени открытія желѣзныхъ дорогъ видно, что послѣ несостоятельности какъ французскаго главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, такъ и англійскаго, кромѣ фонъ-Дервиза были люди, которые не боялись продолжать постройки желѣзныхъ дорогъ. Вмѣстѣ съ дорогою Рязанско-Козловскою открыта дорога Лодзьско-фабричная и Динабургско-Витебская. Но, и кромѣ этихъ строителей, несмотря на кризисъ, вѣроятно, много можно было бы найти охотниковъ, которые бы съ удовольствіемъ взялись строить дороги,—тѣхъ же, напримѣръ, бывшихъ винныхъ откупщиковъ, которые предлагали даже задаромъ выстроить 10,000 дорогъ въ Россіи. Но искали ли такихъ охотниковъ? Предположимъ, однакожъ, вмѣстѣ съ «Московскими Вѣдомостями», что г. фонъ-Дервизъ былъ единственный въ Россіи человѣкъ, который могъ взяться за постройку дороги и которому можно было поручить эту постройку. Слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ имѣлъ право по совѣсти брать за постройку, сколько ему вздумается? Вѣдь на этомъ основаніи во время голода хлѣбный торговецъ, у котораго въ рукахъ всѣ запасы хлѣба, могъ бы по совѣсти брать за пудъ по 50 и по 100 р., вообще сколько ему вздумается, и общество, и печать такого сына отечества должны были бы восхвалять за его подвигъ спасенія Россіи отъ голодной смерти.

Кой чего въ похвальной рѣчи «Московскихъ Вѣдомостей» г. фонъ-Дервизу мы не поняли и должны были обратиться за объясненіемъ къ знакомому намъ спеціалисту по постройкѣ дорогъ, инженеру, человѣку знающему и вполнѣ честному, но человѣку веселому и любящему украшать свою рѣчь прибаутками. Сообщаемъ о послѣднемъ обстоятельствѣ потому именно, что передадимъ нашъ разговоръ съ инженеромъ буквально.

Показали мы инженеру статью «Московскихъ Вѣдомостей» о г. фонъ-Дервизѣ и спрашиваемъ его, что значатъ слѣдующія слова «Московскихъ Вѣдомостей»: г. фонъ-Дервизъ «предпочелъ скромную линію въ направленіи болѣе выгоднымъ какъ для строителя, такъ и для эксплуатаціи»—.«Что это значитъ именно тутъ, отвѣчалъ инженеръ: сказать не умѣю,—а зачастую это въ нашемъ дѣлѣ значитъ вотъ что:

Кругомъ дома я хожу,
А въ домъ все не угожу,

«Сдѣлай милость, говорю, объясни безъ притчей».—«Можно, говоритъ, и безъ притчей. И очень просто: когда тебѣ дадутъ строить желѣзную дорогу, скажемъ, отъ Москвы до Петербурга, вороти ее прямо на Новгородъ, а если есть желаніе, то и на Ильмень, говори, что это и есть прямой путь, а главное, единственно удобный, да и обойти его, дескать, никакъ нельзя по историческимъ и финансовымъ соображеніямъ, ибо Новгородъ, дескать, колыбель Россіи, потому, когда пойдетъ здѣсь дорога—выгодъ будетъ бездна; не говоря о прочемъ, сотни тысячъ народа двинутся сюда единственно для того только, чтобы взглянуть на работу Микѣшина—памятникъ тысячелѣтія Россіи. Когда этотъ проэктъ утвердятъ,—прекрасно, тогда ты заводи другую пѣсню. Дескать, что колыбель Россіи для настоящаго! Денегъ она Россіи не дастъ, а деньги Россіи нужны, да и колыбель Россіи, дескать, дѣйствительная—не Новгородъ, а Кіевъ; что касается до памятника Микѣшина, то сомнительно, чтобы много народу поѣхало его смотрѣть. Дескить, и на памятникъ Екатеринѣ въ Петербургѣ что-то мало находится охотниковъ смотрѣть. Я, конечно, предполагаю, что дѣло о дорогѣ изъ Петербурга въ Москву идетъ теперь.—Потомъ ко всему сказанному присовокупи, что ты нашелъ теперь путь лучшій и кратчайшій, и гораздо выгоднѣйшій, именно тотъ, по которому и построена настоящая дорога,—и снова проэктъ представь. Утвердятъ его, и выйдетъ самое наилюбезное дѣло. Ты будешь получать деньги по проэкту

Кругомъ дома я хожу,
А въ домъ все не угожу,

а строить дорогу—по линіи кратчайшей между двумя точками. А къ этому могутъ присоединиться разныя случайныя, пріятныя недоразумѣнія. Ты, напримѣръ, дѣлаешь расцѣнку на одинъ путь, а другіе, такъ какъ твоя дорога составляетъ продолженіе одной изъ построенныхъ уже дорогъ, имѣющей два пути, понимаютъ твою расцѣнку на два пути, и такимъ образомъ, расцѣнка составляется кругленькая. Въ послѣдствіи это недоразумѣніе, конечно, разъяснится, но когда тебѣ намекнутъ объ этомъ, то ты съ удивленными глазами и съ подобающею предупредительностью отвѣтишь, что ты радъ для отечества душу положить, и что если тебѣ сдѣлаютъ безобидную надбавку, то ты готовъ устроить и второй путь. Все это, впрочемъ, я говорю тебѣ не въ примѣненіи къ Рязанско-Козловской дорогѣ, о которой я въ этомъ отношеніи ничего не знаю, а вообще, чтобы ты зналъ, какъ надобно понимать иногда темныя фразы о пріисканіи выгоднаго направленія въ отмѣну утвержденнаго уже въ проэктѣ».

«Ну, говорю я, это твое наставленіе мнѣ вовсе не нужно. А ты мнѣ разскажи лучше вотъ что: тутъ, началъ я, указывая на «Московскія Вѣдомости», напечатано, что Рязанско-Козловская дорога ободрила частныхъ предпринимателей, послужила образцомъ для дорогъ частныхъ обществъ,

и съ того времени постройка желѣзныхъ дорогъ стала у насъ дѣлаться все дешевле и дешевле. Инженеръ захохоталъ. «Вѣрно, все вѣрно, отвѣчалъ онъ, продолжая смѣяться: — до послѣдней іоты. Дѣйствительно, послужила образцомъ, и строителей ободрила и обучила ихъ, какъ можно дешевле строить. Все вѣрно». «Чему-жъ ты смѣешься?» говорю я. «А вотъ чему смѣюсь: не написано тамъ въ газетѣ, что она послужила образцомъ для нашихъ душегубокъ и положила имъ начало, что съ того времени въ слѣдъ за открытіемъ каждой почти дороги идутъ катастрофа за катастрофой: въ семи мѣстахъ проваливаются потолки, въ пяти локомотивныхъ сараяхъ разваливаются арки, двѣ станціи тонутъ при каждомъ сильномъ дождѣ, всюду не хватаетъ балласта, щебня, путь всюду плохой; открывается движеніе, а служащему негдѣ головы приклонить; телеграфисты спятъ въ телеграфѣ, начальники станціи на диванахъ въ пассажирскихъ залахъ, машинисты на паровозахъ; начинается вой отправителей: дайте вагоны—вагоновъ не даютъ; шлются депеши: тамъ балластъ вѣтромъ выдуло (не былъ прикрытъ щебнемъ), тамъ дала осадку насыпь, тамъ вырвало трубу, тамъ развалилась мастерская, придавивъ механика и работника, тамъ налили въ бакъ воды, который для воды и сдѣланъ, и отъ этого затрещало зданіе; цѣлыя мастерскія были на подпоркахъ, лопалось по нѣскольку арокъ разомъ; паровозъ проваливается въ кочегарную яму, которая развалилась, обратившись въ кучу мусора; водопроводы не дѣйствуютъ, или выстроена, напримѣръ, платформа, чтобы на нее складывать товаръ, а она, не принявъ ни единаго фунта товара, разваливается (отъ давленія атмосферы?), наконецъ, то трещатъ, то валятся мосты: подъ Ковровымъ, подъ Словенскомъ, подъ Брянскомъ, подъ Островомъ, подъ Ряжскомъ... Гдѣ тянетъ устой въ р. Пахру, гдѣ въ Хоперъ... и все это по волѣ Божіей. Рядомъ съ этимъ такіе анекдоты: подъѣзжаютъ и спрашиваютъ: есть вода въ резервуарахъ? — «Есть,—только что накачали машиной», а тутъ же недалеко стоятъ бочки, которыми наливали воду; или идутъ смотрѣть водохранилище и водокачальную машину; пришли и приказываютъ пустить машину; завертѣлось маховое колесо, всѣ довольны,—а оказалось, что насосъ не былъ даже соединенъ съ водопріемной трубой; или смотрятъ на вагоны: «какіе у васъ прекрасные вагоны и какая удобная конструкція! Такихъ у насъ еще не бывало!» А оказывается, что вагоны взяты въ займы или напрокатъ съ другой дороги. Развѣ такія должны быть настоящія дороги?» заключилъ видимо озлобившійся инженеръ.

«Однако ты увлекаешься и забываешь,—замѣтилъ я,— что частныя дороги стоятъ въ половину и даже на двѣ трети дешевле казенныхъ. Вспомни, что верста Николаевской дороги обошлась въ 165.000».—«Зачѣмъ же ты берешь Николаевскую, которая строилась назадъ слишкомъ 25—30 лѣтъ. Ужъ если хочешь вѣрно сравнивать, такъ ближе всего брать Одесско-Балтскую или Московско-Курскую, которыя строились въ одно время съ Рязанско-Козловской и обошлись — первая около 50,000 за версту, а вторая 62,000 за версту, тогда какъ верста Рязанско-Козловской дороги обошлась въ 75,000. Но будемъ сравнивать, коли ты хочешь, и Николаевскую дорогу. Будемъ только помнить, когда она строилась. Дѣло это было тогда настолько новое, что проэктъ каждаго моста по нѣскольку разъ расчитывался и провѣрялся, тогда какъ теперь не имѣютъ вовсе привычки расчитывать мосты, а фабрикуютъ ихъ, какъ фотографическія карточки; тогда не было подготовленныхъ людей,—дѣло останавливалось за пьянствомъ слесаря, дорожнаго мастера, машиниста и т. п., а теперь даже барышни знаютъ и производятъ нивеллировку; тогда инженеры, какъ напримѣръ, Журавскій, Рехневскій, работая надъ своими мостами, придумали нѣсколько техническихъ упрощеній расчета мостовъ, испытывали матеріалы, тщательно слѣдили за сборкой; теперь одинъ старый инженеръ, не краснѣя, увѣрялъ молодого инженера, накатывавшаго желѣзный мостъ на одной дорогѣ, что прогнутся пояса и мостъ никуда не будетъ годенъ, но оказалось, что старый инженеръ не понималъ главнаго въ желѣзномъ мостѣ... Что касается до проэкта станцій, то въ замѣнъ такихъ зданій, какъ Бологое, явились станціи въ родѣ Ряжской, гдѣ на 12 квадратныхъ саженяхъ, предоставленныхъ пассажирамъ I и II классовъ, вы увидите два большихъ стола, два дивана, четыре печи, семь дверей, два окна и еще будочку для кассира. Если на Николаевской дорогѣ только одинъ большой восьмитысячный подъемъ (отъ рѣки Мсты до Веребьинской станціи) и вообще очень мало кривыхъ, то на новыхъ дорогахъ, особенно на Азовской, Граевской и др., вы можете позабыть о существованіи прямыхъ; ну, словомъ, время постройки Николаевской дороги несравненно труднѣе, а работы этой дороги невозможно и сравнивать съ новыми дорогами. Поэтому, если привести къ одному знаменателю всѣ дороги, принимая въ расчетъ глухое время постройки Николаевской дороги, и оцѣнивать всѣ сооруженія новыхъ дорогъ сравнительно съ Николаевской, то, какъ ни баснословна стоимость этой дороги, но окажется не выше дорогъ: Козловской, Моршанской, Саратовской, Орловско-Витебской, Брестской, Кіевской, Азовской и т. д. Я разумѣю *номинальную* стоимость и очень хорошо знаю, что *дѣйствительная* стоимость была далеко меньше. Эта разница между номинальной и дѣйствительной стоимостью, т. е. барышъ, дошелъ теперь до такихъ размѣровъ, о которыхъ прежде не догадывались самые смѣлые фантазёры».

— «Что-жъ ты думаешь,—спросилъ я,—лучше бы было, если бы у насъ сама казна строила дороги, а не частныя общества?»—«Думаю ли я? Не то, что думаю, а твердо убѣжденъ, что у

насъ только единственно казна и можетъ прочно и дешево строить дороги, и только съ поступленіемъ постройки дорогъ въ руки казны прекратится та деморализація, которая проникла во всѣ слои общества и въ особенности въ среду инженеровъ и которая можетъ дойти, Богъ знаетъ, до чего! Ты, конечно, знаешь, какія были вожделѣнія и привычки нашихъ старыхъ инженеровъ; тебѣ нечего объ этомъ разсказывать. Пока постройку желѣзныхъ дорогъ казна эксплуатировала сама, была надежда положить начало новой формаціи инженеровъ съ другими стремленіями и привычками. Нѣчто подобное какъ будто ужъ и начиналось. Я хорошо помню постройку Московско-Курской дороги. Въ большинствѣ случаевъ были здѣсь самыя добросовѣстныя отношенія инженеровъ къ подрядчикамъ; работы производились хорошо; нѣкоторые собраты косо посматривали на такое нововведеніе; лучшая же часть радовалась доброму почину; «наконецъ-то, говорили многіе, мы можемъ бросить старыя привычки; жалованье хорошее, работа есть», и т. п. Наша Московско-Курская дорога уже достроивалась, какъ вдругъ въ это время открывается Рязанско Козловская дорога! Всѣ мы знали, что̀ это за дорога,—между тѣмъ читаемъ и глазамъ своимъ не вѣримъ: «Московскія Вѣдомости» поютъ восторженный хвалебный гимнъ, принимавшая ее компанія ее одобриваетъ,—ты не повѣришь, какимъ это деморализующимъ вліяніемъ отразилось на насъ, строителяхъ Московско-Курской дороги. Ядро, въ которомъ было завязывались добрыя начала, немедленно распалось и исчезло. Ибо многіе, видя въ торжествѣ вновь открытой дороги торжество совершенно другихъ принциповъ, пали духомъ и свернули на старый по существу путь, но только подъ современной маской. Тотчасъ было понято, что главное дѣло—нажива, а прочее все... вздоръ, и тѣхъ же самыхъ людей, которыхъ нельзя было не уважать во время постройки Московско-Курской дороги, нельзя было узнать, когда они явились потомъ строителями на разныхъ частныхъ дорогахъ».

«Однакожъ, хороши твои инженеры! За чтожъ ты злишься послѣ этого на фонъ-Дервиза? Не онъ, такъ другой, а дѣло пошло бы все-таки своимъ обычнымъ путемъ».—«Та, та, та! Во первыхъ, объ инженерахъ ни слова. Это—народъ образованный. Онъ всю науку произошелъ, въ строительномъ искусствѣ собаку съѣлъ и всякую механику понимаетъ, какъ свои пять пальцевъ. Не можетъ же онъ хладнокровно и невозмутимо смотрѣть, какъ изъ имъ самимъ устраиваемаго корыта какіе-нибудь, съ позволенія сказать, мужики будутъ ѣсть сочные куски и разные деликатесы, а онъ добровольно будетъ морить себя голодомъ: сидѣть у лакомаго стола и облизываться—это даже неприлично»...—«Однако ты сидишь же и облизываешься?» замѣтилъ я.—«Да, я что̀! отвѣчалъ инженеръ; я не на свое мѣсто попалъ. Мнѣ слѣдовало быть гдѣ-нибудь по судебному вѣдомству, или пристроиться въ сочинители передовыхъ статей, или даже уйдти въ духовное званіе. А то, братецъ, выходитъ такая исторія: разумомъ Богъ меня не обдѣлилъ, всякое строительное художество и механику я вижу насквозь, сдѣлать я ничего не могу, а между тѣмъ эта гнусность, которую ежеминутно созерцаю, терзаетъ меня и злитъ... Впрочемъ, напрасно ты думаешь, что я особенно золъ на фонъ-Дервиза. Мнѣ онъ все равно, что и гг. Поляковъ, Варшавскій, Меккъ, Губонинъ и tutti quanti; если хочешь знать, онъ до сихъ поръ былъ на мой взглядъ даже лучше другихъ, потому ухватилъ—и съ глазъ долой, удалился съ ухваченнымъ подъ сводъ неба голубой наслаждаться

... какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное.

А читалъ ты недавно въ газетахъ, какъ у Губонина на Севастопольской дорогѣ туннель-то сконфузился. На шесть мѣсяцевъ, дескать, остановится движеніе поѣздовъ между Севастополемъ и Симферополемъ. А давно ли открыта Севастопольская дорога?

— «Но скажи, пожалуста,—началъ я:—какимъ образомъ это можетъ быть? Вѣдь прежде, чѣмъ откроется движеніе на вновь построенной дорогѣ, ее сначала, конечно, свидѣтельствуютъ».—«Конечно, свидѣтельствуютъ. Но, во первыхъ

Что милѣе можетъ быть
Какъ въ инспекціи служить.
Гуляй, милый, гуляй, и т. д.».

«Пожалуста, не говори со мной притчами и куплетами, говори дѣло».—«Да, я тебѣ дѣло и говорю. Я не знаю, кто открывалъ Севастопольскую дорогу. Но я зналъ такихъ открывателей, которые не имѣли ни малѣйшаго понятія о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, которые обучались еще въ то время, когда вся наука о желѣзныхъ дорогахъ у насъ, по крайней мѣрѣ, преподавалась такъ, что легко умѣстилась бы въ размѣрахъ того фѣльетона, который ты ежемѣсячно пишешь. Что̀ можетъ усмотрѣть такой открыватель, если бы и хотѣлъ?—Это—разъ. А во-вторыхъ, ради скорѣйшаго открытія движенія всѣ вновь построенныя дороги принимаются полуготовыми, такъ сказать, вчернѣ. А въ третьихъ... ты какъ думаешь: сколько нужно времени, чтобы осмотрѣть постройку дороги, какъ слѣдуетъ. За этимъ на дорогѣ въ какихъ-нибудь 200 верстъ надо провозиться, пожалуй, не менѣе мѣсяца. А между тѣмъ вошло въ обычай на пріемъ новопостроенныхъ дорогъ смотрѣть, какъ на торжество, какъ на праздникъ, а не какъ на долгъ службы, соединенный съ отвѣтственностію. Что бы на принятой и открытой дорогѣ потомъ ни случилось, за это вѣдь никто не отвѣчаетъ. О свидѣтельствахъ вновь построенныхъ у насъ дорогъ никакъ нельзя сказать, что это свидѣтельства прочности постройки дорогъ и точнаго исполненія въ постройкѣ того, что̀ предположено

было въ проэктѣ,—это просто пріятныя прогулки, совершаемыя лицами оффиціальными или имѣющими извѣстное общественное положеніе для удостовѣренія публики въ томъ (въ чемъ, впрочемъ, и удостовѣренія не требуется), что рельсы отъ такого-то мѣста до такого-то проложены, и по нимъ проѣхать не невозможно. Болѣе изъ этихъ свидѣтельствъ ничего не выжмешь, и все это производится одинаково, какъ на одной дорогѣ, такъ и на другой, на третьей и т. д. Я знаю всѣ эти свидѣтельства, и такъ какъ ты интересуешься Рязанско-Козловской дорогой, то... хочешь? я разскажу объ ея открытіи».—«Ну, хорошо, разсказывай; только покороче».—«Вѣрь, что самъ Тацитъ, повѣствуя о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ желѣзная дорога, не былъ бы болѣе кратокъ, чѣмъ я. Итакъ... слушай: сначала вообще, какъ бываетъ при открытіи всѣхъ дорогъ... день открытія назначенъ. Пригласительные билеты разосланы; экстренный поѣздъ готовъ, вагонъ для гостей роскошнѣйшій, о самихъ гостяхъ и говорить нечего: все первый сортъ. Въ числѣ ихъ для приличія торчитъ даже представитель прессы, не то редакторъ, не то фѣльетонистъ. Отличный изысканный столъ, вино, фрукты, сигары—все это, конечно, первый сортъ и наилучшаго качества, объ этомъ и говорить нечего. «Станція Рязань»,—восклицаетъ громогласно кондукторъ. Вы смотрите и убѣждаетесь, что станціи собственно нѣтъ, а есть дрянненькій жилой домъ на два небольшихъ семейства, маленькая платформа, резервуаръ для воды—безъ воды (водопроводъ сдѣлали только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ открытія), жалкія мастерскія, и то неоконченныя—и все. Гдѣ же будутъ жить служащіе при станціи? спрашиваете вы.

Нашъ покровъ—небесный сводъ,
Платформа—постель.

Служащіе при дорогѣ будутъ жить въ городѣ: тутъ всего верста, отвѣчаютъ строители. «Что-жъ верста! думаете вы. Это еще не особенно далеко! Могло быть и хуже: могло быть двѣ, три версты». Стало быть, квартира есть. Ѣдемъ далѣе все въ гору, едва тащимся (спасибо, что Московско-Рязанская дорога дала воды) и наконецъ незаконно, крутымъ радіусомъ, поворачиваемъ къ станціи Сергіева. «Вода есть»? спрашиваетъ кто-то. «Вина не хотите ли?»—прислуживается сосѣдъ. «Да, нѣтъ, вода для паровоза, для поѣздовъ».—«А!.. вода... есть... но маловато... вотъ годикъ, два, Богъ дастъ, устроимъ настоящій водопроводъ... да, впрочемъ, теперь мы поѣдемъ все подъ гору». И дѣйствительно, чѣмъ ниже спускаемся, тѣмъ быстрѣе мчимся; промчались подъ трубой, которую хотѣли осмотрѣть, но утѣшены были тѣмъ, что эта труба хотя и развалилась во время постройки, но ее заново перестроили; наконецъ, передъ вами пробѣгаетъ панорама дурного балласта, мостъ безъ ледорѣза (забыли?), знаменитое рѣшето, то-есть Ряжская станція, паровозныя зданія, которыя пришлось подпереть восьмью контръ-форсами, мостъ черезъ р. Алешину, изъ котораго впослѣдствіи вынули всѣ внутренности, зашнуровали желѣзомъ, устроили въ немъ, то-есть въ мостѣ, другой мостъ для того, чтобы мостъ не трескался, идетъ все плохой балластъ, воды почти нѣтъ, станціи безъ помѣщенія для служащихъ, неправильные уклоны и, наконецъ, Козловская станція, гдѣ, говорятъ, вмѣсто сводовъ, подшита ополубка и оштукатурена. Всѣ кирпичныя работы дурны,—и странное дѣло, всѣ въ восторгѣ, всѣ довольны, всѣ хвалятъ, слышны со всѣхъ сторонъ безграмотные спичи, полные лжи, и, наконецъ, хвалебное завываніе «Московскихъ Вѣдомостей» раздается по всей Россіи. Никто не поинтересовался даже узнать: сколько было подвижного состава во время открытія дороги, а я хорошо помню, что случилось тотчасъ послѣ открытія дороги!»

«Однакожъ, ты подумай, другъ, сказалъ я,—что-жъ Московскимъ-то Вѣдомостямъ, не все ли равно: хорошо ли, дурно ли построена дорога?»—«Ну, вотъ видишь, вѣрно, не все равно. Вѣдь вотъ и въ той статьѣ, что ты теперь принесъ, на стѣну лѣзутъ, доказываютъ, что наживаться какими бы то ни было путями—дѣло хорошее. Да ты мнѣ, пожалуйста, не говори о вашемъ братѣ журналистахъ. Вы вѣдь тоже, какъ и инженеры, все образованные люди и всякую механику и строительное художество понимаете. Разница только та, что инженеры съ строителями представляютъ Ахиллесовъ, Одиссеевъ, вообще дѣятелей, а вы воспѣвателей ихъ подвиговъ, Гомеровъ. Каждый Гомеръ избираетъ своего Ахиллеса или Одиссея; одному нравится Кокоревъ, другому Губонинъ, «Московскимъ Вѣдомостямъ» по сердцу пришлись фонъ-Дервизъ съ Меккомъ. Эта газета готова за нихъ, что называется, въ огонь и въ воду. Что она соловьемъ заливается о всѣхъ дорогахъ, ими построенныхъ,—объ этомъ и говорить нечего. Но вотъ интересный фактъ. На Конотопской дорогѣ, которую строилъ также Меккъ, была занята безъ всякаго позволенія отъ Бамача до р. Десны крестьянская земля. Крестьяне принесли жалобу. Судья приговорилъ возстановить нарушенное владѣніе. Кажется, что можетъ быть резоннѣе и справедливѣе такого рѣшенія? Но «Московскія Вѣдомости» поднимаютъ крикъ. Въ двухъ №№ онѣ изливаютъ негодованіе на такое рѣшеніе, стѣсняющее г. Мекка. И вотъ, въ Борзну является на мировой съѣздъ, въ качествѣ повѣреннаго отъ Мекка, г. Андреевъ, и, прежде, чѣмъ начать рѣчь, онъ съ важностью подноситъ предсѣдателю двѣ статьи «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ въ защиту Мекка возвысилъ голосъ онъ *самъ*... Но надобно полагать, предсѣдатель былъ неробкаго десятка. Представленные №№ «Московскихъ Вѣдомостей», какъ неотносящіеся къ дѣлу, онъ возвращаетъ Андрееву. Смущенный присяжный повѣренный, неожидавшій, конечно, со стороны предсѣдателя такого смѣлаго пассажа, видимо, рас-

терялся и едва могъ пролепетать кой-что въ защиту Мекка,—и дѣло послѣдняго было проиграно».

Читателю, вѣроятно, давно уже наскучилъ нашъ разговоръ съ инженеромъ, и мы его здѣсь прервемъ, хотя еще могли бы разсказать кой что любопытное и о хозяйственной якобы постройкѣ Кіевской дороги.

Что въ разсказѣ инженера нѣтъ особенныхъ преувеличеній, въ этомъ можно убѣдиться изъ оффиціальныхъ источниковъ. Рязанско-Козловская дорога открыта 5-го сентября 1866 года, а «въ 1868 году на ней произведены были слѣдующія работы:

а) Замѣна болѣе 5,000 штукъ рельсовъ новыми.

б) Улучшеніе водоснабженія на 9-ти станціяхъ.

в) Расширеніе платформъ и другія дополнительныя постройки или перестройки на станціяхъ и на линіи.

г) Усиленіе механическихъ средствъ мастерскихъ.

д) Перестройка телеграфа, съ увеличеніемъ числа аппаратовъ.

Въ 1869 году:

а) Перемѣна рельсовъ на протяженіи 7,74 верстъ.

б) Передѣлка заново и исправленіе нѣсколькихъ мостовъ и трубъ.

в) Улучшеніе водоснабженія на трехъ станціяхъ.

г) Перемѣна 784 телеграфныхъ столбовъ и окончаніе работъ по прямымъ телеграфнымъ проводамъ на всѣ станціи» (см. Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи 1868—69 г., стр. 375).

Въ дополненіе къ этому можно прибавить изъ оффиціальнаго источника, что каждая верста дороги стоила 75,965 руб. 75 к. металлическихъ или по тогдашнему курсу 91,158 руб. 90 к. кредитныхъ,—что по «уставу допущены были слѣдующія льготы: земляное полотно и мосты шириною подъ одиночный путь,—продольные склоны въ одну сторону до 0,01,—всѣ станціонныя зданія, кромѣ паровозныхъ сараевъ, изъ дерева,—право не строить станціи въ Рязани,—и перевозка служащихъ и потребностей для работъ по Николаевской дорогѣ по значительно пониженному тарифу» (тамъ же, 1867 г., стр. 103).

Сказаннаго довольно, чтобы читатель составилъ себѣ понятіе о дѣятельности г. фонъ-Дервиза. Отбрасывая даже всѣ неблагопріятныя для г. фонъ-Дервиза подробности и предполагая, что онъ со всѣмъ усердіемъ старался исполнить дѣло, за которое онъ взялся, все-таки нельзя не придти къ заключенію, что г. фонъ-Дервизъ не сдѣлалъ ничего особеннаго, что онъ построилъ дорогу если не хуже, то и нисколько не лучше другихъ нашихъ частныхъ строителей, и однакожъ, онъ нажилъ, какъ удостовѣряютъ сами «Московскія Вѣдомости», громадное состояніе.

Познакомимся теперь съ личностію г. фонъ-Дервиза. Кто такой фонъ-Дервизъ? «Новое Время» въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ (№ 62) разсказываетъ, что г. фонъ-Дервизъ былъ маленькимъ провіантскимъ чиновникомъ, но, снявъ съ себя провіантскій мундиръ, «путемъ усиленной протекціи, успѣлъ выхлопотать себѣ мѣсто секретаря въ компаніи, собиравшейся строить Саратовскую линію». «Компанія лопаетъ, но секретарь возрождается изъ пепла и самъ становится во главѣ новой компаніи, которой поручается постройка Рязанско-Козловской дороги». И такъ, если вѣрить словамъ фѣльетониста, г. фонъ-Дервизъ ни техникъ, ни инженеръ; собственно въ постройкѣ дороги онъ также мало смыслитъ, какъ и всякій подрядчикъ неспеціалистъ. Не личные его таланты, знанія или заслуги, даже не богатство были причиною того, что онъ избранъ былъ строителемъ Рязанско-Козловской дороги. Это просто былъ, какъ удачно выразились «Биржевыя Вѣдомости» (№ 77), счастливый жребій, заслуга же г. фонъ-Дервиза состояла въ томъ, что «онъ, какъ продолжаютъ тѣ же вѣдомости, охулки на руку не положилъ. Строительная смѣта была имъ составлена такимъ образомъ, что вся дорога была построена на облигаціонный капиталъ. Всѣ акціи остались чистымъ барышомъ г. фонъ-Дервиза, а облигаціи, помѣщеніе которыхъ было предоставлено ему же, онъ, для завязанія, вѣроятно, болѣе прочныхъ связей съ банкирами, продавалъ этимъ послѣднимъ по 55 руб. за 100».

Такимъ образомъ, въ лицѣ г. фонъ-Дервиза мы видимъ ни болѣе, ни менѣе, какъ случайно разбогатѣвшаго счастливца. Съ нимъ совершается то же самое перерожденіе въ жизнь высшую, которое обыкновенно почти происходитъ съ русскими людьми при подобныхъ обстоятельствахъ, какъ это мы объяснили уже выше. Но состояніе г. фонъ-Дервиза было слишкомъ громадно, чтобы перерожденіе это могло ограничиться болѣе или менѣе общими, обыкновенными формами и размѣрами: оно принимаетъ формы и размѣры грандіозные, напоминающіе нѣсколько примѣры прошлаго времени. Изъ Россіи г. фонъ-Дервизъ удаляется въ Ниццу и сооружаетъ тамъ знаменитую виллу Розу, «превосходящую, по словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», пышностью загородные дворцы прежнихъ французскихъ королей». Обитатель этой царственной виллы «слыветъ, говоритъ «Новое Время», у одной части мѣстнаго населенія подъ именемъ русскаго князя (prince russe Dervisoff), а у другой—подъ именемъ отставного бразильскаго сенатора Derviso, натурализировавшагося въ Америкѣ испанскаго гранда». Я не рѣшаюсь передавать, что разсказываютъ очевидцы о томъ, какъ строилась эта вилла, какъ она устроена, какія въ ней внутреннія украшенія, сколько расходуется денегъ единственно на то, чтобы на виллу было всегда устремлено вниманіе всѣхъ, чтобъ она постоянно оставалась предметомъ общаго удивленія. Всѣ эти разсказы, хотя они передаются разными очевидцами, и очевидцами, достойными полнаго довѣрія, покажутся все-таки чѣмъ-то невѣроятнымъ, въ родѣ сказки изъ тысячи одной ночи. Упомяну только объ одномъ: бывшіе на вѣнской

выставкѣ говорятъ, что на самыхъ дорогихъ произведеніяхъ промышленности, предназначенныхъ для внутренняго украшенія жилищъ и привлекавшихъ къ себѣ общее вниманіе своею красотою и изяществомъ отдѣлки, красовалось имя пріобрѣвшаго ихъ фонъ-Дервиза. Всѣ эти произведенія должны были увеличить дороговизну и красу царственной виллы Розы нашего демократическаго соотечественника. Это будетъ почище, пожалуй, пресловутаго Прокопія Акинѳіевича Демидова, въ свое время удивлявшаго саксонцевъ тѣмъ, что онъ покупалъ все, что продавалось на ихъ рынкахъ, и задавалъ имъ великолѣпные пиры, и когда ему съ удивленіемъ говорили, какъ онъ можетъ это дѣлать, онъ отвѣчалъ, что у него денегъ куры не клюютъ, и что онъ не знаетъ куда ихъ дѣвать. Что тамъ такое можно было купить у саксонцевъ, да еще и въ прошломъ столѣтіи? Я полагаю, что за 50,000 талеровъ можно было скупить все, что тогда было wunderschön, fein и modern въ Дрезденѣ, а на другіе 50,000 талеровъ можно было давать саксонцамъ балы круглый годъ, считая для каждаго человѣка по три талера на балъ, что для нѣмцевъ того времени должно было казаться безумной роскошью... Ну, а вилла Роза нашего времени съ ея обстановкою, капитальною и текущею—это совсѣмъ другое... Тутъ пахнетъ уже не какими-нибудь тысячами...

Кажется, можно быть довольнымъ. По крайней мѣрѣ мы присутствуемъ при такомъ грандіозномъ перерожденіи, какое рѣдко выпадаетъ на долю урожденныхъ бѣдняковъ. Тутъ все есть: и солнце пурпурное, и море лазурное, и вилла Роза, затмѣвающая своею пышностью и блескомъ дворцы прежнихъ французскихъ королей, и изящнѣйшія произведенія современной промышленности, и милліоны для удовлетворенія какихъ угодно прихотей. И все это досталось безъ военныхъ походовъ и ранъ, безъ длинной и изнурительной служебной лямки, безъ умственнаго истощающаго труда, однимъ словомъ безъ всякаго разстройства силъ, единственно по благосклонности слѣпого случая.

Казалось бы: чего лучше?

Но здѣсь то именно и начинается новая метаморфоза, которая чуднѣе всѣхъ прежнихъ и которую я не умѣю иначе объяснить психологически, какъ безконечностію галлюцинаціи. Человѣку, не совершившему ничего великаго или, точнѣе сказать, всю жизнь занимавшемуся совершеніемъ противоположнаго всему великому, начинаетъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, казаться, что онъ—именно единственный человѣкъ въ своемъ отечествѣ, который совершилъ великое и можетъ его совершить, что онъ не понятъ своими согражданами, но что, наконецъ, положеніе дѣлъ такое, что онъ не можетъ не заявить о себѣ, что сама, такъ сказать, сила вещей вызываетъ его на спасеніе своего отечества. Сначала васъ поражаетъ это изумительное самомнѣніе; вамъ кажется невѣроятнымъ, чтобъ человѣкъ могъ доходить до такого самозабвенія: но неумолимый, неотразимый фактъ стоитъ передъ вами... сомнѣваться невозможно и вамъ не остается ничего болѣе, какъ только развести руками. Такое именно впечатлѣніе произвела на всѣхъ реклама «Московскихъ Вѣдомостей» о намѣреніи г. фонъ-Дервиза снова выступить на желѣзнодорожное поприще, начинающаяся слѣдующею величественною фразою: «Сегодня мы можемъ сообщить важную новость по желѣзнодорожному дѣлу: строитель Рязанско-Козловской желѣзной дороги П. Г. Фонъ-Дервизъ намѣревается возобновить свою дѣятельность по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи» и т. д. Прочитавъ эту фразу можно подумать, что взоры всей Россіи были до сихъ поръ обращены на Рязанско-Козловскую дорогу, что Россія не можетъ налюбоваться на этотъ перлъ созданія желѣзно-дорожнаго искусства, что она находится въ неутѣшной скорби о томъ, что подарившій ее этимъ перломъ фонъ-Дервизъ удалился отъ желѣзно-дорожной дѣятельности, и молитъ его возвратиться, но что вотъ теперь Россія можетъ снова возликовать: П. Г. Фонъ-Дервизъ, по своей безконечной добротѣ, снисходитъ къ ея мольбамъ, готовъ оставить и солнце пурпурное, и небо лазурное, и снова приступить къ желѣзно-дорожному дѣлу. Повидимому, такъ именно и чувствуетъ себя П. Г. Фонъ-Дервизъ. «Извольте, говоритъ, я готовъ строить вамъ дороги. Но какъ истинный художникъ этого дѣла, я не могу безъ *свободы;* мнѣ чтобъ *свобода* была полная! Во-первыхъ, я буду строить дорогу не иначе, какъ «по типамъ»: укажите мнѣ только типъ той изъ вашихъ душегубокъ, которая вамъ нравится, такой я вамъ и создамъ; но создамъ свободно... чтобъ мелочныхъ указаній и разрѣшеній министерства не было никакихъ; во-вторыхъ, на годъ я гарантирую вполнѣ прочность созданнаго мною типа, ну, а тамъ какъ знаете; впрочемъ, въ-третьихъ, чтобы вы были вполнѣ покойны, что созданный мною типъ будетъ похожъ на указанный вами, я позволяю вамъ устроить при мнѣ правленіе, но только, чтобы правленіе было устроено не какъ у другихъ, а *оригинально*, каковымъ оно и должно быть при свободномъ художникѣ. Три чиновника министерствъ: путей сообщенія, финансовъ и контроля составятъ правленіе, въ распоряженіи котораго будетъ состоять инспекторъ дороги. Съ этимъ правленіемъ и инспекторомъ я опредѣлю цѣну дороги, буду вести денежные разсчеты и рѣшать непредвидѣнныя случайности. Произойдутъ у меня съ ними несогласія, дѣло рѣшатъ окончательно и безъапеляціонно три подлежащіе министра, назначившіе членовъ правленія. Недоволенъ я буду этимъ рѣшеніемъ, откажусь отъ дѣла; соглашусь, буду продолжать постройку. Денегъ мнѣ отъ васъ впередъ никакихъ ненужно. У меня ихъ куры не клюютъ. Еще съ тѣхъ поръ, какъ строилъ я Рязанско-Козловскую дорогу, иностранные банкиры не отстаютъ отъ меня. «Что вы, говорятъ, П. Г. (читай: Иванъ Александрычъ Хлестаковъ) не бе-

ретесь опять за постройку дорогъ? Беритесь пожалуйста, подъ вашу отвѣтственность мы дадимъ денегъ сколько угодно». Такъ вотъ какъ: денегъ отъ васъ впередъ мнѣ не нужно. Ну, а выстрою участокъ, примѣрно, на 25 милліоновъ рублей, такъ ужъ само собой, деньги сейчасъ выкладывайте. Ну, при этомъ, само собой также понятно, кромѣ поверстной стоимости заплатите мнѣ проценты на затраченный капиталъ, да сверхъ того накинете извѣстное число процентовъ съ суммы постройки за мой трудъ и рискъ».

Все это читатель если не дословно, то доподлинно найдетъ изображеннымъ въ 61-мъ № «Московскихъ Вѣдомостей». Мы не прибавили къ сказанному тамъ ни одной іоты.

Не правда ли, что вы видите передъ собой фигуру Ивана Александровича Хлестакова во весь ростъ! Но впечатлѣніе получается совсѣмъ другое, чѣмъ отъ Хлестакова. Что такое Хлестаковъ? Это не болѣе, какъ департаментскій хлыщъ, который вретъ до самозабвенія въ обществѣ какихъ-нибудь Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Земляники и т. п., однимъ словомъ, въ обществѣ такой же сволочи, какъ онъ самъ. Здѣсь человѣкъ въ образѣ Хлестакова является передъ цѣлой Россіей. Точно современная Россія представляетъ собой какое-нибудь глухое Пошехонье временъ Алексѣя Михайловича или Ивана Васильевича Грознаго, и ее можно увѣрить въ чемъ угодно, и въ томъ, напримѣръ, что земля стоитъ на трехъ китахъ, и въ томъ, что г. Фонъ-Дервизъ облагодѣтельствовалъ Россію своей Рязанско-Козловской дорогой и т. п.

А между тѣмъ холопствующая газета поетъ славословіе: «вотъ, говоритъ, простая, ясная, правдивая система (это которую г. Фонъ-Дервизъ-то предлагаетъ?), а то вѣдь у насъ, говоритъ, желѣзно-дорожная промышленность—только сплетеніе злоупотребленій и обмановъ». (Какъ же это, однако, такъ! Неужели и желѣзно-дорожная промышленность Самуила Соломоновича Полякова сплетеніе злоупотребленій и обмановъ? Какъ же могъ тогда г. Катковъ принять отъ него домъ для своего лицея!) *).

Я такъ много потратилъ времени на разсмотрѣніе рекламы «Московскихъ Вѣдомостей» о г. Фонъ-Дервизѣ, что могу только самымъ краткимъ образомъ разсказать о событіи дня, въ существѣ дѣла, правда, не особенно важномъ, но которое обратило на себя вниманіе всей петербургской, а, вѣроятно, и россійской публики.

Я разумѣю мартовскую революцію въ обществѣ взаимнаго кредита. Какъ произошла эта революція, читателямъ, конечно, давно извѣстно изъ газетъ. Мое дѣло, какъ солиднаго хроникера, дать въ руки читателя ту Аріаднину нить, при помощи которой онъ имѣлъ бы возможность выпутаться изъ лабиринта безчисленныхъ толковъ, мнѣній, пререканій по поводу этого событія и установить для себя вѣрную точку зрѣнія на дѣло, а если онъ членъ общества взаимнаго кредита, то и составить планъ дѣйствія. Отъ образа дѣйствій каждаго члена общества взаимнаго кредита зависитъ теперь не только дальнѣйшее процвѣтаніе общества, но даже и его существованіе. Вопросъ идетъ именно о томъ: быть ему или не быть.

Изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи обществъ едва ли можно указать другое общество, которое было бы такъ популярно въ публикѣ и имѣло бы такой громадный успѣхъ, какъ общество взаимнаго кредита. Основанное въ 1864 году, оно уже въ 1872 году разрослось до того, что общія его собранія сдѣлались невозможны. Число членовъ его въ это время простиралось до 8,321 человѣкъ. Вмѣсто общихъ собраній *личныхъ*, организованы были общія собранія *представительныя*, состоящія изъ 300 уполномоченныхъ, избираемыхъ по 50 отъ каждаго изъ шести разрядовъ, на которые раздѣлены были всѣ члены общества по старшинству своего въ него вступленія. Въ настоящее время число членовъ общества состоитъ изъ девяти слишкомъ тысячъ. Внесенные членами постоянные вклады простираются до шести милліоновъ. Сумма текущихъ счетовъ, ввѣренныхъ членами обществу, къ 17 прошедшему марту составляла 38.110,000 рублей.

Причинъ, почему общество такъ быстро разрослось и успѣло привлечь такъ много капиталовъ, надобно искать, во-1-хъ, въ общедоступности общества для мелкихъ взносовъ и въ признаніи за членами, сдѣлавшими эти взносы, равноправности, несмотря на различіе взносовъ: каждый членъ общества имѣлъ право, несмотря на размѣръ взноса, одинаковаго голоса съ другими, каждый имѣлъ право на участіе въ одномъ и томъ же процентѣ прибылей, сообразно суммѣ взноса, и одинаковый, сообразно этой же суммѣ, размѣръ кредита. Затѣмъ и относительно выгодъ общество равно удовлетворяло людей и съ большими, и съ мелкими капиталами. Для первыхъ былъ интересенъ высокій процентъ текущаго счета и открываемый обществомъ широкій кредитъ, для послѣднихъ—высокій процентъ прибылей. Размѣръ членскихъ взносовъ, начинаясь отъ 30 р., былъ всегда ограничиваемъ очень незначительнымъ maximum'омъ, который не восходилъ свыше 1.000 р. При такихъ ничтожныхъ взносахъ даже высокій процентъ прибылей не могъ особенно интересовать людей капитальныхъ. Но имѣть всегда подъ рукою кредитъ на сумму въ 10 разъ больше той, которая была внесена, и потомъ имѣть мѣсто, куда бы во всякое время можно было положить свободныя деньги, получая на нихъ за это время такой же процентъ, какой можно получить только превративъ ихъ въ лучшія бумаги — это было очень удобно и выгодно для капиталистовъ. Для

*) Послѣднее свѣдѣніе мы заимствуемъ изъ недавно вышедшей книги: «Очерки и картинки» Незнакомца (А. Суворина), въ которой читатель найдетъ много интереснаго какъ о желѣзныхъ дорогахъ, такъ и о разныхъ другихъ предметахъ.

людей съ маленькими деньгами, не имѣвшихъ нужды ни въ кредитѣ, ни въ текущемъ счетѣ, самое главное составлялъ тотъ высокій процентъ прибылей, который давало общество.

Вотъ почему хотя 2-й § устава общества и гласитъ, что «цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ учета срочныхъ обязательствъ доставлять лицамъ всякаго званія, занимающимся торговлею и другими промыслами, необходимые имъ капиталы, въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ благонадежности каждаго лица» и слѣдовательно предполагаетъ членами общества только лицъ торговыхъ или промышленныхъ, — но въ дѣйствительности большинство членовъ общества состояло изъ людей, не занимающихся ни торговлею, ни промышленностью, которые поступили въ члены общества и внесли сюда свой маленькій капиталъ или только для того, чтобъ получить на него высокій процентъ прибыли, или чтобы вмѣстѣ имѣть для себя здѣсь открытымъ текущій счетъ.

Такой многочисленный и разнородный составъ общества, въ которомъ притомъ бо́льшая часть членовъ стоитъ внѣ сферы коммерческаго и промышленнаго міра и не имѣетъ никакого капитала, вовсе не имѣлся въ виду, когда былъ составляемъ уставъ общества взаимнаго кредита. Поэтому постановленія его, достаточныя для правильнаго веденіи дѣлъ въ немногочисленномъ обществѣ, состоящемъ исключительно изъ лицъ коммерческаго и промышленнаго міра, никакъ не могли гарантировать такого же порядка для многочисленнаго общества, состоявшаго изъ элементовъ самыхъ разнородныхъ. Опасность обществу угрожала уже давно, и ему давно уже слѣдовало предусмотрѣть ее и переработать нѣкоторыя постановленія своего устава приспособительно къ новому своему составу. Не только въ нынѣшнемъ году, но и въ прошедшемъ и предпрошедшемъ, большинство членовъ, не имѣющихъ никакого капитала, могли бы легко забаллотировать всѣхъ членовъ правленія и посадить на ихъ мѣсто изъ своей среды, тѣмъ болѣе, что давно уже носились слухи о злоупотребленіяхъ, допускаемыхъ правленіемъ общества взаимнаго кредита, о связи его, напримѣръ, съ Демутовой биржей, о громадныхъ кредитахъ, которые оно дѣлало нѣкоторымъ изъ своихъ сочленовъ, безъ всякаго на то права и т. п. Если этого не случилось, то единственно потому, что безкапитальная часть общества состояла изъ добродушныхъ россіянъ, которые ни къ какимъ интригамъ склонности не имѣли, желали одного—получать значительный процентъ прибыли и твердо вѣрили, что пока во главѣ общества находится г. Ламанскій, его основатель и главный его руководитель, и пока онъ остается директоромъ и государственнаго банка, до тѣхъ поръ общество взаимнаго кредита будетъ стоять прочно. Эта вѣра ихъ, дѣйствительно, и не обманывала: общество взаимнаго кредита до сихъ поръ, несмотря на возникавшіе по временамъ неблагопріятные для него слухи, стояло твердо и даже процвѣтало, и потому все въ немъ обстояло благополучно по прежнему. Хотя выборы въ члены правленія происходили на основаніи давно составленнаго устава и выборъ такого или другого качества и состоянія лицъ не былъ ничѣмъ гарантированъ, но по старой рутинѣ, безъ всякихъ возраженій, избирались тѣ обыкновенно лица, которыхъ предлагало само правленіе. Лица эти, за небольшими исключеніями, съ 1864 года, въ теченіи 10 лѣтъ были почти все одни и тѣ же,—и большинство общества, по пословицѣ: старый другъ лучше новыхъ двухъ, оставалось этимъ довольно, видя, что г. Ламанскій остается въ прежнемъ отношеніи къ обществу.

По наружности общество находилось въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ оно находилось назадъ тому и пять, шесть и даже десять лѣтъ, при самомъ своемъ началѣ. Между тѣмъ съ того времени утекло много воды: и кругомъ общества, и внутри него самого произошли большія перемѣны, которыя и положеніе общества сдѣлали совершенно инымъ, чѣмъ оно было прежде. Когда основывалось общество взаимнаго кредита, тогда въ Петербургѣ существовалъ одинъ только с.-петербургскій частный коммерческій банкъ, основанный въ одно время съ нимъ. Съ того времени появились слѣдующіе новые коммерческіе банки: с.-петербургскій учетный и ссудный въ 1863 году, с.-петерб. международный въ томъ же году, волжско-камскій въ 1870 году, варшавскій коммерческій въ томъ же году, русскій для внѣшней торговли въ 1871 году. Всѣ эти банки производятъ тѣ же самыя операціи, что и общество взаимнаго кредита, и, конечно, не безъ зависти смотрятъ на то, что это общество украшаютъ собою слишкомъ 9,000 членовъ съ 6,000 милліонами взносовъ и съ 38 слишкомъ милліонами текущаго счета, суммами, которыя, по расчисленію «Голоса», даютъ обществу взаимнаго кредита minimum 990,000 рублей въ годъ. Послѣдняя цифра такая кругленькая, что не будь общества взаимнаго кредита, ее съ удовольствіемъ подѣлили бы между собою петербургскіе коммерческіе банки. Натурально, что эти банки, основанные на *хозяйскихъ* началахъ, нисколько не были бы опечалены, еслибы общество взаимнаго кредита въ одинъ прекрасный день совершенно исчезло. Такъ стоитъ дѣло внѣ. Внутри самаго общества есть не мало людей, которые не безъ зависти смотрятъ на огромное содержаніе, получаемое членами правленія общества взаимнаго кредита, и думаютъ, что они сами могли бы быть членами правленія и управлять дѣлами общества не только не хуже, но безконечно лучше нынѣшнихъ членовъ правленія. На первый взглядъ эти завистники разсуждаютъ, пожалуй, не только основательно, ибо мы знаемъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что у членовъ правленія общества взаимнаго кредита дѣла вообще мало, но и вполнѣ легально. По существующему уставу

всякій изъ членовъ общества, только бы его избрали, хоть бы у него не было ни гроша за душой, можетъ сдѣлаться членомъ правленія. Но сіи логически основательныя и легальныя разсужденія практически крайне наивны. Всѣ коммерческія дѣла держатся вѣрою въ авторитеты лицъ, ими заправляющихъ. Не будь пристегнуто къ волжско-камскому банку имя Кокорева, или къ ссудному и учетному имя Кронеберга, эти банки далеко не процвѣтали бы такъ, какъ они процвѣтаютъ теперь.

Какъ бы то ни было, но именно вслѣдствіе того, что въ послѣднее время положеніе общества взаимнаго кредита какъ внѣ, такъ и внутри, можетъ быть, и нечувствительно для членовъ его правленія, но несомнѣнно сильно измѣнилось противу прежняго, надъ нимъ, 17-го марта нынѣшняго года, разразилась неожиданная буря. Въ этотъ день было очередное общее собраніе общества взаимнаго кредита, созываемое ежегодно для выслушанія отчета по операціямъ общества за прошлый годъ и для выбора новыхъ членовъ и депутатовъ на мѣсто выбывающихъ. Нынѣ выбыли изъ правленія Касаткинъ (умершій) и Ѳ. П. Погребовъ. Совѣтъ общества предложилъ кандидатами вмѣсто нихъ Е. И. Ламанскаго и Любавина, а въ депутаты: Ламанскаго же, Сутугина, Смирнова, Крундышева, Новинскаго и Григорьева. Собраніе съ своей стороны предложило въ кандидаты гг. Ефимова, Буфѣева, Моласа, а въ депутаты гг. Духинова и Селецкаго. Баллотировка дала слѣдующій результатъ: Буфѣевъ получилъ 161 избирательныхъ голосовъ и 65 неизбирательныхъ, г. Ефимовъ 141 избирательныхъ и 85 неизбирательныхъ, г. Ламанскій 117 избирательнюхъ и 109 неизбирательныхъ. Въ депутаты выбаллотированы: гг. Ламанскій, Духиновъ и Селецкій.

Итакъ въ члены правленія выбраны Буфѣевъ и Ефимовъ, а Ламанскій забаллотированъ! Кто такіе Буфѣевъ и Ефимовъ, чѣмъ они заявили себя передъ членами общества взаимнаго кредита, какимъ образомъ въ общемъ собраніи, 17-го марта, составленномъ изъ членовъ различныхъ разрядовъ общества, въ числѣ 226 членовъ, составившихъ это собраніе, нашлись 161 человѣкъ, которые предпочли никому и ничѣмъ неизвѣстныхъ Буфѣева и Ефимова Ламанскому, основателю общества, оказавшему обществу несомнѣнныя заслуги, и лицу, необходимому въ немъ и въ настоящее время,—этого никто понять не можетъ. Въ объясненіе этого событія ходятъ различныя сказанія о Ефимовѣ и Буфѣевѣ. Но они нисколько не распутываютъ дѣла. Вопросъ остается также темнымъ, какъ и извѣстный вопросъ о первомъ самозванцѣ: кто былъ лже-Димитрій? Самъ ли онъ собственными талантами досталъ престолъ или былъ приготовленъ и подставленъ стороннею рукою, враждебною московскому государству?

Но откуда бы ни вышелъ ударъ, разразившійся надъ обществомъ взаимнаго кредита, онъ направленъ былъ искусною рукою и попалъ мѣтко. Выборы 17-го марта произвели панику на биржѣ и вообще броженіе въ обществѣ. Многіе изъ членовъ общества немедленно составили и подали заявленіе съ требованіемъ созванія чрезвычайнаго общаго собранія. Другіе поспѣшили спасать свои капиталы, подавая заявленіе о выходѣ изъ членовъ общества съ требованіемъ немедленнаго возвращенія ихъ текущаго счета. Замѣчательно, что большая часть нашихъ газетъ эту панику биржи и общества по поводу избранія гг. Ефимова и Буфѣева приписала искусственному возбужденію со стороны г. Ламанскаго и вообще старыхъ членовъ правленія. Я не знаю, какъ смотрѣть на такое мнѣніе газетъ—есть ли оно плодъ ихъ совершенной неопытности въ коммерческихъ дѣлахъ или уже очень утонченной опытности. На сколько мы, обыкновенные, средніе люди смыслимъ въ этихъ дѣлахъ, то понимаемъ дѣло такимъ образомъ, что, какъ бы ни вело себя старое правленіе, какъ бы спокойно по наружности оно ни отнеслось къ случившемуся, 17-го марта, событію, но разъ на выборахъ провалился г. Ламанскій, на которомъ, по мнѣнію всѣхъ, держится общество взаимнаго кредита, и поступили въ члены правленія какіе-то никому неизвѣстные Ефимовъ и Буфѣевъ,—броженіе было неизбѣжно. Робость, какъ извѣстно, есть основное свойство капиталовъ, и большихъ и малыхъ! Недавно, въ одной изъ газетъ былъ напечатанъ ложный слухъ, что будто по поводу дѣла Овсянникова Кокоревъ обязанъ подпискою не выѣзжать изъ Петербурга. И, говорятъ, вслѣдствіе этой утки въ одинъ или два дня было взято изъ волжско-камскаго банка съ текущаго счета до $1^1/_2$ милліоновъ руб. Какъ же вы хотите, чтобы въ обществѣ взаимнаго кредита, гдѣ каждый членъ въ случаѣ банкротства общества отвѣчаетъ вдесятеро большей суммой противъ своего взноса, не произошло переполоха по случаю забаллотированія г. Ламанскаго и выбора двухъ неизвѣстныхъ лицъ въ составъ правленія?

Вслѣдствіе начавшагося переполоха и броженія, совѣтъ общества взаимнаго кредита, 19-го марта, собрался, чтобы обсудить: что ему дѣлать? Здѣсь было заявлено, сколько по случаю выборовъ 17-го марта поступило отъ членовъ общества заявленій о возвращеніи имъ членскихъ взносовъ и текущаго счета. Говорятъ, г. Ламанскій обратился къ вновь избраннымъ членамъ правленія съ вопросомъ: не найдутъ ли они возможнымъ въ виду начавшагося броженія, угрожающаго подорвать общество, сложить съ себя званіе членовъ? Гг. Буфѣевъ и Ефимовъ отказались. Тогда весь совѣтъ, за исключеніемъ двухъ вновь избранныхъ членовъ и двухъ депутатовъ, подалъ въ отставку и объявилъ о созывѣ чрезвычайнаго собранія.

Газеты говорятъ опять, что совѣту не было никакой нужды прибѣгать къ такой крайней

мѣрѣ. Положимъ, дескать, что вновь избранные члены и депутаты не были знакомы съ механизмомъ кредитнаго дѣла,—но на двухъ новыхъ членовъ оставались три старыхъ, и на двухъ новыхъ депутатовъ семь прежнихъ,—слѣдовательно, дескать, неопытности ихъ въ дѣлахъ бояться было нечего, а о довѣріи къ ихъ личностямъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ эти личности наканунѣ только почтены были избраніемъ большинства. —А я думаю, что тутъ именно о довѣріи къ личностямъ и могла, и должна была идти рѣчь. Вы говорите, что ихъ почтило своимъ довѣріемъ большинство общества? Но въ такомъ случаѣ, почему же переполохъ и броженіе въ обществѣ? Почему члены общества берутъ изъ общества свои капиталы? — Не естественно ли во мнѣ, будь я членомъ правленія, должно родиться подозрѣніе, что тутъ въ выборахъ было не все въ добромъ порядкѣ, и что между уполномоченными на выборъ и ихъ довѣрителями случилось какое-то недоразумѣніе. Чтобы разсѣять мое подозрѣніе, я обращаюсь къ вновь избраннымъ и говорю: господа, вы видите, что происходитъ, и не желаете, конечно, разрушенія общества. Не найдете ли возможнымъ въ виду пользы общества сложить съ себя званіе членовъ? — Нѣтъ, говорятъ мнѣ, мы останемся тутъ хотя бы на развалинахъ общества. Отвѣтъ этотъ мнѣ доказываетъ ясно, что это—вовсе не радѣтели общества, и только усиливаетъ мое подозрѣніе. Какимъ же образомъ я могу оставаться вмѣстѣ съ ними въ правленіи? Всякое коммерческое дѣло требуетъ полной солидарности и согласія между дѣйствующими. Разъ этого нѣтъ, разъ я могу подозрѣвать, что стоящіе со мной люди будутъ дѣйствовать во вредъ мнѣ, паденіе общества неизбѣжно. Съ какой стати я, создававшій общество или трудившійся для него, сдѣлаюсь его гробокопателемъ. Если я не могу привести дѣла въ надлежащій порядокъ, то мнѣ лучше уйти изъ него, чѣмъ грязнить свое имя. Такъ долженъ былъ разсуждать каждый членъ и депутатъ совѣта, и они не могли ничего лучшаго сдѣлать, кромѣ того, что они дѣлаютъ, т. е. созвать чрезвычайное собраніе для рѣшенія вопроса. Возстановитъ это собраніе совѣтъ въ прежнемъ составѣ, — вышедшіе изъ общества члены и взятые ими отсюда капиталы мало по малу снова сюда возвратятся, и общество придетъ въ прежній видъ.—Нѣтъ,—общество взаимнаго кредита надобно будетъ считать окончененнымъ и всѣ соперничавшіе съ нимъ банки будутъ, конечно, торжествовать его паденіе.

Теперь спрашивается: желательно ли дальнѣйшее процвѣтаніе общества взаимнаго кредита и его существованіе, или ни для кого не будетъ потери, если оно окончитъ свои дни? Я ставлю этотъ вопросъ потому, что знаю, что есть множество людей, которые заинтересованы въ томъ, чтобъ общество взаимнаго кредита не существовало, которые, насколько могутъ, всѣми силами стараются подорвать его значеніе въ общественномъ мнѣніи, какъ будто бы учрежденія совершенно ненужнаго, даже уронить его репутацію, распуская подъ рукою разные неблагопріятные о немъ слухи.

Я никогда не принадлежалъ и не принадлежу къ членамъ общества взаимнаго кредита, и потому для меня лично все равно: существуетъ общество взаимнаго кредита или нѣтъ. Но становясь на общественную точку зрѣнія, я не могу не признать, что скорѣе можно и должно пожелать долгихъ дней и полнаго процвѣтанія обществу взаимнаго кредита, чѣмъ какому нибудь другому изъ коммерческихъ банковъ въ Петербургѣ, и даже всѣмъ имъ вмѣстѣ, потому что общество взаимнаго кредита представляетъ собой, нѣкоторымъ образомъ, если позволено будетъ такъ выразиться, демократизацію капитала; въ немъ нѣтъ львиныхъ учредительныхъ паевъ, процентъ прибылей на всѣ взносы одинаковъ; нѣтъ количественнаго ценза на право голоса; правомъ голоса владѣетъ каждый пайщикъ; паи возможны самые мелкіе, начиная отъ 30 рублей, слѣдовательно общество открыто для владѣльцевъ самыхъ мелкихъ суммъ; наконецъ, кредитъ въ обществѣ взаимнаго кредита доступнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ обществѣ.

По всѣмъ этимъ причинамъ члены общества взаимнаго кредита должны употребить всѣ свои силы на то, чтобы не только спасти это общество отъ разразившагося надъ нимъ удара, но и немедленно консолидировать его такимъ образомъ, чтобы на будущее время сдѣлать подобные удары невозможными.

Спасти общество отъ постигшаго его удара—дѣло, конечно, не трудное. Стоитъ только имѣющему быть чрезвычайному собранію уничтожить выборы 17-го марта и избрать въ члены правленія и депутаты тѣхъ самыхъ кандидатовъ, которые предложены были совѣтомъ общества. Такъ, мы думаемъ, поступятъ, и даже, по нашему мнѣнію, обязаны поступить члены общества взаимнаго кредита на томъ основаніи, что каковы бы ни были тѣ члены правленія, которые почти безсмѣнно управляли дѣлами общества со времени его основанія и управляютъ ими до сихъ поръ, но они все-таки вели общество такимъ образомъ, что въ теченіи десяти лѣтъ оно не только жило безъ всякихъ кризисовъ, но и процвѣтало. Несомнѣнно, что въ большинствѣ общества утвердилось къ нимъ полное довѣріе, и, слѣдовательно, переполохъ и паника немедленно кончатся, какъ скоро выборы будутъ произведены согласно съ предложеніемъ совѣта.

Но, сдѣлавъ это, члены общества, немедленно должны собраться въ новое чрезвычайное собраніе, чтобы консолидировать общество противъ всякихъ подобныхъ потрясеній на будущее время. Мы уже сказали выше, что у общества много враговъ внѣшнихъ и немало завистниковъ внутри. Надобно дать ему такую конституцію,

при которой оно было бы недоступно для ухищреній какъ враговъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Для этого я предлагаю сдѣлать слѣдующее:

1) Вмѣсто нынѣшнихъ ненужныхъ и безполезныхъ разрядныхъ дѣленій раздѣлить общество на слѣдующіе три отдѣла: а) отдѣлъ членовъ, извѣстныхъ въ торговлѣ и промышленности капиталами крупными; b) отдѣлъ членовъ, дѣйствующихъ въ торговлѣ или промышленности съ капиталами средними и малыми и с) отдѣлъ членовъ, не занимающихся ни торговлею, ни промышленностью.

2) Членами *правленія* могутъ быть только члены перваго отдѣла, *депутатами* могутъ быть только члены второго и третьяго отдѣловъ; членами *ревизіонной коммиссіи* только члены третьяго отдѣла.

3) На мѣсто каждаго выходящаго члена правленія, депутата, члена ревизіонной коммиссіи избираются въ подлежащемъ отдѣлѣ по три кандидата, изъ которыхъ одинъ и утверждается уже всѣми тремя отдѣлами общества.

4) Общество само отъ себя не имѣетъ права избирать кандидатовъ ни въ члены правленія, ни въ депутаты, ни въ члены ревизіонной коммиссіи. Оно только утверждаетъ на каждое свободное мѣсто одного изъ трехъ избранныхъ подлежащими отдѣлами.

4) Члены правленія, въ случаѣ растраты суммъ общества, происшедшей вслѣдствіе злоупотребленія, небрежности, отвѣчаютъ всѣмъ своимъ состояніемъ; затѣмъ взысканіе обращается на депутатовъ въ размѣрѣ общемъ съ другими членами общества, и только затѣмъ уже переходитъ оно на остальныхъ членовъ общества.

Этихъ небольшихъ перемѣнъ въ устройствѣ общества взаимнаго кредита будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы впредь навсегда гарантировать его твердое и устойчивое положеніе. Внутри общества прекратятся зависть и интриги, происходящія теперь единственно изъ-за желанія попасть въ члены правленія; члены правленія въ виду сильной отвѣтственности сдѣлаются внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ; ревизіонная коммиссія будетъ безпристрастно и дѣятельно слѣдить за правильнымъ ходомъ дѣлъ въ обществѣ. Дѣла общества могутъ тогда подлежать полной гласности, и общество сдѣлается неприступнымъ ни для какихъ ухищреній внѣшнихъ враговъ.

Въ заключеніе не могу не упомянуть о томъ усердіи, съ которымъ наши газеты стараются поддержать выборы 17-го марта, основываясь единственно на наружной легальности послѣднихъ. Для меня въ особенности знаменательно то, что на этой легальности, въ существѣ дѣла весьма сомнительнаго свойства, вполнѣ успокоивается и едва ли не горячѣе всѣхъ стоитъ за выборы почтенный шефъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», который въ тонкости понимаетъ всю деликатность коммерческихъ дѣлъ и, слѣдовательно, очень хорошо знаетъ, что, пользуясь юридическими кляузами и крючкотворствомъ и не обращая при этомъ вниманія на внутреннее положеніе дѣла, можно убить какое угодно коммерческое дѣло. Надобно полагать, что и онъ желаетъ смерти обществу взаимнаго кредита. Иначе онъ не наводнялъ бы своихъ передовыхъ статей общими мѣстами о легальности легальнаго, а обратилъ бы лучше вниманіе на то: насколько вѣроятна легальность въ данномъ случаѣ? Затѣмъ не ронялъ бы своей газеты помѣщеніемъ такихъ курьёзовъ, какой представляетъ собою слѣдующее письмо одного изъ вновь избранныхъ членовъ правленія:

«Передавая извѣстіе, сообщенное газетою «Биржа», объ отказѣ со стороны гг. Буфѣева и Духинова отъ званій, возложенныхъ на нихъ по избранію уполномоченныхъ общества взаимнаго кредита, «С.-Петербургскія Вѣдомости» намѣренно или по опискѣ, не знаю, вмѣсто имени г. Духинова, поставили мое имя.

«Вслѣдствіе этого многія лица обращаются ко мнѣ съ вопросомъ: Правда ли, что я также сложилъ съ себя званіе члена правленія, возложенное на меня по тому же избранію?

«Считаю необходимымъ засвидѣтельствовать, что, не придавая никакой особенной цѣны званію, выпавшему по выбору на мою долю, я тѣмъ не менѣе отъ него не отказывался и не откажусь добровольно, такъ какъ, поступая иначе, я, по моимъ понятіямъ, обнаружилъ бы явное неуваженіе какъ къ самому себѣ, такъ и къ лицамъ, почтившимъ меня своимъ избраніемъ.

«Сообщая извѣстіе о моемъ избраніи, нѣкоторыя газеты, и въ особенности все тѣ же «С.-Петербургскія Вѣдомости», какъ бы желая унизить меня, называютъ меня артельщикомъ.

«Хотя я и не признаю званіе артельщика унизительнымъ почему бы то ни было, но все-таки долженъ отречься и отъ этого званія, такъ какъ артельщикомъ я никогда не былъ и теперь имъ не состою, хотя признаю всенародно, что родословной книги не имѣю и настоящее свое положеніе пріобрѣлъ себѣ моимъ личнымъ трудомъ.

«*Управляющій невскимъ паровознымъ и кораблестроительнымъ заводомъ почетный гражданинъ В. Ефимовъ*».

Замѣчательна логика у почтеннаго правителя паровознаго и кораблестроительнаго завода. По понятіямъ всѣхъ народовъ и вѣковъ, удостоенный обществомъ избранія на извѣстный постъ и отказывающійся добровольно отъ этого избранія— вслѣдствіе ли сознанія своихъ недостатковъ, или въ видахъ пользы общества — какъ самъ лично чувствуетъ извѣстное нравственное удовлетвореніе, такъ тѣмъ болѣе возвышается нравственно въ глазахъ избравшаго его общества. По понятіямъ г. Ефимова это выходитъ совсѣмъ наоборотъ. Въ нѣсколько дней десятки милліоновъ сняты съ текущаго счета въ обществѣ; слѣдовательно, общество прямо говоритъ ему: «уходи г. Ефимовъ; иначе ты меня уничтожишь!» — «Нѣтъ, отвѣчаетъ

т. Ефимовъ, не уйду; боюсь, что этимъ я покажу неуваженіе къ тебѣ и себѣ самому».

Можетъ ли быть что-нибудь нелѣпѣе подобнаго отвѣта? Г. Ефимовъ увѣряетъ, что онъ не артельщикъ и никогда не былъ артельщикомъ. Я вполнѣ этому вѣрю; потому что даже артельщики—народъ настолько тертый и обнатуренный, что ни одинъ изъ нихъ не публиковалъ бы подобныхъ дикихъ словъ.

Май 1875.

Указаніе причинъ, въ силу которыхъ плоды народнаго труда пропадаютъ напрасно, составленное на основаніи извѣстій газетныхъ корреспондентовъ за первую треть нынѣшняго года: климатъ,—чума,—дикіе звѣри,—эксплуатація чиновниковъ,— эксплуатація посредствомъ обмана, — эксплуатація посредствомъ кредита. — Неустройства въ земскомъ хозяйствѣ: отсутствіе правильной оцѣнки имуществъ, неправомѣрное распредѣленіе земскимъ сборовъ,—вольности и прихоти земства.—Отвѣтъ г. Полетикѣ относительно выборовъ 17-го марта въ обществѣ взаимнаго кредита.

Недавно газеты извѣщали, что, по поводу яко бы необыкновеннаго праздолюбія нашего народа, обнаруживающагося въ огромномъ количествѣ праздниковъ, назначена особая коммиссія съ цѣлію разсмотрѣть эти праздники и озаботиться уменьшеніемъ ихъ числа. Если это извѣстіе вѣрно, то несомнѣнно, что коммиссія, съ своей точки зрѣнія, найдетъ очень много праздниковъ, которые должны будутъ подлежать уничтоженію. Любопытно только знать: какъ коммиссія будетъ приводить свое рѣшеніе въ исполненіе? На какой она выступитъ путь въ своихъ мѣропріятіяхъ? Обратится ли она къ народу съ воззваніемъ, въ которомъ будетъ объяснять ему значеніе и достоинство праздниковъ, и будетъ рекомендовать ему праздновать одни изъ нихъ и оставить другіе,—или просто предпишетъ полиціи наблюдать, чтобы народъ не праздновалъ тѣхъ праздниковъ, которые она, по своему усмотрѣнію, найдетъ нужнымъ вычеркнуть изъ народнаго календаря? Въ томъ и другомъ случаѣ едва ли можно ожидать какихъ-нибудь благопріятныхъ результатовъ. Празднованіе тѣхъ или другихъ дней, такое или другое отношеніе къ праздникамъ зависитъ отъ уровня умственнаго развитія народа, которое можно поднять только прочнымъ образованіемъ: однимъ оффиціальнымъ истолкованіемъ относительно праздниковъ, какъ бы оно краснорѣчиво ни было, нельзя поставить народъ на ту точку зрѣнія, на которую онъ не можетъ стать по своему развитію. Что касается до полицейскихъ мѣръ, то онѣ могутъ повести только къ оскорбленію религіознаго чувства въ народѣ... а иногда, пожалуй, къ столкновеніямъ и безпорядкамъ. Да и какая можетъ быть практическая польза привлекать человѣка къ работѣ насильно? Во время крѣпостного права, когда трудъ не оплачивался, это еще могло имѣть нѣкоторый смыслъ. Теперь же заставить рабочаго полицейскими мѣрами идти на работу, когда онъ не хочетъ, даже считаетъ грѣхомъ,—значитъ просто бросить даромъ деньги.

Вообще мы не можемъ представить себѣ, что бы такое могла измыслить коммиссія, чего бы потомъ не пришлось снова отмѣнять или что бы, по крайней мѣрѣ, не осталось совершенно безплоднымъ и ненужнымъ въ практикѣ жизни. Самая мысль, отъ которой должна исходить коммиссія, на нашъ взглядъ, совершенно неосновательна. Предполагается, что нашъ народъ работаетъ мало. Мы желали бы знать: какой же народъ несетъ и даже можетъ выносить такія непосильныя работы, какія несетъ постоянно нашъ народъ? Нашъ крестьянинъ работаетъ обыкновенно отъ восхода до заката солнца,—слѣдовательно, въ лѣтнее время работаетъ отъ 14—18 часовъ въ день! За границею, рабочій, по закону, имѣетъ не болѣе десяти рабочихъ часовъ въ день. Слѣдовательно, если заграничный рабочій, работая подъ рядъ въ продолженіи трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, имѣетъ за все это время всего 900 рабочихъ часовъ, то нашъ крестьянинъ за это же самое время имѣетъ отъ 1,260 до 1,620 рабочихъ часовъ, то-есть работаетъ противъ заграничнаго рабочаго лишнихъ десятичасовыхъ отъ 36 до 72 дней. Потому, если заграничный рабочій, празднуя одни воскресные дни, имѣетъ изъ 90 дней 13 дней отдыху, то нашъ крестьянинъ, чтобы сравнятся съ нимъ въ отдыхѣ, долженъ бы былъ къ этимъ 13 днямъ прибавить отъ 36 до 72 десятичасовыхъ дней. Предоставляемъ всякому судить: можно ли у нашего крестьянина насчитать столько праздниковъ?

Мысль, что нашъ крестьянинъ—лежебокъ, что онъ любитъ только праздничать, дѣла не дѣлаетъ, пущена въ ходъ и упорно поддерживается

любителями старыхъ порядковъ, которымъ кажется, что до крестьянской реформы въ Россіи было все прекрасно, а съ того времени все попортилось и сдѣлалось никуда негоднымъ. Одинъ изъ такихъ любителей, Г. Б. Бланкъ, въ прошедшемъ году, при разсмотрѣніи вопроса о самарскомъ голодѣ, въ обществѣ петербургскихъ сельскихъ хозяевъ имѣлъ смѣлость заявить, что, сравнительно съ прежнимъ, трудъ крестьянъ въ Россіи сократился на $^2/_3$; мало этого: при дальнѣйшемъ развитіи своей мысли онъ дошелъ до того, что сталъ утверждать, что крестьяне работаютъ не болѣе 85 дней въ году. Но для другого любителя старыхъ порядковъ, Э. Е. Лоде, засѣдавшаго въ томъ же собраніи, даже и такое скромное исчисленіе крестьянскихъ рабочихъ дней показалось крайне преувеличеннымъ и пристрастнымъ. Онъ счелъ нужнымъ немедленно поправить или, точнѣе сказать, опровергнуть г. Бланка и сталъ доказывать, что крестьяне работаютъ въ году не болѣе 30 дней, и даже, если угодно, совсѣмъ не работаютъ.

Всѣ эти забавныя взыранія крѣпостной мысли съ надлежащимъ, весьма основательнымъ ихъ опроверженіемъ читатель можетъ усмотрѣть изъ нижеслѣдующаго отрывка, который мы взяли изъ отчета о дѣятельности петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ за 1874 годъ, читаннаго секретаремъ А. В. Совѣтовымъ («Голосъ» № 32).

«Г. Б. Бланкъ причины неурожаевъ дѣлитъ на *общія* и *частныя* для каждой мѣстности, но тѣ и другія онъ сводитъ къ тремъ главнымъ факторамъ: *небо*, *земля* и *люди*. Подъ *небомъ* онъ разумѣетъ погоду, т. е. засухи и безполезные ливни, всего чаще бывающіе именно на юго-востокѣ; подъ *землею* — почву, т. е. ея плохую обработку, постоянное истощеніе, неправильные сѣвообороты, вообще худое, небрежное обращеніе хозяина со своею почвой, и съ этой точки зрѣнія, вина должна бы падать собственно не на землю, но на тѣхъ же *людей*. Но Г. Б. Бланкъ видитъ въ людяхъ еще нѣчто иное, что, благодаря имъ, производитъ въ Россіи такъ часто неурожаи и голодъ. Это, вопервыхъ—уменьшеніе сравнительно съ прежнимъ временемъ на $^2/_3$ труда «по причинѣ развивающейся непрестанно праздности и недобросовѣстнаго исполненія работъ». До 1861 года, въ сводѣ законовъ была статья 1,046 Т. IX, которая число рабочихъ дней въ году опредѣляла въ 280 дней, а теперь эта статья исключена изъ свода законовъ, и составители нынѣшнихъ календарей, по замѣчанію г. Бланка, наставивъ всюду звѣздочки и т. п. знаки, сдѣлали наоборотъ, т. е. по ихъ разсчету, какъ будто выходитъ, что работать въ году слѣдуетъ 85 дней, а праздничать 280, и даже того больше, если высчитать всѣ календарные знаки до точности. Присутствовавшій въ засѣданіи Э. Е. Лоде замѣтилъ на это, что число праздничныхъ дней, обозначаемыхъ календарями, еще не вполнѣ выражаетъ итогъ всѣхъ праздниковъ; къ числу нашихъ праздниковъ нужно прибавить еще *понедѣльники*, которые въ календаряхъ ничѣмъ не обозначены, съ каковымъ замѣчаніемъ вполнѣ согласился и докладчикъ. Такимъ образомъ, если исключить изъ 85 рабочихъ дней 52 понедѣльника, то останется на работу всего 33 дня. Но и этотъ разсчетъ, если строго держаться разсужденій Г. Б. Бланка, былъ бы невѣренъ. По его словамъ, «многіе наши простолюдины, по великому соблазну къ кабацкой гульбѣ, считаютъ праздники двухъ-и трехдневными», а сверхъ того, еще не надо забывать прогульное время на ярмаркахъ, базарахъ, выставкахъ, трактирахъ, питейныхъ заведеніяхъ и т. п. Идя такимъ путемъ дальше и дальше, надо придти къ заключенію, что рабочіе въ Россіи гуляютъ гораздо бо́льшее число дней, чѣмъ ихъ содержится въ году, что́, конечно, было бы абсурдомъ. Вотъ до какихъ заключеній можно дойти, когда относятся къ дѣлу непокойно. Между тѣмъ, самъ же Г. Б. Бланкъ разсчиталъ, что, послѣ реформы 19-го февраля 1861 года, пропало только $^2/_3$ труда, а $^1/_3$ еще сохранилась; развивая же свою мысль о праздности народа, онъ пришолъ къ заключенію, что трудъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ, земледѣльческій, не существуетъ вовсе. Да кто же, послѣ того, у насъ работаетъ? кто пашетъ русскую землю? кто сѣетъ, коситъ, убираетъ хлѣбъ и проч.? Сами землевладѣльцы? Нѣтъ. Они, по словамъ Г. Бланка, «отсутствуютъ изъ своихъ хозяйствъ», а отсутствуютъ потому, что «не имѣютъ *сельскаго устава*», указаннаго Высочайшимъ повелѣніемъ 20-го апрѣля 1858 года. Такъ-таки вопросъ, кто же работаетъ въ нашихъ селахъ и деревняхъ, и остается неразрѣшеннымъ. А между тѣмъ, какъ оказывается, наработывается у насъ много, даже не въ примѣръ больше, чѣмъ во времена крѣпостного права. Прежде вывозилось заграницу 5, уже много 6 милліоновъ четвертей хлѣба, а въ прошломъ году, въ одну первую его половину, вывезено 14 милліоновъ; средній же вывозъ въ годъ уже много лѣтъ сряду доходитъ до 20 милліоновъ четвертей, да до 250 милліоновъ надо положить на прокормленіе нашего 80 милліоннаго народонаселенія и на обсѣмененіе полей. Тогда и выйдетъ, что у насъ добываютъ, по крайней мѣрѣ, 300 милліоновъ четвертей, на что́, конечно, не мало нужно потребить труда.

И такъ очевидно, что народъ нашъ не праздничаетъ, а работаетъ, и работаетъ въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, втрое болѣе, чѣмъ работалъ во время крѣпостного права. И людямъ, болѣющимъ о народномъ благѣ, должны были бы бросаться въ глаза не праздники его, а то: отчего трудъ народа не спорится? Отчего, не смотря на неимовѣрныя его усилія, благосостояніе его подвигается впередъ очень медленно, до того медленно, что до сихъ поръ нигдѣ прочно не обезпечено даже его ежедневное пропитаніе? Въ самыхъ плодородныхъ губерніяхъ крестьянинъ

бьется кое-какъ только въ урожайные годы. Первый неурожай, и начинается общее голоданіе въ губерніи. Недавно всѣ были поражены, когда одна изъ нашихъ первокласныхъ житницъ — Самарская губернія—подверглась бѣдствіямъ голода. Теперь это никого не поражаетъ. Всѣ убѣдились, что каждая изъ нашихъ житницъ при первомъ недородѣ легко можетъ испытать тоже самое, потому что вездѣ крестьянинъ живетъ, что называется, изъ руки въ ротъ... Больше за душой ничего нѣтъ. «Положеніе нашихъ крестьянъ въ настоящую зиму—пишутъ, напримѣръ, изъ Подольской губерніи, которая считается также житницею, какъ и Самарская,—(«Бирж. Вѣд.» № 101), далеко не завидно: денегъ ни гроша, корма для скота нѣтъ; кукуруза цѣнится наравнѣ съ пшеницей, а она то, главнымъ образомъ, и поддерживаетъ силы нашего крестьянства; кредитъ погибъ, какъ вслѣдствіе неуплаты прежнихъ долговъ, такъ и собственнаго безденежья. Чрезвычайно некрасиво положеніе русскаго крестьянина даже въ такой плодородной полосѣ, какъ Подольская губернія. Стоитъ только не уродиться яровымъ посѣвамъ, какъ въ нынѣшнемъ году,— и наше крестьянское населеніе очутится въ безъисходной крайности: волы, бычки, коровы—все это идетъ за безцѣнокъ. А мы сравнительно еще въ хорошемъ положеніи: мы имѣли хорошую озимую пшеницу. Представьте же положеніе нашихъ сосѣдей — тираспольцевъ: ни хлѣба для себя, ни корма для скота, ни отопленія въ эту суровую зиму—а тутъ сельскіе урядники со своими неумолимыми казенными требованіями... Даже милостыня, которая имъ подана,—и та застряла на желѣзной дорогѣ по милости нашихъ желѣзнодорожныхъ костоломовъ. Мы дожили, наконецъ, до того, что государству приходится думать о помощи—не торговлѣ, не промышленности, не землевладѣльцу, а прежде всего крестьянину, чтобы онъ не умеръ съ голоду—въ мѣстности, которая до сихъ поръ считалась житницею Европы...»

Такъ дѣло идетъ въ *житницахъ* Россіи, когда случится недородъ. Теперь посмотримъ, что происходитъ въ губерніяхъ не житницахъ—въ однѣхъ въ случаѣ недорода, въ другихъ отъ длинной зимы, въ третьихъ даже безъ всякихъ особенныхъ причинъ, постоянно.

Изъ Ветлуги пишутъ (въ февралѣ, «Бирж. Вѣд.» № 34): «всѣ посѣвы, которые производили крестьяне въ прошломъ году, вслѣдствіе обильныхъ весеннихъ дождей, вымокли; въ иныхъ мѣстахъ зерно вовсе не взошло, а въ другихъ взошло очень плохо. Рожь родилась слишкомъ тощая, съ примѣсью сорныхъ травъ; по умолоту она имѣла видъ мякины, изрѣдка пересыпанной зернами. Хлѣбъ, приготовленный изъ такой муки, печется небольшими колобками (потому что, если печь его большими караваями, то онъ будетъ разсыпаться) и имѣетъ горько-кислый вкусъ. Другой хлѣбъ, изъ ржаной муки пополамъ съ овсянкою, печется преимущественно маленькими караваями и скоро черствѣетъ—и его скоро не будетъ. Уже въ настоящее время крестьяне питаются подвознымъ хлѣбомъ изъ смежнаго уѣзда Вятской губерніи; но что будетъ, когда настанетъ дорожная распутица и прекратится подвозъ? Чѣмъ будутъ крестьяне нынѣшнею весной питаться и засѣвать свои поля? Какъ слышно, уѣзднымъ исправникомъ уже представлена начальнику губерніи проба хлѣба, которымъ питаются крестьяне, и вмѣстѣ съ тѣмъ, представлено то состояніе, въ которомъ они находятся въ данную минуту, и то, которое ихъ ожидаетъ въ будущемъ» («С.-Петерб. Вѣд.»).

Оттуда же (въ апрѣлѣ, «Голосъ»): «неурожай, постигшій нашъ уѣздъ въ прошломъ году, не предвѣщалъ вначалѣ такихъ бѣдствій, до которыхъ мы дошли въ настоящую минуту. Хлѣбъ, собранный крестьянами отъ прошлогодняго посѣва, давно весь вышелъ, такъ что они не знаютъ, откуда взять зерна на посѣвъ нынѣшняго года. Для того, чтобы поддержать свое существованіе, крестьяне, чуть не цѣлыми деревнями, ходятъ за сборомъ милостыни. Извѣстно, что крестьянинъ нашъ надѣваетъ суму въ самомъ крайнемъ случаѣ, а до тѣхъ поръ, пока у него есть еще чѣмъ удовлетворить свои незатѣйливыя нужды, онъ держится дома. Видно, ветлужскій крестьянинъ дошелъ до крайности; средства его, по всей вѣроятности, истощились. Копейка, сбереженная про черный день, заработокъ за лѣсъ (мѣстный промыселъ крестьянъ—выработка лѣса у мѣстныхъ землевладѣльцевъ) и, наконецъ, бо́льшая часть имущества—все пошло на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Молча и безъ ропота несетъ свой крестъ крестьянинъ; жалобы отъ него не услышите: все онъ сваливаетъ, по бо́льшей части, на грѣхи свои, за которые, видно, Богъ и наказалъ его. Многіе смотрятъ на дѣло иначе, хладнокровнѣе. Нашлись даже люди, которые утверждаютъ, будто голодъ въ уѣздѣ еще не такъ чувствителенъ и не настолько великъ, чтобы стоило изъ-за него безпокоиться. По понятіямъ этихъ людей, о голодныхъ тогда только слѣдуетъ заботиться, когда они начнутъ ѣсть въ изобиліи имѣющуюся въ уѣздѣ древесную кору!».

Изъ *Кишинева* пишутъ (въ апрѣлѣ, «Биржевыя Вѣдомости», № 55): «имѣя передъ глазами прецедентъ прошлаго года, когда изъ розданныхъ голодавшему населенію денегъ только десятый рубль доходилъ по назначенію, а остальные ушли въ карманъ кулаковъ-евреевъ, воспользовавшихся раздачею народу пособія для предъявленія на крестьянъ-должниковъ своихъ претензій,—имѣя въ виду этотъ фактъ и желая предупредить возможность его повторенія, земство рѣшилось выдать на этотъ разъ пособіе не деньгами, а хлѣбомъ, закупкой котораго оно въ настоящее время и занято. Положеніе народа, и безъ того критическое вслѣдствіе неурожая, достигло крайняго

предѣла по случаю продолжительной и суровой зимы, не минувшей и нашего юга. Глубокіе снѣга, продолжая толстымъ слоемъ лежать на поляхъ по сю пору, лишаютъ бессарабскихъ крестьянъ, не имѣющихъ обыкновенія заготовлять на зиму кормъ для скота, всякой возможности выгона скотины на подножный кормъ. Солома, какая только была въ запасѣ и на крышахъ, израсходована уже вся, до тла. Такимъ образомъ голодаютъ люди, голодаетъ и скотъ, лишенный притомъ всякой защиты отъ холода и непогодъ. Цѣны на сѣно и солому увеличились до сихъ поръ въ 6—7 разъ, и стогъ сѣна, стоившій, положимъ, 10 р., теперь поднялся въ цѣнѣ до 70 р сер. Чтобы хоть сколько нибудь обмануть голодъ животныхъ, жители ближайшихъ къ Кишиневу деревень пригоняютъ въ городъ цѣлыя стада овецъ и гоняютъ ихъ по городскимъ улицамъ для подбиранія остатковъ сѣна, соломы и т. п. Цѣны на скотъ предлагаются крестьянами самыя ничтожныя, лишь бы только сбыть животныхъ съ рукъ, но никто не рѣшается покупать ихъ, потому что кормить нечѣмъ. Населеніе совершенно упало духомъ, и говорятъ, что, если еще съ недѣлю не сойдетъ съ полей снѣгъ и не появится трава, то весь скотъ пропадетъ. Нечего и говорить о томъ, въ какое затруднительное положеніе поставлены крестьяне относительно уплаты казенныхъ и всѣхъ другихъ податей и сборовъ, и, какъ слышно, ими предъявлены были просьбы о разсрочкѣ платежей. Нѣкоторыя земства, какъ, напримѣръ, ясское, постановили, чтобы всѣ земскіе налоги на 1875 г. были взысканы съ крестьянъ только въ концѣ текущаго года. Но отъ этого для покрытія земскихъ расходовъ придется, кажется, прибѣгнуть къ займамъ».

Изъ *Смоленска* (въ мартѣ, «Новое Время» № 66): «бѣдность смоленскихъ крестьянъ поразительна. Все, повидимому, соединилось, чтобы держать сельское населеніе въ печальной нуждѣ: истощенная почва и неблагопріятныя климатическія условія, незначительность крестьянскихъ надѣловъ, недостатокъ луговъ препятствуютъ увеличенію количества скота, столь необходимаго для удобренія почвы (на десятину пахатной земли приходится менѣе одной головы скота); отсутствіе промысловъ и фабрикъ, даже желѣзныя дороги, прорѣзывающія нашу губернію, повліяли неблагопріятно, убивъ извозъ и сплавъ съ портовъ Бѣлаго и Порѣчья. Частые неурожаи въ послѣдніе годы еще болѣе обездолили крестьянъ. Громадная цифра казенной недоимки, накопившаяся на крестьянахъ, простирающаяся до $3^1/_2$ рублей, наглядно выражаетъ ихъ несостоятельность. Дѣйствительно, смоленскій крестьянинъ живетъ въ долгъ... Не имѣя сбереженій, онъ не можетъ предпринять никакого улучшенія въ своемъ быту и хозяйствѣ, не можетъ исправить случайную убыль иначе, какъ сдѣлавъ заемъ, всегда раззорительный. При дурномъ урожаѣ, падежѣ скота, пожарѣ, крестьянинъ неизбѣжно дѣлается должникомъ сельскихъ ростовщиковъ: мѣщанъ, бывшихъ дворовыхъ, содержателей постоялыхъ дворовъ и мелкихъ кредиторовъ, раззоряющихъ крестьянъ такими условіями уплаты, которыя доводятъ многихъ до совершеннаго нищенства».

Изъ *Олонца* пишутъ (въ февралѣ, «Голосъ» № 52): «Олонецкая губернія въ 100 верстахъ отъ Петербургской — а, между тѣмъ, кому извѣстно, что тутъ живутъ десятки тысячъ населенія въ постоянномъ «самарскомъ голодѣ»? Знаютъ ли, напримѣръ, что въ Повѣнецкомъ уѣздѣ зажиточнымъ считается тотъ, кто ѣстъ хлѣбъ, мѣшая его съ овсомъ; бѣдняки же не могутъ прикупать овса, а мѣшаютъ хлѣбъ съ соломою да сосновою корой, т.-е. дѣлаютъ мѣсиво, которое не станетъ ѣсть корова и лошадь? Суровый климатъ убиваетъ всякое растеніе во время цвѣтенія. Сборъ ржи никогда не можетъ быть больше, какъ на полгода, а въ Повѣнецкомъ уѣздѣ насилу набираютъ на три мѣсяца. И хотя мѣстныя озера и рѣки обильны рыбою и дичью, но отсутствіе путей сообщенія не даетъ населенію возможности выйдти изъ нужды. Здѣшній крестьянинъ и мѣщанинъ (говоримъ про всю губернію) трудятся такъ, какъ въ великороссійскихъ и южныхъ губерніяхъ понятія не имѣютъ. Лѣто проводятъ они въ глуши лѣсовъ или на «здымкахъ», т.-е. постоянно по поясъ въ водѣ, доставая со дна руду, или на рѣкахъ и озерахъ, для ловли рыбы; зиму — то въ лѣсу, то въ извозѣ. Весь круглый годъ крестьянинъ не находитъ въ жизни своей дня, который онъ свободно могъ бы провести съ семействомъ въ домѣ. Жены и едва-едва подросшія дочери надрываются непосильными работами на возкѣ и свалкѣ деревьевъ да бревенъ, или на прорубяхъ, вытягивая невода съ рыбой. И всѣми этими-то безотрадными, тяжелыми трудами не вырабатывается и на одинъ насущный хлѣбъ, а успѣваютъ кое-какъ грошами накопить на подати, съ разными земскими повинностями».

Изъ приведенныхъ нами выдержекъ видно, въ какомъ необезпеченномъ состояніи находится нашъ народъ относительно своего пропитанія.

Въ такомъ же шаткомъ и колеблющемся состояніи находятся и тѣ мѣстныя учрежденія, существованіе которыхъ поставлено въ непосредственную зависимость отъ благосостоянія той или другой мѣстности. Таковы именно наши земства. Явились они еще очень недавно,—а ихъ неаккуратность и неисправность въ денежныхъ платежахъ получила уже общую извѣстность. Это, замѣтимъ мы мимоходомъ, весьма много вредитъ дѣлу земства. Порядочный медикъ, несмотря на хорошее жалованье, предлагаемое земствомъ, зачастую не рѣшается идти въ земскую службу изъ опасенія, что земство сдѣлается несостоятельнымъ и перестанетъ платить. По той же самой причинѣ нерѣдко обѣгаютъ земскую службу и хорошіе педагоги. И, въ самомъ дѣлѣ, очень нерѣдко печатаются въ газетахъ изъ разныхъ мѣстъ извѣстія о временной несостоятельности земства. Вотъ и

теперь, пересматривая газеты всего за послѣдніе пять мѣсяцевъ, мы встрѣтили два такихъ случая. Изъ Красноуфимска пишутъ въ «Голосъ» (№ 89) отъ 17 февраля: «положеніе служащихъ по земству у насъ крайне незавидно. Въ теченіе всего лѣта, мировые судьи, посредники, врачи, акушерки и учителя содержанія не получали. Какъ имъ жилось—трудно и сказать! Полагали, что къ зимѣ финансы управы поправятся и разсчеты пойдутъ аккуратнѣе. Но и теперь касса земства, попрежнему, пуста. Намъ приходилось видѣть и слышать, какъ служащіе земству, благодаря назойливымъ надоѣданіямъ, получившіе содержаніе, скрываютъ это отъ своихъ собратій, чтобы не подать повода обратиться къ нимъ за одолженіемъ. Всего больнѣе—за бѣдныхъ повивальныхъ бабокъ и сельскихъ учителей. Этотъ народъ получаетъ какіе-нибудь 20 рублей въ мѣсяцъ, да и въ тѣхъ приходится расписываться чуть не чрезъ полгода. Одна изъ акушерокъ ожидала-ожидала милости, да не выдержала, ужъ очень голодъ пронялъ, поѣхала въ плохой одеждѣ, въ зимнее холодное время, въ городъ просить милости и простудилась, такъ что чуть на тотъ свѣтъ не отправилась». Но красноуфимскій случай мы еще можемъ отнести къ явленіямъ, въ жизни земства, ординарнымъ, очень нерѣдко повторяющимся и потому не особенно поражающимъ. Гораздо серьезнѣе положеніе земства верхнеднѣпровскаго. Оно уже вызываетъ на размышленіе о будущихъ судьбахъ земства вообще. Корреспондентъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» передаетъ буквально изъ отчета IX очередной сессіи уѣзднаго верхнеднѣпровскаго земскаго собранія слѣдующее собесѣдованіе членовъ этого собранія между собою:

Предсѣдатель управы В. А. Гельмерсенъ: «Сегодня вынуты послѣднія деньги изъ ящика; поступленія очень грустны и ничего лучшаго впереди не предвидится: желающихъ платить добровольно очень мало, понужденія поэтому слишкомъ слабы. Съ августа прекращена выдача содержанія мировымъ судьямъ, членамъ управы, квартирныя исправнику и становымъ приставамъ. Въ виду всего изложеннаго, предлагаю ходатайствовать въ губернскомъ земскомъ собраніи о позаимствованіи нѣкоторой суммы».

Предсѣдатель: «Я по опыту знаю, какъ затрудняются подобныя ходатайства. Видѣвшись съ начальникомъ губерніи, я объяснилъ печальное положеніе нашей кассы, вслѣдствіе неисправныхъ взносовъ, и просилъ о принятіи мѣръ для скорѣйшаго взысканія недоимокъ полицейскими мѣрами. Недоимки — это наша болѣзнь, которая безъ энергическихъ мѣръ станетъ хроническою».

Гласный В. А. Гельмерсенъ: «Въ кассѣ остались однѣ лишь спеціальныя суммы: залоги почто-держателей, которыхъ невозможно позаимствовать, точно такъ же какъ и капиталъ на устройство арестныхъ помѣщеній; овражковый капиталъ, котораго на лицо около 5,000 руб., расходуется на контрактовые платежи; надо удовлетворять почто-содержателей, иначе прекратятся земскія сообщенія, оканчивать домъ, а на эти расходы овражковаго капитала не хватитъ».

Гласный А. Ф. Чуйкевичъ: «Все это слишкомъ важно, чтобы хладнокровно относиться къ нему и не принять самыхъ энергическихъ мѣръ для взысканія недоимокъ. Существеннѣйшею изъ нихъ будетъ—обратиться къ губернатору, объяснить ему безвыходное наше положеніе и просить наивозможнѣйшаго содѣйствія».

Собраніе единогласно постановляетъ: «въ виду сдѣланнаго г. исправникомъ заявленія о полученіи предписанія отъ г. начальника губерніи о скорѣйшемъ взысканіи земскихъ недоимокъ,—просить г. исправника принять самыя энергическія мѣры для взысканія всѣхъ земскихъ недоимокъ». Мы не будемъ обращать вниманія на то рѣшеніе, къ которому пришло собраніе верхнеднѣпровскаго земства. Очевидно, что почтенные члены этого собранія не успѣли еще высвободиться изъ традицій стараго времени и не понимаютъ, чтобы было возможно производить или собирать богатства безъ помощи полицейскихъ мѣропріятій. Простимъ имъ это. Для насъ важенъ фактъ полной несостоятельности цѣлаго земства, констатированный его представительствомъ. Верхнеднѣпровскій уѣздъ, по плодородію почвы, по климатическимъ условіямъ, даже по величинѣ крестьянскихъ надѣловъ, принадлежитъ къ числу лучшихъ мѣстностей въ Россіи. Что случилось съ земствомъ верхнеднѣпровскимъ сегодня, то завтра или послѣзавтра можетъ случиться со всякимъ другимъ земствомъ.

Такимъ образомъ, сводя все вышесказанное вмѣстѣ, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: народъ русскій трудится, какъ ни одинъ другой народъ, но своимъ трудомъ не можетъ обезпечить ни своего пропитанія, ни необходимыхъ для себя учрежденій.

Передъ нами является вопросъ не о народномъ празднолюбіи, а о томъ: отчего напрасно расходуются народныя силы? Куда дѣваются плоды народнаго труда? Какія условія разрушительно вліяютъ на народный трудъ? Устранимы они или нѣтъ? И если устранимы, то какимъ способомъ?.. Вотъ вопросы, для обстоятельнаго изслѣдованія и разрѣшенія которыхъ давно бы уже слѣдовало нарядить особыя коммиссіи, пожалуй, въ каждомъ земствѣ, изъ людей мѣстныхъ, свѣдущихъ; а потомъ, на основаніи свѣдѣній и заключеній, которыя будутъ даны послѣдними, можно бы было приступить и къ соображенію общихъ мѣръ, которыя содѣйствовали бы правильному развитію народнаго труда и уничтожили бы парализующія его вліянія. Назначать же коммиссіи безъ такихъ предварительныхъ мѣстныхъ работъ по крикамъ только алармистовъ-ретроградовъ, образовывая притомъ эти коммиссіи изъ министерскихъ чиновниковъ, хотя

бы то и съ присоединеніемъ кой-какихъ предводителей дворянствъ и предсѣдателей земскихъ управъ,—значитъ, по нашему мнѣнію, попусту терять время и деньги.

Мы, конечно, не имѣемъ никакой претензіи входить въ разсмотрѣніе того сложнаго и многосторонняго вопроса, который мы выставили. Но мы имѣемъ возможность время отъ времени отмѣчать рѣзко бросающіеся въ глаза факты неблагопріятныхъ вліяній на народный трудъ, очень нерѣдко встрѣчающіеся въ разсматриваемомъ нами текущемъ матеріалѣ. А эти факты для людей, интересующихся сказаннымъ вопросомъ и желающихъ изучать его, могутъ служить указателями, куда должно быть преимущественно направлено ихъ вниманіе!

Въ числѣ вредныхъ вліяній на народный трудъ на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены вредныя природныя вліянія, которыя у насъ нерѣдко наносятъ такія раззоренія и опустошенія, какъ будто бы они происходили не въ цивилизованномъ, а докультурномъ обществѣ. До сихъ поръ на эти вліянія не обращается почти никакого вниманія. Они не наблюдаются, не изучаются, противъ нихъ не изыскивается никакихъ мѣръ; когда они случаются, ихъ переносятъ, но противъ нихъ не умѣютъ ничего начать, переносятъ ихъ тупо и безсмысленно, какъ какой-то неизбѣжный фатумъ, и, когда они кончатся, остаются въ прежней безпечности до новаго удара.

Возьмемъ, напримѣръ, хотя бы самарскій голодъ. Что у насъ предпринято въ видахъ предупрежденія подобныхъ страшныхъ несчастій? Ничего. Г. Совѣтовъ, въ помянутомъ нами выше отчетѣ, говоритъ, что «по поводу свирѣпствовавшаго въ Самарѣ голода, въ литературѣ было высказано много разныхъ предположеній относительно мѣръ къ предотвращенію подобныхъ явленій на будущее время. Одни, напримѣръ, предлагали орошать наши степи, другіе довольствовались отправкою въ Самарскую губернію нѣсколькихъ экземпляровъ улучшенныхъ орудій, третьи видѣли спасеніе въ замѣнѣ части пшеницы посѣвами кукурузы, какъ растенія, будто бы, менѣе требовательнаго относительно всхода, чѣмъ другіе хлѣба и т. д. Въ концѣ же концовъ, какъ бы инстинктивно, всѣ предложенныя мѣры сводились на борьбу съ засухою, въ которой всѣ видѣли и видятъ причину неурожаевъ въ нашихъ степяхъ. Поэтому естественно, что многіе очень серьёзно придали значеніе огульному орошенію, якобы возможному въ степяхъ, а спекуляція, которая всегда зорко глядитъ какъ за благополучіемъ, такъ и за неблагополучіемъ страны, подоспѣла какъ разъ и съ гигантскимъ проэктомъ орошенія цѣлой Новороссіи, земли Войска Донскаго, всѣхъ степей Самарской губерніи и тому подобныхъ мѣстностей» («Голосъ» № 32). Г. Совѣтовъ присовокупляетъ къ этому, что нѣкто Эриксъ и комп., измысливше это всероссійское общество орошенія, теперь сильно аттакуютъ правительственныя инстанціи со своимъ проэктомъ, и боится, чтобы они не получили разрѣшенія на это совершенно безплодное, по его мнѣнію, дѣло. Такимъ образомъ, такое страшное бѣдствіе, какъ самарскій голодъ, дало толчекъ только спекуляціи, которая, въ случаѣ удачи, произведетъ еще болѣе раззореній и опустошеній, чѣмъ самый голодъ. Не такъ относятся къ народнымъ бѣдствіямъ въ другихъ странахъ. Вотъ явилось, напримѣръ, во Франціи крохотное насѣкомое phyllоxera, которое живетъ на корняхъ виноградной лозы, подтачиваетъ ее и губитъ. Для Франціи, гдѣ винодѣліе доставляетъ огромный доходъ странѣ, это, конечно—большое бѣдствіе. Но, во всякомъ случаѣ, г. Совѣтовъ справедливо замѣчаетъ, что опустошенія, производимыя во французскихъ виноградникахъ филоксерой, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ подобнаго рода событіями, какъ самарскій голодъ, повторяющимися въ Россіи то и дѣло. «И однакожъ, продолжаетъ онъ,—парижская академія снаряжаетъ особую коммиссію, устраиваетъ для наблюденія надъ жизнію крохотнаго насѣкомаго особыя станціи, въ каждомъ нумерѣ своихъ изданій помѣщаетъ непремѣнно что-нибудь о филоксерѣ—словомъ, изыскиваетъ всевозможныя средства къ удачной борьбѣ съ врагомъ; но нашихъ представителей науки, повидимому, нисколько не занимаетъ такое событіе, какъ голодъ Самарской губерніи, такъ что, выходитъ, правъ нашъ народъ въ своей поговоркѣ: «сытый голоднаго не разумѣетъ» («Голосъ» № 83).

Еще болѣе, пожалуй, раззореній, чѣмъ случающійся по временамъ голодъ, наносятъ эпидемическія болѣзни рогатаго скота, въ особенности чума, которая, по словамъ г. Совѣтова, «какъ бы сроднилась съ Россіей на этомъ скотѣ. Она ежегодно, говоритъ онъ, уноситъ у насъ сотни тысячъ животныхъ, а рубли пропадаютъ цѣлыми десятками милліоновъ». Казалось бы, трудно оставаться хладнокровнымъ въ виду такого страшнаго постояннаго бѣдствія. И однакожъ, у насъ имъ никто не занятъ, исключая нѣсколькихъ ветеринаровъ, да и о тѣхъ нельзя сказать, чтобы они черезъ чуръ уже были озабочены этимъ дѣломъ. Вотъ что разсказываетъ объ этихъ подвигахъ по чумному вопросу г. Совѣтовъ («Голосъ» № 62): «почти всѣ спеціалисты ветеринары такого мнѣнія о мѣрахъ противъ чумы, что лечить ее нельзя, а можно только предотвращать распространеніе чумы ветеринарно-полицейскою мѣрою, именно убиваніемъ скота какъ зараженнаго, такъ и подозрѣваемаго въ зараженіи. Такого мнѣнія держался и держится ветеринарный комитетъ, который въ такомъ духѣ и составилъ проэктъ, уже поступившій на разсмотрѣніе высшихъ административныхъ инстанцій. Но въ средѣ самихъ спеціалистовъ есть немногіе, которые для южно-русскаго скота считаютъ возможнымъ прививаніе чумы, какъ мѣру, предохранительную отъ заразы. Во главѣ приверженцевъ чумопрививанія стоитъ профессоръ дерптскаго ветеринарнаго училища,

г. Іессенъ, и братья Раупахъ, ветеринары имѣнія Карловки. Послѣдніе уже много лѣтъ содержатъ чумопрививальное заведеніе, въ которомъ, въ разное время, было привито болѣе 400 головъ. Результаты этого прививанія поразительно благопріятны: привитаго скота пало за все время не болѣе $2^1/_2\%$. А такъ какъ въ степныхъ губерніяхъ отъ падежа, вслѣдствіе чумы, ежегодно бываютъ огромныя потери, то ветеринарный комитетъ и постановилъ отправить въ Карловку коммиссію, съ цѣлью провѣрить показанія братьевъ Раупахъ и произвести новые опыты. Членами этой коммиссіи были назначены профессоры Равичъ и Іессенъ, и ветеринаръ г. Медвѣдскій. Въ засѣданіи 15-го октября, профессоръ Равичъ и ознакомилъ собраніе съ результатами, добытыми сказанною коммиссіею. Я не буду излагать здѣсь подробности дѣла, а скажу коротко, что г. Равичъ, одинъ изъ самыхъ сильныхъ антагонистовъ чумопрививанія, побывавши въ Карловкѣ, если не сдѣлался его другомъ, то пересталъ быть его врагомъ, такъ что до нынѣшней коммиссіи всѣ члены ветеринарнаго института, а въ числѣ ихъ и профессоръ Равичъ, шли, по крайней мѣрѣ, по чумному вопросу, въ одномъ направленіи, а теперь это направленіе должно пошатнуться, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ г. Равича. Онъ выразился въ нашемъ собраніи такъ: «частнымъ лицамъ, владѣющимъ сѣрою породою скота и имѣющимъ возможность обставить дѣло такъ, какъ оно обставлено въ Карловкѣ, предохранительное чумопрививаніе, производимое въ удобное время года, съ хорошею матеріей и при соблюденіи условій, требуемыхъ наукою, будетъ весьма полезно. Но предохранительное чумопрививаніе будетъ весьма гибельно для Россіи, если сдѣлать изъ него общую мѣру». Но нѣсколько ниже профессоръ Равичъ говоритъ: «близко ознакомившись съ дѣломъ, я долженъ сказать, что, при нынѣшнемъ положеніи ветеринарной полиціи, немыслимо ни убиваніе, ни прививаніе, потому что, на дѣлѣ, въ селеніяхъ не принимаютъ никакихъ ветеринарно-полицейскихъ мѣръ: скотъ падаетъ массами безъ всякаго ветеринарнаго пособія; съ павшей скотины вездѣ снимаютъ шкуры, а трупы зарываютъ кое-какъ въ самомъ селеніи, или же бросаютъ гдѣ попало; ветеринаровъ нѣтъ; земство ихъ не держитъ или же держитъ крайне незначительное число. При такой обстановкѣ, какую мѣру ни принимайте, не ждите никакого успѣха». Въ виду такого заявленія, невольно придешь къ такому убѣжденію, что чума — это заколдованный кругъ, изъ котораго выхода нѣтъ никакого. Надо оставаться in statu quo и терпѣливо выносить опустошенія, производимыя врагомъ въ нашихъ скотныхъ дворахъ, и равнодушно смотрѣть на милліоны рублей, закапываемые въ нашихъ селеніяхъ, съ тою цѣлью, чтобъ снова заражать тѣ же селенія. Но что будетъ тогда, когда нечего и некого будетъ заражать? Не испытавъ еще ничего, забраковали все, и кто же?— спеціальная коммиссія, снаряженная, конечно, никакъ не въ тѣхъ видахъ, чтобъ уничтожить въ сельскихъ хозяевахъ всякую надежду, что найдутъ же когда-нибудь средства противъ жестокаго врага ихъ стадъ—чумы.

Мы лично скорѣе, впрочемъ, можемъ понять хладнокровіе спеціальной коммиссіи и всѣхъ ветеринаровъ, чѣмъ земства. Что спеціальная коммиссія и ветеренары? Въ чумномъ вопросѣ ихъ можетъ двигать единственно интересъ науки, интересъ отвлеченный; для земства здѣсь — интересъ практическій, интересъ его собственнаго благосостоянія. Къ тому же, будь земство заинтересовано изслѣдованіемъ вопроса о чумѣ, этимъ вопросомъ дѣятельно занялись бы и ветеринары.

Но отъ нашего земства, видно, еще слишкомъ рано требовать такихъ деликатесовъ, какъ интересъ къ научнымъ изслѣдованіямъ. Посмотрите, какъ оно относится пока къ природнымъ бѣдствіямъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда съ его стороны ничего не требуется, кромѣ нѣкотораго вниманія и распорядительности. Казалось бы, что можетъ быть проще, какъ предупредить разоренія, причиняемыя волками и другими хищными звѣрями! А между тѣмъ, представляются какъ-то даже невѣроятными, хотя въ дѣйствительности и совершенно достовѣрныя, громадныя цифры количества крестьянскаго скота, истребляемаго ежегодно волками и медвѣдями. Такъ, напримѣръ, по Саратовской губерніи, въ теченіи 1873 — 74 г., истреблено было волками, по уѣздамъ: 1) Саратовскому: 1874 г. крупнаго 300 и мелкаго 849 шт. — 1873 г. — крупнаго 449 и мелкаго 1,383 шт.; 2) Аткарскому: въ 1874 г. крупнаго 450 и мелкаго 4,030 шт. и около той же цифры въ предыдущіе годы; 3) Балашовскому: въ 1874 году крупнаго 832 и мелкаго 2,486 шт.; 4) Вольскому: въ 1873 г. крупнаго 284 и мелкаго 787 шт.; въ 1872 г. крупнаго 310 и мелкаго 816 шт.; 5) Камышинскому: въ 1874 году крупнаго 40 и мелкаго 250 шт.; 6) Кузнецкому: въ 1874 году крупнаго 149 и мелкаго 530 шт.; въ 1873 г. крупнаго 61 и мелкаго 296 шт.; 7) Петровскому: въ 1874 г. крупнаго 196 и мелкаго 775 шт.; въ 1873 г. крупнаго 178 и мелкаго 624 шт.; въ 1872 г. крупнаго 132 и мелкаго 551 шт.; въ 1871 г. крупнаго 117 и мелкаго 598 шт.; въ 1870 г. крупнаго 131 и мелкаго 487 шт.; 8) Сердобскому: въ 1874 г. крупнаго 302 и мелкаго 802 шт.; 9) Хвалынскому: въ 1874 году мелкаго 20 шт.; 10) Царицынскому: въ 1874 г. крупнаго 53 и мелкаго 190 шт.; въ 1873 г. крупнаго 33 и мелкаго 137 штукъ.

По Кіевской губерніи, въ теченіи 1861—1873 г., истреблено было волками скота въ губерніи: въ 1871 г.—2,425 шт. крупнаго и 7,753 шт. мелкаго; въ 1872 г. — 2,409 шт. крупнаго и 8,378 шт. мелкаго — и въ 1873 году — 2,708 крупнаго и 9,527 штукъ мелкаго; итого весь убытокъ за трехлѣтіе по цѣлой губерніи прости-

рается до 7,642 шт. крупнаго скота и 25,658—мелкаго.

Въ Вятской губерніи, въ теченіи 1873 г., истреблено волками и медвѣдями крупнаго скота 7,600 головъ и мелкаго—34,000 головъ, всего на сумму 152,000 руб. «Сравнивая количество заѣденнаго скота съ общимъ количествомъ его въ губерніи, пишутъ губернскія вѣдомости, найдемъ, что крупнаго истреблено 0,4%, а мелкаго — 1,7%. Но, само собою разумѣется, что дѣйствительное количество истребленнаго домашняго скота волками и другими хищными звѣрями опредѣлить невозможно, такъ какъ бо́льшая часть скота погибаетъ безъ всякаго разглашенія. Не подлежитъ сомнѣнію только одно, что приведенныя цифры не преувеличены. Что касается общихъ мѣръ къ истребленію волковъ, относительно цѣлой Вятской губерніи, то ихъ губернскимъ земствомъ пока не предпринято никакихъ, и попеченіе объ этомъ имѣютъ уѣздныя. Изъ уѣздныхъ же земствъ настоящему вопросу придаетъ особую серьезность глазовское, которое назначило на 1875 годъ преміи въ 2 р. и 4 р. за голову убитаго волка или медвѣдя. Это же земство и нѣкоторыя другія съ тою же цѣлью доставляютъ охотникамъ возможность покупать порохъ по возможно-низкой цѣнѣ, устроивъ при мѣстныхъ управахъ пороховые склады. Затѣмъ находятся и такія земства, которыя, несмотря на существующую опасность отъ волковъ, не принимаютъ въ этомъ отношеніи никакихъ мѣръ, находя ихъ совершенно излишними. Такъ, напримѣръ, слободское земство достаточное понужденіе къ истребленію хищныхъ животныхъ видитъ въ существующей въ уѣздѣ возможности выгодно сбывать волчьи шкуры. Дѣйствительно, при существованіи кожевенныхъ и шубныхъ заводовъ, зло, причиняемое волками, отчасти вознаграждается здѣсь частными случаями охоты чрезъ продажу волчьихъ шкуръ скорняжникамъ и шубникамъ для выдѣлки». («Вятск. Губ. Вѣд.»).

Безпечность земствъ относительно опустошеній, причиняемыхъ дикими звѣрями, служитъ наглядной вывѣской крайняго неустройства земскаго хозяйства. Хорошій хозяинъ прежде всего позаботится о томъ, чтобы его имущество не расхищали хищные звѣри. Тѣмъ болѣе, что ловлѣ и истребленію хищныхъ звѣрей никто не будетъ препятствовать, а, напротивъ, всѣ будутъ рады. Вотъ другое дѣло—хищные звѣри въ человѣческомъ образѣ, въ видѣ разныхъ мелкихъ чиновниковъ, разоряющихъ крестьянство Какъ по отношенію къ нимъ поставлено земство и что́ оно съ ними можетъ предпринимать—мы не знаемъ. На нашъ взглядъ, земство, какъ представитель хозяйственныхъ интересовъ въ ввѣренномъ ему районѣ, на котораго возложено попеченіе въ матеріальномъ благосостояніи и благоустройствѣ этого района, должно быть и защитникомъ его противъ всѣхъ тѣхъ злоупотребленій, которыя наносятъ ущербъ матеріальному благосостоянію и благоустройству. Не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, земство, съ одной стороны, заботиться о продовольствіи народа, давать ему въ случаѣ нужды деньги на обсѣмененіе полей, на покупку скота, на пропитаніе во время неурожая, а съ другой стороны, хладнокровно смотрѣть, какъ эти деньги будутъ высасываться или выжиматься незаконными поборами мелкаго чиновничества. Прекращать эти поборы — прямой долгъ земства. Въ этихъ, конечно, видахъ, между прочимъ, предоставлена земству и ревизія волостныхъ правленій. «Именно по поводу постановленія харьковскаго уѣзднаго земскаго собранія о производствѣ ревизіи чрезъ особую коммиссію изъ земскихъ гласныхъ волостей Харьковскаго уѣзда, въ видахъ близкаго ознакомленія съ дѣйствіями ихъ по хозяйственной части и сбора земскаго налога, министерство внутреннихъ дѣлъ, циркуляромъ отъ 24-го мая 1869 года, разъяснило, между прочимъ, что распоряженіе харьковскаго уѣзднаго земскаго собранія и дѣйствія учрежденной въ силу онаго коммиссіи не заключаютъ въ себѣ ничего противозаконнаго и къ допущенію подобныхъ дѣйствій земскихъ учрежденій по другимъ губерніямъ не оказывается препятствій, съ тѣмъ, однако, чтобы и въ тѣхъ губерніяхъ, по примѣру харьковскаго губернскаго собранія и коммиссіи, земскія учрежденія не присвоивали себѣ права налагать взысканія на волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ» («Голосъ», № 106). Надобно полагать, что этотъ циркуляръ министерства или вовсе неизвѣстенъ многимъ земствамъ, или что многія земства не понимаютъ всей важности изъясненнаго этимъ циркуляромъ ихъ права. Иначе не понятно, какимъ образомъ могли бы, сравнительно очень недавно еще, именно въ послѣдніе дни дѣятельности мировыхъ посредниковъ, встрѣчаться такіе возмутительные факты, что можно подумать, что мы живемъ въ землѣ совсѣмъ безсудной. Корреспондентъ «Голоса», въ началѣ нынѣшняго года, писалъ изъ Владимірской губерніи, что съ крестьянъ одной волости взыскано по 1 р. 70 к. съ души за растрату, сдѣланную старшиною, и деньги эти поступили въ земскій сборъ, который, бывъ собранъ прежде этого, по распоряженію другихъ благодѣтелей, поступилъ въ пополненіе казенныхъ податей, вслѣдствіе чего, земская управа наша сидѣла безъ денегъ и не могла своевременно удовлетворить кого слѣдуетъ жалованьемъ. При взысканіи, неимущихъ кростьянъ сажали подъ арестъ, чѣмъ распоряжался другой благодѣтель... Другой фактъ: кто повѣритъ, чтобъ нынче, при той свободѣ, которая дарована крестьянамъ «Положеніемъ 19-го февраля 1861 года», можно было ихъ изъ состоянія свободныхъ вернуть въ состояніе полукрѣпостное? Для нашихъ же благодѣтелей это — пустое дѣло: они, вслѣдствіе просьбъ «аблакатовъ», порѣшили: всѣхъ (слишкомъ сто надѣловъ) бывшихъ крестьянъ, перешедшихъ, два года назадъ, въ разныя сословія (въ мѣ-

щане и частью въ купцы), вернуть въ первобытное состояніе, т. е. въ общество крестьянъ этой деревни. Выставляется основаніемъ къ этому то, что опросные акты о нѣкоторыхъ крестьянахъ составлены не по формѣ, вслѣдствіе малограмотности и неопытности старшины, въ другихъ сдѣланы помарки и подскобки и не оговорены. Надо замѣтить, что сельское общество подтверждаетъ эти акты и оффиціально заявляетъ своими приговорами согласіе на увольненіе и перечисленіе этихъ крестьянъ въ избранныя ими сословія, но на это не обращается вниманія; также оставляется въ сторонѣ весьма важное обстоятельство, что вернуться-то многимъ изъ этихъ лицъ некуда и, какъ говорится, не къ чему, такъ какъ бо́льшая часть ихъ, по требованію владѣльца и распоряженію начальства, всѣ свои постройки въ деревнѣ сломала и продала, обзавелась домами въ новыхъ мѣстахъ приписки, гдѣ занимается торговлей и отправляетъ всѣ общественныя повинности. Общество оставшихся крестьянъ этой деревни также не оставлено милостями: на него возложена уплата оброка (слишкомъ 2,000 руб.) за всѣхъ перешедшихъ въ другія сословія, не смотря на то, что недоимки за послѣдними не было, и землей, бывшей въ пользованіи уволенныхъ, владѣло не общество оставшихся крестьянъ, а самъ владѣлецъ, отдавая ее въ аренду, на что́ представлялись росписки владѣльца на полученіе имъ и повѣреннымъ арендныхъ денегъ. Все это дѣлается, несмотря на то, что ни одна статья закона не даетъ права возвращать крестьянъ въ первобытное состояніе и взыскивать оброкъ за такую землю, которой крестьяне не пользовались. Все это — совершившійся фактъ, а не пустая выдумка».

По нашему мнѣнію, земство обязано немедленно прекращать такія раззоренія крестьянъ на законномъ основаніи или само, или черезъ надлежащую высшую власть. Но не только въ такихъ очевидныхъ случаяхъ злоупотребленій, направленныхъ прямо на разрушеніе имущественныхъ интересовъ, земство обязано дѣйствовать немедленно: оно — мы думаемъ — не можетъ оставлять безъ вниманія и тѣхъ злоупотребленій, которыя косвеннымъ образомъ, черезъ разные подлоги и обманы, способствуютъ къ раззоренію крестьянъ. Представимъ нѣсколько такихъ примѣровъ изъ имѣющагося у насъ матеріала только за нѣсколько мѣсяцевъ нынѣшняго года.

1) Гуслицкій корреспондентъ «Голоса» (№ 26-й) пишетъ, что у нихъ, въ Стонарской волости, при выборахъ 1870 года, крестьяне *единодушно* пожелали избрать себѣ въ старосты нѣкоего Широнина, «уже заявившаго себя въ крестьянскомъ самоуправленіи». Посредникъ, подъ предлогомъ, что Широнинъ — старообрядецъ, какъ и все гуслицкое населеніе, предложилъ имъ вмѣсто него въ старосты кабатчика Кулакова, выходца изъ Рязанской губерніи. И хотя послѣдній на выборахъ провалился, тѣмъ не менѣе, посредникъ утвердилъ его. Кулаковъ, вскорѣ по вступленіи въ должность, построилъ въ двухъ шагахъ отъ волостного правленія трактиръ, взявъ права на имя жены, такъ какъ волостнымъ начальникамъ воспрещено имѣть подобныя заведенія. Въ волости то и дѣло стали созываться сходы для пьянства «міромъ», приговоры подписывались безпрекословно, также утверждались разные сборы на волость, ассигновка и прибавка жалованья старшинѣ, его сотрудникамъ, волостному писарю и помощникамъ. Попойки заставляли многихъ противъ совѣсти и убѣжденія подписывать самые нелѣпые приговоры. «Супротивники» волостного начальства при этомъ рисковали попасть подъ арестъ. При выборахъ въ Запонорской волости, въ 1873 году, до истеченія трехлѣтняго срока, Кулаковъ, къ крайнему раззоренію крестьянъ, опять назначенъ старшиною. Также и въ другой, Дороховской волости. При этомъ, присовокупляетъ корреспондентъ, нужно замѣтить, что старшины Дороховской и Запонорской волостей, Чурбановъ и Кулаковъ, еще ни разу не отдавали отчета въ распоряженіи мірскими капиталами». Понятно, что при такомъ порядкѣ хозяйство крестьянъ процвѣтать не можетъ и земству тутъ дремать нельзя.

2) Кромѣ эксплуатаціи крестьянъ разными низшими учрежденіями и чиновниками, еще болѣе обмановъ самаго возмутительнаго свойства совершается разными частными землевладѣльцами. Вотъ, напримѣръ, что́ сообщаетъ одна корреспонденція изъ Каменецъ-Подольской губерніи въ Кіевскій Телеграфъ («Бирж. Вѣдом., № 37). «Недобросовѣстность предпринимателей по отношенію къ найму рабочихъ и разсчетамъ съ ними достигаетъ въ нашей мѣстности до невиданныхъ размѣровъ. До какой степени наниматели не пренебрегаютъ никакою возможностью воспользоваться неграмотностью рабочихъ—можетъ показать слѣдующій фактъ. Въ одномъ изъ новыхъ въ мѣстности сахарныхъ заводовъ южной части нашей губерніи, управленіе завода заключило условіе съ крестьянами окрестныхъ селъ на доставку ими бураковъ съ плантацій, причемъ цѣны за перевозку, по обыкновенію, опредѣлялись съ *берковца*, а разстоянія—на мѣстную мѣру *милю*. Но такъ какъ въ этой мѣстности сахарная промышленность появилась только въ первый разъ, то при наймѣ наниматели нисколько не затруднились объяснить крестьянамъ, что берковецъ значитъ $^1/_2$ пуда, а относительно размѣровъ мили и разговаривать было нечего, такъ какъ это—обыкновенная мѣстная мѣра длины, 3 версты. При разсчетѣ, по окончаніи перевозки, наниматели, разумѣется, приняли означенныя мѣры въ нормальномъ, утвержденномъ закономъ размѣрѣ, т. е. берковецъ—10 пудовъ, а миля—7 верстъ. Понятно, затѣмъ, что въ результатѣ крестьяне остались въ долгу у завода и обязаны будутъ возить на будущій годъ свекловицу на заводъ почти даромъ». Дру-

гой, не менѣе возмутительный случай сообщаетъ корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», (№ 103) изъ Кирсанова. Онъ разсказываетъ, что у нихъ обыкновенныя до сихъ поръ мѣры, употреблявшіяся у скупщиковъ крестьянскаго хлѣба, были фальшивыя, такъ что «у крестьянина, привезшаго до 25 четвертей хлѣба, не хватало трехъ четвертей, у привезшаго 20 четвертей, оказывалось при ссыпкѣ 16 и т. п. Помѣщики помогались, дескать, обыкновенно тѣмъ, что или сами ссыпали хлѣбъ или призывали полицейскаго чиновника. Но мужичекъ полиціи боится и до тяжебныхъ дѣлъ не охотникъ — потому онъ старается только вырваться изъ рукъ кулака и по добру по здорову улепетнуть во свояси. Такъ дѣло, дескать, велось постоянно, и только недавно кирсановская дума накрыла одного скупщика-обманщика и арестовала. Но что изъ этого еще выйдетъ — неизвѣстно. Послѣдніе два приведенные нами случаи чисто уголовныя преступленія, и земство можетъ прямо отъ прокурорскаго надзора требовать ихъ преслѣдованія.

Намъ могутъ сказать: «какое дѣло земству до всѣхъ перечисленныхъ нами случаевъ? Кругъ вѣдѣнія земства — интересы чисто хозяйственные, а для всѣхъ означенныхъ случаевъ есть особыя подлежащія начальства, которымъ и принадлежитъ ихъ разсмотрѣніе». Мы желали бы, однакожъ знать, какой хорошій хозяинъ потерпитъ, чтобы управляющій его былъ воръ и расхищалъ его добро, или чтобы его сосѣди отбирали у него хорошія земли и угодья, а ему давали дурныя, или наконецъ, чтобы на рынкахъ были устроены нарочито фальшивые вѣсы и мѣры, чтобы его обвѣшивать и обмѣривать? Такъ точно земству не у чего и не для чего будетъ хозяйничать, если нарочно будутъ назначаться старшины для раззоренія крестьянъ, если у крестьянъ будутъ отнимать порядочныя земли и угодья и давать имъ въ замѣнъ плохія, если обмѣромъ и обвѣсомъ будутъ отнимать у нихъ послѣдніе рубли. При такомъ теченіи дѣлъ, никакія чисто хозяйственныя мѣры и соображенія ни къ чему не поведутъ. И, въ концѣ концовъ, каждому земству не останется ничего болѣе дѣлать, какъ, на подобіе верхнеднѣпровскаго, сѣсть и заняться разсужденіемъ о пустотѣ кассъ...

Еще болѣе, чѣмъ обманы, раззоряетъ крестьянъ эксплуатація посредствомъ кредита. Нѣтъ сословія и состоянія, которыя бы, болѣе или менѣе, не были бы повинны въ этомъ грѣхѣ. Дворянинъ, духовный, купецъ, чиновникъ, еврей и т. п. — всѣ наровятъ одолжить крестьянина въ случаѣ нужды, чтобы потомъ взять съ него втрое, вчетверо, впятеро, даже вдесятеро. Крестьянинъ — самый удобный человѣкъ для эксплуатаціи подобнаго рода. Онъ такъ еще мало цивилизованъ, что безъ всякихъ залоговъ, векселей, росписокъ никогда не обманетъ. Ему, впрочемъ, и нельзя обмануть. Онъ то и дѣло нуждается въ займѣ: то недоимки нужно платить, то лошадь пала, то сѣмянъ для посѣва нѣтъ, то не хватило хлѣба для собственнаго прокормленія. Какъ не отдать долгу? Не отдашь, — въ другой разъ не дадутъ. Между тѣмъ, руки у крестьянина къ работѣ надежныя и привычныя, и поработать онъ любитъ. Сколько хошь требуй, за долгъ готовъ отработать. И выходитъ, что крестьяне представляютъ самый надежный и выгодный банкъ. Это всѣ знаютъ, не знаетъ только государство, — потому, открывая кредитъ почти всѣмъ сословіямъ и учрежденіямъ, не даетъ его именно только тому, кому болѣе всѣхъ обязано было бы давать — своей основной платежной силѣ, крестьянамъ. Отъ этого отсутствія кредита стономъ стонутъ всѣ мѣстности русской земли. Нѣтъ такой мѣстности, гдѣ бы не стоялъ одинъ благодѣтель, нѣсколько благодѣтелей или цѣлыя кучки благодѣтелей, которые какъ саранча пожираютъ всю прибыль крестьянскаго труда, взимая за рубли десятки и сотни рублей. Всѣ почти корреспонденціи о крестьянахъ регулярно наполняются жалобами на страшное раззореніе крестьянъ эксплоатаціею кредита. Вотъ корреспонденція изъ Подольской губерніи («Бирж Вѣдом.», № 37) разсказываетъ о какомъ-то благодѣтелѣ-помѣщикѣ слѣдующее: «Снисходя къ бѣдственному положенію крестьянъ, которыхъ «тягали за подушное», онъ роздалъ нѣкоторымъ изъ нихъ по 10 руб. въ долгъ и, разумѣется, *безъ процентовъ*. Но въ видѣ *благодарности* крестьяне обязаны за это каждый даромъ снять десятину хлѣба. Такъ какъ крестьяне вотъ уже три года не въ состояніи уплатить помѣщику своего долга, то, въ теченіи всего этого времени и до сихъ поръ, съемка панскаго хлѣба производится крестьянами, разумѣется, на основаніяхъ бывшаго крѣпостного права. А такъ какъ обыкновенная плата за съемку десятины составляетъ отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. (причемъ деньги всегда платятся съ осени впередъ), то оказывается, что безкорыстный панъ, кромѣ того, что избавленъ отъ хлопотъ нанимать рабочихъ, получаетъ еще на свои деньги 25 — 35 процентовъ. Подобное умѣнье «хозяйничать» составляетъ у насъ, впрочемъ, вполнѣ обыденное явленіе, и мѣстные помѣщики нисколько не стѣсняются даже хвастать этимъ въ своемъ обществѣ».

Изъ Балтскаго уѣзда, также Подольской губерніи, въ «Новороссійскій Телеграфъ» («Биржев. Вѣдом.», № 105) пишутъ: «Сельскіе хозяева приходятъ въ уныніе. До сихъ поръ не было возможности начать весенніе посѣвы, а на поздніе надежды мало. Общее настроеніе, въ особенности крестьянъ, очень печальное: у многихъ былъ малый запасъ на зиму сѣна и соломы, а потому пришлось или продать скотъ, или влѣзть въ долги для покупки корма ему; пришло въ мартѣ мѣсяцѣ и время уплаты податей. Этимъ крайне стѣсненнымъ положеніемъ съ ловкостью пользуются кулаки разныхъ оттѣнковъ: они разъѣзжа-

ютъ по деревнямъ и нанимаютъ рабочихъ на лѣто за половину и даже за четверть той цѣны, которая бываетъ лѣтомъ, *часто даже безъ согласія самихъ нанимающихся, а только по условію съ волостными старшинами*. Кулаки-старшины позволяютъ себѣ поступать самымъ нахальнымъ образомъ иногда съ цѣлыми крестьянскими обществами; дерзость же и безсовѣстность ихъ въ отношеніи частныхъ лицъ положительно не имѣютъ предѣловъ: подвергнуть крестьянина безчеловѣчному тѣлесному наказанію, отдать его имущество за долгъ еврею—все это составляетъ обыкновенное явленіе. Старшины въ этой мѣстности только de jure избираются крестьянами, de facto же назначаются мировымъ посредникомъ по личному усмотрѣнію: такъ, напримѣръ, въ трехъ волостяхъ волостными старшинами назначены бывшіе волостные писаря, т. е. люди, всячески эксплуатирующіе крестьянъ. Назначенные и поддерживаемые мировымъ посредникомъ, они не являются представителями интересовъ крестьянъ и вообще не заботятся о ихъ нуждахъ».

Смоленскій корреспондентъ «Новаго Времени», разсказывая о раззореніи, въ которое приводятся крестьяне разными ростовщиками, пишетъ: «Для примѣра приведу условія займа яровыхъ сѣмянъ, изъ чего можно видѣть несообразность уплачиваемыхъ крестьянами процентовъ. За занятую одну четверть овса крестьянинъ обязывается обыкновенно отдать осенью 1 четв. и 2 м. и, въ видѣ процентовъ, безплатно косить у заимодавца два дня и прислать женщину для работы на три дня. Въ итогѣ выходитъ: за одну четверть овса, стоющую 4 руб., платитъ овсомъ 4 руб. и работою: два мужскихъ дня—1 р. 20 к. и три женскихъ дня—90 к., всего 6 р. 10 к., т. е. болѣе 150 процентовъ въ шесть мѣсяцевъ. Этотъ весьма обычный способъ уплаты процентовъ работою можетъ назваться легкимъ и не стѣснительнымъ въ сравненіи съ тѣми условіями, которыми крестьяне связываютъ себя на многіе годы при займѣ болѣе крупныхъ ссудъ, необходимыхъ иногда для поддержанія хозяйства. Причемъ, такъ какъ нужды слѣдуютъ обыкновенно одна за другую, то заимодавцы и не выпускаютъ крестьянъ изъ своей зависимости, постоянно отсрочивая имъ плату долга за прибавку и безъ того уже тяжелыхъ процентовъ, до тѣхъ поръ, пока крестьяне окажутся у нихъ въ неоплатномъ долгу. Погасить этотъ долгъ не представляется никакихъ средствъ, и, въ настоящее время, крестьяне, работая на своихъ кредиторовъ, успѣвшихъ уже обзавестись недвижимою собственностью или заарендовавшихъ участки земли, употребляютъ большую часть своего свободнаго времени на отработку однихъ только процентовъ, безъ всякаго уменьшенія цифры лежащаго на нихъ долга. Смоленскій крестьянинъ есть тотъ несчастный миѳическій Сизифъ, который поднимаетъ камень въ гору безъ всякой надежды, что положеніе его когда-либо можетъ измѣниться къ лучшему; онъ работаетъ, зная, что труды его не улучшатъ положенія, единственно по привычкѣ и невозможности избрать другой родъ занятій».

Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ извѣстіямъ корреспондентовъ не можемъ не сообщить еще одного очень интереснаго, составленнаго по порученію рязанскаго земства описанія («Новое Время» № 32), въ которомъ изображается, съ одной стороны, производимый крестьянами каторжный промыселъ, на который могутъ рѣшаться только самые отчаянные голяки, подъ угрозою голодной смерти, а съ другой — жадность ростовщиковъ, которые не стыдясь грабятъ самымъ безпощаднымъ образомъ даже этихъ голяковъ.

«Въ Остро-Каменской волости, Рязанской губерніи, добывается жерновый камень, который получается изъ трехъ горъ: Коржевой, Громовой и Сурковской. Камень лежитъ подъ краснымъ пескомъ, на глубинѣ 8 и болѣе аршинъ, сплошнымъ пластомъ, и находится на землѣ помѣщика. Добываніе его самое первобытное и напоминаетъ древнія египетскія работы. Жизнь рабочихъ до того тяжелая, что остается удивляться, какъ можетъ выносить ее природа человѣческая. Желающіе добывать жернова собираются въ одну общую артель, которая за право пользованія камнемъ выплачиваетъ помѣщику 30 руб. съ человѣка. Артель ощупываетъ камень особеннымъ щупомъ или буромъ и, удостовѣрившись въ его присутствіи, начинаетъ рыть яму, дорывается до камня и, продолбивъ его, всыпаетъ въ сдѣланное отверстіе нѣсколько фунтовъ пороху; тогда въ артели выбирается смѣльчакъ и отправляется зажигать порохъ. Онъ прощается со всѣми, и на проводахъ товарищи угощаютъ его виномъ. И есть причины прощаться. Зажиганье пороха дѣлается такъ: берется желѣзная лопата съ жаромъ и изъ рукъ бросается огонь въ порохъ. Часто зажигающій погибаетъ или приходитъ искалеченнымъ, но еще чаще авоська вывозитъ, и тогда нѣтъ конца торжеству. Виновнику его предоставляется право второго выбора изъ всѣхъ имѣющихъ быть добытыми камней, а первый выборъ принадлежитъ цѣлогальнику, который давно уже купилъ лучшій камень рублей за 12, далъ впередъ деньги или вина и, получивъ его, черезъ годъ продаетъ за 90 руб. Разорвавъ каменное гнѣздо, артель устроиваетъ ступенями спускъ въ яму и начинаетъ подрываться подъ отдѣльные куски камня, развороченные взрывомъ. Земля, при этомъ, передается на верхъ съ ступеньки на ступеньку. Если оторванный кусокъ слишкомъ великъ, то его отсѣкаютъ желѣзными клиньями. Когда кусокъ достаточно окопанъ, его поддѣваютъ веревками и воротомъ вытаскиваютъ наружу. Тамъ уже окончательно обдѣлываютъ камень, посредствомъ клиньевъ и клювовъ (острымъ молоткомъ) и придаютъ ему форму жернова. Очень часто въ ямѣ случаются обвалы, придавливающіе рабочихъ, и въ Остромъ Камнѣ я видѣлъ одного искалечен-

наго такимъ обваломъ. Во все время этой работы артель живетъ въ землянкахъ, въ сырости, холодѣ, а подъ часъ и голодѣ. Послѣ страшныхъ трудовъ, при скудной пищѣ, является сильная потребность въ винѣ, но и вино-то такой рабочій пьетъ не какъ люди, какъ мѣтко выразился одинъ изъ крестьянъ, а наскоро напьется, какъ телокъ,—и готовъ. Результаты далеко не вознаграждаютъ рабочихъ за такіе труды; въ лѣто много-много рабочій выручитъ 50 руб. Между тѣмъ 30 человѣкъ добудутъ въ лѣто до 60 жернововъ. Хорошій жерновъ стоитъ на мѣстѣ 100 и болѣе рублей, а меньше какъ 15 руб. не купишь никакого жернова, а, если счесть мелкіе обломки, изъ которыхъ составляются подъ часъ цѣлые составные жернова, то выручка рабочаго не должна бы быть менѣе 150 руб. Почему-жъ такъ мало выручается? Отвѣтъ простой: потому что трудами артели пользуются скупщики, кулаки, цѣловальники и всякій промышленный народъ. Въ камнеломнѣ работаютъ самые несчастные бѣдняки, и около нихъ наживаются люди и безъ того достаточные. Въ Остромъ Камнѣ, у порядочнаго хозяина всегда найдется десятокъ или болѣе жернововъ, купленныхъ имъ у артели за безцѣнокъ въ голодное для нея время. Всѣ расходы артели вѣдаются однимъ старостою и покрываются выручкою за первые добытые жернова. Остальные жернова дѣлятся между рабочими въ артели поровну. Лѣнивыхъ артель не держитъ и въ мелочные расчеты, что одинъ работалъ меньше, а другой больше, не входитъ. Такою работою изъ села Острого Камня заняты до 60 человѣкъ».

Въ виду такого страшнаго раззоренія, причиняемаго крестьянамъ ростовщиками, каждое земство должно было бы поставить себѣ первою обязанностію учрежденіе кредита для крестьянъ, и не въ формѣ *ссудосберегательныхъ* товариществъ, помощь которыхъ, чѣмъ бѣднѣе населеніе, тѣмъ менѣе доступна именно для болѣе всего нуждающихся въ ней, и которыя въ такихъ случаяхъ только увеличиваютъ средства кулаковъ для вящшаго давленія надъ обѣднѣвшимъ крестьянствомъ, а въ формѣ волостныхъ кассъ съ кредитомъ, открытымъ для всѣхъ бѣдняковъ-хозяевъ. Къ сожалѣнію, наши земства пока еще, повидимому, вовсе не сознаютъ необходимости учрежденія спеціальнаго кредита именно для маломощныхъ крестьянъ. Когда въ земствахъ и идетъ рѣчь о кредитѣ, то обыкновенно или о кредитѣ вообще для всѣхъ, или о кредитѣ въ формѣ ссудосберегательныхъ товариществъ, полезныхъ преимущественно только кулакамъ изъ крестьянъ. Окредитѣ, который бы служилъ не аферистамъ, а производительному труду, пока въ земствахъ нѣтъ рѣчи. Но надобно же, наконецъ, чтобы они дошли до этого и, вмѣсто того, чтобы принимать предупредительныя полицейскія мѣры противъ голода, позаботились бы предупреждать голодъ самымъ производствомъ. Замѣчательно, что не земство, а администрація первая поняла необходимость производительнаго кредита для крестьянства. По крайней мѣрѣ, помянутый нами выше смоленскій корреспондентъ «Новаго Времени» пишетъ, что ихъ «мѣстная администрація признала полезнымъ учредить, вмѣсто сельскихъ ссудосберегательныхъ кассъ, волостныя ссудныя кассы; для образованія первоначальнаго фонда этихъ кассъ предполагается его позаимствовать на десять лѣтъ по 1,000 руб. на волость изъ тѣхъ денегъ, которыя будутъ уплачиваться крестьянами въ уѣздныя управы, въ возвратъ выданныхъ имъ въ 1868—1872 годы правительственныхъ ссудъ». Проэктъ этотъ находится уже на разсмотрѣніи высшаго начальства, хотя корреспондентъ почему-то и мало надѣется на его осуществленіе.

Отъ раззореній, которыя, по причинѣ недостаточной заботливости и распорядительности земства, причиняются народному труду отъ разныхъ внѣшнихъ враговъ, мы перейдемъ теперь къ тѣмъ неустройствамъ внутри самого земства, которыя, такъ сказать, въ самомъ корнѣ ослабляютъ производительность и силу народнаго труда. Здѣсь на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено несоразмѣрное съ платежными силами распредѣленіе налоговъ. На эту несоразмѣрность давно уже обратили вниманіе и правительство, и земство. По поводу составленнаго правительствомъ проэкта о переведеніи подушной подати на дворы и земли податныхъ же сословій, въ видахъ уравненія налоговъ между послѣдними, земство входило въ подробное разсмотрѣніе платежныхъ силъ податныхъ сословій. Въ «Обзорѣ дѣятельности рязанскаго земства» князь С. В. Волконскій говоритъ, что, по свѣдѣніямъ, собраннымъ рязанскою губернскою управою, оказалось, что государственные крестьяне въ разныхъ уѣздахъ получаютъ дохода на дворъ отъ 110 до 166 руб., изъ которыхъ 13% до 25% употребляютъ на покрытіе обязательныхъ повинностей, а временно-обязанные крестьяне, получая дохода отъ 80 до 125 р. на дворъ, расходуютъ на тотъ же предметъ отъ 30% до 43% своего дохода. При этомъ, при невозможности исчислить, какой доходъ получаютъ крестьяне отъ заработковъ (личнаго труда), доходъ этотъ въ разсчетъ не принимался, а полагалось, что онъ употребляется весь на прокормленіе крестьянскихъ семействъ. Получивъ эти цифры, губернская управа, для болѣе нагляднаго представленія степени обремененія крестьянъ налогами, сравнила это ихъ обремененіе съ обремененіемъ личныхъ землевладѣльцевъ, непринадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ. При этомъ сравненіи оказалось, что, еслибы всѣ платимые крестьянами денежные обязательные сборы перевести съ душъ на ихъ земельные надѣлы и по тому же размѣру обложить земли другихъ владѣльцевъ, то съ каждыхъ 250 десятинъ пришлось бы платить на исполненіе разнымъ повинностей: въ Егорьевскомъ уѣздѣ 975 р., въ Даниловскомъ 1,115 р., въ Сапож-

ковскомъ 1,125 руб., въ Раненбургскомъ 1,245 руб.» («Голосъ» № 106). На основаніи этихъ соображеній, губернская управа пришла къ заключенію, что на вопросъ, предложенный въ циркулярѣ министра финансовъ: «какія измѣненія по мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта губерніи представляется нужнымъ сдѣлать въ правительственномъ проэктѣ (о переложеніи подушной подати на дворы и на земли)?», надо отвѣтить, что «по мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта въ Рязанской губерніи слѣдуетъ распространить податную обязанность на всѣ имущественныя и личныя силы губерніи въ той формѣ и тѣмъ способомъ, какъ это признано будетъ за лучшее». Коммиссія, избранная собраніемъ для разсмотрѣнія правительственнаго проэкта и доклада губернской управы, съ своей стороны, при обсужденіи этого вопроса, высказала такое мнѣніе, что «земства, какъ учрежденія всесословныя, не могутъ отнестись къ дѣлу о замѣнѣ подушныхъ окладовъ другими сборами иначе, какъ съ точки зрѣнія всесословной; что несправедливо, чтобъ въ одномъ и томъ же государствѣ были люди, ничего неплатящіе на государственныя надобности, и были сословія, обремененныя тяжкими налогами; что это тѣмъ болѣе несправедливо, что услугами и выгодами государственнаго благоустройства наиболѣе пользуются не платящіе податей классы; что извѣстно, что наши податныя сословія истощены налогами и что нѣтъ никакой возможности оставлять это дѣло въ томъ положеніи, въ какомъ теперь оно находится». Въ силу этихъ соображеній большинство коммиссіи рѣшило, что къ участію въ платежѣ прямыхъ налоговъ слѣдуетъ привлечь всѣ сословія. Въ принципѣ это рѣшеніе было принято и большинствомъ земскаго собранія. Сколько извѣстно, такія же точно постановленія о необходимости привлечь къ платежу налоговъ состоялись и въ другихъ земскихъ собраніяхъ. Но до сихъ поръ правительствомъ имъ не дано движенія, и потому бремя налоговъ попрежнему остается на податныхъ сословіяхъ.

Въ виду такой тяжести, обрушивающейся на народный трудъ, земствамъ тѣмъ съ большею ревностію слѣдовало бы стараться о возможномъ уравненіи повинностей и сборовъ собственно земскихъ. Для этого каждое земство, прежде всего, должно было бы обратить вниманіе на правильную оцѣнку имуществъ, подлежащихъ обложенію. Понятно само собою, что правильная оцѣнка имуществъ, опредѣливъ съ приблизительною точностію ихъ современную доходность и привлекши къ соразмѣрному платежу тѣ изъ нихъ, которыя до сихъ поръ были вовсе изъяты отъ платежа или участвовали въ немъ несоразмѣрно своей доходности, должна въ извѣстной мѣрѣ способствовать къ уменьшенію тяжести налоговъ податныхъ сословій. Рязанское земство, оцѣнивъ находящіяся въ его вѣдѣніи земли, городскія имущества и промышленныя заведенія, стоящія дороже 500 руб., получило стоимость предметовъ, подлежащихъ обложенію по губерніи въ 205,418.736 р., вмѣсто 147,217.038 р. по прежней оцѣнкѣ. Разница въ оцѣнкѣ имуществъ по уѣздамъ оказалась еще поразительнѣе. Такъ, богатство Касимовскаго уѣзда, вмѣсто прежнихъ 15,070,375 р., опредѣлилось въ 11,224,218 р.; Пронскаго, вмѣсто 8,605,786 р.—13,360,039 р.; Раненбургскаго, вмѣсто 12,400,889 руб.—24,037,135 р. («Голосъ», № 85). Хотя правильная оцѣнка имуществъ требуетъ довольно-продолжительныхъ работъ (въ рязанскомъ земствѣ она длилась семь лѣтъ и обошлась въ 23,000 руб.), но такъ какъ эта оцѣнка необходима для болѣе равномѣрнаго распредѣленія налоговъ, то ее должны бы были произвести уже, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ земства, которыя существуютъ болѣе семи лѣтъ.

Между тѣмъ, нѣкоторыя земства не только не позаботились о приведеніи въ ясность дѣйствительной цѣнности имуществъ, подлежащихъ обложенію, но до сихъ поръ не переложили даже натуральныхъ повинностей въ денежныя, съ приблизительно точнымъ исчисленіемъ тѣхъ долей, которыя должны вносить каждое уѣздное земство, хотя извѣстно, что натуральныя повинности вообще, дорожная же повинность въ особенности, самымъ тяжелымъ гнетомъ ложатся на крестьянство и исполняются почти исключительно имъ однимъ. И къ сожалѣнію, нельзя не признаться, что не почему другому, а именно потому, что они падаютъ своею тяжестію исключительно на народъ, они остаются не переложенными въ денежный сборъ. Наши губернскія земскія собранія, которыя, по положенію о земскихъ учрежденіяхъ, должны бы быть всесословными, въ дѣйствительности зачастую являются представительствомъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Для того, чтобы ѣхать изъ уѣзда на собраніе въ губернскій городъ и прожить тамъ три четыре недѣли, надобно издержать мало мало 300—400 рублей. Уѣздныя земскія собранія много разъ просили правительство дозволить имъ давать назначаемымъ въ губернскія собранія гласнымъ содержаніе,—но это не разрѣшалось. Поэтому, уѣздныя собранія поставлены въ необходимость выбирать въ губернскіе гласные не тѣхъ, кого бы они хотѣли въ виду своихъ интересовъ, а тѣхъ, кому ничего не стоитъ прокатиться въ губернскій городъ, бросивъ на это 300—400 р. Если же номинально и избираются въ представители губернскихъ собраній гласные изъ крестьянъ, то это только для пополненія комплекта гласныхъ, требуемыхъ отъ того или другого уѣзда, съ такимъ предварительнымъ условіемъ со стороны избираемаго при самыхъ выборахъ, что онъ воленъ ѣхать и не ѣхать въ губернское собраніе. Но землевладѣльцамъ нѣтъ никакой выгоды хлопотать о переложеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя. Пока дорожная повинность отправляется натурою, на землевладѣльцевъ и удѣлъ

по закону возлагается только отпускъ лѣсного матеріала на дорожныя сооруженія, доставка же его къ мѣсту работъ и исправленіе полотна дорогъ—на крестьянъ. Но и отпускъ матеріала въ дѣйствительности остается повинностію только мнимою. Землевладѣлецъ волевъ назначить этотъ матеріалъ не изъ дачъ, ближайшихъ къ мѣсту дороги, а изъ тѣхъ, откуда ему выгоднѣе, такъ что доставка лѣса къ мѣсту дорожныхъ сооруженій можетъ обойтись дороже, чѣмъ самый лѣсъ, и потому отъ него по необходимости надобно будетъ отказаться. Между тѣмъ крестьянское населеніе, обязанное исправлять дорогу, сгоняется къ ней со всего уѣзда, при чемъ не дѣлается никакого различія между селеніями, которыя находятся близъ самой дороги и которыя отстоятъ отъ нея на 70 верстъ, такъ что многимъ крестьянамъ, кромѣ пребыванія въ теченіи нѣсколькихъ дней для исправленія на самой дорогѣ, приходится проводить еще нѣсколько дней въ пути впередъ и обратно. Если перевести на деньги тотъ убытокъ, который несутъ крестьяне отдаленныхъ деревень при такомъ способѣ исправленія дороги, теряя напрасно по 6, 7, 8, 10 и болѣе дней иногда самаго горячаго рабочаго времени, то онъ выйдетъ громадный. А между тѣмъ, толку отъ ихъ исправленія дорогъ нѣтъ никакого. Полотно дороги, отъ кое-какихъ ничтожныхъ починокъ, держится много недѣлю, потомъ дѣлается попрежнему никуда негоднымъ. Кромѣ того, при подобномъ способѣ исправленія дороги, земская управа всегда ставится въ затрудненіе при непредвидѣнныхъ случаяхъ. Разрушился, напримѣръ, или сломался мостъ—надобно обращаться къ землевладѣльцамъ съ требованіемъ лѣса, а они заводятъ споръ, кому слѣдуетъ давать; надобно дѣлать особый вызовъ крестьянамъ на работу и т. д., между тѣмъ, дорога въ это время должна оставаться безъ проѣзда. Не смотря на такое страшное неудобство, исключительный составъ земскихъ губернскихъ собраній способствуетъ къ тому, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ упорно поддерживаются натуральныя дорожныя повинности. Корреспондентъ «Голоса» изъ Ардатова (№ 42) пишетъ: «едвали не съ перваго же года введенія земскихъ учрежденій въ здѣшней мѣстности, ардатовское земство ходатайствовало передъ губернскимъ о переложеніи всей дорожной повинности въ губерніи на денежную или объ отчисленіи ея въ разрядъ уѣздныхъ. Оно повторяло это ходатайство въ теченіи восьми лѣтъ... Но симбирское губернское собраніе на неоднократно повторявшіяся ходатайства ардатовскаго собранія или ничего не отвѣчало, или откладывало этотъ вопросъ въ долгій ящикъ. Объяснить это можно однимъ: губернскимъ гласнымъ хорошо было извѣстно, что, въ виду затруднительности получать отъ землевладѣльцевъ лѣсной матеріалъ, земскія управы никогда не требовали отъ нихъ этого матеріала для починки мостовъ, предоставляя все на волю судебъ и ограничивались требованіемъ однихъ только крестьянскихъ работъ для замазыванія дыръ на мостахъ и исправленія полотна. Тянуть, однако, дѣло послѣ того, какъ прошло восемь лѣтъ существованія земства въ Симбирской губерніи, не представлялось возможнымъ, потому что всѣ мосты на земскихъ путяхъ пришли въ дурное состояніе, случаи проваловъ вмѣстѣ съ экипажами начали повторяться все чаще и чаще. Вѣроятно, вслѣдствіе этого-то, въ прошломъ году, въ губернскомъ собраніи и былъ возбужденъ, наконецъ, вопросъ о переложеніи натуральной дорожной повинности въ денежную. Какое же постановленіе состоялось по этому вопросу? Постановленіемъ этимъ опредѣлялось принятіе дорожныхъ сооруженій на почтовыхъ трактахъ на губернскій денежный сборъ, а на прочихъ трактахъ—на уѣздный и оставленіе содержанія полотна дорогъ непремѣнно на натуральной повинности. Вникните въ это, вспомните, что земскій сборъ взимается со всѣхъ предметовъ земскаго обложенія соотвѣтственно доходности ихъ, что въ содержаніи дорожныхъ сооруженій, какъ-то: мостовъ, гатей и пр., должны, слѣдовательно, участвовать одинаково, какъ землевладѣльцы, такъ и крестьяне; примите, наконецъ въ соображеніе, что исправленіе полотна дорогъ требуетъ однѣхъ личныхъ работъ, возлагаемыхъ исключительно на крестьянъ, что эти работы должны составлять для нихъ излишекъ противъ того, что несутъ землевладѣльцы—и вы поймете, сколько неправильности въ постановленіи губернскаго собранія. Такимъ образомъ, обременяются излишнею повинностью тѣ, кто и безъ того несетъ подушные и другіе сборы, отъ которыхъ сами землевладѣльцы избавлены, но которыми, между тѣмъ, они пользуются.

Тульское губернское собраніе сдѣлало тоже самое, что и симбирское: содержаніе мостовъ, переправъ и сооруженія, требующія техническихъ знаній, отнесены насчетъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ сборовъ съ подрядовъ; исправленіе же полотна дорогъ производится крестьянами натурою. Говоря другими словами, крестьяне несутъ двойную дорожную повинность: въ сооруженіяхъ—денежную, а въ исправленіи полотна дорогъ—натуральную. Послѣднюю корреспондентъ «Голоса» (№ 38) находитъ очень стѣснительною. «Для этой работы, говоритъ онъ, требуется ежегодно въ каждомъ уѣздѣ въ самое рабочее время отъ 7,000 до 12,000 работниковъ, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ». А замѣтьте, что въ Тульской губерніи 12 уѣздовъ; слѣдовательно, на всю губернію требуется ежегодно отъ 84,000 до 144,000 работниковъ. Предположите, что каждый изъ нихъ проводитъ на пути къ дорогѣ и на работахъ по ней среднимъ числомъ только по пяти дней, вы получите, что на исправленіе дороги населеніемъ Тульской губерніи тратится ежегодно отъ 420,000 до 720,000 дней! А между тѣмъ, корреспон-

дентъ благодушествуетъ и говоритъ, что натуральная повинность не перелагается въ денежную единственно по неимѣнію денегъ у земства. Помилуйте! Да каждый рабочій съ удовольствіемъ отдастъ вамъ гривенникъ за день — только не трогайте его въ рабочее время!—Что-жъ, однако, въ концѣ концовъ получается отъ этой страшной траты народнаго труда?—А по словамъ самого же корреспондента—вотъ что: «работа оказывается совершенно безполезною. Послѣ перваго проливного дождя не остается и слѣда такихъ поверхностныхъ исправленій. До тѣхъ поръ, замѣчаетъ корреспондентъ, пока земство не возьметъ этой повинности на себя, нѣтъ никакой надежды ожидать какихъ-нибудь улучшеній».

Намъ остается упомянуть теперь о нѣкоторыхъ... какъ бы это поучтивѣе выразиться... скажемъ: вольностяхъ и затѣяхъ земства, которыя также тяжелымъ образомъ падаютъ на народный трудъ.

Въ числѣ земскихъ вольностей на первомъ мѣстѣ мы должны поставить произвольные оклады жалованья, назначаемые земствомъ себѣ самому за свои труды по праву самоуправленія. Русскій человѣкъ, — мы разумѣемъ русскій благородный человѣкъ, а не мужикъ,—любитъ хорошее жалованье издавна, по традиціи. Какіе-нибудь другіе народы, въ особенности нѣмцы, въ этомъ случаѣ не могутъ идти съ нимъ ни въ какое сравненіе. На тѣхъ самыхъ должностяхъ, на которыхъ 1,000 талеровъ нѣмецъ считаетъ красною цѣною, русскій не взимаетъ менѣе 3,000 р. серебромъ, и все еще жалуется, что обиженъ. И это нисколько не зависитъ отъ дороговизны цѣнъ на продукты. Въ какой нибудь Уфѣ, напримѣръ, 1,000 р. серебромъ имѣетъ столько же покупательной силы, сколько 2,000 р., а то, пожалуй, и 3,000 въ Петербургѣ. Несмотря на это, каждое должностное лицо въ Уфѣ непремѣнно стремится получить тотъ же окладъ жалованья, какой получается на соотвѣтствующей должности въ Петербургѣ. Стремленіе это весьма естественное и понятное; конечно, если имѣть въ виду, что казна, изъ которой отпускается жалованье, не есть какой-нибудь волшебный кладъ, а наполняется, главнымъ образомъ, изъ тощихъ мужицкихъ кармановъ, то патріотизма тутъ мало. Но, такъ какъ истинный патріотизмъ есть доблесть очень возвышенная, нѣкоторымъ образомъ, героизмъ, котораго никто не въ правѣ требовать отъ простыхъ смертныхъ, то и стремленіе къ большому жалованью, какъ стремленіе естественное, въ принципѣ мы не можемъ считать предосудительнымъ. Но въ дѣйствительности, коль скоро дѣло идетъ относительно общественныхъ суммъ, ему должна быть поставлена какая нибудь мѣра, ставящая это стремленіе въ извѣстныя границы. Мы пока этого только и требуемъ. Земство А, или В, или С можетъ назначать своей управѣ въ жалованье хоть 200,000 р., но пусть только скажетъ намъ, на какомъ основаніи и по какой нормѣ оно это дѣлаетъ—и мы останемся довольны. А то сплошь и рядомъ, читая земскіе протоколы, встрѣчаешь какое-то, извините за выраженіе, чисто *самодурное* назначеніе жалованья. Вотъ, напримѣръ, передъ нами «Сборникъ постановленій перваго уфимскаго губернскаго земскаго собранія», только что открывшагося. На стр. 11 мы читаемъ въ немъ слѣдующее постановленіе относительно жалованья членамъ губернской управы:

Послѣ разсмотрѣнія правильности выборовъ гласныхъ, земское губернское собраніе, «на основаніи 56 ст. полож. о зем. учрежденіяхъ, опредѣливъ большинствомъ голосовъ составить губернскую управу изъ четырехъ членовъ, перешло къ разрѣшенію вопроса о суммѣ, потребной для содержанія управы; при этомъ гг. гласными были выражены слѣдующія цифры содержанія предсѣдателямъ и членамъ губернской управы: 1-му 2,560, 3,000, 3,600 и 4,000 рублей въ годъ; вторымъ по 1,000, 1,500, 2,000 и 2,500 р. въ годъ. Почти что большинствомъ голосовъ была отвергнута цифра содержанія предсѣдателю въ 2,500 и принята въ 3,000 р., причемъ на вопросъ: слѣдуетъ ли предлагать къ голосованію слѣдующія цифры въ 3,600 и 4,000 руб.?—собраніе большинствомъ голосовъ выразило рѣшеніе остановиться на 3,000 руб. Затѣмъ, передъ назначеніемъ содержанія членамъ управы, вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли голосованіе заканчивать на той цифрѣ, которая принята большинствомъ?—собраніе разрѣшило утвердительно. Далѣе собраніе, большинствомъ голосовъ отвергнувъ размѣръ годового содержанія членамъ управы въ 1,000 и 1,500 р., приняло цифру въ 2,000 р. На содержаніе канцеляріи, наемъ помѣщенія и вообще расходы: по веденію дѣлопроизводства 1,000 р. въ годъ, на первоначальное обзаведеніе мѣбелью и другими необходимыми предметами собраніе опредѣлило 1,000 р.; для распредѣленія же этой суммы между уѣздами и назначенія къ сбору порядкомъ, опредѣленнымъ въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ, избрало изъ среды ея коммиссію» и т. д.

Читая это постановленіе, вы удивляетесь: почему одни голоса въ земскомъ собраніи minimum предсѣдательскаго жалованья назначили въ 2,500 р., а, напримѣръ, не въ 1,000 р., почему другіе maximum его доводили до 4,000 р., а, скажемъ, не до 25,000 или 30,000 р.? Точно также, почему членамъ управы опредѣлили жалованья въ 1,000 и 2,000, а не въ 500 р. или 15,000 р.?—Ничего нѣтъ резоннаго и твердаго. Каждый высказывалъ ту цифру, которая ему приходила въ данный моментъ на умъ,—а почему она именно ему представлялась первая — имѣлъ ли онъ въ виду внѣшнюю обстановку членовъ управы, или ихъ труды, или сумму доходовъ земства, или, можетъ быть, надѣялся самъ быть избраннымъ въ члены управы—неизвѣстно! Будь другой составъ членовъ собранія, нѣтъ ничего мудренаго,

что явились бы другіе минимумы и другіе максимумы для содержанія управы, и дѣйствительное содержаніе управы опредѣлилось бы или на половину меньше, или въ полтора раза больше. Потому что у этого новаго земскаго собранія не было бы въ виду также никакихъ данныхъ для разсужденія о дѣлѣ, и каждый назначилъ бы ту или другую цифру содержанія чисто по личному, случайному усмотрѣнію. Въ порядкѣ надобно было вести дѣло совсѣмъ не такъ. Надобно было назначить особую коммиссію по вопросу о содержаніи для членовъ управы не по назначеніи окладовъ содержанія, а до назначенія, и надобно было поручить ей собрать свѣдѣнія о количествѣ земскихъ доходовъ, объ окладахъ содержанія, получаемыхъ въ разныхъ казенныхъ учрежденіяхъ Уфы, соотвѣтствующихъ по своему рангу земской управѣ. Основываясь на этихъ свѣдѣніяхъ, члены собранія и могли бы разсуждать о томъ: какой процентъ они могутъ положить на содержаніе управы, соображаясь, съ одной стороны, съ количествомъ земскихъ суммъ, а съ другой — примѣнительно къ тому положенію, какое управа должна занимать въ ряду другихъ соотвѣтствующихъ ей по рангу управленій. Установленіе такого или другого опредѣленнаго процента, какой долженъ идти на содержаніе губернской земской управы при томъ или другомъ состояніи земскихъ суммъ, могъ бы служить полезнымъ антецедентомъ и для будущихъ земскихъ собраній въ случаѣ разсужденія о жалованьи и еще болѣе полезнымъ примѣромъ для уѣздныхъ земскихъ собраній. А то посмотрите, что дѣлается! Губернское земство назначаетъ на содержаніе своей управѣ, съ единовременными расходами по обзаведенію, почти 13% изъ всей суммы 143,627 р. 1 к. окладовъ на обязательныя губернскія повинности за 1875 годъ, а Златоустовское уѣздное земство назначаетъ для своей управы 4520 р. въ годъ, что составляетъ уже болѣе 24% всѣхъ его сборовъ по уѣзду. Очень можетъ быть, что въ другихъ уѣздныхъ земствахъ Уфимской губерніи, о которыхъ свѣдѣній нѣтъ въ помянутой брошюрѣ, процентъ на содержаніе управы стоитъ и еще выше.

Эта безпорядочность и произволъ въ назначеніи окладовъ содержаній, происходящіе единственно вслѣдствіе того, что своя рука владыка, составляютъ великое зло въ земствѣ. Оклады, назначаемые огуломъ, а не по процентному отношенію къ количеству земскихъ суммъ, дѣлаются постоянными, неизмѣнными, между тѣмъ годовой приходъ земскихъ суммъ можетъ мѣняться по разнымъ случайностямъ. Жалованье, которое земство можетъ легко давать, скажемъ, при 250,000 р. годового дохода, оно можетъ затрудниться отпускать, когда доходъ его сократится на четверть или на половину. Въ такомъ именно положеніи находится теперь николаевское земство Самарской губерніи. «Громадныя недоимки, пишетъ корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 20-й), накопившіяся на населеніи уѣзда въ тяжелые годы неурожая, и плохіе виды на озимый урожай настоящаго года, потому что снѣга очень много и хлѣбъ, покрытый ледяной корой, сгниваетъ на корнѣ,—вынуждаютъ наше земство сокращать свои расходы». Но въ чемъ сократить? Нѣкоторые указываютъ на сокращеніе жалованья разныхъ лицъ, которымъ почти дѣлать нечего и которые получаютъ между тѣмъ большое содержаніе. Но гласные изъ помѣщиковъ на это не соглашаются, и сокращеніе расходовъ производится сокращеніемъ издержекъ на народное образованіе. Вмѣсто 41,000 р. — суммы, отпускавшейся на сельскія училища въ 1870 и 1871 году, теперь отпускается на этотъ предметъ всего 20,000. Такимъ образомъ, земство поставлено въ необходимость ломать лучшія свои учрежденія, тогда какъ это не могло бы случиться, если бы жалованье служащихъ по земству находилось въ твердомъ процентномъ отношеніи къ количеству земскихъ суммъ. Относительно окладовъ жалованья во всѣхъ почти земствахъ идетъ борьба между гласными отъ крестьянъ и гласными отъ землевладѣльцевъ. Первые хлопочутъ обыкновенно о томъ, какъ бы уменьшить оклады жалованья, послѣдніе, напротивъ, стараются ихъ увеличить. Такъ, и о николаевскомъ земствѣ корреспондентъ говоритъ, что представители крестьянъ на земскихъ собраніяхъ уже не разъ поднимали вопросъ о сокращеніи судейскихъ окладовъ съ 2,200 р. по крайней мѣрѣ до 1,800 р., но ходатайство это никогда не имѣло успѣха. Между тѣмъ, по словамъ корреспондента, нѣкоторымъ судьямъ дѣйствительно дѣлать нечего, потому что у нихъ бываетъ всего отъ 3 до 10 дѣлъ въ году, и многіе ищутъ должности судьи именно потому, что, при хорошемъ окладѣ жалованья и при множествѣ остающагося времени, имѣютъ возможность нахватать другихъ должностей также съ хорошими окладами. Это нахватываніе должностей однимъ лицомъ, единственно ради полученія окладовъ, составляетъ одно изъ самыхъ прискорбныхъ и, къ сожалѣнію, самыхъ распространенныхъ явленій въ земствѣ. Тотъ же николаевскій корреспондентъ сообщаетъ, напримѣръ, что даже земскіе врачи, вмѣсто того, чтобы заниматься своимъ дѣломъ, добросовѣстное исполненіе котораго заняло бы, безъ сомнѣнія, все ихъ время, ничего не дѣлаютъ по своей должности, а проводятъ время въ отыскиваніи постороннихъ занятій и должностей. «Въ одномъ селѣ, говоритъ корреспондентъ, существуетъ больница съ 50 кроватями, изъ которыхъ почему-то ни одна никогда не бываетъ занята, и, при ревизіи больницы членами управы, врачъ всегда даетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «больныхъ нѣтъ, были да вышли, скоро новые будутъ». Въ другомъ большомъ торговомъ селѣ также есть больница, и земскій врачъ ея имѣетъ такъ много свободнаго времени, что находитъ возможнымъ быть въ это же время врачомъ

Сергіевскихъ минеральныхъ водъ, находящихся въ сосѣднемъ уѣздѣ, въ 350 верстахъ отъ этого села, и на время своей небытности, что̀ продолжается весь лечебный сезонъ (около 5 мѣсяцевъ въ году), нанимаетъ за себя исправлять должность другого врача. Одинъ земскій врачъ имѣетъ такъ много свободнаго времени, что, кромѣ должности врача, занималъ должность мирового посредника, а теперь состоитъ членомъ дворянской опеки, директоромъ кумысолечебнаго заведенія и гласнымъ земства, губернскаго и уѣзднаго, и, наконецъ, заявилъ еще себя кандидатомъ въ предстоящіе майскіе выборы въ мировые судьи».

Пока земство не уничтожитъ у себя синекуръ, т. е. должностей съ большимъ окладомъ жалованья безъ дѣла, пока оно не постановитъ правиломъ, чтобы каждое служащее въ земствѣ лицо занимало одну должность съ жалованьемъ — не болѣе, пока не будетъ требовать отъ своихъ должностныхъ лицъ строгаго исполненія своихъ обязанностей, до тѣхъ поръ они на половину, если не болѣе, будутъ состоять изъ хлыщей, т. е. людей праздныхъ и пустыхъ, отъ которыхъ ничего нельзя ожидать, кромѣ вреда. При существованіи синекуръ, хлыщи эти вотрутся въ земство, какъ бы этому ни противодѣйствовали честные и добросовѣстные дѣятели земства, потому что послѣдніе вездѣ почти состоятъ въ меньшинствѣ, а, главное, страдаютъ общею слабостію русскихъ людей—отсутствіемъ характера и стойкости. А безъ этого ничего не подѣлаешь. Родовой элементъ и кумовство у насъ до сихъ поръ очень еще крѣпки и сильно дѣйствуютъ не только въ земскихъ, но и во всякихъ дѣлахъ. Вездѣ на первомъ планѣ стоитъ не столько польза дѣла, сколько личныя отношенія, при помощи которыхъ скопомъ достигаются личные интересы. И фамусовское *порадѣть родному человѣчку* вездѣ лежитъ въ основѣ, не смотря на всѣ внѣшнія украшенія дѣлъ самоновѣйшими принципами. Въ провинціи это нерѣдко доходитъ до скандаловъ. Есть цѣлые уѣзды, управляемые родами. Изъ членовъ рода и примкнувшихъ къ роду нѣсколькихъ преданныхъ ему изгоевъ состоятъ всѣ мировые посредники уѣзда, всѣ мировые судьи, члены управы и т. д. Понятно, что при такомъ порядкѣ каждая новая вакантная синекура поднимаетъ на ноги всѣ роды, и вмѣсто выборной агитаціи являются выборные прописки скандальнаго характера. «У насъ, пишетъ корреспондентъ «Голоса» (№ 42) изъ Владиміра на Клязьмѣ, происходило недавно избраніе членовъ въ губернскія и уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, отнынѣ долженствующія замѣнить мировыхъ посредниковъ. Какъ скоро дѣло коснется выборовъ, да еще съ жалованьемъ—земство наше (да и одно ли наше?) выказываетъ энергію необыкновенную: гласныхъ собралось 59 изъ комплекта 72-хъ. Желающихъ принести труды свои на алтарь отечества въ новой должности, съ заманчивою цифрою двухъ тысячнаго жалованья, явилось легіонъ: и отставные посредники, и новые дѣятели дѣлали визиты властямъ и гласнымъ, для предъявленія своихъ несомнѣнныхъ способностей. Не принадлежа ни къ избирателямъ, ни къ избираемымъ, мы не могли лично слѣдить за процессомъ баллотировки, происходившей почему-то при закрытыхъ дверяхъ въ залѣ дворянскаго дома, но, основываясь на достовѣрныхъ слухахъ, а, главное на результатахъ избранія, можемъ съ полнымъ безпристрастіемъ сказать, что аспирантами на новыя должности пущено было въ ходъ все, что̀ обыкновенно пускается въ ходъ, когда опредѣленіе на должность зависитъ отъ выборовъ. Слѣдствіемъ было то, что люди трудолюбивые, способные и знающіе дѣло, но скромные и не пускавшіе ничего «въ ходъ», остались въ сторонѣ. Теперь избранники, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, ждутъ утвержденія. Въ одномъ изъ уѣздовъ оба кандидата получили одинаковое число избирательныхъ голосовъ; сейчасъ же за одного изъ нихъ посыпалось къ губернатору столько просьбъ и писемъ, столько получилъ онъ визитовъ отъ вліятельныхъ лицъ обоего пола, что, несмотря на свое многотерпѣніе, не выдержалъ и, говорятъ, выѣхалъ на нѣсколько дней изъ Владиміра, чтобъ отдохнуть отъ приставаній».

Изъ Уфы о тамошнихъ земскихъ выборахъ корреспондентъ «Новаго Времени» (№ 103) пишетъ: «долго ждали мы введенія у насъ земскихъ учрежденій. Наконецъ, дождались. Выборы гласныхъ совершились по обыкновенію кое-какъ, а членовъ и предсѣдателя выбрали не безъ интригъ, дошедшихъ даже до того, что одинъ баринъ, жаждавшій предсѣдательскаго мѣста въ одной уѣздной управѣ, началъ подкупать гласныхъ изъ башкиръ. Онъ ихъ кормилъ на собственный счетъ, не жалѣя ни чая, ни мяса, ни даже водки. Представители народнаго довѣрія, т. е. гласные, были очень довольны, а баринъ достигъ своей вожделѣнной цѣли. Выборы предсѣдателей и членовъ другихъ управъ сопровождались также не менѣе эффектными явленіями».

Намъ остается теперь представить нѣсколько частныхъ случаевъ, въ доказательство, какъ наше земство не умѣетъ еще разумно распоряжаться народными деньгами, какъ оно безалаберно тратитъ ихъ на вещи, или вовсе ненужныя, или такія, которыя не составляютъ предметовъ первой потребности, между тѣмъ какъ послѣдніе оставляются безъ вниманія.

Самарскій корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 33), разсказываетъ, что на бывшемъ въ началѣ нынѣшняго года экстренномъ губернскомъ земскомъ собраніи управа требовала ассигнованія болѣе 10 тыс. руб. на исправленіе моста черезъ рѣку Кинель при городѣ Бугурусланѣ. Изъ доклада управы видно, что часть моста прошлою весною была разрушена водою, и, чтобы исправить поврежденія, нужно употре-

бить болѣе 10 тыс. руб.; вмѣстѣ съ тѣмъ управа заявила, что въ существованіи моста нѣтъ особенной необходимости, а что если его и нужно исправить, то только потому, что онъ стоитъ земству болѣе 25 тыс. руб., ибо, когда его не было, то черезъ рѣку существовалъ перевозъ, содержаніе котораго стоило около 300 руб., такъ какъ проѣздъ тамъ небольшой. Объ этомъ мостѣ еще въ прошлое очередное собраніе были пренія, и тогда одинъ изъ гласныхъ сказалъ: «мостъ этотъ нужно разобрать, употребивъ на это около 1,500 р., чтобы избѣжать дальнѣйшихъ расходовъ, болѣе крупныхъ; матеріалъ сложить по берегу курганомъ, огородить его рѣшеткою и на углахъ ея повѣсить доски съ надписью: «Матеріалъ неудавшагося земскаго моста, стоющаго болѣе 25 тыс. руб.»—чтобы, глядя на него, казнились и мы сами—убившіе непроизводительно такую громадную сумму общественныхъ денегъ,—и будущіе дѣятели земства». Послѣ долгихъ преній собраніе постановило: ассигновать съ чѣмъ-то 600 руб. на приведеніе моста въ надлежащій видъ и на поддержаніе останковъ его отъ окончательнаго разрушенія въ слѣдующую весну. Вѣроятно, это сдѣлано съ цѣлью сохранить хотя еще годокъ этотъ памятникъ творенія рукъ еще юнаго земства».

Корсунскій корреспондентъ «Голоса» (№ 58) повѣствуетъ слѣдующее объ учрежденіи особой корпораціи земскихъ трубочистовъ. «Въ нашемъ земскомъ собраніи уже третій годъ идутъ толки о растратахъ, допущенныхъ прежнею управою; неизвѣстно, когда будетъ конецъ этому безобразному дѣлу. Оно поглощаетъ на земскихъ собраніяхъ все вниманіе и всю энергію гласныхъ, такъ что на другіе важные вопросы не остается ни времени для серьезнаго обсужденія, ни охоты. Выдавая, напримѣръ, ничтожную сумму на народное образованіе, корсунское земское собраніе послѣдняго созыва опредѣлило ежегодно расходовать по 3,000 руб. на наемъ трубочистовъ въ селенія!.. Многіе гласные, послѣ собранія, смѣялись надъ этимъ постановленіемъ, но на вопросъ, зачѣмъ же они не протестовали противъ него, обыкновенно получается одинъ отвѣтъ: «партіи, батюшка, партіи—ничего съ ними не подѣлаешь». Наемъ трубочистовъ, разумѣется—вещь хорошая, но на 3,000 рублей (отпускаемыхъ, понимается, ежегодно, такъ какъ и трубочисты же не на одинъ годъ будутъ нужны) можно бы обзавестись пожарными инструментами, которыхъ у насъ нѣтъ» и т. д.

Балахнинскій корреспондентъ «Новаго Времени» (№ 63) сообщаетъ, что въ г. Балахнѣ 4 марта было экстренное земское собраніе по случаю ошибки, допущенной въ смѣтѣ земскихъ сборовъ относительно обложенія сорумовской фабрики гг. Бенардаки. По смѣтѣ положено было взимать съ этой фабрики земскаго сбора всего 4,500 руб., тогда какъ, по мнѣнію управы, основанному на оцѣнкѣ самими хозяевами фабрики въ 1.700,000 р., съ нея слѣдуетъ 13,000 р. Собраніе утвердило докладъ управы. А предсѣдатель собранія тотчасъ же нашелъ этому вновь проектированному доходу и употребленіе. Онъ началъ читать докладъ управы о томъ, что занимаемый управою домъ неудобенъ, и потому было бы желательно пріобрѣсти другой домъ, болѣе удобный, въ виду необходимости имѣть помѣщеніе и для отдѣленія окружнаго суда. Гласные, гг. Нестеровъ и Меркульевъ, выразили сомнѣніе въ полученіи съ фабрики налога въ количествѣ 13,000 р., а поэтому находили преждевременнымъ ассигнованіе денегъ на покупку дома. Но, въ виду увѣреній и ручательствъ г. предсѣдателя въ полученіи земскаго сбора съ фабрики, гласные утвердили докладъ управы. Нельзя, говоритъ одинъ крестьянинъ-гласный, вставать со стула, когда предсѣдатель предлагаетъ, что кто не согласенъ купить домъ или увеличить налогъ—вставайте: онъ такъ и упретъ на тебѣ свои глаза. Припомнитъ, пожалуй, послѣ. Онъ вѣдь главнымъ въ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ, въ рекрутскомъ присутствіи и вездѣ. Явились въ собраніе два лица съ предложеніями купить у нихъ дома. Цѣну объявили за одинъ домъ 5,000 руб., а за другой 9,000 руб. Гласные подумали, поговорили и рѣшили купить домъ для земской управы у Г. за 6,000 руб., съ придачею ей дома управы (употребившей на этотъ домъ денегъ по крайней мѣрѣ до 6,000 руб.). Домъ же Л. въ 5,000 р. нашли неудобнымъ, такъ какъ въ домѣ Л., по словамъ предсѣдателя, «однѣ клѣтушки», тогда какъ нужно бы пріобрѣсти именно домъ Л., какъ ближайшій къ центру города, а, главное, значительно дешевле дома Г. Послѣ закрытія собранія не менѣе представляло интереса предложеніе одного гласнаго, почотнаго мирового судьи, о прибавкѣ жалованья г. предсѣдателю. Гласный началъ съ того, что въ виду явныхъ заслугъ г. предсѣдателя, неутомимой его дѣятельности (особенно замѣчательна послѣдняя похвала, когда предсѣдатель живетъ въ губернскомъ городѣ и за визитъ въ Балахну одинъ разъ въ мѣсяцъ получаетъ сто рублей) и, Богъ знаетъ, еще какихъ-то заслугъ, ему, предсѣдателю, слѣдуетъ увеличить жалованье съ 1,200 руб. до 3,000 р. въ годъ. Гласный г. Нестеровъ возразилъ, что теперь собраніе не вправѣ обсуждать этотъ предметъ,—оно закрыто. Такимъ образомъ, предложеніе гласнаго почотнаго мирового судьи осталось «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». За то и досталось же бѣдному почотному мировому судьѣ отъ другого гласнаго, участковаго мирового судьи. «Вотъ, П. И., вамъ нельзя дать никакого порученія: вы не съумѣли во время предложить этотъ вопросъ, чтобы рѣшить его въ пользу предсѣдателя. Кажется, можно было бы уговориться у Ш. въ трактирѣ семейно, для того, чтобы здѣсь единогласно согласиться. Вы теперь своимъ неумѣлымъ предложеніемъ сконфузили предсѣдателя, да и намъ втерли краску».

Въ прошедшемъ моемъ обозрѣніи, говоря о мартовской революціи въ обществѣ взаимнаго кредита, я кратко упомянулъ о той ревности, съ которой наши газеты вообще, а издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» въ особенности, отстаиваютъ законность выборовъ 17-го марта. Г Полетика счелъ нужнымъ почтить мою краткую замѣтку цѣлою передовою статьею. Такъ какъ съ моей стороны было бы неучтиво оставить ее безъ отвѣта, то я и займусь теперь ея разсмотрѣніемъ.

Статья г. Полетики состоитъ изъ четырехъ частей: 1) одного, очень мужественнаго измышленія; 2) одного краснорѣчиваго умолчанія; 3) одного недоразумѣнія, и 4) нѣсколькихъ общихъ мѣстъ, приправленныхъ жалкими словами. По симъ четыремъ пунктамъ мы ее и разсмотримъ.

I. Въ своей прошедшей замѣткѣ я назвалъ г. Полетику шефомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей». Г. Полетика этимъ обидѣлся. «Нѣтъ, говоритъ, я— не шефъ «Биржевыхъ Вѣдомостей». «Кто же?» спрашиваю я. «А я, отвѣчаетъ г. Полетика, одинъ изъ членовъ того тѣсно между собою связаннаго и вполнѣ солидарнаго кружка людей, который сомкнулся для того, чтобы свои продуманные взгляды на жизнь и общественныя отношенія повѣдать міру въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ». Подобный отвѣтъ г. Полетики всякій, кто знаетъ современныя условія русской прессы, имѣетъ полное право назвать измышленіемъ, я же *лично*, по причинамъ, которыя читатель увидитъ ниже, долженъ назвать это измышленіе со стороны г. Полетики очень мужественнымъ. Отвѣтъ г. Полетики мною нѣсколько перефразированъ, но, чтобы читатель не подумалъ, что я его исказилъ или измѣнилъ въ чемъ-нибудь существенномъ, я приведу его въ подлинникѣ. Въ подлинникѣ онъ гораздо хуже. Вотъ что́ говоритъ г. Полетика: «Мы полагали и полагаемъ до сего времени, что редакція «Отечественныхъ Записокъ» состоитъ изъ кружка людей, связанныхъ между собою какъ взаимнымъ уваженіемъ, такъ и солидарностью своихъ взглядовъ на жизнь и общественныя отношенія; что кружокъ этотъ относительно журнала нравственно равноправенъ, одинаково отвѣтственъ за его направленіе и за мнѣнія, въ немъ выражаемыя, и ни въ какомъ шефѣ вовсе не нуждается. Относясь такъ къ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», мы считали себя въ правѣ и съ ея стороны встрѣтить точно такое же отношеніе къ нашей редакціи, которая точно также считаетъ себя взаимно отвѣтственною за все, что́ выражается въ газетѣ, и никакого шефа надъ собой не имѣетъ».

Первое, что́ бросается въ глаза въ этомъ отвѣтѣ, это то, что г. Полетика сводитъ литературное дѣло на личныя отношенія: я, говоритъ, думаю о вашей редакціи такъ-то, и потому *въ правѣ* требовать, чтобы и вы думали о нашей редакціи также. Нѣтъ, не въ правѣ. Какъ бы вы объ насъ ни думали, это нисколько не можетъ и не должно обязывать насъ видѣть въ вашей редакціи то, чего въ ней нѣтъ въ дѣйствительности. Вы хвалитесь тѣсною сплоченностью и солидарностью того кружка, который у васъ пишетъ. А мы такой сплоченности и солидарности не видимъ не только у васъ, но и ни въ одной изъ существующихъ редакцій. Даже болѣе: полагаемъ, что такой сплоченности и солидарности въ настоящее время и быть не можетъ. Наша литература, по высшимъ соображеніямъ, которыя намъ неизвѣстны и которыхъ потому мы оцѣнивать не можемъ, до сихъ поръ не пользуется свободой въ правѣ основанія новыхъ газетъ и журналовъ. Концессія на это право дается очень немногимъ, благонадежнѣйшимъ изъ благонадежныхъ, съ строжайшею разборчивостью, по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ литературой. Уже одно это должно сильно стѣснять свободное распредѣленіе литературныхъ силъ. Существуетъ, скажемъ, 5 или 7 редакцій газетъ и журналовъ; въ которую нибудь изъ нихъ вы непремѣнно должны помѣститься, иначе вамъ негдѣ будетъ писать. Тутъ нельзя мечтать не только объ той идеальной солидарности, о которой говоритъ г. Полетика, но даже о солидарности по вопросамъ главнымъ, самаго существеннаго свойства, нельзя быть очень требовательнымъ. Въ особенности вопросъ о солидарности съ антрепренерами журнальнаго дѣла сдѣлался трудномъ для пишущаго въ послѣднее время. Число читателей въ Россіи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространяется, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе выгоднымн дѣлаются литературныя предпріятія. По справедливому замѣчанію одного бывшаго откупщика, въ настоящее время нѣтъ ничего выгоднѣе хорошо идущихъ предпріятій газетныхъ. «Всякое производство,—говоритъ онъ,— даетъ только извѣстный опредѣленный процентъ; чтобы увеличить сумму прибылей съ него, необходимо употребить новый соразмѣрный капиталъ на расширеніе производства. Въ газетномъ дѣлѣ не такъ. Разъ ты употребилъ тутъ извѣстный капиталъ на производство—и у тебя, сверхъ ожидаемаго обычнаго процента, можетъ образоваться *перекуръ*, который дастъ тебѣ сумму прибыли въ десятеро, въ сто разъ больше противъ обыкновеннаго процента». Вотъ почему къ литературнымъ предпріятіямъ съ недавняго времени стали привлекаться большіе капиталы. Говорятъ, что г. Полетика заплатилъ за «Биржевыя Вѣдомости» болѣе 150,000 р., г. Баймаковъ за «С.-Петербургскія Вѣдомости» болѣе 100,000 руб. Нѣтъ спора, что и предприниматели-капиталисты, которые платятъ огромныя деньги за газетную лавочку, т.-е. за одну только фирму той или другой газеты, могутъ иногда имѣть въ виду не одинъ перекуръ; они могутъ увлекаться и какими-нибудь идеями и, пользуясь перекуромъ, заботиться и о распространеніи этихъ идей. Но, въ такомъ случаѣ, они должны были бы приходить въ литературу съ дружиною новыхъ литературныхъ силъ, съ какимъ-нибудь, хотя бы и мини-

атюрнымъ кружкомъ людей съ ними единомысленныхъ. Въ дѣйствительности же до сихъ поръ ничего подобнаго нѣтъ. Каждый подобный антрепренеръ является въ литературу одинъ себѣ и затѣмъ начинаетъ бѣгать по подоконью вербовать себѣ наличныя литературныя силы, какъ до сихъ поръ еще продолжается съ г. Баймаковымъ. Какую тутъ возможно предположить солидарность между пишущими въ газетѣ и ея антрепренеромъ? Когда новый издатель или редакторъ выходитъ изъ дѣйствующихъ литературныхъ рядовъ, то всѣ наличныя литературныя силы имѣютъ о немъ то или другое представленіе; до извѣстной степени онѣ знаютъ его воззрѣнія, его любимыя тенденціи, даже его слабости и достоинства, какъ человѣка и, слѣдовательно, до извѣстной степени могутъ соображать, насколько они сходятся съ съ нимъ въ своихъ воззрѣніяхъ и направленіи, насколько могутъ уладиться съ нимъ въ общемъ дѣлѣ. Но что такое могутъ представлять собой для наличныхъ литературныхъ силъ точно свалившіеся съ неба такіе господа, какъ, скажемъ, Генкель, Баймаковъ и т. п. Величины совершенно неизвѣстныя. Каждый изъ нихъ въ журналистикѣ есть homo novus. Могутъ они оказаться впослѣдствіи людьми и очень хорошими, могутъ оказаться людьми никуда негодными. Никакой серьезной рѣчи о солидарности между ними и пишущими быть не можетъ. Каждый литераторъ, поступая писать къ подобнымъ антрепренерамъ, если у него есть опредѣленное міросозерцаніе, требуетъ одного, чтобы въ газетѣ не помѣщалось статей, рѣзко расходящихся съ нѣкоторыми основными пунктами этого міросозерцанія. Этого, конечно, ужъ никакъ нельзя назвать солидарностью пишущаго съ антрепренеромъ, а между тѣмъ, несмотря на самый крайній минимумъ требованій, на который сводится здѣсь все дѣло, homo novus большею частію не выполняетъ даже такого минимума, давая маленькими отступленіями то и дѣло чувствовать пишущему всю неловкость его положенія.

О г. Полетикѣ мы также должны сказать, что онъ въ журналистикѣ—homo novus. Правда, онъ появлялся иногда въ газетахъ и прежде въ качествѣ завзятаго протекціониста, краснорѣчиваго оратора. Но эти случайныя появленія, къ тому же не частыя, ни для кого не могли выяснить его воззрѣнія. Затѣмъ, вкупившись, въ качествѣ половинщика, въ «Биржевыя Вѣдомости», онъ выступилъ постояннымъ дѣятелемъ на журнальное поприще, но явился сюда также совершенно одинокимъ, безъ всякихъ новыхъ силъ, а соединился съ наличными силами, имѣвшимися въ литературѣ, и именно въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ». Мы не знаемъ, насколько г. Полетика былъ солидаренъ съ бывшею редакціею «Биржевыхъ Вѣдомостей», но, судя по тому, что онъ говоритъ теперь, т. е. что онъ не можетъ представить себѣ редакціи иначе, какъ подъ видомъ кружка, тѣсно связаннаго взаимнымъ уваженіемъ и вполнѣ солидарнаго, надобно полагать, что г. Полетика, прежде, чѣмъ вкупиться въ «Биржевыя Вѣдомости», имѣлъ долговременныя сношенія съ г. Трубниковымъ и удостовѣрился какъ въ полной солидарности съ нимъ относительно воззрѣній, такъ и относительно чувствъ взаимнаго уваженія. Вскорѣ, однакожъ, здѣсь произошла катастрофа. Въ одинъ прекрасный день г. Полетика очутился въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» одинокимъ, совершенно безъ сотрудниковъ. По сосѣдству, вѣроятно, онъ обратился за помощію къ нашей редакціи, удостовѣряя, что онъ служитъ тѣмъ же идеямъ, что и мы... Хотя г. Полетика лично былъ извѣстенъ очень многимъ въ редакціи, но, какъ журналистъ, онъ былъ все-таки для всѣхъ homo novus, и не просто homo novus, а homo novus съ нѣкоторыми, положимъ, случайными антецедентами литературной дѣятельности, которыя не совсѣмъ подходили къ нашимъ воззрѣніямъ. Такъ какъ, однакожъ, г. Полетика удостовѣрялъ, что это—только случайныя недоразумѣнія, то тѣ изъ сотрудниковъ «Отеч. Записокъ», у которыхъ было довольно свободнаго времени, согласились работать въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», предложивъ тотъ minimum требованій, какой предлагается всякому homo novus и о которомъ мы сказали выше. Больше ни о какой солидарности и рѣчи не было. Очень можетъ быть, что она современемъ и образуется: противъ этого я не могу ничего возражать. Только для этого необходимо, чтобы г. Полетика тщательно заботился о томъ, чтобы верхніе столбцы его газеты не стояли въ разладѣ съ нижними. Теперь же пока это—только pia desideria. Вотъ почему я могу только удивляться той развязности, съ которою г. Полетика меня, на глазахъ котораго все вышеозначенное происходило, старается увѣрить, что редакція «Биржевыхъ Вѣдомостей» считаетъ себя взаимно отвѣтственною за все, что печатается въ газетѣ, и никакого шефа надъ собой не имѣетъ. Я имѣлъ бы полное право назвать эти слова неправдою. Но, предполагая, что они выражаютъ то желаемое состояніе, котораго хочетъ достигнуть г. Полетика, и г. Полетика виноватъ только тѣмъ, что принялъ мечту за дѣйствительность, я назвалъ ихъ очень мужественнымъ со стороны г. Полетики измышленіемъ. Что они, дѣйствительно—измышленіе, а не дѣйствительность, г. Полетикѣ въ этомъ легко убѣдиться. Пусть онъ предложитъ своимъ сотрудникамъ опубликовать, что они считаютъ себя взаимно отвѣтственными за все, что печатается въ газетѣ,—и большая часть сотрудниковъ откажется сдѣлать такое заявленіе. Тогда онъ убѣдится, что въ газетѣ печатается многое, съ чѣмъ согласны не всѣ сотрудники, и что, слѣдовательно, въ газетѣ есть шефъ, который можетъ печатать въ ней и то, чего они не хотятъ.

II. Окончивши съ первымъ пунктомъ, мы теперь перейдемъ ко второму, именно пункту крас-

норѣчиваго умолчанія г. Полетики о томъ, о чемъ главнымъ образомъ и даже, пожалуй, исключительно только и слѣдовало говорить ему въ отвѣтъ на мою замѣтку. Весь вопросъ о выборахъ 17 марта требуетъ единственно разрѣшенія: можно ли признать эти выборы легальными или нѣтъ? Г. Полетика, съ самаго начала этихъ выборовъ, т. е. съ 17 марта, призналъ безъ всякихъ сомнѣній ихъ вполнѣ легальными и сталъ потомъ писать свои передовыя статьи о томъ, какъ неосновательно поступаютъ люди, отвергая легальность выборовъ. Я ему въ своей замѣткѣ прямо сказалъ, что разсуждать о легальности легальнаго, когда заподозривается легальность выборовъ 17 марта, значитъ наполнять передовыя статьи общими мѣстами, ни для кого не убѣдительными, и что надобно прежде всего доказать, что выборы совершились дѣйствительно легально, безъ всякихъ подвоховъ со стороны какого-нибудь небольшого кружка членовъ общества, которые въ своихъ видахъ вздумали воспользоваться свойственною русскимъ людямъ безпечностію и малоподвижностію. А такой подвохъ всякій имѣетъ право предполагать, на основаніи того недовѣрія, съ которымъ общество отнеслось къ результатамъ выборовъ. Ясно, что общество взаимнаго кредита не ожидало, чтобъ его уполномоченные произвели такіе выборы — оно встревожилось, увидавъ, что г. Ламанскій и кандидаты, предложенные совѣтомъ, провалились, а вмѣсто нихъ выбраны какіе-то Буфѣевъ и Ефимовъ. Г. Полетикѣ слѣдовало бы въ опроверженіе этого доказать, что никакого подвоха въ выборахъ не было и быть не могло. Г. же Полетика объ этомъ ни гугу, а вмѣсто того старается увѣрить всѣхъ, что дважды два — стеариновая свѣчка, что ничего на выборахъ 17 марта особеннаго не произошло, что Ламанскій выбранъ въ депутаты, какъ онъ самъ того хотѣлъ, что Буфѣевъ и Ефимовъ не менѣе извѣстны (г. Полетикѣ) и не менѣе благонадежны, чѣмъ тѣ два лица, которыхъ они призывались замѣстить въ правленіи, что, если произошелъ переполохъ въ обществѣ, то не почему другому, какъ потому только, что прислужникамъ Ламанскаго показалось, что ихъ патрона обидѣли. Прекрасно, согласимся со всѣмъ этимъ. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Что оные прислужники морально владѣютъ всѣмъ обществомъ, что общество добровольно подчиняется ихъ воззрѣніямъ и желаніямъ. А отсюда опять будетъ слѣдовать, что выборы 17 марта были произведены несогласно съ желаніемъ общества. Можно протестовать, возставать противъ такого добровольно несамостоятельнаго, подчиненнаго положенія общества, но неотразимый фактъ, что оно не желало замѣнить кандидатовъ совѣта извѣстными г. Полетикѣ Буфѣевымъ и Ефимовымъ, остается во всей своей силѣ. Г. Полетика, между прочимъ, претендуетъ на меня, какимъ образомъ я могъ сказать: «надобно полагать, что и онъ (г. Полетика) желаетъ смерти обществу взаимнаго кредита», и по поводу этихъ моихъ словъ пускается въ слѣдующую реплику:

«Мы полагали далѣе, что редакціи «Отеч. Записокъ» хорошо извѣстно, что издатель журнала или газеты не можетъ сдѣлать свое изданіе ареной для преслѣдованія своихъ личныхъ разсчетовъ, такъ какъ подобный образъ дѣйствій наносилъ бы издателю болѣе вреда, чѣмъ пользы, унижая достоинство журнала, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрушительно дѣйствуя на его коммерческіе разсчеты по изданію. Поэтому, если бы издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» дѣйствительно имѣлъ поводъ желать *смерти* обществу взаимнаго кредита, то для исполненія своего желанія онъ пріискалъ бы другія средства, не обнаруживая ихъ на страницахъ своего изданія».

Эта реплика помѣщена во второмъ столбцѣ статьи, а рядомъ съ ней, въ третьемъ столбцѣ, выписано слѣдующее мѣсто изъ моей статьи, съ замѣтками г. Полетики въ скобкахъ, на которыя мы просимъ читателя обратить вниманіе.

«Хотя § 2-й устава общества и предполагаетъ членами общества только лицъ торговыхъ или промышленныхъ, но (*такъ какъ уставы пишутся на водѣ*) въ дѣйствительности большинство членовъ состояло изъ людей, не занимающихся ни торговлею, ни промышленностію» (*это въ обществѣ-то взаимнаго кредита!*)». Не ясно ли изъ этихъ краткихъ замѣтокъ въ скобкахъ, что г. Полетика общество взаимнаго кредита въ томъ составѣ, въ какомъ оно теперь существуетъ, считаетъ обществомъ невозможнымъ? Этого не скрывалъ г. Полетика и въ прежнихъ своихъ статьяхъ. И не имѣлъ ли я права, на основаніи этого сказать, что г. Полетика желаетъ смерти обществу взаимнаго кредита? Признаться сказать, я не вижу и ничего преступнаго въ томъ, если человѣкъ, убѣжденный въ ненужности того или другого общества, желаетъ ему смерти и, вслѣдствіе этого, въ случаѣ какихъ-нибудь неурядицъ въ немъ, относится къ нему безпощадно. Все это весьма натурально, и ничего тутъ низкаго нѣтъ. Поэтому, съ какой стати по поводу моихъ словъ г. Полетика охорашивается, старается увѣрить меня въ цѣломудріи своей газеты и въ томъ, что онъ никогда не посягнулъ бы на это цѣломудріе, а если бы и имѣлъ дурныя мысли, то сталъ бы дѣйствовать потихоньку, — всего этого я рѣшительно не понимаю. Г. Полетикѣ, мнѣ кажется, стыднѣе было бы заявлять публично, что изъ за личныхъ расчетовъ онъ можетъ иногда противъ кого-нибудь и чего нибудь дѣйствовать и потихоньку. Это ужъ совсѣмъ не возвышенно...

III. Обращаюсь теперь къ третьему пункту статьи г. Полетики — пункту *недоразумѣнія*. Говоря объ обществѣ взаимнаго кредита, я сказалъ въ прошедшемъ обозрѣніи, что принципы, положенные въ основу этого общества, очень хорошіе — что оно доступно для всѣхъ самыхъ ма-

ленькихъ капиталовъ, что въ немъ широкій кредитъ для всѣхъ и притомъ доступнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, что въ немъ нѣтъ львиныхъ учредительскихъ паевъ, что въ немъ—равноправность голосовъ для всѣхъ членовъ, не смотря на величину внесенныхъ ими паевъ. Сказавъ объ этихъ принципахъ общества, я тутъ же говорю, что общество въ дѣйствительномъ своемъ проявленіи не соотвѣтстствуетъ своей идеѣ, что его надобно немедленно реорганизовать. Что же мнѣ отвѣчаетъ на это г. Полетика? — А вотъ что: «вы говорите, замѣчаетъ онъ, что въ обществѣ широкій кредитъ? — да, дѣйствительно очень, иногда даже слишкомъ широкій вопреки уставу,— что въ немъ нѣтъ львиныхъ учредительскихъ паевъ?—да, но за то содержаніе членовъ правленія превосходитъ наивысшіе учредительскіе паи во всякомъ другомъ кредитномъ обществѣ, — что въ немъ равноправность голосовъ?—хороша равноправность, когда во всемъ обществѣ дѣйствуетъ и имѣетъ силу всего одинъ только голосъ» (т. е. Ламанскаго). Развѣ это—опроверженіе моихъ положеній? И развѣ такъ должны были бы вы, г. Полетика, опровергать меня? Я говорю объ основныхъ принципахъ общества; покажите же мнѣ, что такіе принципы есть въ какомъ-нибудь другомъ обществѣ,—и тогда я признаю, что неправильно ставлю общество взаимнаго кредита выше всѣхъ другихъ коммерческихъ обществъ. А то вы мнѣ суете на первый планъ злоупотребленія. Злоупотребленія есть во всякомъ обществѣ, и стряхнуть ихъ можно немедленно, какъ скоро захочетъ общество: не будетъ и кредита сверхъ устава, и большого жалованья членамъ, и неравноправности голосовъ. Все это въ обществѣ взаимнаго кредита можетъ исчезнуть въ одинъ, два мѣсяца. А въ другихъ обществахъ вы не уничтожите ни учредительскихъ паевъ, не установите равенства голосовъ и т. д. Не ясно ли вамъ теперь, что то, что вы пишете противъ меня, можно было написать только по недоразумѣнію, не вникнувъ надлежащимъ образомъ въ смыслъ мною сказаннаго?

IV. Наконецъ, мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ общихъ мѣстахъ въ статьѣ г. Полетики. Общія мѣста суть не что иное, какъ нечистоты человѣческой мысли. Чѣмъ мысль слабѣе, чѣмъ она хуже перевариваетъ то, что ею воспринимается, тѣмъ она болѣе извергаетъ этого рода нечистотъ.

Г. Полетика никакъ не можетъ, напримѣръ, понять, чтобы кто-нибудь могъ думать не такъ, какъ онъ, и стоять не за извѣстныхъ ему Буфѣева и Ефимова, а за Ламанскаго, и онъ не умѣетъ это объяснить себѣ ничѣмъ другимъ, какъ *человѣколюдничествомъ* всѣхъ инаково съ нимъ думающихъ *изъ любви къ искусству*. Тоже самое обвиненіе онъ примѣняетъ и ко мнѣ: «Даже въ журналистикѣ, говоритъ онъ, отыскались охотники поддакивать беззаконію, даже безъ всякаго личнаго повода и, по бо́льшей части, безъ всякой корысти, а просто только изъ любви къ искусству, изъ желанія проявить ревность и усердіе» (къ чему и къ кому!?). Прежде, чѣмъ писать эти строки, г. Полетикѣ слѣдовало бы подумать: есть ли какой-нибудь смыслъ въ томъ, что́ я хочу написать? Не извергаю ли я вмѣсто мысли просто однѣ нечистоты? Подумайте въ самомъ дѣлѣ: люди поддакиваютъ беззаконію безъ всякаго личнаго повода, безъ всякой корысти, а поддакиваютъ. Почему? А просто, говоритъ г. Полетика, во первыхъ изъ любви къ искусству— любопытно бы послушать, что́ онъ тутъ разумѣетъ подъ искусствомъ, — а во-вторыхъ, изъ желанія проявить свою ревность и усердіе—къ кому и къ чему? Вѣроятно къ Ламанскому. Неужели г. Полетика не чувствуетъ, что слова его— просто грязь, которую съ равнымъ основаніемъ можетъ всякій бросить въ него по поводу защиты имъ извѣстныхъ ему Ефимова и Буфѣева, и которую извергнулъ онъ безъ всякаго повода. Ну, скажемъ, напримѣръ, что́ такое для меня г. Ламанскій?— Я—не заводчикъ, не капиталистъ, не торговецъ... ни въ какихъ кредитахъ не нуждаюсь. Какъ директоръ банка и даже какъ орудующій обществомъ взаимнаго кридита, г. Ламанскій для меня — ничто. Затѣмъ, лично г. Ламанскаго я не знаю, никогда его не видалъ даже и, по всей вѣроятности, никогда не увижу. Все это меня ставитъ въ совершенно свободное отношеніе къ г. Ламанскому. Съ такою же легкостію на сердцѣ, съ какою я его сегодня защищалъ, я завтра буду его обвинять, если найду, что онъ неправъ. Почему же *любовь къ искусству* и желаніе проявить свою ревность и усердіе могутъ влечь меня къ г. Ламанскому и въ ряды его защитниковъ, а не къ гг. Буфѣеву и Ефимову и не въ ряды ихъ защитниковъ?

Далѣе г. Полетика украшаетъ свою статью нижеслѣдующими краткими, но нисколько не двусмысленными апофегмами. Сдѣлавъ нѣсколько выписокъ изъ моей статьи, онъ говоритъ: «вотъ, читатель, до какого абсолютнаго непониманія предмета, о которомъ она трактутъ, спускается у насъ подчасъ наша публицистика!» Еще примѣръ: перечисливъ тѣ основные принципы общества взаимнаго кредита, которые я выставляю въ качествѣ преимуществъ его передъ другими подобными обществами, г. Полетика говоритъ: «все это — слова, вошедшія въ статью хроникера «Отеч. Зап.» потому только, что авторъ статьи не далъ себѣ труда объяснить ни одного изъ нихъ». Представьте себѣ, г. Полетика, что у насъ пошелъ бы такой съ вами разговоръ: «вы бы мнѣ сказали, какъ, впрочемъ, и сказали уже, что я пишу, абсолютно не понимая предмета, а я бы вамъ на это отвѣчалъ: для меня нисколько не удивительно, что вамъ кажется, что я абсолютно не понимаю предмета; это зависитъ отъ очень скромныхъ размѣровъ вашего умственнаго горизонта»,—до чего бы тогда дошла наша литера-

тура! Согласитесь сами, что всякій порядочный человѣкъ долженъ употреблять всѣ усилія надъ собою, чтобъ удерживать въ себѣ общія мѣста съ подобными нечистотами!

Наконецъ, еще одно послѣднее сказанье: г. Полетика пишетъ: «въ заключеніе своей статьи хроникеръ «Отеч. Зап.» предлагаетъ свой собственный планъ реорганизаціи общества взаимнаго кредита, въ которомъ онъ, вѣроятно, въ видахъ еще большей демократизаціи капитала, предлагаетъ раздѣлить членовъ общества на три шеренги: крупныхъ капиталистовъ, мелкихъ капиталистовъ или шляхту и хлоповъ. Изъ уваженія къ автору, мы это его предположеніе не рѣшаемся подвергнуть критическому разбору».

Чтобы разсуждать о демократическихъ принципахъ и знать, гдѣ онѣ приложимы и какъ, для этого предварительно нужно много прочитать, а еще болѣе подумать; съ одними же свѣдѣніями о перекурахъ, о запретительномъ тарифѣ тутъ далеко не уѣдешь. Потому, изъ снисхожденія къ умственному спокойствію г. Полетики въ вопросахъ подобнаго рода, и мы не рѣшаемся подвергать его послѣднюю наивную замѣтку критическому разбору.

Этою меленькою рѣзкостью, которой я никогда себѣ не позволилъ бы, еслибы г. Полетика не допускалъ указанныхъ мною нечистотъ въ своей статьѣ, но на которую я теперь считаю себя совершенно въ правѣ, я и закончу мое съ нимъ собесѣдованіе.

Іюнь 1875.

Характеристическія черты русскаго прогресса: *обложенія и ломка*.—Мелкія обложенія, проэктируемыя въ силу философіи о ничтожности копейки, разными патріотизмами, какъ-то: земскимъ, промышленно-горнозаводскимъ, путейскимъ и т. п.—Грандіозные проэкты: сѣть шоссейныхъ дорогъ въ 17,000 верстъ, сибирскій университетъ и другіе. — Обложенія въ городѣ Петербургѣ. — Положеніе петербургскаго жильца.—Нынѣшнее городское представительство. — Его некомпетентность; промахи и злоупотребленія.—Возможность коррупціи.—Одесское городское управленіе. — Необходимость привлечь жильца къ участію въ городскомъ управленіи.—Предполагаемыя улучшенія въ хозяйственной общинѣ и въ устройствѣ волостного управленія.—Дѣйствительно ли можно признать ихъ улучшеніями и настоитъ ли вообще въ настоящее время нужда касаться общиннаго и волостного устройства?—Взглядъ современной Европы на хозяйственную общину.

Съ нѣкотораго времени, каждый разъ, когда мнѣ приносятъ ежедневныя русскія газеты и я принимаюсь за ихъ чтеніе, на меня нападаетъ какое-то невольное чувство смущенія и безпокойства. «А что, думаю я, начиная читать газету, если я встрѣчу извѣстіе, что какая-нибудь коммиссія намѣрена обложить меня непосильнымъ или ни съ чѣмъ несообразнымъ налогомъ, или обложила уже, или, что какое-нибудь дворянское или земское собраніе составило такой проэктъ устройства русской земли, въ силу котораго я вдругъ, ни съ того, ни съ сего, окажусь лишеннымъ лично и по состоянію присвоенныхъ мнѣ правъ? Что я тогда буду дѣлать?» Конечно, на счетъ правъ я еще не очень безпокоюсь, потому что, какъ бы то ни было, хотя и лыкомъ шитый, а все-таки я русскій дворянинъ и лишить правъ меня нельзя же вдругъ... А, впрочемъ, и на счетъ правъ какого нельзя сочинить проэкта?.. Вѣдь былъ же проэктъ всесословной волости, которымъ лишались всѣхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ всѣ, кромѣ землевладѣльцевъ. Въ томъ-то и дѣло, что у насъ теперь мода на всякіе проэкты. Въ каждомъ № газеты встрѣчаешь непремѣнно какой-нибудь проэктъ, а то и нѣсколько, по самымъ разнообразнымъ предметамъ—и по орошенію, и по осушенію, и по огражденію безопасности, и по укрѣпленію нравственности, и по сдержанію въ должныхъ размѣрахъ разлива просвѣщенія, и по ограниченію вреднаго вліянія судовъ присяжныхъ и т. д. Чиновники министерствъ, чиновники среднихъ правительственныхъ учрежденій, земскіе и судебные дѣятели, плутократы всѣхъ сортовъ и видовъ, всѣ пишутъ проэкты, и всѣ эти проэкты имѣютъ цѣлью или денежное взиманіе въ пользу чего-нибудь, или ломку часто самыхъ основныхъ формъ жизни и быта, которая прямо, повидимому, тебя и не касается, но которая какія поведетъ за собой послѣдствія,—угадать никакъ нельзя. Однимъ словомъ, наше время такое, что надо смотрѣть и смотрѣть, чтобы не попасть въ какой-нибудь проэктъ и вдругъ, ни съ того, ни съ сего не лишиться какого-нибудь права или не подвергнуться какому-нибудь несообразному обложенію.

Несообразное внезапное обложеніе и неустанная, непрерывающаяся безсмысленная ломка—это два самыя характеристическія явленія, въ которыхъ обнаружился и продолжаетъ дѣйствовать русскій прогрессъ, и это, — я думаю,—въ настоящее время—два самые опасные врага для общаго благосостоянія.

Самый опаснѣйшій изъ этихъ враговъ есть обложеніе, которому можетъ подвергнуться всякій, во всякое время, нежданно-негаданно,—потому съ него я и начну мою рѣчь, но предварительно, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, о какой ломкѣ и о какомъ обложеніи я намѣренъ вести мою рѣчь. Когда я говорю о ломкѣ основныхъ формъ быта и жизни, то, конечно, никакъ не имѣю въ виду тѣхъ великихъ реформъ, которые сняли лежавшій на народной жизни вѣковой гнетъ и дали ей свободное теченіе, т. е. реформы крестьянской, реформы городского и земскаго самоуправленія и реформы судебной. Эти реформы были не только необходимы для правильнаго развитія народной жизни, но и въ такомъ видѣ, какъ онѣ совершились, онѣ были въ высшей степени разумны, и консервативны, если не обращать вниманія на нѣкоторыя детали, напримѣръ на крайнее измельченіе крестьянскихъ надѣловъ, на слишкомъ высокую ихъ по мѣстамъ оцѣнку и т. п. Онѣ уничтожили только историческую несправедливость, совершенную надъ народомъ: возвратили народу, ни съ того, ни съ сего лишенному свободы, свободу, возстановили его въ его прежнихъ правахъ, давъ ему право самоуправленія, общаго со всѣми суда и т. п.,—затѣмъ не коснулись ни одной изъ его основныхъ формъ жизни и быта, не дали ничему здѣсь насильственной регламентаціи; во всѣхъ начертаніяхъ реформъ въ этомъ отношеніи можно прочитать слѣдующую рѣчь законодателя къ народу: «теперь ты свободенъ,—воленъ самъ устроивать свою жизнь, какъ тебѣ покажется лучше. Съ каждымъ днемъ ты будешь становиться образованнѣе и лучше. Самъ увидишь, что̀ тебѣ хорошо и нехорошо, что̀ удобно и неудобно въ обстановкѣ твоего быта и жизни, сложившихся вѣками, и самъ устроишься, какъ найдешь для себя лучше; я до этого не касаюсь». Такое отношеніе къ основнымъ формамъ народной жизни и быта мы признаемъ наилучшимъ, не только въ высшей степени разумнымъ, но и консервативнымъ. Основная разумная мысль его, которую крѣпко должны бы были зарубить себѣ на намять всѣ второстепенные реформаторы и прожектеры, состоитъ въ слѣдующемъ: не насилуй жизни по своимъ теоріямъ и прихотямъ... Какъ бы ты высоко поставленъ ни былъ, какъ бы ты много о себѣ ни думалъ, но въ безконечномъ океанѣ народной жизни ты — не болѣе какъ капля, великое только для себя самого ничто.

Точно также, когда я говорю о несообразныхъ обложеніяхъ, то само собою разумѣется, что говорю не противъ налоговъ вообще: налоги были всегда и всегда будутъ; безъ налоговъ не можетъ существовать никакое общество, ибо для всякаго общества нужно управленіе, нужно просвѣщеніе, нужна полиція, нуженъ судъ и т. д.; всѣ эти потребности общества и должны покрываться его платежными силами. Конечно, нѣтъ государства, гдѣ бы распредѣленіе налоговъ было строго соразмѣрено съ тою или другою могутою платежныхъ силъ; у насъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, оно было неправомѣрно съ давняго времени и въ главномъ остается таковымъ и досихъ поръ. Но въ прежнее время всякая платежная сила, по крайней мѣрѣ, знала, на какіе предметы она обязана платить, и затѣмъ, по традиціи, приблизительно могла для себя опредѣлить границы, въ которыхъ можетъ произойдти повышеніе существующихъ налоговъ въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ.

Съ того же времени, какъ начался этотъ такъ называемый русскій прогрессъ, все это стало покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Налоги стали падать внезапно, какъ снѣгъ на голову, и по такимъ предметамъ, о которыхъ человѣкъ никогда и въ помышленіи не имѣлъ, что ему придется платить на нихъ. Уплатилъ, скажемъ такъ, примѣрно, саратовскій мужикъ свои подушныя, поземельные подати, разные земскіе и общественные сборы и сидитъ себѣ благодушествуетъ: «ну, думаетъ, слава Богу, все съ плечъ скачалъ, хоть и тяжеленько-таки пришлось...», какъ вдругъ сборщикъ—пыхъ въ избу. — Мужикъ въ недоумѣніи. «Что, говоритъ, надыть?» «Да вотъ, отвѣчаетъ сборщикъ:—слѣдуетъ получить съ тебя по 8½ коп. съ десятины за гарантію».—«За какую такую гарантію?» спрашиваетъ мужикъ въ удивленіи.—«Да вотъ, слышь, чугунка пойдетъ по нашей губерніи».—«Такъ мнѣ-то что?» спрашиваетъ мужикъ еще съ большимъ удивленіемъ. —«Ну, слышь, такъ земство сообща положило давать деньги на чугунку; а мы, значитъ—тоже земство». — «Какъ же это такъ! разсуждаетъ мужикъ.—Никогда объ эфтомъ на сходахъ рѣчи не было и никто не сказывалъ. Кто-жъ бы на новую тягу волей пошелъ? И безъ эфтого платежи не въ могуту».—«Ну, ну, не разговаривай, прерываетъ его сборщикъ: —утверждено начальствомъ, платить надо».

Платить, дѣйствительно, надо, когда утверждено. Такіе сюрпризы теперь сплошь и рядомъ сыплются на бѣднаго мужика. Въ нынѣшнемъ году, только явилось, напримѣръ, уфимское земство и, въ первой же своей сессіи, сочло первымъ долгомъ освободить дворянство отъ платежа субсидіи въ количествѣ 774 р. въ пользу уфимской маріинской женской гимназіи и, вмѣсто него, обязать земство давать субсидію въ 1,000 р. Такимъ образомъ, прежде, чѣмъ было основано хоть одно мужицкое училище, мужицкая копейка пошла на ученье дворянскихъ и городскихъ дѣтей. Положимъ, дѣло хорошее; но развѣ для мужика нужнѣе гимназіи, чѣмъ училища грамот-

ности? Потомъ, зачѣмъ нужно было валить на земство 1,000 рублей, когда прежняя субсидія, дворянская, была въ 774 рубля?

Зачѣмъ? Затѣмъ, что представляется всякому: «что-жъ, дескать? мужиковъ много, земель въ ихъ рукахъ также много; великое ли дѣло составитъ взятая съ нихъ лишняя тысяча. Дѣйствительно, не великое. Какую-нибудь, быть можетъ, $^1/_{100}$ коп. съ десятины. Но люди, разсуждающіе такъ, забываютъ, что на этой десятинѣ лежатъ всѣ и сотыя, и десятыя, и рубли, и десятки рублей; въ общемъ набирается всего такъ много, что каждая сотая начинаетъ давать себя чувствовать.

И надобно сказать, что именно эта, утвердившаяся въ нашемъ привилегированномъ обществѣ философія, что накинуть на мужика копейку, двѣ, три, тяжести никакой не составитъ, служитъ одною изъ главныхъ причинъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе прибывающихъ на него со всѣхъ сторонъ налоговъ, подъ бременемъ которыхъ онъ и теперь уже едва движется.

Собирается, напримѣръ, съѣздъ машиностроителей и заводчиковъ въ Петербургѣ. Казалось бы, какое они могутъ имѣть отношеніе къ мужику и къ увеличенію тяжести его налоговъ. А оказывается—имѣютъ. Видите: машиностроителямъ и заводчикамъ нуженъ покровительственный тарифъ: однимъ на желѣзо, другимъ на чугунъ, третьимъ на желѣзныя издѣлія и т. д. — и не для себя, конечно,—они объ этомъ не хлопочутъ,—а для развитія желѣзнаго дѣла въ Россіи... Но желѣзо, какъ извѣстно, есть такая вещь, которая необходима во всякомъ хозяйственномъ дѣлѣ, въ томъ числѣ и въ земледѣліи. Возвысить запретительный тарифъ на желѣзо, чугунъ, желѣзныя издѣлія, значитъ сильно повысить желѣзо въ цѣнѣ, а, слѣдовательно, косвеннымъ образомъ установить новый налогъ на мужика, которому желѣзо необходимо на каждомъ шагу. Налогъ въ пользу машиностроителей и заводчиковъ на мужика, въ то время, когда послѣдній и безъ того стонетъ подъ бременемъ налоговъ — помилуйте, съ чѣмъ это сообразно! Но здѣсь-то вотъ и является на выручку помянутая успокоительная философія относительно ничтожности собираемыхъ съ мужика копеекъ и сотыхъ копеекъ. На съѣздѣ машиностроителей и заводчиковъ, нѣкто Эгерштромъ, вѣроятно заводчикъ, настаиваетъ, чтобы пошлиною было обложено не только желѣзо, но и чугунъ. Другой заводчикъ, г. Голубевъ, возражаетъ противъ этого съ точки зрѣнія общественной пользы. Онъ говоритъ, что «заводы отказываются отъ безпошлиннаго привоза желѣза, конечно, къ своей невыгодѣ». Еще бы! Конечно, отказываются единственно изъ любви къ отечеству, изъ пламеннаго желанія ему быстраго прогресса. Кстати спросить здѣсь: не тотъ ли это самый Голубевъ, который писалъ когда-то въ «Народномъ богатствѣ» и былъ завзятымъ прогрессистомъ и фритрэдеромъ? Если это—онъ, то мы поздравляемъ его, что онъ такъ быстро выросъ и похорошѣлъ. Но будемъ, однако, продолжать: такъ «къ своей, говоритъ г. Голубевъ, невыгодѣ, мы отказываемся отъ безпошлиннаго привоза желѣза; но, говоритъ, есть масса потребителей, которые потерпятъ отъ этого; желательно развить чугунные промыслы, но, въ то же время, желательно не отяготить потребителей». Что-жъ, для заводчика такое желаніе очень гуманно! Что же, однако, дѣлать? Отмѣнить что ли пошлину на чугунъ? Нѣтъ, говоритъ г. Голубевъ, отмѣнять не нужно, а подождать: «теперь еще рано облагать пошлиной чугунъ; когда разовьется желѣзное дѣло, потребуется много чугуна, тогда можно начать говорить о пошлинахъ на него». Надобно замѣтить, что у г. Голубева заводъ передѣлочный. Для него нѣтъ никакой потери, а будетъ выгода, если пошлина возвысится на желѣзо въ заграничныхъ издѣліяхъ или заграничнаго приготовленія. Потому, для блага отечества и потребителей, онъ готовъ согласиться на эту пошлину. Но пошлина на чугунъ и старые рельсы, употребляемые на передѣлки, сократила бы часть его барышей, возвысивъ цѣну чугуна и старыхъ рельсовъ въ отечествѣ. Потому г. Голубевъ—опять-таки не почему другому, какъ въ видахъ блага отечества и потребителей—стоитъ за безпошлинный привозъ чугуна и, конечно, старыхъ рельсовъ. Но у г. Эгерштрома любовь къ отечеству и потребителямъ идетъ гораздо дальше: онъ стоитъ за пошлину не только на желѣзо, но и на старые рельсы и на чугунъ—надобно полагать, что и чугунъ ему не чуждъ. На вышеприведенное замѣчаніе г. Голубева, что пошлина на чугунъ можетъ отяготить потребителей, г. Эгерштромъ отвѣчаетъ, что «для пользы общей каждый долженъ немного поступиться своимъ интересомъ». Онъ дѣлаетъ разсчетъ, сколько потеряютъ потребители при обложеніи желѣза пошлиной, и находитъ, что эта потеря составитъ всего $1^1/_2$ к. на человѣка (т. е. на каждаго жителя Россійской Имперіи). Ну, стоитъ ли говорить объ этомъ въ виду развитія нашей промышленности! («Петербургскія Вѣдомости» № 118). Ну, конечно, не стоитъ! $1^1/_2$ к. на человѣка,— это на каждую рабочую душу составитъ... впрочемъ, у г. Эгерштрома высчитано, во что обойдутся мужику всѣ желѣзныя пошлины «Вотъ я, говоритъ г. Эгерштромъ: — какъ хозяинъ средней руки, засѣваю 50 четвертей ржи и соотвѣтствующее количество овса; при обработкѣ такого хозяйства приходится потреблять среднимъ числомъ 15 пудовъ желѣза. При обложеніи пошлиной пуда желѣза въ 50 к., я буду расходовать лишняго 7 р. 50 к. въ годъ. Крестьянинъ же расходуетъ среднимъ числомъ въ годъ пудъ желѣза, за которое заплатитъ лишняго 50 к., т. е. свой дневной заработокъ. Что-жъ? говоритъ г. Эгерштромъ, въ виду развитія у насъ желѣзнаго производства, это—жертва очень незначительная!» Незначительная! Мало того: незначительная! Мы сказали бы

на его мѣстѣ: совершенно ничтожная! Съ 20 милліоновъ рабочихъ мужиковъ, съ каждаго по полтиннику въ годъ, всего, значитъ, въ годъ десять милліоновъ—много ли это въ виду прогресса нашей желѣзно-заводской промышленности? Скромность требованія г. Эгерштрома мы можемъ объяснить только его неувѣренностію въ достаточномъ развитіи въ нашемъ обществѣ того чувства, которое, по удачному выраженію «Биржевыхъ Вѣдомостей» заслуживало бы названія «*промышленнаго патріотизма*» (№ 121).

Но если промышленный патріотизмъ гг. машиностроителей и заводчиковъ достоинъ уваженія и имѣетъ право на жертвы со стороны мужика, то и другіе патріотизмы не клиномъ сошлись и безъ уваженія оставлены быть не могутъ. Слѣдовательно, мужикъ не имѣетъ права отказаться и на нихъ пожертвовать какую нибудь малость—нѣсколько копѣекъ съ души. Возьмемъ, напримѣръ, хоть патріотизмъ путейскій. Никто, конечно, и спорить не будетъ, что въ каждомъ государствѣ хорошіе пути сообщенія—наинервѣйшая потребность. Они даютъ возбужденіе и силу промышленности всѣхъ родовъ, открывая ей легкое сообщеніе не только со всѣми внутренними рынками, но и со всемірнымъ. Въ виду такого великаго значенія путей сообщенія, у насъ и свирѣпствуетъ теперь желѣзно-дорожная горячка уже около полутора десятковъ лѣтъ. Россія украсилась дѣйствительно нужными и совершенно ненужными желѣзными дорогами по всѣмъ направленіямъ. Деньги на постройку желѣзныхъ дорогъ сыплются милліардами. Путейскій патріотизмъ торжествуетъ. Мужикъ въ дѣлѣ покрытія расходовъ этого патріотизма стоитъ, какъ и вездѣ, въ корню—заработываетъ и облигаціонный капиталъ, на который строятся дороги, и гарантію—на облигаціи и акціи. Сметы на дороги составляются самыя щедрыя. За версту дороги на ровной поверхности, не требующей никакихъ дорогихъ сооруженій и работъ, платится отъ 50 до 70,000 металлическихъ рублей. Въ какой нибудь Финляндіи за половину этой суммы построили бы хорошую и прочную дорогу. У насъ этого не выходитъ. Надо полагать, что климатъ такой скверный для желѣзнодорожнаго дѣла. Что ни дорога—то душегубка. Нигдѣ нѣтъ столько несчастныхъ случаевъ и крушеній, какъ на нашихъ дорогахъ. И въ этомъ отношеніи, какъ оказывается, мы идемъ годъ отъ году въ гору. Въ календарѣ Суворина значится, что

въ 1872 г. былъ	1 убитый на	6,891,950 пассаж.
	1 раненый на	1,088,202 »
а въ 1873 г.	1 убитый на	3,801,185 »
	1 раненый на	400,124 »

Вообще пострадавшихъ было въ 1872 году 1 на 939,810 пассажировъ, а въ 1873 году 1 на 362,017 пассажировъ. «Надо замѣтить при этомъ, гласитъ календарь, что отчеты желѣзнодорожныхъ обществъ, откуда взяты эти цифры, крайне сомнительны: цифры значительно умаляются. Но и при этомъ, Россія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по числу несчастій, именно: въ Пруссіи 1 пострадавшій (убитый и раненый) приходится на 3,202,075 пассажировъ; въ Австріи 1 на 1,664,400 пассаж.; въ Бельгіи 1 на 1,802,186 пасс.; во Франціи 1 на 595,999 пассаж.; въ Россіи 1 на 362,017 пассаж.; въ Англіи 1 на 311,345 пассаж.; въ Америкѣ 1 на 183,455 пассажировъ». Иной читатель, пожалуй, и утѣшится тѣмъ, что и въ Америкѣ, и въ Англіи на желѣзныхъ дорогахъ ломаютъ шеи не меньше, чѣмъ у насъ. Но скорость движенія на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ не можетъ идти въ сравненіе съ англійскими и американскими желѣзными дорогами. Въ Англіи курьерскіе поѣзды дѣлаютъ 53 версты въ часъ, обыкновенные—36 верстъ въ часъ. Наши же поѣзды идутъ: курьерскіе 40 верстъ, обыкновенные 30 верстъ, а на нѣкоторыхъ дорогахъ не болѣе 24 верстъ. Съ такой же медленностью совершается движеніе только на дорогахъ австрійскихъ и испанскихъ. И такъ, по скорости движенія, мы уступаемъ всѣмъ европейскимъ государствамъ, кромѣ Австріи и Испаніи, а по количеству несчастій на желѣзныхъ дорогахъ превосходимъ всѣ европейскія государства, кромѣ Англіи. Изувѣченные на желѣзныхъ дорогахъ, семейства ихъ, равно какъ и семейства убитыхъ, остаются безъ всякихъ средствъ пропитанія. Такихъ семействъ и теперь уже, вѣроятно, много, а по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться сѣть дорогъ, которыя будутъ устроиваться путейскимъ патріотизмомъ и впредь (конечно, не лучше, чѣмъ теперь), число ихъ будетъ все болѣе и болѣе возрастать. Спрашивается: кто долженъ обезпечивать семейства пострадавшихъ отъ желѣзно-дорожныхъ несчастій? Казалось бы, невозможно и представить себѣ другого отвѣта на этотъ вопросъ, какъ тотъ, что обезпечивать семейства пострадавшихъ должны тѣ, кто строилъ желѣзную дорогу, кто принялъ на себя должный уходъ за ней и кто пользуется выгодами отъ нея. Нѣтъ, говорятъ, семейства пострадавшихъ долженъ обезпечивать тотъ, кто по ней ѣздитъ, а главнымъ образомъ опять-таки мужикъ, потому что его народилось болѣе всего въ Россійской Имперіи и онъ ѣздитъ по желѣзнымъ дорогамъ болѣе всѣхъ. «Помилуйте! возражаете вы.—Да съ какой же стати мужику платить за послѣдствія несчастій на желѣзныхъ дорогахъ? Желѣзныя дороги уничтожаютъ извозный заработокъ у мужика; онъ платитъ деньги для погашенія ихъ облигаціоннаго капитала и на гарантію,—да еще съ него же брать и за послѣдствія несчастій на желѣзныхъ дорогахъ!»—Что-жъ! отвѣчаютъ вамъ:—съ него не много придется; всего какихъ нибудь по 2 копейки съ проѣзжающей души! Вы видите, что опять всему виной философія о ничтожности мужицкихъ копеекъ. Какой нибудь путейскій патріотъ, для котораго не только копейка, но и десятки рублей—дѣло

плевое, потому что самъ онъ получаетъ, быть можетъ, десятки тысячъ, садится строчить проектъ о взиманіи съ каждаго проѣзжающаго 2% съ его пассажирскаго билета на обезпеченіе семействъ пострадавшихъ отъ желѣзнодорожныхъ несчастій, и тащитъ свой проектъ въ министерство...

«Намъ сообщаютъ, извѣщаютъ «Биржевыя Вѣдомости» (№ 127), что на разсмотрѣніе министерства путей сообщенія поступаетъ составленная однимъ членомъ желѣзнодорожной администраціи записка о необходимости обезпеченія участи какъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, такъ и пассажировъ желѣзныхъ дорогъ, пострадавшихъ отъ желѣзнодорожныхъ несчастій. Съ этою цѣлью записка признаетъ справедливымъ установить 2-хъ процентный сборъ съ пассажирскихъ билетовъ, и образованный такимъ образомъ капиталъ передать въ вѣденіе особаго, составленнаго изъ представителей желѣзныхъ дорогъ, попечительства, которое бы по сборѣ необходимыхъ для того свѣдѣній назначало пострадавшимъ временныя или постоянныя пособія».

Что-жъ 2% съ рубля? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь — не много! Нынѣ отъ Москвы до Петербурга пассажирскій билетъ 3-го класса стоитъ 7 р. 50 к.; 2% прибавки на эту сумму составитъ всего какія нибудь ничтожныя 15 к. Конечно, на 15 к. мужикъ можетъ цѣлый день быть сытымъ. Но и то сказать, что въ дорогѣ отъ Москвы до Петербурга онъ цѣлыя сутки ничего не работаетъ. Слѣдовательно, небольшая важность, если онъ будетъ въ пути и въ проголодь. Мы рекомендовали бы тому изобрѣтательному чиновнику, который составилъ проектъ о наложеніи 2% на пассажирскіе билеты въ пользу владѣльцевъ желѣзныхъ дорогъ, написать дополнительные проэкты и въ пользу фабрикантовъ различныхъ издѣлій, т. е. чтобы всѣ несчастія, случающіяся на фабрикахъ отъ машинъ, отъ дурного присмотра за ними, отъ дурного устройства фабрикъ, оплачивались потребителями тѣхъ или другихъ издѣлій по принадлежности — фабриканту сукна и шерстяныхъ матерій пусть платятъ потребители шерстяныхъ матерій, фабриканту шолковыхъ издѣлій — потребители шолковыхъ матерій и т. д. Если наложить съ каждаго потребителя на аршинъ по одной сотой копейки, то всѣ пострадавшіе на фабрикахъ будутъ вполнѣ обезпечены. Но нѣтъ, автору, составлявшему проэктъ о 2% съ пассажирскихъ билетовъ, не можетъ придти въ голову мысль о рекомендуемомъ нами проэктѣ въ пользу фабрикантовъ. Не можетъ потому, что суконныя, шолковыя и другія фабричныя издѣлія большею частью употребляютъ благородные люди; мужика тутъ мало. Но шутки въ сторону. А нельзя не подивиться, какъ всосалась въ насъ и срослась съ нами мысль о подушномъ налогѣ. Никакого налога мы не въ состояніи, кажется, представить себѣ въ другой формѣ, какъ въ формѣ подушнаго оклада. Авторъ, напримѣръ, проэкта, о которомъ мы говоримъ, изыскиваетъ источникъ, изъ котораго можно было бы покрыть послѣдствія несчастій, случающихся на желѣзныхъ дорогахъ, хотя, собственно говоря, тутъ и изыскивать нѣчего. У всѣхъ желѣзныхъ дорогъ есть хозяева, которые пользуются выгодами отъ нихъ. Какъ бы мы ни вертѣли дѣло, но то или другое количество несчастій на желѣзныхъ дорогахъ зависитъ отъ большей или меньшей ихъ заботливости объ исправности дорогъ. Слѣдовательно, за каждое несчастіе на желѣзной дорогѣ должны платиться они изъ своего кошелька. И заставлять пассажировъ оплачивать несчастія желѣзныхъ дорогъ значитъ поощрять и санкціонировать небрежность хозяевъ о дорогѣ. Въ Америкѣ желѣзныя дороги выплачиваютъ за несчастія до девяти милліоновъ въ годъ. У насъ теперь считается 15,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ; дали они валового дохода въ 1874 году почти 141 милліонъ рублей. И такъ, положите взимать на случающіяся несчастія или по 20 рублей съ версты, разлагая ихъ пропорціонально доходности каждой дороги, или по 2% съ валового дохода всѣхъ дорогъ — и вы будете имѣть теперь же въ годъ 300,000 или 280,000 для вознагражденія пострадавшихъ отъ несчастій на желѣзныхъ дорогахъ; чѣмъ болѣе будетъ увеличиваться сѣть желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ болѣе будетъ возростать и эта сумма. Въ принципѣ это будетъ налогъ самый справедливый, потому что онъ падаетъ на хозяевъ дороги. Конечно, въ дѣйствительности, и онъ не всегда оказался бы правомѣрнымъ, потому что есть много дорогъ малодоходныхъ, гдѣ приплаты дѣлаетъ казна, — на этихъ дорогахъ онъ палъ бы на казну и, слѣдовательно, главнымъ образомъ опять-таки на крестьянъ; но, во всякомъ случаѣ, онъ и въ такомъ видѣ былъ бы справедливѣе, нежели въ предполагаемой формѣ взиманія 2% съ пассажирскихъ билетовъ; потому что: 1) хотя существующее у насъ распредѣленіе налоговъ пока очень неравномѣрно, но во всякомъ случаѣ, при назначеніи новыхъ налоговъ казною, имѣются въ виду всѣ налоги, лежащіе на той или другой податной единицѣ, и дается должное значеніе каждой новой налагаемой копейкѣ и даже $^1/_{100}$ копейки, а не такъ, какъ это дѣлается при изолированномъ прожектированіи налога разными патріотами — промышленными, путейскими и тому подобными, ихъ же нѣсть числа; 2) такъ или иначе, но казна все-таки представляетъ общій центръ, въ который стекаются налоги со всѣхъ источниковъ государства, а, слѣдовательно, всѣ общепринятыя государственныя потребности, которыя должны удовлетворяться всѣми силами государства, могутъ справедливо распредѣляться между послѣдними, насколько возможно это у насъ при существующей системѣ обложенія, только чрезъ ея посредство.

Но авторъ проэкта о 2% процентномъ сборѣ съ пассажирскихъ билетовъ, очевидно, заботится не столько о справедливости придуманнаго имъ

налога, сколько о томъ, чтобы соблюсти интересы хозяевъ дороги, или что—тоже, чтобы совершенно освободить отъ платежа за несчастія на дорогахъ именно тѣхъ самыхъ лицъ, на которыя только и можетъ падать налогъ. Потому, прожектируя брать по 2% съ каждаго пассажирскаго билета, онъ не привлекаетъ къ налогу отправляемыхъ по дорогѣ товаровъ и грузовъ, хотя всѣмъ извѣстно, что главные доходы дороги получаются не отъ пассажировъ, а именно отъ отправляемыхъ по ней грузовъ и товаровъ. Но авторъ понимаетъ, что не можетъ безнаказанно увеличить тарифъ для отправленія послѣднихъ. Накидка на тарифъ здѣсь во многихъ случаяхъ можетъ повести къ тому, что товароотправители поищутъ другого способа сообщенія для отправленія своихъ грузовъ. А это отзовется невыгодно на тщательно охраняемыхъ авторомъ карманахъ хозяевъ желѣзныхъ дорогъ. Но, охраняя карманы желѣзнодорожныхъ плутократовъ, авторъ показываетъ заботливость и вообще къ карманамъ благородныхъ людей. Онъ полагаетъ брать одни и тѣже 2% съ пассажирскихъ билетовъ всѣхъ трехъ классовъ, т. е. почитаетъ стоимость пассажирскаго билета достаточнымъ признакомъ для опредѣленія платежной силы пассажировъ всѣхъ трехъ классовъ. Но такая фикція есть очевидная нелѣпость. Если пассажирскіе билеты 1-го и 2-го классовъ и могутъ служить указаніемъ извѣстной состоятельности своихъ владѣльцовъ, то пассажирскіе билеты 3-го класса, можетъ быть, на половину, если не больше, берутся людьми, которые бѣгутъ по желѣзнымъ дорогамъ отъ голодной смерти дома, которые, въ виду на невѣрный заработокъ, продали или послѣднюю корову дома, чтобы сколотить денегъ на дорогу, или заняли ихъ за безбожные проценты. Возможно-ли подобныхъ голяковъ облагать одинаковымъ процентомъ съ пассажирами 1-го и 2-го классовъ? — Равенства никакого не было бы, если бы авторъ обложилъ пассажировъ 1-го класса 20%, второго 15%, а 3-го только 1%. Для большей части пассажировъ 3-го класса этотъ 1% былъ бы все-таки тяжеле, чѣмъ для первыхъ двухъ 20% и 15%.—У насъ, и безъ проэктированнаго авторомъ взиманія, тарифъ на пассажирскій билетъ 3-го класса нисколько не соображенъ съ бѣдностію нашего народа. Плата за билеты 3 класса съ ½ к. серебромъ на версту возросла, со времени императора Николая (проѣздъ отъ Москвы до Петербурга въ 3 классѣ стоилъ тогда всего 3 рубля), до 1¼ к. на версту; и возросла потому именно, что главный контингентъ пассажировъ составляютъ мужики. Въ другихъ странахъ, которыя будутъ гораздо побогаче насъ и гдѣ крестьяне много состоятельнѣе нашихъ, напримѣръ, въ Баваріи 3 классъ стоитъ всего 0,68 на версту, въ Бельгіи 0,99 к.; кромѣ того, для людей особенно бѣдныхъ имѣются 4-е классы, стоющіе въ Пруссіи всего 0,64 к. на версту, въ рейнскихъ провинціяхъ 0,57 к.—А у насъ—подите! цѣна на 3-й классъ и безъ того безобразная, ни сколько не соображенная съ крайнею бѣдностію народа,—да и то еще найдутся благодѣтели съ предложеніемъ: накиньте, дескать, на третьеклассные билеты всего по 2% — вѣдь это—чистые пустяки, можно сказать, ничтожность,—а между тѣмъ вы этимъ осчастливите бѣдныхъ владѣльцевъ желѣзныхъ дорогъ! Имъ тогда не будетъ никакой уже заботы объ исправности дорогъ и о томъ, чтобы на ихъ дорогахъ пассажиры не ломали себѣ головъ. Пассажиры сами будутъ оплачивать всѣ несчастія!—Впрочемъ, и они не останутся безъ дѣла. Когда, говоритъ авторъ проэкта, соберутся проэктированныя двухпроцентныя лепты съ нищеты, то «*представители желѣзныхъ дорогъ образуютъ изъ среды своей особое попечительство, которое будетъ собирать свѣдѣнія о пострадавшихъ и распредѣлять имъ оныя лепты*». Я полагаю, что, когда авторъ проэкта писалъ о попечительствѣ изъ желѣзнодорожныхъ представителей, распредѣляющихъ пострадавшимъ на ихъ собственныхъ дорогахъ лепты, собранныя съ нищихъ, то помиралъ со смѣху. «Неужели, дескать, и такая штука пройдетъ?».

Въ то время, когда патріоты разныхъ сортовъ и видовъ, пропитанные философіей о ничтожности копеекъ, стараются, при каждомъ удобномъ случаѣ, накинуть на мужика по нѣскольку копеекъ на такіе предметы, которые до мужика никакого касательства не имѣютъ, въ это самое время съ каждымъ днемъ оказывается и даже нарочито изыскивается много такихъ потребностей, къ покрытію которыхъ должны привлечься всѣ платежныя силы государства и, въ числѣ ихъ, конечно, въ корню опять мужикъ, и удовлетвореніе которыхъ потребуетъ изъ тощаго кармана послѣдняго уже не копеекъ, а рублей и, быть можетъ, десятковъ рублей. Я сказалъ уже выше, что наше время есть время проэктовъ; теперь долженъ прибавить, что большею частію проэктовъ самыхъ грандіозныхъ, требующихъ громадныхъ расходовъ. Поименую здѣсь нѣкоторые изъ такихъ, которые припомню или о которыхъ есть свѣдѣнія подъ руками.

1) Предположено, напримѣръ, завести въ Россію конную сельскую полицію, расходъ на которую только денежный исчисленъ былъ, помнится, въ 3.000,000 р.

2) Предположено устройство новыхъ тюремныхъ помѣщеній во всей Россіи, на что исчислено было, помнится, до 12.000,000 рублей.

3) Предполагается создать сѣть подъѣздныхъ шоссейныхъ путей къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, чтобы связать послѣднія съ важнѣйшими торговопромышленными путями окрестнаго края. Сѣть эта предполагается на протяженіи 17,033 верстъ и стоимость ея исчислена въ 115.404,050 р. («Бирж. Вѣд.» № 119).

4) «Московскія Вѣдомости» сообщаютъ, что министерство путей сообщенія, для изслѣдованія

положенія нашихъ внутреннихъ водяныхъ сообщеній, образовало пять коммиссій изъ инженеровъ путей сообщенія и морскихъ офицеровъ, съ вольнонаемными рабочими и нижними чинами морского вѣдомства, которые надняхъ и отправляются для изслѣдованія рѣкъ и озеръ, поставленныхъ на первую очередь. Одна партія отправляется на Свирь, Вытегру, Ковжу, Бѣлоозеро, Шексну и Волгу до Нижняго-Новгорода; двѣ партіи—для описанія Дона и Днѣпровскихъ протоковъ, четвертая — на Каму и Чусовую и пятая въ Восточную Сибирь для подробнаго изслѣдованія вигорскихъ портовъ, а также рѣкъ: Селенги, Тунгуски и Илима. «Практическая цѣль этихъ изслѣдованій будетъ клониться къ изысканію способовъ для улучшенія пароходства и судоходства. Въ то время, когда моряки будутъ заниматься съемкой и промѣромъ водяныхъ путей, инженеры путей сообщенія займутся съемками береговъ съ подробнымъ нанесеніемъ на карты всѣхъ могущихъ встрѣчаться на этомъ пространствѣ примѣчательностей, а равно и всѣхъ отличительныхъ особенностей, могущихъ съ пользой служить для судоходства». Это—только первая серія коммиссій для изслѣдованія водяныхъ сообщеній, поставленныхъ на первую очередь. Сколько будетъ всѣхъ коммиссій и во что они обойдутся—неизвѣстно. Но расходъ на коммиссіи, конечно—пустое дѣло въ сравненіи съ тѣми расходами, которые повлечетъ за собою улучшеніе, по ихъ замѣчаніямъ и соображеніямъ, обозрѣнныхъ ими водяныхъ сообщеній. («Бирж. Вѣд.» № 125).

5) «Въ министерствѣ путей сообщенія возбужденъ вопросъ объ устройствѣ на нашихъ судоходныхъ рѣкахъ и водяныхъ сообщеніяхъ особой флотиліи, имѣющей цѣлью техническо-инспекторскій надзоръ за правильностью и безопасностью движенія по водянымъ сообщеніямъ». («Спб. Вѣд.» № 136).

6) «Мосвовскія Вѣдомости» передаютъ, что при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образована особая коммиссія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ для разсмотрѣнія условій колонизаціи Амурскаго края и для составленія, согласно указаніямъ опыта, проэкта по сему предмету. (№ 126).

7) Предположено основать университетъ въ Сибири.

Я перечислилъ далеко не все. Я не упомянулъ даже о гигантскихъ осушеніяхъ и орошеніяхъ, на которыя также предположенъ огромный расходъ. Всѣ перечисленные мною проэкты, разсматриваемые отвлеченно, очень хороши, и было бы очень желательно, чтобы они явились осуществленными на дѣлѣ. Но я сильно сомнѣваюсь, чтобы исполненіе всего этого было возможно теперь и даже чтобы все это вдругъ было нужно именно теперь. Возьмемъ, напримѣръ, пути сообщенія. Мы строимъ теперь желѣзныя дороги, и строимъ ихъ на казенныя деньги. Но, и по постройкѣ, многія дороги не могутъ обойтись безъ постоянной поддержки казны; другія то и дѣло обращаются за новыми займами къ казнѣ же. Между тѣмъ, намъ нужно выстроить желѣзныхъ дорогъ по меньшей мѣрѣ еще вдвое болѣе, сколько ихъ выстроено. Какіе тутъ потребуются милліарды! И вотъ, при такихъ-то текущихъ неизбѣжныхъ расходахъ, мы хотимъ на средства той же казны создать 17,000 шоссейныхъ дорогъ и улучшить всѣ водяныя коммуникаціи. Согласитесь, что это—предпріятія гигантскія, что ихъ едвали бы вынесла вдругъ даже самая богатая страна, владѣющая громадными капиталами! Для насъ было бы хорошо, еслибы мы пока съумѣли выстроить нужныя желѣзныя дороги, и выстроить не такъ, какъ доселѣ строили, не душегубки и не съ безобразною тратою денегъ, а прочно и недорого.

Возьмемъ, далѣе, сибирскій университетъ. Для университета нужны среднія учебныя заведенія. Таковыхъ по всей Сибири, и западной, и восточной, считая притомъ всѣ среднія учебныя заведенія—и гимназіи, и семинаріи, и военныя училища -- едва ли наберется десять. Но, положимъ, что ихъ десять и въ каждомъ изъ нихъ кончаетъ курсъ каждогодно по 30 учениковъ,—всего 300, изъ которыхъ 10%, т. е. 30 человѣкъ, будутъ годны для университета. И такъ, предполагая, что всѣ эти 30 человѣкъ будутъ поступать въ сибирскій университетъ и не захотятъ поѣхать ни въ какой другой, что всѣ они будутъ непремѣнно проходить всѣ четыре университетскіе курса, найдемъ, что полный комплектъ сибирскаго университета будетъ состоять изъ 120 человѣкъ, а выпускать онъ будетъ каждогодно всего 30 человѣкъ. Но мы сдѣлали предположеніе невѣроятное, невозможное. Можно съ достовѣрностію сказать, что ни одинъ изъ состоятельныхъ воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Сибири не поступитъ въ сибирскій университетъ, а поѣдетъ за университетскимъ образованіемъ непремѣнно въ Россію, и это весьма натурально. Сибирскій университетъ, вслѣдствіе своей отдаленности, будетъ всегда стоять ниже всѣхъ другихъ университетовъ. Въ такую даль не заманишь ничѣмъ ни одного даровитаго профессора; кромѣ того, въ научныхъ пособіяхъ, въ разнаго рода инструментахъ, физическихъ, хирургическихъ, механическихъ, здѣсь всегда будетъ чувствоваться недостатокъ. Безспорно, что изъ даровитой натуры и въ сибирскомъ университетѣ можетъ выработаться хорошій ученый, но какъ хотите, въ наше лукавое время и хорошій ученый, не видавшій ничего, кромѣ сибирской цивилизаціи и сибирскаго общества, будетъ явленіе слишкомъ исключительное и едва ли желательное. А между тѣмъ, кромѣ экстраординарныхъ капитальныхъ расходовъ на устройство сибирскаго университета, потребуется не менѣе 100,000 руб. на ежегодное его содержаніе. Мнѣ кажется, что, если употребить половину этой суммы на образованіе стипендій для сибирскихъ уроженцевъ при университетахъ столичныхъ, полагая съ проѣздомъ по 500 р. на человѣка, то гораздо выгод-

нѣе достигнется та цѣль, которой предполагаютъ достигнуть основаніемъ университета въ Сибири. Цѣль эта, очевидно, состоитъ въ томъ, чтобы умножить число образованныхъ элементовъ въ Сибири. Но намъ кажется, что сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ посредствомъ основанія университета достигнуть этой цѣли. Элементы эти все равно и при университетѣ будутъ улетучиваться изъ Сибири, какъ улетучиваются и теперь. Въ Сибири всегда было много людей, желавшихъ получить высшее образованіе, и много было такихъ, которые и получали его даже безъ пособія отъ правительства. Но рѣдкіе изъ нихъ оставались въ Сибири; обыкновенно же большая часть ихъ уѣзжали въ Россію и здѣсь избирали себѣ тотъ или другой родъ дѣятельности. И это происходило вовсе не потому, чтобы сибиряки не желали оставаться на своей родинѣ: напротивъ, я не знаю людей, которые были бы такъ привязаны къ своей родинѣ, какъ сибиряки, и я увѣренъ, что каждый изъ нихъ, за немногими, можетъ быть, исключеніями, при другихъ порядкахъ, немедленно оставилъ бы Россію и поѣхалъ въ Сибирь навсегда. Но сибиряки, большею частію люди способные, которые съ распростертыми объятіями принимались въ Россіи, обыкновенно затирались въ Сибири. Каждый генералъ-губернаторъ, каждый даже губернаторъ, отправляясь въ Сибирь, такъ мало зналъ эту страну, что воображалъ, что въ природныхъ жителяхъ Сибири онъ встрѣтитъ нѣчто въ родѣ тунгузовъ, остяковъ, самоѣдовъ, ссыльныхъ, каторжныхъ, и что его главнѣйшая миссія состоитъ въ томъ, чтобы просвѣщать Сибирь и смирять ее. Вслѣдствіе этого, правитель Сибири обыкновенно привозилъ туда тьму чиновниковъ изъ Россіи, большею частію искателей карьеры, легкой наживы и просто проходимцевъ. Эти-то чиновники и занимали всѣ важнѣйшіе вліятельные посты на лѣстницѣ служебной сибирской іерархіи. И матеріальныя выгоды на службѣ закономъ, составленнымъ въ очень давнее время, были предоставлены имъ же. Они получали при опредѣленіи на службу въ Сибирь годовое не въ зачетъ жалованье, двойные прогоны, прибавку трети жалованья черезъ каждыя пять лѣтъ службы въ Сибири; для нихъ срокъ на пенсію считался три года за четыре. Къ такимъ привилегіямъ, а главное, къ вліятельному положенію означенныхъ чиновниковъ могли ли быть равнодушны сибиряки, получившіе высшее образованіе? — Никоимъ образомъ. Всѣ эти наѣзжіе чиновники большею частію, и по своимъ свѣдѣніямъ, и по служебной опытности и дѣятельности были чистые нули. И вотъ, сибиряки, получившіе высшее образованіе, люди, которые дѣйствительно могли бы быть полезны для Сибири, бѣжали изъ нея, а наѣзжіе чиновники оставались тамъ командующими до тѣхъ поръ, пока, набравшись чиновъ, крестовъ или набивши карманъ, они находили нужнымъ отправиться на исканіе дальнѣйшей карьеры или на увеличеніе своихъ капиталовъ въ Россію. А Сибирь, благодаря такимъ чуднымъ порядкамъ, теряла ни за что, ни про что свои лучшіе урожденные элементы и питала своимъ тѣломъ истощающихъ ее паразитовъ. Мы слышали отъ людей, посредствомъ которыхъ назначенный недавно генералъ-губернаторомъ Западной Сибири генералъ-адъютантъ Казнаковъ хотѣлъ ознакомиться съ нынѣшнимъ состояніемъ Сибири и ея нуждами, что онъ съ величайшимъ вниманіемъ относится къ возложенному на него верховною властію попеченію о благосостояніи Сибири, что онъ искренно желаетъ сдѣлать все, что можно сдѣлать для нея лучшаго, что ему именно принадлежитъ мысль объ основаніи сибирскаго университета, и для него лично пишемъ эти строки. Пусть онъ, вмѣсто университета въ Сибири, исходатайствуетъ у правительства: 1) давать всѣ тѣ служебныя привилегіи, которыя нынѣ даются только не уроженцамъ Сибири, именно уроженцамъ Сибири, получившимъ высшее образованіе, — для неуроженцевъ же Сибири ихъ вовсе уничтожить; 2) пусть онъ сдѣлаетъ вызовъ ко всѣмъ сибирякамъ, получившимъ высшее образованіе и пребывающимъ въ настоящее время на службѣ въ Россіи, поступить въ Сибирь на службу на соотвѣтствующія ихъ настоящимъ должностямъ мѣста съ зачисленіемъ за ними всѣхъ привилегій по службѣ, какія даются въ настоящее время неуроженцамъ Сибири, — за все то время, пока они служили внѣ Сибири; наконецъ 3) пусть онъ установитъ тѣ стипендіи при столичныхъ университетахъ, о которыхъ мы говорили выше, для сибирскихъ уроженцевъ, — и мы можемъ увѣрить его, что, черезъ какихъ-нибудь 10 лѣтъ, Сибирь получитъ такое количество образованныхъ элементовъ, какихъ она не пріобрѣтетъ въ теченіи 50 лѣтъ не только съ однимъ, а съ пятью университетами, основанными въ Сибири.

О конной сельской полиціи я уже говорилъ въ моемъ мартовскомъ обозрѣніи, что едва ли отъ учрежденія ея можно ожидать чего-нибудь, кромѣ напраснаго расхода денегъ; при томъ же мнѣніи я остаюсь и теперь. Объ инспектирующей флотиліи на нашихъ рѣкахъ и водныхъ сообщеніяхъ можно прямо уже сказать, что это, въ настоящее время, будетъ напрасная трата денегъ: пользы она принесетъ на грошъ, а стоить будетъ милліоновъ или, по крайней мѣрѣ, многихъ сотенъ тысячъ рублей.

Многія наши правительственныя коммиссіи, занимающіяся составленіемъ проэктовъ, страдаютъ однимъ существеннымъ недостаткомъ — односторонностію. Каждая изъ нихъ заботится, повидимому, только о томъ, чтобы перещеголять другія блескомъ и грандіозностію своихъ предначертаній, не обращая при этомъ никакого вниманія на то, насколько подобныя предначертанія сообразны съ платежными силами и средствами государства. А между тѣмъ, въ этихъ силахъ и средствахъ и состоитъ главная суть дѣла. Мало ли какихъ

можно набросать великолѣпныхъ плановъ для разнаго рода сооруженій, учрежденій, заведеній, которыя были бы очень полезны и очень желательны, если бы были исполнимы... Но мудрая пословица гласитъ: по одежкѣ протягивай и ножки, то-есть, прежде, чѣмъ задаваться разными грандіозными планами, посмотри: сколько у тебя средствъ въ карманѣ и сколько потребностей насущныхъ, настоятельныхъ, неотложныхъ остается неудовлетворенными? Если средствъ мало, а потребностей послѣдняго рода очень много, то о грандіозныхъ планахъ и думать нечего. Но вотъ этого-то именно и не хотятъ знать коммиссіи. Онѣ точно забываютъ, что нашею основною платежною силою состоитъ пока все-таки одинъ мужикъ, на которомъ давно уже лежатъ непосильныя тяжести, и прежде, чѣмъ измышлять разные проэкты, которые можно отложить до лучшихъ временъ, теперь надобно позаботиться главнѣйшимъ образомъ о томъ, какъ бы уменьшить эти тяжести и дать ему сколько-нибудь вздохнуть и оправиться.

«Однако, скажетъ мнѣ иной читатель: что вы все толкуете только о мужикѣ да о мужикѣ. Что мужикъ, кромѣ правительственныхъ обложеній, можетъ подпасть и обложеніямъ, какъ вы ихъ называете, нечаяннымъ со стороны такихъ лицъ и учрежденій, къ которымъ онъ никакого касательства, повидимому, имѣть не можетъ,— это всѣмъ извѣстно. Но вы вѣдь начали не съ этого. Вы начали именно съ того, что человѣкъ благородный въ наше время можетъ быть настигнутъ и постигнутъ подобными нечаянными и неподлежащими обложеніями безъ всякаго на то согласія и даже вѣдома съ его стороны? Вотъ объ этомъ намъ и говорите».—Могу и объ этомъ и начну съ себя. Вотъ я теперь седьмой годъ живу на одной квартирѣ и плачу за нее на цѣлую треть больше, чѣмъ платилъ назадъ тому шесть лѣтъ. А между тѣмъ, за это время никакихъ удобствъ ни въ квартирѣ, ни въ городѣ Петербургѣ для меня видимо и осязательно не прибавилось. То же самое, что я имѣлъ въ своей квартирѣ и вообще въ Петербургѣ назадъ тому шесть лѣтъ, я имѣю и теперь. Очевидно, я обложенъ, и непосредственно обложенъ, конечно, хозяиномъ того дома, въ которомъ я живу. Но когда я обращаюсь къ хозяину и говорю ему: «за что вы меня каждый годъ обкладываете все больше и больше», то онъ только машетъ руками, повторяя вѣчно одну и ту же фразу: «и не говорите: а насъ-то какъ обкладываютъ?» Въ послѣднее время къ этой стереотипной фразѣ онъ сталъ прибавлять еще слѣдующее лаконическое изреченіе: «погодите! то ли еще будетъ?» «Вотъ что, чортъ возьми! что же еще будетъ?» подумалъ я въ первый разъ, услышавъ изреченіе хозяина. «Развѣ заставятъ насъ, жильцовъ, отправлять натуральную повинность, то-есть мостовую мостить въ Петербургѣ или улицы мести». Но потомъ извѣстная исторія по отдачѣ концессіи на постройку конножелѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ, проэкты о пневматическомъ очищеніи и о канализаціи Петербурга, слухъ о гигіеническомъ осушеніи окрестностей Петербурга—все это встревожило меня. «Такъ, думаю себѣ, обложатъ тебя въ одинъ прекрасный день, что, пожалуй, безъ штановъ останешься. А, главное, и знать не будешь—откуда все это на тебя упало? за что и про что?» И сталъ я размышлять о печальной участи петербургскаго жильца.

Что такое петербургскій жилецъ? Это—такая же основная, тяглая сила въ Петербургѣ, какъ мужикъ въ Россіи. Если бы не было жильца, то всѣ недвижимыя имущества въ Петербургѣ не дали бы дохода въ годъ и двухъ двугривенныхъ, и казна должна была бы содержать городъ на свой счетъ. Между тѣмъ, будучи такой важной финансовой силой въ хозяйствѣ Петербурга, жилецъ относительно обложенія налогами поставленъ хуже даже, чѣмъ мужикъ. Мужикъ, правда, не имѣетъ никакого участія въ обложеніяхъ, устанавливаемыхъ правительствомъ. Здѣсь, что положено, онъ долженъ дать безъ всякихъ разсужденій. Но въ сборахъ, налагаемыхъ земствомъ, онъ имѣетъ свое законное представительство; если до сихъ поръ онъ плохо пользуется правами своего представительства, то это зависитъ отъ его умственной незрѣлости; но право у него есть. Въ общественныхъ сборахъ онъ имѣетъ личное, непосредственное участіе на сходахъ. Петербургскій же жилецъ,— эта, повторяемъ, основная платежная сила Петербурга, —въ городѣ Петербургѣ съ образцовымъ самоуправленіемъ, гдѣ почти всѣ налоги устанавливаются мѣстнымъ самоуправленіемъ, и даже правительственные налоги предварительно имъ разсматриваются или, по крайней мѣрѣ, имъ равномѣрно разлагаются, не имѣетъ никакого участія въ проэктируемыхъ обложеніяхъ. Онъ просто облагается налогами, какъ вещь, какъ оброчная статья.

Кто-же его облагаетъ?—Ну, конечно, городская дума, составленная, во-первыхъ, изъ домовладѣльцевъ и, во-вторыхъ, изъ трактирщиковъ, кабатчиковъ и вообще лицъ, платящихъ промысловые налоги.

Желательно бы было, однако, знать: по какому праву эти лица, то-есть домовладѣльцы, трактирщики, кабатчики и т. п., дѣлаются попечителями Петербурга и распорядителями его хозяйственнаго бюджета? По какому праву они могутъ играть роль представителей многочисленнаго и самаго разнообразнаго петербургскаго населенія? Чьи интересы они собой представляютъ? Капитала?—Нѣтъ. Въ Петербургѣ, кромѣ капиталовъ, представляемыхъ недвижимыми имуществами города и промысловыми свидѣтельствами, есть много другихъ крупныхъ капиталовъ, совершенно разнородныхъ съ тѣми по своимъ интересамъ. Кромѣ того, промысловыя свидѣтельства часто не представляютъ собою никакого другого капитала, кромѣ стоимости самаго свидѣтельства.—Труда? Но какъ

всѣ домовладѣльцы, такъ и большая часть промышленниковъ—единственно представители мертваго капитала, который оплодотворяется трудомъ лицъ, интересы которыхъ стоятъ обыкновенно въ полномъ противорѣчіи съ владѣльцами капиталовъ. Наконецъ, интеллигенція? Но петербургская интеллигенція сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ свободныхъ профессіяхъ и въ офиціальномъ мірѣ, и только въ очень незначительномъ числѣ, въ качествѣ домовладѣльцевъ, попадаетъ въ думу.

Ясно, что петербургская дума, въ своемъ настоящемъ составѣ, вовсе не представляетъ собой интересовъ всего разнообразнаго петербургскаго населенія; въ ней представлены только интересы домовладѣльцевъ и владѣльцевъ промысловыхъ свидѣтельствъ.

Можетъ ли такое одностороннее представительство правильно вести городское хозяйство, то-есть имѣть въ виду единственно общее благосостояніе города и, въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, не увлекаться своими частными интересами? Мы смѣло утверждаемъ, что даже при самомъ добросовѣстномъ отношеніи всѣхъ членовъ думы къ своему долгу, при подобномъ представительствѣ, это—вещь совершенно невозможная. Потому что интересы представителей и интересы представляемаго ими петербургскаго населенія очень разнородны и зачастую стоятъ въ прямомъ противорѣчіи. Если домовладѣльцу всегда очень желательно, чтобы процентъ дохода, приносимаго его домомъ, не только не понижался, а, напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе возвышался, то жилецъ желаетъ, напротивъ, чтобы процентъ этотъ не доходилъ до той безобразной высоты, до которой онъ дошелъ теперь, а спустился бы, по крайней мѣрѣ, на ту ступень, на которой онъ стоитъ въ другихъ столицахъ Европы. Засѣдай жилецъ въ думѣ, онъ всегда бы имѣлъ въ виду пониженіе цѣнъ на квартиры и считалъ бы это дѣломъ самымъ настоятельнымъ, наипервѣйшей важности, каково оно и дѣйствительно есть. Домовладѣльцу никогда и въ голову не придетъ войти въ разсмотрѣніе этого дѣла и заняться имъ, какъ слѣдуетъ, хотя бы тысячи случаевъ постоянно наталкивали его на вопросъ объ удешевленіи квартиръ. Вотъ теперь, напримѣръ, дума сильно занята гигіеной города. Казалось бы, вопросъ о квартирахъ—первый вопросъ гигіены. Какъ ни устроивай городъ, но если люди недостаточные будутъ скучиваться въ дурныхъ квартирахъ, никакія устройства не помогутъ. Но ни одинъ изъ домовладѣльцевъ, засѣдающихъ въ думѣ, не заикнулся объ этомъ. Они сдѣлаютъ вамъ все, что угодно: и скверы устроятъ, и болота кругомъ Петербурга осушатъ, и канализацію устроятъ. Но жильца у нихъ — не трошь. Онъ долженъ nolens-volens сидѣть въ ихъ подвалахъ и на ихъ чердакахъ и оплачивать дорогою цѣною вонючій, убійственный воздухъ этихъ квартиръ, утѣшаясь тѣмъ, что въ Петербургѣ есть и хорошій воздухъ на скверахъ, куда ему не запрещено ходить,—только у него нѣтъ времени для этого,—и что, кромѣ того—вотъ, Богъ дастъ, устроятъ канализацію, наложатъ на него еще нѣсколько рублей налогу,—хорошій воздухъ будетъ и на улицахъ, и даже на дворахъ, который отчасти легко можетъ попадать и въ его конуры. Намъ могутъ сказать: «Что-жъ вы нападаете на думу? Она, можетъ быть, и готова была бы взяться за квартирный вопросъ, но у нея нѣтъ нужныхъ для этого суммъ». Нѣтъ, дѣло вовсе не въ суммахъ, которыя давно нашлись бы, а въ томъ, что въ думѣ нѣтъ глаза жильца, для котораго ясна эта потребность, а есть только глазъ домовладѣльца, который, инстинктивно не примѣчая, обходитъ подобныя потребности. Вотъ недавно, напримѣръ, дума утвердила постройку сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ въ 84 версты. Желѣзныя дороги—вещь, конечно, очень хорошая. Но это нѣкоторымъ образомъ—уже роскошь, которую можетъ позволить себѣ городъ очень богатый, въ которомъ всѣ другія, болѣе нужныя потребности уже удовлетворены. Сѣти желѣзныхъ дорогъ нѣтъ пока въ городахъ, которые будутъ гораздо больше Петербурга по своему пространству и въ нѣсколько десятковъ разъ побогаче его; укажемъ въ примѣръ хоть на Парижъ. Не лучше ли было бы и Петербургу, вмѣсто того, чтобы тратить деньги на сѣть желѣзныхъ дорогъ, употребить ихъ на постройку нѣсколькихъ десятковъ большихъ домовъ въ какомъ-нибудь изъ предмѣстій Петербурга съ умѣренными цѣнами на квартиры для людей недостаточныхъ и связать это предмѣстье желѣзною дорогою съ Петербургомъ? Засѣдай въ думѣ вмѣстѣ съ домовладѣльцами жильцы, они, вѣроятно, эту настоятельную потребность Петербурга и выставили бы на первый планъ и настаивали бы горячо на ея удовлетвореніи. Но въ думѣ засѣдаютъ домовладѣльцы: имъ, конечно, невыгодно понять цѣны на квартиры, и вотъ они бросаютъ громадную сумму городскихъ денегъ на сѣть дорогъ, сооруженіе которой безъ особенныхъ лишеній для города могло бы быть оставлено до лучшаго времени.

Другой примѣръ: если петербургскому населенію нужны хорошіе мировые судьи, которые бы разбирали подлежащія ихъ вѣденію дѣла добросовѣстно и безпристрастно, то трактирщикамъ, кабачникамъ и т. п., на которыхъ то и дѣло поступаютъ иски въ мировые суды, такіе судьи совсѣмъ неудобны. И вотъ, благодаря имъ, на послѣднихъ выборахъ нѣсколько изъ бывшихъ лучшихъ, примѣрныхъ мировыхъ судей Петербурга провалились потому собственно, что они налагали штрафы на трактирщиковъ и кабачниковъ; другіе, которыхъ по всей справедливости слѣдовало забаллотировать, остались судьями, благодаря ихъ кумовству съ трактирщиками и кабачниками. Въ Петербургѣ, считающемся образцомъ самоуправленія, дѣло доходитъ до того, что трактирщики и кабачники при наложеніи на нихъ

штрафа мировыми судьями, прямо говорятъ послѣднимъ: «Смотрите, не потерять бы вамъ мѣсто».

Изъ представленныхъ нами примѣровъ видно, къ какимъ ошибкамъ и прямо злоупотребленіямъ можетъ вести одностороннее представительство городского населенія въ думѣ. Но здѣсь только еще начало коррупціи. Полная коррупція наступитъ только тогда, когда члены этого страннаго представительства поймутъ, что, образовавъ болѣе или менѣе значительный союзъ въ средѣ домовладѣльцевъ и таковый же въ средѣ промышленниковъ и соединивъ ихъ для дѣйствія въ одномъ направленіи, можно выжить изъ думы и послѣдніе порядочные элементы и затѣмъ безнаказанно распоряжаться городскимъ населеніемъ, транжирить городскіе доходы, жуировать на счетъ города, продавать городскія должности и т. п. Нѣчто подобное этому, пожалуй, и обнаружилось въ думѣ при рѣшеніи вопроса о сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ. Сначала дума постановила: устроить сѣть дорогъ самой хозяйственнымъ образомъ. Потомъ свое это постановленіе перерѣшила, положивъ отдать постройку дороги концессіонеру. Когда же явилось нѣсколько кандидатовъ на концессію, то среди гласныхъ думы оказалось не мало охотниковъ, желавшихъ продавать свои голоса, и, что всего замѣчательнѣе, каждый изъ этихъ охотниковъ продавалъ свой голосъ, въ одно и тоже время, и одному, и другому, и третьему кандидату.

Такая неумѣлость вести подобнаго рода дѣла, очень забавна, но въ то же время и утѣшительна, ибо показываетъ недостатокъ опытности въ петербургскихъ гласныхъ; видно, что они—еще новички въ этихъ дѣлахъ и не дошли до мысли объ устройствѣ надлежащей организаціи въ подобнаго рода случаяхъ.

Вотъ въ Одессѣ, если вѣрить корреспонденту, дѣло давно уже налажено, какъ слѣдуетъ. Корреспондентъ пишетъ, что «изъ 69 гласныхъ, составляющихъ одесскую думу, только 2 не домовладѣльца: одинъ—представитель платящихъ за прикащичьи свидѣтельства, другой — директоръ русскаго общества промышленности и торговли. Остальные всѣ представители домовладѣльческаго разряда—болѣе или менѣе крупные собственники. Затѣмъ эти же гласные разобрали между собой всевозможныя обязанности и должности, зависящія отъ управы и думы. Между гласными (69) найдется едва 10 человѣкъ совершенно самостоятельныхъ, не получающихъ жалованья или вообще вознагражденій изъ городскихъ суммъ. Городской голова получаетъ 12,000 руб. и уже болѣе года (!?) живетъ въ Петербургѣ. Но дѣла городскія не страдаютъ, такъ какъ голова не завѣдываетъ никакой частью, а у насъ есть заступающій его мѣсто помощникъ, получающій 7,000 р. Затѣмъ 5 членовъ управы дѣйствуютъ самостоятельно въ своемъ округу занятій, получая по 5,000 р. У каждаго изъ нихъ свой секретарь или дѣлопроизводитель, зависящій лично отъ своего начальника». («Биржевыя Вѣдомости» № 118).

Ну, вотъ видите ли! Насчетъ управленія устроено все очень хорошо. Почти всѣ гласные думы питаются отъ городского управленія. Собственно въ управленіи голова одесскій, хотя въ Одессѣ и не живетъ, но получаетъ жалованья столько же, какъ и петербургскій городской голова, т. е. 12,000 р., помощникъ его 7,000 р., пять членовъ каждый по 5,000 р., — весь городъ Одесса платитъ за свое управленіе — всего 44,000 р. Такъ какъ въ Одессѣ 179,000 жителей, то съ каждаго человѣка на содержаніе собственно управленія сойдетъ всего какой нибудь четвертакъ; на разныя другія должности при городскомъ управленіи, занимаемыя гласными, вѣроятно, не болѣе, какъ вчетверо или впятеро противъ этого, а можетъ быть даже и гораздо меньше этого (къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ свѣдѣній подъ руками); во всякомъ случаѣ, цифра не особенно значительная для такого богатаго города, какъ Одесса, а, между тѣмъ, и управленіе поставлено прилично, а, главное, хорошимъ содержаніемъ въ немъ поддерживается постоянно такое усердіе къ дѣятельности на пользу города, какого вы не встрѣтите нигдѣ. Кто не знаетъ, что вопросы о мостовыхъ и водопроводахъ и т. п.—вѣчные вопросы Одессы? Дума стараго устройства ничего не могла съ ними подѣлать. Тѣмъ съ большимъ усердіемъ принялась какъ за эти вопросы, такъ и вообще за вопросы о благоустройствѣ города дума новая. Но и въ рукахъ новой думы дѣло не спорится. Деньги идутъ, а толку выходитъ мало. «По подряду мощенія улицъ, пишетъ корреспондентъ, управа допустила переборъ подрядчикомъ суммъ до 92,500 р. Подобный авансъ,—спрашиваетъ наивно корреспондентъ,—нечаянно открытый, возможенъ ли въ правильномъ хозяйствѣ?» По постройкѣ водостоковъ, пишетъ далѣе корреспондентъ, работы плохи, а на нихъ затрачено до 400,000 руб. Газовое общество, взявшееся освѣщать городъ, освѣщаетъ его плохо и дорого, а сдѣлать съ нимъ ничего нельзя, потому что предсѣдатель газоваго общества, крупнѣйшій акціонеръ его—вмѣстѣ и членъ управы. Въ водопроводномъ дѣлѣ, говоритъ корреспондентъ, совершеннѣйшій хаосъ. Въ виду ничего еще нѣтъ, а уже требуется гарантія въ 28,000 р. Всѣ эти свѣдѣнія корреспондентъ сообщаетъ по поводу того, что городу Одессѣ разрѣшенъ заемъ въ 4,000,000 руб. Корреспондентъ боится, что, при теперешнемъ составѣ думы и при такомъ ея безцеремонномъ обращеніи съ городскими суммами, у нея уплывутъ изъ рукъ скоро и безслѣдно эти четыре милліона. Потому онъ рекомендуетъ «призвать къ платежамъ въ городскую кассу квартирантовъ и дать имъ участіе въ самоуправленіи. Приливъ къ самоуправленію людей свободныхъ профессій, живущихъ личнымъ трудомъ, улучшитъ послѣднее».

Въ Петербургѣ также давно уже бродитъ мысль о томъ, чтобы привлечь жильцовъ къ прямымъ налогамъ; по всей вѣроятности, въ виду огромныхъ расходовъ, которыхъ требуетъ предположенная канализація Петербурга, эта мысль будетъ скоро приведена въ исполненіе. Но мысль эту поклонники существующаго нынѣ домовладѣльческо-трактирно-кабацкаго управленія города развиваютъ совсѣмъ не въ томъ направленіи, въ какомъ представляетъ это одесскій корреспондентъ и въ какомъ это дѣйствительно не только желательно, но и настоятельно нужно. Они говорятъ, что привлечь жильцовъ къ прямому налогу— вещь совершенно необходимая, но отъ участія ихъ въ управленіи, Боже сохрани! — ни подъ какимъ видомъ къ этому не допускать. Въ этомъ смыслѣ недавно напечатана была передовая статья въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 125). Авторъ ея домовладѣльцевъ, трактирщиковъ, кабачниковъ и т. п. представляетъ для Петербурга чѣмъ-то въ родѣ отцовъ отечества—patres conscripti. Они, дескать, за все платятъ, все устраиваютъ, а жильцы только пользуются щедротами этихъ отцовъ отечества, а сами ничего не даютъ. Пора, дескать, и съ нихъ взыскивать. Для иллюстраціи этой своей мысли авторъ дѣлаетъ выдержку изъ соображеній, изложенныхъ въ Городовомъ Положеніи (изданіе хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, 1870 г.), которая, дѣйствительно, въ своемъ родѣ очень замѣчательна, и потому ее приводимъ, отмѣчая курсивомъ мѣста, заслуживающія особеннаго вниманія читателя: «Наниматели жилыхъ помѣщеній въ городахъ пользуются тѣми же удобствами жизни, тѣми же условіями благоустройства и общественнаго благосостоянія, какими располагаютъ и всѣ другіе мѣстные жители, принадлежащіе къ коренному населенію, и какъ тѣ, такъ и другіе, въ одинаковой степени заинтересованы въ возможно лучшемъ устройствѣ города, въ которомъ живутъ: между тѣмъ, *все бремя налоговъ, имѣющихъ цѣлью, между прочимъ, и это устройство, падаетъ преимущественно на домовладѣльцевъ и лицъ, занимающихся въ городѣ торговлею или промыслами*. Такимъ образомъ, наниматели квартиръ въ городахъ, не неся никакихъ прямыхъ налоговъ въ пользу городской кассы *и не участвуя, вслѣдствіе того, въ покрытіи издержекъ, требующихся на предметы благоустройства, находятся въ положеніи гораздо болѣе выгодномъ, чѣмъ владѣльцы недвижимыхъ имуществъ и, особенно, торговцы съ промышленниками*. Многіе изъ этихъ послѣднихъ также живутъ въ наемныхъ помѣщеніяхъ и, на одинаковыхъ условіяхъ съ квартирантами, платя за оныя домовладѣльцамъ, вносятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ кассу города извѣстную часть процентовъ отъ своихъ доходовъ; тогда какъ *наниматели жилыхъ помѣщеній, непринадлежащіе къ разряду торговцевъ и промышленниковъ, несмотря на то, что многіе получаютъ довольно значительные доходы отъ своихъ капиталовъ или профессій, являются свободными отъ всякихъ налоговъ, употребляемыхъ на улучшеніе города*. Не рѣдко также бываетъ, что владѣлецъ дома имѣетъ болѣе ограниченныя отъ своей собственности средства, чѣмъ живущій у него наниматель квартиры; но тогда какъ первый дѣлится своими средствами на пользу городского устройства, послѣдній ничего не платитъ. Затѣмъ, если домовладѣлецъ, не имѣющій большого избытка, если торговецъ и промышленникъ, располагающіе небольшими средствами, обязываются участвовать въ составленіи городской кассы, то едва ли представляется достаточный поводъ къ тому, чтобъ освобождать отъ этого нанимателя квартиры, обладающаго достаткомъ, пользующагося всѣми выгодами городского благоустройства и непосредственно заинтересованнаго въ его развитіи. Напротивъ, есть полное основаніе разрѣшить городскимъ обществамъ привлекать и квартирантовъ, въ извѣстной степени, къ участію въ общественныхъ расходахъ на содержаніе городскихъ учрежденій и доставленіе городу удобствъ, дѣйствія которыхъ распространяются и на нихъ, наравнѣ съ другими».

Мы не знаемъ, кто писалъ эти строки, но если авторъ ихъ — самъ не домовладѣлецъ, не торговецъ, не промышленникъ, то обстоятельство это очень не утѣшительное. Оно показываетъ, что философія, въ силу которой домовладѣльцы, промышленники, торговцы представляются для Петербурга отцами отечества, patres conscripti,—проникла очень далеко. А это — несомнѣнно философія такого порядка: кто же въ самомъ дѣлѣ, какъ не послѣдователь такой философіи, могъ бы написать, что «все бремя городскихъ налоговъ падаетъ преимущественно на домовладѣльцевъ и лицъ, занимающихся въ городѣ торговлею или промыслами», что «наниматели жилыхъ помѣщеній, не принадлежащіе къ разряду торговцевъ и промышленниковъ, являются свободными отъ всѣхъ налоговъ, употребляемыхъ на улучшеніе города». Вѣдь это все равно, что написать, что во время крѣпостного права все бремя налоговъ лежало преимущественно на помѣщикахъ и что мужики являлись тогда свободными отъ всякихъ налоговъ, употребляемыхъ на улучшеніе государства. Домовладѣльцы, равно какъ лица, занимающіяся торговлею и промыслами, даже когда они — не представители только мертваго капитала, заложеннаго въ недвижимыхъ имуществахъ или различныхъ торговыхъ и промышленныхъ фирмахъ, но и сами производители,—всѣ свои прибыли получаютъ отъ массы трудящагося и потребляющаго петербургскаго населенія. Трудъ этого населенія, т. е. что тоже, трудъ жильца, есть почти единственный источникъ, изъ котораго черпаютъ и домовладѣлецъ, и торговецъ, и промышленникъ, и можно безъ

всякаго преувеличенія сказать, что изъ того, что даютъ послѣдніе на устройство города, большею частію нѣтъ ни одной копейки, ни даже одной сотой копейки, которая бы не произошла чрезъ обложеніе труда жильца. Правильнѣе было бы сказать, что *все бремя городскихъ налоговъ падаетъ преимущественно на жильцовъ*, а между тѣмъ они въ управленіи не участвуютъ единственно потому, что, по принятой рутинѣ, къ участію въ управленіи допускаются только лица, платящія прямые налоги. Какъ будто промышленникъ, заплатившій за промысловое свидѣтельство какихъ-нибудь 5 рублей и помѣщающійся въ квартирѣ во сто рублей въ годъ, даетъ на благоустройство города болѣе, чѣмъ не имѣющій промысловаго свидѣтельства жилецъ, который платитъ за занимаемую имъ квартиру 1,000 рублей—такую сумму, въ которой involute заключено навѣрное отъ 200 до 300 рублей налоговъ на благоустройство города!

Но если ужъ такова рутина, что не платящій прямого налога къ участію въ управленіи не допускается, а платящій прямой налогъ пріобрѣтаетъ это право, то авторъ статьи долженъ бы, по крайней мѣрѣ, быть послѣдовательнымъ: привлекая жильцовъ къ прямому налогу, долженъ былъ бы настаивать и на призваніи ихъ къ участію въ управленіи. Но авторъ такъ пропитался домовладѣльческо-торгово-промышленною философіею, что смотритъ на жильцовъ точь въ точь какъ на бывшихъ крѣпостныхъ. «Всякіе, говоритъ, налоги съ нихъ возьмите, и косвенные, и прямые, но къ участію всѣхъ въ управленіи не допускайте ни подъ какимъ видомъ». Почему же? «Мы полагаемъ—отвѣчаетъ авторъ—что на практикѣ трудно было бы всѣмъ квартирантамъ предоставить право голоса, потому что будучи, большей частью, временными жильцами (!?), мало заинтересованными въ послѣдствіяхъ мѣръ, предпринимаемыхъ по городскому хозяйству и устройству, они могли бы, при многочисленности своей, вредно (!?) вліять на ходъ общественныхъ дѣлъ». Во первыхъ, когда рѣчь идетъ объ обложеніи жильцовъ, то разумѣются не тѣ жильцы, которые нанимаютъ нумера въ гостинницахъ на нѣсколько дней или комнаты въ чужихъ квартирахъ, а разумѣются жильцы, нанимающіе квартиру у домовладѣльцевъ не менѣе, какъ на годъ. Потому и предполагаемый налогъ называется квартирнымъ. Это—налогъ вовсе не личный, а налогъ также съ недвижимой собственности, отдаваемой въ аренду, какъ и налогъ съ дома. Въ всякомъ случаѣ, скорѣе можно назвать берущаго промысловое свидѣтельство временнымъ жителемъ Петербурга, чѣмъ жильца, имѣющаго годовую квартиру. Говоря о какой нибудь Таращѣ или Царевококшайскѣ, гдѣ каждый почти житель имѣетъ свой домишко, можно, конечно, сказать, что квартирантъ—временный жилецъ города; но когда рѣчь идетъ о Петербургѣ, гдѣ на семьсотъ почти тысячъ жителей существуетъ, вѣроятно, не болѣе 7,000 домовъ и гдѣ, слѣдовательно, 90% населенія живутъ постоянно въ чужихъ домахъ, странно называть квартирантовъ, имѣющихъ годовыя квартиры, жителями временными. Потомъ мы не понимаемъ: съ какой бы стороны участіе жильцовъ въ управленіи могло вредно повліять на ходъ общественныхъ дѣлъ? Жилецъ Петербурга, конечно, не менѣе, чѣмъ и домовладѣлецъ и торговецъ, и промышленникъ, заинтересованъ тѣмъ, чтобы въ городѣ было какъ можно болѣе удобствъ; но онъ, какъ добывающій деньги своимъ трудомъ, гораздо болѣе ихъ желаетъ, чтобы эти удобства создавались съ соблюденіемъ самой строгой экономіи. Гораздо болѣе — потому, что домовладѣлецъ всякій налогъ возместитъ на своихъ жильцахъ, промышленникъ и торговецъ на своихъ покупателяхъ, т е. тоже главнымъ образомъ на жильцахъ. Но жильцу не на кого накинуть не экономическій расходъ: онъ долженъ уплатить его изъ своего кармана. Потому присутствіе жильцовъ въ управленіи Петербурга не только не могло бы вредно повліять на ходъ общественныхъ дѣлъ, какъ думаетъ авторъ статьи, а напротивъ, дало бы имъ правильное теченіе: жилецъ научилъ бы думу различать настоятельныя потребности города отъ менѣе важныхъ, безъ удовлетворенія которыхъ можно пока и обойтись; ввелъ бы строгую экономію и отчетность въ расходахъ; уничтожилъ бы въ думѣ безобразія подкупности и кумовства. Однимъ словомъ: только при участіи въ управленіи жильца, дума сдѣлалась бы истиннымъ представительствомъ всего петербургскаго населенія—различныхъ видовъ капитала, различныхъ отраслей труда и свободныхъ профессій. А при такомъ только полномъ представительствѣ и возможно правильное веденіе дѣлъ въ думѣ къ общему удовольствію всего населенія.

Но, говоритъ авторъ статьи, жильцы платятъ квартирный налогъ вездѣ въ Западной Европѣ и нигдѣ, между тѣмъ, къ участію въ городскомъ управленіи не допускаются, и въ доказательство приводитъ слѣдующую выдержку изъ объясненій къ городовому положенію: «изъ существующихъ въ Западной Европѣ законоположеній относительно городского общественнаго представительства оказывается, что ни въ одномъ изъ городовъ, гдѣ существуетъ сборъ съ жилыхъ помѣщеній, лица, платящія этотъ сборъ, не пользуются правомъ избирателей».

Не правда ли, заявленіе очень рѣшительное и притомъ, нѣкоторымъ образомъ, полуоффиціальное. Казалось бы, какъ ему не вѣрить? Но мы научены долгимъ опытомъ недовѣрять тѣмъ ссылкамъ на заграничные порядки, которыя дѣлаются у насъ, и потому заглянули въ das Staats-Recht der Preussischen Monarchie von Rönne и здѣсь, 2 B. 1 Abt., въ главѣ die Städte-Verfassungen, стр. 539 нашли слѣдующее:

«Право горожанина (бюргера) состоитъ въ правѣ участвовать на выборахъ, равно какъ въ

правоспособности (Befähigung) на занятіе безъ жалованья должностей въ общинномъ управленіи и въ общинномъ представительствѣ. Каждый самостоятельно живущій прусакъ, которому минуло 24 года отъ роду и который имѣетъ собственное хозяйство, если только у него не отнято по судебному приговору право распоряжаться своимъ имуществомъ или управлять имъ, пріобрѣтаетъ имя бюргера, если онъ a) въ теченіи года живетъ въ чертѣ города и принадлежитъ къ городской общинѣ, если онъ b) не получалъ изъ общественныхъ средствъ вспомоществованія, назначаемаго для бѣдныхъ, если онъ c) уплатилъ лежащіе на немъ общинные налоги, и кромѣ того, или 1) имѣетъ домъ въ чертѣ города, или 2) въ одной изъ шести восточныхъ провинцій и Вестфаліи занимается самостоятельно какимъ-нибудь постояннымъ промысломъ, имѣя притомъ въ городахъ съ населеніемъ свыше 10,000 ж. не менѣе двухъ помощниковъ, или 3) обложенъ классифицированнымъ податнымъ налогомъ или 4) платитъ классную подать въ количествѣ не менѣе четырехъ талеровъ». Городовое положеніе для шести восточныхъ провинцій относительно послѣдняго пункта присовокупляетъ, что въ городахъ, оплачивающихъ подати съ убитаго скота и помола, гдѣ классной подати не существуетъ, дозволяется самому магистрату распредѣлять жителей по правиламъ, установленнымъ для классной подати, и сверхъ того, предоставляется городскому начальству вмѣсто классной подати въ 4 талера принимать въ разсчетъ годовой (валовой) доходъ, который долженъ простираться въ городахъ, имѣющихъ менѣе 10,000 жителей, до 200 талеровъ, въ городахъ отъ 10 до 50,000 жит. до 250 талеровъ, въ городахъ свыше 50,000 жит. до 300 талеровъ.

Изъ этого видно, что въ Пруссіи имѣютъ право на участіе въ управленіи всѣ тѣ жители города, которые платятъ классную подать въ размѣрѣ не менѣе четырехъ талеровъ или, въ городахъ, гдѣ нѣтъ этой подати, могутъ быть по своему доходу и даже просто по усмотрѣнію магистрата приравнены къ платящимъ классную подать въ количествѣ не менѣе четырехъ талеровъ.

Что же такое классная подать въ Пруссіи и кто ей подлежитъ? Классную подать платятъ въ Пруссіи, за исключеніемъ военныхъ, духовныхъ, бѣдныхъ, состоящихъ на общественномъ вспомоществованіи и т. п., всѣ жители города, получающіе годового валового дохода менѣе 1,000 талеровъ въ годъ Подать эта раздѣляется на три главные класса: записанные въ *первомъ* классѣ платятъ въ мѣсяцъ отъ 1 гроша 3 пфенинговъ до 7 грошей 6 пфен.; во *второмъ* отъ 10 грошей до 25 гр.; въ *третьемъ* отъ 1 до 2 талеровъ.

Такъ какъ minimum классной подати второго класса составляетъ 10 грошей въ мѣсяцъ, въ годъ 120 гр. или четыре талера, то, значитъ, весь второй и третій классъ платящихъ классную подать пользуются уже правомъ на участіе въ управленіи. Сопоставляя съ этимъ то положеніе, въ силу котораго въ городахъ, не платящихъ классной подати, подать эта уравнивается съ доходомъ въ 300 талеровъ въ годъ въ самыхъ большихъ городахъ, гдѣ рабочій не получаетъ въ день менѣе талера, надобно предположить, что въ Пруссіи только самое незначительное число горожанъ не принимаетъ участія въ управленіи.

Отсюда ясно, почему въ Пруссіи не нужно было особеннаго постановленія, что платящіе квартирный налогъ имѣютъ право на участіе въ городскомъ управленіи. Тамъ имѣетъ право на участіе въ управленіи и тотъ, кто вовсе не имѣетъ квартиры, но вноситъ классный налогъ не ниже второго класса. Требуется только одно, чтобы число послѣдняго рода гласныхъ, т. е. не имѣющихъ недвижимой собственности и не арендаторовъ таковой, не превышало половины общаго количества гласныхъ, установленнаго для каждаго города.

Изъ всего вышесказаннаго очевидно, что заявленіе автора статьи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», будто въ городскомъ управленіи въ Европѣ участвуютъ только домовладѣльцы, да торговцы и промышленники, а жильцы къ таковому не допускаются, лишено всякаго основанія, хотя оно какъ-то попало (чему нельзя не удивляться!) даже въ объясненія къ городовому положенію!

Кстати здѣсь замѣтить, что въ Пруссіи обращено вниманіе на все, что можетъ вредно вліять на настроеніе гласныхъ въ думѣ, направляя ихъ дѣятельность не соотвѣтственно интересамъ городского населенія. 1) Гласные жалованья не получаютъ и не могутъ занимать никакой общественной должности съ жалованьемъ. Потому, ни члены магистрата, ни вообще чиновники, состоящіе по городскому управленію, какъ получающіе жалованье, гласными быть не могутъ; 2) всѣ правительственные чиновники, моторые могутъ имѣть прямое или косвенное вліяніе на теченіе городскихъ дѣлъ, въ гласные также не допускаются, какъ то: чиновники полиціи, лица прокурорскаго надзора, лица, занимающія судебныя должности, чиновники и члены тѣхъ правительственныхъ мѣстъ, которыя имѣютъ наблюденіе надъ городами; 3) не допускаются, наконецъ, въ одно время въ число гласныхъ лица, связанныя близкими узами родства, какъ-то: отецъ съ сыномъ, братья. Всѣ эти постановленія относительно гласныхъ думы не мѣшало бы позаимствовать и нашимъ городамъ. Тогда устранились бы многія безобразія. Даже уже то одно принесло бы много пользы, что гласные, не имѣя права на полученіе жалованья, не нахватывали бы себѣ, какъ въ одесской думѣ, общественныхъ должностей, оставляя ихъ черезъ это не только безъ контроля, но и превращая въ орудіе зло-

употребленій, а напротивъ, тщательно смотрѣли бы за правильнымъ и точнымъ исполненіемъ этихъ должностей тѣми, кто ихъ занимаетъ.

Отъ проэктовъ *обложеній* мы перейдемъ теперь къ проэктамъ *ломки*. Мишенью для проэктовъ ломки служитъ обыкновенно нашъ крестьянскій бытъ съ вѣковыми формами его устройства. Съ того времени, какъ уничтожилось крѣпостное право, формы эти, уединяющія крестьянъ отъ другихъ сословій и охраняющія ихъ въ ихъ управленіи, судѣ, поземельномъ устройствѣ отъ вторженія чуждыхъ имъ элементовъ, сдѣлались для многихъ ненавистными, именно потому, что эти *многіе* желали бы вторгнуться въ крестьянское сословіе и здѣсь, въ качествѣ выборныхъ правителей, судей въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, поставить народъ въ полное свое распоряженіе. Мысль о возстановленіи крѣпостного права подъ этою новою формою являлась уже много разъ въ литературѣ. Недавно, въ формѣ грандіознаго проэкта о всесословной волости, она внесена была въ разсмотрѣніе даже въ петербургское дворянское собраніе, и хотя нашла здѣсь многихъ сторонниковъ, изъ которыхъ одинъ, именно заслуженный царскосельскій предводитель дворянства Платоновъ, даже публично завѣрялъ собраніе, что бывшіе крѣпостные и теперь вздыхаютъ о бывшихъ крѣпостныхъ порядкахъ, тѣмъ не менѣе, къ чести петербургскаго дворянства должно сказать, что здравый смыслъ восторжествовалъ, и проэктъ провалился. Но это ничего не значитъ. Мысль о возобновленіи крѣпостного права подъ какими-нибудь благовидными формами не умретъ въ Россіи, пока окончательно не вымретъ современное поколѣніе, вкусившее отъ прелестей крѣпостного права и воспитанное на крѣпостныхъ традиціяхъ. Она будетъ то и дѣло появляться въ литературѣ по каждому случаю, къ которому чтитель старыхъ порядковъ найдетъ возможнымъ пристегнуть свои о нихъ воздыханія; будетъ еще много написано и грандіозныхъ проэктовъ о примѣненіи ея къ дѣлу, и даже тѣ или другія собранія употребятъ, вѣроятно, и попытки вывести ее подъ какимъ-нибудь флагомъ на путь законодательнаго разсмотрѣнія.

Недавно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 115) была помѣщена статья объ учрежденіи волостныхъ земскихъ банковъ г. Сергѣя Шипова. Авторъ относится, повидимому, какъ будто благожелательно къ крестьянскому сословію. Онъ сожалѣетъ, что нѣтъ спеціально для крестьянъ устроенныхъ банковъ, вслѣдствіе чего крестьянинъ бѣдный въ крайней нуждѣ платитъ высокій процентъ кулакамъ, а крестьянинъ зажиточный прячетъ свои сбереженія въ кубышкахъ, скрываемыхъ въ подвалы и другія темныя хранилища, «подвергаясь опасности похищенія ихъ людьми неблагонамѣренными». По мнѣнію автора, было бы необходимо собственно для крестьянъ устроить волостные сельскіе банки. Но, говоритъ авторъ, «по нынѣшнему составу волостныхъ обществъ и правленій, учрежденіе такихъ волостныхъ банковъ не только совершенно неудобно, но и невозможно. Въ настоящее время, сельскіе сходы составлены по большей части изъ людей необразованныхъ, грубыхъ и малонравственныхъ; оттого разсужденія ихъ, а иногда и самыя рѣшенія сопровождаются нерѣдко пьянствомъ и неразумѣемъ. Служебныя должности сельскихъ старостъ, членовъ волостного суда и правленія, занимаютъ люди грубые, изъ того же низшаго слоя населенія, часто безграмотные и даже нетрезвые. Очевидно, заключаетъ г. Шиповъ, что при такомъ составѣ волостного правленія неблагонадежно ввѣрять имъ суммы, потребныя для образованія фонда учреждаемыхъ волостныхъ земскихъ банковъ и производства въ нихъ кредитныхъ операцій». «Что же однако дѣлать? спрашиваете вы. Какъ при такомъ положеніи дѣла устроить банки?» «Очень просто, отвѣчаетъ г. Шиповъ. Для волостныхъ банковъ,—изъ которыхъ еще, съ позволенія сказать, чортъ знаетъ что выйдетъ, — надобно съ корня перевернуть все настоящее крестьянское устройство и управленіе, и именно вотъ какъ», и съ этими словами обязательно представляетъ слѣдующій проэктъ новаго, измышленнаго имъ крестьянскаго устройства и управленія:

«Сельскія общества должны состоять не изъ однихъ только крестьянъ, но также изъ лицъ другихъ состояній, живущихъ въ однихъ съ крестьянами селеніяхъ. Волостныя общества, какъ и нынѣ, должны быть составлены соединеніемъ въ каждомъ изъ нихъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, но въ обширнѣйшемъ противу нынѣшняго составѣ. Всѣ помѣщики, владѣющіе поземельными имѣніями, и купцы, имѣющіе фабрики, заводы и другія промышленныя заведенія, находящіяся при сельскихъ обществахъ или вблизи оныхъ, должны также входить въ составъ волостныхъ общинъ, которыя такимъ образомъ состоять будутъ изъ лицъ всѣхъ состояній, въ томъ округѣ постоянное жительство имѣющихъ. Каждый таковой округъ можетъ заключать въ себѣ отъ 5 до 10 тысячъ населенія обоего пола, подъ управленіемъ избраннаго начальника, которому приличнѣе всего дать древнее наименованіе *волостеля*. Вступившіе въ составъ волости дворяне, обладающіе значительными имѣніями, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые по своему образованію имѣютъ различныя ученыя степени, а также и купцы, владѣющіе большими промышленными или торговыми заведеніями и получившіе въ учебныхъ заведеніяхъ основательное образованіе, должны по опредѣленнымъ на то правиламъ имѣть въ волостномъ собраніи голосъ самостоятельный, наравнѣ съ находящимися въ немъ выборными отъ сельскихъ обществъ; собственники же изъ крестьянъ, также какъ и другія не принадлежащія къ сельскимъ обществамъ лица, должны получать по нѣкоторомъ соединеніи ихъ право голоса черезъ своихъ выборныхъ.

Волостное собраніе избираетъ волостеля, членовъ волостного правленія, волостного суда и людей выборныхъ по числу своего населенія для представленія волости на уѣздномъ собраніи. Въ должность волостеля и членовъ правленія могутъ быть избираемы всѣ лица, имѣющія жительство въ той волости, безъ различія состояній. Желательно только, чтобы званіемъ волостеля облекаемы были преимущественно люди просвѣщенные и, если возможно, зажиточные».

Вы видите, что мы опять находимся въ той же всесословной волости, что была на разсмотрѣніи и петербургскаго дворянства, съ тѣмъ только различіемъ, что тамъ падишахъ всесословной волости назывался *земскимъ головой*, а здѣсь называется *волостелемъ*.

Всѣ эти непрошенные преобразователи, въ родѣ г. Сергѣя Шипова, въ родѣ прожектеровъ петербургскаго дворянства—странные люди, чтобы не сказать болѣе. Надобно предположить что нибудь одно изъ двухъ: или они берутся переустроивать государство, не имѣя для этого никакой теоретической подготовки, хотятъ его преобразовывать точно такъ же, какъ сталъ бы его преобразовывать какой нибудь Китъ Китычъ, или они имѣютъ хорошую теоретическую подготовку, но тщательно скрываютъ ее, желая наловить рыбки въ мутной водѣ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, имѣя хоть маленькую теоретическую подготовку, представлять крестьянское управленіе чѣмъ то совершенно изолированнымъ въ государственномъ строѣ, стоящимъ здѣсь совершеннымъ особнякомъ, въ родѣ почтоваго управленія или акцизнаго управленія, которыя можно передѣлать, какъ угодно, и потомъ только увѣдомить подлежащія мѣста и лица, которымъ то вѣдать надлежитъ, что такого то числа и мѣсяца мы устроили ихъ такъ то и такъ то. Крестьянское управленіе и устройство въ государствѣ есть ячейка всего государственнаго устройства и управленія. Нельзя передѣлать его, не передѣлавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣхъ стоящихъ надъ нимъ учрежденій и управленій и находящихся съ нимъ въ неразрывной связи. Что такое въ настоящее время наше крестьянство? Это—сословіе людей почти вполнѣ равныхъ между собою по имущественному положенію, по занятіямъ, по обычаямъ, по степени образованія, по правамъ, замкнутое въ общемъ управленіи и судѣ для всѣхъ инородныхъ элементовъ. При такой не только однородности, но и равенствѣ элементовъ, составляющихъ крестьянское сословіе, имущественномъ, юридическомъ, умственномъ, внутри его невозможна борьба интересовъ, которая неизбѣжна во всякомъ обществѣ, составленномъ изъ элементовъ разнородныхъ. Что касается до отношеній внѣшнихъ, то, какъ для того, чтобы изолированное крестьянское управленіе, не имѣющее притомъ въ составѣ своемъ интелегенціи, не нарушало интересовъ другихъ сословій, поставленныхъ съ нимъ въ непосредственное соприкосновеніе по землѣ, такъ съ другой стороны, для того, чтобы эти послѣдніе не посягали на крестьянскіе интересы, учреждены верховною властью для наблюденія особые органы, въ лицѣ бывшихъ мировыхъ посредниковъ или нынѣшнихъ непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій; далѣе, чтобы со стороны крестьянскихъ изолированныхъ самоуправленій не было препятствій, медленности, розни въ удовлетвореніи мѣстныхъ потребностей, чтобы удовлетвореніе это шло въ согласіи съ общими государственными цѣлями, учреждены мѣстныя хозяйственныя самоуправленія — земства съ представительствомъ изъ всѣхъ сословій. Такимъ образомъ, верховною властію охранены и интересы крестьянъ, и другихъ сословій, состоящихъ съ ними въ непосредственномъ соприкосновеніи. Правда, по причинѣ того низкаго уровня развитія, на которомъ стоятъ теперь крестьяне, даже и при такой охранѣ интересы крестьянъ нерѣдко сильно страдаютъ; органы верховной власти, поставленные для наблюденій надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, вмѣсто справедливаго безпристрастнаго охраненія обоюдныхъ интересовъ крестьянъ и помѣщиковъ, зачастую всю свою дѣятельность направляютъ въ пользу послѣднихъ. Въ земствѣ интеллигентные элементы также нерѣдко пользуются неразвитостью крестьянъ въ свою пользу. Это—зло неизбѣжное, пока крестьяне не сдѣлаются грамотными, пока вообще не поднимется уровень ихъ развитія. Но мы можемъ утѣшаться тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что—это зло временное: придетъ время—и мы думаемъ, что оно не за горами—когда русскій мужикъ образуется и будетъ съ такимъ же достоинствомъ засѣдать въ земскихъ собраніяхъ, съ какимъ шведскій засѣдаетъ въ своемъ сеймѣ или норвежскій въ своемъ стортингѣ; кромѣ того, какъ ни велико это зло, но оно по отношенію къ крестьянству внѣшнее, наносится ему чужеродными элементами, стоящими внѣ его, и притомъ путемъ злоупотребленій, а не закона.

Что же хотите сдѣлать вы? Вы хотите это зло сдѣлать не внѣшнимъ по отношенію къ крестьянской средѣ, но насадить его въ ней самой, сдѣлать его исходящимъ изъ нея; случайныя злоупотребленія нынѣшняго порядка превратить въ постоянныя, санкціонировать ихъ даже закономъ. Ибо не можете же вы не видѣть, что, внося чужеродные элементы въ крестьянскую среду, вы вносите въ нее внутреннюю борьбу, которой въ ней до сихъ поръ не было. Членами одного и того же общества у васъ дѣлаются землевладѣлецъ и коттеръ, хозяинъ и работникъ, богачъ и нищій, человѣкъ образованный и неимѣющій никакого образованія. Понятно, что изъ этого должно произойти. Тутъ даже борьбы серьёзной не можетъ быть, а начнется прямо порабощеніе. Элементы крупнаго землевладѣнія, богатства, образованія займутъ всѣ главныя мѣста управленія и суда въ крестьянской общинѣ и будутъ

распоряжаться остальными членами общины, какъ своими крѣпостными, и это будетъ,—замѣтьте,—какъ и въ крѣпостномъ правѣ—на законномъ основаніи. Теперь на чиновника, злоупотребляющаго своею властію, мужикъ можетъ принести жалобу; на избраннаго имъ самимъ начальника, прикрывающаго свои злоупотребленія законно составленными приговорами порабощеннаго имъ общества, жаловаться некуда. Это будетъ законное самоуправленіе!—Даже въ случаѣ очевидныхъ уклоненій отъ закона и злоупотребленій, жаловаться на начальника, который стоитъ въ одной съ тобой средѣ, пользуется здѣсь всемогущимъ вліяніемъ и можетъ дойти тебя на каждомъ шагу не мытьемъ, такъ катаньемъ, жаловаться очень трудно. Г. Сергѣй Шиповъ, въ благодушномъ увлеченіи идеею о волостныхъ банкахъ, которые хочется основать ему во что бы ни стало, видитъ надежную гарантію противъ всякихъ злоупотребленій въ образованности владѣющихъ элементовъ, которые войдутъ въ сельскую общину, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые, дескать, изъ таковыхъ будутъ имѣть даже ученыя степени!? Точно во время крѣпостного права помѣщики не были образованными людьми и очень многіе изъ нихъ не были украшены учеными степенями!—Намъ скажутъ, что составлена же въ Европѣ сельская община изъ разнородныхъ элементовъ, и въ ней нѣтъ того порабощенія, о которомъ мы говоримъ.—Да,—но тамъ весь государственный строй поставленъ совершенно иначе, чѣмъ у насъ, и въ этой именно постановкѣ и заключается извѣстная гарантія, если не отъ преобладанія сильныхъ элементовъ надъ слабыми въ общинѣ, то, по крайней мѣрѣ, отъ полнаго порабощенія послѣднихъ первыми... Впрашиваться же подъ предлогомъ самоуправленія на безконтрольное завѣдываніе дѣлами другого сословія, при нашемъ устройствѣ государства, значитъ съ одной стороны присвоивать себѣ суверенныя права—это все равно, если бы дворянство стало просить себѣ въ суверенное самоуправленіе какую-нибудь губернію; съ другой—созидать образецъ такого же самоуправленія, какое представляло бы собой самоуправленіе съ волкомъ въ овчарнѣ. Кто читалъ исторію крѣпостного права, тотъ знаетъ, что оно вездѣ начиналось съ того, что дворянству предоставлено было право управленія и суда въ крестьянскихъ общинахъ.

Кромѣ проэкта г. Сергѣя Шипова, «Московскія Вѣдомости» сообщаютъ и еще одинъ проэктъ, возникшій будто бы въ высшихъ сферахъ на основаніи данныхъ (!?), добытыхъ извѣстною коммиссіею сенатора Любощинскаго, занимавшеюся изслѣдованіемъ о волостныхъ судахъ—проэктъ, касающійся также преобразованія крестьянскаго управленія. Проэктомъ этимъ предполагаются слѣдующія измѣненія въ волостныхъ крестьянскихъ учрежденіяхъ: «а) повсемѣстно увеличить размѣръ волостей до 5,000 населенія, а число дворовъ, дающихъ одного выборнаго на волостной сходъ, до 30; б) ограничить права быть избираемымъ въ волостной сходъ нѣкоторыми условіями, которыя служили бы ручательствомъ благонадежности избираемаго въ нравственномъ отношеніи и способности его принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, опредѣливъ для сего, что выборнымъ можетъ быть только самъ домохозяинъ, безъ права замѣнять себя на волостномъ сходѣ кѣмъ-либо изъ своей семьи (какъ допущено Положеніемъ 19-го февраля), онъ долженъ быть не моложе 25-ти лѣтъ, быть домохозяиномъ не менѣе трехъ лѣтъ, владѣть или пользоваться общинною землею въ количествѣ не менѣе четырехъ душевыхъ надѣловъ, не быть опороченнымъ по суду, не быть завѣдомо нетрезваго поведенія и, наконецъ, на избираемомъ не должно числиться никакихъ недоимокъ, а также частныхъ взысканій, къ уплатѣ которыхъ онъ оказался бы несостоятельнымъ. Съ распространеніемъ образованія въ народѣ, предполагается присоединить къ означеннымъ условіямъ выбора въ волостной сходъ—окончаніе курса въ сельской школѣ или по крайней мѣрѣ, грамотность. Всѣ эти условія предполагается требовать, но еще въ бо́льшей степени, отъ избираемыхъ въ волостныя должности, въ томъ числѣ и въ сельскіе старосты, такъ какъ они члены волостныхъ правленій. Размѣръ сельскихъ обществъ предполагается также увеличить и обезпечить точнѣе порядокъ сельскихъ сходовъ, опредѣливъ вмѣстѣ съ симъ подробно права и обязанности на сходѣ сельскаго старосты, какъ предсѣдателя схода. Наконецъ, признано необходимымъ изданіе сельскаго устава, которымъ бы точно опредѣлялись права, обязанности и способъ дѣйствій волостныхъ и сельскихъ учрежденій и должностныхъ лицъ, предметы вѣдомства и предѣлы власти тѣхъ и другихъ, а также имущественныя отношенія домохозяина или старшаго во дворѣ къ прочимъ членамъ его и всѣ вытекающія изъ сего послѣдствія».

Проэктъ этотъ, конечно, существенно отличается отъ проэкта г. Сергѣя Шипова: онъ не вводитъ чужеродныхъ элементовъ въ крестьянскую среду. Но цѣли и его мы не понимаемъ; мотивы, въ силу которыхъ считаются нужными вышесказанныя перемѣны, въ немъ не объяснены. Для чего, напримѣръ, увеличить численный составъ волостей до 5,000 чел.? Для чего нужны двойные выборы—сначала Urwähler въ числѣ 30 человѣкъ выбираютъ Wahlmänner, а потомъ уже сіи послѣдніе удостоиваются выбирать волостныхъ начальниковъ? На нашъ взглядъ этотъ порядокъ поведетъ къ тому, что 30 бѣдныхъ и задолжавшихъ крестьянъ изберутъ въ Wahlmann'а кулака, которому они должны и который или будетъ грозить прижать ихъ, или будетъ обѣщать оказать имъ милость, смотря по тому, выберутъ они его въ Wahlmann'а, или нѣтъ; такимъ образомъ, собраніе Wahlmänner'овъ составится исключительно изъ кулаковъ, а послѣдніе, конечно, изберутъ тѣхъ изъ своей среды, кото-

рые будутъ обѣщать имъ вольготность и послабленіе въ обираніи Urwähler'овъ. Что всего забавнѣе, такъ это то, что проэктъ, сообщаемый «Московскими Вѣдомостями», точно стремится къ этой цѣли. Онъ требуетъ, чтобы каждый Wahlmann владѣлъ или пользовался общинною землею въ количествѣ не менѣе четырехъ душевыхъ надѣловъ. Кто же въ общинѣ можетъ владѣть или пользоваться четырьмя надѣлами, какъ не кулаки? А между тѣмъ проэктъ говоритъ, что этотъ цензъ для Wahlmann'а требуется, какъ ручательство благонадежности его въ нравственномъ отношеніи!? Судя по этому, мнѣ кажется, мы скоро совершенно потеряемъ понятіе о нравственности. Будемъ говорить: онъ нравственъ потому, что богатъ, а какъ онъ богатъ и отчего—это будетъ излишнею тонкостію, совершенно неважною въ вопросѣ о нравственности. Что касается дѣйствительно нравственныхъ качествъ, которыя проэктъ ставитъ условіями для избираемаго, то напрасно онъ объ этомъ хлопочетъ. Мужики всегда выбирали бы лучшихъ изъ среды себя въ волостныя должности, если бы надъ ними не тяготѣло вліяніе посредниковъ и вообще тѣхъ или другихъ ихъ чиновныхъ опекуновъ, а также полицейскихъ чиновниковъ. Вотъ объ устраненіи этого вліянія слѣдовало бы подумать составителямъ проэкта. Относительно подробнаго сельскаго устава, которымъ угрожаетъ проэктъ, мы совершенно согласны съ почтеннымъ редакторомъ-издателемъ «Современныхъ Извѣстій», что это будетъ только напрасная трата бумаги и времени. Пора бы въ этомъ убѣдиться нашей администраціи, которая со времени графа Киселева, кажется, достаточно поработала надъ измышленіемъ разныхъ безплодныхъ сельскихъ конституцій.

Въ заключеніе, не можемъ не упомянуть еще о слѣдующемъ извѣстіи, сообщаемомъ также «Московскими Вѣдомостями».

«Высочайше утвержденная коммиссія для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи, сознавая неблагопріятныя для развитія крестьянскаго хозяйства условія, связанныя съ общиннымъ владѣніемъ землею, признала необходимымъ принятіе нѣкоторыхъ переходныхъ мѣръ, которыя, не нарушая основныхъ началъ общиннаго владѣнія, могли бы содѣйствовать развитію личной хозяйственной дѣятельности, способствуя въ то же время улучшенію положенія земельной общины и отчасти устраняя наиболѣе вредныя экономическія послѣдствія общиннаго землевладѣнія. Нынѣ министерства государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ намѣрены потребовать отъ всѣхъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій заключеній по этому предмету, съ подробнымъ разъясненіемъ мѣръ, которыя могли бы облегчить способъ выхода изъ общины (разумѣя общину въ смыслѣ хозяйственномъ, но не административномъ) членовъ ея въ тѣхъ случаяхъ, когда земледѣльческая ихъ дѣятельность въ нѣкоторой степени обезпечена, независимо отъ участія въ пользованіи общинною землею, и когда выходъ ихъ изъ общины можетъ способствовать образованію болѣе или менѣе самостоятельныхъ хозяевъ, или когда нахожденіе въ общинѣ члена ея, не занимающагося обработкой числящагося за нимъ участка, служа лишь въ ущербъ производительному употребленію общиннаго надѣла, препятствуетъ успѣшной дѣятельности этого лица въ избранномъ имъ стороннемъ промыслѣ».

Что касается практической стороны этого извѣстія, т. е. пріисканія мѣръ, посредствомъ которыхъ можно бы было облегчить выходъ изъ общины лицамъ, не желающимъ въ ней быть, то мы могли бы только привѣтствовать такое извѣстіе. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, насильно удерживать людей свободныхъ въ томъ союзѣ, въ которомъ они быть не хотятъ. Но необходимость этихъ мѣръ мотивируется тѣмъ, что бывшая высочайше учрежденная коммиссія признала въ принципѣ общинное землевладѣніе неблагопріятнымъ для развитія крестьянскаго хозяйства. Признаемся, что такое заявленіе насъ нѣсколько смущаетъ. Мы никакъ не ожидали, чтобы рѣшенія помянутой коммиссіи могли послужить основаніемъ для какихъ нибудь практическихъ мѣръ, какъ мы объ этомъ въ свое время и говорили, и тѣмъ болѣе мѣръ относительно общиннаго землевладѣнія. Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи слишкомъ сложенъ и многостороненъ, а въ послѣднее время пріобрѣлъ за себя столько, какъ увидитъ читатель ниже, вѣскихъ изслѣдованій и голосовъ въ Европѣ, что его никакъ нельзя разрѣшить путемъ однихъ оффиціальныхъ коммиссій, составъ которыхъ всегда бываетъ слишкомъ случаенъ, а методъ изслѣдованій и собираемыя данныя вообще сомнительной цѣнности. Правда, въ извѣстіи говорится, что коммиссія считаетъ себя въ правѣ только на такія переходныя мѣры противъ общины, которыя не нарушили бы основныхъ началъ общиннаго владѣнія; но разъ она ставитъ принципъ личнаго землевладѣнія выше общиннаго и считаетъ справедливымъ принимать переходныя мѣры къ первому, она уже, значитъ, порѣшила вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. Это бы еще, конечно, было дѣло не важное. Мало ли что можетъ порѣшить для себя та или другая коммиссія? Но весьма важно то, если самоувѣренное рѣшеніе коммиссіи относительно вопроса далеко не рѣшеннаго будетъ служить фундаментомъ для проведенія мѣръ въ пользу личнаго землевладѣнія въ ущербъ общинному.

У насъ всѣ поклонники личнаго землевладѣнія и противники земледѣльческой общины, въ своихъ возраженіяхъ противъ послѣдней, нейдутъ далѣе хозяйственныхъ соображеній или, точнѣе сказать, впечатлѣній самаго поверхностнаго свойства. Если опустить всѣ детали и разсматривать эти соображенія въ ихъ главной мысли, то получится слѣдующій силлогизмъ: «у насъ крестьяне вообще

крайне бѣдны, а въ Западной Европѣ вообще довольно зажиточны, а по мѣстамъ даже богаты. Но у насъ мужики владѣютъ землей на общинномъ началѣ, а тамъ на личномъ. Слѣдовательно, виною нашей бѣдности община. Если уничтожить общину, то и у насъ мужики будутъ зажиточны и даже богаты». Да будутъ ли, полно? Не правильнѣе-ли выйдетъ слѣдующій силлогизмъ: «наши сарептскіе колонисты и колонисты-меноннты живутъ такъ богато, какъ не живетъ нигдѣ мужикъ на западѣ,—и это потому, что община не даетъ дробиться ихъ землямъ, не даетъ возможности сосредоточить ихъ въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, оставивъ всѣхъ другихъ съ ничтожными клочками земли или вовсе безъ земли;—а вотъ виртембергскіе мужики, не смотря на хорошій климатъ и хорошую почву, чуть не умираютъ съ голоду, потому что владѣютъ землею на правѣ личномъ, которое однихъ лишило вовсе земли, участки другихъ измельчило до такихъ ничтожныхъ клочковъ, что съ нихъ можно собрать развѣ только мѣшокъ картофеля. Слѣдовательно и т. д.». Мы думаемъ, что нашъ силлогизмъ будетъ гораздо поосновательнѣе вышеприведеннаго. Главное основаніе общины это—равенство поземельныхъ участковъ, находящихся въ пользованіи у общинниковъ; главное основаніе личнаго владѣнія—неравномѣрное дробленіе участковъ до безконечно ничтожныхъ долей не только путемъ наслѣдственности, но и путемъ угнетенія слабаго сильнымъ. Тѣ или другія природныя и историческія условія могутъ давать общинѣ очень бѣдную обстановку; но какъ бы ни бѣдна была эта обстановка, у каждаго общинника все-таки остается свой, хотя и скудный кусокъ хлѣба, какъ сохранился онъ и у нашихъ общинниковъ-мужиковъ до сихъ поръ, не смотря на то, что исторія Россіи самая печальная, начиная со времени монгольскаго ига, вдобавокъ прихлопнута была крѣпостнымъ правомъ самаго возмутительнаго характера. Васъ ужасаетъ образъ современной мужицкой бѣдности въ Россіи? И вы, забывая всѣ ужасы почти двухсотлѣтняго хозяйства крѣпостного права, полагаете, что всему виной общинное землевладѣніе? Нѣтъ, если бы у насъ не было исконнаго общиннаго землевладѣнія, то повѣрьте, что въ такой обиженной природой и исторіей странѣ, какъ Россія, вы увидѣли бы уже не нынѣшнюю бѣдность, а ужасы нищеты, передъ которыми ужаснулся бы самый пролетаріатъ Европы. Я не буду вамъ приводить иллюстрацій на эту тему изъ исторіи поземельнаго владѣнія въ Англіи, во Франціи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи—обо всемъ этомъ говорилось много разъ и много разъ самыми точными и подробными цифрами доказывалось, какъ одна наслѣдственность, не регулируемая общиннымъ началомъ, ведетъ неизбѣжно къ обезземеленію и къ пролетаріату,—я вамъ приведу образчикъ изъ нашей собственной исторіи. Вамъ извѣстно, конечно, что потомство Сусанина, пострадавшаго за спасеніе Михаила Ѳеодоровича, пожаловано было землею и обѣльною на нее грамотою Именно, дочь Сусанина, вдова Антонида Сабинина, съ двумя сыновьями своими Данилою и Константиномъ получили въ неотъемлемое и вѣчное владѣніе пустошь Коробово, въ Костромской губерніи, съ освобожденіемъ отъ всѣхъ податей и повинностей. Это пожалованіе подтверждалось и во всѣ послѣдующія царствованія, и потомки Сусанина, подъ именемъ бѣлопашцевъ, «жили всегда свободные отъ платежа податей, какъ подушной, такъ и оброчной, и отъ всѣхъ другихъ денежныхъ сборовъ; равно и отъ исправленія натуральныхъ повинностей земскихъ и рекрутскихъ. Мало того: бѣлопашцы никогда не приносили и добровольныхъ пожертвованій, не исключая и незабвеннаго 1812 года». Несмотря на такія льготы, бѣлопашцы пришли въ крайнюю бѣдность, которая обратила на себя, наконецъ, вниманіе покойнаго императора Николая, при обозрѣніи имъ въ 1834 году Костромской губерніи. Онъ повелѣлъ собрать точнѣйшія свѣдѣнія о положеніи потомковъ Ивана Сусанина и составить соображеніе о приведеніи ихъ въ лучшее положеніе. И вотъ что относительно землевладѣнія бѣлопашцевъ оказалось при изслѣдованіи: «число бѣлопашцевъ въ 1834 году состояло изъ 105 душъ мужскаго и 121 женскаго, всего изъ 226 душъ. Земли всего, въ 1834 году, у нихъ было 118 десятинъ, въ томъ числѣ 98 жалованныхъ и 20 купленныхъ ими. Но земля эта раздѣлена самымъ неравномѣрнымъ и несправедливымъ образомъ. У трехъ домовъ—старосты и его братьевъ, въ которыхъ всего только 7 душъ мужского пола,—земли, въ поляхъ и сѣнокосахъ— четвертая доля изъ всего пожалованнаго количества. Полосы ихъ хороши и образуютъ большіе участки; а рядомъ лежатъ полосы бѣдняковъ, которымъ на 6 домовъ приходится въ 5 и 6 разъ менѣе, нежели на одинъ домъ старосты или его братьевъ. Есть дома, которыхъ сѣнокосные участки мѣряются вершками; ихъ нельзя косить; ибо каждый размахъ косы захватилъ бы чужія травы, и потому дома эти чередуются въ кошеніи: черезъ два года въ третій они скашиваютъ вязанку пуда въ два. У нѣкоторыхъ домовъ сѣнокосные участки такъ малы, что не могутъ уже быть означаемы при раздѣлахъ, а потому совсѣмъ покинуты настоящими хозяевами. Въ одномъ домѣ, въ одномъ и томъ же семействѣ, дядя скашиваетъ два воза, а племянникъ $^1/_4$ воза. У нѣкоторыхъ гумно, овины и хозяйственные дворы стоятъ на чужой землѣ; ихъ же родовая земля отошла различными способами въ собственность другихъ бѣлопашцевъ. У иныхъ и самые дома стоятъ уже не на своей землѣ, и потому они всегда должны угождать тѣмъ, кто ихъ терпитъ, не сгоняя съ мѣста, тѣмъ болѣе, что полосы бѣдняковъ почти всѣ удалены отъ жилья, такъ что имъ неудобно бы было отнести туда строенія свои. Прежде, пока они имѣли близкія къ жилью полосы, то мѣняли ихъ на мѣста въ деревнѣ, подъ дома и

подъ гумна. Такимъ образомъ, эти близкія къ жилью полосы, такъ-называемыя дворины, всегда болѣе другихъ плодородныя и самыя подручныя къ работѣ, большею частію, перешли въ руки семействъ зажиточныхъ». Наслѣдственность, конечно, была главною причиною такого несправедливаго распредѣленія и дробленія участковъ, а остальное довершила сила болѣе зажиточныхъ надъ обѣднѣвшими. «Вслѣдствіе этихъ дроблений, неправыхъ дѣленій и происходящихъ споровъ— продолжаетъ изслѣдователь,—а также и по лѣности бѣлопашцевъ *(мыслъ здѣсь приплетена изслѣдователемъ, очевидно, только для краснорѣчія)*, земля ихъ обрабатывается нерачительно. Средній урожай ржи бываетъ только самъ 2 и 3. Бѣлопашцы сами признаются, что весною самое лучшее время проходитъ у нихъ въ распряхъ за землю, особенно за сѣнокосы, какъ они ни ничтожны. При всей скудности участковъ бѣлопашцевъ, часть жалованной земли до настоящаго времени еще лежитъ подъ болотомъ. Но они въ отдѣльности не рѣшаются на очистку и осушеніе; цѣлымъ же обществомъ они никогда не могутъ согласиться сдѣлать этого, потому что всякій боится, что послѣ его обдѣлятъ при раздѣлѣ». (См. «Матеріалы для географіи и статистики Костромской губерніи»). Противники общиннаго землевладѣнія любятъ ссылаться на то, что частые передѣлы земли въ общинѣ, мелкость участковъ, ихъ черезполосность и т. п. мѣшаютъ крестьянамъ вести улучшенное хозяйство. Ну, вотъ имъ землевладѣніе на началѣ личной собственностя и въ теченіи почти трехъ столѣтій совершенно обѣленное, т. е. не знавшее никакихъ податей и повинностей, ни денежныхъ, ни натуральныхъ. Желали ли бы они, чтобы вся Россія представляла образъ села Коробова? А она непремѣнно была бы такою безъ общиннаго землевладѣнія.

Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ той части силлогизма, которая гласитъ, что, если нашъ мужикъ бѣденъ оттого, что живетъ въ общинѣ, то европейскій богатъ оттого, что давно уничтожилъ общину. У насъ въ ходу такое представленіе, что въ Европѣ поземельной общины и духу нѣтъ, что европейскій человѣкъ общину считаетъ такимъ отсталымъ явленіемъ, что даже имени ея произносить не можетъ безъ отвращенія, а если говорятъ о ней, то только неосновательные соціалисты. Такія свѣдѣнія объ общинѣ заграницею у насъ вносятся даже въ ученыя сочиненія. Г. Вреденъ, въ своемъ курсѣ политической экономіи, ратуя противъ общины, крѣпко стоитъ на томъ, что при многополномъ хозяйствѣ тебеневка невозможна, немыслима, а потому удостовѣряетъ своихъ слушателей, что въ Западной Европѣ нѣтъ тебеневки, что тамъ отъ общиннаго владѣнія давно уже перешли къ раздѣльному, личному, и что, между прочимъ, въ 1851 году въ Баденѣ подано было послѣднее прошеніе о дозволеніи раздѣлить общинную землю на личные участки (Курсъ пол. эк. стр. 178).

Насколько все это справедливо? Дѣйствительно ли вопросъ объ общинѣ—вопросъ рѣшенный на западѣ? Дѣйствительно ли тамъ о тебеневкахъ и слышать не могутъ? Такъ какъ, въ виду такого ученаго авторитета, какъ Вреденъ, къ нашимъ словамъ можетъ родиться недовѣріе, то вмѣсто себя мы заставимъ говорить «признанные ученые авторитеты».

Пусть на предложенный вопросъ отвѣчаетъ намъ Лоренцъ Штейнъ, авторъ многихъ извѣстныхъ сочиненій, въ томъ числѣ: Die industrielle Gesellschaft, System der Staatswissenschaft, которыя цитируетъ и г. Вреденъ, слѣдовательно, авторитетъ признаваемый и г. Вреденомъ.

Исторія уничтоженія (раздѣленія) общиннаго владѣнія въ Европѣ, говоритъ Штейнъ, рѣзко распадается на двѣ эпохи, изъ которыхъ одну мы можемъ назвать сельско-хозяйственною, другую коммунальною. Сельско-хозяйственная эпоха требовала уничтоженія общиннаго владѣнія, опираясь на состояніе сельскаго хозяйства, насколько послѣднее обусловливалось общинными пастбищами, не касаясь при этомъ совершенно общинныхъ лѣсовъ. Извѣстно, что пастбища занимали обширную, можно сказать, драгоцѣнную часть пахатной земли, которой, вслѣдствіе ея принадлежности всѣмъ, никогда нельзя было порядочно обработывать и она оставалась въ употребленіи почти непроизводительномъ. Извѣстна образовавшаяся вслѣдствіе этого пословица «Gesammt Gut, verdammt Gut». Далѣе, общинныя пастбища имѣли рѣшительное вліяніе и на все хозяйство крестьянъ. Они, главнымъ образомъ, поддерживали трехпольную систему хозяйства.— Когда, благодаря распространившемуся ученію физіократовъ, всѣ убѣдились, что сельское хозяйство составляетъ основаніе народнаго благосостоянія, а раціональное сельское хозяйство нельзя вести при существующихъ общинныхъ пастбищахъ, то всѣ вооружились противъ послѣднихъ —и общество, и правительства. Литература наполнена была сочиненіями, доказывающими пользу уничтоженія общинъ; правительство употребляло все, чтобы побудить къ раздѣлу общиннаго владѣнія. Чиновникамъ предписывалось объ этомъ заботиться всѣми силами; наряжались для этого комиссары съ особыми инструкціями: крестьянамъ, изъявившимъ согласіе на раздѣлъ, давались разныя льготы и даже королевскія преміи. Не смотря на все это, дѣло раздѣла общиннаго владѣнія шло тихо и медленно. Раздѣлившихся общинъ къ концу XVIII столѣтія оказалось все-таки менѣе, чѣмъ не раздѣлившихся. Въ такомъ видѣ дѣло перешло въ XIX столѣтіе. Но съ XIX столѣтіемъ относительно общиннаго владѣнія начинаетъ вырабатываться другой взглядъ. Уже въ XVIII столѣтіи, при практическомъ производствѣ общинныхъ раздѣловъ, появились разныя юридическія затрудненія, которыя возбуж-

дали сомнѣнія относительно правильности самаго дѣла. Чѣмъ, спрашивается, надобно руководствоваться при раздѣлѣ общины? Давать ли участки въ общинѣ только имѣющимъ въ ней поземельное владѣніе? Но въ такомъ случаѣ, на какомъ основаніи неимущіе лишаются своей доли? Община принадлежитъ вѣдь всему населенію деревни. Раздавать ли участки общины по количеству вдадѣемаго каждымъ скота?—Но количество скота выражаетъ только мѣру пользованія, а не мѣру права. Раздавать ли участки по разсчету возможнаго количества скота?—Но такое количество подвержено постояннымъ перемѣнамъ. А кромѣ того, правильно ли вообще раздѣлять общинныя пастбища на такіе мелкіе участки, которые, по своей незначительности и отдаленности, для крестьянина будутъ гораздо менѣе полезны, чѣмъ прежнее его право на пастбище?—Правильно ли далѣе цѣлую общину лишать всякаго имущества и этимъ на будущее время уплату повинностей ставить въ зависимость отъ платежной силы каждаго отдѣльнаго ея члена? Наконецъ, что происходитъ, когда раздѣлъ совершается?—Изъ деревенскаго общества, болѣе или менѣе между собою связаннаго, получается рядъ отдѣльныхъ хозяйствъ, у которыхъ отняли привязывавшій ихъ къ деревнѣ интересъ, не замѣнивъ его ничѣмъ другимъ. Общинный раздѣлъ ведетъ, конечно, къ индивидуальной самостоятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ и къ атомизированію, къ разъединенію того, что доселѣ было связано, къ распущенію союза, можетъ быть, и ложно управляемаго, но въ многихъ отношеніяхъ очень полезнаго.—Вслѣдствіе сомнѣній, возбужденныхъ этими и подобными вопросами, законодательство XIX в. измѣняетъ свое отношеніе къ общинному вопросу. Оно уже не ставитъ своего требованія о раздѣлѣ общины въ непремѣнную обязанность, а предоставляетъ его на произволъ самихъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, на волю большинства въ каждой общинѣ. Прусскій законъ 1820 года первый выражаетъ этотъ условный принципъ; но здѣсь являются новыя сомнѣнія относительно правильности общинныхъ раздѣловъ. Имѣетъ ли право и можетъ ли чисто количественное большинство настоящей минуты рѣшать всю будущую судьбу цѣлой общины? Соблюдаются ли интересы всѣхъ членовъ общины, когда соблюдаются интересы большинства? Рѣшающее большинство въ общинѣ представляетъ собою не болѣе, какъ большинство владѣющихъ, и слѣдовательно, что такое новый прусскій принципъ условнаго дѣленія общины, какъ не поспѣшное рѣшеніе вопроса, самаго важнѣйшаго и далеко нерѣшеннаго: дѣйствительно ли только владѣющіе землею имѣютъ право на ту собственность, которая считается собственностью цѣлой общины?—Къ этимъ сомнѣніямъ присоединаются соображенія, возбуждаемыя предстоящимъ освобожденіемъ крестьянъ. Прежде крестьянская община была только сельско-хозяйственная; политически она не существовала: посредникомъ между нею и правительствомъ былъ помѣщикъ; въ рукахъ его было все мѣстное управленіе. Теперь она сама дѣлается правительственнымъ органомъ и должна стоять на высотѣ ввѣренныхъ ей для управленія задачъ. Прежде крестьянская община была пренебрегаема, но теперь она становится въ уровень съ городскою общиною. Какъ она будетъ исполнять свои новыя правительственныя задачи, если отнять у нея ея имущество? На какія суммы заведетъ она хорошія школы, хорошіе мосты, учрежденія общественнаго призрѣнія, если у нея въ рукахъ не будетъ ничего, кромѣ взносовъ ея членовъ? Кромѣ того, такъ какъ съ освобожденіемъ крестьянъ крестьянскія земли будутъ освобождены отъ всѣхъ лежавшихъ на нихъ сервитутовъ и обязательствъ и такое или другое хозяйство на нихъ будетъ зависѣть отъ самихъ крестьянъ, владѣльцевъ участковъ, то нѣтъ даже и прежнихъ причинъ хлопотать о раздѣленіи общинныхъ земель. Крестьянское хозяйство свободнымъ крестьяниномъ можетъ вестись также раціонально, какъ и всякимъ другимъ собственникомъ. Теперь вопросъ идетъ уже не о самостоятельности и индивидуальности крестьянскихъ хозяйствъ, какъ въ прежнемъ столѣтіи, а объ общихъ задачахъ управленія, лежащихъ на общинѣ. Имѣя это въ виду, каждое разумное правительство должно стараться, чтобы община имѣла имущество, при помощи котораго она могла бы исполнять свои соціальныя и правительственныя задачи, — и какъ въ прежнемъ столѣтіи на основаніи сельско-хозяйственныхъ разсчетовъ старались раздѣлить общинныя земли, такъ, напротивъ, теперь и общины, и предусмотрительныя правительства стремятся къ тому, чтобы остановить эти раздѣлы и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести правильное управленіе общинными имуществами, которое заботилось бы о сохраненіи этихъ имуществъ, и объ извлеченіи изъ нихъ наивозможно большихъ выгодъ. Такимъ образомъ, наступаетъ вторая эпоха относительно общинныхъ раздѣловъ. Принципъ ея во всѣхъ почти законодательствахъ континента выраженъ такимъ образомъ: «никогда общинное имущество не можетъ быть отчуждаемо безъ согласія правительства»—слѣдовательно, всякій общинный раздѣлъ впредь воспрещается. Лоренцъ Штейнъ приводитъ дословно и новыя узаконенія Пруссіи и Австріи и другихъ нѣмецкихъ государствъ, узаконенія, которыми воспрещается всякое отчужденіе общинныхъ имуществъ безъ согласія правительства.—Но мы считаемъ лишнимъ приводить ихъ здѣсь. Какъ же, вслѣдствіе этого новаго взгляда на общинное владѣніе, Европа относится къ тѣмъ раздѣламъ, которые совершены были въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго?—Новѣйшіе германскіе изслѣдователи относятся къ этому, какъ къ дѣлу необдуманному, котораго рѣшительно не слѣдовало дѣлать. Намъ въ особенности нравится отзывъ объ этомъ Маурера. По-

рицая то усердіе, съ которымъ прежде правительства старались уничтожить общину, Мауреръ говоритъ, что прежде, вмѣсто того, чтобы крестить дитя, его топили въ купели, т. е. вмѣсто того, чтобы преобразовать прежнюю чисто-хозяйственную общину въ новѣйшую политическую, ее, Богъ знаетъ для чего, лишали ея имущества. Но, спрашивается: какъ же нынѣ въ нашемъ столѣтіи крестятъ это дитя? Т. е. какимъ образомъ прежнія общины, которыя еще не раздѣлены, преображаютъ въ новый образъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, покажетъ намъ, на сколько правъ г. Вреденъ, увѣряя, что общинное владѣніе въ Европѣ давно уже окончательно уничтожено и что еще въ 1851 году подано изъ Бадена послѣднее прошеніе объ уничтоженіи общины. Въ этомъ отвѣтѣ мы обопремся на другой авторитетъ, именно Маурера, не менѣе почтенный, чѣмъ и авторитетъ Лоренца Штейна. Все, что мы заимствуемъ изъ него, заключается въ его книгѣ: «Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland», книгѣ, изданной еще въ 1865 году, которую, слѣдовательно, г. Вреденъ и долженъ былъ, и могъ имѣть въ рукахъ, если на него напала страсть сообщать свѣдѣнія о германской общинѣ.

Древнія крестьянскія общины совпадали обыкновенно съ поземельными владѣніями каждой деревни, состояли почти исключительно изъ земледѣльцевъ и имѣли чисто земледѣльческій характеръ. Ихъ управленіе принадлежало жителямъ деревни, владѣвшимъ поземельными участками. Такъ какъ, однакожъ, въ общинѣ, кромѣ имѣвшихъ полные поземельные участки, были и такіе, которые имѣли участки неполные или только какой-нибудь небольшой клочокъ земли и усадьбу, также работники, торговцы, ремесленники, которые не имѣли вовсе земли, и такъ какъ право управленія принадлежало только владѣвшимъ полными поземельными участками, то съ давняго времени въ каждой деревенской общинѣ различались двѣ общины: община въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, имѣвшая право голоса въ управленіи, и община въ болѣе обширномъ смыслѣ, къ которой принадлежали всѣ бывшіе въ деревнѣ. Такимъ образомъ, съ давняго времени управленіе деревенскою общиною приняло нѣкоторымъ образомъ аристократическій характеръ, ибо принадлежало только владѣльцамъ полныхъ крестьянскихъ поземельныхъ участковъ, отнимая право голоса отъ владѣльцевъ всѣхъ мелкихъ поземельныхъ участковъ, отъ всѣхъ работниковъ, отъ всѣхъ живущихъ въ общинѣ неземледѣльцевъ. По мѣрѣ того, какъ съ 16-го вѣка стало все болѣе и болѣе усиливаться обращеніе, люди торговые и ремесленники, поселившіеся въ общинѣ, дѣлались богаче, такое положеніе дѣлалось все болѣе и болѣе неудобнымъ. Деревенскіе капиталисты во многихъ общинахъ не захотѣли подчиняться крупному деревенскому землевладѣнію; они потребовали участія въ управленіи и въ нѣкоторыхъ общинахъ, дѣйствительно, получили право голоса наравнѣ съ поземельными владѣльцами. Въ другихъ общинахъ, напротивъ, поземельная деревенская аристократія выдѣлилась изъ общаго управленія со всѣми своими землями, удержавъ пользованіе и управленіе этими землями исключительно за собою и предоставивъ управленіе всѣми другими дѣлами всей общинѣ. Такимъ образомъ, господствующею общиною сдѣлалась община въ обширномъ смыслѣ слова, а прежня поземельная община вошла въ нее, какъ община частная. На этомъ же именно основаніи произошло въ нынѣшнемъ столѣтіи и преобразованіе прежнихъ поземельныхъ общинъ въ новыя политическія или личныя, въ которыхъ, въ противоположность древнимъ поземельнымъ общинамъ, право голоса въ управленіи не основывается болѣе на поземельномъ правѣ или, по крайней мѣрѣ, исключительно на поземельномъ только правѣ, а, по примѣру французскихъ муниципалитетовъ, допускаются къ участію въ управленіи и другіе члены общины, кромѣ владѣющихъ землею. Новыя политическія общины не разрушили прежнихъ поземельныхъ общинъ, а или 1) вполнѣ или отчасти слились съ ними, или 2) оставили ихъ подлѣ себя въ качествѣ союзовъ частныхъ, признанныхъ и въ самыхъ уставахъ новыхъ общинъ, или въ самомъ своемъ составѣ подъ именемъ Realgemeinden, или, по крайней мѣрѣ, въ правахъ ихъ членовъ на прежнее владѣніе; или, наконецъ, 3) имущество прежнихъ общинъ сдѣлали своимъ общиннымъ имуществомъ, распространивъ права участія въ немъ на всѣхъ членовъ новой общины.

Политическая община вполнѣ слилась съ древнею поземельною общиною въ Шварцбургѣ—Рудольштатѣ, гдѣ до настоящаго времени только тѣ имѣютъ гражданское полноправіе и политическія права, которые пріобрѣли такой участокъ въ общинномъ полѣ, какой по древнему обычаю требовался отъ члена общины, такъ что еще до нынѣ община въ существѣ дѣла остается прежнею поземельною общиною. Точно также политическія общины отчасти восприняли въ себя характеръ древнихъ общинъ въ королевствѣ Саксонскомъ, въ Ольденбургѣ, въ княжествѣ Липпе, въ Прирейнской Пруссіи и Вестфаліи, потому что во всѣхъ этихъ владѣніяхъ политическія права членовъ общины болѣе или менѣе зависятъ или отъ поземельной собственности, или отъ поземельнаго наслѣдственнаго пользованія.

Политическія общины признаютъ прямо въ своихъ уставахъ вошедшія въ ихъ составъ древнія общины подъ именемъ Realgemeinden неприкосновенными древними союзами съ правомъ собственнаго поземельнаго управленія и со всѣми древними правами ихъ пользованія въ нѣкоторыхъ частяхъ королевства Виртембергскаго, въ королевствѣ Саксонскомъ, въ княжествѣ Лихтенштейнѣ, Эберсдорфѣ, также въ герцогствѣ Гессенскомъ и въ мѣстностяхъ, принадлежащихъ городу

Франкфурту. Въ этихъ общинахъ закономъ раздѣлено имущество новыхъ общинъ отъ имущества общинъ древнихъ поземельныхъ. Члены первыхъ не имѣютъ никакого права на послѣднее. Имъ пользуются въ томъ же самомъ видѣ и въ тѣхъ самыхъ же формахъ, какъ въ прежнее время, исключительно бывшіе члены древнихъ поземельныхъ общинъ.

Къ политическимъ общинамъ, въ уставахъ которыхъ нѣтъ ясныхъ положеній относительно вошедшихъ въ составъ ихъ древнихъ общинъ, но въ которыхъ нѣтъ и никакихъ запрещеній для существованія и образованія такихъ общинъ, относятся: общины въ Зигмарингенѣ, Гогенцоллернѣ и т. д. Сюда же Мауреръ причисляетъ и Баденъ. «Потому что, говоритъ онъ:—хотя въ законодательствѣ Бадена и нѣтъ ничего о правахъ реальныхъ общинъ, тѣмъ болѣе о самыхъ реальныхъ общинахъ, но древнія поземельныя отношенія такъ уважаются, что (прежніе поземельные) участки гражданъ, имѣющихъ уже гражданскія права въ новыхъ общинахъ, пока они живы, не умаляются, и въ общинахъ, состоящихъ изъ многихъ мѣстностей, каждой мѣстности, если у нея есть свое общинное пастбище или другія общинныя угодья, позволяется выдѣлиться изъ общей общины съ своею собственностію и правомъ пользованія своимъ общиннымъ имуществомъ и управлять всѣмъ этимъ самостоятельно, подобно всякой другой реальной общинѣ».

Наконецъ, политическія общины, образованныя по образцу французскихъ и баварскаго эдикта 1808 г., не признаютъ за древними общинами никакихъ прежнихъ правъ. Онѣ отняли у старыхъ общинниковъ ихъ собственность и древнее право исключительнаго пользованія ихъ общиннымъ имуществомъ и уравнили ихъ въ правахъ съ членами новыхъ общинъ.

Изъ этого краткаго очерка видно, что древняя община, сохранившаяся до двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія, нигдѣ не уничтожена, не раздѣлена. Она или въ своемъ прежнемъ видѣ осталась за тѣми, кто ею прежде владѣлъ, въ томъ же самомъ видѣ и при тѣхъ же формахъ владѣнія, или только перешла въ общинную собственность новыхъ общинъ. Община въ Баденѣ, какъ видѣлъ читатель изъ приведеннаго нами мѣста изъ Маурера, въ качествѣ Realgemeinde существуетъ и доселѣ. Откуда же г. Вреденъ добылъ извѣстіе, что въ 1851 году изъ Бадена подано послѣднее прошеніе объ уничтоженіи общины?

Этого страннаго извѣстія, сообщаемаго профессоромъ съ такою увѣренностью, нельзя ничѣмъ другимъ объяснить, какъ печальнымъ со стороны профессора недоразумѣніемъ относительно германской общины. Германская община не совсѣмъ была похожа на нашу—относительно поземельнаго пользованія. У насъ пользованіе общинной землей принадлежитъ исключительно самимъ крестьянамъ. У нѣмцевъ въ разныхъ общинахъ право на пользованіе пастбищемъ получали въ давнія времена разныя лица, жившія въ общинахъ, какъ-то: ремесленники, учителя, духовенство и т. д. Но особенно широкое пользованіе захвачено было помѣщиками. Такъ какъ помѣщикъ имѣлъ болѣе скота, чѣмъ крестьяне, то мало по малу право пользованія наибольшею частью пастбища, опредѣлявшееся количествомъ скота, перешло къ нему. Затѣмъ, какъ крестьяне имѣли право пасти другъ у друга скотъ на тѣхъ поляхъ, которыя лежали въ пару или съ которыхъ снятъ былъ хлѣбъ, такъ мало-по-малу этого права успѣлъ добиться для себя и помѣщикъ. Такимъ образомъ, помѣщики, во время крѣпостного права, умѣли пріобрѣсть на общинныхъ крестьянскихъ земляхъ много сервитутовъ, которые утверждены были временемъ, какъ ихъ неотъемлемыя права. Когда пошелъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, то правительство приняло на себя заботу только о выкупѣ поземельныхъ участковъ, принадлежавшихъ крестьянамъ лично. Вопросъ объ общинныхъ раздѣлахъ предоставленъ самимъ крестьянамъ и ихъ свободному соглашенію. Въ оффиціальномъ языкѣ подъ общиннымъ раздѣломъ разумѣлся, какъ раздѣлъ общиннаго владѣнія между самими крестьянами, такъ и раздѣлъ общиннаго владѣнія между крестьянами и помѣщиками и другими лицами, получившими право пользованія на общинныя земли, или, точнѣе сказать, выкупъ разныхъ сервитутовъ, въ теченіи долгаго времени наслоившихся на общинныхъ крестьянскихъ земляхъ. Само собою разумѣется, что крестьянамъ легко было вѣдаться между собою и даже, можетъ быть, было пріятно имѣть общинныя крестьянскія угодья вмѣстѣ съ своимъ братомъ крестьяниномъ. Но вовсе не было желательно сохранять на своихъ земляхъ сервитуты сторонніхъ лицъ и особенно баръ. Потому вся забота ихъ, при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, была обращена на то, чтобы развестаться въ общинномъ пользованіи съ помѣщиками. Объ этомъ развестаніи въ общинныхъ угодьяхъ съ помѣщиками, вѣроятно, и подано было изъ Бадена послѣднее прошеніе въ 1851 году. А г. Вреденъ, не подозрѣвая, чтобы могъ быть какой-нибудь другой раздѣлъ общины, кромѣ того, который существуетъ у насъ, и сообщилъ въ своемъ ученомъ курсѣ, что въ Германіи въ 1851 г. послѣдовалъ раздѣлъ послѣдней общины.

Іюль 1875.

Быстрые скачки нашей журналистики.—Новое время журналистики: periodus Baimacoviana. — Интимная бесѣда одного издателя съ г. Коршемъ. — Журнальная лавочка съ выкрикиваньемъ „пятакъ за строчку". — Внезапное вышвыриваніе сотрудниковъ на улицу.—Самовластіе издателей и ничтожество журналистовъ.—Необходимость журнальной артели и въ чемъ она можетъ быть полезна.

Теперь — середина лѣта. —Благосклонный читатель или по горло занятъ сельско-хозяйственными заботами, или хочетъ безмятежно наслаждаться на лонѣ матери-природы, хотя бы то и парголовской. Его не интересуютъ теперь ни вообще предметы, вызывающіе на размышленіе, ни даже общественные вопросы. Все это онъ отложилъ до осени, или, какъ бы выразилась покойная «Вѣсть», до періода законодательныхъ сессіи. Потому и мы на этотъ разъ безпокоить его не будемъ, а займемся спеціально интересами русской журналистики. На дѣла журналистики не мѣшаетъ также время отъ времени обращать вниманіе. По нашему мнѣнію, наша журналистика переживаетъ теперь одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ своемъ развитіи и будущее ея будетъ много зависѣть отъ того, насколько она съумѣетъ приспособить для себя условія настоящаго.

Наше общество, а въ слѣдъ за нимъ и наша журналистика, дѣлаютъ изумительные скачки. Давно ли наша журнастика находилась на крутизнѣ самыхъ возвышенныхъ идеаловъ и самыхъ суровыхъ принциповъ? Поклоненіе этимъ идеаламъ и принципамъ доходило иногда до крайней утрировки, до смѣшного. По сказанію одного правдиваго лѣтописца того временн, въ провинціи «не было возможности предпринять самаго простого дѣйствія: сшить себѣ новое пальто, купить фунтъ икры, и т. п., чтобы дѣйствія этого не подсмотрѣлъ мѣстный бардъ и тутъ же безцеремонно не выразилъ, что чѣмъ икру то пожирать, лучше бы эти деньги на воскресную школу пожертвовать». Съ 1863 года, т. е. съ поступленія «Петербургскихъ Вѣдомостей» въ завѣдываніе В. Ѳ. Корша, журналистика быстро спускается съ этой крутизны на покатую отлогость, гдѣ идеальность ея все болѣе и болѣе улетучивается, суровость принциповъ смягчается, и она дѣлается удобною даже для обиходнаго, дружескаго употребленія. Но и на этой отлогости она удерживается недолго. Двигаясь все далѣе и далѣе по той покатости, на которой она была поставлена, она изъ рукъ г. Корша попадаетъ прямо въ объятія Ѳ. П. Баймакова. Повидимому, дальше идти некуда. Банкирская контора—представительница общественныхъ идеаловъ и возвышенныхъ принциповъ гражданской дѣятельности!! Куда-жъ еще идти? Однакожъ, оказывается: идти есть куда. По той покатости, на которой поставлена теперь журналистика, банкирская контора—вовсе не такая низменность, какою вы ее себѣ представляете. Недавно намъ попалась въ руки издаваемая въ Москвѣ еженедѣльная газета «Русскій Листокъ», въ заглавіи газеты напечатано: «газета иллюстрированная торговли, литературы, театральной хроники и современной жизни». На первой страницѣ 1-го №, который мы видѣли, помѣщена прекрасная гравюра Симеона Богопріимца. Издатель-редакторъ газеты, говорятъ — просто закладчикъ. Если это правда, то видите, какъ все это удобно устроено: вы приходите къ редактору-издателю закладывать какую-нибудь вещь, и этотъ, несомнѣнно, интеллигентный и полезный общественный дѣятель за маленькую надбавку къ тому проценту, который вы заплатите за ссуду, дастъ вамъ нумеръ своей газеты, гдѣ, съ точки зрѣнія *закладовъ*, преподастъ вамъ урокъ относительно литературы и торговли и настроитъ ваше религіозное чувство.

Но и здѣсь еще не конецъ. Какой-то корреспондентъ «Москов. Вѣдомостей» N. (№ 145), объясняя, почему министерство народнаго просвѣщенія не хотѣло утвердить ни одного изъ пяти представленныхъ Баймаковымъ кандидатовъ въ редакторы «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», между прочимъ говоритъ: «если домовладѣлецъ, отдавая свой домъ въ аренду, ставитъ въ условіе, чтобы наниматель не обратилъ нанимаемаго дома въ кабакъ, то арендаторъ такого дома, конечно, не имѣетъ права завести въ домѣ «продажу питей распивочно и на выносъ», и всякая попытка его обойдти условія аренды и завести въ домѣ тайный кабакъ была бы поступкомъ недобросовѣстнымъ. Не тоже ли самое и въ газетѣ?» Изъ словъ корреспондента явствуетъ, что предполагается, что журналистика въ наше время можетъ и въ кабакъ попасть. Возблагодаримъ же Бога, что она пока остается въ рукахъ банкировъ и даже закладчиковъ, а не перешла еще въ руки кабачниковъ.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не сознаться, что, ускочивъ съ крутизны возвышенныхъ идеаловъ и возвышенныхъ принциповъ шестидесятыхъ годовъ въ банкирскую контору, журналистика сдѣлала изумительный salto mortale. И если будущій историкъ нашего времени не можетъ не отмѣтить

времени вступленія г. Корша въ завѣдываніе «С.-Петербускими Вѣдомостями», какъ такой грани, которая рѣзко раздѣляетъ начало шестидесятыхъ годовъ отъ послѣдующаго времени, то г. Баймаковымъ онъ долженъ начать новый періодъ—periodus Baimacoviana нашего общества и журналистики. Биржа, сдѣлавшись центромъ общественнаго движенія, беретъ въ свои руки и текущую литературу и дѣлаетъ ее служебнымъ орудіемъ для своихъ цѣлей.

Знаемъ, что внутреннѣйшее измѣненіе существа нашей журналистики будетъ примѣчено большинствомъ публики очень не скоро. Очень можетъ быть, что публика еще болѣе будетъ довольна «С.-Петербургскими Вѣдомостями» въ періодъ Баймакова, чѣмъ была довольна за время управленія ими г. Корша. Г. Баймаковъ—человѣкъ очень ловкій и къ тому же банкиръ. Мало-по-малу онъ можетъ стянуть къ себѣ всѣ лучшія литературныя силы; можетъ поставить свою газету такъ, что она будетъ ослѣплять всѣхъ съ одной стороны блескомъ своего либерализма, съ другой—сіяніемъ благонамѣренности и солидной учености; наконецъ, по отношенію къ внѣшнему виду газеты, быстроты сообщенія, полноты извѣстій и т. п., г. Баймаковъ можетъ сдѣлать для «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» тоже, что сдѣлалъ Вальтеръ для «Times». Но чѣмъ блестящѣе будетъ этотъ внѣшній лоскъ, которымъ покроются новыя «С.-Петербургскія Вѣдомости»—вѣдомости Baimacovianae, тѣмъ опаснѣе будетъ ихъ внутренность; ибо случай почти невѣроятный—чтобы г. Баймаковъ взглянулъ на «С-Петербургскія Вѣдомости» только какъ «на статью дохода», не попытался внести въ нутро ихъ свои тенденціи, вообще отстранился отъ всякаго вліянія на нихъ. Потому, я думаю, придется пожалѣть о старомъ времени, о старыхъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» г. Корша, хотя я нисколько не ослѣпленъ пристрастіемъ къ послѣднему.

Дѣятельность г. Корша, какъ журналиста, начиная отъ времени вступленія его въ завѣдываніе «С.-Петербургскими Вѣдомостями» и вплоть до конца, была, по моему мнѣнію, одною сплошною ошибкой. Г. Коршъ не понялъ того, что въ обществѣ, которое едва только начинаетъ слагаться, журналистика должна высоко нести свое знамя. Она не должна поддаваться ни на какіе компромиссы, постоянно выставлять передъ обществомъ свои высокіе идеалы, какъ зеркало, во всей ихъ неприкосновенности, и ни для кого и ни для чего не смягчать суровости моральныхъ принциповъ общественной дѣятельности. Тогда только можетъ мало-по-малу отдѣлиться пшеница отъ плевеловъ и образоваться дѣйствительно здоровое ядро въ обществѣ. Разъ вы, или потому, что не имѣете вовсе никакихъ опредѣленныхъ идеаловъ и твердыхъ принциповъ, или по кумовству, по слабости характера, въ силу различныхъ отношеній, чувствительности и т. п., начинаете вилять изъ стороны въ сторону, мириться съ разными несообразными явленіями, благословля направо и налѣво — тогда все пропало. Тогда все превратится въ грязь, и мало-по-малу смѣшается съ грязью и то, что считалось и было наилучшимъ и давало блестящія надежды. Мы увѣрены, что г. Коршъ понялъ теперь эту свою главную ошибку! Но помимо этой ошибки, которая несомнѣнно ослабляла значеніе газеты въ общемъ, въ газетѣ появлялось много и безспорно хорошаго и полезнаго. Мы заговорили, впрочемъ, о старомъ и новомъ, наступающемъ времени журналистики, о г. Коршѣ и о г. Баймаковѣ вовсе не съ тѣмъ, чтобы оцѣнивать журнальную дѣятельность г. Корша. Это пришлось только такъ, къ слову. На сей разъ для насъ самое существенное составляетъ моральная сторона его журнальной дѣятельности, какъ представителя журналистики стараго времени, и въ ней мы укажемъ слѣдующія двѣ выдающіяся черты: г. Коршъ не смотрѣлъ на газету чисто съ коммерческой точки зрѣнія и заботы о *перекурѣ* не поглощали всего его вниманія; напротивъ, въ изданія газеты онъ видѣлъ общественное служеніе, которое онъ понималъ, можетъ быть, нѣсколько своеобразно и фальшиво, но къ которому въ предѣлахъ своего разумѣнія относился съ строгою честностью: его можно было обмануть, но подкупить было нельзя. Далѣе, г. Коршъ былъ, что называется, человѣкъ литературный. Его симпатіи къ литературѣ основывались не на томъ, что это—выгодное ремесло, которое можетъ давать хорошій перекуръ и извѣстное общественное положеніе, но были внутреннія и прочныя. Оттого среди своихъ сотрудниковъ онъ являлся не въ качествѣ фабриканта или заводчика между рабочими, но у него была съ ними связь внутренняя, основанная на уваженіи къ литературному труду, соединенная съ участіемъ къ судьбамъ этого труда въ нашемъ отечествѣ. Мы не слыхали, чтобы въ теченіи двѣнадцатилѣтняго своего завѣдыванія «С.Петербургскими Вѣдомостями» г. Коршъ внезапно выбросилъ кого-нибудь изъ своихъ сотрудниковъ на улицу, какъ это зачастую случается на заводахъ и фабрикахъ, оставивъ его безъ всякихъ средствъ пропитанія. Мы знаемъ, кромѣ того, что въ одно тяжелое время г. Коршъ являлся неустрашимо ходатаемъ за своихъ сотрудниковъ у такихъ лицъ и при такихъ обстоятельствахъ, когда трудно было разсчитывать на открытое участіе лицъ самыхъ близкихъ. Пусть читатель не удивляется, что этой чертѣ въ характерѣ г. Корша мы придаемъ особенное значеніе: надобно знать тяжелую постановку журнальнаго дѣла въ Россіи, какъ знаемъ это мы, чтобы оцѣнить подобную храбрость редактора по достоинству, а во-вторыхъ, это, несомнѣнно — черта патріархальныхъ отношеній добраго стараго времени въ литературѣ. Эти отношенія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе улетучиваются и уступаютъ мѣсто отно-

шеніямъ совсѣмъ другого рода. Наше литературное дѣло ставится такимъ образомъ, что издателемъ-редакторомъ газеты теперь можетъ быть, если только захочетъ, и кондитеръ Кочкуровъ, и виноторговецъ Елисѣевъ, и концессіонеръ Поляковъ и Губонинъ. Какая можетъ быть внутренняя связь между ними и пишущими у нихъ литераторами? Положительно никакой. Тутъ, кромѣ отношенія лавочнаго, фабричнаго, никакого другого и быть не можетъ. Съ одной стороны хозяинъ, съ другой — молодцы; съ одной — фабрикантъ, заводчикъ или директоръ фабрики и завода, съ другой — рабочіе. Въ такой именно формѣ и начинаетъ уже у насъ слагаться журнально дѣло.

Оставляя «С.-Петербургскія Вѣдомости», г. Коршъ счелъ справедливымъ, слѣдуя обычаямъ добраго стараго времени, позаботиться о бывшихъ своихъ сотрудникахъ и изъ скудныхъ остатковъ той суммы, которую получилъ за газету, онъ выдалъ нѣкоторымъ изъ нихъ по годовому окладу жалованья. Это, конечно, быстро разнеслось въ литературныхъ кружкахъ, и одинъ изъ издателей прилетаетъ къ г. Коршу. «Что вы съ нами, Валентинъ Ѳедоровичъ, дѣлаете, ахъ! что вы дѣлаете?», говоритъ онъ г. Коршу съ укоромъ. — «А что-жъ я съ вами дѣлаю?» спрашиваетъ изумленный г. Коршъ, не понимая въ чемъ дѣло. — «Какъ что дѣлаете?» говоритъ налетѣвшій издатель. «Вѣдь вы выдали вашимъ сотрудникамъ по годовому окладу содержанія, которое они получали?» — «Да, выдалъ», отвѣчаетъ г. Коршъ. — «Развѣ это можно?» напираетъ на г. Коршъ издатель. «Вѣдь теперь они носъ поднимутъ... Они заломятъ съ насъ Богъ знаетъ какую сумму, еслибы мы захотѣли ихъ пригласить участвовать въ нашихъ изданіяхъ!» Мы не знаемъ, что отвѣчалъ на это г. Коршъ, но это, конечно, все равно, чтобы онъ ни отвѣчалъ. Я разсказалъ этотъ фактъ потому, что онъ ясное знаменіе времени. Изъ него, мой литературный собратъ, ты можешь видѣть, какое лукавое наступаетъ время для журнальнаго дѣла. Прочикивается мысль о стачкѣ между антрепренёрами журнальнаго дѣла, стачкѣ, учрежденной на тотъ конецъ, чтобы держать тебя постоянно въ проголодь и на привязи у твоихъ хозяевъ.

Сіе есть первое знаменіе того, что журналистика теряетъ характеръ добраго стараго времени и открыто превращается въ лавочку, фабрику, заводъ... Рядомъ съ нимъ стоятъ и многія другія. Приходитъ, напримѣръ, къ издателю писатель, не только изъ рядовыхъ, но даже болѣе или менѣе извѣстныхъ, съ рукописью. Прежде, чѣмъ писатель успѣлъ произнести слово о своемъ дѣтищѣ, издатель ему въ упоръ: «мы болѣе пяти копѣекъ за строчку не платимъ». Писатель и прежде имѣлъ дѣло со многими издателями, но онъ не слыхивалъ никогда ничего подобнаго. Онъ растерянъ, смущенъ, въ замѣшательствѣ. Однако-жъ отвѣчать надо, и онъ кое-какъ собирается съ духомъ, бормочетъ въ полголоса: «я незнаю... но мнѣ кажется... я такъ много работалъ»... «Какая однако-жъ ваша послѣдняя цѣна?» спрашиваетъ издатель съ спокойствіемъ, которому позавидовалъ бы самъ Собакевичъ, съ такою непринужденностью трактовавшій съ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ о продажѣ мертвыхъ душъ, какъ будто дѣло шло о продажѣ картофеля. Писатель снова ошеломленъ, снова пауза. Писатель снова собирается съ силами и кое-какъ доводитъ до свѣдѣнія издателя, что въ такихъ-то изданіяхъ его трудъ цѣнился такъ-то. «Мы столько платить не можемъ», обрываетъ мѣднымъ голосомъ издатель, даже не взглянувши на рукопись. Можетъ быть, все это очень реально и коммерчески такъ и слѣдуетъ. Но нашъ литературный персоналъ пока къ этому не привыкъ и едва ли когда привыкнетъ. Каждый писатель дорожитъ прежде всего вниманіемъ къ своему труду и его достоинствамъ, и скорѣе отдастъ свой трудъ задаромъ первому встрѣчному, чѣмъ согласится на такое чисто лавочное отношеніе къ своему дѣтищу. Кромѣ того, самая манера заявлять всякому, что напиши ты что хочешь, будь хоть самъ Гоголь, но больше пятака за строчку отъ меня не получишь, отзываетъ такимъ отвратительнымъ скавалыжничествомъ и такимъ откровеннымъ пренебреженіемъ къ литературному труду, къ мысли, къ идеѣ, ко всему, кромѣ перекура, что она не можетъ не возмущать писателя. Прежніе издатели были чутки на эти вещи. Что бы ихъ ни двигало внутри, но они на первый планъ ставили всегда мысль, идею, достоинства труда, а никакъ не алтыны. Положимъ, что, въ концѣ концовъ, все это зачастую сводилось къ тому же пятаку. Но, какъ хотите, а при отсутствіи истиннаго уваженія къ мысли, идеѣ, чувству, чести и т. п., и внѣшній декорумъ имѣетъ свою цѣну и во всякомъ случаѣ лучше наглаго цинизма. Даже публично продажная красота и та оскорбится, какъ скоро вы, безъ дальнѣйшихъ околичностей, начнете съ ней рѣчь прямо съ пятаковъ.

Превращая журналистику въ простую лавочку, гдѣ все дѣло идетъ о пятакахъ и на пятаки, издатель новаго наступающаго времени становится развязнѣе и съ подручными этой лавочки — своими сотрудниками: какъ скоро какой-нибудь молодецъ не понравится, такъ онъ ему немедленно паспортъ въ руки — и ступай съ богомъ на всѣ четыре стороны, не справляясь съ тѣмъ, имѣетъ ли сотрудникъ какія нибудь средства къ жизни, кромѣ его газеты, есть ли у него что завтра ѣсть, одинъ ли онъ жуетъ добываемый имъ хлѣбъ, или самъ-другъ или самъ-третей.

Недавно такой возмутительный казусъ былъ учиненъ однимъ изъ нашихъ журнальныхъ антрепренеровъ, котораго я хотя не имѣлъ причинъ до сихъ поръ заподозрѣвать въ особенной гуманности, но котораго считалъ настолько, однакожъ, благовоспитаннымъ и добропорядочнымъ, что, при-

знаюсь, никакъ не ожидалъ отъ него подобной гадости. Случилось вотъ что: антрепренеръ-издатель—назовемъ его хоть А.—пригласилъ завѣдывать всѣмъ внутреннимъ отдѣломъ въ своей газетѣ г. В., литератора, далеко небезъизвѣстнаго и талантливаго. В. былъ настолько добросовѣстенъ, что для того, чтобы лучше справляться съ дѣломъ, за которое онъ взялся, нанялъ себѣ на свой счетъ помощника, и порученный отдѣлъ совокупными усиліями В. и его помощника былъ, дѣйствительно, поставленъ и велся хорошо, такъ что имъ вполнѣ былъ доволенъ и не могъ нахвалиться и самъ издатель А. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, В. открылась надобность уѣхать на нѣкоторое время въ провинцію. Издатель согласился на это, но просилъ его оставить, вмѣсто себя, на время отъѣзда, кромѣ помощника, еще кого-нибудь; при этомъ издатель слезно умолялъ отъѣзжающаго В. не заживаться долго въ провинціи, возвратиться какъ можно скорѣе къ газетѣ, которая безъ него остается, дескать, въ сиротствѣ. В., уступая слезнымъ мольбамъ издателя, опредѣлилъ срокъ своего возвращенія, поставилъ временно, вмѣсто себя, у газеты своего пріятеля Д., человѣка также очень способнаго. Всѣмъ этимъ былъ совершенно удовлетворенъ издатель; и дѣйствительно, Д. велъ порученный ему отдѣлъ такъ-же хорошо, какъ и самъ В. Мало того: ретиво взявшись за дѣло, Д. думалъ-было сдѣлать сюрпризъ своему пріятелю В.—за время его отсутствія поставить внутренній отдѣлъ газеты самымъ грандіознымъ образомъ. Онъ сообщилъ о своихъ предположеніяхъ издателю и нашелъ въ немъ полное сочувствіе. «Вы, говорилъ издатель, пожалуйста, займитесь этимъ и организуйте мнѣ какъ можно лучше репортерскую часть. Я не жалѣю на это лишнихъ 500 р. въ мѣсяцъ». Чтобы угодить издателю, Д. просидѣлъ разъ цѣлую ночь напролетъ за проектомъ преобразованія внутренняго отдѣла. На другой день съ торжествомъ бѣжитъ въ редакцію, чтобы показать проектъ издателю. Но здѣсь его холодно встрѣчаетъ конторщикъ и отъ имени издателя объясняетъ ему, чтобы онъ болѣе не безпокоился приходить въ редакцію, что внутренній отдѣлъ газеты порученъ уже новому лицу Е. «Да какъ же! возражаетъ ошеломленный Д.—Вѣдь этотъ отдѣлъ принадлежитъ В.—я только временно»...—«Все равно,—и г. В. также уволены», отвѣчаетъ конторщикъ. Выслушавъ все это, г. Д., какъ обданный ушатомъ холодной воды, возвращается съ своимъ проэктомъ преобразованія внутренняго отдѣла домой. Черезъ полчаса прибѣгаетъ въ редакцію его помощникъ, но и его конторщикъ выпроваживаетъ такъ-же сурово, какъ и его временнаго командира. Черезъ нѣсколько дней послѣ происшествія, я встрѣчаюсь съ изгнаннымъ Д. и его помощникомъ. Оба они—люди молодые и помираютъ со смѣху, разсказывая о претерпѣнномъ афронтѣ. «Выгналъ такъ, какъ нынѣ не выгоняютъ горничныхъ и кухарокъ. Даже физіономіи своей не показалъ, а черезъ конторщика... должно быть совѣстно было».—«Чортъ его побери съ его газетой, началъ Д.,—только въ убытокъ ввелъ... Такой лисой ко мнѣ подлащивается: вы, говоритъ, ужъ пожалуйста, похлопочите объ устройствѣ внутренняго отдѣла, а я, говоритъ, денегъ не пожалѣю. А я съ дуру и принялся: ночи просиживаю, бѣгаю вездѣ, даже фрачную пару заказалъ для успѣха дѣла».—«Тебѣ что! началъ помощникъ: у тебя все-таки, кромѣ газеты, есть кой-какія средства. А вотъ я какъ попался! Приглашали на кондицію на лѣто—отказался, думаю останусь на лѣто въ Петербургѣ и займусь диссертаціей. Нарочно поближе къ публичной библіотекѣ поселился, подороже заплатилъ за квартиру, анъ вдругъ, трахъ! теперь не знаю, что и дѣлать. Деньги поиздержалъ въ счетъ будущихъ благъ; теперь ни здѣсь жить нечѣмъ, ни выѣхать не на что».—«Да что, спросилъ я:—увѣдомленъ ли, по крайней мѣрѣ, В. о своей отставкѣ? Вѣдь онъ въ провинціи, въ надеждѣ на то, что у него есть прочное мѣсто, можетъ Богъ знаетъ что надѣлать!» Молодые люди засмѣялись.—«И не говорите, началъ Д.—Его издатель, должно быть, окончательно уходилъ. Обласканный издателемъ и обнадеженный его слезными мольбами о скорѣйшемъ возвращеніи, В., при отъѣздѣ изъ Петербурга, мечталъ купить на родинѣ маленькій домикъ, который бы служилъ ему съ женой вмѣсто дачи, въ надеждѣ, что, при постоянномъ мѣстѣ при газетѣ, онъ заплатитъ долгъ въ теченіи года. Можетъ быть, онъ теперь его уже и купилъ».—«Что-жъ вы молчите? сказалъ я молодымъ людямъ.—Вы бы напечатали всю эту исторію. Это было бы, по крайней мѣрѣ, предостереженіемъ для другихъ».—«Да оно, конечно, слѣдовало бы, отвѣчалъ Д.:—да чортъ съ нимъ, не хочется возиться». Черезъ недѣлю послѣ этого я встрѣтился и съ Е., къ которому въ завѣдываніе поступилъ внутренній отдѣлъ и для котораго произведены всѣ означенныя пертурбаціи. Е., вѣроятно, ничего этого не знаетъ, иначе—мы думаемъ—онъ не взялъ бы и мѣста, потому что человѣкъ онъ хорошій. Спрашиваю я Е.: «Какъ вы попали въ завѣдыватели внутреннимъ отдѣломъ къ А?»—«Да очень просто, отвѣчалъ мнѣ Е.—Вѣдь вы знаете, что я хотѣлъ на время удалиться отъ литературы и искалъ другого мѣста. Въ мѣстѣ этомъ мнѣ было отказано. На другой же день послѣ отказа, издатель А. присылаетъ мнѣ письмо, въ которомъ пишетъ, что давно ужъ желалъ имѣть меня своимъ сотрудникомъ, что онъ очень радъ, что мнѣ неудалось получить мѣста, котораго я искалъ, и что онъ поручаетъ мнѣ завѣдываніе внутреннимъ отдѣломъ газеты».

И такъ, вся исторія, какъ видитъ читатель, вышла изъ того, что издателю А. хотѣлось пріобрѣсти себѣ въ сотрудники Е. Г. Е., безспорно—человѣкъ достойный и дѣльный, хотя мы не

думаемъ, чтобы внутренній отдѣлъ онъ сталъ вести лучше, чѣмъ В. Но предположимъ, что онъ можетъ и будетъ вести его даже вдвое лучше г. В. Слѣдуетъ ли изъ этого, что надобно было для пріобрѣтенія г. Е. выгнать трехъ сотрудниковъ, которые всѣ вели свое дѣло хорошо и своимъ сотрудничествомъ содѣйствовали хорошей постановкѣ газеты? Позволительно ли въ какомъ бы то ни было дѣлѣ такъ безчестно играть человѣческимъ трудомъ и даже личностью? Развѣ нельзя вести дѣло безъ обмана? Нужна вамъ рабочая литературная сила на мѣсяцъ, на два, на недѣлю, на неопредѣленное время, такъ и ставьте съ ней ваши условія, чтобы каждый впередъ зналъ, какъ ему собою распорядиться по истеченіи срока того или другаго условія. Надобно быть слишкомъ жаднымъ къ наживѣ и отвратительно скареднымъ, чтобъ позволять себѣ обманомъ сосать мозгъ своего сотрудника и потомъ выбрасывать его на улицу, когда вздумается, въ родѣ непонравившагося апельсина или лимона. Въ данномъ случаѣ эта скаредность тѣмъ болѣе возмутительна, что издателю А. не предстояло даже никакихъ особенныхъ тратъ для того, чтобы пріобрѣсть Е. и не выбрасывать на улицу его предмѣстниковъ. Г. Е. отлично владѣетъ иностранными языками, хорошо знакомъ съ иностранной журналистикой и литературой. Онъ могъ бы писать для газеты до времени передовыя статьи, иностранныя обозрѣнія и т. п. Такъ что въ теченіи четырехъ, а можетъ быть и трехъ мѣсяцевъ, которые потребовались бы на пріисканіе мѣста прежнимъ сотрудникамъ, газета израсходовала бы лишнихъ какихъ-нибудь, можетъ быть, 300—400 рублей, да и то едва ли.

Триста, четыреста, пятьсотъ рублей экстраординарныхъ расходовъ, даже въ мѣсяцъ, для порядочно идущей ежедневной газеты, которая каждый день получаетъ отъ однихъ объявленій не менѣе ста рублей дохода, дѣло, что̀ называется, плевое. Но ты, мой милый собратъ по журналистикѣ, долженъ уразумѣть изъ вышесказаннаго, что издатель не броситъ половины, даже четверти этой ничтожной суммы для тебя; напротивъ, безъ всякихъ съ твоей стороны причинъ, онъ вытолкнетъ тебя на улицу, какъ скоро увидитъ, что отъ этого онъ можетъ пріобрѣсти хоть одинъ лишній грошъ. Почему онъ тебя вытолкнетъ? Потому, что онъ считаетъ тебя ничтожествомъ. И не въ обиду будь тебѣ сказано, считаетъ тебя ничтожествомъ совершенно справедливо: ты—дѣйствительное ничтожество. Ничтожнымъ дѣлаетъ тебя собственный эгоизмъ, притомъ эгоизмъ самый узкій, неразсчетливый эгоизмъ Коробочки. Суди самъ. Сидишь ты, напримѣръ, съ другими семью, восемью, девятью товарищами въ какомъ нибудь изданіи. Товарищи твои—все люди дѣльные и хорошіе. Вдругъ издатель, въ одинъ прекрасный день, вышвыриваетъ ни за что, ни про что одного или двухъ изъ васъ изъ изданія. Что̀ вамъ, по настоящему, слѣдовало бы сдѣлать? — Вамъ должно бы было придти всѣмъ вмѣстѣ къ издателю и сказать ему: «Мы знаемъ людей, которыхъ вы выбрасываете, и такого свинства вамъ дозволить не можемъ; мы немедленно уйдемъ всѣ отъ васъ, если вы не возвратите ихъ и не извинитесь предъ ними при всѣхъ насъ». Вы же, вмѣсто того, чтобы поступить такимъ образомъ, пришипитесь, прижмете хвостъ и молчите. И это еще не самое худшее. Бываетъ такъ, что вы поддакиваете безобразному самоуправству хозяина, а тотъ, который поступаетъ на мѣсто изгоняемаго, начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на жаръ-птицу, точно чинъ получилъ, не понимая того, что онъ самымъ позорнымъ образомъ топчетъ свою нравственную личность и всѣ свои наиліберальнѣйшіе принципы. Изъ сего простого казуса хозяинъ выводитъ совершенно вѣрное заключеніе, что вы — не люди и не характеры, а, съ позволенія сказать, просто птицы... и онъ поступаетъ съ вами, какъ поваръ: которую ему заблагоразсудится взять на соусъ, ту онъ и возьметъ, прочія не шелохнутся. Къ такому же самовластію, помимо казусовъ, вы пріучаете его и вашимъ обыкновеннымъ поведеніемъ. Существуетъ, примѣрно, 7-8 редакцій разныхъ газетъ и журналовъ. Что̀ же вы дѣлаете? Вы забираетесь въ каждую изъ такихъ редакцій группами по 8, 10 и болѣе человѣкъ, превращаете ее обыкновенно въ замкнутую конуру, враждебную всѣмъ другимъ конурамъ, и сидите въ ней и лаете на вашихъ собратовъ, которыхъ случай помѣстилъ въ другихъ конурахъ, а тѣ, въ свою очередь, отъ васъ отлаиваются! Подумали ли вы когда-нибудь: за что вы лаетесь? Вѣдь обыкновенно дѣло стоитъ такимъ образомъ, что половина или даже бо́льшая часть тѣхъ, которые сидятъ въ другихъ конурахъ, обо всѣхъ предметахъ міра видимаго и невидимаго думаютъ точь въ точь также, какъ и вы, а если они попали въ конуру № 4, 5 и т. д., а вы помѣщаетесь въ конурѣ № 2, 3 и т. д., то это совершилось или по недостатку мѣста въ вашихъ конурахъ, или просто случайно. Правда, есть конуры крайне неопрятныя, которыя то и дѣло издаютъ непріятный, одуряющій зяпахъ. Но и въ такомъ случаѣ, чѣмъ же виноваты сидящіе въ этой конурѣ ваши товарищи, которые чувствуютъ еще бо́льшее отвращеніе къ этому запаху, чѣмъ вы? «Почему же они не уйдутъ оттуда?» говорите вы. А куда-жъ они могутъ уйти? позвольте васъ спросить. Вы приготовили имъ мѣсто, облегчили имъ выходъ, употребляете ваши заботы о томъ, чтобы не терять, по крайней мѣрѣ, лучшихъ, солидарныхъ съ вами литературныхъ силъ? Нѣтъ, ничего подобнаго вы не дѣлали и не дѣлаете; напротивъ, вы сами топчете ихъ и закабаляете навсегда въ той грязной конурѣ, въ которую они случайно попали. Вмѣсто того, чтобы нападать на хозяина конуры, который всегда самъ—единственный виновникъ ея нечистоты и одуряющаго запаха, ею издаваемаго, вы нападаете на вашихъ товарищей,

ни въ чемъ неповинныхъ, раздражаете ихъ самолюбіе, заставляете ихъ противъ ихъ воли запальчиво отвѣчать на ваши нападенія и, такимъ образомъ, изолируете отъ себя людей съ вами вполнѣ солидарныхъ и трактуете ихъ, какъ своихъ враговъ. Всему этому хозяинъ конуры, издатель, конечно, очень радъ. Взаимный безпричинный лай заключенныхъ въ различныхъ конурахъ, при монотонномъ, уныломъ теченіи нашей жизни, даетъ все-таки нѣкоторое оживленіе газетѣ и, слѣдовательно, способствуетъ увеличенію его перекура. Затѣмъ, ожесточенная вражда закабаленныхъ въ различныхъ конурахъ другъ къ другу даетъ ему неограниченную деспотическую власть надъ ними. Благодаря именно этой враждѣ, онъ можетъ держать свою конуру неопрятно и испускать то и дѣло тотъ смердящій, но нужный ему, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, запахъ, который претитъ всѣмъ порядочнымъ людямъ. Онъ знаетъ очень хорошо, что этотъ запахъ производитъ отвращеніе въ его сотрудникахъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ увѣренъ и въ томъ, что сотрудники его, какъ бы имъ это противно ни было, прижмутся и стерпятъ его, потому что, кромѣ той конуры, въ которой они засѣли, имъ нигдѣ нѣтъ болѣе мѣста: со всѣми другими они находятся во враждебномъ отношеніи. Замѣчательно при этомъ, что, въ то самое время, когда сотрудники разныхъ конуръ, вполнѣ солидарные между собою по своимъ убѣжденіямъ, грызутся до того, что не могутъ встрѣчаться на улицахъ, хозяева этихъ самыхъ конуръ находятся зачастую, если не въ наилучшихъ, то нисколько не во враждебныхъ отношеніяхъ и могутъ, какъ добрые пріятели, вмѣстѣ и выпить, и закусить, и поболтать. Каждый изъ нихъ очень хорошо понимаетъ пользу грызни сотрудниковъ и для своего самовластія, и для получаемаго имъ перекура, и натурально, что съ ихъ стороны было бы забавно, изъ-за этой грызни, безъ какихъ-нибудь особенныхъ причинъ, разрушать свои личныя отношенія.

Представляется какъ-то страннымъ и непонятнымъ, какимъ образомъ журналисты — люди не только интеллигентные, но которые считаютъ себя спеціально призванными устроивать судьбы царствъ и народовъ, которые метаютъ каждодневно громы и молніи противъ всѣхъ неумѣлыхъ въ этомъ дѣлѣ, ежедневное занятіе которыхъ состоитъ главнымъ образомъ въ критическомъ разсмотрѣніи различныхъ формъ политическаго и общественнаго устройства, различныхъ формъ соціальныхъ отношеній всѣхъ родовъ и видовъ, наконецъ въ соображеніяхъ объ организаціи лучшихъ порядковъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности,—какимъ образомъ эти люди могутъ обнаруживать такую неумѣлость въ устройствѣ своей собственной жизни и доходить до такого поразительнаго ничтожества? Конечно, способность излагать свои мысли литературно не можетъ еще свидѣтельствовать ни о самостоятельности мысли, ни тѣмъ болѣе о самостоятельности характера; но нѣтъ сомнѣнія, что среди пишущей братіи всегда нашлись бы люди, способные дать правильную постановку не только такому маленькому дѣлу, какъ литературное, но у которыхъ хватило бы организаторскихъ талантовъ и для болѣе широкаго плаванія... Къ тому же стóитъ только наименовать многихъ изъ нашихъ издателей, и тогда покажется забавною самая мысль о томъ, чтобы эти люди могли владѣть журналистикой въ силу своего интеллектуальнаго превосходства. Мы должны здѣсь повторить тоже, что̀ сказали выше, т. е.: ничтожество нашего журнальнаго персонала происходитъ не отъ недостатка въ немъ интеллигенціи, но отъ того узкаго, отвратительнаго эгоизма, который въ немъ господствуетъ, который отнимаетъ у него не только возможность проявить свои силы, но и, что̀ хуже всего, самое сознаніе этихъ силъ, вслѣдствіе чего въ журналистикѣ образовалось преувеличенное представленіе о могуществѣ издателей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представленіе—horribile dictu—какъ бы о неизбѣжности того порабощенія, въ какомъ находятся теперь по отношенію къ нимъ журналисты. Въ существѣ же дѣла это могущество есть не болѣе, какъ призракъ, создаваемый воображеніемъ.

Главная сила бóльшей части издателей заключается, безъ сомнѣнія, въ данной имъ концессіи на изданіе и, затѣмъ, въ капиталѣ, который, главнымъ образомъ, если не исключительно, получается благодаря этой же самой концессіи. Монополія концессій на изданія по необходимости сосредоточиваетъ около издателя литературныя силы, капиталъ даетъ возможность распоряжаться ими. Но должно сказать, что и концессіи, и капиталъ въ журналистикѣ далеко не имѣютъ той всемогущей силы, какую они имѣютъ въ другихъ сферахъ дѣятельности. Кто получилъ концессію на желѣзную дорогу и собралъ нужный для постройки дороги капиталъ, тотъ непремѣнно ее выстроитъ. Въ исполнителяхъ и рабочихъ недостатка никогда не будетъ. Въ журналистикѣ—совсѣмъ другое дѣло. Здѣсь, хотя и много рабочихъ силъ, но въ числѣ ихъ не особенно много такихъ, которыя могутъ дать тотъ или другой цвѣтъ газетѣ и выдвинуть ее изъ ряда другихъ. Безъ этого ни къ чему не поведетъ концессія и не поможетъ никакой капиталъ. Всѣмъ извѣстно, какъ много погибло у насъ изданій, у которыхъ не было недостатка въ матеріальныхъ средствахъ, единственно потому, что въ нихъ не было выдающихся литературныхъ силъ Кромѣ того, извѣстно, что въ нашей публикѣ превалируетъ вкусъ либеральный, и для газетъ только

. . . . . съ либеральнаго
Есть направленья барышъ
Больше, чѣмъ съ мѣста квартальнаго.

Графъ Сальясъ, поставленный во главу «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и вздумавшій основать въ Петербургѣ вторыя «Московскія Вѣдомости»,

потерпѣлъ полное фіаско. Напрасно онъ обращался къ г. Каткову, прося у него сотрудниковъ для своей газеты, напрасно входилъ въ кругъ какихъ-то существующихъ здѣсь въ Петербургѣ литераторовъ, по выраженію г. Баймакова, «*ультраконсерваторовъ и архи-благонадежныхъ*» — онъ пришелъ къ полному сознанію своего безсилія. Не зная, наконецъ, что ему дѣлать, онъ, въ письмѣ своемъ къ Баймакову, спрашиваетъ послѣдняго, не обратиться ли имъ для спасенія газеты къ Суворину, за которымъ пойдутъ въ газету и другіе, и между прочимъ пишетъ: «что касается до меня, то, чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣжденъ, что надо сближаться съ *крайними* (sic); тамъ таланты, а у моихъ много смиренія и всѣ блестятъ бездарностью. Еслибы я завелъ свою газету, то и тогда обратился бы къ нимъ (т. е. къ крайнимъ) за помощью. Вотъ опытъ, вынесенный за три недѣли редакторства!» («С.-Петерб. Вѣд.», № 156).

Изъ этого очевидно, какая сила сосредоточена въ рукахъ выдающихся литературныхъ силъ. Они могутъ давать жизнь и смерть каждой газетѣ, и какихъ-нибудь десять или пятнадцать такихъ силъ, еслибы онѣ захотѣли, могли бы дать правильную постановку всему журнальному дѣлу и избавить своихъ пищущихъ собратій отъ узурпаціи и самовластія издателей. Только благодаря недѣятельности и апатіи лучшихъ силъ журналистики, а, можетъ быть, и тому, что и онѣ не сознаютъ до сихъ поръ своего могущества, могутъ совершаться издателями разныя безобразія, въ томъ числѣ и тѣ, о которыхъ мы сказали выше.

Но если до сихъ поръ, при патріархальномъ состояніи журналистки, дѣло велось и могло вестись такимъ образомъ, то теперь, когда въ журналистику вошелъ и завладѣлъ ею рубль, когда во главѣ журналистики явились люди, не имѣющіе никакого отношенія къ литературѣ, и стали распоряжаться ею единственно въ видахъ полученія бо́льшаго перекура, лучшія журнальныя силы должны проснуться, чтобы позаботиться о лучшемъ устройствѣ журнальнаго дѣла, хотя бы для того только, чтобы до лучшихъ временъ сохранить хоть основное ядро журналистики отъ окончательной коррупціи во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ какой формѣ наши лучшія силы журналистики могли бы дѣйствовать для этой цѣли, я выскажу здѣсь нѣсколько своихъ соображеній по этому предмету.

Все неустройство нашей современной журналистики и всѣ ея бѣдствія происходятъ, какъ читатель, конечно, понялъ уже изъ вышесказаннаго нами, отъ разъединенности дѣйствующихъ въ ней литературныхъ силъ. Издатели, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ плохо знаютъ даже русскую грамоту, лучше всякаго Наполеона понимаютъ, какое золотое дно для всякаго рода перекуровъ составляетъ divide et impera, и ловко пользуются этою разъединенностію. Чтобы уничтожить это зло въ корнѣ, выдающіяся литературныя силы въ журналистикѣ должны соединиться въ одну тѣсную ассоціацію или артель и принять на себя обязанность: 1) регулировать, до извѣстной степени, матеріальныя отношенія между рабочими силами въ журналистикѣ и издателями; 2) регулировать моральную сторону журнальнаго дѣла; наконецъ, 3) для защиты слабыхъ позаботиться вообще о томъ, чтобы привести въ ясность отношенія между издателями и сотрудниками, замѣнивъ, по возможности, нынѣшнюю патріархальную постановку журнальнаго дѣла юридическою.

Извѣстно, что въ каждой странѣ есть извѣстный средній процентъ прибыли, получаемый дѣйствующимъ въ производствѣ капиталомъ, одинаковый во всѣхъ производствахъ, къ какимъ бы капиталъ ни прилагался. Какую величину представляетъ собою этотъ средній процентъ прибыли въ Россіи—я не знаю; но, во всякомъ случаѣ, можно, навѣрное, положить не болѣе 20%. Временно разныя производства, по какимъ-нибудь особеннымъ случайностямъ, могутъ получать процентъ гораздо высшій этого; но, если они не имѣютъ привилегіи монополіи и поставлены коммерчески правильно, то, въ общей сложности, въ концѣ-концовъ, процентъ ихъ прибыли будетъ только развѣ немногимъ выше стоять процента средняго. Наша журналистика пользуется привилегіей монополіи, и, благодаря этому, процентъ ея прибылей стоитъ въ нѣсколько разъ выше средняго. Онъ поднимается иногда выше 100%. Я не вижу, однако, причинъ, почему бы этотъ обильный, доставляемый монополіей журнальнаго дѣла перекуръ долженъ былъ весь цѣликомъ поступать въ руки издателей, а не удѣляться въ извѣстной части своей, и даже значительной, силамъ литературнымъ, въ вознагражденіе, утѣшеніе за тотъ вредъ, который онѣ единственно терпятъ отъ журнальной монополіи? Положимъ, нѣкоторые издатели не съ пустыми руками приходятъ въ журналистику, а вносятъ сюда извѣстный капиталъ, который имѣетъ право на полученіе должнаго процента и на погашеніе. Но все это подлежитъ самому точному исчисленію: можно высчитать и % на капиталъ, и % прибыли, и % погашенія, и затѣмъ, что остается, никоимъ образомъ не должно идти въ руки издателя или, по крайней мѣрѣ, одного издателя, а должно быть раздѣлено, по крайней мѣрѣ, по ровну между нимъ и его сотрудниками. Намъ кажется, что, если бы кондитеръ Кочкуровъ узналъ, что, положивъ, напримѣръ, 100,000 р. на журнальное дѣло, онъ будетъ получать 5% на капиталъ, 5% погашенія, 20% прибыли и что сверхъ того, еще будетъ оставаться перекуръ, въ которомъ онъ будетъ участвовать исполу съ своими сотрудниками, —то онъ немедленно бросилъ бы свое кондитерское ремесло и выступилъ бы въ качествѣ издателя на журнальное поприще. По-

чему не могутъ быть поставлены въ такое же положеніе и вообще издатели? Почему они не могутъ довольствоваться тѣми же процентами, которыми бы вполнѣ былъ доволенъ кондитеръ Кочкуровъ? Намъ кажется, что артель, о которой мы говоримъ, безъ особеннаго труда можетъ ввести и установить такой принципъ для распредѣленія прибылей въ журнальномъ дѣлѣ. Конечно, нельзя стѣснять издателя въ томъ или другомъ способѣ распредѣленія достающихся на долю сотрудниковъ прибылей, которое, смотря по обстоятельствамъ, въ видахъ улучшенія изданія, можетъ принимать разныя формы: издатель можетъ увеличивать цѣну полистной платы, можетъ увеличивать жалованье своимъ постояннымъ сотрудникамъ, можетъ отдавать просто на руки причитающіяся имъ прибыли для раздѣла по ихъ собственному усмотрѣнію; но можно и должно требовать, чтобы издатель не получалъ болѣе того, что ему слѣдуетъ получать по постановленной нормѣ, и чтобы его счеты по изданію были открыты для участвующихъ въ прибыляхъ сотрудниковъ.

Кромѣ правильной постановки матеріальной стороны журнальнаго дѣла, артель можетъ оказать не менѣе пользы моральной его сторонѣ. Давно уже носятся слухи, что наши газеты не неподкупны, что за извѣстное приличное вознагражденіе онѣ берутся поддерживать разные прибыльные для коммерсантовъ и спекуляторовъ всѣхъ родовъ и видовъ вопросы. На сколько эти слухи справедливы, мы не можемъ судить, за неимѣніемъ въ рукихъ никакихъ твердыхъ данныхъ. Потому и будемъ считать ихъ до времени за совершенно неосновательные и будемъ говорить о деморализаціи нашей журналистики только то, что вполнѣ достовѣрно. Намъ кажется, что насъ никто не упрекнетъ въ преувеличеніи, если мы скажемъ, что наша современная журналистика не совсѣмъ честнымъ образомъ привыкла играть въ либерализмъ. Публика наша, въ большинствѣ своемъ, еще не на столько свѣдуща, чтобы различить радикализмъ отъ либерализма, либерализмъ отъ консерватизма, и, по разнымъ случайностямъ, очень легко попадается на удочку самозваннаго либерализма, въ которомъ, въ дѣйствительности, не обрѣтается ни того, что принято обыкновенно называть либерализмомъ, ни вообще ничего такого, что рѣзко характеризовало бы газету и отличало ее отъ всѣхъ другихъ. И что всего замѣчательнѣе, случается это обыкновенно безпричинно, только по какому-то вдохновенію. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, объ извѣстной газетѣ установляется мнѣніе, что это — газета либеральная, а другія нелиберальны или, по крайней мѣрѣ, менѣе либеральны, чѣмъ та. Такъ, о газетѣ г. Корша, во все время ея существованія, было такое мнѣніе, что это — газета самая либеральная, хотя ее скорѣе можно было назвать газетой разноцвѣтной или, если угодно, вполнѣ неопредѣленной, потому что она представляла собою всевозможныя мнѣнія и направленія; г. Коршъ писалъ въ ней рѣшительно, что хотѣлъ, что ему Богъ на душу положитъ. Сколько мы можемъ догадываться, такое мнѣніе о газетѣ г. Корша установилось потому, что онъ имѣлъ репутацію честнаго и хорошаго человѣка, потому предполагалось, что все, что онъ пишетъ въ своей газетѣ, пишетъ безъ всякихъ заднихъ мыслей, по своему крайнему разумѣнію,—а ужъ какъ оно тамъ выходитъ: консервативно ли, либерально ли, радикально ли – на этомъ никто не взыскивалъ, всякій довольствовался тѣмъ, что тутъ со стороны г. Корша злостнаго ничего нѣтъ. Точно также устанавливается либеральная репутація за газетами и по другимъ случайностямъ. Пишутъ, напримѣръ, какіе-нибудь прогрессисты въ извѣстной газетѣ,—и составляется мнѣніе, что газета должна быть либеральною, иначе, дескать, прогрессисты въ ней не писали бы. Такое незаслуженное производство той или другой газеты въ либеральныя сопровождается обыкновенно очень вредными послѣдствіями. Во-первыхъ, газета, получившая ни съ того, ни съ сего чинъ либеральной, подъ либеральнымъ флагомъ начинаетъ проводить такія мысли и воззрѣнія, которыя съ либерализмомъ не имѣютъ ничего общаго, и иногда просто на просто не совсѣмъ благовидныя личныя тенденціи и вожделѣнія издателя, чѣмъ публика, очевидно, ставится въ обманъ. Далѣе, пожалованіе той или другой газеты въ либеральный чинъ ставитъ въ нѣкоторое затрудненіе и журналистовъ. Обыкновенно это пожалованіе распространяетъ около газеты нѣкоторый особенный ореолъ. Предполагается, что Иванъ Ивановичъ или Петръ Кузьмичъ, владѣлецъ газеты — особенный радѣтель либерализма, что онъ всѣ свои силы напрягаетъ, какъ бы *провести*—и дѣйствительно, дескать, проводитъ—нѣчто такое въ своей газетѣ, чего нельзя провести ни въ какой другой газетѣ. Все это, конечно—совершенный вздоръ. И либерализмъ, и радикализмъ въ нашихъ газетахъ возможенъ лишь въ такихъ размѣрахъ и предѣлахъ, въ какихъ это дозволено правительствомъ, и никакой тутъ ни Иванъ Иоановичъ, ни Петръ Кузьмичъ болѣе того, что дозволено, не добудутъ. Въ этомъ случаѣ, г. Баймаковъ совершенно правъ, когда, опровергая нелѣпую инсинуацію «Московскихъ Вѣдомостей», что, будто бы, онъ, Баймаковъ, хотѣлъ изъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» сдѣлать революціонную газету, говоритъ: «законы наши о печати весьма строги и правительство зорко и внимательно слѣдитъ за прессой, такъ что никому и въ голову придти не можетъ идти въ разрѣзъ съ видами и стремленіями правительства». Между тѣмъ, многіе изъ пишущей братіи не знаютъ этой простой истины: имъ кажется, что Иванъ Ивановичъ и Петръ Кузьмичъ могутъ ловко и какъ бы тайкомъ *проводить* нѣчто такое, чего другіе ни подъ какимъ видомъ не могутъ. И Иванъ Ива-

новичъ и Петръ Кузьмичъ не разубѣждаютъ ихъ въ этомъ—одни потому, что имъ самимъ кажется, что они что-то такое дѣлаютъ, что-то проводятъ особое отъ другихъ. Какъ ни странно такое самообольщеніе, но оно, однако-жъ, дѣйствительно существуетъ. Ибо есть такіе Иваны Ивановичи и Петры Кузьмичи, которые мало что понимаютъ и, зачастую высказывая самыя обыкновенныя вещи, воображаютъ въ простотѣ сердца, что они совершаютъ нѣчто ужасное или великое... Другіе Иваны Ивановичи и Петры Кузьмичи понимаютъ всякую штуку до тонкости, но имъ нѣтъ никакого расчета разувѣрять пишущую братію, что они—не *проводители*... имъ напротивъ выгодно разыгрывать роль проводителей. Такимъ образомъ, около Ивана Ивановича или Петра Кузьмича, пожалованнаго въ чинъ либерала и проводителя, сосредоточивается, по необходимости, лучшая часть журналистовъ, и, хотя многіе изъ нихъ и понимаютъ, что Иванъ Ивановичъ и Петръ Кузьмичъ—вовсе не либералы и не проводители, но своими единичными силами они поставить дѣла иначе не могутъ. Во-первыхъ, они не могутъ измѣнить установившейся за той или другой газетой либеральной репутаціи, а во-вторыхъ, и уйдти изъ нея никуда не могутъ, ибо, какъ бы то ни было, но собравшіяся лучшія литературныя силы въ газетѣ дѣлаютъ ее все-таки болѣе сносною, чѣмъ другія газеты; да и вообще стать одиночно въ газетѣ, не пользующейся кредитомъ у публики, неудобно. Между тѣмъ, благодаря такой неправильной постановкѣ журнальнаго дѣла, Иваны Ивановичи и Петры Кузьмичи катаются, какъ сыръ въ маслѣ, и блаженствуютъ. Въ общественномъ мнѣніи они играютъ роль столповъ либерализма и радикализма. Гонораръ, благодаря обильному притеченію литературныхъ силъ къ ихъ изданію, даютъ самый плохой, складывая обильный перекуръ исключительно въ свои карманы и, иногда еще, сверхъ того, то и дѣло испускаютъ нестерпимый запахъ въ своей газетѣ, который напрасно стараются выкурить ихъ сотрудники. Артель, о которой мы говоримъ, можетъ радикально измѣнить такую безобразную постановку журнальнаго дѣла. Артель прекратитъ незаслуженное пожалованіе ни съ того, ни съ сего той или другой газеты въ либеральныя или радикальныя и уничтожить нынѣшнее отвратительное притворное либеральничанье, которое ничего, кромѣ развращенія нравовъ, не приноситъ. Она можетъ поставить дѣло такимъ образомъ, что для публики будетъ ясно, что ни въ радикализмѣ, ни въ либерализмѣ, какъ и въ консерватизмѣ, никакой заслуги еще нѣтъ—это дѣло личныхъ воззрѣній каждаго,—и что всякое направленіе равно достойно уваженія, если оно, на основаніи исповѣдуемыхъ имъ воззрѣній, строго-послѣдовательно, добросовѣстно и честно относится ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ. Еще въ покойномъ «Современникѣ» много разъ доказывалось, что наше правительство всегда шло впереди общества въ своихъ либеральныхъ начинаніяхъ, что наша либеральная и радикальная журналистика только шла за правительствомъ и вела борьбу съ отстающимъ и тормозящимъ начинанія правительства обществомъ. Эти мысли, казавшіяся парадоксальными для многихъ въ шестидесятыхъ годахъ, теперь съ каждымъ днемъ становятся для всѣхъ болѣе и болѣе осязательными и очевидными. Лучшая часть прогрессивной прессы теперь, главнымъ образомъ, занята тѣмъ, чтобы сохранить въ цѣлости реформы шестидесятыхъ годовъ, противъ которыхъ дѣлаются нападенія и ведутся подкопы изъ разныхъ угловъ и съ разныхъ сторонъ. Такимъ образомъ, ни русскій либерализмъ, ни русскій радикализмъ не представляютъ собой ничего секретнаго и недозволеннаго, что надобно было бы проводить и что нуждалось бы въ особаго рода какихъ-то проводителяхъ. Они такъ-же лойяльны, дозволены, какъ и консерватизмъ и ультра-консерватизмъ. Всякій издатель, по собственному усмотрѣнію и вкусу, имѣетъ полное право сдѣлаться сторонникомъ того или другого направленія. Но разъ сдѣлавши выборъ, надо строго выполнять свою программу, а не производить сумбуръ въ своей газетѣ, не сосать, подобно ласковому теляти, двухъ матокъ, и тѣмъ болѣе, подъ либеральнымъ флагомъ не проводить корыстныхъ вожделеній чисто своего личнаго интереса. Вотъ этого именно и можетъ потребовать артель отъ каждаго издателя, именующаго себя либеральнымъ. Издатели, которые согласятся принять выставленную ею программу, а также согласятся распредѣлять прибыли съ своими сотрудниками по установленной ею нормѣ, и будутъ для нея хороши, и имъ она и отдастъ свои силы. Кто будутъ эти издатели—господинъ ли Баймаковъ, Полетика, Трубниковъ, Гоппе, Владимірскій и т. д.—это будетъ ей положительно все равно. Такой постановкой журнальнаго дѣла устранится изъ него существующая въ немъ въ настоящее время деморализація. Во-первыхъ, публика не будетъ вводима въ обманъ газетами. Въ газетахъ, поддерживаемыхъ артелью, будетъ вполнѣ выполняться обѣщанная ими программа, а не будетъ, подъ видомъ либерализма, сообщаться всякій сумбуръ и въ томъ числѣ неблаговидныя тенденціи самихъ издателей; во-вторыхъ, подкупность этихъ газетъ сдѣлается невозможною; наконецъ, въ-третьихъ, лучшія литературныя силы не будутъ поставлены въ необходимость поддерживать изданія, которыя не стоятъ никакой поддержки и которыя служатъ только къ личной наживѣ издателя и мороченью публики.

Въ довершеніе всего вышеозначеннаго, артель должна позаботиться о томъ, чтобы измѣнить, какъ мы сказали выше, нынѣшнія патріархальныя отношенія между издателями и сотрудниками и поставить ихъ на юридическую почву. Каждый постоянный сотрудникъ долженъ работать у издателя или по контракту, или, по крайней мѣрѣ,

по письменному условію, чтобы не было тѣхъ внезапныхъ и безобразныхъ вышвыриваній людей на улицу, объ одномъ изъ каковыхъ мы разсказали выше. Воображаю, какъ при этихъ словахъ удивятся и какъ глаза отъ удивленія вытаращатъ на меня и Иванъ Либераловъ, и Ѳедя Прогрессистовъ. «Какъ! требовать, чтобы въ журнальное дѣло, такое возвышенное, были введены контракты и письменныя условія? Слыханое ли дѣло!»—Милые мои! вы еще очень юны и потому очень идеальны. Насколько прочень вашъ идеализмъ, я не знаю. Мимо меня прошло очень много юнцовъ, еще болѣе идеальныхъ, чѣмъ вы; но теперь всѣ они прекрасно пристроились и смѣются надъ идеальными заблужденіями своей молодости. *Фурьеристы* поступили въ адвокаты и директоры акціонерныхъ компаній; послѣдователи *Лассаля* сдѣлались прекрасными прокурорами. Я нисколько не удивлюсь, если и съ вами, милые мои, лѣтъ черезъ пять случится такое же или подобное превращеніе; если ты, напримѣръ, Ваня Либераловъ, сдѣлаешься гдѣ-нибудь исправникомъ, а ты, Ѳедя Прогрессистовъ, преобразишься въ управляющаго таможенными сборами, и оба вы будите смѣяться надъ экзальтаціей своей юности. Ну, а тѣ люди, о которыхъ я хлопочу, не только черезъ пять, а черезъ пятнадцать лѣтъ и, можетъ быть, до гроба останутся все литераторами и почти такими же идеалистами, какъ теперь. Говорю: почти такими же, потому что, дѣйствительно, не знаю профессіи, которая была бы способна такъ долго сохранять въ человѣкѣ, по натурѣ хорошемъ, юношескія грезы, какъ литературная. Тутъ есть чистые юноши въ лѣтахъ очень почтенныхъ. Объ идеализмѣ юношей, участвующихъ въ литературѣ, конечно, и говорить нечего. Само собою разумѣется, что идеализмомъ страдаетъ далеко не весь журнальный персоналъ. Напротивъ, тутъ есть много людей не только зрѣлаго возраста, но и юношей, можетъ быть, слишкомъ уже искусившихся и слишкомъ практическихъ и ловкихъ. Объ нихъ, конечно, заботиться нечего. Но положеніе писателя-идеалиста въ наше плутократическое время стало, поистинѣ, трагикомическимъ. Представьте себѣ, съ одной стороны, издателя новаго пошиба, издателя, который прошелъ, что̀ называется, сквозь огонь и воды и мѣдныя трубы, который ни о чемъ, кромѣ перекура, не заботится и высшей миссіей журналистики почитаетъ изученіе биржевыхъ цѣнностей, съ другой—литератора-идеалиста, который менѣе всего озабоченъ своимъ благосостояніемъ, постоянно носится съ своими идеалами объ истребленіи царующаго въ мірѣ зла и водвореніи правды на землѣ, который существованіе не только биржевыхъ цѣнностей, но самой монеты считаетъ, пожалуй, признакомъ ненормальнаго устройства общества,—и вотъ эти два человѣка, въ которыхъ не можетъ быть ни одной общей тенденціи, которые противоположны между собою, какъ тьма и свѣтъ, соединяются между собою и дѣйствуютъ для одной общей цѣли — *перекура*!!! Пройдутъ годы, изданіе будетъ цвѣсти, перекуръ будетъ получаться огромный, можетъ быть именно благодаря мечтамъ литератора-идеалиста, которыя будутъ увлекать юношество и развлекать праздную толпу,— издатель накупитъ домовъ и наживетъ капиталы, а литераторъ-идеалисъ, если не будетъ выброшенъ на улицу, не отправится преждевременно ad patres, будетъ оставаться все такимъ же нищимъ, какимъ былъ, и въ такой же зависимости отъ издателя до тѣхъ поръ, пока болѣзнь или старость не передадутъ его на попеченіе литературнаго фонда, избавивъ, такимъ образомъ, отъ попеченій его бывшаго патрона. Вотъ ради такихъ людей, которыхъ въ журналистикѣ найдется не мало, артель должна позаботиться о томъ, чтобы поставить вообще отношенія между издателями и сотрудниками на юридическую основу. Она должна требовать, чтобы на бумагѣ и самымъ точнымъ образомъ было означено время, въ продолженіи котораго издатель хочетъ пользоваться извѣстною литературною силою, и условія, которыми онъ обязывается по отношенію къ ней. Относительно нѣкоторыхъ изъ писателей-идеалистовъ, которые представляютъ собой чисто людей божіихъ, не имѣющихъ никакого понятія о лукавствѣ міра сего, которые легко могутъ попасть во всякую кабалу, артель должна идти далѣе: она должна контролировать самыя условія, предлагаемыя издателемъ.

Сентябрь 1875.

Эмсъ и россіяне.—Разговоръ о дѣлѣ Овсянникова.—Вопросъ о производительности для Россіи тратъ, которыя дѣлаются русскими за границей.—Сравненіе германскихъ нравовъ съ нашими.—Наши безобразники не чиновные и чиновные.—*Темныя* при петербургскихъ полицейскихъ частяхъ.—*Дикія* дани, собираемыя управленіями желѣзныхъ дорогъ—*главнаго общества* съ пассажировъ, отправляющихся за границу, *сестрорѣцкой*—съ товароотправителей.—Происшествіе на оренбургской желѣзной дорогѣ.

Я нахожусь теперь въ прекрасномъ *далекѣ* отъ своей родины. Въ окружающей меня природѣ ничто мнѣ не напоминаетъ о Петербургѣ. Небольшая котловина, въ которой я живу, извѣстная всѣмъ подъ именемъ Эмса, обрамлена со всѣхъ сторонъ высокими горами, которыя съ верху до низу покрыты огромнымъ зеленѣющимъ лѣсомъ, отчасти виноградниками. Большая часть виллъ и отелей тонутъ также въ зелени. Нѣтъ здѣсь ни пыли петербургской, ни зловонія, ни даже духоты, хотя солнце исправнѣе здѣсь, чѣмъ въ Петербургѣ, отправляетъ свою службу, заливая съ утра до вечера, каждый почти день, Эмсъ и его зеленѣющія горы своими яркими лучами. Воздухъ такъ мягокъ, что даже въ непогодь дышать легко и пріятно...

И, не смотря на это, я часто забываюсь и думаю, что я гуляю не по улицамъ и паркамъ Эмса, а по Невскому проспекту, въ Петербургѣ. Куда бы я ни пошелъ, кругомъ меня гудитъ повсюду русская рѣчь—и, волей-неволей, я ее слушаю, не могу не слушать хотя отрывками. Въ этихъ отрывочныхъ фразахъ чувствуется пульсъ той самой жизни, которою живетъ и весь Петербургъ, и вея просвѣщенная Россія. Лѣтомъ, ни въ Эмсѣ, ни въ другомъ какомъ бы то ни было курортѣ, вы не можете, если бы и хотѣли, разорвать связи свои съ Россіей, уединиться отъ нея. Она будетъ вездѣ съ вами и за вами, на каждомъ шагу: вездѣ вы услышите тоже самое, что̀ услышали бы и въ Петербургѣ,—тѣже сплетни, тѣже вожделѣнія, тѣже переливанія изъ пустого въ порожнее по поводу разныхъ новостей и злобы дня.

Вотъ выпилъ я стаканъ Kesselbrunnen'а и сажусь отдыхать въ ожиданіи слѣдующаго. Недалеко отъ меня расположились двое мужчинъ и дама. Я принялъ ихъ сначала за румынскихъ дворянъ, которыхъ здѣсь превеликое множество. Оказались соотечественниками. Едва я сѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ, молодой человѣкъ, хриплымъ голосомъ—изъ эмскихъ, значитъ, горловыхъ—повелъ такую рѣчь:

«Это преступленіе предусмотрѣно въ уложеніи о наказаніяхъ и его нельзя оставить безъ преслѣдованія; нельзя позволить каждому сѣять свои лжеученія».

«Какое, однакожъ, это лжеученіе, возразилъ его компаньонъ: — сказать голодному Трофиму: ты, другъ мой, не очень благодушествуй, а смотри въ оба, а то тебя Сидоръ Карпычъ обдеретъ, какъ липку? Скорѣе Сидоръ Карпычъ, настаивая на незаконномъ условіи, сѣетъ лжеученіе»

«Ну, это вы такъ философствуете, огрызся горловой:—тутъ дѣло идетъ не объ имущественныхъ интересахъ сихъ и оныхъ, а о государствѣ... Понимаете ли вы, что подобными внушеніями государственный строй подкапывается... Потому законъ...»

«Ну, чортъ возьми, думаю себѣ:—должно быть, на адвокатовъ, а то, пожалуй, и прокуроровъ напалъ. Душу всю вытянутъ уголовщиной».

Перешелъ на другую скамью. Осмотрѣлся... подозрительнаго на счетъ русскаго духа ничего не оказалось. Передо мной сидѣли три мирные нѣмца и вели душевный разговоръ о вчерашнемъ обѣдѣ на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ. Правда, рѣчь была слишкомъ уже граматически искусственно построена, и каждое слово точно отчеканивалось, что у нѣмцовъ встрѣтишь не часто. Ну, да это, вѣроятно, наши остзейцы, подумалъ я: они отличаются чистотою нѣмецкаго выговора. Какъ вдругъ полилась рѣкою чисто русская рѣчь:

«Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, что вы ни говорите, а нигдѣ васъ такъ хорошо не накормятъ, какъ въ Парижѣ. И дешевизна-то какая! За пять франковъ вы имѣете отличный обѣдъ въ шесть блюдъ съ цѣлой бутылкой вина! Гдѣ вы это найдете? Да и во всемъ такъ. Вотъ я теперь плачу здѣсь за комнату полтора талера въ день, а въ Парижѣ, за комнату вдвое лучше этой, да еще въ отелѣ, я платилъ всего три франка».

«Ну, увѣряю же васъ»... началъ снова поклонникъ Парижа.

Но я дальше не слушалъ, пошелъ пить слѣдующій стаканъ Kesselbrunnen'а и искать уединенія отъ моей родины, болѣе прочнаго. Выпивъ стаканъ, я отправился на эстраду курзала, примыкающую къ нему со стороны протекающей черезъ Эмсъ рѣчки Лана. Здѣсь обыкновенно не сидитъ никто, кромѣ занимающихся вязаньемъ старыхъ нѣмокъ, наслаждающихся созерцаніемъ мутнаго Лана, сантиментальныхъ нѣмецкихъ дѣвъ и обязательныхъ и необязательныхъ спутниковъ

и охранителей тѣхъ и другихъ. Тутъ я помѣстился съ совершенно спокойнымъ сердцемъ, не ожидая никакой засады. Какъ вдругъ, невдалекѣ отъ меня забасилъ русскій голосъ. Я оглянулся. Усатый, плечистый господинъ, съ красными глазами на выкатѣ, съ сильно развитыми дланями, вѣроятно, во время крѣпостного права не мало поработавшими надъ разными Ваньками и Петрушками, началъ такую рѣчь:

— «Наша литература... это — чортъ знаетъ что такое... чистый разбой! Нападаетъ точно собака на встрѣчнаго и поперечнаго. Давно бы пора уже надѣть на нее намордникъ».

Я навострилъ уши.

— «На кого же она нападаетъ?» сухо спросилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, молодой человѣкъ, оглядываясь во всѣ стороны, видимо изъ боязни, что усатый господинъ можетъ нагородить всякой дичи и скомпрометировать всю ихъ компанію, если тутъ есть русскіе.

— «Да вѣдь, вотъ сами же вы разсказываете, отвѣчалъ усатый: — что Овсянниковъ въ своей жалобѣ, поданной въ судебную палату, жалуется на притѣсненіе со стороны литературы».

— «Мало ли на что можетъ жаловаться Овсянниковъ! Онъ, вонъ, жалуется и на то, что слѣдователь началъ слѣдствіе о злоупотребленіяхъ по поставкѣ хлѣба. Это, говоритъ Овсянниковъ, не его, а наше дѣло съ военнымъ министромъ .. Въ такомъ же родѣ его жалоба и на литературу. А между тѣмъ, я читалъ все, что писано было въ литературѣ объ Овсянниковѣ, и могу сказать, что литература относилась къ Овсянникову вполнѣ добросовѣстно и безпристрастно. Чего она требовала по дѣлу Овсянникова? Ничего болѣе, кромѣ того, чтобы съ нимъ поступали точно такъ же, какъ и со всякимъ обвиняемымъ въ тяжкомъ преступленіи, не ставя его въ этомъ случаѣ въ привилегированное положеніе только потому, что у него милліоны... Да и объ этомъ литература начала говорить лишь тогда, когда нѣкоторые изъ адвокатовъ стали облизываться въ виду огромнаго куша, который можно ухватить съ Овсянникова, начали настраивать общественное мнѣніе противъ слѣдователя въ пользу Овсянникова и потащились на судъ съ жалобою на неправильныя, будто бы, дѣйствія слѣдователя и съ ходатайствомъ объ освобожденіи Овсянникова». — «Зачѣмъ же было литературѣ вмѣшиваться въ это дѣло?» замѣтилъ усатый.— «Зачѣмъ? отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Вопросы общественной правды — самые жизненные вопросы литературы. Еслибъ она ихъ игнорировала, она представляла бы подобіе пса нѣмого... Ей бы тогда и существовать было бы не зачѣмъ».— «Согласитесь, однакожъ, сказалъ усатый, уже сильно понижая прежній самоувѣренный тонъ:— семидесятилѣтній старикъ... привыкшій къ извѣстнымъ удобствамъ... въ тюрьмѣ... надобно же имѣть какое-нибудь и снисхожденіе».— «Литература не знаетъ дѣла Овсянникова по существу, отвѣчалъ молодой человѣкъ: — она не знаетъ, въ чемъ именно обвиняется Овсянниковъ и насколько сильны улики его обвиненія. Затѣмъ, не знаетъ личности Овсянникова и его прошлой дѣятельности. Потому, въ дѣлѣ Овсянникова она не имѣетъ никакого права оставлять общественную точку зрѣнія и становиться на личную. Личность Овсянникова ей совершенно неизвѣстна, и разъ правосудіе, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, нашло нужнымъ и справедливымъ лишить его свободы, литература обязана настаивать, чтобы съ нимъ поступали, какъ и со всѣми, находящимися въ подобномъ положеніи. Другое дѣло, если бы личность Овсянникова была всѣмъ извѣстна по своей прежней безукоризненной дѣятельности. Тогда литература, и не зная производящагося теперь дѣла по существу, могла бы принять во вниманіе и личную точку зрѣнія. Но и это было бы съ ея стороны не долгомъ, а снисхожденіемъ, нѣкоторымъ, такъ сказать, уклоненіемъ отъ справедливости въ пользу Овсянникова. Десятки тысячъ людей содержатся постоянно подъ стражею въ Россіи, изъ нихъ, можетъ быть, десятая часть бываетъ невинныхъ, томящихся въ острогахъ нерѣдко по нѣскольку лѣтъ. Предполагая даже, что Овсянниковъ былъ бы совершенно невиненъ, по какому праву литература съ особенною горячностію выступила бы на защиту именно его и его только, оставляя безъ вниманія тысячи другихъ невинныхъ, которые томятся въ тюрьмахъ, самыхъ мрачныхъ и грязныхъ, по нѣскольку лѣтъ? Вѣдь это было бы все-таки привилегіей богатства!» — «Да, возразилъ усатый: — но и богатство имѣетъ свои права на уваженіе, если оно идетъ на помощь общественнымъ нуждамъ. Не забудьте, что Овсянниковъ дѣлалъ очень значительныя пожертвованія на пользу общественную». — «Та, та, та, отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Вопросъ о пожертвованіяхъ—всегда темный вопросъ. Чтобы правильно судить о нихъ, надобно знать двѣ вещи: во-первыхъ, какую они величину представляютъ по отношенію къ тѣмъ суммамъ, изъ которыхъ они жертвуются, а во-вторыхъ, какимъ путемъ скопились эти послѣднія суммы. Если бы мы знали все это, то, очень можетъ быть, всѣ пожертвованія Овсянникова, по величинѣ своей, оказались бы ничтожнѣе самой послѣдней лепты, которую даетъ ежедневно бѣднѣйшая изъ вдовицъ на бѣдныхъ, а по источнику, можетъ быть, вовсе не достойны были бы того, чтобы ихъ принимать. Овсянниковъ, конечно, представляетъ себя праведникомъ по поставкѣ хлѣба, потому, говоритъ, «интендантскіе чиновники хлѣбъ принимали». Но интендантскіе чиновники—не Богъ знаетъ какіе Аристиды... Вообще, во всемъ этомъ пока еще темна вода...» — «Однако, нельзя же оставлять человѣка совсѣмъ безъ защиты, какъ бы онъ виновенъ ни былъ», замѣтилъ усатый.— «Кто-жъ вамъ сказалъ, что Овсянниковъ останется безъ защиты? отвѣчалъ молодой человѣкъ

— Мы говоримъ только о безобразіи тѣхъ экстравагантныхъ ползаній, которыя предприняли было нѣкоторые адвокаты въ виду жирныхъ кусковъ по дѣлу Овсянникова, и о томъ, что литература отнеслась къ этимъ ползаніямъ вполнѣ добросовѣстно и безпристрастно, какъ они того заслуживали. А затѣмъ Овсянниковъ, какъ и всякій подсудимый, будетъ несомнѣнно имѣть защитниковъ, какъ того требуютъ формы суда. Въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ. У него даже теперь есть опытные юристы, которые его руководятъ во всемъ. Стоитъ только прочесть прошеніе, поданное имъ въ судебную палату, чтобы видѣть, что прошеніе это писалъ не Степанъ Тарасьевичъ. Самъ Степанъ Тарасьевичъ, конечно, написалъ бы въ прошеніи тоже, что говорилъ и въ судебной палатѣ, т е. что онъ 40 лѣтъ подъ однимъ № живетъ, что онъ старикъ 70 лѣтъ, что у него 60 человѣкъ семьи, что пожаровъ въ Россіи бываетъ много, что юстиціи нѣтъ никакого дѣла до того, если онъ и дурной хлѣбъ поставлялъ на армію, что онъ имѣлъ дѣло не съ юстиціей, а съ военнымъ министерствомъ и т. д. Ну, а прошеніе составляла рука юриста, очевидно тонкаго въ казуистикѣ и опытнаго въ кляузахъ. На всякой случай онъ не забылъ даже литературу лягнуть».

Сказавъ послѣднія слова, защитникъ литературы съ торжествомъ посмотрѣлъ на окружающую публику: «вотъ, дескать, мы какіе!» и искоса на усатаго. Но усатый, повидимому, не понялъ язвительности послѣднихъ словъ и сидѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Изъ переданныхъ мною разговоровъ ты видишь, читатель, что за-границею, лѣтомъ, нелегко разлучиться съ Россіей. И это, какъ я уже сказалъ, не въ одномъ только Эмсѣ, а во всѣхъ курортахъ. Всѣ курорты наполнены русскими. Говорятъ: русскихъ выѣзжаетъ за границу до 100,000 ч. Если это правда, то, полагая на каждаго выѣзжающаго, среднимъ числомъ, по 1,000 р., въ лѣто составится очень почтенная цифра въ 100,000,000 руб., которую русскіе каждый годъ дарятъ иностранцамъ за свою гостьбу у нихъ, въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ. патріоты извѣстнаго пошиба давно уже ропщутъ противъ такого громаднаго вывоза русскихъ денегъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивающагося, и, повидимому, не прочь бы были принять репрессивныя мѣры противъ путешествій за границу. Мнѣ же кажется, что разрѣшеніе свободнаго выѣзда за границу всѣмъ желающимъ есть одна изъ самыхъ разумныхъ и, по своимъ послѣдствіямъ, самыхъ плодотворныхъ мѣръ нынѣшняго царствованія. Русскимъ людямъ необходимо ближе познакомиться съ заграничною жизнію и заграничными порядками, увидать ихъ самолично — тогда только они ясно и отчетливо поймутъ разницу между своимъ бытомъ и иностраннымъ, сообразятъ, чего имъ недостаетъ въ сравненіи съ иностранцами и какъ это недостающее можно пополнить или исправить, наконецъ, оцѣнятъ свое хорошее. Чѣмъ болѣе русскихъ людей будетъ выѣзжать за границу, тѣмъ будетъ лучше, и огромныя суммы денегъ, которыя они будутъ тратить на это, будутъ для Россіи въ будущемъ не потерею, а пріобрѣтеніемъ, предполагая, конечно, что контингентъ отправляющихся за границу съ каждымъ годомъ будетъ все болѣе и болѣе расширяться въ томъ же направленіи, въ какомъ это шло до сихъ поръ, т. е. сверху внизъ. Теперь ѣздятъ за границу не графы только и князья и не богачи только, какъ было прежде; напротивъ, бо́льшая часть отъѣзжающихъ состоитъ теперь изъ людей средняго состоянія разныхъ сословій; въ томъ числѣ встрѣчается не мало лицъ очень недостаточныхъ. Желѣзныя дороги сильно удешевили поѣздки за границу. За 16 талеровъ—(въ 3 кл. по Россіи и въ 4 кл. по Пруссіи) можно доѣхать отъ Петербурга до Берлина. Болѣе или менѣе состоятельный крестьянинъ, который привыченъ къ дешевой обстановкѣ въ помѣщеніи и къ простому, дешевому столу, на сто рублей могъ бы съѣздить и прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ разныхъ мѣстахъ Германіи. Моремъ такая поѣздка обошлась бы еще дешевле. Мало того: если бы крестьянинъ зналъ, что требуется и имѣетъ ходъ изъ нашихъ произведеній за границею, онъ могъ бы захватить съ собой маленькій запасъ подручнаго и болѣе ходкаго товара для сбыта за границею и тѣмъ значительно окупить свои заграничныя издержки, а то, пожалуй, кой-гдѣ могъ бы присмотрѣться и поработать за границей. Вѣдь видимъ же мы нашихъ ярославцевъ, расхаживающихъ съ мороженымъ по финляндскимъ городамъ. Бѣда та только, что у нашего мужика для заграницы языка нѣтъ. Впрочемъ, и это еще не главное. Вѣдь ходитъ же онъ по Финляндіи безъ языка. Главное—то, что смѣлости у него нѣтъ пока махнуть за границу; не наловчился онъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что современемъ это должно придти и придетъ.

Чему же, спросятъ меня, можетъ научиться заграницей человѣкъ, спеціально ни къ чему не подготовленный, и тѣмъ болѣе человѣкъ, нежелающій ничему учиться?

Во-первыхъ, я не могу представить себѣ человѣка, спеціально ни къ чему не подготовленнаго, если только у него нѣтъ родового имѣнія или нѣтъ источника для пріобрѣтенія средствъ жизни, закономъ недозволеннаго. Каждый чѣмъ нибудь живетъ и, слѣдовательно, каждый сколько нибудь знакомъ съ тѣмъ ремесломъ или занятіемъ, которымъ онъ добываетъ себѣ пропитаніе. Возьмемъ въ примѣръ крестьянина. Крестьянинъ, положимъ, научно не подготовленъ къ земледѣлію, но онъ цѣлую жизнь занимается земледѣліемъ и практикою пріобрѣтаетъ столько свѣденій въ земледѣліи, что можетъ помѣряться ими съ любымъ агрономомъ. Если бы ему выпалъ счастливый случай посмотрѣть, какіе въ разныхъ

мѣстахъ заграницей употребляются пріемы для обработки земли, какими орудіями производится обработка, какой въ обычаѣ здѣсь уходъ за животными, какая, вообще, обстановка всего крестьянскаго быта, онъ вывезъ бы домой, въ свое отечество, массу новыхъ свѣденій, которыя съ пользою, гдѣ возможно, примѣнилъ бы и къ своему хозяйству. Далѣе, предположимъ, что есть люди, совсѣмъ ни къ чему не подготовленные или, точнѣе сказать, такіе, которые ѣдутъ заграницу не мудрости искать, а отдыхать, лечиться, которые вовсе не имѣютъ ни намѣренія, ни желанія ничему учиться и просто ни на что не обращаютъ вниманія. Мы думаемъ, что и на такихъ Европа непремѣнно оставитъ тотъ или другой свой слѣдъ, и они не безъ пользы для Россіи побываютъ заграницей. Какъ бы кто ни открещивался отъ нѣмецкаго духа, но разъ онъ выѣхалъ за-границу, ему нельзя закрыть глазъ и не видѣть этого духа. Онъ сквозитъ во всемъ и на всемъ, куда бы ни обратился вашъ глазъ, начиная отъ великаго до самаго малаго. Кромѣ того, разъ вы выѣхали заграницу, вамъ нельзя стать здѣсь совершенно особнякомъ, изолировать себя вполнѣ отъ окружающей васъ жизни: для васъ неизбѣжны сношенія, по крайней мѣрѣ, съ персоналами почтъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, отелей, лавокъ, мѣстъ, гдѣ вы будете жить. При всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, васъ часто будутъ поражать новизна и особенности, нисколько не похожія на наши отечественныя, а это невольно заставитъ васъ подумать объ этой разницѣ, а можетъ быть, вникнуть и въ причины ея. Смотря по индивидуальности, осадокъ отъ такихъ размышленій можетъ оставаться различный; но я убѣжденъ, что онъ у всякаго останется, и въ чемъ бы ни отразилось его вліяніе впослѣдствіи въ отечествѣ—въ общественной ли дѣятельности носящаго его индивидуума, въ домашней ли обстановкѣ, въ личномъ ли отношеніи его къ другимъ, наконецъ въ расширеніи ли узкаго до сихъ поръ кругозора его воззрѣній—во всякомъ случаѣ, это — элементъ развитія Россіи, положимъ, элементъ незначительный и иногда притомъ очень дорого оплачиваемый Россіей, далеко не пропорціонально его содержанію. Но о производительности или непроизводительности для государства тѣхъ тратъ, которыя дѣлаются отъѣзжающими заграницу, никакъ нельзя судить по тѣмъ или другимъ единичнымъ личностямъ. Для этого надобно взвѣсить и оцѣнить общую сумму всего того вліянія, которое бывавшіе заграницей оказываютъ въ разныхъ сферахъ общественной и частной жизни и дѣятельности. Этого, конечно, сдѣлать нельзя; но несомнѣнно, что вліяніе это громадное, и его нельзя замѣнить ничѣмъ. Стоитъ только почитать записки Вигеля, чтобы видѣть, какъ быстро поднялся умственный и культурный строй Россіи немедленно послѣ наполеоновскихъ войнъ, т. е. немедленно послѣ того, какъ масса русскихъ въ войскахъ побывала и пожила заграницей. Чего не могли сдѣлать всѣ усилія Петра I-го и Екатерины II-й въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія, то сдѣлалось, такъ сказать, само собою въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, при наглядномъ знакомствѣ значительной массы русскихъ съ заграничною жизнію.

Я бывалъ заграницею нѣсколько разъ, но всегда въ качествѣ больного, жилъ преимущественно въ курортахъ, мало знакомъ съ заграничною жизнью, знаю ее лишь настолько, насколько она доступна поверхностному наблюдателю. Можетъ быть поэтому, а можетъ быть потому, что заграницей человѣку со средствами, не особенно достаточными, приходится вести жизнь болѣе трактирную, которая скоро надоѣдаетъ, я съ трудомъ выживалъ назначаемые мнѣ полтора-два мѣсяца заграницей. Едва начинало приближаться время отъѣзда въ Россію, я, подобно школьнику въ ожиданіи вакаціи, начиналъ считать дни, когда попаду въ Россію. Съ какимъ удовольствіемъ переѣзжалъ я завѣтный мостикъ, отдѣляющій Эйдкуненъ отъ Вержболова или Пруссію отъ Россіи! Съ какимъ удовольствіемъ слышалъ русскій говоръ на дебаркадерѣ Вержболовской станціи и встрѣчалъ довольно непривѣтливое лицо жандарма или таможеннаго служителя, отворявшаго дверцы вагона.

Изъ сего читатель можетъ уразумѣть, что я не питаю никакого особеннаго пристрастія къ заграницѣ. Тѣмъ не менѣе, не могу не сказать, что я чувствую подавляющее ея превосходство предъ нами на каждомъ шагу. Я уже не говорю о превосходствѣ ея культуры во всѣхъ родахъ и видахъ дѣятельности: то или другое состояніе культуры зависитъ отъ бо́льшаго или меньшаго экономическаго развитія народа, отъ его историческаго прошлаго, отъ самаго даже его долголѣтія. Но великая разница поражаетъ васъ въ самыхъ нравахъ и не только въ передовыхъ странахъ Европы, но даже у ближайшихъ нашихъ сосѣдей—въ Пруссіи. Мы привыкли считать пруссаковъ людьми грубыми, не совсѣмъ чистыми на руку; можетъ быть, они и дѣйствительно таковы по сравненію съ южно-германцами, съ французами, но никакъ не по сравненію съ нами. Здѣсь вы не встрѣтите и слѣда той дикости и того варварскаго опустошенія кармановъ ближняго подъ формою торговли, услугъ и т. п., какія вы встрѣчаете на каждомъ шагу у насъ. Не то, чтобы нѣмцы были вообще гуманнѣе насъ—нѣтъ, этого я не скажу; но что здѣсь глубоко и прочно вошла въ жизнь *людскость*, что эту людскость, которая предполагаетъ непремѣнно извѣстную степень добросовѣстности, имѣетъ каждый нѣмецъ, можетъ быть, за очень немногими исключеніями, что нѣмецкое общество безпощадно строго преслѣдуетъ тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые, по дикимъ инстинктамъ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ, позволяютъ себѣ иногда переступить крайнія черты этой людскости—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣ-

нія. Людскостью я называю укоренившееся въ нѣмецкомъ обществѣ, вошедшее въ плоть и кровь его жизни требованіе, чтобы каждый членъ его сознавалъ налагаемыя на него его должностію, его званіемъ, состояніемъ въ отношеніи къ другимъ обязанности и добросовѣстно исполнялъ ихъ. Такъ какъ добросовѣстность эта могла бы сильно укорачиваться и обращаться иногда совсѣмъ въ ничто разными испорченными индивидуумами, то нѣмецкое общество установило надъ этимъ строгій общественный контроль. Всюду, гдѣ можно опредѣлить и исчислить, что̀ должно дѣлать то или другое лицо по своему званію и должности и что̀ должно получать за свои услуги, оно опредѣлило и исчислило и сдѣлало это извѣстнымъ всѣмъ въ своихъ безчисленныхъ объявленіяхъ и таксахъ. Ни кассиръ, ни извощикъ, ни кофертрэгеръ, ни динстманнъ, ни прачка и т. д. не могутъ взять съ васъ ни одного пфеннига лишняго, если вы не желаете сами дать. Затѣмъ, Боже сохрани, еслибы до его свѣдѣнія дошло, что васъ гдѣ-нибудь, на чемъ бы то ни было, грубо обманули или обсчитали! Разъ я, помню, ѣхалъ изъ Швейцаріи въ Аугсбургъ, съ тѣмъ, чтобы пересѣсть здѣсь на курир-цугъ въ Дрезденъ. Нашъ поѣздъ нѣсколько запоздалъ. Мы пріѣхали въ Аугсбургъ въ ту самую минуту, когда дрезденскій поѣздъ долженъ былъ отходить. Оберъ-кондукторъ согласился обождать, однакожъ, три, четыре минуты, пока я возьму билеты и сдамъ багажъ. Надобно было спѣшить; я бросилъ кассиру бумажку, какая попалась въ руки, взялъ билетъ и, не считая сдачи, отправился въ свой поѣздъ. Дорогой, сосчитавъ сдачу, я нашелъ, что не достаетъ гульдена. Я сообщилъ объ этомъ, между прочимъ, въ разговорѣ, сидѣвшему со мной въ вагонѣ нѣмцу, нисколько не думая, конечно, о возвращеніи погибшаго гульдена, тѣмъ болѣе, что и кассиръ, въ попыхахъ, очень легко и просто, по ошибкѣ, безъ всякаго намѣренія могъ не додать гульдена! Надобно было видѣть, какая изъ-за этого гульдена поднялась суматоха! Нѣмецъ сообщилъ о томъ, что меня обсчитали, кондуктору, кондукторъ оберъ-кондуктору и другимъ кондукторамъ. Когда мы пріѣхали на станцію, здѣсь образовался по этому случаю цѣлый совѣтъ, въ которомъ приняли участіе начальникъ станціи и всѣ служащіе. Отъ меня требовали, чтобы я написалъ заявленіе и далъ адресъ: куда мнѣ выслать гульденъ. Я, разумѣется, отказался. Но этимъ дѣло не кончилось. Когда мы пріѣхали на слѣдующую станцію, началась опять та же исторія: опять пошли совѣщанія по поводу моего гульдена. Тогда я увидѣлъ, что дѣло плохо и что изъ-за пропавшаго гульдена они не дадутъ мнѣ покою до самаго Дрездена. Потому я счелъ за лучшее объявить, что съ моей стороны произошла ошибка, что, пересчитавъ вновь сдачу, я нашелъ ее вполнѣ вѣрною.

Этотъ строгій общественный контроль, условливаемый — этого не надобно забывать — людскостью, проникающею глубоко всѣ слои общества, дѣлаетъ то, что здѣсь вы никогда не встрѣтите дикихъ выходокъ ни со стороны лицъ чиновныхъ, ни нечиновныхъ, не встрѣтите и того беззастѣнчиваго грабежа, который на каждомъ шагу въ Россіи, и въ великомъ, и въ маломъ, ужасаетъ своими размѣрами. Здѣсь, какъ и вездѣ, чиновникъ можетъ быть иногда недобросовѣстенъ и грубъ; тѣмъ не менѣе, хотя и не особенно привѣтливо, но онъ сдѣлаетъ для васъ все то, что онъ обязанъ сдѣлать по своей должности; онъ не смѣетъ, не можетъ этого не сдѣлать. Точно также, нѣмецъ можетъ быть недобросовѣстенъ въ торговлѣ; онъ можетъ взять дороже за вещь, чѣмъ она стоитъ, можетъ больше требовать за свои услуги, нежели сколько слѣдуетъ, если цѣна за нихъ не опредѣлена таксою. Но эта недобросовѣстность не можетъ, не смѣетъ идти далѣе извѣстныхъ предѣловъ, на нашъ русскій глазомѣръ очень незначительныхъ. У нѣмца никогда языкъ не поворотится за разбитую простую тарелку или стаканъ потребовать четыре рубля, какъ это недавно случилось въ одномъ изъ нашихъ желѣзно-дорожныхъ буфетовъ подъ Петербургомъ (о чемъ будетъ рѣчь ниже). При подобныхъ размѣрахъ грабежа, его возьметъ за бока не только полиція, но и загрызутъ свои же, даже ближайшіе его знакомые. Недобросовѣстность нѣмца можетъ быть только недобросовѣстностью, если можно такъ выразиться, коммерческою, но никогда не переходитъ въ дикое, безграничное обираніе, граничащее съ грабежомъ, какъ у насъ. Нѣмецъ можетъ взять лишнихъ 20%, 30%; но чтобы онъ взялъ лишнихъ 300%, 1,000%, 2,000%, это — вещь совершенно невозможная, немыслимая. Въ этомъ и заключается секретъ громадной разницы размѣровъ желѣзнодорожнаго воровства у насъ и у нѣмцевъ. Нѣмецкій концессіонеръ, воруя, всегда помнитъ, что онъ долженъ произвести работу по возможности порядочно и что украсть онъ можетъ только такую долю, которая бы рѣзко не бросалась въ глаза обществу. Разъ, по качеству постройки дороги, не будетъ подлежать сомнѣнію, что онъ хапнулъ,—ему житья не будетъ; онъ можетъ ожидать всякихъ непріятностей... Наши строители дорогъ—напротивъ... Кажется, дѣло стоитъ такимъ образомъ, что, чѣмъ хуже построишь дорогу, тѣмъ больше получишь благодарности, потому что, разъ дорога дурно построена, актъ постояннаго продолженія строенія ея дѣлается нескончаемымъ; а директорамъ желѣзнодорожныхъ правленій, конечно, пріятнѣе быть творцами дороги, чѣмъ ея правителями. Гарантія дороги правительственная дѣлается тогда вѣчною; есть поводъ постоянно просить все новыхъ и новыхъ ссудъ у правительства; эксплуатаціонный капиталъ дороги, до какихъ бы размѣровъ онъ ни доходилъ, хотя бы до 15,000 р.

на версту—весь остается въ твоихъ рукахъ на строеніе дороги; однимъ словомъ: катайся, какъ сыръ въ маслѣ.

То, что я говорю о нѣмецкой жизни, касается исключительно обыденной сферы жизни, ежедневныхъ мелочей. Но изъ этихъ мелочей слагается бо́льшая часть нашей жизни, и отъ такого или другого устройства ихъ зависитъ въ значительной мѣрѣ наше спокойствіе, наше довольство жизнію. Увѣренность, что ваша личность прочно ограждена отъ всякаго насилія, оскорбленія, произвола со стороны чиновнаго мира, что вашъ кошелекъ защищенъ отъ грабежа и грубаго обмана чиновнаго и не чиновнаго, что всѣ общественныя учрежденія приспособлены къ тому, чтобы облегчить удовлетвореніе вашихъ нуждъ,—эта увѣренность есть необходимый основной фондъ для всякаго дальнѣйшаго благополучія. И, переступая границу, вы очень скоро пріобрѣтаете эту увѣренность. Странное дѣло! Вступая въ чужую землю, въ которой вамъ все неизвѣстно: нравы, обычаи, жизнь, люди, съ самымъ языкомъ которой вы иногда знакомы очень недостаточно,—вы съ первыхъ же шаговъ начинаете чувствовать, что вы здѣсь болѣе безопасны, чѣмъ въ вашемъ отечествѣ, болѣе ограждены отъ всякаго рода личныхъ непріятностей и столкновеній, отъ всякихъ грубыхъ и наглыхъ обмановъ и надувательствъ. Еслибы чиновникъ не удовлетворилъ вашего справедливаго требованія (что́, впрочемъ, вещь положительно невозможная), еслибы васъ нагло обманулъ или обсчиталъ кто-нибудь, вамъ даже не нужно идти никуда жаловаться. Вамъ сто́итъ сказать объ этомъ первому попавшемуся нѣмцу, и изъ этого поднимется такой шумъ, что обманувшій или обсчитавшій васъ не радъ будетъ жизни и со всевозможными извиненіями немедленно возвратитъ вамъ неправильно взятое, а не исполнившій вашего требованія чиновникъ немедленно взятъ будетъ подлежащимъ начальствомъ на цугундеръ.

Что́ мнѣ сказать о тебѣ теперь, моя милая родина, объ обстановкѣ твоей обыденной жизни? Надобно много лѣтъ жить въ тебѣ, надобно изо дня въ день пріучаться къ твоимъ неурядицамъ на каждомъ шагу, чтобы не возмущаться и не поражаться ими, а смотрѣть на нихъ спокойно, какъ смотримъ мы, русскіе, точно все это въ порядкѣ вещей, точно такъ и быть должно. Теперь, въ моемъ прекрасномъ далекѣ, гдѣ жизнь не представляетъ ничего подобнаго, какимъ рельефомъ выступаютъ передо мною подвиги нашихъ новаго времени чудо-богатырей, сказанія о которыхъ я читаю въ текущихъ газетахъ или припоминаю изъ недавняго прошлаго! Вотъ одесскій адвокатъ Г—кій, явившійся въ театръ на репетицію оперныхъ представленій и обругавшій всю труппу непечатными словами, а театральнаго смотрителя избившій палкой, и все за то только, что ему сказали, что, по театральнымъ правиламъ, постороннія лица не могутъ присутствовать на репетиціяхъ. Это — въ театрѣ; а вотъ тотъ же адвокатъ Г—кій и на судѣ. Онъ «глумится надъ свидѣтелями, издѣвается надъ присутствующими здѣсь артистами и категорически заявляетъ (*на судѣ-то!*), что, еслибы въ его рукахъ была не палка, а револьверъ, онъ бы иначе разсчитался за такую кровную обиду, какъ воспрещеніе быть на репетиціи». И за все это мировой съѣздъ приговорилъ адвоката Г—каго всего къ 25 р. штрафу!! Скажите пожалуйста: что такое для адвоката, лишеннаго, какъ очевидно изъ его поступковъ, всякаго стыдѣнія, штрафъ въ 25 р.!! («С.-Петерб. Вѣд.»). Вотъ въ Петербургѣ какіе-то два безобразника—должно быть изъ вліятельныхъ семействъ, потому что даже фамиліи не названы въ газетахъ, хотя они и были привлечены къ суду, что, замѣчу я мимоходомъ, есть величайшая несправедливость и великое поощреніе къ безобразіямъ—нагло преслѣдуютъ хористокъ или театральныхъ ученицъ отъ театра вплоть до мѣста ихъ жительства, здѣсь у подъѣзда производятъ шумъ, бьютъ непускающаго ихъ швейцара и приговариваются мировымъ судьей... впрочемъ, я не помню хорошо, къ чему они были приговорены, но, кажется, приговоръ былъ тоже довольно мягокъ. Вотъ и еще подвиги, совершенные въ Петербургѣ же Николаемъ Савинымъ и окончившимъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ (!) Александромъ Сущовымъ. Но здѣсь были уже совсѣмъ военныя дѣйствія и потому, для точности, я считаю нужнымъ сообщить полную о нихъ реляцію:

Въ пятницу, 25 іюля, въ мировомъ съѣздѣ разбиралось дѣло по обвиненію корнета Николая Савина и окончившаго курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ Александра Сущова въ буйствѣ въ публичномъ мѣстѣ, самоуправствѣ и насиліи противъ мѣщанина Блехштейна.

Изъ протокола видно, что 17 іюля, въ шестомъ часу утра, доставленъ былъ въ управленіе участка изъ Александровскаго парка мѣщанинъ Блехштейнъ въ окровавленномъ видѣ, причемъ онъ объяснилъ, что, проѣзжая на легковомъ извощикѣ по парку, у воротъ, ведущихъ на Кронверкскій проспектъ, онъ былъ настигнутъ коляской, въ которой сидѣли два статскіе и одинъ офицеръ; кучеръ, управлявшій лошадьми коляски, былъ совершенно пьянъ и не давалъ извозчику Блехштейна проѣхать, а, когда Блехштейнъ спросилъ его, почему онъ загораживаетъ дорогу, то изъ коляски вышелъ статскій и тростью ударилъ Блехштейна по спинѣ и по головѣ такъ, что у него упала шляпа. Затѣмъ, сѣвъ въ коляску, они поѣхали по направленію къ Троицкому мосту, который былъ разведенъ; здѣсь, на мосту, Блехштейнъ догналъ коляску и, подойдя къ сидѣвшимъ въ ней, спросилъ, за что́ его прибили? Офицеръ, какъ будто принимая участіе въ немъ и негодуя на статскаго, предложилъ Блехштейну сѣсть съ нимъ въ коляску и отправиться вмѣстѣ въ участокъ. Блехштейнъ, разсчитывая на бла-

городство офицера и на безопасность свою подъ его защитою, имѣлъ неосторожность сѣсть въ коляску; коляска поѣхала назадъ, въ паркъ, и тутъ офицеръ сталъ наносить Блехштейну удары по лицу эфесомъ сабли, а статскій—кулаками, и, наконецъ, оба выбросили его изъ коляски на всемъ ходу на мостовую, а сами уѣхали. По полицейскому дознанію оказалось, что лица, ѣхавшія въ колескѣ, были: корнетъ Николай Савинъ и окончившій курсъ въ университетѣ Александръ Сущовъ.

Въ ту же ночь, ранѣе этого случая, Сущовъ и Савинъ произвели буйство на Каменно-Островскомъ мосту. Дѣло было такъ: по мосту шли коллежскій ассесоръ Винокуровъ и сынъ чиновника Казанцевъ; ихъ обогнала коляска, въ которой сидѣли Савинъ, Сущовъ и братъ Савина, которые закричали на шедшихъ: «мазурики идутъ пѣшкомъ», на что Винокуровъ отвѣтилъ словомъ «молчать». Вслѣдъ затѣмъ, коляска остановилась, изъ нея вышелъ Сущовъ и сталъ наносить Винокурову удары тростью и, сбивъ съ головы его шляпу, бросилъ ее въ Неву; на крикъ Винокурова выскочили изъ коляски Савинъ и братъ его. Корнетъ Савинъ, обнаживъ саблю, сталъ ею наносить удары Винокурову, причемъ разсѣкъ ему правую руку и плечо и разорвалъ пальто. Затѣмъ всѣ трое сѣли въ коляску и ускакали въ карьеръ по направленію къ парку. Вслѣдствіе этого, полиція возбудила преслѣдованіе противъ корнета Савина и Александра Сущова за буйство.

Всѣ эти безобразія, о которыхъ я разсказываю, случились въ продолженіи всего двухъ мѣсяцевъ—іюня и іюля. И всѣ они, замѣтьте, учинены людьми цивилизованными, въ томъ числѣ двое—адвокатъ Г—кій и Сущовъ кончили курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, другіе двое, ихъ же имена ты, Господи, вѣси, принадлежатъ, очевидно, къ знатнымъ фамиліямъ. А развѣ я все разсказалъ, что случилось въ теченіи двухъ этихъ мѣсяцевъ?—я не разсказалъ и десятой, можетъ быть, двадцатой или сотой доли того, что было. Я говорилъ пока только о безобразіяхъ частныхъ лицъ, и то не о всѣхъ, которыя были публикованы, а только о нѣкоторыхъ по выбору. А сколько случилось въ этотъ короткій промежутокъ времени безобразій, которыя не попали въ печать и остались извѣстны только на мѣстѣ происшествія? — Обойдите всю Европу, отъ Атлантическаго океана до Понта Евксинскаго и отъ Средиземнаго моря до моря Сѣвернаго и вѣрьте мнѣ, что вы не найдете страны, гдѣ бы въ теченіи двадцати лѣтъ случилось столько безобразій, сколько у насъ появляется ихъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ и Москвѣ и въ какихъ-нибудь еще десяти большихъ или, точнѣе сказать, бойкихъ губернскихъ городахъ.

Но если безобразія частныхъ лицъ противны и возмутительны, то во сто разъ противнѣе и возмутительнѣе безобразія людей, которые поставлены охранять общественное спокойствіе и быть для всѣхъ образцами законности. Между тѣмъ, я убѣжденъ, что едва ли гдѣ можно найдти такую грубость, дикость, самоуправство въ чиновничествѣ, какія существуютъ иногда у насъ. Я не знаю: чего не можетъ позволить себѣ у насъ грубый и недобросовѣстный чиновникъ? Что онъ можетъ не удовлетворить васъ въ томъ, что по закону составляетъ прямую его обязанность, что онъ можетъ, сверхъ того, наговорить вамъ разныхъ грубостей и оскорбленій, объ этомъ и говорить нечего... Это — самое меньшее... Что касается maximum'а, до котораго можетъ доходить иногда русскій чиновничій произволъ, то этого и опредѣлить нельзя. Вотъ, напримѣръ, что разсказываетъ въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» очевидецъ о видѣнномъ имъ въ городѣ Кременчугѣ слѣдующемъ происшествіи. Идетъ онъ по улицѣ—онъ былъ въ Кременчугѣ проѣздомъ — и видитъ: у воротъ, на лавкѣ, сидитъ рабочій, все лицо котораго, грудь, рубашка на груди и руки покрыты толстымъ слоемъ запекшейся крови. Онъ полюбопытствовалъ узнать: что это значитъ?— Тогда рабочій разсказалъ вотъ что: встрѣтился онъ на улицѣ съ своимъ товарищемъ по ремеслу и началъ укорять его въ томъ, что онъ занимается ремесломъ, не взявъ установленнаго билета. Случилось это какъ разъ противъ картиры помощника частнаго пристава 1-го участка, А—ва. Услышавъ шумъ и узнавъ, въ чемъ дѣло, А—въ зоветъ упрекавшаго рабочаго къ себѣи, ни съ того, ни съ сего, начинаетъ его бить, за то,—говоритъ,—что осмѣлился кричать подлѣ его квартиры. Натѣшившись сколько душѣ угодно, А—въ вывелъ потомъ рабочаго на крыльцо и толкнулъ его съ такою силой, что тотъ упалъ грудью на землю и тутъ же у него хлынула изо рта кровь («С.-Петербург. Вѣдомости» № 184). Вотъ вамъ и отношеніе полицейской власти къ гражданамъ!— Но здѣсь дѣйствіе происходитъ, по крайней мѣрѣ, въ далекой провинціи, въ глуши. А вотъ недавній случай, который былъ уже не въ глуши, а, такъ сказать, подъ носомъ у Петербурга. Случай этотъ разсказываетъ также очевидецъ фельетонистъ «Голоса» (№ 206). Два господина, «весьма приличной, по замѣчанію фельетониста,—наружности», приходятъ на станцію одной загородной желѣзной дороги, заказываютъ завтракъ и сидятъ въ ожиданіи, съ одной стороны, завтрака, а съ другой парохода, на которомъ они должны ѣхать. Время прибытія парохода приближается, а завтрака не подаютъ, и въ буфетѣ нѣтъ ни хозяина, ни прислуги. Они начинаютъ стучать въ тарелку и разбиваютъ ее. Въ это время является и прислуга, и хозяинъ, и за разбитую тарелку съ нихъ требуютъ *четыре рубля!!??* Начинается споръ. Мальчикъ бѣжитъ за жандармомъ. Жандармъ является и беретъ сторону буфетчика. Раздраженные посѣтители замѣчаютъ жандарму—и весьма справедливо—что онъ является защитникомъ безпорядковъ. Жандармъ такое замѣчаніе принимаетъ за оскорбленіе его при отправленіи служебныхъ

обязанностей и отправляетъ рабовъ Божіихъ подъ конвоемъ въ петергофскую часть. Два джентльмена «очень приличной наружности» посажены были въ коляску на почетное мѣсто; впереди сидѣли жандармъ и будочникъ. Въ такомъ положеніи они прослѣдовали черезъ Петергофъ, собирая толпы зрителей, и, наконецъ, были сданы въ петергофскую часть, съ таковымъ приказомъ, заявленнымъ отъ имени какого-то офицера, что они должны быть продержаны въ части до слѣдующаго дня. Къ принятію въ часть никакой бумаги, никакого протокола! Какъ! за что! про что! Арестовали, посадили до слѣдующаго дня— и шабашъ. Еслибъ когда-нибудь что-нибудь подобное случилось въ Европѣ, въ какой бы то ни было странѣ, то поднялся бы непремѣнно крикъ въ цѣлой странѣ изъ конца въ конецъ, и изъ подобнаго казуса возникъ бы вопросъ. У насъ же такое самоуправство встрѣчается сплошь и рядомъ, и къ нему такъ привыкли, что на это никто и вниманія не обращаетъ. Точно такъ это и быть должно. Даже потерпѣвшій считаетъ за лучшее никому не жаловаться и вести себя такъ, какъ будто съ нимъ ничего не случилось. Въ томъ же фельетонѣ «Голоса» разсказывается, напримѣръ, слѣдующій случай: одна дама шла отъ портного съ сшитою для мужа шинелью. Городовой заподозрилъ ее въ воровствѣ, свезъ въ участокъ и тамъ, если не посадили ее въ кутузку впредь до удостовѣренія въ личности, какъ это обыкновенно дѣлается, то только потому, что нашли у ней книжку текущаго счета на нѣсколько десятковъ тысячъ! Можно съ ума сойдти отъ подобнаго оскорбленія— а между тѣмъ, что сдѣлаешь? — Погорячились было сначала и мужъ, и жена, хотѣли жаловаться, но... но... потомъ отдумали, потому, дескать, что городовой тутъ ни въ чемъ не виноватъ, а у насъ обыкновенно такіе полицейскіе порядки!! Хороши порядки, при которыхъ вы рискуете каждный день ни за что, ни про что ночевать при части въ какой-то *темной*.

Кстати здѣсь сказать нѣсколько словъ объ этихъ темныхъ при нашихъ частяхъ. Кто живетъ въ Петербургѣ давно, тотъ, вѣроятно, въ прежнее время, слыхалъ объ ужасахъ, совершавшихся въ этихъ темныхъ. Извѣстно, что, какъ теперь, такъ и въ прежнее время, полицейскимъ приставамъ было запрещено лично расправляться съ попадающими въ часть субъектами вообще, а тѣмъ болѣе съ субъектами изъ «благородныхъ». Между тѣмъ, полицейскіе пристава самоличную расправу находили иногда положительно необходимою и чаще всего иногда именно относительно субъектовъ благородныхъ. Или личность попадалась очень дерзкая, говорила приставу, можетъ быть, и справедливыя, но непріятныя вещи, или принадлежала эта личность къ числу такихъ, на которыхъ приставъ давно уже, что называется, грызъ зубъ. Тогда приставъ распоряжался отвести эту личность въ темную и, подъ рукою, кому слѣдуетъ, давалъ приказаніе помять ей тамъ бока. Это приказаніе выполнялось вообще усердно, а иногда это усердіе доходило до того, что были и совсѣмъ несчастные случаи. — Мы думали, что, со времени судебной реформы, послѣ новой организаціи петербургской полиціи, поставленной очень прилично, прежнія *темныя* давно уже исчезли въ Петербургѣ и самое преданіе о ихъ ужасахъ скоро исчезнетъ. Какъ вдругъ, на дняхъ, встрѣчаемъ извѣстіе, что онѣ процвѣтаютъ и теперь, и что тамъ и теперь... Но будемъ лучше разсказывать по порядку. Взяты были въ 1-й участокъ петербургской части отставной подпоручикъ Иванъ Демидовъ и товарищъ его Ивановъ, за то, что въ пьяномъ видѣ они произвели какой-то скандалъ на минеральныхъ водахъ, причемъ подпоручикъ нанесъ, будто бы, оскорбленіе дѣйствіемъ. У мирового судьи, къ которому на разсмотрѣніе поступило это дѣло, подпоручикъ Демидовъ показалъ, что, когда, при составленіи протокола, онъ дѣлалъ замѣчанія противъ тѣхъ показаній, которыя противъ него заявлялись, то составлявшій протоколъ помощникъ пристава «кричалъ на него, чтобы онъ молчалъ, обращался съ нимъ крайне грубо и, когда онъ продолжалъ защищать себя, приказалъ его вытащить въ другую комнату, гдѣ городовые и околодочные смѣялись надъ нимъ, ругали его и его товарища, пинали и били. Затѣмъ, онъ и Ивановъ были посажены въ *темную*, и, когда онъ требовалъ его выпустить, такъ какъ онъ— офицеръ, то его городовые такъ избили, что разсѣкли губу, подбили оба глаза и его изъ темной перевели въ пріемный покой, и что, можетъ быть, защищаясь отъ побоевъ, онъ задѣлъ какъ-нибудь городового». Самому Демидову можно было бы, пожалуй, и не повѣрить. Но слова его вполнѣ подтверждаетъ сторонній свидѣтель Зуевъ, который показываетъ, что «помощникъ пристава грубо обращался съ подсудимымъ и совершенно неосновательно приказалъ вытащить Демидова въ другую комнату, дверь въ которую была заперта, но изъ которой потомъ, когда увели туда Демидова и Иванова, слышенъ былъ голосъ перваго: «оставьте», «больно», «ой», «бьютъ» и проч. («Новое Время», № 182-й). И такъ, сомнѣнія нѣтъ, что темныя при петербургскихъ частяхъ существуютъ и теперь, что онѣ, какъ и прежде, находятся въ полномъ распоряженіи полицейскихъ приставовъ и что тамъ, по распоряженію послѣднихъ, могутъ бить всякаго попавшагося туда, сколько душѣ угодно Въ дѣлѣ Демидова еще счастье, что случился сторонній свидѣтель; приставъ, болѣе осмотрительный, такой оплошности не допустилъ бы — и тогда поди жалуйся, говори, что хочешь! Кто повѣритъ, что ты былъ оскорбленъ, обругавъ, избитъ, даже искалѣченъ! Показанія всѣхъ полицейскихъ будутъ противъ тебя! Мы удивляемся, что такой опытный и съ такою энергіею заботящійся объ искорененіи полицейскихъ злоупотребленій начальникъ полиціи, какъ нынѣш-

ній петербургскій градоначальникъ, до сихъ поръ не пришелъ къ мысли о необходимости не только уничтоженія темныхъ при полицейскихъ частяхъ, но къ изъятію вообще изъ рукъ полиціи непосредственнаго завѣдыванія тюрьмами. Это, вообще — анахронизмъ при нынѣшнемъ порядкѣ судопроизводства, чтобы тоже самое лицо, которое обвиняетъ, держало обвиняемаго непосредственно въ своихъ рукахъ, безъ всякаго почти сторонняго надъ собою контроля. Раздраженный обвинитель можетъ наказывать тѣмъ или другимъ способомъ обвиняемаго, при самомъ содержаніи его въ заключеніи, совершенно самоуправно. Злоупотребленій этого рода невозможно предупредить, какъ бы зорко ни смотрѣло за этимъ подлежащее начальство. Уничтожить ихъ есть только одно средство—это изъять всѣ мѣста заключенія изъ непосредственнаго завѣдыванія полицейскихъ чиновъ и передать ихъ въ веденіе особаго, самостоятельно и совершенно отдѣльно отъ полиціи постановленнаго тюремнаго начальства, подъ контролемъ прокурорской власти. Полицейская власть будетъ имѣть право только арестовать обвиняемаго, составить о немъ протоколъ и затѣмъ немедленно передать въ руки тюремнаго начальства.

Но я уклонился отъ моего предмета и возвращаюсь теперь снова къ нему. Всѣ наши безобразія, происходящія, какъ въ чиновномъ, такъ и нечиновномъ мірѣ, имѣютъ свой корень въ отсутствіи у насъ всякаго общественнаго контроля надъ личностію и не искоренятся до тѣхъ поръ, пока не создатся этотъ контроль. Общественный контроль, существующій въ Европѣ, не только предупреждаетъ злоупотребленія, не даетъ никому, по крайней мѣрѣ, нагло и съ цинизмомъ, какъ у насъ, топтать всѣ принципы справедливости по отношенію къ другимъ: онъ мало-помалу поднимаетъ нравственный уровень цѣлаго общества, создаетъ и воспитываетъ людей, для которыхъ справедливость обращается въ привычку, для которыхъ сознаніе этой справедливости въ своемъ образѣ дѣйствій и оцѣнки ея обществомъ становится выше всего. Какой-нибудь даровитый инженеръ не щадитъ ни трудовъ, ни времени, употребляетъ всѣ усилія, чтобы самымъ экономическимъ образомъ на ассигнованную сумму соорудить монументальный мостъ черезъ Рейнъ — въ надеждѣ, что общество почтитъ его знакомъ своего вниманія. И какъ бываетъ радъ, когда благодарное общество поставитъ въ честь его маленькую колонку, съ надписью его имени. Этой колонки, которая не стоитъ, можетъ быть, и 1,000 талеровъ, онъ не промѣняетъ на милліоны. Наши строители за такой знакъ общественнаго вниманія не только не стали бы строить моста безкорыстно, но не дали бы и сотой доли изъ того, что намѣтили хапнуть. Они сочли бы гораздо болѣе практичнымъ половину денегъ, назначенныхъ на постройку, положить себѣ въ карманъ, а на другую построить самый скверный мостъ.

Положимъ, что нравственность, которая водится указанными мною мотивами, нельзя назвать нравственностью особенно высокой пробы; но, во всякомъ случаѣ, страна, гдѣ и такая нравственность вошла въ жизнь, гдѣ она сдѣлалась болѣе или менѣе общею, находится на хорошемъ пути. Очевидно, что общество пріобрѣло уже здѣсь высокій нравственный авторитетъ, что оно всѣми уважается, что передъ его мнѣніемъ и требованіями стушевываются и богатство, и сила. Тутъ есть гарантія справедливости для всѣхъ и во всѣхъ случаяхъ жизни: касается ли дѣло безопасности личности, кошелька, чести и т. п. Въ сравненіи съ такою страною наша страна, гдѣ нѣтъ почти никакой нравственной закваски, гдѣ общество находится въ ничтожномъ, ползающемъ состояніи, гдѣ нѣтъ никакихъ границъ для дикости чиновнаго произвола, гдѣ богатство имѣетъ привилегію чуть не открытаго грабежа—не можетъ быть иначе названа, какъ страною полудикою. Намъ еще долго придется поработать надъ собою, чтобы достигнуть той ступени въ своемъ моральномъ развитіи, на которой давно уже стоитъ Европа. Пока мы еще, повидимому, не сознали и нужды въ этомъ,—вслѣдствіе этого или не примѣчаемъ нашей моральной распущенности, или относимся къ ней весьма благодушно. Прискорбно видѣть, что даже руководящіе элементы въ странѣ, съ должнымъ усердіемъ иногда энергически заботящіеся о поднятіи въ ней разныхъ отраслей и видовъ культуры, совершенно игнорируютъ тѣ обыденныя безнравственныя отношенія, которыя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе деморализируютъ страну сверху до низу, угрожая обратить ее совсѣмъ въ какое то безсудное царство. Но въ особенности прискорбно смотрѣть, когда сами руководящіе элементы общества начинаютъ дѣйствовать на общественную нравственность разлагающимъ образомъ.

Къ числу руководящихъ элементовъ въ обществѣ я отношу какъ всѣ вліятельные интеллигентные элементы, къ какой бы сферѣ общества они ни принадлежали, такъ и всѣ элементы управляющіе, въ рукахъ которыхъ централизуется цѣлое управленіе или часть какого нибудь управленія, принадлежатъ ли эти элементы къ сферѣ правительственной дѣятельности или частной дѣятельности. На сей разъ я представлю нѣсколько развращающихъ примѣровъ изъ дѣятельности элементовъ управляющихъ. Я буду говорить о мелочахъ; но читатель увидитъ, что эти мелочи по принципу, который лежитъ въ ихъ основѣ,—вовсе не мелочи, что въ такихъ мелочахъ скрывается корень развращающаго общественнаго вліянія.

Пріѣзжаю я нынѣ на станцію петербургско-варшавской желѣзной дороги и требую два билета 2-го класса до Берлина. «74 р. 58 к.»,—говоритъ кассиръ. Я плачу деньги и беру билетъ. Смотрю билетъ: на билетѣ напечатано, что онъ стоитъ 18 р. 95 к. и 16 талеровъ 15 грошей.

Я сталъ считать: по какому курсу главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ принимаетъ наши рубли? Я выѣзжалъ изъ Петербурга 8-го іюля; справился въ газетѣ того дня, какъ стоитъ на берлинской биржѣ русскій рубль; оказалось, что тамъ даютъ за 100 р. 280 марокъ, т. е. русскій рубль стоитъ ровно 28 грошей. По этому курсу, за 16 талеровъ 15 грошей мнѣ русскими деньгами слѣдовало бы заплатить 17 р. 75 к. Складывая эту сумму съ 18 р. 95 к., получимъ цѣнность одного билета въ 36 р. 70 к,, а двухъ билетовъ—въ 73 р. 40 к. А съ меня взяли 74 р. 58 к:, т. е. 1 р. 18 к, взяли лишнихъ. Съ меня лично взято, положимъ, немного; но, если сосчитать тысячи проѣзжающихъ, то наберется очень много. Я не знаю, куда общество дѣваетъ эти излишне, не по дѣйствительному курсу взятыя деньги; но куда бы оно ихъ ни дѣвало, это все равно. Если оно даритъ ихъ безразчетно, съ обычною русскою щедростію нѣмцамъ, то поступаетъ дурно, обирая своихъ въ пользу чужихъ. Если оно кладетъ эти деньги себѣ въ карманъ, это и того хуже: это—уже совсѣмъ безцеремонное опустошеніе кармановъ своихъ ближнихъ, и примѣръ подобнаго открытаго обиранія, производимаго цѣлымъ обществомъ, никакъ не можетъ дѣйствовать благотворнымъ образомъ на общественную нравственность. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣлое общество, находящееся подъ контролемъ правительства, нисколько не стѣсняясь, срываетъ съ каждаго проѣзжающаго, что ему вовсе не слѣдуетъ, то что-жъ частному то лицу зѣвать?—Ему ужъ, какъ говоритъ пословица, и Богъ велѣлъ. Намъ могутъ возразить, что не можетъ общество гоняться за курсомъ и ежедневно повышать и понижать цѣну билетовъ, смотря по его повышенію и пониженію. Оно, по необходимости, на извѣстный срокъ должно установлять какую нибудь свою норму въ мѣняющемся постоянно курсѣ и ея держаться. Положимъ, такъ. Но курсъ нашихъ денегъ, во всю нынѣшнюю весну и лѣто, былъ постоянно хорошъ и постоянно былъ выше 28 грошей за рубль. Слѣдовательно, общество имѣло постоянно *плюсъ* на курсѣ и никогда *минусъ*. Мы думаемъ, что общество никогда и не допуститъ себя заплатить ни одного минуса въ курсѣ, сколько бы оно ни собирало плюсовъ; какъ только сколько-нибудь понизится курсъ нашихъ денегъ противъ той нормы, которую оно установило, оно немедленно подниметъ эту норму. Такимъ образомъ, отъ курса, произвольно имъ устанавливаемаго, общество всегда имѣетъ одни плюсы или, говоря другими словами: проѣзжающіе за границу постоянно платятъ ему *дикую* пошлину ни за что, ни про что. Названіе дикой эта пошлина заслуживаетъ не потому только, что берется ни за что, ни про что, но и потому, что она берется насильственно, безъ всякаго согласія со стороны проѣзжающихъ. Что я могу сказать кассиру, который съ меня требуетъ 74 р. 58 к. за два билета, еслибы я не хотѣлъ цѣнить своего рубля ниже 28 грошей? Ничего—я долженъ или отдать требуемыя деньги, или не ѣхать. Но мнѣ необходимо ѣхать, и я ихъ отдамъ. Еслибы онъ, вмѣсто 74 р. 58 к. потребовалъ съ меня 76 р., 77 р., я все равно ему бы ихъ отдалъ, и не остался бы изъ-за лишнихъ двухъ или трехъ рублей въ Петербургѣ! Но спрашиваю я васъ: развѣ это—порядокъ? Развѣ такъ должно вестись дѣло въ сколько-нибудь благоустроенномъ обществѣ, у котораго есть какое-нибудь уваженіе къ самому себѣ и, при этомъ, хотя самая незначительная доза вниманія къ чужому кошельку или, что тоже, уваженія чужой собственности, о которомъ такъ много кричатъ современные плутократы и консерваторы? Кассиръ такого громаднаго учрежденія, какъ главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, который каждому проѣзжающему говоритъ: дайте мнѣ ни за что, ни про что рубль или полтора, или вы не поѣдете, чѣмъ онъ въ существѣ дѣла отличается отъ тѣхъ страшныхъ лѣсныхъ незнакомцевъ, которые останавливаютъ проѣзжающаго и говорятъ ему: вашъ кошелекъ или вы не поѣдете? По моему мнѣнію, ничѣмъ, кромѣ того, что первый дѣйствуетъ открыто, прикрываясь, нисколько, впрочемъ, въ дѣйствительности непокрывающимъ его закономъ, обираетъ всякаго, собирая такимъ образомъ, можетъ быть, десятки и сотни тысячъ рублей, а послѣдніе дѣйствуютъ тайкомъ, урывками, подвергаясь каждый разъ опасности отвѣтить своей шкурой за взятое, и собираютъ какіе-нибудь десятки, много сотни рублей. Такого непріятнаго сравненія, конечно, никогда не приходило на мысль главному обществу желѣзныхъ дорогъ, хотя сравненіе это и вполнѣ соотвѣтствуетъ сущности дѣла. Но нѣтъ сомнѣнія, что и главному обществу желѣзныхъ дорогъ приходитъ же иногда на мысль, что на курсѣ оно собираетъ лишнія деньги, которыя ему не принадлежатъ, которыя оно собираетъ ни за что, ни про что; нѣтъ сомнѣнія также, конечно, и въ томъ, что главному обществу желѣзныхъ дорогъ не безъизвѣстно, что чужихъ денегъ присвоивать себѣ не слѣдуетъ, что это, по меньшей мѣрѣ, не комильфотно, не говоря уже о томъ, что, поступая такъ, оно, въ качествѣ общества привилегированнаго, находящагося при томъ подъ контролемъ правительства, подаетъ дурной примѣръ и урокъ частнымъ лицамъ относительно уваженія чужой собственности. Почему же, спрашиваю я, главное общество до сихъ поръ не позаботилось о томъ, чтобы устранить отъ себя такое несомнѣнно позорящее его нареканіе, какъ насильственное взиманіе чужихъ денегъ? Сдѣлать это оно могло бы очень легко. Если оно было вынуждено необходимостію установлять произвольный курсъ и брать лишнія деньги, оно могло вести счетъ остающимся лишнимъ деньгамъ, и всю сумму этихъ лишнихъ денегъ полностію отдавать, по истеченіи каждаго года, въ какое нибудь благотворительное учреж-

деніе, объявляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, объ этомъ во всеобщее свѣденіе. Если вести подобный счетъ излишне получаемымъ деньгамъ очень затруднительно или совершенно невозможно, то оно давно могло бы поставить себя, по крайней мѣрѣ, въ такое положеніе, чтобы всѣ видѣли, что, если оно беретъ лишнія деньги, то беретъ не насильственно, а по доброй волѣ самихъ проѣзжихъ. Для этого стоило ему только публиковать въ газетахъ и прибить вездѣ на станціяхъ своихъ желѣзныхъ дорогъ объявленія, что деньги отъ Эйдкунена до Берлина желающіе могутъ уплачивать талерами, марками, вообще нѣмецкою монетою; кромѣ того, обязать кассира тоже самое предъявлять каждому проѣзжающему, который беретъ заграничный билетъ. Тогда было бы въ волѣ всякаго проѣзжающаго или запасаться нѣмецкими деньгами, или платить русскія деньги по курсу, устанавливаемому обществомъ. Но тогда на общество не могло бы быть нареканій, и оно, въ этомъ случаѣ, не преподавало бы своею дѣятельностію дурныхъ уроковъ насчетъ отношенія къ чужой собственности.

Но очевидно, что уровень нашей моральной жизни такъ еще низокъ, что даже руководящіе элементы въ обществѣ не доросли до того, чтобы заботиться о подобныхъ пустякахъ. Они продолжаютъ смотрѣть на комерцію такъ точно, какъ смотрѣли и смотрятъ на нее старые лавочники и сидѣльцы. Почему же, дескать, не обмѣрить, не обвѣсить, не взять лишняго, если это возможно? Это, дескать, дѣло не только не дурное, а и хорошее, ибо выгодное. Въ такомъ же точно направленіи, какъ главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, дѣйствуютъ и управленія другихъ желѣзныхъ дорогъ. Изъ Сестрорѣцка отъ 10-го іюля пишутъ въ «Голосъ» (№ 194), что, едва лишь участокъ желѣзной дороги отъ станціи Бѣлоострова до Сестрорѣцка перешелъ изъ вѣденія общества финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ въ «вѣденіе общества сестрорѣцкой желѣзной дороги и порта», какъ сейчасъ повѣяло русскимъ духомъ. Этотъ русскій духъ, какъ и слѣдовало ожидать, немедленно выразился въ безцеремонномъ обираніи ни за что, ни про что и полномъ произволѣ. До сихъ поръ, пишетъ корреспондентъ, по правиламъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ выгрузка вагоновъ съ доставленнымъ на сестрорѣцкую станцію товаромъ предоставлялась на волю получателей, которые, по своему усмотрѣнію, могли производить ее собственными средствами или обращаться къ содѣйствію управленія дороги, платя въ послѣднемъ случаѣ извѣстную, опредѣленную таксою сумму. Новое управленіе дороги присвоило себѣ монополію выгрузки товаровъ, обязавъ всѣхъ безъ различія платить по 1 р. 50 к. съ каждаго полученнаго вагона товаровъ. Но, установляя этотъ произвольный налогъ, оно не позаботилось, чтобы фактически разгрузка производилась своевременно, успѣшно и безъ ущерба цѣлости товаровъ, потому что оно не имѣетъ правильно организованной для этой цѣли артели рабочихъ, а производитъ выгрузку домашними средствами, въ часы досуга, или неумѣлыми руками солдатъ мѣстной команды, нанимаемыхъ поденно за дешевую плату». Отъ этого происходятъ слѣдующія безсмыслицы и безобразія: 1) почти каждый товароотправитель дважды оплачиваетъ разгрузку товаровъ, потому что подождетъ, подождетъ, пока общество найдетъ удобнымъ для себя заняться разгрузкою его товаровъ, да и наймет самъ рабочихъ; 2) привезти вагонъ иного товару, напримѣръ кирпича, стóитъ 1 р., а разгрузить его стóитъ 1 р. 50 к.; 3) порча и ломка цѣнныхъ вещей неумѣлыми разгрузителями, за что, однакожъ, правленіе дороги отвѣчать не хочетъ. «На-дняхъ, разсказываетъ корреспондентъ, на станцію прибылъ съ товарнымъ поѣздомъ шкафъ; владѣлецъ шкафа пожелалъ самъ выгрузить его изъ вагона, но, по обыкновенію, начальство дороги воспротивилось этому и, взыскавъ 1 р. 50 к., принялось выгружать своими рабочими. Въ шкафѣ послѣ выгрузки оказались разломанными стѣнка и карнизъ; владѣлецъ потребовалъ вознагражденія, но начальство дороги отказало ему въ этомъ наотрѣзъ!»

Отъ желѣзныхъ дорогъ, находящихся уже въ дѣйствіи, эксплуатируемыхъ, я перейду теперь къ желѣзнымъ дорогамъ строющимся, гдѣ обираніе ближнихъ производится еще безцеремоннѣе. Дороги эксплуатируемыя, хотя и взимаютъ дикія дани то съ товароотправителей, то съ пассажировъ, т. е. дани ни за что, ни про что и насильственно, но взимаютъ ихъ все-таки подъ предлогомъ услугъ, хотя таковыхъ онѣ въ дѣйствительности не дѣлаютъ,— на дорогахъ строющихся зачастую производится настоящій грабежъ. То и дѣло вы читаете въ газетахъ, что на такой-то дорогѣ были набраны сотни или тысячи рабочихъ: помѣщеній у нихъ не было, кормили ихъ гнилой пищей или вовсе не кормили, денегъ не платили, ходили они жаловаться, но все равно ничего не получили, а работать ихъ снова заставили и т. д. Наконецъ, по поводу подобнаго отношенія къ рабочимъ на дорогѣ, строющейся между Бузулукомъ и Оренбургомъ, произошла цѣлая исторія. Въ заимствованномъ изъ «Голоса» извлеченіи «С.-Петербугскихъ Вѣдомостей» (№ 177) исторія эта передается слѣдующимъ образомъ:

«На линіи отъ Бузулука до Оренбурга случилось очень непріятное, крайне тяжелое обстоятельство, кончившееся тѣмъ, что работниковъ желѣзнодорожныхъ и землекоповъ начали наказывать на полотнѣ желѣзной дороги, ими же самими изрытомъ. Объ этомъ фактѣ изъ вполнѣ достовѣрнаго источника извѣстно слѣдующее:

«Земляныя работы по оренбургской желѣзной дорогѣ взялъ на себя одинъ инженеръ-строитель и, говорятъ, очень дешево, по 1 р. 60 к. за кубическую сажень. На выручку инженера, какъ всегда, явились пособники-аферисты, и хотя они отъ строителя установленной довѣренности не

получили и контрактами не обязались, но, тѣмъ не менѣе, не дремали: раннею весной (въ апрѣлѣ и маѣ), агенты этихъ пособниковъ бросились на всѣ рынки Поволжья и въ Москву, обѣщая золотыя горы работникамъ; въ первую руку по 120 руб. за лѣто, во вторую—по 95 р. и въ третью—по 70 р. Они быстро находили рабочихъ и, забирая ихъ паспорты, мчались дальше. Когда наемъ кончился, «рядчики» распорядились увезти рабочихъ съ первою навигаціей въ Самару, обѣщаясь, разумѣется словесно, путевыя и харчевыя издержки принять на свой счетъ; самый же наемъ по разсчетнымъ книжкамъ заключить въ Самарѣ или по прибытіи на мѣсто. Къ половинѣ мая масса рабочихъ была уже на мѣстахъ; но обѣщанныхъ условій и даже паспортовъ «рядчики» не привозили. Ждетъ эта масса день, два, ждетъ три, четыре, наконецъ, недѣли проходятъ—нѣтъ ни паспортовъ, ни условій. Между тѣмъ, работы начались, и рабочіе, безъ сомнѣнія, работали бы терпѣливо и мирно до сей поры, еслибъ не случилось слѣдующаго обстоятельства. Прежде всего, рабочіе почувствовали невозможность жить безъ барачныхъ помѣщеній, питаться гнильемъ, которымъ ихъ кормили изо-дня въ день; рабочіе не могли также оставаться равнодушными къ безчисленному множеству хозяевъ на линіи желѣзной дороги: они поняли всю ненадежность этихъ хозяевъ, отлынивающихъ отъ платы. Затѣмъ, оказалось, что нѣтъ паспортовъ, взятыхъ у рабочихъ «рядчиками», нѣтъ обѣщанныхъ условій съ разсчетными книжками, и одинъ изъ пособниковъ гдѣ то скрывается. Послѣ всѣхъ неожиданностей для рабочихъ, имъ объявляютъ, что: за прокормъ въ пути, провозъ и обувь будетъ взыскано съ нихъ; за дни, проведенные въ исправленіи тачекъ и другихъ инструментовъ, а также за всѣ дождевые дни, платы не полагается; съ рабочей платы будетъ вычтено по 25 к. за прописку паспортовъ и за разсчетную книжку; разсчесть рабочаго «рядчики» могутъ, когда имъ вздумается; рядная плата будетъ выдаваема не по рукамъ (120 р., 95 р. и 70 р., въ лѣто), а одинаковая для всѣхъ—по 70 р. въ лѣто и т. п. Въ этомъ именно смыслѣ агенты стали выдавать и книжки, но рабочіе не согласились: недолго думая, они явились съ жалобой къ различнымъ властямъ и просили разобрать ихъ «горькое положеніе», заставить ихъ рядчиковъ заключить условіе «по-божески». Такъ какъ отвѣты на просьбы рабочихъ тянулись, то многіе изъ нихъ совсѣмъ забастовали и требовали выдачи своихъ паспортовъ. Власти участіе въ этомъ дѣлѣ приняли; 28-го, 29-го, 30-го и 31-го мая шли «спросы», «опросы» и отсыланіе рабочихъ на работу, нерѣдко съ помощью принудительныхъ мѣръ. Но работники твердили одно: «Не вѣримъ рядчикамъ; разберите наше дѣло въ подробностяхъ...» 5-го іюня, генералъ-губернаторъ нарядилъ по этому дѣлу особую коммиссію съ порученіемъ разобрать претензіи рабочихъ на мѣстѣ и наблюдать за работами, за частью санитарной и продовольственной, до назначенія особой желѣзно-дорожной полиціи отъ правительства. Коммиссія, въ лицѣ одного генерала, состоящаго въ распоряженіи генералъ-губернатора, одного совѣтника губернскаго правленія, уѣзднаго исправника, уѣзднаго врача и жандармскаго полковника, немедленно открыла свои дѣйствіи. Явившись на линію, коммиссія, дѣйствительно, узнала, что дѣло не ладно: забастовало около 800 рабочихъ. Выборные отъ рабочихъ съ разныхъ пунктовъ подтвердили свои жалобы, и всѣ единогласно заявили, что агенты подрядчика обманули ихъ. «Рядчики», однако, не смутились: они толковали свое, утверждая, что наняли рабочихъ по письменнымъ договорамъ и что рабочіе, не принимающіе разсчетныхъ книжекъ, просто бунтуютъ. Какъ бы то ни было, но дѣло дошло то того, что на сцену явилась, наконецъ, и военная команда. Вечеромъ, 8-го іюня, стрѣлковая рота баталіона № 4-й, въ числѣ 160 человѣкъ и 185 казаковъ, прибывшая подъ начальствомъ мѣстнаго губернатора (онъ же и наказный атаманъ оренбургскаго казачьяго войска), оцѣпила бараки въ урочищѣ «Кривой Вязъ». Зачинщики, въ числѣ 15 человѣкъ, были наказаны и высланы въ Архангельскую губернію.»

Мы не будемъ входитъ въ разсмотрѣніе уголовной стороны этой исторіи. Она—точно такая же, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ исторіяхъ. Въ концѣ ихъ дѣлаются несомнѣнно виноватыми рабочіе, потому что, раздраженные, не находя нигдѣ должнаго удовлетворенія своимъ жалобамъ, вполнѣ справедливымъ, они доходятъ до разныхъ эксцессовъ и учиняютъ безпорядки. Но въ началѣ, въ происхожденіи исторій, виноваты не они, а тѣ, которые ихъ обманываютъ, обсчитаваютъ, держатъ въ проголодь. Исторіи эти легко было бы предупредить разъ навсегда, сдѣлавъ за нихъ отвѣтственными какъ уголовно, такъ и имущественно, желѣзнодорожныя управленія; они раздаютъ подряды на работы, они должны имѣть и инспекцію надъ подрядчиками, чтобы послѣдніе давали должное помѣщеніе рабочимъ, кормили ихъ, какъ слѣдуетъ, и платили деньги исправно. Съ такимъ условіемъ должны были бы отдаваться и заключаться всѣ подряды. Теперь же рабочіе, взятые на строеніе желѣзной дороги, представляютъ подобіе людей, лишенныхъ покровительства закона. Куда и кому въ степи пойдутъ они жаловаться въ случаѣ дурного помѣщенія, дурной пищи, неуплаты во время заработанныхъ денегъ? Изо дня въ день они тянутъ работу, обнадеживаемые каждый день своими рядчиками или ихъ приставниками, что, вотъ, дескать, скоро все поправится, и они получатъ полное удовлетвореніе. А въ концѣ концовъ, ихъ обманываютъ и обсчитываютъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Рабочіе начинаютъ искать

правды на своихъ обидчиковъ и раззорителей и удовлетворенія, но, потаскавшись напрасно по разнымъ инстанціямъ, естественно, раздражаются. И желѣзнодорожное управленіе, поставившее такихъ рядчиковъ, остается не причемъ: точно не его дѣло тутъ. А между тѣмъ, вѣдь, согласитесь съ тѣмъ, что дѣйствуй желѣзнодорожное управленіе иначе, нанимай за надлежащую цѣну хорошихъ рядчиковъ съ обязательствомъ удовлетворять рабочихъ исправно и смотри за этимъ — ничего бы этого не было. Выходитъ, что болѣе всѣхъ виновные, желѣзнодорожное управленіе и рядчики, заваривъ кашу, ничего отъ этого другого не получаютъ, кромѣ пріятнаго утолщенія своихъ кармановъ; виновные, такъ сказать, поневолѣ рабочіе одни подвергаются наказанію или раззоряются. Такимъ образомъ, совершается величайшая общественная неправда; если бы мы обладали ясновидѣніемъ и могли предвидѣть и исчислить всѣ послѣдствія, какія влекутъ за собой подобныя неправды въ будущемъ, мы, можетъ быть, не пожалѣли бы половины стоимости того участка, на которомъ производились работы, чтобы вполнѣ удовлетворить и успокоить обиженныхъ рабочихъ. Подумайте: 800 человѣкъ рабочихъ уносятъ съ собой по домамъ живое и горькое впечатлѣніе совершонной надъ ними неправды. Не говоря уже о томъ, что они съ озлобленіемъ будутъ разсказывать объ этомъ тысячамъ людей, многіе изъ нихъ сами, смотря по большей или меньшей впечатлительности организаціи, могутъ дойдти, Богъ знаетъ, до какой философіи, отправляясь изъ того опыта, что у насъ правды нигдѣ не найдешь... А вы потомъ удивляетесь: отчего у насъ воровство, грабежи, убійства, обманы и т. п.!

Въ происшествіяхъ подобнаго рода, когда они случаются, у насъ обыкновенно не обращается никакого почти вниманія на ту сторону дѣла, о которой мы говоримъ, а главнымъ образомъ имѣется въ виду изслѣдовать: нѣтъ ли тутъ чего нибудь подобнаго движеніямъ западнымъ? И именно въ предупрежденіе послѣдняго рода движеній на будущее время, непосредственные виновники собственно безпорядковъ подвергаются обыкновенно строгому наказанію. Между тѣмъ въ дѣйствительности, такое отношеніе къ дѣлу можетъ не предупреждать эти движенія, а приготовлять для нихъ въ будущемъ почву, порождая и возбуждая въ массахъ ропотъ, недовольство и недовѣріе къ общественной справедливости.

Намъ слѣдовало бы представить теперь примѣры того, какъ часто и въ собственно чиновномъ мірѣ руководящіе элементы вліяютъ разлагающимъ образомъ на общественную нравственность; но предметъ заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, и потому мы отлагаемъ его до другого времени.

Октябрь 1876.

Мнѣніе одного отставного чиновника о современномъ прогрессѣ и о томъ, какъ этотъ прогрессъ проявляется въ жизни,—въ земствѣ,—въ судебныхъ и другихъ учрежденіяхъ,—въ адвокатурѣ,—въ отношеніи современнаго общества къ дѣлу,—въ крестьянскомъ вопросѣ,—въ литературѣ.—Творящій хаосъ и сила вещей.—Учрежденіе коммиссіи по вопросу о переселеніи крестьянъ.—Статья „Московскихъ Вѣдомостей“ по поводу этого извѣстія.—Еще нѣсколько словъ о сибирскомъ университетѣ.

Есть у меня одинъ знакомый отставной чиновникъ, Иванъ Тимофеичъ Готопуповъ. Службу онъ кончилъ еще при покойномъ государѣ, и лѣтъ ему уже много, но онъ еще бодръ и впечатлителенъ, интересуется всѣмъ новымъ, все читаетъ, вообще сочувственно относится къ новому времени, но иногда зло и мѣтко подсмѣивается надъ хвастовствомъ нашимъ современнымъ прогрессомъ, которое сплошь и рядомъ встрѣчается въ нашихъ газетахъ и журналахъ. «Прогрессъ-то пришелъ, замѣтилъ онъ разъ, прочитавъ при мнѣ въ какой-то газетѣ куреніе земству:—да пока мѣста не нашелъ. Потолчетесь еще долго на томъ же мѣстѣ, на которомъ и мы толклись». «Какъ, Иванъ Тимофеичъ, возразилъ я:—неужели вы тѣхъ мыслей, что мы ни пяди отъ васъ впередъ не сдѣлали, толчемся все на томъ же мѣстѣ?» — «То есть, какъ вамъ сказать? отвѣчалъ Иванъ Тимофеичъ: если говорить о мысляхъ, объ учрежденіяхъ даже, такъ движеніе есть... большое, очень большое, ну а на счетъ людей какое оно такое... разобрать трудно». «Вы хотите сказать, что, въ дѣйствительности, ничего не дѣлается?» — «Ну, н .. нѣтъ, какъ не дѣлается: движенія, пожалуй, и тутъ много, да впередъ ли, назадъ ли — не всегда разберешь... толченіе какое-то идетъ... А разницы противъ нашего времени, пожалуй, много можно найдти». — «Въ чемъ же?» — «Да, какъ вамъ сказать, въ чемъ же? Во многомъ, вдругъ всего и не сообразишь.

Во-первыхъ, воли стало больше. Вотъ теперь хоть бы я въ своемъ домишкѣ: сяду себѣ на крылечкѣ и спокойно палю папиросы, сколько мнѣ угодно. Никто не смѣетъ ко мнѣ подойти и запретить... Ну, а прежде этого нельзя было... Потомъ спички теперь также покупай и жги, сколько хочешь,—ну, а прежде спички совсѣмъ почти не позволялись, можно было только простыя сѣренки имѣть...» Я засмѣялся. «Да вы, говорю, Иванъ Тимофеичъ, просто шутите...» Иванъ Тимофеичъ улыбнулся. «Нѣтъ, говоритъ, я о папиросахъ и спичкахъ заговорилъ только такъ, къ примѣру—первое, что на мысль пришло—а такая же послаба нынѣ и во всемъ есть противу нашего времени... Немного, конечно, очень немного, а есть... Шагъ впередъ, значитъ все-таки есть. Потомъ разныя учрежденія возникли въ новое время, учрежденія безспорно образцовыя; оттого и путей нынѣ больше стало для благороднаго человѣка. Прежде благородному человѣку совсѣмъ почти некуда было дѣваться. Ни гражданская, ни военная служба не представляли ничего возвышеннаго, не могли дать служащему въ нихъ человѣку, такъ сказать, героическаго отблеска: въ одной не было ничего, кромѣ отписки и переписки, въ другой—кромѣ шагистики; при этомъ жалованье и тутъ, и тамъ было маленькое: въ одной надобно было жить взятками, въ другой—солдатскими пайками; наконецъ, и субординація въ казенной службѣ вообще была самая суровая и унизительная. Частной службы никакой не было, кромѣ откуповъ. Въ откупахъ точно было вольготно и жалованье было хорошее. Но въ наше время народъ былъ простой, въ умственной эквилибристикѣ не упражнявшійся, и никакого званія онъ не умѣлъ словесно облагородить: какое оно есть, такъ онъ его прямо по просту настоящимъ его именемъ и ляпалъ. Нынѣ вотъ каждый акцизный считаетъ себя сѣятелемъ и дѣятелемъ и такъ на себя и другихъ пріучилъ смотрѣть, а тогда откупщиковъ называли просто мытарями, и благородному человѣку не совсѣмъ ловко было въ эту службу идти. Ну, и некуда было дѣваться, хоть въ духовное званіе ступай. То ли дѣло нынѣ—раздолье для него. Всѣ службы стали, какъ прежде откупа: акцизную ли возьмемъ, таможенную ли, по путямъ ли сообщенія, судебную ли, вездѣ жалованье большое, дѣла мало, обхожденіе со стороны начальства благородное, да кромѣ того, вездѣ и мечтѣ мѣсто есть: каждый служащій считаетъ себя въ нѣкоторомъ родѣ сѣятелемъ и дѣятелемъ, на каждомъ отблескъ гражданственности сіяетъ: Россію, дескать, двигаемъ. А еще лучше нынѣ служба выборная—по самоуправленію, какъ городскому, такъ и земскому. Это—такая служба, что, кто попалъ въ нее, умирать не надо: лучше въ раю не будетъ. Первое, что тутъ хорошо —очень ужъ благородно: на своихъ выборныхъ, въ особенности земскихъ, вся Россія уже смотритъ какъ на свою надежду, какъ на спасителей отечества; это въ полномъ смыслѣ—современные герои, Иліаду о которыхъ даже вы пишете въ вашемъ журналѣ; затѣмъ: выборные люди сами себѣ назначаютъ жалованье; какое, значитъ, захочетъ, такое и положитъ—своя рука владыка; въ третьихъ, они во всемъ полные самоуправцы; для нихъ законъ не писанъ». «Какъ, Иванъ Тимофеичъ, возразилъ я, законъ не писанъ? Для выборныхъ людей, и городскихъ, и земскихъ, также есть законъ, какъ и для всѣхъ». «Есть, сударь ты мой, отвѣчалъ Иванъ Тимофеичъ, только не какъ для всѣхъ; есть очертаніе сферы ихъ дѣятельности и ограниченіе ея отъ другихъ сферъ; но внутри этой самой сферы закона, какъ я уже сказалъ, имъ не полагается и быть не можетъ; иначе бы и самоуправленія не было. У выборныхъ людей, вмѣсто закона, есть только, такъ сказать, программа ихъ занятій, которую они могутъ расширить и съузить чисто по личному усмотрѣнію. Сказано имъ, напримѣръ: ваше дѣло—заботиться о просвѣщеніи народа. Ладно. Но что значитъ заботиться о просвѣщеніи народа? когда я строю сельскую школу, я забочусь о просвѣщеніи народа; когда я строю классическую гимназію, реальное училище, я также забочусь о просвѣщеніи народа, когда я строю школу для образованія хорошихъ кухарокъ и горничныхъ, я также забочусь объ просвѣщеніи народа. Вотъ, значитъ, я и могу строить, что мнѣ Богъ на душу положитъ, по моему усмотрѣнію и разсужденію. И никто мнѣ не смѣетъ сказать: почему я на мужицкія деньги строю классическую гимназію или училище для благородныхъ дѣвицъ, въ которыхъ мужики учиться не будутъ, или почему я на тѣ же деньги учреждаю училище для образованія горничныхъ и кухарокъ, въ которыхъ мужики вовсе не нуждаются? Такъ хочу—и все тутъ. А то захочу, и никакихъ школъ вовсе не буду строить. Скажу: есть нужды поважнѣе какого нибудь образованія. Или вотъ программа говоритъ земцу: твое дѣло заботиться о дорогахъ. Но дорога всякая бываетъ: и проселочная сельская, и почтовая, и шоссейная, и желѣзная. Земецъ и говоритъ: какъ скоро мнѣ дано право строить дороги, то я могу строить какую хочу—и начинаетъ строить желѣзную, а на мужиковъ взваливаетъ гарантію. И ничего съ нимъ не подѣлаешь. Я удивляюсь, какъ до сихъ поръ ни одному земству не пришло на мысль какую нибудь воздухоплавательную машину построить. И это они могли бы. Однимъ словомъ: они теперь полные самоуправцы. Могли бы имъ только перечить мужики,—но мужики наши пока совсѣмъ безотвѣтны, и земскія кассы, составляющіяся, главнымъ образомъ, изъ взносовъ мужиковъ—самыя беззащитныя кассы въ мірѣ. Чего только не дѣлаютъ на мужицкія деньги благородные земцы и куда только не сорятъ этихъ денегъ? На мужицкія деньги возводятся классическія прогимназіи и гимназіи, создаются женскія благородныя училища, гарантируются же-

лѣзныя дороги; недавно на эти самыя деньги бугурусланское земство взялось проводить телеграфъ отъ Бугульмы до Бузулука черезъ Бугурусланъ, а орловское земство изъ этихъ денегъ тысячу рублей пожертвовало даже на герцеговинцевъ. Заманчиво должно быть для мужика, закончилъ Иванъ Тимофеичъ, съ нѣкоторою злостію, строить телеграфы, которыми онъ никогда не пользуется, и жертвовать на герцеговинцевъ, когда онъ самъ не менѣе, пожалуй, любого герцеговинца имѣетъ нужду въ помощи».

«Однако, замѣтилъ я:—вы начали, Иванъ Тимофеичъ, за здравіе, а свели за упокой. Вы начали разсказывать, въ чемъ наше время далѣе ушло вашего, а въ заключеніи у васъ выходитъ, что оно не только не ушло дальше, а, пожалуй, и отъ васъ далеко отстало».—«Нѣтъ, не выходитъ, возразилъ Иванъ Тимофеичъ:—а выходитъ именно то, что я началъ разсказывать: что вы сдѣлали шагъ впередъ передъ нами. Видите что: опека надъ народомъ должна была когда-нибудь кончиться, должно было когда-нибудь начаться самоуправленіе? Ладно. Положимъ не теперь, а черезъ сто лѣтъ оно началось бы: оно все равно не миновало бы дѣтскаго возраста. Нѣтъ сомнѣнія, что и тогда сначала стали бы тамъ и сямъ продѣлываться тѣ же глупости, которыя продѣлываются и теперь. Нельзя научиться ходить, не падая. Стало быть, въ данномъ случаѣ, самыя даже глупости, какъ принадлежность не времени только, а всякаго новаго дѣла, суть уже шагъ впередъ, ибо показываютъ, что худо ли, хорошо ли, но народъ становится на свои ноги, идетъ самъ. Для насъ и такое состояніе было идеальнымъ. Мы были просто въ лежачемъ или оцѣпенѣломъ состояніи; мы не могли даже глупостей дѣлать сами, ихъ дѣлали за насъ другіе и дѣлали въ безконечно большемъ числѣ, чѣмъ теперь, и въ безконечно безобразнѣйшемъ видѣ, чѣмъ теперь... но только въ наше время было все шито и крыто. Затѣмъ: теперь глупости глупостями, но среди нихъ, несмотря на все младенчество современнаго самоуправленія, есть много и хорошаго, и гораздо болѣе хорошаго. Народъ учится, ростетъ, привыкаетъ самъ заботиться о себѣ. Время его развитія, по крайней мѣрѣ, въ избранныхъ личностяхъ — не за горами. А разъ оно настанетъ, всѣмъ глупостямъ будетъ конецъ. Установится равновѣсіе между земскими элементами, и благороднымъ людямъ нельзя будетъ, какъ теперь, своевольно опустошать земскіе сундуки на свои прихоти. Кромѣ того, есть и другая надежда, еще болѣе пріятная. Очень возможно, что воспитается другое поколѣніе благородныхъ дѣятелей, совершенно не похожее на нынѣшнее; поколѣніе это иначе взглянетъ на свои отношенія къ народу, иначе будетъ понимать значеніе и назначеніе земскихъ сундуковъ и само не захочетъ въ нихъ лѣзть... Но не будемъ загадывать далеко впередъ. Дѣло не дурно и такъ, какъ оно есть. Народъ, какъ я уже сказалъ, ростетъ, учится. Глупости дѣлаются, но ни одна не проходитъ безнаказанно: на каждую глупость раздается окрикъ гласности, который несомнѣнно болѣе или менѣе чувствителенъ для виновныхъ, а другіе мотаютъ его себѣ на усъ, въ виду своей дѣятельности... Во всемъ этомъ блистательнаго, положимъ, ничего нѣтъ, много ошибокъ и промаховъ, но и надежды есть... Что-жъ надо?—Вашъ Гомеръ, который пишетъ въ вашемъ журналѣ земскую Иліаду, совершенно правъ, когда встрѣчаясь съ крупными неурядицами въ разныхъ земствахъ, спрашиваетъ: «скажите, гдѣ и когда у насъ было лучше?» — Дѣйствительно, лучше нигдѣ и никогда у насъ не было, и въ томъ, что дѣлается теперь, какъ бы тутъ много неурядицъ ни встрѣчалось, но во всякомъ случаѣ, есть несомнѣнный шагъ впередъ».

— «Что вы говорите теперь, я понимаю, сказалъ я Ивану Тимофеичу: — но согласитесь, что я имѣлъ полное право сдѣлать вамъ тотъ вопросъ, который сдѣлалъ. Не правда ли, что ваши рѣчи о современномъ прогрессѣ имѣютъ какой-то двусмысленный характеръ? Не то вы хвалите, не то браните его. Вотъ хотя и то, что вы говорили о разнобразныхъ формахъ современной служебной дѣятельности, носитъ на себѣ очевидный оттѣнокъ самой горькой ироніи.»

— «Совершенно такъ; да иначе ни чувствовать, ни разговаривать нельзя въ настоящее время. Время такое; постановка дѣла такая. Я не могу не чувствовать удовольствія, когда ребенокъ начинаетъ ходить, когда въ немъ начинаютъ обнаруживаться признаки мысли: но человѣкъ я, и мнѣ бываетъ смѣшно, а подъ часъ непріятно и досадно, когда онъ начинаетъ колобродить, дѣлать разныя вредныя для себя глупости, то и дѣло падаетъ и т. д. Такъ точно стоитъ дѣло и относительно вашего молодого прогресса. Вотъ хоть бы взять различные виды служебной дѣятельности, о которыхъ я говорилъ. Новая постановка служебной дѣятельности, очень хорошая: жалованье достаточное, по мѣстамъ даже щедрое; дѣло разсчитано по силамъ служащихъ, такъ что всякій можетъ вести свою часть осмысленно, съ толкомъ; нѣтъ фельдфебельскихъ отношеній; сверхъ всего этого, и мечтѣ, какъ я говорю, въ службѣ дали мѣсто: каждый, служащій въ акцизѣ, въ контролѣ, по судебной части и т. п., нынѣ не просто служитъ, а нѣкоторымъ образомъ священнодѣйствуетъ, считаетъ себя двигателемъ прогресса — все это мнѣ очень нравится, не исключая даже увѣренности каждаго служащаго въ своемъ священнодѣйствіи, ибо тогда только и будетъ хорошо чиновничество, когда каждый служащій будетъ сознавать и чувствовать, что, какъ ни мало порученное ему дѣло, но отъ добросовѣстнаго исполненія его зависитъ, все таки, нѣкоторая доля благосостоянія Россіи и что на немъ лежитъ нравственный долгъ и отвѣтственность такъ держать порученный ему постъ, чтобы эта доля общаго благосостоянія не терялась. Рамка служеб-

ная, какъ видите, поставлена нынѣ такъ широко и удобно, что каждый чиновникъ можетъ въ ней чувствовать себя и оставаться человѣкомъ и дѣйствовать по-человѣчески. Но что-жъ мы видимъ? Много ли перемѣнилось даже въ лучшихъ изъ этихъ рамокъ, противу того, что было прежде?—Возьмемъ, напримѣръ, судебныя учрежденія. Сколько въ нихъ вы найдете въ настоящее время генераловъ предсѣдателей судовъ, которые, чтобы задать тону, по нѣсколькѣ часовъ держатъ у своихъ дверей просителей, кричатъ на адвокатовъ, свидѣтелей, выгоняютъ изъ залы засѣданій по пустымъ предлогамъ публику. А вотъ недавно въ Петербургѣ были прямо опубликованы имена нѣсколькихъ лицъ съ таковымъ предувѣдомленіемъ, что, если они явятся въ зданіе суда, то ихъ заключатъ въ кутузку. Этакого пассажа не случалось даже въ наши времена. Помилуйте! публиковать объ извѣстномъ человѣкѣ, что, какъ скоро онъ явится туда-то, то будетъ немедленно посаженъ въ кутузку — вѣдь равносильно тому, что выгонять человѣка изъ общества! У всякаго есть родные, друзья, знакомые... Съ какими глазами онъ долженъ являться въ кругу ихъ, имѣя такую за собою аттестацію, пропечатанную официально. Никакой судъ даже не наклеиваетъ и не имѣетъ права наклеивать на человѣка такого ярлыка вѣчнаго позора. Всякій человѣкъ судится за какое-нибудь опредѣленное преступленіе и подвергается за него опредѣленному однократному наказанію. А тутъ — точно объявленіе человѣка, ни въ чемъ судомъ необвиненнаго, чѣмъ-то въ родѣ вѣчнаго мазурика. Какъ скоро явится туда-то, такъ и сади его въ кутузку. И это дѣлается въ одной изъ лучшихъ формъ новыхъ учрежденій — судебной, и притомъ въ Петербургѣ. Что же происходитъ въ другихъ учрежденіяхъ и въ провинціяхъ!? Такъ вотъ—видите ли—какія картины случается намъ видѣть въ вашемъ новомъ времени. Это я и называю, что прогрессъ-то пришелъ, да еще мѣста себѣ не нашелъ. А все-таки, онъ пришелъ и есть. Новыя формы учрежденій, это—несомнѣнно шагъ впередъ, несомнѣнное пріобрѣтеніе, которое никогда не потеряется. Люди, неподходящіе къ нимъ, сойдутъ со сцены, а учрежденія останутся, и придетъ время, когда они наполнятся соотвѣтствующимъ себѣ содержаніемъ».

— «А вы думаете придетъ когда-нибудь это время?» спросилъ я Ивана Тимофеича. «О!—въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ, отвѣчалъ онъ съ жаромъ. — Та самая идея, которая подрыла старыя учрежденія и вмѣсто нихъ выработала и воздвигла новыя, выѣстъ и ту высиженную и вспоенную въ старыхъ традиціяхъ шваль, которая вползаетъ въ эти учрежденія и наполняетъ ихъ прежнею грязью. Рано или поздно явится новое племя, которое будетъ стоять въ уровень съ грандіозными формами учрежденій и наполнитъ ихъ другимъ содержаніемъ. Я думаю, обратился Иванъ Тимофеичъ ко мнѣ:—и въ васъ эта вѣра въ будущее тверда не менѣе, чѣмъ во мнѣ; иначе вѣдь не зачѣмъ было бы напрасно убиваться — тратить попусту бумагу на газеты и журналы, оставалось бы только на все махнуть рукой: дескать, чортъ съ нимъ, пусть все плетется, какъ хочетъ и можетъ! Правда, что иногда, смотря на грандіозныя формы иныхъ учрежденій и на пропитанное гнилостію и тлѣніемъ содержимое въ нихъ, видя, какъ этимъ содержимымъ извращается, опозоривается, часто совсѣмъ вышелушивается великая идея, лежащая въ основаніи этихъ учрежденій, есть отъ чего придти въ отчаяніе и предать проклятію самыя учрежденія, какъ и случилось съ авторомъ статьи: *Софисты XIX столѣтія*, который, лишь на основаніи не особенно красивой дѣятельности современнаго адвокатскаго сословія, дошелъ до отрицанія самаго института присяжныхъ повѣренныхъ. Но я не смущаюсь подобными печальными явленіями, совершающимися въ вашихъ новыхъ учрежденіяхъ, и не теряю вѣры въ будущее. Я знаю, что эти новыя учрежденія въ современномъ обществѣ — тоже, что христіанскіе храмы, устраиваемые in partibus infidelium для новообращающихся изъ язычниковъ. Нельзя требовать отъ неофитовъ христіанства, вчера только бывшихъ идолопоклонниками, чтобы они сегодня забыли своихъ идоловъ, проникнулись духомъ христіанства и его идеею, не поклонялись въ христіанскихъ храмахъ своимъ идоламъ, не смѣшивали новыхъ вѣрованій со старыми суевѣріями, не перетолковывали и не эксплуатировали высокихъ требованій новаго ученія, ради своихъ страстей; точно также нельзя многого требовать и отъ людей, дѣйствующихъ теперь въ новыхъ учрежденіяхъ. Это — тоже своего рода неофиты, которыя приходятъ въ новыя учрежденія со старыми понятіями, привычками, страстями; иногда даже самое вступленіе въ число неофитовъ бываетъ неискренное, прямо ради корыстныхъ видовъ. На противорѣчія и несообразности ихъ дѣятельности съ духомъ и идеею новыхъ учрежденій, въ какомъ бы учрежденіи они ни проявлялись, нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто неожиданное... Все это въ данное время — скорѣе въ порядкѣ вещей. Если изъ всѣхъ новыхъ учрежденій институтъ присяжныхъ обращаетъ на себя особенное вниманіе, если онъ болѣе, чѣмъ всѣ другія, подвергается самымъ ожесточеннымъ нападеніямъ, то это потому только, что публика ожидала отъ этого института, въ силу условій его образованія, болѣе, чѣмъ отъ всѣхъ другихъ учрежденій. Институтъ адвокатовъ составляется исключительно изъ людей, получившихъ высшее образованіе; онъ никому не подчиненъ и управляется самъ собою; потому находится внѣ зависимости отъ всякихъ сторонніхъ вліяній; на выборъ и принятіе новыхъ членовъ нѣтъ никакого давленія извнѣ; въ своихъ дѣйствіяхъ каждый адвокатъ свободенъ; дѣятельность его предоставлена его собственной совѣсти. Гонораръ за дѣла получается настолько достаточ-

ный, а многими даже обильный, что о матеріальной нуждѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Однимъ словомъ, всѣ условія стоятъ такъ, что институтъ адвокатовъ долженъ былъ сдѣлаться образцовымъ среди новыхъ учрежденій. Вышло напротивъ. Здѣсь, въ милліонъ сотый разъ, выяснилась та истина, что то высшее образованіе, которое получается у насъ, по крайней мѣрѣ, одно оно, даже при лучшихъ условіяхъ, никакъ не можетъ гарантировать нравственности человѣка. Институтъ адвокатовъ можетъ служить нѣкоторымъ образомъ живымъ приговоромъ надъ гнилостію нашей высшей интеллигенціи. Меня возмущаетъ не столько еще ненасытная алчность къ наживѣ, какая обнаруживается въ этомъ сословіи, не столько тѣ дурачества и безобразія, которыми отличаются нѣкоторые изъ его членовъ, напоминая собой купеческихъ сынковъ стараго времени, сколько то пренебреженіе и цинизмъ, съ которымъ относится оно къ протестамъ, появляющимся противъ нихъ въ печати. Это - черта, на мой взглядъ, самая печальная среди множества другихъ недостатковъ адвокатскаго сословія, если имѣть въ виду, что это сословіе — не чиновное вѣдомство, а свободная корпорація. Я понимаю, что чиновникъ, большею частію механически пристегнутый къ своему вѣдомству, безсильный измѣнить утвердившіеся тамъ безпорядки и злоупотребленія, можетъ изъ личныхъ выгодъ, часто изъ того, чтобы не лишиться куска хлѣба, скрывать грязныя дѣла своего вѣдомства, можетъ изъ всѣхъ силъ хлопотать о томъ, чтобы все, что дѣлается здѣсь дурного, было шито-крыто, можетъ даже вчинать иски противъ тѣхъ, которые раскапываютъ эту грязь и повѣдаютъ о ней въ печати всему міру. Но свободной корпораціи, по самой идеѣ своей обязанной держаться на извѣстномъ уровнѣ нравственной высоты и поставленной въ хорошія матеріальныя условія, не разсчетъ такъ поступать. Ея собственный интересъ требуетъ строго охранять свою общественную репутацію, немедленно вычищать съ себя грязь, которая заведется, и безъ всякаго милосердія выдѣлять изъ среды тѣхъ, которые вносятъ сюда эту грязь. Она должна быть благодарна тѣмъ, которые указываютъ ей эту грязь, а не огрызаться на нихъ. Коль скоро она поступаетъ иначе, какъ скоро одни члены ея, вмѣсто того, чтобы обуздывать хищническія наклонности нѣкоторыхъ своихъ собратовъ, обличаемыхъ литературой, начинаютъ возставать противъ обличеній, обвинять литературу въ клеветѣ, требовать суда надъ нею, то это—ясный знакъ, что хвость корпораціи заманъ, т. е. коррупція значительно въѣлась въ нѣкоторую, а, можетъ быть, даже и въ значительную часть ея членовъ. Иначе я не могу объяснить себѣ: какимъ образомъ какой-то присяжный повѣренный могъ осмѣлиться заявить петербургскому совѣту присяжныхъ повѣренныхъ предложеніе о привлеченіи г. Маркова и редактора газеты «Голосъ» къ суду за напечатаніе въ послѣдней статьи: «Софисты XIX вѣка». Не имѣй онъ увѣренности, что значительная часть присяжныхъ повѣренныхъ солидарна съ нимъ, онъ не рѣшился бы на подобное предложеніе изъ опасенія, что онъ можетъ подвергнуться за него общему порицанію со стороны всѣхъ своихъ товарищей, а, можетъ быть, и выдѣленію изъ ихъ среды, какъ человѣкъ, не понимающій вовсе значенія того института, членомъ котораго онъ состоитъ, и потому требующій того, что, какъ выразился совѣтъ присяжныхъ о его предложеніи, «совершено несовмѣстно съ духомъ дѣятельности всего сословія присяжныхъ повѣренныхъ». Я говорю это нисколько не въ защиту г. Маркова и его статьи. Г. Марковъ, на основаніи неблаговидной дѣятельности адвокатовъ, приходитъ къ безсмысленному выходу: къ отрицанію самой идеи института присяжныхъ повѣренныхъ. Кромѣ того, статья его не выдается ничѣмъ, кромѣ блеска и треска фразъ, при крайней бѣдности и парадоксальности мысли, но это самое показываетъ, что, если замѣчанія его относительно коррупціи, существующей въ адвокатскомъ сословіи, произвели сильную сенсацію въ публикѣ, то именно потому только, что были справедливы. Адвокаты, если бы они понимали, что «совмѣстно съ духомъ дѣятельности всего ихъ сословія», должны были бы скорѣе поблагодарить г. Маркова за произведенную имъ сенсацію и, что называется, подтянуть слабыхъ своихъ собратій, а не кричать о какомъ-то, якобы, поруганіи ихъ сословія. Впрочемъ, что я распространяюсь *о какомъ-то* присяжномъ повѣренномъ, о которомъ цѣлый совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ засвидѣтельствовалъ, что онъ не понимаетъ того, что совмѣстно съ духомъ дѣятельности всего ихъ сословія. По всей вѣроятности, это — человѣкъ совершенно невмѣняемый по скромнымъ размѣрамъ своего умственнаго кругозора. Еслибъ только единичный голосъ такихъ людей пренебрежительно или цинически относился къ тѣмъ порицаніямъ, которыя раздаются въ обществѣ и печати относительно деморализаціи адвокатовъ, то объ этомъ и говорить не стоило бы. Но дѣло идетъ гораздо дальше, и самый этотъ единичный голосъ послышался и могъ послышаться послѣ того, какъ оно уже ранѣе пошло гораздо дальше. Вы помните, конечно, исторію адвокатскаго обѣда, бывшаго нынѣшнею весною по случаю выбора въ члены совѣта присяжныхъ повѣренныхъ; помните, какъ на этомъ обѣдѣ г. Спасовичъ, поднявъ бокалъ, произнесъ: «Я, прелюбодѣй мысли, пью за софистовъ XIX вѣка» и потомъ сталъ доказывать, что то или другое мнѣніе литературы и общества объ адвокатахъ мѣднаго гроша не стоитъ, что мнѣніе ихъ особеннаго адвокатскаго кружка есть единственный критеріумъ ихъ морали, а затѣмъ—пусть нападаетъ на нихъ кто хочетъ: у нихъ, слава Богу, довольно провіанта, чтобы не обращать на это вниманія; помните, какъ эта рѣчь г. Спасовича вызвала оглушитель-

ныя браво, рукоплесканія, овація—и другія рѣчи, еще циничнѣе этой, какъ, подъ вліяніемъ этихъ рѣчей, многіе изъ присутствовавшихъ адвокатовъ кричали: «плевать намъ на все!», другіе гремѣли неумолкаемое «браво», топали ногами. Имъ такъ сладко было вѣрить, что они могутъ съ сего времени валяться въ той грязи, въ которой они валялись, не только безпрепятственно и спокойно, но еще получать за это сочувственное слово поощренія и привѣта отъ свѣтилъ своего кружка! Однимъ словомъ: это была самая отвратительная изъ оргій, какія бывали въ русской землѣ—полное торжество безсмыслія и пошлости надъ человѣческимъ разумомъ и достоинствомъ, вспоеннаго на почвѣ современной цивилизаціи разврата надъ идеею правды и добра. Справедливость требуетъ сказать, что въ собраніи нашлось нѣсколько голосовъ, которые старались возбудить хоть искру здраваго смысла и совѣсти въ этой дикой, опьянѣвшей отъ восторга своимъ безобразіемъ и цинизмомъ толпѣ—но это былъ напрасный трудъ! Говорятъ, тотъ самый человѣкъ, который былъ начинателемъ этой оргіи, который, неизвѣстно для чего, счелъ нужнымъ обругать себя прелюбодѣемъ мысли, затѣмъ, неизвѣстно для чего, счелъ нужнымъ вызвать толпу снять съ своей мысли и инстинктовъ всякій декорумъ и показать свое нутро—самъ не въ состояніи былъ вынести той душной атмосферы, которая образовалась, когда толпа начала вываливать затаенныя богатства своего нутра—и бѣжалъ. Многіе, смотря на одну такую оргію, могутъ усомниться и даже отчаяться въ прочности нашего прогресса. А я думаю, что эта самая оргія лучше всего показываетъ присутствіе и дѣйствіе среди насъ идеи прогресса. Эта оргія есть своего рода *пиръ во время чумы*, пляска людей, поджариваемыхъ на сковородкѣ! У людей нутро полно плотоядныхъ инстинктовъ; они желали бы все пожрать, а пожрать есть что! Но идея прогресса поднимаетъ на нихъ со всѣхъ сторонъ облаву, не даетъ ничего съѣсть всласть и съ комфортомъ, вырываетъ чуть не изо рта самые лучшіе куски! И бѣднымъ обладателямъ нутра съ плотоядными инстинктами нѣтъ покоя. Нѣтъ такого хорошаго куска, который они могли бы проглотить безъ горечи и безъ боязни, что поднимется крикъ. Но вотъ является ихъ свѣтило и говоритъ имъ: господа! да что за малодушіе! Чего намъ бояться? Давайте жрать, плевать на всѣхъ! Будемъ ободрять и поддерживать другъ друга! И обладатели плотояднаго нутра въ восторгѣ. Подъ веселую руку они думаютъ, что они могутъ быть теперь спокойны, что нашли теперь вѣрное прибѣжище, ушли отъ подъѣдающей ихъ и дѣлающей на нихъ облаву идеи прогресса. Милые мои! Напрасно вы думаете, что ушли. Никуда не ушли. Все равно—ни одного хорошаго куска теперь, какъ и прежде, она, эта идея, не дастъ вамъ проглотить безъ горечи и боязни. Но это не все: она готовитъ въ недалекомъ будущемъ гораздо болѣе непріятный сюрпризъ. Можетъ быть, кой у кого уже изъ вашихъ дѣтей она успѣетъ значительно пообчистить нутро, и сынъ предстанетъ передъ отцомъ съ грознымъ вопросомъ: «а ты, батька, откуда нахваталъ столько денегъ? ты, должно быть, плевалъ на все—на свой долгъ, на свою совѣсть, на честь, на имя... Ты такое мнѣ, батька, готовилъ наслѣдство?»—И, пожалуй, изъ дѣтей уже найдутся настолько испорченные идеею, что иной швырнетъ приготовленныя ему деньги въ лицо своему отцу. Что же касается до внуковъ, тѣ, навѣрное, отвернутся и наплюютъ на тѣхъ, которые плевали на все»...

Сказавъ это, Иванъ Тимофеичъ остановился. Рѣчь его произвела на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Признаться сказать, я чувствую нѣкоторую слабость къ г. Спасовичу, даже какъ къ адвокату, и мнѣ не понравилось, что Иванъ Тимофеичъ задѣлъ его очень больно, назвавъ почти виновникомъ не только оргіи, но и той распущенности, которую она повела за собою. «Вы, замѣтилъ я Ивану Тимофеичу: — напрасно такъ рѣзко отнеслись къ г. Спасовичу... Спасовича не поняли... Онъ просто иронизировалъ»... — «А! иронизировалъ! Иронизировалъ! началъ горячась Иванъ Тимофеичъ.— А что, еслибъ такъ иронизировалъ кто-нибудь другой — вѣдь вы никогда не только сами не пришли бы къ той мысли, что онъ иронизировалъ, а и не повѣрили бы и ему, хоть бы онъ присягу принялъ, что въ его словахъ, кромѣ іроніи, ничего не было. Несмотря на всѣ его увѣренія и клятвы, вы растерзали бы его на клочки, со свѣту бы сжили за такую иронію... А вотъ, насчетъ г. Спасовича, такъ вы никакого сомнѣнія не имѣете, что онъ иронизировалъ, хотя вся обстановка и постановка дѣла была совсѣмъ не такая, чтобы тутъ можно было иронизировать, и хотя г. Спасовичъ не дѣлалъ до сихъ поръ никакихъ сообщеній и заявленій о смыслѣ своей рѣчи».—«Но согласитесь, замѣтилъ я, что Спасовича нельзя же ставить на одну доску со всякимъ?» — «Знаю, что нельзя, отвѣтилъ Иванъ Тимофеичъ: — однакожъ, и въ адвокатской дѣятельности Спасовича есть такіе антецеденты, которые позволяютъ понимать смыслъ его рѣчи и въ ту, и въ другую сторону, и въ данномъ случаѣ скорѣе я вѣрно понимаю его рѣчь, чѣмъ вы. Да, пожалуй, и вы, еслибы поглубже покопались у себя внутри, согласились бы со мной, что я правъ. Но въ томъ-то и дѣло, что всѣ вы—бары. Для васъ въ жизни не существуетъ ничего, кромѣ удовольствія и развлеченія, и человѣкъ, который имѣетъ талантъ занять васъ въ минуты отдыха, доставить удовольствіе, для васъ—неприкосновенный человѣкъ. Пѣвица, которая владѣетъ большимъ и пріятнымъ голосомъ и приводитъ васъ въ восторгъ своимъ пѣніемъ, живописецъ и скульпторъ, успѣвшіе задѣть вашу чувствительную струну своими твореніями, ораторъ, умѣющій красивымъ словомъ щекотать ваши нервы, діалектикъ, увеселяющій васъ игрою въ

софизмы, какъ фокусникъ и т. п.—всѣ дѣлаются для васъ великими людьми, богами, и въ угоду имъ вы топчете и истину, и дѣло...» «Но, возразилъ я:—согласитесь, что нельзя же не уважать таланта, въ особенности, если этотъ талантъ (я говорю о Спасовичѣ) дѣлаетъ такъ много хорошаго и полезнаго».—«Кто-жъ вамъ говоритъ: не уважайте таланта! Напротивъ, я говорю: уважайте, но по человѣчески, а не ползайте передъ нимъ на карачкахъ, подобно четвероногимъ. Помните, что выше всякаго таланта—идея, дѣло. Пока талантъ служитъ идеѣ, дѣлу, окружите его всѣми возможными знаками вашего вниманія и уваженія, даже поклоняйтесь ему; но разъ онъ пошелъ въ сторону отъ дѣла или насупротивъ ему, онъ заслуживаетъ гораздо больше трепки, чѣмъ человѣкъ заурядный, по той простой причинѣ, что измѣна генерала, командующаго войскомъ или успѣвшаго пріобрѣсть на него нравственное вліяніе, въ милліонъ разъ важнѣе по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ измѣна рядового. И тогда щадить его нечего. Тогда «*долбни*» и «*прижми*» его, какъ лаконически гласили записки одного адвоката, который поощрялъ другого своего товарища не терять времени—обирать поскорѣе какихъ-то попавшихся имъ въ лапы семьдесять Симеоновъ, изъ которыхъ каждый обѣщалъ по тысячѣ, но нѣкоторые медлили взносомъ и упорствовали. Кстати сообщу и анекдотъ, а, можетъ быть, и дѣйствительно фактъ по поводу этихъ записокъ съ лаконическими: «долбни» и «поприжми». Какой-то, якобы вліятельный адвокатъ, разсматривая эти записки, замѣтилъ, что «онъ не находитъ въ нихъ ничего особенно компрометирующаго, что онѣ ничего не выражаютъ, кромѣ естественнаго всякому человѣку стремленія къ пріобрѣтенію». Вотъ до чего доходитъ дѣло! Язву такой коррупціи нужно огнемъ выжигать. Но вы—бары; вы этого не понимаете; для васъ вездѣ на первомъ планѣ удовольствіе, а идея, дѣло—это статья второстепенная».

— «Позвольте, Иванъ Тимофеевичъ, сказалъ я:—да что вы заладили все бары и бары—какіе же мы бары? У насъ вы днемъ съ огнемъ не отыщете ни одного учрежденія, наполненнаго одними барами; нынѣ вездѣ все перемѣшано—вездѣ дѣйствуютъ лица всѣхъ сословій вмѣстѣ, и, пожалуй, тѣ, которыхъ дѣйствительно можно назвать барами, вездѣ въ самомъ ничтожномъ меньшинствѣ».

— «А вы думаете, возразилъ Иванъ Тимофеичъ: — чтобы сдѣлаться бариномъ, надобно непремѣнно быть барскаго происхожденія. Совсѣмъ нѣтъ. У насъ барами сплошь и рядомъ, за очень небольшими исключеніями, дѣлаются всѣ тѣ, которые какимъ бы то ни было путемъ—по рожденію, образованію, богатству, службѣ — протираются въ такъ-называемое культурное, вообще привилегированное общество. Дворянинъ, поповичъ, купецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ, еврей—всѣ здѣсь отшлифовываются въ одну и ту же барскую форму, т. е. всѣ занимаются мечтами и краснорѣчіемъ, къ дѣлу относятся слегка, любятъ хорошо пожить и пожуировать, вслѣдствіе того, слишкомъ любятъ деньги и не отличаются разборчивостію въ средствахъ ихъ пріобрѣтенія, вообще смотрятъ на жизнь, какъ на постоянное удовольствіе, по крайней мѣрѣ, какъ на постоянный отдыхъ или, какъ выражается одинъ мой знакомый, какъ на постоянное воскресенье».

— «Да развѣ, сказалъ я: — культурное или привилегированное общество не вездѣ одинаково виновато въ большей или меньшей праздности?»

— «Ну, ужъ извините, отвѣчалъ Иванъ Тимофеевичъ:—праздность — праздности рознь; можетъ быть, кой-гдѣ праздность мы найдемъ и въ любомъ привилегированномъ обществѣ Европы; но чтобы гдѣ-нибудь въ Европѣ цѣлое привилегированное общество смотрѣло на жизнь, какъ на постоянное воскресенье—этого нигдѣ нѣтъ. Основу культурныхъ европейскихъ обществъ составляетъ буржуазія, которая въ главномъ ядрѣ своемъ остается также дѣятельна и трудолюбива, какъ была и въ то время, когда раздавила феодальное общество. Дворянство европейское воспитано исторіею тоже совершенно иначе, чѣмъ наше. Тамошнее дворянство вело постоянную борьбу. Феодалы то и дѣло дрались то съ феодалами, то съ своими вассалами, то съ народомъ; потомъ шла борьба съ королевскою властію. Согласитесь, что человѣкъ, который ведетъ постоянную войну или долженъ быть каждый часъ готовъ къ войнѣ, не можетъ сидѣть праздно, сложа руки. Онъ долженъ позаботиться и о томъ, чтобы соорудить себѣ надлежащія укрѣпленія на случай борьбы, и приготовить средства для борьбы, и научиться, какъ распоряжаться ими. Все это, кромѣ разнаго рода знаній, требовало и немалыхъ денежныхъ расходовъ, слѣдовательно, волей-неволей пріучало къ бережливости, къ разумному употребленію денегъ. Вообще, въ жизни была цѣль, для которой нужно было напрягать и бороздить свой мозгъ въ разныхъ направленіяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вести жизнь физически-дѣятельную. Наше дворянство воспиталось совершенно въ другихъ условіяхъ. Никакой борьбы оно не знало: жило оно постоянно, что называется, какъ у Христа за пазухой, имѣло въ своемъ владѣніи или земли, или крѣпостныхъ съ землею, получало съ нихъ доходъ, который и проживало въ свое удовольствіе, и потомъ ни о чемъ не думало. По этому шаблону дворянскаго общества, какъ образцовому въ свое время, сложился идеалъ и вообще нашего привилегированнаго общества. Въ немъ нѣтъ не только привычки къ дѣлу, умѣнья приняться за дѣло, выдержки въ дѣлѣ, нѣтъ даже простого пониманія дѣла, какъ дѣла: оно къ дѣлу относится точно такъ же, какъ къ личной забавѣ. Я вамъ опять укажу въ примѣръ этого орловское земство. Пожертвовало оно 1,000 р. на герцеговинцевъ. Петербургскія газеты ему замѣтили, что оно не имѣетъ права тратить земскихъ денегъ на гер-

цеговинцевъ, что это, дескать—такого рода добродѣтель, за которую земство можно притянуть къ судебной отвѣтственности. Что-жъ вы думаете? Урезонилось ли этимъ замѣчаніемъ земство? Какъ бы не такъ! Какой-то земецъ пишетъ по этому случаю нарочитую корреспонденцію въ «Голосъ», въ которой говоритъ: «Эхъ, вы, петербургскіе публицисты-чиновники! сердца то въ васъ нѣтъ, тычете вы намъ въ глаза какимъ-то закономъ! Насъ 26 человѣкъ присутствовало въ собраніи, когда шелъ вопросъ о помощи герцеговинцамъ, и изъ 26-ти только трое остались безчувственны къ ихъ безпримѣрно бѣдственному положенію, а 23 голоса высказались за помощь имъ». Вотъ подите и разсуждайте съ ними! 23 человѣка, чуть не полный комплектъ представителей орловскаго земства, не хотятъ знать закона, на основаніи котораго и ради точнаго исполненія и охраненія котораго они и прибыли въ собраніе! Впрочемъ, нѣтъ еще и не то, что не хотятъ знать закона: если бы они не хотѣли знать закона, съ ними можно бы было еще разговаривать: какъ? почему? и т. д. А эти люди просто не понимаютъ отношенія своего къ дѣлу, къ которому они приставлены, и къ закону, никогда серьезно объ этомъ не думали. Они просто наивные и невмѣняемые люди. «Законъ, говорятъ они, велитъ намъ дѣлать то-то, но вотъ съ герцеговинцами случилось безпримѣрное бѣдствіе, и насъ всѣхъ прошибло сильное чувство; потому, руководимые этимъ чувствомъ, мы, вопреки закону, поставившему насъ хранить земскія суммы и употреблять ихъ исключительно на нужды русскихъ мужиковъ, считаемъ справедливымъ взять ихъ и отнести къ герцеговинцамъ». Слыша такой силлогизмъ, можно только развести руками; но спорить съ людьми, которые подобный силлогизмъ выдаютъ за логическую мысль—невозможно. Если бы эти люди были прошиблены чувствомъ по отношенію къ испанской королевѣ Изабеллѣ или королю ганноверскому и имъ вручили земскія деньги, ихъ все равно и тогда никто не убѣдилъ бы, что они не имѣютъ права этого дѣлать; они все равно и тогда огрызались бы, какъ теперь: «эхъ, вы, петербургскіе публицисты чиновники, все закономъ только и тычете, а сердце гдѣ у васъ!» Но очевидно, что такой способъ мышленія не есть нѣчто случайное: не могутъ же, въ самомъ дѣлѣ, 23 человѣка, находящіеся въ полномъ обладаніи своими умственными способностями, не сговариваясь, искренно и чистосердечно признать согласнымъ съ здравымъ смысломъ то, что совершенно противно здравому смыслу. Кромѣ того, орловскій случай—не единственный: можно бы было указать нѣсколько случаевъ подобной логики и подобнаго отношенія къ земскому дѣлу и у представителей другихъ земствъ. Должна быть, слѣдовательно, какая-нибудь общая причина, вызывающая эти явленія, разъясненія которой надобно искать въ исторіи нашего прошлаго. И здѣсь мы, дѣйствительно, найдемъ эту причину, если нѣсколько ближе присмотримся къ нѣкоторымъ явленіямъ прошедшей жизни. Возьмемъ для примѣра одно изъ такихъ явленій. Кому не случалось, въ прежнее время, слыхать о запутавшихся въ долгахъ и раззорившихся предводителяхъ дворянства, которые, вмѣстѣ съ своими деньгами, растратили многіе десятки тысячъ дворянскихъ денегъ, находившихся въ ихъ рукахъ? Вотъ, бывало, для разсмотрѣнія одного изъ такихъ важныхъ казусовъ собирается дворянство. Замотавшій деньги предводитель привыкъ жить на широкую ногу, былъ хорошій товарищъ и хлѣбосолъ, душа общества, и вдругъ предстаетъ теперь передъ дворянами раззореннымъ, съ кучей дѣтей на рукахъ, съ перспективой разныхъ лишеній и нуждъ впереди, и въ добавокъ къ тому... по закону долженъ еще идти въ Сибирь. Дворянъ прошибаетъ чувство жалости. «Нѣтъ, это невозможно, это было бы безчеловѣчно, кричатъ они хоромъ и рѣшаютъ:—простить предводителю его прегрѣшеніе, растраченныхъ денегъ съ него не взыскивать и дѣла никакого по этому поводу не заводить—такъ, какъ бы ничего не случилось». «Но такъ этого дѣла нельзя рѣшить, раздается голосъ одного изъ присутствующихъ, который былъ когда-то обиженъ и потому недоволенъ замотавшимъ деньги предводителемъ:—законъ требуетъ»...—«Какой законъ тутъ, прерываютъ его нѣсколько раздраженныхъ голосовъ разомъ:—законъ суровъ и жестокъ; надобно не имѣть сердца, чтобы примѣнить его въ данномъ случаѣ»,—и собраніе единогласно—ибо къ нему пристаетъ и протестовавшій недовольный голосъ, постановляетъ привести сказанное рѣшеніе въ исполненіе. Такъ рѣшались обыкновенно въ дворянскихъ собраніяхъ дѣла, подобныя приведенному нами. Такія рѣшенія прославлялись всѣми въ свое время, какъ гуманныя, вытекавшія изъ прекраснаго, благороднаго чувства. Никто не обращалъ вниманія на то, что деньги, прощенныя предводителю, имѣли свое опредѣленное назначеніе, и въ томъ числѣ, быть можетъ, поддержку многихъ вдовъ и сиротъ изъ дворянскаго же сословія, вполнѣ несостоятельныхъ, которыя, благодаря любви къ широкой жизни предводителя, быть можетъ, не годъ и не два года находились въ бѣдственномъ положеніи, сидѣли голодомъ; что, затѣмъ, деньги эти необходимо было во всякомъ случаѣ возмѣстить, а возмѣстить болѣе не съ кого, какъ съ неповинныхъ ни въ чемъ мужиковъ, которые и безъ того были подавлены и раззорены всякаго рода поборами и оброками, имѣя, притомъ, на рукахъ свои семьи и кучу дѣтей; что, слѣдовательно, въ чувствѣ, которое на первый взглядъ казалось такимъ прекраснымъ и благороднымъ, въ дѣйствительности никакой ни красоты, ни благородства не было, а происходило оно или просто отъ кумовства, или отъ узости взгляда, или, наконецъ, отъ той сантиментальной впечатлительности, въ силу которой ни одна нервная барыня не согласится ѣсть цыпленка, заколотаго въ ея глазахъ или въ ея домѣ,

и спокойно кушаетъ тѣхъ, которые также были заколоты, но только на сторонѣ, и что, наконецъ, какъ ни суровымъ и ни жестокимъ кажется въ данномъ случаѣ законъ, который преступаютъ ради якобы чувства, но въ дѣйствительности въ основаніи его гораздо болѣе того истиннаго, человѣческаго чувства, которое становится всегда горой на сторону слабаго противъ сильнаго, на сторону угнетаемыхъ и эксплуатируемыхъ противъ угнетателей и эксплуататоровъ. Понятно, что люди, рѣшавшіе такъ дѣла, никакъ не были людьми дѣла, а они были, какъ я уже сказалъ, люди краснорѣчія и мечты. Наговорить они могли вамъ прекрасныхъ вещей съ три короба, могли помечтать о разныхъ прекрасныхъ планахъ, наконецъ, самое большее, подъ вліяніемъ мечты, поддерживаемой или минутнымъ настроеніемъ, или капризомъ, или сантиментальностію, могли сдѣлать какое нибудь хорошее дѣло. Но во всемъ этомъ не было ничего фундаментальнаго, прочнаго, осмысленнаго, продуманнаго. Сегодня, въ веселомъ настроеніи духа, они могли дать вамъ ни за что горсть золота, и сегодня же, черезъ два часа, могли въ шею вытолкать рабочаго, который работалъ на нихъ полгода, не получая ни копѣйки; сегодня могли надавать вамъ самыхъ прекрасныхъ обѣщаній, а послѣ завтра совершенно забыть о нихъ; далѣе имъ ничего не стоило начать какое нибудь дѣло нужное, затратить на него пропасть денегъ и, похлопотавъ о немъ мѣсяцъ-два, потомъ бросить его и забыть все, какъ будто оно никогда не было начинаемо; или начать дѣло вовсе безполезное и ненужное и возиться съ нимъ цѣлые годы, истрачивая напрасно силы и деньги и не приходя ни къ какому результату. Однимъ словомъ—въ нихъ не было ни пониманія дѣла, ни привычки къ дѣлу, ни умѣнья взяться за дѣло, ни выдержки. Въ основѣ всякаго дѣла, ими начинаемаго или проектируемаго, лежала не серьезная мысль, а мечта, барская затѣя. Вотъ это то несчастное отношеніе къ дѣлу, въ большей или меньшей мѣрѣ, и унаслѣдовано нашимъ привилегированнымъ обществомъ отъ прежняго времени, и оно-то составляетъ едвали не главный тормазъ прогресса. Иниціативы, страстности въ началѣ, пожалуй, вездѣ бываетъ очень много, но рѣдко встрѣчается умѣнье вести дѣло, привычка, выдержка. Большею же частію, за страстностію скоро начинается охлажденіе, сомнѣніе, колебаніе, а потомъ—стопъ машина навсегда! а иногда и того хуже—просто дается задній ходъ. Вотъ почему много хорошихъ не только задуманныхъ, но и начатыхъ и веденныхъ хорошо дѣлъ оставалось и остается только въ мечтѣ. Въ такой мечтѣ до сихъ поръ, заключилъ Иванъ Тимофеевичъ:—остается и лучшее дѣло вашего времени—крестьянское дѣло».

При этихъ словахъ я вытаращилъ глаза отъ удивленія и превратился нѣкоторымъ образомъ весь въ вопросительный знакъ. «Какъ!—сказалъ я Ивану Тимофеевичу.—Вы находите, что даже крестьяеское дѣло находится только въ мечтѣ?»—«Да вы, пожалуйста, не смотрите на меня такими удивленными глазами, началъ Иванъ Тимофеевичъ.—Ничего особенно страшнаго не хочу сказать я о крестьянскомъ дѣлѣ; я вижу въ немъ тоже, что и въ другихъ дѣлахъ вашего времени—что прогрессъ пришелъ, да мѣста не нашелъ. Основа крестьянскаго дѣла положена очень широкая. За крестьянами признана полная свобода и равноправность со всѣми другими сословіями; имъ предоставлено право землевладѣнія. Но признаніе этихъ правъ и ихъ реализація—двѣ вещи совершенно разныя. Крестьянинъ до тѣхъ поръ не будетъ свободенъ и равноправенъ, пока онъ не будетъ, посредствомъ образованія, болѣе или менѣе выравненъ съ другими сословіями. А образованіе пока идетъ у крестьянъ очень туго и медленно. И средствъ для этого дается пока мало, и заботъ прикладываются не особенно много; многіе вовсе не сознаютъ настоятельности потребности народнаго образованія, а есть и такіе, которое совсѣмъ отрицаютъ самую потребность. Что касается до права владѣнія землею, то оно, хотя и было реализовано при самомъ освобожденіи крестьянъ, но сначала, по необходимости, было реализовано не въ томъ объемѣ, въ какомъ это означено въ высочайшемъ рескриптѣ объ устройствѣ крестьянъ, которымъ требовалось дать крестьянамъ участки земли, достаточные для ихъ пропитанія и уплаты лежащихъ на нихъ налоговъ и разныхъ сборовъ; вообще достаточные для веденія самостоятельнаго хозяйства; въ дѣйствительности, крестьяне получили не столько, сколько нужно было для веденія самостоятельнаго хозяйства, а сколько можно было получить изъ половины и даже трети наличныхъ помѣщичьихъ имѣній. Кромѣ того, многіе изъ крестьянъ или не получили вовсе земли, какъ-то: бывшіе дворовые, крестьяне мелкопомѣстныхъ имѣній; или получили только по одной десятинѣ (дарники). Все это уже и въ настоящее время отражается на крестьянскомъ хозяйствѣ и благосостояніи печальными явленіями. Крестьянинъ, естественно, долженъ прибѣгать къ найму земли въ сосѣднихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Иначе ему нельзя хозяйничать. Или, не имѣя возможности ни давать землѣ отдыха по малости надѣла, ни удобрять ее, за неимѣніемъ скота, котораго негдѣ и нечѣмъ содержать, онъ долженъ каждогодно пахать весь участокъ и въ нѣсколько лѣтъ истощать до тла его плодородіе,—затѣмъ, ему ничего бы не осталось болѣе дѣлать, какъ бросить его,—или онъ долженъ принанять земли на сторонѣ. Этой неизбѣжной для крестьянъ дилеммы нельзя было не предвидѣть при самой нарѣзкѣ надѣловъ и тогда же надобно было позаботиться о томъ, чтобы законодательнымъ путемъ установить обязательную для всѣхъ систему отдачи въ аренду земль, такую, при которой корысто-

любіе владѣльцовъ не имѣло бы возможности злоупотреблять безвыходнымъ положеніемъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, *редакціонныя* комиссіи, занимавшіяся устройствомъ поземельнаго быта крестьянъ, опустили изъ виду это обстоятельство. Вслѣдствіе этого, тотчасъ за крестьянской реформой у насъ начинается вмѣсто правильной аренды земель, нигдѣ, кромѣ Ирландіи, несуществующая и у насъ дотолѣ никогда небывавшая система *коттерства*, т. е. отдачи въ кортомъ земли на короткіе сроки, на годъ или на два, за плату, устанавливаемую конкурренціею нуждающихся, что называется, до зарѣза въ землѣ крестьянъ. Во всѣхъ мѣстностяхъ, а въ особенности въ мѣстностяхъ черноземныхъ, гдѣ народонаселеніе густо, а земель мало, цѣны на кортомъ земли, при такой системѣ, быстро поднялись и выросли уже въ настоящее время до безобразной величины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черноземной полосы онѣ доходятъ отъ 20 до 25 рублей! Я васъ спрашиваю: можно ли у насъ найдти такой примѣръ, чтобы какой-нибудь хозяинъ, самый образцовый, обработывая самъ имѣніе, даже при плодо-перемѣнномъ хозяйствѣ, могъ въ десятилѣтней сложности получать кругомъ по 25 р. въ годъ съ десятины, т. е. 2,500 р. со 100 десятинъ, 25,000 съ тысячи? А крестьянинъ, обработывающій землю по рутинному способу и почти безъ всякаго, можно сказать, капитала, платитъ ему эту сумму? Не очевидно ли, что это—зачатокъ поземельныхъ отношеній *ирландскихъ*, гдѣ земледѣлецъ работаетъ себѣ въ убытокъ и раззореніе, гдѣ онъ платитъ громадную кортомную плату не потому, чтобы земля стоила этой цѣны, а только по необходимости, видя ясно впереди, но только годъ на годъ отсрочивая свое окончательное раззореніе! Между тѣмъ многіе думаютъ, что надѣленіе крестьянъ землею въ недостаточномъ количествѣ было не случайно, произошло не вслѣдствіе недостатка земель, вопреки смыслу высочайшаго рескрипта о полномъ обезпеченіи крестьянъ, а, напротивъ, лежало въ самомъ намѣреніи реформы, въ видахъ якобы преуспѣянія сельскаго хозяйства, такъ быстро, по ихъ мнѣнію, обнаружившагося въ возвышеніи кортомныхъ и продажныхъ цѣнъ на землю. Потому, скудные надѣлы, полученные бывшими крѣпостными крестьянами, они почитаютъ не только нормальными, но и образцовыми и ими руководствуются при оцѣнкѣ надѣловъ государственныхъ крестьянъ. Нѣкоторые идутъ гораздо далѣе и этого. Они говорятъ, что съ превращеніемъ въ собственниковъ бывшихъ крѣпостныхъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ колонизаціонный періодъ Россіи кончился; что затѣмъ, какъ бы ни размножалось крестьянское населеніе, государство не обязано болѣе уступать ему земель въ собственность даже въ томъ размѣрѣ, въ какомъ даны были земли при надѣлѣ бывшихъ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ; что государство, какъ и каждый частный собственникъ, должно впредь отдавать земли только въ кортомъ не на особенно продолжительные сроки, лѣтъ на 10, 15, съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи этихъ сроковъ, возвышать каждый разъ снова кортомную цѣну, сообразно общему возвышенію цѣнъ на земли. Это, дескать,—самый выгодный для государства способъ извлеченія дохода изъ принадлежащихъ ему земель. Я не имѣю нужды входить въ оцѣнку этой давно отжившей теоріи государственнаго хозяйства, которой, въ наше время, могутъ держаться только люди, ни о чемъ не думающіе и ничего не читающіе, а пробавляющіеся остатками политико-экономическихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ тетрадокъ профессоровъ первой четверти XIX столѣтія. И могу только удивляться, когда мнѣнія этихъ отжившихъ людей, вопреки всѣмъ принципамъ Положенія 19 февраля, откуда-то проникаютъ въ практику нашего крестьянскаго дѣла и извращаютъ его правильное движеніе и развитіе. Когда крестьяне, поставленные между Сциллой и Харибдой, ищутъ естественнаго выхода изъ этого положенія—переселенія на свободныя, незанятыя никѣмъ государственныя земли, они встрѣчаютъ противодѣйствіе этому своему намѣренію, хотя, по Положенію 19 февраля, по истеченіи девяти лѣтъ со времени реформы, переселеніе для всѣхъ желающихъ должно бы было сдѣлаться свободнымъ и хотя крестьяне, ищущіе переселенія, согласны платить все то, что они платятъ теперь, въ томъ числѣ, разумѣется, и выкупныя деньги за землю, отъ которой они отказываются, и не отказались бы платить, сверхъ того, и особый кортомъ за новыя земли, которыя имъ дадутъ, если бы его потребовали: дай только достаточно. Мнѣ кажется, при подобномъ положеніи дѣла, гораздо уже лучше, слѣдуя помянутой ваше теоріи, дать крестьянину достаточное количество свободной земли, заставивъ за него платить кортомъ и оставивъ на немъ же все то, что онъ и теперь платитъ, въ томъ числѣ и выкупныя, чѣмъ насильно удерживать его на прежнемъ участкѣ. Для государства не можетъ быть никакой выгоды отъ раззореннаго крестьянина; съ раззореніемъ его оно само раззоряется—истина эта уже давно извѣстна. Отъ раззореннаго крестьянина могутъ получить выгоды только землевладѣльцы, спекулирующіе на увеличеніе кортомныхъ платъ на землю по системѣ коттерства. Но и для нихъ это—выгода слишкомъ призрачная и скоротечная; ею можно пользоваться только до окончательнаго раззоренія крестьянъ. Вотъ почему меня удивляетъ та неразумная ревность, которая выказывается у насъ въ воспрещеніи переселенія крестьянамъ, ревность, переходящая всякіе предѣлы. Этого мало, что крестьянамъ, не имѣющимъ чѣмъ пропитываться на своемъ надѣлѣ и желающимъ оставить его и переселиться на другія свободныя

земли, не дають уйдти съ своихъ участковъ. Были примѣры гораздо хуже этого. Нѣкоторые крестьяне самовольно оставляли свои участки, съ полнаго, впрочемъ, согласія и по удовлетвореніи своего общества, въ чемъ слѣдовало, занимали свободныя, никѣмъ незанятыя государственныя земли, обстроивались здѣсь, заводили полное хозяйство и, вполнѣ довольные, жили здѣсь по 5—7 лѣтъ, вполнѣ признаваемые законными жителями отъ мѣстнаго начальства. Какъ вдругъ становилось извѣстнымъ о ихъ самовольномъ переселеніи и, затѣмъ, немедленно слѣдовало распоряженіе о водвореніи ихъ на прежнихъ мѣстахъ жительства. Мѣстное начальство приходило въ недоумѣніе отъ такого распоряженія, почитало его ошибкой, недосмотромъ и медлило его исполненіемъ. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, не придти въ недоумѣніе предъ распоряженіемъ, которое требуетъ раззорить цѣлую деревню, хорошо обстроившуюся, ведущую хорошо свое хозяйство и исполняющую и оплачивающую все, что требовалось по закону! Но проходило нѣсколько мѣсяцевъ, распоряженіе повторялось, въ смыслѣ его не оставалось, значитъ, сомнѣнія, и мѣстное начальство принималось за раззореніе. Все это какъ-то такъ странно, что на первый разъ даже не вѣрится, чтобы что-нибудь подобное могло совершаться въ виду отеческихъ заботъ верховной власти объ устройствѣ и обезпеченіи крестьянскаго населенія.

Къ чему, однакожъ, могутъ вести подобныя мѣропріятія? Крестьянскій абсентеизмъ начался вскорѣ послѣ реформы и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе ростетъ. Спросите у всѣхъ, кто близко стоитъ къ крестьянину и знастъ настоящее его положеніе, всѣ скажутъ вамъ одно: что старое поколѣніе крѣпко держится за землю, но молодое страется улизнуть отъ нея и уйдти въ городъ. Князь Васильчиковъ, назадъ тому, помнится, четыре или три года, насчитывалъ у насъ шесть милліоновъ безземельныхъ крестьянъ. Откуда онъ взялъ эту цифру и насколько она вѣрна — я не знаю. Но если предположить, что она была тогда преувеличена и что только теперь у насъ можно насчитать шесть милліоновъ крестьянъ, отставшихъ отъ земледѣлія, то и въ этомъ случаѣ есть о чемъ подумать. Не трудно милліоны людей выбить изъ колеи, въ которой они стояли, заставить ихъ отстать отъ труда, который они любили и который умѣли исполнять хорошо, пріучить ихъ къ бродячей жизни и къ праздности; но трудно будетъ потомъ, когда обнаружатся и сдѣлаются ясными для всѣхъ болѣзненные симптомы подобнаго состоянія милліонныхъ массъ, пріискать для нихъ какое-нибудь новое поле дѣятельности, а еще труднѣе будетъ людей, привыкшихъ къ бродячей жизни и праздности, снова усадить на мѣсто и пріучить къ какому-нибудь труду. Вопросъ изъ чисто хозяйственнаго, какой онъ есть въ настоящее время, можетъ легко, съ теченіемъ времени, переродиться въ соціальный и политическій, который разрѣшить будетъ трудно. Все это является очень прискорбнымъ въ практикѣ крестьянскаго вопроса, стоящей совершенно въ разрѣзъ съ духомъ и принципами Положенія 19-го февраля. Можетъ быть, надобно пожалѣть о томъ, что Положеніе 19-го февраля не указало точно и ясно, какъ это сдѣлано въ другихъ реформахъ, главныхъ моментовъ дальнѣйшаго развитія крестьянской реформы и предоставило все это практикѣ жизни, подъ благовиднымъ покровомъ которой могутъ дѣйствовать разныя случайныя вліянія и направлять ходъ крестьянскаго дѣла совершенно вопреки первоначальной основной мысли законодателя. Вотъ почему, говоря о другихъ учрежденіяхъ новаго времени, я могъ говорить, что они составляютъ несомнѣнныя пріобрѣтенія, несомнѣнный шагъ впередъ, какая бы грязь ни насѣдала на нихъ въ настоящее время: пройдутъ люди, дѣйствующіе въ настоящее время, вносящіе эту грязь, явятся другіе, которые очистятъ ее, и учрежденія засіяютъ въ полномъ своемъ блескѣ. О крестьянской реформѣ этого никакъ нельзя сказать. Тутъ такъ все шатко, неопредѣленно, невыяснено, что невозможно себѣ представить (ибо нѣтъ для этого никакихъ прочныхъ данныхъ въ настоящемъ), подъ какою именно формою сложится окончательно въ будущемъ нашъ крестьянскій міръ? На широкомъ фундаментѣ, заложенномъ Положеніемъ 19-го для величественнаго зданія, планъ котораго, однакожъ, не начертанъ, современные дѣятели могутъ по своему произволу строить какія угодно избушки на курьихъ ножкахъ и клѣтушки и, чтобы старый фундаментъ не мѣшалъ постройкамъ и пристройкамъ, могутъ даже мало по малу, въ тихомолку, вытаскать всѣ камни изъ него одинъ за другимъ, такъ что, по прошествіи нѣсколькихъ десятилѣтій, не останется тутъ камня на камнѣ и новыя поколѣнія и не догадаются, что тутъ когда-то былъ заложенъ громадныхъ размѣровъ фундаментъ, на которомъ предположено было возвести величественное зданіе.

«Но что меня всего болѣе удивляетъ въ крестьянскомъ вопросѣ, продолжалъ Иванъ Тимофеевичъ: — такъ это отношеніе къ нему русской публики. Нигдѣ, могу сказать, рѣзче и очевиднѣе не выразилось господствующее въ нашемъ привилегированномъ обществѣ то барское отношеніе ко всякаго рода дѣламъ, о которомъ я говорилъ выше, какъ здѣсь. Крестьянская реформа встрѣчена была всѣми съ распростертыми объятіями, съ восторгомъ, съ энтузіазмомъ. Самые лучшіе люди считали за честь стоять въ ряду второстепенныхъ и третьестепенныхъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу. Крестьянскимъ вопросомъ, мужичками, ихъ просвѣщеніемъ, благосостояніемъ и т. п. интересовались всѣ и все. Нѣкоторымъ ореоломъ отмѣчались всѣ тѣ, которые умѣли вести рѣчи о благоденствіи мужичковъ въ салонахъ, въ оффиціальныхъ собраніяхъ разныхъ обществъ, въ раз-

ныхъ кружкахъ и устныхъ бесѣдахъ, въ литературѣ. Всѣ новости по крестьянскому дѣлу, даже тѣ или другія блестящія или ретроградныя выраженія, облетали все общество съ быстротою, за которой не угнался бы никакой телеграфъ. Крестьянскій вопросъ былъ, что называется, въ модѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ, мода прошла, и крестьянское дѣло погрузилось въ полное забвеніе,— да, я повторяю: въ полное забвеніе. Нигдѣ не говорятъ о немъ, нигдѣ не интересуются имъ, нигдѣ не знаютъ, что по нему дѣлается. Вы не вѣрите мнѣ? спросилъ меня Иванъ Тимофеевичъ, видя, что я смотрю на него съ удивленіемъ:— ну попытайтесь спросить у кого хотите или поискать гдѣ угодно свѣдѣній о томъ, напримѣръ: сколько милліоновъ нынѣ у насъ крестьянъ безъ земли? Чѣмъ и какъ они существуютъ? Принимаются ли какія-нибудь и какія именно мѣры для устройства ихъ или, что тоже, для предупрежденія грозныхъ послѣдствій для государства пролетаріата? Далѣе: сколько крестьянъ ведутъ свое хозяйство исключительно на данныхъ имъ надѣлахъ, не прибѣгая къ найму земли на сторонѣ? Въ какомъ положеніи находится ихъ хозяйство? Что даетъ имъ земля? Въ какомъ состояніи находятся они сами и ихъ семейства по отношенію пропитанія, уплаты податей и т. п.? Затѣмъ: сколько крестьянъ кортомятъ землю на сторонѣ, по системѣ коттерства? Въ какомъ положеніи находятся они? Что получаютъ они и получаютъ ли что-нибудь отъ земли? Не находятся ли они уже въ безвыходномъ состояніи у тѣхъ, кто даетъ имъ въ кортомъ землю?—Если крестьяне, остающіеся на своей землѣ и кортомящіе землю на сторонѣ, не могутъ сводить концы съ концами и съ каждымъ днемъ приходятъ все въ большее и большее разореніе, то принимаются ли какія-нибудь мѣры къ улучшенію ихъ положенія, и какія именно? Подобныхъ вопросовъ можно сдѣлать тысячи, и ни на одинъ изъ нихъ вы нигдѣ, ни у кого не только не найдете отвѣта, но увидите, что даже никто ими не интересуется. Спрашиваю я васъ: развѣ крестьянскій вопросъ менѣе сталъ важенъ и достоинъ вниманія теперь, чѣмъ былъ въ началѣ? Нѣтъ, по существу своему онъ остается тѣмъ же, чѣмъ и былъ, т. е. основою всѣхъ другихъ реформъ. Провались сегодня крестьянскій вопросъ или прими ложное направленіе—завтра же всѣ реформы примутъ совершенно иную, фальшивую окраску. Далѣе: менѣе ли крестьянскій вопросъ требуетъ наблюденія и вниманія въ своемъ движеніи, въ ходѣ своего развитія теперь, чѣмъ въ началѣ?— Нѣтъ, теперь, чѣмъ далѣе идетъ онъ, тѣмъ болѣе требуется заботъ и стараній о правильности его движенія, чѣмъ было въ началѣ. Я уже сказалъ, что, въ силу разныхъ случайныхъ вліяній, движеніе это можетъ пойдти такимъ образомъ, что въ первоначальномъ фундаментѣ крестьянскаго вопроса не останется камня на камнѣ и, вмѣсто величественнаго зданія, которое должно было воздвигнуться на этомъ фундаментѣ, явятся жалкія избушки на курьихъ ножкахъ и клѣтушки. Почему же общество такъ относится къ первѣйшему и самому жизненному своему вопросу? Потому, что это общество, какъ я уже сказалъ—общество барское, общество мечты и краснорѣчія. Оно ищетъ не дѣла, а только развлеченія и удовольствія. Сегодня крестьянскій вопросъ вошелъ въ моду, доставляетъ ему удовольствіе и развлеченіе, оно всецѣло предается ему, пылаетъ энтузіазмомъ къ нему, готовностію на всѣ пожертвованія; завтра онъ выходитъ изъ моды, и все пропадаетъ—весь пылъ, энтузіазмъ, самопожертвованіе, преданность, самая, наконецъ, память о немъ. Вѣрьте мнѣ, что здѣсь такъ же, какъ и во всемъ другомъ, оно не понимаетъ хорошо сути дѣла, самой важности вопроса, а затѣмъ, какъ и во всемъ, не умѣетъ взяться за него, не имѣетъ привычки къ дѣлу и выдержки въ дѣлѣ».

— «Согласитесь, однакожъ, замѣтилъ я:— что вы не можете сказать того же самаго о литературѣ?»

— «Литература? воскликнулъ Иванъ Тимофеичъ: — да литература есть самый пышный цвѣтокъ, взлелѣянный на почвѣ русскаго барства. Она всосала въ себя всѣ дурные соки общества и ничуть не выше его по своимъ моральнымъ качествамъ. Оттого она не пользуется въ немъ никакимъ почти ни уваженіемъ, ни вліяніемъ. Общество смотритъ на литературу, какъ на средство наслажденія, развлеченія—не болѣе. Оно прочитываетъ статью точно такъ же, какъ слушаетъ пѣвицу, смотритъ балетъ и т. п., единственно затѣмъ, чтобы пріятно провести время, а затѣмъ, высказавъ свое одобреніе или порицаніе, бросить статью и забыть о ней точно также, какъ оно забываетъ о доставившей ему удовольствіе пѣвицѣ, танцовщицѣ, актёрѣ и т. д. Съ одной стороны бываетъ иногда обидно слышать, какъ какой-нибудь расплывшійся отъ жиру чиновникъ или землевладѣлецъ, послѣ сытнаго обѣда, совершая свой процессъ пищеваренія, громко гогочетъ отъ прочитанной имъ утромъ удачной фразы или остраго словца въ какой-нибудь статьѣ, приговаривая: «а у этого автора есть талантъ!», или: «онъ не безъ таланта», а съ другой—подумаешь, что вѣдь что же?—оно, ножалуй, такъ и быть должно... развѣ литература болѣетъ о чемъ-нибудь? Развѣ есть у ней сердечные, кровные интересы, которые не давали бы ей покоя, для пробужденія къ которымъ вниманія, сочувствія, энтузіазма въ обществѣ она билась бы изо всѣхъ своихъ силъ изо-дня-въ-день. Ничего вѣдь этого нѣтъ. Возьмите за два года всѣ наши газеты и журналы, перечитайте ихъ всѣ отъ начала до конца, и вы нигдѣ не найдете души, ни даже болѣе или менѣе оживленной физіономіи. Все это апатично, мертво, безцѣльно. Никто ничѣмъ не озабоченъ. Всѣ вопросы на вѣсахъ русской журналистики получаютъ одинаковый вѣсъ, и крестьянскій вопросъ тянетъ здѣсь ничуть не больше,

чѣмъ вопросъ объ устройствѣ городскихъ будокъ, о веденіи банковскихъ книгъ, о контрольныхъ аппаратахъ для выкуриваемаго спирта и т. п. Руководящія статьи пишутся только для приличія и ко всему относятся съ одинаковымъ вниманіемъ или, правильнѣе сказать, съ одинаковымъ невниманіемъ и равнодушіемъ. Вслѣдствіе этого читатель бываетъ радъ, когда встрѣчаетъ горячую статью даже о достоинствахъ г. Фонъ-Дервиза, о казенныхъ объявленіяхъ и т. п. Все-таки видно, что статью пишетъ не кукла, а человѣкъ, перомъ котораго водитъ дѣйствительный интересъ. До чего искусственно и фальшиво положеніе русской журналистики, можно лучше всего видѣть изъ того, что въ статьяхъ ея по иностранной политикѣ, въ особенности французской, можно встрѣчать гораздо болѣе оживленія, чѣмъ въ статьяхъ по вопросамъ политики внутренней. Вотъ хоть бы теперь герцеговинскій вопросъ,—посмотрите, какой производитъ вездѣ шумъ и какую возбуждаетъ во всѣхъ сенсацію: всѣ газеты оживились и гремятъ; нѣкоторыя отправили даже своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ на мѣсто дѣйствія. Когда случалось это съ нашими газетами по вопросамъ политики внутренней? Командировали ли онѣ когда-нибудь хоть одного спеціальнаго корреспондента по какому-нибудь изъ этихъ вопросовъ? Никогда и ни по какому. По всѣмъ вопросамъ онѣ пробавляются здѣсь корреспондентами случайными, мѣстными, которыхъ Богъ пошлетъ. А вѣдь, согласитесь сами, что, хотя герцеговинцы — и братья намъ, и единовѣрцы, и бѣдствія, которыя они переносятъ, не могутъ не возбуждать нашего сочувствія, а все-таки наши мужички къ намъ ближе и ихъ нужды и бѣдствія должны сильнѣе отзываться въ нашемъ сердцѣ, тѣмъ болѣе, что и многіе современные вопросы по дѣламъ послѣднихъ, какъ напримѣръ аграрное устройство, то и дѣло повторяющіяся въ разныхъ мѣстностяхъ голодованія, свидѣтельствующія о печальномъ ихъ положеніи и т. п., для насъ ничуть не менѣе важны вопросовъ герцеговинскаго возстанія. Отчего же это происходитъ, что мы оживлены чужими дѣлами болѣе, чѣмъ собственными! Вѣдь нельзя же предположить, чтобы русскіе люди, составляющіе персоналъ журналистики, хлопотали болѣе о процвѣтаніи и благосостояніи, скажемъ, Франціи или Герцеговины, чѣмъ Россіи, и принимали болѣе сердечное участіе въ судьбѣ первыхъ, чѣмъ послѣдней?—Разгадка здѣсь простая. Русская журналистика такъ же по барски, т. е. съ полнымъ равнодушіемъ относится къ вопросамъ иностранной политики, какъ и своей внутренней. Но въ иностранной политикѣ для нея есть внѣшнія возбужденія и вліянія. Ее ажитируетъ здѣсь иностранная журналистика, дѣйствительно дѣловая, вѣчно волнующаяся, вѣчно страстно занятая вопросами дня, преслѣдующая свои цѣли съ настойчивостью, упорствомъ, энергіею, воодушевленіемъ, паѳосомъ. Ея жизненность по временамъ невольно отражается, хотя и слабо, на нашей мертвенной журналистикѣ, и вотъ вамъ причина, почему послѣдняя оказывается болѣе оживленной по вопросамъ, чуждымъ намъ, чѣмъ нашимъ кровнымъ собственнымъ!»

— «Ну, вы ужъ это далеко хватили, Иванъ Тимофеевичъ, возразилъ я:—по вашему выходитъ, что мы не то что притворяемся, а дѣйствительно чувствуемъ и горячимся по заказу. Это—ужъ Богъ знаетъ что! Тутъ мнѣ кажется дѣло гораздо проще. Наша свобода слова, какъ вамъ извѣстно, не очень широка и гораздо болѣе стѣснена относительно предметовъ внутренней политики, чѣмъ иностранной—вотъ вамъ и причина, почему мы болѣе либеральничаемъ и дѣлаемся оживленнѣе, когда начинаемъ говорить о дѣлахъ Франціи или Германіи».

— «Ну, знаете, это не совсѣмъ такъ. Положимъ, что вамъ говорить о многомъ нельзя; но вѣдь я вовсе и не дѣлаю вамъ упрека въ томъ, зачѣмъ не говорите вы о недозволенномъ? Я ограничиваюсь единственно сферой дозволеннаго—а она вѣдь очень обширна—и говорю, что въ ней васъ ничто не интересуетъ, и отъ всего, что̀ вы пишете, отдаетъ апатіею, холодомъ, искусственностію, сочиненіемъ, тогда какъ, еслибы ваша душа къ чему-нибудь здѣсь лежала, дѣло пошло-бы совсѣмъ иначе. Вотъ, напримѣръ, посмотрите-ка разныя мѣстныя корреспонденціи въ газетахъ: онѣ толкуютъ обыкновенно о предметахъ самыхъ неважныхъ, обыденныхъ, но многія изъ нихъ очень хороши. Хороши именно тѣмъ, что онѣ искренни; какъ ни обыденно ихъ содержаніе, но въ нихъ виденъ слѣдъ непосредственной жизни и живое впечатлѣніе, внесенное авторомъ. Въ вашихъ писаніяхъ нѣтъ этого; въ нихъ можно найти вылощенный стиль, много гаерства, острословія, пикантную тайную и явную брань, но нѣтъ сердечнаго отношенія къ предмету. Кромѣ этого сердечнаго, искренняго отношенія къ предмету, много значитъ энергія, настойчивость. При Бѣлинскомъ не было и тѣни той свободы слова, которою вы пользуетесь теперь. Однакожъ, это не мѣшало ему находить предметы нужные и полезные для развитія общества и заставлять послѣднее слушать и уважать его рѣчь. И можно сказать, у насъ едвали какой писатель имѣлъ такое громадное воспитательное вліяніе на русское общество, какъ Бѣлинскій. Чѣмъ онъ достигалъ этого? А именно тѣмъ, что онъ внесъ въ дѣло всю душу свою, слилъ его съ своею жизнію и, съ энергіею и настойчивостію, неутомимо велъ его пропаганду до конца своихъ дней. Такая преданность дѣлу не могла не обратить, наконецъ, вниманія людей, даже легкихъ и поверхностныхъ, ибо всякому было естественно спросить себя: да изъ чего же бьется этотъ человѣкъ? Что̀ заставляетъ его идти противъ тѣхъ понятій и мнѣній, которыя принимаются всѣми, освящены временемъ, признаны даже наукой? — И онъ начиналъ читать вольнодумца—талантъ и сила мысли довершали осталь-

ное. Этой настойчивости нѣтъ въ современной журналистикѣ. Она относится ко всему слегка, по салонному; скажетъ разъ о предметѣ и потомъ замолчитъ на долгое время; потомъ опять скажетъ, и опять замолчитъ и т. д. Но, вѣдь, согласитесь, что такъ можно относиться только къ дѣлу чуждому, не близкому къ намъ! О дѣлѣ кровномъ, задѣвающемъ заживо наши интересы, мы бы не замолчали до тѣхъ поръ, пока бы оно не было улажено. Пословица есть: у кого что болитъ, тотъ про то и говоритъ, или, другими словами: когда есть боль, хочешь не хочешь, говорить о ней будешь. Вотъ такой-то боли и не чувствуетъ въ себѣ современная журналистика. Вотъ вы сказали, что тѣсная рамка свободы слова мѣшаетъ проявляться жизни и, вообще, оживленію въ журналистикѣ. Но какимъ образомъ эта рамка могла бы мѣшать этому, скажемъ, въ крестьянскомъ дѣлѣ? Я полагаю, что журналистикѣ никто не воспретилъ-бы собирать свѣдѣнія по вопросамъ, которые я пересчиталъ выше, и по многимъ другимъ, имъ подобнымъ — напротивъ, были-бы даже благодарны: никто не помѣшалъ бы относиться къ этому дѣлу съ увлеченіемъ и освѣщать его съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ оно должно имѣть значеніе для всякаго, а также указывать тѣ недостатки или ошибки, которые въ немъ допускаются и вслѣдствіе которыхъ оно принимаетъ или можетъ принять неправильное направленіе. Предположивъ даже, что журналистика, разрабатывая крестьянскій вопросъ, пришла-бы къ такимъ выводамъ, которые, по разнымъ случайнымъ вліяніямъ, были бы нетерпимы... и ее въ дальнѣйшей работѣ остановили-бы. И тутъ дѣло нельзя считать проиграннымъ. Вопросъ, доведенный до сознанія общества и на половину даже только разъясненный, не есть потерянный вопросъ, а только отложенный до болѣе благопріятнаго времени. Это обыкновенный удѣлъ бо́льшей части новыхъ идей, что онѣ, непризнанныя, гонимыя, замираютъ на извѣстное время въ обществѣ, чтобъ потомъ, при первомъ благопріятномъ случаѣ, явиться и развернуться во всемъ своемъ блескѣ и завладѣть умами всѣхъ. Я согласенъ, что недостатокъ свободы слова есть зло, но признаюсь, что я считаю еще большимъ зломъ недостатокъ нутра въ журналистикѣ, когда она не умѣетъ оріентироваться въ хаосѣ разнообразныхъ общественныхъ вопросовъ, не умѣетъ понять значеніе и важность главнѣйшихъ изъ нихъ или, понявъ это, не считаетъ своею обязанностью упереться и неутомимо настаивать на правильномъ разрѣшеніи ихъ, когда она скользитъ по общественнымъ вопросамъ, не всматриваясь серьезно ни въ одинъ и не останавливаясь ни на одномъ, занимаясь всѣмъ или только, какъ канатный плясунъ, для увеселенія публики, или только, какъ подъячій стараго времени, для очистки бумаги. Такую журналистику я считаю барскою. Девизомъ истинной журналистики должно быть: «упрись на томъ, что нашла справедливымъ и требующимъ немедленнаго исполненія по своей важности, и не уходи отсюда, пока не дождешься этого исполненія».

На этомъ Иванъ Тимофеевичъ остановился. Я записалъ рѣчь его, потому что она рисуетъ общее современное состояніе нашего прогресса и даетъ нѣкоторый просвѣтъ въ будущее, отчасти, можетъ быть, нѣсколько мрачный, но въ такомъ мрачномъ видѣ онъ представляется не одному ему, а и очень многимъ. Мы, дѣйствительно, находимся въ какомъ-то творящемъ хаосѣ, въ которомъ нѣтъ недостатка въ свѣтлыхъ частицахъ, но частицы эти разъединены, движутся одинокими по самымъ разнообразнымъ направленіямъ, рѣдко сосредоточиваясь въ общіе, болѣе или менѣе примѣтные центры. Журналистика или, общѣе сказать, литература давно утеряла уже значеніе руководящаго начала, роль, которую она играла прежде. Въ частныхъ случаяхъ ея дѣйствіе и теперь остается очень сильно, но въ общемъ ходѣ развитія ея вліяніе стало почти что ничтожно. Иванъ Тимофеевичъ справедливо замѣчаетъ, что она не оріентировалось въ современномъ положеніи дѣлъ, не нашла еще, подобно Архимеду, точки опоры, ставъ на которую могла бы перевернуть міръ, и, кажется, даже болѣе: не имѣетъ у себя пока и архимедовскаго винта для этого, еслибъ и нашла точку опоры. Другой силы, которая помогала бы выдѣляться свѣтовымъ частицамъ изъ общаго хаоса и направляла бы ихъ къ соединенію въ общіе центры, никакой нѣтъ. Такимъ образомъ, повидимому, всѣ новыя образованія и соединенія въ этомъ хаосѣ предоставлены на волю случая. Иванъ Тимофеевичъ ярко свѣтящимися центрами въ немъ представляетъ новыя учрежденія, присовокупляя, однакожъ, что послѣднія всѣ держатся на крестьянскомъ вопросѣ и, еслибы онъ рухнулъ или измѣнился въ своей основѣ, то неминуемо рухнули или измѣнились бы въ своемъ характерѣ и онѣ, и что крестьянскій вопросъ находится пока въ положеніи неопредѣленномъ, съ будущимъ совершенно неизвѣстнымъ. Говоря другими словами, онъ приходитъ къ тому же заключенію, что все, что есть у насъ новаго и все, чѣмъ мы гордимся, весь нашъ прогрессъ вмѣстѣ съ крестьянскимъ вопросомъ, составляющимъ его основу, держится на благосклонности случая, зависитъ отъ благопріятнаго или неблагопріятнаго стеченія случайныхъ вліяній. Иванъ Тимофеичъ выпустилъ изъ виду одну великую и незыблемую силу, на которой покоится крестьянскій вопросъ и которая, нѣтъ сомнѣнія, рано или поздно, непремѣнно приведетъ его къ благополучному и желанному разрѣшенію—это такъ называемую силу вещей. Что такое сила вещей? Это—неизбѣжная необходимость того, что положено въ натуральныхъ и историческихъ условіяхъ того или другого народа въ связи съ его территоріею. Въ странѣ, раскинутой на многіе десятки тысячъ

квадратныхъ миль, крестьянина нельзя сдѣлать батракомъ, то есть помирить его внутренно съ жизнію батрака—и онъ не будетъ батракомъ. На двухъ десятинахъ или одной нельзя вести земледѣльческое хозяйство. Какія бы хитрыя теоріи мы ни придумывали, чтобы устроить дѣло иначе, къ какимъ искуснымъ махинаціямъ и строгимъ мѣрамъ ни прибѣгали, чтобы упрочить и оградить наши построенія,—все это нисколько не поможетъ и не приведетъ къ желанному результату. Сила вещей будетъ все гнуть по своему, подрывать наши построенія, обращать въ ничто всѣ наши мѣры и махинаціи, торжествовать надъ всѣми нашими теоріями и причинять намъ непрестанныя огорченія. Невидимая и неуязвимая для насъ, она будетъ преслѣдовать и уязвлять насъ на каждомъ шагу: въ истощеніи плодородія почвы, въ неурожаяхъ, непрестанныхъ голодованіяхъ разныхъ мѣстностей, эпидеміяхъ, дефицитахъ финансовыхъ, кражахъ, разбояхъ и т. д. Сознательная борьба съ подобною силою для человѣка невозможна. Если люди оказываются иногда въ борьбѣ съ нею, то это случается по неопытности, по незнанію условій, въ которыхъ они дѣйствуютъ, по предвзятымъ абструзнымъ теоріямъ. Правда, получая временные и скорѣе видимые, чѣмъ дѣйствительные, успѣхи на этомъ ложномъ пути, люди могутъ иногда обманываться ими, надмеваться и продолжать упорствовать въ борьбѣ, думая, что для полнаго торжества имъ нужно имѣть только терпѣніе и выдержку. Но такое самообольщеніе, во всякомъ случаѣ, долго продолжаться не можетъ. Сила вещей начнетъ заявлять себя такими вѣскими и чувствительными ударами, какъ въ разныхъ частяхъ народнаго хозяйства, такъ и въ бытовомъ строѣ жизни, что разумный человѣкъ долженъ будетъ немедленно сознать свое безсиліе, безплодность и вредъ дальнѣйшаго упорства въ борьбѣ и уступитъ.

Въ разрѣшеніи и ходѣ нашего крестьянскаго дѣла у насъ допущено было много недосмотровъ и промаховъ, изъ которыхъ нѣкоторые отмѣчены въ приведенной нами рѣчи Ивана Тимофеича. И, хотя со времени крестьянской реформы лѣтъ, сравнительно, прошло еще очень немного, но сила вещей съ каждымъ днемъ даетъ все болѣе и болѣе чувствовать допущенные недосмотры и промахи. За послѣднее время ея внушенія сдѣлались настолько сильны, что сознано необходимымъ обратить вниманіе на нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, стороны просмотрѣннаго и ложно поставленнаго и исправить ихъ.

«Русскій Міръ» передаетъ въ видѣ слуха, что въ виду обнаруживающагося въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи стремленія крестьянъ къ переселенію въ болѣе плодородныя мѣста, будутъ выработаны подробныя правила переселенія, которыми, между прочимъ, количество переселенцевъ будетъ ограничено извѣстнымъ процентомъ наличнаго числа жителей данной мѣстности, что̀ признается необходимымъ въ тѣхъ видахъ, чтобы воспрепятствовать переселенію въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ въ покидаемыхъ крестьянами мѣстностяхъ могъ бы оказаться недостатокъ рабочихъ рукъ. Съ цѣлію направленія переселенцевъ въ такія мѣста, заселеніе которыхъ особенно желательно по тѣмъ или другимъ причинамъ, переселяющимся въ нихъ, какъ говорятъ, будутъ предоставлены нѣкоторыя льготы и преимущества. Составленіе упомянутыхъ правилъ и вообще разработка вопроса о переселеніи крестьянъ будутъ возложены на особую коммиссію, къ участію въ которой будутъ приглашены и члены отъ земства.

И такъ, благодаря силѣ вещей, которая на сей разъ обнаружилась въ томъ, что крестьяне, не имѣя чѣмъ пропитываться на своихъ надѣлахъ, поползли изъ своихъ мѣстъ жительства въ разныя стороны, наконецъ, предполагается крестьянамъ дать выходъ изъ того положенія, въ которое они были поставлены, съ одной стороны недостаточностію надѣловъ, съ другой—непмѣніемъ кругомъ себя для найма никакой земли, кромѣ помѣщичьей, отдаваемой въ кортомъ на началахъ коттерства.

Мнѣ особенно пріятно заявить здѣсь, что къ извѣстію объ учрежденіи коммиссіи по вопросу о переселеніи весьма сочувственно отнеслись даже и «Московскія Вѣдомости». Я вижу въ этомъ очевидное доказательство, что сила вещей остается не безъ воздѣйствія и на ихъ разумѣніе. Назадъ тому не болѣе десяти лѣтъ, «Московскія Вѣдомости» со всѣмъ жаромъ доказывали, что земля, даваемая въ собственность мужику, одна только тягость для него и лишаетъ его полной свободы, что, чѣмъ болѣе будетъ батраковъ и пролетаріевъ въ Россіи, тѣмъ благосостояніе ея будетъ выше, что жизнь батрака, обезпеченнаго готовыми хозяйскими харчами, гораздо привлекательнѣе, чѣмъ жизнь крестьянина-собственника, перебивающагося изо-дня-въ-день. Я помню, что при этомъ «Московскія Вѣдомости» даже нѣсколько поэтически изображали, какъ это батракъ, наработавшись на холодѣ, приходитъ въ теплую и чистую избу и садится здѣсь за жирныя горячія щи съ мясомъ, отъ которыхъ клубомъ несется пріятный паръ, раздражающій нервы обонянія и аппетитъ, какъ, наѣвшись до отвалу, онъ ложится и спитъ спокойно, ни о чемъ не думая, а мужикъ-собственникъ, находясь въ постоянномъ голодѣ, холодѣ, сверхъ того угнетенъ постоянною мучительною заботою о завтрашнемъ днѣ. Я, конечно, не помню и никогда не помнилъ этого поэтическаго изображенія батрачьей жизни въ точности, но впечатлѣніе отъ него у меня осталось сильное, и каждый разъ, когда мнѣ потомъ случалось читать описаніе жизни нашихъ батраковъ, у насъ всегда почти и вездѣ самой жалкой и несчастной, мнѣ всегда вспоминалась картина беззаботной и сытной батрачьей жизни, нарисованная «Московскими Вѣдомостями». Едва ли что-ни-

будь безсердечнѣе и злостнѣе этого изображенія встрѣчалось когда-нибудь въ нашей литературѣ! Еще недавно припомнилась мнѣ эта картина теплой чистой избы и жирныхъ горячихъ щей, отъ которыхъ паръ валитъ клубомъ, при чтеніи одной корреспонденціи изъ Каргопольскаго уѣзда («Бирж. Вѣд.» №255), въ которой описывается жизнь крестьянъ Фатьяновской волости, оставившихъ земледѣліе и запявшихся бурлачествомъ. Корреспонденція очень замѣчательна не только тѣмъ, что изображаетъ наглядно, какъ у насъ довольствуютъ батраковъ, но и тѣмъ, что показываетъ, какъ легко оторвать крестьянина отъ земли, не давая ему достаточнаго количества земли для хозяйства, и какъ потомъ трудно направить его на прежній путь. Потому мы приведемъ эту корреспонденцію in extenso. Фатьяновская волость лежитъ на р. Мошѣ. Земля здѣсь, какъ и вообще въ Олонецкой губерніи, плохая, и крестьяне перебиваются кой какъ; но вотъ въ 1860 году разнеслась вѣсть, что нѣтъ выгоднѣе работъ, какъ идти на лѣтнее время въ бурлаки на сгонъ лѣса; вѣсть эта подтвердилась и примѣромъ двухъ-трехъ разжившихся на этомъ промыслѣ крестьянъ. Фатьяновскіе крестьяне обрадовались, что въ ихъ мѣстности, гдѣ невозможно найти никакого заработка, нашелся такой выгодный заработокъ на сторонѣ, и они ухватились за него. «Съ перваго взгляда—пишетъ корреспондентъ—и наемная цѣна, и условія отхожихъ промысловъ представляются настолько выгодными, что будто и желать лучше нельзя. Такъ, «на хозяйскихъ харчахъ» рабочій получаетъ въ недѣлю по 4 р. 50 к. и даже по 5 р., т. е. по 75 и 83 к. въ день. При этомъ, впередъ даютъ, тотчасъ при наймѣ, за полгода впередъ, всегда больше половины всей предстоящей годовой условленной платы. На эти деньги крестьянинъ уплачиваетъ подати, живетъ съ семьей полгода, покупаетъ сѣмена. По свѣдѣніямъ 1874 г., въ Фатьяновской волости вся наемная плата, за которую ушло 307 человѣкъ на заработки, составляла 16,675 руб.; впередъ получено было въ счетъ ея 8,533 р., изъ которыхъ уплачены были подати и оставалось принести съ промысловъ 8,142 р.; капиталъ этотъ долженъ былъ бы увеличиться 9,210 р. по 30 р. на каждаго человѣка отъ сбереженныхъ на его часть припасовъ, которые бы онъ проѣлъ дома. Всего, по этому разсчету, выходитъ, что промыслы внесли бы въ населеніе капиталъ въ 25,896 р. за семь мѣсяцевъ отлучки. Но при внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ условій этихъ отхожихъ заработковъ, оказывается, что они дѣйствуютъ губительно на благосостояніе крестьянина. Нанявшійся рабочій начинаетъ чувствовать гнетъ неволи съ перваго же дня выхода изъ дома. На «хозяйскіе харчи» онъ станетъ не только еще тогда, когда придетъ на мѣсто, но когда начнутся самыя работы, а до этого срока онъ долженъ проживаться на свой счетъ, сколько бы ни годнялъ его подрядчикъ, гдѣ ему выбралъ работу. Но вотъ онъ пришелъ на работу. Рѣки прошли, началась гонка и съ нею хозяйскіе харчи. На содержаніе, вообще, у всѣхъ подрядчиковъ на фабрикахъ, заводахъ, всегда жалуются. Но нигдѣ хозяйская пища не разрушаетъ и не отравляетъ такъ здоровья и жизни, какъ на сгонѣ и вырубкѣ лѣса. Какъ ни бѣдна и ни черна жизнь мошинскаго крестьянина, но онъ все же дальше отъ болѣзней и нужды у себя дома, нежели когда «покрутится» впередъ 40 руб. и обречетъ себя на скитаніе въ зной и дождь, жизнь на водѣ и въ болотѣ. Дома онъ ѣстъ хлѣбъ, испеченный съ овсомъ, но хлѣбъ свѣжій; ѣстъ масло, молоко, рыбу; спитъ и отдыхаетъ въ избѣ или подъ навѣсомъ строеній. Совсѣмъ не то на промыслѣ. Хлѣбъ печется разъ въ мѣсяцъ. Въ послѣднихъ числахъ можно встрѣтить такія зачерствѣвшія ковриги, что хоть руби топоромъ. Горохъ да каша — ежедневная пища. Масла не бываетъ. Въ скоромные дни въ горохъ кладется вяленая сушеная говядина, въ которой лѣтомъ и теплую весну заводятся черви; она прокисаетъ, и какъ ее ѣдятъ рабочіе — понять трудно. Въ постные дни артель не видитъ рыбы и пища готовится на одной водѣ. На обѣдъ опредѣляется только часъ времени. Отдыха не даютъ, работа продолжается и въ праздникъ. Несмотря на страшные холода весною, артели ужинаютъ на берегу. Работа идетъ съ 4 час. утра до 9 вечера въ сырыхъ понизьяхъ, иногда по колѣно въ водѣ. Водки не даютъ совсѣмъ. При такихъ лишеніяхъ, работѣ на открытомъ воздухѣ, при рѣзкихъ перемѣнахъ температуры, повальныя болѣзни—лихорадка, дифтериты, тифъ—постоянны. Рѣдко рабочій не похвораетъ на промыслѣ тою или другою изъ этихъ болѣзней; а за каждый день болѣзни рабочаго изъ слѣдующей ему платы, заработанной прежде, вычитается по 20 коп.; самое же время, когда онъ пролежалъ въ избѣ, неоплачивается вовсе. Въ этомъ одуряющемъ скитаніи и шатаніи рабочій теряетъ связь съ семьею, перестаетъ дорожить домомъ, родиной, измѣняетъ весь свой внутренній бытъ; мысли его отдаляются отъ земли и хлѣбопашества, онъ отвыкаетъ отъ хозяйства, заведеннаго порядка, становится на необезпеченную дорогу. Вмѣсто того, чтобы получить остальную половину—съ заборами на подкрѣпленіе и сбереженіе себя въ голодной, холодной жизни, съ вычетами за прогулъ, болѣзни, бракованный лѣсъ, остается еще должнымъ подрядчику. Съ промысловъ, или по здѣшнему, «съ бурлачества» онъ приходитъ домой ни съ чѣмъ, съ губительными зачатками разныхъ болѣзней. Хлѣбъ, остававшійся на его долю въ домѣ, съѣденъ, земля стариками, дѣтьми, да бабами засѣяна еще хуже. Передъ возвратившимся рабочимъ опять стоитъ роковая нужда, подати, уплата которыхъ не терпитъ. И вотъ тотъ же самый крестьянинъ, на слѣдующій годъ, опять нанимается въ «бурлаки», беретъ еще впередъ 40 р.

у другого подрядчика, который держитъ и поступаетъ съ нимъ точно такъ же, какъ и прежній. Въ 1874 г., вмѣсто остальной наемной платы—8,142 руб., принесено домой только 1,317 р. Въ мошинскомъ обществѣ рабочее населеніе, за исключеніемъ стариковъ и несовершеннолѣтнихъ—504 человѣкъ, составляло 970 душъ; изъ нихъ цѣлая треть молодыхъ лучшихъ силъ 307 бросило хлѣбопашество Цифры эти даютъ опредѣленное понятіе о томъ, какъ раззоряется вся волость бурлачествомъ. Всю прошлую зиму цѣна ржаной муки не понижалась у насъ дешевле 1 р 20 к. Бурлаки изъ Фатьяновской волости, затянувшись въ долгахъ, остановиться сами собою и выдти изъ такого положенія не могутъ. Въ безвыходномъ ихъ состояніи помощь должно оказать земство».

Вотъ вамъ и теплая чистая изба, и жирныя горячія щи, отъ которыхъ паръ валитъ клубомъ! Какъ ни плоха земля въ Олонецкой губерніи, и какъ ни скудное тамъ добывается отъ земли пропитаніе, а на своей землѣ и дома и тамъ, все-таки, крестьянину лучше, чѣмъ на хозяйскихъ харчахъ, съ ихъ жирными, горячими щами съ мясомъ! Мы приводимъ только корреспонденцію изъ Каргополя, потому что она относится къ текущему матеріалу, но всѣ извѣстія, которыя встрѣчались и встрѣчаются у насъ въ газетахъ о батрачной жизни, изображали и изображаютъ ее нелучшими краєками.

Не знаю, убѣдились ли «Московскія Вѣдомости» въ жалкой жизни батраковъ, или другой теперь подулъ вѣтеръ, чѣмъ былъ назадъ 8—9 лѣтъ, только онѣ начинаютъ открывать Америку, давно уже открытую, но открытіе которой они до сихъ поръ считали нужнымъ отвергать. «Превращенія людей необезпеченныхъ въ своемъ существованіи въ людей достаточныхъ,—поучаютъ онѣ,—увеличивая производительность однихъ предметовъ и потребленіе другихъ и развивая внутреннюю торговлю страны, конечно, полезнѣе для нея, чѣмъ мнимыя выгоды торговыхъ балансовъ, основанныя на громадномъ отпускѣ сырыхъ произведеній за границу, возвращающихся оттуда въ обдѣланномъ видѣ, причомъ съ населенія взимается въ пользу иностранцевъ пошлина и за обработку и за двойной провозъ».

Какъ видите, и Рикардо, и Макъ-Куллохъ, и всѣ плутократическія школы политической экономіи теперь по боку! На сцену выступаетъ въ чистомъ видѣ поборникъ нѣ безсмысленнаго накопленія капиталовъ, а народнаго благосостоянія и довольства, Адамъ Смитъ, такъ сокрушавшійся объ исчезновеніи мелкихъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ! Чѣмъ болѣе, говорятъ «Моск. Вѣд.» крестьянъ изъ бѣдныхъ будетъ дѣлаться достаточными, тѣмъ болѣе будетъ увеличиваться потребленіе, тѣмъ болѣе будетъ развиваться производство въ виду этого потребленія, тѣмъ шире становиться будетъ внутренній рынокъ и внутренняя торговля. А самое желательное, конечно, чтобы всѣ крестьяне могли получить столько земли, чтобы изъ бѣдныхъ могли сдѣлаться достаточными. Но гдѣ же взять столько земель? «Моск. Вѣд.» отвѣчаютъ на это вотъ что:

«А что у насъ есть еще чѣмъ надѣлять нуждающееся въ землѣ сельское населеніе, это доказываетъ продажа земель, въ послѣднее время, въ Западной Сибири. Водвореніе на этихъ земляхъ крестьянъ-землевладѣльцевъ изъ малоземельныхъ губерній принесло бы государству болѣе пользы, чѣмъ выручка за проданныя земли. Точно также, регулированіемъ башкирскихъ земель и обращеніемъ (за надѣломъ достаточнымъ количествомъ башкиръ) всего остального излишка на водвореніе русскихъ крестьянъ было бы несравненно полезнѣе, чѣмъ сомнительная продажа этихъ земель башкирами спекулянтамъ, на основаніяхъ въ родѣ тѣхъ, какъ обыкновенно покупаютъ земли у дикихъ народовъ или у индійцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ. А сколько земель въ Черноморскомъ округѣ и другихъ мѣстахъ на Кавказѣ можно было бы обратить на правильное переселеніе, между тѣмъ какъ теперь всѣмъ этимъ дѣломъ овладѣла спекуляція».

Въ этихъ строкахъ затрогивается весьма важный вопросъ, на который давно уже слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе и подвергнуть его тщательной обработкѣ. Въ древнія времена, при образованіи и первоначальномъ развитіи государствъ, государственныя земли, вездѣ, какъ и у насъ, раздавались за разныя заслуги чиновникамъ, военнымъ и гражданскимъ. При обиліи земель, при малочисленности населенія, такая раздача служила къ несомнѣнной выгодѣ государства. Сильный человѣкъ, получивъ въ свое владѣніе землю, быстро превращалъ ее изъ пустынной въ населенную. Онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ всѣ средства, чтобы привлечь къ себѣ населеніе и расположить его жить на своихъ земляхъ. Онъ давалъ ему орудія и запасы, необходимыя для воздѣлыванія земли, онъ защищалъ его отъ нападеній разбойниковъ и вообще лихихъ людей, а также ограждалъ отъ набѣговъ и раззореній приказнаго люда. Съ наступленіемъ феодальной системы земли стали отдаваться въ наемъ съ сидѣвшимъ на нихъ и прикрѣпленнымъ къ землѣ населеніемъ. Цѣль отдачи земель видоизмѣнилась или, правильнѣе сказать, усложнилась новою цѣлью. Вассалъ, получившій въ ленъ землю, былъ, нѣкоторымъ образомъ, какъ бы военнымъ начальникомъ, обязаннымъ обучать свое населеніе военному ремеслу, снабжать его всѣмъ нужнымъ для войны и, по требованію своего сюзерена, доставлять ему требуемый контингентъ воиновъ. Съ паденіемъ феодальной системы начинается прямо крѣпостное состояніе, гдѣ люди и земли дѣлаются частною собственностію бывшихъ своихъ феодальныхъ владѣльцевъ или ихъ потомковъ; всякія государственныя цѣли въ такомъ владѣніи исчезаютъ, и оно дѣлается прямо безсмысленнымъ и вреднымъ для государствен-

наго развитія. Потому усилившаяся королевская власть начинаетъ борьбу противъ крѣпостного права, и тѣмъ или другимъ способомъ люди вырываются изъ бывшаго порабощенія и дѣлаются свободными; но землевладѣльцы успѣваютъ или почти вполнѣ удержать за собою земли, какъ въ Англіи, или въ значительной части, какъ на континентѣ. Тогда передъ Европой открывается новое зло — порабощеніе людей буржуазное, состоящее въ отобраніи у нихъ орудій и матеріаловъ производства и сосредоточеніе ихъ въ немногихъ рукахъ. Съ этого времени государство стало вообще осторожнѣе въ отчужденіи земель не только государственныхъ, но и коммунальныхъ. Раздача же земель въ пожалованіе совершенно прекратилась. У насъ не существуетъ такого недостатка въ землѣ, какъ въ Европѣ, и въ настоящее время. Тѣмъ не менѣе, съ уничтоженіемъ крѣпостного права сдѣлалось ясно для всѣхъ, какъ невыгодно для государства отчуждать въ частное владѣніе свои земли безъ обязательства дать имъ то или другое производительное употребленіе. Тогда какъ освобожденное крестьянское населеніе скучено на недостаточныхъ надѣлахъ, на которыхъ невозможно вести хозяйство — среди этого населенія множество помѣщичьихъ земель остаются почти совершенными пустырями. Это — въ мѣстностяхъ, съ почвою плохою или средняго качества; въ мѣстностяхъ же плодородныхъ и густонаселенныхъ владѣльческія земли служатъ только къ эксплуатаціи крестьянъ, ибо отдаются послѣднимъ въ кортомъ на началахъ коттерства. Несмотря на это, остающіяся пустопорожними государственныя земли отчуждаются въ частное владѣніе и теперь, по прежнему, огромными площадями и безъ всякаго обязательства. Очевидно, совершенно выпускается изъ виду, что земли эти, какъ и земли бывшихъ помѣщиковъ, будутъ служить или къ эксплуатаціи мелкихъ земледѣльцевъ, если будутъ заселяемы, или, оставаясь пустырями, не будутъ приносить того дохода государству, который могли бы приносить, если бы были розданы крестьянамъ. «Моск. Вѣд.» справедливо говорятъ, что слѣдовало бы измѣнить существующую у насъ систему раздачи земель, и земли, остающіяся пустопорожними въ Сибири, въ башкирскихъ земляхъ, на Кавказѣ, въ Крыму раздавать въ собственность мелкимъ земледѣльцамъ, а не спекулянтамъ, пріобрѣтающимъ ихъ единственно для эксплуатаціи чужого труда и для хищническаго истощенія почвы.

Мнѣ теперь слѣдовало бы поговорить еще о томъ, какъ сила вещей дѣйствуетъ на измѣненіе понятій о крестьянской общинѣ, но обозрѣніе мое и такъ вышло велико, и я отложу это до слѣдующаго раза, а теперь долженъ сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ газетѣ «Сибирь», почтившей своимъ вниманіемъ мою краткую замѣтку о сибирскомъ университетѣ, помѣщенную въ іюньскомъ обозрѣніи.

Авторъ статьи, помѣщенной въ газетѣ «Сибирь», доказываетъ, что я ошибаюсь, когда говорю, что основаніе университета въ Сибири *теперь* рановременно. Положимъ, говоритъ онъ, что университетъ будетъ плохъ, что мѣстные уроженцы станутъ уѣзжать въ другіе университеты; но, продолжаетъ онъ, „университетъ, какъ и всякая ученая корпорація, имѣетъ цивилизующее вліяніе на страну, независимо отъ того образованія, какое онъ даетъ учащемуся юношеству... Если здѣшній отдѣлъ географическаго общества, учрежденіе, состоящее почти исключительно изъ диллетантовъ науки, имѣетъ свою долю образовательнаго вліянія на общество, если такое вліяніе имѣли въ Сибири даже (!!) небольшія кучки образованныхъ людей, собравшихся гдѣ нибудь въ Ялуторовскѣ или Петровскомъ заводѣ, то изъ этого можно заключить, *какъ велико будетъ вліяніе дѣйствительно ученой и серьезно преданной наукѣ корпораціи*“. Прежде, чѣмъ разсуждать съ авторомъ объ этомъ основномъ первѣ его возраженій противъ меня, я долженъ устранить изъ его рѣчи, неизвѣстно какъ и почему попавшіе въ нее, кружки образованныхъ людей въ Ялуторовскѣ или на Петровскомъ заводѣ. Кружки образованныхъ людей — не ученыя корпораціи и ничего даже общаго съ послѣдними не имѣютъ. Подобные кружки, какъ напримѣръ, бывшій кружокъ Станкевича, бываютъ прямымъ продуктомъ образованнаго общества, и хотя составляются они обыкновенно изъ людей, проходившихъ всякія науки — и тѣ, которыя преподаются въ университетѣ, и тѣ, которыя не преподаются — но они всѣ свои знанія посвящаютъ общественнымъ цѣлямъ. Объ нихъ нельзя говорить такимъ образомъ, что, если, дескать, они имѣли вліяніе, то какое же вліяніе будетъ имѣть университетъ? — Подобные кружки иногда даютъ свѣтъ и жизнь университетамъ, такъ что исчезаетъ кружокъ — и университетъ, бывшій свѣтиломъ для цѣлаго общества, превращается просто въ перворазрядное учебное заведеніе. И такъ, кружковъ образованныхъ людей, въ томъ смыслѣ, какъ я сейчасъ ихъ объяснилъ, какъ продукта образованнаго общества, у котораго интересы въ тысячу разъ сложнѣе, чѣмъ у чистыхъ служителей науки, смѣшивать въ одно съ учеными корпораціями не слѣдуетъ. Что касается до ученыхъ корпорацій an sich, представленныхъ, какъ выражается авторъ статьи, «независимо отъ того образованія, какое они даютъ учащемуся юношеству», то я имѣю смѣлость думать, вопреки автору статьи, что они не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого цивилизующаго вліянія на страну. Если бы въ каждомъ изъ сибирскихъ городовъ какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, основать по одной академіи наукъ, то Сибирь осталась бы навсегда точно такою же, какова она есть и теперь; только, можетъ быть, въ городахъ стали бы продаваться по болѣе высокимъ цѣнамъ жизненные припасы, потому что академики, получая

хорошіе оклады жалованья, подняли бы цѣны. Авторъ статьи говоритъ, что у нихъ имѣетъ вліяніе даже отдѣлъ географическаго общества и прибавляетъ: состоящій почти исключительно изъ диллетантовъ. Автору кажется, что еслибы географическій отдѣлъ состоялъ изъ спеціальныхъ ученыхъ, то онъ имѣлъ бы больше вліянія. А я думаю, что географическій отдѣлъ потому только и имѣетъ вліяніе, что онъ состоитъ изъ диллетантовъ. Не будь этого, о существованіи его никто не зналъ бы и знать бы не захотѣлъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ существуетъ много разныхъ спеціальныхъ ученыхъ обществъ, но они не только не имѣютъ цивилизующаго вліянія на общество, а даже и на своихъ собственныхъ членовъ. По крайней мѣрѣ, послѣдніе большею частію блистаютъ въ засѣданіяхъ обществъ только своимъ отсутствіемъ. Надѣюсь, послѣ этого, авторъ статьи согласится со мной, что если университетъ имѣетъ и можетъ имѣть цивилизующее вліяніе на общество, то не какъ ученая корпорація an sich, а какъ ученая корпорація, находящаяся въ связи и взаимодѣйствіи съ обществомъ,— и именно съ обществомъ. Даже образованіе, которое онъ будетъ давать юношеству, можетъ быть вовсе не цивилизующимъ. Вотъ во Франціи всѣ кричатъ теперь: «зачѣмъ позволили духовенству основывать университеты?» А кажется —чѣмъ не университеты? Всѣ науки будутъ читаться, вѣроятно, спеціальными знаменитостями. «Такъ нѣтъ, говорятъ—нельзя: духовенство съумѣетъ, говорятъ, напоить всѣ науки духомъ силлабуса и попятитъ развитіе юношества назадъ къ среднимъ вѣкамъ». Такъ вотъ видите ли: для цивилизующаго вліянія на общество мало того, чтобы существовала «ученая и серьезно преданная наукѣ корпорація», а нужно, чтобы она имѣла духъ, гармонирующій съ идеями и стремленіями современнаго общества. А этотъ духъ почерпается изъ книгъ и удерживается навсегда только головами очень здоровыми и стойкими въ профессорской корпораціи, головами, которыя и въ лучшихъ университетахъ составляютъ рѣдкость, вообще же вносится и поддерживается въ университетахъ уровнемъ развитія той среды, въ которой поставлены университеты и, сверхъ того, присутствіемъ въ ней болѣе или менѣе значительнаго количества сравнительно независимыхъ, свободныхъ элементовъ. Послѣднее обстоятельство очень важно. Можно, незадумываясь, основать университетъ въ Саратовѣ, Самарѣ, Курскѣ и т. д., но когда заходитъ рѣчь объ основаніи университета въ Иркутскѣ, Томскѣ или другомъ какомъ-нибудь городѣ Сибири, такъ тутъ нельзя не подумать, хотя, можетъ быть, верхи общества въ Иркутскѣ, Томскѣ и т. д. стоятъ не ниже саратовскихъ, симбирскихъ, курскихъ и т. д. Почему? Потому 1) что эти верхи въ Иркутскѣ и, вообще, въ сибирскихъ городахъ состоятъ всего изъ какого-нибудь десятка, двухъ десятковъ человѣкъ, а въ большихъ губернскихъ городахъ Россіи они составляютъ уже порядочной слой. 2) Въ большихъ городахъ Россіи всегда въ этомъ слоѣ есть много людей, матеріально вполнѣ обезпеченныхъ, ни отъ кого независимыхъ, которые, въ случаѣ какихъ-нибудь нареканій, пререканій, недоразумѣній и т. д. посмѣютъ кому угодно сказать въ глаза: —это правда, а то неправда; этотъ правъ, а этотъ неправъ. Эти люди имѣютъ, кромѣ того, близкія связи съ Петербургомъ и пользуются здѣсь полнымъ довѣріемъ. Ихъ нельзя тронуть или вступить съ ними въ борьбу безъ резоновъ вполнѣ основательныхъ. Въ Сибири такихъ людей независимыхъ и съ такими связями нѣтъ вовсе, или развѣ только какія нибудь единицы. 3) Самый чиновный міръ въ Россіи поставленъ совсѣмъ иначе. Разныя учрежденія въ губерніяхъ стоятъ здѣсь совершенно другъ отъ друга независимо, и одни изъ нихъ вовсе не имѣютъ никакого отношенія къ губернаторской власти, другія имѣютъ отношенія въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ случаяхъ. Слѣдовательно, служащіе въ различныхъ вѣдомствахъ люди не подгоняются подъ одинъ ранжиръ; есть слѣдовательно извѣстная свобода мнѣній и сужденій даже для людей чиновнаго міра. Если объ васъ, о томъ или другомъ мнѣніи вашемъ, такъ думаетъ членъ губернскаго правленія, то иначе могутъ думать члены судебныхъ учрежденій, мировые судьи, гласные земства и т. д Въ Сибири все чиновное сословіе составляетъ почти одну корпорацію, настраиваемую однимъ камертономъ; каждая разноголосица съ нимъ есть уже, нѣкоторымъ образомъ, чиновное преступленіе. Какая свобода мнѣній возможна въ такомъ обществѣ? И какой можетъ образоваться *духъ* въ университетѣ при подобномъ жалкомъ составѣ и положеніи общества? Я согласенъ, что, пока будетъ генералъ-губернаторомъ такой просвѣщенный и либеральный человѣкъ, какъ генералъ-адъютантъ Казнаковъ, университетъ сибирскій будетъ дышать свободно. Но представимъ себѣ, что его замѣнитъ другой генералъ-губернаторъ, который найдетъ, что гораздо будетъ полезнѣе, если университетъ будетъ походить на артиллерійское училище или на юридическую военную академію (и, относительно говоря, тутъ худого ничего еще нѣтъ, хотя для университета подобное сходство равносильно смерти)—на кого тогда обопрется университетъ, чтобы отстоять свое право быть университетомъ? Я забылъ упомянуть объ одномъ еще немаловажномъ преимуществѣ россійскихъ городовъ—что здѣсь черезъ большую часть губернскихъ городовъ проходятъ желѣзныя дороги; есть, по крайней мѣрѣ, дороги въ тѣхъ городахъ, о которыхъ я упомянулъ выше. Еслибы, значитъ, въ этихъ городахъ какого нибудь профессора (предполагая, что въ нихъ существуетъ университетъ) провинціальная жизнь сильно уже доѣла и переносить ее стало не въ моготу, то онъ можетъ сѣсть на первый отходящій поѣздъ—и былъ таковъ. Въ Сибири даже

этого утѣшенія нѣтъ. Въ случаѣ непріятностей, которыя тамъ возможны скорѣе, чѣмъ гдѣ ни будь, извольте сидѣть въ качествѣ зачумленнаго, безъ всякой поддержки и ободренія со стороны пригнетеннаго общества, и ждать... пока васъ, быть можетъ, посадятъ въ острогъ.

Авторъ статьи говоритъ, что, требуя стипендій въ столичныхъ университетахъ для сибирскихъ уроженцовъ и для нихъ же только служебныхъ привилегій, я хлопочу только о хорошихъ чиновникахъ для Сибири, а не о сибирскомъ обществѣ, забывая притомъ, что хорошій чиновникъ можетъ быть какъ изъ уроженцевъ сибирскихъ, такъ и россійскихъ—слѣдовательно, дескать, послѣдніе отъ привилегій устраняемы быть не должны, были бы только достойные. Авторъ статьи совершенно меня не понялъ. Именно, прежде и болѣе всего, я хлопочу о томъ, чтобы образовать нужное для университета сибирское общество. Какъ его можно образовать? Привлеченіемъ возможно большаго числа образованныхъ элементовъ въ Сибирь и ихъ прочнымъ тамъ водвореніемъ. Но я убѣжденъ, что никакой россійскій уроженецъ, имѣющій возможность сдѣлать карьеру въ Россіи, не поѣдетъ навсегда въ Сибирь. Онъ поѣдетъ туда на два, на три года, много на нѣсколько лѣтъ, чтобы посмотрѣть. Если же на осѣдлость этихъ элементовъ въ Сибири разсчитывать нечего, такъ и привлекать ихъ въ Сибирь нѣтъ никакой особенной надобности. Дѣло обойдется и безъ нихъ. Привлеченіе же образованныхъ уроженцевъ Сибири на службу я считалъ важнымъ не въ виду ихъ только чиновничьей карьеры, а въ виду ихъ дальнѣйшей дѣятельности и постоянной осѣдлости въ Сибири. Служебныя привилегіи, даваемыя сибирскимъ чиновникамъ, требуютъ всего трехлѣтней службы. Нашлись бы, вѣроятно, многіе изъ отправляющихся на службу въ Сибирь, которые не стали бы вѣчно сидѣть въ канцеляріяхъ, а нашли какія нибудь другія для себя занятія въ сферахъ дѣятельности внѣ чиновнаго міра, совершенно ихъ обезпечивающія и дающія самостоятельность, а можетъ быть, проложили бы кой въ чемъ и новые пути для самостоятельной дѣятельности. Вотъ такіе піонеры были бы дѣйствительно пріобрѣтеніемъ для Сибири, ядромъ того новаго общества, при которомъ университетъ можетъ быть дѣйствительнымъ университетомъ, а не дрессирующимъ только перворазряднымъ учебнымъ заведеніемъ.

Ноябрь 1875.

„Русскія Вѣдомости“ и вопросъ о переселеніи крестьянъ.—Шаткость нашихъ финансовъ отъ аграрнаго неустройства.—Крушеніе ссуднаго коммерческаго банка въ Москвѣ; поведеніе бывшихъ заправителей этого банка по отношенію къ публикѣ во время катастрофы.— Можно ли считать болѣе благонадежными наши поземельные банки?—Отказъ Н. Н. Пантелѣевымъ 900,000 р. на выкупъ крестьянъ Порховскаго уѣзда.— Передѣлы крестьянскихъ общинныхъ земель; газета „Еженедѣльникъ“; мнѣніе съѣзда харьковскихъ землевладѣльцевъ о преобразованіи крестьянской общины въ земледѣльческую артель и проектъ организаціи такой артели.—Выгоды для земледѣлія отъ такого преобразованія.

Среди газетъ, причисляемыхъ у насъ къ такъ называемой *малой* прессѣ, самымъ замѣтнымъ образомъ выдѣляется изъ всѣхъ издаваемая въ Москвѣ газета «Русскія Вѣдомости». Несмотря на то, что, по цѣнѣ своей, она болѣе, чѣмъ вдвое, дешевле нашихъ большихъ газетъ и нѣсколько дешевле даже малыхъ, она смѣло можетъ быть поставлена въ образецъ и тѣмъ, и другимъ по своимъ внутреннимъ качествамъ. Главное ея достоинство состоитъ въ томъ, что она постоянно вѣрна себѣ самой и послѣдовательна. Держась твердо умѣренно-либеральныхъ воззрѣній, она никогда не измѣняетъ имъ ни въ ту, ни въ другую сторону; она не старается завлекать читателя какими нибудь случайными ультра-либеральными и радикальными выходками; но зато отъ нея не отдаетъ никогда ни запахомъ постнаго масла, какъ отъ «Современныхъ Извѣстій», ни запахомъ аракчеевщины, какъ отъ «Московскихъ Вѣдомостей», ни тѣмъ отвратительнымъ и, большею частію, безъ всякой нужды заявляемымъ холопствомъ, букетъ котораго то и дѣло болѣе или менѣе чувствуется во многихъ изъ нашихъ газетъ. При этомъ, газета «Русскія Вѣдомости» ведетъ свое дѣло вообще толково и, что у насъ рѣдко встрѣчается, съ тактомъ, умѣя различать относительную важность представляющихся ей для разсмотрѣнія вопросовъ. Она не пускается съ серьезнымъ видомъ знатока въ безконечныя разсужденія о пустякахъ и не оставляетъ безъ вниманія ни одного серьезнаго вопроса, давая мѣсто каждому, смотря по его значенію. Ни въ одной газетѣ мы не встрѣчали столько статей по различнымъ сторонамъ крестьянскаго вопроса, какъ въ «Русскихъ

Вѣдомостяхъ»: онѣ то и дѣло возвращаются къ нему по каждому вновь представившемуся случаю. Одно уже такое упорное настаиванье на важности одного изъ существеннѣйшихъ и главнѣйшихъ вопросовъ нашей жизни, нынѣ бо́льшею частію игнорируемаго, служитъ, по нашему мнѣнію, достаточной рекомендаціей разумности газеты. Ко всему этому я долженъ присовокупить, что, несмотря на свой малый, сравнительно съ большими газетами объемъ, «Русскія Вѣдомости» по многимъ вопросамъ даютъ передовыя статьи гораздо основательнѣе и разностороннѣе обработанныя, чѣмъ большія газеты. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о переселеніи крестьянъ, ради котораго собственно мы теперь и ведемъ рѣчь о «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Объ этомъ вопросѣ разсуждали недавно многія изъ нашихъ газетъ: однѣ—по поводу статьи г. Чаславскаго въ «Сборникѣ государственныхъ знаній»—«о земледѣльческихъ отхожихъ промыслахъ въ связи съ переселеніемъ крестьянъ», другія—по поводу сообщеннаго «Русскимъ Міромъ» извѣстія объ учрежденіи коммиссіи по переселенію крестьянъ. Мы сличимъ здѣсь статьи четырехъ газетъ по этому вопросу: «Биржевыхъ Вѣдомостей», «Новаго Времени», «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскихъ Вѣдомостей». Это сличеніе кстати послужитъ дополненіемъ къ тому, что мы сказали о переселеніи въ прошедшемъ нашемъ обозрѣніи.

Двѣ статьи «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 256 и 264) имѣютъ характеръ челобитья, въ которомъ обстоятельно излагается настоятельная необходимость въ переселеніи и указываются тѣ формальныя и матеріальныя затрудненія, которыми нынѣ обставлено стремленіе крестьянъ къ переселенію.

«*Новое Время*» (№ 231) разсматриваетъ существующія у насъ узаконенія и постановленія о крестьянскихъ переселеніяхъ и приходитъ къ тому выводу, что ими не только не стѣсняется, а предполагается постоянное движеніе крестьянскаго переселенія и, въ виду этого, порядокъ водворенія переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ организованъ до мелочей, съ этою же цѣлію каждогодно отводятся для переселенцевъ огромныя площади свободныхъ земель. «Но, продолжаетъ «Новое Време», *административною практикою* выработанъ иной взглядъ, отрицающій возможность крестьянамъ отказываться отъ полученныхъ надѣловъ для переселенія на новыя свободныя мѣста. Другими словами, введенъ принципъ не только окончательности, но и неподвижности крестьянскихъ надѣловъ, не оправдываемый ни сравнительною количественностью крестьянскаго населенія въ разныхъ мѣстахъ, ни видами на успѣхъ земледѣльческой культуры въ будущемъ». Кого же, спрашивается, селятъ на мѣстахъ, отводимыхъ для переселенцевъ? Населеніе бродячее, неимѣющее земли или вовсе земледѣліемъ не занимавшееся, или болѣе или менѣе успѣвшее отвыкнуть отъ земледѣлія, какъ-то: бывшихъ вольноотпущенныхъ, фабричныхъ людей, дворовыхъ, бобылей, отставныхъ солдатъ, лицъ, исключенныхъ изъ духовнаго званія для избранія рода жизни. Мысль прочно водворить этихъ бездомныхъ людей и пріучить ихъ къ земледѣлію, конечно, прекрасная; но сомнительно, чтобы на дѣлѣ она часто сопровождалась желательными результатами. Очень трудно человѣка, не занимавшагося никогда земледѣльческимъ трудомъ или успѣвшаго отвыкнуть отъ него, снова пріучить къ этому труду. Но въ то время, когда администрація, повидимому, съ такою отеческою заботливостію, съ одной стороны, хлопочетъ о прочномъ водвореніи бродячаго люда и надѣленіи его землею, она же сама, съ другой, порождаетъ новые, гораздо многочисленнѣйшіе классы бродячихъ людей въ средѣ крестьянства, «владѣющаго на старыхъ мѣстахъ номинальнымъ земельнымъ надѣломъ, истощеннымъ и никуда уже не пригоднымъ». Такимъ образомъ, происходитъ какая-то странная работа, которую, по меньшей мѣрѣ, надобно назвать безплодной.

Подобный способъ дѣйствій не могъ выработаться въ административной практикѣ безъ причины. Причина эта довольно ясно обозначена въ приведенномъ нами, въ прошедшемъ обозрѣніи, извѣстіи «Русскаго Міра» объ учрежденіи особой коммиссіи по вопросу о переселеніи, гдѣ, между прочимъ, говорится, что коммиссіи вмѣняется въ обязанность «количество переселенцевъ ограничить извѣстнымъ процентомъ наличнаго числа жителей данной мѣстности, что признается необходимымъ въ тѣхъ видахъ, чтобы воспрепятствовать переселенію въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ въ покидаемыхъ крестьянами мѣстностяхъ могъ бы оказаться недостатокъ рабочихъ рукъ». И такъ, опасеніе, что, съ дозволеніемъ свободнаго переселенія, можетъ удалиться изъ мѣстъ нынѣшняго заселенія столько народу, что землевладѣльцы, обработывающіе свои земли посредствомъ найма или отдающіе ихъ въ кортомъ, не будутъ находить: одни — дешевыхъ рабочихъ для обработки своихъ земель, другіе—дорогихъ съемщиковъ для ихъ кортому—вотъ коренная причина, по которой теперь административною практикою стѣсняются крестьянскія переселенія и по которой и впредь предполагается допустить ихъ только въ ограниченномъ числѣ. Ограниченіе переселеній, вѣроятно, въ тѣхъ же видахъ, признаетъ нужнымъ и «Новое Время». Только оно требуетъ, чтобы вопросъ о томъ—какіе именно крестьяне должны быть переселяемы и въ какомъ числѣ?—рѣшала администрація не непосредственно, а при посредствѣ земствъ, которыя для этой цѣли должны быть облечены правомъ заявлять ходатайства крестьянъ, желающихъ переселенія. Надобно надѣяться, что, съ привлеченіемъ земствъ къ участію въ дѣлѣ крестьянскихъ переселеній, дѣло это во многихъ мѣстностяхъ пойдетъ гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ оно пошло бы безъ его посредства. Потому что земства могутъ имѣть въ рукахъ всѣ необходимыя данныя для рѣшенія

вопроса о томъ: нуждаются ли находящіеся въ ихъ вѣдѣніи крестьяне въ переселеніи, какіе именно нуждаются, кто изъ нихъ болѣе, кто менѣе, въ какомъ числѣ душъ настоятельно немедленное переселеніе и въ какомъ числѣ оно можетъ быть отложено до времени? Но вотъ въ чемъ вопросъ: захотятъ ли всѣ земства отнестись къ вопросу о переселеніи съ тѣмъ вниманіемъ и, главное, съ тѣмъ безпристрастіемъ, котораго оно требуетъ? Извѣстно, что во всѣхъ земствахъ, въ настоящее время, преобладаетъ крупно-землевладѣльческій элементъ. Вопросъ же о переселеніи крестьянъ тѣсно связанъ съ выгодами землевладѣльцевъ. Чѣмъ гуще народонаселеніе, чѣмъ меньше у крестьянъ надѣлъ, чѣмъ больше въ населеніи батраковъ, тѣмъ ниже заработная плата, тѣмъ выше кортомныя и продажныя цѣны на земли. Въ видахъ поддержанія хозяйства владѣльческихъ земель и стѣснялись, какъ мы уже видѣли, административною практикою крестьянскія переселенія до сихъ поръ, и, въ тѣхъ же видахъ, предполагается ограниченіе ихъ въ будущемъ. Мы, конечно, нисколько не сомнѣваемся, что найдется не мало земствъ, гдѣ землевладѣльцы не увлекутся тѣми эфемерными выгодами, которыя доставляютъ имъ въ настоящее время ихъ земли, при теперешнемъ ненормальномъ положеніи дѣла, и отнесутся къ вопросу о переселеніи со всѣмъ вниманіемъ и полною добросовѣстностію. Но въ такомъ важномъ для государства вопросѣ, какъ вопросъ о правильномъ аграрномъ устройствѣ населенія, никакъ нельзя довольствоваться тѣмъ, что можетъ дать для пользы дѣла случайное личное настроеніе тѣхъ или другихъ лицъ, выгоды которыхъ стоятъ въ разрѣзъ съ видами государства. Тутъ вопросъ должны рѣшать тѣ, чьи выгоды вполнѣ совпадаютъ и съ выгодами государства, т. е. крестьяне, трудъ которыхъ, при недостаткѣ земли, погибаетъ равно безплодно и для нихъ, и для государства.

«Московскія Вѣдомости» справедливо, какъ мы видѣли уже, говорятъ, что польза государства требуетъ, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ такое количество земли, которое бы его вполнѣ обезпечивало и дѣлало достаточнымъ. и что, слѣдовательно, каждый крестьянинъ, у котораго нѣтъ обезпечивающаго его количества земли, имѣетъ право на переселеніе и не можетъ быть стѣсняемъ въ желаніи переселиться, если таковое у него есть. Иначе сказать: право переселенія должно быть вполнѣ свободно для всѣхъ крестьянъ.

Развивая мысль о свободѣ крестьянскихъ переселеній, «Русскія Вѣдомости» (№ 214) доказываютъ, что опасеніе, будто мѣста, покидаемыя переселенцами, останутся безъ рабочихъ рукъ—опасеніе совершенно неосновательное, что, между тѣмъ, всякое стѣсненіе этой свободы, несправедливое въ самомъ принципѣ, повело бы къ величайшимъ несправедливостямъ при практическомъ разрѣшеніи вопроса о переселеніи крестьянъ. Что движеніе переселенцевъ—говорятъ онѣ — должно имѣть свои границы—это не подлежитъ сомнѣнію; но такія границы даются сами собою дѣйствіемъ естественныхъ законовъ. Эмиграція будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока на мѣстахъ заселяемыхъ условія жизни будутъ выгоднѣе, нежели на мѣстахъ покидаемыхъ. Первые поселенцы пожнутъ въ новой странѣ самые обильные плоды; но ихъ преемники, по мѣрѣ занятія края, будутъ получать уже меньшее вознагражденіе за свой трудъ. Между тѣмъ, въ покидаемыхъ мѣстахъ разрѣженіе населенія естественно будетъ имѣть слѣдствіемъ постоянное возрастаніе заработковъ. Этими двумя противоположными теченіями цѣнъ труда—нисходящимъ въ заселяемыхъ мѣстностяхъ и восходящимъ въ покидаемыхъ—рано или поздно, и тамъ, и здѣсь, вознагражденіе труда будетъ приведено къ одному и тому же уровню, и тогда наступитъ конецъ выселенію. Всякая попытка парализовать дѣйствіе этого закона есть несправедливое посягательство на свободу лица. Чѣмъ виноваты люди, которыхъ новая мѣра задерживаетъ въ мѣстности, откуда они стремятся, подъ тѣмъ предлогомъ, что кто-то можетъ пострадать отъ недостатка рабочихъ рукъ? Такая задержка равнялась бы наложенію на свободныхъ людей обязанности продавать свой трудъ въ пользу лицъ извѣстнаго класса по низшей цѣнѣ, сравнительно съ стоящею на рынкѣ. Какъ бы близко ни принимало государство къ сердцу интересы отдѣльнаго класса, но подобное посягательство на свободное самоопредѣленіе одного лица ради выгоды другого идетъ въ разрѣзъ съ коренными идеями нашего вѣка, равно какъ съ основнымъ направленіемъ законодательства настоящаго царствованія. Съ другой стороны, проектированная мѣра установляетъ для опредѣленія границъ колонизаціи принципъ крайне шаткій и допускающій обширное поприще для произвола и случайности. Разрѣшеніе или запрещеніе выселяться будетъ поставлено въ зависимость отъ обилія или недостатка рабочихъ рукъ. Но понятіе о недостаткѣ рабочихъ рукъ есть, очевидно, относительное. Землевладѣлецъ жалуется на такой недостатокъ всякій разъ, какъ только онъ не находитъ рабочихъ по цѣнѣ, какую платилъ до тѣхъ поръ; между тѣмъ, стоитъ увеличить цѣну, и отъ рабочихъ не будетъ отбоя. Въ тѣхъ самыхъ губерніяхъ, откуда, вслѣдствіе чрезмѣрной населенности, крестьяне цѣлыми тысячами отправляются въ отхожіе промыслы, сплошь и рядомъ раздаются голоса о невозможности достать рабочихъ. Курскій землевладѣлецъ уже начинаетъ кричать объ отсутствіи рабочихъ, какъ скоро не оказывается охотниковъ обработывать его поля по 5 руб. за десятину. Между тѣмъ очевидно, что самое стремленіе удалиться съ привычнаго насиженнаго мѣста, самая рѣшимость на лишенія во время отдаленнаго переѣзда есть уже признакъ избытка рабочихъ рукъ, невозможности найти для труда занятіе, обезпечивающее человѣку сколько нибудь сносное существованіе. Та-

кимъ образомъ, вопросъ объ обиліи и недостаткѣ рабочихъ рукъ можетъ быть рѣшаемъ совершенно различно, смотря потому, смотритъ ли рѣшающій на дѣло съ точки зрѣнія крестьянина, или землевладѣльца. Кто бы ни былъ судьею вѣрности этихъ противоположныхъ взглядовъ, ему, во всякомъ случаѣ, будетъ трудно, подъ многообразными побочными вліяніями, удержаться въ столь деликатномъ вопросѣ на почвѣ строгой справедливости».

Но если не должна быть стѣсняема свобода крестьянъ, желающихъ занимать пустопорожнія государственныя земли для собственноручной обработки, и всякое вмѣшательство въ этомъ случаѣ государства неизбѣжно поведетъ ко вреду общаго благосостоянія и интересовъ самаго государства, то, съ другой стороны, государство не только можетъ, но на немъ лежитъ обязанность стѣснять свободу въ занятіи пустопорожнихъ земель для тѣхъ лицъ, которыя захватываютъ послѣднія для эксплуатаціи чужого труда и спекуляціи. Безъ такого стѣсненія правильное аграрное устройство невозможно ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. «Историческій опытъ показываетъ, пишутъ «Русскія Вѣдомости»:—что предоставленное безконгрольному произволу частныхъ лицъ заселеніе новыхъ земель совершается обыкновенно лишь въ минутномъ интересѣ случайныхъ ихъ обладателей и въ прямой ущербъ прочнымъ выгодамъ цѣлой страны. Прежде нежели успѣетъ проникнуть въ новую мѣстность токъ здоровой колонизаціи, которая дѣйствительно примется за обработку земель, свободныя земли захватываются или черезъ покупку за безцѣнокъ, или черезъ иные легкіе способы пріобрѣтенія ловкими спекулянтами, которые затѣмъ, безъ всякаго труда, наживаются отъ возрастающей при заселеніи стоимости земель. Не обращаясь даже къ примѣру занятія Новаго Свѣта, мы найдемъ въ собственномъ отечествѣ не мало такихъ опытовъ. Всякій, кто читалъ извѣстную «Семейную хронику» С. Т. Аксакова, припомнитъ, за какую ничтожную сумму пріобрѣтались, въ описываемое имъ время, оренбургскія степи. Занятіе Крымскаго полуострова, равно какъ Новороссійскаго Края, представляетъ другой недавній примѣръ такого рода. Нѣсколько недѣль тому назадъ былъ помѣщенъ въ газетахъ разсказъ крымскихъ татаръ о тѣхъ условіяхъ, на какихъ они встарину отчуждали земли. Имѣніе Верхняя Массандра было, по ихъ словамъ, продано князю Воронцову за четыре мѣрки пшеницы. Наконецъ, на нашихъ глазахъ происходятъ подобныя же явленія. Мы уже раньше писали о томъ, какая значительная часть земель захвачена частными лицами на сѣверномъ Кавказѣ, частію вслѣдствіе даровой раздачи крупныхъ участковъ, частію путемъ дешевой покупки. Такой же процессъ происходитъ теперь съ башкирскими землями. Недавно сообщали, что одно важное лицо купило у башкиръ нѣсколько тысячъ десятинъ по 1 рублю, тогда какъ рядомъ крестьяне заплатили по 7 руб. 50 коп. за десятину, да еще вынуждены были уступить своему вліятельному сосѣду лучшія разчищенныя ими земли».

Ту же самую мысль, т. е., что государство должно отчуждать свои зѣмли не тѣмъ, кто пріобрѣтаетъ ихъ единственно для эксплуатаціи чужого труда и спекуляцій, а мелкимъ землевладѣльцамъ, крестьянамъ, — проводятъ, какъ мы видѣли, и «Московскія Вѣдомости», но онѣ не указываютъ, какъ отбить у эксплуатаціи и спекуляціи охоту къ пріобрѣтенію земель, и, тѣмъ болѣе, какъ исторгнуть изъ ихъ рукъ тѣ земли, которыми онѣ уже завладѣли. «Русскія Вѣдомости» рекомендуютъ, въ отношеніи всѣхъ вообще земель, находящихся въ частномъ владѣніи, усвоить принципъ знаменитаго американскаго Homestead Law, по которому всякая земля, какъ скоро у ней есть частный владѣлецъ, должна считаться землею обработываемою и потому подлежитъ всѣмъ государственнымъ и общественнымъ налогамъ и сборамъ наравнѣ съ обработываемыми землями. Разъ этотъ принципъ будетъ принятъ, всѣ тѣ, у кого находятся въ рукахъ сотни или тысячи десятинъ земли безъ обработки, постараются поскорѣе или совсѣмъ сбыть ихъ съ рукъ, или по сходнымъ цѣнамъ отдать въ кортомъ нуждающимся въ нихъ земледѣльцамъ. Затѣмъ, земли и вновь будутъ пріобрѣтаться только тѣмъ или другимъ способомъ. Въ Америкѣ, сверхъ того, при отчужденіи государственныхъ земель по вышеупомянутому Homestead Law, отъ правительства можно было получить землю только тому, кто желалъ обработывать ее собственноручно. Ему давалось 160 акровъ или 43 русскія десятины земли *безплатно*, съ обязательствомъ прожить на ней пять лѣтъ безвыѣздно и заниматься обработкой. Во все это время онъ считался только пользующимся землей; купчую крѣпость на землю, въ качествѣ полнаго собственника, онъ получалъ не ранѣе, какъ по истеченіи этихъ пяти лѣтъ. Людямъ, которые сами собственноручно обработкой земли не занимались, отъ правительства земель вовсе не давалось. Только уже вслѣдствіе позднѣйшихъ поправокъ Homestead Law, правительство стало отчуждать свои зѣмли и людямъ, которые сами ихъ не обработываютъ, но не болѣе, какъ 160 акровъ въ однѣ руки, и взыскивая съ нихъ немедленно полностью всю сумму стоимости земли. Еслибы у насъ былъ принятъ американскій принципъ относительно частныхъ земель и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полная свобода переселенія, то, нѣтъ сомнѣнія, черезъ какихъ нибудь десять лѣтъ земледѣльческая производительность увеличилась бы не менѣе, чѣмъ въ шесть разъ. Считая, въ настоящее время, количество земледѣльческихъ работниковъ въ Россіи въ 6 милліоновъ человѣкъ, можно смѣло сказать, что они производятъ не болѣе шестой части того, что могли бы производить при нормальномъ аграрномъ устройствѣ.

У нихъ теперь или вовсе нѣтъ, или нѣтъ достаточнаго количества земли для работы, нѣтъ скота, нѣтъ порядочныхъ орудій. Многіе проводятъ все время единственно въ рысканіи по разнымъ мѣстностямъ, чтобы гдѣ нибудь и какъ-нибудь прокормиться, а у тѣхъ, которые остаются на работѣ на своей землѣ, нѣтъ, въ виду скуднаго вознагражденія или даже безплодности труда, и сотой доли энергіи, которая одушевляетъ земледѣльца состоятельнаго, трудящагося въ полной увѣренности, что трудъ его будетъ хорошо вознагражденъ. Дайте этимъ людямъ столько земли, сколько имъ нужно для обезпеченнаго хозяйства, и черезъ нѣсколько лѣтъ вы увидите, какой у нихъ явится прекрасный скотъ, какія орудія, какъ возрастетъ ихъ энергія—и тогда мы только поймемъ и почувствуемъ, сколько мы растрачиваемъ по пусту народныхъ силъ, какіе милліарды богатствъ теряемъ ежегодно! Назадъ тому десятка полтора или около того лѣтъ, одинъ талантливый публицистъ писалъ, что у насъ могли бы быть уничтожены всѣ косвенные налоги, и государственный доходъ могъ бы свободно покрываться прямыми налогами на капиталы и на землю.

Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ о налогѣ на ренту, какъ неудоборазрѣшимый для настоящаго времени, мы думаемъ, что, при правильномъ аграрномъ устройствѣ, т. е., когда бы эксплуатація и спекуляція были совершенно устранены отъ землевладѣлія и когда бы, при полной свободѣ переселенія, каждый земледѣлецъ имѣлъ столько земли, сколько нужно для хозяйства вполнѣ самостоятельнаго, и одной производительности было бы достаточно для того, чтобы поставить наши финансы на твердую ногу и избавить ихъ навсегда отъ тѣхъ колебаній и недочетовъ, которыми они то и дѣло страдаютъ въ настоящее время. Главная причина, отъ которой происходятъ всѣ бѣдствія нашихъ финансовъ, скрывается именно въ томъ, что подъ ними нѣтъ твердой почвы въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. нѣтъ правильнаго аграрнаго устройства. Отъ этого всѣ капиталы, добываемые народнымъ трудомъ, идутъ не въ тѣ руки, въ которыя они должны бы были употребляться, служатъ къ поддержкѣ и развитію не тѣхъ учрежденій, которыя были бы нужны и полезны для страны. Отъ того въ финансовомъ мірѣ все шатко, ненадежно, призрачно.

Недавно въ Москвѣ лопнулъ одинъ изъ богатѣйшихъ коммерческихъ банковъ. Банкъ этотъ до того считался прочнымъ и надежнымъ, что въ него не усомнилось положить свои деньги (600,000 р., бѣдные мужички!) московское земство. И какъ въ самомъ дѣлѣ было не считать этого банка самымъ надежнымъ изъ русскихъ банковъ, когда около него сосредоточивалось все, что было лучшаго въ коммерческомъ мірѣ Москвы по своей солидной и безупречной репутаціи! Учредителями банка были не то, что просто хорошія, а, что называется, первыя лица въ Москвѣ: Шумахеръ, Ляминъ, Бостанджогло, Борисовскій, Крестовниковъ, Вишняковъ, Корзинкинъ, Грачевъ, Гивартовскій, Лѣсниковъ, Волковъ. Главнымъ заправителемъ банка и директоромъ-распорядителемъ былъ сначала московскій городской голова Шумахеръ; потомъ на его мѣсто, по его выбору и указанію, поступилъ Полянскій, который и самъ, впрочемъ, былъ давно извѣстенъ Москвѣ и пользовался здѣсь отличною репутаціею. Онъ служилъ сначала въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, потомъ былъ мировымъ судьею; сдѣлавшись директоромъ банка, онъ игралъ важную роль въ городской думѣ, такъ что былъ избранъ думою кандидатомъ городского головы. Наконецъ, членами совѣта въ банкѣ—такъ сказать, его руководителями и наблюдателями за дѣйствіями правленія—были большею частію тѣ же учредители. И такъ, банкъ былъ обставленъ наилучшимъ образомъ. И, однакожъ, этотъ обставленный наилучшимъ образомъ банкъ лопнулъ. Какъ лопнулъ, отчего лопнулъ? — никто не можетъ доискаться причины. Это—не то, что въ Ковнеровскомъ процессѣ! Тамъ товарищъ прокурора Муравьевъ тотчасъ смекнулъ, въ чемъ суть дѣла. Ковнеръ литераторъ былъ! Товарищъ прокурора даже кстати пожалѣлъ о бѣдной русской литературѣ. Съ своей стороны, присяжный повѣренный Куперникъ не ударилъ лицомъ въ грязь. Воспользовавшись указаніемъ товарища прокурора, онъ пояснилъ, что русская литература—самая, что называется, потерянная, что въ ней возможны даже такія явленія, какъ споръ двухъ толстыхъ петербургскихъ журналовъ о томъ, долженъ ли быть литераторъ честнымъ человѣкомъ, причемъ одинъ журналъ доказывалъ (о ужасъ!), что это вовсе не нужно. Вѣроятно, говоря это, г. Куперникъ мысленно восхищался: какъ, дескать, все это прекрасно устроено въ адвокатскомъ сословіи—даже споровъ никогда не возникаетъ о томъ: нужно ли быть адвокату честнымъ человѣкомъ! Всякому адвокату, само собой понятно, что «коли онъ свои документы оправдываетъ, въ томъ его и честь». Въ такой потерянной литературѣ, само собой разумѣется, ходятъ разныя зловредныя теоріи. Ну, и не мудрено, что Ковнеръ, нахватавшій только вершковъ знанія (sic!) увлекся этими теоріями и покусился на чужую собственность. Такимъ образомъ, благодаря дружному разъясненію товарища прокурора и адвоката, стало ясно для всѣхъ, почему 165,000 рублей были похищены изъ купеческаго банка. Но почему оказались разворованными въ коммерческомъ ссудномъ банкѣ милліоны, — тутъ такой наглядной причины не усматривается. Тутъ, надобно полагать, стали бы въ тупикъ даже и товарищъ прокурора Муравьевъ и адвокатъ Куперникъ, такъ ловко умѣющіе отыскивать корни преступленій. Въ числѣ лицъ, завѣдывавшихъ дѣлами банка— ни одного литератора. Правда, и тутъ къ дѣлу прикосновененъ одинъ литераторъ — это Струсбергъ, который въ молодости печатывалъ въ

англійскихъ газетахъ. Но англійскую литературу нельзя назвать потерянною. Тамъ зловредныхъ теорій... ни, ни... пикнуть не дадутъ. Къ тому же, Струсберга никакъ нельзя назвать, какъ Ковнера, нахватавшимъ вершковъ знанія. Струсбергъ ту науку, которую и словомъ, и дѣломъ пропагандируетъ Θ. П. Баймаковъ, прошелъ не теоретически только, а экспериментально до тла и заткнетъ по ней за поясъ не только Θ. П. Баймакова, но и самого Бабста. Очевидно, что нить, при помощи которой распутано дѣло Ковнеровское, здѣсь не годится, и всѣ находятся въ недоумѣніи: какимъ это образомъ такъ могло случиться, что въ банкѣ дѣйствовали все люди уважаемые, банкъ и устроенъ былъ, и велъ свои операціи, и дѣлалъ публикаціи по всѣмъ правиламъ банковой науки, а милліоны оказались разворованными? Мы полагаемъ, что самъ И. К. Бабстъ, который только послѣ основательнѣйшаго изученія— въ качествѣ профессора политической экономіи—всѣхъ способовъ производительнѣйшаго употребленія капиталовъ въ странѣ, перемѣнилъ каѳедру политической экономіи на мѣсто директора банка, конечно, въ удостовѣреніе учащемуся юношеству, что въ наше время нѣтъ ничего производительнѣе, какъ пристраивать свои капиталы въ банкѣ, а если можно и самому тамъ пристраиваться — даже самъ Бабстъ, полагаемъ мы, недоумѣваетъ, какимъ образомъ наилучшій изъ банковъ могъ оказаться такъ непроизводительнымъ? Изумленъ и недоумѣваетъ и Θ. П. Баймаковъ. Но его недоумѣніе и изумленіе совершенно особаго рода. Онъ недоумѣваетъ, если можно такъ выразиться, не принципіально, а относительно подробностей дѣла, и изумляется не тому, что банкъ обворованъ, а что онъ обворованъ сравнительно на такую ничтожную сумму и что, между тѣмъ, даже такое ничтожное воровство можетъ производить такой переполохъ въ публикѣ! По его мнѣнію, воровство есть, нѣкоторымъ образомъ, самая натуральная функція банковъ, и переполохъ публики можно объяснить только ея невѣжествомъ, ея младенческимъ возрастомъ и непониманіемъ ни аза въ банковомъ дѣлѣ. «Эта необычайная тревога—такъ поучаетъ онъ относительно переполоха публики въ № 282 «Петербургскихъ Вѣдомостей» — по нашему мнѣнію, происходитъ отъ того, что у насъ въ Россіи подобный банковый казусъ въ диковинку. Въ первый разъ приходится намъ слышать, что русскій банкъ свихнулся. Мы до того увѣровали въ незыблемость нашихъ банковыхъ основаній, въ несгараемость банковыхъ складочныхъ капиталовъ, что первый очевидный фактъ ошибочности нашихъ вѣрованій поражаетъ насъ своею внезапностью и внушаетъ намъ преувеличенныя опасенія. Подобное явленіе, впрочемъ, понятно и естественно: стóитъ только сосѣдней, никогда не выходившей изъ своего обычнаго русла рѣченкѣ, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь исключительныхъ условій, выйдти хоть нѣсколько изъ береговъ, захватить хоть одну мирную прибрежную избенку (!?), и вся деревня непремѣнно переполошится, засуетится, станетъ перетаскивать свою рухлядь, изъ опасенія едва не всемірнаго потопа. Въ такихъ случаяхъ весь вредъ лежитъ больше въ суетѣ и суматохѣ, порождаемыхъ явленіемъ, чѣмъ въ самомъ явленіи, весьма обыкновенномъ и естественномъ» (!?).

Каково! Вотъ что̀ значитъ стоять на высотѣ биржевыхъ спекуляцій. Громадное воровство банка, по собственому счету Θ. П. Баймакова, простирающееся до семи милліоновъ, воровство, которое пустило по міру сотни, можетъ быть, тысячи семействъ, онъ, Θ. П. Баймаковъ, уподобляетъ выходу изъ своего русла ничтожной рѣченки, захватившей одну мирную избенку! Точка зрѣнія на банковское воровство и на раззоренія, имъ причиняемыя, въ своемъ родѣ единственная! На такую точку зрѣнія не могутъ подняться простые смертные—не только потерпѣвшіе отъ катастрофы, но и стоящіе въ сторонѣ отъ нея. Мы сомнѣваемся, чтобы даже отчаянные биржевые игроки могли возвыситься до того, чтобы воровство въ банкахъ считать ихъ натуральною функціей, а раззоренія, имъ причиняемыя, мѣрять отношеніемъ похищеннаго не къ количеству и средствамъ пострадавшихъ, а къ суммамъ банка, къ тому, что̀ банкъ могъ украсть, но не укралъ.

Вся наша пресса съ негодованіемъ отнеслась къ катастрофѣ, происшедшей въ ссудномъ коммерческомъ банкѣ. О публикѣ и говорить нѣчего. Въ Москвѣ стоитъ стонъ, вопль и скрежетъ зубовный. Многіе готовы были бы растерзать на куски каждаго изъ учредителей банка, изъ членовъ его правленія и совѣта. И мы не можемъ не сказать, что публика раздражена и озлоблена совершенно справедливо. Ссудный коммерческій банкъ обанкрутился не по какимъ нибудь несчастнымъ обстоятельствамъ, даже не по недосмотру и ошибкѣ—нѣтъ: заправители его дѣлъ завѣдомо противозаконно, въ видахъ единственно личной наживы, отдали громадную сумму, семь милліоновъ человѣку, завѣдомо ненадежному, безъ всякаго обезпеченія. Заправители несомнѣнно виноваты. Но степени вины ихъ, конечно, весьма различны. Непосредственными виновниками въ отдачѣ денегъ Струсбергу считаютъ двоихъ: Полянскаго и Ландау; насколько прикосновенны къ этому и замѣшаны вообще въ дѣло крушенія банка другіе—неизвѣстно. Но ни члены правленія, ни члены совѣта не давали и не даютъ никакихъ объясненій относительно всей этой катастрофы. Вмѣсто того, чтобы успокоить публику и бросить какой нибудь лучъ свѣта въ это темное дѣло, чтобы она знала, къ чему ей быть готовою, они приняли странную манеру держать себя: они хранятъ упорное молчаніе. Мало того: нѣкоторые изъ нихъ (директоръ правленія Милліоти и предсѣдатель совѣта Борисовскій), если вѣрить корреспондентамъ «Современныхъ Извѣ-

стій», выказываютъ пренебрежительное невниманіе или принимаютъ надменный тонъ по отношенію къ обращающейся къ нимъ съ вопросами публикѣ. Это ужъ совсѣмъ по русскопетски—пустить человѣка по-міру, да потомъ еще въ шею вытолкать, если онъ придетъ жаловаться на свою судьбу. Публика, съ одной стороны, вполнѣ резонно оскорбляется и возмущается такимъ отношеніемъ къ ней раззорившихъ ее людей, а съ другой—полная неизвѣстность, которою они себя окружаютъ, заставляетъ ее смотрѣть на всѣхъ заправителей банка, т. е. какъ распоряжавшихся дѣлами банка, такъ и контролировавшихъ ихъ, какъ на одну шайку, которая дѣйствовала сообща въ ограбленіи банка, и вѣритъ всѣмъ разсказамъ, въ этомъ направленіи, о дѣйствіяхъ членовъ правленія и членовъ совѣта. По разсказамъ, оно, дѣйствительно, выходитъ нѣчто похожее на это. Говорятъ, что членамъ совѣта еще 6-го октября было извѣстно положеніе дѣлъ въ банкѣ. Но онъ не только не огласилъ этого и не остановилъ операцій банка—напротивъ: вплоть до 11-го октября банкъ продолжалъ дѣйствовать, какъ и всегда, принималъ вклады, принималъ деньги на текущій счетъ, акцептовалъ еще 9-го октября чеки на 11-е октября, въ публикуемыхъ балансахъ банка обстояло все благополучно; между тѣмъ, въ это же время, будто бы, на биржѣ спускались акціи банка, принадлежащія его заправителямъ, выдавались съ задняго крыльца вклады кумовьямъ и знакомымъ. Прокуратура, повидимому, утвердила эти слухи, посадивъ или въ тюрьму, или подвергнувъ аресту почти всѣхъ членовъ правленія и совѣта банка. Наконецъ, впечатлѣнія, которыя публика получала ежедневно, начиная съ самаго перваго дня катастрофы, были вовсе не такого рода, чтобы могли дѣйствовать успокоительно на нее въ той полной неизвѣстности, которой она была окружена. Раззорившихся при самой катастрофѣ оказалось очень много, а потомъ, съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ распространялись свѣдѣнія о крушеніи банка въ массахъ, открывались все новыя и новыя жертвы. Публика состоитъ не изъ биржевыхъ хлыщей, а изъ простыхъ обыкновенныхъ смертныхъ, у которыхъ бьется человѣческое сердце, и она не могла не волноваться при видѣ такого множества жертвъ. «Нужно быть совершенно безчувственнымъ человѣкомъ — совершенно справедливо пишетъ одинъ корреспондентъ «Современныхъ Извѣстій» (№ 291), — чтобы хладнокровно отнестись къ совершившемуся. Стоитъ только войти въ помѣщеніе банка, чтобы тамъ увидать тѣ тяжелыя послѣдствія, которыя отразились на всѣхъ, имѣвшихъ несчастіе довѣриться злополучному банку. Здѣсь, въ разнообразной толпѣ, приходится видѣть въ изступленіи, въ слезахъ, стараго инвалида, кое какъ, на своей далеко неприбыточной службѣ съумѣвшаго разными лишеніями скопить гроши и вложившаго ихъ въ банкъ; священника изъ далекаго села, довѣрившаго церковный капиталъ банку, трепещущаго отъ страха, въ виду отвѣтственности за несохраненіе ввѣренныхъ ему денегъ; попечителя или опекуна, обидѣвшаго оставленныхъ на его попеченіе сиротъ, благодаря тому же банку; прикащика, купившаго на послѣднія деньжонки, отложенныя на черный день, акціи банка и оставшагося, по случаю ихъ безцѣнности, безъ гроша; крупнаго акціонера, вчерашняго богача, а сегодня почти нищаго; несчастную вдову съ дѣтьми, по совѣту опытныхъ людей также пріобрѣвшую акціи, какъ вѣрную и выгодную бумагу, проливающую горькія слезы съ малолѣтками. Слезы, истерики, крикъ, брань, проклятія—вотъ что можетъ услышать и увидѣть всякій, вошедшій въ настоящее время въ банкъ». Въ тѣ же «Современныя Извѣстія» другой корреспондентъ пишетъ (№ 291): «Господинъ редакторъ, московская дума недавно пожертвовала 20,000 безвинно раззореннымъ герцеговинцамъ. Въ настоящее время, у насъ на Никольской—своя Герцеговина, свой плачъ, свой стонъ, свои раззоренья. Я былъ сейчасъ въ банкѣ, видѣлъ горькія слезы, рыданія, слышалъ упреки, проклятія. Я знаю нѣсколько достовѣрныхъ случаевъ невольнаго раззоренія. Полковникъ М., слѣпой, имѣющій 11 ранъ, 8 человѣкъ дѣтей, потерялъ все на акціяхъ, которыя онъ взялъ по совѣту учредителя г. Б. Вдова доктора С., имѣющая 4 дѣтей, потеряла на акціяхъ весь свой капиталъ въ 20,000 р.; акціи банка взяла по совѣту добрыхъ людей Вдова уважаемаго протоіерея Л. потеряла всѣ свои крохи на тѣхъ же акціяхъ банка. Г-жа М., слѣпая старуха, потеряла 15,000 р. и осталась со 100 р., безъ родныхъ и помощи, и проситъ о помѣщеніи ея въ одну изъ московскихъ богадѣленъ. А вѣдь это все—не биржевые спекулянты, люди, не играющіе ни на повышеніе, ни на пониженіе; это—неповинные акціонеры и вкладчики, которые вѣрили не Полянскому и Ландау, а вѣрили авторитету учредителей банка и совѣту, въ числѣ которыхъ красуются имена Шумахера, Лямина, Бостанджогло, Борисовскаго, Крестовникова, Вишнякова, Корзинкина, Грачева, Лѣнивова и Волкова. И что же оказывается? Что эти громкія коммерческія имена только значились въ адресъ-календарѣ, а въ банкѣ они не принимали никакого участія; бывали разъ въ годъ на общемъ собраніи, да собирались иногда въ совѣты, когда имъ Богъ по сердцу положитъ, а все было ими предоставлено директору-распорядителю Полянскому и прочимъ директорамъ, Милліоти, Воденисову и Ландау, которые коммерческими и банковыми дѣлами никогда прежде не занимались. Кто же теперь болѣе виноватъ нравственно: неосмотрительность директоровъ или несмотрѣніе учредителей банка и членовъ совѣта, особенно предсѣдателя совѣта Борисовскаго?»

Ожидали всѣ, что публика выведена будетъ изъ тяжелой неизвѣстности коммерческимъ судомъ, который долженъ былъ войти въ разсмотрѣніе по дѣлу о признаніи московскаго коммер-

ческаго ссуднаго банка несостоятельнымъ должникомъ. 20-го октября открыто было засѣданіе коммерческаго суда, въ которое были вызваны: директоръ-распорядитель банка Полянскій, члены правленія Ландау, Милліоти, Воденисовъ, членъ совѣта Гивартовскій. Но на засѣданіи Полянскій объявилъ, что онъ не считаетъ дѣло банка подсуднымъ коммерческому суду и отвѣчать по существу отказался. Вслѣдъ за нимъ Гивартовскій, Милліоти и Воденисовъ отказались также отвѣчать по существу дѣла. Примѣчайте: каковъ русопетскій духъ! Сколько въ этихъ людяхъ безчеловѣчія и черствости къ страданіямъ и безпокойству другихъ, даже тѣхъ, которые страдаютъ по ихъ же винѣ. Лучше всѣхъ оказался Ландау, прогорѣвшій варшавскій банкиръ, еврей: онъ соглашался давать на все отвѣты, даже представилъ пространную записку для разъясненія дѣла. Но тутъ новая бѣда: Ландау свободно говоритъ и пишетъ по-нѣмецки, а переводчикъ коммерческаго суда не можетъ ни хорошо понимать разговора нѣмецкаго, ни переводить писаннаго. Случайность поистинѣ удивительная и курьезная! Въ столичномъ коммерческомъ судѣ некому ни объясниться понѣмецки, ни перевести съ нѣмецкаго. Какъ было коммерческому суду не предусмотрѣть того, что съ Ландау, котораго, вѣроятно, вся Москва узнала при катастрофѣ банка, надобно будетъ объясняться по-нѣмецки! Надобно было довольствоваться тѣмъ, что Ландау съумѣетъ объяснить порусски. Ландау былъ на столько добросовѣстенъ, что не отказался отъ объясненія и порусски, на сколько онъ можетъ. Изъ данныхъ имъ отвѣтовъ выяснилось, что «Струсбергу дано изъ банка около 7 милліоновъ, что акціи, полученныя коммерческимъ ссуднымъ банкомъ въ обезпеченіе долга Струсберга, никакой стоимости не имѣютъ, что изъ 15 членовъ правленія банка только трое (?!) понимаютъ торговое дѣло, что, по соображенію его, Ландау, банкъ будетъ въ состояніи заплатить вкладчикамъ по 70 к. за рубль». Какъ ни мало заключалось въ этихъ отвѣтахъ Ландау, но, во всякомъ случаѣ, они бросили первый свѣтъ въ совершенно темное до сихъ поръ дѣло и давали нѣкоторое утѣшеніе потерпѣвшимъ. 70 к. за рубль—все-таки лучше, чѣмъ ничего!

Это соображеніе Ландау подтвердила и литература разсмотрѣніемъ балансовъ коммерческаго банка, но больше, надобно сказать правду, она ничего не могла добыть. Впрочемъ, литературѣ надобно отдать честь и за то, что она употребила все съ своей стороны, чтобы насколько возможно собрать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, разгадать тарабарскую грамоту балансовъ коммерческаго банка и своими разъясненіями внести какой-нибудь свѣтъ въ дѣло, а, главное, дать возможность понимать балансы банка той публикѣ, которая до катастрофы никогда не заглядывала ни въ какіе балансы. Г. Гиляровъ-Платоновъ началъ въ своихъ «Современныхъ Извѣстіяхъ» чуть не съ азовъ. Онъ обложился бухгалтеріями Добролюбова, Рейнбота, Скатова и, съ этими бухгалтеріями въ одной рукѣ и съ отчетомъ банка о состояніи своихъ суммъ въ другой, принялся объяснять публикѣ, что такое пассивъ, что такое активъ, что такое текущій счетъ, акцептованныя тратты и проч. и проч. Все это, если смотрѣть сверху внизъ, можетъ показаться намъ очень забавнымъ; но, если смотрѣть снизу вверхъ, то нельзя не оцѣнить этой, повидимому, безплодной работы г. Гилярова-Платонова и не сказать, что она задумана была очень кстати. Представьте, въ самомъ дѣлѣ, изъ вкладчиковъ банка какого нибудь чиновника, купца, мѣщанина и т. д., которые всѣ грамотны и разныя книги читаютъ и, можетъ быть, курсъ окончили въ низшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но бухгалтеріи не знаютъ, къ банковымъ счетамъ, печатаемымъ въ вѣдомостяхъ, никогда не присматриваются. А между тѣмъ, какъ потерпѣвшимъ отъ катастрофы банка, имъ очень интересно знать состояніе банковскихъ счетовъ. Потому что, на основаніи этихъ счетовъ, они могли предугадывать: есть ли надежда получить что нибудь и, приблизительно, что именно или совсѣмъ ничего? Для такихъ людей разъясненіе банковскихъ терминовъ, сдѣланное въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», мы полагаемъ, было очень полезно. Изъ пониманія отчета коммерческаго ссуднаго банка, конечно, опредѣленнаго ничего нельзя было извлечь, но можно было увидѣть, что у банка не все истрачено, что есть извѣстное количество вѣрныхъ суммъ, изъ которыхъ можно надѣяться кое-что получить, и что, притомъ, банкъ рухнулъ отъ необузданной спекуляціи, отъ пріема множества бумагъ негарантированныхъ и векселей. Отсюда всякій потерпѣвшій вкладчикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще публика могли сдѣлать для себя разные полезные выводы...

Главный же выводъ и общій, который былъ сдѣланъ почти всею публикою, былъ тотъ, что не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться банкамъ, которые набираютъ негарантированныхъ бумагъ, хотя бы они давали и большіе проценты, что гораздо спокойнѣе довольствоваться малыми процентами и пріобрѣтать бумаги гарантированныя, равно какъ нести свои вклады въ банки, гдѣ нѣтъ бумагъ негарантированныхъ. Вслѣдствіе этого, вошли въ общій почетъ банки государственные и поземельные. Потому что, по общему мнѣнію всѣхъ, какъ гарантіею всѣхъ бумагъ, гарантированныхъ правительствомъ, и самихъ государственныхъ банковъ, въ концѣ концовъ, служитъ мужикъ съ его трудомъ и землею, такъ точно таже незыблемая гарантія лежитъ въ основаніи и всѣхъ поземельныхъ банковъ.

Но теперь, когда вы, благосклонный читатель, возложили такое твердое упованіе на поземельные банки и съ такою увѣренностію превращаете всѣ свои сбереженія въ закладные листы этихъ банковъ, я считаю не лишнимъ полюбо-

пытствовать спросить васъ: на чемъ это держится ваше твердое упованіе и увѣренность?

Почему вы думаете, во 1-хъ, что управленіе въ поземельныхъ банкахъ лучше, чѣмъ было въ коммерческомъ ссудномъ? Я не буду спорить, что въ члены правленія и совѣта поземельныхъ банковъ выбираются все хорошіе, благонадежные люди; но вѣдь въ коммерческомъ ссудномъ банкѣ сидѣли, какъ мы видѣли, не только просто хорошіе и надежные, но и прекрасные, благонадежнѣйшіе люди. Почему нельзя предположить, что во многихъ поземельныхъ банкахъ есть также злоупотребленія, что, напримѣръ, земля въ нихъ для разныхъ кумовьевъ и пріятелей оцѣнивается вдвое дороже, чѣмъ она стоитъ? Согласитесь, что это возможно, такъ какъ никакого въ этомъ отношеніи контроля и наблюденія государственнаго надъ банками поземельными также нѣтъ, какъ и надъ другими банками. А разъ это возможно, незыблемой вѣры и въ поземельные банки имѣть нельзя.

Второе: по свидѣтельству самихъ заправителей поземельныхъ банковъ, у насъ, вслѣдствіе ипотекъ, недобросовѣстные землевладѣльцы, закладывающіе свои имѣніи въ банкѣ, могутъ легко обманывать банки и дѣйствительно обманываютъ ихъ. Такъ, заемщики, заложивъ свои земли въ банкъ, затѣмъ заднимъ числомъ отдаютъ ихъ въ фиктивныя аренды подставнымъ лицамъ на долгіе сроки и потомъ останавливаютъ свои платежи банку; когда банкъ назначаетъ имѣніе въ продажу, никто изъ солидныхъ покупателей, въ виду лежащихъ на немъ долгосрочныхъ обязательствъ, не находитъ выгоды пріобрѣтать его. На торги являются подставныя лица, и имѣніе за ничтожную цѣну черезъ одно изъ этихъ лицъ достается самому заемщику, такъ, что онъ, употребивъ на эту покупку только часть денегъ, взятыхъ изъ банка, остальныя имѣетъ въ чистомъ барышѣ, а банкъ несетъ убытокъ. Нѣкоторые изъ представителей земельныхъ банковъ на второмъ съѣздѣ говорили, что одни «скрытые арендные контракты способны, что называется, совсѣмъ взорвать на воздухъ весь нашъ новый земельный банковый кредитъ». По этому поводу «Голосъ» сдѣлалъ замѣтки о недостаточности нашего законодательства по залоговому праву и высказалъ опасеніе за прочность нашихъ поземельныхъ банковъ (№ 282). Статья «Голоса» произвела сенсацію на берлинской биржѣ и вызвала нѣкоторое пониженіе закладныхъ листовъ общества взаимнаго поземельнаго кредита. Вслѣдствіе этого, противъ «Голоса» вооружились «Петербургскія Вѣдомости» (282), доказывая неосновательность замѣчаній «Голоса» тѣмъ фактомъ, что «въ продолженіи десятилѣтней дѣятельности общества взаимнаго поземельнаго кредита», при закладѣ *пяти тысячъ* имѣній, пришлось продать съ аукціона, по неисправности закладчиковъ, всего 38 имѣній, и что притомъ, эти 38 имѣній, заложенныя въ обществѣ въ 966,845 р., были проданы за 1,577.825 р., т. е. выручилось свыше долга 610,980 р. Все это прекрасно, но нисколько не уничтожаетъ опасеній, высказанныхъ «Голосомъ». Во 1-хъ, въ своей статьѣ «Голосъ» ни слова не говоритъ объ обществѣ взаимнаго кредита, а говоритъ вообще о поземельныхъ банкахъ, и, притомъ, основываясь на показаніяхъ ихъ представителей. И когда «Петербургскія Вѣдомости», на основаніи свѣдѣній только объ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита, обличаютъ «Голосъ» въ неосновательности, то они дѣлаютъ очевидную передержку. Изъ того, что въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита обстоитъ все благополучно, никакъ не слѣдуетъ, чтобы также все благополучно обстояло и въ другихъ земельныхъ банкахъ. Кромѣ того благополучный десятилѣтній опытъ существованія общества взаимнаго поземельнаго кредита ничего не доказываетъ. Коммерческій ссудный банкъ считался благонадежнѣйшимъ изъ благонадежнѣйшихъ въ теченіи пяти лѣтъ, а вотъ лопнулъ мгновенно отъ прикосновенія къ нему Струсберга. Разъ открыта лазейка для злоупотребленій—всякій банкъ и во всякое время ожидать всего можетъ, какъ бы чистъ и безукоризненъ ни былъ его формуляръ въ прошедшемъ.

Наконецъ, помимо всевозможныхъ злоупотребленій, наши земельные банки вообще не имѣютъ подъ собою твердой почвы. Оцѣнка земель въ нихъ производится на основаніи той рыночной цѣны, которую онѣ имѣютъ въ настоящее время. Но это цѣна призрачная, фиктивная, временная. Она вызывается и поддерживается искуственнымъ прикрѣпленіемъ скученнаго населенія въ мѣстахъ его жительства. Но при нашихъ громадныхъ запасахъ пустопорожнихъ земель, при истощеніи и безплодности почвы, увеличивающихся съ каждымъ годомъ въ мѣстахъ густыхъ населеній, такъ долго дѣло продолжаться не можетъ. Volens nolens, надобно будетъ озаботиться о правильномъ аграрномъ устройствѣ и дать свободное движеніе переселенію. Тогда цѣны земель падутъ, вѣроятно, на половину, если не болѣе, противу своей теперешней стоимости. Для устраненія возможности подобной катастрофы надобно теперь же принимать мѣры. Но какія мѣры — объ этомъ надобно много подумать. Теперь дѣло ведется слѣдующимъ образомъ. Съ одной стороны, всякія переселенія воспрещаются въ теченіи многихъ лѣтъ; во многихъ мѣстностяхъ народъ скученъ до того, что на одномъ выпаханномъ крестьянскомъ надѣлѣ, который и въ первоначальномъ своемъ видѣ едвали могъ пропитать пол-души, теперь сидитъ по пяти, шести и т. д. душъ. Отъ такой тѣсноты и кортомныя, и продажныя цѣны на земли поднялись страшно. Съ другой, на основаніи этихъ фиктивныхъ, ненормальныхъ, случайныхъ цѣнъ, основано множество поземельныхъ банковъ. Такимъ образомъ, накинута двойная петля; съ какой стороны ее ни тронь, для банковъ все выйдетъ неладно. Уменьшить суще-

ствующія нормы оцѣнки для земель, которыя будутъ закладываться въ банки впредь, еще можно; но для земель, уже принятыхъ банками въ залогъ, таковая переоцѣнка по уменьшенной нормѣ была бы равносильна объявленію банкротства банковъ; дозволеніе свободнаго переселенія крестьянамъ повело бы естественно и неизбѣжно къ установленію правильныхъ цѣнъ на землю, т. е. къ паденію ихъ гораздо ниже теперешней банковой оцѣнки и, слѣдовательно, также къ банкротству банковъ; наконецъ, фактическое закрѣпленіе крестьянъ навсегда въ мѣстахъ теперешняго ихъ жительства, какъ оно практикуется теперь, и въ настоящее время представляется мѣрою уже слишкомъ героическою, ибо это есть тоже крѣпостное право, только въ другой формѣ; но, кромѣ того, такая мѣра ни къ чему и вести не можетъ, такъ какъ удерживаніе на клочкахъ земли, совершенно истощенной и ничего не дающей, въ концѣ-концовъ крестьянъ все-таки раззоритъ, и банки все-таки лопнутъ.

Въ такомъ положеніи находятся наши поземельные банки и изъ этого положенія они не выйдутъ до тѣхъ поръ, пока наше аграрное устройство будетъ оставаться въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ находится теперь. Въ сущности, поземельные банки въ настоящее время нисколько не благонадежнѣе нашихъ коммерческихъ банковъ. Всякаго рода злоупотребленія въ нихъ также возможны, какъ и въ этихъ послѣднихъ, а, сверхъ того, самая постановка ихъ фальшивая, имѣющая въ своемъ основаніи поземельное неустройство. Не говоря уже о томъ, что имъ, безъ принятія благовременныхъ мѣръ, можетъ угрожать катастрофа отъ лучшаго устройства землевладѣнія, ихъ благополучіе поставлено въ непосредственную зависимость даже отъ стихійныхъ силъ. Мы убѣждены, что нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ въ настоящее время не выдержитъ ни одинъ поземельный банкъ. А подумайте, сколько затрещитъ и ухнетъ состояній, если (чего Боже упаси!) лопнетъ какой нибудь поземельный банкъ.

Да, пусть не обманываются благородные люди; смѣемъ увѣрить ихъ, что они не будутъ *спокойно* благоденствовать до тѣхъ поръ, пока не позаботятся объ устройствѣ мужика, если не такъ же щедро, то такъ же искренно, какъ человѣкъ, о которомъ мы сейчасъ поведемъ рѣчь.

Въ концѣ сентября нынѣшняго года, въ Псковской губерніи, Порховскомъ уѣздѣ, скончался почтенный и, надобно сказать, замѣчательнѣйшій человѣкъ нашего времени, Николай Николаевичъ Пантелѣевъ. По духовному завѣщанію онъ оставилъ болѣе 900,000 р. на уплату земельнаго выкупа за всѣхъ временно-обязанныхъ еще крестьянъ Порховскаго уѣзда. Еслибы это огромное пожертвованіе было сдѣлано даже въ Америкѣ, гдѣ милліонныя пожертвованія со стороны частныхъ лицъ на общественныя дѣла вовсе не составляютъ неслыханной рѣдкости, то и тамъ телеграфъ немедленно сообщилъ бы во всѣ концы страны о такомъ выходящемъ изъ ряда вонъ духовномъ завѣщаніи, присовокупивъ при этомъ всѣ болѣе выдающіяся черты въ жизни завѣщателя. У насъ пожертвованіе, какое сдѣлалъ покойный Пантелѣевъ, по громадности жертвуемой суммы небывалое, едвали не единственное, не только въ своемъ родѣ, но и вообще. И, однако, мы узнаемъ о немъ только случайно изъ корреспонденціи, помѣщенной въ «Голосѣ» (№ 298). Газеты наши наполняются каждодневно сообщаемыми изъ разныхъ мѣстностей некрологами о лицахъ, часто не имѣющихъ ровно никакого значенія для общества. И не нашлось ни одного человѣка, который бы составилъ краткій некрологъ о такомъ замѣчательномъ человѣкѣ, какъ покойный Пантелѣевъ!

Да, не имѣя никакихъ свѣдѣній о жизни покойнаго Пантелѣева, рискуя даже встрѣтить въ немъ человѣка, вся жизнь котораго, можетъ быть, до самаго момента составленія духовнаго завѣщанія, состоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ послѣднею волею, выраженною въ этомъ завѣщаніи, я все-таки твердо стою на томъ, что это былъ замѣчательный человѣкъ среди нашего общества. Скажите мнѣ: въ нашемъ обществѣ, въ которомъ такъ сильны еще родовыя понятія, такъ крѣпки сословные предразсудки, въ которомъ едва только начинаетъ пробиваться на свѣтъ Божій идея общества и государства, найдете ли вы нѣсколько человѣкъ изъ богатыхъ дворянъ, которые хотя бы пятую, хотя бы десятую часть пріобрѣтеннаго ими состоянія отдали не своимъ роднымъ и родственникамъ, а—horribile dictu!—мужикамъ? Вѣдь это, по общему разумѣнію даже нашей интеллигенціи, значило бы *отъяти хлѣбъ чадамъ и повергши псамъ*.

Далѣе, много ли вы найдете въ настоящее время среди дворянства людей, которые понимаютъ, что корень не только общаго, но и ихъ собственнаго благосостоянія въ будущемъ заключается въ мужикѣ, что всѣ усилія и заботы настоящаго времени должны быть направлены на то, чтобы поставить мужика на ноги, что эти усилія и заботы должны, прежде и болѣе всего, исходить отъ дворянства, какъ передового сословія, долженствующаго понимать, что, согласно разуму совершившихся реформъ, общество въ будущемъ должно принять совершенно иной видъ, чѣмъ теперь, что оно должно быть не аггрегатомъ ничѣмъ не связанныхъ между собою недѣлимыхъ, запертыхъ, кромѣ того, подобно животнымъ, по разрядамъ, вслѣдствіе того или другого плотскаго происхожденія, въ отдѣльныя кастовыя или *вертикальныя*, какъ кто-то называлъ ихъ, перегородки, а плотно слитнымъ, однороднымъ цѣлымъ, въ которомъ даже такъ называемые *горизонтальные* слои, условливаемые различіемъ образованія, были бы едва замѣтны? Многіе ли, спрашиваемъ васъ, понимаютъ все это? Не видимъ ли мы, напротивъ, что, вопреки ходу вещей

и смыслу реформъ, точно усиливается любовь къ вертикальнымъ перегородкамъ, что даже въ Катковскомъ лицеѣ, претендующемъ на право быть образцовымъ, выдѣлено, точно на конскомъ заводѣ, какое-то особое расовое отдѣленіе подъ названіемъ Ломоносовскаго, что, по мѣстамъ, дворянство воздвигаетъ также расовые дворянскіе пансіоны, что мало того, даже въ земствахъ, гдѣ дворянство самимъ закономъ обязано служить цементомъ для другихъ сословій и заботиться о сліяніи ихъ, а не о розни, оно иногда земскія деньги, по преимуществу мужицкія, употребляетъ на основаніе пансіоновъ для благородныхъ дѣвицъ, классическихъ прогимназій и гимназій для дворянства и т. п.? Среди подобнаго безсмыслія, царящаго кругомъ насъ, какъ не отличить изъ толпы и не назвать замѣчательнѣйшимъ покойнаго Пантелѣева, который умѣлъ сбросить съ себя родовые и сословные путы, подняться на общественную и государственную точку зрѣнія и заявить себя дѣломъ безпримѣрнымъ у насъ въ Россіи, не по величинѣ только жертвы, но и по мысли! Правда, вообще мысль о томъ, что выкупъ крестьянъ долженъ быть произведенъ всѣмъ обществомъ — у насъ не новая. Ее съ жаромъ, мы помнимъ, проповѣдывалъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ вышедшій изъ народа и бывшій тогда виннымъ откупщикомъ В. А. Кокоревъ. Но этотъ сынъ народа, которому было бы не грѣхъ дать на выкупъ крестьянъ, не далъ на поддержаніе евоей прекрасной пропаганды объ общественномъ выкупѣ крестьянъ даже одного рубля. Въ средѣ дворянства эта мысль является въ первый разъ, и является не въ видѣ словеснаго только блудодѣйства, которому такъ неумѣренно предавался В. А. Кокоревъ въ 60-хъ годахъ, а въ видѣ полновѣснаго почти милліона — единственнаго, который могъ дать покойный въ пользу крестьянъ. Все-таки честь и слава русскому дворянству за то, что въ средѣ его нашелся хотя одинъ человѣкъ, который, не только вмѣстѣ съ сыномъ народа прозрѣлъ тотъ пунктъ, гдѣ настоящее и будущее должно помириться съ прошедшимъ и гдѣ должна начаться новая Россія, но и принесъ сюда съ полною готовностью все, что онъ могъ принести, а не такъ, какъ сыны народа, собравшіе съ него десятки милліоновъ, и не давшіе на его освобожденіе ни одного рубля.

Н. Н. Пантелѣевъ составилъ свое завѣщаніе еще въ 1866 г. съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ въ законѣ правилъ и формальностей. Завѣщаніе подписано одиннадцатью дворянами; исполненіе по завѣщанію, относительно крестьянъ, возложено на порховскаго уѣзднаго предводителя дворянства, у котораго оно хранилось. 12 октября, завѣщаніе было вскрыто и прочитано въ порховской дворянской опекѣ въ присутствіи подлежащихъ по закону лицъ и наслѣдника покойнаго, его племянника, прибывшаго по этому случаю изъ Петербурга. Пронесся сначала слухъ, сообщенный корреспондентомъ «Голоса», что «неожиданное» распоряженіе дяди относительно капитала показалось племяннику неправильнымъ, что онъ пріискалъ присяжнаго повѣреннаго, который «взялся оттягать у порховскихъ крестьянъ великодушный даръ Н. Н. Пантелѣева, а на случай перехода дѣла въ Петербургъ, вступилъ уже по этому предмету въ сношеніе съ однимъ изъ петербургскихъ «софистовъ XIX вѣка» за небольшое вознагражденіе въ 200,000 рублей».

Наслѣдникъ долго не опровергалъ этого слуха. Г. Спасовичъ, на котораго фельетонистъ «Новаго Времени» указалъ, какъ на пособника псковскаго адвоката, также не только не отвергъ этого слуха, но нѣкоторымъ образомъ подтвердилъ его. Онъ объявилъ, что къ нему, дѣйствительно, «обращались за совѣтомъ по пантелѣевскому дѣлу, но онъ не давалъ категорическаго обѣщанія вести этого дѣла, потому что юридическая сторона этого дѣла не выяснена». Теперь наслѣдникъ покойнаго въ письмѣ, напечатанномъ въ 315-мъ № „Голоса“, пишетъ, что онъ никогда и не думалъ оспаривать завѣщанія дяди, что если онъ и совѣщался съ адвокатами, то совсѣмъ не о томъ.

«Я никакъ не считалъ себя вправѣ, говоритъ онъ, ни самъ собою, ни чрезъ повѣренныхъ, разрушать въ основаніи волю моего дяди, такъ великодушно отдавшаго въ даръ *весь свой капиталъ*, простирающійся, въ сложности, по всѣмъ документамъ, не считая процентовъ за два года, до 800,000 руб. сер. Но я считалъ и буду считать своею обязанностью ходатайствовать объ удѣленіи изъ завѣщаннаго капитала порховскимъ крестьянамъ особой суммы на обезпеченіе весьма значительнаго числа дворовыхъ людей, оставленныхъ покойнымъ, надо полагать, по недоразумѣнію, безъ всякаго вознагражденія своихъ трудовъ, за многіе годы ихъ честной и вѣрной службы.

«Наконецъ, поводомъ моихъ совѣщаній съ спеціалистами были забыты о временно-обязанныхъ крестьянахъ покойнаго моего дяди, находящихся не въ одномъ только Порховскомъ уѣздѣ, о присвоеніи имъ преимуществъ предъ временно-обязанными крестьянами прочихъ помѣщиковъ. Сверхъ того, я считаю себя вправѣ ходатайствовать предъ правительствомъ, когда будутъ составляться правила объ исполненіи благодѣтельной воли моего покойнаго дяди, соотвѣтственно съ его видами и согласно съ цѣлью упроченія благосостоянія тѣхъ крестьянъ, на которыхъ будутъ распространяться означенныя правила.

«Мнѣ приходится глубоко сожалѣть, что наши газеты такъ значительно извратили всѣ мои намѣренія, въ виду того исключительнаго положенія, въ которомъ я находился по свойству самаго завѣщанія моего покойнаго дяди».

Въ духовномъ завѣщаніи покойнаго Пантелѣева я вижу новое доказательство того, что идея прогресса живетъ между нами и дѣйствуетъ, что сила вещей не только не даетъ затереть ее и похоронить, а напротивъ, то и дѣло ведетъ или толкаетъ къ ней честныя, ищущія свѣта души.

Пантелѣевъ сдѣлалъ свое завѣщаніе въ пользу крестьянъ назадъ тому почти десять лѣтъ, въ 1866 году; что побудило и расположило его къ такой жертвѣ—мы, по всей вѣроятности, никогда до этого не доберемся и не узнаемъ. Среди общей погони нашего времени за крупной наживой, среди безчисленныхъ и непрестанныхъ покушеній и устремленій на крестьянское благосостояніе, совершаемыхъ въ одиночку и многолюдными скопами, среди хищничества крестьянскихъ заработковъ, ихъ труда, ихъ послѣднихъ средствъ пропитанія подъ разными благовидными, прикрытыми легальностію, формами, явленіе это останется для насъ необъяснимымъ и чуднымъ. Но оно есть; слѣдовательно, есть и та чудная сила, которая производитъ подобныя явленія. Ее я называю силою вещей. Въ чемъ бы она ни проявилась въ данномъ случаѣ, чтобы произвести такое чудное для настоящаго времени явленіе — это все равно. Я сказалъ выше, что я не могу не назвать Пантелѣева человѣкомъ замѣчательнѣйшимъ даже и въ томъ случаѣ, если прошедшая его жизнь стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ его послѣднею волею. Теперь скажу болѣе: чѣмъ въ большемъ противорѣчіи его прошедшее находится съ его послѣднею волею, тѣмъ онъ замѣчательнѣе и тѣмъ отраднѣе для насъ самое явленіе. Когда приходитъ ко мнѣ юноша, напоенный разною мудростію какъ въ привилегированныхъ, такъ и непривилегированныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и начинаетъ передо мною либеральничать по тѣмъ хорошимъ книжкамъ, которыхъ онъ начитался, то я, по истинѣ, нахожусь въ недоумѣніи: что мнѣ дѣлать? радоваться или печалиться по случаю появленія сего новаго пышнаго цвѣтка, возращеннаго въ вертоградахъ нашего образованія классическаго и неклассическаго? Я убѣдился на опытѣ, что 90% изъ этихъ прекрасныхъ юношей чаетъ, еще до наступленія тридцатилѣтняго возраста являются или въ качествѣ выжигъ и проходимцевъ въ адвокатскомъ званіи, или, пристроясь въ разныхъ оффиціальныхъ, желѣзно-дорожныхъ, акціонерныхъ, банковыхъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ, дѣлаются Беркутовыми и загребистою лапою безъ шуму, безъ огласки, при отмѣнной репутаціи, забираютъ куши изъ всѣхъ кармановъ и ящиковъ, до которыхъ только достигаетъ ихъ глазъ, или, наконецъ, что еще хуже, остаются вѣчными провинціальными либералами-болтунами и вольнодумцами, въ видѣ Лыняева, и отъ Беркутовыхъ же снабжаются новыми вольнодумными книжками и брошюрами—такими, что, по словамъ Беркутова, «прогляди, Лыняевъ, книжки двѣ, такъ ему разговору-то лѣтъ на пять хватитъ». Но когда гонитель Савлъ преображается въ ревнителя Павла, то несомнѣнно, что, какъ сила, совершившая такое явленіе, была великая, такъ и сила, надъ которой совершилось оно, была не малая, и въ благонадежности ея нельзя не быть увѣреннымъ. Мало того: одинъ голый фактъ такого превращенія, безъ всякаго отношенія къ послѣдующимъ дѣйствіямъ преображенной силы, производитъ въ мірѣ великое внечатлѣніе и не остается безъ послѣдствій. Я, по крайней мѣрѣ, вѣрю, что примѣръ нашего перваго россійскаго Пибоди вызоветъ и другія подобныя явленія. Всякое великое нравственное явленіе въ мірѣ нравственномъ—тоже, что гроза въ мірѣ физическомъ. Оно очищаетъ смыслъ людей отъ обыденной пошлости, даетъ силу и ростъ лучшимъ инстинктамъ въ нихъ и въ натурахъ лучшихъ часто пробиваетъ даже новый строй мысли и жизни. Это тоже — своего рода сила вещей, которая иногда дѣйствуетъ не менѣе сильно, чѣмъ и та, которая даетъ себя чувствовать въ народной бѣдности, бѣдствіяхъ, болѣзняхъ, финансовыхъ дефицитахъ и т. п.

Къ этой послѣдней я обращаюсь теперь, чтобы показать, какъ подъ вліяніемъ ея быстро измѣняются понятія о крестьянской общинѣ, о чемъ я обѣщался поговорить еще въ прошедшемъ обозрѣніи.

Вопросъ объ общинѣ есть, какъ извѣстно, самый старый въ нашей литературѣ. Сначала вопросъ этотъ былъ выдвинутъ и поддерживался въ литературѣ одними славянофилами, но, съ началомъ крестьянскаго вопроса, онъ привлекъ къ себѣ общее вниманіе. Образовались два многочисленные лагеря: съ одной стороны—защитниковъ общины, съ другой—ея противниковъ. Эти лагери то и дѣло схватываются между собою, то въ мелкихъ стычкахъ, то въ цѣлыхъ сраженіяхъ, но дѣло отъ этого впередъ не двигается. Противники общины, упершись на воззрѣніяхъ и аргументахъ физіократической школы, имѣвшихъ временное значеніе, вполнѣ условливавшееся тогдашнимъ состояніемъ земледѣлія, не хотятъ знать никакихъ новыхъ стадій развитія общины, не хотятъ ничего слушать, и, едва начинается рѣчь объ общинѣ, какъ они немедленно ухватываются за общинные передѣлы и всѣ свои разсужденія начинаютъ и оканчиваютъ указаніемъ на вредъ общинныхъ передѣловъ для сельскаго хозяйства. Отсталая университетская наука въ Россіи, начиная отъ г. Горлова и Вернадскаго и кончая г. Вреденомъ, никогда не изучавшая общины въ русской жизни, повторяла только то, что говорилось объ общинѣ на Западѣ, ограничиваясь при этомъ старыми объ этомъ изслѣдованіями ученыхъ XVIII столѣтія; потому въ вопросѣ объ общинѣ далѣе передѣловъ не шла. Только недавно нашъ молодой ученый Постниковъ задался, съ одной стороны, фундаментальнымъ разсмотрѣніемъ часто повторяемыхъ и отъ частаго повторенія превратившихся почти въ общія мѣста, хотя, въ существѣ дѣла, весьма поверхностныхъ возраженій противъ общины, съ другой — изученіемъ общины собственно въ русской жизни, и въ прошедшемъ году издалъ первую часть своего замѣчательнаго труда. Въ такомъ положеніи вопросъ объ общинѣ стоитъ въ литературѣ. На

практикѣ, противники общины, пользуясь своимъ авторитетомъ во вліятельныхъ кругахъ, стараются наносить прямые и косвенные удары общинѣ путемъ разныхъ мѣръ, не пренебрегая для этой цѣли иногда даже инсинуаціей такого рода, что, дескать, русская община есть нѣчто въ родѣ коммунизма. Съ другой стороны, русскіе мужики, не вѣдая и не справляясь о томъ, что говорится объ ихъ общинѣ учеными и благородными людьми въ литературѣ, продолжаютъ свое общинное житіе, несмотря на всѣ поставляемыя ему препятствія. Думали, что, съ пріобрѣтеніемъ крестьянами земли въ собственность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, права раздѣлить землю на подворные участки, они немедленно воспользуются этимъ правомъ, тѣмъ болѣе, что запаса земель для нарождающихся поколѣній никакого не дано. Ничуть не бывало Мужики, сдѣлавшись владѣльцами земель на правѣ собственности, продолжаютъ жить по прежнему въ общинѣ. Мало того: даже вновь земли на сторонѣ покупаютъ цѣлыми общинами на прежнемъ основаніи. Передѣлы земель, на основаніи которыхъ противники общины отрицаютъ общинное землевладѣніе, не только не страшатъ самихъ крестьянъ, а они, напротивъ, желаютъ, чтобы передѣлы совершались возможно чаще и чтобы, такимъ образомъ, крестьянское землевладѣніе было всегда для всѣхъ членовъ возможно уравнительнымъ и безобиднымъ.

Въ одной петербургской газетѣ... впрочемъ, позвольте вамъ, читатель, сначала представить эту газету. Она у насъ мало извѣстна, хотя вполнѣ достойна самой широкой извѣстности.

Въ Петербургѣ уже *четвертый* годъ издается небольшая еженедѣльная газета подъ названіемъ: «Еженедѣльникъ», газета, какъ значится въ ея заглавіи, *земская* и *сельская*. Редакторъ ея—князь *В. Оболенскій*, издатель—*А. Жемчужниковъ*. Газета эта очень дѣльная и интересная. Главное вниманіе ея сосредоточено на ходѣ крестьянскаго и земскаго дѣла. Затѣмъ, въ ней встрѣчаются разныя соображенія, сообщенія, замѣтки, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ этому главному предмету. Я давно уже имѣлъ намѣреніе познакомить читателя съ этою достойною, хотя и самою дешевою изъ всѣхъ газетъ (всего 3 р. въ годъ съ пересылкою и доставкою), но до сихъ поръ не успѣлъ, а теперь уже стало и поздно: «Еженедѣльникъ» на дняхъ оканчивается, и, вмѣсто него, тѣмъ же издателемъ и редакторомъ будетъ издаваться новая еженедѣльная газета—«Молва». Характеръ ея будетъ тотъ же, что и «Еженедѣльника», но она будетъ выходить безъ предварительной цензуры. Слѣдовательно, можно надѣяться, что она будетъ еще интереснѣе «Еженедѣльника». Если это будетъ дѣйствительно такъ, то, современемъ, я относительно «Молвы» исполню то, что хотѣлъ, но не успѣлъ исполнить относительно «Еженедѣльника», т. е познакомлю съ ней читателей, а теперь изъ отходящаго на покой «Еженедѣльника» воспользуюсь однимъ важнымъ сообщеніемъ объ общинныхъ передѣлахъ, напечатаннымъ въ 26 № этой газеты. Сообщеніе это получено изъ Захапской волости, Новоторжскаго уѣзда и гласитъ вотъ что:

«Съ наступленіемъ каждой весны, у насъ крестьяне стараются раздѣлить землю по личному составу душъ въ семействѣ, *но въ большинствѣ случаевъ дѣло оканчивается ничѣмъ*. Соберутся въ волостное правленіе, покричатъ, подавятся и отправятся во свояси—съ чѣмъ и пришли. Одни, которые владѣютъ землею умершихъ, заявятъ, что подождемъ дѣлиться до ревизіи, а другіе, у которыхъ личный составъ больше, потребуютъ раздѣла; посчитавъ, сколько человѣкъ за одно и сколько за другое, волостное правленіе отпуститъ всѣхъ ни съ чѣмъ, потому что первая партія всегда бываетъ больше то числомъ, то своимъ вліяніемъ. А, между прочимъ, неравномѣрное распредѣленіе земли между личнымъ составомъ населенія много приноситъ вреда сельскому хозяйству и служитъ одною изъ главныхъ причинъ обѣдненія нашего крестьянина. Извѣстно, что крестьяне дѣлятъ между собою землю по числу душъ въ семействѣ и только при ревизіи, которая бываетъ лѣтъ черезъ 15 — 20, въ промежутки которыхъ часто случается, *что личный составъ населенія въ данной мѣстности и въ семьѣ измѣняется. Тамъ, гдѣ, при ревизіи, считалось въ семьѣ 8 душъ, черезъ 15 лѣтъ осталось двѣ и одна, а гдѣ была одна и двѣ, черезъ 20 лѣтъ оказалось 6 и 8*. Съ такимъ измѣненіемъ личнаго состава душъ въ семействахъ, повидимому, долженъ былъ бы измѣняться и *самый раздѣлъ земли, чтобы количество земли соотвѣтствовало количеству рабочихъ рукъ;* но, на самомъ дѣлѣ, такого дѣленія не существуетъ. Земля остается за мертвыми душами до будущей ревизіи и ею нерѣдко владѣютъ однѣ руки, на обдѣлываніе же ея часто бываетъ недостаточно и трехъ. Вотъ причина, въ силу которой въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ встрѣчаются частыя упущенія.

«Часто приходится видѣть, что въ семействѣ одинъ работникъ мужчина имѣетъ полосу на 6, на 10 душъ, тогда какъ другой сосѣдъ, у котораго чуть ли не четверо рабочихъ рукъ въ семьѣ, владѣетъ полосою на одну душу. Первому не управиться съ работой, и половину земли онъ оставляетъ необработанною или обработываетъ кое-какъ, «на живую нитку»; тогда какъ второму нечего работать. Быть можетъ, кто-либо скажетъ, что послѣднему можно заняться ремесломъ?.. Но въ томъ-то и бѣда, что ремесло плохо дается нашему крестьянину, а идти въ работники къ имѣющему много земли не совсѣмъ-то пріятно, ибо и онъ имѣетъ такое же право на землю, какъ и первый; да ставши и въ работники, онъ меньше принесетъ пользы хозяину, чѣмъ сколько бы принесъ, когда бы самъ былъ хозяиномъ. А, между прочимъ, ѣсть надо, и пойдетъ онъ по мытарствамъ искать себѣ хлѣба; того

отвѣдаетъ, другого попробуетъ и ни съ чѣмъ не сроднится: то не по рукамъ, это — не по уму, а тамъ, побродивши немного, посмотришь — и угодитъ куда-либо подальше... Фактовъ такихъ не стать занимать. *Отчего бы не дѣлить землю при всякомъ измѣненіи состава населенія, не дожидая ревизіи. Тогда бы было меньше унущенія въ хозяйствѣ, а работниковъ больше*».

Этотъ разсказъ, написанный, какъ справедливо замѣчаетъ «Еженедѣльникъ», безъ всякаго отношенія къ существующей полемикѣ о вредѣ или пользѣ для Россіи общиннаго землевладѣнія и фотографически-списанный съ дѣйствительности, передаетъ намъ весьма интересный психическій фактъ, до котораго благородные люди, разсуждающіе объ общинѣ въ литературѣ, сами по себѣ, конечно, никогда не додумались бы... Мы, люди благородные, вообще, когда начинаемъ разсуждать о земледѣліи, имѣемъ въ виду исключительно только интересы земледѣлія, на мужика же смотримъ только, какъ на машину, которая пашетъ, сѣетъ, жнетъ и т. п., никакъ не воображая, чтобы мужикъ могъ самъ лично чего нибудь въ этомъ случаѣ хотѣть или не хотѣть. Когда мы видимъ, что для земледѣлія выгоднѣе, чтобъ передѣловъ не было, мы говоримъ: пусть не будетъ передѣловъ; когда у мужика нѣтъ своей земли, мы говоримъ: ну, что-жъ! это — еще не важность: онъ можетъ нанять землю у тѣхъ крестьянъ, кто ея имѣетъ много, можетъ идти въ батраки. А тутъ оказывается, что мужикъ такъ же считаетъ себя человѣкомъ, какъ и мы грѣшные, и что у него есть такъ-же свой гоноръ, своя амбиція, какъ и у всѣхъ, и что онъ не очень польстится на пользу, если затронута его амбиція. Можетъ быть, разсуждаетъ онъ, при передѣлахъ земли, на мою долю достанется ея немного и доходу я получу немного,—да я буду ровня со всѣми. А нанимать землю у своего брата крестьянина, съ которымъ я имѣю одинаковое право на землю, я не буду, а тѣмъ болѣе въ батраки не пойду. А нѣтъ у меня своей земли— и не надо; пойду шататься по бѣлому свѣту: пристроюсь гдѣ—ладно; нѣтъ—пропаду; по крайней мѣрѣ, не стыдно будетъ передъ своими. Всѣ эти разсужденія покажутся намъ весьма естественными и резонными, когда мы будемъ смотрѣть на крестьянина не какъ только на машину, которая пашетъ, сѣетъ, жнетъ и т. п., а какъ на человѣка... Я помню, давно уже читалъ въ какой-то повѣсти, что одинъ вельможа, обойденный александровской звѣздой и лентой передъ своими сверстниками, немедленно удалился отъ дѣлъ, уѣхалъ въ деревню и засимъ съ горя зачахъ и умеръ. Точно такъ же разсуждаетъ и дѣйствуетъ, какъ этотъ вельможа, и мужикъ И «Еженедѣльникъ» совершенно справедливо замѣчаетъ, что такихъ разсужденій ничѣмъ не выбьешь изъ нашего мужика, ничѣмъ не принизишь его понятій до уровня заграничнаго батрака или пролетарія. Почему? Потому что «у насъ все окружающее питаетъ въ немъ совершенно иныя мысли. Такъ именно: а) онъ видитъ кругомъ себя множество лежащей впустѣ земли, и крестьянской, и помѣщичьей, и казенной (чего не видитъ никто въ Англіи, Германіи и проч); б) не можетъ онъ забыть, что онъ самъ былъ хозяинъ, что отецъ и дѣдъ его не были батраками; в) живетъ въ немъ и унаслѣдованная отъ предковъ способность двинуться, не долго думая, искать приключеній, т. е. странствовать по разнымъ заработкамъ; и хотя они ему ничего не дадутъ, но кто же, пускаясь въ какое-либо предпріятіе, думаетъ, что онъ идетъ ни зачѣмъ».

Изъ сказаннаго очевидно, что общинные передѣлы, которые мы находимъ такъ вредными для земледѣльческой культуры, имѣютъ свое твердое основаніе въ чувствахъ мужика.

Намъ, жителямъ столичнымъ, разсуждающимъ о земледѣліи и мужикѣ по хорошимъ книжкамъ, и не въ домекъ, конечно, позаботиться о личныхъ чувствахъ и желаніяхъ мужика. Намъ какъ-то странно даже въ вопросы о земледѣліи вмѣшивать подобные, совершенно никакого, повидимому, касательства не имѣющіе къ нему предметы. Но люди, стоящіе близко къ мужикамъ и вникающіе въ суть дѣла, какъ мы видѣли выше, понимаютъ, что безъ этого дѣло у насъ хорошо не пойдетъ, и земледѣліе всегда будетъ въ упадкѣ, пока мы не начнемъ съ чувствъ мужика, не посмотримъ на него, какъ на человѣка, не удовлетворимъ тому чувству собственнаго достоинства, которое воспитано въ немъ исторіей, поддерживается традиціей и, вообще, усвоеннымъ имъ міросозерцаніемъ. Мужикъ привыкъ, чтобы онъ съ своимъ братомъ мужикомъ же былъ поставленъ болѣе или менѣе ровно, чтобы у него было свое хозяйство, какъ и у всѣхъ мужиковъ, чтобы никто изъ послѣднихъ другъ у друга въ батракахъ не былъ. Такъ его и надобно поставить.

Только на этомъ основаніи можетъ быть производимо всякое преобразованіе крестьянскаго землевладѣнія. Всякая другая комбинація относительно крестьянскаго землевладѣнія, какъ бы она хорошо ни была придумана, если въ ней будетъ опущена и забыта эта, если можно такъ выразиться, психическо-соціальная сторона вопроса, не поведетъ ни къ чему, кромѣ неустройства и потерь въ земледѣліи.

Возможно ли, спрашивается, пріискать такую форму крестьянскаго землевладѣнія, которая, удовлетворяя высшимъ современнымъ требованіямъ земледѣльческой культуры, вмѣстѣ съ тѣмъ, была бы совмѣстима и съ этой психически-соціальной основой русскаго крестьянскаго быта? Да, не только возможно, но на такую форму давно уже наталкиваетъ людей, близко стоящихъ къ крестьянскому быту и вникающихъ въ него, самая сила вещей. Съ того времени, какъ у крестьянъ стало мало въ рукахъ земли и одиночное хозяйство на ничтожныхъ клочкахъ земли въ конечномъ результатѣ ни къ чему не ведетъ,

кромѣ напрасной потери времени и труда, у нѣкоторыхъ даже землевладѣльцевъ стала являться мысль о необходимости ввести въ крестьянское общинное хозяйство, вмѣсто передѣловъ земли, передѣлы добываемаго общимъ трудомъ на этой землѣ продукта или, говоря другими словами, преобразовать нынѣшнюю крестьянскую общинную общину въ земледѣльческую артель. Я, по крайней мѣрѣ, назадъ тому еще пять или шесть лѣтъ, слышалъ такую мысль именно отъ землевладѣльцевъ и, притомъ, образа мыслей самаго консервативнаго. Въ крестьянскомъ быту, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, эта мысль—тоже не новость; необходимость заставила ихъ давно уже практиковать ее на самомъ дѣлѣ. Такъ, если читатель припомнитъ помѣщенную въ февральской книжкѣ «Отеч. Зап.» 1874 г. статью: *Сельская община въ Олонецкой губерніи,* тамъ разсказывалось, что крестьяне Туксинской волости, Олонецкой губерніи, въ числѣ слишкомъ 860 человѣкъ, нуждаясь въ сѣнѣ и не имѣя мѣста, гдѣ взять его, рѣшились осушить окружающія ихъ болота и превратить въ луга. Такъ какъ такая гигантская работа была не подъ силу частнымъ лицамъ, то они рѣшили произвести это дѣло общими силами, съ тѣмъ, чтобы потомъ, не передѣляя самыхъ сѣнокосовъ, дѣлить между собою скошенное сѣно поровну между всѣми участниками. Два года трудились они надъ болотами и достигли полнаго успѣха. Теперь туксинцы считаютъ плохимъ тотъ годъ, когда они продадутъ только 500,000 пудовъ сѣна съ осушенныхъ ими болотъ.

Чѣмъ больше мельчаютъ крестьянскіе надѣлы, тѣмъ очевиднѣе становится для всѣхъ невозможность одиночнаго хозяйства на нихъ и тѣмъ настоятельнѣе должна пробиваться въ разныхъ мѣстахъ мысль о необходимости преобразованія крестьянской общины въ земледѣльческую артель. Наконецъ, мы видимъ, что эта мысль удостоивается вниманія сельско-хозяйственныхъ обществъ и подвергается разработкѣ людей компетентныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Тамъ мы встрѣчаемъ ее въ программѣ харьковскаго сельско-хозяйственнаго съѣзда, а «Земледѣльческая Газета» набрасываетъ проектъ организаціи, въ формѣ которой земледѣльческая артель могла бы осуществиться у насъ. Сообщаемъ здѣсь этотъ проектъ:

«1-е. Соединеніе всей общинной пахотной и луговой земли въ одно цѣлое.

Примѣчаніе. Усадьба съ огородами остается въ непосредственномъ вѣдѣніи самого домохозяина, и онъ ею распоряжается по своему усмотрѣнію.

2 е. Общество избираетъ изъ среды себя или изъ постороннихъ лицъ выборнаго, которому и поручаетъ все хозяйственное управленіе, смотря по величинѣ артели; общество выбираетъ также одного или двухъ нарядниковъ, которые служатъ выборному помощниками.

Примѣчаніе. Первое время хозяйство будетъ, конечно, идти старымъ порядкомъ, и выборному не придется дѣлать никакихъ нововведеній, а потому выборъ такого управителя дѣла весьма сбыточное. Между крестьянами найдутся люди опытные и распорядительные по части сельскаго хозяйства; до сихъ поръ есть между ними такіе, которые, во время крѣпостного права, служили у помѣщиковъ старостами и бурмистрами и отлично заправляли хозяйствомъ. Если же и встрѣтятся затрудненія въ пріисканіи людей, могущихъ заслужить довѣріе всего общества, то это будетъ развѣ на первое время, а потому не должно препятствовать ко введенію артельнаго хозяйства. Со временемъ такихъ людей можно подготовлять, и сельскія общества не будутъ затрудняться въ пріисканіи опытныхъ руководителей.

При уничтоженіи крѣпостного права и при введеніи новаго положенія о крестьянахъ, говорили, что не найдется между ними людей, которые могли бы занять мѣста волостныхъ старшинъ; однакожъ много нашлось отличныхъ старшинъ, несмотря на то, что должность старшины была крестьянамъ совершенно новою, тогда какъ распоряжаться сельскохозяйственными работами—дѣло болѣе или менѣе привычное всякому пожилому крестьянину.

Выборные найдутся,—и при назначеніи имъ отъ общества должнаго поощренія, время и обстоятельства сдѣлаютъ ихъ отличными хозяевами.

3 е. Общество предоставляетъ выборному полную свободу распоряжаться всѣми текущими хозяйственными работами и производить всякіе наряды. Капитальныя же преобразованія въ системѣ хозяйства, а также и денежныя затраты, выборный представляетъ на усмотрѣніе общества и не приступаетъ къ онымъ, не получивъ на то общественнаго приговора.

4-е. Каждый членъ сельской ассоціаціи обязуется работать на общество три дня въ недѣлю съ своимъ орудіемъ и лошадью. Онъ принимаетъ въ отношеніи своего общества тѣже обязательства, которыя онъ имѣлъ во времена господской барщины, т. е. если семейство состоитъ изъ 4-хъ рабочихъ душъ, то двое работаютъ на общество, а двое на себя; если же рабочій одиночка, то ему придется работать на общество въ недѣлю всего три дня, остальные три дня онъ воленъ работать на себя. Точно также исполняютъ свою обязанность и взрослыя женщины.

5-е. Соображаясь съ существующимъ нынѣ душевымъ надѣломъ, крестьяне ставятъ соотвѣтствующее число работниковъ и получаютъ соотвѣтствующую часть всего урожая, который весь сполна дѣлится на число душевыхъ надѣловъ; а потому каждый членъ общины, неся равный трудъ, получаетъ всегда совершенно равное вознагражденіе.

6-е. Выборный обязанъ вести ежедневный рабочій журналъ, въ который записываетъ произведенныя въ тотъ день работы, а также и число работниковъ отъ каждаго домохозяина.

По этому журналу производится повѣрка наряда.

7-е. Устраиваютъ одно общее гумно, общую ригу, общій хлѣбный амбаръ и вѣсы.

8 е. При составленіи сельской артели берется въ разсчетъ минимумъ всего количества скота, которое до того времени сельское общество въ состояніи было прокармливать, смотря по количеству ежегодно добываемаго съ своей земли корма.

Все это количество скота и лошадей дѣлится на число душевыхъ надѣловъ, и образуемая цифра должна составить обязательное количество скота и лошадей, которое каждый членъ сельской артели обязанъ содержать, напримѣръ, если артель составится изъ деревень, имѣющихъ 300 душевыхъ надѣловъ, и при этихъ деревняхъ содержалось до той поры 170 коровъ, 130 лошадей и 306 мелкой скотины, то, принимая 2 мелкія скотины за одну крупную, всего крупнаго скота будетъ 450 штукъ; поэтому обязательное количество скота на каждый душевой надѣлъ должно составать $1^1/_2$ штуки, или 1 крупная и 1 мелкая.

9-е. Весь кормъ, который получится общинною работою, дѣлится на число душевыхъ надѣловъ, по числу которыхъ и отпускается сполна на каждый дворъ.

Если у крестьянина будетъ остатокъ отъ корма, то онъ воленъ съ нимъ поступать совершенно по своему усмотрѣнію, т. е. продать кормъ или прибавить скота.

10-е. Весь поземъ вывозится каждымъ домохозяиномъ на общественное поле, если же у кого противъ положеннаго минимума за зиму содержалось болѣе скота, то такому домохозяину можетъ быть дозволено извѣстную часть поземъ вывести на свою усадьбу для огорода.

11-е. Если отъ хорошаго и раціональнаго хозяйства ко-

личество корма увеличится, то, по приговору общества, обязательное количество скота тоже увеличивается.

12-е. Все сѣно складывается на мѣстахъ покосовъ въ небольше стога, пудовъ 200 или 300 совершенно одинаковой величины; для этого кругъ основанія стога и его вершина должны быть у всѣхъ одинаковы; если эти размѣры будутъ соблюдаемы въ точности, то количество сѣна въ каждомъ стогѣ будетъ безошибочно одно и тоже; затѣмъ одинъ или два стога взвѣшивается на гумнѣ, и тогда по числу стоговъ опредѣляется все количество сѣна и сколько пудовъ должно достаться на каждый душевой надѣлъ. Зимою эти стога разбираются домохозяевами по жребію.

13-е. Молотьба совершается всегда въ присутствіи выборнаго или его помощника, причемъ количество ежедневнаго умолота, а равно и солома записываются въ присутствіи рабочихъ на особой доскѣ, вывѣшенной въ ригѣ, и тутъ же вносятся въ особую книгу, обзоръ которой во всякое время долженъ быть возможенъ каждому.

По окончаніи всей молотьбы, составляется списокъ всего количества хлѣба, сѣна, яровой и ржаной соломы, вмѣстѣ съ раскладкой, сколько чего приходится, за вычетомъ сѣмянъ, на каждый душевой надѣлъ.

Такого рода реестры выдаются каждому домохозяину, дабы по нимъ онъ могъ получить свою часть общаго урожая.

Наконецъ, смотря по урожаю, извѣстный % съ общаго количества зернового хлѣба слѣдовало бы отсыпать въ запасный магазинъ: съ продажи такого запаснаго хлѣба составился бы современемъ капиталъ для покупокъ сельскохозяйственныхъ усовершенствованныхъ орудій, какъ-то: плуговъ, вѣялокъ, молотилокъ и т. п., составляющихъ необходимость въ хорошемъ хозяйствѣ, а между тѣмъ при настоящей обстановкѣ совершенно недоступныхъ.

Авторъ, разработавшій этотъ проектъ организаціи земледѣльческой артели, вмѣстѣ съ тѣмъ, перечисляетъ и тѣ многочисленныя выгоды, корыми будетъ сопровождаться для нашего сельскаго хозяйства преобразованіе крестьянской общины въ земледѣльческую артель.

«Земля, говоритъ онъ,—не будетъ раздроблена на мелкія полосы; она составитъ одно нераздѣльное цѣлое, которое можно будетъ сравнить съ совершенно независимымъ большимъ хозяйствомъ и въ которомъ можно будетъ, подъ руководствомъ одного управителя, распоряжаться, какъ распоряжаются опытные управляющіе въ большомъ помѣщичьемъ имѣніи, и хозяйственныя усовершенствованія будутъ такъ же удобно примѣняемы, какъ и тамъ.

«Крестьянское земледѣльческое хозяйство станетъ тогда даже на болѣе прочную ногу, чѣмъ всякое помѣщичье, ибо послѣднее всегда находится въ зависимости отъ рабочихъ рукъ, цѣна которымъ часто возрастаетъ до такихъ размѣровъ, что трудъ не оплачивается; въ крестьянской же общинѣ цѣна на трудъ не будетъ подвергаться колебанію.

«Затѣмъ вся пахотная земля будетъ обрабатываться сполна, и каждая душа будетъ пользоваться ею наравнѣ со всѣми членами общества. При настоящемъ положеніи, болѣзнь крестьянина заставляетъ нерѣдко голодать всю семью — за больного никто изъ сосѣдей не пойдетъ работать его землю; при общинной же работѣ, этого не можетъ случиться, ибо болѣзнь освобождаетъ члена артели отъ наряда на работу, а свою долю отъ урожая онъ все таки получитъ.

«Въ настоящее время случается, что ко времени посѣва у крестьянина нѣтъ нужныхъ сѣмянъ, и онъ поневолѣ опаздываетъ посѣвомъ; при общинномъ владѣніи, сѣмена будутъ общими силами заготовляться заранѣе, и посѣвъ будетъ совершаться одновременно. Всѣ несправедливости, которыя неизбѣжао бываютъ теперь у крестьянъ при дѣлежкѣ пахотной земли, уничтожатся при общинномъ владѣніи. Что касается до денежной затраты, нужной при образованіи земледѣльческой артели, то вся затрата, на первое время, будетъ состоять въ постройкѣ общей риги, гумна и одного амбара, что составитъ сумму, которая, при раскладкѣ на всѣхъ членовъ общины, не можетъ быть обременительна для крестьянина, въ особенности когда артель составится изъ нѣсколькихъ деревень.

«При этомъ уничтожатся всѣ пагубныя послѣдствія отъ пожаровъ, которымъ такъ часто подвержены овины: ибо если случится несчастіе, и общинная рига сгоритъ, то убытокъ падетъ незамѣтно на всѣхъ, тогда какъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, такого рода несчастія разоряютъ цѣлыя семейства.

«Одно изъ главныхъ преимуществъ сельской артели, передъ всякой другой ремесленной ассоціаціей, заключается въ томъ, что въ пользу послѣдней каждый членъ обязанъ работать въ теченіи всего года; въ сельской же артели онъ обязуется къ этому только въ теченіи шести лѣтнихъ мѣсяцевъ, и то не каждый день; а въ остальное время года, онъ освобождается отъ всякихъ обязательствъ».

И такъ, несомнѣнно, что преобразовать современную крестьянскую общину въ земледѣльческую артель въ сельско-хозяйственномъ отношеніи было бы весьма выгодно. Но сами крестьяне сдѣлать этого не въ состояніи. Потому что, какъ бы ни много оказалось въ томъ или другомъ сельскомъ обществѣ отдѣльныхъ единицъ, ясно понимающихъ всю выгоду этого преобразованія, онѣ никогда не будутъ въ состояніи склонить свое общество на подобный радикальный переворотъ въ хозяйствѣ. Первый починъ въ этомъ дѣлѣ долженъ принадлежать или земствамъ, или такимъ начальникамъ губерній, которые, понимая сельско-хозяйственное дѣло, пользуются въ этомъ отношеніи моральнымъ вліяніемъ на крестьянъ, какъ напр. начальникъ Пензенской губ. Стоитъ пригласить два или три крестьянскихъ общества поставить свое земледѣльческое хозяйство на началѣ артельномъ, и тогда самый успѣхъ дѣла заставитъ другія общества послѣдовать ихъ примѣру.

Декабрь 1875.

Бѣгство семинаристовъ изъ семинарій въ университеты и лицеи.— Причины этого бѣгства. — Какъ можно устранить ихъ, и чѣмъ вообще можно поднять наше духовенство— Овсянниковскій процессъ.— Сравненіе суда, основывающагося на формальныхъ доказательствахъ, съ судомъ присяжныхъ.—Превосходство послѣдняго. — Роль обвиненія и защиты при судѣ присяжныхъ.— Защита въ Овсянниковскомъ процессѣ.

Одну изъ важныхъ заботъ нашего времени составляетъ вопросъ о православномъ духовенствѣ. Что наше православное духовенство далеко не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго общества, что оно ни своимъ умственнымъ развитіемъ, ни своими нравственными качествами не только не возвышается надъ свѣтскимъ обществомъ, а стоитъ гораздо ниже средняго уровня послѣдняго, что потому оно, большею частью, вовсе не имѣетъ никакого вліянія въ своей паствѣ—все это въ настоящее время ни для кого не тайна. Надѣялись было обновить духовное сословіе превращеніемъ его изъ настоящаго, замкнутаго сословія, каковымъ оно было до послѣдняго времени, въ открытое для всѣхъ другихъ сословій. Съ этою цѣлію всѣ духовныя заведенія, какъ заведенія приготовительныя для духовнаго званія, были сдѣланы изъ закрытыхъ открытыми для всѣхъ, такъ что даже не учившимся въ семинаріяхъ, а кончающимъ курсъ въ гимназіяхъ, дано было право, наравнѣ съ семинаристами, поступать въ высшія духовныя учебныя заведенія—академіи. Но эти мѣры не привели ни къ какимъ результатамъ. Никто изъ другихъ сословій не хочетъ идти въ духовное званіе и не хочетъ отдавать дѣтей своихъ въ духовныя учебныя заведенія. Этого мало: всѣ лучшіе воспитанники семинарій, принадлежащіе по своему происхожденію къ духовному званію, въ настоящее время бѣгутъ отсюда въ высшія заведенія свѣтскія --университеты, лицеи и т. п. Въ особенности это бѣгство усилилось въ нынѣшнемъ году. «Церковно-общественный Вѣстникъ» (№ 133) пишетъ, что открытый въ нынѣшнемъ году нѣжинскій историко-филологическій лицей исключительно наполнился одними семинаристами; явились-было два гимназиста, но и тѣ скоро ушли, стѣсняясь тѣмъ, что этотъ институтъ—закрытое заведеніе. Изъ полтавской семинаріи ушло въ университеты 26 лучшихъ учениковъ, т. е. почти половина изъ перешедшихъ въ нынѣшнемъ году на богословскій курсъ. Столько же, если не болѣе, потеряли лучшихъ учениковъ семинаріи владимірская и кіевская. Несомнѣнно, что и изъ другихъ семинарій, какъ справедливо предполагаетъ «Церковно-общественный Вѣстникъ», извѣстный процентъ лучшихъ семинаристовъ выбылъ въ свѣтскія заведенія. Замѣчательно, что лучшіе семинаристы бѣгутъ изъ духовныхъ заведеній, что называется, очертя голову, безъ всякихъ средствъ существованія въ настоящемъ и безъ всякой надежды на какое-нибудь вѣрное обезпеченіе въ будущемъ, во время ученія покупаютъ свою свободу отъ духовнаго званія цѣною полуголоднаго существованія, а иногда, можетъ быть, и самой жизни. «Намъ достовѣрно извѣстно, пишетъ «Церковно общественный Вѣстникъ»:—что нѣкоторые изъ семинаристовъ уѣхали въ университетскіе города съ 10—25 рублями; иные эти деньги заняли, разсчитывая жить и уплатить долгъ уроками». Въ Харьковѣ наплывъ семинаристовъ въ тамошній университетъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ пониженіе платы за частные уроки до невѣроятныхъ размѣровъ—до 3 р. въ мѣсяцъ. На такія деньги въ наше время, даже и въ Харьковѣ, можно существовать только въ проголодь; потому очевидно, что искатели подобной цѣны за уроки находятся въ постоянной опасности умереть съ голоду. Не лучше положеніе семинаристовъ и въ Кіевѣ. «Нѣкоторые изъ поступившихъ въ здѣшній университетъ семинаристовъ, пишетъ «Церковно-общественный Вѣстникъ»: — терпятъ по временамъ положительный голодъ, хотя и съ хладнокровіемъ переносятъ такое бѣдственное положеніе. Вотъ что недавно писалъ одинъ изъ нихъ: «подъ самымъ критическимъ временемъ я разумѣю то время, когда, во-первыхъ, сижу на одномъ хлѣбѣ, а во-вторыхъ, когда это время продолжается долго. Настоящее время я не называю временемъ самымъ критическимъ, во-первыхъ, потому, что сегодня съ моимъ товарищемъ (тоже семинаристомъ) съѣли, во время обѣда, кромѣ хлѣба, еще и по половинѣ трехкопѣечной колбасы; такой же обѣдъ былъ у насъ вчера; такой же будетъ и завтра; во-вторыхъ, этому голоданію вскорѣ будетъ положенъ предѣлъ, хотя и временный: мы оба съ нетерпѣніемъ ожидаемъ 6 октября, когда мой товарищъ получитъ деньги. Ихъ хватитъ на то, чтобы разъ или два пообѣдать въ нѣмецкой гостинницѣ (25 к. за обѣдъ); потомъ нѣсколько дней употреблять по половинѣ десятикопѣечной колбасы, затѣмъ съѣхать на трехкопѣечную и закончить однимъ хлѣбомъ. Въ это время, т. е., когда у насъ останется одинъ хлѣбъ, я надѣюсь, въ свою очередь, получить

изъ дома малую толику; такъ, по крайней мѣрѣ, всегда было прежде, и затѣмъ опять повторяется то, что я уже описалъ. Пока настоящее измѣнится къ лучшему, буду все переносить терпѣливо».

Одно это письмо достаточно показываетъ, съ какою энергіею и съ какимъ отчаяннымъ мужествомъ лучшіе изъ семинаристовъ ведутъ борьбу за свое освобожденіе отъ духовнаго званія. «Церковно-общественный Вѣстникъ» справедливо опасается, что, если такъ дѣло пойдетъ и впередъ, то за недостаткомъ достойныхъ кандидатовъ на священническія мѣста, придется замѣщать эти мѣста «многолѣтними, а въ крайности и малолѣтними—діаконами, помимо всякихъ соображеній объ образованіи и правоспособности послѣднихъ быть пастырями, правоправящими слово истины». Въ виду этого «Церковно-общественный Вѣстникъ» озабоченъ изысканіемъ причинъ, которыя заставляютъ обучающуюся въ семинаріяхъ молодежь бѣжать оттуда въ свѣтскія учебныя заведенія.

Нѣкоторые говорятъ, что чрезвычайный наплывъ семинаристовъ въ университеты и лицеи въ нынѣшнемъ году—случайный: «онъ происходитъ, дескать, оттого, что министерствомъ народнаго просвѣщенія сдѣлано распоряженіе, чтобы съ будущаго года семинаристы принимались въ университеты не по повѣрочнымъ экзаменамъ въ самыхъ университетахъ, а по аттестатамъ зрѣлости, для полученія которыхъ они должны сдавать экзаменъ въ гимназіяхъ. Держать экзаменъ въ гимназіяхъ семинаристамъ будетъ, несомнѣнно, очень трудно, и это, дескать, побуждаетъ ихъ въ нынѣшнемъ году уходить изъ семинарій въ свѣтскія заведенія массами. «Церковно-общественный Вѣстникъ» замѣчаетъ на это, что министерское распоряженіе могло, пожалуй, ускорить выходъ изъ семинарій тѣхъ воспитанниковъ, которые желали уже поступить въ свѣтскія заведенія, но «что не оно породило въ нихъ это желаніе; это желаніе, по его словамъ, въ средѣ семинаристовъ самое обыкновенное. Семинаристы, вообще, свѣтской карьерѣ даютъ предпочтеніе передъ званіемъ священника, и въ направленіи ихъ замѣчаются такія наклонности и влеченія, которыя совершенно противоположны характеру и цѣли семинарскаго воспитанія». Въ извѣстной мѣрѣ это замѣчаніе «Церковно-общественнаго Вѣстника» о склонности семинаристовъ къ свѣтской карьерѣ совершенно справедливо; но мы никакъ не можемъ съ нимъ согласиться, что министерское распоряженіе только ускорило выходъ изъ семинарій желавшихъ уже прежде поступить въ свѣтскія заведенія; мы, напротивъ, думаемъ, что во многихъ изъ семинаристовъ, до тѣхъ поръ и не думавшихъ оставлять семинаріи, оно возбудило желаніе оставить ихъ и что такое вліяніе оно несомнѣнно будетъ имѣть и вредъ на всѣхъ лучшихъ воспитанниковъ семинарій, когда они будутъ достигать богословскаго отдѣленія, т. е. когда имъ будетъ предстоять возможность перейдти въ высшія свѣтскія учебныя заведенія и когда они будутъ въ такомъ возрастѣ, что будутъ въ состояніи судить о томъ, что ожидаетъ ихъ въ духовномъ званіи. На помянутое министерское распоряженіе нельзя иначе смотрѣть, какъ на оффиціальное признаніе, что общее образованіе въ семинаріяхъ стоитъ ниже, чѣмъ во всѣхъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или, что тоже, что семинаріи могутъ быть признаваемы средними учебными заведеніями только по отношенію къ духовнымъ академіямъ, а по отношенію къ университетамъ и лицеямъ онѣ стоятъ ниже всѣхъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Оно, конечно, безъ аттестата зрѣлости нынѣ нельзя поступать въ университетъ и изъ среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, такъ-называемыхъ, реальныхъ. Но у послѣднихъ заведеній отнято право выдавать аттестаты зрѣлости только потому, что въ ихъ курсѣ нѣтъ древнихъ классическихъ языковъ. Въ семинаріяхъ же эти языки преподаются. Слѣдовательно, у семинарій отнято право давать аттестаты зрѣлости не почему другому, какъ потому, что образованіе, какое даютъ онѣ, признано неудовлетворительнымъ для слушанія университетскаго курса. Но я спрашиваю васъ: въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, заботящійся о солидномъ обрезованіи даже крестьянъ, какое будетъ имѣть общественное положеніе священникъ и какое вліяніе на свою паству, когда въ этой паствѣ каждый мелкій чиновникъ, учившійся въ классической гимназіи, и каждый корнетъ, прослушавшій курсъ наукъ въ военной гимназіи, будетъ считать себя, по оффиціальному признанію, болѣе просвѣщеннымъ, чѣмъ его пастырь? И какой даровитый семинаристъ, если у него есть какая нибудь возможность перейдти въ свѣтское учебное заведеніе, согласится на подобное унизительное положеніе, въ которомъ, притомъ, онъ долженъ будетъ находиться не временно только, а цѣлую жизнь? Намъ могутъ возразить, что наилучшій оффиціальный взглядъ на семинарскоее образованіе не можетъ возвысить и увеличить внутреннюю содержательность и достоинство послѣдняго, и что семинаріи не сдѣлаются лучше оттого, что министерство признаетъ ихъ правоспособными на раздачу аттестатовъ зрѣлости. Совершенно справедливо; но совершенно справедливо также и то, что по тому или другому оффиціальному взгляду на извѣстное заведеніе и по правамъ, ему предоставляемымъ, образуется и взглядъ общества на это заведеніе. Случается, что въ нѣкоторыхъ университетахъ и лицеяхъ составъ преподавателей по одному и даже по нѣсколькимъ факультетамъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, бываетъ такъ плохъ, что воспитывающіеся здѣсь за это время юноши не получаютъ не только университетскаго научнаго образованія и выходятъ ни съ чѣмъ, а иногда растериваютъ даже и тѣ знанія, которыя имѣли прежде. Но пусть министерство попробуетъ, при

подобномъ состояніи какого нибудь факультета въ томъ или другомъ университетѣ, объявить, что, дескать, обучающіеся въ такомъ-то факультетѣ университета N не могутъ, по неудовлетворительному преподаванію въ немъ наукъ, получать тамъ дипломовъ и степеней, а должны пріобрѣтать эти дипломы и степени въ университетѣ X! Подобное объявленіе, навѣрное, будетъ равносильно закрытію объявленнаго факультета навсегда. Изъ него убѣгутъ всѣ, какъ изъ зачумленнаго мѣста. А тѣ, которымъ, по какимъ-нибудь случайностямъ, привелось бы кончить тамъ курсъ, будутъ стыдиться въ послѣдствіи разсказывать, что они слушали курсъ наукъ въ этомъ факультетѣ. Эти же самыя чувства долженъ испытывать, конечно, и каждый способный семинаристъ послѣ того, какъ среднее заведеніе, въ которомъ онъ учится, *оффиціально* признано не заслуживающимъ названія средняго учебнаго заведенія.

Мы не знаемъ, чѣмъ именно вызвано министерское распоряженіе, о которомъ мы ведемъ рѣчь, но, если здѣсь дѣйствовало опасеніе, что невполнѣ достаточно приготовленные для университета семинаристы понизятъ уровень университетскаго образованія, то это опасеніе было совершенно напрасное. Во-первыхъ, процентъ поступающихъ въ университетъ изъ духовныхъ заведеній у насъ былъ вообще не особенно значителенъ, въ сравненіи съ общимъ числомъ обучающихся въ университетахъ, и уже по одному этому никакъ не могъ вліять на пониженіе уровня университетскаго образованія. Но, кромѣ того, извѣстно всѣмъ, что въ дѣлѣ усвоенія высшаго университетскаго образованія главную, первостепенную роль играетъ даровитость юноши и его охота и способность къ труду. Бо́льшая или меньшая подготовка, выносимая изъ средняго учебнаго заведенія, имѣетъ значеніе только второстепенное. Я говорю *бо́льшая* или *меньшая*, потому что несомнѣнно, что и самый даровитый человѣкъ, если онъ совсѣмъ не учился ни латинскому, ни греческому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, будетъ поставленъ въ сильное затрудненіе на филологическомъ, напримѣръ, факультетѣ въ университетѣ. Но, если взять двухъ юношей, изъ которыхъ одинъ греческій и латинскій языкъ прошелъ даже въ катковскомъ лицеѣ и à livre ouvert можетъ читать и Гомера, и Виргилія, а другой только съ помощію лексикона кое-какъ только разбираетъ Ѳукидида или Корнелія Непота, но предположить, при этомъ, что первый—посредственныхъ способностей, а второй—человѣкъ даровитый, то, при одинаковомъ даже трудолюбіи, въ концѣ университетскаго курса, тотъ, который едва читалъ по-гречески и полатинѣ при поступленіи, окажется, даже и по греческой и латинской филологіи, не говоря уже о другихъ предметахъ, настолько сильнымъ, что будетъ не только свободно читать Гомера и Виргилія, но и разъяснять всѣ ихъ грамматическія, лексикальныя особенности и эстетическія красоты, будетъ годенъ и въ профессора римской и греческой исторіи и археологіи, а тотъ, который читалъ à livre ouvert Виргилія и Гомера при поступленіи, тотъ съ этими познаніями останется и въ концѣ курса, и къ обогнавшему же его будетъ приходить за разными разъясненіями относительно Гомера и Виргилія. Все это—такіе труизмы въ практикѣ высшаго образованія, добытые опытомъ многихъ вѣковъ и разныхъ народовъ, что объ этомъ говорить не стоитъ. Но предположимъ, что мы ошибаемся; предположимъ, что только самая солидная и образцовая подготовка въ среднемъ учебномъ заведеніи можетъ возвести юношу на высоты университетской науки, а дарованіе и способность къ труду тутъ не причемъ; въ такомъ случаѣ, разъ подлежащее начальство замѣтило, что заведенія, гдѣ обучаются будущіе пастыри, стоятъ ниже всѣхъ соотвѣтствующихъ свѣтскихъ заведеній — ему надобно было позаботиться немедленно поднять эти заведенія до уровня послѣднихъ. Невозможно допустить, въ видахъ государственныхъ, чтобы заведенія, гдѣ обучаются будущіе пастыри, стояли ниже тѣхъ, въ которыхъ обучаются ихъ будущіе пасомые; ибо какіе же изъ подобныхъ заведеній могутъ выходить пастыри? А объявлять оффиціально, что эти заведенія дѣйствительно уже и стоятъ ниже—это, по нашему мнѣнію, даже излишне.—Если, далѣе, мы предположимъ, что въ основаніи министерскаго распоряженія лежитъ забота о нашей православной церкви, о томъ, чтобы не оставить ее пустынною, не лишить достойныхъ пастырей, и въ этихъ видахъ, черезъ воспрещеніе перехода изъ семинарій въ университеты, лучшіе воспитанники семинарій, какъ бы, такъ сказать, прикрѣпляются къ семинаріямъ и духовному званію, то эта цѣль не только не достигнется, а получаются результаты, какъ мы уже сказали, совершенно противоположные. Послѣ министерскаго распоряженія, объявившаго семинаріи оффиціально заведеніями низшими среднихъ, всѣ способные семинаристы будутъ стараться уйти изъ нихъ куда только могутъ. Они потекутъ сначала въ тѣ высшія свѣтскія учебныя заведенія, доступъ въ которыя имъ не закрытъ; если же и сюда начальствомъ доступъ будетъ закрытъ, то они будутъ пристраиваться къ разнымъ промышленнымъ, торговымъ и т. п. заведеніямъ—способные люди нынѣ вездѣ требуются—а въ духовное званіе не пойдутъ—не пойдутъ по той простой причинѣ, что какое занятіе они ни избрали бы въ промышленной или торговой дѣятельности, они будутъ получать вездѣ большее вознагражденіе, чѣмъ на мѣстѣ священника. А при такой постановкѣ ихъ образованія, которая оффиціально объявляется самою неудовлетворительною, чего же имъ и искать, кромѣ матеріальныхъ интересовъ?

Но обратимся снова къ «Церковно-общественному Вѣстнику». Продолжая изслѣдовать причины бѣгства семинаристовъ въ свѣтскія учебныя

заведенія, «Церковно-общественный Вѣстникъ» говоритъ, что нельзя согласиться и съ тѣми, которые думаютъ, что причины эти скрываются въ «бѣдности и унизительномъ положеніи нашего духовенства». По его мнѣнію, въ толкахъ о бѣдности и унизительномъ положеніи много преувеличеннаго, и «во всякомъ случаѣ, всѣхъ ненормальностей въ духовенствѣ нельзя сваливать на одно это», а, тѣмъ болѣе, такой ненормальности, какъ бѣгство семинаристовъ изъ духовнаго званія. Здѣсь все зло—думаетъ онъ—происходитъ отъ недостатка въ семинарскомъ воспитаніи нравственнаго вліянія, вполнѣ соотвѣтствующаго цѣли воспитанія.—«Еслибы—говоритъ «Церковно-общественный Вѣстникъ»—согласно уставу духовныхъ заведеній, нравственное воспитаніе въ (духовныхъ) *училищахъ* дѣйствительно полагало «прочное основаніе религіозно-нравственному образованію учащихся» (§ 95 й); еслибы воспитаніе въ *семинаріяхъ* достигало «правильнаго образованія характера учащихся, соотвѣтственно ихъ будущему назначенію» (§ 145-й); еслибы, дѣйствительно, воспитатели семинарій успѣвали «развить и укрѣпить въ учащихся любовь и уваженіе къ православной церкви, ея уставамъ, священнодѣйствіямъ и обрядамъ, утвердить въ добрыхъ христіанскихъ навыкахъ и привести къ живому сознанію важности священства» (§ 147-й), такъ, чтобы религіозныя идеи прошли черезъ сердце воспитанника и запечатлѣлись бы въ немъ—то возможно ли было бы тогда допустить въ немъ нежеланіе такъ или иначе служить церкви и религіи?» Признаюсь откровенно, что въ этой репликѣ «Церковно-общественнаго Вѣстника» я не вижу ничего, кромѣ одного пустого словоизверженія, кромѣ самаго общѣйшаго общаго мѣста о христіанскомъ воспитаніи. Развѣ не въ каждомъ учебномъ заведеніи, низшемъ и среднемъ—будетъ ли то духовное или свѣтское, военное или купеческое, ремесленное и т. п.—требуется, чтобы «религіозныя идеи прошли черезъ сердце воспитанника и запечатлѣлись въ немъ»? И почему же это каждый, у кого эти идеи прошли черезъ сердце и запечатлѣлись въ немъ, долженъ непремѣнно идти въ духовное званіе? Очевидно, что «Церковно-общественный Вѣстникъ» относительно необходимости нравственно-религіознаго воспитанія стоитъ не на высокой точкѣ зрѣнія новозавѣтнаго ученія, въ которомъ всѣ христіане называются *іереями*, слѣдовательно, признаются одинаково проникнутыми религіозными идеями, какъ и тѣ, которые оффиціально должны носить это званіе.

Но идеи—идеями, а всякому юношѣ, пока онъ носитъ ту бренную оболочку, которая называется тѣломъ, и пока онъ находится въ обществѣ, прежде, чѣмъ онъ выступитъ на какое-нибудь общественное поприще дѣятельности, позволительно подумать: гдѣ онъ можетъ быть полезнѣе для себя и для другихъ? Простое благоразуміе требуетъ, чтобы молодой человѣкъ не дѣлалъ такого важнаго шага не подумавши. Я согласенъ, что найдется не мало семинаристовъ, которые недостаточно проникнуты религіозными идеями и бросаютъ семинарію изъ видовъ чисто личныхъ, матеріальныхъ разсчетовъ въ будущемъ; но, съ другой стороны, несомнѣнно есть и такіе, которые бѣгутъ изъ семинарій именно потому, что они слишкомъ проникнуты религіозными идеями, смотрятъ на служеніе священника очень высоко и не находятъ себя достаточно сильными для того, чтобы выполнить высокія обязанности этого сана въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ поставлено у насъ духовенство.

Что есть и такіе семинаристы изъ убѣгающихъ изъ семинаріи въ высшія свѣтскія заведенія—въ этомъ я убѣжденъ совершенно искренно. Вѣдь подумайте: въ чемъ состоитъ существенное призваніе священника среди нашего народа? Это—быть просвѣтителемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, вносить въ среду народа не только свѣтъ евангельской истины, но и свѣтъ науки и цивилизаціи, свѣтъ всевозможнаго житейскаго знанія, быть для народа отцомъ, наставникомъ, совѣтникомъ, помощникомъ, другомъ — однимъ словомъ: нельзя указать никакого другого поста, гдѣ возможна была бы болѣе глубокая и тѣсная нравственная связь съ народомъ, какъ въ санѣ священника. Въ наше народолюбивое время, когда идеалъ народнаго служенія стоитъ такъ высоко и такъ увлекаетъ молодые умы, какое вы найдете служеніе, которое бы болѣе совпадало съ идеалами юношей, какъ служеніе священника? И я увѣренъ, что не одинъ изъ семинаристовъ, прежде, чѣмъ онъ оставилъ духовное званіе, много раздумывалъ о томъ: не выйдти ли ему на поприще служенія народу въ санѣ священника? Но каждый изъ тѣхъ, которому западала эта мысль въ голову, по здравомъ размышленіи, долженъ былъ неизбѣжно придти къ тому заключенію, что задаваться подобною мыслію значитъ задаваться мечтою, химерою, вещью совершенно неисполнимою, невозможною, что всего лучше поскорѣе уйти изъ духовнаго званія и для осуществленія своихъ идеаловъ искать другого поприща. Юношей, о которыхъ я говорю, отклоняетъ отъ духовнаго званія, конечно, не боязнь матеріальныхъ лишеній, ибо подобныя лишенія для юноши увлеченнаго, экзальтированнаго — трынъ-трава, а очевидная невозможность совмѣстить свои идеалы съ званіемъ священника въ томъ видѣ, въ какомъ оно является не въ идеѣ, а въ дѣйствительности. Ибо посмотрите, что долженъ сдѣлать юноша предварительно для того только, чтобы удостоиться сана священника?

1) Онъ долженъ отказаться отъ свободы располагать собою навсегда, навѣчно. По нашимъ законамъ, поворота изъ духовнаго званія нѣтъ. Это легко сказать, но, въ дѣйствительности, это—вещь ужасная. Представьте себѣ какое угодно званіе; но, если вамъ скажутъ, что, разъ вы вступили въ него, вы не можете имѣть изъ него

выхода, что бы съ вами потомъ ни случилось, хотя бы вы почувствовали и нашли себя совершенно неспособнымъ и негоднымъ къ нему—и вы, повѣрьте, остановитесь и долго подумаете о томъ: насколько вы способны нести тѣ обязанности, которыя налагаются на васъ на цѣлую жизнь? Но во всякое другое званіе бозповоротный шагъ сдѣлать гораздо легче, чѣмъ въ духовное. Можно сдѣлать обѣщаніе быть всю жизнь хорошимъ чиновникомъ, хорошимъ воиномъ, хорошимъ купцомъ и т. п. и, по возможности, исполнить это обѣщаніе. Но ни одинъ человѣкъ, поступающій въ духовное званіе, не знаетъ самъ, насколько онъ способенъ удовлетворить тому идеалу священства, который предносится въ его умѣ? И чѣмъ онъ глубже проникнутъ религіозными идеями вообще, и въ частности идеею о высотѣ духовнаго сана, тѣмъ ему труднѣе опредѣлить это для себя. Онъ можетъ думать, что тотъ энтузіазмъ, которымъ горитъ онъ къ высокому призванію священства, принимая этотъ санъ, будетъ одушевлять его вѣчно, а можетъ случиться такъ, что энтузіазма этого не хватитъ и на два года. И что же тогда будетъ для него духовный санъ, при его высокомъ понятіи о немъ, если не тяжкою ношею, вѣчнымъ укоромъ для совѣсти на всю жизнь? А между тѣмъ, выхода нѣтъ...

2) Далѣе: вступающій въ духовное званіе долженъ непремѣнно жениться. Для экзальтированнаго юноши, который рѣшился всецѣло предаться служенію своему идеалу, даже и при вполнѣ обезпеченномъ матеріальномъ положеніи, женитьба была бы вопросомъ. У насъ пока и въ самыхъ развитыхъ кругахъ трудно отыскивать женъ, которыя были бы способны искренно увлечься какой нибудь общественной идеей, которыя готовы были бы не только съ похвалою разговаривать объ этой идеѣ, по временамъ въ ея пользу танцовать или жертвовать старымъ носильнымъ бѣльемъ и тряпьемъ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ четвертаковъ, но сдѣлать ее однимъ изъ существенныхъ интересовъ своей жизни. Въ тѣхъ же кругахъ, гдѣ воспитываются жены нашихъ пастырей, о подобныхъ высокихъ требованіяхъ и рѣчи быть не можетъ. А между тѣмъ, въ духовномъ званіи, рядомъ съ такою помѣхою, какъ жена, выступаетъ самый суровый вопросъ — матеріальный. На тѣ законныя средства, которыя получаетъ наше духовенство, едва можно кое-какъ существовать только одному; на нихъ нельзя и думать жить съ женой и вести сколько нибудь приличное хозяйство... А тамъ... дѣти .. ихъ воспитаніе... О какихъ тутъ можно думать идеалахъ? Матеріальный вопросъ, очевидно, долженъ стать на первый планъ. И хорошо еще, если въ той мѣстности, гдѣ живетъ священникъ, найдутся законные пути для удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ... А то дѣло выйдетъ и совсѣмъ дрянь. Такъ, недавно харьковское земство нашлось вынужденнымъ уволить отъ должности народныхъ учителей 15 священниковъ. За что бы вы думали? За то, что они, получая впродолженіи многихъ лѣтъ учительское жалованье по 200 руб. въ годъ, сами не заглядывали въ училище, а нанимали вмѣсто себя учителями отставныхъ солдатъ, выгнанныхъ семинаристовъ и т. п., платили имъ за ученье по 2 руб. въ мѣсяцъ и, сверхъ того, довольствовали харчами вмѣстѣ съ своими батраками. Крайне тяжело и прискорбно видѣть подобное шарлатанство — и даже болѣе, чѣмъ шарлатанство въ лицахъ, носящихъ санъ священника. Но признаюсь, что у меня не достаетъ духу бросить въ нихъ камнемъ осужденія. Житейская обстановка нашего сельскаго духовенства—такая убогая и жалкая, какой нельзя найдти нигдѣ въ Европѣ. А отъ людей нельзя требовать, чтобы они были героями!

3) Вступающій въ духовное званіе долженъ отдѣлить себя отъ всего міра своей особой одеждой. Обстоятельство это, на первый взглядъ не важное, въ дѣйствительности, имѣетъ весьма важное значеніе въ служеніи священника. Платье священника производитъ на всѣхъ какое - то особое впечатлѣніе. Стоитъ священнику явиться въ какое угодно общество, собраніе, бесѣду— откровенная, простая рѣчь обыкновенно немедленно прекращается; разговоръ дѣлается натянутымъ; всѣ начинаютъ себя чувствовать точно въ присутствіи человѣка не отъ міра сего, съ которымъ нельзя себя вести такъ, какъ ведешь со всѣми людями. Многіе видятъ въ этомъ чувство уваженія къ духовному сану, но я полагаю, что это—совсѣмъ не чувство уваженія, а чувство стѣсненія, являющееся въ насъ безсознательно, невольно, чисто физіологически, и происходящее именно отъ непривычки видѣть людей въ подобномъ платьѣ въ обществѣ. Заграницей, тотъ же самый священникъ, переодѣвшись въ обыкновенное свѣтское платье, не производитъ ни на кого такого впечатлѣнія, и никто его не дичится и не стѣсняется имъ въ обществѣ, хотя всѣ знаютъ, что онъ—священникъ. Платье же преграждаетъ священнику входъ въ театры и другія подобныя мѣста свѣтскихъ удовольствій. Это искусственное, ненужное отчужденіе отъ себя другихъ людей особымъ покроемъ платья несомнѣнно стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ миссіею священника быть близкимъ къ міру, знать его, жить и дѣйствовать среди него, во всякомъ случаѣ никакъ не можетъ гармонировать съ идеальными стремленіями юноши, задающагося мыслію жить одною нераздѣльною, братскою жизнію съ своею паствою.

Мы перечислили только первые шаги вступленія въ духовное званіе, при представленіи которыхъ каждый юноша, задумывающій принять его, естественно, долженъ усомниться въ возможности осуществить здѣсь свои идеалы. Но, чѣмъ далѣе и внимательнѣе онъ будетъ вглядываться въ дальнѣйшую перспективу своей жизни

въ этомъ званіи, тѣмъ сомнѣніе его будетъ рости болѣе и болѣе, пока не превратится, наконецъ, въ полное разочарованіе. Вникая въ подробности священнической жизни, онъ увидитъ, что, если, въ идеѣ, призваніе священника—вообще призваніе просвѣтителя, а у насъ, какъ мы уже сказали, просвѣтителя въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, то, въ дѣйствительности, священнику почти никогда не приходится являться въ качествѣ просвѣтителя. Большая часть его времени занята исполненіемъ требъ, канцелярскою отчетностію по своей должности; остальное время онъ долженъ употреблять на устройство своего маленькаго хозяйства, вообще на пріобрѣтеніе средствъ къ жизни, иначе ему нечѣмъ будетъ жить съ своей семьею, нечѣмъ воспитывать дѣтей. Тутъ некогда думать объ идеальныхъ стремленіяхъ, о которыхъ мечтаетъ юноша, задумывающій поступить въ духовное званіе. Затѣмъ, если этотъ юноша обратитъ вниманіе на ту среду, въ которой онъ долженъ дѣйствовать, на тѣ разнообразныя ея потребности, которымъ онъ долженъ удовлетворить, и на ту убогую сумму знаній, которая находится въ его распоряженіи, то онъ долженъ будетъ понять ясно, что онъ самъ далеко не доросъ до того, чтобы быть идеальнымъ просвѣтителемъ народа, еслибы даже ему и была открыта возможность для этого. «Церковно-общественный Вѣстникъ» говоритъ, что въ семинаріяхъ мало обращается вниманія на религіозно-нравственное воспитаніе учащихся; а я думаю, что напротивъ, что касается до курса наукъ, то въ жертву этому нравственно-религіозному воспитанію приносятся науки свѣтскія, безъ знанія которыхъ невозможно и солидное богословское образованіе. Насколько отъ этого выигрываетъ нравственно-религіозное воспитаніе—не знаю, но что отъ этого понизился въ семинаріяхъ противъ прежняго уровень образованія вообще, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. По первоначальному уставу духовно-учебныхъ заведеній, семинаріи имѣли характеръ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, съ краткимъ, заканчивающимъ ихъ двухгодичнымъ богословскимъ курсомъ. Въ такомъ видѣ семинаріи достаточно подготовляли воспитанниковъ какъ для ихъ собственнаго богословскаго курса, такъ и для высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Потомъ, мало по малу, стали расширять курсъ богословскихъ наукъ, перенося нѣкоторыя изъ нихъ изъ богословскаго курса въ подготовительные классы въ явный ущербъ наукамъ свѣтскимъ. По первоначальному уставу, имѣлось въ виду образовать изъ воспитанника семинаріи ученаго богослова, который, при основательномъ знаніи классической филологіи, а также философіи и исторіи философіи, не забывая, при этомъ, конечно, и церковнаго преданія, могъ самъ доискиваться истинъ христіанства и сравнивать съ нимъ самостоятельное развитіе человѣческой мысли до и послѣ христіанства. Впослѣдствіи на первый планъ, вмѣсто самостоятельнаго, поставлено было традиціонное изученіе христіанства. Все, что носило на себѣ черты священной традиціи—символы вѣры, обряды, ученіе отцовъ церкви и т. п., — все это превращалось въ отдѣльную науку и вводилось въ семинарскій курсъ. По наружности, курсъ семинаріи дѣлался спеціально-богословскимъ факультетомъ; но, въ дѣйствительности, этого быть не могло... Мальчика 14, 15 лѣтъ, предварительно достаточно неподготовленнаго сообразнымъ курсомъ наукъ свѣтскихъ, нельзя заставить съ охотою слушать полный богословскій курсъ; онъ не будетъ видѣть тутъ никакой цѣли, а многаго не будетъ вовсе понимать. Вообще расширеніе курса семинарскихъ наукъ въ традиціонномъ направленіи не могло ни къ чему вести, кромѣ подавленія самостоятельной и критической мысли въ учащихся, что прежде всего служило во вредъ дѣйствительной богословской наукѣ.

Изъ всего доселѣ мною сказаннаго очевидно, что, если лучшіе семинаристы въ настоящее время бѣгутъ отъ духовнаго званія и предпочитаютъ ему карьеру свѣтскую, то отсюда еще никакъ нельзя заключить, что это происходитъ въ нихъ отъ недостатка нравственно-религіознаго воспитанія. Очень, напротивъ, возможно, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ бѣгутъ изъ духовнаго званія именно потому, что, вслѣдствіе своего религіозно-нравственнаго воспитанія, не надѣются найдти удовлетвореніе своимъ высшимъ идеаламъ. Современная постановка духовенства такова, что вообще ею недовольны не только семинаристы, но все общество, цѣлый народъ, начиная отъ самыхъ низшихъ ступеней до самыхъ высшихъ. Недаромъ явилась мысль уничтожить духовное сословіе, какъ отдѣльную, замкнутую для всѣхъ другихъ сословій касту, и сдѣлать его открытымъ для всѣхъ, слить его съ цѣлымъ обществомъ. Но чтобы открытіе это не оставалось только номинальнымъ, какъ теперь, чтобы духовнаго званія искали лучшіе люди въ обществѣ, для этого нужно:

1) Уничтожить всѣ *безразличныя* для существа духовнаго званія отличія, которыя теперь многихъ отклоняютъ отъ него.

2) Выдвинуть на первый планъ просвѣтительскую дѣятельность духовенства и этимъ поднять его значеніе въ обществѣ.

3) Для этого поставить приготовленіе къ духовному званію или, что тоже, духовную школу совсѣмъ на другія основанія.

Подъ безразличными для существа духовнаго званія отличіями мы разумѣемъ требованіе отъ каждаго вступающаго въ духовное званіе: а) вѣчнаго пребыванія въ этомъ званіи; б) брачной жизни и в) особой одежды. Что первое изъ этихъ требованій не существенно—это извѣстно всѣмъ. Указъ о томъ, чтобы священники и діаконы не оставляли духовнаго званія иначе, какъ подъ извѣстными, очень тяжелыми условіями, послѣ-

довалъ не ранѣе, какъ въ прошедшее царствованіе. По какому поводу онъ послѣдовалъ — мы не знаемъ; но несомнѣнно, что на него, въ виду пользы и достоинства самой православной церкви, нельзя смотрѣть иначе, какъ на мѣру временную. Всякое званіе старается освободиться отъ людей, безполезныхъ для него, тѣмъ болѣе отъ людей, которые сами признаютъ себя неспособными или негодными исполнять обязанности этого званія. Какимъ же образомъ подобныхъ людей можетъ удерживать въ средѣ своей духовенство, миссія котораго, преимущественно предъ всѣми званіями, требуетъ сердечной всецѣлой преданности человѣка своему дѣлу?—Далѣе: непремѣннаго обязательства къ брачной жизни въ древней христіанской церкви не налагалось на каждаго, принимающаго санъ священника. И въ православной церкви это—не законъ, а обычай, который, хотя и постоянно практикуется всѣми, принимающими духовный санъ, но, въ дѣйствительности, онъ можетъ быть предоставленъ на волю каждаго, какъ и доказываетъ недавній примѣръ посвященія бывшимъ митрополитомъ Филаретомъ покойнаго ректора московской академіи, А. В. Горскаго, въ священники, который никогда не былъ женатъ.—Наконецъ, носимая православнымъ духовенствомъ особаго покроя одежда есть также только обычай, но не законъ. Наши заграничные священники носятъ обыкновенную свѣтскую одежду. Нашъ народъ также смотритъ безразлично на одежду священниковъ, что̀ доказывается одеждою священниковъ раскольничьихъ, которые ходятъ въ обыкновенномъ мірскомъ платьѣ.

Вопросъ о пріисканіи мѣръ, при помощи которыхъ можно было бы поднять духовенство и усилить его просвѣтительскую дѣятельность въ обществѣ, давно уже занимаетъ всѣхъ. Думали, что это само собою можетъ сдѣлаться съ обезпеченіемъ духовенства матеріальнымъ. Съ этою цѣлью, еще въ прошедшее царствованіе, духовенству было назначено жалованье. Съ этою же, надобно полагать, цѣлію въ нынѣшнее царствованіе послѣдовало сокращеніе штатныхъ приходовъ, что, чрезъ увеличеніе числа прихожанъ въ каждомъ приходѣ, должно было увеличить средства духовенства. Но очевидно, что эти мѣры не могли привести къ желанной цѣли. Штатное жалованье духовенства слишкомъ незначительно для того, чтобы могло хоть сколько нибудь его обезпечить. Увеличеніе количественнаго размѣра приходовъ возможно было не вездѣ и, притомъ, въ лучшихъ случаяхъ оно могло сдѣлать только незначительную надбавку къ средствамъ духовенства, а между тѣмъ, рядомъ съ этимъ оно необходимо увеличивало занятіе его по требоисправленію; слѣдовательно, никакъ не могло дать ему болѣе времени для его просвѣтительской дѣятельности. Вообще, мы думаемъ, что невозможно пріискать никакихъ мѣръ, которыми можно бы было поднять духовенство въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ. Во-первыхъ, матеріально достаточно обезпечить духовенство въ той массѣ, въ какой оно существуетъ, для нашихъ государственныхъ источниковъ — вещь совершенно немыслимая. У насъ теперь считается въ духовномъ званіи однихъ священниковъ болѣе 40,000 человѣкъ, а съ діаконами и причетниками почти 120,000 душъ, а всего духовнаго сословія съ семействами—болѣе 600,000 душъ. Предположимъ теперь, что вы задались мыслію нѣсколько достаточно обезпечить эти 120,000 человѣкъ, служащихъ алтарю, съ ихъ семействами – по нынѣшнимъ цѣнамъ, вы не можете положить среднимъ числомъ менѣе, чѣмъ, по 1,000 р. на человѣка—и это будетъ, какъ всякій знаетъ, обезпеченіе не Богъ знаетъ какое! Нынѣ нѣтъ ни одного мирового судьи, ни одного члена въ земскихъ управахъ, который не получалъ бы отъ 1,500 до 2,000 р. и болѣе. Нельзя же и священникамъ, если вы хотите дать имъ общественное положеніе и значеніе, назначить меньше этого. Но помножьте 120,000 на 1,000, и вы получите 120,000,000 р.—это составитъ четверть нашего ежегоднаго государственнаго бюджета! Во-вторыхъ, если мы обратимъ вниманіе на нематеріальную сторону дѣла, на вопросъ о томъ: гдѣ найдти 40,000 человѣкъ, вполнѣ достойныхъ занять священническія мѣста, то окажется, что и эту сторону дѣла уладить едва ли еще не болѣе трудно. Посмотрите, сколько у насъ стоитъ незанятыхъ профессорскихъ каѳедръ въ университетахъ? А, кажется, какъ бы не быть кандидатамъ на эти каѳедры, при томъ уваженіи, которымъ пользуется у насъ профессорское званіе, при томъ весьма достаточномъ содержаніи, которое получаютъ профессора, наконецъ, при тѣхъ богатыхъ средствахъ, какія даются желающимъ для приготовленія къ профессорскимъ каѳедрамъ? Можно ли, послѣ этого, надѣяться найдти 40,000 лицъ, вполнѣ достойныхъ принять на себя званіе священника — званіе, которое, по своимъ нравственнымъ требованіямъ, стоитъ неизмѣримо выше профессорскаго, но которое, между тѣмъ, не можетъ имѣть не только видной профессорской постановки, но даже сколько нибудь достаточнаго обезпеченія въ ежедневныхъ потребностяхъ? Но предположимъ вещь невозможную; предположимъ, что мы и нашли нужныхъ намъ 40,000 ч., въ извѣстной мѣрѣ достойныхъ сана священника; предположимъ другую невозможную вещь,—что мы успѣли обезпечить ихъ не особенно достаточно, но безбѣдно; вопросъ этимъ все-таки не былъ бы конченъ. Все-таки, найденные нами люди будутъ достойны своего сана только въ извѣстной мѣрѣ; они не будутъ достаточно приготовлены къ нему въ хорошей школѣ; они и въ началѣ своего служенія будутъ не избранные, а только заурядные работники на нивѣ Божіей, но, какъ не имѣющіе права, по существующему теперь закону, оставить принятое ими на себя служеніе, они могутъ

съ теченіемъ времени и, можетъ быть, очень скоро оказаться совсѣмъ негодными здѣсь. И это можетъ случиться тѣмъ легче, что эти священники останутся также требоисправителями и исполненіемъ требъ будутъ отвлекаться отъ своего главнаго призванія. Вообще, мы думаемъ, что, какъ бы мы ни обставляли духовное званіе, но, если на обязанности каждаго священника будетъ лежать, какъ и теперь, требоисправленіе, то въ началѣ, можетъ быть, и возвысится просвѣтительская дѣятельность священниковъ, а потомъ, мало-по-малу, съ теченіемъ времени, дѣло сведется на ту же рутину, какъ и теперь, т. е. священники будутъ считать своею главною, а нѣкоторые, пожалуй, и своею единственною обязанностію исправленіе требъ.

Намъ кажется, что есть только единственное средство возвысить наше духовенство; это—ввести въ немъ раздѣленіе труда, предназначивъ одну часть духовенства для исправленія требъ, другую— исключительно для просвѣтительской дѣятельности. Сдѣлать это можно такимъ образомъ. У насъ теперь считается 38,000 приходовъ; считая православнаго населенія въ Россіи 50,000,000 чел., на каждый приходъ падаетъ съ небольшимъ 1,300 душъ, потребуется всего 25,000—священниковъ. На обязанности этихъ священниковъ и должно будетъ исключительно лежать богослуженіе и требоисправленіе. Къ этимъ священникамъ-требоисправителямъ, на каждые три прихода или на каждые шесть тысячъ душъ, слѣдуетъ прибавить одного священника-*учителя*, который хотя имѣлъ бы право, какъ каждый священникъ, и служить, и исполнять извѣстную требу, когда это необходимо, но котораго главная обязанность состояла бы въ ученіи народа. Такихъ священниковъ на пятидесяти милліонное православное населеніе потребовалось бы около 8,400 человѣкъ.

Эти два разряда священниковъ должны были бы получать совершенно различное приготовительное воспитаніе къ своему званію. Приготовляющіеся въ священники-*требоисправители* должны бы были получать образованіе въ разныхъ техническихъ, сельско-хозяйственныхъ и тому подобныхъ школахъ, такъ что они хорошо знали бы какое нибудь полезное мастерство, ремесло, которое могли бы утилизировать въ жизни. Затѣмъ, по окончаніи курса въ этихъ заведеніяхъ, они выслушивали бы, въ теченіи двухъ лѣтъ, богословскій курсъ въ семинаріяхъ, которыя и должны быть оставлены только въ видѣ этихъ двухгодичныхъ курсовъ и, притомъ, не въ каждой губерніи, а для двухъ или трехъ губерній вмѣстѣ. Затѣмъ всѣ остальные классы въ семинаріяхъ, равно какъ и всѣ духовно-учебныя заведенія наши, должны быть уничтожены, и дѣти духовенства должны воспитываться въ общихъ для всѣхъ заведеніяхъ. Приготовляющіеся въ священники-*учителя* должны получать образованіе въ классическихъ гимназіяхъ, поступать отсюда въ университетъ и, по окончаніи здѣсь курса на юридическомъ факультетѣ, переходить въ духовныя академіи для выслушанія здѣсь богословскаго курса. Мы назначаемъ для приготовляющихся въ священники юридическій факультетъ потому, что, при новыхъ судахъ, при мировыхъ и земскихъ учрежденіяхъ, юридическимъ своимъ знаніемъ священникъ могъ бы вездѣ съ пользою служить своимъ прихожанамъ и предупреждать безчисленное множество пустыхъ и безнадежныхъ дѣлъ, а также и разныхъ злоупотребленій въ крестьянскомъ управленіи и судѣ.

Мы думаемъ, что приготовленное такимъ образомъ духовенство, предполагая, что выходъ изъ духовнаго званія былъ бы для всякаго всегда свободенъ, быстро подняло бы значеніе духовнаго сана въ глазахъ общества, а, вмѣстѣ съ этимъ, легко разрѣшился бы и вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства, въ настоящее время совершенно неразрѣшимый.

6-го числа текущаго мѣсяца, кончился такъ долго занимавшій петербургскую публику процессъ по дѣлу Овсянникова. У насъ пока нѣтъ еще въ рукахъ стенографическаго отчета ни судебныхъ преній, ни даже конца судебнаго слѣдствія. Потому теперь мы можемъ сдѣлать только нѣсколько общихъ замѣчаній по поводу этого процесса.

Процессъ Овсянникова былъ, по нашему мнѣнію, самый замѣчательный изъ всѣхъ процессовъ со времени введенія у насъ судебной реформы, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что на немъ въ первый разъ выяснилось для публики, съ полною очевидностію, все неизмѣримое превосходство суда присяжныхъ надъ судомъ формальнымъ. Приговоръ присяжныхъ, встрѣченный сочувственно всѣми, былъ, однакожъ, для бо́льшей части публики совершенно неожиданъ. Я не говорю уже о народныхъ массахъ, которыя, благодаря долго господствовавшему у насъ инквизиціонному процессу, совершенно перестали вѣрить въ существованіе правосудія въ нашихъ судахъ, и, какъ скоро на судъ попадаетъ милліонеръ или лицо сильное, онѣ прямо впередъ говорятъ, что изъ этого ничего не будетъ, что онъ выйдетъ чистъ и благополученъ, въ какихъ бы дѣлахъ замѣшанъ ни былъ. Даже въ образованной публикѣ, внимательно слѣдившей за процессомъ, было не мало людей, которые были убѣждены, что дѣло кончится ничѣмъ, т. е., что преступленіе поджога, хотя и очевидное, останется не наказаннымъ за недостаткомъ уликъ. Очевидно, что надъ нашею образованною публикою также тяготѣетъ до сихъ поръ многовѣковое вліяніе инквизиціоннаго процесса, какъ и надъ массами, только въ другой формѣ. Мы также привыкли вѣрить въ силу такъ называемыхъ формальныхъ доказательствъ, какъ средневѣковые люди вѣрили въ судъ Божій

или ордаліи, и нисколько не сознаемъ, что формальныя доказательства, по силѣ доказательности, малымъ чѣмъ лучше средневѣковыхъ ордалій. Предположимъ: на судѣ два свидѣтеля удостовѣряли бы, что Овсянниковъ когда-нибудь говорилъ, что онъ непремѣнно сожжетъ мельницу; предположимъ далѣе, что два другіе свидѣтеля разсказали бы, что Левтѣевъ на вопросъ: зачѣмъ онъ выпустилъ воду изъ бака? отвѣчалъ имъ: пусть веселѣе горитъ, когда загорится— для нѣкоторыхъ, даже образованныхъ людей, при такихъ свидѣтельствахъ, не оставалось бы никакого сомнѣнія, что именно Овсянниковъ и Левтѣевъ подожгли мельницу, хотя бы совокупность всѣхъ другихъ данныхъ далеко не имѣла бы той доказательности, какую она имѣетъ теперь. Между тѣмъ, въ сущности, подобныя свидѣтельства могутъ не значить ровно ничего. Во-первыхъ — мало ли что можетъ человѣкъ сболтнуть иногда въ сердцахъ, раздраженіи, шутя, по глупости? Подобная болтовня часто можетъ служить доказательствомъ скорѣе невинности, чѣмъ виновности, потому что естественнѣе предположить, что человѣкъ, задавшійся совершеніемъ извѣстнаго преступленія, если только онъ—не идіотъ, скорѣе будетъ стараться всегда скрыть свое намѣреніе, чѣмъ вдаваться въ подобную болтовню. Во-вторыхъ—какъ и кто можетъ точно опредѣлить доказательную силу того или другого свидѣтельства? Читая различные процессы, вы видите сплошь и рядомъ, что нѣсколько человѣкъ, бывшихъ очевидцами одного и того же явленія или дѣйствія, даютъ совершенно различныя показанія. Этого мало: одинъ и тотъ же свидѣтель иногда совершенно забываетъ, что онъ показывалъ на предварительномъ слѣдствіи, и другое показываетъ на судѣ. Не забудьте при этомъ тѣ доли личнаго самолюбія, примѣсь которыхъ является при первомъ удобномъ случаѣ часто въ самомъ достовѣрномъ свидѣтелѣ и затрудняетъ правильное дѣйствіе мысли въ немъ. Пожарный хочетъ показать, какъ онъ отлично дѣйствовалъ на пожарѣ, и къ этой основной тенденціи естественно наклоняетъ все имъ видѣнное. Ученый заинтересованъ незамѣтнымъ для себя образомъ въ томъ, чтобы пожаръ произошелъ скорѣе по наукѣ, чѣмъ отъ рукъ человѣческихъ. Человѣкъ, умъ котораго не чуждъ наклонности къ философскимъ построеніемъ, по одному или двумъ бросившимся ему въ глаза фактамъ, немедленно создаетъ цѣлую теорію происшествія и подъ нее, незамѣтно для себя, подгоняетъ все остальное. Сколько нужно труда, чтобъ усмотрѣть и отдѣлить эту, такъ сказать, невинную ложь въ свидѣтельскихъ показаніяхъ? Но, кромѣ этихъ свидѣтельствъ съ примѣсью болѣе или менѣе значительной доли невинной лжи, есть свидѣтельства, намѣренно лживыя, намѣренно сочиненныя. Въ особенности въ большихъ городахъ, гдѣ, рядомъ съ громадными богатствами существуетъ и самая страшная нищета, коррупція въ этомъ отношеніи доходитъ до невѣроятныхъ предѣловъ: одинъ знакомый мнѣ юристъ говоритъ, что въ каждой столицѣ самый достовѣрный свидѣтель стоитъ не болѣе 25 р.; что касается до недостовѣрныхъ, то ихъ легко набрать, сколько угодно, по 15, по 10, даже по 5 рублей Такимъ образомъ, если преступникъ не сознается въ своемъ преступленіи, то одни свидѣтельскія показанія, даже и въ томъ случаѣ, когда они относятся къ непосредственному акту преступленія, могутъ только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ доставить судьѣ полное внутреннее убѣжденіе относительно виновности преступника. Точно тоже должно сказать и объ уликахъ. Изъ того, что извѣстный человѣкъ найденъ на мѣстѣ совершеннаго убійства даже съ ножомъ въ рукахъ или что его схватили бѣгущимъ отъ мѣста случившагося пожара съ горючимъ матеріаломъ въ карманѣ, еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы этотъ именно человѣкъ убилъ или поджегъ. Мало того: къ подобнымъ уликамъ, свидѣтельствующимъ, повидимому, о непосредственномъ участіи въ преступленіи, можетъ присоединяться иногда рядъ другихъ уликъ, косвенныхъ, какъ бы подтверждающихъ преступленіе, и за всѣмъ тѣмъ, заподозрѣнный человѣкъ можетъ оставаться все-таки невиннымъ. Изъ этого видно, какъ трудно, на основаніи однихъ формальныхъ доказательствъ, составить правильное внутреннее убѣжденіе о виновности подсудимаго. Одна и таже видимость въ одномъ случаѣ можетъ вести къ обвиненію невиннаго, въ другомъ—быть доказательствомъ дѣйствительной виновности. Неудивительно, послѣ этого, что вездѣ, гдѣ судъ дѣйствовалъ единственно на основаніи доказательствъ формальныхъ, онъ не могъ обходиться безъ пытокъ явныхъ или тайныхъ. Ему необходимо было для себя самого, для своего собственнаго убѣжденія въ справедливости, добиться сознанія преступника. Сначала, всѣ законодательства Европы считали совершенно легальнымъ дозволять слѣдователямъ, какъ скоро они заручаются какою нибудь ничтожною уликою противъ извѣстнаго человѣка, вынуждать у него признаніе въ преступленіи посредствомъ пытки. Потомъ, съ распространеніемъ гуманныхъ идей XVIII вѣка, пытка начинаетъ исчезать и мало по малу исчезаетъ изъ всѣхъ законодательствъ. Но тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительности, она продолжаетъ практиковаться всюду, гдѣ остается процессъ инквизиціонный. Даже въ наше время она прекратилась окончательно только тамъ, гдѣ введенъ процессъ обвинительный, съ судомъ присяжныхъ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ сохраняется процессъ инквизиціонный, вынужденіе сознанія у обвиняемаго остается необходимымъ по самому свойству этого процесса. Конечно, въ наше время пытки, въ формѣ прежняго времени, невозможны; но намѣренное удлиненіе предварительнаго слѣдствія, соединенное съ содержаніемъ обвиняемаго во все это время въ тюрьмѣ, дурное его помѣщеніе,

дурное питаніе, ведутъ къ той же цѣли, что́ и пытки, т. е. къ вынужденному сознанію въ преступленіи.

Но если доказанная нами трудность для судьи отличить праваго отъ виноватаго при помощи однихъ формальныхъ доказательствъ, достаточно уже свидѣтельствуетъ о неудовлетворительности судовъ, основывающихъ свои приговоры исключительно на этихъ доказательствахъ, то неуловимость для формальныхъ доказательствъ безчисленнаго количества преступленій доказываетъ полную несостоятельность этихъ судовъ. Народъ не безъ причины назвалъ такіе суды паутиною, въ которой завязаютъ только мелкія мухи, а крупныя свободно ее прорываютъ. Сравненіе это, впрочемъ, не вполнѣ точно выражаетъ скрывающуюся въ немъ мысль. Было бы еще хорошо, еслибы суды походили на паутину, въ которую крупныя мухи попадали бы наравнѣ съ мелкими; положимъ, потомъ, не оставались бы въ ней, какъ послѣднія, а прорывали бы ее и освобождались; но, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ всѣ бы видѣли, что эти крупныя мухи туда хоть на одинъ моментъ попадаться могутъ. Но въ томъ-то и дѣло, что паутина такъ устроена, что, кромѣ какихъ нибудь развѣ чрезвычайныхъ случайностей, крупная муха въ нее вовсе залетѣть не можетъ. Бѣдный человѣкъ, когда онъ замыслилъ совершить убійство или поджогъ, долженъ самолично отправляться совершать эти преступленія: на дорогѣ, когда онъ идетъ совершать преступленіе, на обратномъ пути по совершеніи преступленія, наконецъ, во время самаго совершенія, могутъ явиться, совершенно непредвидѣнно, случайные свидѣтели его пребыванія въ извѣстное время въ извѣстномъ мѣстѣ или его извѣстныхъ дѣйствій, имѣющихъ отношеніе къ преступленію; далѣе, онъ можетъ непредвидѣнно оставить тѣ или другіе слѣды, показывающіе его отношеніе къ преступленію, или получить самъ эти слѣды на своемъ тѣлѣ, платьѣ и т. п. Такимъ образомъ, бѣдный человѣкъ естественно долженъ запутываться въ паутину формальныхъ доказательствъ. Но человѣкъ богатый, сильный, не пойдетъ самъ ни поджигать, ни убивать. Зачѣмъ ему? Если ему нужно поджечь, убить, онъ это совершитъ посредствомъ людей ему преданныхъ, но и послѣднихъ обставитъ такъ, что не останется никакого слѣда связи ихъ съ совершеннымъ ими преступленіемъ. Останется одинъ голый фактъ преступленія: — поджогъ былъ, убійство совершено, да и тотъ, пожалуй, иногда будетъ подвергаться сомнѣнію, а преступниковъ не будетъ — не будетъ свидѣтельскихъ показаній о похвальбѣ или угрозѣ поджогомъ или убійствомъ, или о томъ, что обвиняемаго видѣли идущимъ къ мѣсту поджога, или убійства; ни грубыхъ уликъ—кровавыхъ пятенъ на платьѣ, горшка съ угольемъ для поджога и т. п.—а останутся только улики самаго пикантнаго свойства, которыя, будучи взяты въ отдѣльности, могутъ поддаваться какому угодно толкованію, въ родѣ того, напримѣръ, что передъ пожаромъ выпущена вода изъ бака, прекращены работы на мельницѣ, увеличено жалованье Левтѣеву и т. п. Что́ могъ бы сдѣлать по такимъ уликамъ судъ, обязанный основываться на однихъ формальныхъ доказательствахъ? Еслибы и нашелся такой составъ добросовѣстныхъ и внимательныхъ къ своему дѣлу судей, которые, изучивъ дѣло Овсянникова во всѣхъ его подробностяхъ, увидѣли бы здѣсь тонко сотканную ткань преступленія и постановили бы обвинительный приговоръ, то, навѣрное, слѣдующая инстанція отмѣнила бы этотъ приговоръ, затѣмъ, что въ слѣдствіи объ этомъ поджогѣ не имѣется ни горшка съ угольемъ для поджога, ни горючихъ матеріаловъ, ни свидѣтельскихъ показаній о поджигательствѣ, вообще—нѣтъ тѣхъ грубыхъ признаковъ преступленія, при помощи которыхъ подобный судъ только и можетъ усматривать преступленіе.

Чѣмъ тоньше задумано преступленіе, чѣмъ оно искуснѣе совершено, тѣмъ оно дѣлается неуловимѣе для формальныхъ доказательствъ. Вслѣдствіе этого, во время дѣйствія у насъ инквизиціоннаго процесса, страна для безчисленнаго множества преступленій оставалась совершенно безсудною. Совершалось извѣстное преступленіе, открывалось, но, за неоткрытіемъ виновныхъ, дѣло предавалось волѣ Божіей, хотя часто не только многія сёла, а и цѣлые города знали и могли указать на преступника: но у нихъ въ рукахъ не было грубыхъ формальныхъ доказательствъ. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, при открытіи преступленія, оставалась какая нибудь улика, указывающая на связь извѣстнаго богатаго лица съ преступленіемъ, и лицо это привлекалось къ слѣдствію, то все дѣло оканчивалось — самое бо́льшее — тѣмъ, что привлеченное лицо оставалось въ *подозрѣніи*. Между тѣмъ, въ то же самое время, сотни и тысячи ни въ чемъ неповинныхъ бѣдняковъ, заподозрѣнные въ преступленіи по случайно павшимъ на нихъ уликамъ, оговорамъ или просто захваченные полиціею по злобѣ, мести, неосновательному подозрѣнію и доведенные ея истязаніями до сознанія въ томъ, въ чемъ они никогда не были повинны,— лишались всѣхъ правъ состоянія и шли въ каторжныя работы или на поселеніе. Механика стараго суда до того, наконецъ, была изучена и усвоена полицейскими чиновниками, что въ рукахъ многихъ изъ нихъ превратилась въ орудіе взяточничества. Или будь смиренъ и плати что́ слѣдуетъ, или, долго ли до грѣха... какихъ нибудь два свидѣтеля, подброшенный окровавленный лоскутъ... и Сибирь.

Если бы Господь Богъ предложилъ народу на выборъ: возвращеніе стараго суда или постоянную эпидемическую холеру, онъ, я полагаю, не задумавшись, долженъ былъ бы выбрать послѣднюю. Судъ этотъ былъ всегда несомнѣннымъ бѣдствіемъ и, если это въ свое время не вполнѣ ясно всѣми сознавалось, то потому только, что

въ виду не было ничего лучшаго. Теперь, когда у насъ уже десять лѣтъ дѣйствуетъ новый обвинительный процессъ съ судомъ присяжныхъ, на возвращеніе къ старому суду, даже на то или другое частное урѣзываніе области юрисдикціи новаго суда въ пользу стараго, никто не можетъ смотрѣть иначе, какъ на величайшее несчастіе.

Существенное достоинство суда присяжныхъ состоитъ въ томъ, что онъ не нуждается въ сознаніи преступника и не требуетъ его. Преступникъ воленъ сознаваться и не сознаваться въ своемъ преступленіи—какъ ему угодно; для утвержденія внутренней стороны преступленія здѣсь достаточно внутренняго убѣжденія присяжныхъ въ виновности подсудимаго. Присяжные, какъ представители общества, своимъ приговоромъ выражаютъ судъ общественной совѣсти, который и замѣняетъ вполнѣ сознаніе преступника. Такимъ образомъ, съ судомъ присяжныхъ дѣлаются ненужными и сами собой неизбѣжно исчезаютъ всѣ явныя и тайныя истязанія, употреблявшіяся слѣдователями для вынужденія сознанія у преступника. Другое не менѣе существенное достоинство суда присяжныхъ состоитъ въ томъ, что онъ судитъ о каждомъ преступленіи не по узкимъ отвлеченнымъ мѣркамъ, а по его значенію и дѣйствію въ живой дѣйствительности, строго соображая его съ моральнымъ состояніемъ современнаго общества вообще, съ тѣми понятіями, какія существуютъ о немъ въ данное время въ этомъ обществѣ, съ тѣмъ вліяніемъ, какое оно здѣсь имѣетъ и можетъ имѣть, наконецъ, съ характеромъ, положеніемъ, дѣятельностью, вообще со всею обстановкою личности преступника. Только при такомъ разсмотрѣніи значенія и дѣйствія каждаго преступленія въ живой дѣйствительности, и можетъ быть произведена правильная его оцѣнка. Между тѣмъ, судъ, основывающійся на формальныхъ доказательствахъ, лишенъ права такого разсмотрѣнія. Ему даны въ законѣ извѣстныя формулы преступленій; указаны признаки преступности; опредѣлены ея степени съ подлежащимъ для каждой степени наказаніемъ. Этихъ рамокъ онъ и долженъ неуклонно держаться. Не его дѣло разбирать: соотвѣтствуютъ ли данныя ему рамки современному развитію и состоянію общества, или нѣтъ? На столько ли общество чисто, чтобы извѣстныя, не особенно значительныя преступленія, за которыя законъ опредѣляетъ, однакожъ, тяжкое наказаніе, могли не только нанести какой-нибудь вредъ обществу, но даже обратить на себя его вниманіе? Имѣетъ ли общество даже право бросать въ нихъ камень, когда въ немъ безчисленное множество однородныхъ преступленій, размѣровъ безконечно большихъ, существуетъ безнаказанно, какъ бы совсѣмъ никѣмъ даже не преслѣдуется? А не имѣя права задаваться подобными вопросами, судъ необходимо будетъ содѣйствовать, вмѣсто нравственнаго улучшенія общества, его деморализаціи. Summum jus у него то и дѣло будетъ превращаться въ Summa injuria для общества.

Недавно, одинъ полковой лекарь, состоявшій при рекрутскомъ присутствіи, взялъ съ крестьянина взятку 50 рублей, обѣщаясь освободить сына его отъ рекрутства за негодностью. Такъ какъ рекрутское присутствіе нашло рекрута годнымъ, то лекарь немедленно возвратилъ взятые имъ 50 рублей по принадлежности. Тѣмъ не менѣе, обстоятельство это стало извѣстнымъ, и лекарь былъ преданъ суду. На судѣ выяснилось, что «лекарь состоитъ на службѣ 13 лѣтъ, получаетъ жалованья 27 р. 50 к. въ мѣсяцъ, имѣетъ жену, четырехъ дѣтей и, кромѣ того, содержитъ у себя двухъ престарѣлыхъ родственниковъ». Начальство военное и медицинское засвидѣтельствовало о ревностной и вполнѣ безупречной прошедшей службѣ этого лекаря. Судъ, на разсмотрѣніи котораго находилось это дѣло, приговорилъ лекаря, принявъ во вниманіе смягчающія обстоятельства, къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ въ Архангельскую губернію. Дѣло, по кассаціонной жалобѣ, перенесено было въ высшую инстанцію, но жалоба осталась безъ послѣдствій. Человѣку, который достаточно поплавалъ по морю житейскому и видѣлъ здѣсь всякіе виды, приговоръ суда, навѣрное, покажется крайне жосткимъ, далеко превосходящимъ всякую соразмѣрность наказанія съ преступленіемъ. Но судъ, основывающійся на однихъ формальныхъ доказательствахъ, не можетъ и не имѣетъ права дать другой приговоръ, еслибы онъ и самъ чувствовалъ его жосткимъ и желалъ измѣнить его. У него есть законъ, который точно признаетъ преступность такого дѣянія, опредѣляетъ степень его преступности при тѣхъ или другихъ условіяхъ и соотвѣтствующее наказаніе, и судъ не имѣетъ права ни на одну іоту отступить отъ требованій закона. И разсматриваемый абсолютно, какъ законъ, такъ и поставленный согласно съ нимъ приговоръ суда, несомнѣнно справедливъ. Пріобрѣтеніе имущества какими бы то ни было незаконными средствами всегда будетъ преступленіемъ, и, въ принципѣ, въ человѣкѣ все равно обнаруживается злая воля, взялъ ли онъ чужой грошъ, или чужой милліонъ рублей, а также—совершилъ ли онъ извѣстное преступное дѣяніе только одинъ въ цѣломъ обществѣ, или его совершаютъ здѣсь и многіе другіе, можетъ быть, большая часть общества. Но, въ дѣйствительности, это далеко не все равно. Каждый человѣкъ есть неразрывный членъ общества, въ которомъ онъ живетъ, и на немъ отражаются неизбѣжно физическіе, нравственные, соціальные недуги послѣдняго. Слѣдовательно, во всякомъ преступленіи первое дѣло — разобрать: насколько гнетъ тѣхъ или другихъ общественныхъ условій тяготѣлъ надъ преступникомъ, и одинъ ли онъ не устоялъ подъ давленіемъ этого гнета, или подъ нимъ падаютъ и пали уже многіе другіе, можетъ быть,

значительная часть общества? Еслибы пріобрѣтеніе незаконнымъ путемъ въ цѣлой Россійской Имперіи совершилъ одинъ тотъ лекарь, о которомъ мы ведемъ рѣчь, его преступленіе было бы, поистинѣ, ужасно; оно было бы возмутительно даже и въ томъ случаѣ, еслибы однородныхъ съ нимъ преступниковъ было много, но они бо̀льшею частію находились бы подъ гнетомъ бо̀льшей нужды и брали бы по 10, 15, 20 руб. и только немногіе изъ нихъ возвышались бы до такого большого куша, какъ 50 рублей. Но, согласитесь сами, что, если кругомъ въ обществѣ происходитъ обираніе ближнихъ, и преимущественно это совершается людьми вполнѣ обезпеченными, не испытывающими никакой нужды, если кушъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ считается не особенно важнымъ, а кушъ въ 50 рублей можетъ считать кушемъ только развѣ какой нибудь плохой дворникъ или заурядный городовой, то подумайте: въ какомъ видѣ представится преступленіе лекаря, взявшаго взятку въ 50 р., при 7 душахъ семейства на его рукахъ, и тотчасъ возвратившаго ее и признавшагося въ ней передъ слѣдователемъ? Вѣдь, это овца—среди волковъ современнаго общества. Мы увѣрены, что, еслибы этотъ случай поступилъ на разсмотрѣніе суда присяжныхъ, то присяжные не могли бы вынести другого вердикта, кромѣ оправдательнаго. Всякимъ другимъ приговоромъ возмутилось бы цѣлое общество и, съ своей точки зрѣнія, совершенно справедливо. Въ обществѣ, гдѣ всѣ почти занимаются ловлею кушей, гдѣ люди, нахватавшіе уже сотни тысячъ, тѣмъ съ бо̀льшею жадностію отправляются на ловлю новыхъ десятковъ и сотенъ тысячъ, достанетъ ли у васъ духа осудить лекаря-горемыку, который своею тринадцатилѣтнею безпорочною службою не могъ достигнуть даже до такого благосостоянія, чтобы имѣть каждый день кусокъ говядины для своей огромной семьи? Если его лишать правъ и ссылать въ Архангельскую губернію за взятку въ 50 рублей, вынужденную, быть можетъ, послѣднею крайностію и потомъ возвращенную, то что̀ же придется дѣлать съ разными банковыми и тому подобными дѣятелями, расхищающими десятки и сотни тысячъ!

Но если разсмотрѣніе каждаго преступленія въ живой дѣйствительности должно необходимо заставлять судъ присяжныхъ постановлять по нѣкоторымъ незначительнымъ, хотя и несомнѣннымъ преступленіямъ оправдательные вердикты, то, съ другой стороны, по той же самой причинѣ, по отношенію къ преступленіямъ тяжкимъ, въ которыхъ слишкомъ рѣзко проявляется злая воля, онъ является нерѣдко болѣе ригорознымъ, чѣмъ судъ, основывающійся на доказательствахъ формальныхъ. Отвлеченная точка зрѣнія на преступленія болѣе или менѣе уравниваетъ между собою всѣ однородныя преступленія: хотя она и разграничиваетъ различныя степени преступленія, но она никогда не можетъ указать и формулировать всѣ тѣ осложненія, съ которыми однородныя преступленія могутъ являться въ дѣйствительности, осложненія, которыя могутъ ихъ дѣлать безконечно различными по отношенію къ выраженію злой воли. Преступленіе, напримѣръ, поджогъ, по закону, влечетъ за собой всегда тяжкое наказаніе; но если это преступленіе направляется на уничтоженіе зданія, при помощи котораго только и могла обезпечиваться поставка хорошаго хлѣба солдату, если цѣль преступленія именно та, чтобы на поставкѣ дурно о хлѣба выручить какъ можно больше барышей, и если это преступленіе совершается человѣкомъ, который на отравленіи солдатскихъ желудковъ нажилъ уже милліоны—то понятно, что, въ виду такого осложненія преступленія поджога, какъ ни строги наши наказанія за подобное преступленіе, судъ присяжныхъ, весьма естественно, долженъ стремиться выдѣлить разсматриваемый случай изъ ряда всѣхъ однородныхъ преступленій и привлечь на него самую высшую кару. Въ этомъ, я думаю, заключается причина, почему судъ присяжныхъ для двухъ главныхъ преступниковъ вынесъ обвинительный вердиктъ, безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Какъ ни велики указанныя нами достоинства суда присяжныхъ и какъ ни несомнѣнно его неизмѣримое превосходство передъ судомъ, основывающимся на формальныхъ доказательствахъ, мы должны, однакожъ, помнить, что судъ присяжныхъ — все-таки человѣческій судъ и, слѣдовательно, можетъ ошибаться. Судъ присяжныхъ только тогда можетъ оставаться на высотѣ своего призванія и быть болѣе или менѣе гарантированъ въ вѣрности своихъ приговоровъ, когда общество будетъ внимательно относиться къ моральнымъ качествамъ присяжныхъ, когда оно будетъ ревниво слѣдить за правильнымъ ходомъ обвинительнаго процесса, изъ котораго присяжные черпаютъ всѣ свѣдѣнія о преступленіи и на основаніи котораго постановляютъ свой приговоръ, когда оно будетъ отличать и поощрять своимъ вниманіемъ тѣхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ дѣятелей въ процессѣ, которые заботятся о его правдивости, полнотѣ и о безпристрастномъ разъясненіи дѣла присяжнымъ. Въ обвинительномъ процессѣ никто изъ дѣятелей въ немъ не изучаетъ внимательнѣе дѣла, какъ прокуроръ и адвокатъ. На судѣ они являются не только представителями преній, но и главными руководителями судебнаго слѣдствія. Отъ ихъ безпристрастія, ихъ любви къ истинѣ зависитъ, главнымъ образомъ, достоинство, полнота, правдивость, вообще правильный ходъ обвинительнаго процесса. Въ прежнее время, когда каждый уголовный процессъ былъ также процессомъ частнымъ, какъ нынѣ гражданскій, когда, съ одной стороны, частный обвинитель самъ долженъ былъ собирать всѣ доказательства и улики преступленія, а, съ другой, обвиняемый или его защитникъ также самъ собиралъ доказательства для

отраженія обвиненія—и обвинитель, и защитникъ были не болѣе, какъ стороны, интересъ которыхъ состоялъ не въ томъ, чтобы открыть истину, а въ томъ, чтобъ во чтобы то ни стало утвердить взводимое обвиненіе или защититься отъ него. Но съ того времени, какъ государство поняло, что преступленіе нарушаетъ не частные только интересы, но интересы государства и всего общества, и взяло обвиненіе въ уголовныхъ преступленіяхъ въ свои руки, роль обвинителя перемѣнилась. Онъ сдѣлался представителемъ не частнаго, а государственнаго интереса, и функція его состоитъ не въ томъ, чтобы обвинить привлеченнаго къ суду во чтобы то ни стало, а представить суду правдиво и ясно тѣ основанія, по которымъ онъ убѣжденъ или подозрѣваетъ его въ преступности. Точно также и адвокатъ не есть теперь только представитель частныхъ интересовъ обвиняемаго, а напротивъ, онъ, главнымъ образомъ, представитель интересовъ общества по отношенію къ обвиняемому; онъ въ правѣ быть защитникомъ частныхъ интересовъ обвиняемаго лишь настолько, насколько эти интересы не расходятся съ моральными интересами общества, т. е. насколько онъ дѣйствительно убѣдился въ полной невинности обвиняемаго или въ виновности его гораздо меньшей, чѣмъ та, которая устанавливается обвиненіемъ. Если же адвокатъ убѣдился въ правотѣ обвиненія и правомѣрной его постановкѣ, то ему не остается ничего болѣе дѣлать, какъ только отказаться отъ защиты или ограничить свою защиту указаніемъ на смягчающія обстоятельства, которыя могутъ служить къ смягченію приговора, если только таковыя есть.

Вотъ правильная роль адвоката въ современномъ обвинительномъ процессѣ. Потому, если адвокатъ принимаетъ на себя защиту невинности подсудимаго, когда онъ самъ убѣжденъ въ его виновности, или отрицаетъ правильность постановки обвиненія, правомѣрность котораго внутренно вполнѣ сознаётъ, то онъ совершаетъ такое же преступленіе, какъ и всякій лжесвидѣтель на судѣ, но только въ гораздо громаднѣйшихъ размѣрахъ, потому что лжесвидѣтельствуетъ не относительно частнаго факта, но намѣренно ложнымъ изложеніемъ извращаетъ цѣлое дѣло. Если же при этомъ адвокатъ употребляетъ еще разныя штуки, чтобы выиграть дѣло, лазитъ, напримѣръ, подъ столъ, чтобы разсмѣшить присяжныхъ и тѣмъ склонить ихъ въ свою пользу, или плачетъ передъ ними, то мнѣ кажется, что это — уже такая очевидная профанація своего званія, которая требуетъ немедленнаго изгнанія подобнаго паяца изъ адвокатуры, если только, впрочемъ, не будетъ доказано, что онъ умственно разстроенъ или такъ слабонервенъ, что не можетъ не источать слезъ въ виду представленія объ ожидающемъ его гонорарѣ. Къ такимъ же недостойнымъ адвокатскаго званія штукамъ я отношу всѣ дѣйствія адвокатовъ, направленныя къ тому, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ нарушить правильное теченіе обвинительнаго процесса, слѣдовательно, лишить судъ присяжныхъ возможности усвоить себѣ дѣло во всей его ясности.

Я не могу сказать, чтобы защита вполнѣ безукоризненно дѣйствовала и въ овсянниковскомъ процессѣ. Въ первое же засѣданіе, на этомъ процессѣ общее вниманіе всѣхъ обратило на себя усиліе защиты устранить отъ участія въ обвиненіи двухъ лучшихъ изъ нашихъ адвокатовъ, гг. Спасовича и Герарда, изъ которыхъ первый явился представителемъ интересовъ страховыхъ обществъ, а другой—Кокорева. Г. Герардъ, дѣйствительно, былъ устраненъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ прежде брался вести дѣло Овсянникова противу Кокорева, объ утвержденіи за первымъ мельницы по состоявшимся торгамъ. Замѣчательнѣе всего то, что г. Потѣхинъ объявилъ на судѣ, что онъ только въ день открытія засѣданія суда узналъ отъ Овсянникова, что Герардъ брался вести его дѣло. Можетъ быть, это и дѣйствительно было такъ, хотя и трудно представить, чтобы въ адвокатскомъ мірѣ кому нибудь могло оставаться неизвѣстнымъ — кто ведетъ дѣло такихъ тузовъ въ финансовомъ мірѣ, какъ Овсянниковъ или Кокоревъ. Во всякомъ случаѣ, эта случайность такъ совпадаетъ съ интересами защиты, что не хочется вѣрить, чтобы она была дѣйствительною случайностію, а не входила въ планъ защиты и не была придумана задолго до начала суда. По устраненіи Герарда отъ дѣла въ самый день открытія засѣданія суда, Кокореву нѣкогда было уже искать себѣ другого адвоката, и онъ долженъ былъ явиться на судѣ самолично защитникомъ своихъ интересовъ. Но Кокоревъ—не юристъ, и если не лишенъ отъ природы дара краснорѣчія, то никогда не упражнялъ его на судебной аренѣ; слѣдовательно, очевидно, не можетъ имѣть ни той сообразительности, находчивости, ловкости, смѣлости, какія требуются при перекрестномъ допросѣ на судебномъ слѣдствіи, ни привычки изъ мелочей его составить грозную боевую батарею для пораженія своего противника. Такимъ образомъ, съ замѣною Герарда Кокоревымъ одна опасная для защиты сила сошла со сцены долой. Точно также г. Потѣхинъ хотѣлъ спустить и г. Спасовича; но г. Спасовичъ, къ счастію, остался: Я говорю «къ счастію», потому что процессъ, какъ увидитъ читатель ниже, по прошествіи нѣсколькихъ засѣданій, принялъ внезапно такое неожиданное направленіе, что одной обвинительной власти было бы, пожалуй, трудно, безъ всякаго предварительнаго приготовленія, вполнѣ ориентироваться среди массы многочисленныхъ показаній самаго разнороднаго свойства и давать имъ должное направленіе, уклоняя мое защитою для своихъ цѣлей. На такой внезапный случай такой даровитый союзникъ, какъ г. Спасовичъ, былъ для обвинительной власти дорогою находкою. Въ этомъ же первомъ засѣданіи произошла слѣдующая сцена. Рудометовъ первоначально отказался отъ выбора

себѣ защитника. Потому ему въ защитники назначенъ былъ адвокатъ Утинъ. Тогда Рудометовъ обратился къ предсѣдателю суда и заявилъ, что не желалъ бы имѣть своимъ защитникомъ г. Утина, и просилъ: нельзя ли ему назначить другого защитника. Вѣроятно, эта просьба возбудила нѣкоторое подозрѣніе и не была уважена. Тогда на защиту Рудометова явился уже г. Соколовскій, по соглашенію. Вся эта исторія представляется очень странною. Почему Рудометовъ не захотѣлъ имѣть своимъ защитникомъ г. Утина? Утинъ принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу лучшихъ у насъ адвокатовъ и защищаетъ дѣла, за которыя берется, горячо и съ успѣхомъ. Почему Рудометовъ предпочелъ Утину Соколовскаго? Да и откуда лично самъ Рудометовъ могъ имѣть настолько свѣдѣній о личностяхъ нашей адвокатуры, чтобы дѣлать изъ нихъ выборъ, предпочитать одного другому и т. п. По всей вѣроятности, выборомъ Соколовскаго вмѣсто Утина руководила также защита подсудимыхъ сообща. Но какими она въ этомъ случаѣ руководилась мотивами? — вотъ интересный вопросъ. А еще интереснѣе было бы узнать: откуда Рудометовъ, получавшій всего отъ 17 до 30 рублей въ мѣсяцъ жалованья, взялъ для гонорара своему адвокату такую сумму, о какой передаютъ слухи?

На другой день по открытій засѣданій суда, Потѣхинъ явился передъ судомъ съ заявленіемъ, что въ числѣ вещественныхъ доказательствъ нѣтъ трухи, о которой должны дать свое заключеніе гг. эксперты. Потому просилъ судъ приготовленную имъ въ двухъ образцахъ труху — крупную и мелкую—принять въ число вещественныхъ доказательствъ и предложить экспертамъ для ознакомленія, «потому, что, дескать, имъ, быть можетъ, придется сдѣлать химическій анализъ». Повидимому, на труху сначала взглянули всѣ, какъ на вещь совершенно невинную, предназначенную скорѣе спокойно лежать въ числѣ другихъ вещественныхъ доказательствъ въ видѣ украшенія, чѣмъ играть какую нибудь важную роль. Товарищъ прокурора сказалъ, что онъ не имѣетъ ничего противъ принятія трухи въ число вещественныхъ доказательствъ. Г. Спасовичъ также согласился, хотя и хотѣлъ что то замѣтить, но что именно, неизвѣстно, потому, что г. Кокоревъ поспѣшилъ заявить и свое согласіе, и перебилъ его рѣчь. Только на другой день стало ясно для всѣхъ, что труха или шелуха, принятія которой въ число вещественныхъ доказательствъ добивается г. Потѣхинъ—вещь совсѣмъ не невинная. По крайней мѣрѣ, товарищъ прокурора откровенно высказалъ это о себѣ, когда г. Потѣхинъ предсталъ снова съ ходатайствомъ о принятіи шелухи. «Я вчера, сказалъ товарищъ прокурора: — не понялъ цѣли, высказанной защитникомъ. Въ настоящее время защита мнѣ объяснила, что мучная пыль и шелуха представляется съ цѣлью опредѣлить ея способность къ возгоранію». Товарищъ прокурора снова заявилъ, что не находитъ препятствія къ представленію этого новаго вещественнаго доказательства, но потребовалъ только, чтобы образчикъ шелухи былъ немедленно положенъ на столъ для того, какъ онъ выразился, чтобы онъ «имѣлъ возможность, при показаніи свидѣтеля Зоммера, спросить: насколько этотъ образчикъ похожъ на *пыль и шелуху*, которая была на мельницѣ». Эти слова показывали, что товарищъ прокурора и теперь представлялъ себѣ шелуху не довольно ясно. Потому г. Потѣхинъ поспѣшилъ объяснить ему, что «мучной пыли нѣтъ, а что это—труха, получаемая на вѣялкѣ отъ обивки ржи».

Читатели, внимательно слѣдившіе за процессомъ, знаютъ, что эта таинственная труха, явившись сначала скромно на столѣ вещественныхъ доказательствъ, потомъ, съ каждымъ новымъ засѣданіемъ — чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе— начала втираться въ судебное слѣдствіе, наконецъ, завладѣла почти всѣмъ слѣдствіемъ, давъ процессу направленіе, вмѣсто юридическаго, химическо-физическо-тяго-поддувальное. По мѣрѣ того, какъ, какъ утверждалось господство трухи въ процессѣ, увеличивалось вліяніе г. Потѣхина на процессъ. Надобно полагать, что все то время, когда прокурорская власть, совокупно съ слѣдователемъ, занималась предварительнымъ собираніемъ юридическихъ данныхъ и доказательствъ для процесса, г. Потѣхинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и втихомолку занимался научными экспериментами надъ трухою и извлекалъ отсюда годныя для защиты свѣдѣнія. Потому очень натурально, что, когда началось изслѣдованіе о возможности возгоранія трухи, онъ предсталъ на судѣ во всеоружіи того именно знанія, которое шло на пользу защиты. Это дало ему несомнѣнный перевѣсъ передъ обвиненіемъ въ направленіи изслѣдованія. Въ виду этого иной можетъ, пожалуй, упрекнуть обвиненіе: почему и оно не засѣло за научные эксперименты надъ трухою для того, чтобы обратить въ свою пользу химическо-физическо-тяго-поддувательное направленіе процесса. Но мы думаемъ, что обвиненіе, изъ уваженія къ своему призванію и самому достоинству суда, имѣло полное основаніе игнорировать подобную дѣтскую игру въ науку. Какъ скоро многочисленными показаніями было доказано, что пожаръ начался въ трехъ разныхъ и отдѣльно одно отъ другого мѣстахъ, изъ которыхъ, притомъ, одно было вполнѣ изолировано, только

плѣнной мысли раздраженье

могло затѣять подобную игру.

Насъ, профановъ въ дисциплинарныхъ постановленіяхъ относительно судопроизводства, скорѣе всего интересуетъ въ этомъ случаѣ вопросъ о томъ: насколько адвокату-защитнику позволительно выдвигать противъ обвиненія такой аргументъ, который совершенно новъ и необычаенъ въ принятой практикѣ судопроизводства и котораго по этому самому обвиненіе не могло имѣть въ виду? Положимъ, я—адвокатъ Овсянникова,

и пришелъ какимъ нибудь образомъ къ мысли, что мельница могла сгорѣть отъ нѣкотораго подземнаго огня. Я сталъ внимательно изучать научно всѣ тѣ условія, при которыхъ можетъ существовать или образоваться подобный огонь въ нѣдрахъ земли, при которыхъ онъ можетъ прорываться наружу и т. д., и т. д. Вооружившись всѣми этими знаніями, имѣлъ ли бы я право предстать предъ судъ съ кулемъ земли изъ подъ мельницы Овсянникова и просить принять эту землю въ число вещественныхъ доказательствъ? Само собою разумѣется, что при этомъ я твердо зналъ бы, что при собираніи предварительныхъ данныхъ для судебнаго слѣдствія, аргумента этого никто не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду и данныхъ для его утвержденія или отрицанія никто не собиралъ и не могъ собирать. Я не знаю, что говорятъ по этому вопросу постановленія о судопроизводствѣ, но я полагаю, что я не имѣлъ бы права выставить передъ судомъ такой необычный аргументъ внезапно, не предваривъ о немъ задолго до суда тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежало. Я понимаю очень хорошо, что судъ имѣетъ полное право принять и не принять въ число вещественныхъ доказательствъ землю, которую я представляю Но, когда я ее представляю суду, то я естественно представляю въ надеждѣ, что ее могутъ принять въ число доказательствъ; иначе я ея и не представлялъ бы. Но разъ мы предположимъ, что у меня такая надежда есть, то вмѣстѣ съ нею должны будемъ предположить во мнѣ и желаніе ввести на разсмотрѣніе суда такой спеціальный аргументъ, съ которымъ могу обращаться свободно только я одинъ и котораго въ судѣ болѣе никто не знаетъ. Сообразно ли, спрашиваю я васъ, такое мое желаніе съ цѣлію судебнаго слѣдствія, свидѣтельствуетъ ли оно о моемъ безпристрастіи, показываетъ ли оно во мнѣ уваженіе къ моему достоинству и моему званію? Не показываетъ ли оно напротивъ, что я не прочь употребить штуку для выигрыша своего дѣла?

Конечно, я взялъ примѣръ невозможный, химерическій. Какой же можно предположить подземный огонь подъ мельницею Овсянникова? Если-бы я, въ этомъ предположеніи, запасшись землею изъ-подъ мельницы, сталъ просить судъ о принятіи ея въ число вещественныхъ доказательствъ, то судъ, конечно, не задумываясь отказалъ бы мнѣ въ моей просьбѣ. Но повторяю, что я не о правѣ суда веду теперь рѣчь. а я хочу только разъяснить то внутреннее, душевное настроеніе, которое заставляетъ меня обращаться къ подобнаго рода аргументу. Труха, конечно—не то, что подземный огонь; труха была на мельницѣ Овсянникова; по свидѣтельству мельника Зоммера, который таинственно нѣсколькимъ лицамъ объяснялъ, что онъ знаетъ причину пожаровъ на мельницѣ, ея, этой трухи, было даже такъ много, что онъ ходилъ по поясъ въ ней, наконецъ, труха можетъ тлѣть и даже воспламеняться, если ее усердно поджигать. Тѣмъ не менѣе, аргументъ отъ трухи имѣлъ для суда, какъ мы видѣли изъ словъ товарища прокурора, такой же характеръ внезапности, какой имѣлъ бы и предложенный мною аргументъ отъ подземнаго огня. И этого адвокатъ, предложившій аргументъ отъ трухи, не могъ не предвидѣть. Ему извѣстно, что въ составъ суда избираются люди, обладающіе основательными юридическими свѣдѣніями, но при этомъ вовсе не обращается вниманія на ихъ познанія въ химіи и въ физикѣ, и что, во всякомъ случаѣ, когда предстоитъ такой спеціальный вопросъ, какъ о возгораніи трухи. и притомъ, въ приложеніи къ зданію, построенному такимъ или другимъ образомъ—даже человѣку, удовлетворительно знающему физику и химію, необходимо предварительное знакомство съ этимъ вопросомъ. Правда, рѣшить подобный вопросъ — дѣло не суда, а экспертовъ; но судъ долженъ указать тѣ стороны, на которыя должны обратить вниманіе эксперты, долженъ правильно и точно формулировать вопросные пункты для экспертовъ, долженъ приготовить все то, что требуется для вѣрной экспертизы. Для всего этого требуется болѣе или менѣе близкое предварительное знакомство суда съ каждымъ спеціальнымъ вопросомъ. Конечно, въ дѣлѣ о поджогѣ мельницы фактъ поджога былъ такъ прочно установленъ, что мысль о виновности въ этомъ поджогѣ трухи могла придти въ голову только черезчуръ усердствующему о пользахъ своего кліента адвокату; но бываютъ и такіе процессы, гдѣ тою или другою экспертизою можетъ разрѣшиться весь процессъ.

Потому, если адвокатъ вноситъ въ судъ какой-нибудь неожиданный для послѣдняго аргаментъ, рѣшеніе котораго должно основываться на научной экспертизѣ, въ надеждѣ, что, за неимѣніемъ въ судѣ людей, спеціально изучившихъ этотъ аргументъ, онъ будетъ направлять судебное слѣдствіе и экспертизу въ интересахъ своего кліента, то такого адвоката мы никакъ не можемъ признать человѣкомъ разборчивымъ на средства въ дѣлѣ выигрыша процесса и, слѣдовательно, достойнымъ стоять въ рядахъ дѣятелей новаго суда.

Январь 1876.

Успѣхи спиритизма въ Петербургѣ.—Составившееся противъ него ополченіе.—Сравненіе нынѣшняго состоянія Тверской губерніи съ бывшимъ назадъ тому сто лѣтъ.—Кабаки.—Взглядъ на нихъ министра финансовъ и городскихъ и земскихъ самоуправленій.—Недоразумѣнія и волненія по поводу министерскихъ циркуляровъ.—Рутина министерскихъ канцелярій.—Пожертвованіе г. Боровиковскаго.

Назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, я не рѣшился бы начать съ вами, читатель, рѣчь ни о китайской дѣвицѣ Жекѣ, ни о таковой же американской Кетти Кингъ, а, если бы и позволилъ себѣ это, то былъ бы въ великомъ смущеніи. Мнѣ все казалось бы, что предметъ этотъ слишкомъ тривіальный, балаганный, что онъ не достоинъ ни мѣста въ уважающемъ себя журналѣ, ни вниманія образованнаго читателя, что иной щепетильный читатель можетъ, пожалуй, не на шутку даже обидѣться тѣмъ, что его хотятъ занимать какими-то баснословными дѣвицами, вѣрить въ которыхъ могутъ только развѣ дѣти или какіе-нибудь Подлиповцы. Теперь же я выставляю тэму о дѣвицахъ Жекѣ и Кетти Кингъ храбро и самоувѣренно; въ душѣ моей не только не существуетъ никакого безпокойства, никакихъ сомнѣній на счетъ достоинства этой тэмы и вниманія къ ней со стороны читателей, а, напротивъ, я вполнѣ убѣжденъ, что удовлетворяю страстному желанію читателей, выбирая именно эту тэму предметомъ для бесѣды. Если же, паче чаянія, среди моихъ читателей и нашелся бы еще какой-нибудь чудакъ, который сказалъ бы мнѣ, что онъ обѣихъ означенныхъ дѣвицъ считаетъ чистою химерою и всякое серьёзное разсужденіе и собесѣдованіе о нихъ въ образованномъ обществѣ и въ литературѣ признаётъ не менѣе унизительнымъ, чѣмъ разсужденіе и собесѣдованіе о томъ: дѣйствительно ли на трехъ китахъ стоитъ земля, есть-ли у чорта хвостъ, какимъ образомъ и когда собираются вѣдьмы на Лысую гору и т. п.?—то такому читателю я просто отвѣтилъ бы: «другъ мой, ты опоздалъ съ своимъ протестомъ; или уйди отъ насъ и не мѣшай намъ разсуждать о томъ, къ чему лежитъ наше сердце, или перестань презрительно относиться къ дѣвицамъ Жекѣ и Кетти Кингъ. Эти дѣвицы теперь занимаютъ и волнуютъ умы и сердца цѣлаго Петербурга. И самые надменнѣйшіе изъ невѣрующихъ не только не считаютъ неприличнымъ или унизительнымъ разсужденіе о нихъ, но признали ихъ воюющею стороною, борьба съ которою вмѣнена въ нравственный долгъ всѣмъ невѣрующимъ, такъ какъ *(слушайте)* такой или другой исходъ этой борьбы долженъ рѣшить: на чьей сторонѣ истина.

Изъ этого проницательному читателю не трудно понять, какую важную брешь дѣвицы Жекѣ и Кетти Кингъ успѣли пробить во враждебномъ имъ лагерѣ. Разъ невѣрующіе нашли нужнымъ вступить въ перестрѣлку съ дѣвицами, этимъ самымъ они признали, что они не безопасны въ твердыняхъ своей логики и что дѣвицы палятъ въ эти твердыни не какимъ-нибудь невиннымъ горохомъ, а дѣйствительною картечью. Такъ необходимо должно представляться дѣло со стороны, по крайней мѣрѣ, для профановъ. Вѣдь не вступили бы невѣрующіе ни подъ какимъ видомъ въ борьбу съ людьми, которые стали бы утверждать, что земля стоитъ на трехъ китахъ, что у чорта хвостъ есть и т. п. Слѣдовательно, въ глазахъ невѣрующихъ, дѣвицы Жекѣ и Кетти Кингъ—не то, что эти люди; за дѣвицами есть несомнѣнно признаніе силы. Тоже самое обнаруживается въ характерѣ борьбы, которую ведутъ невѣрующіе съ дѣвицами. Эта борьба—не то, что борьба сильнаго со слабымъ. Случается иногда, что взрослый и здоровый песъ хочетъ проучить неотвязчиваго щенка, который надоѣдаетъ ему своимъ нападеніемъ и лаемъ, и вступаетъ со щенкомъ въ борьбу. Но такую борьбу взрослый песъ совершаетъ всегда съ достоинствомъ. Не горячась, безъ озлобленія, точно шутя, онъ перевернетъ раза два-три щенка и потомъ отходитъ отъ него прочь. Ожесточеніе и страстность въ борьбѣ являются только тогда, когда борьба ведется между равными. Такой именно характеръ ожесточенія и страстности носитъ борьба невѣрующихъ съ дѣвицами Жекѣ и Кетти Кингъ. Невѣрующіе являются, повидимому, даже болѣе аффектированными и раздраженными, чѣмъ поклонники дѣвицъ. Можетъ быть, именно вслѣдствіе этой страстности невѣрующихъ, въ движеніи нашего спиритизма, за послѣднее время, многими примѣчено весьма странное явленіе: у нашихъ невѣрующихъ сквозь страстность ихъ отрицанія проглядываетъ неувѣренность въ томъ, что они доказываютъ, и даже болѣе, чѣмъ неувѣренность, даже какъ будто неудовольствіе на то, что ни китайская дѣвица Жекѣ, ни американская Кетти Кингъ не хотятъ заявить о себѣ болѣе осязательно для всѣхъ. По крайней мѣрѣ—признаюсь—я не могу отбиться отъ этой мысли, когда слушаю опроверженіе спиритизма изъ устъ одной прекрасной дамы—Леоноры Викентьевны. Щеки ея пылаютъ, глаза блестятъ огнемъ негодованія, изъ устъ льется пламенная рѣчь противъ нелѣпости спиритизма, начиненная всѣми возможными аргумен-

тами все изъ послѣднихъ словъ науки,— а мнѣ все кажется, что въ душѣ всю эту свою эрудицію, и вкупѣ даже съ наукой, она считаетъ жалкими словами и внутренно ей ужасно хочется, чтобы дѣвицы Жекѣ и Кетти Кингъ существовали. Въ данномъ случаѣ, мое наблюденіе можетъ быть, конечно, и ошибочнымъ. Но, въ сущности, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы человѣкъ, совершенно искренно представляющій себя самымъ отчаяннымъ изъ невѣрующихъ, имѣлъ въ глубинѣ души сильное поползновеніе или наклонность къ вѣрѣ. Знаніе человѣческое ограничено предѣлами міра физическаго: есть ли что нибудь за этимъ міромъ или нѣтъ, никому неизвѣстно; здѣсь начинается область уже не знанія, а вѣры. Но, при этомъ, сумма доступнаго для человѣка знанія пока такъ бѣдна, что въ ней нельзя найти никакихъ такихъ рѣшительныхъ основаній, при помощи которыхъ можно бы было несомнѣнно убѣдиться, что существуетъ только то, что̀ можно пощупать. Поэтому у невѣрующихъ нѣтъ точно такъ же твердыхъ научныхъ основаній для невѣрія, какъ и у вѣрующихъ для вѣры. На вопросъ: вѣруешь ли ты? — мыслящій вѣрующій едва ли можетъ отвѣтить болѣе того, что̀ отвѣтилъ Фаустъ Маргаритѣ: «милая моя! кто можетъ сказать: я вѣрую? Спроси мудрецовъ, и ихъ отвѣтъ покажется только насмѣшкой надъ вопрошающимъ». Я не думаю, чтобы и невѣрующій на вопросъ о его невѣріи могъ отвѣчать съ меньшимъ колебаніемъ и сомнѣніемъ.

Отсюда ясно, что вѣра и невѣріе имѣютъ свое основаніе не столько въ нашемъ убѣжденіи, сколько въ личномъ натуральномъ предрасположеніи каждаго къ той или другому. Даже на отношеніяхъ житейскихъ, подлежащихъ полной провѣркѣ, не трудно убѣдиться, что всякая вѣра вообще есть по преимуществу дѣло сердца, а не ума: человѣкъ вѣритъ потому, что ему хочется вѣрить, что ему пріятно вѣрить, хотя часто онъ сознаетъ, что для той или другой его вѣры (мы говоримъ о вещахъ обыкновенныхъ) мало данныхъ. Но такова ужъ потребность его натуры, свойство его организаціи, темперамента, что онъ не можетъ обойдтись безъ этого. Убить вѣру такого человѣка въ тотъ или другой предметъ, ну, скажемъ, хоть въ нравственную чистоту извѣстнаго лица, конечно, можно представленіемъ неопровержимыхъ фактовъ, совершенно противоположныхъ этой чистотѣ; но зачастую убить ту или другую вѣру въ подобныхъ натурахъ значитъ расшатать, и даже убить ихъ нравственно. Тоже самое, что̀ мы говоримъ о вѣрѣ относительно обыкновенныхъ предметовъ, подлежащихъ повѣркѣ, должно разумѣть и о вѣрѣ въ высшіе какіенибудь идеалы, въ томъ числѣ и въ идеалы, лежащіе за предѣлами человѣческаго вѣдѣнія. Эта вѣра есть также потребность натуры, организаціи, темперамента, однимъ словомъ—дѣло сердца. Представьте же себѣ теперь, что человѣкъ такой натуры и организаціи попадается въ разрядъ невѣрующихъ и доказательствами, которыя, въ концѣ концовъ, не имѣютъ никакой рѣшительной доказательности, усиливается утвердить тезисы своего невѣрія. Что̀ изъ этого выйдетъ?— Необходимое внутреннее раздвоеніе, неизбѣжная внутренняя борьба въ немъ самомъ, хотя имъ и не сознаваемая; вслѣдствіе этого, онъ, какъ бы для внутренняго успокоенія, будетъ всегда страстнѣе въ заявленіи своего невѣрія и аргументаціи, чѣмъ человѣкъ, дѣйствительно невѣрущій, въ натурѣ котораго не положено такой потребности вѣры.

Я вхожу въ эти подробности для того, чтобы охарактеризовать настоящее положеніе двухъ враждебныхъ лагерей и указать, какую опасную для себя борьбу начали невѣрующіе. Если дѣло такъ пойдетъ и впередъ, то я нисколько не удивлюсь, когда, черезъ два, много черезъ три года, Петербургъ и Москва—колѣнопреклоненные—смиренно сложатъ свое оружіе у ногъ гг. Аксакова, Бутлерова, Вагнера — этихъ видимыхъ представителей невидимыхъ, но всѣми обожаемыхъ дѣвицъ, ибо въ обѣихъ столицахъ ни одного не-спирита болѣе не останется.

Для меня лично такое полное торжество дѣвицъ Жекѣ и Кетти Кинъ не будетъ нисколько оскорбительнымъ. Я настолько благовоспитанъ, что никогда не вступалъ ни въ какія пререканія на счетъ существованія и дѣятельности этихъ дѣвицъ, и надѣюсь, что и впредь не вступлю, даже и въ томъ случаѣ, если бы мнѣ сказали, что одна изъ дѣвицъ стала не то, что̀ раздавать лоскутья отъ своего платья, какъ сдѣлала Кетти Кингъ, а если бы поступила даже въ члены славянскаго комитета. Какое мнѣ до этого дѣло? Если есть люди, которые убѣждены, что дѣвицы Жекѣ и Кетти Кингъ двигаютъ столы, звонятъ въ колокольчикъ, показываютъ свои руки, даютъ отвѣты на предлагаемые имъ вопросы и, наконецъ, положимъ, даже дѣйствуютъ въ качествѣ членовъ славянскаго комитета—почему я долженъ изъ-за этого горячиться и бить тревогу?

— «Какъ же—говорятъ—не горячиться и не бить тревоги?—Вѣдь это—не подлинные, фальшивые духи?» Позвольте—но мало ли такихъ не подлинныхъ, фальшивыхъ духовъ существуетъ на бѣломъ свѣтѣ?—И домовые, и вѣдьмы, и кикиморы, и русалки, и лѣшіе и т. п.—все это—неподлинные, фальшивые духи; такихъ духовъ можно насчитать цѣлыя сотни тысячъ... И ужъ если есть охота горячиться и бить тревогу, то гораздо резоннѣе и умнѣе было бы горячиться и бить тревогу по поводу неподлинныхъ, фальшивыхъ духовъ послѣдняго сорта. Ибо эти духи тяготѣютъ надъ жизнію и благосостояніемъ милліонныхъ массъ, давая возможность милліонамъ разныхъ проходимцевъ держать ихъ во мракѣ, эксплуатировать ихъ. Если же я не иду на помощь этимъ милліоннымъ массамъ, которымъ дѣйствительно не откуда получить свѣта, противъ одержащихъ ихъ духовъ, то съ какой стати я буду заботиться о людяхъ сытыхъ и праздныхъ, ко-

торые только того и ищутъ, чтобы отъ скуки и праздности броситься въ чьи нибудь объятія — будутъ ли то дѣвицы Жекѣ и Кетти Кингъ, московскій Иванъ Яковлевичъ или какая нибудь ворожея и гадальщица на кофеѣ, картахъ, водѣ и т. п.—и для которыхъ пребываніе въ подобныхъ объятіяхъ не причиняетъ никакихъ непріятностей и страданій, а, напротивъ, служитъ развлеченіемъ, забавой, даже наслажденіемъ? Можно, пожалуй, сожалѣть о томъ, что образованные люди XIX столѣтія могутъ находитъ удовольствіе въ обращеніи съ такими низкопробными духами, какъ дѣвица Жекѣ и Кетти Кингъ; можно смѣяться надъ этимъ, но идти спасать ихъ отъ этихъ духовъ было бы дѣломъ, по меньшей мѣрѣ, комичнымъ. Такой ревности не по разуму подивились бы даже тѣ изъ спиритовъ, которые до сихъ поръ, несмотря на наружную преданность дѣвицамъ Жекѣ и Кетти Кингъ, относятся къ нимъ въ дѣйствительности болѣе или менѣе индифферентно и въ своихъ занятіяхъ спиритизмомъ не ищутъ ничего, кромѣ пріятнаго препровожденія времени.

Такъ, по крайней мѣрѣ, я сужу по другу моему Амфиногену Одеколонову, который, получивъ извѣстіе о назначеніи особой ученой коммиссіи для изслѣдованія спиритизма, прибѣжалъ ко мнѣ съ вытянутымъ лицомъ, вытаращенными глазами, и, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова отъ душевнаго волненія, только тыкалъ пальцемъ въ то мѣсто газеты, гдѣ помѣщено было означенное извѣстіе. Я прочиталъ это извѣстіе и сказалъ: «Ну, что-жъ! ты — завзятый спиритъ и лучше меня долженъ понимать, что это такъ и должно было кончиться. Вы проводите ночи въ спиритическихъ сеансахъ, увѣряете всѣхъ, что входите въ это время въ сношеніе съ духами, видите и осязаете ручки дѣвицъ Жекѣ и Кетти Кингъ, разговариваете съ ними и т. п. Надобно же было узнать: правду вы говорите или нѣтъ?» — «Что-жъ! я на права— что ли — чьи нибудь посягаю или интересы чьи нибудь разрушаю тѣмъ, что веду разговоры съ дѣвицами Жекѣ и Кетти Кингъ? отвѣчалъ мнѣ, раздражаясь, мой другъ Амфиногенъ Одеколоновъ.—Комиссіи нужны тамъ, гдѣ затрогиваются какіе нибудь существенные интересы; а изъ того, что я буду хотя цѣлый вѣкъ забавляться съ дѣвицами Жекѣ и Кетти Кингъ, бѣды ровно никакой ни для кого быть не можетъ». —«Однако, замѣтилъ я:—ты вѣдь вѣруешь и не скрываешь своей вѣры отъ другихъ, а если твоя вѣра— заблужденіе, то, значитъ, ты распространяешь заблужденіе? не такъ ли?» — «Да, значитъ, я распространяю заблужденіе» —отвѣчалъ отрывисто и сурово Амфиногенъ Одеколоновъ, видимо, внутренно взбѣшенный моимъ противорѣчіемъ.— «Стало быть, продолжалъ я спокойно:—ты долженъ благодарить Бога, что живешь въ просвѣщенномъ XIX вѣкѣ, а не въ карварскія времена среднихъ вѣковъ. Тогда тебя стали бы поджаривать и, пожалуй, сожгли бы на кострѣ, наравнѣ съ другими колдунами, заводящими связи съ нечистой силой—а теперь вишь какъ благородно и деликатно ведется дѣло; тебя пальцемъ никто не трогаетъ, мало того—никакая оффиціальная власть въ дѣло не вступается, а ученые мужи сами, водимые единственно свѣтомъ своего высокаго разума и заботою о благѣ ближнихъ...» «Да вы, кажется, всѣ съ ума сошли?» — выпалилъ вдругъ совершенно неожиданно, надобно полагать, окончательно уже вышедшій изъ себя Амфиногенъ Одеколоновъ и немедленно убѣжалъ, не дослушавъ моей рѣчи.

Хотя я и противорѣчилъ Амфиногену Одеколонову, желая поддержать достоинство представителей нашей науки, но внутренно былъ совершенно съ нимъ согласенъ. Въ самомъ дѣлѣ, Россію то и дѣло посѣщаютъ разныя бѣдствія— голодъ, эпидеміи, эпизоотіи; экономическое положеніе массъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разстраивается, все это требуетъ самаго тщательнаго изслѣдованія, и притомъ неотложнаго, и, въ виду всего этого, ни одинъ ученый не ударилъ палецъ о палецъ. А тутъ люди отъ праздности и скуки начинаютъ заниматься глупостями, и цѣлая ученая коммиссія поспѣшаетъ на изслѣдованіе этихъ глупостей, и, нисколько не подозрѣвая того, что она самымъ фактомъ своего существованія уже достаточно компрометируетъ науку, она, сверхъ того, еще и усердствуетъ. По усердію своему, эта коммиссія—раритетъ въ своемъ родѣ. На изслѣдованіе такого предмета, какъ спиритизмъ, она назначила 40 засѣданій,—шесть изъ нихъ уже отсидѣла и, навѣрное, отсидитъ и остальныя 34! Я убѣжденъ, что изъ безчисленнаго множества существующихъ у насъ правительственныхъ коммиссій, едва ли найдется десятокъ такихъ, которыя бы посвящали такое огромное количество засѣданій на разсмотрѣніе порученныхъ имъ предметовъ, хотя предметы, которыми онѣ занимаются, несомнѣнно, во сто разъ поважнѣе какого нибудь спиритизма. И съ какимъ рвеніемъ и энергіею коммиссія, изслѣдующая спиритизмъ, ведетъ свое дѣло! Она подвергаетъ химическому анализу слюну медіумовъ; члены ея, забывая подобающую ихъ ученому сану солидность, упражняются въ искусствѣ плеванія, стараются плюнуть также ловко и далеко, какъ плюютъ медіумы, и даже переплюнуть черезъ голову!? Согласитесь, что едва ли когда нибудь какая нибудь ученая коммиссія приносила такія постыдныя жертвы наукѣ!

Но этимъ дѣло не ограничивается. Коммиссія ведетъ свое дѣло втайнѣ; когда она кончитъ свои изслѣдованія—еще Богъ вѣсть. Между тѣмъ, за это время ужасная ересь спиритизма могла бы— чего Боже сохрани!—уловить въ свои сѣти множество юныхъ и неопытныхъ умовъ и сердецъ. Потому на публичное отраженіе ея выступилъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ химіи (онъ же и членъ коммиссіи), г. Менделѣевъ. Онъ

прочелъ уже одну публичную лекцію въ Соляномъ Городкѣ; говорятъ, весною прочтетъ и еще. Дай-то Богъ! Авось язва спиритизма будетъ этимъ нѣсколько задержана! Наэлектризованный этимъ общимъ движеніемъ противъ спиритизма, даже почтенный Я. И. Полонскій осѣдлалъ своего заслуженнаго Пегаса и также... Мальбругъ въ походъ поѣхалъ... на пораженіе спиритизма. Я прочелъ стихотвореніе г. Полонскаго съ удовольствіемъ, хотя, признаюсь, меня нѣсколько непріятно поразила нѣкоторая жесткость его отношенія къ дѣвицамъ Жекѣ и Кетти Кингъ, такъ несвойственная вообще мягкой и гуманной манерѣ автора. Г. Полонскій позволяетъ себѣ эту жесткость потому, конечно, что смотритъ на дѣвицъ Жекѣ и Кетти Кингъ, какъ на несуществующихъ, но, какъ скоро для изслѣдованія существованія этихъ дѣвицъ учреждена особая ученая коммиссія, такъ смотрѣть на нихъ было бы слишкомъ смѣло и преждевременно. Пока коммиссія не сообщитъ намъ окончательныхъ результатовъ своего изслѣдованія, никто не имѣетъ никакого права считать дѣвицъ Жекѣ и Кетти Кингъ не существующими. Но представимъ, что онѣ существуютъ и читаютъ слѣдующія строки въ стихотвореніи Полонскаго.

...Пѣвецъ Манфреда
Такими ли воображалъ
Духовъ, когда онъ вопрошалъ
Въ часы осмысленнаго бреда
О тайнѣ міра и всего—
Всего, что мучило его!
Какъ былъ остеръ неугомонно,
Какъ былъ язвительно уменъ,
Тотъ духъ, что такъ нецеремонно
Вторгался въ нравственный законъ
И колебалъ его основы!
Какъ для рутины были новы
Его слова! — недаромъ онъ
Слылъ Мефистофелемъ на свѣтѣ
. . . . . .
И обезсмертилъ имя Гёте.

Далѣе о дѣвицахъ или, вообще, о духахъ новаго времени г. Полонскій говоритъ прямо, что

Они — невѣжды иль шуты и т. п.

Подобною выходкою нельзя не оскорбиться, тѣмъ болѣе, что она сдѣлана безъ всякаго повода. И дѣвица Жекѣ, и Кетти Кингъ имѣютъ право въ одинъ голосъ отвѣтить г. Полонскому: «позвольте, что вы намъ суете Мефистофеля? Мефистофель родился въ головѣ Гете и служилъ его цѣлямъ. Наше происхожденіе и назначеніе — совсѣмъ другое: по Сенькѣ и шапка». Я, съ своей стороны, могу прибавить, что нельзя огуломъ называть шутами или невѣждами всѣхъ новѣйшихъ духовъ. Они даютъ иногда отвѣты очень дѣльные. Такъ, недавно одна дѣвица мнѣ разсказывала, что на одномъ спиритическомъ сеансѣ, гдѣ находилась и она, присутствующіе просили духа сказать имъ что нибудь отъ себя. Духъ отвѣчалъ: «вы—дураки». — Собраніе было нѣсколько изумлено и ажитировано такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ. Вѣроятно, въ надеждѣ, что духъ устыдится своей грубости и поправится, оно шлетъ ему новый слѣдующій вопросъ: «почему вы даете намъ такое нелестное названіе?» — «Потому что вы занимаетесь глупостями» — отвѣчалъ духъ. Оба эти отвѣта нельзя не назвать вполнѣ дѣльными, такъ что подъ ними не постыдился бы подписать своего имени и Мефистофель. Конечно, они очень рѣзки и грубы; Мефистофель тоже самое выразилъ бы иными словами, съ обычнымъ ему остроуміемъ, меткостію и пикантностію, но сущность дѣла не въ формѣ выраженія.

Я долженъ, впрочемъ, сказать, что походъ, предпринятый противъ дѣвицъ Жекѣ и Кетти Кингъ, пока все еще не въ полномъ составѣ. Главный военачальникъ боевыхъ силъ во всѣхъ подобныхъ походахъ, г. Стасовъ, до сихъ поръ все не является на сцену. Оттого нѣтъ должной быстроты и союзности въ дѣйствіи, нѣтъ наскока и натиска въ нападеніи, даже баттареи поставлены не на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ имъ быть надлежало бы. Такъ, мы не встрѣчали еще нигдѣ коллективно-литературнаго протеста противъ дѣвицъ Жекѣ и Кетти Кингъ — а такой протестъ былъ бы рѣшительно необходимъ и даже со включеніемъ московскихъ братьевъ Милеантовъ. Далѣе: никому до сихъ поръ не пришло на мысль, по образцу изслѣдованія о клеветѣ г. Тютрюмова на г. Верещагина, перенести изслѣдованіе о китайской дѣвицѣ Жекѣ въ предѣлы Китая и тамъ доподлинно дознать: таковая дѣвица была ли когда и гдѣ? какого она была сложенія, темперамента, характера, нрава, чѣмъ занималась въ своей земной жизни? не была ли уже во время своей земной жизни увлечена идеями эмансипаціи? и т. п. Таковыя же свѣдѣнія слѣдовало бы собрать и о дѣвицѣ Кетти Кингъ.

Когда я дописывалъ эти строки, ко мнѣ снова пришелъ Амфиногенъ Одеколоновъ, уже успокоившійся. Я прочелъ ему, что написалъ. «Ну, что ты пишешь! началъ онъ снова волноваться — Гёте, Гёте... да у насъ въ числѣ вѣрующихъ въ спиритизмъ есть также умы, достойные полнаго уваженія, и то, что ты пишешь, для нихъ будетъ просто оскорбительно». — «Какіе же это, спросилъ я: — у васъ умы, достойные полнаго уваженія, и что я пишу оскорбительнаго для этихъ умовъ?» — «Да вотъ гг Бутлеровъ и Вагнеръ, а оскорбляешь ты ихъ тѣмъ, что приверстываешь ко всѣмъ Сенькамъ, для которыхъ годны какія угодно шапки». — «Ну, ладно. А ты, усматривающій въ вѣрѣ въ дѣвицъ Жекѣ и Кетти Кингъ умъ Бутлерова и Вагнера, оскорбляешь Менделѣева — умъ тоже достойный, выражаясь твоими словами, полнаго уваженія и, однакожъ, спиритизмъ отвергающій». — «Да Менделѣевъ — другое дѣло, возразилъ Одеколоновъ: — онъ не занимался пристально спиритизмомъ и до времени можетъ его отвергать. Но Бутлеровъ и Вагнеръ

тщательно изслѣдовали спиритизмъ. Какъ естествоиспытатели, привыкшіе къ самому точному наблюденію, не могутъ же они вѣрить всякому вздору».—«А, по твоему, кто же болѣе способенъ къ духовидѣнію и вѣрѣ въ духовъ? Классики что-ли?»—«Конечно, классики».—«Ну, ужъ извини братъ: вся родословная новѣйшаго спиритизма, т. е. сообщенія съ духами и загробнымъ міромъ, блеститъ именами преимущественно естествоиспытателей или, точнѣе сказать, людей, изучавшихъ естественныя науки и хорошо знакомыхъ съ ними. *Сведенборгъ*, первый духовидецъ начала прошлаго столѣтія, былъ замѣчательный естествоиспытатель, получившій самое солидное естественно-научное образованіе и сдѣлавшій много открытій и примѣненій въ разныхъ отрасляхъ естественныхъ наукъ; *Месмеръ*, изобрѣтатель месмеризма или животнаго магнетизма, надѣлавшаго тамъ много шуму въ концѣ прошедшаго столѣтія, былъ докторъ медицины; распространителями сомнамбулизма или ясновидѣнія, игравшаго роль нынѣшняго спиритизма въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, были Іустинъ Кернеръ—по образованію медикъ, а по профессіи практическій врачъ, и Эшенмайеръ—профессоръ философіи и медицины въ тюбингенскомъ университетѣ и естествоиспытатель. Въ исторіи распространенія современнаго спиритизма въ Америкѣ, Германіи и т. д. дѣйствовало также точно много медиковъ и вообще людей, хорошо знакомыхъ съ естественными науками. Изъ этого ты видишь, что естествоиспытателямъ и, вообще, людямъ, знакомымъ съ естественными науками, не только не чуждо желаніе проникнуть въ область таинственнаго и чудеснаго, а, напротивъ, они болѣе къ этому падки, чѣмъ спеціалисты по другимъ отраслямъ наукъ. И, если всмотрѣться попристальнѣе въ характеръ ихъ спеціальности, то, пожалуй, и понять не трудно, почему многихъ изъ нихъ скорѣе, чѣмъ кого-нибудь, должна увлекать область духовъ. Но говорить объ этомъ было бы очень долго, да и нужды нѣтъ. Но изъ того, что я сказалъ, ты можешь понять, что въ моихъ словахъ нѣтъ ничего оскорбительнаго для Бутлерова и Вагнера. Они могутъ быть прекрасными спеціалистами по своимъ наукамъ, прекрасными профессорами и имѣть слабость насчетъ міра духовъ, общую имъ со многими другими изслѣдователями по естественнымъ наукамъ. Скорѣе мои слова могутъ показаться непріятными для профессора Менделѣева, который, оставаясь на чисто научной почвѣ, счелъ, однакожъ, для себя приличнымъ вступить въ состязаніе со спиритами, чѣмъ несомнѣнно далъ большую силу послѣднимъ, и, что бы онъ потомъ ни говорилъ о спиритизмѣ, этотъ одинъ шагъ его болѣе распространитъ спиритизмъ, чѣмъ могли бы распространить его совокупными самыми ревностными усиліями всѣ три главные представители россійскаго спиритизма: Аксаковъ, Бутлеровъ и Вагнеръ».

Страстность отношенія, вообще,—самый неудобный пріемъ, коль скоро дѣло идетъ о борьбѣ съ разными новыми идеями, мнѣніями и т. п. Гоненія, преслѣдованія, публичныя — устныя и письменныя нападенія всегда служили и будутъ служить наилучшимъ средствомъ для пропаганды какихъ бы то ни было идей и мнѣній. Безчисленное множество религіозныхъ сектъ, политическихъ партій, философскихъ школъ переживали цѣлыя столѣтія, даже тысячелѣтія, благодаря единственно гоненіямъ, преслѣдованіямъ, страстной полемикѣ. Безъ этого, многія изъ нихъ не пережили бы и нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, а другія прошли бы и совсѣмъ незамѣченными.

Но страстность еще бо́льшее причиняетъ зло, когда она вторгается въ практическую жизнь, когда она касается отношеній политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ. Давая искусственную жизнь тому, что вовсе не имѣетъ права на жизнь, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, зачастую исторгаетъ и губитъ то, что обладаетъ богатыми жизненными элементами, и, такимъ образомъ, совершенно извращаетъ нормальный ростъ и развитіе общества, истощая и расходуя его лучшія силы на образованіе и поддержку пустоцвѣтовъ. Въ этомъ заключается причина, что развитіе человѣчества идетъ не по прямой линіи, а зигзагами, и то, что въ извѣстное время считается прогрессомъ, въ послѣдствіи оказывается движеніемъ боковымъ и даже прямо ретроградымъ. Когда мы говоримъ о страстности, то разумѣемъ не страстность только, такъ сказать, тенденціозную, дѣйствующую по опредѣленной программѣ или плану, какова страстность политическихъ партій, религіозныхъ сектъ, а страстность всякаго увлеченія какой-нибудь новой идеей въ практическомъ ея примѣненіи. Народъ и общество также самолюбивы, какъ и каждый отдѣльный человѣкъ. Они стремятся къ тому, чтобы ознаменовать себя какими-нибудь дѣлами и подвигами, оставить болѣе глубокіе слѣды своей дѣятельности въ исторіи, чѣмъ оставили ихъ предки. Вслѣдствіе этого, на проведеніе въ жизнь той или другой идеи, признанной по современнымъ понятіямъ великою или плодотворною, они обращаютъ свое исключительное вниманіе и на нее издерживаютъ всю свою энергію, забывая часто все остальное, забывая нерѣдко даже тѣ условія, при которыхъ означенная идея только и можетъ быть дѣйствительною въ жизни. Но современныя понятія, въ особенности большинства общества, живущаго обыкновенно рутиною, не всегда могутъ служить надежнымъ мѣриломъ для оцѣнки величія и плодотворности идей. Случается, что проходитъ всего какихъ-нибудь 100, 50 и даже менѣе лѣтъ, и дѣла, которыя считались великими въ свое время, получаютъ совершенно другую оцѣнку въ новыхъ поколѣніяхъ, низводятся послѣдними иногда въ разрядъ дѣлъ сомнительнаго достоинства и даже вовсе ненужныхъ и вредныхъ или, сохраняя свою оцѣнку, оказыва-

ются, въ дѣйствительности, безплодными, потому что были совершены безъ приготовленія или соблюденія тѣхъ условій, которыя требовались для правильнаго ихъ исполненія; и, такимъ образомъ, все, надъ чѣмъ трудились прошедшія поколѣнія, признается ошибкой и, часто, ошибкой или вовсе неисправимой, или требующей многихъ десятковъ лѣтъ на исправленіе! А между тѣмъ, на эту ошибку положено было безчисленное множество лучшихъ силъ въ народѣ, потрачены милліарды народныхъ капиталовъ, и все это, разумѣется, отразилось страшнымъ дефицитомъ въ народномъ благосостояніи сравнительно съ прежнимъ временемъ.

Эти мысли намъ невольно пришли въ голову при перелистываніи небольшой брошюры: «*Историческіе и статистическіе очерки Тверской губерніи*», изданной тверскимъ земствомъ *). Авторъ этой брошюры, пользуясь экономическими замѣтками «Генеральнаго соображенія по Тверской губерніи», составленнаго неизвѣстно кѣмъ въ 1784 году, сравниваетъ, на основаніи ихъ, состояніе Тверской губерніи въ концѣ прошлаго вѣка съ нынѣшнимъ и приходитъ къ выводамъ, которые для людей, увѣренныхъ въ быстромъ ходѣ нашего прогресса, могутъ показаться совершенно невѣроятными. Оказывается... но что оказывается — пусть судитъ читатель самъ по нижеслѣдующимъ замѣткамъ, которыя мы возьмемъ изъ сравненія, сдѣланнаго авторомъ:

«Въ самыхъ населенныхъ и малоземельныхъ уѣздахъ (Тверской губерніи) — говоритъ авторъ — во времена генеральнаго межеванія, на средняго крестьянина-работника приходилось пахотной земли болѣе десятины въ каждомъ изъ трехъ полей, а всего — болѣе трехъ десятинъ. О количествѣ сѣнокосныхъ угодій можно судить по тому, что крестьянская семья могла накашивать для себя отъ 300 до 400 пудовъ сѣна и содержать по 4 головы крупнаго скота и по 4 мелкаго. Только въ Осташковскомъ уѣздѣ, по причинѣ неплодородія почвы и скудости сѣнокосовъ, скота крестьяне держали, среднимъ счетомъ, менѣе».

«Земледѣліе, во время генеральнаго межеванія, было главнымъ занятіемъ жителей Тверской губерніи, которая, въ общей сложности уѣздовъ, повидимому, довольствовалась въ то время собственнымъ хлѣбомъ» (стр. 75).

Нынѣ «для продовольствія жителей Тверской губерніи недостаетъ ежегодно среднимъ числомъ отъ 300,000 до 400,000 четвертей ржи» (стр. 78).

«О размѣрахъ скотоводства въ описываемое время можно судить по тому, что каждая крестьянская семья средней руки, состоявшая изъ двоихъ взрослыхъ и двоихъ малолѣтнихъ, имѣла по двѣ лошади, по двѣ коровы, по двѣ овцы, по 1 теленку, по 1 свиньѣ и по 10 куриц. Только въ Осташковскомъ уѣздѣ на крестьянскую семью приходилось скота нѣсколько меньше. Въ настоящее время, несмотря на увеличеніе населенія (въ послѣдніе 90 лѣтъ) въ полтора раза (въ 1783 году въ Тверской губерніи насчитывалось 957,465 душъ обоего пола; нынѣ считается 1,510,600 человѣкъ), количество скота едва достигаетъ цифры 1783 года» (78).

«Въ настоящее время (въ Тверской губерніи), господствуютъ тѣ же отрасли труда, что и назадъ тому 90—100 лѣтъ. Какъ теперь, такъ и въ концѣ прошлаго столѣтія, наибольшее число рукъ въ губерніи занято было сельскимъ хозяйствомъ, производствомъ хлѣба, масла, мяса, льну, холста и прочихъ предметовъ земледѣльческаго и домашняго крестьянскаго производства. Сама торговля оптовая и розничная затрачивала въ тѣ времена, какъ и нынѣ, большую часть своихъ капиталовъ на закупъ и перепродажу сельскихъ земледѣльческихъ произведеній» (91).

«При значительномъ развитіи промысловъ, при удобствѣ путей сообщенія, при близости столичныхъ рынковъ, торговля не могла не достичь въ Тверской губерніи широкихъ размѣровъ: купеческое сословіе, въ описываемое время, было многочисленнѣе нынѣшняго. Торговые обороты всего купечества, состоявшаго изъ 5,604 семействъ, простирались до 3,306,609 руб., что составляетъ не менѣе 13,670,000 руб. серебр. на нынѣшнія деньги» (87).

«Внутренняя розничная торговля городовъ, обороты которой простирались до 1,382,671 (около трехъ съ половиной милліоновъ нынѣшней цѣнности денегъ), хотя и уступала внѣшней оптовой торговлѣ, оборачивавшей 2,057,813 руб. (болѣе 7 милліоновъ по нынѣшнему курсу), тѣмъ не менѣе, была весьма значительна и едва ли мало уступала нынѣшней» (91).

«Производство холста на продажу было, въ описываемое время, весьма значительно; сбытъ вполнѣ обезпеченъ, цѣна, въ сравненіи съ нынѣшними деньгами, высокая. Взрослая работница-крестьянка могла спрясть, выткать и выбѣлить до четырехъ холстовъ въ зиму, изъ которыхъ могла продать половину, т. е 50 аршинъ за 3 р. 50 к. или, по крайней мѣрѣ, за 3 рубля. Слѣдовательно, аршинъ холста средняго достоинства, въ описываемое время, продавался по 7 к. и, во всякомъ случаѣ, не дешевле 6, а по нынѣшнему курсу—21 к. Такимъ образомъ, трудъ

*) Авторъ этой брошюры, почтенный нашъ сотрудникъ В. И Покровскій, давно уже работаетъ надъ составленіемъ статистическаго описанія Тверской губерніи, по порученію тверского земства. У насъ есть въ рукахъ нѣсколько выпусковъ этого труда, и мы можемъ только пожалѣть о томъ, что земство печатаетъ этотъ трудъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а не издаетъ отдѣльными книгами для общаго свѣдѣнія и употребленія. Трудъ этотъ, во многихъ отношеніяхъ, образцовый—и могъ бы служить для другихъ земствъ руководствомъ при собираніи и группировкѣ статистическихъ свѣдѣній. Автора можно упрекнуть только развѣ въ одномъ, что онъ задачу свою ставитъ слишкомъ широко, а не ограничиваетъ ближайшими земскими потребностями и цѣлями.

пряхъ и ткачихъ вознаграждался, по крайней мѣрѣ, вдвое лучше, чѣмъ нынѣ. Въ настоящее время, цѣна хорошему крестьянскому холсту 10 к. аршинъ. Тверская губернія производила, въ описыкаемое время, до 25 милліоновъ холста «всякихъ рукъ». Половину этого количества потребляли сами производительницы холста и ихъ семейства, одну десятую часть могли потреблять города, а десять милліоновъ аршинъ ежегодно отправлялось за предѣлы губерніи. Стоимость этого отпуска, на основаніи предъидущихъ разсчетовъ, можно опредѣлить въ 6,000,000 руб., что на наши нынѣшнія деньги составитъ 12,100,000 р. сер. Нынѣшній ежегодный отпускъ холста изъ Тверской губерніи достигаетъ 16 милліоновъ аршинъ, въ томъ числѣ, около двухъ третей мѣшечнаго холста». (81).

«Большинство фабричныхъ и заводскихъ произведеній, выдѣлывавшихся въ тѣ времена (въ Тверской губерніи), выдѣлываются и нынѣ. Разница замѣтна лишь въ томъ, что полотняныя фабрики уступили мѣсто бумагопрядильнымъ и бумаготкацкимъ, въ значительной степени упалъ извозный промыселъ, какъ сухопутный гужевой, такъ и судоходный, уступивъ часть своихъ рабочихъ фабрикамъ и заводамъ; число отхожихъ промышленниковъ, особенно отхожихъ чернорабочихъ, увеличилось, увеличилось и число рабочихъ, вовсе оставляющихъ земледѣліе. Фабричное и заводское дѣло развилось въ значительной степени, а вмѣстѣ съ тѣмъ, множество женщинъ и малолѣтнихъ оторваны отъ семейнаго очага и превратились въ фабричныхъ рабочихъ. Между отхожими чернорабочими, въ настоящее время, весьма много несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, чего не было назадъ тому 90—100 лѣтъ, судя по имѣющимся даннымъ».

«Обороты торговли купечества Тверской губерніи, какъ мы видѣли, развѣ малымъ чѣмъ уступали нынѣшнимъ. Только одна отрасль торговли была менѣе значительна, а именно—водочновинная. Кабаковъ было гораздо меньше, а о такихъ громадныхъ винныхъ и водочныхъ складахъ, какіе нынѣ существуютъ во всѣхъ, особенно въ большихъ городахъ Тверской губерніи, наши предки второй половины XVIII столѣтія не имѣли понятія. Во всей Тверской Губерніи насчитывалось тогда всего 235 питейныхъ домовъ (въ городахъ 102, въ уѣздахъ 133), т.е. ровно въ двадцать разъ меньше, чѣмъ такихъ заведеній было въ 1864 году; и слишкомъ въ десять разъ меньше, чѣмъ въ 1874 году. Вина и водокъ ежегодно истреблялось въ Тверской губерніи, въ описываемое время, 100,000 ведеръ, между тѣмъ какъ нынѣ—не менѣе 1.100,000 ведеръ» (92).

Вотъ въ какомъ видѣ является экономическое преуспѣяніе въ Тверской губерніи въ теченіи почти столѣтія!

Еслибы такое же сравненіе нынѣшняго состоянія крестьянскаго населенія съ бывшимъ въ концѣ прошлаго вѣка, какое сдѣлано въ Тверской губерніи, сдѣлать и по другимъ губерніямъ, то я увѣренъ, что и въ послѣднихъ оказалось бы тоже самое. Навѣрное, и въ нихъ у крестьянъ земли стало меньше, сѣнокосныхъ угодій у многихъ вовсе нѣтъ, скота убыло, можетъ быть, на половину, несмотря на столѣтній почти приростъ населенія; многіе крестьянскіе заработки прибраны къ рукамъ разными акціонерными компаніями, а крестьяне, жившіе ими, пущены шататься бездомными батраками по всему лицу русской земли; многія мелкія крестьянскія производства подорваны или совсѣмъ уничтожены фабриками и заводами, разработывающими, часто во вредъ мѣстной производительности, вмѣсто мѣстныхъ матеріаловъ, привезенные изъ Америки и другихъ далекихъ мѣстъ и вносящими, вмѣстѣ съ нищетою, болѣзнями, развратъ въ крестьянскую семью и т. п.; вообще, крестьянское благосостояніе уменьшилось вдвое, а по мѣстамъ, можетъ быть, и втрое противъ конца прошедшаго столѣтія. Между тѣмъ, если мы, оставляя безъ вниманія положеніе массъ, будемъ разсматривать только, такъ сказать, парадный ходъ нашей исторіи, то въ какомъ блестящемъ видѣ представится намъ наше движеніе въ это время! Посмотрите, какъ широко раздвинулись въ это время границы нашего государства! Какимъ блескомъ покрыла себя наша армія въ войнахъ съ турками, съ Наполеономъ! Какое внушительное положеніе заняла Россія во внѣшней европейской политикѣ! Потомъ, какъ за это время развилось просвѣщеніе въ Россіи! Сколько, со времени новой организаціи системы народнаго образованія при Александрѣ I, основано низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и даже университетовъ! Какъ развилась и выросла русская литература! Какъ распространились въ образованномъ обществѣ гуманныя и либеральныя идеи XVIII вѣка! Казалось бы, все это такъ прекрасно, что лучше и желать ничего нельзя для народнаго благосостоянія! И расширеніе границъ государства, и политическая сила Россіи, и распространеніе просвѣщенія, и зрѣлость литературы, и гуманныя и либеральныя идеи — все это должно было бы способствовать сильному увеличенію народнаго благосостоянія. А между тѣмъ, на дѣлѣ вышло совсѣмъ противное. Главная причина такой дисгармоніи парадной исторіи съ внутреннимъ состояніемъ народа заключается несомнѣнно въ долго тяготѣвшемъ надъ послѣднимъ крѣпостномъ правѣ. Теперь, когда этотъ гнетъ съ народа свергнутъ, надобно ожидать, что будетъ постепенно расти и увеличиваться и внутреннее благосостояніе народа, если только будетъ постоянная и искренняя забота о томъ, чтобы духъ реформъ нынѣшняго царствованія получилъ полное и всестороннее примѣненіе въ жизни. До сихъ поръ прежнее время еще сильно тяготѣетъ надъ народомъ не только въ своемъ многообразномъ невидимомъ вліяніи, но и въ остающихся старыхъ порядкахъ. Такъ податная система до сихъ поръ остается все въ прежнемъ

видѣ, т.е. всею своею тяжестію падаетъ исключительно на податныя сословія какъ въ прямыхъ налогахъ, такъ и въ косвенныхъ. Изъ послѣднихъ одни акцизные сборы возросли до страшной суммы—200,000,000 р. въ годъ!

Цифра эта такъ краснорѣчива и внушительна, что, при разсмотрѣніи государственной росписи на 1876 г. въ государственномъ совѣтѣ, обратила на себя, по извѣстію, сообщаемому «Русскимъ Міромъ», вниманіе членовъ государственнаго совѣта. Впрочемъ, прибавляетъ эта газета, «замѣчанія по этому предмету были предложены не въ формѣ какого нибудь обдуманнаго и выработаннаго плана преобразованія системы, по поводу котораго могла бы быть принята какая нибудь важная правительственная мѣра, а скорѣе въ видѣ сѣтованія на такой фактъ».

Оно - по правдѣ сказать—трудно и придумать какой нибудь планъ преобразованія системы при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится у насъ вопросъ о водочномъ налогѣ. Съ одной стороны, всѣ сознаютъ—да и не сознавать этого нельзя—что пьянство есть величайшее зло для страны, что оно разоряетъ крестьянъ, уничтожаетъ въ нихъ любовь къ труду, руинируетъ въ конецъ ихъ хозяйства, что принять мѣры къ ограниченію пьянства необходимо немедленно. Но съ другой стороны — какъ принять эти мѣры? Болѣе трети ежегоднаго бюджета покрывается налогомъ на потребленіе водки. Если этотъ налогъ будетъ давать на половину менѣе, чѣмъ сколько онъ даетъ теперь, то чѣмъ покрыть этотъ дефицитъ? Понятно, что послѣднимъ обстоятельствомъ болѣе всѣхъ озабоченъ министръ финансовъ. На немъ лежитъ прямая обязанность пріискать источникъ для покрытія того дефицита, который долженъ будетъ образоваться изъ уменьшенія пьянства. Но гдѣ онъ можетъ найдти такой чудодѣйственный источникъ, который давалъ бы въ годъ, примѣрно, сто милліоновъ золотомъ? Министръ финансовъ, какъ человѣкъ, можетъ желать уменьшенія пьянства болѣе, чѣмъ кто нибудь въ Россіи, но, какъ министръ финансовъ, онъ не можетъ согласиться на это, пока не будутъ ему указаны источники, изъ которыхъ могъ бы быть пополненъ дефицитъ, долженствующій образоваться отъ уменьшенія пьянства. Укажите ему такой источникъ...

На этомъ пунктѣ съ незапамятныхъ временъ вертится у насъ вопросъ объ уменьшеніи пьянства. Говорятъ, еще министръ финансовъ Канкринъ, когда отъ него требовали уменьшенія числа кабаковъ, въ видахъ охраненія народной нравственности, сухо отвѣчалъ, что обязанность его, какъ министра финансовъ, заботиться не о нравственности народа, а о пропитаніи арміи, а «каждый кабакъ прокармливаетъ у него батальонъ войска». Приблизительно такіе же отвѣты давали, вѣроятно, и послѣдующіе министры финансовъ того времени, когда случайно поднимался вопросъ объ уменьшеніи пьянства, а возбудители подобнаго вопроса на этомъ и успокоивались. Но съ того времени много утекло воды. Благодаря реформамъ, общество лицомъ къ лицу стало съ этимъ вопросомъ; онъ сдѣлался теперь не случайнымъ, а постояннымъ и съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе и болѣе настоятельнымъ.

Кромѣ государственнаго министра финансовъ всероссійскаго, теперь есть множество другихъ министровъ финансовъ, частныхъ, вѣдающихъ финансы не государства, а того или другого общества и избираемыхъ для этой цѣли самими обществами. Интересъ ихъ, какъ и министра финансовъ, состоитъ также въ томъ, чтобы всѣ сборы, назначаемые на годовой бюджетъ ихъ обществъ, поступали полностью, безъ всякихъ недоимокъ. Но взглядъ ихъ на поступающіе къ нимъ рубли совершенно различенъ отъ взгляда министра финансовъ. Министру финансовъ все равно, откуда бы рубль къ нему ни пришелъ—ему нужно только, чтобы онъ пришелъ и чтобы все предназначенное государственною росписью количество рублей на извѣстный годъ къ нему непремѣнно поступило. Въ самые источники рублей онъ не заглядываетъ: онъ знаетъ, что въ законѣ опредѣлены эти источники, что изъ нихъ каждогодно поступало нужное количество рублей; изъ этого онъ не безъ основанія заключаетъ, что таковое и на будущее время поступать будетъ. Затѣмъ, чистъ ли этотъ источникъ или нѣтъ, настолько ли богатъ, чтобы никогда не могъ истощиться—входить въ эти вопросы онъ не считаетъ себя обязаннымъ. Частные министры финансовъ, завѣдывающіе финансами земскихъ и городскихъ обществъ, смотрятъ на поступающіе къ нимъ рубли и должны смотрѣть совершенно съ другой точки зрѣнія. Для нихъ важно не только то, чтобы назначенный на тотъ и на другой годъ рубль поступилъ, но чтобы и источникъ изъ котораго онъ поступилъ, съ одной стороны, нисколько этимъ не ослабился и былъ въ состояніи давать такіе же рубли каждогодно на будущее время, а съ другой—чтобы онъ, этотъ источникъ, имѣлъ свое начало въ возбужденіи и развитіи добрыхъ инстинктовъ и качествъ общества, а не въ деморализаціи ого. Понятно, что, чѣмъ ближе городскія и земскія самоуправленія знакомятся съ своимъ дѣломъ, тѣмъ годъ отъ году имъ становится ненавистнѣе источникъ дохода, основанный на умноженіи числа кабаковъ или, что тоже, на увеличеніи развращенія въ народѣ и его раззореніи—источникъ, который, въ концѣ-концовъ, долженъ неизбѣжно привести къ банкротству, какъ государственную казну, такъ и общественныя кассы.

Нынѣ нѣсколько з мствъ входили уже съ ходатайствомъ объ ограниченіи числа питейныхъ домовъ. На это министерство финансовъ отозвалось, что «по существующимъ общимъ правиламъ о питейной торговлѣ, число мѣстъ продажи крѣпкихъ напитковъ не опредѣлено (ст. 6 уст. о пит. сб.), что исключеніе сдѣлано лишь для

С.-Петербургской губерніи и городовъ Москвы и Одессы, гдѣ, согласно высочайше утвержденному 16 го іюня 1873 года мнѣнію государственнаго совѣта и 26-го января 1874 года положенію комитета министровъ, вводятся въ видѣ опыта, на три года, особыя правила о питейной торговлѣ, что, слѣдовательно, ходатайства земскихъ собраній могли бы быть удовлетворены не ранѣе, какъ по провѣркѣ означенныхъ правилъ на опытѣ. Съ своей стороны, министерство внутреннихъ дѣлъ, «имѣя въ виду, что предположенія земскихъ собраній вызваны стремленіемъ ограничить по возможности торговлю крѣпкими напитками съ цѣлью уменьшенія пьянства, не могло не признать ихъ заслуживающими полнаго уваженія; однако, также нашло не вполнѣ удобнымъ разрѣшать отдѣльно возникающія ходатайства земскихъ собраній впредь до истеченія срока и выясненія результатовъ означенныхъ временныхъ правилъ».

Понятно, что ни министерство финансовъ, ни министерство внутреннихъ дѣлъ не могли иначе отвѣчать на просьбу земствъ, какъ отказомъ. Но мнѣ кажется, что здѣсь прямая и откровенная форма отвѣта была бы болѣе у мѣста. Земства болѣе были бы удовлетворены, еслибы имъ прямо было объяснено, что винный налогъ даетъ столько-то доходу, безъ котораго государственный бюджетъ обойтись не можетъ, что, впрочемъ, само министерство не имѣетъ ничего противъ уменьшенія и даже уничтоженія кабаковъ и готово предоставить распоряженіе этимъ въ полную волю земствъ, если только послѣднія укажутъ источникъ, изъ котораго можно надѣяться покрыть дефицитъ, который можетъ образоваться отъ уменьшенія числа кабаковъ. Изъ такого прямого отвѣта, хотя въ немъ содержится также отказъ, земства увидѣли бы, что на нихъ смотрятъ не какъ на дѣтей, а какъ на людей взрослыхъ, которымъ объясняютъ откровенно трудность дѣла и говорятъ, что, если можете придумать что нибудь для устраненія трудности, придумывайте; будемте дѣйствовать вмѣстѣ, сообща. Теперь въ отвѣтѣ министерства финансовъ, собственно говоря, рѣшительнаго ничего нѣтъ, ибо изъ того, что въ законѣ число мѣстъ продажи крѣпкихъ напитковъ не опредѣлено, прямо слѣдуетъ, что ихъ можно имѣть сколько признается нужнымъ и полезнымъ, и совсѣмъ не слѣдуетъ того, чтобы нельзя было ограничивать ихъ число, а между тѣмъ, на основаніи этого, министерство отказываетъ земствамъ въ просьбѣ. Очевидно, что мотивъ для отказа чисто фиктивный, который можетъ поставить въ недоумѣніе земства насчетъ истиннаго взгляда министерства на систему нынѣшнаго виннаго налога и причинить затрудненія самому же министерству; ибо, прикрывая отказъ въ просьбѣ земствъ мотивомъ вовсе не резоннымъ, министерство даетъ видъ, что оно точно привязано само къ этой системѣ, желаетъ ея продолженія и старается удержать ее во что бы то ни стало.

Отъ такой тактики министерства финансовъ уже и успѣли явиться недоумѣнія и затрудненія по тому же самому предмету въ городскихъ самоуправленіяхъ. Здѣсь вопросъ о томъ, что городскія самоуправленія или думы имѣютъ полное право на опредѣленіе мѣстъ для питейныхъ заведеній на землѣ города, на ограниченіе ихъ числа и воспрещеніе частнымъ лицамъ производить питейную торговлю на ихъ собственныхъ земляхъ, былъ вполнѣ ясно и точно разрѣшенъ сенатомъ, по поводу нѣсколькихъ восходившихъ на его разсмотрѣніе дѣлъ, именно—по отрицанію подобнаго права у думъ. Вслѣдствіе такого разъясненія сената, многіе города могли сильно сократить число питейныхъ заведеній, а такое сокращеніе могло отозваться значительнымъ дефицитомъ въ цифрѣ виннаго налога. Тѣмъ не менѣе, противъ разъясненія сената, вполнѣ правильнаго, возражать было ничего нельзя, и городскимъ самоуправленіямъ можно было, не отрицая ихъ правъ на сокращеніе числа питейныхъ заведеній, развѣ только предложить, въ административномъ порядкѣ, имѣть въ виду, чтобы сокращеніе это производилось постепенно и умѣренно, не причиняя слишкомъ сильныхъ и чувствительныхъ колебаній въ суммѣ поступающаго въ казну виннаго дохода. Мы совершенно увѣрены, что такое предложеніе всѣми городами было бы принято къ свѣдѣнію и—по возможности исполнено. Но министерство финансовъ пошло особеннымъ путемъ. Циркуляромъ министра финансовъ, опубликованнымъ въ № 220 «Правительственнаго Вѣстника» прошедшаго года, управляющимъ акцизными сборами было предписано «сдѣлать распоряженіе о невыдачѣ на будущій годъ патентовъ на питейную продажу въ тѣхъ городахъ, въ коихъ продажа сія будетъ предоставлена исключительно на городскихъ земляхъ, или въ коихъ думами будетъ назначено опредѣленное число питейныхъ заведеній». Такое распоряженіе министерства финансовъ должно было произвести раздраженіе въ городскихъ самоуправленіяхъ; они не могли понять его иначе, какъ посягательствомъ на ихъ законныя права, а это, естественно, должно было повести совершенно къ другому результату, чѣмъ какого ожидало министерство; такъ, по крайней мѣрѣ, случилось въ Самарѣ. Еще наканунѣ полученія помянутаго циркуляра министра финансовъ, «самарская дума, въ виду широко развившагося народнаго разгула и тѣхъ безобразій, какой представляютъ изъ себя кабаки, постановила: число питейныхъ заведеній въ городѣ Самарѣ, въ 1876 году, допустить вмѣсто 159 только 28, примѣрно—по одному питейному заведенію на 2,000 жителей, распредѣливъ ихъ, пропорціонально числу населенія, по частямъ города на извѣстныхъ пунктахъ и, притомъ, на земляхъ, принадлежащихъ городскому общественному управленію, съ тѣмъ, чтобы мѣста эти были отданы подъ питейныя заведенія въ аренду съ торговъ». По полученіи циркуляра министра финансовъ, дума, въ одно изъ послѣ-

дующихъ засѣданій, находя циркуляръ этотъ нарушающимъ права города, рѣшила «обжаловать распоряженіе министра финансовъ правительствующему сенату». Но не успѣла еще дума привести это постановленіе въ исполненіе, какъ получила *примиряющій* циркуляръ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ разъяснялось, что «плата въ пользу города должна взиматься только *за пользованіе мѣстомъ*, принадлежащимъ городу и уступленнымъ частному лицу, но отнюдь не за *право* производства во взятыхъ отъ города помѣщеніяхъ питейной торговли, иначе постановленія и приговоры городскихъ общественныхъ управленій должны быть признаны безусловно противозаконными, и патенты на производство продажи питей въ такихъ помѣщеніяхъ, согласно разъясненію министра финансовъ, распубликованному въ № 220 «Правительственнаго Вѣстника», не должны быть выдаваемы». Хотя истолковавъ такимъ образомъ циркуляръ министра финансовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, сверхъ того, объяснилъ, что, на основаніи указа сената, думѣ принадлежитъ полное право опредѣлять и число питейныхъ заведеній въ городѣ, тѣмъ не менѣе, недоумѣнія городской думы и *примиряющимъ* циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ не были разсѣяны: въ ней образовались двѣ партіи—*кабачниковъ* и *анти-кабачниковъ*. Гласные кабачники твердо стояли на буквальномъ смыслѣ циркуляра министра финансовъ и утверждали, что городъ не имѣетъ права ограничивать число питейныхъ заведеній. Гласные анти-кабачники, напротивъ, держались того истиннаго смысла, который открытъ былъ въ циркулярѣ министра финансовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и требовали сокращенія числа кабаковъ. По счастію, въ числѣ гласныхъ самарской думы кабачниковъ оказалось менѣе, чѣмъ анти-кабачниковъ; потому дума, согласно заключенію коммиссіи, учрежденной по разработкѣ вопроса о питейныхъ заведеніяхъ, постановила: «разрѣшить къ открытію въ будущемъ году только 28 питейныхъ заведеній и назначить для этого мѣста, принадлежащія городу, съ тѣмъ, чтобы они сданы были въ аренду кабачникамъ съ торговъ» («Голосъ», № 4).

Такимъ образомъ, анти кабачники восторжествовали. Но торжество ихъ было очень непродолжительно.

Въ то время, когда въ городскихъ думахъ происходили описываемыя нами волненія, въ государственномъ совѣтѣ разсматривались уже новыя правила о порядкѣ разрѣшенія мѣстъ питейной продажи въ городахъ. Наконецъ, 1 января нынѣшняго года, состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по этому предмету, которое недавно и распубликовано въ особомъ циркулярѣ министра финансовъ управляющимъ акцизными сборами, разъясняющемъ для послѣднихъ образъ дѣйствій на основаніи означеннаго мнѣнія государственнаго совѣта.

Такъ какъ циркуляръ этотъ, въ совокупности съ мнѣніемъ государственнаго совѣта, занялъ бы много мѣста и, пожалуй, не для всѣхъ читателей былъ бы удобовразумителенъ, то мы передадимъ здѣсь кратко сущность новыхъ правилъ, содержащихся въ мнѣніи государственнаго совѣта и циркулярѣ министра финансовъ.

По новымъ правиламъ, думы имѣютъ право составлять только *предположенія* относительно мѣстъ раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ въ городахъ. Предположеніе это *представляется* губернскому присутствію по городскимъ дѣламъ, въ составъ котораго, по дѣламъ этого рода, приглашается, съ правомъ голоса, управляющій акцизными сборами, и получаютъ силу *только* по утвержденіи присутствіемъ.

Еслибы, однако-жъ, губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, большинствомъ голосовъ, утвердило предположеніе думы, но съ этимъ не согласился бы управляющій акцизными сборами, то какъ онъ, такъ и предсѣдатель казенной палаты, просятъ пріостановить приведеніе такихъ постановленій въ исполненіе, сами же обжаловываютъ ихъ правительствующему сенату. Выдача патентовъ на спорныя мѣста питейной продажи пріостанавливается впредь до разрѣшенія дѣла по этому обжалованію правительствующимъ сенатомъ.

Правила эти изданы, какъ сказано въ мнѣніи государственнаго совѣта, временно, впредь до разрѣшенія общаго вопроса объ ограниченіи числа питейныхъ заведеній. Иначе, оно и представить трудно. Ибо этими правилами у городского населенія, облеченнаго высочайше дарованнымъ правомъ самоуправленія, отнимается право имѣть для себя такое количество питейныхъ домовъ, какое оно пожелаетъ и найдетъ нужнымъ, безъ согласія на то управляющаго акцизными сборами. Тутъ мало похожаго на самоуправленіе.

Вообще, вся эта *винная* исторія, о которой мы разсказали, исторія недоразумѣній, пререканій, волненій, производитъ очень прискорбное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе прискорбное, что она случилась безъ всякой нужды, что, при другихъ пріемахъ дѣйствія, ничего этого не только могло бы не быть, а вовсе не могло бы быть. Вся наша бѣда во многихъ случаяхъ происходитъ оттого, что канцеляріи нашихъ министерствъ до сихъ поръ не успѣли освободиться отъ прежней рутины. Прежде, «канцелярская тайна» лежала въ основаніи сношеній министерствъ съ мѣстами низшими ихъ — потому было въ модѣ скрывать истинныя причины того или другого отказа и мотивировать отказъ чисто фиктивными соображеніями, часто не имѣвшими ровно никакого отношенія къ истиннымъ причинамъ отказа и, въ сущности, нисколько не резонными. Канцеляріи министерствъ щеголяли другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи подобныхъ фиктивныхъ, мало относящихся къ дѣлу мотивовъ, и министерская бумага считалась тѣмъ тоньше и умнѣе, чѣмъ

болѣе обрѣталось въ ней разныхъ экивокъ по части мотивовъ. Само собою разумѣется, что подобная практика могла развиться и существовать только при той несомнѣнной увѣренности, что низшее мѣсто не осмѣлится сдѣлать никакого запроса насчетъ экивокъ въ мотивахъ—напротивъ, будетъ удивляться ихъ ухищренности, какъ нѣкоей мудрости. Большею частію, оно такъ, пожалуй, и бывало... Но теперь наступило другое время. Нынѣ общества также призваны къ дѣятельности въ управленіи дѣлами мѣстными, и въ томъ, что касается этихъ дѣлъ, съ ними нельзя говорить экивоками. Тутъ они полноправные господа, и отказъ имъ можно чинить только на точномъ основаніи законовъ. Иначе министерства могутъ быть твердо увѣрены, что дѣло безъ недовольства не обойдется. И мы думаемъ, что министерства должны радоваться, когда, въ случаѣ ихъ неправильныхъ распоряженій, возникаютъ протесты. Протесты эти свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ ростѣ общества, о томъ, что общество становится на почву уваженія къ закону, что не можетъ не быть пріятно каждому министерству. Поэтому мы не можемъ не отнести къ привычкамъ стараго времени притязанія тѣхъ министерствъ, которыя, въ случаѣ возраженій въ печати на какія-нибудь ихъ распоряженія, жалуются, что печать мѣшаетъ имъ дѣлать дѣло, или, въ случаѣ резоннаго протеста низшихъ мѣстъ, придумываютъ временныя правила въ обходъ закона.

Обращаясь, затѣмъ, къ системѣ существующаго нынѣ виннаго налога, мнѣ кажется, нельзя не признать, что принятая нынѣ акцизная система оказывается также неудовлетворительною, какъ и бывшая откупная. Какъ и откупная, она также основывается на постоянномъ увеличеніи кабаковъ, слѣдовательно, на увеличеніи развращенія и разоренія въ народѣ. Пока будетъ существовать эта система, министерство всегда будетъ находиться въ ложномъ положеніи по отношенію къ своей дѣйствительной миссіи—къ увеличенію благосостоянія народнаго: оно всегда будетъ тревожно смотрѣть на уменьшеніе числа кабаковъ, ибо таковое уменьшеніе будетъ всегда угрожать дефицитомъ въ государственномъ бюджетѣ... Мнѣ кажется, единственное средство выйдти изъ этого сколько непріятнаго, столько же и недостойнаго положенія, не потрясая при этомъ государственнаго бюджета—это: 1) консолидировать сборъ съ виннаго налога въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ получается теперь, навсегда и уплату его, соразмѣрно теперешнему расходу вина въ каждой губерніи, возложить на губернскія земства по принадлежности; 2) за это губернскимъ земствамъ, каждому въ своемъ районѣ, предоставить право разрѣшенія винныхъ заводовъ, мѣстъ для продажи вина и т. п. и полученія всѣхъ пошлинъ и сборовъ, получаемыхъ нынѣ за это государствомъ; 3) наконецъ, казенное акцизное управленіе совершенно уничтожить.

Въ заключеніе, не могу не занести въ мое обозрѣніе одинъ крупный фактъ изъ нашей жизни, которому, я не сомнѣваюсь, порадуются всѣ мои читатели. Я разумѣю пожертвованіе однимъ изъ нашихъ молодыхъ адвокатовъ, г. Боровиковскимъ, въ пользу бѣдныхъ студентовъ университета 5,000 руб. сер., полученныхъ имъ въ началѣ прошлаго года въ гонораръ за ходатайство объ освобожденіи Овсянникова изъ предварительнаго заключенія, которому послѣдній былъ подвергнутъ судебнымъ слѣдователемъ. Я называю этотъ фактъ крупнымъ, конечно, не по цифрѣ пожертвованія, а по его моральному значенію. До сихъ поръ, многіе изъ адвокатовъ, по ошибкѣ или сознательно, брались за дѣла неподобающія и совсѣмъ грязныя; но никто изъ нихъ такъ откровенно и искренно не сознавался въ своей ошибкѣ или проступкѣ. Подобное сознаніе требуетъ не только внутренняго самоотверженія, но и большого самообладанія. Можетъ быть, еще не мало найдется людей, которые согласятся втихомолку сознаться въ своей ошибкѣ или проступкѣ и даже деньги возвратить; но публично сказать: да, я сдѣлалъ ошибку или проступокъ и возвращаю все, что взялъ—на такое мужество способны очень немногія натуры. Вотъ почему нельзя не порадоваться появленію ихъ въ молодой адвокатурѣ. Оно даетъ намъ надежду, что институтъ нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ, который у насъ *не расцвѣлъ* и *отцвѣлъ*, можетъ еще обновиться подъ вліяніемъ молодыхъ силъ въ адвокатурѣ и сдѣлаться достойнымъ своей высокой миссіи.

Понятно, что благородный поступокъ г. Боровиковскаго долженъ былъ произвести сильную сенсацію и броженіе въ подонкахъ адвокатскаго міра. Какъ, въ самомъ дѣлѣ!

Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ!

И вдругъ среди нихъ является человѣкъ, который начинаетъ разбирать: какое стяжаніе ему попало въ руку—праведное или неправедное? Но развѣ песъ, которому попало въ ротъ масло, разбираетъ: чье это масло и праведно или не праведно оно попало ему въ ротъ?

Но что же, однако, было дѣлать съ г. Боровиковскимъ? Онъ—человѣкъ свободный, въ правѣ распорядиться своимъ добромъ, какъ онъ хочетъ, нельзя его насильно заставить держаться принципа псовъ.

Рѣшено было, слѣдуя совѣту одного мудраго стряпчаго, изображеннаго Щедринымъ: *прогнать* г. Боровиковскаго *сквозь строй жизненныхъ обстоятельствъ*.

Вслѣдствіе этого, вдругъ въ газетахъ является слухъ, яко бы студенты университета, въ пользу которыхъ г. Боровиковскій пожертвовалъ свой

гонораръ, не хотятъ принимать его денегъ. Признаемся, что клеветы на студентовъ болѣе позорной намъ никогда не случалось еще слышать. Какъ! Чтобы молодое поколѣніе могло, не говоримъ, отвергнуть, а даже несочувственно отнестись къ человѣку, который не только идетъ къ нему на помощь съ порядочною суммою вполнѣ *законно* пріобрѣтенныхъ денегъ, но у котораго самымъ мотивомъ къ пожертвованію является одно изъ прекраснѣйшихъ движеній человѣческой души,— движеній, которыя для каждаго молодого сердца не могутъ не быть дороги,— нѣтъ, мы никакъ не можемъ этому вѣрить! Мы удивляемся одному: какъ студенты, еще недавно протестовавшіе противъ оскорбительнаго для нихъ, появившагося въ газетахъ объявленія, будто какой-то студентъ ищетъ занятій у старой женщины, не протестовали еще съ большею энергіею противъ пущеннаго объ нихъ слуха, о которомъ мы говоримъ, сравнительно безконечно болѣе ихъ позорящаго, чѣмъ помянутое объявленіе?

Далѣе: въ газетахъ же пущенъ былъ слухъ, что на общемъ собраніи общества въ пользу нуждающихся студентовъ нѣкоторые члены намѣрены поднять вопросъ о деньгахъ, пожертвованныхъ г. Боровиковскимъ. Неизвѣстно, въ видѣ ли утки только былъ пущенъ этотъ слухъ, или дѣйствительно предполагалось сдѣлать нѣчто подобное... Въ числѣ членовъ общества для нуждающихся студентовъ есть и подонки адвокатскаго міра, ихъ кумовья, друзья... Очень возможно, что кто-нибудь изъ нихъ съ-дуру и думалъ сотворить подобный скандалъ. Въ такомъ случаѣ, очень жаль, что г. Боровиковскій отправленіемъ своего пожертвованія въ личное распоряженіе ректора университета, а не общества для нуждающихся студентовъ, устранилъ эту возможность. Было бы желательно знать и сдѣлать приснопамятными имена вожаковъ той гнусной тли нашего нравственнаго міра, которая сокровенно для всѣхъ подтачиваетъ лучшія движенія и начинанія нашего общества...

Теперь представителемъ этой тли является редакторъ нѣкоторой газеты. Но съ этимъ редакторомъ, который въ дѣлѣ Овсянникова разыгрывалъ роль вавилонской блудницы, публично зазывая его въ свои объятія, какъ-то разговаривать даже совѣстно...

Февраль 1876.

Дѣло Кронеберга.— Желѣзныя дороги.— Оскорбленіе личности.— Воровство.— Хаосъ и безпорядокъ въ товароотправленіи.—Кочеванья въ степи.—Крушеніе поѣздовъ.—Тилигульская катастрофа.—Смыслъ ея для Россіи.

«Есть люди, говоритъ г. Спасовичъ въ своей защитительной рѣчи за г. Кронеберга:—которые, по натурѣ своей, болѣе склонны къ жизни семейной; есть люди, которые могутъ прожить цѣлую жизнь холостяками. Тѣхъ, которые принадлежатъ къ первому разряду, такъ и клонитъ къ браку»; а какъ скоро человѣка начнетъ клонить къ браку, то онъ непремѣнно женится или, если будутъ непреодолимыя препятствія къ женитьбѣ, познакомится съ какою-нибудь дѣвицею или вдовою. Послѣдствія такого знакомства могутъ быть иногда совершенно одинаковы съ женитьбою: могутъ явиться также дѣти. Но у дѣтей есть свои склонности: ихъ, какъ и нѣкоторыхъ людей къ браку, такъ и клонитъ къ чернослову, сахару, и, если встрѣтится препятствіе на пути къ этому, то они не прочь, подобно означеннымъ людямъ, склоннымъ къ браку, обойдти препятствіе и стащить нѣсколько кусочковъ сахару, чернослову. Но вотъ тутъ-то, по мнѣнію г. Спасовича, и лежитъ начало всякаго зла, распространяющагося потомъ на весь міръ; тутъ-то и нужна строгость, строгость и строгость. «Говорятъ, ораторствуетъ г. Спасовичъ, защищающій г. Кронеберга противъ обвиненія въ жестокомъ взысканіи съ ребенка за воровство чернослива, сахара:—за что же? развѣ можно такъ строго взыскивать за нѣсколько штукъ чернослову, сахару?» «Я полагаю, отвѣтствуетъ г. Спасовичъ на такое возраженіе людей легкомысленныхъ:—что отъ чернослива до сахара, отъ сахара до денегъ, отъ денегъ до банковыхъ билетовъ путь прямой, открытая дорога!!» Вонъ оно куда пошло! И такъ, благо—такъ философствуетъ г. Спасовичъ—ребенку, если его отецъ, воспитанный на наполеоновскомъ кодексѣ, понимаетъ, какое это ужасное зло воровство чернослову и сахару, и, чтобы уничтожить корень такого зла, не останавливается ни передъ какими наказаніями! Таковъ, по словамъ г. Спасовича, именно г. Кронебергъ, воспитанный на наполеоновскомъ кодексѣ и понимающій, что «государство тогда только и крѣпко, когда оно держится на крѣпкой семьѣ».

Но у насъ, въ Россіи, и такой отецъ, воспитанный на наполеоновскомъ кодексѣ, не всегда

обезпеченъ въ исправленіи ребенка, показывающаго наклонность къ похищенію чернослива и сахара. Потому, говоритъ, г. Спасовичъ, что «бываетъ такъ, что отецъ ребенка занятъ и пріѣзжаетъ домой только по вечерамъ, уѣзжаетъ утромъ; замѣняющая ребенку мать можетъ быть женщина больная, занятая леченіемъ, малоподвижная (какъ была г-жа Жезингъ у г. Кронеберга). Ребенокъ рѣзвится, бѣгаетъ къ дворнику и прислугѣ, заводитъ съ ними знакомство и попадаетъ подъ дурное вліяніе прислуги, научается разнымъ пакостямъ, воровству». Вотъ онъ гдѣ настоящій-то корень зла!

Извѣстно, что у насъ благородные люди—адвокаты, дворяне, чиновники и т. д., и т. д.—недоступны ни для какихъ пакостей, и въ особенности для воровства. Боже сохрани! Это все—Козьмы безсребренники! Всѣ эти пакости, вся грязь сосредоточивается въ черни непросвѣщенной, въ народѣ. И представьте, читатель—о ужасъ!—всѣ мы все наше дѣтство проводили не на рукахъ нашихъ отцовъ и матерей, а на рукахъ нашихъ русскихъ нянь, взятыхъ прямо изъ этой черни непросвѣщенной—нянь, которыя не имѣютъ никакого понятія о наполеоновскомъ кодексѣ, которыя, за немногими исключеніями, такъ добры и ласковы, что не только не ударятъ дитя, ввѣренное ихъ попеченію, а даже кошку или собаку; которыя скорѣе согласятся сами помочь ребенку утащить сахару или чернослива и быть за это побитыми, чѣмъ ударить ребенка за то, что онъ *потихоньку* взялъ сахару или чернослива.

Я думаю, что самое выраженіе «*взять потихоньку*» выработано любящими, болѣзными о своихъ питомцахъ русскими нянями. Во время крѣпостного права, когда, при страшномъ мотовствѣ денегъ на показъ при разныхъ торжествахъ, во многихъ барскихъ домахъ, въ будничной жизни, господствовало безсмысленное скопидомство въ родѣ Плюшкинскаго, все выдавалось съ вѣсу и въ обрѣзъ, самый хлѣбъ отпускался фунтами, эти няни брали тайкомъ, безъ спросу, кусочки хлѣба, яблоки, лакомства для своихъ питомцевъ и смотрѣли сквозь пальцы, когда послѣдніе и сами дѣлали тоже. Любовь русскихъ нянь, съ этимъ урываніемъ потихоньку разныхъ гостинцевъ для воспитываемыхъ ими дѣтей, скрывала передъ послѣдними безобразную постановку прежней русской семьи и очень часто, вѣроятно, была причиною того, что изъ барчатъ выходили люди, а не звѣри въ человѣческомъ образѣ. Такимъ образомъ, русскія няни, нетолько не знакомыя съ кодексомъ Наполеона, но не знавшія даже русской грамоты, вполнѣ невѣжественныя, своимъ любящимъ сердцемъ понимали, что брать иногда потихоньку какой-нибудь кусокъ лакомства въ родительскомъ домѣ не значитъ еще воровать и что если дитя и само сдѣлаетъ это, то тутъ еще никакой нѣтъ порчи.

И вдругъ, передъ нами является признанный у насъ столпъ *юридистической* науки, г. Спасовичъ, который старается увѣрить насъ, что отъ взиманія потихоньку чернослива и сахара въ родительскомъ домѣ до похищенія банковыхъ билетовъ—прямая, открытая дорога, и рисуетъ намъ г. Кронеберга нѣкоторымъ образомъ, какъ героя, который, жестокимъ наказаніемъ своего ребенка за подобные пустяки, спасалъ будто бы его отъ каторжныхъ работъ въ будущемъ и, мало того, укрѣплялъ — *слушайте!*—укрѣплялъ будто бы государство, ибо укрѣплялъ семью!!?? Нѣтъ, почтенный экспрофессоръ! г. Кронебергъ не укрѣплялъ этимъ русской семьи, а расшатывалъ ее. Какъ скоро семья поставлена такимъ образомъ, что ребенокъ не можетъ себѣ достать иначе сахару или чернослву, какъ потихоньку—то тутъ, въ случаѣ воровства ребенка, если и нужно когонибудь сѣчь, то отнюдь не ребенка, а, прежде всего, отца, а потомъ мать или ту женщину, которая замѣняетъ ему мать. И когда вы усиливаетесь доказать противное этому, то вы насилуете вашу науку, заставляете ее прелюбодѣйствовать съ вашей адвокатскою мыслію. Г. Кронеберга вы могли и имѣли полное право защищать, нисколько не конфузясь, какъ въ виду будущаго самой дѣвочки, такъ и потому, что изъ слѣдствія видно, что г. Кронебергъ дѣвочку эту, по своему, все-таки, любитъ; но при этомъ вы должны были прямо и откровенно сказать, что онъ, г. Кронебергъ, по своимъ педагогическимъ воззрѣніямъ и пріемамъ и по своему характеру, не долженъ лично браться не только за воспитаніе дѣтей, а даже и собакъ. Тоже самое вы имѣли полное право сказать и о замѣняющей для дѣвочки мать г-жѣ Жезингъ. Еслибъ она горячо любила дѣвочку, хоть такъ же, какъ любятъ дѣтей русскія няни, и также заботилась о ней, то, навѣрное, и г. Кронебергу никогда не понадобилось бы проявлять своихъ педагогическихъ талантовъ. А то вы, не имѣя въ рукахъ никакого факта, вмѣсто г. Кронеберга и г-жи Жезингъ, бросаете ни съ того, ни съ сего грязью въ простой русскій людъ, объясняете испорченность дѣвочки тѣмъ, что она бѣгаетъ къ дворнику и прислугѣ, подпадаетъ подъ ихъ, якобы, дурное вліяніе, научается будто бы у нихъ разнымъ пакостямъ и воровству, совершенно забывая при этомъ, что дѣвочка вовсе и по русски не умѣетъ говорить ни одного слова и что, по вашимъ собственнымъ словамъ, она испорченною уже была и въ Швейцаріи. «Она, говорите вы сами:—воспитывалась (въ Швейцаріи) между мужицкими дѣтьми безъ присмотра; у де Комба (пасторъ, которому отдалъ ее г. Кронебергъ, взявъ у мужиковъ) ея не перевоспитали: когда отецъ привезъ ее къ себѣ (т. е. въ Петербургъ на дачу, гдѣ случилось происшествіе), то нашелъ въ ней много недостатковъ: неопрятность, неумѣнье держать себя, начатки болѣзни отъ дурной привычки, но главное, что тутъ возмущало отца, это—постоянная, даже безцѣльная ложь». При чемъ же

тутъ, спрашивается, русскій людъ: дворникъ, прислуга и т. д.? Ужъ если въ испорченности дѣвочки и виноваты мужики, то никакъ не русскіе, а швейцарскіе!

Не могу, при этомъ, кромѣ того, не замѣтить, что меня поражаетъ аристократичность воззрѣній г. Спасовича. Я никакъ до сихъ поръ не подозрѣвалъ, чтобы человѣкъ, бывшій профессоромъ русскаго университета и болѣе или менѣе знакомый съ исторіею развитія русскаго народа, могъ думать, что какъ скоро ребенокъ входитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, онъ непремѣнно портится, и что единственное средство гарантировать его отъ всякой порчи, это — воспитывать его совершенно изолированно отъ народа. Мнѣ казалось, что, даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на нашу исторію, для всякаго должно быть очевидно, что спасеніе Россіи состоитъ именно въ томъ, что привилегированные классы въ ней никогда не могли изъять своихъ дѣтей изъ непосредственнаго вліянія народа, что volens nolens они поставлены были въ необходимость воспитывать ихъ на рукахъ и въ средѣ народа и что, благодаря этому, даже крѣпостное право оказалось безсильнымъ для того, чтобы уничтожить въ нихъ человѣческія чувства по отношенію къ народу и заставить смотрѣть на него какъ на быдло, какъ это сдѣлалось въ другихъ странахъ. Мнѣ кажется, что народъ нашъ хорошо сохранился и до сихъ поръ, что онъ настолько простъ въ своей жизни, искрененъ въ своихъ чувствахъ, справедливъ въ отношеніяхъ, что каждый ребенокъ среди простыхъ людей скорѣе отучится отъ лжи, если и привыкъ къ ней, а не то, что заразится ею здѣсь, какъ разрисовываетъ г. Спасовичъ.

Желая оправдать жестокость г. Кронеберга къ дѣвочкѣ за такіе пустяки, какъ похищеніе чернослива и сахару, г. Спасовичъ усиливается изобразить намъ его какимъ-то необыкновеннымъ правдолюбцемъ, который не можетъ безъ страданія выносить ни въ чемъ, такъ сказать, и тѣни лжи. «Главное, что возмущало его, говоритъ г. Спасовичъ о г. Кронебергѣ,—это—постоянная, безцѣльная даже, ложь. Правильно или неправильно, но Кронебергъ считаетъ, что ложь есть мать всѣхъ пороковъ и что всѣ недостатки людей, главнымъ образомъ, происходятъ оттого, что они не правдивы. Для него правдивость есть абсолютная обязанность всѣхъ безъ исключенія. Въ написанномъ письмѣ, въ іюнѣ 1871 года, къ г-жѣ де Комба, задолго до того, какъ онъ взялъ дочь, онъ выражается, что ложь есть подлость ума и сердца—lâcheté de coeur et d'esprit». Любопытно знать, у какого источника, когда успѣлъ развить въ себѣ г. Кронебергъ такое тонкое и нѣжное чувство правды? Тогда ли, когда, клонимый, какъ выражается о немъ г. Спасовичъ, къ браку и встрѣчая препятствія къ этому со стороны отца, онъ *скрытно* отъ отца бросался въ объятія женщинъ? Тогда ли, когда скрывалъ отъ отца и семьи своей узаконеннаго имъ ребенка, имѣвшаго, однако, право на долю въ семейномъ наслѣдствѣ? Или, наконецъ, тогда, когда по порученію отца, сталъ у желѣзнодорожныхъ дѣлъ привислянской желѣзной дороги? Согласитесь, что, если ложь дѣйствительно такъ ненавистна г. Кронебергу, какъ это расписываетъ г. Спасовичъ, то трудно представить, какимъ образомъ г. Кронебергъ могъ —нисколько не смущаясь—стоять постоянно въ ложномъ положеніи по отношенію къ своему отцу и семьѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выходить изъ себя и бѣсноваться, когда его собственное дитя-малютка, дѣйствующее несамостоятельно, по влеченію животныхъ инстинктовъ, допускало случайно какую-нибудь ложь въ своихъ рѣчахъ или поступкахъ.

Кстати здѣсь упомянуть о нелишенномъ, какъ мнѣ кажется, основанія соображеніи фельетониста «Новаго Времени» о знаменитомъ французскомъ изреченіи г. Кронеберга, что ложь — lâcheté de coeur et d'esprit. Изреченіе это произнесено г. Кронебергомъ въ іюнѣ 1871 году, а дѣвочка родилась въ 1868 году. Дѣвочкѣ было тогда всего два года—третій, когда, слѣдовательно, вовсе не могло возникнуть вопроса о ея лжи или испорченности. Если же г. Кронебергъ записалъ эту фразу, подобно Іисусу сыну Сирахову, какъ общую моральную истину, безотносительно къ тѣмъ или другимъ качествамъ своей малютки-дочери, то, вѣдь, это такая прописная фраза, о которой и упоминать не стоило. Нѣтъ, вѣроятно, такого человѣка, не исключая даже и Хлестакова, который бы не произносилъ ея много разъ въ своей жизни, въ тѣ моменты, когда находило на него моральное настроеніе.

Наши желѣзныя дороги день ото-дня дѣлаются болѣе и болѣе невозможными. Отправляющійся по этимъ дорогамъ ни въ чемъ не гарантированъ. Объ удобствахъ, конечно, и говорить нечего: на счетъ удобства пассажиръ долженъ быть ко всему готовъ: лѣтомъ нынѣ какъ-то писали даже, что на одной — не помню какой уже дорогѣ—блохи такъ доняли пассажировъ перваго класса, что они искали спасенія въ третьемъ!? Вотъ до чего доходитъ дѣло! Но при этомъ и безопасности нѣтъ никакой. Никто, отправляясь въ путь, не можетъ быть увѣренъ, что его не побьютъ, не высадятъ гдѣ-нибудь на дорогѣ, не заморозятъ, не уморятъ голодомъ, не обокрадутъ, не лишатъ жизни и т. д. и т. д. Каждый почти день помѣщаются въ газетахъ корреспонденціи о безчисленныхъ злостраданіяхъ и несчастіяхъ, претерпѣваемыхъ пассажирами на разныхъ желѣзныхъ дорогахъ. И никто на это не обращаетъ никакого вниманія. По крайней мѣрѣ, не бываетъ никакихъ извѣстій отъ подлежащаго начальства, что по такому-то заявленію сдѣланы такія-то взысканія или распоряженія, что для предупрежденія такихъ-то случаевъ приняты такія-то общія мѣры.

Мало того: до сихъ поръ не существуетъ никакихъ правилъ, которыя бы опредѣляли права пассажировъ и ихъ отношенія къ чинамъ желѣзно-дорожнаго и жандармскаго управленія. Вступая на желѣзную дорогу, пассажиръ дѣлается какъ бы лишеннымъ правъ состоянія, поступаетъ въ полную волю двухъ этихъ управленій и трактуется ими въ родѣ тѣхъ невольниковъ, которые изъ Африки перевозились къ южно-американскимъ плантаторамъ. Ни честь пассажира, ни имущество, ни здоровье, ни самая жизнь— ничто здѣсь не обезпечено отъ произвола или совершенной случайности.

Пріѣзжаетъ, напримѣръ, на одну станцію пассажирскій поѣздъ. Одинъ изъ служащихъ усматриваетъ, что въ одномъ изъ вагоновъ сидитъ его жена, и обращается къ начальнику станціи съ просьбою высадить его жену. Начальникъ станціи преспокойно беретъ жандарма, идетъ въ вагонъ и высаживаетъ изъ вагона женщину, несмотря на ея сопротивленіе и совершенное нежеланіе видѣться и быть вмѣстѣ со своимъ супругомъ.

Что сдѣлано по этому случаю начальствомъ и сдѣлано ли что-нибудь — публикѣ ничего неизвѣстно. Происшествіе, сколько помнится, было нынѣшней осенью на варшавской желѣзной дорогѣ. На этой же дорогѣ недавно, какъ извѣстно всѣмъ, жандармскій офицеръ, съ своею командою, вынесъ изъ вагона на рукахъ г. фон-Дервиза. Фон-Дервизъ—уже по одному имени своего ницскаго брата—такая крупная въ желѣзно-дорожномъ мірѣ личность, что вынутіе его изъ вагона произвело общій шумъ. На сей разъ правленіе желѣзной дороги не могло не заявить о своемъ существованіи и оно дало отвѣтъ, но—Боже мой, какой отвѣтъ! Видите ли—сѣлъ, говоритъ, г. фон-Дервизъ въ Варшавѣ въ дамское отдѣленіе вагона и, такъ какъ отъ Варшавы до Вильна дамъ не было, то и сидѣлъ онъ въ немъ спокойно; но въ Вильнѣ явились дамы, и отдѣленіе, занимаемое г. фон-Дервизомъ, понадобилось для нихъ, потому его и просили *честью* выйдти изъ вагона, но онъ не пошелъ... Ну, тогда, натурально, жандармскій офицеръ тоже *честью* (безъ всякаго боя и тѣлесныхъ поврежденій) совершилъ вынутіе его изъ вагона Но—прибавляетъ желѣзно-дорожное управленіе—въ этомъ вынутіи оно, управленіе, нисколько уже не повинно. Это жандармскій офицеръ вынулъ, а не оно.—Помилосердуйте, господа желѣзно-дорожное управленіе! Какъ вамъ не стыдно это писать? Какъ же вы не повинны? Развѣ жандармскій офицеръ для собственнаго удовольствія вынесъ г. фон-Дервиза изъ вагона? Развѣ онъ могъ бы, осмѣлился бы это сдѣлать, еслибы къ нему не предъявило требованія начальство дороги? Я полагаю, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ уголовнаго преступленія, жандармскій офицеръ есть лицо только исполнительное и не можетъ сдѣлать ничего безъ желанія или согласія начальства дороги. Затѣмъ, если начальство дороги посадило г. фон-Дервиза въ дамское отдѣленіе, то какое оно имѣло право извлекать его оттуда?—Что-нибудь одно: или не сади пассажира въ отдѣленіе, имѣющее особое назначеніе, или, если находишь выгоднымъ для себя въ данномъ поѣздѣ измѣнить это особое назначеніе и садишь сюда обыкновеннаго пассажира, то не трогай его до мѣста его отправленія. Дамы могли явиться не въ Вильнѣ только, а на второй, на третьей и т. д. станціи отъ Варшавы. Нельзя же пассажира на каждой станціи перекидывать изъ вагона въ вагонъ, какъ какой нибудь куль. Но въ томъ-то и дѣло, что начальства желѣзныхъ дорогъ никогда не смотрятъ иначе на пассажировъ, какъ на кули, которые можно, по произволу, перебрасывать изъ вагона въ вагонъ хоть на каждой станціи. Такъ обыкновенно это и дѣлается. И не только пассажиры третьяго, но и второго и даже перваго класса, въ виду неизвѣстности своихъ правъ по отношенію къ начальству желѣзной дороги или, правильнѣе сказать, въ виду отсутствія всякихъ правъ, въ виду скандала, который, въ случаѣ пререканія, можетъ учинить надъ ними всякій начальникъ желѣзной дороги, въ виду украшающихъ каждую станцію жандармовъ, безпрекословно исполняютъ всякія произвольныя требованія начальства желѣзныхъ дорогъ—мало того: нерѣдко, въ виду самаго возмутительнаго насилія и звѣрства начальства желѣзной дороги по отношенію къ кому нибудь изъ пассажировъ, только жмутся другъ къ другу, какъ овцы, но не смѣютъ проронить ни слова въ ихъ защиту. Назадъ тому два года, ѣхавши по той же варшавской желѣзной дорогѣ заграницу, я былъ свидѣтелемъ такого варварскаго поступка со стороны начальника одной изъ станцій, что, случись это заграницей, гдѣ угодно—въ Германіи, Австріи, Франціи—я увѣренъ—всѣ пассажиры поѣзда повыскакали бы изъ своихъ вагоновъ, какъ одинъ человѣкъ, и немедленно обуздали бы начальника станціи, а что этотъ начальникъ былъ бы потомъ съ позоромъ выгнанъ изъ службы—объ этомъ и говорить нѣчего; у насъ же ни одинъ человѣкъ въ цѣломъ поѣздѣ не сказалъ ни слова противъ самаго наглаго самоуправства. Признаюсь откровенно, что въ числѣ этихъ забитыхъ съ дѣтства россійскихъ овецъ былъ и я, и потомъ, когда по отъѣздѣ со станціи я опомнился, какую гнусную вещь мы допустили совершить на нашихъ глазахъ, я чувствовалъ себя нѣсколько часовъ опозореннымъ самымъ жалкимъ образомъ.

Дѣло было вотъ какъ. Пріѣхали мы на станцію; послѣ перваго звонка, одна изъ пассажирокъ второго класса, старая-престарая еврейка, отправилась за нѣкоторой нуждой. Пробилъ второй звонокъ. Всѣ стали усаживаться въ вагоны; пока усаживались—пробилъ третій; вмѣстѣ съ нимъ явилась и старуха; двери вагоновъ еще не были заперты, и она свободно входила въ свой

вагонъ, какъ вдругъ въ это время явился начальникъ станціи и вытаскиваетъ уже ее изъ дверокъ вагона—вытаскиваетъ за то, что она явилась поздно!! Вытаскиваетъ, дверцы вагона захлопываетъ—и поѣздъ отправляется. Въ вагонѣ, гдѣ сидѣла старуха-еврейка, гдѣ былъ и я и въ которомъ находилось много евреевъ, начался шумъ, гвалтъ съ отходомъ поѣзда. Оказалось, что еврейка—очень богатая женщина—ѣхала не одна; съ ней ѣхалъ ея братъ, сѣдой старикъ. Всѣ деньги, всѣ вещи были у него—съ еврейкой не было ничего. Въ чемъ она вышла изъ вагона, въ томъ и осталась на станціи. Братъ долженъ былъ не только вылѣзть на слѣдующей станціи и остаться, но и ѣхать немедленно на лошадяхъ назадъ на станцію, гдѣ осталась сестра, чтобы не оставить ея безпомощной. Вотъ какія звѣрства, безъ всякой нужды, совершаются на нашихъ лучшихъ желѣзныхъ дорогахъ! Заграницей, гдѣ угодно, на любомъ курьерѣ и шнелль-цугѣ будутъ ждать одну, даже двѣ минуты послѣ третьяго звонка случайно опоздавшаго пассажира—и никогда не бросятъ. У насъ пассажира, сѣвшаго уже въ вагонъ, вытаскиваютъ изъ вагона на обыкновенномъ пассажирскомъ поѣздѣ потому только, что онъ явился не до третьяго звонка. Однимъ словомъ, только человѣкъ, занимающій какой-нибудь значительный государственный постъ или имѣющій хорошую протекцію, гарантированъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ отъ оскорбленій. Болѣе рѣшительно никто. Съ каждымъ пассажиромъ не только каждый начальникъ станціи, но каждый обер-кондукторъ, даже кондукторъ распоряжается, какъ съ принадлежащею ему вещью.

Обращаюсь теперь къ воровству на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Въ сентябрьскомъ моемъ обозрѣніи я писалъ, что правленіе петербургско-варшавской желѣзной дороги устанавливаетъ произвольный курсъ на талеръ по чисто личному усмотрѣнію и, такимъ образомъ, собираетъ съ каждаго отправляющагося за границу пассажира дикую пошлину. Сумма набираемыхъ такимъ образомъ излишнихъ денегъ у правленія петербургско-варшавской дороги должна быть громадная. На это ни правленіе петербургско-варшавской желѣзной дороги, ни наблюдающее надъ нимъ начальство не дали никакого отвѣта. Я желалъ бы, однакожъ, знать: правъ я или не правъ? Если то, о чемъ я извѣщалъ, есть злоупотребленіе, то его надобно было немедленно прекратить; если же это—не злоупотребленіе, а совершается въ силу закона, никому, однакожъ, до сихъ поръ неизвѣстнаго, то надобно объявить во всеобщее свѣдѣніе, что, дескать, правленіе петербургско-варшавской желѣзной дороги установляетъ произвольный курсъ съ пассажировъ въ силу такого-то закона. Тогда же писалъ я, что управленіе сестрорѣцкой желѣзной дороги присвоило себѣ монополію выгрузки провозимыхъ ею товаровъ, назначивъ за выгрузку каждаго вагона безобразную и произвольную цѣну въ 1 р. 50 к. серебромъ, причемъ, въ дѣйствительности, товаровъ не выгружаетъ, а деньги взимаетъ, а если и выгружаетъ, то за поломку и поврежденіе вещей нанятыми имъ неискусными рабочими никакой отвѣтственности на себя не принимаетъ. И на это опять никакого заявленія не послѣдовало ни съ чьей стороны. Въ газетахъ, въ прошедшемъ году, много также писали о кражахъ въ сундукахъ и чемоданахъ, сдаваемыхъ въ багажъ. Пріѣзжая на мѣсто, пассажиръ получалъ изъ багажа свой сундукъ или чемоданъ, по наружности въ совершенной исправности. Но потомъ, когда привозилъ ихъ въ гостинницу или домой и отпиралъ, не находилъ тамъ лучшихъ вещей изъ платья, бѣлья и т. п. Подобныя же расхищенія, и гораздо въ большихъ, конечно, размѣрахъ, производятся въ отправляемыхъ по желѣзнымъ дорогамъ товарахъ. Желѣзнодорожныя управленія ничего не имѣютъ или не хотятъ хранить, какъ слѣдуетъ, и ни за что не отвѣчаютъ—и никакого суда на нихъ не найдешь. «Знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ, отвѣчаютъ они обворованному пассажиру:—вы получили все въ томъ видѣ, какъ было сдано вами, и дѣло съ концомъ».

Еще болѣе, можетъ быть, убытковъ, чѣмъ эти тайныя расхищенія багажа и товаровъ, причиняетъ долговременное неотправленіе товаровъ по назначенію, а, по временамъ, небрежное отправленіе ихъ не въ то мѣсто, куда они должны слѣдовать. Товароотправитель привозитъ на станцію товаръ, который, можетъ быть, подъ страхомъ большой неустойки, онъ обязанъ отправить въ срокъ, и проситъ отправить его немедленно. Ему говорятъ: вагоновъ нѣтъ. Иногда вагоновъ и дѣйствительно нѣтъ. Количество подвижного состава на большей части дорогъ у насъ очень недостаточно. Но вѣдь, въ сущности, это нисколько не можетъ служить ни оправданіемъ, ни даже извиненіемъ для управленій дорогъ. Кто получилъ монополію на провозъ грузовъ по извѣстному направленію и на извѣстномъ разстояніи, кому дали эту монополію, единственно на томъ условіи, чтобы онъ вполнѣ удовлетворилъ потребности всѣхъ товароотправителей, тотъ не имѣетъ права даже заикаться о томъ, что у него нѣтъ вагоновъ. Нѣтъ вагоновъ—ну, значитъ, и разговаривать нечего: плати товароотправителямъ вознагражденіе за все то время, которое простоитъ товаръ на станціи за недостаткомъ вагоновъ, плати также всѣ тѣ неустойки, которыми они обязались передъ третьими лицами на случай несвоевременной доставки товара. Такъ бы оно должно было быть по здравому смыслу и по точному смыслу закона. У насъ дѣло стоитъ совсѣмъ не такъ. Желѣзно-дорожныя управленія дѣлаютъ съ товароотправителями что имъ вздумается, отправляютъ товаръ когда захотятъ и сколько захотятъ, иногда вовсе не принимаютъ товара для отправки (обо всемъ этомъ читатель про-

чтетъ ниже подробно, въ приведенной нами корреспонденціи) и за все это ни передъ кѣмъ и ничѣмъ не отвѣчаютъ. Просто не житье, а лафа желѣзно-дорожнымъ управленіямъ. Вотъ еще недавно, отъ 24-го января, пишутъ изъ Царицына въ «Голосъ», что въ городѣ лежитъ неотправленной съ 18-го декабря мерзлой и частію соленой рыбы до полутора милліона пудовъ. «Не только вся платформа, но и весь товарный дворъ желѣзно дорожной станціи и весь спускъ къ нему—все завалено рыбой, которая такъ и лежитъ безъ движенія. Дорога не выдаетъ отправителямъ квитанціи на принятый товаръ и тѣмъ заставляетъ ихъ лично ждать отправки ихъ груза, которая можетъ совершиться развѣ въ мартѣ. Всѣ отправители въ отчаяніи, и многіе побросали свой товаръ. Убытки милліонные, и жалобы въ министерство отправляются каждый день». Корреспондентъ прибавляетъ, что «причина застоя здѣсь—снѣжные заносы», т. е., нѣкоторымъ образомъ, воля Божія. Но эту причину мы можемъ признать, какъ увидитъ читатель ниже, только нѣкоторымъ образомъ. Главная же причина и здѣсь, вѣроятно—недостатокъ вагоновъ. Впрочемъ, какъ кажется, и недостатокъ вагоновъ у насъ долженъ быть причисленъ также къ волѣ Божьей? Ибо едва ли есть у насъ такая желѣзная дорога, которая имѣла бы достаточное количество вагоновъ. Кромѣ того, вошло въ обычай, что, въ случаѣ недостатка вагоновъ, управленія желѣзныхъ дорогъ считаютъ себя необязанными отвѣчать ни за что передъ отправителями, точно какъ будто недостатокъ вагоновъ есть нѣчто, отъ нихъ не зависящее, въ родѣ снѣжныхъ заносовъ, наводненія, землетрясенія и т. п. Также точно, повидимому, смотритъ на это и публика, и начальство. По крайней мѣрѣ, по газетамъ извѣстно, что изъ нѣкоторыхъ городовъ отправлялись цѣлыя депутаціи, чтобы просить объ увеличеніи числа вагоновъ на нѣкоторыхъ дорогахъ. Этого одного, повидимому, за глаза было довольно, чтобы поднять общій вопросъ о подвижномъ составѣ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ и настоять на томъ, чтобы каждое желѣзно-дорожное общество, въ назначенный срокъ, завело такое количество вагоновъ, которое вполнѣ удовлетворяло бы потребностямъ дороги. Ничего, однакожъ, этого не случилось.

Впрочемъ, не одинъ только недостатокъ вагоновъ служитъ препятствіемъ къ правильному товарному движенію на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Еще болѣе вреда въ этомъ отношеніи приноситъ отсутствіе всякихъ точныхъ и опредѣленныхъ правилъ для товароотправленія, отсутствіе всякаго навсегда установленнаго порядка, который былъ бы обязателенъ для управленій желѣзныхъ дорогъ и могъ бы гарантировать для товароотправителей исправную и благовременную отправку товаровъ. Здѣсь все случайно; царитъ полный хаосъ и произволъ. Чтобы читатель осязательно почувствовалъ тѣ безобразія, которыя существуютъ по товароотправленію на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, мы сдѣлаемъ здѣсь извлеченіе изъ недавней, очень замѣчательной корреспонденціи съ кіево-брестской желѣзной дороги («Голосъ», № 23), писанной человѣкомъ, повидимому, близко знакомымъ съ этимъ дѣломъ.

«Въ прежнее время, говоритъ онъ:—когда товары перевозились извощиками, извощики охотно обязывались доставлять ихъ на срокъ; брали они за это дороже, но грузъ доставляли въ срокъ. Теперь же, при существованіи желѣзныхъ дорогъ, доставка на срокъ грузовъ составляетъ часто дѣло совершенно немыслимое. Еще если товаръ отправляется на станцію, находящуюся на той же дорогѣ, гдѣ и станція отправленія, тогда какъ-нибудь тюкъ попадетъ въ одинъ изъ первыхъ отходящихъ, послѣ сдачи его, поѣздовъ, и, слѣдовательно, скоро достигнетъ мѣста назначенія, но, если, къ несчастью, въ пути случается перегрузка, т. е. передача товара на другую дорогу, какъ это въ большей части случаевъ и бываетъ, тогда грузъ останется въ пути столько времени, что средняя скорость его движенія составитъ иногда не болѣе 20-ти верстъ въ сутки. Это—фактъ. Вотъ вамъ и усовершенствованные пути сообщенія!

«Мало пользы приноситъ и отправка товара по «большой скорости». Еслибъ провѣрить книги нашихъ желѣзно дорожныхъ управленій, то едва ли много найдется въ нихъ случаевъ доставленія посылокъ большой скорости на срокъ, для этой скорости опредѣленный. Сверхъ того, эта такъ-называемая большая скорость стоитъ крайне дорого: за нее взимаютъ $^1/_6$ коп. съ пуда и версты, а на нѣкоторыхъ дорогахъ, какъ, напримѣръ, на кіево-брестской, требуютъ уплаты за полные три пуда, хотя бы, въ дѣйствительности, отправлялось меньше. Такимъ образомъ, отправляя съ большою скоростью изъ Кіева въ Брестъ посылку въ одинъ пудъ, надо заплатить за 608 верстъ 3 руб. 4 коп., и посылка дойдетъ по назначенію сутокъ черезъ трое; между тѣмъ, за отправку той же посылки по почтѣ платится всего 2 руб. 40 коп (6 коп. съ фунта), и она достигнетъ мѣста назначенія въ 20 часовъ.

«Но этого мало. Вы являетесь на станцію желѣзной дороги сдать грузъ для отправки на какую-нибудь другую дорогу. Тутъ вы не скоро добьетесь толку. Вамъ отвѣтятъ: «наша дорога не находится въ прямомъ сообщеніи съ тою дорогой, куда отправляется грузъ» или: «хотя прямое сообщеніе и существуетъ, но не съ тою станціей, куда посылку слѣдуетъ доставить». Если, наконецъ, со стороны прямого сообщенія нѣтъ препятствій, то начинаются другого рода возраженія и придирки: «вашъ грузъ не такъ-де упакованъ, какъ слѣдуетъ, укупорка не прочна (хотя бы онъ былъ задѣланъ въ желѣзо)»; требуется отъ васъ такъ-называемая «подписка обезпеченія» въ томъ, что вы не будете прости-

рать претензіи, если вашу посылку совсѣмъ размозжатъ въ дорогѣ, такъ какъ все это относится къ «непрочности укупорки»; то опять: «вашего груза нельзя застраховать», а, между тѣмъ, въ случаѣ пропажи, составляющей, какъ извѣстно, далеко не рѣдкость, вамъ выдадутъ всего пять рублей за пудъ, хотя бы дѣйствительная стоимость пуда товара составляла и тысячу рублей. Вы не знаете, что дѣлать, на что рѣшиться, какъ тутъ подвертывается всеобщій въ подобныхъ случаяхъ утѣшитель и помощникъ—еврей. «О чемъ вы хлопочете?» спрашиваетъ онъ. Вы сообщаете, въ чемъ дѣло. «Ну, я вамъ дѣло устрою», утѣшаетъ еврей: «я—агентъ транспортной компаніи «Двигатель» и отправлю вашъ грузъ куда вы пожелаете». Вы хватаетесь за этого благодѣтеля, и грузъ дѣйствительно отправляется, но за двойную, если не больше, противъ тарифа желѣзныхъ дорогъ плату, причемъ медленность доставки дѣлается чуть ли еще не больше, потому что компанія «Двигатель» съ своими отправителями не церемонится.

«Въ назиданіе всѣмъ отправителямъ, обращающимся къ агентамъ «Двигателя», я приведу слѣдующіе три примѣра изъ разныхъ мѣстъ. Посылка, сданная агенту «Двигателя» въ Симферополѣ въ половинѣ октября 1875 года, доставлена въ Петербургъ только 18-го или 20-го ноября, что составляетъ скорость движенія по желѣзнымъ дорогамъ около 56-ти верстъ въ сутки. Другая посылка сдана была въ контору «Двигателя» въ Петербургѣ, въ Большой Морской, около 20-го ноября прошлаго года, для отправки на станцію кіево-брестской желѣзной дороги Попельня (разстояніе 1,530 верстъ) и не была еще туда доставлена 3-го января; не знаю, получена ли она тамъ теперь. Наконецъ, третья посылка, вѣсомъ въ 68 фунтовъ, сдана въ ту же контору въ Петербургѣ 19-го декабря, для доставки съ пассажирскимъ поѣздомъ въ Ровно (тоже кіево-брестской желѣзной дороги; разстояніе отъ Петербурга 1,259 верстъ), за что контора взыскала, какъ за полные два пуда, 8 р. 20 к.; пассажирскій поѣздъ идетъ изъ Петербурга въ Ровно 45 часовъ, а посылка выдана въ Ровнѣ получателю только 29-го декабря, т. е. ровно чрезъ десять дней послѣ отправленія. Все это, въ случаѣ надобности, я могу подтвердить документами.

«Какимъ образомъ достигнуть срочнаго и скораго доставленія товаровъ, если даже грузы, отправляемые съ пассажирскими поѣздами за непомѣрно дорогую плату, проходятъ всего 126 верстъ въ сутки, и возможна ли, при такихъ условіяхъ, правильная торговля, напримѣръ, если купецъ ожидаетъ товаровъ къ ярмаркѣ, празднику, большому съѣзду и т. п., а получитъ ихъ мѣсяцомъ позже, или, если товары, подлежащіе скорой порчѣ, напримѣръ, свѣжіе фрукты или другіе съѣстные припасы, пробудутъ въ дорогѣ лишній мѣсяцъ? Разъ вагоны съ виноградомъ, отправленные изъ Крыма въ Харьковъ и Москву, простояли въ Лозовой (пунктъ соединенія курско-харьково-азовской и лозово-севастопольской дорогъ) болѣе недѣли, такъ что, наконецъ, изъ вагоновъ пошолъ виноградный сокъ. Въ 1874 году, сдѣлана была попытка отправлять крымскій виноградъ въ Варшаву. Занявшійся этимъ дѣломъ торговецъ сообразилъ, что виноградъ стоитъ въ Варшавѣ 8 рублей, а въ Крыму только 2 руб. за пудъ; доставка обойдется не дороже двухъ рублей съ пуда; слѣдовательно, барышъ, приблизительно, составитъ рубль на рубль. Разсчетъ былъ вѣренъ, но не была принята въ соображеніе исправность желѣзныхъ дорогъ и русскаго общества пароходства и торговли: виноградъ, пробывъ въ дорогѣ семь недѣль, сгнилъ совершенно, и торговецъ лишился всего употребленнаго на эту операцію капитала. Подобныхъ примѣровъ на разныхъ желѣзныхъ дорогахъ можно привести сотни».

Понятно, что, при томъ хаосѣ и произволѣ, которые господствуютъ по товароотправленію на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, здѣсь неминуемо должно быть множество вопіющихъ злоупотребленій. Говорятъ, напримѣръ, что на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ товары не отправляются вовремя, гніютъ на станціяхъ иногда безъ всякихъ предлоговъ, просто по притѣсненію. Есть и вагоновъ достаточное число, и упаковка признается годною, однимъ словомъ, все въ исправности, но товаръ всетаки не отправляется во-время. Все дѣло зависитъ отъ того: успѣетъ ли товароотправитель понравиться агентурѣ по отправкѣ товаровъ, или нѣтъ? Если понравится, то вагоны найдутся и товаръ пойдетъ въ срокъ; не понравится—товаръ будетъ гнить на станціи, хотя бы и были вагоны. Объ этихъ злоупотребленіяхъ слухи давно уже ходятъ. И очень жаль, что ничего противъ нихъ не предпринимается или, по крайней мѣрѣ, не дается знать объ этомъ публикѣ. Желѣзныя дороги не могутъ идти въ сравненіе ни съ какими другими дѣлами; по другимъ дѣламъ можно до времени хранить таинственное молчаніе, можно дѣлать распоряженія негласно. Желѣзныя дороги—совсѣмъ другое дѣло. Это—пульсъ ежедневной экономической жизни народа. У насъ теперь ихъ считается около 20,000 верстъ. Каждый день приливаютъ сюда милліоны капиталовъ, которые требуютъ безопасности, порядка, точности въ своемъ движеніи. Все, что дѣлается для этого дѣла, должно дѣлаться публично; въ виду всѣхъ. Отъ такой или другой дѣятельности въ этомъ направленіи, отъ такого или другого взгляда публики на дѣятельность и способность въ этомъ случаѣ надлежащаго начальства можетъ увеличиваться и уменьшаться біеніе этого экономическаго пульса страны.

Наконецъ, самое главное и ужасное зло нашихъ желѣзныхъ дорогъ состоитъ въ томъ, что мы, выражаясь словами покойнаго Добролюбова, никакъ не можетъ выбить *духа* и *свободы* изъ на-

шихъ желѣзно-дорожныхъ машинъ, никакъ не можемъ пріучить ихъ къ тому, чтобы онѣ, подобно нѣмецкимъ, *не свертывали съ колеи рутинной*. Болѣе пятнадцати лѣтъ прошло съ того времени, какъ написано извѣстное стихотвореніе Добролюбова: «*Въ прусскомъ вагонѣ*», которое почиталось тогда каррикатурой, а теперь всѣ убѣдились самымъ несомнѣннымъ образомъ, что это — ни чуть не каррикатура, что, дѣйствительно,

Не пойдетъ нашъ поѣздъ,
Какъ пойдетъ нѣмецкой:
То соскочитъ съ рельсовъ
Съ силой молодецкой;

То обвалитъ насыпь,
То мостокъ продавитъ,
То на встрѣчный поѣздъ
Ухарски направитъ.

То пойдетъ потише,
Опоздаетъ вволю,
За мятелью станетъ
Сутки трое въ полѣ.

А иной разъ просто
Часика четыре
Подождетъ особу,
Сильную въ семъ мірѣ.

Нынѣшняя зима съ особенною очевидностію показала всѣмъ, какимъ вольнымъ духомъ оживлены наши машины. Зима была очень снѣжная. Сильные снѣжные заносы были вездѣ, въ особенности, на югѣ и юго-востокѣ Россіи, на дорогахъ курско-харьковско-азовской, воронежско-ростовской и грязе-царицынской. Машины рѣшительно отказывались двигаться по занесеннымъ снѣгомъ рельсамъ, останавливались и не хотѣли трогаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно очищенъ снѣгъ. Желѣзно-дорожныя управленія, съ своей стороны, на такой отказъ машинъ двигаться по занесеннымъ снѣгомъ рельсамъ взглянули, какъ на стачку, не хотѣли бросать денегъ на расчистку дорогъ въ угоду машинамъ и требовали, чтобы послѣднія шли и по снѣгу, который посланъ Богомъ. Но машины упорствовали и стояли тамъ, гдѣ онѣ остановились. По мѣрѣ увеличенія снѣжныхъ заносовъ, ожесточеніе съ той и другой стороны, т. е. со стороны машинъ и желѣзно-дорожныхъ управленій другъ противъ друга, увеличивалось: ни тѣ, ни другія не хотѣли уступить, желая, каждый, во что бы то ни стало поставить на своемъ. Благодаря этой борьбѣ, по словамъ «Донской Газеты», одинъ путникъ ѣхалъ по желѣзной дорогѣ отъ Царицына до Новочеркаска 26 дней!! Та же газета разсказываетъ, что остроумные начальники станцій на владикавказской желѣзной дорогѣ стали отправлять поѣздъ за поѣздомъ—хотя и знали очень хорошо, что на дорогѣ существуютъ страшные заносы и что прежде отправленные ими поѣзды засѣли въ этихъ заносахъ. Дѣлали это они, я полагаю, не съ иною какою цѣлію, какъ съ тою, чтобы образумить и устыдить засѣвшія въ снѣгу машины и заставить ихъ двинуться въ путь. Но машины упорно стояли на мѣстѣ. Вслѣдствіе этого, вышло то, что «четвертый поѣздъ, на девятый день, нагналъ первый, въ который послѣ сплотилъ пассажировъ изъ трехъ поѣздовъ. Въ третьемъ классѣ не было возможности не только сидѣть, но даже выйдти изъ вагона. Дрова и уголь вышли, по чему пассажиры оборвали всю драпировку въ вагонахъ 1-го и 2-го классовъ, кололи дерево и топили печи, обогрѣвая себя. Хлѣбъ весь вышелъ, большинство голодало болѣе двухъ дней. Булка продавалась, если была, дороже рубля. Раздраженные этимъ пассажиры на двухъ станціяхъ избили начальниковъ. Рабочіе изъ сосѣднихъ селеній не идутъ на работы послѣ плохого съ ними разсчета, да притомъ же въ кассахъ станцій денегъ ни копейки. Послѣ 10-дневнаго голодованія и странствованія, поѣздъ достигъ до Батайской станціи, куда изъ Ростова было высланно болѣе 100 подводъ, и пассажиры добрались до Ростова на лошадяхъ». Другой поѣздъ шелъ пять дней, и пассажиры сидѣли въ степи двое сутокъ. Рабочаго люда въ третьемъ классѣ было много, но не чѣмъ и не за что было взяться за работу. Встрѣчались иногда и такіе благоразумные пассажиры, которые знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло: они знали, конечно, что вольнодумныя машины не тронутся съ мѣста, если не разсчистить снѣга, но знали также, что имъ въ своемъ упорствѣ не уступятъ и желѣзно-дорожныя начальства и снѣга разчищать не будутъ, потому благоразумно принимались за разчистку снѣга на свой счетъ. Такъ, «Азовскій Вѣстникъ» сообщаетъ, что «на станціи Армавиръ, пассажиры, прождавъ понапрасну двое сутокъ, сами наняли 60 рабочихъ изъ новобранцевъ, ѣхавшихъ въ Петербургъ, купили имъ на свой счетъ лопаты, взяли съ собою буфетъ и, только благодаря такой самопомощи, добрались до Ростова».

Я передалъ лишь нѣсколько недавнихъ и выдающихся фактовъ злострадапій отъ снѣжныхъ заносовъ. Но еслибъ я захотѣлъ перечислять всѣ ихъ, я исписалъ бы цѣлый печатный листъ, если не болѣе. Такъ ихъ было много. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ, останавливалось совсѣмъ товарное и пассажирское движеніе. Конечно, снѣжные заносы, такъ сказать — власть Господня, и совершенно избавиться отъ нихъ никакое желѣзно-дорожное начальство не можетъ. Но, еслибы желѣзно-дорожное начальство, въ виду заносовъ, имѣло въ запасѣ достаточное количество рабочихъ для очистки снѣга, даже еслибы оно только исправно платило деньги жителямъ окрестныхъ мѣстъ за очистку снѣга, а не обманывало ихъ, какъ то неоднократно случалось, не платя имъ вовсе ничего или платя только половину, то, конечно, вмѣсто 10 дней, какъ теперь, поѣзды сидѣли бы въ снѣгу много-много 10, а можетъ быть и менѣе часовъ; а просидѣть 10 дней въ снѣгу или 10 часовъ — большая разница. Потому, мнѣ кажется, справед-

ливость требовала бы всѣ случаи сидѣнія поѣздовъ въ снѣжныхъ заносахъ точно изслѣдовать и разузнать: принимало ли начальство желѣзной дороги всѣ должныя мѣры для того, чтобы освободить пассажировъ изъ подъ снѣгу, или нѣтъ? Если нѣтъ, то непремѣнно слѣдовало бы виновныхъ оштрафовать *чувствительно*, дабы чинить подобныя вещи и впредь никому было неповадно. Тутъ церемониться нечего, а надобно поступать также основательно, какъ это дѣлается въ Америкѣ; иначе наши поѣзды будутъ по цѣлымъ мѣсяцамъ кочевать зимою въ поляхъ, занесенныхъ снѣгомъ. А какъ поступаютъ съ желѣзнодорожными управленіями въ подобныхъ случаяхъ въ Америкѣ—это можно видѣть изъ слѣдующаго случая, бывшаго въ Филадельфіи, о которомъ недавно сообщали «Петербургскія Вѣдомости». «Нѣкая Элиза Бензонъ подала искъ на общество филадельфійско-ридинской желѣзной дороги, требуя вознагражденія за то, что, въ мартѣ прошлаго года, поѣздъ означенной линіи, помимо ея воли, повезъ ее далѣе того мѣста, въ которое она хотѣла отправиться; вслѣдствіе чего, она простудилась и совершенно разстроила свое здоровье. Судъ призналъ основательность иска и приговорилъ желѣзно дорожное общество къ уплатѣ истицѣ 4250 долларовъ».

А, впрочемъ, и то сказать: зачѣмъ и мы всѣ заботы о нашемъ благополучіи на желѣзныхъ дорогахъ хотимъ свалить на администрацію? У насъ есть такъ же суды, какъ и въ Америкѣ. Отчего пассажиры, такъ или иначе потерпѣвшіе на желѣзныхъ дорогахъ, не обращаются въ судъ съ своими исками и жалобами на желѣзно-дорожное начальство? Я полагаю, что каждый пассажиръ, просидѣвшій по винѣ желѣзно-дорожнаго начальства въ полѣ то или другое число дней, имѣетъ право требовать съ него за все это время вознагражденіе, равное тому, какое онъ получилъ бы, занимаясь своимъ дѣломъ—вообще, всѣхъ тѣхъ убытковъ, какіе онъ понесъ отъ задержанія его на пути болѣе узаконеннаго времени. Подобные иски и жалобы, еслибы всѣ потерпѣвшіе пассажиры вели ихъ неупустительно и настоятельно, навѣрное, заставили бы желѣзно-дорожныя начальства быть внимательнѣе къ своему дѣлу.

Обращаюсь, наконецъ, къ самому главному и ужасному, хотя на нашихъ дорогахъ очень обыкновенному, злу—крушенію поѣздовъ. Частыя крушенія на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ происходятъ, главнымъ образомъ, отъ дурной ихъ постройки. Со времени передачи постройки желѣзныхъ дорогъ въ частныя руки и со времени перваго образца, даннаго для такихъ построекъ г. фонъ-Дервизомъ въ рязанско-козловской желѣзной дорогѣ, наши желѣзныя дороги строятся, такъ сказать, на живую нитку—лишь бы только сдать ихъ—и, чѣмъ далѣе, тѣмъ постройки производятся небрежнѣе. Полотно дороги, насыпи, мосты, рельсы, шпалы и т. д.—все это устроивается въ такомъ видѣ, что требуетъ постоянной починки или, точнѣе сказать, постояннаго, никогда неоканчивающагося продолженія постройки дороги. Чтобы сдѣлать такія дороги вполнѣ безопасными, правленія желѣзныхъ дорогъ должны были бы, дѣйствуя добросовѣство, весь чистый доходъ отъ эксплуатаціи, въ продолженіи многихъ лѣтъ, употреблять исключительно на перестройку дорогъ. Но само собою разумѣется, что на такую жертву не согласится ни одно акціонерное общество, и желѣзнодорожныя управленія не заботятся о фундаментальной поправкѣ дурно построенныхъ дорогъ, а дѣлаютъ кое-какія исправленія только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ѣзда становится уже рѣшительно невозможной. Оттого путникъ, отправляющійся по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, долженъ возлагать свое упованіе не на князи, не на сыны человѣческіе, строившіе дороги и управляющіе ими, а единственно на Бога. Не изломаются гнилыя шпалы при проѣздѣ того поѣзда, на которомъ онъ ѣдетъ, не согнутся дрянные рельсы, приготовленные патріотическимъ усердіемъ русскихъ желѣзнозаводчиковъ, не осыплются насыпи, не провалятся мосты, устроенные не менѣе патріотичными русскими инженерами—ну, и говори: слава Богу, ускочилъ, значитъ, по добру, по здорову! Но и за то благодари Бога, если гдѣ кое-что изломалось, провалилось, осыпалось, а ты отдѣлался только ушибомъ, но жизни не лишился, ни руки, ни ноги не сломалъ, вообще не искалѣченъ остался—и это хорошо. Наши дороги находятся вообще въ такомъ состояніи, что надобно всякому путнику всегда ко всему быть готовымъ. По поводу недавней катастрофы на одесской желѣзной дорогѣ одинъ корреспондентъ пишетъ въ «Биржу»: «отъ проѣзжавшихъ по одесской желѣзной дороги вы постоянно услышите, что еще странно, какъ катастрофы, въ родѣ недавней, не случаются чаще. Насыпь у станціи *Бирзулы* всегда грозила опасностью. Проѣзжая по ней черепашьимъ шагомъ, пассажиры постоянно могли на досугѣ наблюдать, какъ внизу насыпи копошились десятки возовъ и лошадей, подвозившихъ мусоръ и землю для укрѣпленія насыпи, вѣчно осыпавшейся и осѣдавшей. Дешевизна постройки, при безконечномъ ремонтѣ, обошлась строителямъ дороги дороже, чѣмъ еслибы они сразу сдѣлали чугунный или каменный мостъ».

Если имѣть въ виду тотъ надзоръ, который существуетъ у насъ надъ желѣзными дорогами, то становится непонятнымъ: какимъ образомъ все это дѣлается и даже можетъ дѣлаться? Извѣстно, что для пріема каждой вновь выстроенной дороги у насъ командируются инженеры нарочитой честности, что на всѣхъ дорогахъ имѣются для наблюденія за ихъ исправностію инспекторы, которые назначаются также изъ инженеровъ не менѣе нарочитой честности. И, несмотря на это, скверно построенныя дороги принимаются и нужныхъ исправленій на дорогахъ не дѣлается.

Этого мало: самое движеніе на этихъ дорогахъ, дурно построенныхъ и остающихся безъ всякаго призора, производится такимъ образомъ, какъ будто никакого ни начальства. ни порядка тутъ не существуетъ, и всякій низшій чинъ распоряжается всѣмъ и дѣйствуетъ какъ ему заблагоразсудится. Посмотрите: отъ какой страшной небрежности, отъ какой невѣроятной распущенности нижнихъ чиновъ происходитъ у насъ крушеніе поѣздовъ. Вотъ три факта крушенія самаго послѣдняго времени:

24-го декабря прошедшаго года, идетъ изъ Курска курьерскій поѣздъ № 2-й въ Москву. Передъ Орломъ, между станціями Михайловскою и Становымъ Колодцемъ, на 373 верстѣ отъ Москвы, пассажиры почувствовали такой страшный толчокъ, что попадали съ своихъ мѣстъ. «Объ обстоятельствѣ этомъ было заявлено въ Орлѣ по прибытіи сюда курьерскаго поѣзда, и говорятъ, что приняли «какія-то мѣры»; тѣмъ не менѣе, въ слѣдъ за этимъ былъ отправленъ изъ Станового Колодца товарный поѣздъ № 82-й. Подъѣзжая къ этому мѣсту и почувствовавъ страшный толчокъ на всемъ ходу поѣзда, помощникъ машиниста немедленно спрыгнулъ съ паровоза; послѣдствіемъ этого толчка было: паровозъ полетѣлъ подъ откосъ, одиннадцать вагоновъ разбились въ дребезги и образовали груду обломковъ, кочегаръ убитъ на мѣстѣ, помощникъ машиниста раненъ, обер-кондукторъ поѣзда Скребцовъ, находившійся въ одномъ изъ разбившихся вагоновъ, оказался послѣ толчка подъ грудой обломковъ, но какимъ-то чудомъ былъ освобожденъ здравъ и невредимъ. Прочая поѣздная прислуга сидѣла на заднемъ тормазѣ и отдѣлалась только ушибами. Причина крушенія поѣзда объяснялась лопнувшимъ рельсомъ» («Бирж. Вѣдом », № 22-й). Корреспондентъ прибавляетъ, что этимъ случаемъ сходы поѣздовъ съ рельсовъ на этой самой дистанціи не ограничились, что въ январѣ были сходы пассажирскихъ поѣздовъ: № 3-й—10-го января, между Бастыевымъ и Чернью, и № 5-й—9-го января, между Бастыевымъ и Мценскомъ. Но о послѣднихъ сходахъ, какъ «о пустякахъ», не считается даже нужнымъ и заявлять въ печати.

Въ «Русскомъ Мірѣ» (№ 82-й) разсказывается слѣдующій недавній случай крушенія поѣзда на воронежско-ростовской желѣзной дорогѣ, близъ станціи Чертковской. «Во время хода поѣзда, локомотивъ, по причинѣ сильнаго холода и по недостатку паровъ, не могъ продолжать путь. Рельсы были не вездѣ очищены отъ снѣга. Машинистъ призналъ необходимымъ облегчить поѣздъ, отцѣпивъ нѣсколько заднихъ вагоновъ; черезъ нѣкоторое разстояніе принуждены были отцѣпить еще два вагона, затѣмъ и всѣ остальные. На станцію отправился одинъ локомотивъ, чтобы запастись парами и возвратиться за оставленными вагонами. Машинистъ былъ въ нетрезвомъ видѣ. Возвращаясь, онъ помнилъ только про оставленные передніе и задніе вагоны; о среднихъ же забылъ, а потому, взявъ первые, быстро поѣхалъ далѣе; предъ забытыми вагонами произошли оглушительные выстрѣлы отъ положенныхъ на рельсы сигнальныхъ зарядовъ, послѣ которыхъ поѣздъ долженъ былъ тотчасъ же остановиться; но машинистъ до того былъ пьянъ, что ничего не видѣлъ и не слышалъ, и такимъ образомъ произошло на полномъ ходу столкновеніе. Носомъ машины захвачены два рабочихъ, очищавшихъ рельсы, и затерты до смерти. Были или нѣтъ убитые между пассажирами—пока неизвѣстно; но что многіе получили ушибы и даже увѣчья—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія».

Наконецъ, вотъ и третье, знаменитое *тилигульское* крушеніе (24-го декабря прошедшаго года), по сообщенію инженера Лишина въ одесскомъ техническомъ обществѣ, какъ это сообщеніе передано корреспондентомъ «Голоса» (№ 27-й):

«Тилигульская насыпь — десяти саженъ вышины (отвѣсно). Труба находится посрединѣ. Выемки, чрезъ которыя подъѣзжаютъ къ насыпи — отъ 5-ти до 15-ти саженъ; сверхъ того, онѣ идутъ по кривой линіи, такъ что насыпь съ дороги видно только на самомъ близкомъ разстояніи.

«Еслибъ поѣздъ шелъ получасомъ ранѣе, онъ нашелъ бы *пятнадцать рельсовъ* снятыми. О перемѣнѣ рельсовъ, какъ работѣ ничтожной, никогда не сообщалось начальникамъ прилежащихъ станцій. Машинисту также не дали знать на станціи отправленія, что идетъ починка, потому что, по принятому обычаю, легко смотрятъ на эти «пустыя» работы.

«Такимъ образомъ, поѣздъ, не то смѣшанный, не то военный, шелъ съ обычною скоростью, съ вѣсомъ 24,000 пудовъ, Приближаясь къ насыпи, на уклонѣ, машинистъ затормозилъ тендеръ, но, видя, что ходъ не убавляется, далъ свистокъ тормозить кондукторамъ, которыхъ, какъ видно изъ слѣдственнаго акта, было не законное число (четыре вмѣсто шести). Въ это время на насыпи укладывались послѣдніе пять рельсовъ. Когда рабочіе услышали свистокъ машиниста, дорожный мастеръ съ флагомъ въ рукѣ бросился на встрѣчу поѣзда, все еще невидимаго съ насыпи; машинистъ тоже замѣтилъ одинъ изъ поставленныхъ флаговъ, далъ задній ходъ и началъ давать свистки «крайней опасности» (одинъ за другимъ). Всѣ кондукторы повыскакали изъ вагоновъ, тормозили и не могли уменьшить ходъ поѣзда, который довольно скоро подвигался по насыпи, такъ что рабочіе перебѣжали на другой путь. Локомотивъ сошелъ съ рельсовъ, взялъ влѣво по обрыву насыпи, покачнулся и полетѣлъ, увлекая за собою 11 вагоновъ съ новобранцами (419 человѣкъ), два вагона съ пассажирами 3-го класса и платформы съ пшеницей и кукурузой, принадлежащей частнымъ лицамъ.

«Изъ слѣдственнаго акта видно, что размѣщеніе вагоновъ съ людьми и грузовыхъ было противно принятымъ правиламъ и сдѣлано не-

брежно, на-авось. Вслѣдъ увлеченнымъ паровозомъ 11-ти вагонамъ полетѣло 5,000 пудовъ хлѣба. Все это свалилось въ груду и загорѣлось отъ лежащаго внизу тендера, наполненнаго каменнымъ углемъ.

«Никто изъ спасшихся *не можетъ припомнить*, какъ и что съ нимъ случилось, не можетъ объяснить, какъ онъ спасся. «Свистковъ тревоги» они, разумѣется, не понимали и о спасеніи не думали; сколько можно понять, послѣдній вагонъ оторвался отъ общей цѣпи и направленія вагоновъ при паденіи, и они «высыпались». Очутясь какъ-то въ снѣгу, они бросились *бѣжать*... Куда, зачѣмъ—они не помнили и пришли въ себя часа черезъ два. Такъ, изъ 419-ти новобранцовъ остались въ живыхъ, какъ говоритъ оффиціальное заявленіе, 290 человѣкъ. Слѣдовательно, погибшихъ около 140. Въ заключеніе, лекторъ выяснилъ разныя мѣры, принимаемыя обыкновенно на заграничныхъ желѣзныхъ дорогахъ, и указалъ на то, что ни одной изъ нихъ не было принято на одесской дорогѣ.

«Сопоставляя факты несчастья съ правилами, установленными министерствомъ путей сообщенія для безопасности движенія, лекторъ пришелъ къ заключенію, что, при движеніи поѣзда, потерпѣвшаго крушеніе, а также на пути во время перемѣны рельсовъ, не были соблюдены слѣдующія правила: 1) Поѣздная прислуга не имѣла надлежащаго числа людей. Вмѣсто четырехъ кондукторовъ, согласно правиламъ, должно было быть шесть: изъ нихъ четверо должны были стоять на тормозахъ, а двое—наблюдать за исправностью поѣзда и его хода. 2) На первомъ вагонѣ за паровозомъ и на послѣднемъ пассажирскомъ не было тормозильщиковъ, какъ это требуется правилами. 3) На пути не было уложено хлопушекъ со стороны Балты, какъ это положено министерскими правилами и циркуляромъ управляющаго дорогой. 4) Поѣздъ былъ отпущенъ часомъ раньше со станціи Балта, безъ причинъ, при которыхъ правила допускаютъ это. Служба пути не была предупреждена о несвоевременномъ движеніи поѣзда. Для исполненія этого на одесской дорогѣ не имѣется другихъ приспособленій, кромѣ пересылки депешъ черезъ сторожей пѣшкомъ; но способъ этотъ до того неудобенъ, что даже невозможенъ въ практикѣ. На всѣхъ заграничныхъ дорогахъ и на нѣкоторыхъ русскихъ имѣются для этого электрическіе сигналы по сторожевымъ будкамъ. 5) Машинистъ не былъ предупрежденъ о томъ, что по тилигульской насыпи должно ѣздить со скоростью 10-ти верстъ въ часъ».

Пусть читатель внимательно вникнетъ въ сообщенные нами случаи крушеній и сообразитъ: какъ мало требовалось для того, чтобы устранить эти крушенія!

Еслибы начальникъ орловской станціи, получившій извѣстіе о толчкѣ, полученномъ курьерскимъ поѣздомъ № 2, на 373-й верстѣ московско-курской желѣзной дороги, далъ немедленно *тол-комъ* знать объ этомъ начальнику станціи Станового Колодца, то этотъ послѣдній не отправилъ бы товарнаго поѣзда № 82-й прежде, чѣмъ былъ бы перемѣненъ тотъ рельсъ, отъ котораго былъ полученъ толчокъ, и крушенія не было бы.—Далѣе, еслибы начальникъ Чертковской станціи потрудился посмотрѣть лично на машиниста, пріѣхавшаго запастись парами, то навѣрное, онъ не позволилъ бы ему ѣхать за оставленными вагонами, а отправилъ бы, вмѣсто него, другого машиниста, и крушеніе опять было бы предупреждено. Точно также, въ тилигульской катастрофѣ, еслибы поѣздъ не былъ отправленъ часомъ ранѣе изъ Балты, еслибы машинистъ былъ, по крайней мѣрѣ, предупрежденъ, что на тилигульской насыпи идутъ работы, крушенія также не было бы. Вы видите, что во всѣхъ трехъ крушеніяхъ *непосредственно* виноваты низшіе чины желѣзнодорожнаго движенія. Если вести дѣло обыкновеннымъ, рутиннымъ способомъ изслѣдованія, то именно эти только чины и окажутся виновными. Виноватъ будетъ одинъ начальникъ станціи, что не далъ знать, другой—что не присмотрѣлъ, машинистъ—что былъ пьянъ и т. д., и т. д.

Но, вѣдь, для всякаго очевидно, что корень дѣла не тутъ, не въ этихъ Ивановыхъ, Петровыхъ, Трифоновыхъ и т. п., которые не дали знать, не присмотрѣли, были пьяны и т. д. Накажите ихъ и поставьте вмѣсто нихъ другихъ, и другіе также не дадутъ знать, не присмотрятъ, будутъ пьяны. Когда солдаты какого нибудь полка начинаютъ пьянствовать, воровать, нападать на мирныхъ гражданъ и т. п., то сколько бы вы ни ловили изъ нихъ по одиночкѣ того или другого и ни предавали суду и наказанію—дѣло отъ этого нисколько не поправится. Тоже самое будутъ продолжать дѣлать другіе, вами непойманные и не подвергшіеся наказанію. Тутъ виноваты, очевидно, не столько частныя лица, сколько тотъ или другой духъ полка, та или другая дисциплина въ немъ. Перемѣните этотъ духъ, введите другую дисциплину, и тогда не будетъ въ полку ни пьянства, ни воровства, ни грабежей—ничего подобнаго. Точно тоже самое должно сказать и о чинахъ желѣзной дороги. Тутъ виноваты не тѣ или другіе низшіе чины, тутъ виноватъ духъ и дисциплина вообще желѣзно-дорожнаго управленія, существующая здѣсь общая крайняя распущенность и небрежность, которою и пользуются низшіе чины.

Думали, что ужасное тилигульское крушеніе, въ которомъ погибло и отчасти сгорѣло живьемъ—легко сказать!—140 человѣкъ солдатъ, крушеніе, какъ громомъ поразившее всю Россію, думали, говорю, что это крушеніе вызоветъ къ энергической дѣятельности противъ вопіющихъ злоупотребленій на желѣзныхъ дорогахъ и положитъ конецъ существующей здѣсь анархіи. Къ сожалѣнію, ограничились по поводу тилигульской катастрофы только отправленіемъ генерала Сере-

брякова для изслѣдованія на мѣстѣ причинъ катастрофы. Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что этотъ достойный генералъ совершенно основательно обслѣдовалъ причины катастрофы, отыскалъ всѣхъ виновниковъ ея и что всѣ эти виновники будутъ достойно наказаны въ той мѣрѣ, какъ они заслуживаютъ. Но спрашивается: какая польза ѣздящимъ по желѣзнымъ дорогамъ Россіи изъ того, что будутъ, положимъ, даже тяжко наказаны 5, 6, 8 или 10 виновниковъ тилигульской катастрофы? Черезъ это не возвратятся къ жизни 140 человѣкъ убитыхъ и живьемъ сгорѣвшихъ новобранцевъ, не облегчатся страданія раненыхъ и искалѣченныхъ, а, главное — въ виду чего только наказаніе и можетъ имѣть смыслъ—не возрастетъ ни въ комъ ни на одну іоту увѣренность въ безопасности на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Потому что—повторяемъ—всякому, сколько-нибудь вникающему въ дѣло, доподлинно извѣстно, что причина какъ тилигульской катастрофы, такъ и всѣхъ бывшихъ до нея, такъ и безчисленнаго множества новыхъ, имѣющихъ несомнѣнно быть при нынѣ существующихъ порядкахъ на желѣзныхъ дорогахъ, кроется не въ единичной небрежности и распущенности нѣкоторыхъ чиновъ дорогъ, а въ томъ, что эта небрежность и распущенность составляетъ общій духъ нынѣшней желѣзно-дорожной администраціи, дѣйствующей во всемъ анархически, произвольно, съ наглостію и цинизмомъ и, однакожъ, совершающей самыя возмутительныя свои дѣйствія не только безнаказанно, но даже безъ всякаго публичнаго неодобренія со стороны власть имѣющихъ.

Вотъ—другое дѣло, если бы по поводу тилигульской катастрофы учреждена была самая строгая слѣдственная коммиссія, составленная не изъ чиновниковъ только министерства путей сообщенія, но изъ чиновниковъ всѣхъ министерствъ и изъ представителей отъ тѣхъ земствъ, гдѣ есть желѣзныя дороги, для раскрытія всѣхъ существующихъ злоупотребленій по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ; еслибы этой коммиссіи поручено было выработать такія правила для желѣзно-дорожной администраціи, которыя устранили бы въ ней возможность всякихъ злоупотребленій, мало-помалу влили бы въ нее другую жизнь и другіе нравы и гарантировали на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ безопасность чести, имущества, здоровья, жизни; еслибы, наконецъ, во всеобщее свѣдѣніе было объявлено, что употребятся всѣ усилія, чтобы достигнуть этой послѣдней цѣли—тогда Россія видѣла бы, по крайней мѣрѣ, что урокъ тилигульской катастрофы не пропалъ безслѣдно, и могла бы хоть немножко надѣяться и вѣрить, что въ недалекомъ будущемъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ послѣдуютъ нѣкоторыя улучшенія.

Теперь же, тилигульская катастрофа получила иной смыслъ. Съ одной стороны, она представляетъ выставленное на всю Россію грозное memento mori, напоминающее каждому отправляющемуся по россійскимъ желѣзнымъ дорогамъ путнику о необходимости предсмертнаго покаянія, о прощаніи навсегда со всѣми близкими. Я не удивляюсь, что многіе изъ солдатъ, спасшихся во время тилигульской катастрофы, предпочли идти пѣшкомъ до Кіева, чѣмъ ѣхать по желѣзнымъ дорогамъ. Еще одна, двѣ такія катастрофы—и половина Россіи, подобно этимъ солдатамъ, предпочтетъ совершать передвиженіе пѣшкомъ, на лошадяхъ, водою — однимъ словомъ, какъ только возможно, только бы миновать желѣзныя душегубки. Съ другой стороны, трудно найти болѣе надежное и вѣрное средство для такого глубокаго и повсемѣстнаго развращенія народа, какое производятъ въ немъ катастрофы, въ родѣ тилигульской, свидѣтельствуя передъ цѣлой Россіей о полной безнаказанности у насъ каждаго золотого мѣшка Г. Достоевскій, въ своемъ «Дневникѣ писателя», если не ошибаемся, въ первый разъ освѣтилъ съ этой стороны вліяніе нашей желѣзно-дорожной анархіи, совершающейся на глазахъ всѣхъ и совершенно безнаказанно, на народъ, и замѣчанія его нельзя не признать глубоко вѣрными:

«Матеріализмомъ, говоримъ онъ:—я называю, въ данномъ случаѣ, преклоненіе народа передъ деньгами, предъ властью золотого мѣшка. Въ народъ, какъ бы вдругъ, прорвалась мысль, что мѣшокъ теперь — все, заключаетъ въ себѣ всякую силу, а что все, о чемъ говорили ему и чему учили его доселѣ отцы—все вздоръ. Бѣда, если онъ укрѣпится въ такихъ мысляхъ; а какъ ему и не мыслить такъ? Неужели, напримѣръ, это недавнее крушеніе поѣзда на одесской желѣзной дорогѣ съ царскими новобранцами, гдѣ убили ихъ болѣе ста человѣкъ—неужели, вы думаете, что на народъ не подѣйствуетъ такая власть развратительно? Народъ видитъ и дивится такому могуществу: «что хотятъ, то и дѣлаютъ»—и поневолѣ начинаетъ сомнѣваться: «вотъ она гдѣ значитъ настоящая сила, вотъ она гдѣ всегда сидѣла; стань богатъ — и все твое, и все можешь». Развратительнѣе этой мысли не можетъ быть никакой другой. А она носится и проницаетъ все мало-по-малу. Народъ же ничѣмъ не защищенъ отъ такихъ идей, никакимъ просвѣщеніемъ, ни малѣйшей проповѣдью другихъ, противоположныхъ идей. По всей Россіи протянулось теперь почти двадцать тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, и вездѣ, даже самый послѣдній чиновникъ на нихъ стоитъ пропагаторомъ этой идеи, смотритъ такъ, какъ бы имѣющій беззавѣтную власть надъ вами и надъ судьбой вашей, надъ семьей вашей и надъ честью вашей, только бы вы попались къ нему на желѣзную дорогу. Недавно одинъ начальникъ станціи вытащилъ, собственною властью и рукой, изъ вагона ѣхавшую даму, чтобъ отдать ее какому-то господину, который пожаловался этому начальнику, что это—жена его и находится отъ него

въ бѣгахъ—и это безъ суда, безъ всякаго подозрѣнія, что онъ сдѣлать это не вправѣ: ясно, что этотъ начальникъ, если былъ и не въ бреду, то все же какъ бы ошалѣлъ отъ собственнаго могущества. Всѣ эти случаи и примѣры прорываются въ народъ безпрерывнымъ соблазномъ и онъ видитъ ихъ каждый день и выводитъ неотразимыя заключенія. Я прежде осуждалъ было г. Суворина за случай его съ г. Голубевымъ. Мнѣ казалось, что нельзя же такъ вывести совсѣмъ неповиннаго человѣка на позоръ, да еще съ описаніемъ всѣхъ душевныхъ его движеній. Но теперь я нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ даже и на этотъ случай. И какое мнѣ дѣло, что г. Голубевъ не виноватъ! Г. Голубевъ можетъ быть чистъ, какъ слеза, но за то Воробьевъ виноватъ. Кто такой Воробьевъ? Совершенно не знаю; да и увѣренъ, что его нѣтъ вовсе, но это—тотъ самый Воробьевъ, который свирѣпствуетъ на всѣхъ линіяхъ, который налагаетъ произвольныя таксы, который силой выноситъ пассажировъ изъ вагона, который крушитъ поѣзды, который гноитъ по цѣлымъ мѣсяцамъ товары на станціяхъ, который безпардонно вредитъ цѣлымъ городамъ, губерніямъ, царству и только кричитъ дикимъ голосомъ: «Прочь съ дороги, я иду!» Но главная вина этого пагубнаго пришельца въ томъ, что онъ сталъ надъ народомъ, какъ соблазнъ и развратительная идея».

Мартъ 1876.

Либеральные книжные магазины въ Петербургѣ.—Ихъ неустойчивость.—Отбытіе А. Ѳ. Базунова въ чужіе края.—Магазины на солнечной сторонѣ Невскаго Проспекта: Тиблена, Кожанчикова. Матвѣй Яковлевичъ Свириденко. Магазины: Звонарева, Черкесова.—Авторы-издатели книгъ и иногородные подписчики.—Какъ гарантировать иногородныхъ подписчиковъ отъ хищничества книгопродавцевъ.

Между фирмами петербургской книжной торговли А. Ѳ. Базунова считалась всегда одной изъ солидныхъ, а изъ либеральныхъ книжныхъ магазиновъ, къ которымъ почему-то причислялся и магазинъ г. Базунова, этотъ магазинъ былъ почти единственно благонадежный.

Иногороднымъ читателямъ, а, можетъ быть, нѣкоторымъ и изъ петербургскихъ, пожалуй, неизвѣстно, что всѣ книжные магазины въ Петербургѣ раздѣляются на два разряда: *либеральные и нелиберальные*. Человѣку, далеко стоящему отъ міра литературнаго и міра книжной торговли, трудно, конечно, примѣтить разницу между этими двумя разрядами магазиновъ. Ибо, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, онъ, все равно, можетъ покупать что ему угодно, изданія либеральныя и нелиберальныя. Тѣмъ не менѣе, разница эта, несомнѣнно, есть.

Всѣ нелиберальные магазины—магазины дореформенные, явившіеся задолго до крестьянской реформы. Основатели ихъ—люди стараго закала и воззрѣній. Какъ они и чѣмъ, и когда привлеклись къ книжной торговлѣ, почему пошли въ ходъ, какъ нажили свои капиталы? — современнымъ поколѣніямъ неизвѣстно. Общее между ними—одно: что они, слѣдуя своимъ старымъ, воззрѣніямъ, смотрятъ на книгу, исключительно какъ на товаръ, и готовы радѣть всякой книгѣ, которая идетъ ходко и даетъ хорошую прибыль, каково бы ни было ея содержаніе и достоинство. Въ либеральныхъ магазинахъ замѣтно выступаетъ уже другое отношеніе къ книгамъ; тутъ есть уже тенденція, любовное или нелюбовное отношеніе къ той или другой книгѣ, смотря по ея достоинству и цвѣту. Правда, и здѣсь, какъ и во всякихъ магазинахъ дореформенныхъ, вы можете купить, какъ я уже сказалъ, книгу и либеральную, и нелиберальную, хорошую и плохую. Но, если вы попросите въ либеральномъ магазинѣ совѣта: какую книгу вамъ выбрать изъ двухъ или трехъ однородныхъ? то вамъ навѣрное порекомендуютъ книгу извѣстнаго разряда — и не на обумъ или не потому, что она идетъ ходко, а по ея дѣйствительному достоинству и цвѣту; далѣе, либеральные магазины въ предпринимаемыхъ ими изданіяхъ держатся опредѣленной идеи и ни подъ какимъ видомъ не будутъ издавать книгъ, несогласныхъ съ ихъ тенденціей. Либеральные магазины всѣ—послѣреформеннаго времени, вызваны новымъ направленіемъ, созданнымъ реформами, и твердо держатся новыхъ воззрѣній или, по крайней мѣрѣ, дѣйствуютъ въ ихъ духѣ. Оттого они пользуются преимущественнымъ сочувствіемъ поколѣнія, воспитавшагося уже на реформахъ, и главный покупатель у нихъ—люди молодые или среднихъ лѣтъ; равнымъ образомъ, къ этому же возрасту принадлежатъ и основатели или владѣльцы этихъ магазиновъ; рѣдко между ними проскальзываютъ люди почтенныхъ лѣтъ; но и то—только такіе, которые давно примкнули къ направленію новаго времени и которые, пожалуй, крѣпче еще къ нему привязаны; чѣмъ даже люди

молодые. Свое самоотверженное служеніе новой идеѣ нѣкоторые изъ маститыхъ владѣльцевъ магазиновъ простираютъ до того, что даже внѣшность свою стараются приспособить къ главному контингенту своихъ покупателей. Такъ, ради этой, надобно думать, цѣли, почтенный А. Ѳ. Базуновъ, за послѣднее время, перекрасилъ свои волосы не просто въ темный цвѣтъ, а въ смѣсь темнаго съ зеленымъ—цвѣтомъ молодости и надежды. Въ районѣ главнаго мѣстоположенія русской книжной торговли въ Петербургѣ, съ давняго времени занимающей на Невскомъ проспектѣ пространство между Казанскимъ и Аничковымъ мостами, либеральные магазины обыкновенно помѣщаются на солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, а нелиберальные на противоположной ей, какъ бы въ ознаменованіе того, что здѣсь, на тѣневой сторонѣ проспекта, все—магазины стараго, темнаго времени, а тамъ, на солнечной, все—блескъ и краса новаго послѣреформеннаго времени.

Замѣчательно, однакожъ, что магазинамъ новаго времени какъ-то вообще не везетъ. Въ то время, какъ старыя дореформенныя фирмы книжной торговли почти всѣ стоятъ крѣпко и прочно, какъ онѣ были, новыя фирмы то и дѣло вылетаютъ въ трубу или пошатываются время отъ времени. Единственное исключеніе изъ этого общаго правила составляла до сихъ поръ фирма А. Ѳ. Базунова. Но теперь и она какъ будто пошатнулась. Я говорю *какъ будто*, потому что опредѣленно пока неизвѣстно еще, что такое произошло съ А. Ѳ. Базуновымъ.

Первое извѣстіе, сообщенное «Биржевыми Вѣдомостями», гласило, что онъ бѣжалъ за границу. Но Ѳ. П. Баймаковъ поспѣшилъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» немедленно поправить это извѣстіе и разъяснить, что изъ того, что человѣкъ внезапно отъѣхалъ изъ родной страны на чужбину, еще отнюдь не слѣдуетъ, что онъ бѣжалъ. Можетъ быть, ему, дескать, и бѣжать-то было не отъ чего. Признаюсь, это замѣчаніе Ѳ. П. Баймакова мнѣ очень понравилось. Своей мудростію оно напомнило мнѣ одного изъ самыхъ осторожныхъ въ своихъ сужденіяхъ философа Эпиктета, который говорилъ, что, «если ты видѣлъ мужчину и женщину запершимися въ одной комнатѣ и лежащими на одной постели, то ты отнюдь еще не имѣешь права заключить изъ этого о ихъ нецѣломудренности: ты можешь сказать только, что видѣлъ ихъ вмѣстѣ, на одной постели—и ничего болѣе».

И Ѳ. П. Баймаковъ оказался дѣйствительно правъ: извѣстіе, сообщенное «Биржевыми Вѣдомостями», было очень поспѣшно. На другой же день послѣ него, сестра А. Ѳ. Базунова объявила, что братъ ея вовсе не бѣжалъ, а только, такъ сказать, на время отбылъ отъ насъ въ чужія страны для своего обновленія, тѣлеснаго и душевнаго. Ему, дескать, измученному своею неутомимою дѣятельностію, огорченному разстройствомъ дѣлъ, нужно было пробыть нѣкоторое время въ полномъ уединеніи отъ мѣста своей обыкновенной дѣятельности, чтобы придти въ себя, успокоиться и собраться съ силами для новой дѣятельности!

Теперь и это сообщеніе сестры А. Ѳ. Базунова оказывается, повидимому, преждевременнымъ и поспѣшнымъ. Когда городское екатеринославское управленіе объявило, что оно командировало на деньги почтенныхъ обывателей Екатеринослава одного изъ своихъ членовъ Шишкина для изученія муниципальныхъ порядковъ въ Германію, Англію и Францію, съ цѣлію, конечно, ввести потомъ эти порядки въ городѣ Екатеринославѣ, то нѣкоторымъ изъ приверженцевъ фирмы Базунова стало приходить на мысль: не командировалъ ли и А. Ѳ. Базуновъ самъ себя за границу для изученія новѣйшихъ пріемовъ въ книжной торговлѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ примѣнить ихъ въ Россіи? Если принять это предположеніе, то будетъ понятно, почему онъ считалъ себя въ правѣ отправиться на общественный счетъ, воспользовавшись для своего путешествія деньгами, присланными ему разными частными лицами на книги и журналы. Конечно, такой фактъ самокомандированія себя заграницу на общественный счетъ, даже въ нашей странѣ, могущей представить самые рѣдкіе образцы всевозможныхъ нравственныхъ шатаній, былъ бы необычаенъ, и строгая мораль не могла бы отнестись къ нему иначе, какъ съ полнымъ порицаніемъ. Но еслибы оказалось, что А. Ѳ. Базуновъ искренно убѣжденъ въ томъ, что, ради общаго блага, онъ имѣлъ полное право захватить частныя деньги, то и строгая мораль должна была бы взглянуть на него снисходительно, не какъ на человѣка преступнаго, а какъ на человѣка заблуждающагося, а сдѣланный имъ захватъ признать неосторожнымъ *позаимствованіемъ*, сдѣланнымъ притомъ *временно*. Ибо, при означенномъ предположеніи, А. Ѳ. Базуновъ не могъ и захватить чужихъ денегъ иначе, какъ въ томъ твердомъ намѣреніи, что, когда онъ основательно изучитъ книжную торговлю заграницею и приложитъ пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія къ нашей книжной торговлѣ, то изъ полученныхъ барышей онъ тогда съ лихвою вознаградитъ всѣхъ частныхъ лицъ, которыхъ онъ теперь подвергъ позаимствованію.

Есть, однакожъ, нѣкоторыя обстоятельства, препятствующія принять это предложеніе. Первое изъ этихъ обстоятельствъ есть то, что А. Ѳ. Базуновъ показалъ необыкновенную жадность въ позаимствованіи. Внезапное для публики исчезновеніе изъ Петербурга А. Ѳ. Базунова для самого него, какъ оказывается, было далеко не внезапное. «Московскія Вѣдомости» повѣствуютъ, что онъ захватилъ не только всѣ деньги, которыя присланы были въ его магазинъ на выписку журналовъ, но и по другимъ магазинамъ ходилъ и бралъ себѣ подписныя на журналы деньги, съ обязательствомъ, конечно, доставить подписчикамъ требуемые журналы. Мало того: по послѣднимъ из-

вѣстіямъ оказывается, что онъ даже герцеговинцевъ не пощадилъ. Съ порученнаго ему для продажи сборника *Братская Помощь*, изданнаго въ пользу послѣднихъ, онъ также захватилъ 280 р. и увезъ съ собою.

Такимъ образомъ, онъ собралъ сумму весьма значительную—говорятъ, будто бы, до 50,000 р. на свое заграничное путешествіе. Въ газетахъ не было сообщено, сколько екатеринославское городское управленіе назначило Шишкину для изученія муниципальныхъ порядковъ въ Европѣ, но я увѣренъ, что оно не дало и десятой части этой суммы. А изученіе муниципальныхъ порядковъ требуетъ несомнѣнно большихъ расходовъ и трудовъ, чѣмъ изученіе пріемовъ книжной торговли. Впрочемъ, это обстоятельство еще не особенно важно. Очень возможно, что А. Ѳ. Базуновъ недостаточно знакомъ съ языками Германіи, Франціи, Англіи и Италіи, и ему къ каждомъ городѣ этихъ странъ, куда прибудетъ для своихъ занятій, нужно нанимать заграничнаго русскаго дьячка или другого толмача для объясненій съ нехристями; нужно нанимать далѣе другихъ толмачей для добыванія нужныхъ свѣдѣній и для записыванія и т. п. Все это должно сильно увеличивать расходы. Кромѣ того, А. Ѳ. Базуновъ могъ позаимствовать больше, чѣмъ нужно, по невѣдѣнію того, какъ велики будутъ его расходы заграницей, въ твердомъ намѣреніи, все, что останется, привезти назадъ и отдать по принадлежности. Особенно важнымъ обстоятельствомъ, заставляющимъ меня не довѣрять, что А. Ѳ. Базуновъ предпринялъ путешествіе заграницу ради общественной пользы, служитъ то, что, избравъ повѣреннаго для управленія своимъ магазиномъ г. Ходоровскаго, онъ не снабдилъ его никакою такою инструкціею, изъ которой было бы видно, что, при отъѣздѣ своемъ заграницу, онъ заботился по мѣрѣ возможности удовлетворить или, по крайней мѣрѣ, успокоить подвергшихся неожиданному позаимствованію своихъ различныхъ довѣрчивыхъ вѣрителей. Такъ, по крайней мѣрѣ, надобно думать по слѣдующему пассажу, разсказанному въ 4-мъ № суворинскаго «Новаго Времени».

«Г. Базуновъ взялъ у г. Никитина пять разсказовъ и издалъ ихъ однимъ отдѣльнымъ томомъ въ издаваемой имъ «Библіотекѣ современныхъ писателей»—но г. Никитину за его авторское право ничего не заплатилъ и не далъ ему никакого формальнаго обязательства объ уплатѣ. По отъѣздѣ г. Базунова заграницу г. Никитинъ является къ Ходоровскому и проситъ его уплатить ему что слѣдуетъ или выдать документъ. Ходоровскій, удостовѣрившись изъ торговыхъ книгъ Базунова и отъ свидѣтелей, что г. Никитинъ ничѣмъ неудовлетворенъ, сначала обѣщаетъ его снабдить комиссіонною квитанціею, но потомъ и отъ этого отказывается. Дескать, если изданіе находится въ магазинѣ Базунова, значитъ: «оно—его собственность, доколѣ не будетъ доказано противное».

Я, впрочемъ, долженъ оговориться и заявить, что не имѣю никакихъ твердыхъ основаній утверждать, что А. Ѳ. Базуновъ намѣренно не оставилъ никакихъ инструкцій относительно своихъ вѣрителей. Очень можетъ быть, что въ попыхахъ, весь поглощенный мыслію о томъ, чтобъ захватить какъ можно больше денегъ, онъ совершенно забылъ о своихъ вѣрителяхъ, а теперь, находясь вдали отъ родной стороны, глубоко раскаевается и сокрушается объ этомъ и думаетъ: какъ бы поправить дѣло. Потому, вопросъ объ отъѣздѣ А. Ѳ. Базунова въ чужіе края, въ его цѣляхъ и послѣдствіяхъ, я все-таки не могу не признать пока вполнѣ открытымъ. Почему онъ уѣхалъ? Куда уѣхалъ? На долго ли насъ покинулъ, даже воротится ли къ намъ когда нибудь, или, подобно Тиблену, останется навсегда на чужбинѣ? Далѣе, возвратятся ли имъ когда нибудь по принадлежности тѣ деньги, которыя онъ насильственно позаимствовалъ и увезъ съ собою? —ничего этого неизвѣстно. Одно только видно, что дѣла А. Ѳ. Базунова находятся не въ блестящемъ положеніи и что у него своихъ денегъ, очевидно, нѣтъ: иначе онъ не захватилъ бы чужихъ денегъ.

Этого для насъ и довольно. Для насъ пока важны не тѣ или другія практическія послѣдствія отъѣзда А. Ѳ. Базунова заграницу и даже не фактъ его отъѣзда, а именно фактъ его обѣднѣнія. Ибо фактъ этотъ служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что и единственная, самая твердая фирма книжной торговли на солнечной сторонѣ Невскаго проспекта оказалась пошатнувшеюся, по крайней мѣрѣ, не такъ твердою и солидною, какъ о ней всѣ думали.

Отчего это произошло, различные люди объясняютъ весьма различно. Люди легкомысленные, неспособные проникать въ корень вещей, привыкшіе объяснять всѣ явленія ближайшими, чисто случайными ихъ поводами, видятъ причину обѣднѣнія А. Ѳ. Базунова въ его личномъ настроеніи, говорятъ много нелестнаго о его излишнемъ увлеченіи молодыми чувствами и т. п. Но мы не будемъ повторять этихъ сплетней, которыя, само собою разумѣется, не только дѣла не разъяснятъ, а еще больше запутаютъ его. Цѣль наша—не диффамировать личность, а понять дѣло. Ошибка легкомысленныхъ людей состоитъ въ томъ, что они на обѣднѣніе фирмы А. Ѳ. Базунова смотрятъ, какъ на явленіе единичное, не обращая никакого вниманія на множество подобныхъ явленій, стоящихъ рядомъ съ нимъ. Но никакое явленіе не можетъ быть правильно понято и объяснено изолированно отъ другихъ однородныхъ съ нимъ явленій. Не одна фирма А. Ѳ. Базунова пошатнулась на солнечной сторонѣ Невскаго проспекта. Здѣсь въ книжной торговлѣ не было такой фирмы, которая не потерпѣла бы крушенія или, по крайней мѣрѣ, не подвергалась бы по временамъ разнымъ невзгодамъ. Слѣдовательно, должны быть какія-нибудь общія причины, отъ которыхъ книж-

ная торговля на солнечной сторонѣ Невскаго проспекта не могла до сихъ поръ пріобрѣсти должной устойчивости и прочности. Гдѣ надобно искать этихъ причинъ—я не знаю; можетъ быть, онѣ скрываются въ характерѣ тѣхъ моральныхъ и соціальныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ возникаетъ и ведется здѣсь книжная торговля; можетъ быть, тутъ дѣйствуютъ естественныя причины, въ родѣ какой-нибудь пока неизвѣстной никому причины, въ родѣ какой-нибудь пока неизвѣстной никому трухи, погубившей овсянниковскую мельницу, или, можетъ быть, особой злокачественности петербургскаго солнца, разрушительно дѣйствующаго на книжную мудрость,— однимъ словомъ, я не берусь разыскивать эти причины, предоставляя заняться этимъ г. Ходоровскому, который, вѣроятно, съ неменьшею проницательностію, чѣмъ г. Потѣхинъ въ овсянниковскомъ дѣлѣ, можетъ выслѣдить здѣсь всякую портящую дѣло труху, если таковая есть. Я же принимаю на себя обязанность рядомъ фактовъ утвердить только ту истину, что на солнечной сторонѣ Невскаго въ книжной торговлѣ не бывало еще доселѣ фирмы, которая не подвергалась бы какимъ-нибудь злостраданіямъ, и что, слѣдовательно, должна быть какая нибудь общая причина ихъ непрочности. Вотъ краткій перечень магазиновъ на солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, въ порядкѣ ихъ слѣдованія отъ Казанскаго до Аничковскаго моста, съ указаніемъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли здѣсь со времени ихъ основанія.

Почти рядомъ съ книжнымъ магазиномъ А. Ѳ. Базунова, въ домѣ Рогова, противъ думы, былъ магазинъ г. Гайдебурова. Магазинъ этотъ былъ открытъ преимущественно для иногородныхъ. Надобно полагать, что г. Гайдебуровъ не нашелъ возможнымъ вести дѣло, не предвидѣлъ барышей въ будущемъ, потому продалъ магазинъ г. Павленкову, который вскорѣ выѣхалъ изъ Петербурга и передалъ магазинъ г. Надѣину, во владѣніи котораго онъ состоитъ и теперь, хотя уже и въ другомъ помѣщеніи.

Магазинъ «Русской книжной торговли», въ домѣ армянской церкви, сначала былъ просто книжный магазинъ и принадлежалъ г. Печаткину; отъ г. Печаткина перешелъ къ г. Тиблену, принялъ наименованіе магазина «Русской книжной торговли»; послѣ бѣгства г. Тибл-на поступилъ во владѣніе гг. Яковлева и Дурышкина, послѣдніе сдали его какимъ-то новымъ двумъ хозяевамъ, но не такъ давно носились слухи, что послѣдніе его переуступили или переуступаютъ кому-то.

Магазинъ *Кожанчикова*, въ домѣ Демидова, нынѣ соединенный магазинъ Кожанчикова, Черкесова и комп., принадлежалъ сначала одному г. Кожанчикову и долго держался въ такомъ видѣ. Кажется, въ 1868 г. г. Кожанчиковъ нашелъ почему-то нужнымъ перемѣститься въ гостинный дворъ; мѣсто его занялъ Черкесовъ. Долгое время гг. Кожанчиковъ и Черкесовъ процвѣтали отдѣльно другъ отъ друга, одинъ—въ гостинномъ дворѣ, другой — на старомъ пепелищѣ кожанчиковской фирмы и конкурировали другъ съ другомъ; но за послѣднее время ихъ какъ-то обоихъ подвело, и они сочли за лучшее соединить свои фирмы въ одну, чтобы сообща, по-братски бороться съ наступившими для нихъ трудными временами.

На солнечной же сторонѣ Невскаго проспекта былъ также значительный магазинъ г. Давыдова, противъ Аничкина дворца, бывшая контора «Современника»—этотъ уже совсѣмъ улетучился.

Точно также улетучился и магазинъ Звонарева, помѣщавшійся также противъ Аничкина дворца, въ нынѣшней конторѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» и замыкавшій собою рядъ означенныхъ магазиновъ у Аничкина моста.

Всѣ эти непрестанныя передачи магазиновъ изъ рукъ въ руки, ихъ переходы отъ начала конкурренціи къ началу ассоціаціи, ихъ колебанія и закрытія по разнымъ причинамъ, наконецъ, ихъ крушеніе ясно показываютъ, что книжной торговлѣ на солнечной сторонѣ Невскаго проспекта до сихъ поръ было, что́ называется, не ко двору. Можно, конечно, полагать, что нѣкоторые изъ владѣльцевъ магазиновъ были сами виною своего неблагополучія или потому, что, взявшись за книжную торговлю, дѣло понимали мало, относились къ нему небрежно, хотѣли все дѣлать чужими руками, сами же думали только собирать барыши и барствовать, другіе—потому, что принялись торговать безъ денегъ, были не въ состояніи держать магазины въ должной полнотѣ и исправности, отъ безденежья неаккуратно исполняли требованія публики, зажиливали чужія деньги и т. п. Но изъ исчисленныхъ мною владѣльцевъ были и такіе, которые имѣли всѣ шансы справиться съ принятымъ ими на себя дѣломъ и вести его успѣшно.

Таковъ былъ Тибленъ, человѣкъ способный, дѣятельный, предпріимчивый и не безъ нѣкотораго состоянія. Онъ стоялъ въ уровень съ своимъ временемъ не только, какъ книгопродавецъ, понимавшій требованія послѣ реформенной публики, но и какъ издатель, отличавшійся тактомъ въ выборѣ сочиненій для изданія. Онъ далъ публикѣ нѣсколько очень хорошихъ переводныхъ сочиненій. Вообще, магазинъ Тиблена былъ поставленъ и обставленъ очень хорошо. Никто не думалъ, что этотъ магазинъ его когда-нибудь рушится; всѣ полагали, напротивъ, что торговля его цвѣтетъ и съ каждымъ днемъ идетъ все въ гору и въ гору. Начатое въ 1868 г. Тибленомъ изданіе новаго толстаго журнала «Современное Обозрѣніе» окончательно удостовѣрило всѣхъ, что онъ имѣетъ хорошій денежный доходъ. Ибо начать издавать новый толстый журналъ безъ достаточнаго количества денегъ, притомъ человѣку, не имѣющему извѣстнаго литературнаго имени,— дѣло очень рискованное. На подобную удочку могъ попасть г. Ханъ, но никакъ не Тибленъ, кото-

рый обладалъ большимъ чутьемъ и сметкою насчетъ того, гдѣ зимуютъ раки. Самая мысль журнала показывала, что у г. Тиблена есть это чутье и сметка. Извѣстно, что наша литература въ началѣ шестидесятыхъ годовъ совершенно сбилась съ пути или, какъ выражается «Русскій Вѣстникъ», «потеряла всякое нравственное содержаніе и превратилась въ вальпургіеву ночь». Эта вальпургіева ночь начинаетъ проходить только теперь, и литература начинаетъ становиться мало по малу все нравственнѣе и нравственнѣе по мѣрѣ того, какъ во главѣ ея становятся банкиры, закладчики, заводчики, цѣховые и даже люди никому неизвѣстныхъ въ литературныхъ кругахъ профессій. Г. Тибленъ хотя и основалъ свой журналъ только въ 1868 году, но предвидѣлъ скорое окончаніе вальпургіевой ночи и наступленіе нравственнаго періода литературы, и, вмѣсто того, чтобы болтать о *распредѣленіи*, чѣмъ занималась въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, во время своего распутства, литература, прямо объявилъ, что онъ будетъ учить *накопленію*. Этимъ заявленіемъ г. Тибленъ зарекомендовалъ себя и свой магазинъ, я полагаю, у большинства публики. Ибо очень многіе давно уже тяготились гнетомъ литературы начала шестидесятыхъ годовъ, совершенно не соотвѣтствовавшей ихъ внутреннимъ влеченіямъ; а, кромѣ того, человѣкъ, проповѣдующій теорію накопленія, съ присовокупленіемъ, что распредѣлять пока ему рано и нечего, и самъ по себѣ представляетъ нѣчто хорошее, благонадежное, безопасное. Потому въ магазинъ Тиблена несли деньги съ такою же увѣренностію въ ихъ цѣлости здѣсь, какъ въ своемъ сундукѣ. Какъ вдругъ г. Тибленъ, выставившій своимъ знаменемъ принципъ накопленія, въ одинъ прекрасный день занялся распредѣленіемъ. Точно такъ же, какъ и А. Ѳ. Базуновъ, онъ взялъ изъ магазина всѣ находившіяся здѣсь деньги и отъѣхалъ отъ насъ навсегда въ чужіе края. Случилось это такъ неожиданно, что даже ближайшіе его помощники по журналу на другой день его отъѣзда были внѣ себя отъ изумленія. Не далѣе, какъ на канунѣ, онъ бесѣдовалъ съ ними о статьяхъ въ журналѣ, о необходимыхъ улучшеніяхъ въ немъ, заказывалъ новыя статьи—и вдругъ, на другой день, и слѣдъ простылъ. Г. Тибленъ далъ, впрочемъ, изъ чужихъ краевъ вѣсть о себѣ своимъ сотрудникамъ по магазину. Посланіе, говорятъ, было очень умилительное и дышало пастырскимъ назиданіемъ. «Я точно,—такъ, говорятъ, писалъ г. Тибленъ своимъ сотрудникамъ по магазину:—взялъ всѣ деньги изъ магазина, но я оставилъ вамъ книгъ на сумму, гораздо большую того, что я взялъ. Все это нажилъ я своимъ неутомимымъ трудомъ—трудитесь и вы также неутомимо, пользуясь тѣмъ, что я вамъ оставилъ, и—вѣрьте—Господь благословитъ ваши труды, какъ благословилъ мои».

Не менѣе, если не болѣе еще, шансовъ на успѣшное веденіе торговли имѣлъ г. Кожанчиковъ—человѣкъ, понимающій торговое дѣло, осторожный, одаренный великороссійскою ловкостію найти всюду нужные входы и выходы и умѣньемъ не упустить своего интереса тамъ, гдѣ онъ сколько-нибудь наклевывается. Не знаю, было ли у Кожанчикова какое-нибудь состояніе, когда онъ началъ книжную торговлю, но дѣла его съ самаго начала быстро пошли въ гору. Г Кожанчиковъ такъ умѣлъ обрядить свой магазинъ, что, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, это былъ самый блестящій изъ всѣхъ петербургскихъ магазиновъ. Онъ пользовался не только сочувствіемъ всей образованной публики новыхъ воззрѣній, но около него группировалась почти вся либеральная пресса тогдашняго времени.

Центромъ для послѣдней былъ здѣсь одинъ изъ прикащиковъ магазина Кожанчикова—кандидатъ московскаго университета Матвѣй Яковлевичъ Свириденко, едва ли не единственный кандидатъ въ Россіи, который, по своимъ личнымъ качествамъ, могъ составить себѣ блестящую карьеру, но который этой карьерѣ предпочелъ скромное мѣсто прикащика въ книжномъ магазинѣ. Воспитанный въ Москвѣ среди двухъ кружковъ, славянофильскаго и западническаго, на постоянныхъ спорахъ между тѣмъ и другимъ, въ которыхъ и самъ принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ сторонника западничества, Матвѣй Яковлевичъ Свириденко былъ хорошо приготовленъ къ тѣмъ новымъ вѣяніямъ, которыя реформами принесены были въ общество и литературу шестидесятыхъ годовъ, и, въ то время, когда послѣдняя, въ большей части своего персонала, шла ощупью въ своемъ поступаніи впередъ, подталкиваемая съ одной ступени на другую событіями, онъ владѣлъ уже опредѣленною идеею, которая, можетъ быть, и привела его въ книжный магазинъ, такъ какъ магазинъ давалъ ему возможность близкаго соприкосновенія съ литературнымъ персоналомъ, а литература только и могла служить проводникомъ для идеи. Какъ бы то ни было, но я не видывалъ человѣка, который бы такъ страстно былъ привязанъ къ литературѣ, который бы съ такою жадностію ловилъ въ ней каждое новое, живое слово, какъ онъ. Оттого и его любовь къ сочувственному ему персоналу литературы была безгранична. Онъ для каждаго здѣсь готовъ былъ жертвовать всѣмъ, чѣмъ онъ могъ—своими услугами, временемъ, доставленіемъ полезныхъ свѣдѣній и т. д.; тѣмъ болѣе, разумѣется, онъ дѣлалъ все, что было въ его средствахъ, для успѣха сочувственной ему литературы. Хохолъ умный, въ преслѣдованіи своей цѣли упорный, съ характеромъ безукоризненно честнымъ и правдивымъ, съ наружностію въ высшей степени симпатичною, стоявшій, по своей должности, на такомъ мѣстѣ, гдѣ ежедневно толпилась вся интеллигентная петербургская публика, отъ самыхъ высшихъ слоевъ, до самыхъ низшихъ, Свириденко, при своей практической сметкѣ и при своемъ

практическомъ умѣньи пользоваться людьми, могъ знать и дѣлать многое, чего не въ состояніи былъ бы знать и дѣлать даже человѣкъ одинаковыхъ съ нимъ талантовъ и съ самыми богатыми средствами, находящійся въ другомъ положеніи. Въ нашемъ маленькомъ движеніи, вызванномъ крестьянскою реформою, онъ всегда напоминалъ мнѣ, конечно, въ миніатюрныхъ размѣрахъ флорентинскаго Дольфи или Беппо, который дѣйствовалъ тогда во Флоренціи. Я нарочно упомянулъ имя Дольфи, чтобы дать читателю понятіе, какимъ образомъ на самомъ маленькомъ мѣстѣ можно сдѣлаться центромъ для всѣхъ. Кто такой былъ Дольфи? Не болѣе, какъ простой, незначительный булочникъ. Но въ немъ природа—по словамъ корреспондента одной малораспространенной газеты 60 годовъ, откуда я заимствую свѣдѣнія объ этой личности—въ обиліи насадила всѣ тѣ качества, которыя, по словамъ Данте, отличаютъ флорентинца: «соединеніе силы и тонкой деликатности, необычайной энергіи и нѣжности, здравый смыслъ и эту способность угадывать, смекать то, чего не вычитаешь въ книгахъ». Къ этому присоединялась глубокая любовь къ народу и всецѣлая преданность его интересамъ—и вотъ тѣ качества, которыя Дольфи изъ ничтожнаго лавочника сдѣлали душой и центромъ не только Флоренціи, но и цѣлой Тосканы. «Устраивалась ли воскресная школа для народа, общество взаимнаго вспомоществованія рабочихъ, библіотека для низшаго класса и т. п.—всякій зналъ, что затѣялъ это дѣло не кто другой, какъ Дольфи». Съ шести часовъ утра, въ лавкѣ Дольфи толпились бѣдняки, которымъ раздавали вчерашній хлѣбъ—и, въ это же время, въ глубинѣ этой лавки, Дольфи за конторкой давалъ свои аудіенціи: къ нему приходили совѣтоваться: хорошо ли купить такой-то домъ? выгодно ли предпринять такую-то торговлю? надеженъ ли такой-то человѣкъ? потому что Дольфи всѣхъ зналъ во Флоренціи, точно такъ же, какъ его всѣ знали». «Всѣ тосканскіе волонтеры, отправлявшіеся въ армію Гарибальди, прошли черезъ лавку Дольфи; всѣ денежныя пособія, которыя дѣлались въ Тосканѣ для довершенія освобожденія Италіи, собирались тутъ; здѣсь устраивалось все, что дѣлалось для образованія и улучшенія положенія работниковъ во Флоренціи; черезъ эту же лавку получали пособіе тѣ воины южной арміи Гарибальди, которыхъ пьемонтское правительство оставило безъ хлѣба». Въ лавкѣ Дольфи былъ даже президентъ совѣта министровъ Риказоли, чтобы посовѣтываться съ Дольфи о происоединеніи Тосканы къ Пьемонту; отсюда вышелъ совѣтъ народу вотировать въ пользу присоединенія. Вотъ кто былъ Дольфи! Повторяю, что я заговорилъ о Дольфи вовсе не съ тѣмъ, чтобы приравнивать къ его дѣятельности дѣятельность Свириденко, а единственно для того, чтобы показать: какъ на ничтожныхъ на видъ мѣстахъ бываетъ возможна великая дѣятельность. У насъ подобныхъ примѣровъ пока не бывало. Даже въ тѣхъ маленькихъ размѣрахъ, въ какихъ являлась дѣятельность Свириденки, она была раритетъ въ своемъ родѣ. И тѣмъ болѣе прискорбно, что эта дѣятельность прошла безслѣдно для общественнаго сознанія, не оцѣненная и даже не примѣченная. Ясный знакъ, что общество стоитъ еще не на высокой степени развитія, что ему бросаются въ глаза пока только тѣ силы, которыя являются на сценѣ дѣйствія въ ореолѣ власти, богатства, знаменитости рода, оффиціальности положенія, и что его зрѣніе остается пока закрытымъ для силъ моральныхъ, которыя, между тѣмъ, только однѣ и могутъ вести общество по пути дѣйствительнаго прогресса и вливать въ него истинную жизнь.

Читатель извинитъ меня, что я такъ долго остановился на личности Свириденко и счелъ своею обязанностію положить хотя и поздній вѣнокъ на его гробъ, теперь всѣми почти забытый. Обращаюсь снова къ магазину г. Кожанчикова. Свириденко умеръ въ 1864 году. Со смертію его, магазинъ г. Кожанчикова, хотя и потерялъ немаловажную часть своего прежняго внутренняго значенія, но внѣшнимъ образомъ продолжалъ процвѣтать и даже шелъ въ гору. Г. Кожанчиковъ открылъ, кромѣ Петербурга, книжные магазины въ Казани, Варшавѣ, Харьковѣ. Все, повидиму, шло прекрасно и заставляло надѣяться, что фирма г. Кожанчикова сдѣлается солиднѣйшею изъ всѣхъ фирмъ по книжной торговлѣ и пуститъ современемъ отъ себя филіаціи по всѣмъ главнѣйшимъ городамъ Россіи. Какъ вдругъ, неизвѣстно почему, наступили какія-то запутанныя обстоятельства въ дѣлахъ г. Кожанчикова, которыя заставили его закрыть свой магазинъ въ гостиномъ дворѣ и соединиться съ г. Черкесовымъ. Отъ души желаю г. Кожанчикову съ честью выйдти изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ и вновь разцвѣсти.

Наконецъ, я думаю, что магазинъ книжной торговли могъ бы хорошо идти и процвѣтать и въ рукахъ г. Черкесова, хотя, по моему мнѣнію, г. Черкесовъ и не имѣетъ многихъ качествъ, необходимымъ для истиннаго книгопродавца. Г. Черкесовъ, какъ мнѣ кажется, неспособенъ къ черной, кропотливой и усидчивой работѣ. Онъ не будетъ торчать цѣлый день въ магазинѣ, корпѣть надъ счетами и отчетами, бѣгать каждый день рано утромъ на толкучку, заводить пріятельское знакомство съ ведущими здѣсь торговлю Сидорычами и Панфнутьичами и т. п., чтобы знать: какъ, что и гдѣ? Г. Черкесовъ выше всего этого: по своему воспитанію и привычкамъ, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые могутъ сказать о себѣ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Въ прежнее время г. Черкесовъ, навѣрное, съ отличіемъ служилъ бы въ гвардіи или дипломатіи. Но новое время толкнуло его въ другія сферы, и онъ очутился книгопродавцемъ. Профессія, мало подходящая къ его характеру и качествамъ; тѣмъ не менѣе, дѣло могло бы идти. Г. Черкесовъ—человѣкъ ловкій, подвижной, бойкій, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, по французски говоритъ, какъ природный французъ, знаетъ заглавія всѣхъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій—этого было бы очень довольно, чтобы быть даже блестящимъ представителемъ фирмы въ магазинѣ въ тѣ часы, когда стекается въ него избранная публика. Затѣмъ средства г. Черкесова были очень достаточны, чтобы поставить и вести книжную торговлю какъ слѣдуетъ. Ему нуженъ былъ только честный, дѣльный и дѣятельный помощникъ или товарищъ. Найти такой кладъ у насъ—дѣло очень нелегкое, и найденъ ли онъ г. Черкесовымъ, или нѣтъ—я не знаю. По послѣдствіямъ могу только заключить, что нѣтъ. Впрочемъ, въ соединеніи другъ съ другомъ, гг. Черкесовъ и Кожанчиковъ представляютъ рѣдкое и, можно сказать, особенно счастливо комбинированное цѣлое—и нѣтъ сомнѣнія, что, если они будутъ дружно работать для общей цѣли, они могутъ вывести свои дѣла на хорошую дорогу.

Мнѣ слѣдовало бы сказать еще нѣсколько словъ о покойномъ Звонаревѣ. Этотъ человѣкъ, по своему трудолюбію, выдержкѣ, по своему честному отношенію въ торговыхъ дѣлахъ, былъ бы достоинъ лучшей участи. Жаль, что онъ не получилъ никакого школьнаго образованія и не могъ имѣть никакой самостоятельности въ веденіи внутренней стороны книжно-торговаго дѣла.

Всѣми приведенными мною фактами читатель, конечно, вполнѣ убѣдился, что солнечная сторона Невскаго проспекта до сихъ поръ не благопріятствовала книжной торговлѣ. Какую изъ всего мною сказаннаго можно вывести мораль?

Еслибы было несомнѣнно доказано, что существуетъ такія неустранимыя натуральныя причины или даже только трудно побѣдимыя соціальныя условія, которыя всегда будутъ и впредь разрушительно дѣйствовать на книжную торговлю на солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, то я бы сказалъ, что основывать книжную торговлю здѣсь небезопасно, равно какъ небезопасно имѣть дѣла съ тѣми, кто здѣсь основываетъ свою торговлю. Но этого не доказано; даже изслѣдованій до сихъ поръ по этому вопросу никто не предпринималъ. Я первый лишь сдѣлалъ предположеніе: нѣтъ ли какихъ нибудь причинъ неизмѣняемыхъ или трудно измѣняемыхъ, которыя не благопріятствуютъ книжной торговлѣ на солнечной сторонѣ Невскаго проспекта? Данныя, на основаніи которыхъ я пришелъ къ такому предположенію, я высказалъ выше; но насколько они даютъ мѣсто моему предположенію—предоставляю обсудить это безпристрастной критикѣ.

Я же, пока, могу говорить только о прошедшемъ, о томъ, что было до сихъ поръ. До сихъ поръ было небезопасно основывать магазины книжной торговли на солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, равно какъ было небезопасно ввѣрять авторамъ свои книги, покупателямъ свои деньги для коммиссіи этимъ магазинамъ. Страдали и книгопродавцы, страдали и тѣ, которые имѣли необходимость или неосторожность дѣлать имъ коммиссіи. Кто болѣе страдалъ—опредѣлить трудно; но я полагаю, что болѣе страдали книгопродавцы, потому что они не только раззорялись сами, но и раззоряли другихъ—а послѣднее, вѣроятно, для нихъ было очень тяжело, ибо я никакъ не думаю, чтобы у нихъ совсѣмъ не было совѣсти.

Главнымъ соблазномъ для грѣхопаденій книгопродавцемъ, а, слѣдовательно, главнымъ источникомъ ихъ нравственныхъ страданій—при сдѣланномъ нами предположеніи—служатъ авторы-издатели книгъ и иногородные подписчики.

Книгопродавцу, и не потерявшему окончательно совѣсть, но съ моральнымъ характеромъ слабымъ, очень трудно удержаться отъ покушенія обобрать довѣряющаго ему на коммиссію свою книгу сочинителя. Прежде всего, его располагаетъ къ этому личность самого сочинителя. Передъ нимъ, въ качествѣ сочинителя, предстаетъ обыкновенно или, по крайней мѣрѣ, бо́льшею частью, существо скромное, мягкое, застѣнчивое, безъ малѣйшихъ признаковъ воинственнаго пошиба въ осанкѣ, манерахъ, взорѣ, голосѣ. Книгопродавецъ сразу смекаетъ, что это за птица, и въ умѣ его немедленно пробѣгаетъ цѣлый рядъ мыслей, располагающихъ его къ обиранію. «Если мы этакимъ будемъ спускать, думаетъ про себя книгопродавецъ, то намъ совсѣмъ жить будетъ нечѣмъ. Вѣдь, ужъ тутъ опасаться совсѣмъ нѣчего... Бокса отъ такой персоны ожидать ни въ какомъ случаѣ нельзя; въ судъ, въ полицію, къ мировому онъ тоже ни подъ какимъ видомъ не пойдетъ. Куда ему! онъ своей тѣни боится. Одно возможно... пожалуй, гласности предастъ—распишетъ; на перѣ, пожалуй, зубастъ; да и то нѣтъ!—не сдѣлаетъ. У всѣхъ этихъ сочинителей мозги не совсѣмъ въ исправности: когда дѣло идетъ объ эксплуатаціи другихъ, они выходятъ изъ себя, готовы на стѣну лѣзть, кричатъ о необходимости строгихъ законовъ, строгихъ судовъ, строгихъ наказаній для эксплуататоровъ; когда ихъ самихъ оберутъ—пишкни! не пикнутъ! Куда, дескать, я въ судъ потянусь—вѣдь это—скандалъ! да и что за жадность такая!» Пробѣжавши въ умѣ своемъ этотъ процессъ мыслей съ быстротою молніи, книгопродавецъ обращается къ явившемуся передъ нимъ сочинителю съ вопросомъ: «что вамъ угодно?» «Да, вотъ, я книгу издалъ, говоритъ покаяннымъ голосомъ сочинитель, точно дѣйствительно грѣхъ учинилъ:—такъ не возьмете ли на коммиссію?»—«Отчего же, съ удовольствіемъ, отвѣчаетъ книгопродавецъ: —за коммиссію съ публикаціей мы беремъ 35 процен-

товъ».—«Это какъ-будто дорогонько», процѣживаетъ въ полголоса, сквозь зубы, сочинитель.—«Ну, нѣтъ, не скажите, бойко возражаетъ книгопродавецъ.—Мы вѣдь то и дѣло публикуемъ о книгахъ, находящихся у насъ на коммиссіи (въ дѣйствительности, никогда не публикуетъ), а эти публикаціи обходятся намъ въ золотую копѣйку».—«Хорошо, я согласенъ, отвѣчаетъ сочинитель.—А какъ же полученіе денегъ будетъ?..»—«А получать деньги будете по мѣрѣ продажи книги... Навѣдывайтесь почаще, заключаетъ книгопродавецъ.— Что получимъ, не задержимъ». Сочинитель привозитъ книгопродавцу все изданіе своей книги, обѣщаясь черезъ мѣсяцъ придти навѣдаться, какъ идетъ книга, и получить, что будетъ ему слѣдовать. Какъ школьникъ ждетъ вакаціоннаго времени, такъ онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ дня, въ который истечетъ мѣсяцъ со времени отдачи изданія въ магазинъ, чтобъ имѣть право придти сюда и узнать судьбу своей книги. Наконецъ, этотъ мѣсяцъ, для сочинителя самый тревожный мѣсяцъ—мѣсяцъ самыхъ радужныхъ мечтаній и самыхъ мрачныхъ опасеній, мѣсяцъ надеждъ и страха, тянувшійся чуть не цѣлую вѣчность—оканчивается. Сочинитель является къ книгопродавцу въ волненіи, съ вопросомъ: «Что книга?»—«Да не ходко пока идетъ. Экземпляровъ десять разошлось—что ли?» обращается онъ къ одному изъ своихъ приказчиковъ. «Точно такъ, десять»—отвѣчаетъ послѣдній. «Не угодно ли будетъ получить деньги за десять экземпляровъ? обращается онъ къ сочинителю, прибавляя: — понавѣдайтесь черезъ мѣсяцъ; въ публикѣ еще не распространились свѣдѣнія о вашей книгѣ. Авось на будущій мѣсяцъ будетъ лучше».—Получивъ въ первый мѣсяцъ продажи шестнадцать рублей съ копѣйками за сочиненіе, надъ которымъ работалъ не одинъ годъ, сочинитель сразу съ неба упадаетъ на землю; всѣ радужныя мечты—долой. Сначала, нравственно разбитый и уничтоженный, онъ возвращается домой. Но потомъ помаленьку отходитъ и оживаетъ: надежда все-таки не покидаетъ его. «Что-же, въ самомъ дѣлѣ!- думаетъ онъ:—можетъ быть, книгопродавецъ и правъ; можетъ быть, публика еще дѣйствительно не успѣла познакомиться съ моей книгой. Положимъ, публикаціи я дѣлалъ; но, вѣдь, когда-то соберутся купить книгу тѣ, которые могутъ сдѣлать ей реномѣ, когда-то прочтутъ ее! На все это надо время; я слишкомъ скоро пошелъ въ магазинъ. Надобно имѣть терпѣніе подождать мѣсяца три и потомъ уже навѣдаться». Надобно быть сочинителемъ самому, имѣть порядочную дозу авторскаго самолюбія и, при этомъ, для изданія книги войдти, можетъ быть, въ долги, чтобы понять то, что перечувствуетъ сочинитель въ эти долгіе, нескончаемые мѣсяцы ожиданія. Наконецъ, срокъ кончается. Сочинитель съ замирающимъ сердцемъ летитъ въ магазинъ и чуть слышно произноситъ вопросъ: «Что книга?» — «Да неходко идетъ, отвѣчаетъ хладнокровно книгопродавецъ.—Сколько—экземпляровъ около двадцати, кажется, разошлось?» спрашиваетъ онъ прикащика. «Нѣтъ, только пятнадцать»—отвѣчаетъ послѣдній. «За пятнадцать экземпляровъ, за вычетомъ 35% коммиссіонныхъ, слѣдуетъ, бормочетъ про себя книгопродавецъ и потомъ, подавая деньги сочинителю, говоритъ:—вы бы понавѣдались...» Но сочинитель ничего не слышитъ и не видитъ; онъ положительно убитъ. Схвативъ деньги, онъ опрометью бросается изъ магазина и затѣмъ не только не заходитъ въ магазинъ справляться о своей книгѣ, а даже, когда случайно приходится на улицѣ встрѣтить книгопродавца, онъ отворачивается отъ него, какъ будто не замѣтилъ. Такъ проходитъ мѣсяцевъ восемь, девять. Наконецъ друзья начинаютъ приставать къ сочинителю и требовать, чтобы онъ сходилъ въ магазинъ понавѣдаться о своей книгѣ, и непрестаннымъ надоѣданіемъ, увѣщаніями, шутками поднимаютъ его на ноги. Сочинитель собирается съ духомъ и отправляется въ магазинъ, «Что вамъ угодно?» спрашиваетъ его книгопродавецъ, точно видитъ въ первый разъ въ жизни. «Да тутъ у васъ книга моя есть на коммиссіи»,—объясняетъ едва слышно, смущенный вопросомъ книгопродавца сочинитель. «Какъ названіе книги?» —спрашиваетъ книгопродавецъ. Сочинитель сказываетъ названіе. Книгопродавецъ показываетъ видъ, что усиливается припомнить названную книгу, потомъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ припоминанія, говоритъ сочинителю: «Извините, совсѣмъ не помню вашей книги», и приказываетъ своимъ молодцамъ справиться о ней. Молодцы справляются и докладываютъ, что такая книга дѣйствительно есть и что, въ теченіи восьми мѣсяцевъ, ея продано три экземпляра. «За вычетомъ коммиссіонныхъ, вамъ слѣдуетъ...» обращается книгопродавецъ съ своей обычной рацеей къ сочинителю. Но сочинителя уже и слѣдъ простылъ. При извѣстіи, что его книга, въ теченіи восьми мѣсяцевъ, разошлась всего въ трехъ экземплярахъ, у него вся кровь бросилась въ голову, и онъ не вышелъ, а выпрыгнулъ изъ магазина стремглавъ. «Экъ я его огрѣлъ, думаетъ про себя, смѣясь, книгопродавецъ:—теперь плетьми не загонишь его въ магазинъ справляться о книгѣ».

Но какъ же все это понимать? спроситъ меня читатель. Дѣйствительно-ли нейдетъ книга, или она идетъ, и книгопродавецъ только скрываетъ?—Идетъ-ли книга, или нейдетъ, политика у книгопродавцевъ почти одинаковая—оттягивать, не давать денегъ автору елико возможно. Я представилъ образецъ книгопродавческаго обмана прямо наглаго. Такъ не всегда бываетъ, да и невозможно всегда держаться такой политики. Во-первыхъ, сочинители бываютъ люди болѣе или менѣе знакомые книгопродавцу, которымъ нельзя сказать въ глаза: я васъ запамятовалъ, не знаю; во-вторыхъ есть книги, о которыхъ всѣмъ извѣ-

стно, что онѣ идутъ болѣе или менѣе порядочно и о которыхъ, слѣдовательно, нельзя заявить, что ихъ вышло три экземпляра въ восемь мѣсяцевъ; въ-третьихъ, не всѣ книгопродавцы безъ совѣсти; у нѣкоторыхъ и совѣсть и есть, и они никогда не имѣютъ твердаго и рѣшительнаго намѣренія обобрать автора, но затянуть на неопредѣленное, болѣе или менѣе отдаленное время отдачу денегъ—это, по книгопродавческимъ принципамъ, не считается предосудительнымъ. Ну, а потомъ—что Богъ дастъ...

На это оттягиваніе уплаты денегъ сочинителямъ есть разные пріемы, совершенно приличные. Книгопродавецъ можетъ сказать сочинителю: «Книга ваша идетъ очень недурно, но вы меня извините: я еще не сводилъ счетовъ, дѣлъ у насъ теперь такое множество; потерпите, пожалуйста, вамъ же лучше—получите все гуртомъ». Сочинители почти всѣ, какъ я уже сказалъ,—народъ очень скромный и деликатный. При такой просьбѣ книгопродавца, они будутъ ждать годъ и два, въ особенности, если книгопродавецъ ловокъ и, прося объ отсрочкѣ, увѣряетъ сочинителя, что его книга идетъ; у сочинителя, отъ этого ушки на макушкѣ. Потомъ книгопродавецъ, каждый разъ, когда является къ нему сочинитель, можетъ говорить ему: «Я, право, такъ занятъ, что не успѣваю слѣдить за ходомъ всѣхъ изданій. Вы, пожалуйста, потрудитесь сами справиться о вашемъ изданіи въ нашихъ книгахъ». Затѣмъ сочинитель можетъ, если пожелаетъ, хоть цѣлые дни проводить надъ этими книгами и все-таки уйдетъ ни съ чѣмъ. Это—такая тарабарская грамата, въ которой чортъ ногу переломитъ. А, кромѣ того, рѣдкій сочинитель найдется такой храбрый, который рѣшится рыться въ книгахъ книгопродавца. Вѣдь, это значитъ показать недовѣріе къ книгопродавцу! А между тѣмъ, что такое сочинитель безъ книгопродавца? — пропащій человѣкъ. Захочетъ его книгу пустить книгопродавецъ—она пойдетъ; нѣтъ—она сгніетъ въ кладовыхъ, несмотря на всѣ свои достоинства. Есть очень немного книгъ писателей, давно извѣстныхъ публикѣ и любимыхъ ею, которыхъ не можетъ окончательно затереть книгопродавецъ, но ходъ и этихъ книгъ значительно можетъ затормозить.

Одинъ переводчикъ, извѣстный у насъ своими солидными изданіями, разсказывалъ, что, назадъ тому не мало уже лѣтъ, издалъ онъ на нѣсколько тысячъ книгъ, отчасти на деньги, отчасти въ долгъ, въ надеждѣ, что все; что имъ было потрачено на изданіе книгъ, должно въ непродожительномъ времени возвратиться съ лихвою, такъ какъ изданы книги примѣнительно ко вкусамъ публики и, по всѣмъ соображеніямъ, ходкія. Издалъ онъ книги и сидитъ у моря, ждетъ погодки. Время отъ времени, навѣдывается въ книжный магазинъ. Когда дадутъ 50 руб., когда 25 р., а то и совсѣмъ ничего, а на изданіе потрачены тысячи. Плохо дѣло! Въ отчаяніи, издатель ѣдетъ заграницу. Живетъ тамъ годъ, другой; на третій думаетъ: «а дай-ко я понавѣдаюсь, не пошли ли книги получше безъ меня». Пишетъ письмо къ своему другу: «Сходи, дескать, любезный, въ магазинъ, справься, что дѣлается съ моими изданіями, да основательно справься». Другъ идетъ, справляется; говорятъ: «нейдутъ изданія». Другу показываютъ, въ удостовѣреніе, и книги, и по книгамъ выходитъ, что изданія нейдутъ. Другъ съ горестію отписываетъ объ этомъ издателю заграницу. Издатель порѣшилъ взять неудавшіяся изданія изъ магазина и какъ-нибудь, по уменьшеннымъ цѣнамъ, сбыть ихъ съ рукъ, хоть бы что-нибудь выручить. По возвращеніи изъ-заграницы, онъ является въ магазинъ и требуетъ назадъ свои изданія. Оказывается: изданія всѣ проданы; ему слѣдуетъ получить 20,000 р. А деньги? И денегъ нѣтъ. Фирма, которой ввѣрены были изданія, оказалась значительно прогорѣвшею.

Вы думаете, читатель, это примѣръ единственный? Совсѣмъ нѣтъ; это происходитъ сплошь и рядомъ, что книгопродавцы обираютъ сочинителей. Но признаюсь, я нахожусь въ затрудненіи: кого тутъ обвинять—книгопродавцевъ или сочинителей? По моему личному, внутреннему расположенію, я желалъ бы стать на сторону слабаго противъ хищника, желалъ бы обвинить книгопродавцевъ, какъ хищниковъ, но не могу, ибо многіе изъ нихъ попали въ запутанное положеніе, точно куры во щи, безъ всякаго злого умысла. Натурально, что когда имъ предъявляютъ вексель, они заплатятъ скорѣе по векселю, чѣмъ тому заимодавцу, у котораго нѣтъ никакого документа, хотя бы они отъ всей души желали заплатить послѣднему скорѣе, чѣмъ имѣющему вексель. И поступаютъ въ этомъ случаѣ весьма резонно и возможно справедливо даже по отношенію къ бездокументальнымъ кредиторамъ. Ибо, не уплати они по векселю, у нихъ сейчасъ опишутъ и запечатаютъ магазинъ и приступятъ къ продажѣ. А какъ скоро до этого дѣло дошло, то и тѣ, которые имѣютъ документы, получатъ пять, много десять копеекъ за рубль, а неимѣющіе документовъ ничего не получатъ. Слѣдуя здравой логикѣ, мнѣ слѣдовало бы обвинить сочинителей: зачѣмъ они, среди развращеннаго міра сего, оставаясь незлобивы, яко голуби, не дѣлаются вмѣстѣ съ тѣмъ мудры, яко зміи? Зачѣмъ они не ограждаютъ себя документами? Зачѣмъ они вводятъ въ соблазнъ даже и самыхъ совѣстливыхъ, но слабохарактерныхъ книгопродавцевъ? Но я не могу обвинять и сочинителей. Я вижу, что это—большею частію младенцы въ дѣлахъ міра сего. У кого достанетъ духу обвинить младенца, какое бы криминальнѣйшее, на взглядъ взрослыхъ, преступленіе онъ ни сдѣлалъ? Младенецъ, какъ младенецъ, ео ipso, ни въ чемъ невмѣняемъ. Приходитъ ко мнѣ разъ сочинитель, издавшій нѣсколько книгъ. По разнымъ разсказамъ его, я вижу, что онъ сильно нуждается въ деньгахъ и видимо

желаетъ гдѣ-нибудь перехватить малую толику, ибо деньги нужны, какъ видно, до зарѣзу. Но прямо этого онъ, я думаю, и въ виду неминуемой голодной смерти, никому не скажетъ, изъ опасенія, чтобы лицо, съ которымъ онъ говоритъ, не подумало, что онъ имѣетъ виды на позаимствованіе изъ его кошелька. И это—не исключительный какой-нибудь случай! У многихъ сочинителей деликатность въ денежныхъ дѣлахъ доведена до самой крайней щепетильности! Среди разговоровъ о томъ, о семъ, я, между прочимъ, вставляю: «А что, говорю, я васъ давно хотѣлъ спросить:—хорошо идутъ изданныя вами книги?» —«Какъ же, отвѣчалъ онъ, видимо одушевляясь и сіяя:—бойко идутъ; я и не ожидалъ такъ: нѣкоторыя почти совсѣмъ разошлись».—«Ну, что-жъ, замѣчаю я:—давай Богъ; значитъ, у васъ теперь денегъ куча». «Да нѣтъ, говоритъ, ничего не даютъ издатели» (книги его издавалъ магазинъ).—«Какъ такъ?» спрашиваю я.—«Да такъ, говоритъ:—сначала, при изданіи, немного дали—очень мнѣ нужно было, потомъ обѣщали принести, да все не приносятъ».—«А! говорю я:—такъ вы ждете, что вамъ сами принесутъ? Значитъ, у васъ надежный документикъ есть?»—«Нѣтъ, говоритъ: документа ровно никакого нѣтъ». —«Какъ никакого?—говорю я.—Даже и простой росписки?»—«Даже и простой росписки». Ну, однимъ словомъ, весь договоръ объ изданіи совершился точно такъ же, какъ и у вышеупомянутаго г. Никитина съ А. Ѳ. Базуновымъ. «Послушайте, серьезно сказалъ я сочинителю:—вы бы сходили въ магазинъ да попросили себѣ если не немедленной выдачи денегъ, то немедленной выдачи какого-нибудь документа; слухи носятся, что фирма, которой вы отдали вашу книгу, не совсѣмъ надежна. Сохрани Богъ, если она лопнетъ—вы не получите ни копейки; да и безъ этого она всегда прежде будетъ оплачивать по необходимости документальные долги, и, такъ какъ таковыхъ документальныхъ претензій у ней очень много, то вамъ трудно надѣяться что-нибудь получить. Вамъ надобно непремѣнно заручиться отъ нея какимъ-нибудь документомъ, и, притомъ, непремѣнно срочнымъ». Сочинитель послѣдовалъ моему совѣту и пошелъ въ магазинъ; въ успокоеніе, ему дали тамъ какой-то лоскутокъ бумаги, на которомъ было изображено, что магазинъ ему долженъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣрили его, что по маленькимъ частямъ долгъ ему постоянно будетъ уплачиваться, время отъ времени. Для полученія первой изъ такихъ частей назначили и день на слѣдующей недѣлѣ. Сочинитель приходитъ въ назначенный день—ничего не даютъ, извиняются, что какой-то непредвидѣнный, экстренный расходъ заставилъ ихъ истратить отложенную для него часть. Просятъ придти на слѣдующей недѣлѣ въ тотъ же день, въ такой-то часъ—и тогда ужъ непремѣнно уплата будетъ сдѣлана. Приходитъ сочинитель на слѣдующей недѣлѣ, въ назначенный день и часъ—не находитъ вовсе и хозяина въ магазинѣ. Что было дальше—не знаю; слышалъ только, что сочинитель разыскиваетъ адресъ какого-то адвоката для вчинанія иска въ мировомъ судѣ. Но все это, по моему мнѣнію, съ его стороны—пустое препровожденіе времени и ни къ чему не поведетъ. Я твердо убѣжденъ, что онъ ничего не получитъ, а только умается хожденіемъ по дѣламъ, отнимающимъ у него время и растраивающимъ нервы, и потомъ пожалѣетъ, что не плюнулъ на все раньше.

Такова судьба сочинителей, ввѣряющихъ свои изданія книжнымъ магазинамъ на продажу! Но судьба иногородныхъ подписчиковъ, присылающихъ въ эти магазины деньги на книги и журналы, еще плачевнѣе! О сочинителѣ можно сказать, что онъ страдаетъ, главнымъ образомъ, по собственной винѣ. Не будь онъ младенецъ, онъ всегда имѣлъ бы возможность оградить себя самыми прочными документами отъ хищничества книгопродавцевъ. Иногородный подписчикъ—совсѣмъ другое дѣло. Онъ совершенно беззащитенъ. Его отношенія къ книгопродавцу такія же, какъ отношенія просителя къ своему начальству или бывшихъ крѣпостныхъ къ своему барину. Отправилъ онъ книгопродавцу деньги съ просьбой выслать книги или журналы, и сиди смирно, жди, что книгопродавцу угодно будетъ сдѣлать. Вышлетъ онъ требуемыя книги или журналы—ладно, говори: «слава Богу»; нѣтъ—и дѣло съ концомъ; значитъ, деньги пропали.

Замѣтьте, читатель, что я говорю о подписчикѣ только иногородномъ, а никакъ не петербургскомъ. Петербургскій подписчикъ—совсѣмъ другое дѣло. Относительно книгъ онъ—вовсе и не подписчикъ, а покупатель, выдающій деньги только тогда, когда ему дадутъ требуемую книгу. Относительно журналовъ и его, конечно, можно назвать подписчикомъ, то-есть человѣкомъ, дѣлающимъ магазину коммиссію съ уплатою денегъ впередъ. Но этотъ подписчикъ всегда на лицо въ Петербургѣ, и едва ли какой нибудь книгопродавецъ, если онъ не имѣетъ намѣренія немедленно отъѣхать въ чужіе края, рискнетъ не доставить петербургскому подписчику выписанный имъ журналъ, исключая какихъ нибудь развѣ крайнихъ случаевъ. Потому что между подписчиками, состоящими на лицо, могутъ найтись люди не только разныхъ неспокойныхъ нравственныхъ качествъ, неудобныхъ для книгопродавца, желающаго зажилить чужія деньги, но и тѣлеснаго сложенія, еще болѣе для этой цѣли неблагопріятнаго. Между подписчиками попадаются люди съ такими атлетическими формами, съ такими крѣпкими мускулами и развитыми дланями, что книгопродавецъ только посматриваетъ на нихъ искоса и думаетъ: «нѣтъ, чортъ возьми, не пошли этому журнала, такъ онъ такъ неосторожно заѣдетъ въ харьковскую, что, пожалуй, рыло своротитъ на сторону, или такого дастъ бокса, что потомъ реберъ не досчитаешься».

Я полагаю, что въ этомъ постоянномъ присутствіи петербургскихъ подписчиковъ на лицо въ Петербургѣ и въ ихъ разнообразныхъ, нравственныхъ и физическихъ качествахъ, нелишенныхъ значенія въ регулированіи русской книгопродавческой дѣятельности, и заключается единственная гарантія большей или меньшей исправности по отношенію къ нимъ петербургскихъ книгопродавцевъ. Иногородный подписчикъ лишенъ такой гарантіи и потому остается совершенно беззащитенъ. Ибо у него нѣтъ болѣе никакихъ средствъ заставить книгопродавца быть исправнымъ. Ну, скажите пожалуйста, что онъ можетъ дѣлать? Будетъ къ книгопродавцу писать письма? Книгопродавецъ не будетъ отвѣчать. Пошлетъ жалобу въ петербургскую полицію? Полиція не имѣетъ никакихъ правъ по гражданскимъ взысканіямъ. Въ мировой судъ? Но иски въ мировыхъ судахъ обставлены такими формальностями, что тутъ надобно непремѣнно пригласить адвоката, снабдить его законною довѣренностію и т. п. Не говоря уже о томъ, что тутъ хлопотъ полонъ ротъ, адвокатъ не возьметъ за дѣло менѣе 50 р. А подписчикъ, можетъ быть, и книгъ-то всего выписалъ на 10 или на 20 р. Кто же согласится, если онъ и можетъ, терять minimum 50—60 р. для того, чтобы возвратить съ книгопродавца 10 или 20 руб. Такимъ образомъ, иногородный подписчикъ поставленъ совершенно внѣ покровительства законовъ, и, вѣроятно, десятки, сотни тысячъ денегъ, посылаемыхъ имъ на книги петербургскимъ и московскимъ книгопродавцамъ, пропадаютъ въ лапахъ послѣднихъ безслѣдно и безнаказанно.

Это—ужаснѣйшее зло, и зло не частное только, а зло государственное. Благосостояніе государства неразрывно связано съ распространеніемъ образованія въ народѣ. За послѣднее время наше правительство съ неослабною энергіею стремится къ достиженію этой цѣли, заботясь объ умноженіи школъ, учреждая школы для солдатъ, сокращая сроки военной службы для обучавшихся въ школахъ, удешевляя почтовую плату за пересылку книгъ и т. д. И вдругъ тормозомъ на пути къ этой великой цѣли является гнусная алчность книгопродавцевъ, людей, которые, по самой своей профессіи, болѣе всѣхъ должны бы были сочувствовать и содѣйствовать стремленіямъ правительства. И въ дѣйствительности, этотъ тормозъ вовсе не такъ незначителенъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Когда бѣдный человѣкъ, собравъ свои послѣдніе гроши на покупку книги, отсылаетъ ихъ книгопродавцу, а послѣдній ихъ проглатываетъ, то этимъ отбивается охота покупать книги не только у того бѣднаго человѣка, у котораго онѣ проглочены книгопродавцемъ, но и у стоящихъ за нимъ десяти, можетъ быть сотни человѣкъ, которые тоже желали бы купить книгъ, но боятся потерять деньги. Такимъ образомъ, на дѣйствіе книгопродавца, зажиливающаго деньги, посланные ему на книги, нельзя смотрѣть только, какъ на частное правонарушеніе—оно, въ самомъ прямомъ и точномъ смыслѣ, является противодѣйствіемъ стремленію государственному. Поэтому, мнѣ кажется, было бы вполнѣ справедливо неисполненіе книгопродавцами коммиссій иногородныхъ подписчиковъ по высылкѣ книгъ отнести въ разрядъ дѣлъ уголовныхъ, и всякое неисполненіе такихъ коммиссій въ опредѣленный срокъ преслѣдовать, какъ воровство-мошенничество. Этимъ путемъ вполнѣ гарантировались бы и частные интересы иногородныхъ подписчиковъ, находящихся нынѣ рѣшительно внѣ покровительства закона, отъ хищничества книгопродавцевъ.

Тогда порядокъ преслѣдованія книгопродавцевъ по злоупотребленіямъ коммиссіями иногородныхъ подписчиковъ могъ бы установиться слѣдующій:

Каждый иногородный подписчикъ, пославшій книгопродавцу деньги на книги и не получившій книгъ въ теченіи полутора, двухъ, трехъ мѣсяцевъ, смотря по разстоянію его мѣста жительства отъ Петербурга, посылаетъ заявленіе объ этомъ прокурору петербургскаго окружнаго суда съ приложеніемъ почтовой квитанціи въ отсылкѣ денегъ.

Прокуроръ по этой квитанціи наводитъ справки въ надлежащемъ магазинѣ о полученіи денегъ. И, если окажется, что со дня полученія денегъ въ теченіи двухъ недѣль требованныя подписчикомъ книги не были высланы книгопродавцемъ, то привлекаетъ послѣдняго къ суду за воровство-мошенничество.

У книгопродавца, который такимъ образомъ будетъ три раза привлеченъ къ суду, отнимается навсегда право книжной торговли.

Я увѣренъ, что, еслибы такой порядокъ былъ учрежденъ, то современемъ сами книгопродавцы были бы очень благодарны правительству за то, что оно отняло у нихъ искушеніе грязнить себя и свою профессію. Что касается до иногородныхъ подписчиковъ — о тѣхъ и говорить нечего. Тѣ просто были бы въ восторгѣ!

Апрѣль 1876.

Прокламація, обнародованная коммиссіей для изслѣдованія медіумическихъ явленій.—Характеръ изслѣдованій коммиссіи и результаты, ею добытые.—Коммиссія, занимающаяся разработкой вопроса о высшемъ женскомъ образованіи.—Вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи вообще.—Результаты, къ которымъ пришла коммиссія.—Женщины, получившія дипломы докторовъ медицины въ иностранныхъ университатахъ и болѣе трехъ лѣтъ экзаменуемыя въ Россіи на степень ученыхъ акушерокъ.—Недопущеніе г-жи Кашеваровой-Рудневой къ защитѣ докторской диссертаціи.—Сочувствіе г. министра народнаго просвѣщенія высшему женскому образованію.—Необходимость введенія въ женскія гимназіи полной программы мужскихъ гимназій.—Необходимость обязательнаго народнаго образованія.—Дѣло г. Крестовскаго.

Коммиссія физическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ, занимавшаяся изслѣдованіемъ медіумическихъ явленій, наконецъ, откликнулась и обнародовала обширную прокламацію о результатахъ своихъ изслѣдованій. Въ концѣ этой прокламаціи красуются двѣнадцать ученыхъ именъ, утверждающихъ достовѣрность всего того, что въ ней изображено. И какія имена! Все, что только могло, все, что хоть сколько-нибудь пріобщилось къ ученію о естествѣ—все ополчилось на спиритизмъ и вошло въ эту коммиссію. Не только профессора, но и преподаватели, приват-доценты, магистранты, лаборанты—всѣ призваны были въ коммиссію на защиту науки!

Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же несправедливо обойдены коммиссіей незабвенные московскіе братья Милеанты? Они, вѣроятно, также не чужды ученію о естествѣ. Что касается до готовности постоять за науку, то въ этомъ они несомнѣнно не уступятъ ни одному изъ настоящихъ членовъ коммиссіи. Задача же коммиссіи сыла именно такова, что здѣсь требовались не столько люди науки, сколько люди, считающіе пебя, если можно такъ выразиться, состоящими кри наукѣ по особымъ порученіямъ. Вопросы, боторые поставила себѣ для разрѣшенія коммиссія, были вопросы совсѣмъ неразрѣшимые для науки и вовсе не подлежащіе даже ея изслѣдованію. Міръ спиритизма и міръ, подлежащій вѣдѣнію науки, это—два міра, діаметрально противоположные другъ другу, не имѣющіе ни одной точки соприкосновенія между собою, никакихъ общихъ пріемовъ для изслѣдованія истины, мало того—взаимно исключающіе другъ друга. Если спиритъ съ полнымъ убѣжденіемъ можетъ выдавать за несомнѣнную истину, что столъ двигается нѣкоторою силою, находящеюся совершенно внѣ міра, подлежащаго вѣдѣнію науки, то для человѣка науки такая истина просто nonsens, круглая нелѣпость. О чемъ же могутъ человѣкъ науки и спиритъ разсуждать другъ съ другомъ и какими доказательствами будутъ они убѣждать другъ друга? Представьте себѣ, что нѣсколько анатомовъ, хирурговъ, физіологовъ собралось бы вмѣстѣ и составили ученую коммиссію для изслѣдованія вопроса о томъ: можно ли отрѣзать ногу у дѣвицы Жекэ и подвергнуть ее научному изслѣдованію? Такую коммиссію, навѣрное, всѣ, нисколько не задумываясь, назвали бы коммиссіею съумасшедшихъ. Но, вѣдь, тѣ же самые спириты, которые говорятъ, что есть нѣкоторая таинственная сила, двигающая столами, утверждаютъ, что эта самая сила и матеріализируетъ духовъ—облекаетъ ихъ не только въ человѣческое тѣло, но даже въ модныя платья. И если человѣкъ науки настолько имѣетъ довѣрія къ первому положенію, что можетъ признавать его фактомъ, достойнымъ научнаго изслѣдованія, то непонятно, на какомъ бы основаніи онъ сталъ отказываться и отъ изслѣдованія второго положенія, съ научной точки зрѣнія совершенно одинаковаго достоинства съ первымъ.

Изъ этого ясно, что если люди науки вступаютъ въ разсужденія и состязаются со спиритами, то дѣлаютъ это никакъ не въ качествѣ людей науки. Напротивъ, на это время они великодушно забываютъ, что они—люди науки, самоотверженно снимаютъ съ себя ученыя мантіи и одѣваются въ костюмъ фокусниковъ, чтобы высмотрѣть тѣ секреты, посредствомъ которыхъ спириты производятъ свои фокусы и, если возможно, перефокусничать ихъ. Полицейская наблюдательность, полицейская проницательность, ловкость, расторопность—вотъ качества, которыми они тогда для успѣха дѣла вооружаются по мѣрѣ данныхъ каждому изъ нихъ для этого отъ Бога силъ и способностей. И, собственно говоря, трудно сказать: какая коммиссія могла бы съ бо́льшимъ успѣхомъ разоблачить секреты спиритовъ—коммиссія ли, составленная изъ людей науки, или коммиссія изъ простыхъ фокусниковъ? Что касаемся до меня, то, даже при равныхъ способностяхъ и результатахъ, я всегда предпочелъ бы коммиссію изъ фокусниковъ: потому что послѣдняя ни своимъ вниманіемъ, ни своими пріемами и обстановкой, ни успѣхомъ, ни неуспѣхомъ не можетъ дать въ глазахъ публики

серьёзнаго значенія пустякамъ и тѣмъ какъ бы санкціонировать ихъ право на вниманіе. Спиритизмъ такъ бы и остался для всѣхъ пустяками, что̀ бы съ нимъ ни дѣлала и къ какимъ бы результатамъ ни пришла коммиссія, составленная изъ фокусниковъ—и, между прочимъ, именно потому, что имъ занимаются только фокусники, наука же считаетъ этотъ предметъ недостойнымъ своего вниманія.

Теперь, когда изслѣдованіемъ спиритизма занялись люди науки, дѣло стало совсѣмъ иначе... Но, разъ оно такъ стало, назадъ его не поворотишь—и намъ не остается ничего болѣе дѣлать, какъ принести дань удивленія подписавшимся подъ прокляціею двѣнадцати апостоламъ науки за подъятый ими подвигъ изслѣдованія спиритизма, хотя и вполнѣ безполезный, но самоотверженный, а затѣмъ разсмотрѣть тѣ мотивы, которые побудили ихъ, по ихъ собственнымъ словамъ, на изслѣдованіе спиритизма, и тѣ результаты, которыхъ они достигли.

Почтенные двѣнадцать ученыхъ объявляютъ въ своей прокламаціи, что образовали изъ себя коммиссію вовсе не съ научною цѣлію—не съ цѣлію изслѣдовать спиритизмъ (нелѣпость этого лжеученія была для нихъ выше всякаго сомнѣнія)—а съ цѣлію чисто практическою, *миссіонерскою*. Видите ли, они имѣли въ виду:

а) «быстроту, съ какою въ началѣ 1875 года сталъ распространяться интересъ къ медіумическимъ явленіямъ»;

б) «легкомысленное отношеніе многихъ къ мистическому ученію спиритовъ», и

в) «упреки, обращенные къ наукѣ, не признающей спиритовъ, со стороны лицъ, начавшихъ распростанять у насъ это ученіе»—ну, а имѣя все это въ виду, они не могли удержаться, чтобы не вступить въ состязаніе со спиритами *о правой вѣрѣ*. Какъ видите, передъ нами являются новые святые отцы правовѣрной науки, которые, усмотрѣвъ между правовѣрными смущеніе, производимое новымъ еретическимъ ученіемъ, возревновали о правой наукѣ и рѣшились открыть соборъ изъ правовѣрныхъ ученыхъ для суда надъ еретическимъ ученіемъ. На судъ, вмѣстѣ съ ученіемъ, необходимо было, по древнему обычаю, привлечь и ересіарховъ или главныхъ виновниковъ въ распространеніи лжеученія. Такъ и поступила коммиссія. «Немедленно—пишетъ она—по учрежденіи, коммиссія обратилась къ лицамъ, распространяющимъ у насъ спиритизмъ, съ приглашеніемъ доставить свѣдѣнія о подлинныхъ спиритическихъ явленіяхъ. Гг. Аксаковъ, Бутлеровъ и Вагнеръ приняли это предложеніе». Правда, эти лица далѣе въ прокламаціи не называются ни обвиняемыми, ни ересіархами, какъ это дѣлалось въ старину, а титулуются только свидѣтелями; но читатель не долженъ забывать, что въ новыхъ утонченныхъ и деликатныхъ судебныхъ формахъ очень нерѣдко въ качествѣ свидѣтелей фигурируютъ самые крупные обвиняемые до тѣхъ поръ, пока ихъ преступленіе окончательно не выяснится и ихъ не пересадятъ на скамью подсудимыхъ. Кромѣ того, коммиссія, весьма естественно, всѣми силами старается о томъ, чтобы скрыть свой настоящій полицейско-судебный характеръ и придать себѣ ученый колоритъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы сказать прямо и откровенно: «мы собрались для того, чтобы осудить вновь явившееся еретическое ученіе и его распространителей, что вполнѣ логично вытекаетъ изъ тѣхъ чисто миссіонерскихъ мотивовъ, приведенныхъ нами выше, которые подали поводъ къ учрежденію коммиссіи», ученые мужи, засѣдающіе въ коммиссіи, говорятъ: «Коммиссія задалась цѣлію: снять съ явленій спиритизма печать таинственности, провѣрить ихъ неподдѣльность и *подлинные изъ нихъ, если они существуютъ, изучить съ помощью способовъ, приличныхъ наукѣ*». Но позвольте: о какихъ же подлинныхъ въ спиритизмѣ явленіяхъ и о научномъ изслѣдованіи ихъ вы можете говорить, когда въ мотивахъ къ учрежденію коммиссіи вы прямо послѣдователей спиритизма обозвали людьми легкомысленными? Очевидно, на эти слова коммиссіи нельзя смотрѣть иначе, какъ на пустую фразу, стоящую въ прямомъ противорѣчіи съ ея взглядомъ на спиритизмъ.

Выше мы доказали, что, по существу самого дѣла, относительно спиритизма никакого научнаго изслѣдованія быть не могло. Теперь изъ взгляда самой коммиссіи на спиритизмъ оказывается, что она вовсе и не имѣла въ виду научнаго изслѣдованія. Единственно возможное для коммиссіи изслѣдованіе о спиритизмѣ было чисто полицейско-судебное. Произведено ли ею, по крайней мѣрѣ, такое изслѣдованіе обстоятельно и съ толкомъ? И на этотъ вопросъ мы должны, къ сожалѣнію, дать отрицательный отвѣтъ. Возьмемъ для примѣра отчетъ коммиссіи въ засѣданіяхъ ея съ братьями Петти. Вотъ что пишетъ коммиссія:

«Въ октябрѣ 1875 года, въ коммиссію были представлены два медіума, братья Петти, приглашенные А. Н. Аксаковымъ изъ Ньюкэстля. Ихъ медіумичность была удостовѣрена не только письменнымъ свидѣтельствомъ г. Аксакова, но и его указаніемъ на многіе печатные благопріятные отзывы спиритовъ о медіумизмѣ семьи Петти».

«Коммиссія имѣла шесть засѣданій съ медіумами Петти; свидѣтелями были гг. Аксаковъ и Бутлеровъ. Два первыя засѣданія были посвящены, согласно съ желаніемъ свидѣтелей, ознакомленію медіумовъ со средой, въ которой имъ приходилось дѣйствовать. Четыре слѣдующія засѣданія служили для цѣлей коммиссіи и происходили въ ноябрѣ 1875 года. На этихъ засѣданіяхъ оказалось слѣдующее:

«1) Братья Петти производили нѣкоторыя изъ медіумическихъ явленій, обѣщанныхъ особыми заявленіями, когда не было принимаемо

никакихъ предосторожностей, предупреждающихъ возможность обмана, или когда ограничивались мѣрами, указанными свидѣтелями и неустраняющими возможности обмана.

«2) Обѣщанныя медіумическія явленіи или вовсе не совершались въ присутствіи братьевъ Петти, или же обманныя ихъ дѣйствія обнаруживались каждый разъ, когда принимались членами коммиссіи простѣйшія мѣры, могущія изобличить подлогъ.

«3) Свидѣтели ссылались на многолѣтнюю практику спиритизма, а также и сами медіумы требовали при сеансахъ выполненія такихъ условій, какъ темнота или полутьма и удаленіе членовъ коммиссіи отъ медіумовъ, при которыхъ устранялась возможность точнаго наблюденія.

«4) Свидѣтели, въ разное время, весьма различно опредѣляли условія, будто бы благопріятствующія спиритическимъ явленіямъ.

«5) Въ засѣданіи 20-го ноября оказался разрывъ занавѣски, находившейся около медіумовъ и назначенной для прегражденія имъ доступа къ колокольчикамъ, звонъ которыхъ составлялъ обѣщанное спиритическое явленіе».

Прошу каждаго читателя внимательно прочесть выписанныя мною строки и поразмыслить, что можно вынести изъ такого голословнаго протокола коммиссіи, кромѣ того, что *оные* 12 ученыхъ мужей въ ней засѣдали четыре раза вмѣстѣ съ братьями Петти и двумя ересіархами или, какъ выражается коммиссія, свидѣтелями; что братья Петти нѣкоторыя изъ медіумическихъ явленій совершили удачно, когда не было принимаемо предосторожностей со стороны коммиссіи; но когда принимались предосторожности, то или былъ полный неуспѣхъ, или обнаруживались прямо обманныя дѣйствія и т. д. Спрашивается: какія медіумическія дѣйствія совершались братьями Петти успѣшно? безъ какихъ предосторожностей? какія коммиссія принимала предосторожности? какія обманныя дѣйствія обнаружены коммиссіей? и какъ? Ничего этого нѣтъ. Коммиссія, повидимому, не допускаетъ и мысли, чтобы кто-нибудь возъимѣлъ смѣлость усомниться не только въ компетентности ея въ томъ дѣлѣ, за которое она взялась, а даже въ непогрѣшимости ея голословныхъ приговоровъ. И возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, сомнѣваться! Если лаборантъ А. примѣтилъ, магистрантъ Б. подтвердилъ, приватдоцентъ В. согласился, преподователь Г. пояснилъ и дополнилъ изъ собственнаго разума, профессоръ Д. одобрилъ, то какіе еще болѣе непоколебимые упоры можетъ найти простой смертный для утвержденія истины? Такъ, надобно полагать, думаетъ о себѣ коммиссія, и самомнѣніе это въ своемъ родѣ весьма замѣчательное! Даже соборы, за которыми весь міръ признавалъ свыше данное право все *вязать* и *рѣшить* по своему усмотрѣнію, не доходили до такого абсолютнаго пользованія своимъ авторитетомъ, хотя имѣли полное на это право. Привлекая къ отвѣту еретическія ученія и ихъ распространителей, они старались ясными для всѣхъ доказательствами показать несправедливость вновь явившейся ереси и утвердить истину. Современные отцы правовѣрной науки не находятъ этого нужнымъ. Они думаютъ, что стоитъ имъ наименовать свой ученый чинъ и даже чинишко—и весь міръ долженъ вѣрить въ непреложность того, что они скажутъ или сдѣлаютъ. Но, гг. ученые члены коммиссіи, если вы хотите рѣшать вопросы авторитетами тѣхъ или другихъ ученыхъ именъ, то подумайте сколько нужно сложить въ одну чашу вѣсовъ разныхъ лаборантовъ, магистрантовъ, приват-доцентовъ и т. д., чтобы перетянуть даже только два такіе крупные ученые авторитета, какъ Круксъ и Бутлеровъ?

Замѣчательно, что коммиссія, пока она вела свои засѣданія, повидимому, порывалась высказать публикѣ все то, что она предпринимаетъ для раскрытія секретовъ и уличенія спиритовъ. Такъ, въ газетахъ разсказывалось даже о томъ (о чемъ я и упоминалъ уже въ одномъ изъ моихъ обозрѣній), какъ одинъ изъ членовъ коммиссіи состязался со спиритами въ плеваніи, стараясь плюнуть такъ же далеко, какъ они, и даже переплюнуть ихъ. Теперь, когда коммиссія обязана была бы подробно и обстоятельно объяснить, что она дѣлала, она или молчитъ, или отдѣлывается общими мѣстами. Что-жъ это значитъ? Ужъ не стыдится ли коммиссія обнародовать тѣ ученые пріемы, которые она употребляла для уличенія и обличенія спиритовъ? Но, разъ коммиссія разсказала о такомъ фактѣ, какъ ученое состязаніе въ плеваніи, то, мнѣ кажется, стыдиться болѣе вовсе нечего. Далѣе этого ученые пріемы коммиссіи уже не шли, ибо и идти далѣе было некуда. Кромѣ того, и стыдъ этотъ, если онъ есть, совершенно ложный. Разъ коммиссія рѣшилась вести полицейско-судебное изслѣдованіе, нѣтъ такого пріема, который она могла бы считать недостойнымъ себя, если только этотъ пріемъ признанъ ею нужнымъ для раскрытія дѣла.

Не болѣе удовлетворительно изложенъ отчетъ и о засѣданіяхъ коммиссіи съ г-жою Клайръ, но здѣсь, по крайней мѣрѣ, видно, о чемъ именно идетъ рѣчь и изъ-за чего ведется споръ. Г-жа Клайръ и свидѣтели (читай ересіархи; здѣсь уже всѣ трое были на лицо) требуютъ для сеансовъ обыкновенныхъ столовъ; коммиссія настаиваетъ на употребленіи нарочно устроеннаго ею манометрическаго стола. Какіе столы ученая коммиссія разумѣетъ подъ обыкновенными столами—понять невозможно. Она не считаетъ нужнымъ опредѣлять ни вѣса, ни формы, ни величины столовъ, на которыхъ настаивали г-жа Клайръ и свидѣтели. Даже названія для этихъ столовъ она употребляетъ разныя. Можно думать и такъ, что въ разныхъ засѣданіяхъ употреблялись, дѣйствительно, разные столы, а, можетъ быть, произошло это просто оттого, что ученая ком-

миссія точность выраженій считаетъ для себя излишнею роскошью. Я, впрочемъ, склоняюсь къ первому предположенію по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ первомъ пунктѣ отчета говорится о *простомъ столѣ*; во второмъ пунктѣ, вѣроятно, этотъ же самый столъ называется *обыкновеннымъ* столомъ; но въ третьемъ пунктѣ являются, хотя и *обыкновенные*, но уже не *столы*, а *столики*. Не думаю, чтобы эти столики можно было принимать за одно и то же со столами, тѣмъ болѣе, что тутъ же сообщается, что члены коммиссіи разъ прямо замѣтили, что «г-жа Клайръ подвела свою ногу подъ ножку стола». Изъ этого ученаго наблюденія надъ ногою г-жи Клайръ и ножкою стола и сопоставленія съ ножкою стола ноги г-жи Клайръ, сдѣланнаго, очевидно, не безъ тенденціи, я заключаю, что нога г-жи Клайръ была громадна въ сравненіи съ ножкою стола и могла подбросить послѣдній, пожалуй, до потолка, и что, слѣдовательно, столикъ, о которомъ говорится въ третьемъ пунктѣ, есть нѣчто особое, очень легковѣстное по отношенію къ столу обыкновенному и столу простому, упоминаемымъ въ 1-мъ и 2-мъ пунктахъ.

Несмотря на неудовлетворительность отчета, коммиссія осталось видимо довольна своими засѣданіями съ г-жею Клайръ. Во первыхъ, коммиссія сочинила такой столъ, за которымъ г-жа Клайръ не имѣла никакихъ успѣховъ и отъ сеансовъ за которымъ отказались потомъ какъ она, такъ и свидѣтели. Во-вторыхъ, коммиссія съ торжествомъ объявляетъ, что члены ея сами продѣлывали всѣ тѣ же медіумическія явленія, какія и г-жа Клайръ. Очень жаль, что коммиссія не сообщаетъ ни тѣхъ медіумическихъ явленій, которыя были исполнены ея членами, ни именъ членовъ-исполнителей, хотя и нельзя не порадоваться такой замѣчательной побѣдѣ ученой коммиссіи надъ г-жею Клайръ.

Вкратцѣ мы исчерпали почти все фактическое содержаніе изданной ученою коммиссіей прокламаціи. Содержаніе это, какъ видитъ читатель, очень убогое. Изъ этого убогаго содержанія нельзя сдѣлать ровно никакого точнаго вывода. Сама коммиссія чувствовала это и потому, не довольствуясь своими учеными изслѣдованіями, запаслась *источниками* по спиритизму, т. е. печатными свѣдѣніями о спиритическихъ явленіяхъ и о спиритизмѣ вообще; кромѣ того, заставила своихъ членовъ разсказать «всѣ ихъ, какъ она выражается, опыты и наблюденія надъ спиритизмомъ внѣ коммиссіи» и на основаніи такого добротнаго матеріала, скомпановала девять пунктовъ общихъ выводовъ относительно спиритизма. Всѣ эти выводы носятъ характеръ уличныхъ истинъ или истинъ прописной морали. Если угодно, въ общемъ, они—абсолютно вѣрны, но все это—не болѣе, какъ общія мѣста, въ которыхъ нѣтъ никакого опредѣленнаго, прочно-обоснованнаго содержанія. Для провозглашенія такихъ выводовъ вовсе нѣтъ нужды ни засѣдать въ коммиссіи, ни дѣлать ученыя состязанія въ переплевываніи. Ихъ на каждой улицѣ, въ каждомъ переулкѣ, каждый день, на всѣ лады, повторяетъ стоустая молва. И каждый членъ коммиссіи, каждое утро, за своей чашкой чая или кофе, въ какіе-нибудь полчаса можетъ сочинять ихъ цѣлыми десятками. Такимъ же точно характеромъ общаго мѣста запечатлѣно и общее заключеніе коммиссіи, подчеркнутое, однакоже, для читателя, замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, въ самомъ подлинникѣ курсивомъ, аки нѣкая священная мудрость: ты, дескать, читатель, чти и благоговѣй, что мы открыли тебѣ. А заключеніе это провозглашаетъ слѣдующую мудрость: «*спиритическія явленія происходятъ отъ безсознательнаго движенія или отъ сознательнаго обмана, а спиритическое ученіе есть суевѣріе*».

Спрашивается: есть ли хоть одинъ не-спиритъ, который бы этой самой мудрости не повторялъ каждый разъ, когда рѣчь заходитъ о спиритизмѣ? И стоило ли для такого, всѣми давно открытаго открытія огородъ городить т. е. учреждать коммиссію, засѣдать, состязаться, писать протоколы и т. п.

Въ шестомъ пунктѣ своихъ выводовъ, характеризуя, между прочимъ, ученыхъ, увлекшихся спиритизмомъ, коммиссія говоритъ: «люди науки, увлекшіеся спиритизмомъ, относятся къ нему почти исключительно, какъ праздные любители зрѣлищъ, а не какъ пытливые изслѣдователи явленій природы». Эти же самыя слова мы имѣемъ полное право повторить о людяхъ науки, засѣдавшихъ въ коммиссіи, хотя они и не увлечены спиритизмомъ. Что ихъ привела въ коммиссію не жажда изслѣдованія явленій природы, а одно тщеславное желаніе играть роль общественныхъ просвѣтителей—это очевидно какъ изъ результатовъ, добытыхъ коммиссіею, такъ даже изъ самаго факта учрежденія послѣдней. Въ качествѣ пытливыхъ изслѣдователей явленій природы, члены коммиссіи постарались бы познакомиться съ возможно большимъ количествомъ медіумическихъ явленій, заняться возможно тщательнымъ ихъ разсмотрѣніемъ и дать публикѣ обстоятельное объясненіе всѣхъ своихъ опытовъ и наблюденій, съ подробнымъ указаніемъ причинъ, почему они считали нужнымъ дѣлать то или другое; затѣмъ они удержались бы отъ всякихъ собственныхъ выводовъ и заключеній, потому что публика вовсе не имѣла никакой нужды въ выводахъ и заключеніяхъ коммиссіи; ей, публикѣ, нужны были факты, повѣрка фактовъ, способъ повѣрки; оцѣнить достоинства работы и сдѣлать выводы и заключенія она съумѣла бы и сама. Въ роли общественныхъ просвѣтителей члены коммиссіи пошли другимъ путемъ: фактическую сторону работы совершили небрежно, кое-какъ, а заключеній и выводовъ, ни на чемъ не основанныхъ, нагромоздили цѣлый ворохъ. Потому,

вмѣсто серьёзнаго изслѣдованія, вышла нравоучительная сказка о добродѣтельномъ Колѣ и порочной Машѣ для малыхъ дѣтей. Самое учрежденіе коммиссіи доказываетъ, что членами ея руководило не пытливое желаніе изслѣдовать явленія природы, а желаніе играть роль общественныхъ просвѣтителей, въ чемъ они и сами откровенно признаются, смотря на свою задачу, какъ на чисто миссіонерскую. Человѣкъ науки едва ли бы рѣшился выступить на публичную борьбу со спиритизмомъ въ качествѣ представителя науки, предварительно не испытавъ своихъ силъ и средствъ для этой борьбы втихомолку, въ пристальномъ кабинетномъ и, вообще, частномъ изученіи спиритизма. Спиритизмъ, конечно,—вздоръ, но, чтобы наглядно и очевидно, до исключенія возможности всякаго сомнѣнія, показать публикѣ, что это—вздоръ, надобно спеціально къ этому предварительно подготовиться, нисколько не полагаясь ни на запасъ общихъ знаній, которыми владѣешь, ни, тѣмъ болѣе, на свой ученый авторитетъ. Иначе можетъ случиться, что, отправившись на рать въ надменіи своими общими знаніями и авторитетомъ, потомъ со стыдомъ вернешься съ нея. Недаромъ одинъ извѣстный у насъ ученый, когда его приглашали въ члены коммиссіи для изслѣдованіи медіумическихъ явленій, наотрѣзъ отъ этого отказался. «Почему вы отказываетесь?» спросили его съ недоумѣніемъ.—«Да потому, отвѣчалъ онъ:—что, хотя я и твердо убѣжденъ, что спиритизмъ—вздоръ, но не знаю, съумѣю ли я понять и распутать всѣ его секреты. Въ случаѣ неуспѣха, добросовѣстность будетъ требовать, чтобы я заявилъ, что я видѣлъ такое-то явленіе и констатирую его, и вмѣстѣ съ тѣмъ, заявилъ, что какъ и отчего оно происходитъ—объяснить не могу. А вѣдь сдѣлать подобное заявленіе значило бы, съ одной стороны, компрометировать и науку, и самого себя, а съ другой—сдѣлаться, нѣкоторымъ образомъ, апостоломъ спиритизма».

Вотъ до этой простой мысли никакъ не могли додуматься почтенные члены коммиссіи, выступая на просвѣтительное служеніе своимъ увлекающимся еретическимъ ученіемъ спиритизма братіямъ. За недостатокъ проницательности мы, пожалуй, не имѣли бы еще права упрекать ни лаборантовъ, ни магистрантовъ, ни приват-доцентовъ; по всей вѣроятности, все это—люди еще молодые, которые увлекаются и жаждутъ извѣстности, и у которыхъ чувство собственной силы не всегда состоитъ въ соотвѣтствіи съ ея дѣйствительнымъ содержаніемъ; но другіе, кой-кто изъ членовъ коммиссіи, должны бы были предусматривать тотъ комическій исходъ медіумической коммиссіи, который, дѣйствительно, и случился, совсѣмъ не къ чести вызвавшихся быть представителями русской науки и подписавшихъ имена свои подъ прокламаціею.

Отъ коммиссіи для изслѣдованія медіумическихъ явленій мы перейдемъ къ другой коммиссіи, занимающейся разработкою вопроса о высшемъ женскомъ образованіи. Но прежде, чѣмъ начать о ней рѣчь, мы сдѣлаемъ маленькое предисловіе. При разсмотрѣніи практическихъ общественныхъ вопросовъ, какъ скоро дѣло идетъ о немедленномъ примѣненіи ихъ къ дѣлу, каждая коммиссія состоитъ неизбѣжно подъ давленіемъ окружающей ее среды и не можетъ дать разсматриваемому вопросу другого рѣшенія, чѣмъ то, которое обусловливается степенью того или другого развитія этого вопроса въ самой средѣ. Поэтому, то или другое рѣшеніе, въ извѣстной мѣрѣ, всегда можетъ служить указателемъ того или другого отношенія къ нему общества. Вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи въ нашемъ обществѣ относится къ числу самыхъ упорныхъ, трудно поддающихся разрѣшенію. Въ этомъ отношеніи, въ нѣкоторое сравненіе съ нимъ могъ бы быть поставленъ только развѣ вопросъ: *бить* или *не бить*, *сѣчь* или *не сѣчь*; но и то только въ нѣкоторое сравненіе. Извѣстно, что у насъ, во время крѣпостного права, сверху до низу все держалось на битьѣ и сѣченьи. Поэтому, съ первою мыслью объ отмѣнѣ крѣпостного права явились въ обществѣ смущеніе и опасеніе за будущее. Какъ быть, думали всѣ, безъ битья и сѣченья, когда на этомъ держится все: воспитаніе, нравственность, религія, взаимное уваженіе, общественное спокойствіе? Русскіе люди горячо вступились за свое вѣковое право. Впродолженіи многихъ лѣтъ шли самые ожесточенные, нескончаемые споры по этому вопросу, пока, наконецъ, общество изъ практики не убѣдилось, что люди безъ битья и сѣченья исполняютъ свое дѣло не только не хуже прежняго, а гораздо лучше, а фабриканты и другіе практики не поняли, что, попридержавъ немного руки, можно въ годъ столько штрафовъ собрать съ рабочихъ, сколько не всегда, пожалуй, поставитъ самое производство, да, вдобавокъ къ тому, еще и гуманистомъ прослыть. Теперь вопросъ о битьѣ и сѣченьи можно, какъ кажется, считать въ принципѣ окончательно рѣшеннымъ. Я говорю: въ принципѣ, потому что отъ вѣковыхъ привычекъ скоро не отстанешь, и на практикѣ и теперь бываетъ всяко, но ко всѣмъ случаямъ подобной практики, какъ скоро они дѣлаются гласными, общество стало относиться съ непритворнымъ негодованіемъ. Тамъ оно высказалось въ процессѣ Энкенъ, процессѣ Кронеберга, Крестовскаго и т. п. До такого сравнительно благополучнаго конца вопросъ о битьѣ и сѣченьи тянулся, какъ я уже сказалъ, долго, въ теченіи, можетъ быть, десятка и болѣе лѣтъ, но, все-таки, наконецъ, достигъ его—и то хорошо. Надъ вопросомъ о высшемъ женскомъ образованіи тяготѣетъ судьба болѣе суровая. Явившись въ одно время и даже нѣсколько ранѣе вопроса о битьѣ и сѣченьи, онъ и до сихъ поръ стоитъ, повидимому, далеко отъ конца, хотя энергія женщинъ, добивающихся доступа къ

высшему образованію, не только не ослабѣваетъ, но съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается. Трудно даже понять, что именно тормозитъ этотъ вопросъ въ настоящее время, какія препятствія встрѣчаются для допущенія женщинъ къ высшему образованію? Повидимому, сдѣлано все, что можно было сдѣлать для его разрѣшенія: опровергнуты и устранены не только теоретически, но и практически, всѣ возраженія противниковъ женскаго образованія; вопросъ прошелъ всѣ стадіи развитія, начиная ab ovo, и достигъ полной зрѣлости. А вопросъ, дѣйствительно, начался ab ovo! Сначала у многихъ было подозрѣніе такого рода, что можно ли женщину даже полнымъ человѣкомъ назвать? Начались разсужденія о тѣлесномъ устройствѣ женщинъ, о величинѣ, вѣсѣ, веществѣ ея мозга, и, когда, послѣ основательныхъ изысканій по этому предмету, въ которыхъ принимали участіе даже нѣкоторые нарочитые ученые, было признано, что женщинъ никакъ нельзя отнести къ породѣ обезьянъ, а надобно причислять къ людямъ, то явились новыя сомнѣнія относительно умственнаго равенства ихъ съ мужчинами. «Положимъ, дескать, что это—люди, но люди низшаго порядка, неспособные къ усвоенію высшей научной мудрости, доступной для людей высшаго порядка, каковы мужчины». Для разрѣшенія этихъ новыхъ сомнѣній женщины отправились въ разные иностранные университеты, выслушали тамъ полные курсы по разнымъ наукамъ, получили степени докторовъ, съ блестящими отзывами профессоровъ о ихъ занятіяхъ, успѣхахъ, знаніяхъ. Въ виду этого, военное министерство открыло нѣчто въ родѣ женской медицинской академіи для образованія ученыхъ акушерокъ съ правомъ леченія женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Я слышалъ отъ самихъ профессоровъ, читающихъ на этихъ курсахъ лекціи, что наука преподается здѣсь въ томъ же самомъ объемѣ, какъ и въ медицинской академіи, и тѣ же профессора удостовѣряютъ, что, въ общемъ, женщины занимаются и успѣваютъ ничѣмъ не хуже студентовъ академіи, а нѣкоторыя даже гораздо лучше. Казалось бы, этихъ опытовъ способности женщинъ къ высшему научному образованію, засвидѣтельствованныхъ профессорами какъ заграничными, такъ и нашими, слишкомъ достаточно для того, чтобы прекратить всякія сомнѣнія по этому предмету и немедленно открыть женщинамъ двери университетовъ. Однакожъ—нѣтъ, этого не дѣлается. Есть нѣчто такое, что мѣшаетъ отнестись справедливо и честно къ совершенно законнымъ и достойнымъ полнаго сочувствія стремленіямъ и требованіямъ женщинъ; а что именно это такое—добиться трудно. Хлыщи ученые и неученые разныхъ сортовъ и видовъ объясняютъ это нѣчто опасеніемъ за женственность женщинъ. «Нельзя, дескать, женщинамъ дозволить высшее научное образованіе, потому что отъ этого онѣ потеряютъ свою женственность». Но что такое на языкѣ хлыщей называется женственностью и почему она должна исчезнуть съ пріобрѣтеніемъ высшихъ научныхъ свѣдѣній? —опять ничего не разберешь. Мнѣ рекомендовали для разъясненія этого предмета взять и прочитать романъ магистра Боба: *Тайны петербурскаго общества*. Я послѣдовалъ совѣту и имѣлъ терпѣніе проглотить всю эту мерзость отъ начала до конца. Но желаннаго разъясненія не нашелъ и въ ней и нахожусь въ прежнемъ недоумѣніи: что́ хлыщи разумѣютъ подъ тою женственностію, которую яко бы безслѣдно поглощаетъ въ женщинахъ высшая наука? Думаю, впрочемъ, что здѣсь не предполагается потеря какихъ-нибудь существенныхъ отличій женщинъ, въ родѣ той, какая недавно случилась въ Елисаветградскомъ уѣздѣ («Одесск. Вѣстникъ» № 62), съ одною крестьянскою дѣвицею Улитою, которая, въ младенчествѣ, всѣми признана была за женщину и крещена была подъ именемъ Улиты, но, достигнувъ 21 года, объявила, что она—вовсе не женщина и, дѣйствительно, по свидѣтельству докторовъ, найдена мужчиной и переименована въ Ульяна. А, слѣдовательно, здѣсь не предполагается и потеря тѣхъ отличительствъ мужчинъ отъ женщинъ, которыя болѣе или менѣе условливаются самымъ различіемъ половъ. Надобно полагать, что подъ женственностію хлыщи разумѣютъ то исключительное, ненормальное положеніе, въ которомъ до сихъ поръ воспитывалась, которымъ окружалась женщина въ современномъ образованномъ обществѣ въ силу ненормальныхъ экономическихъ и соціальныхъ условій—положеніе въ дѣйствительности рабское и унизительное, но которое людьми близорукими принималось и принимается за идеальное. Идеалъ этотъ состоитъ въ томъ, что изъ женщины съ малолѣтства нарочито приготовляется существо въ физическомъ отношеніи слабое, почти совсѣмъ неразвитое, ни къ какому физическому труду неспособное, вообще безпомощное, въ умственномъ—милоневѣжественное, занятое исключительно болтовней, нарядами, удовольствіями и болѣе также ни къ чему неспособное, предназначенное быть вѣчнымъ паразитомъ, сначала у своихъ родителей, потомъ у мужа, и способствовать къ увеличенію общественной деморализаціи какъ своимъ личнымъ вліяніемъ, такъ еще болѣе воспитаніемъ своихъ дѣтей по своему образу и подобію. Если хлыщи безпокоются за уничтоженіе наукой такой женственности, то разумные люди могутъ только радоваться, что подобная женственность исчезнетъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, хотя, къ крайнему нашему сожалѣнію и къ великому, конечно, огорченію людей разумныхъ, мы должны заявить, что хлыщи напрасно преждевременно безпокоятся за потерю женственности въ виду университетскаго образованія. Университетское образованіе также будетъ не въ силахъ переработать ничтожныхъ женщинъ, какъ оно не переработываетъ и

ничтожныхъ мужчинъ. Слѣдовательно, любителямъ женственности бояться нѣчего. На ихъ долю останется очень много женственныхъ натуръ, прошедшихъ даже черезъ университетскую науку. Разница между нынѣшнимъ женскимъ образованнымъ обществомъ, и тѣмъ, которое создается подъ вліяніемъ университетской науки, будетъ только та, что идеалы лучшаго женскаго общества будутъ тогда выше, чище и свѣтлѣе, чѣмъ теперь, и что свѣтлыя женскія личности не будутъ пропадать безъ развитія, безслѣдно и безцѣльно для себя самихъ и для другихъ, и черезъ это вообще поднимется уровень женскаго общества и степень облагораживающаго его вліянія на весь общественный уровень. Такимъ образомъ, допущеніе женщинъ къ университескому образованію, не измѣняя ни въ чемъ внезапно, вдругъ, ни въ общемъ существующаго положенія женщинъ, ни отношеній между полами, въ будущемъ приготовитъ воспитательнымъ путемъ такія желанныя перемѣны въ прекрасной половинѣ образованнаго общества, которымъ не могутъ не радоваться всѣ современные отцы и не завидовать многіе изъ современныхъ мужей.

Сомнѣніе, которое продолжаетъ существовать въ обществѣ относительно допущенія женщинъ къ высшему образованію, мы не можемъ назвать иначе, какъ недомысліемъ. Но общественная среда, какъ мы сказали уже, всегда сильна — все равно, какъ въ разумномъ своемъ проявленіи, такъ и въ недомысліи. Вотъ почему ея вліяніе не могло не отразиться въ извѣстной степени и на коммиссіи, занимавшейся вопросомъ о высшемъ женскомъ образованіи. Оказывается, что въ этой коммиссіи были противники высшаго женскаго образованія, и «эти противники, по слухамъ, предлагали отвергнуть мысль о высшемъ женскомъ образованіи, ссылаясь ато, что оно уже существуетъ въ видѣ педагогическихъ и акушерскихъ курсовъ; образованіе въ гимназіяхъ признавалось вполнѣ удовлетворительнымъ, хотя и предлагали дополнить его древними языками. Однако, внимая требованіямъ времени, члены коммиссіи пришли къ убѣжденію, что *высшаго образованія, пока еще, женщина у насъ получить не можетъ, но что на будущее время лишать ее этого не слѣдуетъ*. Оставался вопросъ — что же сдѣлать для этого? Предлагаемо было учрежданіе педагогическихъ курсовъ при институтахъ, увеличеніе учебнаго ихъ плана; но *учрежденіе женскаго университета признано положительно невозможнымъ*. Предлагалось учредить женскіе курсы при петербургскомъ университетѣ, даже просто открыть женщинамъ доступъ въ этотъ университетъ на правахъ студентовъ для совмѣстнаго слушанія съ молодежью лекцій или же отдѣльно. Въ концѣ-концовъ, мысль эта признана неудобною; *изолированіе обоихъ половъ было признано вопросомъ первостепенной важности*, и опредѣлено выработать планъ высшаго женскаго учебнаго заведенія, т. е., другими словами, того же женскаго университета, о необходимости учрежденія котораго такъ много говорили и даже писали. Педагогическіе курсы останутся сами по себѣ, но ихъ программу предлагаютъ сократить. Такимъ образомъ, если судить по слухамъ, вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи получаетъ правильный ходъ».

Мы пріучены малымъ быть довольны; потому будемъ довольны и тѣмъ, что вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи получилъ, наконецъ, правильный ходъ—а, все-таки, нельзя не пожалѣть, что существующая коммиссія, такъ долго трудившаяся надъ вопросомъ, не выработала ничего, кромѣ того, что надобно дѣло начать опять сначала. Въ настоящее время, вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи — самый настоятельный, неотложный, требующій немедленнаго разрѣшенія, ибо отсутствіе всякихъ опредѣленныхъ законовъ приноситъ много зла и связываетъ руки и тѣхъ властей, которыя сознаютъ вполнѣ пользу высшаго женскаго образованія и желали бы въ предѣлахъ своего управленія содѣйствовать этому дѣлу—даже въ видахъ государственныхъ. Возьмемъ, напримѣръ, хоть бы слѣдующій фактъ.

Назадъ тому, кажется, уже три года, если не болѣе, пріѣхали въ Петербургъ нѣсколько дѣвушекъ съ дипломами докторовъ медицины, полученными, кажется, въ бернскомъ университетѣ. Дѣвицы эти напрасно ходятъ по разнымъ ученымъ учрежденіямъ и просятъ, чтобы имъ сдѣлали экзаменъ и признали за ними право на леченіе. Никто не даетъ имъ экзамена, конечно, единственно потому, что не существуетъ никакихъ законоположеній относительно женщинъ, ищущихъ степени доктора. Только начальство курсовъ ученыхъ акушерокъ при петербургской академіи согласилось дать имъ экзаменъ, но по тѣмъ лишь только предметамъ, которые пройдены учено-акушерскими курсами. А какъ курсы эти существуютъ всего четыре года, то прибывшіе изъ Берна доктора и сдаютъ экзамены уже третій годъ, вмѣстѣ съ переходящими изъ класса въ классъ будущими учеными акушерками, въ единственной, конечно, надеждѣ получить тѣже права, какія получатъ и послѣднія. Но это бы еще ничего. Потому и курсъ ученыхъ акушерокъ, какъ мы уже сказали, очень объемистъ и даетъ право лечить женщинъ и дѣтей, а болѣе ничего, пока, пожалуй, для женщинъ и не нужно. Но вотъ что тяжело, особенно для женщинъ бѣдныхъ—имѣя докторскій дипломъ въ рукѣ, три года сидѣть безъ хлѣба единственно потому, что не даютъ экзамена. Какой студентъ мужчина выдержалъ бы подобный убійственный искусъ! А женщины, изъ которыхъ нѣкоторыя перебиваются кой-какъ изо дня въ день, терпятъ и ждутъ! Одна только, не видя окончательно возможности, чѣмъ существовать, уѣхала въ Америку. Спрашиваю я васъ: такъ ли мы богаты

интеллигентными, и въ данномъ случаѣ, въ практическомъ примѣненіи въ высшей степени полезными силами, чтобы игнорировать этотъ истинный нашъ капиталъ, дающійся притомъ намъ безо всякихъ нашихъ издержекъ и заботъ, и вынуждать его улетучиваться отъ насъ въ Америку! Поѣзжайте на воды въ Германію и посмотрите, чѣмъ страдаютъ бо́льшая часть женщинъ нашего образованнаго общества, и вы увидите, что, главнымъ образомъ, такъ называемыми женскими болѣзнями. Отчего произошли эти болѣзни?—Бо́льшею частію отъ стыда—идти въ началѣ болѣзни для осмотра къ мужчинамъ-акушерамъ. Но это—образованный классъ. Спуститесь ниже къ крестьянамъ; тутъ вы найдете уже, что женщины страдаютъ этими болѣзнями отъ полнаго отсутствія медицинской помощи. А вѣдь здоровье этихъ женщинъ есть здоровье будущихъ поколѣній государства, слѣдовательно, его силъ физическихъ, умственныхъ и экономическихъ. Пусть послѣ этого каждый безпристрастный человѣкъ разсудитъ, насколько мы поступаемъ разумно, когда не только не содѣйствуемъ возбужденію охоты въ женщинахъ къ пріобрѣтенію высшихъ медицинскихъ свѣдѣній, но и преграждаемъ путь для дѣйствія даже тѣмъ женщинамъ, которыя запаслись этими свѣдѣніями безъ всякой заботы и безъ всякихъ издержекъ съ нашей стороны.

А вотъ и еще фактъ, подобный разсказанному нами, который сообщаетъ одинъ корреспондентъ «Голоса» (№ 93) изъ Москвы. «Со словъ «Современныхъ Извѣстій», пишетъ корреспондентъ: — газеты оповѣстили, что окончившая въ петербургской медико-хирургической академіи, выдержавшая теоретическій и практическій экзамены на степень доктора медицины, *г-жа Кашеварова-Руднева, пожелала защищать диссертацію* въ московскомъ университетѣ, для чего и представила въ факультетъ свою диссертацію, *которая почему-то возвращена ей обратно*, и, когда состоится диспутъ, пока неизвѣстно. Въ настоящее время, мы можемъ сообщить, что диссертація г-жи Кашеваровой-Рудневой факультетомъ передана была профессорамъ Полунину, Клейну, Снегиреву и Фохту для разсмотрѣнія; но, на дняхъ, изъ министерства народнаго просвѣщенія послѣдовалъ въ университетъ запросъ: чѣмъ руководствовался медицинскій факультетъ, принявъ къ своему разсмотрѣнію диссертацію на степень доктора медицины отъ г-жи Кашеваровой, когда, по русскимъ законамъ, женщины не могутъ быть допускаемы къ полученію степени доктора медицины? Званіе же лекаря предоставлено де г-жамъ Сусловой и Кашеваровой въ видѣ исключенія. Въ виду такого запроса министерства, факультетъ возвратилъ диссертацію г-жѣ Кашеваровой».

Если извѣстіе, сообщаемое въ этой корреспонденціи, дѣйствительно справедливо, то мы думаемъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія долженъ быть очень огорченъ, что, за неимѣніемъ закона относительно ищущихъ степеней женщинъ, долженъ былъ дать такое распоряженіе по дѣлу, которому онъ самъ лично вполнѣ сочувствуетъ. О личномъ сочувствіи г. министра къ распространенію женскаго образованія мы заключаемъ изъ того вниманія, которое оказывалъ г. министръ во время послѣдняго обозрѣнія учебныхъ заведеній на югѣ Россіи женскимъ гимназіямъ, и изъ тѣхъ воззрѣній, которыя во время этого же путешествія онъ высказывалъ въ разныхъ мѣстахъ въ своихъ рѣчахъ о великомъ значеніи женскаго образованія. Въ одной изъ этихъ рѣчей министръ прямо заявилъ свое глубокое сожалѣніе о томъ, какъ до сихъ поръ мало сдѣлано для женскаго образованія, весьма справедливо замѣтивъ при этомъ, что только съ упроченіемъ и распространеніемъ женскаго образованія и образованіе вообще станетъ на твердую ногу въ Россіи. Мы приводимъ слова министра на память, но смыслъ ихъ дѣйствительно таковъ. Конечно, рѣчь шла въ этомъ случаѣ не о низшемъ только образованіи, потому что низшее образованіе, если оно не поставлено въ органическую связь съ высшимъ и не имѣетъ въ немъ для себя центра, никогда не подниметъ общаго уровня женскаго развитія и, слѣдовательно, не создастъ здѣсь надежнаго фундамента для общаго образованія. Въ виду, надобно думать, этого же предполагаемаго открытія для женщинъ высшаго образованія, въ женскихъ гимназіяхъ, подчиненныхъ министерству народнаго просвѣщенія, латинскій языкъ преподается обязательно, ибо, въ противномъ случаѣ, это не имѣло бы смысла—и, когда недавно кишиневское земство отказалось давать деньги на преподаваніе латинскаго языка, министерство ассигновало на этотъ предметъ деньги изъ своихъ суммъ. Наконецъ, мы помнимъ, что по поводу экзаменовъ въ одной частной московской гимназіи, гдѣ преподается латинскій языкъ и гдѣ ученицы выказали блестящіе успѣхи по этому предмету, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» — газетѣ, стоящей, какъ извѣстно, очень близко къ министерству народнаго просвѣщенія—помѣщена была большая передовая статья, въ которой объяснялось, что гимназистки, прошедшія курсъ гимназіи съ латинскимъ языкомъ, будутъ имѣть полное право на вступленіе въ университетъ. Если это дѣйствительно такъ, если дѣйствительно только недостаточная въ настоящее время подготовка женщинъ служитъ препятствіемъ къ поступленію ихъ въ университетъ, а съ устраненіемъ этого препятствія министерство поставитъ своимъ долгомъ открыть имъ дверь въ университетъ наравнѣ съ гимназистами, получающими аттестатъ зрѣлости, то надобно пожалѣть о томъ, что женскія гимназіи состоятъ у насъ въ настоящее время въ двухъ вѣдомствахъ—министерствѣ народнаго просвѣщенія и IV-мъ отдѣленіи. По соединеніи ихъ всѣхъ въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія, могла бы быть введена въ женскія гимназіи полная программа мужскихъ гимназій и,

вмѣстѣ съ тѣмъ, получающимъ аттестатъ зрѣлости женщинамъ было бы предоставлено право поступать во всѣ высшія учебныя заведенія наравнѣ съ гимназистами. Мы знаемъ, что противъ такого нашего заявленія сильно вооружатся всѣ завзятые противники классицизма quand même; а мы думаемъ, что разъ государство признало и приняло классическую систему воспитанія, никто не имѣетъ права, какъ бы лично онъ самъ ни смотрѣлъ на эту систему, устранять отъ нея своихъ дѣтей, по той простой причинѣ, что никто ни особеннаго для своихъ дѣтей государства, ни особенной системы воспитанія, даже при громадныхъ имущественныхъ средствахъ, создать не можетъ. Сбивая своихъ дѣтей съ указанной государствомъ дороги, онъ только приноситъ имъ вредъ въ будущемъ, ибо или совершенно преграждаетъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно затрудняетъ имъ средства и путь для дальнѣйшаго ихъ образованія. Потому мы никакъ не противъ латинскаго и греческаго языковъ въ женскихъ гимназіяхъ, если только, вмѣстѣ съ этимъ, послѣднія будутъ давать одинаковыя права съ мужскими гимназіями. Мало того: по нашему мнѣнію, сами женщины должны настаивать на томъ, чтобы имъ былъ открытъ доступъ въ университеты на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ и условіяхъ, на какихъ открывается и для мужчинъ; тогда только всѣ окончательно убѣдятся, что женщины точно также способны къ высшему научному образованію какъ и мужчины, и прекратятся забавные споры о томъ: допускать ли женщинъ къ высшему образованію или не допускать?

А эти споры, дѣйствительно, нельзя иначе назвать, какъ забавными, свидѣтельствующими о крайней незрѣлости и младенчествѣ нашего общества. Когда такое множество русскихъ женщинъ отправляется за границу для пріобрѣтенія высшаго образованія и получаетъ блестящіе дипломы въ тамошнихъ университетахъ, когда высшіе педагогическіе курсы и высшіе медицинскіе курсы переполнены женщинами, ищущими высшаго образованія; наконецъ, когда женщины и въ Москвѣ и въ Петербургѣ на свой счетъ основали еще частные высшіе курсы по разнымъ наукамъ, очень усердно посѣщаемые, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, множествомъ женщинъ, то нужно ли послѣ этого еще разсматривать вопросы въ родѣ слѣдующихъ: есть ли потребность въ основаніи женскаго университета? Способны ли женщины къ воспріятію высшаго научнаго образованія и т. д.? Не правильнѣе ли было бы начать съ того, чтобы открыть прямо университетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приспособить къ нему программу существующихъ женскихъ гимназій, пока, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которыя находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія? Посмотрите, какъ подобныя дѣла совершаются въ обществахъ зрѣлыхъ, каково, напримѣръ, англійское. Тамъ, сколько намъ извѣстно, женщины заявляли свое стремленіе къ высшему образованію далеко не такъ настоятельно, какъ у насъ, и, однакоже, едва только почувствовалась эта потребность, какъ явилось особенное общество распространенія женскаго образованія, собрало и собираетъ огромные капиталы и основываетъ одно за другимъ высшія женскія учебныя заведенія, не задаваясь пустыми вопросами о томъ, да будетъ ли тутъ кого учить, да найдутся ли способныя къ этому, да можно ли женщинамъ давать такіе-же дипломы, какъ и мужчинамъ? По послѣднему вопросу, вѣроятно, ни одному англичанину и въ голову не придетъ такой дикой мысли, чтобы женщинѣ можно отказать въ ученомъ дипломѣ только потому, что она женщина. Вѣдь, ученые дипломы даются только за знанія, и ни въ одномъ, конечно, уставѣ объ ученыхъ степеняхъ не сказано, что эти степени можно давать только человѣку-мужчинѣ, а человѣку-женщинѣ нельзя. Вотъ что сообщаютъ «Московскія Вѣдомости» о высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, основываемыхъ обществомъ для распространенія женскаго образованія въ Англіи.

«Англійскія газеты сообщаютъ, что нѣсколько уже лѣтъ существуетъ въ Англіи общество распространенія женскаго образованія. Оно поставило своей задачей основаніе по всѣмъ большимъ городамъ Соединеннаго Королевства заведеній высшаго разряда для обученія молодыхъ дѣвицъ. Немногимъ извѣстно, сколько важныхъ услугъ успѣли оказать такія общества частныхъ лицъ, какъ искусно дѣйствуетъ въ подобныхъ дѣлахъ частная иниціатива и какія жертвы трудами и деньгами приносятся на общую пользу лицами обоего пола, принадлежащими къ высшей аристократіи. Напримѣръ, существующее не болѣе трехъ лѣтъ общество основанія женскихъ учебныхъ заведеній, какъ видно изъ недавно обнародованнаго имъ отчета, располагаетъ уже девятью большими заведеніями, изъ коихъ шесть открыты были въ прошломъ году. Какъ скоро въ заведеніи наберется до 100 человѣкъ, то расходы его достаточно покрываются этою суммой. Въ настоящую минуту, до 1,000 молодыхъ дѣвушекъ получаютъ самое полное образованіе. Доходы общества простираются до 15,000 ф. стерл. (около 100,000 р.) въ годъ. Самое трудное въ этомъ дѣлѣ есть выборъ преподавательницъ. Современемъ, и въ Гертонъ-Колледжѣ и Ньюгэмъ-Голлѣ, изъ коихъ первое находится въ окрестностяхъ Кембриджа, а второе въ самомъ городѣ, организованъ будетъ полный составъ преподавателей. Уже и въ настоящее время учащіяся въ этихъ заведеніяхъ держатъ экзамены наравнѣ со студентами кембриджскаго университета и даже во многомъ ихъ превосходятъ».

Впрочемъ, когда мы говоримъ о незрѣлости нашего общества, мы разумѣемъ извѣстную, хотя и очень значительную часть его. Но другая часть, также не незначительная, относится къ женскому образованію съ полнымъ сочувствіемъ. И будь въ ея рукахъ иниціатива этого дѣла, она, если-

бы и не собрала такихъ капиталовъ, какъ общество англійское, на женское образованіе, то, навѣрное, показала бы не менѣе энергіи и заботливости объ этомъ дѣлѣ. Только она лишена возможности дѣйствовать. Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что было составляемо нѣсколько проектовъ объ учрежденіи обществъ распространенія женскаго образованія, но они не были разрѣшены. Мало того: остаются безъ разрѣшенія даже проекты обществъ для распространенія народнаго образованія, хотя относительно необходимости послѣдняго не существуетъ никакихъ сомнѣній и правительство заботится со всею энергіею о размноженіи народныхъ школъ. Даже понять трудно, почему въ приложеніи къ этому дѣлу общественная иниціатива считается излишнею. Правительство не имѣетъ возможности изъ своего бюджета удѣлять значительныя суммы на народное образованіе; бо́льшая часть земствъ, за множествомъ необходимыхъ расходовъ, которые они обязаны покрывать неотложно, могутъ давать на народное образованіе только кой-какіе гроши. О народѣ и говорить нѣчего. Бо́льшею частію, онъ такъ бѣденъ, что едва только имѣетъ возможность кой-какъ пропитываться, и потому отъ него нельзя и ожидать, чтобы онъ могъ образоваться на свои средства, еслибы чувствовалъ и сильную въ томъ потребность. Только горячее сочувствіе этому дѣлу со стороны образованнаго общества, образованіе среди него для этой цѣли частныхъ обществъ могли бы у насъ поставить на ноги дѣло народнаго образованія. Безъ этого оно будетъ всегда тянуться вяло и медленно, какъ тянется и теперь, а то, пожалуй, мало по малу можетъ со временемъ и совсѣмъ выйти изъ числа дѣлъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Извѣстно, что очень нерѣдко бываетъ, что неблагопріятныя для какой-нибудь общеполезной идеи условія дѣйствительности порождаютъ подлаженныя подъ эту дѣйствительность теоріи, и люди, вмѣсто того, чтобы бороться съ этими условіями и употребить съ своей стороны всевозможныя усилія для ихъ измѣненія, лѣниво покоряются грубому факту, оправдываясь тѣмъ, что помянутая идея еще преждевременна, что надобно погодить, подождать и т. п. Нѣчто подобное у насъ уже и проявляется по отношенію къ идеѣ народнаго образованія. Покойный А. С. Вороновъ читалъ въ прошедшемъ году въ педагогическомъ обществѣ огромный рефератъ о «введеніи въ Россіи обязательнаго элементарнаго образованія», который былъ потомъ напечатанъ въ нашемъ журналѣ. Необходимость введенія обязательнаго народнаго образованія въ Россіи, гдѣ образованіе съ самаго начала шло всегда не иначе, какъ обязательно, и не иначе, какъ сверху внизъ, гдѣ исторіею не положено въ народѣ никакихъ условій для самобытнаго развитія образованія, есть, по моему мнѣнію, аксіома, которая не требуетъ никакихъ доказательствъ, которая ясна для всякаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіею русскаго народа и его современнымъ положеніемъ. Между тѣмъ статья Воронова въ педагогическомъ мірѣ вызвала самые противорѣчивые толки. Явилось множество отрицателей необходимости обязательнаго народнаго образованія. Мнѣніе этихъ, отрицателей-педагоговъ стало переходить и въ публицистику. По крайней мѣрѣ, въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», № 63-й, мы встрѣтили похвалу недавно появившейся въ одномъ изъ выпусковъ «Педагогическаго Музея» статьѣ г. Владимірскаго-Буданова: «Вопросъ о введеніи въ Россіи обязательнаго элементарнаго образованія». Мы сами не читали этой статьи, но «Петербургскія Вѣдомости» вкратцѣ передаютъ ея суть такимъ образомъ:

«Въ четвертомъ, только что вышедшемъ на дняхъ выпускѣ «Педагогическаго Музея» особенно замѣчательна статья г. Владимірскаго-Буданова: «Вопросъ о введеніи въ Россіи обязательнаго элементарнаго образованія», написанная по поводу реферата объ этомъ предметѣ покойнаго А. С. Воронова. Въ ней авторъ развиваетъ ту мысль, что законы (выполнимые) объ обязательномъ обученіи составляютъ вездѣ не причину, а результатъ успѣховъ народнаго образованія и что, при отсутствіи средствъ къ обученію, карательныя мѣры государства не въ состояніи подвинуть образованіе, а законы объ обязательномъ посѣщеніи школъ, при недостаткѣ учителей, остаются невыполнимыми. Это подкрѣпляется историческими указаніями на узаконенія этого рода въ тѣхъ странахъ Европы, гдѣ они существуютъ, и на принесенные ими результаты. Авторъ приходитъ къ заключенію, что страны, находящіяся, приблизительно, въ одинаковыхъ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ, достигаютъ, приблизительно, одинаковаго результата въ народномъ образованіи, какъ при обязательности, такъ и при свободѣ его. Для примѣра авторъ проводитъ слѣдующую параллель: въ Бельгіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ не существуетъ обязательнаго обученія, одинъ учащійся приходится въ первой на 8,4, во второй на 8,5, въ третьихъ на 5 жителей; въ Баваріи же, Италіи и Пруссіи, гдѣ введено обязательное обученіе, одинъ учащійся приходится въ одной на 8,3, въ другой на 13, а въ послѣдней на 6,66 жителей. Обращаясь къ Россіи, авторъ указываетъ на то, что у насъ Петръ I, указами 1714, 1715 и 1716 годовъ о цифирныхъ школахъ, пытался ввести обязательное обученіе грамотѣ, ариѳметикѣ и отчасти геометріи, но законъ его не исполнялся и исчезъ изъ нашего права. Авторъ допускаетъ, такимъ образомъ, только постепенное частичное обязательное обученіе въ тѣхъ сельскихъ обществахъ или цѣлыхъ уѣздахъ, которые сами заявятъ объ этомъ желаніи правительству, съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ подобное заявленіе предоставлено было членамъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ, а не уѣзднымъ земствамъ вообще, потому что

первые могутъ знать мѣстныя средства гораздо лучше, нежели послѣднія»,

Всѣ эти разсужденія, по нашему мнѣнію, представляютъ собой чистый софизмъ. Чтобы образованіе распространилось въ той или другой странѣ и сдѣлалось потребностію, для этого нужно, чтобы страна была не только богата, но чтобы она понимала цѣнность образованія и считала трату на него капитала не потерею, а пріобрѣтеніемъ. А оцѣнка образованія не состоитъ въ неразрывной связи съ богатствомъ и благосостояніемъ народа, даже если будемъ понимать народъ только какъ націю. Сколько въ средніе вѣка было богатыхъ странъ, однакожъ, образованіе въ нихъ двигалось очень медленно, даже въ высшихъ слояхъ общества. Что касается до массъ народныхъ, то онѣ всегда, въ большинствѣ своемъ, бились и бьются за кусокъ насущнаго хлѣба и ради его всегда отрывали и отрываютъ дѣтей своихъ отъ образованія, если къ нимъ не приходитъ на помощь государство. Бываютъ, конечно, страны, въ которыхъ болѣе или менѣе благопріятно для развитія массъ слагаются и природныя, и историческія, и климатическія условія, и, въ такомъ случаѣ, въ массахъ какъ бы сама собою возникаетъ болѣе или менѣе замѣтно потребность элементарнаго образованія: таковы и указываемыя авторомъ Франція, Бельгія и Соединенные Штаты, но и объ этихъ странахъ должно сказать, что, при обязательномъ элементарномъ образованіи, въ нихъ, вѣроятно, не было бы ни одного процента народонаселенія, не побывавшаго въ школахъ; кромѣ того, самая программа этого образованія была бы, несомнѣнно, гораздо шире, и пополненіе ея солиднѣе. Что касается Баваріи, Италіи и Пруссіи, и въ особенности Пруссіи, то здѣсь безъ обязательнаго обученія учащійся въ школахъ приходился бы, можетъ быть, на 100 или на 50 жителей. О томъ, будто бы Петръ Великій старался ввести у насъ обязательное обученіе, въ настоящее время даже и говорить забавно. Понятно, что ввести обязательное ученіе не значитъ только издать объ этомъ указъ, но надобно для исполненія его создать необходимую организацію исполнителей, съ указаніемъ тѣхъ источниковъ и средствъ, къ которымъ они должны обращаться. О Петрѣ можно сказать, что онъ желалъ обязательнаго ученія и несомнѣнно ввелъ бы его, еслибы имѣлъ возможность этимъ заняться. Но у него не было этой возможности. У него было столько различныхъ задачъ, неотложныхъ, съ разрѣшеніемъ которыхъ соединялось между тѣмъ для самого государства гамлетовское *быть* или *не быть*—задачъ, поглощавшихъ все его время и всѣ тогдашніе скудные государственные доходы, что онъ могъ именно только желать обязательнаго обученія народа и не могъ сосредоточить свое вниманіе и свою дѣятельность на этомъ дѣлѣ. Авторъ допускаетъ только частичное обязательное обученіе, но и это послѣднее отдаетъ на полную волю единственно сельскихъ и волостныхъ сходовъ, подчеркивая, при этомъ, чтобы никоимъ образомъ въ это дѣло не мѣшались даже уѣздныя земства. Если бы такъ разсуждали наши предки, то, въ настоящее время, не только наше дворянство, но даже наше духовенство на половину было бы безграмотно. Вѣдь вездѣ, и въ дворянствѣ, и въ духовенствѣ, образованіе введено и потребность въ немъ привита принудительно – и только послѣ этого уже развилось въ нихъ самихъ свободное стремленіе къ образованію. Но и теперь отнимите тѣ привилегіи, которыя даются образованіемъ, и, навѣрное, въ захолустныхъ мѣстахъ явится пропасть безграмотныхъ между дворянствомъ и духовенствомъ. Посмотрите, сколько еще до сихъ поръ можно найти въ разныхъ мѣстахъ купцовъ, которые образованіе для своихъ дѣтей считаютъ ненужною роскошью—купцовъ, которые имѣютъ всѣ средства учить своихъ дѣтей. Какъ же вы, послѣ этого, хотите, чтобы крестьянскія общества, въ которыхъ люди, даже только кой какъ обезпеченные въ своемъ ежедневномъ пропитаніи, составляютъ рѣдкость, собственною иниціативою согласились отказаться отъ послѣдняго куска хлѣба, только бы видѣть своихъ дѣтей обученными въ школѣ? Вѣдь, на такое самоотверженіе можетъ быть способенъ человѣкъ, уже глубоко сознавшій и прочувствовавшій пользу образованія, а никакъ не дѣти природы, неимѣющія никакого понятія объ образованіи. До появленія земскихъ учрежденій, крестьяне были не богаче, не бѣднѣе, чѣмъ теперь, а, пожалуй, кой-гдѣ были даже богаче, и, однако, не было и двадцатой части тѣхъ школъ, которыя существуютъ теперь. Но явилось земство, на обязанность котораго было возложено закономъ заботиться о народномъ образованіи; оно стало внушать крестьянамъ пользу образованія, настаивать на основаніи школъ, помогать своими средствами тамъ, гдѣ крестьяне были бѣдны, и вотъ встрепенулись и крестьяне и начали и изъ своихъ скудныхъ средствъ удѣлять крохи на учрежденіе школъ. Но теперь объ образованіи народа заботится одно земство, и то лишь тамъ только, гдѣ у него есть къ этому охота, и въ той мѣрѣ, въ какой оно желаетъ; сдѣлайте образованіе обязательнымъ, и тогда, навѣрное, земство усилитъ свою заботливость о немъ, а кромѣ него, и спеціальные органы, поставленные для наблюденія за этимъ, и затѣмъ и всѣ власти вообще займутся этимъ дѣломъ и будутъ изыскивать всѣ средства для его исполненія. Со времени новой организаціи духовныхъ училищъ при Александрѣ I-мъ, было введено обязательное ученіе дѣтей духовенства. Какъ скоро мальчикъ достигалъ опредѣленнаго закономъ для вступленія въ школу возраста, его немедленно брали отъ отца, несмотря на всѣ его возраженія, и увозили въ школу. Если отецъ имѣлъ достаточное состояніе, съ него, черезъ подлежащее начальство, брали

деньги на образованіе сына; если былъ бѣденъ — сына воспитывали на казенный коштъ. Прошло какихъ нибудь 30—40 лѣтъ со времени введенія обязательнаго ученія въ духовенствѣ, и законъ объ обязательномъ обученіи сдѣлался ненужнымъ. У отцовъ, воспитанныхъ въ школѣ, такъ сказать, насильно, ненужно уже было насильно же брать дѣтей для образованія. Прошедши школу, они поняли необходимость образованія и сами стали искать его для своихъ дѣтей. Точно тоже будетъ и съ крестьянами. Черезъ какихъ-нибудь 40—50 лѣтъ съ введенія обязательнаго ученія между ними, законъ объ обязательномъ обученіи сдѣлается ненужнымъ. Крестьяне сами поймутъ тогда потребность образованія и безъ всякаго сторонняго внушенія и побужденія будутъ искать школы. Заставьте ихъ ходить въ школу только теперь. Но гдѣ, спрашиваютъ, взять денегъ для обученія безчисленнаго множества тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, отцы которыхъ не имѣютъ ни малѣйшей возможности оплачивать ихъ ученіе?— Обратитесь за помощію къ привилегированнымъ классамъ общества, поощряйте и награждайте всевозможными отличіями тѣхъ, которые будутъ жертвовать большія суммы денегъ на дѣло народнаго образованія; далѣе, не только дайте полную свободу учрежденія частныхъ обществъ для распространенія образованія въ народѣ, постарайтесь способствовать появленію такихъ обществъ, поощряйте ихъ дѣятельность и т. п. — и тогда, вѣрьте, средства для образованія народа найдутся.

Среди нашего образованнаго общества, въ настоящее время, найдется много людей, которые не только глубоко сознаютъ лежащую на нихъ нравственную обязанность содѣйствовать всѣми силами народному образованію, но которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, понимаютъ, что безъ распространенія образованія въ массахъ и образованіе высшихъ классовъ общества, какія бы громадныя суммы на это ни тратились, останется всегда пустоцвѣтомъ. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что образованіе, въ настоящее время, вполнѣ привилось къ нашему привилегированному обществу, что оно сдѣлалось его потребностью, а посмотрите, однакожъ, какъ оно поверхностно, какъ мало дѣйствуетъ на смягченіе и облагороженіе нравовъ. Изъ процесса Крестовскаго всякій можетъ убѣдиться, что наше образованіе часто не даетъ ничего—ни умственнаго развитія, ни твердыхъ нравственныхъ правилъ, ни даже простого приличія. Образованный человѣкъ можетъ ворваться въ вашъ домъ, избить васъ ни за что ни про что, и даже хуже, чѣмъ ни за что ни про что, а за честное исполненіе вашего дѣла, и потомъ хвалиться тѣмъ, что онъ васъ избилъ, и найдти людей—также образованныхъ—ему вполнѣ сочувствующихъ и одобряющихъ его образъ дѣйствій. Такова вкратцѣ моральная сторона процесса Крестовскаго. Но юридическая сторона процесса еще болѣе примѣчательна, и мы на ней нѣсколько остановимся.

Первый вопросъ, который мнѣ представляется, есть слѣдующій:

Имѣлъ ли военный судъ право производить изслѣдованіе о томъ, что происходило въ окружномъ судѣ во время процесса г-жи Майковой съ г-жею Крестовской? Я полагаю, что нѣтъ. Еслибы здѣсь и допущено было что-нибудь противозаконное, то тѣ, чьи права этимъ противозаконіемъ были нарушены, могли принести жалобу правительствующему сенату, и только сенатъ имѣлъ право производить слѣдствіе о допущенныхъ здѣсь противозаконіяхъ. Для суда же военнаго долженствовало быть аксіомой, что все, что происходило на судѣ, происходило совершенно законно, и показаніе Крестовскаго, что онъ побилъ Соколовскаго якобы за оскорбленіе, нанесенное ему на судѣ, въ глазахъ военнаго суда, безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, должно было бы быть обстоятельствомъ, не смягчающимъ, а отягчающимъ вину Крестовскаго. Представимъ себѣ слѣдующій случай: г. Соколовскій, оскорбленный тѣмъ, что говорилъ о немъ въ военномъ судѣ присяжный повѣренный Ашенбергъ, взялъ бы съ собоой двухъ здоровыхъ молодцовъ и, по примѣру г. Крестовскаго, пришелъ бы въ квартиру Ашенберга и побилъ его за то, что онъ говорилъ на судѣ. Г. Ашенбергъ принесъ бы на Соколовскаго жалобу въ окружной гражданскій судъ. Сталъ ли бы окружной судъ по показаніямъ г. Соколовскаго вызывать свидѣтелей, бывшихъ на военномъ судѣ, даже членовъ военнаго суда, въ качествѣ частныхъ свидѣтелей, чтобы изслѣдовать эти показанія? Я полагаю, нѣтъ. Я полагаю, что окружной судъ прямо утвердился бы на томъ предположеніи, что все, что происходило на судѣ военномъ, происходило совершенно правильно и законно, и сталъ бы разсматривать поступокъ Соколовскаго, какъ самоуправство, тѣмъ болѣе тяжкое, что оно совершено было надъ лицомъ оффиціальнымъ, если не во время исполненія имъ своихъ служебныхъ обязанностей, то за вполнѣ законное исполненіе этихъ обязанностей. Я думаю, что суды равныхъ инстанцій не могутъ и не должны иначе относиться другъ къ другу, какъ именно такимъ образомъ. Въ противномъ случаѣ, если суды по частнымъ обвиненіямъ будутъ преслѣдовать дѣйствія и даже промахи и недосмотры одинъ другого, привлекая другъ друга къ слѣдствію въ качествѣ частныхъ свидѣтелей (противъ себя же самихъ), они подорвутъ свой авторитетъ и всякое къ себѣ уваженіе въ глазахъ общества.

2) Г. Крестовскій приходилъ къ г. Соколовскому не одинъ, а съ двумя своими товарищами, гг. Невѣровымъ и Качаловымъ. Г. Крестовскій говоритъ, что онъ взялъ этихъ товарищей съ собою, въ качествѣ свидѣтелей объясненій его съ г. Соколовскимъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ эти объясненія не были какъ-нибудь перетолкованы или совсѣмъ извращены. Такими свидѣтелями они дѣйствительно только и остались бы, если-

бы дѣло не пошло далѣе словесныхъ объясненій. Но, разъ г. Крестовскій сдѣлалъ нападеніе на г. Соколовскаго и, какъ самъ нѣсколько разъ заявляетъ, побилъ его, и ихъ присутствіе теряетъ характеръ чисто свидѣтельскій и представляетъ собой нѣчто иное по слѣдующимъ соображеніямъ: а) не будь ихъ, г. Крестовскій едва ли и позволилъ бы себѣ сдѣлать нападеніе на г. Соколовскаго, но во всякомъ случаѣ, безъ нихъ, онъ, навѣрное, *на натискъ пламенный встрѣтилъ бы отпоръ* суровый и, вмѣсто побіенія, вышла бы драка; б) гг. Качаловъ и Невѣровъ, остановивъ г. Крестовскаго, когда онъ хотѣлъ вынуть саблю, не воспрепятствовали г. Крестовскому броситься на г. Соколовскаго и бить его. Почему? Обстоятельство это на судѣ достаточно не разъяснено, хотя его никакъ нельзя назвать безразличнымъ.

3) Г. прокуроръ, въ своей обвинительной рѣчи, говоритъ, что поступокъ г. Крестовскаго былъ бы извинительнѣе, еслибы онъ вызвалъ г. Соколовскаго на дуэль. Я никакъ не могу съ этимъ согласиться. Для дуэли требуются два необходимыя условія: *первое*, чтобы выходящіе на дуэль имѣли одинаковыя понятія о чести; *второе*, чтобы они были равносильны въ употребленіи того оружія, которое выбираютъ для дуэли. Но защитникъ г. Крестовскаго, г Терентьевъ, справедливо говоритъ, что понятія о чести у людей военныхъ нѣкоторыхъ кружковъ, къ одному изъ каковыхъ причисляетъ себя и г. Терентьевъ, сильно разнятся отъ понятій о чести у людей гражданскихъ. По его словамъ, пониманіе въ людяхъ гражданскихъ чести военной такъ слабо, что они часто не могутъ чувствовать, когда наносится оскорбленіе людямъ военнымъ. На этомъ основаніи, онъ очень искусно доказываетъ, что и гражданскіе свидѣтели, и судьи гражданскаго окружного суда могли вовсе не примѣтить того оскорбленія, которое г. Соколовскій нанесъ г. Крестовскому въ процессѣ г-жи Майковой съ г-жей Крестовской, хотя въ дѣйствительности оскорбленіе это для людей, понимающихъ военную честь по-терентьевски, было такъ сильно, что и мать, и братья г. Крестовскаго, присутствовавшіе на процессѣ, едва могли его вынести. Еслибы г. Крестовскій сдѣлалъ вызовъ г. Соколовскому, я увѣренъ, что послѣдній не принялъ бы этого вызова и, прежде всего, именно по различію своихъ понятій о чести отъ понятій терентьевскихъ. Предположимъ, что г. Соколовскій призналъ бы, что онъ произнесъ тѣ именно слова, которыя г. Крестовскій находилъ для себя оскорбительными. Г. Крестовскій считаетъ эти слова величайшимъ для себя оскорбленіемъ и, вѣроятно, готовъ бы былъ омыть ихъ кровью; очень можетъ быть, что такое мнѣніе раздѣляютъ съ нимъ и терентьевскій военный кружокъ. Но съ гражданской точки зрѣнія, это оскорбленіе представляется совершенно въ другомъ видѣ. Я увѣренъ, что, если проѣхать Россію изъ конца въ конецъ, то въ гражданскомъ людѣ, къ какому бы онъ званію и состоянію ни принадлежалъ, не найдется ни одного человѣка, который согласился бы изъ-за этого проливать кровь—и весьма резонно. Ибо оскорбленіе это можетъ быть вполнѣ удовлетворено законнымъ путемъ, а дуэль въ тѣхъ только случаяхъ и позволительна, когда наносится оскорбленіе такого свойства, которое или не можетъ быть удовлетворено законнымъ путемъ, или когда удовлетвореніе законнымъ путемъ неизбѣжно подвергло бы огласкѣ и компрометировало бы третьи лица. А если, съ гражданской точки зрѣнія, дѣло стоитъ такимъ образомъ, то г. Соколовскій могъ бы выйти на дуэль только противъ своего внутренняго убѣжденія, говоря другими словами—поступить безчестно. Онъ поступилъ бы безчестно, если бы ему удалось убить г. Крестовскаго, ибо онъ убилъ бы его изъ-за пустяковъ; но онъ поступилъ бы не только безчестно, но и глупо, подставивъ добровольно свой лобъ подъ пулю изъ-за пустяковъ; изъ-за пустяковъ онъ разрушилъ бы лежащія на немъ обязанности общественныя и семейныя. Такимъ образомъ, съ единственно разумной гражданской точки зрѣнія о чести, г. Соколовскій не только имѣлъ право, но и долженъ былъ отказаться отъ дуэли. А если онъ, при этомъ, не умѣетъ владѣть никакимъ оружіемъ — то и тѣмъ болѣе. Дуэль непремѣнно предполагаетъ болѣе или менѣе равное искусство въ употребленіи оружія Разъ человѣкъ, опытный въ употребленіи оружія, вызываетъ на дуэль человѣка, неумѣющаго прикоснуться къ шпагѣ или пистолету, онъ совершаетъ, по моему мнѣнію, дѣло, равносильное тому, какъ еслибы онъ, вооруженный, напалъ на человѣка безоружнаго на улицѣ и убилъ его безъ всякаго вызова. А человѣкъ, принимающій при подобныхъ условіяхъ вызовъ на дуэль, долженъ быть прямо признанъ или идіотомъ, или помѣшаннымъ. Я полагаю, что г. Крестовскій предвидѣлъ, что г. Соколовскій откажется отъ вызова на дуэль. А, такъ какъ, по положенію о дуэляхъ, имѣющему, впрочемъ, смыслъ только въ томъ случаѣ, когда дѣло происходитъ между людьми одинаковыхъ понятій о чести и болѣе или менѣе одинаково искусныхъ въ употребленіи оружія, тому, кто вызоветъ, предоставляется право побить человѣка, отказавшагося отъ дуэли, то Крестовскій все равно, какъ надобно заключать изъ послѣдующаго, побилъ бы г. Соколовскаго, хотя по отношенію къ послѣднему означенное положеніе не могло имѣть никакого примѣненія. Разница была бы только въ томъ, что отказъ г. Соколовскаго отъ дуэли послужилъ бы, при судебномъ разбирательствѣ, смягчающимъ обстоятельствомъ для г. Крестовскаго. Я предполагаю, что г. Крестовскій не желалъ такого для себя смягчающаго обстоятельства и прямо побилъ г. Соколовскаго, и, на мой взглядъ, поступилъ откровеннѣе. Одно набрасываетъ тѣнь на г. Крестовскаго, что, побивши г. Соколовскаго, онъ немедленно поѣхалъ заявить объ этомъ по

начальству, и г. Спасовичъ, не безъ основанія, видитъ здѣсь заднія мысли. Еслибы г. Крестовскій не подалъ подозрѣнія къ этимъ заднимъ мыслямъ, еслибы, побивши г. Соколовскаго, онъ сидѣль дома, ожидая, что̀ будетъ; еслибы, вслѣдствіе такого его поведенія, за печатью или, что̀ тоже, за общественнымъ мнѣніемъ оставлено было свободное право обсудить его поступокъ со всѣхъ сторонъ, и онъ имѣлъ бы мужество подвергнуться за него полной карѣ, общественной и законной, тогда бы и гражданскій людъ сказалъ: «да, это — человѣкъ горячаго темперамента, заблуждающійся по своеобразнымъ понятіямъ о чести, но онъ не сдѣлалъ ничего для того, чтобы уклониться отъ заслуженной кары за свой поступокъ, во всей ея тяжести». Теперь этого сказать нельзя. Впрочемъ, надобно отдать справедливость г. Крестовскому, что на судѣ онъ нисколько не старался скрыть лицевой стороны своего поступка — напротивъ: онъ нѣсколько разъ настоятельно и страстно заявлялъ, что онъ билъ г. Соколовскаго. Изъ такихъ неоднократныхъ настоятельныхъ и страстныхъ заявленій, сдѣланныхъ спустя долгое время послѣ битья, едва ли кто-нибудь могъ усомниться въ томъ, что г. Крестовскій ѣхалъ къ г. Соколовскому именно побить его, а не съ какою-нибудь другою цѣлью, тѣмъ болѣе, что показаніе, будто г. Соколовскій хотѣлъ напасть на г. Крестовскаго, пришедшаго съ двумя своими товарищами по оружію, само по себѣ невѣроятное, вполнѣ опровергается крикомъ г. Соколовскаго: «городового, полицію, дворниковъ!» — крикомъ, который прямо показываетъ, что г. Соколовскій сильно струсилъ и, конечно, не могъ думать о нападеніи. Однимъ словомъ, по нашему мнѣнію, въ поступкѣ г. Крестовскаго совершенно очевиденъ фактъ самоуправства вполнѣ обдуманнаго и разсчитаннаго, а никакъ не минутной вспышки, вызванной оскорбленіемъ. Поэтому квалификація поступку г. Крестовскаго дана совершенно невѣрная.

4) Есть и еще обстоятельство очень важнаго свойства, о которомъ нельзя не упомянуть. Никто не можетъ быть безпристрастнымъ судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Условныя понятія о чести, существующія въ военномъ званіи, могутъ, при каждомъ частномъ случаѣ, иногда слишкомъ расширяться, а иногда и суживаться, смотря по личному темпераменту каждаго. Поэтому, въ военномъ званіи, кромѣ судовъ оффиціальныхъ, существуютъ въ каждомъ полку у офицеровъ суды внутренніе, товарищескіе, обязанные разсматривать всѣ тѣ поступки, которые, въ томъ или другомъ отношеніи, затрогиваютъ вопросъ о военной чести. Вѣроятно, этотъ судъ входилъ въ разсмотрѣніе и поступка г. Крестовскаго. Любопытно было бы знать, какъ онъ къ нему отнесся, а именно: 1) призналъ ли онъ фактъ оскорбленія г. Соколовскимъ г. Крестовскаго на судѣ точно констатированнымъ, и, слѣдовательно, не подлежащимъ сомнѣнію? 2) если онъ это призналъ, то находитъ ли онъ оскорбленіе, нанесенное г. Соколовскимъ г. Крестовскому, относящимся къ разряду такихъ, удовлетворенія за которыя надобно искать помимо законнаго пути? 3) если да, то признаетъ ли онъ заслуживающимъ одобренія тотъ путь, который избралъ г. Крестовскій для своего удовлетворенія за оскорбленіе? Вопросы эти на судѣ были вовсе не затронуты, а они очень важны. Ибо, если предположить, что г. Крестовскій дѣйствовалъ въ полной солидарности со всѣми офицерами своего полка, тогда вопросъ о немъ лично теряетъ всякое значеніе, и на первый планъ выступаетъ вопросъ о томъ глубокомъ противорѣчіи, какое существуетъ въ воззрѣніяхъ на честь и на способы къ ея охраненію между военнымъ званіемъ и обществомъ, и о тѣхъ опасностяхъ, какія изъ такого противорѣчія могутъ возникать для общественнаго спокойствія. Было бы весьма желательно, чтобы товарищи г. Крестовскаго, въ видахъ разсѣянія общественнаго недоумѣнія, печатно высказали свое воззрѣніе на дѣло г. Крестовскаго.

Май 1876.

Возможна ли популярность въ Россіи.—Ю. Ѳ. Самаринъ; его характеристика, отношеніе къ нему русскаго общества; рѣчи гг. Кояловича и Аксакова.—М. П. Погодинъ; его характеристика; рѣчь гг. Кошелева.—Графъ А. П. Шуваловъ; представители извознаго промысла при его погребеніи. Рѣчи на могилѣ П. М. Леонтьева.—А. П. Щаповъ. Дѣятельность его въ Казани, въ Петербургѣ, отправленіе въ Иркутскъ.—Ольга Ивановна Щапова; ея характеристика и вліяніе на Щапова. Крайняя бѣдность Щаповыхъ въ Иркутскѣ, смерть жены и мужа.

Еслибы какой-нибудь нѣмецъ или французъ спросилъ меня: кто у насъ теперь популярнѣйшій человѣкъ въ Россіи, а также, кто пользовался популярностію за послѣднія десять лѣтъ? то я, признаюсь, сталъ бы въ большое затрудненіе, какъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Прежде всего, въ умѣ моемъ, навѣрное, промелькнули бы имена Овсянникова, Кокорева, Губонина, Поля-

кова, но потомъ, поразмысливъ немножко, я отвѣтилъ бы, конечно, то же, что отвѣтилъ бы на моемъ мѣстѣ и каждый россіянинъ: что у насъ популярныхъ людей вовсе нѣтъ, и пока быть не можетъ. Да, и быть даже не можетъ: ибо пріобрѣсти популярность возможно только тамъ, гдѣ есть возможность взять на себя иниціативу какого-нибудь народнаго или общественнаго вопроса, стать во главѣ болѣе или менѣе значительной части общества, дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ для этой цѣли, сообща устраняя препятствія, лежащія на пути къ ней, и сообща изобрѣтая и употребляя тѣ или другія средства для достиженія ея. У насъ всякая иниціатива и дѣятельность, предпринятая въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ для общества, возможна только подъ формою оффиціальною, а потому и популярность у насъ возможна только оффиціальная. Такой популярности, дѣйствительно, и достигаютъ нѣкоторыя оффиціальныя лица въ извѣстные критическіе моменты общественной жизни. Такъ, во время послѣдняго польскаго возстанія сдѣлались популярными имена министра иностранныхъ дѣлъ, князя Горчакова, и бывшаго генерала-губернатора сѣверо-западнаго края, графа Муравьева. Но оффиціальная популярность можетъ быть названа популярностію только въ не собственномъ смыслѣ этого слова: въ дѣйствительности, это—не болѣе, какъ извѣстность, которая можетъ быть иногда очень печальною, ибо можетъ не только не пользоваться симпатіями лучшей части народа или общества, а можетъ быть вполнѣ имъ ненавистна; въ основаніи же популярности должны лежать всегда именно симпатіи общества или народа. Такъ, Малюта Скуратовъ, главный вождь опричнины, былъ въ рукахъ Ивана IV прекраснымъ орудіемъ въ достиженіи тѣхъ великихъ государственныхъ цѣлей, которыя, будто бы, какъ объясняютъ нѣкоторые историки, преслѣдовались опричниною, но въ глазахъ всего общества или народа это былъ не болѣе, какъ самый гнусный злодѣй.

Если не имѣть въ виду подобной широкой популярности, добываемой путемъ оффиціальнымъ, то у насъ и можетъ быть рѣчь только о популярности мѣстной, сословной и кружковой. Въ разныхъ учрежденіяхъ общественныхъ, мѣстныхъ, сословныхъ и частныхъ обществахъ, имѣющихъ по закону право извѣстной самодѣятельности, могутъ болѣе или менѣе тѣсно сплочиваться кружки людей и дѣйствовать сообща для извѣстной цѣли; среди нихъ могутъ выдвигаться люди съ талантомъ иниціативы и умѣнья вести дѣло кружка и дѣлаться въ немъ популярными. Имена ихъ, естественно, должны привлекать къ себѣ симпатіи какъ того общества, въ которомъ они дѣйствуютъ, такъ и лицъ, болѣе или менѣе близко стоящихъ къ этому обществу. Вотъ, намъ кажется, единственная популярность для людей дѣла, возможная у насъ въ Россіи.

При такомъ положеніи нашихъ такъ-называемыхъ общественныхъ дѣятелей, положеніи очень скромномъ, никогда почти непользующемся не только популярностію, а даже извѣстностію за предѣлами ихъ мѣста дѣятельности, какъ-то странно читать тѣ напыщенные панегирики, которые по смерти того или другого дѣятеля слагаются его друзьями. Умираетъ человѣкъ, дѣятельность котораго, иногда, дѣйствительно, прекрасная, до самого дня его смерти была, однакожъ, мало кому извѣстна, исключая очень небольшого кружка болѣе или менѣе близкихъ къ нему людей, и вдругъ въ газетахъ начинаютъ появляться одна за другой статьи, рѣчи и доклады съ недопускающимъ никакого сомнѣнія увѣреніемъ, что вся Россія находится въ траурѣ, что она глубоко потрясена смертію такого-то (имя рекъ), что она не можетъ опомниться и долго не опомнится отъ понесенной ею потери. Читая подобныя заявленія, часто не вѣришь глазамъ своимъ и удивляешься, какъ одни люди могутъ, нисколько не конфузясь, писать такое лганье, а другіе, также нисколько не конфузясь, читать его. Умеръ, напримѣръ, недавно Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, человѣкъ въ своемъ родѣ, безспорно, очень замѣчательный и достойный всякаго уваженія. Главное его достоинство состояло въ томъ, что, баричъ по рожденію и воспитанію, онъ, однакожъ, несмотря на дворянскую дрессировку стараго времени, съумѣлъ, выходя на общественное поприще, сохранить въ себѣ «каплю крови, общую съ народомъ», и это дало направленіе всей его послѣдующей дѣятельности. Одинъ изъ близко знавшихъ Самарина въ его молодые годы, даже самъ, какъ онъ говоритъ, присутствовавшій при томъ умственномъ кризисѣ, который произошелъ въ Самаринѣ при вступленіи изъ школы въ жизнь, такъ разсказываетъ объ этомъ въ краткомъ некрологѣ, напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 73): «По окончаніи ученія, на порогѣ жизни, которая блистательно открывалась передъ нимъ, онъ вдругъ смутился въ глубинѣ души, вдругъ почувствовалъ тщету своего воспитанія въ искуственно-разобщенной средѣ, подъ руководствомъ иностранцевъ, на иностранныхъ языкахъ. Онъ болѣзненно и глубоко почувствовалъ себя чуждымъ своему народу. Его томила жажда народности; онъ искалъ источниковъ русской жизни, русской мысли, русскаго слова. Усердно и горячо принялся онъ за изученіе древнихъ памятниковъ и въ своихъ изслѣдованіяхъ вскорѣ сблизился съ покойнымъ Константиномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ; общее настроеніе привело ихъ обоихъ къ Хомякову, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на ихъ дальнѣйшее развитіе». Говоря другими словами, Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ сдѣлался славянофиломъ на всю жизнь. Намъ извѣстны хорошо и достоинства, и недостатки славянофильскихъ теорій. Еслибы дѣло шло о настоящемъ времени, то мы, конечно, глубоко пожалѣли бы, что такая даровитая личность увлеклась славянофильскими теоріями. Но

для своего времени Самаринъ сдѣлалъ, можетъ быть, лучшее, что можно было дѣлать. Правительство, во все время прошедшаго царствованія, съ искренностію заботившееся объ облегченіи печальной участи крестьянъ, получило въ немъ дорогую силу, которая оказалась не менѣе дорогою и при обсужденіи крестьянской реформы, и потомъ при введеніи ея въ жизнь. Для насъ лично, кромѣ того, крайне симпатиченъ нравственный образъ Самарина. Судя по тѣмъ извѣстіямъ, которыя сообщены о немъ по смерти, этотъ человѣкъ, при своемъ несомнѣнно выдающемся умѣ, обширныхъ знаніяхъ, самостоятельномъ характерѣ, житейской опытности, представлялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, образецъ такой дѣтской простоты, чистоты, невинности, наконецъ, даже наивности, что подобный образъ становится какъ-то совсѣмъ невѣроятнымъ для нашего времени. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, о немъ въ надгробномъ словѣ его духовникъ, протоіерей А. Ключаревъ: «Порядкомъ жизни своей Юрій Ѳедоровичъ напоминалъ древнихъ аскетовъ... Ради свободы духовной и умственной дѣятельности, онъ отказался отъ супружества и семейнаго счастія; при богатствѣ, онъ чуждъ былъ доставляемыхъ имъ наслажденій. Кругъ близкихъ знакомыхъ онъ ограничивалъ людьми, которые наполняли его жизнь и доставляли ему утѣшенія дарованіями, познаніями и благородствомъ сердца. Безкорыстно, безъ мысли о славѣ и почестяхъ, онъ трудился дни и ночи для блага отечества, не почитая для себя унизительною никакой работы для пользы общей. Часто утренняя заря заставала его съ перомъ въ рукѣ, и онъ оканчивалъ горячія думы о благѣ своей родины горячею молитвою о ней къ Богу». — «Нельзя было безъ глубокаго уваженія смотрѣть на него и слышать его въ священныя минуты исповѣди: какъ этотъ человѣкъ, испытующій и строго разбирающій всѣхъ и все, строже и нещаднѣе всѣхъ судитъ самого себя, какъ отвергаетъ облегчающія и утѣшающія объясненія его нравственныхъ состояній, съ какой полнотой и глубиной обозрѣваетъ (особенно при болѣзняхъ) цѣлую свою жизнь, какъ искренно признаетъ заслуженною примѣчаемую имъ въ упадкѣ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, по его собственному выраженію, «*кару Божію*», и какъ смиренно, будто простѣйшій изъ простыхъ, преклоняетъ колѣна для принятія таинственнаго отпущенія грѣховъ. При искреннихъ дружескихъ собесѣдованіяхъ, о чемъ онъ больше скорбѣлъ? Объ этой, какъ онъ говорилъ, несчастной склонности и способности поражать противника въ преніяхъ и огорчать его торжествомъ своей мысли. Въ этой способности уже онъ винилъ свое сердце, почиталъ себя жестокимъ. Нѣжнѣйшій сынъ, добрый братъ, беззавѣтно преданный другъ, разумный и щедрый благотворитель, онъ впадалъ иногда въ глубокую печаль отъ мысли, что у него любви мало». Соберите, читатель, всѣ эти черты вмѣстѣ и представьте себѣ человѣка, который не женится ради свободы въ умственной дѣятельности, который работаетъ до утренней зари, а затѣмъ становится на молитву о благѣ своей родины, который, приходя на исповѣдь къ священнику, разсказываетъ такіе грѣхи, что священникъ долженъ увѣрять его, что то, что онъ выдаетъ за грѣхъ — вовсе не грѣхъ, который видитъ нравственное паденіе даже въ томъ, если онъ, во время думскихъ дебатовъ, въ жаркомъ спорѣ или въ литературной полемикѣ сказалъ какъ-нибудь жесткое слово, который, наконецъ, на свои болѣзни тѣлесныя смотритъ, какъ на кару Божію за грѣхи, и скажите: вѣроятенъ ли подобный нравственный обликъ въ наше время въ человѣкѣ ума недюжиннаго и съ широкимъ образованіемъ? Вы скажете мнѣ: «да, но, вѣдь, и источникъ-то какой вы взяли? Надгробное слово. Чего не говорится въ надгробныхъ словахъ? Какъ отличить тутъ истину отъ преувеличеній?» Ну, на этотъ счетъ я васъ долженъ успокоить, читатель. Я не менѣе васъ недовѣрчивъ къ надгробнымъ словамъ и никакъ не взялъ бы ни одного слова изъ подобнаго источника, еслибы не былъ убѣжденъ, что тутъ, въ данномъ случаѣ, нѣтъ ни одного факта вымышленнаго. Въ pendant къ нравственному облику, нарисованному духовникомъ Ю. Ѳ. Самарина, я присовокуплю еще слѣдующую черту, сообщенную фельетонистомъ «Голоса» № 60, изъ письма Самарина за послѣднее время. Ю. Ѳ. Самаринъ въ Берлинѣ; наступаетъ 19-е февраля; ему, какъ участнику въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, какъ человѣку, всею душою симпатизировавшему дѣлу освобожденія, нельзя не праздновать этого дня. «Отправился я — пишетъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ — въ ресторанъ, спросилъ полбутылки шампанскаго и мысленно чокнулся со всѣми близкими, со всѣмъ русскимъ народомъ; нужно было видѣть, въ какомъ изумленіи смотрѣли на меня кельнеры, вовсе непривыкшіе къ тому, чтобы за моимъ, болѣе нежели скромнымъ завтракомъ красовалось шампанское»...

Не много нужно фантазіи, чтобы по тѣмъ немногимъ чертамъ, которыя мы сообщили, представить себѣ цѣльную нравственную личность Ю. Ѳ. Самарина — личность не отъ міра сего, полную глубокаго христіанскаго смиренія, самоотверженія, любви, твердо вѣрующую въ возможность возрожденія міра единственно путемъ нравственнымъ, для которой даже такія средства воздѣйствія на лица, какъ жесткія слова въ спорахъ или въ литературной полемикѣ, казались мѣрами слишкомъ энергическими, были ненавистны.

Многіе ли даже изъ тѣхъ, которые болѣе или менѣе близко стояли къ Самарину во время его жизни, понимали личность его въ такомъ видѣ? Я думаю: очень и очень немногіе.

Посмотрите, напримѣръ, какое пониманіе о покойномъ Самаринѣ высказываетъ профессоръ здѣшней духовной академіи, г. Кояловичъ, кото-

рый выдаетъ себя за человѣка, хорошо знавшаго Самарина. Въ рѣчи своей, говоренной 28-го марта въ память Самарина въ здѣшнемъ славянскомъ благотворительномъ комитетѣ, г. Кояловичъ, исчисливъ, между прочимъ, заслуги славянофиловъ въ Западной Россіи во время послѣдняго польскаго возстанія, затѣмъ продолжаетъ:

«Зная близко эти слова и дѣла и зная на мѣстахъ тамъ многихъ славянофиловъ, я невольно задавался вопросомъ: почему эти люди не стоятъ и тамъ, и вездѣ у насъ, впереди въ государственной и общественной средѣ, почему такіе люди, какъ покойный Юрій Ѳедоровичъ, были не впереди даже въ общественной средѣ? Извѣстно, что даже въ этой послѣдней средѣ весьма немногіе у насъ признавали, что онъ долженъ быть впереди другихъ. Вопросъ этотъ не переставалъ занимать меня и послѣ польской смуты, въ наши послѣднія времена. Напротивъ, онъ мнѣ представлялся еще болѣе жгучимъ.

«У насъ существуетъ анти-государственное направленіе, которое, какъ бы систематически, каждый годъ сказывается печальными явленіями. Для борьбы съ этимъ направленіемъ славянофилы обладаютъ могущественнымъ оружіемъ. Кто серьезно славянофилъ, тотъ непремѣнно признаетъ существующія основы нашего государственнаго устройства и врагъ ихъ ломки. Съ другой стороны, славянофилы способны бороться съ анти-государственнымъ направленіемъ не кознями, а силою убѣжденій. Почему же эти вѣрные слуги русской земли и русскаго государства не стоятъ въ этой борьбѣ впереди другихъ въ государственной и общественной средѣ? Почему не стоялъ впереди другихъ и покойный Юрій Ѳедоровичъ?

«Далѣе. Мы страдаемъ отъ сильнаго распространенія у насъ невѣрія. Если борьба съ этимъ зломъ не должна быть дѣломъ оффиціальной профессіи, если она должна быть живымъ дѣломъ всего русскаго общества, то опять удивительно, почему и въ этой борьбѣ не стоятъ впереди славянофилы? Вѣдь, кто серьезно славянофилъ, тотъ непремѣнно признаетъ неразрывно связанными нашу русскую народность и наше православіе! Неужели можно думать, что съ тѣмъ и другимъ зломъ могутъ справиться такъ-называемые наши западники? Они ихъ развѣ усилятъ, потому что стоятъ на той же почвѣ, на которой выросли и наши соціалисты, и наши атеисты. Почему это такъ? Почему даже такой знатокъ религіозныхъ дѣлъ, какъ покойный Юрій Ѳедоровичъ, не стоялъ впереди и даже испытывалъ неудачи?»

Первое, что бросается въ глаза въ приведенныхъ нами строкахъ, это—тѣ явленія, на которыя считаетъ нужнымъ обратить вниманіе, при воспоминаніи о Самаринѣ, профессоръ Кояловичъ. Россія страдаетъ отъ *анти-государственнаго направленія*, Россія страдаетъ *отъ распространенія безвѣрія*—вотъ, по указанію г. Кояловича, два страшныя зла, которыя ее разъѣдаютъ!!! Какъ вамъ понравятся такія сопоставленія, какъ Россія и анти-государственность, Россія и безвѣріе! Въ наше время нельзя указать ни одного европейскаго государства, которое бы страдало отъ анти-государственныхъ стремленій или отъ распространенія безвѣрія. Чтобы усмотрѣть въ Европѣ подобныя страданія, надобно смотрѣть на міръ черезъ очки никѣмъ не признаваемаго Генриха V или Пія IX. Но въ другихъ государствахъ Европы можно, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно найти и партіи противогосударственныхъ стремленій, и партіи безвѣрія. У насъ ничего подобнаго нѣтъ даже въ зародышѣ, и серьезно говорить о разъѣдающихъ, будто бы, Россію анти-государственныхъ стремленіяхъ, просто забавно. Тоже самое должно сказать о распространеніи безвѣрія, въ которомъ г. Кояловичъ видитъ язву Россіи. Научныхъ атеистовъ, которыми, по мнѣнію г. Кояловича, кишитъ русское образованное общество, я думаю, днемъ съ огнемъ здѣсь не отыщешь. Скорѣе можно найти людей индифферентныхъ къ религіи, да и то въ очень умѣренномъ, я полагаю, числѣ, для которыхъ все равно какъ ни объяснять религіозные вопросы, людей, которые подъ часъ могутъ высказывать мнѣнія и атеистическія, и пантеистическія, и спиритическія и т. п., какія придется. Но спрашивается: неужели всякаго человѣка, увлекающагося извѣстнымъ философскимъ или натуралистическимъ ученіемъ и высказывающаго мнѣнія, несогласныя съ откровеніемъ, надобно сейчасъ же записывать въ атеисты? Вѣдь, вотъ было время, что и Самаринъ увлекался философіею Гегеля и, слѣдовательно, понимая религію по Гегелю, былъ также атеистомъ. Но посмотрите, какой изъ этого атеиста выработался православнѣйшій сынъ церкви. Мы убѣждены, что покойный Самаринъ не смотрѣлъ такъ сурово, какъ г. Кояловичъ, на молодыя увлеченія и ошибки ни въ области политики, ни въ области религіи, и тѣмъ болѣе не могъ усматривать здѣсь разъѣдающаго Россію зла. Зло это онъ видѣлъ тамъ, гдѣ оно дѣйствительно есть: въ тяжеломъ положеніи народныхъ массъ, въ поглощеніи общественной самодѣятельности бюрократизмомъ, въ феодальныхъ стремленіяхъ русскаго дворянства, въ преобладаніи и господствѣ иноземнаго элемента надъ русскимъ въ окраинахъ, въ преслѣдованіи здѣсь земныхъ цѣлей даже представителями католической церкви, и противъ этого зла дѣйствительно боролся.

Но г. Кояловичъ, видимо, скорбитъ о томъ: зачѣмъ покойнаго Самарина *насильно* не заставили дѣйствовать противъ тѣхъ, именно, золъ, которыя усматриваетъ онъ, г. Кояловичъ, т. е. противъ анти государственныхъ стремленій и безвѣрія. Я говорю: *насильно*, потому что, если-бы Самаринъ хотѣлъ самъ бороться противъ нихъ, то онъ имѣлъ полную къ тому возможность: онъ могъ писать и издавать сочиненія, онъ могъ даже дѣйствовать, пользуясь своимъ оффиціальнымъ положеніемъ въ думѣ, въ дворянствѣ, въ земствѣ. Но г. Кояловичъ напираетъ на то: но-

чему такой достойный человѣкъ, какъ Самаринъ, не стоялъ въ *государственной* средѣ впереди всѣхъ въ борьбѣ съ людьми анти-государственныхъ стремленій и атеистами? Вотъ оно куда идетъ! Отсюда и разумѣвайте: какихъ разнородныхъ стремленій духъ покойнаго Самарина и духъ г. Кояловича. Самаринъ былъ того убѣжденія, что всего надобно достигать кротостію, нравственными средствами, самоотверженною любовію, г. Кояловичъ думаетъ, что иногда и *погнуть*, и *вытянуть*, кого будетъ слѣдовать, не мѣшаетъ и для этого быть впереди всѣхъ въ государственной средѣ очень полезно. Если Самаринъ всю жизнь носилъ въ сердцѣ своемъ слова Господа: *аще кто хочетъ болій изъ васъ быти, да будетъ всѣмъ слуга*, то г. Кояловичъ къ видимому Господу взываетъ: поставь одесную тебя славянофиловъ, а ошую меня—Кояловича, и мы все управимъ.

Въ pendant къ соболѣзнованію, высказанному г. Кояловичемъ въ память покойнаго Самарина, выскажемъ и мы, въ память этого же несомнѣнно достойнаго человѣка, наше соболѣзнованіе.

Не анти-государственныя стремленія, не безвѣріе губитъ Россію, ее губитъ крайнее невѣжество и грубость: примитивныя невѣжество и грубость народа, образованное невѣжество и грубость образованнаго общества, ученое невѣжество и ученая грубость духовныхъ и свѣтскихъ учителей и руководителей русскаго общества и народа и, наконецъ, ученѣйшее невѣжество и ученѣйшая грубость учителей, занимающихся образованіемъ этихъ учителей и руководителей, въ особенности въ вертоградахъ духовныхъ. Дѣлатели въ сихъ послѣднихъ, почивающіе на завѣтѣ, переданномъ людямъ Господомъ, должны бы были яснѣе всѣхъ понимать глубокій смыслъ его, должны бы были быть преисполнены любви христіанской, вливать ее въ воспитываемыхъ имъ пастырей и учителей, черезъ нихъ проводить ее въ свѣтское общество и юношество, въ государственныя учрежденія; такъ должно бы было быть. А между тѣмъ, эти люди понимаютъ евангеліе точно такъ же, какъ понимали его почтенные отцы инквизиціи и готовы бы были сейчасъ же разложить костры, только бы свѣтская власть допустила ихъ хоть ошую себя. Очень жаль, что такая христіанская прекрасная личность, какъ покойный Самаринъ, не былъ поставленъ въ среду этихъ новѣйшихъ книжниковъ и фарисеевъ, чтобы научить ихъ, какъ надобно понимать евангельское ученіе и прилагать его къ своей жизни и дѣятельности. А впрочемъ, помогло ли бы это? Вѣдь, г. Кояловичъ говоритъ, что онъ былъ близокъ къ Самарину и понималъ его. Даже и божественнаго учителя только имѣющіе уши могли слышать...

Изъ доселѣ сказаннаго мною ясно, что нравственная личность Самарина до его смерти была мало кому извѣстна. Точно также мало кому извѣстна была его дѣятельность въ качествѣ чиновника при генералъ-губернаторахъ кіевскомъ и остзейскомъ. Болѣе знали его дѣятельность во время крестьянской реформы, но и то только сравнительно болѣе; притомъ же, эта дѣятельность нисколько не выдѣлялась отъ дѣятельности многихъ другихъ, подобно ему, радѣвшихъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Современному обществу Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ извѣстенъ болѣе по газетнымъ извѣстіямъ о его дѣйствіяхъ въ качествѣ члена разныхъ общественныхъ учрежденій въ Москвѣ. Но и эти дѣйствія при его жизни были извѣстны публикѣ лишь въ видѣ тѣхъ или другихъ высказанныхъ имъ во время дебатовъ мнѣній. Только уже послѣ его смерти обнаружилось, что въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ онъ состоялъ членомъ, онъ былъ не только ихъ руководителемъ, но и чернорабочимъ. Такъ, по справкѣ въ дѣлахъ, сообщенной секретаремъ московской думы, Щепкинымъ, оказывается, что, состоя членомъ или предсѣдателемъ болѣе чѣмъ 20-ти разныхъ коммиссій, въ 1872, 73 и 74 годахъ, Самаринъ треть и даже болѣе трети всѣхъ докладовъ, поступавшихъ изъ этихъ коммиссій въ думу, писалъ на-чернѣ и переписывалъ на бѣло собственноручно!! Солидныя сочиненія Самарина были малоизвѣстны въ публикѣ; большею, сравнительно, извѣстностію пользовались его политическія брошюры, печатанныя заграницей, въ особенности послѣдняя его брошюра: «Отвѣтъ Ѳадѣеву». Но и эти брошюры именно потому, что они печатались заграницей, были извѣстны только въ немногихъ кругахъ. Такимъ образомъ, Самаринъ не пользовался не только популярностью въ нашемъ обществѣ, но даже особенною извѣстностью. Смерть его произвела нѣкоторое впечатлѣніе въ кругахъ интеллигенціи, его болѣе или менѣе знавшихъ, такъ точно, какъ производитъ у насъ впечатлѣніе смерть и всякаго, сколько-нибудь выдающагося дѣятеля, потому что русская земля пока находится еще въ глубокомъ снѣ и не богата дѣятелями. Я думаю, что даже смерть г. Кояловича оставитъ нѣкоторое впечатлѣніе, потому что и онъ былъ радѣтелемъ, въ своеобразномъ направленіи, за народъ своего родного края, и не его вина, что Богъ не вложилъ въ его сердце духа любви и кротости. Однимъ словомъ, общественная скорбь по поводу смерти Самарина въ дѣйствительности выразилась очень скромно и умѣренно.

Между тѣмъ, въ газетахъ стали появляться извѣстія и статьи, одна другой пламеннѣе, извѣщавшія о скорби, охватившей будто бы русскихъ по случаю смерти Самарина. Лганье въ этомъ направленіи день-ото-дня шло все crescendo и crescendo, пока, наконецъ, 28-го апрѣля, въ соединенномъ засѣданіи славянскаго благотворительнаго комитета, предсѣдатель его, И. С. Аксаковъ, не воспользовался имъ и особымъ ораторскимъ пріемомъ не сдѣлалъ изъ него chef d'oeuvre ораторскаго искуства. Г. Аксаковъ начинаетъ свою рѣчь заявленіемъ, что дѣлать оцѣнку по-

койнаго Самарина теперь еще несвоевременно, неумѣстно, да едва ли и есть надобность: «Еще, говоритъ онъ: – стоитъ въ воздухѣ, еще не стихло то краснорѣчивое надгробное слово, которое, можно сказать, все общество, всею своею совокупностью промолвило ему въ единодушномъ взрывѣ сочувствія и скорби, при первой вѣсти о его кончинѣ. Явленіе знаменательное! восклицаетъ ораторъ:—на которомъ стбитъ остановиться мыслью, тѣмъ болѣе знаменательное, что общество, захваченное этой мыслью врасплохъ, еще не могло и успѣть отдать себѣ ясный отчетъ въ значеніи понесенной утраты. Въ самомъ дѣлѣ, кто такой, чѣмъ могъ быть для большинства русской публики Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ? Кого же это почтило въ немъ общество?» Изслѣдуя этотъ вопросъ, ораторъ находитъ, что однихъ достоинствъ Самарина общество вовсе не знало, а другія, хотя и знало, но, по тѣмъ или другимъ причинамъ, вовсе не могло чествовать. «И, тѣмъ не менѣе, восклицаетъ ораторъ: — едва лишь пронеслась молва о кончинѣ, великое общественное значеніе Самарина, ясное для близкихъ ему друзей, но нежданно даже для нихъ самихъ, внезапно, безъ предварительныхъ толкованій, безъ подготовки, безъ сговора, сказалось мгновенно въ сознаніи всего русскаго общества, не путемъ отчетливаго анализа, а какимъ-то откровеніемъ общественнаго нравственнаго чувства. Едва лишь смерть успѣла подвести итогъ подъ его земное бытіе, какъ разомъ вознесся и сталъ передъ нашимъ мысленнымъ взоромъ во весь свой ростъ и во всей своей цѣльности его духовный образъ и охватилъ все общество неотразимою силою своего нравственнаго обаянія». Я полагаю, что всю эту тираду ораторъ произнесъ не иначе, какъ въ сильномъ экстазѣ и непремѣнно съ зажмуренными глазами Потому что, какъ хотите, а находясь въ спокойномъ состояніи и смотря въ лицо другимъ— ни у кого недостанетъ мужества провозгласить, что общество, не знавши заслугъ Самарина, внезапно было осѣнено откровеніемъ относительно ихъ въ день его смерти и, подъ вліяніемъ этого откровенія, предалось общей скорби!! Я не понимаю даже, для кого и для чего нужны подобныя измышленія? Для оцѣнки Самарина, для его историческаго безсмертія, если онъ таковое заслужилъ, не все ли равно: плакало ли на его могилѣ общество, или оставалось равнодушнымъ? Когда умираетъ человѣкъ ничтожный, слѣдъ котораго долженъ исчезнуть въ обществѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ гробъ его будетъ опущенъ въ могилу, тогда, быть можетъ, извинительно заботиться и о пышной погребальной процессіи, и даже о наемныхъ плакальщикахъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, этимъ, въ минуты, предшествующія полному уничтоженію, привлечь къ покойному вниманіе общества. Но для Самарина смерть не была безслѣднымъ уничтоженіемъ: многочисленные памятники его дѣятельности остались въ обществѣ, для которой теперь только и начиналась полная и безпристрастная оцѣнка. И если люди, близко къ нему стоявшіе, находили эту дѣятельность великою или особенно плодотворною, то не лучше ли было, вмѣсто того, чтобы сочинять небылицы, познакомить съ этою дѣятельностью публику и сказать, въ какомъ жалкомъ положеніи находится наше общество, когда оно не только не можетъ поощрять дѣятельности своихъ лучшихъ людей, но даже не имѣетъ возможности знать объ этой ихъ дѣятельности при ихъ жизни?

Впрочемъ, лганье дружеское объяснить еще можно. Каждому другу желательно, чтобы его друга оцѣнило все общество такъ, какъ онъ самъ его цѣнитъ. Потому не удивительно, если ему представится, что общество дѣйствительно поражено глубокою скорбію о потерѣ его друга, хотя бы на дѣлѣ ничего подобнаго и не было. Но мы не понимаемъ уже рѣшительно лганья, если возможно такъ выразиться, совершенно безкорыстнаго, появляющагося по смерти почти каждаго изъ нашихъ дѣятелей. Есть люди, которые считаютъ своею обязанностію произносить самые необузданные панегирики о каждомъ изъ таковыхъ умершихъ. Я совершенно согласенъ, что, въ виду свѣжей могилы умершаго, надобно говорить aut bene aut nihil; но, однакожъ, если человѣкъ беретъ на себя обязанность говорить объ умершемъ bene, то надобно дѣлать это такъ, чтобы похвалы были правдонодобны и не стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи съ прошедшимъ. Надобно имѣть чувство мѣры. Къ сожалѣнію, объ этомъ менѣе всего заботятся.

Умеръ, напримѣръ, М. П. Погодинъ—человѣкъ, не сходившій со сцены литературной, ученой и общественной въ продолженіи цѣлаго пятидесятилѣтія. Едва-ли чье-нибудь имя въ образованной публикѣ было такъ извѣстно, какъ имя Погодина. Но извѣстность эта была далеко нелестная. Я не знаю человѣка, котораго бы, при его жизни, такъ усердно и такъ дружно всѣ бранили и въ литературѣ, и въ обществѣ, какъ покойнаго Погодина. И мнѣ лично никогда не случалось читать и слышать ни одного голоса въ его защиту. Едва онъ умеръ, какъ начались общія, абсолютныя похвалы — нашлись лица, которыя вспомнили въ покойномъ черты, дѣйствительно достойныя всякаго уваженія (зачѣмъ же они молчали при его жизни?); но панегиристы забыли все, что говорилось при жизни Погодина въ его порицаніе, а вслѣдствіе этого, и то, что они говорятъ въ его пользу, принимаетъ какой-то сомнительный цвѣтъ. Припомнимъ образъ М. П. Погодина, какъ онъ многими представлялся и изображался при его жизни. Погодинъ, по природѣ своей, былъ человѣкъ общественный; способности его были не особенно сильны; но онъ обладалъ неимовѣрною чуткостью къ нарождающимся практическимъ интересамъ въ обществѣ, сильною энергіей и готовностью отвѣчать на всѣ запросы и требованія, если они обѣщали житейскую выгоду. Онъ писалъ все, что входило въ моду въ

публикѣ: повѣсти, драмы, разсужденія, путешествія; но своею спеціальностію избралъ русскую исторію, которая, благодаря Исторіи Россійскаго Государства Карамзина, вниманію къ историческимъ памятникамъ графа Румянцева, трудамъ Шлёцера, Каченовскаго и т. д., пользовалась преимущественнымъ у всѣхъ уваженіемъ. Профессія историка у насъ и до сихъ поръ, по недостатку разработки матеріаловъ, еще связывается съ занятіями по библіографіи, археологіи, собиранію древнихъ рукописей, актовъ и т. д.; тогда это было неизбѣжно. Благодаря этому обстоятельству, покойный Погодинъ умѣлъ составить рѣдкое собраніе рукописей, рѣдкое собраніе вообще древнихъ памятниковъ и, передавъ ихъ въ публичную библіотеку, получилъ полмилліона на тогдашнія ассигнаціи. Какъ у всѣхъ людей рутины, горизонтъ мысли Погодина былъ не особенно широкъ. Захвативъ чужую мысль о норманскомъ періодѣ нашей исторіи, онъ посвятилъ разработкѣ этого предмета лучшее время свой жизни. Фактически, для этого вопроса, равно какъ и для исторіи удѣльнаго періода, имъ сдѣлано было очень много. Но его труды не вносили никакого новаго свѣта въ русскую исторію. Она оставалась тѣмъ же, чѣмъ была и при Карамзинѣ, т. е. простою лѣтописью. Тѣмъ не менѣе Погодинъ, при необширности своего кругозора, имѣлъ слабость думать, что онъ поставилъ исторію на твердую ногу и совершилъ нѣчто Epochemachendes. Поэтому, когда изъ воспитаннаго имъ же юношества явились даровитые люди съ попыткою внести смыслъ въ русскую исторію (Соловьевъ, Кавелинъ), Погодинъ отнесся къ нимъ очень недоброжелательно: это—очень дурная черта. Съ такимъ же недоброжелательствомъ онъ относился ко всему, что выходило изъ его узкаго кругозора, чего онъ не понималъ. До самой смерти своей онъ не признавалъ Бѣлинскаго, не понималъ его значенія и называлъ не иначе, какъ недоучившимся студентомъ!!! При такой узкости умственнаго кругозора, Погодинъ тѣмъ. болѣе не могъ ни понять, ни признать людей новаго времени. Они всѣ огуломъ слыли у него подъ именемъ нигилистовъ, а подъ нигилистами онъ разумѣлъ людей ничего не знающихъ, ничего не понимающихъ, ни во что не вѣрующихъ, стремящихся къ разрушенію всякаго порядка. Погодину, остановившемуся на первой стадіи своего развитія, т. е. на двадцатыхъ или, много, на тридцатыхъ годахъ, еще извинительно такое огульное осужденіе цѣлаго поколѣнія. Но какъ-то странно и дико бросается въ глаза, когда одинъ изъ панегиристовъ Погодина, г. Кошелевъ, именно это недомысліе его выставляетъ характеристическимъ признакомъ его, какъ русскаго человѣка. Я желалъ бы спросить г. Кошелева: увѣренъ ли онъ въ томъ, что покойный Погодинъ изучилъ внимательно людей новаго времени, прочиталъ хоть одного изъ тѣхъ, кого онъ называетъ недоумками и недоучками, а кромѣ того, способенъ ли онъ былъ, даже при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, понимать то, что они говорятъ и пишутъ. Мнѣ кажется, какъ скоро человѣкъ началъ писать такія вещи, какъ *немудрыя рѣчи о мудреныхъ вещахъ*, его надобно немедленно зачислить человѣкомъ, состоящимъ не у дѣлъ, пережившимъ себя самого и свое время и неспособнымъ понимать, что около него творится. Не странно-ли и даже не забавно ли эти очевидные признаки умственнаго изнеможенія и дряхлости возводить на степень какихъ-то доблестей и ставить ихъ даже отличительными свойствами русскаго ума!? Боже сохрани отъ такого русскаго ума! Истинному панегиристу подобало, напротивъ, начать именно съ извиненія Погодина въ томъ, что имъ сдѣлано некрасиваго въ послѣдніе годы его жизни, затѣмъ объяснить нѣкоторыя нелестныя черты его характера и дѣятельности въ лучшіе годы его жизни, и затѣмъ уже только можно было говорить и о его хорошихъ качествахъ. А въ Погодинѣ, дѣйствительно, было много и хорошаго. Во-первыхъ, Погодинъ, сколько мнѣ извѣстно, хотя панегиристы и не говорятъ объ этомъ, во все время своей долголѣтней ученой дѣятельности стоялъ постоянно за общедоступность образованія для всѣхъ—для знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и небогатыхъ. Въ наше время въ этомъ никто не усмотрѣлъ бы особой заслуги, но Погодинъ жилъ и дѣйствовалъ въ другія времена, часто очень тяжелыя и печальныя. Мысль о томъ, что къ образованію надобно допускать только дѣтей людей состоятельныхъ и, притомъ, исключительно изъ привилегированныхъ классовъ, не умерла окончательно еще и до сихъ поръ въ людяхъ ретроградныхъ. А тогда она находила практическое примѣненіе въ разныхъ оффиціальныхъ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ для юношества изъ непривилегированнаго класса. Далѣе, по свидѣтельству г. Буслаева, бывшаго ученикомъ Погодина, Погодинъ состоялъ въ братскихъ отношеніяхъ съ университетскимъ юношествомъ. Онъ умѣлъ привлекать его къ себѣ сколько своими лекціями, столько же товарищескимъ обращеніемъ съ нимъ, вниманіемъ къ его нуждамъ, вообще близостію къ нему. По словамъ Буслаева, даже по выходѣ изъ университета, Погодинъ «сохранилъ привязанность къ нему почти такую же, какую имѣлъ, будучи его членомъ, и во всякомъ случаѣ гораздо бо́льшую, чѣмъ многіе изъ дѣйствующихъ профессоровъ, пользовавшихся всѣми выгодами профессорскаго званія». Наконецъ, покойный Погодинъ былъ вообще доступенъ всѣмъ, чѣмъ могъ—своимъ совѣтомъ, услугами, ученымъ пособіями. Въ доказательство этого, я сообщу фактъ вполнѣ достовѣрный, слышанный много лѣтъ тому назадъ отъ лица, мнѣ близкаго. Еще во время студенчества, этому лицу, впослѣдствіи моему товарищу, понадобилось для сочиненія порыться въ древлехранилищѣ Погодина, и онъ поѣхалъ

въ Москву и явился къ Погодину почти безъ всякой рекомендаціи, разсказавъ только работу, которою онъ занимался, и имя лица, давшаго ему эту работу. Этого было довольно, чтобы М. П. сдѣлалъ его чуть не хозяиномъ своихъ рукописей. Онъ далъ ему ключи отъ шкафа, гдѣ хранились нужныя моему товарищу рукописи, и послѣдній въ продолженіи цѣлой недѣли ходилъ сюда изо дня въ день, выбирая и выписывая, что ему было нужно, а иногда цѣлые дни проводилъ здѣсь рѣшительно одинъ. «Тогда, говорилъ мнѣ товарищъ:—мнѣ нисколько не казалось это страннымъ. Только впослѣдствіи, когда я узналъ, что библіографы и любители рукописей большею частію не чисты на руку, я понялъ, сколько въ такомъ довѣріи Погодина было простоты, умѣнья и такта обращаться съ молодыми людьми, даже совершенно ему неизвѣстными. Я уже не говорю о томъ постоянно радушномъ вниманіи и участіи, которое Погодинъ постоянно оказывалъ мнѣ за это время при случайныхъ встрѣчахъ со мною».

Я долженъ сказать нѣсколько словъ и о покойномъ графѣ Шуваловѣ. Это былъ мѣстный петербургскій дѣятель и пользовался здѣсь большою извѣстностію и вниманіемъ очень многихъ. Еще нѣсколько такихъ дѣлъ, какъ уничтоженіе монополіи извознаго промысла, успѣвшей было окольными путями пробраться очень далеко и почти утвердиться въ Петербургѣ—и имя графа Шувалова современемъ могло бы сдѣлаться популярнымъ въ С.-Петербургѣ. Онъ умеръ, впрочемъ, и теперь въ счастливую для себя минуту, именно, когда, благодаря его стараніямъ, ходатайство Сивкова объ извозной монополіи въ Петербургѣ провалилось и когда, вслѣдствіе этого, общественное вниманіе Петербурга было обращено на графа Шувалова. Надобно сказать, что умирать въ минуты единодушнаго сочувствія къ себѣ общества достается на долю очень немногихъ, и мы назвали бы смерть графа Шувалова вполнѣ счастливою, еслибы торжество его послѣдняго цѣлованія съ обществомъ не было нѣсколько разстроено чрезмѣрно излишнимъ усердіемъ представителей извознаго промысла. Тутъ сказалась совершенно фальшивая нота. Мы думаемъ, что, если покойный графъ Шуваловъ хлопоталъ объ уничтоженіи монополіи Сивкова, то вовсе не съ тою цѣлію, чтобы удержать извозный промыселъ въ рукахъ нынѣшнихъ его представителей въ С.-Петербургѣ. Послѣдніе держатъ его точно на томъ же самомъ основаніи, на какомъ снялъ бы и держалъ и Сивковъ; разница между ними и Сивковымъ, въ сущности—таже, какая была во время блаженной памяти откуповъ между цѣловальниками и откупщиками. Конечно, гдѣ есть откупщикъ, тамъ будутъ и цѣловальники; и, если избирать изъ двухъ золъ меньшее, то на время лучше остаться съ одними цѣловальниками и не навязывать себѣ сверхъ того и откупщика. Но и съ цѣловальниками оставаться навсегда также нѣтъ особенной сладости. Они также сосутъ народъ безпощадно. Поэтому графъ Шуваловъ не могъ хлопотать объ уничтоженіи монополіи Сивкова въ видахъ благоденствія современныхъ представителей извознаго промысла въ Петербургѣ. Монополія Сивкова ему была противна по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она добывалась помимо думы, окольными путями; еслибы она была утверждена, прецедентъ для городского самоуправленія на будущее время былъ бы очень печальный; во-вторыхъ, это была бы монополія на многое число лѣтъ, санкціонированная, законтрактованная, которая, слѣдовательно, надолго связала бы руки думѣ и на долгое время оставила бы положеніе извознаго промысла въ томъ же или еще болѣе жалкомъ видѣ, въ какомъ онъ находится теперь. Теперь у думы руки совершенно свободны, и она можетъ регулировать извощичій промыселъ на самыхъ лучшихъ основаніяхъ. Можетъ даже образовать извощичьи артели по образцу биржевыхъ и другихъ подобныхъ артелей въ Петербургѣ. Впрочемъ, относительно артелей мы такъ только говоримъ, а едва ли можно питать надежду, что дума когда нибудь до этого додумается. Наши думы вообще только задомъ крѣпки, какъ выражается одинъ одесситъ о своей думѣ, т. е. заднимъ умомъ. Петербургская дума въ этомъ отношеніи не лучше другихъ. Огромный доходъ, который она могла бы получать отъ построенныхъ самою ею конныхъ дорогъ, она просвистала, а теперь хочетъ пополнить свой бюджетъ изъ доходовъ музыкантовъ, акробатовъ, учительницъ и т. п.; а сихъ послѣднихъ, находящихся въ полунищенскомъ состояніи и ищущихъ какого нибудь мѣста, въ одномъ обществѣ гувернантокъ и учительницъ записано, помнится, болѣе 800, да вѣроятно, втрое болѣе этого находится въ такомъ же состояніи вообще въ Петербургѣ. По доброму, дума должна была бы подумать о мѣрахъ, какъ бы помочь имъ, а она—видите-ли!—въ свою доходную статью ихъ записала! Вотъ такъ самоуправленіе! Но это—между прочимъ, а главное, что мы хотѣли сказать, сводится вотъ къ чему: еслибы покойный графъ Шуваловъ могъ встать изъ гроба, то, я полагаю, онъ былъ бы крайне удивленъ и даже нѣсколько шокированъ необычайной благодарностью къ нему нынѣшнихъ содержателей извознаго промысла, о которыхъ вовсе и не думалъ хлопотать, ведя борьбу противъ монополіи Сивкова. Съ другой стороны, какъ то и представить странно, чтобы петербургскіе содержатели извознаго промысла не понимали, что графъ Шуваловъ хлопоталъ вовсе не для нихъ. Ужъ чего добраго—могутъ подумать многіе—не *по наряду* ли содержатели извознаго промысла высказали свое усердіе при погребеніи графа Шувалова?—Во мнѣ лично, конечно, никогда не можетъ возникнуть подобное сомнѣніе. Какъ можно! Я скорѣе соглашусь, что содержатели извознаго промысла дѣйствовали по недоразумѣнію, но, во

всякомъ случаѣ, отъ искренняго чувства. Но другіе... охъ, какой нынѣ народъ сталъ невѣрующій и недовѣрчивый! Ничего, что называется, нѣтъ для него святого. Въ доказательство этого, я сейчасъ разскажу нѣсколько поразительныхъ случаевъ.

Назадъ тому съ небольшимъ годъ, умеръ, какъ всѣмъ извѣстно, директоръ лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ. Умеръ—ну, и все пошло какъ слѣдуетъ, по обряду: въ скорби приняли участіе всѣ, и въ особенности наставники лицея и воспитанники. Кому-же было и скорбѣть, какъ не имъ, терявшимъ отца! При погребеніи, по обыкновенію—рѣчи: говорятъ наставники, говорятъ воспитанники. И рѣчи все прекрасныя, видно, отъ сердца вылившіяся. Одинъ учитель, Д. Я. Головинъ, сравнилъ покойнаго съ апостоломъ Павломъ и назвалъ его отце-матерью: «былъ, дескать, для лицея отецъ, а для лицеистовъ замѣнялъ мать». Учитель исторіи, В. В. Назаревскій, уподобилъ его Моисею; еще учитель, А. Г. Кудрявцевъ, сопричислилъ его къ лику «славныхъ». Не менѣе, а даже, можно сказать, много превосходнѣе были рѣчи воспитанниковъ. Пріятно было видѣть, какъ эти юныя, чистыя сердца нельстивыми устами слагали практическую пѣснь славословія, точно прошедшія черезъ горнило долгаго житейскаго опыта. И однакожъ, нашлись люди, которымъ все это не понравилось. Они заподозрили искренность рѣчей наставниковъ, воспитанниковъ, называя все это безобразіемъ, развращающимъ духъ заведенія, развивающимъ духъ раболѣпства, прислужничества, лак... извините, я стыжусь произнести слово; даже меня просили описать въ этомъ направленіи торжество погребенія покойнаго Леонтьева. Я, конечно, на отрѣзъ отказался.

Недавно, черезъ годъ по смерти Леонтьева, произошла таже исторія. Въ годовщину его смерти, 24-го марта, происходило въ алексѣевскомъ монастырѣ поминовеніе по усопшемъ. На панихидѣ присутствовали всѣ воспитатели и воспитанники лицея; послѣ панихиды перешли всѣ на могилу. Въ виду этой могилы, еще пока свѣжей, къ которой не заросла тропа, въ воспитанникахъ естественно воскресли горькія чувства о великой утратѣ своего «славнаго» отца, переполнили ихъ сердца, и одинъ изъ нихъ, студентъ лицея Кулаковскій, не выдержалъ напора овладѣвшихъ имъ чувствъ, излилъ ихъ въ прекрасной рѣчи. «Годъ тому назадъ, началъ онъ:—стояли мы около твоего гроба, подавленные однимъ общимъ горемъ, глухіе и безчувственные ко всему остальному, сосредоточенные на одной горькой мысли: его не стало, его нѣтъ уже съ нами и не будетъ. Прошелъ годъ, мы у твоей могилы». Такъ началъ г. Кулаковскій. А потомъ и пошелъ, и пошелъ... и пошелъ... «Время, говоритъ онъ:—хотя и облегчило бремя нашего горя... но мы потеряли въ тебѣ нашъ общій центръ... Ты старался, говоритъ, пробудить въ насъ лучшія стороны человѣчности... Ты, говоритъ, ввѣрялъ молодому поколѣнію святыню твоей любви» и т. д., и т. д. — все въ томъ же родѣ, и заключилъ все это тѣмъ, что мы, дескать, каждый годъ будемъ собираться на твоей могилѣ, нашъ «добрый, незабвенный». Все это очень хорошо: и краснорѣчиво, и чувства прекрасныя. Когда я читалъ рѣчь, мнѣ казалось, что надобно желать, чтобы г. Кулаковскій такіе прекрасные задатки преданности и любви къ начальству вынесъ изъ школы и въ жизнь, и на могилѣ каждаго изъ своихъ будущихъ начальниковъ могъ изливать порывы своихъ чувствъ въ такихъ же искреннихъ рѣчахъ. Однакожъ, и эта рѣчь многими встрѣчена была неодобрительно. И ее заподозрили въ неискренности. «Новое Время» даже прямо сказало, что г. Кулаковскій пойдетъ далеко...

Вообще, въ нашъ скептическій вѣкъ надобно крайне быть осторожнымъ въ заявленіи своихъ чувствъ даже къ мертвымъ. Впрочемъ, что я говорю: даже къ мертвымъ, я долженъ сказать *въ особенности, по преимуществу къ мертвымъ*. Ибо всякій вѣрующій, заявляющій свое сочувствіе къ мертвымъ, долженъ имѣть въ виду два міра: во-первыхъ, сей видимый міръ, недовѣрчивый, сомнѣвающійся, подозрительный, а во-вторыхъ, еще болѣе страшный — міръ невидимый, для котораго нѣтъ ничего сокровеннаго. Говорятъ, по оставленіи своей смертной оболочки, душа ясно видитъ всѣ мысли, намѣренія и чувства тѣхъ людей, которые участвуютъ въ обрядѣ погребенія оставленной ею земной оболочки, говорятъ рѣчи, плачутъ и т. д. Представьте себѣ, какъ тяжело и мучительно должно быть положеніе этой несчастной души, когда во всей погребальной толпѣ, во всѣхъ рѣчахъ, произнесенныхъ здѣсь, во всѣхъ газетныхъ и устныхъ заявленіяхъ чувствъ, привязанностей она не видитъ ничего, кромѣ лжи, притворства, равнодушія! Каково видѣть и чувствовать эту комедію въ честь свою, видя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и чувствуя, что ее совершаютъ не одни чужіе вамъ люди, а и люди близкіе къ вамъ, въ честь, честность, искренность которыхъ вы когда-то имѣли слабость вѣрить! Но и безъ представленія безплотной всевидящей души, для каждаго простого, неиспорченнаго чувства должно представляться оскорбительнымъ, возмутительнымъ искусственное, лицемѣрное чествованіе покойника, въ особенности если оно находится въ ясной дисгармоніи съ тѣмъ отношеніемъ, какое имѣли къ покойному при его жизни. Не могу, при этомъ, не припомнить слѣдующихъ прекрасныхъ стиховъ, которые можно примѣнить къ большей части умирающихъ русскихъ дѣятелей:

Пускай умру—печали мало.
Одно страшитъ мой умъ больной:
Чтобы и смерть не разыграла
Печальной шутки надо мной.

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролили-бъ горячихъ слезъ;

Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ,

Чтобъ безучастною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною плитою
Не сталъ любви предметомъ я,

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

Можетъ быть, ни къ кому изъ русскихъ дѣятелей не подходитъ это стихотвореніе ближе, какъ покойному А. П. Щапову. По смерти его объ немъ всѣ вспомнили и на гробъ его также принесли цвѣтовъ, какъ и на гробъ Самарина, хотя не столько и не столь искусственныхъ—и это хорошо. Но при жизни общество съ давнихъ лѣтъ забыло его. Изъ русскихъ дѣятелей едва ли можно указать еще другого, который бы и въ моральномъ отношеніи получилъ такъ мало изъ всего того, чего онъ такъ жадно желалъ, и который бы находился въ такомъ жалкомъ матеріальномъ положеніи. Будучи еще въ полной силѣ (Щаповъ умеръ 46 лѣтъ) и совершенно способнымъ къ труду, Щаповъ умеръ, однакожъ, богадѣленнымъ человѣкомъ, на содержаніи литературнаго фонда, который отпускалъ ему на содержаніе съ женою по 300 руб. въ годъ. Общество, даже мѣстное, иркутское, до того мало интересовалось имъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время, и обращало на него вниманія, что не послало въ Петербургъ даже телеграммы о его смерти. Щаповъ умеръ 27-го февраля, а извѣстіе о его смерти въ Петербургѣ получено только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и то въ случайномъ частномъ письмѣ. Такой печальный конецъ общественной дѣятельности Щапова нисколько не соотвѣтствовалъ ея блестящему началу. Впрочемъ, общественное равнодушіе и забвеніе по отношенію къ литературному дѣятелю понять еще нетрудно. О литературѣ нашего времени можно сказать почти безъ всякаго измѣненія тоже, что̀ говорилъ кн. Вяземскій въ своемъ Фонвизинѣ, назадъ тому тридцать лѣтъ, о литературѣ тогдашняго времени, т. е.: что наша литература не есть выраженіе нашего общежитія, не составляетъ необходимаго его проявленія, а что она также случайна въ немъ, какъ и ваяніе, и живопись, и музыка, и можетъ быть, по всей справедливости, причислена къ разряду искусствъ и по своему дѣйствію на жизнь. «Посреди безмолвія, оцѣпенѣнія, царствующаго въ обществѣ, можетъ возвыситься иногда голосъ автора, который сильно подѣйствуетъ на вниманіе общества его окружающаго: общество отвѣчаетъ ему съ силою и быстротою потрясеннаго сочувствія, но сіе дѣйствіе случайно, скоропостижно и недолговременно. По своей мимолетности, оно ничѣмъ не отличается отъ того восторга и сочувствія, которыя зажигаютъ въ своихъ слушателяхъ сладкозвучный Ромбергъ или молніеносный смычокъ Паганини. Какъ здѣсь звуки замолкли, раздраженные нервы утихли и между виртуозомъ и слушателями его уже нѣтъ никакого нравственнаго соотвѣтствія, точно также происходитъ и съ виртуозами литературы. Между твореніемъ отличнымъ и народомъ, коего общество еще не готово къ литературѣ или литература еще не дозрѣла до общества, нѣтъ тоже обоюдности глубокой и постоянной. Концертъ отслушанъ, книга прочитана, и тотъ и другой возбудили нѣсколько изящныхъ ощущеній, можетъ быть, нѣсколько благородныхъ соревнованій, но тѣмъ все и кончилось». Изъ сего ясно, что каждый русскій писатель, самый даже знаменитый, можетъ быть твердо увѣренъ, что онъ, если перестанетъ писать, будетъ непремѣнно забытъ и покинутъ обществомъ, и, въ случаѣ бѣдности, можетъ смѣло надѣяться даже умереть съ голоду, если благодѣтельный литературный фондъ не будетъ отпускать ему 300 руб. въ годъ на его пропитаніе, какъ отпускалъ Щапову. Потому нисколько неудивительно, что общество забыло и покинуло Щапова; удивительнѣе всего то, какимъ образомъ Щаповъ, человѣкъ съ несомнѣнно огромнымъ талантомъ, находясь въ цвѣтѣ силъ и постоянно почти работая, не могъ выйдти на прежнюю блестящую дорогу, а постоянно опускался все ниже и ниже—до самаго конца жизни? — Вопросъ этотъ очень сложный, и я, конечно, не думаю браться за его разрѣшеніе; я постараюсь здѣсь только напомнить извѣстные факты его жизни и отмѣтить тѣ изъ нихъ, которые могли имѣть неблагопріятное вліяніе на его дѣятельность.

А. П. Щаповъ, сынъ сельскаго дьячка въ Иркутской губерніи, воспитывался сначала въ иркутской семинаріи, потомъ въ казанской духовной академіи, гдѣ, по окончаніи курса наукъ, былъ оставленъ баккалавромъ или адъюнкт-профессоромъ на каѳедрѣ исторіи. Подобно большей части людей, родившихся и воспитывавшихся среди народа, Щаповъ, такъ сказать, съ молокомъ материнымъ всосалъ въ себя любовь къ нему и идеи о его благосостояніи были всегда близки его сердцу. Суровая, аскетическая дисциплина духовно-учебныхъ заведеній, стоявшая въ прямомъ противорѣчіи съ преподаваемымъ въ нихъ евангельскимъ ученіемъ о любви, отрицательнымъ путемъ должна была способствовать уясненію и развитію этихъ идей, а внимательное изученіе древнихъ грамотъ, актовъ, въ томъ числѣ множества поступившихъ изъ соловецкаго монастыря въ казанскую академію раскольническихъ сочиненій, полныхъ самыхъ разнородныхъ протестовъ, должно было открыть болѣе широкій горизонтъ для ихъ примѣненія. Мы видимъ, что, уже въ ноябрѣ 1858 года, Щаповъ, на актѣ казанской академіи, читаетъ рѣчь подъ названіемъ: «Голосъ древнерусской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей». Рѣчь эта возникла, конечно, подъ вліяніемъ явившихся въ то время въ прессѣ идей объ освобожденіи крестьянъ, но для насъ она

важна тѣмъ, что характеризуетъ направленіе мысли и сердечныхъ влеченій профессора, избравшаго такую тэму для оффиціальной рѣчи на публичномъ актѣ. Въ 1859 году, Щаповъ издалъ довольно объемистую книгу, подъ названіемъ: «*Русскій расколъ старообрядчества*», содержащую историческое изслѣдованіе о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола. Книга эта прошла черезъ русскую духовную цензуру, самую суровую изъ всѣхъ цензуръ, потому она не могла имѣть яркаго цвѣта послѣдующихъ статей Щапова о расколѣ; тѣмъ не менѣе, она произвела впечатлѣніе. Въ Москвѣ обратили вниманіе на нее и на автора; лестный отзывъ о ней написанъ былъ, кажется, покойнымъ М. Н. Лонгиновымъ.

Надобно полагать, что этотъ первый солидный ученый трудъ Щапова и одобрительный отзывъ о немъ въ столичной прессѣ дали нѣкоторую извѣстность Щапову и въ Казани и послужили рекомендаціей для приглашенія его на университетскую каѳедру. Я дѣлаю это предположеніе, основываясь на «Воспоминаніяхъ казанскаго студента», помѣщенныхъ въ недавно вышедшемъ казанскомъ сборникѣ «Первый шагъ», изъ которыхъ видно, что, занимая каѳедру казанской академіи въ продолженіи уже пяти лѣтъ, Щаповъ никому почти не былъ до сего времени извѣстенъ въ Казани. «Въ 1860 году, говоритъ авторъ «Воспоминаній студента»:—филологи въ казанскомъ университетѣ, гдѣ тогда была вакантная каѳедра русской исторіи, были сильно озабочены вопросомъ о замѣщеніи этой каѳедры, возбуждавшей въ то время сильный интересъ, благодаря знаменитому вопросу о варягахъ и диспуту Костомарова съ Погодинымъ. Мы писали даже коллективное письмо къ кіевскому профессору русской исторіи, Платону Васильевичу Павлову, прося его занять такую же каѳедру въ казанскомъ университетѣ. Не помню результатовъ этой попытки, но дѣло въ томъ, что она показываетъ, какъ почти наканунѣ пріобрѣтенія университетомъ на каѳедру русской исторіи Щапова, извѣстность этого ученаго и его популярность были еще незначительны. Студенты искали себѣ профессора за тридевять земель въ то время, какъ рядомъ съ ними находился одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и симпатичныхъ изслѣдователей по русской исторіи...» Такую полную неизвѣстность даровитаго профессора среди учащейся молодежи, и притомъ въ провинціальномъ городѣ, какъ-то даже и понять трудно. Надобно полагать, что казанская духовная академія была тогда очень прочно закупорена отъ всего остального міра. И не напиши Щаповъ «Раскола старообрядства», не появись случайно объ немъ отзыва въ столичной прессѣ, имя его такъ и погибло бы безвѣстно въ этомъ благонравномъ казематѣ высшихъ наукъ.

Но «Расколъ старообрядства» вывезъ Щапова. Онъ былъ приглашенъ на каѳедру исторіи въ университетѣ и съ перваго появленія здѣсь получилъ такую блестящую извѣстность, которая едва ли доставалась на долю какого-нибудь профессора такъ быстро. Предметомъ первой лекціи Щапова былъ «Общій взглядъ на исторію великорусскаго народа». Щаповъ началъ ее словами: «Скажу напередъ: не съ мыслію о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и областности я вступаю на университетскую каѳедру русской исторіи». Какъ видитъ читатель, въ словахъ этихъ нѣтъ ничего особеннаго, но произнесенныя «страстно, съ энергіей, съ убѣжденіемъ», въ то время, когда съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса вся Россія ждала немедленнаго быстраго развитія народной жизни и широкой областной автономіи, они произвели громадное впечатлѣніе. Едва Щаповъ успѣлъ произнести эти слова, «какой-то ропотъ и гулъ пробѣжалъ по залѣ, всѣ переглянулись»; «произошелъ цѣлый переполохъ, длившійся нѣсколько минутъ: вся масса публики, присутствовавшая въ аудиторіи, точно морская волна, набѣгающая на берегъ, какъ-то разомъ подалась впередъ, ближе къ каѳедрѣ; ряды стульевъ моментально смѣшались, всѣ были на ногахъ; прошло еще нѣсколько минутъ, и Щаповъ стоялъ на своей каѳедрѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ тѣсной толпой студентовъ; внизу каѳедры, цѣпляясь за края, кругомъ на стульяхъ, на плечахъ другъ у друга, на самой каѳедрѣ рядомъ съ профессоромъ, почти стѣсняя его, всюду лѣпились фигуры, изображающія изъ себя самое напряженное вниманіе, наэлектризованныя вдохновенною рѣчью, затаившія дыханіе»...

«...Лекція продолжалась часа два, пока лекторъ и аудиторія не почувствовали того неизбѣжнаго утомленія, которое бываетъ результатомъ напряженнаго, исполненнаго волненій вниманія. Г. Щаповъ оборвалъ лекцію чуть ли не на полсловѣ и быстрымъ движеніемъ скрылся изъ залы... Онѣмѣвшая толпа разступилась передъ нимъ съ инстинктивнымъ почтеніемъ. Нѣсколько секундъ въ залѣ еще длилась мертвая тишина; но вдругъ, какъ гремучій ударъ лѣтней грозы, разразился страшный громъ рукоплесканій. Это продолжалось съ минуту; толпа не двигалась съ мѣста, продолжая рукоплескать... Профессора и самъ попечитель дѣлали тоже. Потомъ начались какіе-то восторженные крики; наконецъ, ко всему этому присоединился оглушительный трескъ мебели, ломавшейся подъ напоромъ толпы, устремившейся, наконецъ, вслѣдъ за профессоромъ. Нѣкоторые неистово стучали въ полъ стульями и ногами. Всѣ куда-то спѣшили, бѣжали, сами не зная куда, и думаю—не прошло полчаса, какъ весь городъ зналъ о необычайномъ событіи, совершившемся въ университетѣ»

«Съ этихъ поръ г. Щаповъ сдѣлался идоломъ студенческой массы: по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ ажитація въ средѣ студентовъ не могла улечься. Впрочемъ, ей такъ и не суждено было кончиться безъ посторонняго вмѣшательства»...

«Въ тотъ короткій періодъ,—говоритъ тотъ же авторъ «Воспоминаній» въ другомъ мѣстѣ:—когда Щаповъ занималъ у насъ каѳедру русской исторіи, онъ, можно сказать, царилъ въ университетѣ; каждое его появленіе на каѳедрѣ было своего рода тріумфомъ; долгое время, въ тотъ часъ, когда читалъ Щаповъ, всѣ остальные профессора прекращали свои лекціи; клиники и анатомическій театръ пустѣли, у подъѣзда университета былъ съѣздъ экипажей, такъ какъ городская публика тоже приходила въ движеніе и стремилась послушать «знаменитость» на каѳедрѣ, какъ сбѣгается слушать «знаменитость» на сценѣ, а на этотъ разъ «знаменитость» была, такъ сказать, своя, домашняя, а не «пріѣзжая», не выписанная. Одно время во всемъ городѣ только и рѣчи было, что о Щаповѣ, а о студентахъ и говорить нѣчего: они ходили, какъ ошалѣлые отъ восторга».

Эта блестящая профессорская дѣятельность Щапова была внезапно прервана однимъ непредвидѣннымъ происшествіемъ. При введеніи положенія 19-го февраля въ одномъ изъ селъ Казанской губерніи, *Бездна*, заподозрили его подлинность и не хотѣли принять. Послана была воинская команда; дѣло дошло до дѣйствія, во время котораго палъ главный руководитель крестьянъ, Антонъ Петровъ. Щаповъ сказалъ по этому поводу рѣчь и былъ увезенъ въ Петербургъ.

Щаповъ послѣ говорилъ, что во время этого невольнаго, совершившагося въ очень короткое время переѣзда изъ Казани въ Петербургъ, онъ выросъ умственно болѣе, чѣмъ выросъ бы въ десять лѣтъ обыкновенной жизни. И это очень понятно. Изъ міра идей, въ которомъ онъ до сихъ поръ только и вращался, онъ попалъ прямо въ объятія самой суровой дѣйствительности и здѣсь опытно понялъ, что людскія отношенія въ мірѣ дѣйствительности укладываются не такъ стройно и гуманно, какъ въ мірѣ идей. Урокъ былъ суровый, но развивающій и полезный, а, главное, былъ дѣйствительно не болѣе, какъ урокъ. На поступокъ Щапова, въ уваженіе къ его сильному таланту и молодости лѣтъ, взглянули снисходительно. Бывшій тогда министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, взялъ на себя попеченіе устроить Щапова такъ, чтобы онъ имѣлъ возможность работать надъ любимымъ своимъ предметомъ—русской исторіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ впереди широкую дорогу. Онъ назначилъ его чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ по отдѣленію расколовъ, лично объяснивъ Щапову, что онъ не стѣсняетъ его никакими служебными обязательствами, предоставляетъ полную свободу заниматься чѣмъ онъ найдетъ для себя полезнѣе, обѣщавъ при этомъ въ матеріальномъ отношеніи обезпечить его наилучшимъ образомъ.

Еслибы Щаповъ прямо изъ духовной академіи былъ взятъ и поставленъ на эту дорогу, то, быть можетъ, онъ остался бы вполнѣ доволенъ ею, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ. Потому что она давала ему громадный матеріалъ для работъ по русской исторіи, матеріалъ самый богатый, разнообразный и, притомъ, современный, какого онъ не могъ бы нигдѣ болѣе найти. Но теперь это было поздно. Послѣ тѣхъ тріумфовъ, которыми сопровождалась каждая его лекція въ казанскомъ университетѣ, онъ не могъ довольствоваться одной кабинетной работой... Ему нужны были люди, которымъ онъ могъ бы лично сообщать результаты этой работы, могъ бы лично видѣть, какъ зажигается въ нихъ его мысль, какъ она постепенно овладѣваетъ ими, какъ, по мѣрѣ его одушевленія, растетъ ихъ одушевленіе; однимъ словомъ—ему нужна была громадная аудиторія, напряженное вниманіе слушателей, восторженныя лица... Ничего этого Щаповъ не могъ найти въ отдѣленіи расколовъ, къ которому онъ былъ прикомандированъ въ качествѣ чиновника, и онъ пересталъ туда ходить. Мало того: самое имя чиновника ему стало противно. Нельзя не упомянуть здѣсь слѣдующаго курьеза. У Щапова былъ закадычный другъ чиновникъ, котораго Щаповъ очень любилъ и съ которымъ почти постоянно жилъ въ Петербургѣ. Этотъ другъ служилъ Щапову козломъ отпущенія за всѣхъ чиновниковъ, за весь чиновничій міръ. Какъ только Щаповъ выпьетъ, такъ онъ начинаетъ допекать своего друга за его чиновничьи воззрѣнія, чиновничью логику, за тупость и безсмысленность основъ ея. Этого мало: всякому встрѣчному объясняетъ, что другъ его—такой человѣкъ, съ которымъ ни разговора вести, ни жить вмѣстѣ, ни дѣла никакого имѣть невозможно. На другой день, однакожъ, и Щаповъ, и другъ его опять, какъ ни въ чемъ не бывало, вмѣстѣ, и опять у нихъ, что называется, ленъ не дѣленъ.

Устранившись отъ занятій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Щаповъ всецѣло отдался литературѣ. Но и литература не могла доставить ему того, чего *онъ такъ жадно желалъ*. Первое, что здѣсь задѣвало его самолюбіе, это—та заурядность, въ которой онъ очутился. Здѣсь были свои боги, свои знаменитости; и Щапова, правда, также любили и уважали въ литературныхъ кругахъ; въ нѣкоторомъ родѣ онъ былъ даже и знаменитостію, но здѣсь онъ былъ только однимъ изъ многихъ, въ качествѣ даже знаменитости былъ въ литературной средѣ только равный между равными, слѣдовательно, здѣсь онъ никогда не могъ чувствовать себя такъ, какъ чувствовалъ на каѳедрѣ, которая вызывала въ немъ всю полноту и энергію его силъ. Я не совсѣмъ вѣрно выразилъ его состояніе, сказавъ, что здѣсь задѣвалось его самолюбіе: нѣтъ не заурядность его щемила, а пробудившееся вмѣстѣ съ выступленіемъ на литературное поприще чувство горькаго сознанія, что онъ навсегда потерялъ свою настоящую дорогу. Послѣ блестящей профессуры литературная дѣятельность не могла

никоимъ образомъ удовлетворять Щапова. Правда, аудиторія литератора несравненно громаднѣе всякой университетской аудиторіи; онъ говоритъ не съ десятками, не съ сотнями, а съ тысячами, десятками тысячъ людей; но профессоръ видитъ и знаетъ, съ кѣмъ говоритъ, убѣжденъ, что десятки и сотни, которымъ онъ говоритъ, вполнѣ солидарны съ нимъ, жаждутъ его слова, онъ видитъ, какъ вливается въ нихъ его мысль, постепенно растетъ и зрѣетъ и пересоздаетъ ихъ. Литераторъ лишенъ этого удовольствія. Тамъ, гдѣ литература, какъ у насъ, не есть *выраженіе общежитія*, литераторъ не знаетъ, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ, не знаетъ даже, есть ли у него собесѣдники, не говоритъ ли онъ даже просто въ пустое пространство. По крайней мѣрѣ, если бы онъ сталъ судить о плодахъ своей дѣятельности по проходящимъ передъ нимъ явленіямъ, то онъ долженъ былъ бы убѣдиться въ полной своей безполезности и съ отчаянія бросить перо навсегда. Потому что, въ дѣйствительности, бо́льшею частію дѣлается какъ разъ совершенно противное тому, чему онъ учитъ, за что ратуетъ, на чемъ настаиваетъ. Конечно, литераторъ имѣетъ право предполагать, что помимо этой рутинной, парадной дѣйствительности, проходящей передъ его глазами въ видѣ тѣней волшебнаго фонаря, также призрачной, ничтожной и скоропреходящей, какъ эти тѣни, есть другая дѣйствительность, болѣе прочная и дѣйствительная, за которою будущность: это—молодые умы и сердца, разсѣянные по всему лицу огромной русской земли, которые страстно ловятъ каждое его слово, всасываютъ въ себя его идеи, вводятъ въ свою жизнь и дѣятельность проповѣдуемые имъ принципы, приготовляясь быть дѣятелями въ будущемъ... Но, вѣдь, это предположеніе можетъ быть и пустой мечтой. Однимъ словомъ, для литератора тѣхъ обществъ, гдѣ XVIII вѣкъ еще не кончился, гдѣ онъ не поставленъ въ непосредственной связи съ своей партіей и не несетъ открыто ея знамени, остаются скрытыми существенные результаты его дѣятельности. Онъ можетъ болѣе или менѣе знать только дѣйствіе своего литературнаго пера на мозги культурныхъ людей ближайшихъ къ нему круговъ и кружковъ. Онъ можетъ читать похвалы своимъ сочиненіямъ въ печати, можетъ слышать лестные отзывы о нихъ въ публикѣ. Но для того, чтобы довольствоваться этимъ дешевымъ ѳиміамомъ, исходящимъ или отъ записныхъ литературныхъ строчилъ ex officio, или отъ людей, которые читаютъ сочиненія отъ скуки, ради препровожденія времени, для пищеваренія и т. п., и видѣть въ этомъ вѣнецъ и цѣль своей дѣятельности, надобно плавать уже слишкомъ мелко. Наконецъ, Щаповъ не могъ удовлетворяться литературною дѣятельностію и потому, что она не совсѣмъ подходила къ привычному характеру его занятій. Литература преслѣдуетъ свои цѣли—у нея есть свои особые пріемы и средства для дѣйствія, и свои враги. Она ведетъ борьбу ежедневную, бо́льшею частію мелкую, но, по злобѣ дня, необходимую, и ведетъ ее обыкновенно легкимъ оружіемъ. Она не пренебрегаетъ и тяжелымъ научнымъ оружіемъ—напротивъ, съ охотою беретъ себѣ въ союзники и науку, и даже самую сухую науку, но съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она прямо или косвенно была приспособлена для ея цѣлей. Безъ этого, самая прекрасная, ученѣйшая статья, которая можетъ привести въ восторгъ записного ученаго, для текущей литературы — только ни къ чему ненужный балластъ, который если она по временамъ и терпитъ на своихъ страницахъ, то или изъ разсчетовъ чисто-коммерческихъ, или изъ уваженія къ знаменитымъ именамъ, умѣвшимъ пріобрѣсть сочувствіе въ публикѣ. Щаповъ, по своимъ внутреннимъ влеченіямъ, былъ настолько же публицистъ, насколько и ученый, но онъ могъ быть публицистомъ, если можно такъ выразиться, только тяжелаго оружія, только публицистомъ на почвѣ любимой имъ науки, которою, однакожъ, не настолько владѣлъ, чтобы могъ соорудить изъ нея постоянную батарею, готовую во всякое время для дѣйствія противъ непріятеля. Щапову самому еще много нужно было работать надъ многочисленнымъ и разнообразнымъ научнымъ матеріаломъ, чтобы на основаніи его для себя самого выработать опредѣленное и твердое воззрѣніе на исторію и остановиться на немъ, что для Щапова, при его умѣ, быстро увлекающемся новизною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣленномъ громаднымъ талантомъ къ систематизаціи, было не легко. Сто́ило Щапову завладѣть какимъ-нибудь новымъ выдающимся естественно-научнымъ фактомъ, и онъ готовъ былъ немедленно положить его въ основаніе русской исторіи и изъ него односторонне объяснять всѣ ея событія. Извѣстны въ такомъ родѣ его работы, сдѣланныя подъ вліяніемъ изслѣдованій Либиха о хищническомъ пользованіи землею. Въ томъ же родѣ и его послѣднія работы, печатавшіяся въ «Отечественныхъ Запискахъ». Самыми лучшими работами Щапова останутся несомнѣнно работы перваго времени, составленныя на изученіи граматъ, актовъ, лѣтописей, вообще — исключительно историческихъ памятниковъ, безъ особаго увлеченія естествознаніемъ. Щаповъ говорилъ объ этихъ своихъ работахъ, что онъ пришелъ къ выводамъ, противоположнымъ выводамъ профессора Соловьева, потому, что онъ въ актахъ и граматахъ главное вниманіе обращалъ на то, о чемъ *били челомъ*, а г. Соловьевъ выпускалъ изъ виду то, о чемъ били челомъ, и останавливался только на томъ, что *приказали*. Еслибы Щаповъ, держась такого же пріема и не задаваясь никакими, болѣе широкими программами, разработалъ всю нашу исторію, то трудъ вышелъ бы несомнѣнно очень замѣчательный и, во всякомъ случаѣ, очень полезный въ нашей исторической литературѣ. Но Щаповъ, начавъ знакомиться съ естественными науками,

не могъ уже остановиться на такой скромной программѣ. Онъ хотѣлъ приложить къ русской исторіи естественно-научный методъ и съ жадностію проглатывалъ выходившія въ свѣтъ изданія по естественнымъ наукамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, еслибы Щаповъ оставался профессоромъ на каѳедрѣ исторіи, имѣлъ обезпеченное матеріальное положеніе, время и всѣ средства, то, рано или поздно, онъ совладалъ бы съ этою огромною задачею. Но, въ качествѣ журналиста, Щаповъ былъ поставленъ въ необходимость работать ради хлѣба; у него не было ни времени, ни возможности заняться черновою разработкою новаго громаднаго матеріала, приведеніемъ его въ согласіе съ историческими данными и возведеніемъ всего этого въ стройную систему. На это потребовались бы годы предварительной черновой, кабинетной работы; а Щаповъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи не только свободныхъ годовъ, а, можетъ быть, свободныхъ мѣсяцевъ, даже недѣль, чтобы разобраться съ своимъ матеріаломъ. Онъ долженъ былъ постоянно писать и писать что-нибудь, чтобы не сидѣть безъ хлѣба. Понятно, что, вмѣсто зрѣлыхъ трудовъ, онъ долженъ былъ давать только недоноски, часто въ зачаточномъ состояніи, въ особенности за послѣднее время.

Изъ всего сказаннаго мною ясно, что и литературная дорога не могла быть дорогою для Щапова. Выступивъ на нее, онъ сразу почувствовалъ не только тяжесть своего новаго положенія, но и то, что для него нѣтъ здѣсь никакихъ свѣтлыхъ видовъ въ будущемъ, и день ото-дня началъ чаще и чаще прибѣгать къ чаркѣ.

Это періодическое «зашибанье», которымъ иногда страдаютъ люди, занимающіе высокіе посты и которое не мѣшаетъ имъ вести свои дѣла, само по себѣ не могло бы еще окончательно сбить Щапова съ дороги; оно сдѣлалось для него гибелью только вслѣдствіе личнаго его характера. Щаповъ относился къ числу тѣхъ людей, о которыхъ говорятъ: «во хмѣлю неспокоенъ». Кроткій, скромный, даже застѣнчивый въ трезвомъ состояніи, Щаповъ дѣлался невыносимымъ подъ пьяную руку. Онъ тогда никого не щадилъ: въ такомъ видѣ онъ могъ, ни съ того, ни съ сего, наговорить всякихъ непріятностей, дерзостей, оскорбленій даже лицамъ, которыхъ любилъ искренно; что касается до лицъ, почему-нибудь ему несимпатичныхъ, онъ съ ними дѣлался просто буяномъ, безъ всякой совершенно причины. Я уже сказалъ, что Щаповъ не любилъ чиновниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, ему ненавистны были разные мундиры. Стоило человѣку въ такомъ ненавистномъ мундирѣ встрѣтиться съ Щаповымъ, подъ пьяную руку, гдѣ бы то ни было: на улицѣ, въ частномъ домѣ, въ трактирѣ, вообще, въ какомъ бы то ни было публичномъ мѣстѣ—и могла начаться цѣлая исторія. Щаповъ начиналъ, ни съ того, ни съ сего, бранить человѣка, котораго видѣлъ въ первый разъ въ жизни, схватывалъ его за мундиръ или отлички на немъ и т. д. Это было поводомъ ко многимъ непріятнымъ исторіямъ въ жизни Щапова и причиною отправленія его на родину, въ Иркутскъ. Передъ отправленіемъ, Щаповъ около года былъ боленъ и сначала лежалъ въ клиникѣ, потомъ переведенъ въ арестанскій сухопутный госпиталь, откуда и отправился на родину. Черезъ этотъ же самый госпиталь онъ и въѣхалъ въ Петербургъ.

Я говорилъ о Щаповѣ пьяномъ; Щаповъ трезвый представлялъ совершенную противоположность Щапову пьяному. Это была личность въ высшей степени симпатичная. Вся мысль, вся душа его сосредоточивалась въ его наукѣ и въ текущихъ общественныхъ идеяхъ и вопросахъ. Остального ничего для него точно не существовало. Его обстановка была всегда самая мизерная, хуже, чѣмъ у послѣдняго мастерового. Въ отношеніи денегъ онъ былъ безсребренникъ до безалаберности. Заработывая въ иные годы порядочное количество денегъ (въ одинъ какой-то годъ мы, помню, насчитали до 5 или 6 тысячъ), Щаповъ очень нерѣдко не имѣлъ на что пообѣдать, не имѣлъ во что одѣться, не имѣлъ перемѣны бѣлья. И это нисколько его не тревожило и не заботило. Обладая несомнѣннымъ талантомъ, и талантомъ сильно выдающимся, Щаповъ, повидимому, одинъ только не примѣчалъ этого грѣха за собою. Насколько онъ былъ самолюбивъ пьяный, настолько онъ казался совершеннымъ въ этомъ отношеніи младенцемъ въ трезвомъ состояніи. Ни въ одной его внѣшней чертѣ, ни въ его разговорахъ, спорахъ, сужденіяхъ о другихъ вы, при самомъ тщательномъ вниманіи, не примѣтили бы, что у него есть тенденція выставить себя и унизить кого бы то ни было. Простой, открытый, веселый, словоохотливый—таковъ Щаповъ былъ въ знакомомъ ему кругу; какъ скоро встрѣчались люди незнакомые, онъ уходилъ въ себя и свертывался. Я долженъ сказать, наконецъ, что я не зналъ никого, кто бы стоялъ въ такой короткой близости, въ такомъ искреннемъ братствѣ со всѣми простыми людьми, даже съ послѣднимъ лакеемъ, какъ Щаповъ. По его мнѣнію, только два сорта людей достойны истиннаго уваженія: люди высокообразованные, которые путемъ образованія выработали себя до сознанія искренней братской солидарности своихъ интересовъ съ интересами народа, до неразрывности связи въ этомъ отношеніи слова съ дѣломъ—и народъ, который въ своей неиспорченности обладаетъ тѣми же свойствами по природному чутью. Невѣжественный раскольникъ, который, ничего не понимая, по одному ясновидѣнію чувства, чувствуетъ окружающую его несправедливость и который, вмѣсто всякихъ доказательствъ, указывая на икону, твердитъ одно: «се антихристъ!», упорно стоитъ на своемъ, готовый немедленно идти куда угодно—въ тюрьму, въ каторгу, на смерть, такъ же и, можетъ быть, даже болѣе, достоинъ всякаго уваженія, какъ и человѣкъ образованный, дошедшій до такой же стойкости въ защитѣ народныхъ интересовъ пу-

темъ образованія и логики. Рѣзкій контрасъ пьянаго Щапова съ Щаповымъ трезвымъ не только не возбуждалъ непріязненности къ нему даже въ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ оскорблялъ, а напротивъ, увеличивалъ въ нихъ симпатіи къ нему до сердечной боли. Каждый старался поднять какънибудь его внутренно, возбудить въ немъ энергію и надежды, но сдѣлать ничего было нельзя. Надобно пожалѣть о томъ, что Щаповъ, вообще бѣгавшій образованныхъ женщинъ, не встрѣтился ранѣе съ дѣвушкою, которая, полюбивъ Щапова, вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошо поняла его натуру и какъ нужно дѣйствовать на него и, сдѣлавшись его женою, имѣла потомъ, какъ сейчасъ увидимъ, огромное на него вліяніе. Тогда, можетъ быть, Щаповъ не оставилъ бы Петербурга, и жизнь его сложилась бы совсѣмъ иначе.

Ольга Ивановна Щапова, урожденная Жемчужникова, представляла собой рѣдкій экземпляръ женщины, прежде всего, по своему самоотверженію и силѣ характера. Она познакомилась съ Щаповымъ незадолго до его послѣдней болѣзни въ Петербургѣ въ домѣ покойнаго профессора Жиряева и увлеклась имъ. Узнавъ, что Щаповъ сильно боленъ, лежитъ одинокій въ клиникѣ, что онъ высылается въ Иркутскъ, она пошла и сдѣлала ему предложеніе соединить свою судьбу съ его судьбою. Напрасно родные и знакомые отклоняли ее отъ этого шага, указывая ей на отсутствіе всякихъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни, на дикій характеръ Щапова пьянаго, на его страшную болѣзнь. Храбрая дѣвушка ничего не хотѣла слышать: рѣшилась и поѣхала съ Щаповымъ. Въ теченіе десяти лѣтъ жизни съ нимъ, ей пришлось перенести много физическихъ лишеній и болѣзней, еще болѣе перестрадать нравственно; но она твердо донесла свой крестъ до конца и умерла со словами любви на устахъ къ человѣку, которому отдалась. «Ты одинъ для меня ближе, роднѣе всѣхъ для меня!» говорила она въ своихъ предсмертныхъ мукахъ Щапову. Ольга Ивановна Щапова умерла 13 марта 1874 года. Щаповъ былъ сильно пораженъ ея смертію. Вскорѣ послѣ ея смерти, онъ прислалъ намъ «Воспоминаніе» о ней съ таковымъ предисловіемъ: «Завѣщеваю это воспоминаніе, написанное вскорѣ послѣ смерти Ольги Ивановны Щаповой, именно съ 25 по 30 марта 1874 года, завѣщеваю непремѣнно напечатать его, какъ только будетъ возможно». «Въ настоящемъ очеркѣ, изъ біографіи Ольги Ивановны— пишетъ далѣе Щаповъ — представлена только общая антрополого-соціологическая или соціально-нравственная характеристика ея. Ея многострадальная борьба съ моимъ грубымъ порокомъ— пьянствомъ, которымъ я страдалъ въ первые годы сожительства съ нею и отъ котораго, только благодаря ея энергическимъ усиліямъ, избавился, ея соучастіе со мной въ трудной туруханской экспедиціи (въ 1866 г.), въ которую она перенесла много лишеній и страданій во время нашего тридцатидневнаго плаванія по Енисею на лодкѣ отъ Туруханска до села Ворогова (65°—62° с. ш.) и многіе другіе факты изъ ея скромной, неизвѣстной, но многознаменательной жизни будутъ описаны въ особой запискѣ». Свое воспоминаніе Щаповъ заканчиваетъ тѣмъ же завѣщаніемъ, которымъ и началъ — напечатать его непремѣнно: «уничтожьте всѣ мои сочиненія—говоритъ онъ— отнимите мою жизнь, бросьте въ огонь или въ воду все, что я написалъ и напечаталъ въ русской литературѣ, только умоляю, заклинаю всѣхъ будущихъ людей, какіе будутъ жить на мѣстѣ нынѣшней Сибири—сохранить эти мои строчки о женщинѣ Ольгѣ Ивановнѣ Щаповой. Если я пережилъ ее,то считаю теперь единственнымъ высшимъ утѣшеніемъ своимъ, единственнымъ счастіемъ своимъ, что сподобился отмѣтить для будущей антрополого-соціологической исторіи или лѣтописи ея скромное, неизвѣстное, но многознаменательное соціально-антропологическое существованіе, сподобился указать на одну изъ свѣтлыхъ звѣздочекъ великаго будущаго женщины и человѣчества».

Несмотря на все наше желаніе исполнить завѣщаніе и заклинаніе Щапова, мы не могли этого сдѣлать, какъ по причинамъ отъ насъ не зависящимъ, такъ и по многимъ другимъ, объяснять которыя здѣсь нѣтъ надобности. Въ настоящей статьѣ, мы воспользуемся изъ «Воспоминанія» тѣми фактами, которые болѣе или менѣе характерно обрисовываютъ обѣ личности — мужа и жены, ихъ взаимныя отношенія, ихъ обстановку.

Увлекшись талантомъ Щапова и свѣтлою стороною его личности, дѣвушка Жемчужникова задалась большою задачею — своимъ вліяніемъ перевоспитать Щапова. Для этого ей нужно было позаботиться о своемъ развитіи и пріобрѣсть столько знаній относительно предметовъ, идей, вопросовъ, занимавшихъ душу и мысль Щапова, чтобы онъ видѣлъ и могъ уважать въ ней женщину умную, человѣка болѣе или менѣе равнаго себѣ. Я не знаю, насколько приготовлена была Щапова къ такой задачѣ предварительнымъ школьнымъ воспитаніемъ, даже училась ли она гдѣ нибудь въ школѣ. Въ своемъ «Воспоминаніи» Щаповъ глухо говоритъ только, что «она родилась въ Псковѣ отъ бѣднаго учителя семинаріи, двухъ мѣсяцевъ жизни осталась сироткой и воспитывалась въ доброй семьѣ своего дяди, петербургскаго протоіерея Меліоранскаго, подъ благотворнымъ, умственно и нравственно-возбудительнымъ вліяніемъ университетской молодежи». Изъ этого можно заключить, что Жемчужникова съ дѣтства сама главнымъ образомъ работала надъ своимъ образованіемъ и развитіемъ и своимъ умомъ привыкла добиваться до разрѣшенія возникавшихъ передъ нею вопросовъ науки и жизни. Въ натурахъ съ умомъ недюжиннымъ, какимъ дѣйствительно владѣла Жемчужникова, по свидѣтельству знавшихъ ее, такой путь самообразованія рано закладываетъ самостоятельный характеръ и вмѣстѣ прочную основу

для дальнѣйшаго развитія. Мысль, привыкшая съ раннихъ лѣтъ стоять на собственныхъ ногахъ и всего добиваться собственнымъ усиліемъ, никогда не замретъ, не остановится въ своемъ движеніи. Въ началѣ самаго супружества, Щаповъ не видѣлъ въ своей женѣ ничего болѣе, кромѣ доброты, правдивости, искренности, но въ послѣдствіи долженъ былъ убѣдиться, что эта женщина обладала замѣчательнымъ богатствомъ умственныхъ силъ. Въ своемъ «Воспоминаніи» это неожиданное для него перерожденіе своей жены Щаповъ описываетъ и объясняетъ такимъ образомъ: «въ первые годы моего сближенія и сожительства съ нею, она больше поражала и плѣняла меня своими высокими нравственными качествами—необыкновенною добротою, прямодушною, такъ сказать, истинно-демократическою простотою, естественностью и беззавидностью (sic!) въ поступкахъ и разговорахъ, полнѣйшею честностью и справедливостью не только во всѣхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, но и въ мысляхъ и сужденіяхъ, полнѣйшею искренностью чувствъ и убѣжденій. Глубина, сила и основательность ея мысли тогда еще не высказывались особенно рельефно. Многія понятія еще не совсѣмъ были выработаны... Но, живя въ Иркутскѣ, одинаково со мной, въ полнѣйшей отрѣшенности отъ общества, постоянно-сосредоточенною, самоуглубленною жизнію, постоянно читая серьезныя, научныя книги съ живѣйшимъ интересомъ и вниманіемъ; потомъ, года два съ половиною или болѣе, съ внимательнѣйшею сосредоточенностью занимаясь самостоятельной разработкой уроковъ для дѣтей женской гимназіи, постоянно серьезнѣйшимъ анализомъ и размышленіемъ перерабатывая въ своей головѣ каждый вопросъ науки или жизни, каждый общественный или житейскій фактъ, каждое новое впечатлѣніе, каждое новое наблюденіе — даровитая Ольга Ивановна, годъ отъ году, все больше и больше развивалась... Разъ я замѣтилъ ей: «въ послѣдніе годы ты замѣтно стала гораздо развитѣе сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда я впервые познакомился и сошелся съ тобой; съ полнѣйшею искренностью скажу тебѣ, что ты теперь стала высоко развитою, глубокомыслящею женщиною; особенно поразительно выработана твоя нравственная натура». На это она съ пріятною шутливостію любезности отвѣтила мнѣ: «а ты, дуракъ мой, поди, думаешь, что я тебѣ, твоему вліянію обязана своимъ развитіемъ, если только я дѣйствительно развилась сколько нибудь сравнительно съ прежнимъ». — «Нѣтъ, отвѣчалъ я ей съ искреннимъ и серьезнымъ убѣжденіемъ:— нѣтъ, ты достигла высокаго, серьезнѣйшаго умственнаго и нравственнаго развитія, единственно вслѣдствіе многолѣтней сосредоточенной жизни въ Сибири со мною, вслѣдствіе непрерывной, ежедневной, самостоятельной работы твоей головы, твоей мысли, вслѣдствіе постояннаго серьезнаго чтенія и размышленія, вслѣдствіе постояннаго глубокаго анализа жизненныхъ и общественныхъ фактовъ и наблюденій».

Можетъ быть, въ этомъ взглядѣ Щапова на достоинства своей жены много преувеличеннаго, можетъ быть, въ дѣйствительности она далеко не была тѣмъ, что онъ въ ней видѣлъ; но для насъ, въ данномъ случаѣ, это и не имѣетъ значенія. Для насъ именно важенъ личный взглядъ Щапова на свою жену, какъ на женщину высокоразвитую, достойную глубокаго уваженія. Ибо въ этомъ взглядѣ заключалась ея сила надъ нимъ, основа ея вліянія на Щапова.

Въ такомъ отдаленомъ углу, какъ Иркутскъ, гдѣ нѣтъ ни общественнаго, ни умственнаго движенія, гдѣ нѣтъ даже простого гулящаго шатанія, дающаго призракъ жизни такъ называемымъ мѣстамъ бойкимъ, гдѣ съ восьми часовъ вечера ворота всѣхъ домовъ заперты, собаки спущены, на улицахъ тьма хоть глазъ уколи, въ длинные зимніе вечера слышенъ только свистъ вѣтра, гремящаго болтами ставней, да лай и вой собакъ, гдѣ вообще трудно отыскивать какъ людей по сердцу, такъ и какихъ нибудь занятій и развлеченій—въ такомъ городѣ даже трезвѣйшій человѣкъ, если у него навсегда отнята надежда когда нидудь выбраться отсюда, можетъ впасть въ меланхолію и съ горя запить. Понятно, что тѣмъ бо́льшая опасность предстояла въ этомъ отношеніи Щапову. Предупредить эту опасность можно было только, доставивъ ему болѣе или менѣе полное удовлетвореніе его дѣятельности дома, овладѣвъ его душою и мыслію, сдѣлавшись его товарищемъ, необходимымъ человѣкомъ во всѣхъ его умственныхъ понятіяхъ, другимъ я, alter ego всѣхъ его думъ, начинаній, мечтаній, заставивъ его какъ бы забыть о существованіи остального міра, за исключеніемъ немногихъ необходимыхъ сношеній, на сторожѣ которыхъ быть уже не трудно.

И вотъ мы видимъ, что Ольга Ивановна проводитъ время за чтеніемъ любимыхъ Щаповымъ книгъ или, какъ онъ выражается, «лучшихъ серьезнѣйшихъ или болѣе основательныхъ и удобопонятныхъ сочиненій по части естествознанія и по части антропологическихъ и соціальныхъ наукъ». «Всякія при этомъ чтеніи живыя впечатлѣнія новыхъ идей, возбуждавшія въ ней рядъ новыхъ мыслей, выводовъ, убѣжденій и чувствъ, она съ особенно сладостнѣйшимъ умственнымъ и нравственнымъ довольствомъ, наслажденіемъ и восхищеніемъ» сообщаетъ ему, Щапову. Къ нему точно также «она обращается съ разными вопросами, недоумѣніями, сомнѣніями». Далѣе: «читая — говоритъ Щаповъ — сочиненія великихъ европейскихъ мыслителей или біографіи великихъ соціальныхъ пропагандистовъ и дѣятелей и т. п., она въ высшей степени симпатично, съ истинною любовью и искреннѣйшею благодарностію обращалась ко мнѣ и въ высшей степени нравственно-дѣйственно указывала мнѣ на то, какъ та или другая идея противорѣчила какой нибудь моей идеѣ, или основательно опровергала мой выводъ, мое мнѣніе, была болѣе глубока, научно раціональна и основательно убѣдительна, или какъ

то или другое дѣйствіе какого нибудь замѣчательнаго общественнаго дѣятеля должно было быть поучительно для меня или должно было возбудить во мнѣ живое и глубоко-нравственное сознаніе необходимости и обязанности исправить свой образъ дѣйствій въ томъ или другомъ отношеніи». При чтеніи газетъ и журналовъ, начинаются сношенія въ другомъ родѣ. Читая газету или журналъ, Ольга Ивановна обращается то и дѣло къ мужу съ предложеніемъ: «не нуженъ ли тебѣ вотъ этотъ фактъ, не нужны ли тебѣ вотъ эти свѣдѣнія?» или: «прочитай вотъ это или вотъ то-то: тебѣ вѣрно это нужно въ твоей работѣ». «Имѣя больше меня времени, продолжаетъ Щаповъ: — читать кучи старыхъ газетъ за полмѣсяца и болѣе, она постоянно указывала мнѣ на все замѣчательное въ нихъ и всегда удивительно согласно съ общимъ характеромъ моего міросозерцанія и моихъ убѣжденій или внутреннихъ потребностей». «Послушай — говорила она обыкновенно мнѣ, когда я сидѣлъ за своей литературной работой: — послушай, я прочитаю тебѣ вотъ новый фактъ о рабочихъ артеляхъ, тебѣ, я знаю, это нужно; послушай, если можешь теперь послушать, я прочитаю тѣбѣ извѣстіе о сестрорѣцкой артели», или: «вотъ новый фактъ о Мадзини» и т. д. Такъ проходило чтеніе. А чтеніе, по словамъ Щапова, составляло высшее утѣшеніе его жены. «При нашей — говоритъ онъ: — несложности скуднаго домашняго хозяйства, она имѣла полную возможность просиживать цѣлые дни за чтеніемъ. Въ послѣдніе годы жизни, когда начались и все болѣе осложнялись, усиливались ея разныя болѣзненныя страданія и когда она не могла уже заниматься ни въ мѣстной гимназіи, ни частными уроками, она, можно сказать, только и жила, и дышала однимъ чтеніемъ серьезныхъ книгъ, лучшихъ журналовъ и внимательнымъ обзоромъ лучшихъ газетъ. Это занятіе ея только и прерывалось, по временамъ, нашими взаимными бесѣдами о литературныхъ и общественныхъ дѣлахъ, да изрѣдка какимъ нибудь моимъ чтеніемъ изъ своихъ литературныхъ работъ». Такъ проводили время Щаповы вдвоемъ.

Посмотримъ теперь, съ какимъ характеромъ является Ольга Ивановна, когда являются гости и вообще сторонніе люди. «Все, бывало, пишетъ Щаповъ: — она больше молчитъ, слушаетъ бесѣды или разсужденія и споры приходившихъ къ намъ знакомыхъ и, въ общей сложности припоминаемыхъ бесѣдъ, рѣдко или не очень часто возразитъ, выскажетъ свое мнѣніе или убѣжденіе, но за то возразитъ всегда кстати, поразительно мѣтко, обдуманно, разумно и полновѣсно». Но какъ только является человѣкъ не подходящій или начинались проводиться воззрѣнія несимпатичныя Ольгѣ Ивановнѣ, она сейчасъ преображалась и отъ спокойнаго состоянія переходила къ самому рѣзкому нападенію. «Чуть выказывалась, пишетъ Щаповъ: — въ какомъ нибудь человѣкѣ, льнувшемъ къ намъ, хоть самая малѣйшая фальшивая струнка въ понятіяхъ, чувствахъ и особенно въ соціально-нравственныхъ убѣжденіяхъ и чувствахъ, она сейчасъ высказывала мнѣ свою антипатію къ этому человѣку, нерѣдко прямо обнаруживала ее передъ нимъ самимъ, рѣшительно отворачиваясь отъ него. Былъ ли знакомый, или совершенно незнакомый, чужой человѣкъ, но если онъ хоть на малѣйшую, на тончайшую нитку фальшивилъ въ тонѣ соціально-нравственныхъ чувствъ и убѣжденій, а особенно если онъ, по своимъ искреннимъ либерально-консервативнымъ убѣжденіямъ или по одностороннему и фальшивому направленію своей соціальной симпатіи, оправдывалъ и даже возвеличивалъ какія нибудь мнѣнія и дѣйствія тѣхъ или другихъ личностей, которыя, не смотря на ихъ кажущуюся или даже дѣйствительную (но ошибочную) благонамѣренность, не выдерживали, однакожъ, строгой соціально-нравственной критики и провѣрки на безпристрастныхъ вѣсахъ истинной справедливости, честности и гуманности, то въ такихъ случаяхъ Ольга Ивановна всегда высказывалась прямо, безъ всякихъ обиняковъ. Съ благороднѣйшей энергіей, съ обычной искоркой огня въ ея глазахъ, возражала она въ такихъ случаяхъ часто рѣзко, но всегда глубоко-обдуманно, мѣтко, основательно, твердо-убѣжденно и сильно-убѣдительно». Не приводя другихъ подобныхъ примѣровъ, я остановлюсь еще на самомъ Щаповѣ. Если и въ его словахъ слышалась иногда фальшивая нота, Ольга Ивановна и ему не спускала. «Если я — говоритъ Щаповъ — высказывалъ когда либо въ бесѣдѣ съ знакомыми ошибочныя мысли и сужденія, то она всегда безпристрастно, рѣзко и основательно возражала противъ моихъ ошибокъ. «Ты, говорила она мнѣ также не разъ и прямо, откровенно: — ты способенъ, умственно развитъ, но нравственно не совсѣмъ: въ тебѣ не мало еще слѣдовъ ангинщины (Анга — деревня за Леной, гдѣ я родился и выросъ) и бурсы, ты не воспитанъ былъ, а природа тебѣ дала дарованія». И это — вѣрно. Но, съ другой стороны — прибавляетъ къ этому Щаповъ — не могу умолчать и о другомъ ея сужденіи обо мнѣ: въ глубинѣ своего сердца, она въ высшей степени симпатично, искренно и высоко цѣнила во мнѣ и не однѣ умственныя способности, но еще болѣе мою, такъ сказать, кровную искренность, энтузіастичность и непоколебимую твердость антрополого-соціологическихъ убѣжденій и проч. и часто говорила мнѣ: «я только не говорю тебѣ этого: ты, пожалуй, зазнаешься».

Изъ этой краткой характеристики видно, что Ольга Ивановна была женщина съ огонькомъ, но огонекъ этотъ дѣйствовалъ, впрочемъ, въ полной гармоніи съ симпатіями и стремленіями Щапова. Отъ нея, какъ отъ хозяйки дома, какъ и вездѣ, зависѣли всѣ прочныя знакомства въ домѣ Щапова; но Ольга была очень строга въ выборѣ знакомства: «Для меня и для себя она желала заводить и поддерживать знакомство и сообщество

только съ людьми болѣе или менѣе истинно-развитыми, честными, справедливыми, гуманными и естественно-простосердечными, негордыми, нестѣснявшими насъ и съ нашей стороны нестѣснявшимися никакими ложными подсказываніями самолюбія, скрытности и фальшивой этикетности. Чуть вѣяло отъ человѣка отрадной, живительной теплотой непритворныхъ, искреннихъ, честныхъ, гуманныхъ и справедливыхъ чувствъ, убѣжденій и стремленій—она сейчасъ проницательно отгадывала и справедливо оцѣнивала этого человѣка, чувствовала къ нему искреннюю симпатію, съ живымъ, радостнымъ, сердечно-прямодушнымъ сочувствіемъ и радушіемъ принимала его», не взирая на то или другое его общественное положеніе. «Въ одно время», говоритъ Щаповъ:—единственный ихъ знакомый былъ «несправедливо выключенный изъ семинаріи бурсакъ, невзрачный, неуклюжій, оборванный, но умный, способный, серьёзномыслящій, съ жаждой и толкомъ читающій истинно-развивающія книги единственно для саморазвитія и подготовки къ полезной посильной дѣятельности для блага народнаго, честный въ своихъ убѣжденіяхъ и поступкахъ, просто, естественно, искренно, безъ всякихъ обиняковъ выказывающійся въ своихъ словахъ и дѣлахъ... Если этотъ бурсакъ долго не приходилъ къ намъ и съ горя погибалъ въ пьянствѣ, то она всегда посылала меня разыскать его, привести къ намъ, и сама употребляла все свое нравственное вліяніе, чтобы поддержать его, спасти отъ погибели и направить въ университетъ. Въ Иркутскѣ, надо сказать, у насъ только въ послѣдніе четыре года (до смерти Ольги Ивановны) и начались кое-какія, болѣе или менѣе симпатичныя для насъ обоихъ знакомства. Именно въ это время Ольга Ивановна только и цѣнила знакомство съ такими, наиболѣе развитыми, честными и соціально-симпатичными людьми, большею частію, впрочемъ, чрезвычайно рѣдко и временно появлявшимися въ Иркутскѣ, каковы были Г. А. Л., кандидатъ петербургскаго университета, А. П. Гурлади, бывшій учитель иркутской классической гимназіи, жена его В. Д. Г., полковникъ В. А. Бѣльцевъ съ женой (теперь покойной), полякъ Даукша. Въ самое же послѣднее время, когда почти всѣхъ этихъ знакомыхъ въ Иркутскѣ не стало, Ольга Ивановна только и дорожила единственнымъ ближайшимъ нашимъ знакомствомъ съ жившимъ въ Иркутскѣ и занимавшимся учительствомъ студентомъ Г. Х. Фризе и его умной, честной и добросердечной женой Александрой Васильевной»... Въ заключеніе, относительно знакомствъ Щаповъ говоритъ: «вообще, умственное и нравственное чутье Ольги Ивановны, ея проницательность и строгая, но безошибочная и справедливѣйшая разборчивость въ выборѣ знакомыхъ и въ соціально-нравственномъ, соціально-психологическомъ діагнозѣ людей были, можно сказать, поразительны. Она, думалось мнѣ часто,—какъ будто нарочно создана была природой и призвана къ подбору людей для соціально-кооперативныхъ ассоціацій».

Я опять здѣсь долженъ повторить то же, что сказалъ и выше. Можетъ быть, въ словахъ Щапова много преувеличеній, можетъ быть, Ольга Ивановна вовсе и не была создана природой и не призвана къ подбору людей для соціально-кооперативныхъ ассоціацій, какъ это казалось Щапову, но для насъ и здѣсь важенъ личный взглядъ его на эту способность Ольги Ивановны—взглядъ, на основаніи котораго она пользовалась ею въ своемъ домѣ; затѣмъ для насъ важны приводимые Щаповымъ факты, изъ которыхъ видно, что строгому подбору Ольги Ивановны подвергались не только люди, входившіе въ домъ Щапова, но даже и ихъ рѣчи и мысли.

Такое же точно огромное вліяніе Ольга Ивановна имѣла въ жизни Щапова во всемъ, на что бы мы ни обратили вниманіе, начиная отъ грандіозныхъ плановъ и мечтаній о созданіи разныхъ ассоціацій въ Иркутскѣ, въ родѣ огороднической и садовнической, и до послѣднихъ мелочей. Во всемъ инціатива принадлежала ей, вездѣ она двигала и направляла дѣло, насколько могла, и ко всякому начинанію и дѣлу Ольги Ивановны Щаповъ относился съ величайшимъ уваженіемъ и симпатіей. Несомнѣнно, что Ольга Ивановна была живой человѣкъ и энергическій и имѣла большое значеніе въ жизни Щапова. Мы не знаемъ, какъ и чѣмъ она дѣйствовала во время борьбы съ его, какъ выражается Щаповъ, грубымъ порокомъ пьянства; но она вышла побѣдительницей изъ этой борьбы. Упоминаемый въ «Воспоминаніи» Щапова полковникъ В. А. Бѣльцевъ разсказывалъ мнѣ, что онъ жилъ въ Иркутскѣ въ 1870, 1871 и 1872 годахъ, за это время былъ близко знакомъ съ Щаповымъ и его женой и знаетъ Щапова, какъ человѣка, совершенно непьющаго ни водки, ни вина.

Изъ всего этого видно, что Щапова и въ Иркутскѣ нельзя было почитать человѣкомъ окончательно потерянным. Напротивъ, можно думать, что, при болѣе обезпеченномъ матеріальномъ положеніи, при большемъ участіи къ нему общества, при надеждѣ на возвращеніе въ Петербургъ, онъ могъ бы явиться оттуда обновленнымъ и съ болѣе зрѣлыми силами для литературы.

Но этого не случилось, и Щаповъ не вынесъ тройнаго гнёта: матеріальной нужды, общественнаго безучастія и безнадежности—и погибъ. Пока была жива его жена, она, какъ мы видѣли, умѣла ободрять и поддерживать Щапова, хотя и сама съ трудомъ выносила свой крестъ и день ото дня хирѣла. Она предчувствовала, что долго не выдержитъ, и за годъ или даже за два до смерти стала собираться ѣхать въ Петербургъ лечиться и съ тайною, вѣроятно, при этомъ цѣлію лично просить о возвращеніи Щапова. Но во все это время не могла собрать средствъ на такой дальный путь—и умерла. Со смертію Ольги

Ивановны, для Щапова, въ томъ положеніи, въ которомъ онъ былъ поставленъ, кончилось все, что его привязывало къ жизни и что даже поддерживало въ немъ жизнь. Надобно удивляться, какъ онъ протянулъ еще такъ долго...

Средства для существованія у Щаповыхъ въ Иркутскѣ были вообще очень скудны. Главнымъ источникомъ дохода служила также литература. Но писать для текущей литературы не только въ отдаленномъ Иркутскѣ, а и вообще въ провинціи, это—совсѣмъ не то, что писать въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ всякій пишущій знаетъ: на что есть запросъ на литературномъ рынкѣ въ ту или другую минуту? далѣе: какія вѣянія носятся здѣсь въ измѣнчивой атмосферѣ литературы? Слѣдовательно, болѣе или менѣе понимаетъ, о чемъ нужно говорить и какъ говорить. Въ провинціи, особенно отдаленной, знать эти чисто случайныя, то и дѣло измѣняющіяся условія литературы совершенно невозможно. Болѣе, казалось бы, удобно работать въ провинціи по предметамъ научнаго характера. Но для статей ученыхъ съ характеромъ, подходящимъ для текущей литературы, въ провинціи нѣтъ достаточнаго числа нужныхъ источниковъ и пособій. Все это ведетъ къ тому, что, если не бо́льшая часть, то непремѣнно половина статей публицистическаго и ученаго содержанія, посылаемыхъ изъ провинцій, не находитъ помѣщенія въ столичной прессѣ. Въ такое же точно положеніе относительно литературныхъ работъ долженъ былъ стать и Щаповъ съ переѣздомъ въ Иркутскъ, тѣмъ болѣе, что источники и пособія для работъ по его предмету здѣсь были скуднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Эта скудость источниковъ и пособій заставляла его, съ одной стороны, дорожить тѣми предметами, по которымъ имѣлись въ рукахъ даже кой-какіе источники и пособія, и писать о нихъ огромные трактаты, даже цѣлыя книги, тогда какъ, при другомъ положеніи, онъ относительно этихъ самыхъ предметовъ ограничился бы, быть можетъ, изслѣдованіемъ въ пятеро меньше по объему, что не помѣшало бы послѣднему быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и гораздо болѣе содержательнымъ; съ другой стороны, таже скудость источниковъ и пособій невольно склоняла его къ переходу отъ изслѣдованія общихъ предметовъ къ частнымъ, мѣстнымъ, по которымъ у него былъ болѣе или менѣе достаточный матеріалъ въ виду. Между тѣмъ, и то, и другое совершенно не совпадало съ цѣлями текущей прессы и вело къ тому, что изслѣдованія не находили помѣщенія ни въ одномъ изъ журналовъ. Журналъ имѣетъ свою программу довольно разнообразную, и онъ безъ ущерба для этой программы не можетъ помѣщать на своихъ страницахъ слишкомъ объемистые трактаты или цѣлыя книги. Какъ скоро статью надобно разбивать болѣе, чѣмъ на три и даже болѣе, чѣмъ на двѣ книги, она уже составляетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, бремя для журнала. Исключенія, конечно, допускаются по разнымъ уваженіямъ; но, вообще, этихъ исключеній журналъ всегда старается избѣгать. Точно то же должно сказать о частныхъ мѣстныхъ вопросахъ. Нельзя сказать, чтобы журналы совершенно устранялись отъ помѣщенія изслѣдованій по частнымъ мѣстнымъ вопросамъ, но они и неохотно принимаютъ ихъ даже при талантливомъ изложеніи предмета, исключая тѣхъ случаевъ, когда эти изслѣдованія имѣютъ тѣсную связь съ важнѣйшими общими вопросами и представляютъ для разрѣшенія послѣднихъ вѣскія данныя. Щаповъ въ Иркутскѣ писалъ очень немало, но труды его, по означеннымъ мною причинамъ, едва ли даже наполовину находили помѣщеніе въ журналахъ и съ каждымъ днемъ становились все слабѣе и слабѣе, какъ отъ скудости матеріаловъ, такъ и отъ спѣшности работы. Пока Ольга Ивановна могла оставаться учительницей въ гимназіи и давать частные уроки, общими силами они пріобрѣтали настолько, чтобы существовать безъ особенной нужды въ насущномъ хлѣбѣ. Но въ февралѣ 1872 года, Ольга Ивановна заболѣла и должна была отказаться отъ гимназіи и уроковъ; послѣ этого и работы Щапова все рѣже и рѣже стали находить помѣщеніе въ журналахъ, и существованіе ихъ стало дѣлаться очень труднымъ. Въ одномъ мѣстѣ своего «Воспоминанія», Щаповъ, говоря о своихъ знакомствахъ въ Иркутскѣ, описываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свое матеріальное положеніе: «У насъ съ Оленькой, въ теченіи 10-ти лѣтъ, не было даже и непрерывнаго, постояннаго знакомства вполнѣ симпатичнаго. Все метеорами, спорадически, разновременно и на самое короткое время появлялись въ Иркутскѣ отрадные, лучшіе люди и болѣе или менѣе развитые, честные, теплосердечные, и то больше проявлялись въ послѣдніе четыре или пять лѣтъ нашего уединенія въ «Иркутскомъ острогѣ» (такъ называетъ Щаповъ Иркутскъ!), сближались съ нами, доставляли намъ отраду и оживленіе своимъ знакомствомъ, кто полгода, кто годъ, кто годъ съ двумя или тремя мѣсяцами—и опять исчезали, уѣзжали одинъ за другимъ. Только мы: Оленька и я, съ вѣчной тоской, скорбью и горемъ, безвыѣздно, безвыходно оставались чахнуть въ иркутскихъ безжизненныхъ жилищахъ, постоянно воздыхая и печалясь о томъ, какъ бы и чѣмъ бы въ срокъ заплатить за квартиру, какъ бы и чѣмъ бы купить мѣшокъ или пудикъ муки для успокоенія стряпки, какъ бы замѣнить новымъ до дыръ, а иногда и до износу заношенное, ветхое бѣлье, какъ бы избавиться поскорѣе отъ сокрушительной, убійственной тяготы долговъ, печалясь и воздыхая обо всемъ этомъ изъ-за того, какъ бы хоть сколько-нибудь поспокойнѣе углубиться въ свои умственныя занятія, въ свое общество вдвоемъ, состоявшее изъ Оленьки моей и меня. О, горе двухъ душъ, горе удвоенное, ассоціированное! И ты, моя многострадальная, долготерпѣливая, его пережила!» Въ другомъ мѣстѣ «Воспоминанія», Щаповъ разсказываетъ, что, въ

концѣ 1873 года, Ольга Ивановна, хотя и больная (она не оправлялась вполнѣ отъ болѣзни съ самаго начала ея, съ февраля 1872 года, и до конца жизни), захотѣла устроить такіе же читальные вечера въ своемъ кружкѣ, какіе, по ея же иниціативѣ, существовали, до начала ея болѣзни, впродолженіи почти двухъ лѣтъ; но эту мысль помѣшала ей привести въ исполненіе, между прочимъ, говоритъ Щаповъ, «наша экономическая несостоятельность издерживать лишнее количество чаю и сахару, завести лишнія чайныя чашки и стаканы, припасти достаточно свѣчей!» А надобно замѣтить, что эти литературные вечера состояли много изъ 6—8 человѣкъ. Вотъ до чего доходила нужда!

Но вскорѣ и такое существованіе сдѣлалось невозможнымъ. Щаповъ заболѣлъ. Болѣзнь его важна была не потому уже, что мѣшала ему работать, а потому, что некому было бѣгать по городу искать денегъ на ежедневное пропитаніе. Нужда, наконецъ, такъ заѣла Щаповыхъ, что имъ совсѣмъ нечѣмъ было пропитываться. Отъ Щапова получено было слезное письмо о немедленной помощи. Все, что говорилось въ письмѣ, въ извлеченіи было немедленно сообщено комитету литературнаго фонда, и онъ, надо отдать ему справедливость, немедленно разрѣшилъ отпускать ежегодно Щапову 300 рублей до тѣхъ поръ, пока онъ поправится. Кажется, немного? Несмотря на это, ревизіонная коммиссія, обозрѣвавшая отчетность комитета, сочла нужнымъ сдѣлать ему мудрое замѣчаніе: зачѣмъ, дескать, комитетъ, не имѣвъ ничего въ виду, кромѣ какого-то неосновательнаго заявленія частнаго лица, не собравши надлежащихъ справокъ оффиціальнымъ путемъ о нуждахъ Щапова, легкомысленно поспѣшилъ отпустить такую громадную сумму — 300 руб. въ годъ? Но коммиссія напрасно горячилась: вышло все-таки такъ, что

Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала.

Щаповы повертѣлись, повертѣлись на 300 рублей и, оба больные, вѣроятно, никакъ не могли ухитриться существовать на такую сумму, а потому и поспѣшили отправиться туда, гдѣ нѣтъ ни нищихъ литераторовъ, ни попечительныхъ о нихъ комитетовъ, и гдѣ, поэтому, нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе.

Іюль 1876.

Походъ „Судебнаго Вѣстника“ на защиту адвокатовъ.—Г. Утинъ—новый типъ въ нашей адвокатурѣ.—Рѣчь его за Каирову.—Предвосхищенный мною образчикъ будущей его рѣчи по дѣлу московскаго ссуднаго коммерческаго банка.—Кто были члены совѣта и правленія этого банка и какъ выбирались?—Необходимость возможно лучшаго разчлененія дѣла провалившагося московскаго банка, въ виду плохого состоянія вообще нашего банковаго дѣла.—Г. Спасовичъ—историческій человѣкъ; необходимость дословнаго стенографированія его рѣчей.—Кой-что о нашемъ обществѣ и литературѣ.

Еще неизвѣстно, когда снова начнется такъ неожиданно для всѣхъ прерванный процессъ знаменитаго иностраннаго доктора Беттеля-Генри-Струсберга и его многочисленныхъ союзниковъ, все почти именитыхъ гражданъ города Москвы, съ такою ловкостью, общими съ нимъ силами опустошившихъ кассу московскаго коммерческаго ссуднаго банка—а уже волненіе въ прессѣ по поводу этого процесса начинается. Сколько помнится, въ тотъ же самый день, въ который генералъ Черняевъ выступилъ въ походъ противъ турокъ на защиту славянства и христіанства, «Судебный Вѣстникъ» открылъ свой походъ противъ суда и здраваго смысла, на защиту милой ему адвокатуры.

Извѣстно, что, въ засѣданіи московскаго окружнаго суда 29-го мая, по дѣлу Струсберга и его союзниковъ, вышла маленькая исторійка. Исторійка эта возникла изъ-за того, что защитники подсудимыхъ, всѣ вообще, хотѣли во что бы то ни стало настоять, чтобы судъ не состоялся, чтобы процессъ Струсберга былъ отложенъ на неопредѣленное время. По словамъ корреспондента «Новаго Времени», «тотчасъ по открытіи засѣданія, защитники подсудимыхъ принялись одинъ за другимъ выставлять различныя причины для отсрочки засѣданія». Судъ не уважилъ этихъ представленій и приступилъ къ повѣркѣ свидѣтелей. Но когда, при повѣркѣ свидѣтелей, обнаружилась неявка многихъ изъ нихъ, то защитники снова принялись, одинъ за другимъ, доказывать необходимость отложить засѣданіе. Изъ ряда другихъ защитниковъ, въ этомъ случаѣ, характерностью своихъ доводовъ, выдѣлились двое: присяжный повѣренный *Утинъ*, защитникъ Бостанджогло и Сорокоумовскаго; онъ, по словамъ корреспондента, «*дрожащимъ голосомъ* доказывалъ, что защитники не успѣли еще над-

лежащимъ образомъ приготовиться въ столь короткій промежутокъ времени, какой прошелъ между преданіемъ подсудимыхъ суду и самымъ засѣданіемъ», и другой—защитникъ Борисовскаго, Плевако: этотъ указывалъ суду, что, будто бы, «списокъ присяжныхъ неправиленъ, незаконенъ и произволенъ». Судъ не обратилъ никакого вниманія на наивное заявленіе Утина, но заявленіе Плевако относительно состава присяжныхъ «призналъ несвоевременнымъ, неумѣстнымъ и неприличнымъ».

Само собою разумѣется, что пресса не могла оставить этой исторійки безъ вниманія и не оцѣнить ея по достоинству. Всякому понятно, что, если *всѣ* защитники подсудимыхъ настаиваютъ на томъ, чтобы процессъ былъ отложенъ, то должна быть какая-нибудь общая причина, по которой они этого желаютъ. Но они этой общей дѣйствительной причины, ради которой они настаиваютъ на отсрочкѣ процесса на неопредѣленное время, никому не сказываютъ. Такимъ образомъ, они прямо начинаютъ играть и съ публикой, и съ прессой въ темную. Само собою разумѣется, что ни публика, ни пресса никогда не повѣрятъ, чтобы адвокаты дѣйствовали въ интересахъ справедливости, а не интересахъ своихъ кліентовъ. Потому, если защитники подсудимыхъ требуютъ отложить процессъ, то всякій въ правѣ думать, что они находятъ данное, назначенное судомъ время неблагопріятнымъ для защиты интересовъ своихъ кліентовъ и надѣятся, что въ будущемъ шансы для этой защиты могутъ сложиться гораздо благопріятнѣе; далѣе, что причины, въ силу которыхъ можетъ настать въ будущемъ время, болѣе благопріятное для защиты—такого рода, что ихъ нельзя объявить публично, предъ судомъ; слѣдовательно, онѣ не особенно благовидны. Здѣсь открывается просторъ безчисленнымъ, самымъ разнообразнымъ предположеніямъ, которыя могутъ быть очень обидны для защитниковъ, но на которыя претендовать они не имѣютъ никакого права, потому что они сами даютъ къ нимъ поводъ своею скрытностью.

Какія могутъ быть эти предположенія?

Читатель, надѣюсь, извинитъ меня, что я, какъ человѣкъ, не занимавшійся судебною практикою и какъ полный профанъ въ юридической казуистикѣ, не въ состояніи представить разнообразныхъ подобныхъ предположеній и ограничусь только однимъ—и то такимъ, которое, можетъ быть, ему уже извѣстно, если онъ любопытствуетъ заглядывать во всѣ отдѣлы нашего журнала и читалъ «Тѣсную рамку». Но, во всякомъ случаѣ, считаю нужнымъ здѣсь напомнить, эту повѣсть, такъ какъ она можетъ служить лучшею иллюстраціей для высказанной мною мысли.

Къ адвокату Попрыгунчикову приходитъ проворовавшійся предсѣдатель земской управы Кологривовъ и проситъ Попрыгунчикова принять на себя его защиту. Попрыгунчиковъ — адвокатъ не ахти-какой насчетъ краснорѣчія, и онъ самъ понимаетъ это очень хорошо, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ очень хорошо понимаетъ и то, что суть адвокатства состоитъ вовсе не въ краснорѣчіи, а въ умѣньи обставить дѣло такъ, чтобы оно не могло быть невыиграно. «Глупъ тотъ адвокатъ, говоритъ онъ откровенно Кологривову: — который надѣется на свое краснорѣчіе. Адвокатура требуетъ умѣнья подтасовывать обстановку процесса: въ вашемъ дѣлѣ, напримѣръ, нужна подтасовка присяжныхъ засѣдателей... Понимаете?» — «Не совсѣмъ», отвѣчалъ Кологривовъ. — «Ну, вы вообразите, началъ толковать Попрыгунчиковъ,—что составъ присяжныхъ образованъ изъ мужиковъ, какого-нибудь учителя съ неподкупнымъ старшиною во главѣ. Самъ богъ краснорѣчія не сумѣлъ бы васъ оправдать передъ такими присяжными. Теперь вообразите другой случай, что стараніями вашего покорнѣйшаго слуги (Попрыгунчиковъ поклонился при этомъ) — въ числѣ присяжныхъ преобладаютъ чиновники, а старшину ихъ изображаетъ кто нибудь изъ вашихъ благопріятелей... Каждый изъ нихъ — человѣкъ, понимающій суть дѣла; знающій, что украсть у частнаго человѣка подло, а взять на сохраненіе казенныя деньги или земскія (это для нихъ все равно) есть поступокъ неизбѣжный, требуемый незначительностію вашего содержанія, невозможностію придать вамъ ту представительность, которой требуетъ ваше положеніе, и проч. и проч. Тутъ самый косноязычный адвокатъ выиграетъ дѣло. Такъ, вѣдь?» Когда Кологривовъ, соглашаясь съ сутью рѣчи, недоумѣваетъ: какимъ образовъ Попрыгунчиковъ можетъ подобрать такихъ присяжныхъ, и заискивающимъ тономъ спрашиваетъ его объ этомъ, то Попрыгунчиковъ съ торжествомъ отвѣчаетъ кратко и многозначительно: «На то я — защитникъ, а не какой-нибудь фантазёръ. Будьте покойны».

Мы, конечно, менѣе всего склонны думать, чтобы защитники доктора Струсберга и его союзниковъ были похожи на Попрыгунчикова и думали дѣйствовать, какъ онъ, но не можемъ не сказать, что ихъ скрытность въ глазахъ людей подозрительныхъ можетъ давать мѣсто и подобнымъ предположеніямъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ корреспондента, составъ присяжныхъ засѣдателей по дѣлу Струсберга и К°. образовался именно такой, передъ которымъ, по словамъ Попрыгунчикова, самъ богъ краснорѣчія не сумѣлъ бы оправдать проворовавшагося Кологривова, а именно: «большинство присяжныхъ составляли мѣщане и крестьяне, два или три чиновника и одинъ дворянинъ».

Но, оставляя въ сторонѣ подобныя неблаговидныя предположенія, признавая ихъ вполнѣ невозможными въ виду безукоризненной честности защитниковъ доктора Струсберга и его союзниковъ, все-таки остается не подлежащимъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что, если всѣ защитники упорно настаивали, чтобы процессъ былъ отложенъ, то была общая причина, по которой они

этого желали, и что, поэтому, тѣ частныя причины, которыя каждый изъ нихъ представлялъ для отсрочки, были не истинныя причины, а мнимыя, служили только прикрытіемъ для той общей причины, можетъ быть, и прекраснѣйшей, но которой они объявить не хотѣли. Нельзя же, вѣдь, представить, чтобы у 20 слишкомъ подсудимыхъ, у каждаго, въ одно и то же время, случалась особенная серьезная причина для отсрочки процесса. Это было бы въ своемъ родѣ чудомъ! Поэтому, странно давать какое бы ни было значеніе тѣмъ частнымъ причинамъ, какія высказывалъ каждый защитникъ для отсрочки дѣла, и тѣмъ болѣе серьезно доказывать, что напримѣръ, та дѣтская причина, которую, *дрожащимъ* голосомъ—вѣроятно, нечаянно для самого себя—выпалилъ растерявшійся Утинъ, была единственной дѣйствительной причиной, по которой онъ просилъ отложить дѣло, или что Плевако въ томъ крючкотворномъ сплетеніи, которое онъ измыслилъ, видѣлъ дѣйствительное нарушеніе законныхъ формъ судопроизводства.

А «Судебный Вѣстникъ» впадаетъ именно въ такую погрѣшность. Относительно заявленія Плевако онъ, нисколько не думая шутить, ставитъ слѣдующіе вопросы: правильно ли было это заявленіе? умѣстно ли? современно ли? прилично ли? и въ длинной статьѣ, какъ и ожидать надлежало, доказываетъ, что оно было и правильно, и умѣстно, и современно, и прилично. Къ концу этой же статьи пристегиваетъ и Утина и, высчитывая, что этому юношѣ на знакомство съ дѣломъ дано было всего 17 дней, также серьезно находитъ, что такого срока ему крайне было недостаточно. Всѣ эти разсужденія «Судебнаго Вѣстника», въ виду того неподлежащаго сомнѣнію факта, что частныя причины, какія представляли защитники для отсрочки дѣла, служили только прикрытіемъ одной общей причины, которой они сказать не хотѣли, нельзя назвать иначе, какъ пустымъ словоизверженіемъ, въ основаніи котораго лежитъ или простое недомысліе, или—гораздо хуже того—неблаговидное желаніе затемнить истинный смыслъ дѣла.

Какъ бы то ни было, но мнѣ жаль Утина: жаль, во-первыхъ, потому, что онъ попалъ подъ защиту «Судебнаго Вѣстника» и фигурируетъ здѣсь подъ ручку съ Плевако. Ему еще далеко до Плевако, и я полагаю, что онъ еще не пріобрѣлъ правъ на то, чтобы быть въ особенномъ благоволеніи у «Судебнаго Вѣстника» и удостоиваться отъ него фундаментальной защиты. Затѣмъ мнѣ жаль, что Утинъ попалъ защитникомъ въ такое запутанное и скользкое для защиты дѣло, какъ дѣло доктора Струсберга съ компаніей. Это дѣло совсѣмъ не по его характеру и не по его средствамъ.

Утинъ, въ средѣ нашихъ адвокатовъ—явленіе новое, только нарождающійся, но окончательно далеко еще не сложившійся типъ новой породы адвокатовъ. До сихъ поръ, мы привыкли представлять себѣ истаго адвоката не иначе, какъ въ формѣ опытнаго прелюбодѣя мысли, человѣка, который прошелъ, что называется, сквозь огнь и воду и мѣдныя трубы, который не привязанъ и не вѣритъ никакимъ идеямъ, никакимъ чувствамъ, никакимъ отношеніямъ, который является глубоко вѣрующимъ и искренно увлеченнымъ только когда это нужно и ровно настолько, насколько это нужно для его цѣли, который этой цѣли преданъ всецѣло, нераздѣльно, подчиняетъ ей не только всю свою душу, но даже органы своего тѣла, насколько послѣдніе могутъ служить ей. Г. Утинъ—адвокатъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Онъ производитъ впечатлѣніе человѣка не только наивнаго, но и совершенно невиннаго, не вкусившаго еще отъ древа познанія добра и зла и, пожалуй, не совсѣмъ ясно понимающаго различіе мужского пола отъ женскаго, потому склоннаго ко всякимъ обожаніямъ, постоянно сантиментально настроеннаго и готоваго по каждому пустому поводу придти въ волненіе и излиться въ трескотнѣ всевозможныхъ жалкихъ словъ. Мнѣ кажется, что въ эффектныхъ мѣстахъ своей рѣчи, когда мысль его, разрѣшившись насколько возможно, отъ логическихъ узъ, превращается въ бурный потокъ жалкихъ словъ, г. Утинъ заслушивается самого себя и любуется собою и что, вообще, г. Утинъ, когда онъ говоритъ, онъ—не какъ другіе адвокаты—занятъ не столько интересами своего кліента, не столько тѣмъ и другимъ исходомъ процесса, сколько тѣмъ: удивляются ли его краснорѣчію, удивляются ли тѣмъ прекраснымъ чувствамъ, которыми онъ блистаетъ? Всѣ эти недостатки можно бы было отнести насчетъ молодости. Всякій молодой новопроизведенный прапорщикъ любуется и своимъ мундиромъ, и эполетами, и самимъ собою. Но г. Утинъ—юноша не первой молодости и на адвокатскомъ поприщѣ вращается не со вчерашняго дня. А между тѣмъ, его воззрѣнія, его чувства, самые пріемы его краснорѣчія такъ юны, можно сказать, женственно юны, что какъ-то даже не вѣрится, чтобы онъ обучался въ мужскомъ учебномъ заведеніи, а не попалъ случайно въ одинъ изъ блестящихъ женскихъ пансіоновъ или институтовъ, гдѣ, усвоивъ себѣ воззрѣнія обожаемой maman на жизнь и людскія отношенія и наполненный ея галантными мыслями и отборными чувствами, потомъ прямо съ институтской скамьи вступилъ на адвокатское поприще. По крайней мѣрѣ, такое именно впечатлѣніе произвела на меня рѣчь его за Каирову. На эту рѣчь нѣкоторые нападали въ поруганіе ею разныхъ святынь, но она вовсе этого не заслуживаетъ; въ ней нѣтъ ничего злостнаго: она просто забавна, какъ дѣтская рѣчь. Пусть судитъ самъ читатель по нижеслѣдующимъ выдержкамъ, которыя мы представимъ здѣсь изъ нея для подтвержденія сдѣланной нами характеристики адвокатскаго таланта Утина.

Г. Утинъ начинаетъ свою рѣчь изображеніемъ

тѣхъ трудностей, которыя представляетъ защищаемое имъ дѣло (Каировой). «Оно, говоритъ онъ,—заключаетъ въ себѣ массу вопросовъ, идущихъ въ самую глубину, въ самый центръ человѣческой натуры! *(Вонъ оно какъ!)* Нужно истратить немало знанія, усилій ума, чтобъ рѣшить это дѣло согласно справедливости. Трудность разрѣшенія его заключается въ самомъ его свойствѣ и тѣхъ особенностяхъ, которыми оно обусловливается. Бо́льшая часть дѣйствій человѣка имѣетъ своимъ двигателемъ матеріальный интересъ; когда въ основѣ убійства, грабежа, мошенничества лежитъ матеріальный интересъ, тогда разрѣшеніе дѣла просто: цѣль понятна, средства опредѣляются обстоятельствами дѣла. Но когда такого интереса нѣтъ, когда двигателя нужно искать въ самыхъ сокровенныхъ путяхъ человѣческаго духа, тогда, чтобы опредѣлить мотивы дѣйствій человѣка, нужно прямо войти въ его душу, разсмотрѣть его внутренній міръ».

Когда г. Утинъ писалъ это вступленіе, то онъ, очевидно, держался того воззрѣнія на любовь, которое получилъ отъ обожаемой maman. Но всякому не только прелюбодѣю мысли, а даже и простому смертному, вращающемуся въ жизни, извѣстно, что половое влеченіе слагается изъ двухъ элементовъ: духовнаго и матеріальнаго; и притомъ такъ, что матеріальный элементъ всегда почти превалируетъ надъ духовнымъ, а иногда, и даже бо́льшею частію, вытѣсняетъ послѣдній почти до полнаго уничтоженія. Такимъ образомъ, во всякомъ половомъ влеченіи, начиная съ той ступени, гдѣ оно достойно наименованія чистѣйшей любви, и до послѣдней ступени, гдѣ оно превращается въ чисто животное плотское удовлетвореніе, всегда есть матеріальный интересъ. И вотъ что́ замѣчательно: что на всѣхъ ступеняхъ полового влеченія, и самыхъ высшихъ, и самыхъ низшихъ, этотъ интересъ такъ силенъ, что съ нимъ не могутъ идти ни въ какое сравненіе интересы стяжанія, служащіе стимулами убійства, грабежа и т. п. Ради удовлетворенія такихъ чисто-матеріальныхъ интересовъ полового влеченія, иногда безъ всякой почти духовной подкладки, люди проживаютъ милліонныя состоянія, расточаютъ цѣлыя страны, ведутъ ожесточенныя войны, дѣлаютъ всевозможныя гадости. А г. Утинъ въ своей наивности увѣряетъ, что въ любви никакихъ матеріальныхъ интересовъ нѣтъ, и нагоняетъ кучу разныхъ жалкихъ словъ «о центрахъ человѣческой натуры», «о сокровенныхъ путяхъ человѣческаго духа», «о великихъ знаніяхъ и великихъ усиліяхъ ума», которыя, будто бы, потребовались отъ него, чтобы проникнуть сюда!

При такомъ взглядѣ на дѣло, г. Утинъ, само собою разумѣется, не могъ понять его сути и, по необходимости, долженъ былъ наполнять свою рѣчь хламомъ въ родѣ слѣдующаго: у Великанова съ женой, когда они жили еще въ Оренбургѣ, произошла слѣдующая, по словамъ Утина, «ужасная, дикая сцена», при которой присутствовала и г-жа Каирова. Г-жа Великанова, въ сердцахъ на мужа, сказала, что она разцѣлуетъ ручки и ножки у того, кто бы избавилъ ее отъ мужа. Каирова слышала это и говоритъ: «Я возьму его».—«Возьмите», отвѣчаетъ Великанова.

Изъ этихъ ничего незначущихъ словъ Великановой г. Утинъ, проникая въ «центръ человѣческой натуры» и въ «сокровенные пути человѣческаго духа», нисколько не шутя, и весьма серьезно дѣлаетъ выводъ, что Великанова сама отдала мужа Каировой!!

Я васъ спрашиваю: можете ли вы указать, не говорю адвоката, а вообще человѣка, который былъ бы настолько наивенъ, чтобы дойти до подобнаго вывода?

Можно смѣло сказать, что не только ни одинъ опытный прелюбодѣй мысли, но даже ни одинъ просто русскій человѣкъ не обратилъ бы никакого вниманія на приведенную сцену. Жизнь русская вообще, и супружеская русская жизнь въ особенности, стоитъ такъ невысоко, что такіе ли въ ней бываютъ виды между супругами. И однакожъ, самыя ожесточенныя перебранки, когда супруги находятся въ высшей степени раздраженія, посылаютъ другъ друга ко всѣмъ чертямъ, желаютъ другъ другу провалиться сквозь землю и т. п., не только оканчиваются обыкновенно ничѣмъ, но даже, еслибы кто изъ стороннихъ позволилъ себѣ вмѣшаться въ супружескую распрю и предложилъ серьезно, а не въ шутку, взять одного изъ супруговъ, то, навѣрное, обѣ враждующія стороны немедленно, соединенными силами, напали бы на такого изверга и обратили бы его въ бѣгство.

И если г. Утинъ, употребивъ «великія знанія» и «великія усилія ума», могъ не то что проникнуть въ «центры человѣческой натуры» и въ «сокровенные пути человѣческаго духа», а составить себѣ хоть кой-какое представленіе объ этой, совершенно темной для него области, то онъ понялъ бы, что такое, повидимому, глупое поведеніе супруговъ весьма естественно. Супруги могутъ ссориться между собою, могутъ сдѣлаться настолько невыносимыми другъ для друга, что и разойдутся; но чтобы супруги могли передать другъ друга третьему лицу—для этого требуется много самообладанія и, слѣдовательно, очень значительная степень развитія, чего самъ же г. Утинъ въ Великановой не предполагаетъ, да дѣйствительно и предполагать нельзя, судя по всему ходу каировской исторіи. Потому, только наивностію г. Утина и можно объяснить, что онъ въ самой легкой, съ русской точки зрѣнія, супружеской размолвкѣ увидѣлъ «дикую и ужасную сцену» и въ ничего незначущихъ словахъ г-жи Великановой усмотрѣлъ формальную передачу ею Каировой своего мужа въ вѣчное владѣніе. «Съ этой минуты (т. е. когда Великанова сказала: «возьмите его»), Каирова считала его своимъ, она видѣла въ немъ свое созданіе, «свое милое дитя».

«Милое дитя»—это по описанію стенографиста, мужчина высокаго роста, плечистый, крѣпкаго тѣлосложенія, 33 лѣтъ—оказалось, однакожъ, не совсѣмъ милымъ. На судѣ оно прямо объявило, что никогда не переставало любить свою супругу, а только по несклонности послѣдней къ супружескимъ отношеніямъ сошлось съ Каировой, такъ какъ «ему было необходимо искать физическаго удовлетворенія» помимо жены. Такимъ образомъ, для Великанова въ связи съ Каировой не существовало никакого другого интереса, кромѣ чистоматеріальнаго. Если Каирова въ началѣ своей связи съ нимъ и могла еще ошибаться насчетъ возвышенныхъ чувствъ Великанова, то потомъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, живя съ нимъ вмѣстѣ, она не могла не видѣть, что̀ за птица Великановъ и чего онъ въ ней ищетъ. Слѣдовательно, надобно предположить, что Каирова или вполнѣ сходилась въ своихъ стремленіяхъ съ Великановымъ, или, по крайней мѣрѣ, отсутствіе духовнаго элемента въ половыхъ отношеніяхъ считала не настолько важнымъ, чтобы могла возмущаться имъ. А если такъ, то любовь Каировой къ Великанову была вовсе не такъ идеальна, какъ ее изображаетъ г. Утинъ.

Еслибы г. Утинъ былъ въ состояніи освѣтить для себя эту сторону дѣла, то онъ построилъ бы свою рѣчь совершенно иначе — и полезнѣе для Каировой, и приличнѣе для себя. Правда, Каирова и теперь оправдана, но, я полагаю, она оправдана никакъ не вслѣдствіе рѣчи г. Утина, а несмотря на эту рѣчь—оправдана по существу и обстоятельствамъ дѣла. Поступокъ Каировой не имѣлъ никакихъ послѣдствій для Великановой. Каирова высидѣла за него въ тюрьмѣ цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ. Изъ показаній матери, экспертовъ и докторовъ, наблюдавшихъ надъ нею, вполнѣ выяснилось, что она—женщина болѣзненная, женщина не въ порядкѣ. Всѣ эти обстоятельства были такъ благопріятны для Каировой, что присяжные не могли ея не оправдать. Само собою разумѣется, что г. Утинъ никогда этому не повѣритъ. Онъ, навѣрное, убѣжденъ, что г-жа Каирова спасена единственно его неотразимымъ краснорѣчіемъ и тѣми возвышенными чувствами, которыми онъ на ея счетъ блисталъ.

По крайней мѣрѣ, г. Утинъ согласится со мною, что, еслибы онъ сталъ на реальную точку зрѣнія, то онъ не унизился бы до того, чтобы, ни съ того, ни съ сего, бросать грязью въ женщину, которая въ исторіи каировской любви разыграла роль если не жертвы, то, во всякомъ случаѣ, бѣднаго Макара, на котораго шишки валятся. Я говорю о Великановой. Какова бы ни была эта женщина, но она несомнѣнно приличнѣе держала себя и героини г. Утина, и тѣмъ болѣе Великанова, какъ это очевидно изъ ея крайне сдержаннаго показанія, и даже изъ того, что она уклонилась явиться на судъ въ качествѣ свидѣтельницы противъ Каировой, а она вѣдь, вѣроятно, могла бы сказать многое.

Но г. Утину нужно было мазнуть эту личность, чтобы дать приличное освѣщеніе своей героинѣ—пріемъ очень гнусный, хотя очень нерѣдко практикуемый нашими адвокатами — и г. Утинъ совершаетъ это, не только не измѣняя своимъ возвышеннымъ чувствамъ, а, напротивъ, благодаря этому случаю, образуя изъ нихъ бурный потокъ краснорѣчія самаго возвышеннаго.

Видите ли, въ чемъ дѣло! Когда выписанная изъ Оренбурга мужемъ Великанова пріѣхала въ Петербургъ, въ это время Великановъ жилъ еще вмѣстѣ съ Каировой на дачѣ, въ Ораніенбаумѣ. Узнавъ о пріѣздѣ жены, Каирова поспѣшила, однакожъ, убраться оттуда, взявъ съ собою болѣе нужныя и негромоздкія вещи; остальныя же, въ томъ числѣ и постель свою, оставивъ на дачѣ. Пріѣхавъ ночевать къ мужу, Великанова расположилась на постели Каировой. По поводу этого г. Утинъ извергаетъ слѣдующій комъ грязи:

«Гг. присяжные! Что̀ это за женщина, которая пріѣзжаетъ къ мужу, который живетъ съ другой; приходитъ въ домъ любовницы своего мужа, зная, что Каирова тамъ живетъ; рѣшается остаться ночевать и ложится въ ея спальнѣ, на ея постелѣ... Это превышаетъ мое понятіе».

Если бы г-нъ Утинъ съ этимъ обвиненіемъ обратился прямо къ г-жѣ Великановой, то она, навѣрное, отвѣтила бы ему слѣдующее: «Г-нъ Утинъ! вы говорите неправду, что я пріѣхала къ мужу, который живетъ съ другой женщиной, что я пришла въ домъ любовницы. Вы знаете, что мужъ самъ призвалъ меня, сказавъ, что оставляетъ эту женщину; онъ и на судѣ объяснилъ, что любилъ всегда меня, и если и оставилъ меня для Каировой, то только ради физическаго удовлетворенія. Онъ же и относительно дачи сказалъ и на судѣ, и мнѣ, что дача нанята имъ, а мнѣ сверхъ того сказалъ, что Каирова уже выѣхала оттуда. Тоже самое на судѣ показала и сама Каирова. Слѣдовательно, я шла не къ любовницѣ въ домъ. Если же я позволила себѣ лечь на постель Каировой, то вы забываете, что сначала Каирова позволила себѣ лечь на мою постель. Да и что вы—иностранецъ какой, что-ли, или вчера только кончившая курсъ институтка, что не знаете, что у насъ въ Россіи насчетъ постелей пока совершенно свободно? То и дѣло во всѣхъ слояхъ общества, какъ съ мужской стороны, такъ и съ женской, супружескими постелями пользуются и временные любители и любительницы или постоянные преемники и преемницы безъ всякой гадливости. Согласна съ вами, что это очень и очень невозвышенно. Но чтожъ дѣлать, когда почти все общество до лучшаго пока еще не доросло. Какое же вы имѣете право смотрѣть на меня, какъ на какое-то ужасное чудовище, будто бы рѣзко выдающееся изъ всего русскаго общества? Чудакъ вы! Если бы вы хотя нѣсколько думали о томъ, что вы говорите, то вы поняли бы, что для защиты Каировой вамъ вовсе не было нужды бросать въ меня грязью. Очень возможно, что

на мѣстѣ Каировой и я, и другая, и третья, и вообще всякая женщина сдѣлала бы то же самое, что и Каирова. Какъ скоро какой-нибудь сильный аффектъ, въ силу упорной страсти, овладѣваетъ всецѣло человѣкомъ, то какое бы начало, духовное или матеріальное, ни лежало въ основаніи этой страсти, онъ все равно отуманиваетъ разумъ человѣка и превращаетъ его въ животное, способное на всякое звѣрство. Подъ вліяніемъ сильной страсти, имѣя въ рукахъ заготовленную впередъ бритву, Каирова могла бы несовладать съ собою всюду, гдѣ бы ни встрѣтила меня: на улицѣ, въ церкви, въ домѣ—изъ судебнаго слѣдствія вамъ извѣстно, что она даже искала меня, требовала, чтобы ей дали мой адресъ. При чемъ же, спрашивается, тутъ постель?»

Но такое объясненіе, черезъ-чуръ уже простое и обыденное, безъ всякой примѣси романтизма, конечно, не удовлетворило бы г. Утина. Все простое, обыкновенное, всѣмъ понятное «превышаетъ (по собственному выраженію г. Утина) его понятіе», вѣроятно, потому, что лишаетъ его возможности пускаться въ изліянія, иногда парящія высоко надъ границами человѣческаго смысла. Къ числу такихъ изліяній несомнѣнно должно быть причислено и изліяніе его по поводу постели—слѣдующее:

«Развѣ, гг. присяжные засѣдатели, возможно, чтобы женщина осталась спокойною? Для этого нужно быть камнемъ, нужно, чтобы у нея не было сердца. Любимый страстно ею человѣкъ въ спальнѣ, на ея постелѣ, съ другою женщиною! Это было выше ея силъ. Ея чувства били бурнымъ потокомъ, который истребляетъ все, что ему попадается на пути; она рвала и метала, она могла истребить все окружающее. Если мы спросимъ этотъ потокъ, что онъ дѣлаетъ, зачѣмъ причиняетъ зло, то развѣ онъ можетъ намъ отвѣтить? Нѣтъ, онъ безмолствуетъ!»

Не правда ли, что и забористо, и забавно!

Но вотъ что для меня интересно знать: хватило ли бы у г. Утина духу проговорить всѣ эти бурныя бушеванія и о бурномъ потокѣ, который можетъ все истреблять, и о томъ, что онъ не можетъ знать, что онъ сдѣлаетъ, и что онъ безмолвствуетъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы Каирова уходила Великанову? А впрочемъ, что я спрашиваю! Навѣрное—хватило бы.

Не только въ моментъ возвышеннаго паренія, когда г. Утинъ заслушивается самого себя и забываетъ все земное, но иногда и въ спокойномъ, повидимому, состояніи, онъ высказываетъ все, что у него есть за душой. Въ такомъ, по крайней мѣрѣ, непосредственномъ состояніи мы встрѣчаемъ его 29-го мая, въ московскомъ окружномъ судѣ, по дѣлу Струсберга и Комп. Я васъ прошу: укажите мнѣ какого угодно изъ прелюбодѣевъ мысли, даже изъ самыхъ неважныхъ, который бы торжественно передъ судомъ заявилъ, что онъ не успѣлъ приготовиться къ дѣлу! Да, это—немыслимо. Пригласите кого угодно изъ нихъ днемъ, разбудите даже ночью за пять, за шесть часовъ до начала засѣданія суда, ни одинъ вамъ никогда не скажетъ, что не успѣлъ приготовиться, а спроситъ только: какъ великъ гонораръ и удовлетворителенъ ли задатокъ? Если же представится надобность заставить судъ отложить дѣло, то онъ придумаетъ какую-нибудь кляузу, въ родѣ Плевако, чтобы суду въ носъ бросилась, а не скажетъ, что неготовъ. Г. Утинъ, напротивъ, весь передъ судомъ, какъ есть. «Не успѣлъ, говоритъ онъ *дрожащимъ* голосомъ суду:—достаточно познакомиться съ дѣломъ; времени было дано очень мало». Я думаю, что изъ числа защитниковъ по дѣлу Струсберга и Комп., которые всѣ требовали отсрочки дѣла, при чемъ каждый приводилъ свои причины для отсрочки, одинъ только г. Утинъ сказалъ истинную, а не вымышленную причину, по которой онъ *лично* желаетъ отсрочки дѣла. Я говорю: *лично*, потому что онъ зналъ, конечно, и общую причину, по которой желается всѣми адвокатами отсрочка, но та причина была ему чужая, и, еслибы онъ даже могъ сказать ее, то у него, я увѣренъ, съ языка сорвалось бы именно то, что онъ сказалъ теперь, а не что-нибудь другое. За такую искренность, конечно, нельзя его не похвалить. А все-таки, какъ хотите, его объясненіе передъ судомъ невольно напоминаетъ школу. Такъ и оживаетъ передъ тобою и добрякъ учитель Иванъ Иванычъ, приглашающій добронравнаго Мишу Вертушкина отвѣчать урокъ, и Миша Вертушкинъ, смущенный, растерянный, который стоитъ, не знаетъ урока и не ожидалъ, что его спросятъ, и который, руки по швамъ, взволнованнымъ голосомъ отвѣчаетъ учителю: «Иванъ Иванычъ! я не успѣлъ; времени было мало».

Надѣюсь, что изъ всего того, что я до сихъ поръ сказалъ о г. Утинѣ, читатель нѣсколько понялъ, почему я жалѣю, что г. Утинъ попалъ въ число защитниковъ по дѣлу Струсберга и Комп. Не того я боюсь, что кліенты г. Утина подвергнутся менѣе тяжкой карѣ, чѣмъ какую бы они заслужили. Эта бѣда была бы еще не особенно велика. Я боюсь, что, благодаря его краснорѣчію, цѣлый процессъ приметъ фальшивую окраску, героями выйдутъ бывшіе члены правленія и совѣта, а виновниками окажутся акціонеры и вкладчики. А это, при склонности г. Утина къ обожанію и при его романическомъ настроеніи—дѣло очень возможное. Я даже теперь отчасти предвижу тотъ полетъ и характеръ, который можетъ принять краснорѣчіе г. Утина на процессѣ Струсберга, и могу дать читателю маленькій образчикъ его будущей рѣчи. «Гг. присяжные засѣдатели! Взгляните на скамью подсудимыхъ и скажите: видано ли было когда-нибудь въ стѣнахъ суда такое зрѣлище, какое мы видимъ здѣсь теперь? Оскорбляли ли когда-нибудь святыню правосудія болѣе глубоко и болѣе чувствительно, чѣмъ теперь? На скамьѣ подсудимыхъ сидятъ честнѣйшіе люди, первѣй-

шіе граждане Москвы, могу сказать, перлы гражданства, которые могли бы быть украшеніемъ какой угодно столицы, люди, извѣстные своею безукоризненною честностью не въ Москвѣ только, а въ цѣлой Россіи. Какимъ чудомъ могли попасть эти люди на скамью подсудимыхъ? За что ихъ обвиняютъ? За что ихъ могутъ обвинять? Не удивитесь, гг. присяжные засѣдатели, если я вамъ скажу, что ихъ обвиняютъ за честность. Вы скажете, что это превышаетъ ваше понятіе. Да, это превышаетъ и мое понятіе, и, однакожъ, это—фактъ: я повторяю снова, что ихъ обвиняютъ за честность. Въ обыкновенной рѣчи честнымъ, въ имущественномъ отношеніи, принято называть того, кто не желаетъ и не беретъ ничего чужого, кто ввѣренное ему на храненіе чужое хранитъ, какъ свое, употребляя при этомъ наблюденіе и подсматривая за другими, чтобы и они не расхитили этого ввѣреннаго чужого. Вы видите, гг. присяжные засѣдатели, какой пошлый, могу сказать, подлый элементъ внесенъ уличною моралью въ понятіе честности. Но если мы, употребивъ «наши великія знанія и усилія ума», проникнемъ «въ самую глубину, въ самый центръ человѣческой натуры» и пороемся «въ самыхъ сокровенныхъ путяхъ человѣческаго духа», то мы поймемъ, что такое понятіе о честности разрушаетъ въ корнѣ самую идею нравственности. Тамъ мы увидимъ, что истинная честность неразлучна съ вѣрою въ честность другихъ. Кто самъ честенъ, тотъ не можетъ не вѣрить въ честность другихъ и, слѣдовательно, неизбѣжно долженъ быть довѣрчивымъ къ другимъ. Могли ли честнѣйшіе граждане, которые сидятъ теперь на скамьѣ подсудимыхъ, оставаясь честными, подозрѣвать въ нечестности другихъ? Могла ли къ ихъ чистой душѣ приразиться даже случайно мысль о возможности не говорю того наглаго обмана, жертвою котораго они сдѣлались, а даже какого-нибудь обмана со стороны ихъ окружающихъ? И не правъ ли я былъ, гг. присяжные, когда сказалъ, что они попали на скамью подсудимыхъ за ихъ высокую честность. Вы можете сказать: «да еслибы даже и такъ, то отъ этой высокой честности потерпѣли тысячи людей». Но, гг. присяжные засѣдатели, я обращусь къ вамъ съ однимъ вопросомъ, на который прошу васъ отвѣтить мнѣ по душѣ, искренно: что вы считаете важнѣе и драгоцѣннѣе для человѣка—деньги или честь, доброе имя? Я не сомнѣваюсь въ вашемъ отвѣтѣ, а потому мнѣ нѣтъ нужды прибавлять, кого надобно считать потерпѣвшимъ въ настоящемъ дѣлѣ—тѣхъ ли, которые потеряли свои гроши, или тѣхъ, которые попали на скамью подсудимыхъ за свою высокую честность? (NB. Въ рѣчи за Каирову г. Утинъ доказывалъ, что потерпѣвшимъ лицомъ надобно здѣсь считать не Великанову, которую рѣзали, а Каирову). Пословица говоритъ «гроши—дѣло наживное»: у кого есть умъ и энергія къ труду, къ тому они воротятся. Но замаранной чести, запятаннаго добраго имени ничѣмъ не отмоешь. Наконецъ, въ заключеніе, гг. присяжные засѣдатели, я вамъ долженъ сказать, что вопросъ о судьбѣ сидящихъ здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ не есть ихъ личный только вопросъ, а вопросъ вашъ собственный, вопросъ всего московскаго общества, вопросъ цѣлой Россіи. Вашъ приговоръ надъ ними будетъ приговоромъ надъ вашимъ собственнымъ нравственнымъ идеаломъ, надъ нравственными идеалами всего русскаго общества. Если вы честность полагаете въ подозрительности, въ подглядываніи, въ подсматриваніи за другими, если высшаго порядка честности для русскаго общества вы и не желаете—тогда осудите этихъ людей. Да, они виноваты, они не умѣли ни подозрѣвать, ни подстерегать, ни подсматривать. Но я убѣжденъ, что вы не пожелаете нравственной смерти нашему обществу и потому не вынесете обвинительнаго вердикта противъ людей, которые виноваты только тѣмъ, что въ своихъ нравственныхъ идеалахъ ушли дальше современнаго общества и которые, слѣдовательно, служатъ ему свѣточами и руководителями на пути прогресса».

Читатель видитъ, что я начертилъ только голый остовъ рѣчи. У меня нѣтъ ни пареній, ни сантиментальныхъ воздыханій, ни бурныхъ потоковъ, все истребляющихъ—у г. Утина все это будетъ, и выйдетъ не рѣчь, а одно слово, «громъ и молнія». Вы скажите, что это будетъ смѣшно. Ну, этого не скажите. Какъ для кого!— Во время рѣчи г. Утина за Каирову барыни, то и дѣло, подносили платки къ глазамъ, чтобы утирать слезы. Такъ онъ донималъ ихъ разными пикантными мыслями и отборными чувствами на счетъ постели и т. п. Къ тому же, неизвѣстно, будутъ ли въ процессѣ Струсберга и комп., потерпѣвшіе, т. е. акціонеры и вкладчики, имѣть адвокатовъ. А если нѣтъ, если будутъ адвокаты только со стороны подсудимыхъ, то рѣчи всѣхъ будутъ вертѣться около того же, около чего и рѣчь г. Утина. Слѣдовательно, правильнаго освѣщенія дѣлу не будетъ дано. А это будетъ великой потерей для нашего общества. Наши разныя учрежденія, общества, банки, управленія такъ поставлены, что мы не только не имѣемъ ни малѣйшаго понятія, что и какъ дѣлается внутри ихъ, но не имѣемъ никакой возможности, если бы и употребили для этого всѣ усилія, и никакихъ путей проникнуть въ ихъ внутреннюю лабораторію. Такъ все здѣсь мудро обставлено—все шито и крыто. Только когда крупные дѣятели ихъ, по какимъ нибудь вопіющимъ злоупотребленіямъ, попадаютъ на скамью подсудимыхъ, нѣсколько свѣтлыхъ лучей освѣщаютъ тотъ или другой уголъ этого темнаго царства. Казалось бы, надобно бы было дорожить этими случайными у насъ лучами свѣта и при ихъ освѣщеніи вычищать ту грязь, которая обнаружилась. Къ сожалѣнію, у насъ только вре-

менно подивятся тѣмъ безобразіямъ, которыя случайно обнаружены, поахаютъ; потомъ все остается какъ было въ прежнемъ видѣ. Такъ безслѣдно прошелъ процессъ Овсянникова. А процессъ Овсянникова, замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, прямо ставилъ вопросъ о пропитаніи арміи, о безчисленныхъ казенныхъ милліонахъ, здѣсь безотчетно расхищаемыхъ. Неужели также безслѣдно пройдетъ и не будетъ даже достаточно освѣщенъ и разъясненъ для публики процессъ Струсберга и комп.?

А этотъ процессъ, пожалуй, если не поважнѣе овсянниковскаго, то къ интересамъ образованной публики стоитъ гораздо ближе, чѣмъ послѣдній. Всякій, вѣдь, изъ образованныхъ, вообще изъ имущихъ кой-какой запасъ людей несетъ свои деньги въ банки или превращаетъ ихъ въ разныя акціонерныя бумаги. Всякому акціонеру и вкладчику интересно знать: насколько крѣпки эти банки и общества? Насколько благонадежно охраняются въ нихъ довѣренные имъ капиталы? Какъ въ нихъ ведутся дѣла?

Злоупотребленія, обнаруженныя въ ссудномъ коммерческомъ банкѣ, даютъ нѣкоторый просвѣтъ въ темную до сихъ поръ для публики внутреннюю лабораторію банковыхъ обществъ.

Достаточно бросить самый бѣглый взглядъ на то, что сообщено газетами объ обвинительномъ актѣ по дѣлу коммерческаго ссуднаго банка, чтобы видѣть подъ какимъ дамокловымъ мечемъ ежеминутно висятъ капиталы, вносимые россіянами въ банки, какой наглый обманъ, плутовство, мошенничество гнѣздятся въ тѣхъ хранилищахъ, въ благонадежность которыхъ русское добродушіе привыкло вѣрить болѣе, чѣмъ въ благонадежность своего собственнаго кармана.

Обвинительный актъ привлекаетъ къ отвѣтственности, кромѣ Струсберга, слѣдующихъ лицъ:

Директоровъ банка: 1) Ландау, 2) Полянскаго, 3) Милліоти.

Членовъ совѣта: 4) Борисовскаго (предсѣдатель совѣта), 5) Шумахера (товарищъ предсѣдателя), 6) Лѣнивова, 7) Вишнякова, 8) Гивартовскаго, 9) Редера, 10) Граббе, 11) Крестовникова, 12) Сорокоумовскаго, 13) Лямина, 14) Волкова, 15) Ильина, 16) Корзинкина, 17) Грачева, 18) Бостанджогло, 19) Прена (бывшаго члена совѣта).

Бухгалтера: 20) Ложечникова.

Изъ этихъ лицъ состоятъ: а) *въ родствѣ* между собою: 1) Милліоти, 2) Борисовскій, 3) Крестовниковъ и 4) Бостанджогло;

б) *учредителями-пайщиками трехгорнаго пивоваренаго завода:* 5) Гивартовскій, 6) Редеръ, 7) Граббе, 8) Вишняковъ, и, кромѣ нихъ, *Крестовниковъ* и *Борисовскій*;

в) членами общества коммерческаго кредита: 9) Сорокоумовскій, 10) Волковъ, 11) Грачевъ и, кромѣ нихъ, *Крестовниковъ, Вишняковъ, Гивартовскій.*

Борисовскій, сверхъ того—директоръ въ товариществѣ табачной фабрики Бостанджогло.

Итакъ, вы видите, что все, что дѣйствовало въ коммерческомъ ссудномъ банкѣ, все, что допускалось сюда—переплетено тѣсно между собою узами родства и тѣснаго товарищества. Попадали сюда изъ сторонникъ и оставались здѣсь прочными только тѣ, кого хотѣли принять члены этого твердо-замкнутаго союза. Такъ, Шумахеръ, по иниціативѣ котораго основанъ коммерческій ссудный банкъ и который предназначался быть управляющимъ банка, не хотѣлъ иначе принять эту должность, какъ съ тѣмъ, чтобы Полянскій былъ сдѣланъ директоромъ-распорядителемъ. Затѣмъ, сложивъ съ себя званіе предсѣдателя банка, Шумахеръ предложилъ, вмѣсто себя, Полянскаго, и онъ дѣйствительно заступилъ его мѣсто. На мѣсто вышедшаго директора банка Прена, Гивартовскій, еврей, предложилъ знакомаго ему еврея, бывшаго варшавскаго банкира, банкрота Ландау, котораго не зналъ ни одинъ человѣкъ не только въ ссудномъ комерческомъ банкѣ, но и въ цѣлой Москвѣ, и онъ былъ принятъ въ директоры. Да еще какъ принятъ? Прену получалъ жалованья 5,000 руб., а Ландау пригласили съ жалованьемъ 12,000 руб., а вскорѣ, сверхъ того, положили прибавить оклада 3,000 руб., когда дивидендъ превыситъ 10% вкладочнаго капитала.

Такимъ образомъ, управленіе ссуднаго коммерческаго банка представляло собой тѣсный комплотъ, въ который никто никогда не могъ проникнуть изъ непосвященныхъ, который допускалъ въ свою среду людей только одной съ ними масти, согласившихся мошенничать съ нимъ за одно, и который безотчетно распоряжался всѣмъ, какъ хотѣлъ.

Какимъ образомъ могъ держаться подобный комплотъ? Очень просто—поддѣлками и подлогами.

Всѣ общія собранія, которымъ принадлежало право избирать членовъ совѣта и правленія, составлялись обыкновенно самими членами совѣта и правленія изъ подставныхъ, преданныхъ имъ лицъ: ихъ родственниковъ, иногда почти дѣтей (какъ увидитъ читатель ниже М. Борисовскаго, 12 лѣтъ, Е. Бостанджогло 13 лѣтъ!!!), ихъ друзей, близкихъ знакомыхъ и служащихъ у нихъ.

Вотъ подробныя свѣдѣнія объ этихъ собраніяхъ:

«На общемъ собраніи 5-го апрѣля 1872 года, изъ 179-ти голосовъ 107 принадлежали служащимъ въ банкѣ, у членовъ совѣта, родственникамъ ихъ и знакомымъ; изъ лицъ, состоявшихъ во главѣ управленія банка, Шумахеръ, кромѣ своихъ 5-ти голосовъ, имѣлъ 17, принадлежащихъ лицамъ, указаннымъ имъ въ объявленіяхъ о переводѣ акцій, и ихъ родственникамъ; Полянскій, кромѣ своихъ 4-хъ, имѣлъ 17, пріобрѣтенныхъ такимъ же образомъ; Борисовскій, съ четырьмя своими, имѣлъ 23 голоса; на собраніи съ правомъ голоса участвовали (по довѣренностямъ)

А. Борисовская, 13-лѣтъ, и М. Борисовскій, 12-ти лѣтъ.

На общемъ собраніи 30-го марта 1873 года, изъ 70-ти акціонеровъ, было: служащихъ въ банкѣ 49, у Борисовскаго 3, родственниковъ Полянскаго и Гивартовскаго 3; независимымъ акціонерамъ оставлено было 15 голосовъ. Собраніе это утвердило въ должностяхъ Шумахера, Вишнякова, Лѣнивова, Грачева, Прена и Ландау, провѣрило и окончательно утвердило годовой отчетъ за 1872 годъ.

Въ собраніи 14-го апрѣля 1874 года, изъ имѣвшихъ право голоса 86-ти лицъ, было: 45 служащихъ въ банкѣ, 6—у Борисовскаго и Бостанжогло и 6 родственниковъ и знакомыхъ; въ собраніи участвовали: А. Бостанджогло, 16-ти лѣтъ, и Е. Бостанджогло, 13-ти лѣтъ; изъ 86-ти лицъ явились 8 по акціямъ, заложеннымъ Граббе въ конторѣ Вавельберга и полученнымъ затѣмъ Ландау въ обмѣнъ на векселя Струсберга; эти 8 лицъ на листѣ акціонеровъ не росписались, но, тѣмъ не менѣе, нашлись квитанціи на ихъ имена для свободнаго входа въ собраніе. Этимъ собраніемъ утвержденъ отчетъ за 1873 годъ и избраны: Граббе, Бостанджогло, Ильинъ, Вишняковъ и Грачевъ; дѣйствительные акціонеры представлены были 21-мъ голосомъ.

Собраніе 30-го марта 1875 года состояло изъ 87-ми лицъ, имѣвшихъ право голоса; на это количество приходилось: 51 служащій въ банкѣ, 16 родственниковъ ихъ и 4 служащихъ у членовъ совѣта; независимыхъ голосовъ оставлено 16; на этомъ собраніи вновь избраны: Шумахеръ, Лѣнивовъ, Гивартовскій, Редеръ, Корзинкинъ, Полянскій и Веденисовъ, и утвержденъ отчетъ за 1874 годъ.

Въ 1873 и 1875 годахъ, вмѣсто наличныхъ акцій, какъ того требуетъ § 48-й устава, представлено и принято множество удостовѣреній о залогѣ ихъ въ разныхъ банкахъ и обществахъ».

Какимъ образомъ составлялись такія собранія, можно видѣть изъ слѣдующаго показанія занимавшагося этимъ дѣломъ банковаго чиновника Шиллера.

«*Шиллеръ*—въ 1873, 1874 и 1875 годахъ составлялъ списки акціонеровъ и принималъ акціи для предъявленія къ собранію; черковой списокъ по нѣскольку разъ просматривался директорами, преимущественно Милліоти, который высчитывалъ, сколько голосовъ за правленіе и сколько противъ. Переводъ акцій передъ собраніями на различныя имена дѣлался обыкновенно директорами правленія; случалось, что Полянскій и Милліоти приказывали взять у кассира столько-то акцій и перевести на такое-то имя. Когда акціи, такимъ образомъ, «были подготовлены», онѣ выдавались подъ роспиську лица, означеннаго въ объявленіи; правленіе приказывало ему, свидѣтелю, принимать, вмѣсто наличныхъ акцій, и удостовѣренія о залогѣ ихъ. Акціи принимались и послѣ назначеннаго срока, по особому на каждый разъ приказу правленія, причемъ переводы и квитанціи писались заднимъ числомъ; Милліоти очень часто высказывалъ ему желаніе, чтобы акціонеры поменьше предъявляли акцій. Публикаціи о собраніяхъ производились рѣдко; когда онъ, свидѣтель, предлагалъ публиковать чаще, то Полянскій и Милліоти отвѣчали, что ненужно. Объявленія о пріемѣ акцій вывѣшивались въ мѣстѣ, совершенно отдаленномъ отъ публики. Разъ, когда онъ, свидѣтель, хотѣлъ прибить объявленіе внизу, на видномъ мѣстѣ, Милліоти прямо запретилъ ему это, говоря, что выгода правленія въ томъ и состоитъ, чтобы акцій предъявлялось поменьше».

Напрасно акціонеры, чтобы разбить образовавшійся во главѣ управленія комплотъ и уничтожить возможность образованія въ общихъ собраніяхъ фальшиваго большинства, на которомъ онъ держался, просили о расширеніи ихъ правъ дозволеніемъ предъявлять какъ именныя, такъ и безъименныя акціи за десять дней до собранія.

Совѣтъ отвергъ эту попытку акціонеровъ противодѣйствовать ему его же средствами, мотивируя отказъ свой такими соображеніями: «банки, существующіе исключительно довѣріемъ публики, для прочности своей нуждаются въ акціонерахъ *наибольше постоянныхъ*, *имена коихъ* могутъ служить ручательствомъ за солидность дѣла»; правила устава «не дозволяютъ вчерашнему пріобрѣтателю акцій участвовать въ обсужденіи дѣла, ему вовсе неизвѣстнаго; предлагаемое же измѣненіе устава дастъ возможность нетолько участвовать, *но и преобладать въ собраніяхъ такимъ лицамъ*, *которыя только наканунѣ* купили акціи» и т.д. Общее собраніе, большинствомъ 107-ми противъ 72-хъ, утвердило это заключеніе совѣта.

Эти 107 голосовъ какъ разъ принадлежали управленію банка, какъ это было изложено выше о составѣ собранія 5-го апрѣля 1872 года; на этомъ собраніи у независимыхъ акціонеровъ были 73 голоса, въ слѣдующихъ собраніяхъ 1873, 1874 и 1875 годовъ они располагали всего 15 — 21 голосомъ.

О процессѣ по злоупотребленіямъ коммерческаго ссуднаго банка давно уже идутъ разговоры въ обществѣ и, хотя никто не оправдываетъ членовъ совѣта банка, но нерѣдко случается слышать такія рѣчи, что нельзя ихъ смѣшивать съ Полянскимъ или Ландау, потому, дескать, что Полянскій и Ландау за взятку выдали Струсбергу 7 милліоновъ безъ всякаго обезпеченія. А я думаю, что виноваты нестолько Полянскій и Ландау, сколько именно члены совѣта. Существенное зло для русскаго общества, для Россіи состоитъ не въ томъ, что Ландау и Полянскій взяли взятку, что они выдали за эту взятку семь милліоновъ чужихъ денегъ, а въ томъ, что во главѣ управленія образовался комплотъ, рѣшившійся держать въ рукахъ своихъ власть подлогомъ и мошенничествомъ. Еслибы не было такого комплота,

то Полянскій и Ландау никогда не могли бы, да и никогда не осмѣлились бы продѣлать тѣхъ гнусныхъ операцій, какія они продѣлали. Мало того, Ландау былъ бы даже немыслимъ на должности директора банка. Разъ образовался комплотъ, злоупотребленія были неизбѣжны, потому что онъ самъ былъ вопіющимъ злоупотребленіемъ и не могъ иначе держаться, какъ злоупотребленіями. Съ этой точки зрѣнія, какъ ни велики тѣ суммы, которыя растратили Полянскій и Ландау, но они оказали услугу русскому обществу, *во-первыхъ*, тѣмъ, что открыли мошенническое гнѣздо и, слѣдовательно, дали возможность уничтожить его, а, во-вторыхъ, дали возможность тѣмъ, кому то вѣдать надлежитъ, если только они захотятъ, вникнуть въ банковое дѣло въ Россіи и позаботиться о лучшемъ его устройствѣ. Конечно, со стороны Ландау и Полянскаго услуга эта невольная, которой они никакъ не желали и не могли желать, но я, вѣдь, не о томъ и хлопочу, чтобы поставили имъ памятникъ или чтобы ихъ не обвиняли по всей строгости, какая предписана закономъ, а говорю только, что они ничуть не болѣе, а, напротивъ, менѣе виноваты членовъ совѣта. Послѣдніе были истинные, настоящіе корни, какъ основы комплота, а они — только неизбѣжныя вѣтви. Что бы ни говорили члены совѣта, но они никакъ не могутъ доказать, что они не знали о тѣхъ подлогахъ и мошенничествахъ, которые дѣлались для составленія большинства общихъ собраній изъ подвластныхъ лицъ. Не могутъ потому, *во-первыхъ*, что новые члены правленія и совѣта не только утверждались, но и избирались не правленіемъ и совѣтомъ, но общимъ собраніемъ случайныхъ акціонеровъ. А между тѣмъ, всегда выходило такъ, что случайные акціонеры выбирали въ члены совѣта и правленія непремѣнно все родственниковъ и близкихъ друзей и товарищей между собою, или даже такихъ лицъ, которыя не были никому извѣстны въ цѣломъ городѣ и не были даже акціонерами, какъ Ландау, бывшій, сверхъ того, еще и банкротомъ? Каждый членъ совѣта, предполагая, что онъ не принималъ никакого участія въ подтасовкѣ общихъ собраній и даже ничего не зналъ о такой подтасовкѣ, долженъ былъ бы задать себѣ вопросъ: отчего происходитъ такое чудо? Отчего въ число членовъ совѣта и правленія никто не попадаетъ, кромѣ или родственниковъ, или товарищей и друзей? И, задавшись такимъ вопросомъ, натурально, долженъ былъ сильно заинтересоваться этимъ и докопаться до причины такого явленія. Вѣдь, чудесъ нынѣ не бываетъ, и въ числѣ членовъ совѣта, надѣюсь, не было идіотовъ, т.е. людей, на которыхъ бы, будь они не причастны дѣлу, подобная странность выборовъ не произвела никакого впечатлѣнія. А если такъ, то очевидно, что если нѣкоторые члены совѣта и не принимали сами непосредственнаго участія въ подтасовкѣ общихъ собраній, то хорошо знали, что эта подтасовка есть, слѣдовательно, знали, что составъ совѣта и правленія поддерживается и пополняется противузаконными средствами, подлогомъ и мошенничествомъ. Во-вторыхъ, было не мало такихъ членовъ совѣта, акціи которыхъ прямо переводились на имя ихъ родственниковъ, знакомыхъ, служащихъ у нихъ лицъ. Я думаю, что эти члены никакъ не могутъ отказаться даже отъ дѣятельнаго участія въ подтасовкѣ общихъ собраній. Участіе это было такъ обыкновенно въ ссудномъ коммерческомъ банкѣ, такъ вошло въ нравы этого почтеннаго общества, что его не всегда считали нужнымъ прикрывать даже внѣшнею законностію формальности. У г. Бостанджогло даже два малолѣтка, изъ которыхъ одному всего 13 лѣтъ, фигурировали въ качествѣ акціонеровъ на общемъ собраніи!!! У г. Борисовскаго также.

Я не пускаюсь въ дальнѣйшее изложеніе злоупотребленій въ ссудномъ коммерческомъ банкѣ, раскрытыхъ слѣдствіемъ и прокуратурою. Они поистиннѣ ужасающи, какъ это читатель увидитъ самъ по отчетамъ объ этомъ процессѣ. Впрочемъ, собственно къ существу дѣла, подробности эти ничего не прибавляютъ. Гдѣ во главѣ управленія образовался комплотъ, тамъ нельзя представить злоупотребленія невозможнаго и немыслимаго. Все возможно и мыслимо.

Моя мысль отъ ссуднаго коммерческаго банка невольно обращается къ безчисленному множеству другихъ разнаго рода существующихъ у насъ банковъ. Что, если въ числѣ ихъ есть только нѣсколько такихъ, въ которыхъ во главѣ управленія стоятъ такіе же комплоты, какъ и въ ссудномъ коммерческомъ банкѣ, составленные изъ родственниковъ, близкихъ товарищей и друзей?! Мы, вѣдь, не имѣемъ ни малѣйшаго понятія объ управленіи банковъ; контроля надъ ними никакого нѣтъ. Я уже обращалъ на это вниманіе читающей публики по поводу катастрофы въ этомъ же самомъ коммерческомъ ссудномъ банкѣ. Тогда я говорилъ только о возможности злоупотребленій въ каждомъ банкѣ, какъ скоро нѣтъ контроля надъ его дѣйствіями. Теперь есть данныя, доказывающія, что нѣкоторые наши банки находятся въ критическомъ положеніи; данныя, собранныя, къ стыду нашему, не нами, а иностранцами. Въ 142-мъ № «Биржевыхъ Вѣдомостей» напечатана слѣдующая выдержка изъ англійской газеты «Economist» о русскихъ вообще и, въ частности, о южныхъ русскихъ банкахъ.

«Мы уже говорили въ прошломъ году, по поводу дѣла Струсберга, что внезапное появленіе множества банковъ въ Россіи заключаетъ въ себѣ большую опасность. Въ отчетѣ нашего вице-консула Уэбстера обстоятельно показано, къ чему привела легкость, съ которою возникали въ Россіи банки въ послѣдніе годы, и потому, мы считаемъ небезъинтереснымъ привести нѣкоторыя данныя изъ этого отчета. До 1872 года, въ черноморскихъ портахъ, и, вообще, въ городахъ южнѣе Харькова, кромѣ Одессы, коммерческіе

банки были совершенно неизвѣстны, но около этого времени возникло множество акціонерныхъ банковъ. Для каждаго изъ нихъ было получено особое разрѣшеніе министра финансовъ, и всѣ они были подчинены множеству правилъ, очевидно придуманныхъ для обезпеченія ихъ солидности и надежности, но достигавшихъ прямо противоположной цѣли. Г. Уэбстеръ сообщаетъ: «Одновременно съ открытіемъ упомянутыхъ банковъ, возникло множество кредитныхъ обществъ и небольшихъ городскихъ банковъ, и не только всякій, у кого была земельная собственность, могъ получать подъ нее деньги почти на всю ея стоимость (иногда даже по высшей оцѣнкѣ), но и всякій, у кого былъ домъ или даже просто изба—имѣлъ ту же возможность. Подъ товары и земледѣльческіе продукты также дѣлались большія ссуды наличными деньгами, и для этого не требовалось даже, чтобы эти товары или продукты хранились въ складахъ банка. Такимъ образомъ, въ 1872 году, въ распоряженіе публики было разомъ предоставлено отъ 15,000,000 до 20,000,000 руб., и это—въ странѣ, гдѣ банковое дѣло было до той поры неизвѣстно. Значительная часть этой суммы пришлась на долю Николаева и Херсона, которые даже не имѣли привозной иностранной торговли. Толчокъ подѣйствовалъ электрически; деньги можно было получать за безцѣнокъ, такъ какъ что же значило платить 10% въ годъ помѣщику, платившему прежде отъ 1½ до 3% въ мѣсяцъ? Началась самая неистовая спекуляція; банки дисконтировали девятимѣсячные векселя, а чего же не могло случиться въ девять мѣсяцевъ? Помѣщики и арендаторы занимали деньги, положимъ, въ ноябрѣ, разсчитывая, что ко времени расплаты они соберутъ жатву и, такимъ образомъ, люди, засѣвавшіе 200 акровъ земли, начали засѣвать 1,000 акровъ. Былъ, напримѣръ, такой случай, что помѣщикъ, засѣвавшій обыкновенно 2,000 акровъ, арендовавъ землю въ придачу къ своей собственной, вспахалъ и засѣялъ 15,000 акровъ. Купцы расширяли свои обороты втрое. Дома выростали, какъ грибы, и тотчасъ же закладывались въ земельные банки. Доходы удвоились, кредитъ сдѣлался неограниченнымъ, и казалось, что наступила эра всеобщаго благоденствія. Люди, пускавшіе въ оборотъ свой собственный капиталъ, не могли конкурировать съ людьми, спекулировавшими на капиталы банковъ, рисковавшими всѣмъ и жившими съ небывалою роскошью. Но три неурожайные года положили конецъ самообольщенію. Банковый кризисъ произошелъ еще въ октябрѣ 1872 года, а 31-го декабря 1875 года акціи одесскаго, николаевскаго и кишиневскаго коммерческихъ банковъ, съ нарицательною цѣнностью по 250 руб., упали: первыя до 178-ми, вторыя—до 130-ти и третьи—до 128-ми руб. Еще одинъ неурожайный годъ — и въ Южной Россіи почти всѣ обанкротятся, потому что необходимый процентъ въ 2,000,000 фунт. стерл. нужно, во что бы то ни стало, получить съ земли, за неимѣніемъ другихъ источниковъ дохода. Коммерческіе банки, главное занятіе которыхъ состоитъ теперь въ возобновленіи и отсрочиваніи старыхъ векселей, нашли себѣ поддержку въ государственномъ банкѣ и могутъ дотянуть свое существованіе до снятія жатвы 1876 года. Но, если и нынѣшній годъ будетъ неурожайнымъ, то финансовый кризисъ на югѣ Россіи неизбѣженъ».

По этой выдержкѣ читатель можетъ судить, въ какомъ положеніи находится наше банковое дѣло. Вотъ почему желательно, чтобы возможно ярче искусною рукою было изображено патологическое положеніе ссуднаго коммерческаго банка за все время его существованія, чтобы вѣрно были объяснены какъ тѣ первоначальныя причины, отъ которыхъ оно произошло, такъ и тѣ, послѣдующія, которыя усилили его, развили и привели банкъ къ кризису и крушенію. Такое разъясненіе дѣла ссуднаго коммерческаго банка было бы полезно какъ тѣмъ, что произвело бы сенсацію въ обществѣ и заставило бы его обратить вниманіе на ходъ дѣлъ въ банкахъ, такъ и тѣмъ, что указало бы, на какія именно стороны здѣсь нужно обратить вниманіе и какихъ искать или требовать улучшеній. Одно время говорили, что всѣ потерпѣвшіе хотѣли сложиться и пригласить адвоката для веденія ихъ иска. И это, мнѣ кажется, необходимо для нихъ. Ихъ интересы поставлены въ неразрывной связи съ правильнымъ разъясненіемъ дѣла. А то, вѣдь, можетъ случиться такъ, что самые состоятельные изъ подсудимыхъ случайно будутъ оправданы, а случайно обвиненные не будутъ въ состояніи вознаградить тѣхъ растратъ, которыя сдѣланы бывшимъ управленіемъ. Что-жъ тогда? Впрочемъ, время не ушло еще; изъ петербургскихъ адвокатовъ въ Москву взятъ пока одинъ Утинъ, и потерпѣвшіе могутъ пригласить себѣ въ защитники г. Спасовича, лучше котораго едва ли кто съумѣетъ освѣтить такое сложное и запутанное дѣло, какъ дѣло ссуднаго коммерческаго банка.

Впрочемъ, я желалъ бы видѣть г. Спасовича защитникомъ со стороны потерпѣвшихъ, а никакъ не со стороны подсудимыхъ—Боже сохрани! Г. Спасовичъ—такой человѣкъ, что объ немъ нельзя иначе говорить, какъ: «съ одной стороны, нельзя не признаться, а, съ другой стороны, нельзя не сознаться». Вотъ и теперь есть одно такое дѣло, что нельзя не сознаться... Но я помолчу о немъ до времени. Оно еще пойдетъ въ судебную палату. Объ одномъ прошу гг. стенсграфистовъ, чтобы они всѣ рѣчи г. Спасовича записывали дословно, а въ особенности тѣ рѣчи, посредствомъ которыхъ г. Спасовичъ засаживаетъ литераторовъ въ тюрьму. Г. Спасовичъ давно уже не обращаетъ никакого вниманія на то, что говоритъ о немъ современная пресса; въ самомъ дѣлѣ, эта пресса такъ безсильна по отсутствію всякой въ ней солидарности, что ея мнѣніе можно игнорировать совершенно безнаказанно. Пусть же

помнитъ г. Спасовичъ, что онъ передъ потомствомъ выступитъ такимъ, какимъ онъ былъ и есть. Можетъ быть, онъ постыдится потомства. А, впрочемъ, если г. Спасовича и мысль о потомствѣ не пройметъ, что́ весьма вѣроятно, то записываемыя дословно рѣчи г. Спасовича будутъ все-таки полезны для исторіи нашего времени.

Г. Спасовичъ—не кто-нибудь: онъ—историческій человѣкъ; онъ представляетъ собой самое характерное, самое типическое выраженіе нашего общества, хаотическаго, распущеннаго, неимѣющаго никакого знамени. Прослѣдите г. Спасовича съ того времени, когда онъ былъ профессоромъ, когда издалъ свой учебникъ уголовнаго права, шагъ за шагомъ, до настоящаго времени, и вы ужаснетесь тѣмъ превращеніямъ, которыя можетъ производить русская жизнь.

Я уже заявлялъ, помнится, разъ, что я чувствую слабость къ г. Спасовичу. Я могу довольно спокойно и равнодушно смотрѣть на всѣ гадости, которыя дѣлаются кругомъ; я къ нимъ привыкъ, но потому ли, что я — современникъ лучшихъ дней г. Спасовича, потому ли, что мнѣ симпатиченъ его талантъ, потому ли наконецъ, что настоящее не представляетъ никакого просвѣта впередъ и приходится жить только старымъ, но во мнѣ болѣзненно отзывается каждый неправильный шагъ, сдѣланный г. Спасовичемъ, точно будто я самъ ступилъ въ какую-то грязь, точно я самъ сдѣлалъ какую-нибудь гадость.

Эхъ! если бы двадцать годковъ съ плечъ долой, съ какимъ бы удовольствіемъ я вскинулъ ружье на плеча и ушелъ на борьбу за свободу славянства, на чистую святую борьбу:

и отъ этихъ юныхъ либераловъ, которые на разныхъ поприщахъ общественной жизни заботятся только о томъ, какъ бы невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти,

и отъ этихъ бывшихъ либераловъ, которые сбросили съ себя всякій декорумъ и открыто играютъ роль іезекіилевской блудницы, которая «*при началѣ каждой дороги устраиваетъ себѣ возвышенія, позоритъ красоту свою и раскидываетъ ноги свои для всякаго мимоходящаго*»,

и отъ этого ничтожнаго, безнравственнаго общества, которое уже болѣе ста лѣтъ болтаетъ о великихъ, возвышенныхъ идеяхъ и благородныхъ порывахъ и которое, въ дѣйствительности, никакихъ стремленій, кромѣ стремленій къ наживѣ, не проявляетъ, и въ которомъ не представляется пока никакого просвѣта въ будущемъ. Да́, именно никакого просвѣта. Г. Дмитріевъ-Мамоновъ весьма справедливо говоритъ, что самая высшая безнравственность общества состоитъ въ атомистической его разъединенности. Въ такомъ именно состояніи находится русское общество по отношенію къ добру. Посмотрите, въ какіе крѣпкіе, плотно сплоченные, покрытые непроницаемою бронею, шайки или комплоты смыкаются всѣ искатели наживы, всѣ кавалеры индюстріи высшаго порядка. Возьмите хоть бывшій московскій ссудный коммерческій банкъ и разные другіе банки и общества акціонерныя разныхъ сортовъ и видовъ, само собою разумѣется, въ лицѣ персонала ими заправляющаго—и вы вездѣ найдете единъ духъ и едино сердце не только внутри ихъ самихъ, но и полную солидарность со всѣми другими обществами для общихъ цѣлей наживы. Оттого ихъ и сила. Взгляните теперь, въ какомъ разъединеніи, разобщеніи, разорванности находятся нравственные интересы. Представителями ихъ служатъ отдѣльныя личности, разсѣянныя въ цѣломъ обществѣ и находящіяся внѣ всякой связи между собою. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда люди, повидимому, солидарные между собою, условливаются дѣйствовать для какой-нибудь нравственной цѣли и соединяются въ общества, общества эти не пріобрѣтаютъ никогда и тѣни того единодушія, той связности, той крѣпости, которыми отличаются банковыя и другія подобныя общества, а влачатъ обыкновенно свое жалкое существованіе, удерживаясь только въ механической связи. Даже литература, когда-то лучшая представительница нравственныхъ интересовъ, день ото дня, все болѣе и болѣе теряетъ свой прежній характеръ. Съ одной стороны, во главѣ ея становятся люди, неимѣющіе никакого къ ней отношенія, которые смотрятъ на нее, какъ на выгодную спекуляцію, и эксплуатируютъ ее просто въ цѣляхъ наживы; съ другой, что́ остается въ ней, повидимому, и солидарнаго, находится въ полномъ разъединеніи, разорванности: это—войско въ разсѣяніи, дѣйствующее безъ вождей, безъ системы, безъ плана, въ разсыпную, потому не только вполнѣ безсильное въ своемъ дѣйствіи для какихъ-нибудь внѣшнихъ цѣлей, но и не благонадежное само въ себѣ, потому что каждый, дѣйствуя изолированно, по собственному усмотрѣнію, часто бьетъ не туда, куда слѣдуетъ, а, кромѣ того, легко подвергается всѣмъ искушеніямъ деморализаціи. Оттого нерѣдко и бываетъ, что человѣкъ, котораго вы считаете солидарнымъ съ собою, вдругъ начинаетъ говорить нѣчто такое несообразное, что́ косвенно въ корнѣ разрушаетъ ваши собственные и его принципы и воззрѣнія. А насчетъ искушеній деморализаціи бываетъ и того хуже: вотъ, вы смотрите на извѣстнаго, дѣйствующаго въ литературѣ человѣка, какъ на наиблагонадежнѣйшаго, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ «на столбъ и утвержденіе истины»; ну, да́, думаете вы, тутъ несомнѣнно и крѣпость, и сила, и даже матеріальная обстановка такая, что какое-нибудь хамелеоновское превращеніе невозможно, и на другой же день открываете глаза и видите, что крѣпость и сила учинили пакость и учинили безъ всякой нужды. Еслибы въ наше время жилъ «*неистовый Виссаріонъ*», то онъ, навѣрное, безъ всякой чахотки, отъ одного непрестаннаго раздраженія и злобствованія, задохся бы въ удушающей атмосферѣ современной литературы.

Октябрь 1876.

Расхищеніе земскихъ сундуковъ въ пользу славянъ.—Усердіе исправниковъ и становыхъ въ собираніи пожертвованій для славянъ.—Банкротство хвалынскаго земства и его жертва въ пользу славянъ.—Отношеніе славянскаго комитета къ земскимъ сундукамъ.—Позволительно ли и даже нужно ли раздавать земскія деньги славянамъ?—Отсутствіе всякаго порядка и мотовство въ употребленіи собираемыхъ на славянъ пожертвованій какъ въ Сербіи, такъ и у насъ въ Россіи.—Книга Скэйлера о Туркестанѣ.—Брошюра Лазаревскаго о волкѣ.—Содѣйствіе нашихъ земствъ къ распространенію у насъ волковъ.

Внутреннимъ обозрѣвателямъ нынѣ совсѣмъ стало плохо; до того плохо—хоть закрывай лавочку. Въ виду бѣдствій славянъ, Россія, повидимому, совершенно забыла, что она и сама существуетъ на свѣтѣ и будетъ существовать, что у нея есть и свои дѣла неотложныя, о которыхъ надобно заботиться, о которыхъ нельзя не заботиться—въ противномъ случаѣ, можетъ быть плохо ей самой. Она вся превратилась въ самоотверженіе и въ настоящій моментъ ни о чемъ болѣе не думаетъ, какъ о славянахъ—о томъ, что дѣлается на Балканскомъ полуостровѣ, и ни о чемъ болѣе не хлопочетъ, какъ о томъ, чтобы скорѣе помочь славянамъ. Какую бы теперь внутреннюю корреспонденцію вы ни стали читать—изъ большихъ ли городовъ, изъ маленькихъ ли, изъ самыхъ ли захолустныхъ мѣстечекъ—вездѣ вы встрѣчаете одни и тѣже извѣстія о славянахъ, и только о славянахъ. Городъ или собираетъ пожертвованія на славянъ, или снаряжаетъ добровольцевъ на войну, или провожаетъ ихъ съ ликованіями. Вездѣ одно и тоже: точно внутренная жизнь самой Россіи повсюду замерла и ни у кого никакихъ своихъ дѣлъ нѣтъ. Страсть къ славянамъ до того охватила всѣхъ, что мы, повидимому, забыли, что мы и сами—славяне, живемъ среди славянъ, нуждающихся въ помощи—ничуть не менѣе славянъ балканекихъ, и что намъ никакъ не позволительно обирать своихъ чадъ въ пользу дальнихъ родственниковъ и даже, если угодно, братьевъ. Я говорю *чадъ*, ибо, если мы называемъ балканскихъ славянъ нашими братьями, то нашихъ мужичковъ мы не можемъ назвать иначе, какъ нашими чадами. А ихъ то мы и начинаемъ обирать въ пользу братьевъ славянъ. Вотъ недавно еще я читалъ, что земства: весьегонское (Тверской губ.) и крестецкое (Новгородской губер.) положили взять изъ земскихъ суммъ по 1000 руб. для того, чтобы снарядить добровольцевъ въ Сербію. На мой взглядъ, подобное опредѣленіе земствъ нельзя назвать иначе, какъ изступленіемъ!—Но обирательство совершается не однимъ этимъ путемъ: оказывается, что пожертвованія въ пользу славянъ по селамъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, собираются становыми и исправниками. Такъ, изъ одной слободы Воронежской губерніи *Уразовой* писали въ «Биржевыя Вѣдомости», что «въ пользу страждущихъ славянъ мѣстный приставъ въ короткое время (!) собралъ въ этой слободѣ 500 р.» Въ «Голосъ» пишутъ изъ Новосиля, что особенно замѣтно сочувствіе къ славянамъ въ массѣ бѣднѣйшаго населенія, готоваго отдать въ пользу славянъ послѣднюю копѣйку, и что мѣстный исправникъ принимаетъ на себя всевозможныя хлопоты по сбору пожертвованій.

Господи помилуй! Исправники и становые собираютъ пожертвованія въ пользу славянъ съ крестьянскаго населенія!! Но кто-же у насъ не знаетъ, что крестьянское наше населеніе пока такъ пришибенно и безотвѣтно, что, если исправники и становые будутъ собирать съ него пожертвованія—не то, что въ пользу славянъ, а кого угодно, хоть въ пользу китайцевъ, японцевъ и даже турокъ—пожертвованія будутъ собраны огромныя. Можно ли такія деликатныя порученія, какъ сборъ пожертвованій съ крестьянъ, давать нашимъ исправникамъ и становымъ? Еслибы становой и исправникъ былъ честнѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ, каковымъ мы и предполагаемъ уразовскаго станового и новосильскаго исправника, но, разъ они состоятъ въ подобной должности, одно слово ихъ имѣетъ давленіе на крестьянъ, ставитъ послѣднихъ въ несвободное, принужденное положеніе къ пожертвованіямъ. Крестьянинъ непремѣнно дастъ пожертвованіе, хотя бы и не хотѣлъ дать, коль скоро къ пожертвованію приглашаетъ его исправникъ или становой, даже еслибъ послѣдніе прямо говорили ему, что «ты братецъ, какъ хочешь: можешь давать и не давать, это твое дѣло».

Я удивляюсь, какъ такой простой вещи не понимаютъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ поручается сборъ пожертвованій исправникамъ и становымъ. А еще болѣе удивляетъ меня: что тамъ дѣлаетъ и смотритъ земство? Не на него ли «Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ» возложена забота о благосостояніи крестьянъ и охраненіе ихъ имущественныхъ интересовъ? И какимъ образомъ оно можетъ позволить, чтобы сборъ пожертвованій въ крестьянской средѣ производился полицейскими чиновниками, когда ему всего прилич-

нѣе и удобнѣе было бы дѣлать это самому, тѣмъ болѣе, что среди него есть гласные и изъ крестьянъ. Оно, конечно: и гласный изъ крестьянъ для простого крестьянина есть, нѣкоторымъ образомъ, уже персона, но, все таки, персона не такъ страшная, какъ становой или исправникъ, и крестьянинъ, во всякомъ случаѣ, относился бы къ нему съ большею смѣлостью и свободою, а потому и относительно свободы крестьянскихъ пожертвованій не могло бы возникать тѣхъ сомнѣній, которыя не могутъ не возникнуть теперь, когда эти пожертвованія собираются становыми и исправниками, въ особенности—когда они производятся съ такою быстротою, съ какою производилъ ихъ становой въ слободѣ Уразовой. Чтобы въ какой-нибудь Уразовой слободѣ набрать въ короткое время 500 р., для этого, какъ хотите, надобно имѣть какой-нибудь талисманъ! Мы видимъ, что и въ городахъ, и даже большихъ городахъ, и даже столицахъ, пожертвованія дѣлаются не ахти какія громадныя. Люди, получающіе по нѣсколько тысячъ, и даже десятковъ тысячъ, даютъ по 100, 150 и 300 рублей въ годъ, и это уже много! А слобода Уразова—не Богъ вѣсть что такое! Положимъ, что она принадлежитъ къ числу лучшихъ, богатыхъ селеній Воронежской губерніи. Но есть гораздо лучше и богаче ея, и многолюднѣе, напримѣръ: слободы Бутурлиновка, Алексѣевка. Если въ Уразовой, въ короткое время, можно было собрать пожертвованій 500 р., то въ послѣднихъ, еще въ болѣе короткое время, можно было бы собрать въ каждой и до 3,000, и до 5,000 руб. Однако, о пожертвованіяхъ изъ Бутурлиновки и Алексѣевки что то даже и совсѣмъ не слышно. Все, значитъ, зависитъ отъ того—кто возьмется собирать пожертвованія и какъ. Я, конечно, никакъ не хочу этимъ сказать, чтобы въ слободѣ Уразовой пожертвованія собирались грубо—принудительно; я не хочу сказать даже того, чтобы были употребляемы какія нибудь настойчивыя разъясненія для того, чтобы склонить крестьянъ къ пожертвованію. Нѣтъ: я утверждаю просто, что, какъ скоро такой важный для деревни полицейскій чинъ, какъ становой или исправникъ, сдѣлаетъ простое приглашеніе къ пожертвованію, то не соотвѣтствовать такому приглашенію не рѣшится ни одинъ крестьянинъ, хотя бы внутренно онъ и не имѣлъ никакого расположенія жертвовать. И мое мнѣніе такое, что никогда и ни въ какихъ случаяхъ полицейскіе чины не должны дѣйствовать для сбора добровольныхъ пожертвованій: это совершенно несовмѣстимо съ ихъ профессіей.

Повторяю, что удивительно, какъ всего этого не понимаетъ земство, затѣмъ и существующее, чтобы блюсти крестьянскіе интересы, а еще удивительнѣе, что оно не только допускаетъ въ крестьянскую среду подобныхъ сборщиковъ добровольныхъ, якобы, пожертвованій, но и само не брезгаетъ принудительнымъ способомъ для сбора пожертвованій. Нужно ему жертвовать—оно сейчасъ запускаетъ руку въ земскій сундукъ и извлекаетъ сколько ему нужно. «Жертвую, дескать—извольте». При этомъ, земство каждый разъ могло бы говорить тому, кому вручаетъ такое пожертвованіе: «деньги эти—не мои, не моимъ хребтомъ добыты, и я даю ихъ вамъ безъ воли хозяина, но вы этимъ не смущайтесь: хозяинъ ихъ, мужикъ, по моей милости, остается пока, славу Богу, невѣжей и простофилей, и онъ не пикнетъ, куда бы я ни швырялъ его деньги». Разъ, въ началѣ еще герцеговинскаго возстанія, земствамъ было уже разъяснено оффиціально, что они не имѣютъ права давать земскимъ суммамъ никакого другого назначенія, кромѣ того, для котораго они собираются и хранятся. Но такого разъясненія оказывается имъ недостаточно. Опять, какъ видите, весьегонское и крестецкое земства пристраиваются къ земскимъ сундукамъ и насчетъ бѣдныхъ мужичковъ хотятъ блистать пожертвованіями!

Сегодня въ газетѣ «Новое Время», въ одномъ 215 №, я прочиталъ два извѣстія относительно щедрости земствъ изъ чужихъ кармановъ, еще болѣе удивительныя.

Одно извѣстіе гласитъ: «По словамъ мѣстнаго «Листка», въ Саратовѣ получена изъ Петербурга отъ славянскаго комитета слѣдующая телеграмма: «Умоляемъ пригласить земство жертвовать страждущимъ славянамъ деньгами, одеждой. Нужды громадны, удовлетвореніе неотложно, средства же славянскаго комитета истощены. Пересылайте деньги комитету телеграфомъ». Эта телеграмма, прочитанная въ послѣднемъ засѣданіи *хвалынскаго* земскаго собранія, имѣла результатомъ, что хвалынское земское собраніе постановило: ассигновать въ пользу страждущихъ славянъ 1,000 руб. сер., испросивши предварительно на это пожертвованіе надлежащее разрѣшеніе».

Другое извѣстіе, въ слѣдующемъ столбцѣ того же №, сообщаетъ: «Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» пишутъ: нѣкоторыя уѣздныя земскія управы Херсонской губерніи, по необходимости, должны будутъ пойдти по стопамъ *хвалынской* управы, Саратовской губерніи, которая (управа), съ перваго августа, прекратила всѣ платежи по неимѣнію въ ея кассѣ суммъ уѣзднаго земскаго сбора. Давно уже наши управы осаждаются учителями, содержателями почтъ, владѣльцами контрамарокъ, подрядчиками, разными служащими и друг., которые иногда за 100 верстъ являются за полученіемъ денегъ и, не получивъ ихъ, возвращаются обратно, чтобы черезъ мѣсяцъ вновь отправиться за тѣмъ же» и т. д.

Какъ вамъ нравится это усердіе хвалынскаго земства! Съ одной стороны—прекратить всѣ платежи служащимъ у него лицамъ по неимѣнію въ кассѣ денегъ, съ другой—вызываться на пожертвованіе въ пользу славянъ 1,000 р. Вѣдь, это—совсѣмъ какъ въ Турціи! Тамъ, въ настоящее время, служить заставляютъ, а жалованья слу-

жащимъ не даютъ, обращая его на военныя издержки. Но тамъ, все-таки, больше смысла. Каждый мусульманинъ можетъ утѣшаться тѣмъ, что неотданныя ему деньги идутъ на защиту его отечества, въ трудную годину послѣдняго; далѣе онъ можетъ надѣяться, что то, что недодано ему теперь, будетъ съ лихвою возвращено ему впослѣдствіи, когда его отечество восторжествуетъ. Что же здѣсь въ хвалынскомъ земствѣ? Вѣроятно, очень многіе изъ служащихъ въ хвалынскомъ земствѣ вовсе не заинтересованы тѣмъ: существуютъ на свѣтѣ Сербія, Болгарія и даже весь Балканскій полуостровъ, или не существуютъ? Да и требовать отъ нихъ нельзя, чтобы они относились къ братьямъ славянамъ такъ же горячо, какъ, напримѣръ, славянскій комитетъ или хвалынское земство, готовое для нихъ насильно вытаскивать деньги изъ чужихъ кармановъ. И родной братъ не всегда любитъ родного брата. Тѣмъ болѣе нельзя никого насильно заставлять любить славянъ. Это—дѣло чисто личнаго міросозерцанія и вкуса. А потомъ иной можетъ и любить славянъ и готовъ бы былъ жертвовать для нихъ. Но ему не до славянъ: у него своихъ славянъ-дѣтей цѣлый домъ. Во имя чего же хвалынское земство считаетъ себя вправѣ лишать служащихъ у него жалованья, препровождая необходимыя для этого деньги въ Сербію? Быть можетъ, оно надѣется, что, когда Сербія и вообще славяне восторжествуютъ, то они сторицею возвратятъ ему то, что оно пошлетъ имъ теперь, и, слѣдовательно, сторицею вознаграждены будутъ и потерпѣвшіе служащіе въ земствѣ?—Но, вѣдь, земство очень хорошо знаетъ, что этого ни въ какомъ случаѣ надѣяться нельзя, что посланныя славянамъ деньги для хвалынскаго земства—вполнѣ потерянныя деньги, и, чтобы вознаградить ихъ и удовлетворить служащихъ, оно должно снова и неизбѣжно обратиться къ тому же источнику, изъ котораго главнымъ образомъ черпаетъ всѣ свои доходы—къ мужичкамъ, т. е. взять съ нихъ во второй разъ ту тысячу, которую оно, безъ всякаго права, хищнически отдало славянамъ.

Хорошъ, нечего сказать, и славянскій комитетъ! Нѣтъ денегъ для славянъ—сейчасъ телеграмму въ земскія кассы: «посылайте, дескать, намъ денегъ, да посылайте телеграфомъ», т. е. возьмите изъ земскихъ сундуковъ и—немедленно къ намъ. Вѣдь, не отнесется вотъ съ такою просьбою славянскій комитетъ въ дворянскія общества, въ купеческія общества и т. п. Знаетъ, что тамъ сдачи дадутъ: «съ какой, дескать, вы стати это къ намъ? Что мы, казначейство ваше—что-ли? Какъ православное благотворительное общество, вы должны, прежде всего, обращаться ко всѣмъ православнымъ христіанамъ съ изъясненіемъ своихъ нуждъ и, затѣмъ уже, можете просить и частныя общества о содѣйствіи, насколько они могутъ, а вовсе не писать намъ: «присылайте деньги телеграфомъ». Если дѣло идетъ о добровольныхъ пожертвованіяхъ, то ихъ надобно сначала собрать, а на это потребуется столько времени, что деньги и почта успѣютъ довезти. По телеграфу можно высылать только готовыя, уже лежащія въ сундукахъ. А таковыхъ въ нашихъ обществахъ, какъ имѣющихъ свои опредѣленныя цѣли, вовсе не припасено для васъ».

Такъ отвѣтило бы славянскому комитету всякое общество и учрежденіе. Но земство такъ не отвѣтитъ. У него на чужія деньги — широкое сердце.

Наши земцы—я разумѣю здѣсь только руководителей земствъ—удивительный народъ. Они никакъ не могутъ или не хотятъ понять того, что, если они не въ состояніи съ толкомъ и умѣньемъ употреблять народныя деньги на тѣ именно цѣли, для которыхъ онѣ собираются и на которыя только ихъ и позволено употреблять закономъ, то земствамъ и существовать не для чего. Охотниковъ швырять народныя деньги на прихоти, куда ни попало, у насъ всегда было много и безъ земства, и таковые, навѣрное, и впредь не оскудѣютъ, еслибъ земства и прекратили свое существованіе. Тѣ или другія общественныя, даже самыя возвышенныя и благородныя увлеченія, каково нынѣшнее увлеченіе славянскимъ дѣломъ, никакъ не могутъ служить для земствъ ни оправданіемъ, ни даже извиненіемъ въ употребленіи земскихъ денегъ на другія какія нибудь цѣли, хотя бы на самыя распрекрасныя, а не на тѣ, на которыя они предназначаются закономъ. Напротивъ: именно во время всеобщихъ увлеченій руководители земствъ и должны оставаться недоступными этимъ увлеченіямъ, какъ скоро дѣло доходитъ до земскихъ сундуковъ, и смотрѣть въ оба за своими слабонервными и не владѣющими собою собратами, чтобы они не произвели здѣсь, подъ тою или другою благовидною формою, въ дѣйствительности, однакожъ, незаконнаго хищенія въ прямой ущербъ и тяготу земскимъ плательщикамъ. Впрочемъ, на нашъ взглядъ, нынѣшнее увлеченіе славянскимъ дѣломъ—вовсе не такого рода, чтобы со стороны земцевъ требовалась особенная какая нибудь стойкость и крѣпость удержаться отъ искушенія залѣзать въ земскій сундукъ. Ибо, во-первыхъ, частныя пожертвованія въ пользу славянъ и вещами и деньгами поступаютъ въ такомъ обиліи, что, при благоразумномъ употребленіи, ихъ хватило бы на все—и на войну, и на раненыхъ, и на голодающихъ, и, наконецъ, даже на волонтеровъ, приливающихъ въ Сербію. Слѣдовательно, нѣтъ никакой причины раскрывать еще земскіе сундуки, исключая тѣхъ развѣ случаевъ, когда, по воспоминанію о земскомъ человѣкѣ Кузьмѣ Мининѣ, тому или другому земству приходитъ въ голову тщеславная мысль выставить на сербскую войну непремѣнно свою особую дружину земскую (само собою разумѣется—съ имя рекомъ земства); но тѣмъ, у кого

есть желаніе наряжать свои особыя дружины, хорошій примѣръ показали гласные старицкаго земства. Они обложили себя всего однимъ процентомъ съ каждой десятины и доходнаго рубля и собрали цѣлыхъ 6,000 р., чего вполнѣ достаточно на дружину. Размѣръ пожертвованія—одинъ процентъ съ десятины и доходнаго рубля—не особенно важный; но именно неважность-то для насъ и важна въ данномъ случаѣ. Она показываетъ намъ, какъ руководители и всѣхъ земствъ, слѣдуя примѣру старицкаго, могли бы, вовсе не касаясь земскихъ сундуковъ, дѣйствовать и дѣлать пожертвованія, а не расхищать чужое добро, для храненія котораго они приставлены. Во-вторыхъ, въ настоящее время, сербская война находится въ такой стадіи, что для всѣхъ должно быть ясно, что, какія бы мы жертвы на нее ни приносили и сколько бы сербы побѣдъ ни одерживали, это можетъ имѣть тотъ или другой результатъ для одной Сербіи, а никакъ не для всего славянскаго вопроса. Для рѣшенія послѣдняго въ желанномъ направленіи нужна другая сила, по крайней мѣрѣ, въ десятеро, если не болѣе, покрѣпче сербской. Изъ этого, конечно, никакъ не слѣдуетъ, что мы должны оставить сербовъ безъ помощи; но несомнѣнно, что той частной помощи, которая до сихъ поръ оказывается сербамъ со стороны Россіи, за глаза довольно, тѣмъ болѣе, что наши коренныя силы и фонды на всякій случай, въ видахъ не одной Сербіи, но и всѣхъ славянъ, мы должны приберегать. Что будетъ въ очень недалекомъ будущемъ, какое теченіе примутъ событія на Востокѣ—пока еще неизвѣстно; очень возможно, что отъ насъ въ скоромъ времени потребуется самое крайнее напряженіе силъ, когда придется раскрыть не только земскіе, но и всевозможные казенные и общественные сундуки на всемъ пространствѣ русской земли. Наконецъ, держась древней латинской пословицы: «Plato amicus, sed magis amica veritas», извѣстной на русскомъ языкѣ въ переводѣ «Варвара мнѣ — тетка, а правда—мать», почему не сказать и такой правды, что большая часть нашего общества вовсе не имѣетъ никакого понятія о положеніи славянъ и очень ошибается, когда думаетъ, что нашъ народъ пользуется гораздо большимъ благосостояніемъ, чѣмъ славяне. Въ дѣйствительности, это совсѣмъ не такъ. Въ самыхъ лучшихъ мѣстностяхъ Россіи никогда русскій мужикъ не живетъ въ такомъ довольствѣ, въ какомъ живутъ вообще сербы. Населеніе Болгаріи, христіанское, конечно, не пользуется такимъ благосостояніемъ, какъ сербское, но съ нашимъ народомъ и оно въ этомъ отношеніи потягается. Правда, мусульманскій гнётъ сильно принижаетъ уровень благосостоянія Болгаріи; но, вѣдь, не безъ гнёта живетъ и нашъ народъ. Посмотрите хоть бы на земства. Со времени появленія земскихъ учрежденій, сколько земскихъ денегъ—не говоримъ растрачено на пустяки и расхищено тайно: этихъ уже не будемъ считать,—а просто прямо пропало при помощи лучшихъ представителей земства, хранителей земскихъ сундуковъ? Жаль, что никто не приметъ на себя труда составить подробную лѣтопись такихъ хищеній,—а похищенныя суммы, навѣрное, оказались бы громадными. Рѣдкій, вѣдь, проходитъ мѣсяцъ, чтобы не встрѣчались въ газетахъ извѣщенія о расхищеніяхъ земскихъ денегъ въ какомъ-нибудь изъ земствъ въ той или другой формѣ. Вотъ и теперь читаемъ мы слѣдующее извѣстіе изъ Костромы:

«Вотъ еще случай довольно страннаго обращенія съ общественными суммами. На этотъ разъ героемъ дѣла является членъ уѣздной управы, г. Горчаковъ. Дѣло обнаружено случайно, несмотря на то, что начало его относится еще къ 1873 году. Мѣстный уѣздный предводитель дворянства, находясь въ Богословской волости, потребовалъ отъ волостного правленія книги переходящихъ суммъ. Встрѣтивъ въ нихъ квитанціи, выданныя Горчаковымъ въ пріемѣ денегъ, онъ просилъ управу навести справки: поступили ли означенныя суммы въ кассу послѣдней? Такъ какъ деньги по книгамъ управы не значились, то ревизіонная коммиссія подробно свѣрила всѣ документы, выданные Горчаковымъ Богословской волости, съ книгами управы, причемъ оказалось, что въ теченіи 1873 и 1874 гг. Горчаковъ, получивъ отъ той волости 2,344 р., выдалъ документы отъ своего лица, а не отъ управы. Кромѣ того, коммиссія, ревизовавшая отчетъ управы за 1875 годъ, нашла, что Горчакову неоднократно были выдаваемы суммы на производство расходовъ по разнымъ работамъ, но при отчетахъ объ израсходованіи денегъ не приложено необходимыхъ документовъ. Въ свое оправданіе, управа объяснила, что неимѣніе документовъ составляетъ только несоблюденіе формальной стороны дѣла; въ дѣйствительности же, расходы произведены соотвѣтственно даннымъ назначеніямъ, въ чемъ всегда можно убѣдиться, освидѣтельствовавъ разныя сооруженія, напримѣръ — зданіе для больницы и друг. Для удостовѣренія въ томъ, нѣтъ ли отступленій отъ установленнаго порядка и по другимъ волостямъ, была образована особая коммиссія, которой также поручено: войти въ разсмотрѣніе дѣйствій управы въ отношеніи сборовъ, налоговъ, недоимки и счетоводства, съ тѣмъ чтобы результаты повѣрки были представлены на обсужденіе экстреннаго уѣзднаго земскаго собранія. Послѣ многихъ по поводу настоящей исторіи пререканій между гласными земскаго собранія, предсѣдатель управы, г. Зузинъ, отказался отъ должности. Когда новый составъ управы сталъ принимать дѣла, то въ числѣ ихъ не оказалось: двухъ книгъ кассы и двухъ книгъ квитанцій за 1873 и 1874 гг., а также двухъ книгъ приходнаго журнала за 1872—75 г., которыя исчезли неизвѣстно куда. Вслѣдствіе этого, единственнымъ матеріа-

ломъ, на которомъ коммиссія могла основать свои занятія, остались окладныя книги. Книги эти, какъ оказалось, ведены небрежно, съ помарками, поправками, безъ итоговъ. Нѣкоторые плательщики, съ числившимися на нихъ окладами и недоимками, вовсе исключались изъ книгъ управою, а многіе землевладѣльцы въ теченіи четырехъ лѣтъ не платили сборовъ. По требованію коммиссіи, всѣ волостныя правленія и плательщики доставили окладные листы, причомъ обнаружились еще другіе случаи отступленія отъ установленнаго порядка. По окладнымъ книгамъ назначался сборъ болѣе противъ раскладки земскаго собранія всего, въ теченіи четырехъ лѣтъ—на 26,245 р. Цифра недоимки по отчетамъ управы показывалась неправильно: уменьшеніе ея противъ дѣйствительности въ 1876 году составляло 16.560 руб. Цѣнность имущества, подлежащаго обложенію, показывалась менѣе противъ окладныхъ книгъ за четыре года на 3.415,423 р. Наконецъ, поступленіе, по отчетамъ управы, показано менѣе противъ прихода окладныхъ книгъ на 9,346 р.»

Вотъ и посчитайте теперь: сколько пропало денегъ въ костромскомъ земствѣ? Въ Болгаріи обираютъ народъ сборщики податей, взявшіе ихъ на откупъ; у насъ обираютъ его и дѣятели земства, и волостные сборщики податей и... да что тутъ и говорить! Всѣмъ извѣстно, что положеніе народа въ этомъ отношеніи не особенно утѣшительно. Въ большей части мѣстностей нашъ народъ по своему благосостоянію не можетъ равняться ни съ болгарами, ни тѣмъ болѣе съ сербами.

Повторяю, что все это я говорю никакъ не къ тому, что мы не должны помогать славянамъ. Напротивъ: въ настоящую минуту, это—нашъ священный долгъ. Въ жизни народовъ, какъ и частныхъ лицъ, бываютъ такія несчастныя годины, что иногда послѣдніе бѣдняки—тѣ, у которыхъ нѣтъ ничего за душою, кромѣ кошеля за плечами—обязаны бываютъ развязывать и этотъ кошель и питать изъ него вчерашнихъ богачей. Въ такомъ именно отношеніи стоимъ мы въ послѣднее время къ сербамъ и болгарамъ. Страны ихъ не только обременены тягостями войны, но, въ полномъ смыслѣ слова, нарочито раззорены, опустошены турками. Десятки тысячъ народа лишились всякаго крова и пропитанія. Все, что можетъ сдѣлать частная благотворительность Россіи, она должна дѣлать, чтобы облегчить и помочь избавиться своимъ собратамъ навсегда отъ Турціи. Но одно дѣло—деньги, исходящія отъ частной благотворительности и жертвуемыя именно для этого дѣла, и совсѣмъ другое дѣло—общественныя земскія деньги, собранныя съ народа совершенно для другихъ цѣлей и имѣющія свое опредѣленное назначеніе. Всякій, постановленный при земскомъ сундукѣ, долженъ бы былъ понимать, что у насъ въ земскихъ сундукахъ лишнихъ денегъ нѣтъ и быть не можетъ—у насъ неудовлетворены пока самыя первыя потребности, забота о которыхъ возложена на земство—что главный поставщикъ земскихъ денегъ, мужикъ, большею частію, бѣденъ и не въ состояніи выносить и тѣ земскія тяготы, которыя требуются на кровныя неотложныя его нужды, а потому состоитъ въ постоянныхъ недоимкахъ, и что увеличивать еще эти тяготы, жертвуя кровныя, собранныя имъ для своихъ необходимѣйшихъ нуждъ деньги, на славянъ, значитъ раззорять его въ корень.

Кстати, долженъ я здѣсь сказать, что и деньгами, исходящими отъ частной благотворительности на славянское дѣло, надобно распоряжаться разумно, а не такъ, какъ это дѣлается теперь. Въ противномъ случаѣ, никакихъ милліоновъ, даже милліардовъ окажется недостаточно для удовлетворенія потребностей размѣра очень неширокаго, какъ, дѣйствительно, и стоитъ дѣло теперь. Денегъ идетъ изъ Россіи славянамъ очень много и, однакожъ, никто неудовлетворенъ: генералъ Черняевъ требуетъ денегъ, санитары требуютъ денегъ, десятки тысячъ болгаръ скитаются безъ крова и голодные по Сербіи. Куда дѣваются деньги?

Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ снесъ я свое маленькое пожертвованіе въ пользу славянъ въ редакцію одной газеты и просилъ, чтобы это пожертвованіе раздѣлили на три части: въ пользу сербовъ, болгаръ и герцеговинцевъ. Мнѣ сказали въ редакціи, что они этого не дѣлаютъ, а отсылаютъ пожертвованныя деньги прямо въ славянскій благотворительный комитетъ, и уже, дескать, комитетъ, вѣроятно, распредѣляетъ, по имѣющимся въ его рукахъ даннымъ, куда и сколько нужно отослать денегъ. Такъ оно, дѣйствительно, и должно бы было быть. По доброму, славянскій комитетъ, съ самаго начала войны, долженъ былъ-бы послать изъ среды своей трехъ или болѣе членовъ въ Бѣлградъ, образовавъ изъ нихъ на мѣстѣ коммиссію для пріема и распредѣленія русскихъ пожертвованій. Эти члены въ Бѣлградѣ могли легко добывать свѣдѣнія и лично удостовѣряться, гдѣ нужна помощь и въ чемъ, и немедленно оказывать ее тѣмъ, кому она нужна; они же давали бы, понедѣльно или помѣсячно, отчетъ петербургскому комитету: кому они роздали деньги и сколько, и какія нужды впередъ предвидятся, и какія на удовлетвореніе ихъ потребуются суммы.—Но славянскій благотворительный комитетъ не догадался ничего этого сдѣлать. Онъ ограничилъ свою дѣятельность тѣмъ, что получалъ и препровождалъ пожертвованія въ Сербію кому случится. Пожертвованія посылались и княгинѣ Наталіи, и сербскому митрополиту, и сербскому правительству, и г-жѣ Миловукъ, и т. п. Никакой срочной отчетности о посланныхъ пожертвованіяхъ комитетъ не требовалъ и не имѣлъ.—Возвратясь изъ Сербіи, г. Суворинъ выяснилъ отчасти существующія тамъ отношенія, изъ которыхъ оказывалось, что главное лицо,

отъ дѣятельности котораго зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ всего сербскаго дѣла, именно генералъ Черняевъ, находится въ совершенно безпомощномъ состояніи, что ему не даютъ въ распоряженіе ни достаточнаго количества войска, ни достаточныхъ денежныхъ средствъ. Съ этого времени, пожертвованія изъ Россіи направились, главнымъ образомъ, къ генералу Черняеву. Но генералъ Черняевъ, какъ главнокомандующій, естественно, занятъ исключительно тѣмъ, чѣмъ онъ и долженъ быть занятъ, т.-е. приведеніемъ своихъ боевыхъ средствъ и силъ въ наилучшее положеніе. Сюда онъ и употребляетъ всѣ посылаемыя денежныя средства и употребляетъ съ успѣхомъ. Но, кромѣ потребностей вооруженія и укрѣпленія, есть и другія потребности, не менѣе нужныя для благосостоянія самой же арміи, о которыхъ лично генералу Черняеву заботиться некогда. Одну изъ первыхъ и важнѣйшихъ потребностей составляетъ, несомнѣнно, устройство врачебной части для раненыхъ и больныхъ. О надлежащей организаціи этой части надобно было позаботиться самымъ тщательнымъ образомъ. Необходимо было начертать какія нибудь общія правила для имѣющаго дѣйствовать здѣсь персонала; необходимо было установить порядокъ отношеній между различными его членами; составить его кадры изъ лицъ вполнѣ надежныхъ; наконецъ, дать необходимое единство всей организаціи на мѣстѣ, сосредоточивъ здѣсь все врачебное или санитарное дѣло въ рукахъ одной коммиссіи, на обязанности которой лежало бы доставлять и имѣть въ запасѣ всѣ нужные инструменты, вещи, бѣлье, платье, вообще—матеріалы для госпиталей и больницъ, размѣщать санитарные отряды въ мѣстахъ наибольшей потребности въ нихъ, приготовлять нужныя для нихъ помѣщенія, доставлять немедленно въ чемъ для нихъ окажется нужда, наконецъ, имѣть свѣдѣнія о числѣ мѣстъ въ больницахъ и госпиталяхъ, а также о количествѣ раненыхъ въ каждомъ санитарномъ отрядѣ, чтобы отправить раненыхъ туда, гдѣ они могутъ найти наискорѣйшую помощь и т. д. Эта коммиссія одна получала бы деньги на устройство врачебной части и давала бы отчетъ въ израсходованныхъ деньгахъ. Но о такомъ разумномъ устройствѣ врачебной части никто не подумалъ. Потребности во врачебной части стали также удовлетворяться въ разбродъ, какъ и другія потребности, кѣмъ попало, безъ всякаго соображенія съ дѣйствительною надобностію, безъ всякихъ центральныхъ запасовъ и заготовленій, безъ всякой объединяющей организаціи, безъ всякаго правильно установленнаго наблюденія и попеченія—гдѣ что нужно, когда и какъ. И врачебная часть, естественно, оказалась въ плохомъ положеніи. Между тѣмъ, этого никто не думалъ и не ожидалъ. До самого послѣдняго почти времени всѣ считали ее въ наилучшемъ положеніи. И какъ было думать иначе! На врачебную часть обращено было вниманіе ранѣе всего, и обращено было вниманіе очень многихъ и, повидимому, сдѣлано было все. Какъ же! Цѣлые санитарные отдѣлы нарядили, лучшихъ докторовъ сюда собрали, надежнѣйшихъ начальниковъ опредѣлили для завѣдыванія ими, чтобы, дескать, всего было довольно и шло все хорошо. Чего-же больше! И вдругъ—какой репримандъ! 28 сентября получается «Москов. Вѣдомостями» слѣдующая телеграмма отъ князя В. П. Мещерскаго, изъ Бѣлграда: «Утверждаю честнымъ словомъ, что русскіе госпитали въ Сербіи терпятъ крайнюю нужду въ бѣльѣ и перевязкѣ: раненые безъ сорочекъ, постели безъ простынь, раненыхъ перевозятъ на простыхъ телегахъ, безъ всякихъ приспособленій. Требуется немедленно до 1000 одѣялъ и сорочекъ. Общее неудовольствіе противъ начальника русскаго отдѣленія Краснаго Креста въ Сербіи. Дѣятельность русскихъ врачей, студентовъ и сестеръ милосердія возбуждаетъ всеобщее одобреніе; къ сожалѣнію, они встрѣчаютъ повсюду препятствія. Русское отдѣленіе Краснаго Креста въ Черногоріи организовано превосходно. Сюда посылки лучше всего адресовать на имя доктора Марконета въ Семендрію; онъ и будетъ ихъ распредѣлять».— Это—телеграмма отъ Мещерскаго, а за день до нея, т.-е. 26 сентября, получена тѣми-же «Москов. Вѣдомостями» телеграмма, подобнаго же содержанія, изъ штаба генерала Черняева въ Делиградѣ: «Обстоятельства дѣлаютъ необходимымъ учрежденіе особаго небольшого госпиталя для тяжело раненыхъ *русскихъ офицеровъ;* на этотъ предметъ нужно около трехъ тысячъ рублей. Ожидать же помощи отъ здѣшняго отдѣленія Краснаго Креста, занимающагося одною только формальною стороною дѣла, нѣчего. Предполагаемый комитетъ будетъ учрежденъ въ честь Михаила Архангела».

Правда, начальникъ отдѣленія Краснаго Креста въ Сербіи, г. Токаревъ, отписывается, говоритъ, что у него въ госпиталяхъ всего довольно и все въ наилучшемъ видѣ, что телеграмма князя Мещерскаго лишена всякаго основанія; но г. Токаревъ напрасно усиливается омыть себя. Не князь только Мещерскій и не штабъ только генерала Черняева примѣтили дурное состояніе госпитальной части, находящейся въ завѣдываніи г. Токарева. Объ этомъ говорятъ всѣ, кто былъ въ Сербіи.

Значитъ, даже санитарная часть, о которой такъ много хлопотали, о которой всѣ думали, что она устроена наилучшимъ образомъ, остается безъ всякаго наблюденія и контроля и находится въ жалкомъ положеніи.

Что же сказать о безконечномъ множествѣ другихъ, второстепенныхъ потребностей, о способахъ лучшаго удовлетворенія которыхъ вовсе не думали, а на которыя высылались только деньги, въ надеждѣ, что на мѣстѣ они будутъ изучены и удовлетворены наилучшимъ образомъ. — А вотъ послушайте, что гласятъ объ этомъ кореспонденціи. Многіе изъ медицин-

скихъ студентовъ, отправившіеся въ Сербію и принесшіе тамъ несомнѣнную пользу, теперь должны возвратиться къ своимъ занятіямъ въ Россію и не имѣютъ на обратный проѣздъ денегъ. Многіе русскіе офицеры, раненые въ сраженіяхъ и болѣе неспособные быть въ строю, также не имѣютъ средствъ, на которыя могли бы возвратиться въ отечество; десятки тысячъ болгаръ кочуютъ по Сербіи безъ крова и голодные, не находя также нигдѣ помощи.

И такъ, русскіе деньги гибнутъ напрасно въ Сербіи и гибнутъ, вѣроятно, въ очень большихъ количествахъ, исчезая Богъ знаетъ куда, единственно потому только, что славянскій комитетъ не позаботился устроить на мѣстѣ дѣло такъ, чтобы было кому принимать здѣсь пожертвованія, было кому распредѣлять ихъ и, наконецъ, было кому наблюдать за правильнымъ ихъ употребленіемъ и давать комитету отчетъ въ расходованіи русскихъ денегъ.

По той же самой причинѣ, т. е. по отсутствію всякаго порядка въ сборѣ и распредѣленіи пожертвованій, погибло, вѣроятно, не мало пожертвованныхъ на славянъ денегъ и здѣсь, въ Россіи. Сначала, когда всѣмъ обществомъ овладѣло увлеченіе въ пользу славянскаго дѣла, всѣ принялись за сборъ пожертвованій, никто ни о чемъ болѣе не заботился, какъ о томъ, чтобы собрать какъ можно болѣе пожертвованій: не предусмотрѣно было даже, что въ числѣ радѣтелей за славянъ могутъ явиться сборщики въ свой собственный карманъ, каковые впослѣдствіи, дѣйствительно, и оказались. Собравъ деньги, усердствующіе отдавали ихъ въ славянскій комитетъ или въ редакціи газетъ для отсылки, въ полной надеждѣ, что тѣ, кому то вѣдать надлежитъ, дадутъ деньгамъ надлежащее употребленіе. Но, когда съ мѣста дѣйствія стали получаться извѣстія то о недостаткѣ медиковъ, то о недостаткѣ офицеровъ, то о недостаткѣ солдатъ и т. д., то общество само уже стало извѣстную часть пожертвованій употреблять на исправленіе и восполненіе того или другого недостатка по получаемымъ извѣстіямъ. Дѣлалось это, однакожъ, безъ всякаго плана и предварительнаго разсчета—чего именно сколько нужно: каждая мѣстность усердствовала, не сносясь съ другими, изолированно отъ всѣхъ, единственно по собственному разумѣнію и соображенію. Когда пришло извѣстіе о недостаткѣ докторовъ, всѣ стали заботиться о пріисканіи и отсылкѣ докторовъ. Наконецъ, ихъ оказалось въ Сербіи такъ много, что въ иностранныхъ газетахъ иронически писали, что въ Сербіи докторовъ оказалось больше, чѣмъ было раненыхъ. Получено было и оффиціальное извѣщеніе, что докторовъ больше не нужно, что имъ нѣчего дѣлать и что нужны, дескать, офицеры. Точно съ такою же ревностію принялись всѣ пріискивать, снаряжать и отправлять офицеровъ. Наконецъ, и офицеровъ оказалось въ избыткѣ; потребовали унтерофицеровъ и солдатъ. Та же исторія началась съ послѣдними. Точно также, каждое общество, само по себѣ, изолированно отъ другихъ, снаряжало и отправляло кого могло. На первый взглядъ, все это казалось хорошо и, пожалуй, отчасти было дѣйствительно хорошо, потому что, такъ или иначе, Сербія, все-таки, не оставалась безъ докторовъ, безъ офицеровъ, безъ солдатъ. Но это хорошее достигалось несоразмѣрно громадными средствами; въ числѣ отправляемыхъ разными обществами лицъ на мѣсто дѣйствія оказалось не мало ни къ чему непригодныхъ искателей приключеній, кромѣ того людей совсѣмъ безпутныхъ, которые, не принося никакой пользы славянскому дѣлу, только позорили передъ иностранцами и славянами русское имя. На всѣхъ этихъ людей русское общество, однакожъ, тратило большія деньги, именно потому, что не было никакого порядка въ употребленіи пожертвованій на славянъ, что разныя мѣстности дѣйствовали безъ всякаго общаго плана, сами собою, изолированно другъ отъ друга. Мы не можемъ сказать даже того, что такая безпутная трата пожертвованныхъ денегъ производилась вездѣ непреднамѣренно, случайно, а не съ яснымъ сознаніемъ того, что общество отправляетъ въ Сербію лицъ ни къ чему непригодныхъ. Изолированная дѣятельность мѣстныхъ обществъ поселила въ нихъ соревнованіе другъ къ другу, внесла въ святое дѣло братской помощи значительную дозу тщеславія. Когда общества и А., и Б., и В., и т. д. снаряжали и отправляли отряды санитаровъ, офицеровъ, вообще добровольцовъ въ Сербію и объ этомъ являлись похвальные отзывы во всѣхъ газетахъ съ подробнымъ описаніемъ, какъ происходили проводы, какъ при этомъ ликовалъ весь городъ, какъ кричали всѣ: «помните, братцы, что вы—русскіе» и т. п — натурально, что и общества М., и Н., и П., и т. д. не хотѣли ударить лицомъ въ грязь, отстать отъ другихъ. И они хотѣли снарядить свою дружину и отправить въ Сербію, не разбирая, конечно, много при этомъ, есть ли у нихъ годные для такой дружины люди, и принимая сюда всякаго, изъявлявшаго желаніе ѣхать въ Сербію. Вотъ почему и происходило нерѣдко тоже, что произошло недавно и въ Черниговѣ. Черниговскій кореспондентъ разсказываетъ въ «Голосѣ» № 271, что у нихъ въ обществѣ къ братьямъ славянамъ большое сочувствіе и пожертвованій собирается много, но «наша бѣда, продолжаетъ онъ—въ томъ, что мы не умѣемъ какъ слѣдуетъ, правильно распорядиться собираемыми пожертвованіями. Нашъ комитетъ, организованный при городской управѣ для сбора пожертвованій въ пользу воюющихъ славянъ, горячо взявшійся за дѣло, весьма непрактично распоряжается пожертвованіями. Задумалъ онъ, напримѣръ, по примѣру университетскихъ городовъ, отправить санитарный отрядъ въ Сербію, и, послѣ долгихъ сборовъ, продолжавшихся чуть ли не полтора мѣсяца, отправилъ туда неопытныхъ врачей, не только никогда не

оперировавшихъ, но и почти не видѣвшихъ какъ совершаются операціи. Зато шума было много. Посланы были корреспонденціи чуть ли не во всѣ газеты, что, вотъ, молъ, нашъ черниговскій комитетъ отправляетъ санитарный отрядъ съ такимъ-то числомъ врачей и фельдшеровъ, что врачи эти—и знающіе, и опытные; мало того: нужно было послать телеграмму и самому Ристичу, что-де вотъ посылаемъ врачей, и пр. Все это черезчуръ наивно. Между тѣмъ, на этотъ отрядъ, въ составѣ 14-ти человѣкъ, комитетомъ дано управляющему отрядомъ, врачу З., ни много, ни мало—1,760 рублей. Но вотъ вамъ другой фактъ, доказывающій ту же наивность. Въ прошлое воскресенье, 12-го сентября, комитетъ, говорятъ, при помощи мѣстнаго богача, отправилъ партію добровольцовъ, состоящую изъ 24 человѣкъ, и при ней монаха елецкаго монастыря съ послушникомъ — и что же? Черезъ пять дней возвращается изъ Кіева г. Р., которому поручено было комитетомъ довезти партію волонтеровъ до Бѣлграда, и докладываетъ комитету, что въ Кіевѣ забраковали нѣкоторыхъ волонтеровъ за ихъ непорядочное поведеніе... Въ извиненіе ихъ можно сказать только, что это—народъ бѣдный, рабочій или совсѣмъ потерявшійся, такъ что отъ нихъ ничего иного и ожидать было нельзя. Мы видѣли ихъ въ день отправленія на соборной площади и слышали безцеремонное обращеніе къ публикѣ, провожавшей ихъ. Но чего же, прибавляетъ корреспондентъ, — смотрѣлъ комитетъ? Вѣдь, онъ зналъ, что это за люди и какая можетъ быть отъ нихъ польза».

И дѣйствительно, никакъ нельзя предположить, чтобы черниговскій комитетъ или, что тоже, черниговское общество не знало, что оно за людей отправляетъ въ Сербію. Что же могло его побуждать такъ безсмысленно бросать собранныя для славянъ деньги, если не одно пустое тщеславіе: дескать, и мы, черниговцы, снаряжаемъ и отправляемъ и санитарные отряды, и боевыя дружины!

Я склоненъ думать, что въ нашихъ пожертвованіяхъ на славянъ во многихъ случаяхъ играетъ роль не истинное воодушевленіе за славянское дѣло, а одно пустое тщеславіе не отстать отъ другихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, это такъ ясно, что не требуетъ никакихъ комментарій. Кому не бросался въ глаза, при чтеніи газетъ, хотя бы такой фактъ, что вдругъ дѣвицы какого нибудь заведенія, у которыхъ такого-то числа имѣлъ быть балъ, въ составѣ всѣхъ семи классовъ своего заведенія, единодушно заявляютъ, что они не желаютъ бала, а просятъ чтобы деньги, назначенныя на балъ, были пожертвованы на страдающихъ славянъ? Не знаю, какъ вы, читатель, а я безъ злости не могу подумать о людяхъ, которые позволяютъ себѣ продѣлывать подобныя комедіи, которыя такъ безжалостно портятъ дѣтскія сердца, пріучаютъ ихъ къ лицемѣрію и лжи. Какъ! Ни гг. ученые, ни гг. литераторы, ни гг. адвокаты, ни гг. чиновники, однимъ словомъ, никто изъ самыхъ интеллигентныхъ членовъ общества, хорошо знакомыхъ и съ исторіей славянскихъ балканскихъ племенъ, и съ ихъ нынѣшними злостраданіями, не жертвуютъ и никогда не пожертвуютъ въ пользу ихъ не только всѣми своими удовольствіями, но даже однимъ какимъ нибудь: напримѣръ, или театромъ, или оперою, или баломъ и т.п. мало того—даже однимъ привычнымъ лишнимъ блюдомъ за столомъ, и вдругъ дѣти, изъ которыхъ многія, по всей вѣроятности, не имѣютъ никакого представленія ни о туркахъ, ни о славянахъ, отказываются въ пользу славянъ отъ единственнаго своего удовольствія въ году — отъ бала! Есть ли тутъ какое нибудь вѣроятіе? Не очевидно ли, что дѣтская воля тутъ не причомъ, что ею помыкаетъ и тѣшится тщеславіе взрослыхъ. Чтобы удовлетворить своему тщеславію у насъ многіе способны будутъ на все, а между тѣмъ, эти самые люди не тронутъ пальцемъ для прямого, настоятельнаго своего долга, если только исполненіе его должно производиться въ тиши и не обѣщаетъ имъ никакой извѣстности. Вотъ посмотрите хотя бы на наши земства!

Пусть не удивляется читатель, что я то и дѣло обращаюсь къ земству. Это происходитъ вовсе не отъ враждебнаго моего отношенія къ нему, а отъ самаго искренняго желанія ему добра. Земскія учрежденія, это, вѣдь — первый опытъ, первая проба нашей самодѣятельности. До нихъ всѣ кричали, что вотъ это у насъ идетъ не такъ, и то нехорошо, а третье совсѣмъ уже скверно, потому что все это дѣлается чиновниками, безъ всякаго участія общества. Теперь намъ дано мѣстное самоуправленіе — и надобно правду сказать, самоуправленіе весьма широкое въ томъ смыслѣ, что оно не стѣснено ни въ чемъ мелочной регламентаціей. Указанъ кругъ предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію земства, и затѣмъ предоставлено въ немъ земству дѣлать что угодно. Не сказано, что ты, вотъ, на это больше обращай вниманіе, а не на то, или, что ты такимъ-то образомъ поступай, а не другимъ. Въ кругу ввѣренныхъ вѣдѣнію земства предметовъ оно можетъ распоряжаться какъ хочетъ. Можетъ хоть въ каждомъ селѣ воздвигнуть по классической гимназіи, если только хватитъ денегъ; можетъ всѣ земскія деньги истратить на орошеніе, осушеніе, лѣсонасажденіе, травосѣяніе, въ результатѣ ничего не оросивъ, не осушивъ, не насадивъ и не посѣявъ; можетъ даже спекуляціей заняться на счетъ проведенія желѣзно-паровыхъ или желѣзно-конныхъ дорогъ, возложивъ на мужиковъ ихъ гарантію, какъ уже отъ гарантій желѣзно-паровыхъ дорогъ и стонетъ мужикъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а отъ желѣзно-конныхъ, задуманныхъ теперь въ Калужской губерніи, вѣроятно, еще будетъ стонать. Вы видите изъ этого какая воля дана земству. Потому долгъ печати — не спускать глазъ съ этого учрежденія, которое своею дѣятельностію

можетъ и поднять Россію, и окончательно погубить.

И такъ, чтобы видѣть, въ чему можетъ вести тщеславіе, посмотрите на земства. Съ какою готовностію они протягиваютъ руку къ земскимъ сундукамъ, чтобы вынуть оттуда крестьянскія деньги и отдать ихъ славянамъ, т.е., чтобы совершить преступленіе. Почему они на это такъ охотно идутъ?—Ясно потому, что объ этомъ будутъ кричать въ газетахъ, будутъ не порицать ихъ, а хвалить: что, дескать, такое-то земство снарядило дружину и т.п. Извѣстно, что наши газетчики принадлежатъ къ привилегированному сословію и одобряютъ земства, когда они на крестьянскія деньги строятъ классическія гимназіи, слѣдовательно одобрятъ ихъ и тогда, когда они употребятъ крестьянскія деньги на войну Сербіи. Да и не все ли, въ самомъ дѣлѣ, для мужика равно: построятъ ли на его деньги классическую гимназію, или отошлютъ ихъ въ Сербію? А между тѣмъ, эти самыя земства, съ такою стремительностію несущіяся съ чужими деньгами на освобожденіе сербовъ, со времени своего существованія, не подумали ни разу даже о томъ, чтобы освободить русскаго крестьянина, на собственныя его деньги, отъ волка. Каждый русскій крестьянинъ платитъ каждогодно гораздо бо́льшую дань волкамъ, чѣмъ какую платили сербы туркамъ—и это нисколько не трогаетъ сердобольныхъ земскихъ сердецъ. Отчего не трогаетъ? Да оттого, что кто будетъ знать и кричать, что истребили вы волковъ? Истребили вы волковъ—ну, и ладно; скажутъ: это—ваша обязанность была, и только. Затѣмъ, поощрительнаго для тщеславія ничего нѣтъ. — Это не то, что снарядить особую отъ земства (имярекъ) дружину въ Сербію.

Я не безъ намѣренія упомянулъ о волкѣ. Недавно вышла въ свѣтъ брошюра г. Лазаревскаго, основательно объясняющая, какой ужасный вредъ наносятъ волки хозяйству нашего крестьянина и какъ безпечно, а иногда даже и съ нѣкоторымъ юморомъ относятся къ этому злу земства. Я считаю нужнымъ познакомить съ этою брошюрою читателя, но предварительно сдѣлаю нѣкоторое NB по поводу всего вышесказаннаго мною.

Война, сколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ, у насъ теперь на носу. Худо будетъ, если мы въ эту войну будемъ распоряжаться казенными ли, общественными ли, пожертвованными ли деньгами такъ же, какъ мы распоряжаемся теперь въ сербскую войну или какъ распоряжались въ крымскую войну. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, одинъ контрольный чиновникъ, видѣвшій собственными глазами то, что происходило во время крымской войны, какія тутъ совершались хищенія, подалъ по начальству проектъ, сущность котораго состояла въ томъ, что, дескать, теперь, вотъ, у насъ есть самоуправленіе и дѣйствуютъ земскія учрежденія, потому нѣтъ нужды и въ интендантствахъ. Армію снабжать и довольствовать всѣмъ могутъ земства. Очень боязно, чтобы этотъ проектъ, въ самомъ дѣлѣ, не пошелъ какъ-нибудь въ ходъ. Воображаю, что́ бы это было, еслибы поручили земствамъ исполнять обязанности интендантствъ. Я полагаю, что армія, безъ всякаго непріятеля, погибла бы отъ голода и болѣзней. И не потому, чтобы расхищенія казны были бы особенно громадныя. Можетъ быть, расхищено было бы немного болѣе того, что расхищается и обыкновенными чиновниками. Но армія погибла бы просто отъ нераспорядительности и оттого, что *мы не созрѣли*. Еще одно замѣчаніе: «National Zeitung» публикуетъ, что надняхъ вышла, въ двухъ томахъ, книга извѣстнаго американскаго консула, производившаго слѣдствіе въ Болгаріи, Скэйлера, подъ названіемъ: «*Туркестанъ. Замѣтки на пути черезъ русскій Туркестанъ, Коканъ, Бухару и Кульджу*». Книга эта, по словамъ «National Zeitung», произвоитъ сенсацію. Авторъ разсказываетъ о дѣйствіи нашихъ войскъ такіе ужасы, что передъ ними блѣднѣетъ все, что совершено было турками, въ томъ числѣ черкесами и башибузуками въ Болгаріи. Мы, конечно, не вѣримъ ничему тому, что разсказываетъ Скэйлеръ. Но Скэйлеръ, своимъ безпристрастнымъ слѣдствіемъ въ Болгаріи, пріобрѣлъ общее довѣріе въ Европѣ, и разъ вѣрятъ тому, что онъ разсказываетъ о Болгаріи, будутъ и должны вѣрить и тому, что онъ разсказываетъ о Туркестанѣ. Жаль, что въ свое время не было сдѣлано никакого распоряженія о томъ, чтобы изслѣдовать дѣло по его показаніямъ и мы теперь можемъ быть безъ вины виноваты передъ Европой, и это несомнѣнно отразится на отношеніяхъ къ намъ Европы, на поворотѣ ея общественнаго мнѣнія противъ насъ. Скэйлеръ пріобрѣлъ себѣ теперь репутацію такого безусловно правдиваго и безпристрастнаго человѣка въ глазахъ всей Европы, что этого несомнѣнно надобно ожидать—и это, кажется, уже начинается, судя по митингамъ, начавшимся въ Англіи совсѣмъ не въ нашу пользу. Но, если нельзя поправить прошедшаго, то можно позаботиться о будущемъ. Намъ кажется, что было бы весьма полезно, еслибы книгу Скэйлера перевели на русскій языкъ и распространили въ нашемъ войскѣ. Это, съ одной стороны, послужило бы для Европы лучшимъ доказательствомъ нашей правоты. Она увидѣла бы, что мы не придаемъ никакого значенія извѣтамъ на насъ Скэйлера, считаемъ ихъ совершенно ничтожными, и что лица, которыя имъ диффамируются, такъ чисты и безукоризненны въ своихъ дѣйствіяхъ, что подобные извѣты не могутъ уронить ихъ ни въ чьихъ глазахъ. Съ другой стороны, именно теперь, передъ ожидаемою войною съ Турціей, распространеніе книги Скэйлера въ нашемъ войскѣ было бы полезно потому, что для него она могла бы быть въ своемъ родѣ руководствомъ. Пусть оно читаетъ книгу Скэйлера и поучается, какъ надобно осторожно и благоразумно вести себя во время

войны, чтобы не подавать врагамъ повода къ нареканіямъ и не дѣлать срама русскому имени.

Теперь обращаюсь къ брошюрѣ г. Лазаревскаго. Брошюра носитъ названіе: «*Объ истребленіи волкомъ домашняго скота и дичи и объ истребленіи волка*». Судя по заглавію, цѣль брошюры, какъ видитъ читатель, чисто практическая. Но, раскрывая брошюру, вы находите очень интересную и обстоятельную исторію волка. Авторъ—и самъ охотникъ и, какъ видно, съ давняго времени интересуется всѣмъ, что относится до охоты. Онъ не только перечиталъ и знаетъ все, что писали о волкѣ въ крупныхъ сочиненіяхъ, но слѣдилъ постоянно и за текущею печатью и собралъ всѣ мелкія свѣдѣнія и замѣтки, встрѣчавшіяся въ разныхъ журналахъ и газетахъ. Авторъ изображаетъ намъ не просто волка, но отечественнаго волка.

Судя по описанію автора, волка надобно признать едва ли не умнѣйшимъ изъ всѣхъ животныхъ. По крайней мѣрѣ, въ умѣ онъ ни въ чемъ не уступаетъ современному буржуа. Въ душѣ онъ—такой же завзятый собственникъ, какъ и послѣдній, но онъ также, какъ и послѣдній—не врагъ и артельнаго начала и немедленно вступаетъ въ ассоціацію, какъ скоро чего не можетъ достигнуть одинъ, своими собственными силами. Разница только въ томъ, что буржуа, достигнувъ цѣли при помощи ассоціаціи, наровитъ потомъ какъ бы обдѣлить своихъ товарищей по ассоціаціи и даже совсѣмъ надуть. Волкъ же—никогда. «Волки, говоритъ Тусснель:—соблюдаютъ между собою законы ассоціаціи, дисциплины и строгой справедливости. Они—рабы своего слова. Не было примѣра, чтобъ въ шайкѣ волковъ возникали споры и разбирательства по поводу раскладки дивиденда».

Собравшись въ ассоціаціи, волки дѣйствуютъ не рутинно какъ-нибудь—напротивъ: для каждаго случая у нихъ готовъ особый пріемъ, строго обдуманный и соображенный съ обстоятельствами. И при этомъ, «при сложной организаціи работы, каждый находящійся въ ассоціаціи волкъ въ совершенствѣ понимаетъ, какая ему роль сообща поручается: одинъ заманиваетъ жертву, другой отводитъ ей глаза, третій идетъ въ обходъ или западаетъ, чтобы отрѣзать отступленіе и т. д. На каждую травлю у волковъ особый пріемъ. Оленей загоняютъ путемъ запасныхъ станцій: утомленный сдаетъ гонъ свѣжему. Собаку завлекаютъ напускной робостью: дворняжка храбро заливается лаемъ, преслѣдуя ковыляющаго, поджавши хвостъ, волка, пока не выведетъ его за околицу, а тамъ ужъ счеты недолги. Овцу беретъ онъ за шиворотъ и чемоданомъ взваливаетъ на спину. Свинью принимаютъ двое за уши, а третій прогрызываетъ ее сзади. Намъ разсказывали въ Малороссіи, что, нападая на крупную лошадь, волкъ, нажравшись земли, наровитъ вцѣпиться ей въ шею, и пока мѣшкомъ виситъ на зубахъ, артель, уже готовая кругомъ и около, продѣлываетъ остальное. Замѣчательно, что объ этой снаровкѣ волчьей напоминаетъ и Тусснель. Но вообще волкъ не за общественность, и безъ положительныхъ цѣлей онъ на товарищество нейдетъ. Понадобилось — является сходка, совѣщаніе, избирается тотъ или другой планъ; дѣло сдѣлано, и каждый въ свой уголъ».

Осторожность въ волкѣ изумительная, почти невѣроятная. Не только трудно поймать его въ какую-нибудь ловушку, но даже сослѣдить, гдѣ онъ есть, очень трудно. «На ходу, говоритъ авторъ:—отмѣривая шаги въ 6—8 вершковъ, волкъ ступаетъ правою заднею ногою въ лѣвую переднюю, такъ что слѣдъ тянется лентою. Сколько бы ни шло волковъ (разумѣется, кромѣ бѣготни въ пору течки), они тянутся гуськомъ, наровя слѣдъ въ слѣдъ. Угадайте тутъ: прошло два-три или два-три десятка. Такому ходу обучаетъ, говорятъ, мать щенятъ еще въ гнѣздѣ, когда таскаетъ ихъ на водопой. Хитростью волкъ поспоритъ съ лисицей. Послѣдняя, дѣйствительно — тонкій воръ и плутъ-артистъ; но весь ходъ ея въ привычномъ пятиверстномъ кварталѣ, гдѣ она изучила каждый плетень, каждую кочку, а волкъ одинаково мастеритъ и дома, и на дальнихъ побывкахъ. Французскій охотничій писатель D'Houdelot говоритъ: le plus innocent des loups en remontrerait au plus madré des renards. Въ Оренбургскомъ краѣ, разсказываютъ, волкъ иногда крадется къ табуну, захвативъ въ зубы кустъ *катуна* (перекати-поле), и, закрытый имъ, ползетъ къ отбившейся лошади *по вѣтру* (извѣстно, что охотникъ сослѣживаетъ дичь всегда противъ вѣтра): трава, значитъ, сама катится—это бы ужъ впору и человѣку».

Дѣйствительно, впору и человѣку. Но вотъ фактъ, еще болѣе изумительный и почти невѣроятный: «Сибирскій охотникъ Черепановъ говоритъ, что монгольскіе волки, пока производятъ разбои на русской землѣ, укрываются непремѣнно на китайской, и навѣрное знаютъ, что преслѣдованіе ихъ съ той или другой стороны возможно только до границы, которую въ совершенствѣ разумѣютъ, хотя это — не болѣе, какъ рѣдкая цѣпь возвышенностей, съ маяками на нихъ. Если волки подняли вой на русской сторонѣ, то скотъ будутъ рѣзать непремѣнно на монгольской и наоборотъ».

Вотъ тотъ умный звѣрь, съ которымъ приходится бороться нашимъ земствамъ! И гдѣ-жъ имъ съ нимъ бороться! Какъ всѣ безсильные и неумѣлые, они дѣлаютъ то, что могутъ дѣлать, то-есть платятъ ему дань, какъ платили когда-то мы ордынскимъ ханамъ, какъ теперь платятъ сербы туркамъ.

И дань эта довольно большая. Начиная съ 2, 6 коп. на душу, она восходитъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ до 23 коп., 33 и даже 55 слишкомъ на душу.

Но такая величина дани опредѣлена авторомъ только по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1873

годъ, по которымъ общая цифра цѣнности истребленнаго волкомъ въ Россіи крупнаго и мелкаго скота простирается до 7.500,000 р. Но эти свѣдѣнія далеко не обнимаютъ всѣхъ тѣхъ убытковъ, которые въ дѣйствительности нанесены странѣ волками. Во-первыхъ, въ этихъ свѣдѣніяхъ помѣщается только истребленный волками крупный и мелкій скотъ; объ истребленной волками домашней птицѣ и собакахъ вовсе не собирается свѣдѣній. Во-вторыхъ, оффиціальныя свѣдѣнія о волкахъ собираются, вѣроятно, безконечно небрежнѣе, чѣмъ всякія другія свѣдѣнія, по той простой причинѣ, что этими свѣдѣніями никто не заинтересованъ, а контролировать ихъ вѣрность или невѣрность, даже и при внимательномъ къ нимъ отношеніи, нелегко. Только единственная изъ губерній, Калужская, тщательно занимается собираніемъ свѣдѣній о потеряхъ, причиняемыхъ волками. Тамъ считаютъ уже и домашнюю птицу, и собакъ, истребленныхъ волками, и вообще, вѣроятно, болѣе контроля надъ доставляемыми о волкахъ свѣдѣніями. Надобно полагать, что, именно вслѣдствіе этого, въ подесятинномъ поземельномъ разсчетѣ убытковъ, наносимыхъ волками, Калужская губернія изъ всѣхъ губерній оказалась *первою*, а въ подушномъ разсчетѣ *второю*. А такъ какъ Калужская губернія, и по отношенію количества скота къ занимаемому ею пространству, и по характеру своей мѣстности, отчасти лѣсистой, отчасти безлѣсной, близко подходитъ къ цѣлымъ 38 губерніямъ, то авторъ весьма основательно думаетъ, что сумму потерь, которыя несетъ Калужская губернія отъ волковъ, можно смѣло принять за единицу и для всѣхъ означенныхъ 38 губерній. Такимъ образомъ, слагая поземельныя пространства всѣхъ этихъ губерній и полагая на каждую десятину ежегодныхъ потерь, какъ и въ Калужской, по 8, 6 коп., авторъ находитъ, что эти губерніи платятъ волкамъ ежегодно до 10.000,000 рублей. Затѣмъ, полагая для остальныхъ губерній четыре милліона и на милліонъ истребляемой волками домашней птицы для всей имперіи, авторъ сумму всѣхъ потерь, наносимыхъ каждогодно волкомъ Россіи, оцѣниваетъ въ 15.000,000 руб.

Но и эта громадная цифра все еще далеко ниже дѣйствительности. Дѣлая предположительныя соображенія о томъ, сколько въ Россіи волковъ и сколько нужно мяса для ихъ пропитанія, авторъ приходитъ къ заключенію, что волки никакъ не могутъ довольствоваться истребляемымъ ими крупнымъ и мелкимъ скотомъ и домашнею птицею, что они, сверхъ того, истребляютъ не менѣе 5-ти милліоновъ пудовъ дичи, то-есть зайцевъ, тетеревей, рябчиковъ, куропатокъ и т. д., и оцѣниваетъ эту дичь въ 50 милліоновъ рублей. Конечно, дичь, истребляемая волками, никому не принадлежитъ: это — благо не экономическое, а натуральное; тѣмъ не менѣе, не будь она уничтожена волкомъ, она могла быть обращена крестьянами въ благо экономическое и послужить имъ на пользу, въ видѣ ли пищи, или въ видѣ средства для уплаты податей и т. д. Слѣдовательно, на худой конецъ половину дичи, истребляемой волкомъ, мы должны считать такою же собственностію крестьянъ, какъ и истребляемый имъ домашній скотъ. Но и это будетъ только оцѣнка убытковъ видимыхъ, подлежащихъ исчисленію. Между тѣмъ, здѣсь дѣло идетъ гораздо дальше. Размноженіе волковъ угрожаетъ просто истребленіемъ дичи. Авторъ приводитъ нѣсколько свидѣтельствъ, изъ которыхъ видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волками истребляется дичь такъ сильно, что она становится рѣдкостію.

Если примемъ все это во вниманіе, то будетъ понятно, что оцѣнка потерь, причиняемыхъ волками, не только въ 15 милліоновъ рублей, но, можетъ быть, и въ 20 милліоновъ, далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительной цифрѣ.

Но и это еще не все. Долженъ быть еще упомянутъ одинъ видъ жертвы, которою платится Россія волкамъ—жертвы, «стоимости которой, по справедливому замѣчанію автора, нельзя перевести ни на какія деньги»: это—погибающіе отъ волковъ люди. Авторъ высчитываетъ, что за 1849, 50 и 51 годы погибало отъ волковъ каждогодно, среднимъ числомъ, по 125 душъ. А въ 1875 г. погибло отъ волковъ никакъ не менѣе 200 душъ. Но авторъ прибавляетъ, что такое число высчитано имъ только по печатнымъ свѣдѣніямъ, а такъ какъ онъ не думаетъ, чтобы всѣ случаи гибели людей отъ волковъ попали въ газеты и даже изъ попавшихъ всѣ были ему извѣстны, то въ дѣйствительности, по его мнѣнію, число погибшихъ отъ волковъ за 1875 годъ было гораздо больше, можетъ быть вдвое больше 1849—51 гг. Изъ этого авторъ выводитъ заключеніе, что волкъ у насъ значительно размножается!

Говоря другими словами, съ того времени, когда послѣдовало освобожденіе крестьянъ, явилось самоуправленіе, земскія учрежденія стали на сторожѣ крестьянскаго благосостоянія—мы изъ болѣе культурнаго состоянія начали переходить въ менѣе культурное!

Ибо «безъ большой натяжки, говоритъ авторъ, можно принять, что та или другая численность волка въ странѣ можетъ служить мѣриломъ степени ея цивилизаціи. Въ Англіи его давно ужъ нѣтъ. Во Франціи, Бельгіи, Германіи количество его ничтожно, въ Швеціи водится онъ только въ Лапландіи. У насъ же, къ сожалѣнію, распространеніе его повсемѣстно» и, сверхъ того, судя по прошедшему двадцатипятилѣтію, надобно надѣяться, что оно все будетъ идти crescendo.

Что же дѣлаетъ земство въ виду угрожающаго намъ возвращенія въ докультурное состояніе?

Авторъ и по этому предмету собралъ обстоятельныя свѣдѣнія, изъ которыхъ оказывается, что бо́льшее число земствъ не обращаетъ никакого вниманія на вредъ, причиняемый волками, вѣроятно, потому, что считаетъ этотъ вредъ очень ничтожнымъ для того, чтобы дѣлать его

предметомъ своихъ дебатовъ, а, можетъ быть, и потому, что до сихъ поръ и не подозрѣваетъ, чтобы въ ввѣренныхъ его хозяйственному вѣдѣнію владѣніяхъ были волки и наносили какой-нибудь вредъ, такъ какъ о волкахъ въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ нѣтъ ни одного параграфа. Со времени появленія земскихъ учрежденій до сихъ поръ, въ земствахъ только 20 губерній заходила рѣчь о волкѣ, да и то совершенно случайно, по частнымъ указаніямъ, которыя были нѣкоторыми изъ членовъ заявлены въ нѣкоторыхъ губернскихъ или уѣздныхъ земствахъ (далеко не всѣхъ) въ помянутыхъ губерніяхъ. Но можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что и тамъ, гдѣ сдѣланы эти указанія, они ровно ни къ чему не послужили.

Нѣкоторыя земства положительно отрицаютъ существованіе волковъ въ районѣ ихъ хозяйственнаго вѣденія или, по крайней мѣрѣ, весьма скептически относятся къ значительности наносимаго волками вреда. Такъ, *михайловское* земство (Рязанской губерніи) не признало нужнымъ принимать какія либо мѣры относительно волковъ на томъ основаніи, что «истребленіе волковъ не можетъ имѣть серьёзнаго значенія для Михайловскаго уѣзда, какъ неимѣющаго значительныхъ лѣсовъ, такъ и потому, что до свѣдѣнія земства *никогда* не доходило, чтобы жители уѣзда терпѣли *когда либо* болѣе или менѣе важные убытки отъ волковъ». Такое постановленіе сдѣлано было земствомъ въ 1875 году. Авторъ замѣчаетъ по этому поводу: «Позволяемъ себѣ довести до свѣдѣнія михайловскаго земства, что въ 1873 г. волкъ зарѣзалъ у него 920 головъ крупнаго скота и 3,970 мелкаго: полагаемъ, что это — «болѣе или менѣе важный убытокъ».— Аткарская земская управа (Саратовской губерніи) отозвалась, что преміи за волковъ она находитъ расходомъ излишнимъ, такъ какъ Аткарскій уѣздъ степной и волкамъ въ большомъ количествѣ держаться негдѣ»; однако, замѣчаетъ авторъ, «подлѣ стадъ онъ, должно быть, держится, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ волкъ рѣжетъ тамъ до 450 штукъ крупнаго и до 4,000 штукъ мелкаго скота». Въ казанскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи одинъ гласный заявилъ, что въ Казанскомъ уѣздѣ нѣтъ такого количества волковъ, чтобы представлялась необходимость примѣнять какія-нибудь мѣры; а между тѣмъ, по словамъ автора, въ этомъ уѣздѣ, въ 1873 году, волкъ зарѣзалъ 256 штукъ крупнаго и 2,060 штукъ мелкаго скота.

Другія земства, не отрицая ни существованія волковъ въ ихъ уѣздахъ, ни вреда, ими наносимаго, находятъ, что заниматься истребленіемъ волковъ—вовсе не дѣло земства, а или полиціи, какъ думаетъ малмыжское земство Вятской губерніи, или «всего податного населенія губерніи», какъ думаетъ губернское херсонское земство, подразумѣвая, конечно, при этомъ, что для неподатныхъ сословій довольно и того, что они занимаются славянскимъ и другими подобными возвышенными вопросами.

Наконецъ, и тѣ изъ разсуждавшихъ о волкѣ земствъ, которыя признали себя обязанными заботиться о его истребленіи, ограничились исключительно почти назначеніемъ премій за убитыхъ волковъ. Никто не позаботился ни о томъ, чтобы собрать наиболѣе точныя свѣдѣнія объ убыткахъ, причиняемыхъ волками, ни о томъ, чтобы пріискать болѣе дѣйствительныя мѣры къ ихъ истребленію. Даже расходъ на преміи утверждался нѣкоторыми изъ земствъ нехотя. Очевидно, въ мнѣніи ихъ вредъ отъ волковъ такъ ничтоженъ, что не стоитъ никакого расхода. Такъ суздальская земская управа, несмотря на то, что владимірскій губернаторъ, въ 1874 году, просилъ земства войти въ разсмотрѣніе о мѣрахъ къ уничтоженію волковъ, которые «заѣдаютъ дѣтей и даже взрослыхъ», представила земскому собранію докладъ, «съ таковымъ, съ своей стороны, мнѣніемъ, что установленіе платы за каждаго убитаго волка влечетъ за собою денежный расходъ, а *посему* (!?) вопросъ этотъ отклоненъ еще въ 1872 году».

По отношенію нашихъ земствъ къ такому простому, прямому, настоятельному своему долгу, какъ забота объ охраненіи нашего народнаго хозяйства отъ хищныхъ звѣрей, читатель можетъ судить, насколько можно давать цѣны патріотизму тѣхъ земствъ, которыя, захвативъ крестьянскія деньги изъ земскихъ сундуковъ, потекли съ ними на помощь славянамъ. Я знаю, что немало найдется земцовъ, которые подивятся, какъ я могу находить какую-то связь между патріотизмомъ и такимъ совсѣмъ уже невозвышеннымъ предметомъ, какъ вопросъ о истребленіи волковъ. У насъ до сихъ поръ патріотизмъ понимаютъ чисто внѣшнимъ образомъ. Быть патріотомъ значитъ летѣть для спасенія своего отечества на враговъ внѣшнихъ или внутреннихъ, уничтожать ихъ или, по крайней мѣрѣ, напрягать всѣ свои способности на изысканіе и открытіе таковыхъ, если предполагается, что они дѣйствуютъ на погибель отечества тайно. Но ни враги внѣшніе, ни враги внутренніе не составляютъ необходимаго условія жизни: они въ ней—явленіе совершенно случайное и скоропреходящее. А такъ какъ быть патріотомъ или, что—то же, любить свое отечество надобно всегда, то очевидно, что означенное понятіе о патріотизмѣ, какъ готовности устремляться на враговъ или изыскивать ихъ, по меньшей мѣрѣ, односторонне и узко, не говоря уже о томъ, что всякое устремленіе на враговъ—внѣшнихъ ли то, или внутреннихъ—и изысканіе ихъ не уменьшаетъ враговъ, а только размножаетъ число ихъ безъ конца. Такимъ именно патріотизмомъ Наполеонъ погубилъ Францію. Быть патріотомъ или любить свое отечество значитъ желать ему всего лучшаго, не щадить ничего, что можетъ служить

къ его внутреннему преуспѣянію, къ поднятію его уровня моральнаго, соціальнаго, экономическаго и т. п. По отношенію къ каждому частному лицу быть патріотомъ значитъ правильно понять, что служитъ къ благу отечества, и затѣмъ, сообразно этому, добросовѣстно направлять свою дѣятельность какъ въ прямой своей профессіи, такъ и во всѣхъ частныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Еслибы только въ одной десятой, много пятой части интеллигентнаго общества была постоянно такая любовь, то враговъ внутреннихъ, пожалуй, вовсе бы не было, а враги внѣшніе, еслибы по временамъ и случались, были бы совсѣмъ не страшны. Пустая вещь, напримѣръ — волкъ. Но разъ вы позаботились истребить волка, вы сохранили бы каждогодно народу цѣлыхъ 20 милліоновъ. Изъ этихъ сбереженныхъ 20 милліоновъ вы легко могли бы удѣлить на славянъ 5—10 милліоновъ, а теперь эти деньги съѣдаетъ у мужика волкъ, а вы съ того же мужика теребите еще тысячи на славянъ. Но что волкъ! Убытки, причиняемые волкомъ, можно сказать, ничтожны въ сравненіи съ массою тѣхъ убытковъ, которые несетъ народъ именно отъ отсутствія всякаго патріотизма въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ. Возьмите хоть наше аграрное устройство. Отъ недостатковъ его многіе крестьяне вовсе бросили земледѣліе; другіе напрасно истощаютъ только свои силы на ничтожныхъ клочкахъ земли, недающихъ имъ пропитанія; третьи попали въ вѣчную кабалу. Каждогодно здѣсь погибаетъ напрасно крестьянскаго труда на десятки, на сотни милліоновъ. И гдѣ же у насъ тѣ патріоты, которые заняты этимъ, опечалены, ищутъ выхода изъ этого положенія? Никто даже изъ любопытства не заглянетъ, что дѣлается по аграрному устройству. А тамъ совершаются теперь удивительныя дѣла! Основныя, исконныя начала русскаго міросозерцанія и законодательства относительно крестьянскаго землевладѣнія совершенно игнорируются, и, фактически, наше аграрное устройство съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приближается къ типу европейскому; такъ что мы живемъ, можетъ быть, наканунѣ полнаго обезземленія милліоновъ крестьянскаго населенія. Гдѣ, повторяю я, у насъ тѣ патріоты, которые этимъ озабочены? Я могъ бы, въ томъ же экономическомъ порядкѣ, указать и еще десятки предметовъ, гдѣ дѣло идетъ ничуть не лучше, чѣмъ и въ аграрномъ устройствѣ, и гдѣ все равно ни одинъ патріотъ не ударитъ палецъ о палецъ, чтобы сдѣлать что-нибудь. То же самое должно сказать и о порядкѣ соціальномъ, и моральномъ...

Вотъ почему намъ страшенъ каждый внѣшній врагъ даже и тогда, когда мы стоимъ совершенно за правое дѣло. Не говоря уже о нашемъ экономическомъ безсиліи,—о томъ, что каждый разъ для войны мы должны занимать цѣлыя сотни милліоновъ, которые лягутъ новою тяжестію на народъ, мы должны еще кромѣ того каждый разъ бояться, что не найдемъ къ себѣ желаннаго сочувствія въ Европѣ, встрѣтимъ здѣсь цѣлую противъ себя коалицію.

Да, господа, быть истиннымъ патріотомъ нелегко. И совсѣмъ эта штука не въ томъ состоитъ, чтобы таскать деньги изъ земскихъ сундуковъ или, сидя дома и наслаждаясь благами міра сего, съ гикомъ и свистомъ устремляться на изысканіе и травлю враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Декабрь 1876.

Появленіе софтъ въ Россіи.—Софта въ образѣ жителя-корреспондента изъ Уразовой слободы.—Софта въ московскомъ артистическомъ клубѣ въ образѣ Давыдова.—Участіе софтъ въ банкротствѣ Ѳ. П. Баймакова.—Смуты, производимыя софтами въ русскомъ обществѣ относительно славянскаго вопроса: вопросъ о присоединеніяхъ, черняевскій вопросъ.

Въ пылу увлеченія славянскимъ вопросомъ, когда все русское общество о томъ только и заботилось, какъ бы собрать возможно болѣе пожертвованій для помощи славянамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершенно выпустили изъ виду, что такое деликатное дѣло, какъ сборъ пожертвованій, не можетъ быть поручаемо всякому и что въ особенности нельзя поручать чинамъ полиціи дѣлать сборы съ крестьянъ. Вотъ почему, когда въ газетахъ появились извѣстія, что исправники и становые начинаютъ слишкомъ усердствовать за славянъ, я счелъ долгомъ въ октябрьскомъ «Внутреннемъ Обозрѣніи» напомнить тѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, какъ вредно, въ интересахъ самаго славянскаго дѣла, возлагать сборъ пожертвованій съ крестьянъ на полицейскіе чины и какъ, даже въ лучшихъ случаяхъ, относительно подобныхъ сборовъ всегда будутъ возникать разныя сомнѣнія. Въ доказательство этого, я указалъ на сборъ пожертво-

ваній въ Уразовой. слободѣ Воронежской губерніи, въ которой расторопный становой, въ самое короткое время (такъ гласили газеты), собралъ 500 рублей. Я замѣтилъ, что, хотя я нисколько не сомнѣваюсь ни въ благонравіи уразовскаго станового пристава, ни въ томъ, что собранныя имъ пожертвованія были вполнѣ добровольныя, но что во мнѣ, все-таки, невольно возбуждается недовѣріе къ подобнымъ пожертвованіямъ уже потому одному, что ихъ собралъ полицейскій чинъ, одно появленіе котораго передъ крестьяниномъ ставитъ послѣдняго въ несвободное состояніе, и что, можетъ быть, профессіей сборщика надобно объяснять какъ быстроту сбора пожертвованій въ Уразовой слободѣ, такъ и величину этого сбора, который для крестьянъ былъ значителенъ.

Вотъ вкратцѣ почти все, что мною было сказано относительно радѣнія русскихъ становыхъ и исправниковъ за славянъ! Само собою разумѣется, что я не только не ожидалъ ни отъ кого реприманда за мое скромное напоминаніе о неупотребленіи полицейскихъ чиновъ для несвойственныхъ имъ дѣлъ, а думалъ, напротивъ, что заслужу общую благодарность отъ всѣхъ и въ особенности отъ самихъ полицейскихъ чиновъ, у которыхъ всегда, что называется, по горло своихъ прямыхъ служебныхъ дѣлъ. Какъ вдругъ изъ редакціи одной газеты получаю цѣлую корреспонденцію, посвященную исключительно моей скромной замѣткѣ объ исправникахъ и становыхъ и исполненную самой разнообразной брани противъ меня. Корреспондентъ называетъ себя жителемъ Слободы Уразовой.

«Самоувѣренный сотрудникъ, говоритъ обо мнѣ этотъ житель: — выражаетъ подозрѣніе, что пожертвованіе было недобровольное. На это смѣлое и обидное для жертвователей предположеніе наводитъ сотрудника то обстоятельство, что пожертвованныя уразовцами 500 р. собраны «становымъ приставомъ» и «съ необыкновенной быстротой». Какъ житель Слободы Уразовой, я, для уясненія этого дѣла, считаю нужнымъ сказать о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ происходилъ сборъ пожертвованій въ пользу славянъ». Далѣе житель говоритъ, что Слобода Уразова — не какая-нибудь, что «въ ней получается болѣе 10 экземпляровъ газетъ и разныхъ періодическихъ изданій», что «въ ней болѣе 40 лѣтъ существуетъ училище, въ которомъ никогда не было менѣе 120 человѣкъ учащихся, и около 10 лѣтъ женское училище, съ такимъ же количествомъ ученицъ, что достаточные изъ уразовцевъ посылаютъ дѣтей своихъ для образованія въ губернскія мужскія и женскія гимназіи». «Свое религіозное сродство съ восточными христіанами уразовцы, по словамъ жителя, знаютъ давно». Первоначально уразовцами былъ сдѣланъ сборъ для герцеговинцевъ; собранные ими 500 аршинъ холста были отправлены въ земскую управу для отсылки по принадлежности, но управа отказалась принять въ этомъ какое нибудь участіе. Затѣмъ уразовцы отправили въ Сербію нѣсколькихъ добровольцевъ». «Васъ удивляетъ, говоритъ житель: — размѣръ пожертвованія! Но уразовцы склонны и не на такія жертвы. При народонаселеніи Уразовой не болѣе 5,000 душъ, она имѣетъ три красивыя и обширныя каменныя церкви; насколько уразовцы заботятся объ украшеніи этихъ церквей, видно изъ того, что въ одной изъ нихъ серебряныя ризы на иконахъ, въ совокупности, вѣсятъ до 10-ти пудовъ; два крестьянина пожертвовали колоколъ въ 312 пудовъ вѣсомъ; теперь отстраиваютъ колокольню, стоимостью до 30,000 рублей; содержатъ хоръ пѣвчихъ при главной церкви, школы, мужскую и женскую, и богадѣльню для безродныхъ стариковъ; во время самарскаго голода, по иниціативѣ мѣстнаго священника, собрано и отправлено въ самарскую губернскую управу прихожанами одной только базарной церкви болѣе 300 р. Удивляйтесь же теперь, что тѣже самые уразовцы въ короткое время собрали 500 рублей въ пользу славянъ!»

Еслибы житель Слободы Уразовой ограничился только этими и тому подобными объясненіями, свидѣтельствующими о высокомъ благосостояніи уразовцевъ и ихъ готовности жертвовать на всякое доброе дѣло, то я готовъ бы былъ извиниться передъ уразовцами за обиду, которую они увидѣли въ моемъ разсужденіи объ исправникахъ и становыхъ, хотя обиды не только имъ, но и никому тамъ никакой не было. Ибо ни въ благосостояніи уразовцевъ, ни въ готовности ихъ жертвовать, я нимало не сомнѣвался, а сомнѣвался только въ томъ, чтобы сборъ пожертвованій въ ихъ слободѣ безъ посредства полицейскаго чина совершился съ тою же быстротою, какъ теперь, и выразился въ такой именно цифрѣ, а не другой. Можетъ быть, сомнѣніе мое и несправедливо, но отрѣшиться отъ него я не въ силахъ. Еслибы житель доказалъ мнѣ самымъ неопровержимымъ образомъ, что уразовцы были бы въ состояніи пожертвовать не только 500 руб., но и 500,000 рублей, то я, все-таки, сталъ бы твердо стоять на томъ, что одно появленіе полицейскаго чина передъ крестьяниномъ съ приглашеніемъ къ пожертвованію непремѣнно увеличиваетъ сумму пожертвованія на количество X — величину неизвѣстную, опредѣляющуюся въ каждомъ данномъ случаѣ личными свойствами обывателя-жертвователя и степенью его виновности передъ закономъ и передъ разъясняющими законъ безчисленными начальственными дополненіями; а что каждый обыватель въ чемъ-нибудь передъ закономъ и его дополненіями непремѣнно виновенъ, даже не можетъ быть не виновенъ — это несомнѣнно, это — аксіома, не требующая никакихъ доказательствъ. Что какъ вся Россія, такъ и Слобода Уразовская подъ Богомъ ходитъ и что нѣтъ такого момента, когда бы какой бы ни было обыватель не былъ въ чемъ нибудь виновенъ – это очень хорошо сознаютъ сами уразовцы, и самъ житель вполнѣ

подтверждаетъ меня въ этомъ случаѣ. Именно, высказавъ всѣ вышеозначенныя объясненія относительно состоятельности и готовности уразовцевъ къ жертвамъ и всѣ сдѣланныя ими пожертвованія на церковь, на школу, на голодавшихъ самарцевъ, онъ прибавляетъ; а между тѣмъ, тѣже самые уразовскіе купцы и крестьяне, которые жертвовали на церковь по 5,000 р., а на славянъ по 50 р., при предъявленіи полиціей подписки на памятникъ неизвѣстнаго имъ или мало извѣстнаго поэта Пушкина жертвовали по 10 и 5 копеекъ только «изъ приличія и съ прибауткой: чтобы не утруждать напрасно начальства». И такъ, видите ли, какъ стоитъ дѣло: какъ скоро, по словамъ жителя, съ приглашеніемъ къ пожертвованію является начальство, т. е. становой или исправникъ, то уразовцы, хотя бы пожертвованія собирались на предметъ совершенно имъ неизвѣстный, хотя бы на японцевъ или китайцевъ, какъ я говорилъ въ моемъ «Внутреннемъ Обозрѣніи», не могутъ не пожертвовать, такъ какъ имъ стыдно не вознаградить начальство за поднятое имъ «утружденіе». Не тоже ли это самое, что̀ я и говорилъ: т. е., что одно появленіе полицейскаго чина передъ крестьяниномъ непремѣнно пробиваетъ въ послѣднемъ готовность къ пожертвованію, хотя бы самъ по себѣ онъ вовсе бы не желалъ жертвовать! Положимъ, 5—10 копѣекъ для уразовца, если только уразовцы дѣйствительно такъ достаточны, какъ описываетъ ихъ житель—деньги небольшія; но и эта малая жертва, приносимая единственно на тотъ конецъ, чтобы «начальство напрасно не утруждалось», показываетъ, что уразовскіе обыватели находятся въ инстинктивномъ сознаніи своей постоянной виновности передъ начальствомъ. Не будь этого, съ какой стати они стали бы бросать свое, даже малое, добро за даромъ? Утруждается напрасно начальство, и пусть утруждается; это—его вина, если оно за пожертвованіями на памятникъ Пушкину лѣзетъ въ такія мѣста, гдѣ имя Пушкина или вовсе невѣдомо, или мало вѣдомо. Подите-ка, вотъ, въ Германіи: пусть попробуетъ не то что одинъ становой, а цѣлое собраніе становыхъ, съ обер-президентомъ полиціи во главѣ, приглашать къ пожертвованію на дѣло, которому общество не сочувствуетъ—ни одинъ нѣмецъ не дастъ ни одного пфеннига начальству за подобное утружденіе. «Глупое, скажетъ, начальство: зато и утруждается напрасно». Это и показываетъ, что нѣмецкій обыватель вышелъ ужъ изъ сознанія постоянной виновности передъ начальствомъ и деньги даромъ бросать не будетъ за «напрасныя утружденія» начальства, а русскій еще не вышелъ и volens-nolens долженъ платить деньги, чтобы начальство напрасно не утруждалось и въ гнѣвъ на него не приходило. Въ данномъ случаѣ, о которомъ мы ведемъ рѣчь, деньги были, какъ я уже сказалъ, маленькія (и то, впрочемъ, думаю, не для всѣхъ же уразовцевъ), всего 5—10 копѣекъ; но, вѣдь, и дѣло было маленькое въ глазахъ самого начальства. Памятникъ Пушкину! Что такое Пушкинъ въ умопредставленіи какого угодно полицейскаго чина? Если мы даже допустимъ, что становой приставъ—человѣкъ не необразованный и, повременамъ, подъ хмѣлькомъ, любитъ пропѣть: «гляжу я безмолвно» или «подъ вечеръ осенью ненастной» и знаетъ, что все это написано Пушкинымъ, то, все-таки, врядъ ли онъ внутренно убѣжденъ, что стоитъ серьёзно хлопотать о памятникѣ Пушкину, и, если хлопочетъ объ этомъ, то единственно для очистки присланной ему бумаги. Вообще, становой приставъ, собирающій пожертвованія на памятникъ Пушкину среди купцовъ и крестьянъ, неимѣющихъ никакого понятія о Пушкинѣ, это—такая комедія, которую едва ли гдѣ нибудь встрѣтишь, кромѣ россійскаго государства. Натурально, что становой относится къ сбору подобныхъ пожертвованій спустя рукава, приглашаетъ къ нимъ обывателя съ улыбочкой, съ шуточками и прибауточками, и у обывателя легко на душѣ. Онъ чувствуетъ, что начальство будетъ довольно, если онъ для ублаготворенія его дастъ и пять, и десять копѣекъ, и вообще—что можетъ. Но бываетъ сборъ пожертвованій совсѣмъ другого рода, не для очистки только бумаги—сборъ, ради успѣха который полицейскій чинъ предварительно нарочито приглашается къ подлежащей особѣ, которая внушаетъ ему, какъ необходимо при этомъ сборѣ употребить все стараніе, изъ чего, дескать, ясно будетъ усердіе по службѣ, и отпускаетъ полицейскій чинъ съ словами: «такъ вы смотрите же, постарайтесь, чтобы тово... было все, какъ слѣдуетъ» и проч. Тогда и полицейскій чинъ предстаетъ предъ обывателями не съ шуточками и прибауточками, а съ серьёзнымъ, внушительнымъ видомъ, такъ что обыватель сейчасъ видитъ, что тутъ какими-нибудь пятью, десятью копѣечками не отбояришься, а надобно развязывать мошну, чтобы ублаготворить начальство. Тогда только оно будетъ видѣть, что «не напрасно оно утруждалось».

Непроницательный житель Слободы Уразовой никакъ, впрочемъ, не примѣчаетъ, что своимъ разсказомъ о памятникѣ Пушкину онъ не только не опровергаетъ, а вполнѣ подтверждаетъ мои подозрѣнія о сомнительной добровольности пожертвованій, собираемыхъ полицейскими чинами. Онъ, напротивъ, убѣжденъ твердо, что, разсказавъ о благосостояніи уразовцевъ и о готовности ихъ жертвовать на всѣ добрыя и религіозныя дѣла, въ томъ числѣ и на помощь славянамъ, онъ вполнѣ разсѣялъ всякія подозрѣнія насчетъ добровольныхъ уразовскихъ пожертвованій. Убѣжденіе добродушное до наивности. Еслибы житель Уразовой Слободы на этомъ остановился, то я не только повѣрилъ бы, что корреспонденцію писалъ никто иной, какъ уразовскій житель, но, какъ я уже сказалъ, готовъ бы былъ даже извиниться передъ уразовцами за мое подозрѣніе относительно добровольныхъ ихъ пожертвованій,

хотя въ томъ вины никакой за собой не вижу. Мало того: еслибы житель Уразовой Слободы къ своему повѣствованію о добродѣтеляхъ уразовцевъ присовокупилъ еще, что ихъ уразовскій становой приставъ вовсе не изъ такихъ, чтобы могъ на кого-нибудь, даже на послѣдняго изъ уразовцевъ, самого худороднаго, вліять какъ нибудь стѣснительно, что, напротивъ, съ нимъ всѣ уразовцы живутъ, какъ съ своимъ братомъ или отцомъ, что онъ просто, что называется—душа человѣкъ, и это не возбудило бы во мнѣ подозрѣній: все это было бы еще въ порядкѣ вещей. Но житель идетъ гораздо дальше. Онъ беретъ на себя защиту всѣхъ становыхъ приставовъ въ Россіи и утверждаетъ, что въ настоящее время ни одинъ изъ нихъ не можетъ имѣть ни малѣйшаго давленія на самаго послѣдняго изъ мужиковъ. Онъ стыдитъ даже меня, что я такъ мало знаю Россію—сужу о ней, вѣроятно, только по типамъ «Губернскихъ Очерковъ» Щедрина и только по моему невѣжеству и отсталости думаю, что становой что-нибудь можетъ значить для современнаго мужика. «Вы, говоритъ мнѣ житель слободы Уразовой: — забыли, если только знали, что съ тѣхъ поръ, т. е. со времени «Губернскихъ Очерковъ» Щедрина, отношенія станового къ мужику сильно измѣнились. Мужикъ, по старой привычкѣ, и теперь снимаетъ шапку передъ становымъ; но онъ знаетъ, что становой не завѣдуетъ теперь ни дорожной, ни подводной, ни постойной повинностью; эту власть ревниво охраняютъ за собою члены земскихъ управъ. Становой не можетъ приказать теперь, какъ становой Щедрина, носить мертвое тѣло по избамъ богатыхъ мужиковъ, а обязанъ сохранять его до пріѣзда судебнаго слѣдователя въ томъ видѣ, въ какомъ тѣло найдено; становой не можетъ подвергнуть мужика никакому взысканію за проступки. За этимъ строго слѣдятъ мировые судьи; мужикъ это знаетъ и не можетъ не знать, ибо, хотя онъ, по пословицѣ, и сѣръ, но умъ у него не волкъ съѣлъ. Подати собираетъ не становой, а волостное начальство, и до полиціи доходитъ дѣло уже тогда, когда, по распоряженію крестьянскаго присутствія, окажется нужнымъ принять экзекуціонныя мѣры».

Все это, что пишетъ житель о взаимныхъ отношеніяхъ мужиковъ и становыхъ, для меня очень ново. Я, конечно, не думаю, чтобы Россія, въ настоящее время, находилась въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ она изображена въ «Губернскихъ Очеркахъ» г. Щедрина, но не полагаю, чтобы она противу «Губернскихъ Очерковъ» г. Щедрина слишкомъ далеко ушла впередъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что она не достигла пока даже и того, чтобъ быть вполнѣ обезпеченною отъ натисковъ и махинацій разнаго рода ташкентцевъ. Потому житель напрасно перечисляетъ разные хорошіе законы, которыми нашъ мужикъ огражденъ отъ становыхъ.

Для меня, впрочемъ, главное теперь не въ этомъ, а въ томъ, что житель такъ горячо вступается за всѣхъ становыхъ россійской имперіи. Съ какой стати какой бы то ни было житель Слободы Уразовой будетъ распинаться за всѣхъ становыхъ приставовъ россійской имперіи? И какой житель можетъ, выражаясь словами Кузьмы Пруткова, не только обнять такое необъятное, какъ собраніе всероссійскихъ становыхъ, но даже и раскусить его до того, чтобъ, какъ о всѣхъ приставахъ вмѣстѣ, такъ и о каждомъ изъ нихъ порознь, утверждать, что они не могутъ достать мужика изъ за твердыни ограждающаго его закона? Очевидно, тутъ что-то неладно; очевидно, что подъ подписавшимъ корреспонденцію жителемъ скрывается не житель Слободы Уразовой, а кто-то другой. Кто же это? Сначала мнѣ пришло на мысль: не уразовскій ли это становой? Во-первыхъ, и стиль корреспонденціи нѣсколько отзывается полицейскимъ букетомъ, а потомъ и горячая защита становыхъ указываетъ на тотъ же источникъ. Кому ближе къ сердцу могутъ быть интересы всѣхъ становыхъ, какъ не становому? Но, поразмысливъ немного, я отказался отъ этой мысли. Становымъ нѣтъ никакого интереса настаивать на томъ, чтобы имъ поручался сборъ пожертвованій. У нихъ и безъ того, какъ я уже сказалъ, своихъ прямыхъ дѣлъ на службѣ по горло—сборъ пожертвованій только увеличилъ бы эту обузу безъ прямой для нихъ выгоды. Уразовскій становой, я думаю, очень даже благодаренъ мнѣ за то, что я поднялъ вопросъ о необремененіи становыхъ сборомъ пожертвованій и тѣмъ снялъ съ него на будущее время лишнюю тяготу.

Дѣлая разныя предположенія о томъ, кому могло быть выгодно написать уразовскую корреспонденцію, и соображая современное настроеніе умовъ въ Россіи и разныя газетныя извѣстія, я пришелъ, наконецъ, къ заключенію, что корреспонденція эта писана какимъ-нибудь софтой. Софтамъ выгодно теперь мутить Россію. Чѣмъ болѣе возникнетъ въ настоящее время въ русскомъ обществѣ вопросовъ, совершенно побочныхъ существу славянскаго дѣла или затемняющихъ прямой его смыслъ, тѣмъ болѣе внесется раздраженія, неосновательныхъ притязаній, разнаго рода похотѣній хищнической эксплуатаціи въ это дѣло, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма естественно послѣдуетъ охлажденіе значительной части общества къ дѣлу. А это, въ свою очередь, можетъ породить въ европейскихъ державахъ воззрѣнія и отношенія къ славянскому дѣлу совершенно неблагопріятныя для него, чего, конечно, только и добиваются теперь турки. Такихъ вопросовъ, совершенно побочныхъ, по моему мнѣнію, къ славянскому дѣлу, возбуждено у насъ, въ настоящее время, уже нѣсколько. Таковъ черняевскій вопросъ, таковъ вопросъ о территоріальномъ вознагражденіи Россіи за помощь славянамъ и т. п. Всѣ эти вопросы несомнѣнно навѣяны намъ софтами. Теперь нѣкоторый хитрый софта хотѣлъ усложнить славянскій вопросъ новымъ, совершенно также побоч-

нымъ вопросомъ, именно вопросомъ о томъ: могутъ ли исправники и становые собирать пожертвованія на славянъ, или нѣтъ? Съ этою цѣлію онъ пишетъ свою корреспонденцію въ газету, непрестанно повторяя въ этой корреспонденціи, что я противъ того, чтобы исправники и становые собирали пожертвованія. Онъ думалъ, что, какъ только въ прессѣ огласится, что есть такія изданія, сотрудники которыхъ противъ сбора исправниками и становыми пожертвованій на славянъ, то многіе заподозрятъ какую-нибудь хитрую механику и тотчасъ же, долго не думая, вступятся за исправниковъ и становыхъ, начнется ожесточенная полемика, все общество русское раздѣлится на двѣ половины: одна будетъ за исправниковъ и становыхъ, другая — противъ нихъ, а о туркахъ и славянахъ совсѣмъ забудутъ. На сей разъ продѣлки софты не удались.

Иной читатель можетъ, пожалуй, усомниться въ основательности моего подозрѣнія и подумать: «какіе софты? Могутъ ли софты осмѣлиться явиться къ намъ въ Россію? И что они могутъ дѣлать у насъ?» Жаль мнѣ васъ, мой благосклонный, но непроницательный читатель, жаль, что вы не чувствуете этихъ невидимыхъ, но, тѣмъ не мѣнѣе, кое-когда появляющихся дѣятелей. Что софты, въ настоящее время, есть въ Россіи и дѣйствуютъ въ ней подъ самыми разнообразными видами — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Въ «Новое Время» одинъ корреспондентъ писалъ, не помню уже изъ Оренбургской или изъ Вятской губерніи, что онъ видѣлъ четырехъ промелькнувшихъ по губерніи софтъ. Такая же корреспонденція была въ «Голосѣ» о софтахъ, появившихся въ Казанской губерніи. Нѣсколькихъ софтъ видѣли также на Кавказѣ и въ Крыму. Наконецъ, одинъ софта оказался до того смѣлъ, что явился даже въ Москвѣ, въ артистическомъ кружкѣ, въ образѣ Давыдова. Притворившись патріотомъ московскаго закала, находящимся притомъ въ состояніи разъяренія, онъ сначала публично площаднымъ образомъ обругалъ какого-то несчастнаго единственно за то, что тотъ, увлекшись разговоромъ съ дамою, не замѣтилъ, какъ начался народный гимнъ, и продолжалъ сидѣть, когда встали всѣ, а потомъ, когда случайнаго нарушителя общаго торжества взяли и повели изъ собранія, чтобы точно разузнать причину его страннаго для всѣхъ проступка, то софта черезъ нѣсколько залъ ринулся на него съ простертыми дланями, настигъ и избилъ.

Я думаю, что не безъ участія софтъ произошло и банкротство Θ. П Баймакова, этого замѣчательнаго финансиста и, смѣю сказать — одного изъ лучшихъ представителей нашего современнаго общества. По крайней мѣрѣ, само министерство народнаго просвѣщенія признало его достойнымъ возведенія на постъ благодѣтеля старѣйшей россійской газеты, а, слѣдовательно, и на постъ руководителя современнаго общества по всѣмъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики. И министерство не ошиблось. За послѣднее время, врученная Θ. П. Баймакову газета стала ничуть не хуже, чѣмъ была въ рукахъ В. Θ. Корша. Одно сгубило Θ. П. Баймакова, это—то, что онъ не вдругъ понялъ суть славянскаго вопроса и сначала сталъ къ нему въ какое-то колебательное отношеніе. Этимъ онъ возбудилъ большія надежды въ туркахъ, въ томъ числѣ, конечно, и софтахъ, на его помощь — и эта была его первая ошибка. Вторая ошибка состояла въ томъ, что онъ слишкомъ круто перемѣнилъ это первоначальное направленіе, сдѣлался самымъ ярымъ турконенавистникомъ и ревнителемъ русской оккупаціи, гегемоніи, а, если возможно, то и руссификаціи на Балканскомъ полуостровѣ. Дѣйствуя въ такомъ направленіи въ литературѣ, онъ сообразно съ этимъ устроилъ и свою биржевую дѣятельность—сталъ скупать акціи рыбинско-бологовской желѣзной дороги и привлекать къ нимъ общественные капиталы, рекомендуя рыбинско-бологовскія акціи, какъ самыя солиднѣйшія и доходнѣйшія изъ всѣхъ акцій. Софты мигомъ смекнули, къ чему клонилось дѣло. Извѣстно, что рыбинская желѣзная дорога— наша жизненная артерія, по которой быстро и во всякое время приливаютъ къ намъ хлѣбные запасы и, слѣдовательно, обезпечивается пропитаніе Россіи и значительной части арміи. Софты могли еще перенести измѣну Θ. П. Баймакова въ литературѣ, но не могли простить ему такой коварной дѣятельности противъ Турціи и на биржѣ, и, такъ какъ софты дѣйствуютъ за одно съ англичанами, то они жестоко отомстили ему, подорвавъ курсъ ненавистныхъ имъ рыбинско-бологовскихъ акцій на биржѣ. Послѣдствіемъ этого было то, что банки, въ которыхъ, по выраженію «Финансоваго Обозрѣнія», лежали цѣлые грузы рыбинско-бологовскихъ акцій, принадлежащихъ Θ. П. Баймакову, потребовали дополнительныхъ взносовъ, а вкладчики, вслѣдствіе наступившей дороговизны денегъ—своихъ вкладовъ, перезаложенныхъ Θ. П. Баймаковымъ также въ банки; для выкупа этихъ вкладовъ потребовались также большія деньги. Къ этому присоединились требованія по текущему счету. А такъ какъ у Θ. П. Баймакова всѣ обороты были основаны на благородствѣ и никакихъ собственныхъ капиталовъ не было, то крушеніе было неизбѣжно. Но г. Баймаковъ спокойно и свѣтло смотрѣлъ въ будущее, не вѣрилъ возможности своего крушенія. Ибо не допускалъ и мысли, чтобы правительство могло попустить рушиться его учрежденію. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ это видно изъ послѣдующаго, не какъ на биржевого аферіста, спекулянта и игрока, а какъ на благодѣтеля для людей съ маленькими капиталами. И, дѣйствительно, благодаря тому, что г. Баймаковъ давалъ хорошій процентъ по текущему счету, благодаря тому, что, въ качествѣ владѣтеля «Петербургскихъ Вѣдомостей» — старѣйшей оффиціальной

газеты, ему отъ министерства ввѣренной, онъ слылъ въ обществѣ за интеллигентнѣшаго и благороднѣйшаго изъ всѣхъ содержателей банковыхъ конторъ, въ его контору лились рѣкою и вклады, и взносы на текущій счетъ, и для храненія. Вкладчиковъ съ мелкими капиталами, ввѣрившихъ г. Баймакову свои крохи, было болѣе 3,000 человѣкъ. Вотъ почему, какъ это ни странно, но г. Баймакову могло казаться, что никто не допуститъ, чтобы столько недостаточныхъ людей столицы раззорились съ паденіемъ его банка, а слѣдовательно не допуститъ и его паденія. И, можетъ-быть, вслѣдствіе этого именно, при своемъ крушеніи, онъ дѣйствуетъ съ замѣчательнымъ озорствомъ, совершаетъ почти тоже, что совершаютъ записные «рыцари тумана», останавливающіе прохожихъ въ темныхъ закоулкахъ и отбирающіе у нихъ деньги, часы, шубы, шапки и т. п. Въ то время, когда положеніе его дѣлъ не могло не быть для него ясно, онъ продолжаетъ принимать взносы на храненіе, на текущій счетъ, принимаетъ все это не только за четыре, за три дня, за день до своего крушенія, но даже наканунѣ крушенія. «Наканунѣ своей несостоятельности, разсказываетъ «Финансовое Обозрѣніе»: т. е. въ четвергъ, г. Баймаковъ присутствовалъ на биржѣ и, вовсе не подавая вида о критическомъ положеніи дѣлъ своихъ, съ полнымъ спокойствіемъ производилъ обороты, а вечеромъ, говорятъ, поспѣшилъ къ неисчерпаемому источнику денежныхъ благъ, г. Ламанскому, съ заявленіемъ, что, если государственный банкъ не осчастливитъ его ссудою въ 30 тысячъ рублей (г. Полетика замѣчаетъ, что это вѣроятно—типографская ошибка, что, по слухамъ, г. Баймаковъ просилъ у управляющаго банкомъ 300,000 рублей) подъ одинъ только личный его кредитъ, совершенно безъ всякаго матеріальнаго обезпеченія, то онъ вынужденнымъ найдется прекратить свои финансовыя операціи и закрыть контору, въ которой сосредоточены мелкія сбереженія, въ видѣ вкладовъ и документовъ на храненіе, отъ 3200 болѣе или менѣе небогатыхъ лицъ. Само собою разумѣется, государственный банкъ не изъявилъ согласія принять въ свой портфѣль такія безнадежныя обязательства какъ соло-векселя г. Баймакова, а другихъ какихъ либо обязательствъ г. Баймаковъ предложить не могъ».

Что управляющій государственнымъ банкомъ не могъ дать никакого пособія г. Баймакову—это само собою понятно; но вотъ что непонятно: почему это у насъ каждый биржевой аферистъ, спекулянтъ, игрокъ можетъ питать надежды на помощь государственнаго банка и, опираясь на эту надежду, продолжать скрывать совершившееся уже свое крушеніе и раззорять довѣрчивыхъ кліентовъ? Замѣтьте, что случай съ Баймаковымъ—не первый; съ такою же надеждою на государственную помощь являлись къ министру финансовъ представители лопнувшаго московскаго ссуднаго банка.. Я думаю, что и государственный банкъ можетъ стать къ частнымъ банкамъ и банкирскимъ конторамъ въ другія отношенія—такія, которыя не будутъ обольщать ихъ ложными надеждами и, слѣдовательно, подавать поводъ къ раззоренію другихъ; а, главное, предотвратить подобныя раззоренія долженъ законъ. Мнѣ кажется, было бы вполнѣ справедливо подвергать уголовному преслѣдованію всѣхъ тѣхъ банкировъ и содержателей банкирскихъ конторъ, которые, видя свою несостоятельность, не объявляютъ объ этомъ немедленно, а продолжаютъ производить свои обычныя операціи, какъ будто ничего не случилось и дѣла ихъ находятся въ совершенномъ порядкѣ, и такимъ образомъ вполнѣ сознательно-умышленно обираютъ довѣрчивую публику. Подобныя операціи, по моему мнѣнію, не могутъ быть названы иначе, какъ воровствомъ-мошенничествомъ.

Для нашихъ банкировъ, содержателей банкирскихъ конторъ и вообще разныхъ кавалеровъ биржевой и банковой индустріи уголовная острастка нужна болѣе, чѣмъ для подобныхъ дѣятелей другихъ странъ. Иностранные банкроты и вообще обиратели чужихъ кармановъ трусливы и робки. Совершивъ обирательство, они стараются стушеваться, сбѣжать куда-нибудь, однимъ словомъ — улизнуть съ глазъ долой. Возьмемъ, напримѣръ, хотя обанкрутившуюся въ Мадридѣ, въ одно почти время съ г. Баймаковымъ, донну Балдомеру де-Ларру, основательницу знаменитой Casas de imposiciones. Она была также благодѣтельницей города Мадрида, заслужила имя «друга бѣдныхъ» и въ самомъ дѣлѣ пеклась о нихъ. На вносимые вклады она платила по 30 процентовъ въ мѣсяцъ. При такомъ неимовѣрно щедромъ процентѣ, бѣдные съ величайшей охотой несли къ ней свои послѣдніе реалы, и донна Балдомера де-Ларра набрала ихъ 19 милліоновъ; пять изъ нихъ она раздала въ уплату процентовъ, а съ остальными четырнадцатью, составляющими на наши деньги около милліона, т. е. почти туже сумму, на которую обанкротился и г. Баймаковъ, въ одинъ прекрасный день улепетнула изъ Мадрида. Напрасно несмѣтная толпа народа, ввѣрившая ей свои реалы, горячилась, не нашедши въ занимаемомъ донною домѣ ни ея самой, ни слѣдовъ своихъ реаловъ и кассы; напрасно горячился испанскій министръ внутреннихъ дѣлъ, приказавъ разослать 200 телеграммъ всѣмъ полицейскимъ начальствамъ съ приказаніемъ задержать бѣглянку. Сама природа ей благопріятствовала. Проливной дождь прекратилъ дѣйствіе телеграфа на неопредѣленное время—можетъ быть, именно на столько, сколько нужно было доннѣ Балдомера де-Ларра, чтобы переѣхать за Пиренеи.

«Да вы говорите Богъ знаетъ что! можетъ сказать мнѣ на это читатель. — Вы говорите о прямомъ воровствѣ, съ которымъ банкротство г. Баймакова не имѣетъ никакого сходства. Иное дѣло — растратить чужія деньги неожиданно для

себя и противъ своего желанія и усилій черезъ рядъ неудавшихся аферъ, иное дѣло — набрать себѣ чужихъ денегъ прямо съ цѣлью похитить ихъ и бѣжать.» Совершенно вѣрно. Но для васъ, читатель, не все ли равно: какъ будутъ растрачены ваши деньги лицомъ, которому вы ихъ довѣрили — при посредствѣ ли аферы, или прямо похищены? Вѣдь у васъ ихъ все равно не будетъ. И, еслибы вы знали впередъ, что банкиръ, которому вы вручаете ваши деньги въ твердой увѣренности, что онъ обладаетъ хорошимъ капиталомъ, что онъ — человѣкъ вполнѣ честный, что онъ не злоупотребитъ вашимъ довѣріемъ и ни въ какомъ случаѣ не пуститъ въ опасный рискъ ввѣренныхъ ему чужихъ капиталовъ, еслибы вы, говорю, впередъ знали, что этотъ самый банкиръ вдругъ окажется недобросовѣстнымъ аферистомъ, который, не имѣя никакого собственнаго капитала, будетъ именно на ваши деньги, безъ вашего вѣдома, вести самую отчаянную игру, подвергая ихъ всевозможнымъ случайностямъ, то неужели вы и въ такомъ случаѣ не предпочли бы, чтобы онъ лучше поступилъ съ вами, какъ донна Балдомера, т. е. просто взялъ бы и сбѣжалъ съ вашими деньгами, чѣмъ истребилъ ихъ въ аферахъ? Я, по крайней мѣрѣ, всегда лучше согласился бы на первый пріемъ по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, донну Балдомеру могутъ еще и поймать и отобрать у нея половину, а можетъ быть двѣ трети и даже болѣе похищенныхъ ею денегъ; слѣдовательно, у ввѣрившихъ ей свои деньги все еще остается надежда и, можетъ быть, не напрасная, что они болѣе или менѣе значительную часть своихъ денегъ воротятъ; деньги же, растраченныя на аферы—вполнѣ и окончательно погибшія деньги; во-вторыхъ, каждый потерпѣвшій надъ воромъ можетъ отвести свою душу на разныя манеры, смотря по своему темпераменту и уровню своего развитія: онъ можетъ и побить его, и къ суду притянуть и, въ томъ и въ другомъ случаѣ, морально, въ душѣ будетъ нѣсколько удовлетворенъ за понесенную имъ потерю. Но что вы, спрашиваю я васъ, будете дѣлать съ аферистомъ, погубившимъ ваши, можетъ быть, кровныя деньги—деньги, въ которыхъ заключалось все ваше состояніе, скопленное вами въ теченіи десятковъ лѣтъ цѣною тяжкихъ трудовъ, всевозможныхъ лишеній и т. п.? Побить его вы не можете. Какъ можно! Онъ васъ привлечетъ къ суду: за что вы его, благороднаго труженика, цѣлые дни просиживавшаго въ своей конторѣ, нѣкоторымъ образомъ, для вашего же благоденствія, оскорбили дѣйствіемъ? И вы подвергнетесь отвѣтственности. Потянуть его къ суду за то, что онъ злоупотребилъ вашей довѣренностію? что въ отчаянныхъ спекуляціяхъ орудовалъ вашими деньгами, какъ своими, безъ всякаго на то права—мало того: даже разорившись, все еще скрывалъ свое разореніе и бралъ деньги—вы, конечно, можете. Но какая вамъ будетъ отъ этого польза?—На защиту аферіста явятся гг. Плевако, Утинъ, Лохвицкій. Плевако скажетъ, что у васъ не было никакого условія съ аферистомъ относительно пользованія вашими деньгами, да еслибъ и было, то это ничего не значитъ: злоупотребленіе его, все-таки—дѣло чисто гражданское. Грѣхъ было, дескать—и онъ. Плевако, совершенно согласенъ съ этимъ—аферисту N чужія деньги растрачивать, какъ свои; но только грѣхъ—не болѣе, а преступленія тутъ никакого нѣтъ. Утинъ подтвердитъ слова Плевако и добавитъ, что пострадавшее лицо тутъ—не вы, а именно аферистъ, потому: онъ разоренъ, а вы лишились только избытковъ, и то изъ-за вашей жадности къ наживѣ. Вы сами и ваши дѣти и за потерею этого избытка будете сыты и одѣты, а аферистъ и дѣти его будутъ теперь нищими. Въ довершеніе всего этого, раскроетъ евангеліе и прочтетъ, указывая на Баймакова и дѣтей его: «Блаженни алчущіе и жаждующіе правды ради, яко тіи насытятся». Лохвицкій удостовѣритъ, что насчетъ случившагося съ аферистомъ казуса никакого наказанія въ уголовномъ кодексѣ нѣтъ, а потому и преступленія тутъ никакого быть не можетъ, а есть, можетъ быть, нѣкоторая неблаговидность, которая потерпѣвшимъ можетъ быть и не нравится, но это—дѣло личнаго вкуса. За симъ послѣдуетъ оправдательный приговоръ, пускающій аферіста на всѣ четыре стороны для новаго уловленія довѣрчивой публики, а вы, съ сжатыми кулаками и зубовнымъ скрежетомъ, выйдете изъ суда еще болѣе разъяренными, чѣмъ вошли туда. Этимъ и кончатся всѣ ваши поиски, если вы захотите искать удовлетворенія.

И въ этомъ именно заключается причина, почему наши грандіозные банкроты и обиратели чужихъ кармановъ не только не бѣгутъ никогда и не стушевываются, не прячутся, когда послѣдуетъ разореніе, а, напротивъ—предстаютъ всюду съ величавымъ видомъ и спокойствіемъ, не проявляя на лицѣ своемъ никакихъ признаковъ, ни даже слѣдовъ стыдѣнія. Точно они совершили гражданскій подвигъ! Посмотрите: Полянскій, Ландау, Борисовскій, растративъ семь милліоновъ, преспокойно являются къ министру и говорятъ: мы растратили семь милліоновъ изъ ввѣреннаго нашему управленію банка, но мы предстаемъ передъ вами въ твердой увѣренности, что это не можетъ возбудить въ васъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно нашей честности, усерднаго исполненія нами нашихъ обязанностей и нашей ревности къ пользамъ государства и что вы не откажетесь дать намъ милліонъ или два изъ государственнаго казначейства для нашихъ дальнѣйшихъ операцій. Шумахеръ пустился даже въ литературу и сталъ доказывать, что, вынимая свой вкладъ изъ разореннаго банка, онъ не совершилъ ничего такого, за что бы онъ могъ упрекнуть себя. Обанкротившійся Θ. Н. Баймаковъ смѣло является къ управляющему государственнымъ банкомъ и говоритъ, что, если

ему государство не дастъ 300,000 р. для его оборотовъ, то 3,000 слишкомъ душъ его бѣдныхъ кліентовъ, которыхъ онъ облагодѣтельствовалъ, будутъ раззорены!

Какъ разъ въ тотъ вечеръ, когда г. Баймаковъ получилъ отказъ отъ управляющаго государственнаго банка на свою просьбу и когда банкротство его стало извѣстно въ городѣ, я проѣзжалъ мимо конторы г. Баймакова. Контору окружала огромная толпа народу. Сначала я подумалъ: не пожаръ ли тутъ? Но потомъ узналъ въ чемъ дѣло и искренно пожалѣлъ Θ. П. Баймакова. Переживать подобныя минуты, думалъ я, какой бы ни былъ Баймаковъ человѣкъ—очень тяжело. Признаюсь, мысленно я былъ въ это время не на сторонѣ потерпѣвшихъ кліентовъ г. Баймакова. Мнѣ казалось, что въ этихъ людяхъ, которые собрались осаждать, точно брать приступомъ, контору Баймакова, должна быть значительная доза безсердечія. Зачѣмъ они собрались къ человѣку раззоренному именно въ первый моментъ его раззоренія—моментъ самый для него тяжелый, и притомъ безъ всякой нужды и пользы для себя?—Разъ банкротство объявлено—они не могутъ получить ни больше, ни меньше, чѣмъ другіе, и не все ли имъ равно быть или не быть на глазахъ раззореннаго въ самый моментъ его раззоренія. О! какъ, думалъ я, долженъ страдать и убиваться этотъ человѣкъ. Какія адскія мученія долженъ испытывать онъ, видя передъ собою эту огромную толпу раззоренныхъ имъ людей! Настолько ли онъ силенъ характеромъ, чтобъ перенести эти мученія, не наложивъ на себя рукъ!—Такія мысли не оставляли и волновали меня цѣлый вечеръ того дня, когда объявлено было банкротство Баймакова.

На другой день, утромъ, беру я въ руки «Петербургскія Вѣдомости» и—не вѣрю глазамъ своимъ. На томъ же мѣстѣ, гдѣ была и всегда, красуется биржевая хроника. Правда, обычной подписи Θ. П. Баймакова подъ нею не видно, не видно и прежней игривости въ хроникѣ, но стиль хроники несомнѣнно его, и мудрость... Кто же другой можетъ говорить такъ увѣтливо, такъ успокоительно, съ такимъ помазаніемъ? О, это несомнѣнно—онъ. Что намъ за дѣло, что нѣтъ его имени! Не «сердце ли наше горя бѣ» въ насъ, когда мы читали его хронику, отвѣтили бы тѣмъ, которые бы усомнились: онъ ли это? Да, это несомнѣнно—онъ. Очевидно, обрушившіяся надъ нимъ несчастія не сокрушили его и не сломили. Въ тотъ самый вечеръ, когда объявлено было его банкротство, когда толпа разныхъ россійскихъ санкюлотовъ (безштанниковъ), ремесленниковъ, педагоговъ, медиковъ и т. п. осаждала его контору, онъ сидѣлъ и поучалъ насъ необходимости смиренномудрія и самособранности духа во время постигающихъ насъ разныхъ невзгодъ и напастей. «Пріостановленіе платежей товариществомъ на вѣрѣ Θ. П. Баймаковъ и К° произвело (такъ гласила хроника) неблагопріятное вліяніе на настроеніе биржи. Въ Москвѣ, вслѣдствіе извѣстія объ этомъ, сообщеннаго по телеграфу, дѣло дошло чуть не до паники». Это показываетъ, говоритъ хроника, «насколько осторожность и спокойное взвѣшиваніе данныхъ обстоятельствъ должно преобладать, если не желаютъ, во что бы то ни стало, породить общій переполохъ, дальнѣйшихъ послѣдствій котораго предвидѣть нельзя. Если когда-нибудь, то именно въ настоящее время, каждый долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что разсѣять скопившіяся тучи общаго недовѣрія можно только хладнокровнымъ соображеніемъ, но ничуть не слѣпымъ увлеченіемъ».

Это назиданіе о спокойствіи и самообладаніи въ несчастіяхъ, въ устахъ обанкротившагося Θ. П. Баймакова, напомнило собою подобное же назиданіе Тиблена, который, захвативъ деньги, бѣжалъ заграницу и оттуда писалъ обобраннымъ имъ, чтобы они не волновались, а продолжали спокойно трудиться, въ твердомъ упованіи, что Господь Богъ также благословитъ ихъ трудъ, какъ благословилъ его. Но какая разница! Тибленъ писалъ уже совершенно успокоенный, спустя долгое время послѣ совершоннаго имъ событія, т. е. обобранія имъ магазина, а Θ. П. Баймаковъ пишетъ въ день самаго событія!

Прошу извиненія у читателей за такое длинное мое отступленіе отъ главнаго предмета моего собесѣдованія—отъ софтъ, къ которымъ теперь снова обращаюсь.

Пусть не забываетъ читатель, что я только предполагаю, что софты раззорили Баймакова, а утверждать этого достовѣрно никакъ не могу. Многіе говорятъ, что софтамъ тутъ вовсе и трудиться было не надъ чѣмъ, что Баймаковъ, дескать, былъ раззоренъ съ того самаго времени, какъ вышелъ изъ товарищества Жадиміровскій, и только казался нераззореннымъ, сводя кой-какъ, при помощи закладовъ и перезакладовъ чужихъ денегъ, концы съ концами. Такимъ, по словамъ ихъ, банкиромъ, какимъ былъ Баймаковъ, можетъ сдѣлаться всякій и, если не встрѣтится какихъ-нибудь замѣшательствъ, имѣющихъ неблагопріятное вліяніе на биржу въ родѣ нынѣшнихъ, то можетъ благополучно вести свои банкирскія дѣла до смерти и даже передать свое честное банкирское имя своимъ наслѣдникамъ. Рецептъ для этого слѣдующій: займите 15 тысячъ рублей и открывайте банкирскую контору. Разъ вы открыли банкирскую контору, вы имѣете право совершать всѣ тѣ операціи, какія совершаетъ и каждый банкъ. Хотя бы эти операціи простирались до милліона милліоновъ рублей—все равно: съ васъ ничего болѣе въ обезпеченіе не потребуется, кромѣ тѣхъ 15 тысячъ, которыя вы внесли, а затѣмъ вы ничьему контролю въ вашихъ дѣйствіяхъ не подлежите и ни къ какому публичному отчету въ нихъ не обязываетесь. Теперь, смотря по цѣли, которую вы себѣ предположили, вы можете избрать одинъ изъ двухъ путей для

вашей дѣятельности: или *чрезвычайный*, или *обыкновенный*. Если вы хотите набрать какъ можно поскорѣе и какъ можно побольше въ ваши руки денегъ и затѣмъ съ ними улизнуть изъ отечества, то вы идите путемъ чрезвычайнымъ, дѣйствуйте такъ же, какъ дѣйствовали знаменитые предшественники ваши на этомъ пути, основательница дахаускихъ банковъ въ Мюнхенѣ, Адель Шпитцедеръ, или современный вышеупомянутый мною мадридскій «другъ бѣдныхъ», донна Балдомера де-Ларра, т. е.: назначьте наивозможно большій процентъ на взносы, какъ по текущему счету, такъ и по вкладамъ, напримѣръ, по 5% и даже по 10% въ мѣсяцъ, и вамъ, въ теченіи одного года, нанесутъ денегъ не менѣе двухъ милліоновъ. Однимъ изъ нихъ вы уплатите проценты, а съ другимъ вы можете, въ одинъ прекрасный день, отправиться куда-нибудь подальше: напримѣръ, въ Америку, Австралію, Японію и т. д. и будете тамъ благополучно процвѣтать. Вы скажете, что никто не будетъ имѣть довѣрія къ конторѣ, если объявить такой чудовищный процентъ, и вся пресса завопитъ о такомъ явномъ обманѣ. Но вѣдь донна Балдомера де-Ларра давала еще и не такой чудовищный процентъ — не 5% или 10%, а 30% платила въ мѣсяцъ, а вѣрили же! и какъ вѣрили-то! цѣлыхъ 19 милліоновъ реаловъ наносили. Напрасно испанская пресса надрывалась и кричала, что это—обманъ, самый гнусный и наглый обманъ, грабежъ и т. д. Никто не вѣрилъ. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ значить легковѣсное слово прессы передъ реальностью факта, всѣми видимаго? Человѣкъ объявилъ, что будетъ платить своимъ вкладчикамъ по 30% въ мѣсяцъ и платитъ кому слѣдуетъ самымъ аккуратнымъ образомъ. А вы кричите, что онъ—обманщикъ. Кто-жъ вамъ повѣритъ? Кромѣ того: противъ каждаго яда есть свое противоядіе; противъ прессы можетъ ратовать пресса же. У Адели Шпитцедеръ было на откупѣ, помнится, двѣ газеты, которыя имѣли главною своею задачею—воспѣвать ея добродѣтели... Тоже можете сдѣлать и вы, и, по мѣрѣ того, какъ ваша пресса будетъ прославлять ваши добродѣтели, вы самимъ дѣломъ, т. е. вашимъ внѣшнимъ поведеніемъ, по возможности, поддерживайте ее. Помните, что попоститься вамъ придется всего какой-нибудь годъ. Вашу банкирскую контору устройте гдѣ-нибудь недалеко отъ Казанскаго собора, церковныхъ службъ въ воскресные и праздничные дни не пропускайте, пятаковъ для нищихъ не жалѣйте, не худо при этомъ, если вы, подобно г. Утину, будете имѣть въ хорошемъ бархатномъ переплетѣ евангеліе и въ своихъ бесѣдахъ почаще приводить во свидѣтельство слова Спасителя. Помните, что впереди васъ ждетъ не какой-нибудь адвокатскій гонораръ, даже съ крупнаго процесса, въ 10 или 20 тысячъ рублей, а милліонъ въ одинъ годъ. Стоитъ потрудиться, и «могій вмѣстити, да вмѣститъ». Это—путь чрезвычайный, а другой путь — обыкновенный, которымъ шелъ и Θ. П. Баймаковъ. Если вы не только не хотите улизнуть изъ общества, а напротивъ, хотите занимать въ немъ почетное мѣсто, удостоиться сношеній съ высокими особами, сдѣлаться руководителемъ общества, получивъ въ свое обладаніе литературный оффиціальный органъ, и т. д. и т. д., то назначьте по текущимъ взносамъ и по вкладамъ процентъ значительный въ сравненіи съ казеннымъ, но умѣренный, скажемъ примѣрно — въ 7%, 8%, если государственный банкъ даетъ 5%; затѣмъ, примите себѣ за правило въ разсчетахъ ни съ кѣмъ не шильничать, какъ это водится въ русскихъ банкирскихъ конторахъ, а ведите дѣло на чистоту, по европейски: какая цѣна какой бумаги стоитъ въ биржевомъ бюллетенѣ, такую и берите со всѣхъ, кто бы къ вамъ ни пришелъ—ничего ли непонимающій мужикъ, или даже младенецъ; во всѣхъ разсчетахъ будьте всегда точны и аккуратны, какъ относительно времени, такъ и относительно денегъ, еслибы дѣло шло только о гривенникѣ и даже копѣйкѣ. Вотъ вамъ и вся мораль. Соблюдая ее въ точности, вы прослывете честнѣйшимъ изъ банкировъ, заслужите уваженіе у высокопоставленныхъ лицъ и найдете у нихъ въ нужныхъ случаяхъ руку помощи, сдѣлаетесь обладателемъ оффиціальнаго правительственнаго органа, руководителемъ общественнаго мнѣнія въ Россіи по вопросамъ литературнымъ, общественнымъ и политическимъ, членомъ литературнаго фонда, а современемъ и главою русскихъ литераторовъ; насчетъ денегъ не безпокойтесь: у васъ ихъ будетъ всегда довольно, и если, какъ я уже сказалъ, не будетъ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ замѣшательствъ въ политикѣ, вы умрете банкиромъ и свое честное банкирское имя передадите вашему сыну.

Однако, я опять увлекся дѣломъ г. Баймакова. Я хотѣлъ сказать только, что мысль объ участіи софтъ въ банкротствѣ Баймакова—не есть что-нибудь достовѣрное: это — не болѣе, какъ мое предположеніе. Но что софты имѣли вліяніе на настроеніе нашего общественнаго мнѣнія относительно славянскаго вопроса, что они, на сколько могли, мутили это мнѣніе—въ этомъ, мнѣ кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Посмотрите каково было наше увлеченіе славянскимъ вопросомъ въ началѣ и во что оно превратилось потомъ.

Когда возстали два миніатюрныя славянскія княжества, Сербія и Черногорія, и вступили въ борьбу съ Турціей за освобожденіе своихъ братьевъ-славянъ, призывая къ участію въ этой борьбѣ сопредѣльныя имъ Румынію и Грецію, тогда встрепенулось и русское общество. Оно почувствовало, что ему нельзя болѣе оставаться въ томъ пассивномъ состояніи одного сочувствія, въ какомъ оно находилось въ теченіи болѣе полугода, во время герцеговинскаго возстанія, ограничивая свою помощь только незначительными

приношеніями въ пользу раненыхъ и больныхъ, что теперь стала нужна другая помощь — не только болѣе дѣятельная, но и болѣе дѣйствительная — безъ которой маленькія геройскія княжества, бросившіяся самоотверженно въ борьбу за освобожденіе своихъ братьевъ, могутъ сдѣлаться жертвою своего самоотверженія и погибнуть. Какая, главнымъ образомъ, нужна была помощь — на это указывалъ первый волонтеръ русскаго пробуждавшагося общества, генералъ Черняевъ, сдѣлавшійся начальникомъ одной изъ сербскихъ армій. Безъ всякаго призыва правительства, единственно слѣдуя его примѣру, потекли русскіе добровольцы въ Сербію. Вѣсть о первыхъ павшихъ въ бою съ турками русскихъ офицерахъ, о неудовлетворительномъ состояніи сербской арміи вызвала тысячи новыхъ добровольцевъ изъ всѣхъ концовъ Россіи. Рядомъ съ этимъ, всюду полились пожертвованія на обмундированіе, отправку добровольцевъ, на содержаніе ихъ въ Сербіи, на устройство госпиталей, на докторовъ для нихъ, на помощь раненымъ и разореннымъ и т. д. Начался русскій крестовый походъ, начался потому единственно, что, какъ объяснялъ покойный нашъ государь англійскому послу лорду Гамильтону Сеймуру передъ крымскою войною: «il n'est pas un Russe qui ne désire une croisade chrétienne pour délivrer la mosquée de Sainte-Sophie; je ne la désire pas moins qu'un autre, mais personne ne désirera voir le Kremlin transporté aux Sept-Tours». Вотъ, въ своемъ чистомъ видѣ, идея первоначальнаго русскаго движенія за славянъ, и идея чисто народная, ибо бусурманъ-татаринъ, турокъ, съ испоконъ вѣку — врагъ русскаго православнаго люда, бившагося съ нимъ въ продолженіи столѣтій; онъ и теперь остается врагомъ его, ибо владѣетъ священными для него мѣстами: гробомъ господнимъ, храмами святой Софіи, Аѳонскою горою, оскверняетъ ихъ, угнетаетъ православныхъ, находящихся въ его власти и идущихъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Биться съ бусурманомъ за освобожденіе православныхъ, какъ и за освобожденіе святыхъ мѣстъ, находящихся въ его рукахъ, народъ считаетъ своимъ святымъ дѣломъ. Еслибы русское движеніе оставалось на этой народной почвѣ, то, воюй Сербія съ Турціей пять, десять лѣтъ, она всегда бы нашла богатый источникъ свободной, общественной помощи въ Россіи: никогда не оскудѣло бы ни число людей, желающихъ биться съ турками, ни количество всевозможныхъ приношеній. На почвѣ народной идеи примирялись всѣ интересы — и интересы образованнаго общества, интересы родственныхъ намъ народностей освобождаемыхъ, и интересы другихъ родственныхъ намъ народностей, чающихъ отъ насъ помощи въ будущемъ, и, наконецъ, интересы Европы. Русское движеніе за славянское дѣло на этой почвѣ привлекало къ себѣ симпатію всѣхъ. Ибо, какъ въ сферѣ частныхъ отношеній, такъ и международныхъ, *нѣтъ большей любви*, а, слѣдовательно, большей нравственной красоты, *да аще кто душу свою положитъ за други своя*.

Такая чистая постановка славянскаго вопроса въ русскомъ движеніи, естественно, не могла нравиться софтамъ; она была противна, разрушительна для нихъ, и вотъ они начали разстроивать русское общество, развивать въ немъ плотоядные инстинкты, тащить его съ почвы народной на почву буржуазной политической экономіи, основной принципъ которой гласитъ: даждь мало, если возможно — ничего, и возьми какъ можно больше, а если подвернется счастливый случай, то и все. Принципъ этотъ признается, какъ извѣстно, до сихъ поръ, основнымъ принципомъ и отживающей свой вѣкъ старой школы дипломатовъ, столько же узкой по своимъ политическимъ воззрѣніямъ, сколько безчестной по своему нравственному характеру. Въ газетахъ стали появляться заявленія въ такомъ родѣ, что, дескать, даромъ никто не трудится и что, если мы будемъ воевать за славянъ, то намъ, по всѣмъ правамъ, надобно имѣть какое-нибудь территоріальное вознагражденіе, напримѣръ — въ освобожденной нами Болгаріи или въ Константинополѣ и т. п. Этимъ внесено было первое раздвоеніе въ сознаніе русскаго общества относительно славянскаго вопроса и первое охлажденіе къ нему въ болѣе или менѣе значительной части общества. Есть очень много людей, которые готовы лично драться за освобожденіе Болгаріи, готовы жертвовать для этого освобожденія всѣмъ, чѣмъ могутъ, но разъ вы возбудите въ нихъ подозрѣніе, что вы хлопочете о присоединеніи Болгаріи, Константинополя и т. д. къ Россіи, вы, вмѣсто союзниковъ, пріобрѣтете въ нихъ враговъ для вашего дѣла. И это не потому, чтобы они были дурные патріоты: напротивъ, они любятъ Россію, можетъ быть, болѣе — это, впрочемъ, даже и не можетъ быть, а несомнѣнно гораздо болѣе — всѣхъ любителей присоединеній; но меттерниховскую политику, политику присоединеній, считаютъ позорною и безчестною и съ отвращеніемъ относятся ко всѣмъ присоединеніямъ культурныхъ народовъ, въ томъ числѣ и Эльзаса-Лотарингіи къ Германіи. Ибо думаютъ, что каждый культурный народъ, а, слѣдовательно, и болгаре, долженъ быть счастливъ по своему желанію и идеалу и что присоединеніе Болгаріи къ Россіи ни въ какомъ отношеніи и Россіи не осчастливило бы, а, напротивъ, есть всякая вѣроятность думать, что искренно-привязанныхъ теперь къ Россіи болгаръ превратило бы въ самыхъ искреннихъ враговъ ея. То же самое должно сказать и о присоединеніи къ Россіи Константинополя.

Мысли эти, впрочемъ, не только не новыя, а весьма и даже весьма старыя, и можно только удивляться, что такое давно изношенное и давно брошенное старьё можетъ становиться для насъ, русскихъ, вопросомъ дня. Еще покойный мине-

раторъ, въ помянутомъ выше разговорѣ съ лордомъ Сеймуромъ, между прочимъ, говорилъ ему: «Относительно Константинополя я никакъ не имѣю иллюзій императрицы Екатерины. Напротивъ, въ безмѣрномъ протяженіи Россіи я вижу ея единственную, настоящую опасность. Я желалъ бы Турцію сдѣлать настолько сильною, чтобы ее уважали другія державы. Но если ей суждено погибнуть, нужно, чтобы Россія и Англія согласились занять ея мѣсто чѣмъ нибудь лучшимъ. Потому я предлагаю изъ Дунайскихъ Княжествъ, Сербіи и Болгаріи образовать независимое государство, подъ протекціей Россіи, и я объявлю (торжественно), что Россія не имѣетъ ни малѣйшаго желанія завладѣть турецкими областями». На другой день, въ разговорѣ съ тѣмъ же лордомъ Сеймуромъ, покойный государь сказалъ ему: «Еслибы одинъ изъ русскихъ императоровъ, въ одинъ прекрасный день, завоевалъ Константинополь или прочно занялъ его, сдѣлавъ его неприступнымъ, то съ этого дня начался бы упадокъ Россіи. Еслибы я не перенесъ туда моей резиденціи, то это сдѣлалъ бы мой сынъ или, можетъ быть, мой внукъ; но, во всякомъ случаѣ, рано или поздно, это случилось бы, потому что Босфоръ теплѣе, пріятнѣе и красивѣе, чѣмъ Петербургъ или Москва, а разъ русскій царь сѣлъ въ Константинополѣ, Россія перестаетъ быть Россіей. Такого исхода не можетъ пожелать ни одинъ русскій. Немного найдется даже такихъ, которые вѣрили бы въ возможность этого».

Мы не можемъ не вѣрить полной искренности этихъ словъ покойнаго государя, ибо, въ 1829 году, русскія войска стояли передъ беззащитнымъ Константинополемъ, и «имъ, какъ писалъ потомъ графъ Нессельроде, ничего не стоило пойдти въ Константинополь и ниспровергнуть турецкую имперію. Никакая держава не могла бы воспрепятствовать этому, никакая непосредственная опасность намъ не угрожала, еслибы мы захотѣли нанести послѣдній ударъ оттоманской имперіи». Константинополь не былъ взятъ только потому, что не только во владѣніи имъ, но и въ прочномъ его занятіи, императоръ видѣлъ опасность для будущаго Россіи.

Если принять во вниманіе, что приведенныя нами выше воззрѣнія на опасность, угрожающую Россіи отъ завладѣнія Константинополемъ, вообще отъ стремленія къ территоріальнымъ присоединеніямъ, на отношеніе ея къ славянскимъ племенамъ, на устройство послѣднихъ высказаны назадъ тому слишкомъ двадцать лѣтъ, то нельзя не удивляться широтѣ этихъ воззрѣній, тѣмъ болѣе, что императоръ ясно сознавалъ необходимость свободнаго выхода для Россіи въ Средиземное море и, слѣдовательно, всю важность владѣнія Босфоромъ, и требовалъ только одного — чтобы этимъ ключемъ къ Средиземному морю не владѣла Англія. Всѣ эти мысли, высказанныя на случай окончательнаго распаденія турецкой имперіи, имѣли бы, съ небольшими, быть можетъ, только измѣненіями, свою полную цѣнность и для Россіи настоящаго времени. Даже степень значенія Босфора для Россіи опредѣлена совершенно вѣрно, то есть, чисто условнымъ образомъ. Для Россіи шестидесятыхъ годовъ, пока не существовало еще ни единой Германіи, ни единой Италіи, могло угрожать большою опасностію владычество Англіи на Босфорѣ, какъ единственной сильной морской державы. Но, кромѣ Англіи, она и тогда могла дозволить утвердиться здѣсь всякой другой странѣ. Теперь, въ виду возростанія двухъ новыхъ морскихъ державъ, Германіи и Италіи, для насъ владычество Англіи на Босфорѣ не такъ уже страшно, какъ было назадъ тому двадцать лѣтъ, хотя все еще нежелательно. А придетъ время, и очень скоро, когда морской престижъ Англіи, въ виду совокупнаго флота Европы, совершенно падетъ и тогда Босфоръ въ ея рукахъ будетъ имѣть не болѣе значенія, чѣмъ онъ имѣлъ его и въ рукахъ Абдулъ-Азиса. По мѣрѣ того, какъ возростаетъ сила и союзъ европейскихъ народовъ, падаетъ и значеніе тѣхъ средостѣній, которыя раздѣляли въ прежнее время враждебные между собою народы Европы. Прежде для народовъ, сидѣвшихъ въ верховьѣ рѣки или въ половинѣ ея теченія, весьма было важно: кто владѣетъ ея устьемъ—враждебный ли народъ, или дружественный; точно также для народовъ, сидѣвшихъ при одномъ морѣ, имѣло еще болѣе значенія: кто владѣетъ проливомъ въ другое море и т. д. Но, въ настоящее время, все равно, кто бы ни сидѣлъ при устьѣ рѣкъ, кто бы ни владѣлъ входомъ и выходомъ изъ морей—другъ или недругъ и т. д. Всякій, сидящій при устьѣ ли рѣки, или при проходѣ изъ одного моря въ другое, если онъ не понимаетъ собственной выгоды, долженъ подчиняться силѣ европейскихъ трактатовъ и чинить свободный пропускъ кому указано, иначе онъ и сидѣть тамъ не будетъ. Странно, поэтому, что, когда въ нашей печати зашелъ вопросъ о томъ: кому владѣть Константинополемъ, въ случаѣ смерти или изгнанія *больного человѣка* изъ Европы? поднятъ былъ весь археологическій хламъ аргумснтовъ прежняго времени о политическомъ значеніи устьевъ рѣкъ, проливовъ и т. д., на основаніи чего доказывалось, что мы необходимо должны владѣть Константинополемъ, ибо-де, для насъ, живущихъ при Черномъ морѣ, единственный выходъ черезъ него въ Средиземное морѣ. Точно только мы одни живемъ при Черномъ морѣ и точно однимъ намъ нуженъ выходъ въ Средиземное море! Кромѣ того, если для насъ важенъ выходъ въ Средиземное море, то для другихъ народовъ, живущихъ при немъ и при другихъ моряхъ, съ нимъ сообщающихся, настолько же важенъ входъ въ Черное море! Еслибы европейскіе народы стали вести споры изъ-за того, кому сидѣть при входахъ и при выходахъ изъ морей, то они всѣ передушили бы другъ друга изъ-за обладанія однимъ Гибралтаромъ.

Несостоятельность подобныхъ аргументовъ очевидна сама собою. Въ наше время, ихъ простительно повторять развѣ только какому-нибудь хлыщу изъ дипломатовъ старой школы, который, не имѣя никакого понятія о томъ, для чего существуетъ дипломатія и онъ самъ, ея представитель, всю суть своего служенія полагаетъ въ томъ, чтобы способствовать увеличенію территоріи своего отечества тѣмъ или другимъ территоріальнымъ присоединеніемъ. Мы и завели рѣчь объ этихъ аргументахъ не потому, чтобы думали, что, явившись въ прессѣ, они увеличили въ образованномъ классѣ число любителей присоединеній, а потому только, что начавшаяся на основаніи ихъ въ прессѣ пропаганда о необходимости присоединеній внесла розпь въ наше общество относительно славянскаго вопроса, охладила къ нему очень многихъ. Пожертвованія послѣ этого быстро уменьшились. Напрасно расторопные исправники и становые старались возбудить прежнее воодушевленіе; его не стало: Почему? Это очень понятно. Представьте себѣ, что нѣмцы освободили бы насъ отъ чьего-нибудь гнёта, но за это захотѣли бы присоединить насъ къ себѣ и стали вводить у насъ нѣмецкіе порядки. Никто не будетъ спорить, что нѣмцы—народъ гораздо болѣе насъ культурный, а въ наукѣ ушли безконечно далѣе насъ; и, однакожъ, ни одинъ русскій не согласился бы стать подъ ихъ власть, не захотѣлъ бы быть ими осчастливленъ. Почему? Да просто потому, что у насъ, какъ у народа, есть свой идеалъ жизни: худъ ли онъ, хорошъ ли, но мы его любимъ, желаемъ осуществить его и имѣемъ самолюбіе думать, что когда онъ осуществится, то мы будемъ лучше нѣмцевъ, а потому желаемъ и готовы драться за то, чтобы нѣмцы были сами по себѣ, а мы—сами по себѣ. Точно также должно сказать и о Болгаріи. У нея есть свое прошедшее и свои идеалы относительно будущаго. Чтобы мы освободили ее отъ гнёта турокъ—этого она желаетъ, но чтобы мы дали ей свои порядки—этого она никакъ не пожелаетъ и пожелать не можетъ... Въ ряду другихъ европейскихъ государствъ, мы никакъ не можемъ представляться для нея совершенствомъ ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ, ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ отношеніи. Въ ряду славянскихъ государствъ, полупатріархальная пока Сербія, умѣвшая уберечь свой славянскій складъ жизни лучше, чѣмъ мы, при очень высокомъ, притомъ, и болѣе или менѣе равномъ для всѣхъ экономическомъ благосостояніи, гдѣ каждый мужикъ состоятельнѣе и зажиточнѣе нашего чиновника, конечно, ближе подходитъ къ идеаламъ Болгаріи, чѣмъ Россія. И нѣтъ сомнѣнія, что болгаре, болѣе дѣятельные, болѣе промышленные, болѣе работящіе, чѣмъ сербы, разъ они будутъ освобождены отъ турокъ, устроятся еще лучше сербовъ и будутъ жить еще въ большемъ довольствѣ.

Что-жъ могли бы мы дать имъ, еслибы присоединили ихъ къ себѣ? Развѣ нашихъ расторопныхъ исправниковъ и становыхъ, и новыхъ заптіевъ разнообразныхъ видовъ и наименованій?

А разъ мы не можемъ дать имъ ничего хорошаго, чего бы они не могли достигнуть сами или не могли заимствовать у другихъ въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ у насъ, то не лучше ли будетъ, не честнѣе ли и не разумнѣе ли, если мы, освободивъ ихъ, предоставимъ имъ развиваться и устроиваться самимъ, какъ они сами пожелаютъ?

Неменѣе мутъ и розни въ движеніи русскаго общества за славянское дѣло и охлажденія къ послѣднему произвелъ такъ-называемый вопросъ черняевскій. Вопросъ этотъ для теченія славянскаго дѣла былъ очень печальный, хотя какъ онъ возникъ и въ чемъ онъ состоитъ?—разъяснить довольно трудно. Что вопросъ этотъ былъ и есть еще въ русскомъ обществѣ — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вамъ стóитъ войти въ любое собраніе, любой кружокъ, завести рѣчь о Черняевѣ, и вы тотчасъ увидите, что оно рѣзко раздѣляется на двѣ части: на черняевцевъ и нечерняевцевъ. Одни, выражаясь институтскимъ языкомъ, просто *обожаютъ* его, другіе находятъ просто *гадкимъ*. Людей, которые относились бы къ нему спокойно, въ мѣру его дѣйствительныхъ заслугъ, sine ira et studio, вы встрѣтите очень мало. Но еслибы вы захотѣли основательно доискаться: почему обожающіе обожаютъ Черняева, а называющіе гадкимъ находятъ таковымъ? то вы ни до чего не добьетесь, какъ это бываетъ и во всѣхъ страстныхъ увлеченіяхъ. Одни не хотятъ вѣрить ни одному дурному факту изъ дѣятельности Черняева, не только во время сербской войны, а и во все время его жизни; другіе, напротивъ, всю дѣятельность его, начиная съ перваго осмотра сербской арміи, признанной имъ готовою къ войнѣ, до дьюнишскаго пораженія считаютъ сплошною и гибельною для сербовъ ошибкою, не признаютъ въ немъ ни стратегическихъ способностей, ни способностей для начальствованія, ни даже нравственныхъ качествъ, вѣрятъ каждой сплетнѣ о немъ и каждому нелѣпому слуху, какъ фактамъ, никакому сомнѣнію неподлежащимъ. Если вы, для разъясненія черняевскаго вопроса, обратитесь къ прессѣ, то здѣсь вы наталкиваетесь на очень странный фактъ. Прочитавъ всѣ газеты отъ начала сербскаго возстанія до конца его, вы увидите, что, хотя однѣ газеты защищаютъ Черняева, другія порицаютъ его, но, въ сущности, всѣ газеты передаютъ бóльшею частію одни и тѣ же факты, только въ разное время и устами разныхъ корреспондентовъ. Это выходитъ до того забавно, что иногда газета, передавшая уже извѣстный фактъ, потомъ забываетъ объ этомъ и нападаетъ на другую газету: зачѣмъ она такую, дескать, напраслину взводитъ на Черняева? Существенную разницу между газетами можно примѣтить, въ этомъ отношеніи, только въ томъ, что однѣ газеты дѣлаютъ Черняева отвѣтственнымъ за тѣ или другія дѣйствія штаба; другія

газеты, напротивъ, говорятъ о штабѣ, какъ объ учрежденіи какъ бы самостоятельномъ, отъ Черняева не зависящемъ. Разобрать въ настоящее время: въ какомъ отношеніи находился Черняевъ къ своему штабу и почему въ такомъ, а не въ другомъ? можно ли вмѣнять въ вину Черняеву дѣйствія штаба или нѣтъ? и т. п.—дѣло очень трудное, да и не особенно и нужное. Но нельзя не сказать, что весь этотъ сумбуръ относительно сербской войны и черняевскій вопросъ въ очень значительной степени порождены нѣкоторыми газетами. Вина ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ съ самаго начала сербской войны приняли на себя опеку надъ русскимъ обществомъ. Вмѣсто того, чтобы сообщать все, что происходитъ въ Сербіи, какъ на театрѣ войны, такъ и въ госпиталяхъ, основанныхъ и содержимыхъ на русскія деньги, и среди добровольцевъ, снаряжаемыхъ также на русскія деньги—сообщать все и хорошее, и дурное, онѣ поставили себѣ за правило сообщать только одно хорошее. Тогда какъ въ иностранныхъ газетахъ указывались подробно всѣ промахи, которые дѣлались сербскою арміей, мы, до самаго обхода турками Алексинаца, въ августѣ, читали только объ однихъ побѣдахъ сербовъ и о невозможности для турокъ помимо алексинацкихъ укрѣпленій проникнуть въ Сербію. Даже когда турки обошли Алексинацъ и встревоженный Черняевъ, чтобы поправить дѣло, немедленно захвативъ 20,000 войска, помчался въ Делиградъ, одинъ усердный корреспондентъ какой-то газеты телеграммою сообщилъ, что Черняевъ преслѣдуетъ бѣгущихъ турокъ. Точно также, до самаго дьюнишскаго пораженія мы все читали въ нашихъ газетахъ радостныя извѣстія о томъ, что турки сидятъ въ мѣшкѣ, что делиградскія укрѣпленія неприступны и туркамъ нѣтъ выхода. Въ этомъ же родѣ были извѣстія и по другимъ частямъ. До депеши князя Мещерскаго, данной въ октябрѣ уже, всѣ думали, что госпитальная часть находится въ превосходномъ состояніи. Депеша его какъ громомъ поразила всѣхъ. И какое она, замѣчу здѣсь мимоходомъ, чудное дѣйствіе произвела въ Сербіи! Одинъ медикъ лучшаго изъ бывшихъ въ Сербіи врачебныхъ отрядовъ разсказывалъ мнѣ, что во все продолженіе сербской войны имъ не давали ни гроша отъ «Краснаго Креста», хотя они имѣли нужду въ деньгахъ и, за неимѣніемъ ихъ, поставлены были въ необходимость дѣлать реквизиціи съ мѣстныхъ жителей; но послѣ депеши князя Мещерскаго имъ немедленно прислали двѣсти дукатовъ, хотя имъ уже оставалось недолго пробыть въ Сербіи. А когда они, представивъ при отъѣздѣ отчетъ въ этихъ деньгахъ, возвратили оставшіеся отъ расходовъ и имъ болѣе ненужные 50 или болѣе дукатовъ, то ихъ стали просить усердно не возвращать этихъ дукатовъ и съ величайшею неохотою приняли этотъ остатокъ. Видите ли: нужно было въ отчетѣ изобразить свою дѣятельность, хотя бы то и заднимъ числомъ. Изъ сего можемъ уразумѣть, что, еслибы газеты не принимали на себя опеки надъ русскимъ обществомъ, а сообщали публикѣ все, что они узнаютъ, то сербская война, по всей вѣроятности, приняла бы совсѣмъ другой оборотъ. Въ особенности, это должно сказать о штабѣ Черняева. Говорятъ, Черняевъ по характеру своему—человѣкъ очень добрый и мягкій, и, при извѣстной настойчивости и беззастѣнчивости, отъ него, дескать, не трудно добиться того или другого мѣста такому человѣку, котораго онъ въ душѣ считаетъ совершенно недостойнымъ этого мѣста. По этой, дескать, причинѣ и въ начальники штаба попадались къ нему нѣкоторые такіе господа, которыхъ онъ вовсе не желалъ бы видѣть на этомъ постѣ. Если это дѣйствительно такъ, то понятно, какую, при подобномъ характерѣ главнокомандующаго, великую услугу могли бы оказать ему русскія газеты, если бы они во-время печатали свои извѣстія о штабныхъ безпорядкахъ. Каждое подобное извѣстіе давало бы ему возможность во время усматривать зарождающіеся безпорядки и исправлять ихъ, а также давало бы ему нужную твердость для смѣщенія лицъ недостойныхъ. А главное: при своевременномъ сообщеніи газетныхъ извѣстій о томъ, что происходитъ въ Сербіи, дѣйствія всѣхъ главныхъ тамъ дѣятелей были бы для всѣхъ ясны. Не нужно было бы разбирать, кто правъ, кто виноватъ. Теперь же, когда разоблаченіе того, что скрывалось въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, началось заднимъ числомъ, большая часть извѣстій должна была принять тенденціозный характеръ еще при самомъ своемъ источникѣ, т. е. отъ лицъ, принадлежавшихъ къ сербской арміи и ихъ сообщавшихъ; личныя отношенія каждаго изъ нихъ къ тѣмъ или другимъ дѣйствующимъ лицамъ могли сильно, съ теченіемъ времени, видоизмѣнить первоначальный натуральный колоритъ тѣхъ или другихъ извѣстій и дать имъ новую искуственную окраску. А разъ тенденція вкралась въ показанія свидѣтелей-очевидцевъ и возникъ вопросъ о томъ или другомъ лицѣ, корреспонденты, собирающіе свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, по слухамъ, могли сообщать въ томъ или другомъ направленіи много такого, чего вовсе не было.

Разобраться во всемъ этомъ вообще въ настоящее время очень трудно, а относительно того, насколько въ томъ или другомъ виноватъ Черняевъ, едва-ли возможно, да, пожалуй, какъ я уже сказалъ выше, для насъ, современниковъ вовсе и ненужно. Генералъ Черняевъ имѣетъ для насъ единственное значеніе нерваго волонтера русскаго движенія за славянское дѣло, который, вслѣдствіе этого, сдѣлался центромъ русскаго движенія въ Сербіи и во все время сербской войны исполнялъ эту свою миссію, которою облекло его русское общество, со всѣмъ усердіемъ, какъ умѣлъ. Еслибы не только впослѣдствіи, но сейчасъ, было самымъ несомнѣннымъ образомъ доказано, что Черняевъ не имѣлъ ни способностей стратега, ни способностей начальника, ни даже

нравственныхъ качествъ — это могло бы имѣть значеніе для его личной исторіи и для исторіи сербской войны, но не для нашихъ къ нему отношеній. Для насъ онъ всегда будетъ имѣть неоспоримое значеніе, какъ человѣкъ, который не только бился изъ всѣхъ силъ, чтобы исполнить ту миссію, которою мы его облекли, но который реализировалъ наше славянское движеніе, до извѣстной степени усилилъ его и далъ ему правильный истокъ и направленіе, который, однимъ словомъ, въ извѣстную данную минуту—былъ для насъ мужемъ единственно *потребнымъ*, не потому, чтобы онъ былъ лучшій, но потому, что онъ первый вступилъ на настоящій путь и указалъ его другимъ. Несомнѣнно, что не тысячи, а десятки тысячъ людей были способнѣе *Петра Пустынника* вести первыхъ крестоносцевъ въ святую землю; но народъ выбралъ его, бывшаго простого солдата, въ предводители, потому что ему первому пришла мысль идти туда и, чтобы осуществить ее, онъ вложилъ всю душу свою въ это дѣло, и, хотя походъ подъ его предводительствомъ имѣлъ плачевный конецъ, но мысль его не умерла и заслуга перваго крестоносца осталась за нимъ навсегда. Я уже сказалъ, что русское движеніе за славянское дѣло было тоже, въ своемъ родѣ, крестовымъ походомъ. Не только двигающіе мотивы въ томъ и другомъ движеніи были болѣе или менѣе однородны, но и самый образъ дѣйствія. И наши добровольцы шли также въ страну вовсе имъ неизвѣстную: они не были знакомы ни съ исторіей, ни съ характеромъ страны, не знали народа, тѣхъ или другихъ преобладающихъ въ немъ качествъ, его языка, его нравовъ, обычаевъ. Все имъ здѣсь было ново и чуждо. Натурально, что они очутились въ Сербіи, какъ въ лѣсу, и, при наилучшихъ даже стремленіяхъ, которыя далеко не у всѣхъ были, должны были надѣлать пропасть промаховъ и ошибокъ. Говорятъ теперь, что самый способъ европейской правильной войны былъ вовсе здѣсь въ Сербіи непримѣнимъ, что «вообще, сербы болѣе годны для инсургентской войны, въ которой побѣжать, снова собраться — ничего не значитъ. Выдерживать же продолжительный бой во фронтѣ сербъ, въ настоящее время, далеко не въ состояніи» («Петерб. Вѣд.» № 335). Такъ отзываются о сербахъ наблюдавшіе ихъ добровольцы, и очень можетъ быть, что они вполнѣ правы. Мы знаемъ, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда Сербія была еще не въ вассальномъ только отношеніи къ Турціи, а находилась въ ея полной власти, Карагеоргіевичъ съ тѣми же самыми сербами, которые въ нынѣшней войнѣ оказывались трусами, выгналъ турокъ отовсюду изъ Сербіи, отнялъ у нихъ всѣ крѣпости, однимъ словомъ- очистилъ отъ турокъ всю Сербію. Очень можетъ быть, что и въ нынѣшнюю сербскую войну, если бы явился какой-нибудь даровитый вождь изъ самихъ сербовъ, хорошо знакомый съ условіями страны, съ характеромъ, обычаями, нравами народа, избралъ другой способъ войны— война имѣла бы совсѣмъ другой исходъ. Но если-бы все это было даже вполнѣ доказано, мало того: если бы было доказано, что въ дѣятельности Черняева все, начиная отъ способа веденія войны до послѣдняго его распоряженія, было сплошною ошибкою—все это не умалило бы его основного значенія въ славянскомъ движеніи. Разъ онъ дѣйствовалъ со всѣмъ усердіемъ къ этому дѣлу и дѣлалъ все какъ умѣлъ—этого довольно для его оправданія.

По первому впечатлѣнію, въ одномъ развѣ только можно бы было обвинять Черняева: зачѣмъ онъ помѣшалъ заключенію мира въ то время, когда князь Миланъ, видя безнадежность счастливаго исхода войны и нежелая раззорять страну, вступилъ въ переговоры о мирѣ? Можно обвинять потому, что война Сербіи имѣла смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы Сербія была въ силахъ поднять Болгарію и вмѣстѣ съ нею биться за очищеніе отъ турокъ Болгаріи и вообще славянскихъ земель, занятыхъ турками. Разъ этого не случилось, разъ сербы поставлены были въ необходимость защищать свои собственныя границы — продолжать войну было безсмысленно. Это значило подвергать напрасному опустошенію страну, которая до возстанія была ограждена отъ всякаго вторженія въ нее Европою, и, сверхъ того, продолжая безнадежную войну, Сербія этимъ самымъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отнимала у себя шансы на возстановленіе своего прежняго независимаго положенія. Но обвинять Черняева и въ этомъ можно только по первому впечатлѣнію. Ибо пока никому неизвѣстно: какими нитями Черняевъ былъ привязанъ къ сербскому дѣлу — тѣми ли только, которыя у всѣхъ на виду, или, сверхъ того, еще какими-нибудь другими, тайными? Все ли онъ дѣлалъ здѣсь по своей волѣ, или иное долженъ былъ дѣлать, хотя бы и не хотѣлъ лично самъ? Ничего этого намъ неизвѣстно, а самъ Черняевъ не даетъ никакихъ объясненій о своей дѣятельности. Но вотъ что, по разсказамъ, извѣстно: что Черняевъ каждый день ожидалъ прибытія къ нему на помощь нѣсколькихъ русскихъ дивизій и обнадеживалъ въ этомъ сербовъ. На чемъ онъ основывалъ эти свои надежды—неизвѣстно.—Имѣлъ ли онъ какія реальныя основанія питать ихъ, или таково было его въ то время психическое состояніе, какъ это часто бываетъ у людей экзальтированныхъ? По крайней мѣрѣ, князь Мещерскій разсказываетъ, что Черняевъ слышалъ въ его присутствіи пальбу изъ орудій въ то время, когда, въ дѣйствительности, никакой пальбы не было — и это было не моментальное явленіе, не случайная ошибка слуха, а явленіе продолжительное, очевидно обусловленное и вызванное психическимъ состояніемъ.

Все это я говорю къ тому, что, какова бы ни была дѣятельность Черняева въ Сербіи, но разъ, что не подвергается сомнѣнію, что онъ дѣй-

ствовалъ со всѣмъ усердіемъ для успѣха славянскаго дѣла и по своему крайнему разумѣнію употреблялъ все, что̀ могло служить ему на пользу, дѣятельность его имѣетъ неоспоримое значеніе для русскаго движенія. Уменъ ли онъ или не уменъ, стратегъ или не стратегъ, нравственъ или безнравственъ—все равно: это значеніе останется всегда при немъ, никогда отъ него не отнимется. Вотъ почему и русское общество, и пресса могутъ и должны совершенно безстрастно относиться ко всѣмъ извѣстіямъ, печатаемымъ о Черняевѣ, и не только не показывать нетерпимости къ появляющимся о немъ какимъ бы ни было заявленіямъ, а вызывать, чтобы они были высказаны во всей полнотѣ, со всѣми деталями и обстоятельствами. Это не то значитъ, что не нужно подвергать критической оцѣнкѣ появляющихся заявленій, но надобно дѣлать это съ приличнымъ спокойствіемъ, не заподозрѣвая противника въ заднихъ какихъ-нибудь мысляхъ и не обвиняя его въ измѣнѣ отечеству или, какъ выражается г. Щедринъ: «одно слово переложилъ, другого не доложилъ — сейчасъ: измѣна!» Для насъ очень важно распутать и выяснить отношенія, сложившіяся въ Сербіи между русскими и сербами, и понять причину бывшей разладицы. Странное дѣло! Мы, русскіе, въ первый разъ свободно, безъ всякаго оффиціальнаго участія вступаемъ въ сношеніе съ родственнымъ намъ народомъ, приносимъ ему въ жертву все, что̀ можемъ, льемъ за него кровь—и вдругъ за все это, вмѣсто любви и благодарности, оставляемъ въ немъ ненависть и вражду къ себѣ. Да, ненависть и вражду. Иначе нельзя назвать той намѣренной непріязни, которую оказываютъ сербы теперь уже, по окончаніи войны, при новомъ военномъ сербскомъ министрѣ, къ остающимся въ Сербіи нашимъ добровольцамъ. Вотъ что̀ пишетъ, между прочимъ, корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» изъ Бѣлграда, отъ 26-го ноября (№ 340): «Отчетъ докторовъ Щербака и Янковскаго можетъ служить рѣзкимъ доказательствомъ того сквернаго положенія, въ которомъ находятся русскіе добровольцы. Они не имѣютъ одежды, сноснаго жилища, валяются въ грязи и питаются водяною похлебкою. По словамъ тѣхъ же докторовъ, поражаешься тѣмъ, что, рядомъ съ этими грязными подвалами—чистыя комнаты съ желѣзными кроватями и хорошимъ, чистымъ бѣльемъ сербскихъ солдатъ, которыхъ вчетверо меньше помѣщается въ комнатѣ, чѣмъ русскихъ. Все это—въ зависимости отъ военнаго министерства; но добиться отъ него ничего нельзя, несмотря на настоятельные протесты начальника дивизіи». Подобныхъ фактовъ очевидной непріязни къ русскимъ, не изъ частныхъ только отношеній, а изъ правительственной практики, можно бы было набрать немало. Спрашивается: отчего это зависитъ? Отчего это мы, русскіе, приходя съ распростертыми объятіями къ нашимъ братьямъ, помогая имъ всѣмъ, чѣмъ можемъ, проливая за нихъ даже нашу кровь, не оставляемъ въ нихъ ничего, кромѣ явной ненависти и вражды къ намъ? Какъ хотите, а узнать причину этого было бы не только любопытно, но и поучительно для насъ. Вотъ почему, повторяю, мы съ полною терпимостію должны относиться ко всѣмъ извѣстіямъ, сообщаемымъ изъ Сербіи о нашихъ дѣятеляхъ тамъ, кого бы они ни касались; мало того: мы должны стараться вызывать такія извѣстія. Пусть объяснятъ намъ сербы: почему они насъ, своихъ радѣтелей и защитниковъ, не взлюбили?

Обращаюсь теперь снова къ генералу Черняеву. Миссія его съ окончаніемъ сербской войны кончена. Если и будетъ новая война съ Турціею и онъ приметъ въ ней участіе въ качествѣ даже главнокомандующаго сербскою арміею, то онъ будетъ уже не главнокомандующимъ-добровольцемъ, находившимся въ самой легкой зависимости отъ сербскаго правительства, а или однимъ изъ субалтерныхъ командировъ, вполнѣ подчиненныхъ главнокомандующему русской арміи, или главнокомандующимъ, вполнѣ подчиненнымъ сербскому правительству. Его задача, пока онъ состоялъ главнокомандующимъ-добровольцемъ, была очень проста и несложна: «Бей турокъ, очищай отъ нихъ Сербію и другія славянскія земли насколько умѣешь и можешь» — вотъ была вся программа его дѣятельности. Теперь его боевой мечъ, предполагая, что онъ останется главнокомандующимъ, подчиненнымъ сербскому правительству, могутъ потребовать на службу для задачъ, болѣе хитрыхъ и сложныхъ. Говорятъ: сербскій народъ недоволенъ дѣйствіями своего правительства во время войны; говорятъ, что разными высшими сербскими чиновниками было сдѣлано или попущено много вопіющихъ злоупотребленій, и что имѣющая собраться скупщина намѣрена потребовать отъ нихъ строгаго отчета въ этихъ злоупотребленіяхъ. Но говорятъ также, что эти высшіе чиновники принимаютъ свои мѣры, чтобы уклониться отъ отвѣтственности. Говорятъ, что они имѣютъ въ мысли ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтожить сербское представительство, и на помощь себѣ въ этомъ дѣлѣ приглашаютъ русскихъ добровольцевъ, что, будто бы, одни изъ русскихъ добровольцевъ изъявили на это свое согласіе, но другіе, какъ-то полковники Мечениновъ и Андреевъ, наотрѣзъ отъ этого отказались, сказавъ, что они пришли освобождать Сербію отъ турокъ, а не мѣшаться въ ея внутреннія дѣла. Правда ли все это? И если правда, то предложенія, сдѣланныя русскимъ добровольцамъ, сдѣланы, конечно, и генералу Черняеву. Очень интересно знать: какъ онъ отнесся къ этимъ предложеніямъ? Главнокомандующій сербской арміи останется ли вѣренъ миссіи главнокомандующаго-добровольца, который держалъ въ рукахъ мечъ только на защиту свободы?